

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

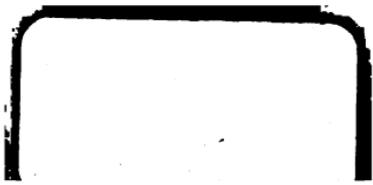
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929364 1

10

10

INDEXED

*QCF

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί κίσχηρόν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγενημένοις οὐχ ὅμοιον καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

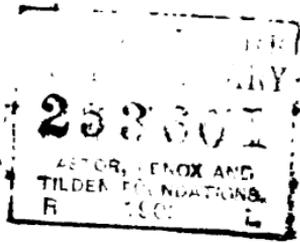
Socrat. apud Xenophont.

ТОМЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841.

РЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во отношеніи представлено было въ Цензурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1840 года, декабря 31 дня.

Цензоръ К. Олединовъ.
Цензоръ А. Фрейгаганъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЛАДЪ ДУШИ.

Богачъ! к чему твои укоруы?
Зачѣмъ, червонцами звѣня,
Полу-презрительные взоры
Ты гордо бросилъ на меня?
О, нѣтъ! совсѣмъ не бѣднѣ я!
Меня природа не забыла:
Богатый кладъ мнѣ подарила.
О, если бѣ могъ ты заглянуть
Въ мою сокровищницу — грудь!
Твой жадный взоръ бы растерялся
Въ роскошнѣи сердца полнотѣ,

И ты бы завистью снѣдался
 Къ моей богатой нищетѣ.
 Сестри: я грудь свою раскрою,
 Раскрою сердца глубину,
 И этой бѣдною рукою,
 Богачъ, разсыплю предъ тобою
 Мою несметную казну,
 Цѣни жъ!

Вотъ здѣсь сафиръ безцѣнной,
 Святая Впра. Въ мракъ дней,
 Въ туманъ бѣдъ, во тмѣ скорбей,
 Онъ жарко льетъ душѣ смущенной
 Отрадный блескъ своихъ лучей.
 Не мощь земли его родила:
 Излить небеснымъ онъ огнемъ,
 И чудодѣйственная сила
 Тайственно хранится въ немъ,
 Онъ мнѣ блещитъ звездой Завѣта,
 Въ молитвѣ теплится свѣчой;
 Любви духовной въ царствѣ свѣта
 Онъ обручальный перстень мой.
 Когда жъ, въ чаду страстей дыханья,
 Потускнеть грань его, одна
 Слеза святая покаянья
 Смываетъ тускъ его пятна.
 И, въ день какъ кончится тревога
 Мятужной жизни, можетъ-быть
 Могу я имъ къ престолу Бога
 Свободный доступъ искупить.

Вотъ перлы здѣсь, — Жизнья чувствва
 Къ чудеснымъ міра красотама,
 Къ высокой прелести искусства,
 И къ вдохновительнымъ мечтама.

Всмотрись, богачь, въ мои монеты :
 Въ нихъ нѣтъ пылины для кулы ;
 Они какъ снѣгъ нагорный чисты,
 Какъ небо Божіе свѣтлы.
 Они богатою звездою
 Лежатъ на сердцахъ у меня,
 И блещутъ чудною игрою
 Въ лучахъ душевнаго огня.
 Я съ каждымъ днемъ ихъ украшаю,
 И кистью творческой мечты,
 На блескъ ихъ яркой чистоты,
 Живое золото снѣшаю
 Съ богатой нивы красоты.

А вотъ, какъ бриллиантъ Востока,
 Въ миллионы искръ огранено,
 Лежитъ на сердцахъ одиноко
 Любви окаянное зерно.
 На самомъ днѣ груди сокрыто,
 До роковой своей поры
 Оно таинственно повито
 Слойми тусклыми коры.
 Но мигъ : кора съ него спадаетъ ;
 Оно льетъ свѣтъ и теплоту,
 И въ чудныхъ видахъ отражаетъ
 Земное небо, — красоту ;
 Волной тревожной въ сердца бьется,
 Сверкаетъ пламенемъ въ глазахъ,
 Въ огнь румянца тихо льется,
 И дышетъ жаромъ на устахъ !

Скажи, богачь : еще ли мало
 Тебѣ богатствъ? Уже ль волншь
 Еще откинуть покрывало
 Съ другихъ сокровищъ?..... Такъ смотри жъ :

Вотъ славы здѣсь вѣнецъ блестящій !
 Вотъ чести помыслъ золотой !
 Вотъ жезлъ фантази творящей!
 Вотъ яхонтъ вѣрности святой !
 А эти радужныя ткани ,
 Богатство внутреннихъ одеждъ , —
 Глубокихъ сердца упованій ,
 И сердца вѣтренныхъ надеждъ ?
 А ключъ кивлящій пѣснопѣнья ?
 А слезъ, небесныхъ слезъ родникъ ?
 А грусти сладкія мученья ?
 А святлыхъ помысловъ цвѣтникъ ?.....

Теперь раскрой передо мною
 Богатство равное съ моимъ , —
 И я покорной головою
 Склонюсь смиренно передъ нимъ !

П. ЕРШОВЪ.

ЦВѢТЫ.

Благоуханныя созданья,
 Жильцы минутныя земли !
 Какой красой очарованья
 Вы на долинахъ расцвѣли!

Въ своемъ расцвѣтѣ выги полны,
 На все, гдѣ жизни духъ проникъ.
 Вы аромата лете волны,
 Мечты чаруя каждый мигъ.

И часто взоръ къ вамъ устремля ,
Я мыслю , — странная мечта! —
Что можетъ-быть душа живая
И въ васъ , прекрасныхъ , разлита ;

Что ваши краткія мгновенья
На пиръ царственномъ весны,
И думъ , и чувствъ , и наслажденья,
И сладкихъ грезъ любви полны ;

Что въ нѣдрахъ вашего покова,
Въ очаровательныхъ листкахъ,
Заклочены живое слово
И мысль о дальнихъ небесахъ.....

И вѣрю въ это я мечтанье !
Вы такъ волшебна хороши,
Что ваше здѣсь существованье
Быть не могло бы безъ души!

Вы тоже — Божіе творенье !
Такъ почему жъ , цвѣты , и вамъ
Не знать прекраснаго мгновенья
И не любить подобно намъ ?

Н. ГРЕКОВЪ.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЬ.

Воесть вѣтеръ, плачуть ели,
 Вьются зимнія мятели;
 Безконечной целеной
 Виснеть хмара надъ страной.
 Ни отвѣта ни привѣта!
 Лишь порою, глыба свѣта
 Дивной радуги игрой
 Вспыхнетъ тихо за горой;
 Лишь порою, дѣя чары,
 Глянетъ мѣсяцъ изъ-за хмары,
 Словно въ повязи вѣнца
 Ликъ холодный мертвеца.
 Скучно! грустно! Чтò же, други:
 Соберемтесь на досугъ,
 Укоротить подъ разсказъ
 Зимней скуки долгій часъ?
 Пусть въ пылу безсиьной злобы
 Вьюга вѣетъ, мятетъ сугробы;
 Пусть могильный часовой,
 Воронъ, плачетъ надъ трубой.
 Чтò намъ нужды? Мы содвинемъ
 Кругъ веселій предъ каминомъ,
 И предъ радостнымъ огнемъ
 Пѣснь замѣтную споемъ.
 Сокъ янтарный полной чаши
 Оживить напѣвы наши,
 И подъ холодомъ зимы
 Югъ роскошной вспомнимъ мы.

И. ЕРШОВЪ.

ВДОВА и ПОДЪЯЧІЙ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ СЦЕНА.

=

ЕВДОРА ДМИТРІЕВНА, вдова, по теоріи Бальзака во цвѣтъ юности (сорокъ пять лѣтъ), сидитъ передъ столикомъ и раскладываетъ карты.

Нѣтъ, гранпасьянсъ — прескучное гаданье!

Дай, лучше пошепчу, стасую, и потомъ

Вотъ такъ.... Дорога.... ожиданье....

Довольно интересное свиданье....

Ахъ, матушки! опять съ червоннымъ королемъ!

Да кто же онъ?.... Узнать бы я хотѣла,

Кому внушила я такую доброту?

Чужимъ — до нашихъ дѣлъ нѣтъ дѣла,

Знакомцы — всѣ во пальцамъ на счету....

Пушковъ мнѣ нравится, но онъ не красной масти;

Терентьевскій, хоть лысь отчасти,

Однако же отчасти и брונетъ;

У Щеткина какой-то цвѣтъ мудреный;

Бирюлькинъ — безъ волосъ.... но видно по бровямъ....

Ха, ха, ха, ха!... такъ вотъ король червонный!

Такъ онъ-то будетъ въ гости къ намъ!....

И вотъ десятка пикъ.... Счастливая примѣта!....

СЛУГА, докладываетъ.

Тарасъ Андреевичъ.

ЕВДОРА ДМИТРІЕВНА.

Ахъ, матушки, бѣда!

Гость дорогой, а я и не одѣта....

Не тотъ чепецъ!.... не тотъ капотъ!... Проси скорый сюда!

(Слуга уходитъ.)

Ахъ! если бы я прежде знала,

Надѣла бъ шалевый платокъ....

И видомъ видимо, что рокъ....

А вѣдь на картахъ угадала!

ПУШКОВЪ, молодой подъячій, входитъ
и раскланывается.

ЕВДОРА ДМИТРИЕВНА.

Тарасъ Андреевичъ! Покорнѣйше прошу!
Здоровы ли?

ПУШКОВЪ.

Сударыня, простите!

Привѣтуюсь я во всемъ.... ей-ей, не погрѣшу....

Шелъ мимо.... сами посудите:

Ну, какъ не завернуть!

ЕВДОРА ДМИТРИЕВНА.

Зато спасибо вамъ.

Что новаго?

ПУШКОВЪ.

Однѣ, сударыня, заботы.

Жить некогда, такъ много мнѣ работы.

Дѣла, дѣла, и нѣтъ конца дѣламъ.

Въ судахъ же, знаете: какія будутъ вѣсти?

Дворянчикъ споръ ведетъ о правѣ родовомъ,

Прибитый мѣщанинъ о чести,

Мастеровой о счетъ долговомъ.

ЕВДОРА ДМИТРИЕВНА.

А женщины?

ПУШКОВЪ.

Помилуйте-съ!..... мнѣ стыдно

Прекрасный полъ такъ очевидно

Къ приказнымъ тяжбамъ приобщать.

ЕВДОРА ДМИТРИЕВНА, про себя.

Какой мужчина деликатный!....

(Вслухъ.)

Прошу васъ, другъ мой, продолжать

Безъ церемоній.... Мнѣ будетъ все пріятно.

Не у меня одной случаются дѣла.

ПУШКОВЪ.

Избави Богъ впередъ отъ зла!

Но ваше правое прошенье

Уже въ ходу теперь; и я лечу тотчасъ

пушковъ, подаетъ ей бумаги.

Быль-съ у пріятеля, и отъ него узналъ
Навѣрное, что вашъ соперникъ проигралъ.
Вотъ доказательства.... Прочтите....
Дождались мы успѣху наконецъ.

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, мой родной отецъ !....
Премного вы меня участвомъ обязали.

ПУШКОВЪ.

Нельзя, сударыня, въ дѣлахъ быть безъ хлопотъ.
Теперь, когда ужъ вы рѣшеніе узнали,
Пріймите трудъ взглянуть на этотъ краткій счетъ....

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА, принявъ счетъ.

Издержкамъ ?

ПУШКОВЪ.

Именно-съ.

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.

Могу ли на часочикъ,

Не больше, рѣчь объ этомъ отложить ?

ПУШКОВЪ.

Счетъ, право, не великъ-съ : всего пять десять строчекъ....

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.

Такъ стоить ли о немъ теперь намъ говорить ?

ПУШКОВЪ.

Вы справедливы совершенно.

Бездѣлица : всего четыреста рублей....

Но, вѣрите ль, сударыня.... ей-ей ,

Я такъ стыдливъ, что, откровенно

Сказать, въ другой разъ побоюсь....

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА, вынимаетъ изъ ретикюля деньги и подаетъ Пушкиву.

Ну, если такъ, теперь же разочтусь.

Вотъ, батюшка, четыреста по счету ;

Его внимательно я послѣ разсмотрю ;

А вотъ еще, съ поклономъ, за работу.

ПУШКОВЪ , откланивается.

Нижайше васъ благодарю.
Мое почтеніе !

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.
Куда же вы ?

ПУШКОВЪ.
Домой.

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.
Не торопитесь, милый мой....
Останьтесь ; кой о чемъ немножко потолкуемъ.

ПУШКОВЪ.
Но развѣ есть еще, сударыня, дѣла ?

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА, на ухо Пушкину.
Душевныя!.... Вчера мнѣ мысль пришла....

ПУШКОВЪ.
Э, нѣтъ ! мы дѣлъ такихъ не маракуюемъ,
Прошу прощенія....

БЕДОРА ДМИТРИЕВНА.
Да вы....

ПУШКОВЪ.
Дѣла! дѣла !....

(Уходитъ.)

Н. Л.

ПРОЗА.

ТЕОФАНІЯ АББАДЖІО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Elle est coquette!
- C'est qu'elle est belle.
- Mais elle est égoïste!
- Eh! qui ne l'est pas?

Въ началѣ весны 183^{***} года, въ южной Россіи.... Но, лучше, взгляните на этотъ легкій очеркъ сцены. Отъ востока къ западу море врѣзывается широкимъ заливомъ въ землю; съ сѣверной стороны — бухты, и берегъ, то возвышаясь, то понижаясь неровными скатами, отгибается далѣе и далѣе, наконецъ синевѣтъ на горизонтѣ едва замѣтною, прозрачною полосой, и тонетъ въ волнахъ; съ южной, онъ поднимается отлого и, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ моря, упирается въ подошву крутаго обрыву, который на пространствѣ многихъ верстъ тянется высокою, почти неприступною, стѣной вдоль берегу. На самомъ углу этого землянаго утесу стоитъ великолѣпный домъ, съ садомъ, оранжереями, террасами, и красивою колоннадой впереди, которая, издали, кажется остаткомъ древняго, разрушеннаго храма, а подлѣ густыя аллеи бульвара опушаютъ край

обрыву гирляндами цвѣтушихъ деревь и кустарниковъ, до другаго зданія, не огромнаго въ размѣрахъ, но изящнаго по архитектурѣ и длинной галлерей съ колоннами, которая составляетъ нѣчто общее съ первой. Посреди бульвара, на площадкѣ, стоитъ бронзовая статуя, изображеніе строителя города; сирень, черемуха, акація и дикая олива, разливаютъ упонительный ароматъ въ воздухъ; въ нихъ вѣтвяхъ вѣчно играетъ солнечный призматическій восторокъ; а внизу, у двухъ гаваней, колеблются суда всѣхъ націй, чернятъ какъ безлиственный лѣсъ ряды мачтъ и канатовъ, порой бѣлютъ паруса только-что прибывшихъ кораблей, клубятся облака дыму изъ трубъ пароходовъ, и пестрые флаги рѣютъ разноцвѣтными лентами въ воздухъ. Далѣе, море, всегда однообразное, и всегда ненаглядное, разстилаясь безбрежною синевой, сливается съ небесами какъ символъ двухъ жизней, одной кипучей и шумной, но скованной предѣлами съ другой, безграничной и вѣчной. Приятно, въ вечерній часъ, приютиться на одной изъ скамьекъ крайней аллеи, чтобы забыться заглядѣвшись на картинную картину захождения солнца надъ моремъ, когда съ одной стороны розовое зарево освѣщаетъ нижнюю часть города, рощу, окрестныя холмы съ виноградниками, мелиссами, бѣлыми домиками и садами, раскрашивая яркимъ пурпуровымъ свѣтомъ поверхность далекаго лимана, а съ другой стороны, вечерній мракъ уже падаетъ на море, и туманъ стелется дымчатымъ покрываломъ надъ окрестностью. Здѣсь природа была, если не матерью, то доброю мачихой: украшенная трудами людей, она доставляетъ частву взорамъ, порою и нищу души; но шагъ впередъ, и очарованіе исчезло. Тамъ, громады зданій, тротуары, балконы, пестрыя вывески гостиницъ и модъ. Тамъ, деревья, растущія какъ-бы нехотя вдоль улицъ, блекнуть подъ слоями бѣлой известковой пыли, которая, густыми облаками

своими, при неизвѣстной дурности вѣтру, заинаста въ дѣлѣхъ и углубился въ ямахъ. Тамъ, цѣлова кружится съ прелестью ириданной вѣтъ: вѣту ивизованнелъ налетъ вѣтъ ипривидѣльнелъ арбаки увольничовъ и вольвѣннелъ подвѣданъ постыничковъ ишеница.

Едва начинаю вѣтеръ. Герожаке топились на бланкѣ. Музыка прекратила торжественный полонезъ, который, какъ звукъ вѣчности, раздается неменно на этомъ бульварѣ, какъ и другъ вѣтъ средней улицы показала щегольская коляска, и медленно повѣхла вдоль, подлѣ аллеи. Въ ней сидѣла дама, которая не поражала ни странностью ни блескомъ своего наряда, но глаза прохожихъ остановились съ любопытствомъ на долгов, внимательно слѣдили за ней. Каказалось, она въ первый разъ явилась взорамъ этой правдой толпы: никто изъ бульварныхъ не привѣтствовалъ ея, никто не прощальтъ ея вѣсомъ: на нее только мобивалимъ; быть-можетъ въ некоторыи мѣстахъ, потому что она была молода, прекрасна, и обладала въ высшей степени неувимыми, неспредѣленными, но парадными, превосходствомъ людей сонне и фант, людей большого звѣа. Все, отъ развѣянныхъ взглядовъ, которые брела она вокругъ себя, сквозь двойной лорнетъ, до голубой мантыль, сызвѣщелъ вѣтъ ея, все-благоинно, иривлѣннелъ. Не вѣтъ, вѣрнелъ раза два подлѣ бульвара, она опустила лорнетъ, зѣнула, повернула голову къ лѣво, и озираетъ съ снучаениемъ видѣтъ: «Ва городъ!» Купоръ ударилъ по лошадамъ, и колески исчезла за театральнѣмъ площадью.

Почти въ то же время принулъ пушечный выстрѣлъ: одрѣкнелъ кто-тоина его глумили перекатами; другой выстрѣлъ съ борепу означалъ ему, а вновь приближеннѣмъ паренелъ вѣтелъ въ иностранную гавань, оставляя за собой видѣтую струю на волнахъ и черное дымящее облако въ воздухѣ. Оны остановили на якорь, въ некоторомъ разстояннелъ отъ прочихъ судовъ, но ко-

Леса его не переставали обращаться киянтя морскую волну, и труба извергала цѣлымъ колоннымъ дымъ; пароходъ походилъ на дикаго быгуна, который, прикравшись на мѣсте, долго еще хранишь, роетъ копытомъ землю, вздымаетъ крутые бока и пышетъ горячимъ жаромъ изъ ноздрей. Скоро по прибытіи парохода, съ борту спустили шлюбку; нѣсколько человекъ пассажировъ сбѣжали въ нее, и она, ныряя между судами, понеслась быстрое чайки къ пристани.

Въ тотъ же вечеръ, немного позже, въ одномъ изъ загородныхъ садовъ происходила сцена совсѣмъ другаго рода.

На обонхъ концахъ длинной акаціевой аллеи показались въ одно и то же время двѣ женщины, почти равныхъ лѣтъ, но совершенно различной наружности: одна казалась моложе и прекраснѣе нежели была въ самомъ дѣлѣ; одѣта была съ той роскошной прототой, съ тѣмъ неподражаемымъ вкусомъ, которые приводятъ въ отчаяніе богатыхъ купчихъ и провинціалокъ. Она замѣтствовала отъ одежды много своихъ прелестей, которыя глазъ неопытнаго приписалъ бы ея природной красотѣ: тонкія какъ дымъ кружева голубой мантильи, упадавшей съ плечь до самыхъ ногъ; легкая соломенная шляпка, маленькій башмачокъ, всякая складка платья, представляли нѣчто изящное, обдуманное, — дотога обдуманное, что самое искусство исчезало подъ видомъ небреженія и случайности. Она шла медленно, будто нехотя, или, правильнѣе сказать, плыла какъ лебедь, не оставляя даже отпечатку слѣдовъ своихъ на песокъ аллеи; странно было видѣть ее здѣсь одну, безъ подругъ, безъ сопровождаелей, безъ поклонниковъ; казалось, она съ умысломъ бѣжала отъ нихъ въ уединенный садъ, чтобъ побесѣдовать съ собою, какъ съ рѣдкимъ, давно невиданнымъ, другомъ; голова ея клонилась къ груди: держа въ рукъ полную ро-

зу, она играла ею, то прихватывала нѣжные листки губами, то вдыхала запахъ цвѣтка.

Другая женщина была еще моложе и прекраснѣе: классическая правильность чертъ, величавость и благородство профили, большіе черные глаза, пылающіе изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, все показывало въ ней дочь юга, этой колыбели всего эстетическаго и прекраснаго; и однако жъ сотни людей прошли бы мимо, едва удостоивъ ее взгляду, чтобъ поспѣшить съ данью лести и поклоненій къ той, съ которой она сближалась поминутно, сама того не зная.

Одежда ея также не пестрѣла украшеніями и не выказывала ни какихъ притязаній на убранство; но то была простота, не утонченной роскоши а необходимости горькой нужды. Ситцевое полинявшее платье, шляпка изъ пожелтѣвшей отъ изношенія соломы, темный платочекъ да полу-истоптанные башмаки, вотъ что составляло ея одежду, какъ-бы для оттънку свѣжести и легкости наряду ея соперницы. И ея голова клонилась къ груди, и ея глаза были потуплены, будто отъ усталости глядѣть на бѣлый свѣтъ. Объ казались равно задумчивыми, равно печальными: такъ роскошный цвѣтокъ сжимаетъ листья и никнетъ на стеблѣ отъ набѣжавшей грозы, чтобы снова расцвѣсть еще въ большей красѣ при первомъ солнечномъ лучѣ, въ то время какъ, подлѣ, ровесникъ его блекнетъ и иссыхаетъ безъ надежды на расцвѣтъ, оттого что червь, подточивъ корень роднаго куста, высасываетъ всѣ жизненные соки его.

Объ женщины сближались неизмѣнно одна съ другой, пока не сошлись такъ близко, что шорохъ платьевъ взаимно измѣнилъ имъ. Тогда остановились онѣ на мигъ, обмѣнялись бѣглыми взглядами, и первая продолжала свою прогулку со всѣмъ спокойствіемъ привычки смотрѣть на то, что прозѣбаетъ вѣвъ круга ея,

какъ оревъ глядѣть нѣтъ-ся обликъ на пресмыкающихся; только грусть ея быстро смѣнилась гордой холодностью: она какъ актриса хваталась, при появленіи перваго зрителя, за личину своей роли.

Зато другая, смѣнилась, оробѣла и съ шивиту колебалась, идти ли ей впередъ или возвратиться; румянецъ и слезу и горькое ощущеніе разлились по лицу, какъ-будто кто коснулся самой чувствительной струны ея сердца и положилъ палецъ на живую еще рану; быть-можетъ здѣсь, въ уединеніи, подъ чистымъ небомъ, среди деревъ, цвѣтовъ и упоятельнаго воздуха, бѣдняжка страхнула съ себя цѣпи гнетущаго бытія, забыла свое ничтожество, а эти кружева, багисты, эта торжествующая красота, сурово столкнула ее съ высоты, дозволенной только въ мечтахъ — и то не надолго; или быть-можетъ чувство собственнаго достоинства возмущилось отъ робости, овладѣвшей ею, — отъ чего? передъ кѣмъ? шептала гордость ея, и уступила мѣсто дорогимъ лоскутьямъ. Самое спокойствіе, холодное и величавое спокойствіе ея противницы, было однимъ униженіемъ больше для нея, потерявшей все присутствіе духа.

Гордая красавица сдѣлала еще шага три впередъ, взглянула мимоходомъ на встрѣтившееся существо, и вдругъ остановилась: посмотрѣла пристальнѣе въ лицо затрепетавшей незнакомкѣ, и съ восклицаніемъ нешризорной радости схватила ее за руку.

— Теофанія! это ты!... и ты не узнаешь меня?

Та стояла передъ ней неподвижно, онемѣвъ отъ изумленія.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжала молодая женщина: я не ошибаюсь! это точно она, Теофанія Аббиджіо. Такъ неужели жъ я до того измѣнилась, что ты не можешь узнать меня, — меня, Ольгу, съ которой цѣлыя пять лѣтъ сидѣла ты на одной скамьѣ?

— Ольгу?.... Ольга! закричала тогда Теодорія, жадно всматриваясь въ черты бывшей знакомки, какъ-будто въ нихъ воскресало для нея прошедшее; и, забывъ различіе, еще недавно такъ рѣзко изъявленное предебрегающимъ взлядомъ одной и робостью другой, онѣ обнялись со всемъ чистосердечіемъ дѣтской пріязни.

— Какъ ты перемѣнилась! сказала Ольга, смотря съ участіемъ на блѣдное, продолговатое лицо своей подруги: а прежде ты такъ была румяна, смѣлива!.... Что это съ тобой? Вѣдь ты моложе меня; тебѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ.... Ты замужемъ?

— Нѣтъ; я по-прежнему живу съ отцемъ и матерью.

— А!.. и все въ томъ прекрасномъ домѣ, на Итальянской улицѣ, гдѣ, помнишь, я чуть не упала съ балкона?...

— О, нѣтъ, онѣ давно проданы... Мы живемъ въ другой части города.... мы.... Она хотѣла еще что-то сказать, но взоръ ея, скользя по богатой одеждѣ Ольги, остановился съ недоувѣрчивой пытливостью на лицѣ ея и медленно, печально опустился къ землѣ. Она замолчала.

Въ то же мгновеніе, Ольга, опинувъ ее съ головы до ногъ такимъ же быстрымъ, наблюдательнымъ взоромъ, казалось, поняла что-то: ея улыбка исчезла, глаза потумнились и внезапная мысль отразилась на лицѣ выраженіемъ состраданія и важности. Нѣсколько минутъ онѣ продолжали прогулку въ глубокомъ молчаніи; миновалось удовольствіе неожиданной встрѣчи; старыя знакомки находились въ видимомъ замѣщательствѣ. Ольга, собираясь съ духомъ, какъ-будто приискивала въ умѣ своемъ чѣмъ и какъ возобновить прерванійся разговоръ. Теодорія шла подлѣ, какъ приневоленная, неровными шагами: ей было неловко, безпокойно, въ присутствіи особы, правда, нѣкогда бывшей ея искреннею пріятельницей, но съдѣлавшейся теперь

женщиною модною, свѣтскою, которая, вѣрно, заразившись всѣми предрасудками свѣта, смотрѣла его глазами и мыслила его мнѣніями. Бѣдняжка, не смѣя поднять глазъ, едва дотрогивалась до руки Ольги, какъ-бы страшась своимъ прикосновеніемъ зачумить ее этою страшною болѣзнію, для которой химія не изобрѣла еще лекарствъ, этимъ порокомъ, который такъ многимъ внушаетъ отвращеніе, хоть въ сущности это не порокъ, не преступленіе, даже не нечестивость: это только несчастіе — бѣдность.

Идя рука объ руку съ богатой подругой своей, Теофанія чувствовала нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, утаивая свое настоящее положеніе и принимая ласки, относившіяся къ дочери богатаго негодяя, а не разорившагося банкрота. Она ждала ежеминутно, что, проникнувъ страшную истину, ее оттолкнутъ съ негодованиемъ, съ омерзеніемъ.... Уста ея раскрывались для добровольнаго признанія, но признаніе было такъ тяжело, что языкъ не повиновался волѣ, голодъ замиралъ въ груди, и она молчала.

Ольга первая оправилась отъ смущенія; природная доброта сердца вразумила ее, и, будто ничего не замѣчая, она сказала весело, тормоша за руку Теофанію.

— Ну, говори же, Фанни, рассказывай что случилось съ тобой во время нашей разлуки. Вотъ скоро шесть лѣтъ, а видишь ли, я всё также люблю тебя.... И она съ нѣжностью пожала ей руку.

— Что случилось со мной? Ничего занимательнаго для.... для васъ.....

— Фу! это что? что за вы? Прошу быть со мной по-прежнему, по-институтски, нето я, право, разсержусь!

— Прости меня.... я отвыкла....

— Ты знаешь? я была замужемъ.... перебила ее съ живостью Ольга.

— Слышала, за генераломъ Лавринскимъ.

— Да; и овдовѣла.

— Ахъ, Боже мой, такъ рано!...

— Слишкомъ рано для меня!.... но.... мой мужъ былъ очень старъ, старѣе меня сорока годами слишкомъ.

— И ты вышла за него охотно, по собственному желанію? спросила Теофанія съ простодушнымъ удивленіемъ.

Ольга покачала головой.

— Послушай, Фанни, по старой привычкѣ я ничего не утаю отъ тебя! нѣтъ, не по своей волѣ я вышла замужъ... и пусть Богъ проститъ моей матери, сколько я отстрадала въ этомъ замужствѣ. Ты знаешь, она была чрезвычайно горда; я имѣла титулъ безъ приданнаго, ей вздумалось озолотить наши заржавленные гербы, и мнѣ съискали жениха, выдали замужъ..... но какъ выдали!....

— Бѣдная! сказала Теофанія, забывая собственные бѣды въ сочувствіи къ несчастіямъ ближнихъ.

— Да, бѣдная, повторила Ольга: бѣдная, потому что лучшіе годы моей молодости прошли въ слезахъ, въ неволѣ; потому что меня безчеловѣчно заставили заплатить цѣною всей жизни за желаніе быть счастливой.... Правда, теперь я опять свободна, богата, но къ чему мнѣ все это? Мое здоровье разстроено, душа истомлена, все мнѣ надоѣдаетъ, мнѣ вездѣ скучно, грустно!.... Слезы блеснули на ея рѣсницахъ, голосъ прервался.

— Ты скоро по выпускѣ изъ института вышла замужъ?

— Скоро. Когда бабушка пріѣхала за мной, помнишь? чтобъ отвезть меня въ Петербургъ, болѣзненные припадки моей матери дотога усилились, что, не дождавшись меня, она отправилась къ теплицкимъ водамъ. Я провела цѣлые девять мѣсяцевъ въ деревнѣ бабушки....

— Воображаю какъ тебѣ было весело! Она, вѣрно, по обыкновенію, молилась, лечилась и ворчала!....

— Ты угадала; но.... ахъ, Фанни, сознаться ли! Фанни, то было лучшее время моей жизни, единственное, ечастливое время, котораго уже не повторится.

Она умолкла и провела рукой по лбу, будто стараясь привести въ порядокъ мысли, разстроенныя молніей счастья, блеснувшей ей изъ прошедшаго.

— Видишь ли, Фанни, продолжала она: есть чувства, которыя никогда не ослабляются, не замираютъ, но усыпленныя временемъ, онѣ пробуждаются всегда съ удвоенною силою, для муки души. Ихъ страшно, опасно тревожить.... не спрашивай же меня о томъ что было.... когда-нибудь я расскажу тебѣ все, а теперь довольствуйся немногими словами: я любила, была любима, но любовь мою назвали преступленіемъ и выдали меня за челоуѣка, раздраженнаго страстями, болѣзнями, который, чувствуя невозможность быть любимымъ, вирожденіи трехъ лѣтъ придумывалъ всѣ средства пытки, чтобы вымучить у меня привязанность и ласки! Но Богъ съ нимъ! Я давно простила его!

— Теперь, однако жъ, ты свободна, ты могла бы....

— Слѣдовать влеченію собственнаго сердца? Да.... но теперь поздно! Его нѣтъ болѣе на свѣтъ! — Зато здѣсь, продолжала она, приложивъ руку къ груди: здѣсь живетъ онъ и отсюда никогда, ничто его не вытѣснитъ.

Опустивъ голову къ груди, она долго хранила молчаніе. Теофанія не нарушала его.

— Я составила себѣ планъ жизни, начала она снова со всѣмъ эгоизмомъ особъ избалованныхъ свѣтомъ, въ которомъ онъ до того привыкла жить только собою и для себя, что ихъ лучезарное я становится источникомъ, предметомъ и цѣлью всѣхъ ихъ дѣйствій и раз-

говоришь. Да, я твердо рѣшилась никогда не выѣздить изъ дому; никогда нецѣль моего богатства, быть-можетъ и собственнѣе жила, но чувство возможности во время войны возможно, а молодыхъ людей супружества изъ Филиппій, изъ жиданія значности мнѣ еще большаго богатства; я никогда не удалюу на себя.

— Скажи же, какъ отутилась ты здѣсь? что привлекло тебя въ Одессу?

— Меня?... прихоть! скука, жажда безпрестанной переменъ мѣстъ и обществъ. Скука бѣгаетъ по слѣдамъ моимъ: это моя болѣзнь, моя тѣнь, которую я вездѣ тащу за собою. Въ продолженіи трехъ лѣтъ моего вдовства я жила въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Ревель, въ Финляндіи; съверъ надовѣлъ мнѣ и теперь я ѣду въ Крымъ, на южный берегъ; быть-можетъ найму побѣду въ Неаполь или въ Парижъ; новость занимаетъ меня, хоть не надолго, но и нѣсколько дней, выгранныхъ у безотвязной тоски, развѣ не стоятъ того, чтобъ ѣхать за нами за море?

— Ты съѣдешь въ Крымъ?

— Да, черезъ три.

— Сухимъ путемъ?

— О, нѣтъ, на пароходѣ.

— И надолго?

— Предполагаю пробыть тамъ мѣсяца два, если не надоѣстъ.

— А потомъ?

— Потомъ, можетъ-быть возвращусь въ Одессу: я сама не знаю; зачѣмъ располагать заранѣе своимъ временемъ и дѣйствіями? Нигдѣ въ мірѣ, ничто меня не держитъ; никуда не влечетъ, сижу какъ вольная птица на веткѣ, пока не выдумается перепорхнуть на другую.... Но скажи же мнѣ, гдѣ вы живете? гдѣ твои отецъ и мать?

— Недалеко отсюда..... отгвчала дѣвушка, понизивъ голову, и снова оробѣла, и снова колебалась между стыдомъ и необходимостью признанія въ бѣдности.

— Мнѣ пора ѣхать, сказала Ольга: вечерній воздухъ здѣсь очень вреденъ. Поѣдемъ вмѣстѣ; я завезу тебя домой. Узнаетъ ли меня твой татанъ? Поинишь какъ ты со мною конфектами дѣлилась, которыя она привозила тебѣ?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нельзя!.... Маменьки нѣтъ дома. Я.... я.... не могу ѣхать съ тобой.... мнѣ надобно..... остаться здѣсь.....

— Здѣсь? зачѣмъ такъ поздно?

— Я очень бы рада, но.... нѣтъ, Ольга! не принуждай меня, я не могу ѣхать съ тобой.... клянусь, не могу.....

Теофанія произнесла эти слова такимъ выразительнымъ, молящимъ голосомъ, съ такой боязнью и замѣшательствомъ, что Ольгѣ неволью пришли въ мыслъ странныя подозрѣнія. Она пристально взглянула на Теофанію и выпустила ея руку.

— Ну, такъ прощай! Очень рада, что встрѣтилась съ тобой.....

И подруги, обнявшись гораздо съ меньшей искренностью чѣмъ въ первый разъ, разстались. Ольга возвратилась къ своей коляскѣ, Теофанія проводила ее до конца аллеи, остановилась и долго смотрѣла вслѣдъ за экипажемъ; когда онъ скрылся изъ виду, тогда, пробившись въ самую чашу деревъ, она бросилась на скамью и скрыла въ рукахъ лицо, орошенное горькими слезами.

Отчего же эти слезы? эта печаль? Не зависть ли волнуетъ душу молодой дѣвушки? жажда богатства и значенія? Нѣтъ, зависть черная, низкая, которая желала бы ограбить весь міръ чтобъ поставить его въ одинъ уровень съ собою, которая не можетъ равнодушно ви-

дѣть смѣху, чтобъ не показывать вѣдать слезы ея не дѣть, полить отравой всякую радость, чуждую ея, которымъ бы она могла заставить страдать все человѣчество за то, что ей отказано довольство, этой зависти нѣтъ и никогда не было въ благородной душѣ Теодоріи. Но гордость самосознанія, блескъ ума, совершенство многихъ талантовъ, чувство многихъ прекрасныхъ способностей подавленныхъ рубищемъ, и непрерывный видъ этого рубища, которое завѣшивало отъ нея, гробовой фатою, все удовольствія жизни и свѣта; которое электрической силою притягивало къ ней насмѣшливые взоры, пренебрежительныя улыбки, наглыя полу-фразы, какъ только необходимость заставляла ее показываться на улицѣ, и обращала въ могилу ихъ вѣтхое жилище, гдѣ царствовало вѣчное молчаніе, вѣчная скорбь; гдѣ престарѣлые родители ея, изнуренные бѣдствіями и трудами, скитались подобно тѣнямъ, и безъ пѣней, безъ ропоту, съѣдали слезы въ груди, страшась изліяніемъ собственной печали усилить печаль любимаго роднаго.

И потомъ это существованіе, Богомъ ей дарованное, и которое она истрачивала безъ ощущеній, безъ ожиданія, безъ надежды; этотъ огонь бытія, бесполезно тлѣющій въ густомъ туманѣ, сквозь который не могли пробиться ни теплота ни свѣтъ его! силы жизненныя, истекаемыя въ безсонныхъ ночахъ для куска хлѣба; годы, медленно отсчитываемые по днямъ, отъ утра до вечера, отъ начала до окончанія заказной работы..... все это для той, которая родилась на батистовыя пелены, выросла во всѣхъ прихотяхъ роскоши, для той, которой судьба обвѣщала безмятежные, красные дни, а втайнѣ въроломно готовила слезы, трудъ и горькія испытанія.

Потому что было время, когда и Теодорія знала блескъ, выгоды и всемогущество богатства; когда, упоенная ласками и вниманіемъ, хвалами друзей и льстивыми прореканіями въ будущемъ, игривая и беззаботная,

они считали частью своего достоинства, неостылимою принадлежностью своего гонимства.

Единственная дочь одного изъ богатѣйшихъ негодантовъ Генуи, она жила, до пятнадцати-лѣтняго возраста, на радость себѣ и своимъ родителямъ; отъ колыбели ее окружали няньки и наставницы, раболѣпствовавшія передъ ея волею; для образованія ея ума, усовершенія талантовъ, нѣрѣдко для исполненія ея самыхъ мелочныхъ желаній, сыпали золотомъ, не жалѣли ни трудовъ ни стараній. Но когда настало время пожнать такъ щедро посѣянные плоды, когда красота Теофанія расцвѣла въ полномъ блескѣ, умъ развился и душа, укрьпившись върою и твердостью добродѣтели, вострепнулась новою жизнью для вступленія въ свѣтъ, въ которомъ общала разлить столько же радостей, сколько и насладиться ими, — случай, нерасчетливость товарищей, несчастный оборотъ торговли, свергли семейство Аббиаджіо изъ мраморныхъ палатъ въ лачугу, дали въ товарищи имъ гордость, отвергавшую всякое благодѣяніе, да благородство, гнушающееся всѣхъ происковъ, всѣхъ пронырствъ, которыми такъ многіе составляютъ себѣ безтрудоное состояніе.

Въ пятнадцать лѣтъ Теофанія увидѣла свое настоящее и будущее уничтоженіемъ: все надежды ея, предположенія, сподобствіе и веселость, все вбранилось въ прахъ, изъ котораго испарилось только мутью воспоминанія о прошломъ. Въ пятнадцать лѣтъ она поняла, что знача ея преслѣдась, что не суждено ей знать ни суетныхъ удовольствій свѣтскихъ, ни ядру жизни домашней, ни наслажденій дружбы, ни тропея любви; что никогда не плакать ей радостными слезами, не слышать заранѣе предвзвѣствованнаго признанія, не любить любящаго, не ликовать въ семейномъ кругу! Перстъ судьбы, вычеркнувъ изъ книги бытія ея существованіе, начерталъ черелою ней огнионными бук-

ману символъ отреченія и отверженія отъ всего чѣмъ
красится земной бытъ, отъ всего что привязываетъ
насъ къ миру : символъ тотъ бытъ — *бѣдность!*

Не та грязная бѣдность, которая ставитъ человека
едва одною ступенью выше безсловесныхъ тварей, ко-
торая ползаетъ, пресмыкается, роется въ землѣ и, от-
рывъ скудную пищу на сегодня, грубо хохочетъ съ
толпою подобныхъ себѣ, не думая о завтрашнемъ
днѣ! Нѣтъ, это еще не худшая степень бѣдности: она
отрубъла въ своей корѣ, земная оболочка подавила въ
ней душу и всѣ способности постиженія; она страдаетъ
только отъ голоду, плачетъ отъ добоевъ; бросьте ей
горсть золота, дайте бочку вина, и она станетъ пѣть и
цѣлать, будетъ безпечно весела, пока достанетъ ей
чѣмъ удовлетворять свои матеріальныя потребности. Но
бѣдность гордая, благородная, чувствительная, кото-
рую являютъ всякой неосторожный взглядъ, всякое де-
умышленное слово, слегка касающееся ея; съ которой
должно обращаться какъ съ смертельно больнымъ,
страшась чтобъ въ выраженіи лица, въ самомъ звукѣ
голосу, не только въ рывчакъ, не проявились, или холод-
новѣе равнодушія, или слишкомъ живое состраданіе,
признакъ отчаяннаго положенія больнаго.

Бѣдность, которая оттолкнетъ вашу руку, замѣтивъ
въ ней кошелекъ съ подающимъ, и облобызаетъ ее, если
она протянется отъ искренняго участія, не разбирающая
состояній. Бѣдность робкая, смиренная въ поступ-
кахъ и обращеніи, но сильная духомъ, возвышенная
въ униженіи своемъ, сострадательная и великодуш-
ная къ низшимъ, но гордая до надменности съ высши-
ми. Равныя для нея не существуютъ : нѣтъ для нея
равенства, нѣтъ общества, стоящаго на одномъ уровнѣ
съ нею : она одинока, отъ всѣхъ отчуждена, всѣхъ
удалена, любитъ скрываться подобно улиткѣ въ сво-
ей раковинѣ, какъ бы ни была она тѣсна и жестка, по-

тому что природа и ее надѣлила тѣмъ же чувствомъ тончайшаго осязанія, которое пугается малѣйшаго прикосновенія.

Вотъ какая бѣдность была удѣломъ Теофаніи. Но въ этомъ отчужденіи отъ міра, въ лишеніи всѣхъ даровъ еѣ, осталась на еѣ долю одна утѣха, одна, но какъ чиста и свята была она! Нерѣдко видимъ мы, что природа, обижая челоуѣка въ чемъ-либо одномъ, воздастъ ему сторицею въ другомъ: такъ слѣпорожденный удивляетъ тонкостью слуха и осязанія, глухо-нѣмой понятливостью. Такъ чувства Теофаніи, подавленные убѣжденіемъ въ тщетности ихъ, слились всѣми силами, всюю своею горячностью, въ одну, ничѣмъ не ослабляемую, привязанность къ родителямъ. Отецъ и мать сдѣлались еѣ обществомъ, друзьями, любовниками, дѣтьми, вселенною. Покоить ихъ, лелѣять, утѣшать хотѣ притворной веселостью, подкрѣплять надеждою, давно потухшею въ еѣ собственной груди, вотъ что было отрадою и цѣлью еѣ жизни.

Неутомимая въ работѣ для нихъ, неистощимая въ изобрѣтеніи тысячи мелочныхъ угожденій, она угадывала по инстинкту, чѣмъ можно было разгладить наморщенный лобъ отца, какъ предупредить слезу матери. Ни какой трудъ не казался ей тяжелымъ, ни какая работа невозможною, для нихъ. Аббѣаджію, потерявъ все свое имѣніе, нанялся конторщикомъ въ одномъ изъ торговыхъ домовъ; еѣ жалованье могло бы обезпечить существованіе жены и дочери, но у него были долги, а старикъ, добывая въ потъ лица лепту за лептою, выкупалъ ими честь свою, которая, по еѣ словамъ, была въ залогъ. Теофанія одна поддерживала все семейство тяжкими, неусыпными, трудами, и, однако жъ, никто въ продолженіи пяти лѣтъ не подслушалъ еѣ вздоху, не подглядывалъ еѣ тайной слезы: постоянно кроткая, терпѣливая, спокойная какъ олицетворе-

ніе христіанскихъ добродѣтелей, она, казалось, свыклась съ положеніемъ своимъ до забвенія всего прошедшаго. Зато какъ не простить, если наружное спокойствіе не разъ бывало чуждо душѣ ея! Рѣдко, очень рѣдко, она покидала своихъ родителей, и развѣ по окончаніи продолжительной работы, позволяла себѣ два три часа прогулки за городомъ, для которой всегда выбирала мѣста уединенныя, гдѣ не боялась ни какихъ встрѣчь. Тамъ, порою, слезы омывали ея лицо при обратномъ взглядѣ на промелькнувшую, сладкую пору дѣтства, при сравненіи былыхъ ожиданій съ существенностью: она не роптала на Провидѣніе; она осмѣливалась только вопрошать его, за что такая горькая доля обрушилась на ея голову?

Случалось, проносилась ли мимо нея коляска, въ которой сидѣли двѣ три женщины, въ эфирныхъ нарядахъ, съ беззаботностью во взорѣ, съ рѣзвою улыбкой на устахъ, и она, неузнанная, узнавала въ нихъ подругъ своихъ. Попадались ли ей на встрѣчу молодые люди, денди высшаго общества: бросивъ дерзкій взглядъ подъ шляпку, они проходили мимо какъ незнакомые, — люди, которые еще недавно готовы были ползать у ногъ ея, вымаливать въ ея особѣ золото приданнаго.

Сколько разъ Теофанія, относя заказной нарядъ одной изъ участницъ свѣтскихъ празднествъ, и возвращаясь домой, останавливалась внезапно, несмотря на холодъ и погоду: звуки веселой музыки поражали слухъ ея, великолѣпное освѣщеніе ослѣпляло взоры; прислонясь къ стѣнѣ противоположнаго дому, она долго, долго не сходила съ одного мѣста.

Ряды экипажей неслись мимо нея, люди всѣхъ возрастовъ и половъ толпились, поспѣшая туда, на званый пиръ, на торжество богатства, гдѣ горами золота покупали минутное удовольствіе. Тамъ, сквозь окна

мелькали лица когда-то знакомыя ей, въ бриллиантахъ, въ перьяхъ; тамъ цвѣты, музыка и веселіе; тамъ весна и роскошь въ самой атмосферѣ, — здѣсь мракъ, пустота, морозный воздухъ, черное небо да голая земля. «И вотъ изображеніе моей жизни!» думала печально Теофанія, и, дрожа отъ холоду, продолжала путь по пустыющимъ улицамъ. «Что же сдѣлали они, эти люди? говорила она порою самой себя: чѣмъ заслужили они эти преимущества? чѣмъ оправдываютъ ихъ? за что имъ все дано — въ то время какъ другіе скитаются паріями-отверженцами всѣхъ игръ и радостей, не пользуются даже крохами отъ пресыщенія счастливецъ? И горько ей было на душѣ, но горько только до порогу роднаго жилища; переступая за него она оставяла за дверью всѣ печали, и являлась родителямъ благовѣстительницей спокойствія.

Теперь поймете ли вы, какія думы волновали ее послѣ нежданой встрѣчи съ генеральшей Лавринскою? съ какою силой годы ея дѣтства, ея первой юности, ожили и заискрились свѣтлыми звѣздами сквозь туманъ послѣднихъ безрадостныхъ лѣтъ?

Поймете ли, отчего робѣла она въ присутствіи богатой свѣтской женщины? отчего съ такимъ испугомъ отвергла посѣщеніе ея? Не изъ ложнаго стыда страшилась она явиться Ольгѣ во всей наготѣ убожества; не изъ чванства желала продлить ея невѣдѣніе о бѣдствіи, постигшемъ ихъ: нѣтъ! она старалась только охранять своихъ родителей отъ тягостнаго и бесполезнаго сознанія, отъ обидвыхъ восклицаній или притворнаго состраданія равнодушнаго свидѣтеля; словомъ, отъ одной изъ сценъ равно унижительныхъ для оскорбленныхъ и оскорбляющаго, которыя отъ частаго повторенія были слишкомъ хорошо знакомы ей. Въ ту минуту она находилась въ положеніи хирурга, который, видя передъ собою прекрасное, но бездушное, тѣло женщины, отбра-

схватить инструменты въ сторону и удаляется чтобы избежать неприятнаго ощущенія, зная заранее что найдетъ онъ подъ этою прасивою оболочкой.

Темнота густѣла; все смолкло въ окрестности; только со стороны города неся гулъ суеты людской. Теодорія покинула скамью, вышла изъ сада и, миновавъ небольшую площадку, повернула въ улицу направо. То была одна изъ тѣхъ, необходимыхъ въ большомъ городѣ, улицъ, гдѣ люди лепятъ дома по собственному произволу, какъ гнѣзда, не подчиняясь, ни правиламъ архитектуры, ни даже уставамъ полиціи: и объ оставляютъ ихъ въ покоѣ, потому что улицы тѣ — не городъ, не предмѣстье, а черное крыльцо великолѣпнаго зданія, нижній этажъ паровой машины, гдѣ видны только угли, грязь, закопченныя колеса и страшныя лица угольщиковъ. Тамъ также живутъ двигатели дѣятельности цѣлаго города, но невидимые, забытые всѣми.

По одной изъ такихъ улицъ прошла Теодорія и остановилась у воротъ низенькаго дому, съ обвалившеюся штукатуркою, съ черепичной крышею, съ разбитыми окнами, изъ-подъ которыхъ выползалъ погребъ, разверзавшій какъ змѣй-горынычъ черную пасть съ надписью наверху, объявлявшею на четырехъ языкахъ о продажѣ лучшихъ заморскихъ винъ. По другую сторону воротъ стоялъ домикъ, еще меньшій и нисшій первого: то была квартира Аббиаджіо. Теодорія скрылась за его воротами.

Если бы, бродя въ досужный часъ по загороднымъ улицамъ Одессы, вы заглянули случайно въ жилище Аббиаджіо, оно произвело бы въ васъ впечатлѣніе пестраго цвѣтника на кладбищѣ. Первая комната, низенькая, тѣсная, но свѣтлая, была будто для праздника вся убрана цвѣтами. На столахъ подъ стеклами, на полкахъ задрнутыхъ кисеей, вездѣ разложены были гирлян-

ды и букеты искусственныхъ цвѣтовъ; въ рабочей корзинѣ лежали стебли увитые шелкомъ, листья еще не прикрепленные къ нимъ, тычинки, пестики, куски крашенаго батисту, зеленой тафты, витки проволоки; на окнахъ, натуральные цвѣты росли кустами въ горшкахъ, стояли сорванные въ стаканахъ, а подлѣ, будто въ соревнованіе съ ними, красовались другіе букеты, также свѣжіе и прекрасные, но безуханные, хотъ и увядающіе. Во всей комнатѣ взоръ не встрѣчалъ праздниковъ другой жизни кромѣ жизни растительной; нигдѣ ни домашней утвари, ни одежды, ни слѣдовъ пищи; свѣжесть, пестрота, пышность безъ золота, плѣняли въ этой обители вѣчной весны, и самый воздухъ въ ней былъ упитанъ тонкими, ароматическими испареніями цвѣтовъ. Но полюбовавшись съ минуту первую комнатой, не любопытствуйте проникать въ другую: тамъ, за дверью, всегда тщательно затворенною, вамъ представится, не магазинъ, не выставка товаровъ, а внутренняя жизнь семейства, которое не разъ вмѣсто студеной воды поливаетъ цвѣты свои горькими слезами. Въ той комнатѣ царствовало убожество во всемъ безобразіи, во всемъ ужасѣ наготы своей. Кухня, спальня, рабочая и кладовая все вмѣстѣ, она изображала странную смѣсь потребностей и лишеній чловѣка; все было въ ней развѣшано и разложено въ порядкѣ, въ чистотѣ, но отъ тѣсноты, отъ разнородности и бѣдности предметовъ, все казалось разбросаннымъ, ветхимъ, полуистлѣвшимъ, въ небреженіи. Здѣсь домашняя утварь съ скудными запасами или остатками пищи; тамъ изношенная одежда; кипы бумагъ, счеты, чернилица; очагъ съ остывшимъ пепломъ, подъ нимъ, въ углубленіи, склеенные обломки фарфоровой и хрустальной посуды, сохранившейся только по негодности въ продажу; топорной работы столъ, скамья, въ сторонѣ кровать съ нѣсколькими подушками подъ 'рубашемъ — простыней, которыя разбрасывались на ночь

но разными углами, для отдыха безпріютныхъ. И все печально, мрачно, темно; дневной свѣтъ, едва пробиваясь туда сквозь окна, заклеенныя толстою бумагою, казался еще тусклѣе, отражаясь на отсырѣвшихъ стѣнахъ, на закопченномъ отъ дыму потолкѣ. И самый воздухъ, не освѣженный испареніями цвѣтовъ, былъ душень, тяжелъ, будто отравленный вздохами обитателей.

Непріятенъ былъ видъ второй комнаты послѣ первой, но взглядъ на первую послѣ второй былъ прискорбно удручителенъ, и всякой, заглянувшей въ нихъ, не могъ не повторить со вздохомъ: «Цвѣтникъ красуется здѣсь надъ могилой!»

Одна драгоценность уцѣлѣла въ семействѣ Аббиаджіо, неприкосновенная и невредимая, — Распятіе изъ слоновой кости, все въ золотыхъ лучахъ, водруженное въ половину кокосоваго орѣха; осязня страданіе нищеты, оно поражало взоръ какъ символъ вѣры страждущихъ, — вѣры, свято и непоколебимо сохранившейся въ крушеніи всѣхъ прочихъ вѣръ и чувствъ.

Въ эту пеструю гробницу вошла Теофанія цвѣточница. Въ бывалые годы, страстно любя цвѣты, она училась искусству подражать имъ какъ пріятному руководѣлію: теперь оно обратилось ей въ ремесло, которымъ снискивала дневное пропитаніе.

Въ домъ было тихо и темно. Теофанія, обмѣнявшись привѣтствіемъ съ матерью, которая сидѣла одна въ первой комнатѣ, вздула огонь, зажгла свѣчу и въ молчаніи принялась за работу. Молчаніе обратилось между ними въ привычку съ тѣхъ поръ, какъ имъ нечего было сообщить другъ другу кромѣ горькой вѣсти, грустнаго размышленія или опасенія новой непріятности.

— Мой другъ, сказала наконецъ мать, въ полголоса: оставь работу до завтра; ты скоро или ослѣпнешь или занеможешь... ты такъ блѣдна!

— О, вѣтъ, не бойтесь, глаза мои прищипки и здоровы, а бюджетъ заказанъ къ воскресенію: надобно торжественнѣе....

Однако жъ, минутъ пять спустя, она протерла глаза украдкой и подняла брови, будто старалась раскрыть отяжелѣвшія отъ изнеможенія вѣки. Но это быстрое движеніе не скрылось отъ матери; она взглянула на дочь съ выраженіемъ мучительной скорби, и отвернувшись утерла слезы также украдкой.

И вѣчно, и все, украдкой! Слезы, горе, даже сочувствіе, ничто не смѣло у нихъ являться открыто, ничто не переливалось изъ груди въ грудь Теофаніи. Случалось обманываться наружнымъ спокойствіемъ родителей, но ни одна мысль души, ни одинъ трепеть ея сердца, не ускользали отъ прозрѣнія материнской любви; потому что мать ея, слабая здоровьемъ, изнѣженная тѣломъ и душою, была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя въ годину бѣдствій изъ самой слабости своей почерпаютъ силу и крѣпость духа. Какъ степной цвѣтокъ, онѣ не возстаютъ противу грозы, а только клонятся подъ ея ударами все ниже и ближе къ родной почвѣ. Еще недавно блиставшая красотой, боготворимая въ обществѣ, она безъ ропоту сошла съ престола первенства къ дымному очагу, сдѣлалась кухаркой и рабой. Зато всѣ чувства и помышленія, которыя отвѣла она у суеты, у свѣта, все отдала безраздѣльно мужу и дочери: она не существовала болѣе для себя, она исчезла чтобъ ежеминутно возражаться въ любви и въ бытіи своихъ любимыхъ.

Съ полчаса она сидѣла, поникнувъ головой, подлѣ трудящейся Теофаніи; вдругъ калитка скрипнула и Аббѣджіо вошелъ въ комнату; бросивъ съ рѣзкимъ движеніемъ нетерпѣнія шляпу и трость въ уголь, онъ началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ. Мать съ дочерью посмотрѣли на него, обмѣнялись взорами и снова потупили ихъ.

Долго никто не говорил ни слова, только частые, неровные шаги Аббиаджіа раздавались въ тишинѣ; его высокій, облысѣвшій лобъ наморщился, брови съѣжались, даже губы не разъ подергивались судорожною гримасой; но, не замѣчая безпокойныхъ взоровъ двухъ женщинъ, онъ продолжалъ ходить, храня упорное молчаніе.

Тогда показалось изъ-за дверей новое лицо, смуглое отъ природы, багровое отъ невоздержанія, съ черными, курчавыми волосами, съ выраженіемъ лукавства, низости и дерзости во всѣхъ чертахъ; оно просунулось въ комнату на низкомъ, широкоплечемъ туловищѣ; то былъ Грекъ, хозяинъ дому, разбогатѣвшій трудами и пронырствами. Въ засаленной курткѣ, съ выдранными локтями, онъ кивнулъ головой своимъ постояльцамъ, подалъ Аббиаджіо письмо и, приблизясь съ нахальной фамильярностью къ Теоданіи, началъ перебирать грязными руками ея цвѣты.

— Брависсимо, синьорина, чудо-цвѣтокъ, сказалъ Грекъ: такъ и хочется *похлнуть*... да какъ же съ такимъ искусствомъ не нажать кучи денегъ! А денегъ-то вѣдь нѣтъ какъ нѣтъ! А?... замѣтилъ онъ, подмигивая глазами, и для смягченія словъ потрепалъ Теоданію по плечу.

Блѣдныя щеки дѣвушки вспыхнули отъ негодованія; нать ея съ гордой угрозой въ глазахъ приподнялась со стула, но въ тотъ же мигъ объ приняли прежнее положеніе: онъ нѣсколько мѣсяцевъ уже не платили за квартиру.

Аббиаджіо, пробѣжавъ письмо какъ ожидаемую вѣсть, сунулъ его въ рукъ.

— Хорошо! благодарю! сказалъ онъ хозяину съ легкимъ движеніемъ головы, которымъ явно просилъ его удалиться. Но тотъ стоялъ подбоченясь и не трогаясь съ мѣста.

— Благодарю, повторилъ Аббѣаджіо черезъ плечо, и снова началъ ходить по комнатѣ.

— Только-то! возразилъ хозяинъ съ грубымъ смѣхомъ: только-то! а плата за квартиру?...

Блѣдное лицо Аббѣаджіо сдѣлалось еще блѣднѣе; онъ закусилъ губы, и, дѣлая надъ собою чрезвычайное усиліе, произнесъ тихо, страшась дать волю своему голосу, но безъ выраженія мольбы:

— Еще нѣсколько дней, прошу васъ; черезъ нѣсколько дней получите сполна все, что вамъ слѣдуетъ....

— А въ который разъ я слышу эту пѣсню? закричалъ Грекъ: что вы мнѣ, братъ, свать, что ли, чтобы я даромъ давалъ вамъ помѣщеніе?.. Не хочу больше ждать, не стану ждать ни минуты! прибавилъ онъ, стукнувъ кулакомъ по столу, такъ, что окна зазвенѣли и батистовые листики разлетѣлись по полу.

Аббѣаджіо подбѣжалъ къ нему; громъ проклятій разразился съ обѣихъ сторонъ; ни хозяинъ ни постоялецъ не удерживали болѣе своего гнѣву; Теофанія съ матерью убѣжали въ другую комнату. Тогда Аббѣаджіо, выведенный изъ себя дерзостью заимодавца, схватилъ его сильною рукой за воротъ и вышвырнулъ въ дверь.

Въ домъ воцарилась прежняя тишина; старикъ, стараясь укротить свое волненіе, снова началъ ходить по комнатѣ; Теофанія возвратилась къ своей работѣ, мать съѣла подлѣ нея.

— Джулія, сказалъ спустя нѣсколько времени Аббѣаджіо, обращаясь съ ласкою къ женѣ: послушай, Джулія, мнѣ нужны деньги; завтра, поди, продай что-нибудь....

— Продать! что же продать?... спросила горестно бѣдная женщина.

— Что хочешь, Джулія! собери цвѣты, столы, сунду-

ки, посуду, мой кафтанъ, все, все! Мнѣ нужны деньги, ради чести, деньги....

— Хозяину за квартиру?

— Да, также и ему, но еще..... видишь ли, я заранѣе взялъ жалованье въ конторѣ, теперь я уволенъ отъ должности и долженъ его возвратить....

— Уволенъ! вскричала жена его, всплеснувъ руками.

— Ну да, уволенъ, то есть, отпущенъ по собственному моему желанію. Эти торгаши хотѣли принудить меня къ безчестному поступку, — да проститъ имъ Святая Дѣва! — я могу выработать не одними счетами и писаніемъ!.... я найду себѣ другое мѣсто; но теперь, завтра, мнѣ нужны деньги.... Боже, Боже мой! мнѣ нужны деньги!....

Онъ схватилъ себя обѣими руками за голову; Теофанія выронила изъ рукъ работу.

— Джулія, сказалъ скоро Аббиаджіо: у насъ есть драгоценная вещь.... одна.... Онъ остановился, не смѣя высказать грѣшнаго замысла, и вперилъ испытующій взоръ на жену свою.

— Антонію! произнесла она съ укоромъ, отгадывая его мысль.

— О, Джулія, что же дѣлать! возьми, снеси его завтра къ надре Франческо; онъ купитъ для церкви....

— Антонію! повторила она громче, вставая съ мѣста и выпрямливаясь передъ нимъ въ ужасъ, какъ-будто пораженная грознымъ видѣніемъ.

— Или заложу на время, продолжалъ Аббиаджіо умоляющимъ голосомъ.

— Антонію! чего ты требуешь?... благословеніе отца моего!

— Ради спасенія мужа!....

— Нѣтъ! никогда не рѣшусь я на такое богохульство....

— Джулія!....

— Невозможно!....

— Послушай.... я не припаду къ ногамъ моихъ гонителей, не пойду вымаливать покаянія.... бѣдность и несчастіе пощадили жизнь мою: такъ хочешь ли, чтобъ стыдъ убилъ ее?.... завтра я буду въ тюрьмѣ....

Говоря это, Аббиаджіо былъ блѣденъ какъ выходецъ могильный, и посинѣлыя губы его дрожали. Столъ вырвался изъ груди жены; она закрыла лицо руками и упала на стулъ. Теофанія съ крикомъ отчаянія прыгнула за дверь.

Ночь была темная, такъ, что въ двухъ шагахъ съ трудомъ различались предметы; нѣсколько звѣздъ, прорывавшись слабыми лучами сквозь тучи, застилавшія горизонтъ, ярко сіяли въ высотѣ. Вдоль улицы не мелькалъ ни одинъ огонекъ, не раздавался ни одинъ звукъ человеческого голоса.... Бѣдная дѣвушка, трепеща всѣмъ тѣломъ, оставилась на крыльцѣ: голова ея пылала, грудь тяжело вздымалась; руки, судорожно сплетенныя пальцами, то прижимались къ сердцу, то поднимались къ небесамъ; дико озираясь, будто ища вокругъ себя спасенія, безъ силъ къ молитвѣ, она ждала а не просила у Провидѣнія помощи... и нигдѣ ничего! всюду пусто, темно и холодно.... вдругъ выстрѣлъ за городомъ, друпой, третій и нѣсколько сотъ ракетъ, рванувшись къ небесамъ, озарили окрестность. Яркія и игривыя, онѣ летятъ все выше, выше, вотъ замѣтались, лопнули, рассыпались брилліантовымъ дождемъ звѣздъ, синихъ, розовыхъ, серебряныхъ; еще мигъ... потухли, и на мѣстѣ ихъ прежній мракъ и пустота! Даже струйки дыму не осталось отъ горсти золота, сгорѣвшей въ потѣшномъ огнѣ; а здѣсь, во стѣ шагахъ разстоянія, цѣлое семейство готовилось къ голодной смерти на сырой землѣ, и не одна искорка не обратилась въ небесную манну, чтобъ упасть спасеніемъ на

ихъ головы, чтобы заронить когь надежду въ души безпомощныхъ.... Теофанія съ отчаяніемъ взглянула на небо, и въ первый разъ взоръ ея выразилъ не мольбе, — укоръ !....

— Но что я здѣсь дѣлаю ? вскричала она въ испугъ, пришедши въ себя : къ работѣ !.... къ работѣ !.... и она бросилась къ дверямъ, какъ утопающій къ лодкѣ спасенія. Въ эту минуту грубый голосъ, раздавшійся позади, заставилъ ее обернуться.

— А не здѣсь ли живетъ Тальянецъ Антоніо.... какъ бишь его ?.... Эхъ, позабылъ фамилію.... сказалъ старый солдатъ.

— Аббиаджіо ? замѣтила Теофанія.

— Ну, ну, вотъ точно, онъ, Аббиаджіо !....

— Здѣсь ; кто его спрашиваетъ ?

— Да вотъ письмо къ нему изъ карантина ; только велѣно отдать въ собственныя руки.

— Еще письмо ! простионала дѣвушка : отъ кого же ?

— Отъ какого-то барина, — тоже Тальянца, — не могу знать фамилію; только сошелъ съ парохода, тотчасъ и послалъ меня съ письмомъ, да вотъ бѣгаю часа четыре, на силу квартиру отыскалъ.

— Войди.

Теофанія ввела карантиннаго служителя въ комнату; вручивъ письмо Аббиаджіо, онъ ушелъ, сказавъ, что отвѣта дожидаться не велѣно.

Старикъ сорвалъ печать, пробѣжалъ письмо, и отшатнулся отъ него съ недоверіемъ; потомъ приблизилъ его къ свѣчѣ, вторично перечиталъ съ удвоеннымъ вниманіемъ, будто видя въ смыслѣ всякаго слова.... и вдругъ колѣни его подогнулись, листокъ выпалъ изъ рукъ, онъ опустился на стулъ въ изнеможеніи.

— Антоніо ! что съ тобой ? закричала жена, бросаясь къ нему.

— Ничего.... ничего.... неожиданность.... удивленіе... прочти, Джулія, прочти.... вслухъ.... произнесъ онъ отрывисто, указывая на лежавшее у ногъ его письмо.

Она подняла листокъ и прочла :

«Милостивый государь ,

«Когда, двѣнадцать лѣтъ тому, негодіантъ Долинны поте-
«рять все свое состояніе, и всѣми оставленный, тѣснѣишій
«бѣдностью и заимодавцами, готовъ былъ наложить на себя
«руки, тогда нашелся въ Генуѣ одинъ благородный, вели-
«кодушный человекъ, который повѣрилъ ему на честное
«слово значительный капиталъ, и спасъ тѣмъ его имѣніе,
«честь. Жизнь! спаситель этотъ были вы, спасенный — мой
«отецъ! Умирая, годъ тому, на рукахъ моихъ, онъ завъ-
«щаль мнѣ отыскать васъ, и напомнить вамъ слово, нѣкогда
«вами данное — выдать дочь вашу за его сына. Я прѣхалъ
«исполнить его волю. Свободна ли рука вашей дочери ?
«смѣю ли я льстить себя надеждою найти въ васъ второго
«отца? Четырнадцати-дневный карантинъ лишаетъ меня
«счастія лично просить васъ объ отвѣтъ, позвольте жъ
«ожидать писменнаго и прѣстите моему нетерпѣнію. Съ
«истиннымъ, и прочая,

«Александръ Долинны.»

При чтеніи письма, на лицахъ стариковъ выражались попеременно радость, удивленіе и боязнь повѣрить счастью, такъ давно покинувшему ихъ. Теофанія сидѣла неподвижная, не поднимала главъ отъ работы; только блѣдная близна ея сдѣлалась еще блѣднѣе, и вѣтка сирени, безъ вѣтру, сильно колыхалась въ ея рукѣ.

— Нѣтъ, не можетъ быть! вскричалъ наконецъ Аб-
бѣаджіо : это ошибка, недоразумѣніе, или.... Долинны не знаетъ объ нашемъ положеніи..... о, вѣрно не знаетъ!.... Завтра же пойду въ карантинъ, объяснюсь съ нимъ....

— Да, онъ вѣрно не знаетъ.... онъ такъ богатъ....

повторила печально Джулія и, взглянувъ на Теофанію, подавила въ груди тяжелый вздохъ.

Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, сверкнулъ лучъ надежды угнѣтенному семейству; но бѣдняки до того отчуждились отъ нея, что не радостной слезою встрѣчали небесную гостью и отталкивали ее какъ обманчивый призракъ, какъ коварную насмѣшку судьбы.

Прошелъ часъ; семейство разсталось по обыкновенію въ молчаніи, и всякой понесъ свои думы, невольно освѣтляемая тайною надеждой, къ вѣчному повѣренному несчастныхъ — изголовью.

На другой день еще не благовѣстили къ обѣднѣ, а старикъ Аббѣаджіо, бѣдно, но опрятно, одѣтый, спукался съ горы по дорогѣ къ карантину. Гавань кипѣла народомъ; суда едва колыхались на изумрудныхъ волнахъ, ослѣпительно раззолоченныхъ лучами солнца; лодки, баркасы, катера скрещались во всѣхъ направленіяхъ, развѣзжая у пристани и между судами; гребцы пестрѣли разнообразіемъ одеждъ и фізіономій. Здѣсь, смуглая дѣти Италіи, съ открытой грудью, съ обнаженными выше локтя руками, въ полосатыхъ рубашкахъ и соломенныхъ шляпахъ, перекликаются, съ выразительными жестами; тамъ, чопорный Голландецъ, застегнутый до подбородка, флегматически выглядываетъ изъ-подъ полей своей черной, налакированной шляпы; а подлѣ гордый мусульманинъ, смотря съ презрѣніемъ на гяуровъ, суетящихся вокругъ него, и прощъживая слова сквозь зубы, какъ-будто въ нихъ заключались всѣ таинства Корана, раздаетъ приказанія полу-нагимъ и полу-дикимъ Грекамъ, матросамъ корабля своего. На берегу, уставленномъ дрожками, бочками, кулями и безчисленными рядами подволъ, нагруженныхъ горами пшеницы, хлопчуть карантинные и таможенные чиновники, прохаживаются съ павлинней важностью дородные негодіанты, высчитывающіе при-

быль своихъ оборотовъ; люди различныхъ классовъ поспѣшаютъ въ карантинъ для свиданія съ родными, друзьями или товарищами въ торговлѣ; но больше всѣхъ повсюду бѣгаетъ и суетится проворный русскій солдатъ; ломая по-своему всѣ язки, со всѣми онъ изъясняется, вытягивается передъ старшими, молодецки распоряжается съ младшими, поспѣваетъ на сушь и на водѣ. И все, удары весель, разсѣкающихъ пѣнистыя волны, переклики матросовъ, скрипъ колесъ, пронзительный крикъ погонщиковъ Молдаванъ, протяжные цобъ, цабѣ хохловъ, на которыхъ дѣготь, пыль и грязь составили непроницаемую толщю, облегшую ихъ отъ чоботовъ до волокъ, и повсемѣстное щебетанье неутомимыхъ, всезнающихъ и вездѣ поспѣвающихъ жидковъ, — все вмѣстѣ составляетъ странный, оглушающій гулъ, но плывающій взоры пестротой и живостью картины.

Аббиаджю остановился у стѣнъ карантина; послѣ обычнаго доклада и позволенія, его ввели, по длинной аллеѣ, черезъ тройныя ворота, во внутренность чистилища всѣхъ заморскихъ недуговъ и бѣдъ.

Минуть нѣсколько снустя, за двойной рѣшеткою показался человекъ, лѣтъ тридцати: то былъ Александръ Долины. Никто съ перваго взгляду не назвалъ бы его красавцемъ, хотя черты лица его отличались правильностью, ростъ и осанка нравились благородной величавостью. Что-то холодное, строгое, даже гордое отражалось въ его лицѣ и во всѣхъ его движеніяхъ. Глубокая морщина перерѣзывала его высокій лобъ; глаза большіе, открытые, исполненные ума и выразительности, заставляли бы задуматься надъ ихъ выраженіемъ опытнѣйшаго наблюдателя, привыкшаго угадывать по лицамъ качества души. Смѣхъ на устахъ его казался невозможнымъ; если же случайно и оживляла ихъ рѣдкая улыбка, то въ ней не было, ни веселости беззаботнаго, ни горькой ироніи байронизма, ни даже модной мещинской разочарованности: въ ней проявлялась толь-

ко его обычное, ненарушное и непоколебимое равнодушіе ко всему, какъ бы ни вертѣлся міръ надъ головой и подъ ногами. Ни въ нравѣ ни въ изъясненіяхъ его незамѣтно было пылкости, быстроты и страстныхъ движеній, характеризующихъ его соотечественниковъ.

Невольныя изліянія чувствъ и скоро потухающія вспышки были чужды ему отъ дѣтскаго возраста до возмужалости. Онъ могъ любить, но не влюблялся, и еще менѣе, волочиться за женщиной; могъ уважать добраго пріятеля, но не предавать ему души съ ея завѣщанными помыслами, съ ея прошедшими грѣхами, и надеждами въ будущемъ. Кроткій и обходительный во домашнемъ быту; въ обществѣ безъ всякихъ претензій забавлять остроуміемъ или наскучать другимъ своей скукою, болѣзнью нашего вѣка; разсудительный во мнѣніяхъ, осторожный въ словахъ, взвѣшивающій рѣчи свои какъ и поступки, онъ никому не навязывался дружбой, ни въ комъ ея не заискивалъ, никого не перипалъ, ничего не восхвалялъ до восторженности, никогда не поставлялъ сужденій своихъ законами, не оспаривалъ даже вкусовъ другаго, считая ли ихъ по собственному убѣжденію неизмѣнными, или нестоящими его времени и словъ. Мужчины не слишкомъ его жаловали, женщины боялись, и многія изъ нихъ твердили, что онъ скученъ въ знакомствѣ какъ олицетворенное правоученіе.

Зато его рѣдкія привязанности были неизмѣнны, его обѣщанія — святы, его безкорыстіе, твердость, благородство — непоколебимы, неподкупны. Зато немногіе, хорошо знавшіе его, люди ввѣрили бы ему состояніе и жизнь свою на честное слово, и въ случаѣ нужды бросились бы за него въ огонь и въ воду.

При его появленіи, Аббаджіо немного смѣшался; оробѣлъ ли онъ въ рѣшительную минуту, или ему стало жаль своей бѣдной надежды, которую онъ добровольно

приносилъ изъ колыбели, быть-можетъ въ могилу. Минуты съ двѣ они безмолвно осматривали одинъ другаго. Долиньи первый прервалъ молчаніе вопросомъ :

— Синьора ли Аббиаджіо имвю я честь видѣть ?

Аббиаджіо приблизился къ рѣшеткѣ.

— Вы писали ко мнѣ вчера, сказалъ онъ, оправляясь отъ перваго смущенія.

— И просилъ вашего отвѣту.

— Милостивый государь, прежде, чѣмъ вы услышите мой отвѣтъ, позвольте сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ ?

Долиньи склонилъ голову съ готовностью слушать.

— Вашъ покойный отецъ, завѣщая вамъ руку моей дочери, зналъ ли что-нибудь о бѣдственномъ положеніи дѣлъ моихъ ?

— Онъ узналъ о томъ незадолго до смерти и умеръ съ глубокимъ сожалѣніемъ, что не могъ поквитаться съ вами и поступить такъ же великодушно, какъ вы поступили съ нимъ.

— Все счеты между нами были давно кончены. Еще, знаете ли вы, что я дошелъ до той крайности, изъ которой подняться невозможно ; что я, жена моя и дочь, добывая горькимъ по́томъ дневное пропитаніе, нерѣдко, ложась въ постель вечеромъ, не знаемъ будемъ ли имѣть кусокъ хлѣба завтра.... Глаза старика боязливо устремились на лицо Долиньи, стараясь вычитать въ немъ впечатлѣніе, произведенное его откровенностью; но Долиньи стоялъ, потупивъ взоръ, скрестивъ руки на груди и ни одна черта лица не измѣняла его ощущеніямъ.

— Знали ль вы все это, прося руки моей дочери ? продолжалъ старикъ.

— Зналъ, и повторяю мою просьбу.

Аббиаджіо съ радостнымъ удивленіемъ снова посмотрѣлъ на него ; тотъ не перемѣнялъ положенія.

— Но... обдумали ли вы, началъ старикъ, немного вспоминая и берясь шеждо любовью къ дочери и долгому честнаго челоуѣка : обдумали ли вы все, чему подвергаете себя, вступая въ наше семейство?... Мы бѣдны, правда; мы въ крайности: но не хочу быть обязаннымъ счастьемъ дочери, сомасію, вынужденному у васъ волею умирающаго отца.... не прийму на себя отвѣтственности въ корыстолюбіи, не снесу вашего позднаго раскаянія и краснаго стыда при видѣ нищихъ родныхъ....

— Милостивый государь!.....

— Пойдите, не прерывайте меня! Именемъ моего покойнаго друга, вашего отца, я увольняю васъ отъ даннаго ему обѣщанія. Черезъ двѣ недѣли навѣстите насъ, познакомьтесь съ моею дочерью, взгляните въ нашъ бытъ, и тогда дѣйствуйте по внушенію вашего собственнаго сердца и разсудка, съ убѣжденіемъ, что вы совершенно свободны.

Долинъи быстро взглянулъ на старика : онъ понялъ всю великость его рѣдкаго безкорыстія.

— Благородный челоуѣкъ, сказалъ онъ съ чувствомъ: теперь сильнѣе чѣмъ прежде я настаиваю въ просьбѣ моей ; не откажите мнѣ въ счастьи называться вашимъ сыномъ....

— Черезъ двѣ недѣли мы увидимся, и тогда посмотримъ; теперь прощайте, да будетъ благословеніе старика надъ вами !....

Они разстались, изъявляя другъ другу взорамъ взаимное уваженіе.

Возвратясь домой, Аббаджіо передалъ своему семейству разговоръ съ Долинъи и свое рѣшеніе; мать и дочь равно одобрили его, но съ различными ощущеніями. Двухъ-недѣльный срокъ казался слишкомъ долгимъ матери, какъ время мучительной неизвѣстности, и слишкомъ короткимъ дочери, которая готовилась предъ-

стать передъ вѣрой судьбы, властелина всей будущей судьбы ея семейства. Сколько самоувѣренности нужно имѣть дѣвушкѣ святой, сколько легкимъ побѣдѣ и поклоненій надобно считать ей въ прошедшемъ, чтобы ждать безтрепетно минуты, когда прійдетъ незнакомый ей человекъ, осмодритъ ея наружность, выискнетъ во вся оттенки характера, вѣзвѣситъ достоинства, недостатки, и, оцѣнивъ все, произнесетъ приговоръ, на который не было ни суда ни апелляцій. Какое жъ было ждать подобной оцѣнки Теофаніи, утратившей въ горькихъ заботахъ житейскихъ и ловкость обращенія, и блескъ ума, и непринужденность въ разговорахъ — прелестное умѣнье обворожать лепетомъ безъ смысла, фразами безъ значенія, которыя, какъ речитативы Россиніева «Цирюльника», не трогая ни ума ни души, оставляютъ по себѣ сладкое впечатлѣніе въ памяти, — Теофаніи, которой ни взоры искателей ни даже зеркало не говорили еще что она прекрасна; которой сердце развыкло съ трепетомъ самолюбія и отрады, не знало тщеславнаго самодовольствія? Старанье нравиться, эта ось, на которой вертится міръ женской дѣятельности съ его созвѣздіями и спутниками, не значилось даже въ понятіяхъ Теофаніи; кому было ей нравиться, — ей, выброшенной за черту жизни общественной, покинутой въ пустыню, откуда даже взоръ ея не досягалъ досвѣтлыхъ круговъ тѣснаго, умственнаго, быту? Лишь одно темное воспоминаніе объ немъ сохранилось въ ея памяти, какъ-бы нарочно для того чтобы теперь, сравнивая себя съ волшебными обитательницами того круга, она могла сильнѣе чувствовать свои недостатки, свое огрубѣніе; чтобы яснѣе могла видѣть всю грязность и мрачность ямы, изъ которой должна была представиться человѣку, стоящему въ полномъ сіяньи свѣта.

Тысячи на ея мѣсть употребили бы этотъ двухъ-недельный срокъ на мелочныя приготовленія къ свиданью съ Долиной, на изобрѣтенія сладкихъ привѣт-

ствій, остроумныхъ отвѣтовъ, тонкихъ замѣчаній, на изученіе алгебранческой свѣтской науки : къ лицу и къ лицу ; но благородная деликатность Теоданіи отвергла всѣ искусственныя средства къ приманкѣ жениховъ. Смиренная въ своемъ ничтожествѣ, возвышенная въ простотѣ, она рѣшилась явиться Долиньи съ открытымъ челомъ и сердцемъ, чтобъ, вычитавъ въ нихъ нравъ, мнѣнія, отраженіе всей прошлой жизни ея, онъ могъ составить изъ наблюденій надъ нею вѣрный гороскопъ своего будущаго.

Конечно, такое прямотушіе и забвеніе собственныхъ выгодъ, покажутся невѣроятными въ бѣдственномъ положеніи молодой дѣвушки; но, разсмотрѣвъ ея существованіе и вліяніе на него вѣшнихъ обстоятельствъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что именно тѣ бѣдствія и были источникомъ безкорыстія и возвышенности ея характера. Горе, застигнувъ ее въ первомъ расплѣтѣ молодости, сколотило ей тѣсный гробъ изъ нуждъ житейскихъ; но, оторвавъ ее отъ всѣхъ суетъ и удовольствій свѣта, оно охранило ее и отъ чуждаго воздуха своихъ оболещеній. Пороки, такъ неизбежно именуемые въ обривованныхъ обществахъ слабостями, подчасъ даже благородностию, не просачивались ея сердцею въ ея сердце; ея понятія не свывались въ непосредственно съ низкими дѣяніями, облагоустроенными восточною дѣвостію дѣвостіи. Увлечательные примѣры, краснорѣчивыя ублаженія, убійственнае жано проити, все, что вытѣсняетъ изъ души человека, вступающаго въ свѣтъ, его младенческую непорочность, остались чуждыми Теоданіи, и въ двадцать лѣтъ она сохранила всю свѣжесть пятнадцатилѣтнихъ ощущеній, какъ сохраняетъ свою дивную красу самая нѣжная живопись на стѣнахъ, поврежденныхъ въ недрахъ земли. Къ тому жъ слова *женитьба* и *замужество* не имѣли для нея той заманчивости, съ какою звучать они въ ушахъ зрѣлыхъ воспитанницъ свѣта. Любовныя мечты, пре-

возможны ожиданія, безотчетная грусть были незнакомы ей, какъ звуки чужаго нарвчія. До нихъ ли было ей, до этихъ ли думъ, питомиць праздности и беззаботнаго сердца, — ей, пригвожденной желѣзными заботами къ кресту тяжкой, положительной существенности?... И если теперь она мечтала иногда украдкою отъ самой себя о свѣтломъ будущемъ, то не любовь, не собственное счастье пльняли въ немъ ея воображеніе, а одно успокоеніе ея престарѣлыхъ родителей.

Впродолженіи четырнадцати дней ни отецъ ни мать, по-крайней-мѣрь въ ея присутствіи, не упоминали объ женихъ, вѣроятно страшась заронить въ грудь дѣвочки надежду, которую сами едва смѣли питать. Она съ своей стороны также казалась спокойною и по-прежнему проводила дни и ночи за работою; ея трудами Аббиаджіо откупился отъ заимодавцевъ, обезпечилъ на короткое время семейство свое отъ крайности. Такъ прошелъ двухъ-недѣльный срокъ.

Въ одно утро дрожки остановились у воротъ ихъ полуразрушеннаго жилища.

— Это онъ, сказалъ Аббиаджіо посмотрѣвъ въ окно, и вышелъ на встрѣчу гостю; мать, взглянувъ на небо перекрестилась; дочь оробѣла до слезъ, и объ быстро переглянулись. Взглядъ матери призывалъ благословеніе Господа на дитя свое; во взоръ Теофаніи выразилось: «Молюсь и надѣюсь — для тебя»!.... Должныи вошли въ комнату.

Здѣсь онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ показался Аббиаджіо при первомъ свиданіи; привычная суровость лица его смягчалась доброжелательствомъ и отсвѣтомъ глубоко тронутой души. Быть-можетъ, при входѣ въ это убогое жилище, при видѣ его голыхъ почернѣвшихъ отъ сырости, стѣнъ, онъ вспомнилъ палаты негоціанта Аббиаджіо въ Генуѣ, а потомъ его роскошную жизнь въ Одессѣ. Но ощущеніе это было

мгновенно ; ни однимъ движеніемъ ни одною чертой лица онъ не выказалъ ни удивленія ни состраданія; поклонъ его былъ почтительно-вѣжливъ, обращеніе также свободно, какъ будто-бы онъ являлся по приглашенію въ одну изъ часто посѣщаемыхъ имъ залъ. Умъ его съ удивительной быстротой проникъ и уразумѣлъ положеніе несчастныхъ, а доброта сердца, постигнувъ болѣзненную нѣжность и раздражительность ихъ духа, научила его руководствоваться сочувствіемъ тамъ, гдѣ разумъ и знаніе свѣта были равно грубыми орудіями для изслѣдованія прямого обращенія съ людьми, поставленными судьбой въ такое ложное положеніе. Въ приемахъ, въ рѣчахъ его не было, ни торжественно-холодной учтивости перваго визита, ни той натянутой ласковости; въ которой всегда пробивается снисхожденіе высшаго къ нисшимъ. Онъ, какъ-будто не замѣчалъ общаго смущенія, причиненнаго его появленіемъ, завелъ, и въ продолженіи двухъ часовъ умѣлъ поддерживать разговоръ легкій, пріятный, живой. Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ, морщины на лицѣ Аббїаджіо разгладились и лицо жены его просвѣтлѣло, не улыбкою, но хоть мгновеннымъ отсутствіемъ горькихъ помысленій. Одна Теофанія не могла побѣдить своего замѣшательства; взоръ ея робко пробивался сквозь опущенныя рѣсницы, и всегдашняя блѣдность смѣнилась тревожнымъ румянцемъ испуганнаго ребенка.

Когда Долини всталъ, и испросивъ у хозяевъ позволеніе посѣщать ихъ, удалился, Аббїаджіо проводилъ его до воротъ. Тамъ молодой человекъ, дружески сжавъ его руку, сказалъ въ полголоса:

— Теперь я познакомился съ вашей дочерью, видѣлъ вашъ бытъ, и повторяю мою просьбу, — еще ли вы огорчите меня отсрочкой въ согласіи?...

— Она ваша! отвѣчалъ старикъ со слезами на глазахъ, и съ отцовской нѣжностью обнялъ неожиданно найденнаго сына.

Съ той поры Долины ежедневно бывалъ въ семействѣ, которое уже считать своимъ, и со всякимъ днемъ его просвѣщенный умъ, доброта души, соединенная съ твердымъ и гордымъ характеромъ, его вниманіе, предупредительность, дружество, ободряя удрученныхъ, привязывали къ нему ихъ благодарныя сердца. Чувствуя, что всякое пособіе со стороны его было бы еще отвергнуто, онъ постепенно сроднялся съ ихъ бытомъ, повѣдомо имъ самимъ входилъ въ дѣла ихъ, предугадывалъ нужды, своимъ влияніемъ доставилъ Аббаджіо нѣчто очень выгодное при одномъ изъ торговыхъ домовъ; словомъ, онъ спустился къ нимъ, сталъ въ уровень съ ними, чтобъ лучше претянуть руку помощи и незамѣтнѣе возвестъ ихъ до высоты своего состоянія.

Старанія его не остались безъ успѣху; одичалые въ отчужденіи, они скоро освоились съ нимъ, перестали краснѣть въ его присутствіи отъ недостатку и униженія; ихъ уныніе исчезало, лица прояснялись, довѣріе, спокойствіе, даже веселость, начали проявляться въ ихъ рѣчахъ и поступкахъ; и въ домъ ихъ какъ-будто посвѣтлѣло, воздухъ казался въ немъ чище, свѣжѣе; они считали Долины посланцемъ неба, наградой за ихъ долгія страданія, труды и молитвы; а онъ, будто не замѣчая того, обходился съ ними какъ равный съ равными, ничѣмъ неодоженный, ничѣмъ неодожающій, какъ сынъ, какъ братъ.

Долины и Теофанія были помолвлены, но свадьбу по нѣкоторымъ обстоятельствамъ отложили до осени. Между-тѣмъ настало время жаровъ и пыли; городъ пустѣлъ, зато дачи въ окрестностяхъ населялись, и на тропинкахъ уединенныхъ сельскихъ садовъ зацѣстрѣли толпы горожанъ.

Кому не удалось побывать на южномъ берегу Крыма, тотъ можетъ, для составленія маленькой идеи объ

можъ, взглянуть съ вершины обрыва на приморскія дачи Одессы. Конечно, то блѣдный снимокъ съ велико-данной картины, миниатюрное изображение поэтической думъ творческому проницательному гению; но, при видѣ двухъ-этажнаго пейзажа одесскихъ приморскихъ береговъ, недалеко несомнѣнно маелью въ даль, къ его другому берегу, гдѣ, не искусство и не золото врасясть природу, а украшается ея нежданною, вѣчно новою прясотой. Оставивъ за собой городъ, живые заборы изъ густо посаженныхъ акацій, и незамѣчательныя дачи, вы очутитесь въ степи, поросшей пересохшею травой, едва окаймленной вдали рѣдкими жилищами или кут старниками. Грустно бродитъ взоръ окрестъ: ни на чемъ не останавливаясь, ничто не занимаетъ, не привлекаетъ его, ничто не вѣщаетъ ему близкаго наслажденія..... но сдѣлайте сто шаговъ впередъ, приблизитесь къ обрыву горы, и внизу, будто по закулискому свисту, представится вамъ нежданная, плѣнительная, картина. Густые сады, перерѣзываемыя аллеями и украшенныя цвѣтниками, лѣтніе дома, бесѣдки, павильоны и ярко-зеленыя виноградники опоясываютъ пестрою гирляндой нижній уступъ обрыва, который, скатываясь еще однимъ уступомъ ниже, окунается въ море. Здѣсь видъ не стѣсняется полосой земли, синѣющей за бухтой; здѣсь море, простираясь необъятно во всей красѣ своей, теряется въ дали. Въ вечерній часъ, когда на западъ еще блистаетъ солнце, обливаешь золотистымъ свѣтомъ окрестность и ярко румянитъ небеса, подъ стѣной обрыва уже ложатся длинныя ночныя тѣни, зелень садовъ тѣмнѣетъ, своды аллей становятся мрачнѣе, прибрежная морская хлябь кажется бездоннѣе, и небольшіе утесы, высовываясь изъ волнъ, чертѣютъ какъ сторожевыя великаны.

На одной изъ этихъ дачъ. Должны нанять домикъ, и упросить Аббадиэ переселиться туда на лѣто съ се-

действительнаго. Тамъ: начало для Троицы новое существование.

Въ первое время знакомства съ Дюльиной, его неожиданное появленіе, сказочный переворотъ ея судьбы, измѣненію въ образъ жизни, въ занятіяхъ; въ мысляхъ, даже во нравъ родныхъ; а въ обращеніи съ нею постороннихъ людей, поразили ее страннымъ, летаргическимъ, онемѣніемъ разума и чувствъ. Ни привязанность къ живнцу, ни избавленіе отъ бѣдности, ни радость при взглядѣ на блистательную будущность, словомъ, ни одно самобытное ощущеніе, ни одна мысль не возникали въ душѣ ея ясно, опредѣлительно; все было спутано въ какомъ-то хаосѣ, не мраку, а живаго свѣта, ослѣпляющаго, въ которомъ всѣ впечатлѣнія ума, всѣ движенія сердца сливались въ одно полное, святое наслажденіе. Не слышна больше отчаянныхъ признаній отца, не видя слезъ матери, ей такъ легко, такъ хорошо казалось жить на свѣтѣ!.... Но когда разсѣялось это ослѣпленіе, когда прояснившееся мыслію она могла улетать въ прошлое, оглядываться въ настоящемъ и сравнивать, тогда благодарность къ Александру обратилась въ любовь, не въ пламенную и мечтательную любовь воображенія, но въ чистую привязанность, безкорыстную и неизмѣнную, которая, всѣдневно усиливаясь, сдѣлалась ея жизнью. Но въ то же время, какъ разсѣялись чары перваго упоенія, какъ возвратился ей даръ мысли и прозрѣнія, сквозь лучи новой зари ея пробилась темныя пятна и начали все чаще и чаще отусклять ихъ радостное сіяніе.

Не потому чтобы что-нибудь измѣнялось въ жизни или въ надеждахъ молодой дѣвушки, нѣтъ; но ея собственный характеръ, приходя въ себя отъ застигшаго его потрясенія, и обновляясь въ своихъ прежнихъ, рѣзкихъ чертахъ, возникъ какъ духъ невѣрія во вновь созданномъ для нея раѣ, чтобы тревожить безмятежность настоящаго отъывами прошедшихъ.

черныхъ впечатлѣній. Теоданія была слишкомъ при-
бита грозой судьбы, чтобы мгновенно расцвѣсть ду-
хомъ при первомъ лучѣ просіявшаго ей солнца.....
Счастіе оживило ее, но не могло магладить изъ сердца
слѣды глубокихъ ранъ, еще облатыхъ кровью.

Лучше годы ея молодости были брошены вынovo-
ленною данью горю, ея силы жизненныя истаяли въ
слезахъ: тогда дѣвственная готовность къ добру, къ
отаву на весь прекрасныя чувства человечества, въра
въ дружелюбіе и совершенства ближнихъ, въ однозна-
чительность словъ — *жить и наслаждаться*, все ру-
шилось въ душѣ двадцати-лѣтней дѣвушки, и на этихъ
обломкахъ первочувствованій, на этомъ основаніи блага
собственнаго и блага другихъ, воздвиглось надгробнымъ
памятникомъ черное ожесточеніе противъ цѣлаго міра.
Продолжительная борьба съ рокомъ, съ бѣдою и съ
людьми, породила въ ней особаго рода энергію,— не ту,
которая отъ рожденія внушается намъ природою, или
въ слѣдствіе размышленій и опытовъ составляетъ
собственною твердою волей; ея энергія произошла отъ
отчаяннаго убѣжденія въ тщетности, въ безуміи на-
дежды на помощь другихъ, и въ полномъ отчужденіи
несчастныхъ отъ всѣхъ живущихъ на землѣ. Не разъ
прибѣгала она въ младенческомъ невѣдѣніи къ вообра-
жаемымъ друзьямъ: но, жестоко всѣми отвергнута,
приучилась на себя только надѣяться, отъ себя всего
ожидать и требовать, къ себѣ прибѣгать для пособій,
въ себѣ одной искать сочувствія, ободреній, утѣхи,
и съ той поры запечатлѣла легкомысленное отреченіе
отъ нея свѣта клятвою вѣчнаго съ нимъ разрыва.

Вотъ отчего великодушный и откровенный харак-
теръ Теоданіи сдѣлался скрытнымъ и подозритель-
нымъ; отчего подъ всякимъ цвѣткомъ мерещились
ей змѣи, въ радушной улыбкѣ мечталась иронія, въ
дружескомъ привѣтствіи умышленное коварство. Вотъ
отчего, даже теперь, когда все радовалось вопругъ

нея, ей было странно встрѣтись съ нею; ей казалось будто невидимая рука проводила ее издалека, указывая на бѣдствія, смѣшившія ее дѣвчье, красное, дѣло.

Отъ недоверія, отъ вѣчныхъ опасеній, она казалась холодною, неспособною ни къ сильнымъ привязанностямъ, ни даже къ простому дружеству. Тимъ понималъ ее Долининъ, какъ ни строго изучалъ онъ нравъ и образъ мыслей своей невесты, и заблужденіе его было простительно. Не довольно умѣть мыслить и чувствовать, чтобъ угадывать по инстинкту ощущенія другаго: надобно получить отъ природы тѣ же склонности, тѣ же зачатки чувствъ, пройти съ ними тѣмъ же путемъ, черезъ равныя испытанія, или отъ раннихъ поръ слѣдить за ихъ развитіемъ, подстергать ихъ постепенныя измѣненія, вліянія на нихъ внѣшнихъ впечатлѣній, всѣ ихъ внутренніе перевороты, чтобъ бѣгло читать въ чужой душѣ по іероглифамъ ея наружныхъ проявленій.

По атому-то наши думы и ощущенія могутъ разгадывать, зажмуривъ глаза, только добрая мать и человекъ сильно любимый и любящій. Первая изучила насъ, чувства втораго настроены любовью на одинъ ладъ съ нашими, и душа его отзывается, по сочувствію, на всѣ движенія нашей души, гораздо прежде чѣмъ сила постиженія передаетъ ихъ разуму. Такое сочувствіе не существовало между Александромъ и Теофаніей, а поверхностныхъ наблюденій было недостаточно для изученія ея характеру. Робкая и молчаливая, она никогда не высказывала своихъ мнѣній; простой образъ жизни не могъ ни развернуть ни выказать ихъ въ ея поступкахъ; оставалось приобрѣсть ея дружбу чтобъ вызвать довѣренность; но легко ли отвѣтствовала она на подобный вызовъ?

Какой любовью, меланхолической заботливостью, какимъ гнѣвнымъ вниманіемъ должно было окружить ее, чтобъ

растопить кору оледененія, облокотивъ глаза: и тогда, съ какою искренности должно было вкрадываться въ ея душу, приглублять, углублять, вращать ее, одиталую въ одиночество, къ сесифидовымъ, въ эфиренсію, и, залечивъ явы долговременною страданій, овладеть ея чувствами, ея помыслами, чтобы проникнуть въ ихъ сокровеннѣйшіе глубины!

Долинны былъ великодушень, добръ, даже чувствителень отъ природы. Принимая подъ покровъ свой удрученное рокомъ семейство, онъ въриль, что не случай, а воля Провидѣнія избрала его орудіемъ для спасенія погибающихъ, и, поклявшись исправить несправедливость судьбы, посвятилъ себя исполненію высшаго предназначенія съ возможнымъ челоуку самозабвеніемъ. Онъ былъ нѣженъ и предупредителень съ Теофаніей, почителень съ ея родителями; онъ съ женскою заботливостію подмѣчалъ ихъ желанія, выискивалъ все, что могло доставить имъ хоть минутное удовольствіе; но пронизательность и наилучшая воля замѣнять ли сродненіе двухъ страстныхъ душъ? Вся придуманная угожденія, льстивая предусмотрительность, стобать ли одного пожатія руки, одного взору, въ которомъ, безъ словъ, высказывается награда и цѣль жизни челоука, — любовь?..... Долинны говорилъ «люблю», потому что онъ хотѣлъ любить, но въ немъ не проявлялось могущество чувства произвольнаго, того всеильнаго, всепревышающаго чувства, которое *любитъ*, потому что *не можетъ не любить!*

И вотъ что не укрылось отъ замѣчанія Теофаніи!

Она была спокойна, довольна, она желала увѣрить себя, даже, что была счастлива, но тайный, внутренній голосъ ропталъ противъ самовольнаго убѣжденія. Она была счастлива смотря на своихъ родителей, пока живая благодарность къ Долинны одна наполнила ея

сердце; даже некое она могла назваться счастливою, когда признательность, преображаясь въ любовь, едва проявлялась въ ней первенцами юнаго, нѣжнаго чувства. Въ первую пору своего зарожденія, это чувство, — такъ не взыскательно, такъ смиренно, такъ довольно вялой крохой. случайнаго наслажденія, не проситъ убѣжденія во взаимности, не проситъ ни какихъ надеждъ: видѣть существо любимое, вслушиваться въ рѣчи его, замирать при его приближеніи, объ немъ думать въ его отсутствіи, его мнѣніями повѣрять свои дѣйствія, имъ однимъ ощущать свое существованіе, — вотъ чѣмъ довольствуется оно въ первую пору любви, и вотъ когда Теофанія блаженствовала.

Но когда это робкое чувство возрасло и усилилось до овладѣнія всѣмъ бытіемъ ея, ему стало тѣсно въ безсознательномъ одиночествѣ: оно томило ея душу и требовало излива; тогда только Теофанія, проникнувъ сердцемъ сердце возлюбленнаго, оледѣнѣла отъ страшнаго открытія: она не была любима!

Странно! она прозрѣла невзаимность Долиньи, убѣдилась въ ней, страдала отъ нея, тогда какъ всѣ окружающіе радостно твердили:

— Какъ она любима! какъ счастлива!

Внимательнѣйшій глазъ, наблюдательнѣйшій умъ посторонняго не могли бы подмѣтить во взорѣ, не только въ обращеніи Долиньи съ невѣстою, признака холодности. Какъ часто, проводя цѣлые часы въ разговорахъ съ нею, онъ оживлялъ въ ея памяти заглохшія отъ неупражненія познанія, или говорилъ ей о своей общей родинѣ, почти забытой, но все-еще любимой ею; и когда отъ увлекающихъ рѣчей Александра, глаза Теофанія разгарались, грудь поднималась неровно и щеки пламенѣли, съ какимъ непритворнымъ умиленіемъ Долиньи твердилъ, сжимая ея руки:

— Скоро, скоро мы всѣ переедемъ въ нашу прекрасную Италію!

И потомъ, гдѣ бы ни случилось Геофаніи развѣс-
латься, въ кругу ли немногихъ знакомыхъ, возвращен-
ныхъ къ Аббадскію улучшеніемъ ея участи, въ оперной
комнѣ, въ саду, гдѣ бы не оживилась она тою дѣтскою
игривостію, которая была прекрасна и трогательна въ
ней какъ блѣдный цвѣтъ весенній, зановадѣлый отъ
раннихъ непогодъ до лѣтней поры; — Долиньи ловилъ
всякое ея слово, слѣдилъ за нею взорами; ея веселость
отражалась въ чертахъ его такимъ искреннимъ, жи-
вымъ наслажденіемъ, что нельзя было не повторять
родителямъ, трепещущимъ отъ счастья своей дочери :

— Какъ она любима! какъ счастлива!

Чего жъ не доставало Геофаніи? Какая химера, вгнѣз-
даясь въ ея разумъ, смущала его злыми навѣтями?
Какъ могла она одна сомнѣваться, болѣе, отвергать
то, въ чемъ такъ твердо убѣждены были другіе?.....
Эти другіе руководствовались слухомъ, зрѣніемъ, со-
ображеніями разсудка; Геофанія все видѣла, слышала
и понимала однимъ безотчетнымъ, но рѣдко обманыва-
ющимъ, постиженіемъ чувствъ : она любила !.....

И ясно поняла бѣдняжка, что Долиньи привязался
къ ней какъ къ своему созданію, если не имъ рожден-
ному, то имъ воззванному къ бытію; что, сострадавъ къ
ея горестной юности, онъ предположилъ себя цѣлью
осчастливить ее, и оттого всякое проявленіе въ ней
веселости радовало его какъ успѣшное исполненіе
предначертаннаго труда. Она не могла не видѣть, ка-
кимъ высокимъ рвеніемъ согрѣтъ былъ этотъ трудъ,
сколько стараній и напряженной внимательности при-
носилось ему въ жертву; но, понимая всю великость
такаго самозабвенія, дивясь человѣку способному
бросить всю жизнь свою для блага едва знакомыхъ
людей, она тѣмъ глубже чувствовала чѣмъ могъ быть
этотъ странный, рѣдкій человѣкъ, если бы былъ про-
никнуть высокою страстію и подвигнуть къ добру ея
всесиліемъ, а не твердостію собственной воли! Если

одно состраданіе его дарило спеціальною и радостно, какими благополучіемъ сверилъ бы онъ избраннику своего сердца? что сравнялось бы съ долей той, для которой, не павновенію ему и не брачный обрядъ отверали бы его объятія, а страстное стремленіе души привнесъ счастья вѣнчающе и желаннаго.....

— И этого счастья не дасть я ему! твердила горестно Теофанія: жертвуя мнѣ свободой, богатствомъ, всею жизнью, онъ ничего не ждетъ, не проситъ, не хочетъ отъ меня! Не нужна ему любовь моя, не нужна благодарность! за всѣ жертвы онъ находитъ награду въ самомъ себѣ, а я, до гроба буду только празднымъ, страдательнымъ, предметомъ его благодѣяній; я ничего не могу для него!.... А какъ много бы могла..... если бь..... любовь.....

Не разъ горькія слезы прерывали ея размышленія, слезы тѣмъ горчичнѣе чѣмъ глубже и рачительнѣе она скрывала ихъ; потому что стесненія казались ей, грѣшнымъ искушеніемъ противъ умиленнаго судьбы. Изъ благодарности къ жениху, она выучилась критворствовать и старалась казаться довольною; но чувство, угнетенное сиротствомъ невзаимности, еще болѣе усилило ея застѣнчивость и скрытность. Она оживлялась только въ присутствіи родителей или постороннихъ людей: свидѣтели будто придавали ей твердости; но оставаясь наединѣ съ Александромъ, она теряла все присутствіе духа; взоръ ея избѣгалъ его воровъ, уста смыкались, и чѣмъ покойнѣе казалась ея наружность тѣмъ ольнѣе билось сердце, тѣмъ труднѣе и мучительнѣе было его одинокое страданіе. А Долгій, видя всѣ старанія свои приобрести дѣвурію той, съ которою готовился соединиться навѣкъ, тщетными, со всякимъ днемъ болѣе утверждался въ мысли, что Теофанія неспособна была ни къ какимъ ощущеніямъ кромѣ врожденной дочерней любви. Иногда, раздосадованный неуспѣхомъ, онъ сравнивалъ Теофанію

съ враждебными извѣщеніями; въ которомъ все искусство художника, проявляясь только въ наружной красѣ, оставляетъ внутренность грубою, неотдѣланною глыбой камня; но чаще, размышляя хладнокровно о будущемъ, онъ утѣшался въ предполагаемомъ безчувствіи Теофаніи тѣмъ, что ихъ супружеская жизнь протечетъ въ безстрастной тиши, въ почтительномъ отдаленіи другъ отъ друга, безъ любви, безъ ревности, слѣдственно безъ ссоръ и примиреній. Убѣдившись горькимъ опытомъ, что любовь есть опаснѣйшій врагъ безмятежной жизни, онъ полагалъ все счастье въ обдуманномъ, расчитанномъ спокойствіи: такъ мудро ль что подобная доля не страшила, а плѣняла его? Подъ прекрасной невесты, какъ и въ коммерческомъ банкѣ, онъ равно существовалъ и дѣйствовалъ однимъ умомъ, руководствовался только внушеніями разсудка, а сердце его, отрѣшенное отъ всѣхъ достоинствъ, лишенное правъ и голоса, находилось въ безсрочной ссылкѣ и никогда не вмѣшивалось во внутреннее правленіе его жизненнаго быту.

И все это видѣла и понимала Теофанія, созданіе въ высшей степени любящее! Она должна была холодно отвѣтствовать на холодное дружество любимаго, когда не было въ ней помышленія, не было чувства, которыя бы не рождались и не жили одной любовью! И если случалось, что Александръ, взявъ руку ея, крѣпче сжималъ и удерживалъ долѣе обыкновеннаго, мысль объ его взаимности ослѣпляла ее молніей счастья; она вздрагивала, кровь жаркимъ фонтаномъ бросалась ей въ лицо, всѣ фибры ея замирали страстью и нѣгой; въ безуміи своего блаженства она готова была со слезами и лобзаніями припасть къ его колѣнямъ и излить передъ нимъ свою любовь, свои сомнѣнія и страданія.... рыданіе спиралось въ груди ея, уста трепетно раскрылись для признанія; робко поднимала она слезяшіе глаза и въ то же мгновеніе потупляла ихъ, блѣднѣя....

Долиньи сжалъ крѣпче ея руку, въ разсѣднѣ, случайно! Лицо его сохраняло свое привычное спокойствіе, взоръ равнодушно бродилъ по синей полосѣ моря или по окрестнымъ деревьямъ..... какъ дымъ, какъ прахъ разлетались надежды, и восторгъ бѣдной дѣвушки; больно сжималось ея сердце, холодъ могильный смѣнялъ жаркое волненіе крови, и снова въ глубокомъ уныніи она спѣшила скрыться въ оболочкѣ своей мнимой безчувственности.

Вскорѣ даже эти призраки воображенія перестали живить и радовать Теофанію; не увлекаясь больше льстивыми мечтами, она, съ твердостью отчаянной покорности судьбѣ, увѣрилась, что ей готовится въ Долиньи добрый, вѣрный мужъ, но не страстный любовникъ; что никогда ея полный нѣжности взоръ не встрѣтитъ отвѣтнаго взору; никогда бѣенье сердца ея не возбудитъ въ немъ взаимнаго бѣенія; никогда переполненная душа не дерзнетъ излиться ни въ ласкахъ ни въ искреннихъ рѣчахъ, и что тѣсно связанная съ нимъ законами, любящая но не любимая, она печально проведетъ всю жизнь въ притворномъ спокойствіи!

Однообразно протекло для нихъ лѣто; жары уменьшались; приближалась осень, не дожливая, не холодная и угрюмая, какою бываетъ сѣверная вѣшуня зимы, а ровесница по нраву и наружности майскимъ днямъ; небо также ясно свѣтлѣло надъ Одессой, солнце также постоянно блистало, не разжигая, а только грѣя воздухъ; не доставало для полного сходства съ весною убору и роскоши ея цвѣтовъ; зато деревья, стряхнувъ съ себя траурную пыль, облежавшую ихъ все лѣто грязно-бѣлымъ покрываломъ, колебались по-прежнему зеленыя, навѣвая свѣжестью на проходящихъ.

Недалекъ былъ срокъ, назначенный для брака Долиньи съ Теофаніей, когда, гуляя вечеромъ у взморья, они увидѣли вдали двѣ плывущія къ берегу шлюбки; на одной изъ нихъ пестрѣли шляпы дамъ и мужчинъ,

на другой прѣмая музыка; илюбіи остановились у пристани, звуки на время уменьшились, и минутные шажки, выходя на берегъ, разсыпались по саду.

— Уйдемъ отсюда, сказала Теофанія, сворачивая на тропинку, которая вела домой.

— Отчего жъ такъ рано? спросилъ Долиньи: можно ли въ такую погоду сидѣть въ комнатахъ?

— Мнѣ не хотѣлось бы встрѣтиться съ чужими людьми, мнѣ.... Она остановилась не кончивъ рѣчи, и тоскливо взглянула на Александра. — Впрочемъ, если вы хотите, останемся.... прибавила она въ полголоса, но сердце ея странно сжалось въ груди, запылая предчувствіемъ чего-то недобраго.

— Останемся, но не въ угодность мнѣ, сказалъ Долиньи ласково: я знаю отчего вы хотите уйти домой. Простите дружескому замѣчанію, милая Теофанія, я желалъ бы вытѣснить изъ вашей прекрасной души эту неприязненность къ людямъ. Вы будто въ заклѣтой враждѣ съ ними, ненавидите и вмѣстѣ боитесь ихъ, бѣжите отъ всякаго незнакомаго вамъ челоуѣка, какъ отъ лѣснаго звѣря..... Въ эту минуту они взошли на холмъ, внизу котораго вилась тропинка, соединявшаяся съ главною аллеей. — Знаю, продолжалъ онъ: что причиною вашего ожесточенія; но рассмотрите съ спокойнымъ духомъ, много ли, и въ чемъ виноваты передъ вами люди? умысленно ли было зло, которое вы отъ нихъ теряли? Теофанія, пріймите совѣтъ вашего искренняго друга, вѣрьте..... Голосъ его прервался внезапно, онъ остановился и выронилъ руку своей невесты. Поникнувъ головой къ груди, она еще внимала рѣчамъ его, ожидая его совѣта; но онъ молчалъ.

— Чему? спросила тогда Теофанія, не поднимая глазъ. Долиньи не слыжалъ ея вопросу.

— Чему? повторила она, взглянувъ на него съ изумленіемъ. Онъ стоялъ недвижимый, блѣдный, въ мертвомъ

бессмысленно; только глупа эта, блондинка, съ старательно выжженными радостью и нежесткой иронией, надвигаясь какими-то въ глубинѣ души. Алмазъ, хоть камъ было все пусто и тихо; кое-гдѣ еще молчаливѣе за деревьями дамскія платья, но и тѣ скрылись изъ виду.

— Ахъ, Боже мой! что съ вами? вы нездоровы! вскричала испуганная Теофанія.

— О, ничего, ничего! отвѣчалъ Александръ дрожащимъ голосомъ, едва шевеля губами.

— Но вы блѣднѣе мертвеца; вамъ дурно!.....

— Пройдетъ..... это случается со мной..... часто..... простите..... я долженъ оставить васъ..... Онъ побѣжалъ внизъ съ холма, въ ту сторону, гдѣ поразило его видѣніе, зримое одному ему, и скрылся. Теофанія, встревоженная внезапнымъ недугомъ жениха своего, осталась одна, и въ тотъ вечеръ больше съ нимъ не видалась.

Часа два спустя, она сидѣла съ матерью у крыльца, надъ которымъ акаціи, сплетаясь вѣтвями, составляли живой зеленый сводъ. По сторонамъ еще виднѣлись опустѣлые цвѣтшники; здѣсь, на кустахъ розъ доспѣвагь красный шиповникъ; тамъ, вокругъ тычинокъ вились стебли георгини съ поблеклыми листьями, и на мѣсть пышныхъ цвѣтовъ колебались одни сухіе, свѣжнестые плоды; кое-гдѣ между остатками зелени еще пестрыми скабіозы, иммортели, или полу-осынавшіеся бархатки, случайно пережившіе вѣкъ, назначенный вѣжнѣмъ растеніямъ, и ихъ головки, склоненныя къ землѣ, ихъ темные цвѣта, казалось, свидѣтельствовали о грустномъ прозябеніи, послѣ потери всего роднаго на землѣ.

Долго еще раздавалась музыка съ другаго конца саду, гдѣ пировала наважная толпа; наконецъ утихли шумъ и звуки, катера отчалили отъ берегу, но на первомъ числѣ пассажировъ замѣтно убавилось: въролт-

но, дамы, боясь сырости вечерняго воздуха надъ водою, предночи сухонутное путешествіе въ городъ паркому. Дорога, выводящая изъ глубины дачи на гору, гдѣ оставались ошшажи, не прудности спуску, пролегла мимо дому, занимаемаго семействомъ Аббиадствъ, и вскорѣ, по отъездѣ катеровъ, нѣсколькимъ дамамъ начали взбираться по той аллеѣ вверхъ, съ помощію своихъ усердныхъ кавалеровъ. Ихъ веселые голоса слышались всё ближе и явственнѣе; когда же группа поровнялась съ крыльцомъ, на которомъ сидѣла Тефанія съ матерью, одна изъ дамъ прищурилась, окинула ихъ глазами, и, въ ту жъ минуту быстро отвернувшись къ своему спутнику, продолжала съ нимъ разговоръ. Тефанія приподнялась—было со скамьи, но, замѣтивъ ея движеніе, съ горькою улыбкой опустилась на свое мѣсто.

— Видно, провъдала! сказала она тихо, такъ, что мать, не разслышавъ словъ ея, спросила:

— Что это за дама, которая такъ пристально смотрѣла на насъ? Лицо ея мнѣ очень знакомо.

— А мнѣ нѣтъ, отвѣчала Тефанія; встала и ушла въ свою комнату.

На другой день Долинъи пріѣхалъ къ нимъ въ обыкновенную пору, извиняя вчерашній побѣгъ свой круженіемъ головы. Дѣйствительно, онъ казался изнеможеннымъ, лицо его хранило еще отъѣнокъ блѣдности, глаза были тусклы, и несмотря на все стараніе казаться спокойнымъ, какая-то грустная, тревожная дума беспрестанно проявлялась въ немъ, то морщинами лба, то нетерпѣливымъ движеніемъ бровей. Цѣлый день, въ рѣчахъ и въ обращеніи съ Тефаніей, онъ былъ особенно живъ, внимателенъ, но его разсѣянный взглядъ, задумчивость, въ которую онъ впадалъ ежеминутно, противорѣчными поддвоеннымъ извѣщеніямъ чувствъ. Въ борьбѣ съ преслѣдующею его мыслию, онъ

десять разъ въ часъ заводилъ разговоръ, силясь забыть самого себя, чтобъ какъ-нибудь освободиться отъ внутренняго врага, но, десять разъ въ часъ побѣжденный, все забывалъ, замѣтно мучился, и, сдѣлавъ вопросъ, уходилъ не дожидаясь отвѣту, или слушалъ не понимая его. Наконецъ, сказавшись нездоровыиъ, заранѣе уѣхалъ въ городъ, и на слѣдующій день не возвращался.

Три дня Теофанія провела одна въ смертельной тоскѣ: ея не обмануло притворное нездоровье Долиньи, которому такъ простодушно повѣрили ея родители; но какъ ни старалась она разгадать причину зла, застигшаго его такъ неожиданно, въ дружескомъ разговорѣ, наединѣ съ нею, всѣ предположенія только спутывали ея идеи не удовлетворяя любопытства. Наконецъ Долиньи возвратился. Онъ казался спокойнѣе; изрѣдка тѣнь печали или задумчивости пробѣгала по лицу его, но въ ту жь минуту исчезала какъ оттѣнокъ, наброшенный перелетнымъ облакомъ на гладкую, освѣщенную солнцемъ, поляну. Съ того дня, все вошло въ обыкновенный порядокъ: чтеніе, разговоры, прогулки по-прежнему заняли время невѣсты и жениха; онъ никогда не вспоминалъ о своемъ болѣзненномъ припадкѣ, какъ о случаѣ не стоящемъ вниманія; она, не смѣя его расспрашивать, успѣла увѣрить себя, что разстройство нервовъ, или что-нибудь подобное, было одной причиною тревоги.

Д. Въ одно утро, довольно рано, Теофанія сидѣла за работою въ своей комнатѣ, какъ вдругъ въ саду раздались веселыя восклицанія ея матери, вмѣстѣ съ другимъ нѣжнымъ голосомъ, незнакомымъ ей. Минуты двѣ спустя, тѣ же голоса послышались въ гостиной, и госпожа Аббиаджіо позвала дочь.

— Поди скорѣе, говорила она: ты не знаешь, какая радость ожидаетъ тебя здѣсь.

Теоданія вошла въ гостиную : генеральша Лавринская бросилась къ ней на шею съ изъявленіями радости.

— Ахъ, Боже мой! какъ я рада, что наконецъ отыскала васъ! Вообразите, со дня моего возвращенія въ Одессу, то есть, около двухъ недѣль, хлопочу, всѣхъ распрашиваю, гдѣ найти моихъ добрыхъ, старыхъ знакомыхъ, и все напрасно.... Она вторично расцѣловала Теоданію.

— Мнѣ кажется, однако жъ, вы видѣли насъ, дней десять тому, проходя мимо нашего дому, замѣтила Теоданія.

— Я!... нѣтъ.... не помню, отвѣчала не смутившись молодая вдова. Возможно ли чтобъ я не узнала тебя? Но теперь надѣюсь, мы не разстанемся: я проведу всю зиму въ Одессѣ.

— У васъ такъ много знакомыхъ....

— Опять вы и у васъ! ты неисправима, Теоданія; я, право, разсержусь. Что до знакомствъ, то ты ошибаешься: я совсѣмъ не знаю здѣшняго общества.

— Я видѣла тебя недавно въ большомъ кругу.

— Правда, но въ этомъ кругу мнѣ была знакома одна хозяйка праздника, съ которою я случайно познакомилась въ Крыму, издѣсь, изъ вѣжливости, должна была принять ея приглашеніе.

Визитъ генеральши продлился болѣе двухъ часовъ; она была такъ ласкова, любезна, что обворожила хозяйку и даже ея непривѣтливую дочь. Всегда, во всякой долѣ намъ пріятно встрѣтить особъ, бывшихъ свидѣтелями нашихъ прошедшихъ удовольствій. Время младенчества и первой молодости Теоданіи свѣтлѣлись раемъ въ ея воспоминавіяхъ, и въ этомъ раю постоянно видѣлся образъ Ольги, ея любимѣйшей подруги: такъ мудро ли, что Ольга-пансіонерка скоро вытѣснила изъ своего сердца безотчетное, непріязненное расположеніе къ генеральшѣ Лавринской? Между

ними завязался самый искренний разговор; Теофанія въ первый разъ была такъ весела въ отсутствіи жениха, и въ первый разъ не думала объ немъ одномъ постоянно, какъ на садовой тропинкѣ онъ показался самъ, живымъ напоминаніемъ о себѣ; Теофанія покраивала, какъ случалось съ ней всегда при появленіи Александра. На щенахъ Ольги тоже вспыхнулъ яркій румянецъ, но только на одно мгновеніе. Искусная воспитанница большаго свѣта, она изучила всѣ теоріи его опытомъ, привела движенія души и сердца въ рабскую подчиненность волѣ; умѣла, проглотивъ самую горькую слезу, сгладить слѣдъ ея улыбкою, расцвѣтить блѣдность румянцемъ, смѣнить румянецъ блѣдностью; умѣла продолжать вздорный разговоръ, даже пестрить его остроуміемъ, въ то время какъ грудь ея раздиралась болезненнымъ ощущеніемъ. И въ эту минуту, какъ ни сильно было ея внутреннее волненіе, никто не могъ замѣтить мгновенной вспышки ея щекъ, ни молниеносной струи свѣту въ глазахъ ея.

— Вы не знаете еще о скорой переѣзѣ участи моей Теофаніи? сказала ей синьора Аббиаджіо: она помолвлена и вотъ ея женихъ.

— Ахъ, Боже мой! а вы ни слова не сказали мнѣ о томъ.... Теофанія, не грѣхъ ли тебѣ?..... Поздравляю, мой другъ, поздравляю.... ты познакомишь меня съ нимъ.... какъ фамилія твоего жениха?

— Долины.

— Долины, Александръ?

— Ты знаешь его?

— Встрѣчала нѣсколько разъ въ обществѣ; кажется, въ Петербургѣ, но не имѣла удовольствія быть съ нимъ знакомою....

Въ это время госпожа Аббиаджіо вышла на встрѣчу Долины, и, предупредивъ его о желаніи своей гостью познакомиться съ нимъ, представила его генераль-

изъ Лавриискской. Должна поклонилась почтительно, но очень холодно, не сказавъ ни слова и отошла въ сторону. Ольга, не обращая на него большого вниманія, продолжала разговаривать съ Теофаніей, но при прощаніи на крыльцѣ, сказала ей полу-шутливымъ, полусердитымъ голосомъ :

— Послушай, Фанни, я не совсѣмъ одобряю твой выборъ; женихъ твой смотритъ такимъ дикаремъ..... ужь не челоуѣко-ненавистникъ ли онъ?

— Нѣтъ; хотъ, правда, я не замѣтила въ немъ большой склонности къ обществу, однако жъ, напротивъ, онъ меня журитъ за ненависть къ людямъ.

— Право? Вотъ этого достоинства я не знала за тобой! А самъ онъ встрѣтилъ меня такъ угрюмо, что я не имѣла духу напомнить ему о нашихъ прежнихъ встрѣчахъ.

— Онъ недавно былъ боленъ и, видно, не совсѣмъ еще оправился, замѣтила Теофанія, стараясь оправдать Александра, хотя мысленно обвиняла его въ невѣжливости.

— Можетъ-статься онъ былъ недоволенъ моимъ присутвіемъ и нашей дружбою: вѣдь все влюбленные ревнивы! сказала Ольга, устремляя испытующій взоръ на Теофанію: конечно, ему такъ дорогъ всякой часъ, всякая минута свиданія съ тобой, что онъ не можетъ простить людямъ докучливымъ, которые крадутъ его наслажденія.....

— О, нѣтъ! возразила Теофанія, стараясь придать своему восклицанію тонъ равнодушія, но въ немъ невольно пробилось сожалѣніе, зачѣмъ не могла она замѣнить это грустное отрицательное восторженіемъ да! Она не жила въ свѣтъ и не умѣла играть своими ощущеніями. Коварная радость мелькнула въ чертахъ Ольги, но по-прежнему шутливо и ласково она назвала Теофанію притворщицей, и, прощаясь съ ней, сказала :

— До свиданья; мы будемъ свидѣться часто; и если жениху твоему не нравится мое присутствіе, то, волей или неволей, а придется ему свыкнуться со мной: я переселилась на днѣкъ въ ваше сосѣдство....

— Какъ! сюда?

— Время еще такъ хорошо, что жаль терять его въ городѣ, я поручила приискать для меня нѣсколько комнатъ на одной изъ сосѣднихъ дачъ.

Она уѣхала; Теофанія возвратилась домой.

— Отчего вы такъ холодно привѣтствовали мою подругу? спросила она Долиньи, оставшись съ нимъ наединѣ.

— Какъ обыкновенно привѣтствую всѣхъ незнакомыхъ мнѣ женщинъ.

— Но Ольга говорила мнѣ, что, гдѣ-то, прежде, она встрѣчалась съ вами.

— А, она говорила это? Слѣдственно, ея память лучше моей: я не помню ни какой встрѣчи....

— Она такъ мила, любезна; узнавъ ее короче, вы вѣрно отдадите ей полную справедливость.

— Не желаю и не надѣюсь имѣть этой чести.

— Такъ, наперекоръ вашему желанію, вамъ представится эта честь незвано, потому что Ольга будетъ жить здѣсь на дачѣ.

При этомъ извѣстїи, Долиньи не могъ скрыть сильнаго неудовольствія.

— Ахъ, Боже мой! да что вамъ такъ не нравится въ моей подругѣ!.... Не даромъ она подозреваетъ въ васъ чело­вѣко-ненавистника; а кто недавно читалъ мнѣ проповѣдь о кротости и снисхожденіи къ людямъ?...

— Она назвала меня чело­вѣко-ненавистникомъ?... Мигъ!..... ея превосходительство изво­литъ ошибаться; была пора, когда я точно ненавидѣлъ людей, другая, когда я презиралъ ихъ, теперь я сдѣлался къ нимъ справедливецъ; я замѣнилъ всѣ враждебныя чувства пол-

нынѣ равнодушіемъ. Не вѣрю чтобы люди, безъ всякой притчины, готовы были вооружаться сталью противу одного, какъ утверждаютъ поэты; не вѣрю чтобы всякой расноложенъ былъ дѣлать зло, безъ всякой корысти, такъ, для одного зла; но знаю также, что рѣдкій, не сдѣлаетъ его изъ легкомыслія, изъ беззаботности къ пользѣ ближняго, не говорю уже, гдѣ дѣло коснется собственныхъ выгодъ. Вотъ отчего, по моему мнѣнію, не должно ни ненавидѣть ни презирать людей, надобно только остерегаться ихъ, не затрогивать ихъ интересовъ, эгоизма, самолюбія, тогда ничто не помѣшаетъ вамъ жить съ ними въ мирѣ и ладу. Отъ этого-то я не чуждаюсь особъ, съ которыми сблизилъ меня обстоятельства; но не люблю новыхъ знакомствъ, въ особенности знакомства съ людьми свѣтскими, какою кажется мнѣ Лавринская. Простите, если я не стану расточаться передъ нею въ любезности, и постараюсь сколько возможно убѣгать ея присутствія. Пусть она называетъ меня дикаремъ, медвѣдемъ, мнѣ право все равно; даже прошу васъ, внушать ей обо мнѣ это мнѣніе; я буду очень радъ, если подобные эпитеты отобьютъ у нея охоту къ знакомству со мной.

Долинъи никогда еще не выражался такъ рѣзко, Теоданія не смѣла возражать ему и разговоръ ихъ прекратился.

Черезъ нѣсколько дней генеральша Лавринская на самомъ дѣлѣ переселилась за городъ, въ одинъ изъ домовъ, очень близкихъ къ квартирѣ Аббиаджіо. Съ той поры образъ жизни Теоданіи, противъ воли ея, измѣнился. Ольга ежедневно посѣщала ее, уводила къ себѣ, возила въ театръ, на гулянья; казалось, вся нѣжность ихъ дѣвичей дружбы возобновилась, несмотря на различіе ихъ положеній въ свѣтѣ и характеровъ. Правда, что Теоданія никогда не увлекалась ни откровенностью ни тайными признаніями, которыя характеризуютъ связь двухъ взрослыхъ вмѣстѣ женщинъ: ея

завѣтныя души, немногія радости, бывшія и настоящія печали, ея странныя желанія, которыя сама она признала несбыточными, все чувства сердца таились въ ней непроницаемо, и ихъ не оскверняли пошлыя сообщенія равнодушно любопытной подругѣ.

Но молодая вдова, надѣленная самымъ игривымъ умомъ и пламеннымъ воображеніемъ, въ высшей степени остроумная, веселая до рѣзвости, мечтательная до восторженности, была вѣчно разнообразна, занимательна, такъ увлекательно мила, что нельзя было не привязаться къ ней; и въ этомъ случаѣ Теофанія раздѣлила участь всѣхъ тѣхъ, кого Ольга удостоивала своимъ вниманіемъ: она полюбила ея общество, охотно дѣлила съ нею время въ отсутствіе Долины, была съ ней развязнѣе, веселѣй.

И теперь, когда пришлось къ слову объ Ольгѣ, позвольте познакомить васъ съ нею покороче. Она была самое прихотливое созданіе, самая разнообразная смѣсь доброты и зла, ума и безумія, огня и морознаго равнодушія. Въ ея характеръ соединились все верхушки чувствъ, если можно такъ выразиться; то были цвѣты безъ корней, которые такъ же скоро увядали какъ и распукались, зато какъ пышно цвѣли! Богъ-вѣсть, могла ли она что чувствовать глубоко и продолжительно, зато все чувствовала страстно. Много судили и говорили объ ней въ свѣтъ; равнодушные поклонялись ей, влюбленные и завистники на нее клеветали, поэты величали звездою Эдема, мечтатели называли *неразгадаемой*, хоть, постигши, вся загадочность ея особы состояла въ томъ, что въ ней не было вовсе никакой загадки.

Ольга принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ счастливицъ, въ которыхъ природа, какъ славялюбивый художникъ, силится выказать все искусство свое, чтобы, создавъ образецъ прекраснаго, на диво землѣ, украсить и любоваться впоследствии своимъ собственнымъ произведеніемъ. Зато всеми прелестями души и

тъла она была одолжена одной природѣ, не наставникамъ, не свѣту, не примѣрамъ другихъ. Въ сердцѣ ея когда-то хранилось много добрыхъ наклонностей, много высокихъ чувствъ; легкомысліе и эгоизмъ вытѣснили ихъ постепенно, или, ослабили до ничтожества. Быть-можетъ, въ счастливой долѣ, съ человѣкомъ любимымъ ею, эти благодѣтельные сѣмена, укоренившись въ ея сердцѣ, принесли бы еще благодѣтельнѣйшіе плоды, но неволя и угнетеніе застигли ее въ раннемъ супружествѣ; не только въ родственникахъ, даже въ матери родной нашла она, вмѣсто дружества и нежности, одинъ холодно-важный тонъ, подавляющій искренность и всю надежду на сочувствіе. Тогда притворство и лѣтучество, сдѣлавшись для нея необходимою, вкрались въ ея характеръ.

Съ празднымъ умомъ, съ сердцемъ ничѣмъ не занятымъ, безъ всякой цѣли передъ собою, она должна была прибѣгнуть къ утѣхамъ жизни внѣшней, и свѣтъ заманилъ ее въ свои блистательныя сѣти, обольстилъ, очаровалъ ее. Съ-тѣхъ-поръ она предалась ему всѣмъ бытіемъ своимъ; его прихоти сдѣлались для нея законами, его вымысленные кумиры — предметами ея обожанія; его требованія, условія и обычаи преобразовали и, можно сказать, вновь вычеканили ея нравъ, мнѣнія, душу; она сдѣлалась типомъ модныхъ красавицъ, любимицъ и баловницъ большаго свѣта. Ей легко дышалось только воздухомъ залъ; одни бальные огни ожигали лицо ея и зажигали въ глазахъ сіянье, потусклявшее ихъ собственный блескъ; громъ танцевальной музыки и лепетъ гостиныхъ, были единственною для нея гармоніей; а Мейерберъ, Оберъ, Беллини были знаками ей лишь по мотивамъ оперъ, искаженнымъ въ модныхъ кадриляхъ.

Такъ провела она съ горемъ пополамъ два года своего замужества и потомъ, въ полной независимости, ожиданіемъ судьбы своей и дѣйствій, три года вдов-

ства. Правда, что улыбка не была безсмысленною гостьей на ея устахъ, что свѣтъ, занимавшій праздное ея время, не совершенно наполнилъ ея существованіе. Порой, въ часы одинокаго отдохновенія послѣ длинной цѣпи веселыхъ, но утомительныхъ, пировъ, Ольга задумывалась, клонила голову къ груди, и томная грусть разливалась по лицу ея. Было ли то слѣдствіемъ шумныхъ, безсонныхъ ночей, досаднаго торжества прекрасной соперницы, или пламенныхъ рѣчей кавалера, успѣваго въ двухъ турахъ вальса сдѣлать ей любовное признаніе? Едва ли. Ольга давно свыклась съ балльною усталостью; довольная своимъ мѣстомъ въ обществѣ, она равнодушно смотрѣла на торжество другихъ красавицъ, и отражала всѣ трагическія и драматическія изъясненія паркетныхъ героевъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Мысль о замужствѣ пугала ее, а по давнимъ, но еще живымъ, воспоминаніямъ былога, по привычкѣ, болѣе чѣмъ по искреннему убѣжденію, она слишкомъ высоко чтила чувство любви, чтобы играть имъ отъ скуки, для большей занимательности танцевальныхъ разговоровъ. Нравиться всѣмъ, не обворожая до сумасшествія никого исключительно; принимать поклоненія всѣхъ, не возбуждая ни въ комъ страстныхъ восторговъ, столько же смѣшныхъ ей какъ и напрасныхъ, — вотъ что было теоріей ея поведенія въ свѣтъ, теоріей обдуманной и неизмѣнной; зато и клевета и зависть были бессильны противъ нея.

Но если порою тайная грусть смущала рѣзвую, беззаботную Ольгу, и влажила глаза ея слезами, тому была другая, одной ей извѣстная, причина, въ которой созналась она въ припадкѣ мечтательности, при первомъ свиданіи съ Теофаніей.

Когда-то, гдѣ-то встрѣтился ей человекъ съ страстно любящей душою, съ дѣвственной силою чувствъ, нерасточенныхъ и неотравленныхъ безуспѣшными порывами къ предметамъ недостойнымъ. Сладка и

увлекательна была рѣчь его, могущественъ взоръ, являвшій въ-живѣ всѣ ощущенія, неясно передаваемыя покорнымъ, но слабымъ, языкомъ; онъ очаровалъ ея разумъ и волю, овладѣлъ ея понятіями, воспламенилъ ее своей любовью, и указалъ ей рай земнаго счастья, направилъ къ нему всѣ желанія, всѣ помышленія ея юнаго сердца; когда же судьба, прихоть родныхъ и собственная слабость, оторвалъ ее отъ очарователя, перенесли насильственно изъ свѣтлаго эдему, въ блаженствѣ котораго она не успѣла еще разочароваться, въ холодный, скучный міръ, она сохранила въ себѣ слѣды первой любви, оживленной въ послѣдствіи одиночествомъ, пустотой въ жизни и отвращеніемъ къ чело-вѣку, къ которому такъ легкомысленно бросилась въ объятія.

Время, этотъ чудесный Эскулапъ всѣхъ сердечныхъ недуговъ, утолило страданіе Ольги, и постепенно ослабило память ея о прошедшемъ; вдовство, свобода и, болѣе всего, разсыаніе свѣтской жизни довершили ея исцѣленіе: она забыла объ эдемѣ и объ истолкователь его чудесъ, разучилась тосковать по невозвратномъ, желать недосыгаемаго, снустилась въ нашу грѣшную обитель и, попавъ не на сырую землю а на превосходно отработанный паркетъ, перестала презирать земныя блага. Съ-тѣхъ-поръ молодая вдова превесело жила или, правильнѣе сказать, плясала на бѣломъ свѣтѣ; принимала и платила визиты, посѣщала и давала вечера, рядилась, плѣняла, смѣялась, словомъ, была совершенно счастлива.

Но именно отъ этого совершеннаго счастья, по непо-стижимой прихотливости чело-вѣческой природы, она и считала себя подѣ-часъ несчастною. Вѣдь соскучилась же Ввтрана въ волшебныхъ палатахъ своей крестной матери, гдѣ духи прислуживали ей и незримиы хориши ублаживали на сонѣ. Когда Ольгѣ долгое время не о чемъ было скучать, не на что сердиться, когда все

шло по ея желанію, все удавалось уютно-постоянно и хорошо, она, для разнообразія, вымышляла себѣ печаль, и въ эти-то часы прибѣгала къ давно остылой любви, которой одинъ пепель хранился въ сердцѣ ея, какъ-бы наречно про запасъ для «таковыхъ» случаевъ.

Косая досада противу творбаша не къ лицу, противу жеуромая въ такой-то ветчинѣ, сравнится съ сладостью томной думы? «Гдѣ онъ? что съ нимъ? помнитъ ли? любить ли? влываетъ или благословляетъ меня?» И потому немалый вздохъ, взоръ на сврое петербургское небо, и одинокая слеза, всежосвященное несбытливое надеждамъ, вѣчно живущей любви, отвращенію отъ общества гдѣ такъ усердно плясали вчера, и еще усерднѣе попляшемъ завтра; сиротству, чувствуемъ безъ раздѣла, непонятимъ желаніямъ, и прочая и прочая, что можете найти въ любой алегіи, у любого современнаго поэта всѣхъ европейскихъ націй.

Впрочемъ, даже мечты ея были такъ покорны свѣтскимъ условіямъ, что никогда не переходили за назначенное имъ время, никогда не врывались въ пору, определенную для визитовъ, для побѣдки въ магазинъ, и такъ далѣе. То были самыя благовоспитанныя мечты женщины, скованной обязанностями общества.

Еще когда-то, отъ одного изъ путешествующихъ соотечественниковъ своего незабвеннаго любимца, Ольга услышала, будто онъ застрѣлился, былъ застрѣлецъ, сошелъ съ ума, или что-то подобное: съ-тѣхъ-поръ запасъ ея думъ и грусти слѣдался еще полнѣе, и Ольга, занскиваемая многими женихами, но отвергавшая всѣхъ, потому что не одинъ не приходился ей по сердцу и не сумѣлъ разсвѣять ея предубѣжденій противъ супружества, вообразила себѣ, что чувства ея уже излюбилась и неспособны ко второй любви; при этомъ мнѣніи становилась молодая вдова равнодушною и

недоступною для всякъхъ неждателей ея красоты и богатства.

Издавъ, что она скиталась по свѣту, какъ говорила о томъ Теофанія; но это случалось только въ лѣтнюю пору; когда все общество ея разсѣявалось, и Петербургъ пустѣлъ до новыхъ морозовъ. Ея покойный супругъ, получивъ подлѣ старости странное вождельнѣ къ Геснеровымъ идилліямъ, два лѣта сряду увозилъ ее съ собой на самую отдаленную отъ города дачу, гдѣ приковывалъ ее къ своему вольтеревскому креслу, заставлялъ поддерживать себя въ прогулкахъ по миніа-турному саду, всѣми силами старался вселить въ нее страсть къ уединенной, пастушеской жизни. Съ-тѣхъ-поръ она получила такое отвращеніе къ дачамъ, что ни за что не могла перекочевывать на лѣто изъ Петербурга за Петербургъ, по примѣру своихъ знакомыхъ; ктому жъ, имѣя всегда средства къ путешествіямъ дальнѣйшимъ и болѣе пріятнымъ, предпочитала разнообразіе незнакомыхъ ей сторонъ прогулкѣ по Черной Рѣчкѣ. Но гдѣ бы ни была она, куда бъ ни залетала, съ первыми морозами, постоянныя ласточки, всегда возвращалась къ своему теплому гнѣзду. Въ первый разъ, теперь, пришла ей охота провести зиму въ Одессѣ, и то, Богъ-знаетъ, искренняя ли охота: не побуждали ль ее къ тому какія тайныя причины?

— Скоро ли свадьба твоя, Фанни? спросила она въ одинъ вечеръ свою подругу, возвратившись домой послѣ продолжительной прогулки и лживо бросаясь на диванъ.

— Черезъ нелѣню, тихо отвѣчала Теофанія.

— Такъ скоро!... вскричала Ольга, быстро приподнявшись съ мѣста, но въ ту же минуту снова опустилась на подушки и, помолчавъ немного, сказала:

— Знаешь ли, Фанни, что я не стану больше ходить къ вамъ.

— Это отчего? что за фантазія!

— Мои посвященія не могутъ быть тебѣ приятны : я всякой разъ выгоняю твоего жениха ; ты видишь , онъ бѣгаетъ отъ меня , а я отнюдь не имѣю самовадьянности вознаграждать потерю его собою.

— Полно, Ольга, оставь его въ покоѣ; онъ нелюдимъ, и бѣгаетъ не отъ одной тебя..... ктому жъ , я боюсь, не случилось ли съ нимъ чего неприятнаго: съ нѣкоторыхъ поръ онъ такъ часто бываетъ задумчивъ , встревоженъ....

— А прежде ?

— О! прежде онъ всегда былъ равно въ спокойномъ расположеніи духа.

— Въ самомъ дѣлѣ!.... и ты не знаешь отчего ?...

— Смѣю ли я его спрашивать, когда онъ замѣтно желаетъ скрыть причину своего безпокойства.....

— За недѣлю до свадьбы, Фанни, ты не смѣешь его спрашивать! Онъ можетъ скрывать отъ тебя что-нибудь? И это говорить мнѣ влюбленная невеста, обожаемая женихомъ своимъ!...

Фанни сдѣлала движеніе, какъ-будто что сильно уязвило ее.

— Не такъ воображала я себя страстную взаимную любовь , продолжала Ольга съ горечью раздраженнаго сердца, вперивъ глаза въ смущенную невесту. По моему мнѣнію, любовь должна сливать одну душу , разумъ, всѣ чувства и помышленія двухъ связанныхъ ею особъ; чтобъ сердца ихъ трепетали одними ощущеніями , мысли дышали одною думой..... Кто любитъ иначе , тотъ не умѣетъ любить, и не стоить быть любимымъ....

— Такъ ли ты любила? скажи мнѣ, Ольга.... расскажи..... ты..... обѣщала..... прервала ее Теофанія въ сильномъ волненіи , стараясь перемѣнить предметъ рѣчи, которой всякое слово раздирало ее сердце.

Въ эту минуту вошелъ человекъ, и подалъ генеральшѣ Лавринской письмо ; она торопливо схватила его ,

взглянула на адресъ и съ глухимъ стономъ, въ которомъ отозвались досада, злоба и огорченіе, взяла его въ ключекъ; потомъ, долго, долго сидѣла неподвижно, терзая, съ судорожнымъ движеніемъ въ рукахъ, невнятную бумагу и пропалося невнятные слова, по видимому исторгнутыя у нея живою, болѣзненною мукою. Вдругъ, бросаясь къ Теофаніи какъ испуганная, она сжала руку ея съ необыкновенной силой, и сказала скоро и громко :

— Ты спрашиваешь меня, такъ ли я люблю? зачѣмъ ты спрашиваешь о прошедшемъ, когда, даже теперь, послѣ пяти-лѣтней разлуки съ нимъ, и послѣ столькихъ переворотовъ и испытаній судьбы, я все также люблю его. Спроси лучше, такъ ли я была любима?.... Нѣтъ, Фанни, съ его стороны то было дѣйствіе скуки, минутной прихоти, и больше ничего! Время унесло чувство, забвеніе загладило сердъ его, и новая привязанность.... нѣтъ, не стоятъ мужчины нашего самозабвенія, нашей преданности; никогда не поймутъ они насъ, и не удовлетворятъ требованіямъ нашего сердца..... любовь ихъ, — тщеславіе, эгоизмъ, жалкая благодарность польщеннаго самолюбія; это визитный билетъ, который бросаютъ они изъ взаимности, творенію, отдавшему имъ все, что было у него прекраснѣйшаго и святаго. О! какъ глуна, какъ жалка женщина, не понявшая этой истины въ началѣ своей жизни.....

— Такъ онъ живъ еще, Ольга! Мнѣ кажется, ты говорила.....

— Да, да, я говорила, я полагала, но въ некоторымъ слухамъ..... но всё-равно, для меня онъ не существуетъ, и можетъ быть легче бы мнѣ было видѣть его въ четырёхъ доскахъ чѣмъ въ объятіяхъ содранницы..... О! я не перенесу этого!.....

Она закрыла лицо руками и слезы полились изъ глазъ ея ручьемъ, какъ у дитяти, у котораго отнимаютъ его любимую игрушку. Не успѣвъ въ плачѣ

нейшее желаніе раздражилъ нервъ ея до истеричи; и истомилъ душу, не свыкнушаясь съ борьбой; зависть, досада, ревность и распаленная ими любовь разрывали сердце бѣдной женщины: созданіе безсильное, она не умѣла находить отрады въ себѣ самой, не у кого былоеи просить руки во спасеніе, — она была одна, была слаба, жалка!

— Теофанія съ искреннимъ участіемъ приблизилась къ своей огорченной подругѣ. Ольга оттолкнула ее и продолжала плакать. Теофанія отошла въ сторону; дружескій знакъ участія ея былъ отвергнутъ, и, презирая отъ глубины души все утѣшенія, гдѣ фразы а не искренность приносились въ даръ горю, она не произносила больше ни слова.

— Я не останусь здѣсь долже; я уѣду!..... сказала наконецъ Ольга, стирая съ лица слѣды слезъ и начиная скоро ходить по комнатѣ.

— Опять! Куда же, бѣдняжка, поѣдешь ты? гдѣ будетъ тебѣ лучше?

— Вездѣ! здѣсь мнѣ скучно, грустно, да и что мнѣ дѣлать въ Одессѣ, въ этой торговой конторѣ, въ бездушныхъ стѣнахъ? Несносное лѣто тянется здѣсь какъ жизнь кого-нибудь дядюшки, который долго живетъ всѣмъ на досаду; оно продлится, пожалуй, до января, и все, до святокъ, будутъ нѣжиться на дачахъ..... терпѣть не могу дачь!..... поѣду въ Петербургъ, тамъ есть люди, есть общество..... свверъ, зима, праздники — моя стихія, скорѣе къ нимъ! И что за сумасбродная мысль привела меня на югъ! какая враждебная сила толкнула меня въ Одессу!.....

— Ахъ, Боже мой! отчего такая ненависть къ нашему бѣдному краю? Развѣ здѣсь случилось съ тобой что-нибудь непріятное?.....

— О, очень, очень непріятное! поѣздка въ Одессу надолго разстроила мое спокойствіе..... мои дѣла..... Пора, пора отсюда!.....

Ольга умолкла и продолжала ходить въ сильномъ волненіи духа.

Никогда Теофанія не видала ея такъ встревоженною; нѣсколько разъ она пыталась заводить рѣчь о постороннихъ предметахъ, чтобъ хотя немного успокоить ее, — все напрасно : Ольга молчала или отвѣчала отрывисто, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Фанни, сказала наконецъ молодая вдова, дрожащимъ и сильно тронутымъ голосомъ, остановившись передъ нею : Фанни, рѣшено, завтра я дѣлаю всѣ приготовления къ дорогѣ, послѣ-завтра ѣду въ Петербургъ; мы, вѣрно, никогда больше не увидимся; черезъ недѣлю ты выйдешь замужъ..... прійми же отъ меня искреннее желаніе счастья тебѣ и..... твоему будущему супругу..... Скажи ему это, скажи, что я прощаю его упрямость и стараніе убѣгать меня. — Вѣдь ты знаешь, замѣтила она съ принужденною улыбкою, что я желала короче познакомиться съ Долинъи, единственно изъ дружбы къ тебѣ, онъ не хотѣлъ..... но.... ты любишь его, ты не можешь быть не любима.... ты такъ добра, мила, прекрасна... о, будьте же, будьте счастливы!....

Она зарыдала. Теофанія, глубоко тронутая, прижала ее къ груди.

— Но, послушай, Фанни, снова начала Ольга, оправляясь отъ слезъ : какъ другъ совѣтую тебѣ, не слыхкомъ полагайся на прочность счастья, не ввѣрайся слѣпо польстившей тебѣ судьбѣ : гдѣ любовь, тамъ и обманъ, — это братья-близнецы, неразлучные между собой.

— Ольга!..... какое черное предсказаніе.....

— Справедливое, Фанни, справедливое..... Съ одной стороны любовь потухнетъ ранѣе — ты видишь примѣръ тому во мнѣ, — она не можетъ длиться вѣчно! тогда любящая половина станетъ мучить другую ревностью, себя — ея невзвѣдностью; начнутся раздоры, упреки; въ

одномъ любовь раздражится до чувства враждебно-непріязненнаго; въ другомъ, равнодушіе усилятся до ненависти.....

— Что говоришь ты? равнодушіе можетъ обратиться въ ненависть!..... вскричала испуганная Теофанія. Но Ольга, не слыша ея восклицанія, продолжала говорить, будто размышляя вслухъ:

— О! тогда супружество позавидуетъ самому аду въ снѣгожествіи. Ужасно жить съ существомъ недлюбимымъ, видѣть ежедневно челоуѣка, отъ котораго хотѣлось бы оградить себя цѣлымъ міромъ, или спрятаться подъ глыбой земли! Ужасно чувствовать себя прикованной къ нему неразрывными цѣпями, и потому притворствоваться, улыбаться, глотая желчныя слезы, возвращать *должныя* маски, едва удушья въ груди проклятія, и въ цѣлой жизни не имѣть другой отрады, не призывать другаго спасенія, какъ смерти!.... О, это ужасно, ужасно!.....

— Ольга! перестань!... заклинаю тебя!...

— Какъ милы въ началѣ всѣ недостатки любимаго челоуѣка, продолжала Ольга: мы потворствуемъ имъ, улыбаемся, какъ прихотямъ баловня-младенца; но время холодитъ любовь, и недостатки тѣ означаются грубѣе, возбуждаютъ досаду и нетерпѣніе; еще немного — и они возрали до пороковъ, они кажутся намъ отвратительными уродливостями характера! Въ челоуѣкѣ недлюбимомъ мы не можемъ извинить простой слабости, не можемъ уважать достоинствъ; будь онъ чуждъ намъ, мы отдали бъ ему полную справедливость; но онъ, ничѣмъ неуполномоченный властелинъ судьбы нашей, онъ взыскательный заимодавецъ нашей жизни и чувствъ, заложенныхъ ему расчетами родственниковъ или слѣпою судьбою, и все, все въ немъ кажется грубо, отвратительно....

— Бѣдная Ольга! видно, ты много терпѣла въ супру-

востанъ, когда одно воспоминаніе обвнѣмъ возбуждаетъ въ тебѣ такое страданіе.

— О, да, много, много терпѣла я! и не суждено мнѣ въ жизни получить искупленіе моихъ страданій! Одно-го счастья желала и искала я, однимъ счастьемъ дорожила, одно оно могло бы воскресить мой упавшій духъ! и не мнѣ оно дается судьбою! не для меня оно украсило Божій міръ!...

— Ольга, другъ мой! успокойся ради Бога!... или вы-скажи мнѣ, что такъ сильно тревожитъ тебя? Раздѣли со мной свою кручину. Не это ли письмо? ты даже не распечатала его!...

— Письмо, письмо!... закричала Ольга, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Гдѣ оно? ты не брала его, Теофанія?... мое письмо?... Оно лежало измятое на полу. Ольга схватила его, изорвала въ тысячи лоскутковъ, и, обезсилен-ная, почти въ безпамятствѣ, упала на диванъ.

— Теофанія засуетилась; хотѣла призвать кого-нибудь на помощь, но Ольга сдѣлала ей знакъ удалиться, и тихимъ, едва слышимымъ, голосомъ сказала:

— Оставь меня; завтра прійду съ тобой проститься.
Теофанія повипоцалась.

Возвратясь домой, она застала отца и мать за чай-нымъ столомъ; Долиныи и еще два незнакомыхъ ей тѣловѣка сидѣли подлѣ; одинъ былъ съдъ, но еще бодръ и изъ-подъ густыхъ, убѣлѣвшихъ бровей его сверкали черные, искрѣстые глаза. Другой, во цвѣтъ лѣтъ, съ чертами правильными, одушевленными выра-женіемъ ума и сильныхъ страстей, могъ по всей спра-ведливости назваться образцемъ южной красоты.

— Ахъ! хорошо что ты пришла; я ужъ собирался посылать за тобой. Узнаешь ли старыхъ знакомыхъ? сказалъ Аббадѣжю, указывая на своихъ гостей.

— Я, по-крайней-мѣрѣ, узналъ бы синбору посреди тысячи женщинъ, замѣтилъ старикъ, шаркая и кла-нясь, и говоря одно изъ тѣхъ пошлыхъ привѣтствій,

на которыя такъ щедръ всѣ старики, въ особенноти Итальянцы.

— Снйоръ Эртино! прервала его Теофанія, съ радостнымъ восклицаніемъ, узнавъ въ двухъ незнакомцахъ стараго друга своего отца и его сына, товарища своихъ дѣтскихъ игръ. Оба болѣе шести лѣтъ не были въ Одессѣ, а теперь завернули туда на время, по дѣламъ торговли.

Разговоръ, разумѣется, обратился къ прошедшему; молодой Эртино напомнилъ Теофаніи многія изъ ихъ бывалыхъ проказъ; они шутили, смѣялись до поздняго вечера; когда же гости уѣхали и невѣста осталась наединѣ съ женихомъ, въ тотъ вечеръ особенно угрюмымъ и молчаливымъ, она вспомнила съ живымъ сочувствіемъ о бѣдной, тоскующей подругѣ своей. Слезы и странныя рѣчи Ольги, ужасное описаніе супружества, мучительное состояніе ея души, истерзанной измѣною любимаго человѣка, оставили сильное впечатлѣніе на сердце Теофаніи. Полная состраданія, она сообщила Долиньи, какъ собственное горе, что завтра Ольга простится съ ними навсегда! Долиньи, не отвѣчая ни слова, отошелъ къ окну, отворенному въ садъ, и, скрестивъ руки на груди, прислонился къ рамъ.

Ночь была темная; густыя тучи застилали небо; деревья, обрывы и дома, сливались въ дали въ одну черную массу; только ближайшія тополи, отдѣляясь отъ мглы, означались на горизонтѣ пирамидальными вершинами. Далеко, на возвышеніи, мерцалъ слабый огонекъ; замѣтно было, что какая-то ткань перехватывала его свѣтъ. Минуть нѣсколько спустя, Теофанія подошла къ тому же окну, сѣла на стулъ и, молчаливая какъ и женихъ, вперила глаза въ темный садъ.

— Огонь еще не потушенъ, этотъ огонь горитъ въ ея спальнѣ: вѣрно бѣдняжка не спитъ, а мучится.... Боже мой! какъ она жалка! произнесла Теофанія тихо; будто говоря сама съ собой.

— Она жалка! повторилъ Долинъи насмѣшливо: она мучится! Не оттого ли, что здѣсь она одна, что ея не окружаетъ толпа поклонниковъ, не воспѣваетъ ей хвалебныхъ хоровъ, не ползаетъ у ногъ ея..... Это всегдшнія причины тоски свѣтскихъ женщинъ.

— О, вы несправедливы къ Ольгѣ! прервала его съ жаромъ Теофанія: вы не знаете ея, не обмѣнялись съ ней десятью словами, и самовольно ставите ее въ категорію тѣхъ бездушныхъ женщинъ, на которыхъ она все непохожа. Конечно, Ольга любитъ общество, любить свѣтскія удовольствія, но это потому, что у нея нѣтъ цѣли въ жизни, нѣтъ ни занятій ни связей. Можно ли съ ея красотой и богатствомъ заператься въ монастырскія стѣны? Ктому жъ, послѣ такого несчастнаго замужства, ей позволительно искать хоть слабаго вознагражденія.....

— Она была несчастлива? спросилъ Долинъи съ живымъ участіемъ.

— Несчастлива выше всѣхъ выраженій! Бѣдняжка не можетъ вспомнить безъ содроганія о супружеской жизни. Старый, больной мужъ мучилъ ее капризами, ревностью, самымъ грубымъ обращеніемъ; мать и всѣ близкіе были ей только по названію родными. Но сильнѣе всего терзаетъ ее.... о! какъ я понимаю это терзаніе.... она любила и была покинута, забыта, замѣнена другою.....

Долинъи выпрямился и сурово взглянулъ на Теофанію.

— Вы такъ полагаете, вы догадываетесь..... она, конечно, не говорила вамъ этого....

— О, какъ говорила! съ какими горькими слезами. съ какой грызущею тоскою высказала она мнѣ сегодня все, что болѣе пяти лѣтъ отравляетъ жизнь ея. И притомъ она рыдала, металась въ комнатѣ, какъ-будто живъ сосалъ ея внутренность и не давалъ ей нигдѣ покою.... когда жъ ей подали какое-то письмо.....

— Письмо!....

— Она разорвала его не распечатывая, и если бы вы видели, что стало съ ней послѣ этого!... о, даже вы, Александръ, вы не въ состояніи были бы смотрѣть на нее безъ состраданія!...

Долинъи бросился на окно, и, опершись на него локтями, перевѣсилъ до половины тѣла въ садъ; холодный потъ проступалъ на лбу его крупными каплями, не смотря на то, онъ жадно впивалъ въ себя вѣтеръ, дувшій отъ моря, какъ-будто воздуху было недостаточно для освѣженія его стѣсненной груди. Вдали всё-ещѣ мерцалъ огонекъ : къ нему такъ страстно прильнули взоры Александра, что можно было сказать, будто блескъ далекой лампы составилъ одну электрическую струю свѣту съ отблескомъ его глазъ. Они искрились, сверкали во тьмѣ какъ глаза львицы, которая, попавшись въ западню въ то время какъ отовсюду мечутъ въ нее стрѣлами, останавливается безъ рева и безъ движенія, видя, что не на кого излить ей своего мщенія.

Теофанія, занятая одною идеею, незамѣчала быстроты движеній Александра; голова ея лежала въ рукахъ, взоръ былъ потупленъ въ землю.

— Что ей въ этомъ богатствѣ? продолжала она протодушно : что въ поздней свободѣ? онъ не выкупить теперь утраченнаго, не исцѣлять страдающаго сердца. А этотъ свѣтъ, наряды, веселіе, все, за что корите вы бѣдную Ольгу, вѣрьте мнѣ, все это жалкій, мимурный блескъ, вихрь пустынный, которыми она старается ослѣпить и оглушить себя, хоть для минутнаго забвенія горя....

— Прекрасное средство.... оно удастся ей непременно.... замѣтилъ Долинъи отрывисто.

— Сомнѣваюсь! пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ этотъ неблагодарный покинулъ ее!....

— Покинулъ!..... И въ этомъ также она увѣряла васъ?....

— Она не рассказывала мнѣ ничего подробно ; повторяю , она была въ какомъ-то изступленіи , въ бреду ; рѣчи вырывались у нея какъ стоны у больного.... я слышала только , какъ она кляла себя за безпредѣльную , вѣчную любовь къ недостойному.....

— Въ самомъ дѣлѣ ! возразилъ Александръ , затронутый за живое словами Теоданіи , и , чтобы облегчить боль свою , какъ часто случается людямъ , злою выходкой противъ другаго , продолжалъ , едва скрывая подъ тономъ насмѣшки сильнѣйшее негодованіе :

— Какъ занимательна и оригинальна должна была быть сцена , когда твореніе нѣжное какъ однодневникъ , легкое , красивое , будто созданное изъ ароматовъ аристократическихъ залъ и пыли съ крыльевъ бабочки , кляло себя за *вѣчную любовь!*... Вѣчную ! Желалъ бы я знать , какими миниатюрными часами въ браслетъ или за поясомъ красавицы измѣряется ихъ вѣчность ?

— Опять насмѣшка !..... Вы сегодня въ зломъ расположеніи духа , Александръ ; я перестану вамъ говорить объ Ольгѣ.....

— А я , конечно , не стану васъ спрашивать , отвѣчалъ Долинни , принужденно смѣясь . Поговоримъ объ интереснѣйшемъ ; я пріѣхалъ къ вамъ съ предложеніемъ : хотите ли ѣхать завтра въ оперу ?

Подобныя предложенія , какъ и всѣ подарки жениха , смущали Теоданію , и на этотъ разъ въ замѣшательствѣ она отвѣчала своей привычной фразою :

— Какъ вамъ угодно .

— Мнѣ угодно все , что можетъ вамъ доставить удовольствіе , возразилъ Долинни , не перемѣняя положенія , но уже болѣе твердымъ голосомъ . Завтра дадутъ оперу нашего неистощимаго Доницетти , *Furioso nel isola di San Domingo* . Она еще незнакома вамъ ; музыка прекрасна , исполненіе довольно хорошо , новый теноръ въ роли Карденіо превосходенъ..... я возьму билетъ на ложу .

Теофанія отвѣчала, едва слышнымъ *glazie*, и пошла сказать объ этомъ предложеніи матери.

Оставшись одинъ, Долиньи поднялся съ окна и провелъ рукою по лбу, какъ-бы стараясь снѣть съ него несносный гнѣтъ. Лицо его было чрезвычайно блѣдно, все черты выражали сильнѣйшую муку сердца, но, проникнутый однимъ всеильнымъ ощущеніемъ, онъ не отводилъ глазъ отъ роковаго огонька; казалось, все силы души его, сосредоточенныя и напряженныя въ зрѣніи, стремились къ святынѣ, озаренной этою мерцающей искрой, чтобъ подсмотреть, что освѣщала она въ милыхъ чертахъ, сонъ или слезы, любовь или проклятыя, видѣнья или думы на яву.

— Ольга! Ольга!... Теофанія!... поздно!... прошепталъ онъ, и почти упалъ на стулъ со вздохомъ невыразимаго страданія.

— Маменька согласна ѣхать въ театръ, сказала Теофанія, возвращаясь въ комнату.

Долиньи, какъ прежде, отбросился къ окну. Мѣлкій, давно крапавшій, дождь усилился и началъ падать большими каплями. Долиньи не перемѣнялъ положенія, и на замѣчаніе Теофаніи отвѣчалъ, что холодная ванна излечить его отъ головной боли.

Между ними нѣсколько разъ завязывался разгворъ о незначительныхъ предметахъ, но слабо былъ поддерживаемъ съ обѣихъ сторонъ, и скоро прервался. Вошелъ Аббиаджіо: тогда Долиньи поднялся, полу-измокшій, съ встрепанными волосами, съ посинѣлымъ лицомъ, и, несмотря на проливной дождь, началъ прощаться, собираясь ѣхать обратно въ городъ. Аббиаджіо долженъ былъ употребить всю силу своего краснорѣчія и просьбъ, чтобы убѣдить его провести ночь на дачѣ, не подвергая себя путешествію нѣсколькихъ верстъ въ такое ненастье. Долиньи согласился.

На другой день не осталось следовъ вечерней погоды; небо расчистилось отъ тучъ, солнце сіяло полнымъ блескомъ, воздухъ былъ теплъ, а трава и деревья зелеными какъ въ началъ весны; изрѣдка на вѣтвяхъ пестрѣлъ желтый или красноватый листъ, оттѣнокъ между свѣжею зеленью, и тѣмъ болѣе разнообразилъ ее.

Рано утромъ, едва семейство Аббаджіо собралось къ завтраку, генеральша показала въ дверяхъ. Она тихо привѣтствовала хозяевъ, дружески сжала руку Теоданіи, и всѣ переглянулись въ недоумѣніи: небрежный утренній нарядъ доказывалъ, что, въ первый разъ отъ дѣтскихъ лѣтъ, она вышла изъ дому не остановившись передъ зеркаломъ. Но эта самая небрежность удивительно шла къ женщинѣ, пріучившей всѣ взоры всегда видѣть себя въ изысканномъ уборѣ. Какъ мило кружева чепчика обрамляли ея томное лицо, едва выпуская на лобъ и на щеки округленные ряды шелковистыхъ волосъ! Бѣлый пеньюаръ, опадающій до самыхъ ногъ широкими складками, не обрисовывалъ ея стану, но тѣмъ болѣе уполномочивалъ воображеніе угадывать чародѣйскія прелести, которыя скрывалъ онъ такъ тщательно и ревниво. Она была блѣдна и казалась сильно растроенною; не было улыбки на устахъ; взоръ не блисталъ веселостью и остроуміемъ, какъ прежде: тихая грусть и покорность судьбѣ однѣ свѣтились въ прозрачной лазури ея глазъ, и, отражаясь въ изнеможенныхъ чертахъ, отзываясь въ дрожащемъ голосѣ, придавали выраженіе трогательной кротости и доброты. На балѣ, въ цвѣтахъ и брилльянтахъ, Ольга бывала прекрасна, какъ миеологическая любовь, беззаботная, игривая, коварная; здѣсь, въ эту минуту, ея дѣтская простота, задумчивость, рѣсницы еще влажныя отъ слезъ, и глаза, тоскливо опущенные къ землѣ какъ-бы отъ усталости стремиться къ недостижимымъ небесамъ, уподобляли ее отверженной Пери, которая не ослѣпляетъ

взоровъ, но трогаетъ и на-вѣкъ плѣняетъ душу каждаго, кому хоть разъ явится на яву.

Замѣтивъ Долиньи, она покраснѣла, потомъ сдѣлалась блѣднѣе прежняго, и пролепетала едва внятнымъ голосомъ :

— Я пришла проститься съ вами.

И она опустилась на стулъ.

Все семейство Аббиаджіо окружило ее съ заботливыми вопросами о здоровьѣ. Долиньи, отошелъ въ сторону, и взялъ свою шляпу.

=

ТЕОФАНЯ АББАДЖИО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Долинъи вышелъ, не поднимая глазъ ни на кого изъ присутствующихъ, и сказавъ только, что онъ идетъ въ оперу за билетомъ. Визитъ Ольги былъ непродолжителенъ; она довольно спокойно говорила о своихъ распоряженіяхъ въ отъезду, о перемѣнѣ намѣренія возвратиться въ Петербургъ, который ей уже наскутилъ, и о предположеніи провести зиму въ Неаполь, куда пригласила ее княгиня Б... родственница ея матери. При прощаніи съ семействомъ Аббаджіо, она благодарила ихъ за гостепримство, за доброе расположеніе; еще разъ осыпала Теофанію желаніями всѣхъ благъ въ супружествѣ, и ушла.

Долинъи провелъ нѣкій день въ городѣ, и только къ вечеру возвратился, съ билетомъ на дожу въ оперу, для Теофаніи.

— Ахъ, Боже мой, какая досада! сказала она, встрѣчая его на крыльцѣ: я не могу ѣхать въ театръ.

— Не можете! Почему же?

— Маленька, страдаетъ сильной мигренью, и лежитъ въ постели.

— Жаль! Но «Евпріосъ» даетъ такъ много хорошихъ результатовъ по этому случаю.

— Я знаю одно средство, ..

сказала Теофанія, взглянувъ съ робостью на Александра.

— Можете ли сомнѣваться въ моей готовности повиноваться вамъ? — сказала Лавринская.

— Быть-можетъ генеральша Лавринская согласилась бы вѣхать со мной....

Долиньи видимо смутился и нѣсколько минутъ не отвѣчалъ. Теофанія посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Не думаю, сказалъ онъ наконецъ, не поднимая глазъ: Лавринская завтра вѣдетъ.... Впрочемъ какъ вамъ угодно.... Можетъ-статься.... Предложите ей,....

Теофанія не двигалась съ мѣста. Долиньи также стоялъ противъ нея въ ожиданіи приказаній.

— Какъ же вы разнитесь?.... нора, черезъ часъ начинаю представлено, замѣтилъ онъ, прерывая зайную думу своей наезны.

Она взглянула на него испытующимъ взоромъ, стараясь разгадать причину его замѣшательства, но онъ стоялъ передъ ней, снова равнодушный и спокойный, съ обыкновенной ясностью въ глазахъ, безъ всякаго выраженія особенной мысли или ощущенія въ лицѣ. Теофанія, въ свою очередь, смутилась и покраснѣла отъ упреку совѣсти за грѣшное недоверіе.

— Я приглашу ее.... сказала она съ живостью, порхнула внизъ, по аллеѣ, къ квартирѣ пріятельницы, и не долго спустя возвратилась, ведя Ольгу за руку.

— На-силу уговорила эту капризницу! сказала она Александру.

Несобоя генеральшѣ сѣсть въ коляску, Долиньи трепеталъ какъ осиновый листъ, и потому, во весь проѣздъ отъ дѣла до города, молчалъ, смотря угрюмо на окрестность и какъ-будто ждалъ оправданія прѣдлагаемому, данное ему Лавринской — дѣла, теломъ ко-

ненавистника; его спутницы были не болѣе говорливы: Ольга всё-еще казалась сильно разстроенною, Теоданія боролась съ какой-то мучительною думою, которая противъ воли запала въ ея душу.

Коляска остановилась у колоннъ театральнаго подъезда; они вошли; занавѣсъ былъ уже поднятъ. Должны, проводя дамъ до дверей ложи, скрылся, и нѣсколько минутъ спустя занялъ кресла въ партеръ.

На сценѣ колонисты пѣли хоромъ, въ ложахъ разговаривали и перекланывались съ знакомыми, а за креслами, гдѣ толпились ревностнѣйшіе любители музыки, простые Италіянцы, изъ которыхъ не одинъ жертвовалъ обѣдомъ наслажденію послушать оперу и прокричать свое восторженное *brava*, хохотали и аплодировали фарсамъ негра. Но вотъ изъ-за кулисъ раздалось стenanіе. Все присмирѣло, всѣ лица обратились къ сценѣ съ напряженнымъ вниманіемъ: Карденіо, тихо сверкая глазами, блѣдный, въ изорванной одеждѣ, съ опрошенной рукою за плечами, вѣбывалъ наутесъ, и, въ вѣчной тоскѣ, во вѣроломной красавицѣ, занялъ:

«Raggio d'amor pareo
Nel primo april degli anni;
Ma quanto bella rea
Maestro era d'inganni!
Sul volto avea le rose,
Le spine nascosse in cor!»

Вдругъ Теоданія вздрогнула и, блудница самаго безумнаго Ригіосо нераздельной любви, отинулась на спинку стула; взоръ ея злобно уперенъ на Ольгу, и повинуясь отъ удивленія, горести, вѣнугу; казалось, тутъ кровавая лопнула надъ ея головою и стрѣлы молніи оналили ея сердце; черты ея исказились, губы задрожали безъ словъ, и руки, судорожно прижатые къ груди, свидѣтельствовали о томъ, какое страданіе раздирадо ее.

Когда жь Карденіо пропѣлъ дрожащимъ голосомъ, который вырывался изъ его груди какъ послѣдній крикъ умирающаго,

«*Coni morei, morai d'amor.*»

то слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ бѣдной дѣвушки. Собравъ всѣ силы, она встала и, шатаясь, скользнула за дверь.

Ольга поспѣшила за ней, съ заботливыми вопросами о здоровьѣ.

— Ничего.... жарко, душно.... оставь меня!... простонала Теофанія, отталкивая съ негодованіемъ пособія Давринской; закрыла лицо руками, и прислонилась къ стѣнѣ.

Когда объ возвратились въ ложу, театръ дрожалъ отъ рукоплесканій; безумецъ, по обычаю итальянскихъ актеровъ, очень вѣжливо благодарилъ жубинку, шаркая босыми ногами по скаль; тучи надъ сценою сгустились, бумажныя волны заколыхались, крикъ восторговъ утихъ. Теофанія заняла прежнее мѣсто, но уже болѣе ничего не видала, не слыжала: голова ея склонилась къ груди, взоры поникли; театръ, музыка, общество, все для нея исчезло.

Однако жь, странно! что могло такъ сильно возмутить страсти, потрясть всѣ фибры сердца молодой дѣвушки? здѣсь, въ многолюдномъ обществѣ?... гдѣ ни чье движеніе не укрылось бы отъ глазъ тысячи свидѣтелей, въ минуту когда ни одно слово не могло коснуться ея слуху, когда все было тихо, недвижно, подъ вліяніемъ чарующей гармоніи и уваженія къ общему наслажденію?...

То былъ одинъ взглядъ, одинъ только короткій, быстрый взглядъ, брошенный женихомъ ея на Ольгу; и во все не изъ тѣхъ нѣжныхъ, страстнымъ взглядомъ, въ

которыхъ все бытіе человека, сливаясь въ одно чувство, горитъ выраженіемъ любви.

Нить, не любовь блеснула въ глазахъ Италіянца при жалобѣ безумнаго— *Розы цѣли на лицѣ ея, щипы тѣлись въ ея сердцѣ*; холодежь и тусклѣ былъ взоръ его, выравившій укоръ и вмѣстѣ прощенье врагу, который, сгубивъ его смертельнымъ ударомъ, пытался унять кровь и воскресить его къ жизни.

«Поздно!» говорилъ тотъ взглядъ, и закрывался навѣкъ для свѣта и земнаго счастья.

Этотъ-то взоръ уловила Теофанія; его-то приняла она въ замершее отъ ужаса сердце!... Смущеніе, румянецъ и тайная слеза Ольги, довершили ея подозрѣнія: она все поняла.

Она поняла какъ обманывало ее воображеніе, толкуя холодность Александра тѣмъ, что онъ не созданъ былъ для нѣжныхъ ощущеній; что, спокойный, твердый, горделивый, онъ стыдился могущества страстей и чуждался всего, что могло разнѣжить его мужественную волю. Утративъ надежду на взаимность любимаго, Теофанія находила еще слабую ограду въ мечтѣ, что когда не она, такъ и *никто* не очаровалъ души его; что ни чьихъ ласкъ не жаждалъ онъ, ни на чьей груди не могъ забыться въ упоеніи; она сроднилась съ мыслию, что онъ пройдетъ отъ колыбели до могилы живя однимъ умомъ, ощущая умомъ, любя и наслаждаясь умомъ, и отрицая все, что мучитъ и счастливить созданія страстныя, впечатлительныя.... Горько, но порою и утѣшительно, было это убѣжденіе: одно мгновеніе все уничтожило! Долины могъ любить, могъ блаженствовать и создавать блаженство другихъ своею любовью, могъ избирать, не разумомъ, а сердцемъ, избирать, любилъ, и любилъ не еѣ!

Но гдѣ же, когда узналъ онъ эту Ольгу? какъ началась и чѣмъ кончилась ихъ связь? какаѣ враждебная

судьба, зивидуя первому; бѣдному счастью страдалицы, свела ихъ снова здѣсь? Добрая воля? взаимное согласіе? Такъ почему жь ее, а не Ольгу, называлъ Александръ своею невѣстой?... Ольга, невѣста Александра!... Ольга въ его объятіяхъ!... Теофанія вздрогнула, ей стало холодно, голова закружилась, мочьъ выпала; мысли помутились.

Не скоро очнулась она отъ забытья. Долинки и генеральша Лавринская стояли передъ ней, звали ее; театръ пустѣлъ; прима-донна заливалась въ треляхъ послѣдней арии. Теофанія встала, вышла влѣдъ за Ольгою изъ ложи, едва держась на ногахъ, сашла съ лестницы; на крыльцѣ свѣжій воздухъ, волненіе и говоръ людей возвратили ей силы и память настоящаго.

— Какъ хороша ночь! сказала Ольга, останавливаясь на послѣдней ступени: я завтра уѣду отсюда; исполни же мою послѣднюю прихоть, Фанни, пройдемся немного по бульвару.

Фанни подала ей руку въ молчаніи; онъ спустился по театральнѣй площади къ бульвару. Долинки, волей или неволей, пошелъ за ними.

Ночь была тихая и теплая, легкіи вѣтерокъ, вѣя съ моря, едва шелестилъ вѣтвями деревъ: свѣтлая, полная луна бросала съ краю небесъ яркіи отблескъ на волны, который, разливаясь отъ горизонта до самыхъ береговъ широкою рѣкою свѣту, разбѣгался струями во всѣ стороны дробился на безчисленные полу-круги, разносилъ далеко по морю дрожащія серебряныя искры. Вдали чернѣлись и слегка покачивались съ боку на бокъ суда, стоявшія на якоряхъ у гаваней: ихъ объемы, увеличенные невѣрностью ночнаго свѣту, неясность формъ, мачты, трубы и канаты преображали ихъ въ сонмы фантастическихъ чудовищъ, выплывшихъ въ полуночный часъ поиграть и поплескаться. Съ другой стороны бульвара, въ городъ, начинало сти-

тять; грохотъ экипажей по шестовой раздавался рѣже и рѣже; въ двухъ трехъ ближайшихъ домовъ неслись тихіе звуки «ораторіи» или пѣтвы итальянской мелодіи; и все, прозрачность воздуха, небо, неотуманенное ни однимъ облачкомъ, чарующіе звуки Доницетти, еще наполнявшіе слухъ и душу всякую, кто наслаждался ими, даже эти колоннады, озаренныя матовымъ свѣтомъ луны, все плыло: воображеніе и уносило его далеко за море, въ край апельсиновыхъ рощей, весны и вдохновенія. Но, ни прелесть ночи, ни ясность неба, не могли окживить убитой духомъ Теофаніи и разогнать задумчивости Александра. Всѣ покушенія молодой вдовы заставить ихъ говорить были напрасны: о чемъ ни заводила она рѣчи, съ намѣреніемъ хоть полусловомъ, хоть темнымъ намекомъ, оправдать себя во мнѣніи Долиньи, онъ отвѣчалъ коротко, принужденно. Теофанія молчала, и разговоръ прерывался. Ольга едва скрывала свою досаду. Наконецъ, какъ опытный воинъ, который, видя что всѣ хитрости его остаются безуспѣшными, рѣшается однимъ ударомъ кончить судьбу борьбы, она начала говорить прямо о жалобахъ Карленю.

— Не вѣрю, не могу вѣрить, сказала она, смотря выразительно въ лицо Долиньи: чтобъ подъ прекрасной наружностью могло таиться коварное, злое сердце: это—одно слѣдствіе случайныхъ недоразумѣній, заблужденіе мечтателя, обманутаго лживой наружностью, или клевета поэтовъ, ядовитѣйшая клевета на женщинъ, на всю природу....

— О!.... если бы счастливое соединеніе тѣхъ совершенствъ; которымъ мы удивляемся въ вашей особѣ, было удѣломъ всѣхъ женщинъ: конечно, ни одинъ мечтатель ни одинъ поэтъ не дерзнулъ бы возставать противъ ихъ чувствительности, нѣжности, постоянства.....

щизь чувствамъ , вы забыли уморить праматеръ ихъ, любовь. Въ какой категоріи мнѳологическнхъ вымысловъ числится она по вашей системѣ ?

— Въ категоріи саламандръ, тѣхъ легкихъ, блестящихъ геніевъ, которые живутъ въ пламени, питаются однимъ пламенемъ, и перелетаютъ бѣлымъ огонькомъ къ другой сущности, лишь только удастся имъ пережечь и испепелить ту, въ которую закрались они коварствомъ или хитростью....

— Говорите яснѣе; ваша любовь—фейерверкъ: вспыхнула и погасла, не оставивъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ.

— Напротивъ, оставивъ по себѣ слѣды вѣчнаго опустошенія, уничтоженія всѣхъ силъ и чувствъ душевныхъ. Впрочемъ, мое и ваше истолкованія любви равно могутъ примѣниться къ ней, смотря по характеру особъ, зараженныхъ ею. Знаю, что есть счастливицы, и въ особенности *счастливицы*, которыхъ чувства такъ же вспыхиваютъ, играютъ, тѣшатъ ихъ, и точно такъ же, разлетаясь искрами, гаснутъ какъ римская свѣча, какъ перуанское солнце. Къ несчастью, не всѣ умѣютъ любоваться на нее издали; есть безумцы....

— Которые попадаютъ въ огонь какъ бабочка : не это ли хотѣли вы сказать ?

— Вы отгадали, и погибаютъ жертвами....

— О, нѣтъ ! только вылетаютъ съ опаленными крыльями, которыя вырастаютъ при первой ихъ метаморфозѣ. Вѣдь люди такъ часто мѣняютъ видъ, характеръ и наружность !... то пресмыкаются на землѣ, то парятъ подъ облаками.... Опаленное крыло легко замѣняется другимъ, красивѣйшимъ, и служитъ имъ лучше прежняго, къ новымъ полетамъ и искательствамъ.

— Мы жили въ разныхъ сферахъ, замѣтилъ Долинья, съ поклономъ, видимо уязвленный шуткою генераль-

на : мой слабый взор иногда не проникалъ въ кругъ, укрѣпленный вашимъ превосходительствомъ , а вы не удостоивали спускаться къ средьличнейшей судьбѣ : следовательно, наши понятія такъ различны , что споръ между нами былъ бы бесполезенъ .

— О какихъ сферахъ говорите вы , возразила съ досадою Ольга , почти до слезъ смущенная намекомъ . Должны : на какіе круги разделяете вы человечество ? Не вездѣ ли равны характеры и страсти людей ? Не альпо ли судьба бросаетъ въ свѣтъ умъ и глупость , чувство и безчувственность ?

— Я сказала только свое мнѣніе , и умоляю васъ забыть объ немъ , если оно имѣло несчастье вамъ не понравиться .

— Напротивъ , не забыть , а разувѣрить васъ въ этомъ несправедливомъ мнѣніи желала бы я . Неужели и вы разделяете предрасудокъ , будто женщина будто люди большаго свѣта лишены способности сильно и глубоко чувствовать ? будто они не знаютъ неизгладимыхъ впечатлѣній и , въ шумъ своего блестящаго хаоса , не могутъ хранить святыни вѣчныхъ воспоминаній ? Неужели вы вѣрите , что въ большой залъ , подъ блондой и золотомъ , не такъ же страстно , не такъ же болѣзненно , порою бьется сердце , какъ и въ вольныхъ рощахъ Италіи ? или , что пляски и хоры приторныхъ комплиментовъ , и эта суетная жизнь , могутъ вытѣснить изъ души то , что дало ей второе существованіе ?

— Позвольте мнѣ умолчать о моемъ мнѣніи , сударыня : я бываю иногда слишкомъ откровененъ

— Нѣтъ , нѣтъ , скажите , прошу васъ ; я хочу знать его : скажите .

— Повинуясь вашему приказанію , заранѣе слагаю съ себя ответственность за послѣдствіе Отнюдь не думаю , чтобы изящество и образованность ума и , еще менѣе , прихотливая изысканность въ выгодахъ жиз-

ни, были гибельны для сильныхъ и продолжительныхъ ощущеній. Напротивъ, кто можетъ лучше постигнуть все прекрасное, какъ не умъ очищенный отъ первобытной грубости, освобожденный отъ мелочныхъ расчетовъ и хлопотъ существъ низшаго класса, возвышенный и утонченный чтеніемъ гениальныхъ произведеній и непрерывнымъ обращеніемъ въ кругу, который, какъ водоворотъ, втягиваетъ въ себя все, что природа и люди создаютъ изящнѣйшаго, достоинѣйшаго удивленія. Вы видите, я не поклонникъ идилліи и пастушескаго невѣжества. Но прошла пора дѣтства, и рассмотримъ, куда бросается умъ, просвѣщенный съ такой заботливостью, и чувства, такъ тщательно сохраненныя отъ всего, что могло возмутить ихъ непорочность. Эти нѣжные цвѣты, скромно валежальныя въ теплицѣ, пересаживаются на блистательнѣйшія вершины изящной жизни, въ самую холодную атмосферу: ихъ ослѣпляютъ блескомъ, научаютъ жаждать одного блеску, жить блескомъ и для блеску; всѣ способности ихъ перераждаются въ стрѣлки особеннаго роду, которыя, какъ магнитъ къ сѣверу, стремятся только къ сіяющимъ предметамъ; а въ цѣломъ мірѣ рѣдко то грѣетъ, что блеститъ, начиная отъ солнца, которое не ласково къ растеніямъ, слишкомъ близкимъ къ нему, до всѣхъ столько любимыхъ нами сокровищъ земныхъ. Какъ же зарониться чувству робкому, нѣжному, въ сердце отвыкшее отъ тихихъ природныхъ ощущеній? какъ впечатлѣться ему неизгладимо въ душу, рабыню этикета и риторическихъ соображеній разсудка, вѣчнаго противуборника всѣхъ чувствъ? какъ сохраниться воспоминаніямъ въ этой однообразной суетѣ, въ непрерывномъ движеніи мелочныхъ страстей, модъ и происшествій, гдѣ все живетъ настоящею минутою или порывается къ будущей, и не имѣетъ времени оглядываться на прошедшую? Впрочемъ, высказывая свое мнѣніе, я вовсе не настаиваю, будто оно непогрѣшительно; я такъ ду-

маю, такъ мнѣ кажется.... Конечно, и въ медномъ свѣтѣ не невозможны любовь и семейное счастье; но для достиженія ихъ, необходимо равенство состояній, значеній, дѣтъ, а исполненіе столькихъ условій вмѣстѣ — трудно...

— Но развѣ любовь не можетъ сгладить неравенства и различія состояній?

— О!.... наша свѣтская любовь такъ нѣжна сложениемъ, такъ страдаетъ нервами, что подобныя жертвы ей не подѣ силу! Мужчины, спускаясь на низшую ступень общества, ищутъ минутнаго наслажденія....

— А женщина, женщина? Она, ничего не ища, ничего не замышляя, увлекается одной любовью?

— Женщину останавливаютъ условныя приличія, боязнь людской молвы, бабушка, тетунка.... Да и кто изъ насъ дерзнетъ безнаказанно возвестъ взоръ выше себя? кому прійдетъ охота гнаться за недостижимымъ?.... Конечно, вы неразъ видѣли сѣверное небо въ сильный морозъ: оно ясно, прозрачно, необъятно, свѣтлы горячія на немъ звѣзды, онѣ плѣniają, манятъ воображеніе, и глаза съ любовью стремятся къ нимъ; но въ этой чудесной атмосферѣ воздухъ дотога сгущенъ холодомъ, что дыханіе замираетъ въ груди, и эти звѣзды такъ далеки, такъ неизвѣданны, что кто же не предпочтетъ ихъ фосфорическому сіянію сияго огонька углей въ близкомъ камнѣ?

— Кто? мосьё Долинны, кто?.... сказала Ольга, смотря пристально ему въ лицо; но онъ опустилъ взоръ, и она продолжала съ жаромъ:

— Вы говорите.... вы сказали, что трудно чувству робкому и нѣжному зарониться въ душу, полную суеты и мелочныхъ страстей. А если жъ чувство предупреждаетъ вступленіе въ свѣтъ? если въ эту морозную атмосферу приносятъ съ собою любящее сердце и память

о счастья, котораго не находятъ, даже не ищутъ, вокругъ себя?....

— Тогда, убеждаясь въ тщетности своихъ воспоминаній и въ справедливости доводу, что самая плохая существенность лучше прекраснѣйшей мечты, мирятся съ своимъ положеніемъ, украшаютъ и улучшаютъ его по возможности; душатъ желанія сердца дымомъ значенія, цвѣты воображенія замѣняютъ брилльянтами и вдутъ.... на балъ.

— Нѣтъ, вы, вы... вы не справедливы... вы жесто....

Ольга замолчала. Взглянувъ на Теофанію, она не смѣла говорить болѣе, но грудь ея широко поднялась, вдувая едва удерживаемыми слезами, и губы невольно открылись для оправданія, которое камнемъ лежало у нея на сердцѣ. Чувствуя наконецъ, что напрасны были бы все усилія овладѣть собою, она освободила тремпущую руку отъ Теофаніи, пархнула въ сторону, къ праву обрыву, и отерла дѣтъ крупныя слезы, подвигнула ресничкахъ. Теофанія, блѣдная, безмолвная, бегъ слезъ въ глазахъ, безъ вдоховъ и речеву, какъ тѣнь пошла вслѣдъ за нею и остановилась цѣпля. Дюдини остался на прежнемъ мѣстѣ, съ притворнымъ равнодушіемъ; только взоръ его пристально слѣдилъ за оскорбленною женщиной и не проронилъ ни одного ея движенія. Смущеніе, недоконченная рѣчь и слезы Ольги упали укоромъ на его совѣсть. Онъ упрекалъ себя въ жестокости противъ женщины, виновной, но еще любящей; онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что она любитъ безнадежно, слѣдственно, глубоко страдаетъ и быть-можетъ искупила уже страданіемъ весь вины своего прежняго легкомыслія. Онъ узавилъ ее безъ пользы, безъ всякаго желанія мести, даже безъ умыслу бросить ей прошедшее упрекомъ или наказаніемъ: то была минута слабости, унижительной для его самолюбія, и онъ раскаявался, досадовавъ на себя, го-

товъ, будь просить прощенья.... Но эти слезы, поколебавшія его мужество и пробудившія въ немъ первую, единственную любовь, едва усмиренную временемъ и отчаянными усилиями разсудка надъ сердцемъ, произвели совсѣмъ противное дѣйствіе надъ Ольгою.

Гордая Ольга, заслужившая равнодушіемъ своимъ въ ездѣ названіе красавицы съ алмазнымъ сердцемъ, растала отъ речей челоуька, который оквергалъ ея призывы, ея любовь, и какъ-бы въ насмѣшку ей избралъ другую, съ которой ея самолюбіе не допускало даже сравненія. Ей показалось, будто слезы ея упали на мальной дѣтско къ ногамъ торжествующаго; будто онъ смѣется, побирая ихъ или, хуже, подносить свадебнымъ даромъ сопернице..... Кровь вскинула отъ негодованія въ жилкахъ оскорбленной женщины: въ минуту злости ея слезы, румянецъ гордости вспыхнули на поблѣднѣвшемъ отъ тайнаго страданія лицѣ, и, съ видомъ совершеннаго равнодушія, пробудившаго чувство собственнаго дѣйствія, она взяла за руку Теодатию, и возвратилась ревнымъ, медленнымъ шагомъ въ большую аллею, гдѣ все-еще стоялъ Долинскій, расстроенный, потерявшій все пріютствіе духа. Тамъ она сказала съ совершеннымъ смѣхотворствомъ:

— Какъ хороши ваши южныя ночи! Даже я, не мечтательница и вовсе не поклонница луны, я заглядѣлась на отливъ сѣнія въ волнахъ.

Долинскій почти не слыдалъ, что говорила Ольга: ему чудилось въ ея голосъ трепетанье, въ бѣлизнѣ лица страдальческая блѣдность; даже шелестъ платья и сухихъ листьевъ подъ ея ногами, шорохъ взвѣваемой ветромъ мантіи, все отывалось въ воображеніи любимаго Итальянца, то тайнымъ вздохомъ, то волненіемъ груди. Съ намѣреніемъ заглядить вину свою, онъ приближился къ Ольгѣ и робко, голосомъ двадцатилѣтняго юноши, началъ издѣваться въ томъ, что де-

увѣщаніе думать, несчастіе оскорбитъ ее и быть-можетъ даже въ ея памяти пороки, воспоминанія....

Ольга расхохоталась. Долины вдрогнула и остановилась.

— Горькія воспоминанія! оскорбленіе мнѣ!... гдѣ рѣчь идетъ объ нѣясныхъ чувствахъ... О!... мосѣ Долины, какъ замѣтно, что вы меня не знаете!..... Вся жизнь моя была такъ весела, такъ беззаботна, что я не понимаю фразы — «горькія воспоминанія». У меня нѣтъ воспоминаній; я живу настоящимъ и для настоящаго, завтраша мнѣ. Что жъ насчетъ до дѣжныхъ чувствъ, то вамъ вѣсело, не только не оскорбляло меня, но напротивъ, я одобряю его. Заманить мечты существованностью, любовь богатствомъ, бредъ воображенія, дѣтскими: можетъ ли быть что благороднѣе, достойнѣе похвалы? И если кто, при вступленіи въ свѣтъ, имѣлъ глупость вамъ, скорѣе, несчастіе увлечется на минуту мечтой, то задунитъ ее, выместитъ слѣды ея изъ памяти и изъ сердца, вотъ одно средство подняться изъ униженнаго паденія, въ которомъ такъ смѣшонъ мужчина и такъ жалка дѣвушка.....

— Вы такъ думаете..... это вамъ мнѣшіе?..... спросилъ почти въ испугъ Долины, но достигая спохватывающему переходу отъ чувствительности къ философіи и пораженный твердымъ тономъ, съ какимъ произнесла Ольга приговоръ въ мѣстѣ счастливѣйшимъ опущеніемъ своей молодости.

— Да, это мое мнѣніе, мое вѣдѣніе, постоянное мнѣніе, слышала съ той же холодностью Ольга.

Теофанъ по внезапному внушенію сжала руку Ольги, взглянувъ на нее съ выраженіемъ благодарности, но это движеніе было мгновенное; и вторая мысль отразилась горькою улыбкой на лицѣ ея.

— Мнѣ кажется, Ольга, не всегда таково было твоё мнѣніе.... сказала она въ долговоліе.

— О! конечно, если ты хочешь говорить о годахъ нашего перваго знакомства, перебила ее съ живообътою Ольга. Я считаю жизнь свою отъ замужества; до той поры я была такъ молода и неопытна, что на вся чувства и помышленія того времени смотрю какъ на игрушки, занимавшія меня когда-то, въ дѣтствѣ, но теперь не стоящія даже воспоминанія.....

И все это говорила Ольга легко, равнодушно, безъ тѣни принужденія или притворства; и всякое слово ея язвило Александра и, возбуждая въ немъ негодованіе, раздражало его любовь. Онъ не могъ ни на одно мгновеніе усомниться въ чувствахъ молодой вдовы. За день до того, онъ холодно оттолкнулъ ея послѣдній призывъ; нѣсколько минутъ тому, отнималъ у подобныхъ ей женщинъ все способности къ сердечнымъ ощущеніямъ, и долге настаивалъ бы на своемъ мнѣніи; если бы противорѣчіе подстрекало его; но слышать подтвержденіе своимъ холоднымъ опредѣленіямъ изъ устъ любимой женщины, было для него нестерпимо. Онъ, какъ жестокосердое дитя, для забавы своей, металъ острыми стрѣлами въ оскорбившее его слабое обаяніе; но, когда укрѣпилось и поднялось для защиты, оно отбросило въ него одну изъ его собственныхъ стрѣлъ; остріе глубоко вошло въ грудь защитника, и сердце его обдалось кровью.

— Да, сказалъ онъ съ горечью, но уже безъ пропѣла, да, вы правы; ни одно изъ ощущеній вчерашняго дня не стоитъ воспоминаній сегоднешняго! Въ юности мы смѣялись надъ куклою, на которую такъ любовались въ дѣтствѣ; позже, надъ прекраснѣйшими, ослѣпительнѣйшими чувствами молодости, надъ единственными, истинно счастливыми мгновеніями жизни, въ грядущемъ, въ чьей памяти сохраняется она ошибкою, для кого-то украдкой станетъ дѣлать ихъ!

— Тотъ будетъ сивиломъ, какъ видно изданіе ея

раго альманаха, и жалокъ, какъ прошлогодній цвѣтокъ, посреди майской зелени.

— Скъбноу и жалокъ, сударыня?..... вы, конечно, всегда жили и дѣйствовали въ страхъ этихъ громающихъ словъ: *всегда?*.... спросила Долины, и на этотъ разъ въ словахъ его отозвалась колкая насмѣшка.

Ольга вспыхнула.

— Вамъ угодно, кажется, выслушать исповѣдь моей жизни? спросила она, бросивъ на него гордый взглядъ: въ такомъ случаѣ не угодно ли начать вамъ? Вы больше моего рыскали по свѣту и извѣдали жизни; я вѣнчанъ послѣдуюмъ вашему призыву.

— Жизнь моя пуста и незначительна, въ особенности для.... для вашего превосходительства.

— Позвольте не вѣрить вамъ; сегодня я въ первый разъ имѣю удовольствіе слышать ваши сужденія о людяхъ и свѣтѣ: они такъ рѣзки, такъ полны ожесточенія противъ любви, противу нашего бѣднаго пола, что очень любопытно проникнуть въ ихъ источникъ; человекъ равнодушный, не жившій жизнью душевною, не знаетъ ни восторговъ ни ожесточенія.

Странная идея мелькнула въ умъ Долины: ему захотѣлось уличить въ неправдѣ гордую и самолюбивую красавицу, захотѣлось заставить ее сознаться, что не во всемъ воспоминаніямъ была она равнодушна, и не надъ всеми ощущеніями можетъ смѣяться.

— Вы правы, сударыня, сказалъ онъ: я жилъ жизнью душевною, но только по сочувствію къ другу, къ брату, котораго зналъ какъ самого себя, съ которымъ дѣлилъ все его горести и страданія; — не говорю объ радостяхъ: онъ незнакомъ былъ съ ними.

— И отъ него-то въ наследство, по *сочувствію*, какъ выразились вы, достались вамъ все эти искаженныя понятія о свѣтскихъ женщинахъ, о страстяхъ?.....

— Вы угадали. Судьба неожиданно перебрехала его въ область жизни, чуждую ему по рожденію и званію, и за это невольное переселеніе, жестоко наказала безвиннаго. Я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его горькихъ слезъ, многихъ безсонныхъ ночей.... Не участвуя въ заблужденіяхъ, я тѣмъ не менѣе дѣлалъ весь его страданія: такъ мудро ль, что мнѣ *достались въ наслѣдство* его понятія, и что многія изъ чувствъ его отпечатлѣлись въ моемъ характерѣ?

Ольга и Теофанія молчали, но сердца обѣихъ билась съ удвоенною силой. Первая отчасти поняла намѣреніе Долинны; вторая, не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ своихъ подозрѣній, но еще теряясь въ догадкахъ и заключеніяхъ, чувствовала, что настаетъ рѣшительная минута ея прозрѣнія. Ея не обманула ссылка на небывалаго друга: она явно видѣла въ этомъ страдальцѣ своего жениха, избранника своей первой любви, человека, поманившаго ее первую надеждою на счастье. Рано разсѣялись эти надежды, но сильною и невреждимою осталась любовь, и изъ нея почерпнула Теофанія силу вызвать послѣдній ударъ грозы, который, смертельно поражая ее, долженъ былъ освѣтить весь прошедшія сношенія Александра съ Ольгою, и указать ей, какъ она должна вести себя въ будущемъ.

— Исторія вашего друга должна быть очень занимательна, сообщите намъ ее, сказала она; обращаясь къ Долинны, и голосъ ея не дрогнулъ, не понизился, на лицѣ не замѣтно было ни малѣйшаго замѣшательства.

— Вамъ, Теофанія? возразилъ Долинны, смутясь при звукѣ голосу, который напомнилъ ему объ ея присутствіи и объ его обязанностяхъ къ ней: вамъ?..... Извольте.... когда-нибудь.....

— Нѣтъ! теперь, сей часъ же; прошу васъ, Александръ.....

Долинны посмотрѣлъ на нее недовѣрчиво, но ясность

и спокойствіе лица ея разсѣяли его опасенія. Онъ обратился къ Ольгѣ.

— Если бѣ я не боялся наскучить ея превосходительству.... Разсказъ мой не можетъ сравниться въ занимательности ни съ однимъ изъ новыхъ романовъ, а красноречіе мое, къ несчастію, не выкупить его недостатковъ.

— Вы слишкомъ скромны, мосьё Долиньи! И присодиняю просьбу мою къ просьбѣ вашей невесты. Сядемъ въ коляску: если разсказъ вашъ сократитъ время обратнаго пути, то уже и этимъ однимъ приобрететъ большія достоинства.

Она силилась поддержать въ голосѣ своемъ прежній тонъ равнодушія, но онъ замѣтно измѣнился отъ неровнаго и прерывистаго дыханія. Они сѣли въ коляску. Пока колеса гремяли по мостовой, никто изъ нихъ не прерывалъ молчанія, но, лишь-только выѣхали они за городъ, Теофанія напомнила Александру объ обѣщанномъ разсказѣ.

— Я ожидаю его съ нетерпѣніемъ, прибавила Ольга, и опустила глаза.

Теофанія, напротивъ, вперила взоръ въ лицо Долиньи. Онъ началъ говорить:

— Мой другъ Джуліо былъ ровесникъ мнѣ годами; мы выросли и воспитывались вмѣстѣ, и, достигнувъ совершеннолѣтія, вмѣстѣ отправились путешествовать. Не знаю, предопредѣленіе ли или предчувствіе, внушало ему страстное желаніе видѣть Россію, только посѣщая замѣчательнѣйшія страны Европы, онъ бредилъ равнородностью климатовъ, цѣстротою племенъ вашей родины, рвался къ ней какъ къ обѣтованному краю, и наконецъ увлекъ меня съ собою. Въ началѣ весны, проскитавшись нѣсколько недѣль по несчастнымъ и зеленымъ равнинамъ Новороссійскаго Краю, мы остановились въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи,

слѣшкомъ въ ея исторіи, и въ первомъ воскресеніи пошли къ обѣднѣ въ соборъ.

Когда мы выехали и я еще разсматривалъ новую для меня архитектуру и богатотю украшеній, Джулио крикнуло сиватилъ меня за руку: «Посмотри, не удивишься, какъ хороша она!» говорилъ Джулио, показывая къ сторонѣ дверей, и лицо его пылало, глаза одушевились. Я взглянулъ: тамъ стояла дѣвушка или, лучше сказать, дитя, едва достигавшее дѣвничьяго возраста. Въ самомъ дѣлѣ, она обворожала взоры дивною красотой. То не была красота правильная, классическая, которой мы привыкли поклоняться на нашей родинѣ: не роскошью формъ, не нѣгою пламенныхъ взоровъ, поражала она; созданіе нѣжное и слабое, какъ весенній ландышъ въ снѣжныхъ долинахъ альпійскихъ, она была стройна, гибка, блѣдна; но большіе голубые глаза, дотою прозрачные, что, казалось, душа ея свѣтилась сквозь нихъ; неуловимая нѣжность чертъ, выраженіе доброты, кротости, и того, въ чужь отраднаго, святаго, спокойствія, которое мы видимъ только въ ясныхъ небесахъ и на лицахъ спящихъ младенцевъ, вотъ что плѣняло въ этой дѣвушкѣ. И онъ смотрѣлъ на нее, мой бѣдный другъ; онъ любовался въ восторгъ, въ забытьѣ, пока робкій взоръ ея не встрѣтился съ его взоромъ. Конечно, глаза его краснорѣчиво выражали восторгъ, потому что дѣвушка смутилась, вспыхнула, и, отвернувшись въ сторону, склонила голову къ груди; волны темныхъ кудрей, разсыпанныхъ по плечамъ, спустились на лобъ и совершенно закрыли ея лицо.

Мы были на крыльцѣ; карета устарѣвшаго фасону, съ большими гербами, стояла у подъѣзду; ея лакей въ ливрѣ опускалъ подножку, другой, ровесникъ ему по лѣтамъ, сводилъ съ крыльца женщину дряхлую, больную, едва передвигавшую ноги; они усадили ее въ экипажъ; вслѣдъ за ней впорхнулъ олицетворенный идеаль моего пріятеля, и карета исчезла съ площади.

Сомнѣлся ли, я никогда не веритьъ могущесву верякъ впечатлѣній; полюбилъ однажды видѣвшую особу казалась мнѣ невозможнымъ: однако жь образъ юной красавицы омаревалъ моего друга до сумасшествія, до страданія! Онъ грезилъ ею, говорилъ только объ ней, но дѣлать думалъ бродилъ по городу, въ надеждѣ встрѣтить ее, не пропуская ни одного случая, и наконецъ снова ея увидѣлъ.

Не стану упоминать о всѣхъ встрѣчахъ его съ незнакомкой: онъ видалъ ее въ уединенномъ загородномъ саду, куда отпускали ее гулять съ компаньонкой, и на балконѣ одного дому; тутъ онъ узналъ, что предметъ его преслѣдованій, была дѣвушка очень знатной русской фамиліи, а старушка, княгиня, ея близкая родственница.

Мы сдѣлали въ городѣ нѣсколько знакомствъ, посещали всѣ публичныя мѣста и гулянья, бывали на многихъ правдникахъ, но ея не встрѣчали нигдѣ. Я узналъ, что старая княгиня проводила всѣ дни въ постели и въ совѣщаніяхъ съ медиками о своей неизлечимой болѣзни.

Мы жили около мѣсяца въ этомъ городѣ. Я часто напоминалъ моему спутнику объ отъѣздѣ въ другія стороны Россіи; напрасно: онъ не хотѣлъ слышать ни просьбъ ни увѣщаній; отъ зари до зари скитался по слѣдамъ своей красавицы, забывъ объ избранной цѣли путешествія, о родинѣ, и родныхъ; въ короткое время я не узнавалъ моего бѣднаго друга. Однажды онъ вошелъ въ мою комнату, бросился на диванъ, усталый, запыленный, и, едва переводя дыханіе, сказалъ:

— Прощай, Александръ! Потыжай куда хочешь; я тебѣ болѣе не товарищъ.

— Что это значитъ? спросилъ я въ испугъ: ты хочешь, чтобъ я покинулъ тебя?..... Ни зачѣмъ!

— Цѣль, не ты, а я первый покидаю тебя; не спра-

никой мнѣ зачѣмъ и для чего.... я не могу отвѣчать.... я самъ ничего не знаю.... Пусть будетъ, что пошлетъ мнѣ злая или добрая судьба.... Ничего не надѣюсь, ничего не смѣю вымаливать у неба; но настоящее принадлежитъ мнѣ, и отъ него не оторвутъ меня ни какія, ни земныя, ни сверхъестественныя силы!.... Прощай, Александръ! Быть-можетъ мы гдѣ-нибудь еще увидимся.

Онъ протянулъ мнѣ руку: слезы блистали въ его глазахъ; всѣ распросы, всѣ моленія мои, остались тщетными: онъ упорно молчалъ, или говорилъ о дѣлахъ, просилъ писать къ себѣ почаще, адресуя въ тотъ же городъ; обещалъ извѣщать меня о своемъ мѣстопробываніи, и на другое утро, еще до зари, выѣхалъ изъ города, оставивъ письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ меня продолжать путешествіе, начатое вдвоемъ, и не стараться развѣдывать, куда онъ скрылся. День спустя, я съ стѣсненнымъ сердцемъ отпраился въ дальнѣйшій путь и проклиналъ случай, вырвавшій у меня любимаго спутника. Зная его пламенную голову, его новое, еще не излюбившееся, сердце, силу и прочность его привязанностей, я не могъ не опасаться послѣдствій этой внезапной страсти, въ чужой сторонѣ, къ особѣ, совершенно ему неизвѣстной.

Время летѣло; долго не получалъ я отъ Джуліо ни какой вѣсти; безпокойство мое усилилось дотого, что я задумывалъ вернуться въ городъ, въ которомъ надѣялся открыть хоть слѣдъ моего товарища, когда, пріѣхавъ въ Москву, засталъ я на почтѣ желанное извѣстіе. Джуліо, въ письмѣ своемъ, исповѣдывалъ мнѣ все, чего не смѣлъ высказать изустно.

Встрѣчаясь ежедневно съ прекрасною незнакомкой, онъ сначала пугалъ ее своимъ преслѣдованіемъ; она ускоряла шаги при его появленіи, старалась скрыться, смущалась и робѣла до слезъ; но когда привычка, озна-

конить съ нимъ, успокоила ея воображеніе, она ободрилась, перестала бояться своего преслѣдователя, даже порою ждала его, и искала взорами. Замѣтивъ въ толпѣ, она краснѣла съ дѣтской радостью, и смотрѣла чаще и чаще на него украдкой сквозь завѣсу длинныхъ, шелковыхъ рѣсницъ.

Кто не любилъ, тотъ не повѣритъ мнѣ, когда я скажу, что, не обмѣнявшись двумя словами, не слыхавъ голоса одинъ другаго, они были знакомы; болѣе: они понимали другъ друга! Такъ можно ль винить Джуліо въ томъ, что онъ безъ оглядки бросился къ первому случаю сблизиться съ возлюбленной своего сердца? Вотъ каковъ былъ случай.

Старая княгиня дала обѣтъ выстроить въ своемъ имѣніи церковь, и искала архитектора, который согласился бы провести все время постройки въ деревнѣ, безъ требованія слишкомъ большаго вознагражденія, потому что состояніе ея не соответствовало знатности роду. Джуліо, по страсти ко всему изящному, давно изучалъ архитектуру; ктому жъ, не нужно было большаго искусства для сооруженія деревенскаго храма, и онъ, единственный наслѣдникъ богатаго отца, представился княгинѣ бѣднымъ путешествующимъ архитекторомъ, подчинился всѣмъ условіямъ, закабалилъ себя въ услуженіе и отправился съ нею въ далекую, пустую деревушку. Но въ той пустынѣ жила та, для которой не призадумался бы онъ взять должность послѣдняго изъ слугъ. Джуліо былъ съ нею, видѣлъ ее ежедневно; робкая обмѣна ихъ первыхъ словъ не замедлила обратиться въ разговоръ; разговоры привели съ собой короткость; короткость скоро обратилась въ дружество. Джуліо блаженствовалъ.

Она была и сердцемъ и разумомъ невинна какъ дѣтя. Воспитаніе развило и украсило ея умъ, но свѣтъ не научилъ еще руководствоваться расчетами, и во

въсѣхъ поступкахъ она слѣдовала первому внутреннему чувству. Не испытывъ еще жгучаго вліянія чужихъ взглядовъ, она такъ жила, какъ ей нравилось, хвалила и хулила все по собственному усмотрѣнію, не знала ни хитрости ни притворства, была пряма, чистосердечна, весела.... при ней отдыхало сердце, измученное несбыточными мечтами, при ней смирялись страсти, въ ея присутствіи можно было любить и любоваться: всѣ прочія ощущенія утопали въ безотчетномъ наслажденіи.

Никто не слѣдилъ за ея поступками, не стѣснялъ ея свободы: старая книгунья, взявъ ее къ себѣ на-время, наняла для ней компаньонку. Эта знаменитая компаньонка, пожилая дѣвушка, Француженка, пріѣхавъ въ Россію для составленія себѣ приданого, полагала всю свою обязанность въ лепетаніи по-французски, и ни сколько не заботилась, о чемъ и что говорила ея молодая подруга на другихъ языкахъ. Ктому жъ, она не понимала италіянскаго языка, а молодая дѣвушка владела имъ въ совершенствѣ.

Есть двѣ поры, когда жизнь человѣка не измѣряется временемъ, когда вчера и завтра, дни и ночи, часы и мѣсяцы, сливаются для него въ одно цѣлое, безъ раздѣловъ, безъ отгвиковъ, и нѣтъ для него, ни происшествій, ни счастья, ни бѣдствій, нѣтъ даже ни жизни ни смерти внѣ его внутренняго бытія, въ которомъ онъ сосредоточиваетъ все свое существованіе, все зримое и незримое для себя въ мірѣ. Поры тѣ — высшія степени горя и радости.

Есть много страстей, которыя поглощаютъ всѣ умственные и душевныя способности человѣка, но не надолго, не исключительно: онъ утомляютъ его вѣчной дѣятельностью, онъ подчинены столькимъ суетнымъ властямъ, и свѣту, и людямъ, и нерѣдко самымъ мелочнымъ обстоятельствамъ. Радость и горе, сестры по праву, однѣ, не зависямы, не подвержены ни чему

влянію: онъ живутъ сами собою и въ себѣ, живутъ презирая всѣ побочные удары, всѣ оболыщенія, пока не рухнетъ ихъ основаніе, не изсякнетъ источникъ, откуда ихъ начало и жизнь.

Пора свѣтлая озарила Джуліо: онъ любилъ, онъ былъ любимъ. Неразлучный съ звездой любви своей, онъ забывался въ нечаянномъ и незаслуженномъ блаженствѣ.... Но какъ осмѣлится передавать холоднымъ языкомъ тѣ восторженное состояніе двухъ душъ, въ которомъ такъ тѣсно и дружно сливаются онъ, что всѣ силы и желанія ихъ составляютъ одну волю, одно мышленіе, одну любовь?....

И какъ описать, какъ опредѣлить послѣдовательность и исторію чувствъ? ихъ зарожденіе, первобытное, едва замѣтное, ихъ развитіе, потомъ ихъ полный расцвѣтъ?.... Это пестрая мозаика словъ безъ значенія, безъ многозначительнаго молчанья, безъ завѣтныхъ взглядовъ и улыбокъ, думъ, сомнѣній и примиреній, безъ дѣтскаго лепету и клятвъ въ постоянствѣ; мозаика эта слагается изъ прекраснѣйшихъ ощущеній, изъ драгоценнѣйшихъ частицъ души человѣческой, но ея отгѣнки неуловимы для равнодушнаго наблюдателя, и непостижима ихъ цѣнность.

Такъ мнѣ ли, не извѣдавшему ни какихъ страстей, описывать вамъ счастье моего друга, счастье, превосходящее всѣ грезы, всѣ надежды его пылкаго воображенія?

Джуліо провелъ около года въ деревнѣ княгини, и все это время ничто, ни на мгновеніе, не смущало счастья влюбленныхъ. Они жили въ глубокомъ уединеніи, далеко отъ всего, что могло бы напомнить имъ неравенство ихъ званій и тщетность ихъ любви. Гордая старушка смотрѣла на короткое обращеніе своей родственницы съ бѣднымъ артистомъ, какъ на прешпровожденіе времени, какъ на дѣтскую игру, занимательную

по недостатку другихъ, достойнѣйшихъ, игръ. Ей въ голову не смѣла пробиться мысль, чтобъ отрасль древней, когда-то могучей, и славной фамилии могла привиться къ пришельцу, наемнику и исполнителю ея приказаній. Читалъ ли онъ молодой дѣвушкѣ вслухъ, сопровождалъ ли ее въ прогулкахъ, акомпанировалъ ли ее пѣнію на фортепіано, или сливалъ свой голосъ съ ея голосомъ, то была, по мнѣнію княгини, похвальная услужливость со стороны чужестранца, желающаго подбитися къ ней въ милость угожденіями внучкѣ, и неразъ она же благодарила его величавымъ наклоненіемъ головы.

Джуліо со всякимъ днемъ сильнѣе привязывался къ своей любимицѣ, со всякимъ днемъ былъ преданнѣе любимъ. Робкая, невинная дѣвушка, краснѣвшая до слезъ отъ взоровъ мужчины, переродилась въ самое страстное, самое отважное, существо, готовое на всѣ жертвы, на всѣ опасности для любви. Еще недавно слабая духомъ, трепетная и боязливая, теперь не требовала она опоры даже отъ любимаго чловѣка, первая протягивала къ нему руку, внушала ему твердость и вѣру въ будущее, клялась пробиться сквозь всѣ препятствія, и, рано ли поздно ли, броситься въ его объятія, принадлежать ему въ счастіи и несчастіи, на жизнь и на смерть.

Вскорѣ настала пора испытанія: мать дѣвушки возвратилась изъ-за границы въ деревню старой княгини, и приказала дочери готовиться къ отъѣзду. Это была самая холодная, надменная женщина, которой всѣ чувства, какъ кажется, окристаллизировались на сердцѣ и составили вокругъ него непробиваемую толщу честолюбія и сребролюбія. Ея пріѣздъ разрушилъ всѣ радости влюбленныхъ: она почти не покидала комнаты княгини, которая, какъ на зло, расхворалась пуще прежняго и требовала, чтобы ея родственницы находились при ней безотлучно.

Джуліо, въ званіи архитектора, не былъ удостоенъ большаго вниманія чѣмъ управитель, домашній врачъ и компаньонка. Его состояніе было неизобразимо. Въ минуту высшаго блаженства, жестокій ударъ застигъ его, пробудилъ изъ забвенія, и все, все у него отнялъ!

И ни какой возможности переговорить съ нею, услышать въ послѣдній разъ изъ устъ ея слова любви и ободренія, которыми съ такимъ чуднымъ могуществомъ она врачевала его душу!.... Страстный, отчаянный любовникъ неразъ хватался за голову, страшась помѣшательства: такъ быстро перемежались въ ней мысли, одна другой безумнѣе, одна другой грѣшнѣе. Одинокій, всѣми оставленный, днемъ онъ не выходилъ изъ своей комнаты, а ночи, отъ вечера до зари, проводилъ у ея оконъ, прижавшись пылающимъ лицомъ къ холоднымъ стѣнамъ и цѣлуя въ изступленіи камни, будто молилъ ихъ разступиться и пропустить его къ той, которую онъ такъ привыкъ считать своею, которой отдалъ жизнь и душу, вѣчно, безвозвратно.

На-канунѣ отъѣзду дѣвушки, Джуліо сидѣлъ у окна своей комнаты и издали глядѣлъ на экипажи, подвезенные къ крыльцу. Не прошло двухъ недѣль какъ миновалось его блаженство, а ему казалось, будто цѣлая вѣчность налегла на него, и все бывшее мерещилось ему чудною, свѣтлою картиной, но сжатою, тѣсно обрамленной настоящимъ, и неразъ тусклѣющей подъ чернымъ омеромъ грядущаго.

Вошелъ камердинеръ княгини и подалъ ему тонкую тетрадь; въ ней были собраны любимыя піесы Джуліо, которыя онъ всегда возилъ съ собою; внутри тетради одинъ изъ листовъ былъ согнутъ; онъ, трепеща отъ предчувствія, раскрылъ тетрадь: на листѣ легкими чертами карандаша были отмѣчены слова одной изъ арій: «ночь.... садъ.... увижу тебя.... твоя навсегда»....

Джулію вѣкочили. Последняя фраза, *Per sempre a te*, сіяла передъ нимъ солнечнымъ лучомъ, звучала въ ушахъ вѣчного ивннн. «*Per sempre a te! per sempre!*»... твердилъ онъ, ослѣвленный отъ радости, и осыпалъ страстными поцѣлуями залягннй днотъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ онъ бродилъ уже въ саду. Долго шумѣли и суетились въ домѣ; огни медленно гасли одинъ за другимъ; наконецъ все стихло, стемнѣло, и она, легче и быстрее серны, сбѣжала въ аллею. Джулію прншалъ ее въ свои объятія.

О! съ какой любовью припала она къ груди его! какъ страстно ронтала: «Джулію, мой Джулію, мы больше не разлучимся!» А онъ, впервые, чувствуя у сердца своего это милое созданіе, впервые осынаемый ея доврчнвыми, невинными ласкаями, благоговѣлъ передъ ней столько же, сколько любилъ ее; онъ едва смѣлъ возвращать ей поцѣлуи: онъ считалъ себя недостойнымъ и ея любви и своего блаженства, если бѣ одно грѣшное желаніе возникло въ груди его.

Тогда она высказала ему свое намѣреніе — все бросить, все забыть, и бѣжать съ нимъ, хотъ на край вселенной!... Такой твердости, такого доказательства любви, Джулію не ожидалъ отъ дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста. Онъ былъ глубоко тронутъ. Чувство благодарности пробудило въ немъ разсудокъ и долгъ чести. Она была такъ молода! Чужая родной семьѣ своей, она не знала ни какихъ привязанностей: любовь къ нему возникла первой данью природы въ ея молодомъ, пламенномъ сердцѣ. Она не избирала его; она отдалась ему какъ первому человеку, который протянулъ къ ней руку, отогрѣлъ ее отъ угнетающаго сиротства чувствъ. Свѣтъ, общество, блескъ, значеніе, богатство, тщеславіе и преимущество красоты, все было ей чуждо и не извѣдано; она отвергла ихъ

отъ себя, какъ дитя отвергаетъ то, чего не видитъ глазами и еще не можетъ оцѣнить соображеніемъ разума: А если время откроетъ ей глаза, и приведетъ съ собою раскаяніе? Если лишние удвоитъ цѣну того, что оттолкнула она въ слѣпотѣ неопытности, и тоска не возвратимомъ, по роскоши, но всѣхъ утраченныхъ благахъ, овладѣвъ ея душою, отравитъ ея послѣднее, единственное счастье, счастье сунружеской любви?... что вознаградитъ ея жертвы? что останется ей въ темнотѣ, безвѣстномъ, быту?....

Эти мысли блеснули молніей въ умъ Джуліо и озарили путь, который честь, и самая любовь, указывали ему. И онъ, не юношей, упоеннымъ страстію, а мужемъ твердымъ, любящимъ выше собственнаго блаженства, высказалъ ей свое мнѣніе, благодаря у ногъ ея за даръ любви, которымъ не могъ, не долженъ былъ, воспользоваться. Она долго боролась съ его совѣстливостью, возставала съ негодованіемъ противъ его опасеній, молила, корила въ слабости: Джуліо былъ непоколебимъ.

— Такъ ты отвергаешь меня: мы разстанемся навѣкъ! сизада она, заливаясь слезами.

— Нѣтъ, мы не разстанемся! возразилъ Джуліо. Назрѣніе мое также принято и обдуманно. Я не отстану отъ тебя; всюду, всюду послѣдую за тобой; незримый, я буду счастливъ твоимъ присутствіемъ, стану подстергать твои поступки, занятія, забавы; ни одно чувство твое, ни одно мнѣніе не укроются отъ меня; и если тамъ, въ шумѣ игривъ свѣта, ознакомившись съ людьми и обществомъ, ты подтвердишь первое избраніе твоего еердца, вторично призовешь меня, и скажешь какъ въ эту минуту: я твоя, о! тогда ты будешь моею!.... я вырву тебя изъ праздной толпы, которая не полюбитъ тебя моею любовью, не дастъ покой-

ствія , счастья , всего , что я готовлю тебѣ.... Тогда ты будешь моею!....

Многoго стоило ему отказаться отъ предлагаемой и такъ страстно желанной доли ; много внутренней борьбы , много укоровъ и слезъ долженъ былъ перенести онъ , но все стерпѣлъ , все побѣдилъ , для нея , для ея будущаго прочнаго счастья .

Она уѣхала съ матерью въ Петербургъ , онъ , въ скоромъ времени , последовалъ за нею .

Но тамъ не было ни какой возможности къ свиданіямъ : тамъ она была высока , недоступна ! Знатность роду и заслуги ея отца , убитаго въ борьбѣ за Россію , замѣняли ей богатство ; ее осыпали ласками и вниманіями . Созданная для блестящей сферы праздниковъ , похвалъ и поклоненій , она скоро свыклась , слюбилась съ ними ; какъ цвѣтокъ пересаженный въ родную почву , расцвѣтала , хорошѣла съ каждымъ днемъ . Ее окружали , заискивали , называли красою общества , и Джуліо , ничтожному , потерянному въ толпѣ Джуліо , лишь изрѣдка удавалось видѣть ее , и то издали , въ театрѣ , въ саду , сквозь окна кареты . Онъ былъ счастливъ , если взоръ ея хоть мимолетно упадалъ на него съ ласкою , если ея улыбка или мановеніе руки , неуловимыя для многочисленныхъ свидѣтелей , оживляли въ душѣ его обѣты любви , надежду , упованіе .

Печальна была жизнь его въ столицѣ : занятый одною господствующею идеей , онъ не могъ оторваться отъ нея ни мыслию ни чувствомъ ; ничто не казалось ему достойнымъ вниманія ; онъ всѣхъ и всего чуждался , жилъ затворникомъ , проводилъ дни и ночи въ тоскѣ , со всѣми муками неизвѣстности , боязни , ревности , разлуки , и наконецъ изнемогъ . Пріѣхавъ въ Петербургъ , я засталъ его въ жестокой горячкѣ .

Мѣсяцъ спустя , онъ едва оправлялся отъ болѣзни ; на французскомъ театрѣ давали въ первый разъ драму

Гюбъ, которой любители давно ожидали. Въ надеждѣ увидѣть въ театрѣ свою ненаглядную, Джулію, несмотря на мои увѣщанія, отправился туда. Я поѣхалъ съ нимъ.

Предчувствіе не обмануло моего друга. Въ половинѣ перваго дѣйствія она вошла съ матерью въ ложу, за нею помѣстился какой-то пожилой господинъ. Джулію задрожалъ всѣмъ тѣломъ, увидѣвъ ее; глазами и душой прильнулъ онъ къ любимымъ, давно невиданнымъ, чертамъ; но взоръ его не встрѣчалъ, какъ прежде, ея пріятнаго взору: она взглянула разсѣянно на зрителей, на актеровъ, и повернулась спиною къ партеру. «Она не ищетъ меня!... она отвыкла меня видѣть!...» прошепталъ Джулію, стараясь извинить ее въ утѣшеніе самого себя.

Въ антръ-актѣ, когда кресла почти опустѣли, онъ помѣстился противъ завѣтной ложи, и страстнымъ, пронзительнымъ взглядомъ сталъ слѣдить за движеніями дѣвушки, выжидая, какъ благодати, ея минутнаго вниманія. Не скоро, отвѣчая на чей-то поклонъ, глаза ея упали нечаянно въ ту сторону, гдѣ былъ Джулію. Она замѣтила его, покраснѣла и отвернулась. Ни полу-взгляду, ни малѣйшаго привѣтствія! И потомъ она уже не обращалась къ партеру.

Джулію стоялъ безъ движенія, почти безъ дыханія, блѣдный, уничтоженный. Я взялъ его за руку: онъ не чувствовалъ моего прикосновенія; я сказалъ ему нѣсколько словъ: онъ ничего не слышалъ, и всё смотрѣлъ на нее, съ безсмыслиемъ челоуѣка помѣшаннаго.... Меня ужаснуло выраженіе его лица; съ трудомъ я вывелъ его изъ театра и привезъ домой. Всю ночь онъ бредилъ ею; то звалъ, то, будто видя ее передъ собой, отталкивалъ и горько плакалъ; и впалъ по-временамъ въ тяжкое забытіе, въ сонъ на яву, изъ котораго ничто не могло привести его въ себя.

Утромъ онъ немного образумился; говорилъ со мной, не упоминая ни слова о томъ, что случилось наканунѣ. Около полудня взялъ онъ свою потную тетрадь, вышелъ изъ дому, и, возвратясь, провелъ вечеръ и ночь очень спокойно. Но утромъ онъ снова былъ смертельно блѣденъ, и при малѣйшемъ шорохѣ за дверью, вздрагивалъ въ испугъ, поминутно ожидая чего-то.

Прошло два дня. Мой другъ началъ жестоко тосковать, метался въ безпокойствѣ, порывался итти изъ дому и снова возвращался. Наконецъ съ городской почты ему принесли письмо. По французской бумагѣ, оплаткѣ и красивому почерку адреса, не трудно было узнать женское посланіе. Джуліо распечаталъ, прочелъ, и, опустивъ голову на грудь, какъ-будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи. Участникъ всѣхъ его тайнъ, я взялъ письмо; оно было такъ коротко, оригинально, что до-сихъ-поръ сохранилось въ моей памяти; вотъ его содержаніе:

«Джуліо, вы поступили благородно, не воспользовавшись моею неопытностью. Я заблуждалась. Я люблю «васъ какъ прежде, но вижу всю невозможность соединенія съ вами; и ради памяти отца моего, для пользы моей фамиліи, должна отказаться отъ безумныхъ «дѣтскихъ замысловъ, должна принадлежать человѣку нелюбимому, но выгодно избранному моею матерью. Забудьте обо мнѣ, Джуліо, и вѣрьте, что благодарность къ вамъ переживетъ мою любовь.»

Конечно, благодарность за то, что онъ не лишилъ ее счастья блистать и гордиться торжествомъ своимъ, не приковалъ къ темному и безвѣстному быту, не унижилъ до званія своей жены.

Она была помолвлена за человѣка, правда, стараго, хилаго, но пользующагося большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Его состояніе обещало придать новыи блескъ

ей имени и красотѣ; честолюбіе и жажда роскоши, за-
разивъ ея сердце, вытѣснили изъ него любовь.... Я
уверенъ, что одно воспоминаніе о любви къ Жуліо
возмущало ея гордость и заставляло ее краснѣть отъ
стыда и раскаянія.

Съ-тѣхъ-поръ я не узнавалъ моего бѣднаго Джуліо :
онъ сталъ тихъ, молчаливъ, покоренъ какъ дитя ;
въ немъ не замѣтно было признаковъ безумія ; онъ от-
вѣчалъ правильно на мои вопросы, только съ большими
неудовольствіемъ, и не сходилъ съ одного мѣста. Устра-
шенный этой неподвижностью въ молодомъ челове-
кѣ-самаго живаго и пылкаго характера, я хотѣлъ при-
бѣгнуть къ пособіямъ медицины, но однажды, проник-
нувъ мое намѣреніе, онъ спросилъ :

— Отчего ты хочешь лечить меня? Не думаешь ли,
что я помѣшался? Нѣтъ еще....

И снова впалъ въ безчувственность.

Въ одномъ только проявлялась его воля : я ежеднев-
но убѣждалъ его оставить Петербургъ ; онъ не проти-
вился, но отсрочивалъ день отъѣзду, и всякой вечеръ
отлучался изъ дому на нѣсколько часовъ, говоря, будто
идеть въ театръ. Я узналъ впоследствии, что онъ, какъ
послѣ первой встрѣчи съ нею, бродилъ подъ ея окнами,
слѣдилъ за ея экипажемъ, но тщательно скрываясь,
чтобъ не пробудить въ ней непріятныхъ воспоминаній.

Однажды, я замѣтилъ въ немъ необычайное безпо-
койство ; онъ молчалъ какъ всегда, но, то вставалъ, то
садился, не отвѣчалъ мнѣ, поминутно смотрѣлъ на ча-
сы, и въ сумерки вышелъ изъ дому. Я издали послѣдо-
валъ за нимъ. Онъ прямо пошелъ въ церковь.

Въ церкви еще никого не было. Часа черезъ полтора
остановилось у подъѣзду нѣсколько каретъ ; вошелъ
пожилой мужчина, котораго мы видѣли въ театрѣ, и
вслѣдъ за нимъ она, вся въ блондахъ и цвѣтахъ.

Оба приближались къ началу : обрядъ свирчанія совершился!

Напрасно, въ эту торжественную минуту, стали бы искать на лицѣ ея слѣдовъ унынія, слезъ, принужденія; нѣтъ, она была румяна, спокойна, даже весела; въ семнадцать лѣтъ, она добровольно отдавалась жертвенному человеку, по расчетамъ тщеславія, по страсти затмивать своихъ соперницъ.... Въ сердцѣ этой женщины уже не было чувства, не было любви!

Вечеромъ, входя въ комнату, Джуліо сказалъ мнѣ: — Вратъ, поведемъ отсюда... туда.... далеко!.... домой...

На другой день мы выѣхали изъ Петербурга.

Долго еще Джуліо былъ близокъ къ сумасшествію. Черная тоска грызла его день и ночь; время, воздухъ родины, ласки друзей, возвратили его къ жизни и разуму: но могло ли что-либо исцѣлить душу, измученную, истерзанную, уничтоженную первою, единственною любовью?.... Конечно, она прошла, эта безумная любовь, какъ проходятъ всѣ страсти, всѣ печали, всѣ заблужденія; но она унесла съ собою лучшій цвѣтъ его чувствъ, она убила въ немъ и силу характера, и дѣятельность ума, и все расположеніе къ прекраснымъ, высокимъ движеніямъ сердца; она втокнула его въ ряды обыкновенныхъ людей, погрязшихъ въ жизни матеріальной, прозябательной, людей въино чуждыхъ всего, что благородитъ и вмѣстѣ счастливитъ человека.... потому что, не разлука съ любимой женщиной поразила и до такой степени исказила умъ и характеръ любящаго юноши: нѣтъ, вырви ее жестокость родныхъ изъ его объятій, онъ могъ бы порываться къ ней, рыдать, отчаяваться за нея и за себя, могъ бы страдать ея страданіями, и это чувство, самымъ мученіемъ своимъ, доставляло бы ему отраду. Съ вѣчнымъ и драгоценнымъ воспоминаніемъ объ ней, онъ смѣлъ бы забываться, порой, въ счастливыхъ дняхъ прошедшаго, въ напра-

сникъ, но мнѣхъ сердцу, мечтаетъ о поузленномъ судьбою будущемъ. Какъ человекъ, изувѣченный и жестоко страдающій за друга или за родину, онъ находилъ бы утѣху въ святости и въ правотѣ своихъ страданій..... Но теперь, онъ долженъ былъ вырвать изъ души своей память о любимицѣ сердца, какъ укоръ въ постыдной слѣпотѣ, въ непростительномъ заблужденіи. Онъ долженъ былъ смѣяться надъ своей любовью, презирать свою довѣрчивость, подавлять въ себѣ слезы, сожалѣніе, все, что было въ сердцѣ нѣжныхъ ощущений, и въ этой пыткѣ, въ самоистязаніи, ежедневно обновляющемся, презирать самого себя за слабый успѣхъ своихъ стараній, за непрерывное возрожденіе чувствъ, съ которыми его воля, разсудокъ, гордость и глубоко оскорбленное самолюбіе, напрасно боролись.

И наконецъ, послѣ побѣды надъ страданіями и любовью, въ большую ли утѣху осталось ему торжество этого разсудка, гордости, воли? Могли ли скрасить эти тщеславныя дѣти ума жизнь вялую, безчарную, которая сіяла когда-то всеми радостями сердца, цвѣла роскошнѣйшимъ цвѣтомъ бытія?... Прежде, юноша, пылкій, вселюбящій, довѣрчивый, другъ жизни и людей, теперь, холодный отступникъ отъ всехъ упованій, вѣщальникъ скептикъ въ чувствахъ и страстяхъ, мнительный, всехъ чуждающійся, онъ потерялъ и возможность и способность найти въ чемъ-нибудь счастье на землѣ. Всякое зло казалось ему умышленнымъ, всякое добро разсчитаннымъ и приспособленнымъ къ выгодамъ того, кто его дѣлалъ, или слѣдствіемъ одной изъ тѣхъ дѣтскихъ, минутныхъ, прихотей, которыхъ онъ сдѣлался жертвою по своему легкомыслію.

Суровый, тяжелый умъ, неосвѣжаемый сердцемъ, память благого безъ воспоминаній, настоящее безъ желаній, и будущее безъ ожиданій, безъ приманокъ, вотъ, что завѣщала ему по себѣ первая любовь. Она

прошла, а слѣды ея остались навсегда, и ихъ изгладить только одна смерть!....

Долинъи умолкъ, но черезъ нѣсколько минутъ, оцѣмтовался и прибавилъ, обращаясь къ Ольгѣ :

— Вотъ происшествіе, изъ котораго я почерпнулъ мое мнѣніе о любви свѣтской женщины. Вамъ угодно было знать его, не взыщите жѣ за откровенность рассказщика.

Ольга не отвѣчала ни слова. Коляска быстро катилась между живыми стѣнами садовъ; нигдѣ не слышно было ни шуму ни голосовъ, не видно было огней; дома и окрестность были равно объаты сномъ; изрѣдка, изъза забора, сторожевая собака заливалась лаемъ, порываясь съ цѣпи; коляска проносилась мимо, и снова все стихало.

Разсказъ Долинъи, казалось, поразилъ онѣмненіемъ его спутницъ : онѣ сидѣли безмолвны, прижавшись къ двумъ противнымъ сторонамъ коляски, какъ-будто раскинутыя непримиримою враждою. Яркій свѣтъ луны, озаряя ихъ прямо въ лицо, обличалъ въ обихъ сильную душевную тревогу. Но какъ различно проявлялось въ нихъ это волненіе! Ольга, трепещущая, разстроганная, съ трудомъ подавляла рыданіе въ груди и слезы въ глазахъ, и походила на дитя, уличенное въ шалости, кающееся и готовое у ногъ обвинителя вымаливать себѣ прощеніе.

На лицѣ Теофаніи не было ни злобы, ни печали, ни раскаянія; внезапность и тяжесть удара дотога потрясли ея мысли и чувства, что онѣ сдавили ея мозгъ, сдавили сердце; ни одна идея не образовывалась въ ея умѣ, ни одно ощущеніе не возникало въ груди отдѣльно, все сливалось въ мракъ и оцѣпенѣніи. По омертвенію глазъ и чертъ ея можно было подумать, что жизнь покинула бѣдную, тогда какъ, напротивъ, жизнь полная, сильная, кипѣла въ груди; но, какъ въ умирающемъ,

она тяготила безъ всякаго внѣшняго проявленія, и была ошутительна только страданіемъ.

Коляска остановилась у спуску въ садъ ; всѣ сѣвши-лись, и въ молчаніи сошли съ горы, къ квартирѣ Аббіджіо. Тефанія и Александръ остановились.

— Прощай, Фанни! мы больше не увидимся. Завтра, чуть свѣтъ, я ѣду въ городъ ; пароходъ отправляется въ пять часовъ вечера.

— Прощай! сказала Ольга, протягивая къ ней руку.

Но она не встрѣтила руки подруги, и тихо опустила свою.

Тефанія отступила отъ нея на шагъ къ крыльцу. Долинны, поклонившись имъ, готовъ былъ возвратиться на гору, гдѣ ожидалъ его экипажъ, когда молодая вдова, перемѣнивъ внезапно тонъ и голосъ, сказала ему смѣясь :

— Но, мосьё Долинны, ваша ненависть противъ женщинъ не даетъ вамъ права на невѣжливость: вы видите, что я одна, ночью, въ огромномъ саду, и не предлагаете мнѣ руки до крыльца моего дому!

Этотъ неожиданный укоръ призвалъ Долинны къ своей роли; онъ вспомнилъ, что, въ глазахъ Тефаніи, Ольга была для него генеральшей Лавринской, которая удостоила его, едва знакомаго себѣ иностранца, лестнаго вниманія; и, пробормотавъ въ смущеніи невнятное извиненіе, онъ подалъ руку Ольгѣ. Тефанія исчезла въ дверяхъ.

Нѣсколько минутъ они шли въ молчаніи; по сторонамъ деревья становились выше и гуще, аллея темнѣла, руки Александра и Ольги трепетали слегка, касаясь одна другой; наконецъ, Ольга остановилась и, крѣпко сжавъ его руку, сказала твердымъ голосомъ :

— Александръ! судьба столкнула насъ, навѣрное, въ послѣдній разъ: простимся безъ вражды. Много, о!

многo я виновата передъ тобой! Но какъ сильно страдала я за вину свою, какъ сильно страдаю теперь, Господи! И сколько страдашій предстоитъ мнѣ еще въ будущемъ!... Такая жизнь искупаетъ одну погрѣшность молодости... Прости же, прости меня!

И голосъ ея, громкій сначала, погасъ въ слезахъ. Раскаяніе ея было глубоко и искренно. Александръ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, но скоро оправился, освободилъ руку свою, и отступилъ на шагъ.

— Чего вы требуете отъ меня? сказалъ онъ холодно: не все ли давно забыто между нами? Я ни въ чемъ не обвиняю васъ: вы поступили благоразумно, отрекшись отъ любви ко мнѣ, и поступите еще благоразумнѣе, побѣдивъ свои напрасныя страданья. Судьба бросила насъ при рожденіи на разные пути; идите же своимъ, не обращая вниманія на мою темную, незамѣтную стезю: намъ не въ чемъ ни укорять ни прощать другъ друга.

— Нѣтъ, Александръ! нѣтъ! не такимъ голосомъ, не въ этомъ духѣ ты долженъ сказать мнѣ послѣднее прости!... Не смѣю оправдываться; но вспомни, какъ молода, какъ неопытна была я въ ту пору; какими обольщеніями окружили меня, какимъ праздникомъ представили свѣтскую жизнь.... Чья голова не вскружилась бы въ семнадцать лѣтъ отъ столькихъ почестей, похвалъ, обещаній?.... Они отуманили разумъ мой, ослѣпили глаза; убѣжденія и наговоры побѣдили мое отращеніе къ предлагаемому супругу: и я, безумная, я подписала свой смертный приговоръ, уничтожавшій вмѣстѣ и твое счастье! Но сердце мое не участвовало въ преступленіи: оно было всегда твоимъ, оно жестоко отмстило за тебя.....

— Кчему все это? прервалъ Долинъ: ваша вина или безвинность исправятъ ли послѣдствія былаго?.... Сегодня вы сами вызвали меня на бой: вы заставили

вспомнить о томъ, что давно стемнѣло въ моей памяти. Я виноватъ, я долженъ былъ устоять противъ искушеню, какъ устоялъ некогда противъ призыву.... Въ свою очередь прошу у васъ тысячу извиненій.... Но не угодно ли вамъ войти въ комнату. Ночь очень сыра....

Онъ подавъ ей руку. Ольга съ минуту стояла въ молчаніи, потупивъ глаза.

—Я знаю, что, оправдываясь, унижаю себя и въ вашихъ глазахъ и въ собственныхъ, сказала она печально. Но, клянусь Богомъ, и прахомъ моихъ родителей, я не столько виновна, какъ вы описали въ вашемъ разсказѣ. Не тщеславіе, не суетность, оторвали меня отъ васъ, а одна слабость молодости..... И если бъ вы знали, съ какимъ восторгомъ я услышала здѣсь о вашемъ присутствіи, съ какимъ оживленнымъ сердцемъ бросилась къ вамъ!.... Но вы холодно оттолкнули меня, отказались отъ свиданія со мною, отсылали всѣ письма мои нераспечатанными; вы не хотите слышать моихъ заклинаній, вамъ не нужны ни оправданіе ни любовь моя.... Исполните жъ хоть одно моленіе.... одно.... последнее.... Вашу руку на разставанье, на вѣчное забвеніе всего прошедшаго!....

—Подумай, Александръ, начала опять Ольга умоляющимъ голосомъ : подумай, что мы помѣнялись ролями; все, что чувствовалъ ты, видя меня передъ нами съ другимъ, я чувствую теперь, зная, что черезъ недѣлю ты будешь мужемъ Теодоріи. Но, лишаясь меня, ты находишь отраду въ своей невинности, а я, вторично отрывая отъ тебя мое сердце, уношу въ себя страшный укоръ : я.... сама убила свое счастье! Жъ тоскъ моего одиночества прибавятся жгучее раскаяніе и зависть въ счастіи той, которая даже не обвинитъ своего счастья!.... Видишь ли, какъ я наказана? И жизнь моя страданія своими страданіями, пожалей!.... прости!..

дай руку на искренность примиренія, и мы разстанемся на-вѣкъ!

Она замолчала, протянувъ къ нему руку. Долиньи стоялъ какъ истуканъ. Страшная борьба волновала его душу; неровное дыханіе томило грудь; онъ боялся проронить слово, чтобъ не измѣнить чувству слабости, котораго не могъ ни одолѣть ни уступить. Его гордость возмущалась противъ власти надъ нимъ женщины, противъ ощущеній, усмирившихъ годами, и страданій, въ одно мгновеніе воскресшихъ теперь, съ прежней силой и неукротимостью.

— Александръ! неужели ничто не тронетъ тебя?... Александръ!..... твердила она умоляющимъ, когда-то милымъ ему, голосомъ, который, какъ звукъ волшебной флейты, оживлялъ въ его памяти дни радости, и любви, и трепетныхъ сознаний, и сладкихъ грезъ, — все, все что ознакомило его со счастьемъ, за что благодарилъ онъ, и за что послѣ проклялъ жизнь.

Въ это мгновеніе лучъ мѣсяца, пробившись сквозь порѣдѣвшіе листья деревьевъ, облилъ полнымъ свѣтомъ молодую женщину. Александръ поднялъ взоръ, потупленный до-того въ землю. Ольга стояла передъ нимъ, какъ прежде, плѣнительная, любящая, съ той же нѣжностью въ глазахъ, съ тѣмъ же страшнымъ отчаяніемъ, какъ въ вечеръ ихъ перваго прощанья: слезы струились по ея блѣдному лицу, руки были простерты къ милому съ молеціемъ, и уста роптали съ той же укоризною: «Ты отвергаешь меня, Александръ?... Александръ!»

Твердость его оставила; онъ не могъ противиться долѣе своимъ чувствамъ, и, бросившись какъ иступленный къ Ольгѣ, схватилъ ея руки и покрылъ страстными поцѣлуями...

— Александръ! возможно ли? ты прощаешь?... ты

любишь меня?..... о! мой Александръ!..... твердила она въ восторгъ.

— Да, Ольга, люблю, люблю какъ прежде, какъ всегда..... никогда не переставалъ любить..... И въ дни блаженства, ты наполняла мою душу, умъ, сердце: я не могъ оторвать ихъ отъ тебя; и даже, презрѣнный, забытый тобою, въ мукахъ невыразимаго отчаянiя, я проклиналъ, но все любилъ тебя..... О, если бъ ты знала, чего мнѣ стоила борьба съ тобою! сколько поцѣлуевъ и слезъ расточалъ я твоимъ письмамъ, прежде чѣмъ отсылалъ ихъ обратно!.... Но я не могъ поступать иначе..... Ольга! Ольга! зачѣмъ не ранѣе я встрѣтился съ тобой?.....

— За то теперь мы больше не разстанемся: ты не вырвешься изъ объятiй моихъ; ты мой, ты созданъ для меня. Люди разбросили насъ, но судьба снова соединяетъ: ея завѣты выше опредѣленiй людскихъ..... теперь, *per sempre! per sempre a te!*.....

. И уже, не руки, а губы ихъ, слились въ пламенномъ поцѣлуѣ. Ольга прижала къ груди его..... Воскресла пора первой любви, и пять горькихъ лѣтъ исчезли изъ памяти.

Вдругъ Александръ, въ испугъ, отторнулъ ее отъ себя.

— Ольга! этотъ поцѣлуй долженъ быть послѣднимъ, прощальнымъ..... не суждено намъ ликовать въ вѣчномъ соединенiи..... О! это жестокая насмѣшка судьбы!.....

— Что говоришь ты? о какомъ прощанiи?..... Нѣтъ! для насъ, не можетъ быть прощанiя..... Мы молоды, свободны.....

— Не я, Ольга, не я!..... Развѣ не связываетъ меня честное слово съ Теоданiей?... не назначенъ ли деньнашей свадьбы?.....

— Но она не сбудется, Александръ ; она не встанет на.....

— Она должна быть ; и сбудется.

— Развѣ у порогу церкви ты переступишь черезъ тѣло мое!..... произнесла Ольга съ запальчивостью своего настойчиваго характера.

Долиньи взялъ ея руку.

— Мой милый другъ! единственная любовь моя! Ольга! выслушай меня : отецъ мой былъ обязанъ жизнью и честью отцу Теофаніи и на смертномъ одрѣ завѣщалъ мнѣ уплату своего священнаго долгу. Не Аббаджіо навязалъ на меня свою дочь : я самъ отыскалъ ее , просилъ ея руки , вывелъ ихъ изъ ужаснѣйшей нищеты , и теперь , когда , бѣдные , они едва начали отдыхать отъ злой доли и едва свыклись съ вѣрою въ спокойствіе будущаго , теперь ли я покину ихъ ? снова ли втолкну ихъ въ бѣдность и отчаяніе ?..... Видишь ли , Ольга ; сильна , безпредѣльна любовь моя къ тебѣ , но есть чувство еще выше и могуче , чувство чести. Поправъ его я сдѣлаюсь презрительнымъ въ собственныхъ глазахъ , сдѣлаюсь недостойнымъ любви твоей , и , вѣрь , что счастье , основанное на гибели невинныхъ , облитое ихъ горькими слезами и приправленное угрызениями совѣсти , не счастье , а кара небесная. Богъ видитъ , задумался ли бы я заплатить всюю жизнью за трехъ-дневное блаженство съ тобой..... но жертвою чести , совѣсти и благородства не хочу купить тебя , Ольга , не долженъ , не могу ; не хочу.....

Ольга гордо подняла голову , взглянула на него пристально и сказала съ укоризною :

— И , вѣрно , прекрасная награда не мало содѣлываетъ непоколебимости вашихъ высокихъ чувствъ ?.....

— Какая награда ? Я не понимаю тебя.....

— Ваша невѣста такъ прекрасна , такъ мила.....

— Ольга! Ольга! ты злое говоришь противъ любви моей? вскричалъ Долиньи съ жаромъ. Мнѣ, любящему тебя, любимому тобою, мнѣ ли думать о красотѣ другой?..... мнѣ ли, для котораго нѣтъ въ мірѣ женщинъ кромѣ тебя?..... Ктому жъ ты, видно, не знаешь Теофаніи: она рѣдкая дочь, будетъ привѣрною женой; но не ей приголубить и отогрѣть изболѣвшее сердце: она холодна, несообщительна, тверда и жестка чувствами; она не съумѣетъ ни любить ни привязать къ себѣ. Да и на что мнѣ ея любовь? на что красота? Зналъ ли я, видѣлъ ли ее, когда прѣхалъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ на ней жениться? Съ тѣхъ поръ какъ я лишился тебя, ни любви ни счастья не было для меня въ мірѣ. Тогда, не зная, что дѣлать съ жизнію, я рѣшился посвятить ее волѣ покойнаго отца, и его друзьямъ отдалъ себя, свою свободу и богатство, какъ ненужные мнѣ дары судьбы..... Я довершу начатое, я осчастливорю ихъ, но, не отъ нихъ, не отъ Теофаніи, ожидаю своей награды: она ничего, ничего не можетъ для меня!

Онъ опустилъ голову съ отчаяннымъ покорствомъ неизмѣнимой судьбѣ.

— Такъ выслушай меня, Александръ! сказала Ольга съ возраждающей надеждою. Теофанія не любитъ тебя; не ты, а только богатство твое имъ нужно. Объ чемъ же думать? Отдай имъ все, озолоти ихъ: они будутъ счастливы, а ты... ты будешь свободенъ.....

Въ кустахъ что-то зашелестило, какъ-будто сухіе листья упали на землю, или птица перелетѣла съ одного дерева на другое. Ни Долиньи, ни Ольга не замѣтили этого.

— Что ты говоришь? прервалъ Долиньи съ негодованіемъ: мнѣ, жениху Теофаніи, за недѣлю до свадьбы, откупиться отъ нея золотомъ?.... Да ты не знаешь ея отца, этого гордаго, благороднаго Генуэзца! Играть честью его, бросить обратно вытребованное у него сло-

во, запятнать доброе имя его дочери, и за всё оскорбленія предложить ему денежную сдѣлку!..... Да онъ желѣзомъ отплатитъ тебѣ за золото! задушитъ тебя твоими векселями!..... Онъ умретъ голодною смертию съ женою и съ дѣтищемъ, не коснувшись кошелька моего, хотъ бы тотъ лежалъ передъ нимъ раскрытый, съ Крзовымъ сокровищемъ.....

— Такъ что жъ? ты вторично отвергаешь мою любовь и руку?..... тогда, изъ уваженія къ моей неопытности, теперь, изъ ложной совѣстливости съ какимъ-то бѣднякомъ..... Жертвовать собою, жертвовать мною и нашимъ счастьемъ вымыпленной химерѣ, призраку чести не нашего міра?..... Это безумно! это жестоко!

— Ольга, Ольга, пощади меня!

— Не я искала первой встрѣчи съ тобою; не я заманивала тебя въ нашу деревню: ты самъ прильнулъ къ слѣдамъ моимъ, околдовалъ своею любовью, дотога впечатлѣлся въ душу мою, что, ни время, ни удовольствія, ни слезы, ничто не могло изгладить изъ нея твоего образа и возвратитъ мнѣ утраченнаго спокойствія..... А ты!..... Но что тебѣ до этого? что до моего прошедшаго и будущаго? Гордый правотою своею, ты скоро утѣшишься, даже въ эту минуту быть-можетъ уже наслаждаешься торжествомъ своимъ, моимъ униженіемъ, празднуешь желанную минуту мщенія.....

— Мщенія! Богъ видитъ, помышлялъ ли я когда о мщеніи! Въ тебѣ говоритъ отчаянье, ты не можешь такъ несправедливо думать обо мнѣ.

— Да, отчаянье!.... потому что я люблю тебя, Александръ!.... потому что не снесу второй раздуки съ тобой..... Ты убьешь меня, или доведешь до самоубійства. ... Ты отрекаешься отъ меня изъ состраданія къ нимъ.... Сжался же надо мною, изъ челолюбія, если не изъ любви ко мнѣ.....

— О Боже, Боже! это превышаетъ мои силы.

— Подумай, Александръ, милый другъ мой, подумай, какое счастье ожидаетъ насъ въ будущемъ! Я прошла черезъ всѣ испытанія, которыхъ ты нѣкогда опасался, я видѣла свѣтъ, прельстилась имъ, но скоро подъ пестрой маскою извѣдала его пустоту и однообразие, узнала цѣну людямъ, цѣну ихъ пріязнямъ, ненавистямъ, поклоненіямъ, и съ радостью навѣкъ отрежусь отъ нихъ. Суета и общество давно мнѣ надоели, одиночество истомило душу: я прильну къ тебѣ всѣмъ бытіемъ моимъ, въ тебѣ одномъ заключу весь міръ свой!... Ты знаешь, я сирота; нѣтъ на землѣ уголка роднаго мнѣ: моя родина и родные, все будетъ здѣсь.... на груди твоей! И когда ласками и любовью я исцѣлю твое сердце, изгоню изъ него память о прошломъ и возвращу тебѣ прежнюю веселость и вѣру въ Провидѣніе, тогда, спокойный, счастливый, простишь ли мнѣ заблужденіе? увѣруешь ли въ святость клятвы моей, — *per sempre a te*?

— О! замолчи..... пощади!..... Ольга, сжался надо мною.....

— Не ты, а я должна молить тебя о пощади; я должна твердить: сжался надъ нами, не губи меня и себя вмѣстѣ..... Ты говоришь, что Аббадицію честенъ и благороденъ: такъ обратись къ нему какъ сынъ къ отцу, открой ему наши былыя и настоящія связи: онъ не захочетъ насильно приковать тебя къ своей дочери. Рѣшишь: завтра утромъ иди къ нему, и завтра же, на одномъ пароходѣ, мы отплывемъ въ твою родину, къ тебѣ, въ твой домъ, Александръ..... Не правда ли, ты возьмешь меня съ собою! На чужой сторонѣ я буду больше твоею собственностью чѣмъ здѣсь: тамъ ты станешь больше любить меня.....

И, говоря это, Ольга склонилась на его руку, улыбалась сквозь слезы, съ дѣтскими ласками смотрѣла ему

въ глаза. Въ это мгновѣніе, иррациальная, профаническая, объёмная дымчатый газомъ, сквозь который предестинно обрисовывались ея плеча и грудь, съ волнами доконовъ, разметанныхъ вътеркомъ, при слабомъ мерцаніи луны, она казалась видѣнцемъ, вѣчно-любящею душою грациозности, осужденной въ ночномъ скитаніи со стономъ и тоскою надрасно манить къ себѣ земнаго друга.

Александръ, дрожа вѣснъ тѣломъ, стоялъ безъ движенія, дико смотрѣлъ на нее, и не возвращалъ ей ни одной ласки, не отвѣчалъ ни на вопросы ея ни на заклинанія.....

— Не правда ли, Александръ, ты возьмешь меня съ собою? твердила она, смотря на него съ боязнью и любовью: не правда ли, ты любишь меня? ты больше не колеблешься? ты рѣшился?.....

— Рѣшился, и ни минуты не колебался..... — Ольга! Ольга! вдругъ вскричалъ онъ, бросаясь съ рыданіемъ къ ногамъ ея: Ольга! моя единственная любовь! мое единственное счастье на землѣ!.... ты отдаешься мнѣ, моя желанная! мое сокровище!... а я... я не могу принять твоего дару!..... я долженъ оторваться отъ тебя!..... оторваться отъ такой любви! отъ такой женщины!..... О! не кляни меня, Ольга! я уже довольно несчастливъ; я самъ клянусь свою опрометчивость, клянусь день моего пріѣзду въ Одессу!..... Ты много страдала за меня, но никогда не поймешь, не постигнешь, моего мученія... Вырваться изъ объятій твоихъ, чтобъ перейти въ холодныя объятія нелюбимой дѣвушки, закабалить себя въ ненавистную долю и вѣчно лицемѣрить, крыть змѣютоску въ груди своей, проклинать жизнь.... и жить и улыбаться!..... Ты свободна: ты во сто кратъ счастливѣе меня! Но жребій брошенъ, судьбы не призовешь назадъ..... Не измѣню своему слову, не обезчещу себя отреченіемъ отъ добровольнаго условія..... Мы должны разстаться, Ольга! Не возражай, не искушай

нени картинного обособительной будущности... Знаю, что на твоей груди мое мое счастье..... но говорю въ последний разъ : мы должны разстаться!

Она встала, и съ минуту оба они стояли, въ молчаніи, съ полуклониными головами.

— Разстанемся жъ, мой милый, вѣчно любимый другъ! оказалась Должныя немного усномосеннымъ ро-лосомъ: простился омирно, безъ укорень..... Мы были счастливы взаимною любовью : пусть же теперь взаимное страданіе за насъ примиритъ насъ..... Ольга, прощай!

Рыдая бросилась она на грудь его, и долго, долго, слышались въ тиши ночной страстныя рычанія и поцелуи прерываемые слезами.....

Когда Должныя взбирался обратно на гору, лицо его было блѣдное, волосы вострешаны, колѣни дрожали и подкабалась.

Нѣсколько минутъ спустя, Теофанія, также блѣдная и бездыханная, желкнула въ той же аллеѣ, выбѣжала на крыльцо, въ комнату, и безъ чувствъ упала на полъ.

.....
.....
.....

Тускло теплилась лампада въ небольшой, угольной комнатѣ ; ея дражащій свѣтъ едва озарялъ ближніе предметы, придавая остальнымъ неопредѣленнымъ фантастическія формы и увеличивая пустоту неприхотливо убраннаго жилья : не было въ немъ ни картинъ на стѣнахъ, ни ковровъ, ни кушетки, ни мягкаго табурета ; простая некрашеннаго дерева кровать съ постелью, еще не измятою несмотря на поздній часъ ночи, такой же столъ, нѣсколько стульевъ, въ углу на трехугольничкѣ, прикрѣпленномъ къ стѣнѣ и покрытомъ чернымъ сукномъ, дорогое раззолоченное распятіе, водруженное въ половину кокосоваго орѣха, и подлѣ него

книга, которую, казалось, ошибкою забросили туда съ туалета какой-нибудь модной красавицы, — такъ ищащень былъ ея голубой переплетъ, украшенный серебряными арабесками и застежками: то былъ первый подарокъ Александра Теофанія, стихотворенія Петрарки.

Въ день, какъ и въ окрестностяхъ, не слышно было малѣйшаго шороху; все спало: не спала одна! На колыбельхъ передъ распятіемъ, она молилась въ безысходимой тоскѣ, слезы ея лились ручьями на холодный полъ не облегчая сердца, и неразъ она зажимала себя платкомъ и руками губы, страхась чтобы дыханію не прорвалось рыданіемъ изъ груди или, отозвавшись болѣзненнымъ стономъ, не встревожило покою родителей.

Темла была молитва Теофанія; но не отрады скорбящъ искала она въ святой бесѣдѣ съ Утѣшителемъ: она молила Его о твердости и вразумленіи. Разсудокъ мучился отъ страшнаго открытія, духъ изнемогъ отъ потрясеній, отъ быстроты и внезапности нанесенныхъ себя въ тотъ вечеръ ударовъ; тоска щемила сердце, и гордая воля напрасно боролась съ чувствами: они крѣпко срались съ первою запавшею въ нихъ любовью, такъ крѣпко, что даже, попоранные, истерзанные, не могли разстаться съ нею.

И въ этомъ состояніи, одна, въ самую роковую минуту своей жизни, одна безъ всякой опытности, безъ совѣтовъ, безъ опоры, она должна была рѣшать судьбу трехъ драгоценнѣйшихъ себя существъ! Какъ не спасти ихъ пожертвованіемъ собственной участи!... Ея гибель была рѣшена: общее спасеніе невозможно. Ей оставался только свободный выборъ жертвы: ей было позволено нанести ударъ на обреченныхъ, и, не дрогнувъ, поразить мать, отца или его, любимца души, его, благороднѣйшаго изъ людей, которому дивилась она, для котораго даже теперь, въ сильнѣйшей горести, неразъ

забывала свое страданіе, чтобы страдать съ нимъ, и за него.

Еще въ коляскѣ, она отгадала Александра въ вымышленномъ имени Джуліо. Ревность и желаніе испытать до дна чашу горькаго познанія, толкнули ее вслѣдъ за нимъ, когда онъ подалъ руку Ольгѣ и исчезъ съ нею въ темной аллеѣ. Тамъ, въ двухъ шагахъ отъ своей соперницы, она все видѣла, все слышала: и сколько разъ кровь кипѣла въ ней яростью и мщеніемъ! сколько разъ она готова была ринуться на искустельницу, чтобъ отворотить ее, какъ ядовитую змѣю отъ Александра, чтобъ раздавить ея льстивое жало, уничтожить, вопратъ ее, какъ Ольга попирала долгъ дружбы, довѣрія и благородства!... Въ ту пору, въ рукъ робкой, смиренной дѣвушки не дрогнулъ бы кинжалъ! Она видѣла, какъ отнимали у нея единственную надежду на счастье, какъ богатая счастіемъ земнымъ женщина, завидуя послѣдней крупинкѣ радости неимущихъ, бросалась на нее съ жадностію, и еще смѣла говорить о платѣ золотомъ за то, что не покупается ни кровью ни жизнью, не продается никѣмъ и ни за что, какъ развѣ вмѣстѣ съ душою, цѣной всей жизни. Когда Александръ отвергъ всѣ просьбы и искушенія Ольги, сердце Теофаніи радостно взъиграло въ груди, радостно, не отъ надежды на собственное счастье, но отъ униженія и отчаянія несчастной соперницы.

— Онъ мой! онъ мой! твердила она съ злобнымъ торжествомъ, несясь какъ серна сквозь кусты, по аллеямъ и цвѣтникамъ, и дрожала въ испугленіи.

Голова ея пылала, кровь струилась въ жилахъ съ невѣроятной быстротой. Но чувства мести и вражды не свойственны характеру Теофаніи: они исчезли въ ея минутномъ безпамятствѣ; самая Ольга исчезла съ ними: родители и Александръ одни заняли ея душу: въ ней не было мѣста ни побочнымъ ни личнымъ ощущеніямъ.

Долго не покидала Теофанія мѣста передъ расплятіемъ, долго плакала и молилась, пока не усмирѣлось отчаяніе и не прояснились смутныя думы. Тогда, вставъ, она подкралась неслышными шагами къ окну, отворила его, опустила голову на руку, и осталась неподвижною.

Настала роковая минута. Ей должно было рѣшиться. Избавить ли Долиньи отъ тяжкихъ для него оковъ брака по неволѣ, и ввергнуть въ прежнюю нищету, въ прежнее отчаяніе, своихъ родителей? Или для ихъ спасенія погубить его?.... И какъ погубить! Воспользовавшись его великодушіемъ и рѣдкой честностью, навязаться въ жены изъ-за его богатства; повлечь какъ жертву къ алтарю, для того только чтобы получить черезъ то право кормиться его хлѣбомъ, нѣжиться въ его палатахъ, жить въ праздности, въ изобиліи..... Но гдѣ взять силъ, гдѣ взять безстыдства, чтобы вступить въ домъ, въ которомъ воздухъ отравится ея присутствіемъ? Какъ проглотить кусокъ хлѣба, приправленный проклятіемъ противъ себя и горькими слезами любви къ другой?....

А если, со сроднымъ себѣ самоотверженіемъ, Александръ, не проклятіями обременить ее, а благодареніями? Если, затаивъ свою тоску, возвышенный и благородный, онъ обратится къ ней съ ласкою, и съ отцовскою нѣжностью станетъ пешись объ ея счастіи? Тогда, какъ встрѣтитъ его печальныйъ взоръ ей, разрушительницѣ его счастія и спокойствія? какъ снести милости, которыя, вѣчною уликой для ея совѣсти, возбудятъ въ ней горькое, унижительное сознаніе — «Я недостойна его!» Правда, Теофанія никогда не обманывалась въ равнодушіи Долиньи и много терпѣла отъ невзачины любимаго челоуѣка. Но прежде, хоть изрѣдка, зажигалась для нея въ будущемъ отрадная надежда..... а теперь эта надежда погасла навсегда!

Можно отогреть сердце холодное, одушевить равнодушное; можно вдохнуть въ него привязанность покорствомъ, кѣжностью; можно продолжительнымъ стараніемъ угождать и правиться: но вырвать первую страсть, вросшую въ него временемъ и страданіемъ, вросшую въ сердце окровавленное, еще трепещущее отъ боли, и посѣять другое чувство, и сроднить его съ другою любовью, о! это невозможно!

Но зачѣмъ мысль о собственной долѣ вкралась въ думы ея? къ чему смущать мечтами разсудокъ? сожалѣніемъ ослаблять твердость воли?.... Миновалась пора воздушныхъ замковъ, погибли всѣ бѣдныя надежды на будущее: отвергнуть или принять великодушіе Александра, равно мучительно, равно ужасно: такъ — прочь же сожалѣніе! Александръ, отрекаясь отъ Ольги, не имѣлъ сожалѣнія къ себѣ..... А онъ такъ страстно любилъ Ольгу! такъ страстно любимъ! былъ бы такъ счастливъ съ нею!.. Да! «на твоей груди все мое счастье,» сказалъ онъ, и вырвался изъ своего эдема для самой мрачной, угрюмой участи, не общающей ему ничего кромѣ тоски, печали и одиночества.

И ей ли, полюбившей его выше собственнаго блаженства, ей ли, постигшей совершенства его всѣмъ разумѣніемъ женской проницательности, оцѣнившей ихъ всѣмъ любящимъ сердцемъ, ей ли не содѣйствовать къ его счастью?..... Будь свободенъ Александръ! Будь счастливъ съ своей Ольгою!

Дѣтъ-за дверей ближней комнаты послышался вздохъ, и въ сонномъ ропотѣ кто-то произнесъ имя Теофаніи. То былъ голосъ матери. Дѣвушка вздрогнула и подняла голову.

— А они, они! сказала про себя дѣвушка, смотря на дверь. Что станетъ съ ними! Они еще не отдохнули отъ недавнихъ бѣдъ! Теперь спокоенъ сонъ ихъ, радостно пробужденіе: а прежде?.... а послѣ будетъ что?....

Опять чужая кровь и скудная пища, добытая кровавымъ потомъ отца; опять долги, несостоятельность, угрозы заимодавцевъ, притѣсненіе гонителей. А сцена вечеромъ, въ день приѣзда Долиньи?... потеря должности, ругательства и клятвы Грека?... изступленіе ея родителей, ихъ колебаніе между проступкомъ и тюрьмой, срамомъ, быть-можетъ самоубійствомъ отчаяннаго старика.

И отъ всего этого она одна можетъ избавить ихъ! Она, ихъ дѣтище, любимая надежда, ихъ ангель-хранитель, она ли свергнетъ своихъ родителей въ бездну скорби и нищеты? и что приведетъ она въ свое оправданіе? Любовь, участіе, состраданіе?... Но поймутъ ли языкъ страстей? одобрятъ ли жертву ея люди, ожесточенные лѣтами, страданіемъ, отвердѣвшіе сердцемъ для всѣхъ нѣжныхъ ощущеній?... Ине упреки ихъ будутъ ей наказаніемъ; нѣтъ! тайныя слезы, притворное спокойствіе, и удвоенныя ласки въ минуту явнаго горя, вотъ, чѣмъ невольнo стануть корить ее отецъ и мать; и вотъ чего страшилась она больше всего на свѣтъ.

Новое недоумѣніе! новая борьба! Теофанія озиралась вокругъ: ей страшно было общей тишины, страшно своего одиночества; она слабѣла духомъ, металась въ отчаяніи; ей чудились звуки, давно смолкшіе въ воздухѣ, но еще живые въ ея памяти. «Бѣдность пощадила меня, такъ убьетъ стыдъ, завтра я буду въ тюрьмѣ!» гремѣлъ голосъ отца. «Крыть змѣю-тоску въ груди, проклинать жизнь и жить, и улыбаться... ужасно! ужасно!...» твердилъ рыдая Александръ. Вдругъ, ободренная воспоминаніемъ, она подняла голову, лицо ея ожило, взоръ прояснился.

Какъ поступилъ отецъ ея при первомъ свиданіи съ Долиньи? Бросился ль онъ на его предложеніе съ жадностью, какъ голодный къ лакомой пищѣ? Нѣтъ, онъ разрѣшилъ клятву Александра, онъ возвратилъ ему

свободу выбору, онъ заклиналъ его не торопиться и слѣдовать внушенію собственнаго сердца.

И въ одобреніе такого человѣка, такого отца, могла она усомниться, рѣшаясь на великодушный поступокъ! Да услышь онъ прощальный разговоръ Долиньи съ Ольгою: позволилъ ли бы онъ побѣдить себя въ самоотверженіи, въ великодушіи?... Нѣтъ, отецъ благословитъ ее на правое дѣло, и, съ облегченнымъ сердцемъ, твердо и дружно пойдутъ они впередъ къ новымъ испытаніямъ рока: горе можетъ измучить ихъ, но не ввезетъ въ искушеніе!

Теофанія, едва касаясь полу, идетъ къ дверямъ той комнаты, гдѣ покоятся ея родители, становится на колѣни и, скрестивъ руки, съ поникшей головой, мысленно проситъ ихъ благословленія. И если правда, что духъ, во время сна человѣка, освобождаясь отъ брѣнной своей темницы, сохраняетъ всѣ чувства земныя, во чувства очищенные отъ мірскихъ помысловъ, возвышенные до сближенія съ ихъ божественнымъ началомъ, то духъ стариковъ, конечно, осѣнилъ въ эту минуту дочь, возрадовался и возгордился ею.

Теофанія встаетъ съ лицомъ сіяющимъ, но не той земною радостью, которая упоетъ человѣка на одно мгновеніе: лицо ея свѣтлѣетъ счастіемъ страдальца за истину, устоявшаго противъ всѣхъ искушеній и побѣдившаго всѣ муки истязанія твердостью своей добродѣтели.

Не колеблясь болѣе, она вынимаетъ изъ стола бумагу, карандашъ, и при свѣтѣ лампы пишетъ: не слова, а чувства, страстные, живыя чувства переливаются изъ души на бумагу; она возвращаетъ Александру его слово, свободу, проситъ удалиться, прощается съ нимъ на-вѣки; но, жертвуя ему счастіемъ всего, дорогаго на свѣтѣ, ей отрадно разувѣрить любимаго въ своей мнимой холодности. «Пусть хоть при

вѣчной разлукѣ онъ узнаеть меня и скажетъ въ опроверженіе своихъ несправедливыхъ обвиненій: *Она все могла и все сдѣлала для меня!* Такъ мыслить огорченная, но любящая дѣвушка, и, кончивъ письмо, впадаетъ въ глубокую думу.

Передъ ней проходятъ въ живыхъ картинахъ всѣ дни съ того времени, когда Долиня явился; въ ежедневныхъ свиданіяхъ, она любила изучать его умъ, характеръ, и изучила ихъ въ подробности, со всеми оттѣнками. Сострадательный, терпѣливый, любящій добро, какъ по внушенію врожденной склонности, такъ и по убѣжденію опытности; мужественный, возвышенный въ мнѣніяхъ, но въ особенности гордый своей самобытностью и самопознаніемъ, онъ избралъ правиломъ всей жизни — благотворить всякому и не быть ничѣмъ обязаннымъ никому. При этомъ воспоминаніи новая мысль мелькнула въ умѣ Теофаніи и взоръ ея невольно обратился къ письму.

Оно дышало любовью, высочайшимъ самозабвеніемъ; оно дарило ему счастье, за которое отплатить онъ былъ не въ состояніи.

Такъ какъ же прійметъ онъ такой высокій даръ отъ бѣдной дѣвушки, неузнанной, униженной, оскорбленной?.... Его гордость возмутится противъ благодѣанія, и великодушіе, подстрекнутое соревнованіемъ, на-перекорь всѣмъ чувствамъ сердца, не уступитъ ей въ самоотверженіи. Чѣмъ же будетъ тогда ея жертва?... Отчаянною попыткой изумить его благородствомъ и внушить взаимность страстнымъ признаніемъ въ любви! Вся великость ея рѣшимости, всѣ муки борьбы уничтожатся неудачей и, будучи напрасными, не дадутъ, ни ему желаннаго счастья, ни ей утѣшенія. Да если, увлеченный страстью, онъ не прійметъ отъ Теофаніи своей свободы, то ея самоотверженіе, ничѣмъ не награжденное, ея горькая доля, оставятъ темную полосу въ его жиз-

ки. Небывденное и превзойденное великодушіе укорень вырывается въ его совѣтъ, и, не сладко, а больно, унизительно, станеть отъиваться память объ ней въ его дунгъ.

«Нѣтъ, жертва вполонину — не жертва! Да не краснѣеть же онъ считая себя должникомъ слабой двѣшкн; да будетъ счастливъ, спокоенъ: и пусть счастье его обратнтся мнѣ въ единственную награду!...» Съ этии словами Теофанія приближаетъ письмо къ лампадѣ и бросаетъ пылающее на полъ; листокъ свертывается, гаснетъ, чернѣеть: вотъ, едва осталось отъ него нѣсколько былинокъ праху. Теофанія бережно подбираетъ ихъ, чтобъ не осталось уликъ безсонной ночи въ комнату, и выбрасываетъ за окно.

Не такъ ли вепыхнуло, засіяло и угасло счастье бѣдной двѣшкн? Только, не по вѣтру разсыялся прахъ его, а палъ ей на сердце вѣчнымъ воспоминаіемъ.

Тогда, печальная, но успокоенная духомъ, она заняла прежнее мѣсто у окна; волненіе ея смирилось и думы смолкли. Опустивъ отяжелѣвшую голову на руки, она шла въ то безчувствіе, которое не рѣдко слѣдуетъ за сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Свѣтало. Розовая полоса разлилась на востокъ; звѣзды блѣднѣли и гасли въ струихъ перваго свѣту; общая тишина едва нарушалась щебетаньемъ ранней птички. Въ комнату Теофанія все-еще горѣла лампада; окно было отворено, и она сидѣла подлѣ, какъ ночью, поддерживая голову руками: тодько, теперь голова ея клонилась ниже, дыханіе слышалось рѣзче, глаза сомкнулись отъ усталости и отъ слезъ: она забылась въ дремотѣ. И въ это мгновеніе, казавшійся, самъ ангелъ хранилъ ея покой и навѣвалъ сладкія грезы: уста растворялись тихою улыбкой, смиренныя и кротость являлись въ чертахъ, отъ всѣхъ страданій остались только блѣдность и истома на

лицъ. Гребень, съ трудомъ скрѣпявшій кольца густыхъ волосъ, выпалъ на спинку стула, коса рассыпалась и побѣжала черными волнами до самой земли. Какъ многіе, въ ту минуту, любясь на Теофанію, позавидовали бы человѣку, которому судьба давала въ обладаніе такую красоту, съ такимъ любящимъ сердцемъ, съ такою возвышенною душой! А онъ, слѣпецъ, отвергъ неоцѣненный даръ! онъ утопилъ въ морской пучинѣ жемчужину, случайно найденную въ простой раковинѣ, и, отогрѣтая на-мигъ лучомъ солнечнымъ, она снова канула ко дну: воды сомкнулись надъ ней и скрыли навсегда отъ свѣта!

Утренній вѣтерокъ повѣялъ отъ моря, занавѣсъ шелохнулся, и Теофанія открыла глаза. Въ испугъ она взглянула на всѣ стороны, и съ минуту прислушивалась, все ли покоилось вокругъ нея; потомъ тихо затворила окно, погасила лампаду, раздѣлась и легла въ постель.

По утру, мать, войдя по-обыкновенію въ комнату дѣвушки, не нашла ни какихъ слѣдовъ ея мучительной ночи.

Семейный завтракъ кончился. Аббѣаджію всталъ, собираясь идти по своимъ дѣламъ. Теофанія удержала его.

— Оставайтесь, сказала она, обращаясь къ отцу и къ матери: мнѣ нужно просить васъ объ одной милости, отъ которой зависитъ мое спокойствіе и моя жизнь.

— Объ какой милости? спросилъ удивленный отецъ.

— Откажите Долиньи, я не могу быть его женой.

Старики, какъ-бы обезумленные, посмотрѣли на нее.

— Я знаю, чего лишаю васъ разрывомъ съ Долиньи; знаю, что вы можете укорять меня въ неблагодарности къ вамъ и къ нему; можете подозрѣвать меня въ сумасшествіи; но, не кляните меня: я въ полномъ разумѣ, чувствую вину свою, все обдумала, сообразила, и на колѣняхъ умоляю васъ, откажите Долиньи.

Утѣшанія, просьбы, даже слезы стариковъ, не поколебали твердой воли Теоданіи. Въ вопросы ихъ осталась безъ отвѣту; ничто не могло принудить ея къ объясненію.

— Не спрашивайте меня! молила она, цѣлуя руки своихъ родителей и обливая ихъ слезами: не спрашивайте меня; я должна молчать..... Но прійдетъ время, мы все узнаете.... тогда вы одобрите мое отреченіе отъ замужства и простите мнѣ все, чего оно лишаетъ васъ; не обвиняйте, не проклинайте меня, я не могу поступить иначе.....

Аббѣджіо стоялъ, потупивъ глаза, въ мрачной задумчивости; жена его рыдала надъ дочерью, не понимая причины упорства, но слѣпо вѣруя въ правоту ея поступковъ.

— Такъ вразуми же меня, Фанни, прервалъ ее наконецъ старикъ сурово: подъ какимъ предлогомъ отказать Долиннѣ? что сказать, отступаясь безъ всякой причины отъ даннаго ему слова? Это будетъ, право, неблагодарно, безчестно съ моей стороны: я не имѣю права оскорблять человѣка, который облагодѣтельствовалъ мое семейство....

Теоданія встала; слезы остановились въ ея глазахъ.

— Батюшка, не требую отъ васъ ни неблагодарности ни оскорбленій; я виновница всего, и одна снесу послѣдствіе моей вины. Напомните ему, что онъ давно убѣдился въ моей холодности, что я не могу любить его, что мнѣ ужасна мысль о соединеніи съ нимъ..... Скажите, батюшка, скажите, что я рѣшилась однимъ ударомъ освободить себя и его отъ доли, угрожавшей намъ обомъ; обвините меня въ непокорности, въ помыслительствѣ, въ чемъ хотите: только избавьте, избавьте меня отъ него!.....

Старикъ пожалъ плечами, и вышелъ изъ комнаты,

не сказавъ ни слова, не удостоивъ дочери ни слова ни взгляду. Пораженная до глубины сердца ея холодною, Фанни бросилась на шею матери, крѣпко обняла ее, и со словами — «Простите хоть вы меня!» — убѣжала въ свою комнату.

Немного спустя, прїѣхалъ молодой Эртино, съ какимъ-то порученіемъ къ Аббиаджіо отъ отца своего, но, замѣтивъ тревожное расположеніе духа хозяевъ, скоро оставилъ ихъ. Долиньи столкнулся съ нимъ у крыльца; они вѣжливо раскланялись.

Александръ былъ разстроенъ до изнеможенія: несмотря на то, онъ прїѣхалъ на дачу, зная, что генеральша Лавринская съ утра переселилась въ городъ.

Аббиаджіо встрѣтилъ его въ сильномъ замѣшательствѣ; нѣсколько разъ начиналъ рѣчь и заикался; слова замирали у него на языкѣ. Долиньи смотрѣлъ на Аббиаджіо въ недоумѣніи.

— Вы, кажется, встревожены или нездоровы? спросилъ онъ наконецъ старика.

Аббиаджіо собрался съ духомъ.

— Мой другъ, я виноватъ передъ вами; но, клянусь Богомъ, виноватъ непроизвольно..... Вы ошастливили меня предложеніемъ..... я обѣщалъ вамъ руку моей дочери, и счелъ бы за честь, за счастье, назвать васъ моимъ сыномъ; но.... она сама возмущается противъ даннаго вамъ обѣщанія.....

— Теофанія? возможно ли? вскричалъ Долиньи, невольно вдрогнувъ при мысли о вчерашнемъ вечерѣ.

— Да, Теофанія, продолжалъ старикъ: я не понимаю ея, не могу постигнуть, что съ ней сдѣлалось; она, какъ-будто внѣ себя, рыдаетъ и твердитъ, что ни за что не хочетъ выйти за васъ.

— Позвольте мнѣ переговорить съ ней наединѣ, сказалъ въ раздумь Александръ.

— Подите къ ней; она одна въ своей комнатѣ. — Франки, сказалъ отецъ, приблизясь къ дверямъ : синьоръ Алессандро желаетъ переговорить съ тобой.

Теодорика встрѣтила Долини съ твердымъ и спокойнымъ видомъ. Онъ, напротивъ, чувствуя себя виновнымъ, оробѣлъ какъ школьникъ.

— Вы желали свиданія со мной, сказала она дружески, протягивая къ нему руку: я знаю заранее все, что вы хотите мнѣ сказать. Напрасно, синьоръ Алессандро; не пытайтесь ни убѣждать меня ни спрашивать о причинѣ моей перемѣны. Она всегда, для всѣхъ, останется тайною. Я уважаю васъ; вы рѣдкій, благородный человекъ; увѣрена, что вы составили бы мое счастье; но, простите, на-перекоръ разсудку и собственному убѣжденію, я не могу быть вашею женой.

— Отчего же прежде, еще вчера, вы счастливили меня согласіемъ? спросилъ Долини, и, укоряя себя въ неосторожности вчерашняго разсказу о Джулію, прибавилъ, смотря ей пристально въ лицо : Не провинился ли я передъ вами? Не подозреваете ли вы меня въ чемъ-нибудь?..... подозрѣнія такъ часто бываютъ неосновательны..... Объяснитесь, заклинаю васъ; быть-можетъ я успѣю оправдаться.....

— Вамъ не въ чемъ оправдываться, я ни въ чемъ не подозреваю васъ, отвѣчала спокойно Теодорика, выдерживая его испытующій взоръ безъ малѣйшаго замѣнательства.

— Не обманывайте меня, продолжалъ Александръ: можетъ-статься что-нибудь.... какой-нибудь случай.... нѣсколько неясныхъ словъ, ложно истолкованныхъ, посвятили между нами недоразумѣніе..... Будьте откровенны, Теодорика; вѣрьте, я желаю вамъ добра.

И онъ, то опускалъ взоръ, то смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ; голосъ его выражалъ непритворное

моленіе. Чувствуя себя виновнымъ, онъ готовъ былъ на все рѣшиться, чтобы загладить свою вину.

— Благодарю васъ, Александръ, отвѣчала Теофанія: благодарю, и повторяю: ваши опасенія напрасны. Будьте спокойны: не вы, не недоразумѣніе, а воля Провидѣнія, разлучаетъ насъ. Вы сдѣлали для меня все, что могъ сдѣлать лучшей, благороднѣйшей изъ людей; вы приобрѣли право на вѣчную мою признательность..... не тревожьте же себя сомнѣніями, не принуждайте меня ни къ какимъ объясненіямъ, пріймите обратно ваше слово, возвратите мнѣ мое, и.... разстанемся добрыми друзьями.

Долиньи нѣсколько минутъ молчалъ въ глубокой задумчивости; потомъ, какъ-бы собравшись съ мыслями, оно спросилъ :

— Но размыслили ль вы, что располагая собой, вы не властны играть участію вашихъ родителей? Подумали ль вы объ ихъ положеніи? Вы отнимите у нихъ опору, сына.....

— И все замѣню собой! прервала Теофанія съ гордой самоувѣренностью.

— Не все! Силъ вашихъ не станетъ на удовлетвореніе всѣхъ ихъ нуждъ..... Я обѣщаль клятвенно отцу моему сдѣлаться сыномъ его друга, посвятить жизнь мою вашему семейству.....

— Не вы нарушаете данный обѣтъ, я разрѣшаю васъ отъ клятвы, я имѣю право на это!.....

— Теофанія, этотъ голосъ, этотъ тонъ, не сродны съ кротостью вашего характера; имъ измѣняетъ принужденіе; вы играете вытверженную роль. Ради самаго неба, откиньте притворство. откройте мнѣ вашу душу!

— Не требуйте отъ меня того, въ чемъ отказала я отцу и матери.

— Видите ли, Теофанія, началъ Долинья немного помолчавъ : есть высокое наслажденіе въ исполненіи своего долгу; мы не можемъ жить собственно для себя. Если вы не надѣетесь найти въ супружествѣ со мной полнаго счастья, вѣрьте по-крайней-мѣрѣ, что вся воля, всѣ способности мои, посвящаются заботамъ объ васъ и вашихъ родителяхъ : для нихъ вы не должны отвергнуть меня!..... Теофанія, скажу откровенно : я не рожденъ для страсти, не общаю вамъ пламенной любви, но нѣжность брата, дружба, уваженіе мое принадлежатъ вамъ. Вѣрьте же мнѣ участь свою, и, небо свидѣтель, вы никогда въ томъ не раскаетесь !

— О, вѣрю, вѣрю, Александръ!..... знаю, что, отказываясь отъ руки вашей, я отказываюсь отъ собственного счастья, но не могу идти противъ судьбы, не могу принадлежать вамъ.....

И голосъ ея, твердый въ началѣ разговору, становился всё тише, трепетнѣе; силы измѣняли ей.

— Но какое вліяніе могла имѣть на васъ судьба отъ вчерашняго вечера?..... Вы обманываете себя или меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отъ вчера.... перебила она торопливо: о! нѣтъ..... еще прежде, давно!.... Я виновата, я не могла рѣшиться..... я боялась огорчить моихъ бѣдныхъ родителей.....

— А теперь равнодушно смотрите на ихъ печаль? Взгляните на отца: сообщая мнѣ ваши слова, онъ былъ блѣденъ, едва могъ говорить.....

— Но что же дѣлать!... что дѣлать!... О Боже мой!....

— Не разрывайте нашихъ связей, дайте мнѣ руку, и пусть все останется по-прежнему.

— Невозможно!.... Замолчите; удалитесь.....

— Не прежде, чѣмъ узнаю причину вашего страннаго поведенія.

— Вы?... не узнаете ея!

— И не оставлю васъ.

— Александръ! закликаю всѣмъ, что вамъ священно, уйдите..... Охъ, уйдите, не мучьте меня! вскричала она раздражающимъ голосомъ, въ которомъ слышалось отчаянное моленіе послѣднихъ гаснущихъ силъ.

Должныя, изумленные этимъ восклицаніемъ, взглянувъ на Теофанію: она дрожала и крупныя слезы лились по ея лицу.

— Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно: я не могу оставить васъ; мы должны объясниться.

Онъ сѣлъ подлѣ Теофаніи, и продолжалъ ласково, почти съ невжностью:

— Если въ продолженіи нашего знакомства я имѣлъ счастье заслужить ваше расположеніе, если вамъ дорого мое спокойствіе, спокойствіе вашихъ родителей, изъ состраданія вы должны открыть намъ эту несчастную тайну.

— О, Боже мой! Александръ, что вамъ до моей тайны? что до нашего семейства, теперь мы чужды вамъ? Оставьте, забудьте.....

— Да развѣ вы не видите, въ какое положеніе ставите меня? какую роль я играю въ вашемъ домѣ? Не въ правъ ли ваши родители подозрѣвать меня въ какомъ-нибудь преступленіи, котораго вы, изъ жалости ко мнѣ, не хотите разгласить по свѣту?

— Какая мысль! Кто осмѣлится подозрѣвать васъ въ преступленіи?

— Всякой, кто зналъ нашу связь и узнаетъ объ нашемъ разрывѣ.

— Такъ передъ родными и цѣлымъ свѣтомъ я приму всю вину на себя!

— Нѣтъ, Теофанія, я не допущу васъ до этого; ваше доброе имя дороже для меня моего собственнаго.

— Чего жъ вы требуете отъ меня? Что хотите вынудить? — Послушайте, сказала она усиленнымъ голосомъ: здѣсь, на этомъ распятіи, клянусь, что не могу быть вашей женою и не открою вамъ причины моего непоколебимаго рѣшенія..... Не терзайте же меня напрасно: удалитесь!

Долины всталъ, оскорбленный упорствомъ дѣвушки, которую привыкъ считать слабымъ, колдовскимъ созданіемъ: ея твердость раздражила его самолюбіе, и теперь изъ гордости онъ не хотѣлъ отступиться отъ требованій, внушенныхъ сначала искреннимъ участіемъ.

— Не смѣю настаивать на счастіи обладать вашей особой, сказалъ онъ холодно съ легкимъ поклономъ; но честь моя не дозволяетъ мнѣ удалиться, не узнавъ, за что удаляютъ меня. Вы должны объясниться, иначе я не оставлю васъ.

Онъ бросился на стулъ, на другомъ концѣ комнаты, и скрестилъ руки на груди съ видомъ послѣдней рѣшимости.

Прошло нѣсколько минутъ. Долины не трогался съ мѣста. Теодорія стояла, мотушивъ глаза. Между ними разыгрывалась одна изъ тѣхъ сценъ, въ которыя всякое слово, всякой жестъ, рѣшаютъ участь человека. Теодорія подняла голову: ея лицо было блѣднѣе поблекшей лиліи; въ побѣлѣвшихъ, крѣпко сжатыхъ, губахъ, замѣтно было стараніе одолѣть ихъ судорожный трепетъ; но глаза ея сіяли отблескомъ внезапнаго вдохновенія, и всѣ черты были одушевлены геройствомъ высшаго самоотверженія.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ Долины, остановилась противъ него, и произнесла скоро, тихимъ, но выразительнымъ, голосомъ:

— Вы вынуждаете у меня сознаніе, не вините жъ за излишнюю откровенность. Въ васъ есть умъ, есть чув-

ство: вы не могли не замѣтить моеѣ холодности! Я принуждала себя изъ угожденія моимъ родителямъ; я долго надѣялась, что привычка замѣнить любовь или хоть ослабить мое.... мое отвращеніе къ вамъ. Оно непобѣдимо! Вы видѣли: я была робка, молчалива, угрюма только съ вами. Я чувствовала, что наше супружество обратится мнѣ въ пытку всеневную, въ мученіе..... День свадьбы приближался, и я рѣшилась разорвать ее однимъ ударомъ..... Теперь вы все знаете. Избавьте же меня отъ вашего присутствія.

Напряженіе, котораго ей стоили эти слова, истощили послѣднія силы; закрывъ лицо руками, она ушла на стулъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Долинны вскочилъ. Онъ никогда не заискивалъ любви Теофаніи; теперь въ особенности, страстно занятый Ольгою, онъ отвергъ бы нѣжность самой богини красоты: несмотря на то, слово *отвращеніе* неприятно поразило слухъ его и возмутило гордое мужское самолюбіе. Какъ быть!.... таковы мужчины.

Онъ взялъ шляпу. Теофанія, какъ окаменѣвшая, не перемѣняла положенія; онъ назвалъ ее по имени: она не слыхала; коснулся руки ея: рука осталась безъ движенія. Отчего?.... Дѣвушка, говоря мужчинѣ, что она его не любитъ, отворачивается, краснѣетъ, но не лишается чувствъ: съ этой мыслью Долинны остановился подлѣ нея, она внушала ему невольное состраданіе.

Ктому же..... странно!..... отвращеніе! Онъ не замѣчалъ его прежде; то была уловка Теофаніи: тайный голосъ убѣждалъ его въ томъ. И можетъ ли отвращеніе къ человѣку, благотворящему намъ, родиться въ неопытной, доброй душѣ изъ ничего? Есть источникъ женской ненависти къ мужчинамъ, это исключительная любовь къ одному. Неужели она любить?....

Александръ такъ искренно желалъ составить счастье

Теоданія, что ему приятно было найти это истолкованіе поступковъ, которое избавило его отъ незаслуженной ненависти; ему понравилась догадка, и онъ привязался къ ней.

Но кто же этотъ прежде-избранный? Кого могла она любить, въ своемъ отчужденіи отъ свѣта?... Развѣ прежде, давно? И въ самомъ дѣлѣ! Прекрасный знакомецъ.... недавній пріездъ.... внезапная перемена Теоданіи.... Свѣтлая мысль озарила умъ Александра. Обрадованный своимъ открытіемъ, онъ сжалъ ее руку и сказалъ съ прежнимъ дружествомъ:

— Теоданія, я благодаренъ вамъ за вашу откровенность; мы расстаемся навсегда, но безъ *отвращенія*. Я осмѣлился разгадать вашу тайну, и какъ братъ спрашиваю васъ, не могу ли быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ?

Теоданія подняла на него потухшіе глаза, ничего не понимая.

— Есть случаи, въ которыхъ чувства дѣвушки неохотно изливаются передъ родителями, продолжалъ онъ: я разгадалъ тайну вашего сердца, и предлагаю себя въ посредники.... Скажите, не правда ли, вы любите Эртино?

— Я!..... я!..... Теоданія..... я люблю Эртино? вскричала она, пораженная и испуганная, какъ-бы услышавъ противъ себя обвиненіе въ богохульствѣ.

— Да, прекраснаго Эртино, вашего стариннаго знакомаго. Не могу вѣрить, чтобъ въ ваши глаза, при вашихъ рѣдкихъ достоинствахъ, могъ заведѣнуть ненависть къ кому-нибудь безъ всякой причины. Кому жъ вы сердитесь? припадлите ли мнѣ. Не претяго дня явился Эртино, и вы возненавидѣли меня, какъ препятствіе вашей любви къ нему. Не правъ ли я? Скажите.....

Минуты съ дѣв Теоданія молчала и собиралась съ мыс-

лями, отъ нечаяннаго обвиненія; потому, страхась новыхъ вопросовъ и догадокъ, и чувствуя, что ослабѣвающая воля можетъ измѣнить ей, она отвѣчала, съ рабскою душою особы, которой нечего было ни терять ни опасаться:

— Да, вы правы, вы разгадали мои чувства. Но, ради неба, храните мою тайну, отъ всѣхъ!... навсегда!... Прощайте!

Она медленно опустилась на стулъ.

— Я повинуюсь вамъ, Теоданія, прощайте! скажите Долинѣ. Мнѣ пріятно вѣрить, что я не оставляю вамъ по себѣ ни вражды ни отвращенія. Желаю вамъ много счастья съ нимъ. Гдѣ бы мы ни встрѣтились, вы найдете во мнѣ истиннаго, преданнаго вамъ друга. Прощайте жъ въ послѣдній разъ; на дняхъ я оставлю Россію.

Онъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку своей бывшей невѣсты. Поникнувъ головой къ груди, она, казалось, не слыхала этихъ словъ, не чувствовала этого поцѣлуя. Онъ вышелъ; она осталась въ прежнемъ положеніи; и рука, принявши послѣднее прощаніе любимѣйшаго изъ людей, какъ омертвѣвшая упала на колѣни.

Долинѣ простился съ Аббиджіо, поспѣшно вышелъ изъ дому и, взобравшись на гору, остановился: оттуда взоръ его невольно упалъ на главную аллею. Въ одно мгновеніе исчезла темная тѣнь съ лица его: оно прояснилось и засвѣтлѣло; глаза его блеснули, одушевленные блаженствомъ любви; всѣ черты въиграли весельемъ; какъ освобожденный узникъ, почувшій чистый воздухъ поднебесья, онъ радостно встрепенулся, и съ восклицаніемъ «Ольга! моя Ольга!», бросился въ молотку.

Не много спустя, одинъ изъ любителей новостей, разгласительный барабанъ всѣхъ случайныхъ проис-

пестрый, невѣстивъ Аббаджіо, и, будто мимоходомъ, рассказывалъ, что Долинни женилъ мѣсто на пароходѣ какихъ-то негоціантовъ, который въ тотъ же вечеръ отправлялся въ Неаполь.

Его громкій басистый голосъ достигъ, съвозъ затворенную дверь, до слуху Теофаніи, и она печально улыбнулась, какъ при мысли горячкѣ, но вразумъ предугаданной.

Цѣлый день она не покидала своей комнаты и даже постели, куда перенесли ее едва дышащею по уходѣ Долинни: Казалось, сильная горячка развивалась въ ней; голова ея горѣла, руки и ноги были холодны какъ ледъ; сердце, то замирало до тоски, то билось съ удвоенною скоростью. Аббаджіо заперся въ кабинетъ. Мать не отходила отъ изголовья больной, слѣдила за всѣми ея движеніями, подслушивала ея вздохи; ея безсвязный лепетъ, и въ нѣмомъ отчаяніи тихо плакала и молилась надъ своей погасающею надеждою.

Настала пора раннихъ осеннихъ сумерокъ; пробило пять часовъ: тогда Теофанія встала съ постели, сказала матери, что, чувствуя себя гораздо лучше, хочетъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и вышла въ садъ.

Великолепное было заложеніе этого вечера. Западъ обилея заревами, прозрачное небо отражало денность свою на цѣлой природѣ; торжественная тишина царствовала въ воздухѣ, надъ моремъ, даже въ окрестностяхъ садовъ. Теофанія шла медленно по саду, пока взоры матери могли слѣдовать за нею; когда же домъ ихъ скрылся за кустами, она покинула главную аллею, и, несмотря на крутизну горы, бѣгомъ бросилась внизъ по извилистой тропинкѣ.

Въ томъ мѣстѣ узкій берегъ заравнеи обрывается живописно, которые, отпадая отъ обрыву по мѣрѣ того какъ волны подмываютъ его, и ложась одинъ на дру-

голь, образуютъ дѣльные утасы; выдвинувши далеко въ море, пересѣе охоты и облизавшиа! раковинами.

Волна прибою вѣчно рожетъ, прорывалась сквозь ихъ разсѣлины къ берегу, плещется, разсыпается брызгами, отбѣгаетъ прымстой струею, и исчезаетъ, будто спадло съ него безсиліа.

Нижняя часть салу давно стемнѣла въ сумеркахъ, хотя вершины деревъ и кровли домовъ были еще возсвѣчены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Крутой обрывъ, набросилъ длинныя тѣни на возморе; прибрежныя воды, подернутыя туманомъ, какъ-будто дремали убаюкавныя едва вѣющимъ вѣтеркомъ.

Теофанія сбѣжала на берегъ: искусно цѣпляясь за все неровности и впадины камней, она вскарабкалась на самый высокій утесъ, нависшій надъ моремъ, оставившая у вершины, и устремила тоскующій взоръ на северо-западъ.

Долго стояла она на этой скалѣ въ ожиданіи чего-то. Ея руки были крѣпко прижаты къ груди; тяжкое и неровное дыханіе измѣняло сильному биенію сердца; не румянецъ, а багровыя пятна, горѣли на щекахъ, и по-временамъ болезненный вздохъ вырывался изъ устъ глухимъ стenanьемъ. Вѣтерокъ игралъ ея волосами, въ безпорядкѣ вышавшими изъ воды губы въ гребни; морскія птицы, осмѣленныя ея неподвижностью, то кружились надъ самою ея головою, то съ пронзительнымъ крикомъ уходили въ высь: она ничего не видѣла и не замѣчала; утесъ могъ бы обрушиться съ нею, не открывши ея глазъ отъ избранной цѣли.

Издаലെка пронесся по водамъ перекатный отгулъ; будто эхо громоваго удара. Теофанія вздрогнула, и съ удвоеннымъ вниманіемъ обратила взоръ и слухъ къ той сторонѣ; отсюда раздава въскрыль; и вотъ изъ бухты выплылъ пароходъ въ открытое море. Черный дыкъ вырвался: клубами изъ трубы, у манна распус-

кали паруса, и надъ ней, то стибаясь кольцами, то разбиваясь какъ амфи, виднѣлся неополитанскій флагъ. Быстро несло судно, разсыкая волны и убагая за собой вспыщенную влагу: оно мѣстами до того сближалось съ землей, что съ берегу можно было различить людей, еще суетящихся на палубѣ. Вотъ пароходъ поронился съ утесомъ, на которомъ стояла Теофанія, и ей мелькнули, у кормы, двѣ человеческія фигуры, бѣлая и черная, такъ близко, дружно, такъ тѣсно одна къ другой..... Дѣвушка затрелетала: смертный холодъ оледѣнилъ ея члены, сердце замерло отъ ревности, боли, изнеможенія, и распаленному воображенію почудилось, будто пространство, исчезая, дозволяетъ ей видѣть, какъ переплелись руки счастливыхъ, какъ лица ихъ одушевляются взаимною улыбкой, какъ взоры ищутъ только отвѣтныхъ взоровъ, и вдругъ глаза бѣлой фигуры, отрываясь отъ милаго, шлютъ ей торжествующій, коварный, насмѣшливый взглядъ. Теофанія вскрикнула, не отъ страданія: въ то же мгновеніе засвѣтлѣлъ ей другой, благодарный, упоенный блаженствомъ взглядъ, — и все забыто. Въ послѣднемъ, страстномъ, порывѣ любящаго сердца, Теофанія простираетъ руки къ обожаемому видѣнію, и съ жаркой молитвой благословляетъ его: «О, Александръ! мой Александръ!» восклицаетъ она въ изступленіи, и видѣніе разсѣвается: Теофанія глядитъ не воображеніемъ, а слабыми тѣлесными глазами: все дико, пусто, вокругъ; одинъ волны плещутся у ногъ ея, а судно ушло далеко, далеко. Оно достигаетъ уже послѣдней видимой черты, которая отдѣляетъ море отъ склону небесъ; бѣлый какъ снѣгъ парусъ, озаренный полнымъ свѣтомъ предзакатныхъ лучей, волотится отливомъ зари и, нѣжнымъ, прозрачнымъ облакомъ, воплываетъ изъ синей пучины на горизонтъ; вотъ кажется недвижимымъ, кажется, останавливается для дрожаща на рубежѣ неба и земли; вотъ переплылъ за роко-

вую полосу, и начинаетъ спускаться, ниже, ниже, будто перекачиваясь за гору, или погружаясь въ пучину волнъ. Теофанія смотритъ на него едва дышетъ; ожиданіе и страхъ отражаются въ ея безумномъ взорѣ, жизнь цѣплетъ въ ней, пульсъ не бьется: еще мгновение, — парусъ мелькнулъ и скрылся; дымъ, струей вывѣшійся изъ трубы парохода, еще плаваетъ надъ шхетомъ, гдѣ исчезло судно; дымъ стелется, рѣветъ, расцвѣтается въ вечернемъ туманѣ: и нѣтъ слѣдовъ Александра! нѣтъ и слѣда бываго счастья!... Теофанія вскрикнула и упала безъ чувствъ, какъ-будто душа ея рванулась изъ тѣла вслѣдъ за мыслями. Но не въ волны упала она, не на холодный утесъ: мать приняла ее въ свои объятія.

На ея отчаянный вопль Теофанія открыла глаза, приподняла голову, взглянула на море, на небо, и, залившись слезами, снова упала на грудь родной, прижималась всѣми силами къ послѣдному пріюту своему на землѣ.

— Простите! простите! простонала она, напрасно стараясь овладѣть голосомъ, задушаемымъ рыданіями: простите! я виновата, я отняла его у васъ; но онъ любилъ... ее... а не меня!... любилъ и мучился!... Теперь онъ счастливъ.... я осчастливила его.... О, не проклинайте же.... а пожалуйте и простите!...

Онъ долго стояли обнявшись; казалось, души ихъ сливались во взаимныхъ ласкахъ, во взаимныхъ слезахъ. Наконецъ Теофанія освободилась изъ объятій матери, отерла слезы, и, съ кроткой покорностью въ глазахъ, съ челомъ возвышеннымъ и гордымъ правотою, сказала твердымъ голосомъ, сжимая руки ея въ свои рунахъ:

— Да! я пожертвовала вашимъ счастьемъ счастьемъ Александра... долгу благодарности и благодарности! Теперь мы опять бѣдны, безпріютны; зато укоръ въ не-

жести не ослабятъ ирей, соняты. Я молода, крашка, мороза; чувство вины моей противъ васъ удвоитъ мои силы: я снова приймуся за работу; моя любовь заставитъ васъ забыть объ утраченномъ богатствѣ, а Царь небесный, сердцевъдецъ, утѣшитъ страждущихъ и призоветъ немущихъ.

Нѣсколько лѣтъ минуло съ-тѣхъ-поръ какъ Долины возвратился въ Италию, съ своей любовью, съ своимъ блаженствомъ, съ обожаемою и обожающею Ольгой. Какъ всѣ счастливыцы, они скрылись отъ взоровъ людскихъ, вѣроятно, въ какой-нибудь цвѣтушей видлѣ, подъ сѣнью миртовъ и розъ; и свѣтъ, пожалѣвъ о побѣгъ Ольги изъ своихъ областей, потерялъ ее изъ виду.

Кончено! Одна изъ обворожительнѣйшихъ женщинъ столичнаго общества, безсмѣнное украшеніе всѣхъ залъ, гуляній и театровъ, женщина, которая вычеркивала изъ дней своего существованія день, не принесшій свѣтскихъ удовольствій, — *дщерь суеты*, какъ назвалъ ее одинъ изъ отринутыхъ искателей въ припадкѣ поэтической мизантропіи, — словомъ, молодая, прекрасная, блестящая Лавринская добровольно отрекалась отъ праздниковъ, отъ поклоненій, отъ значенія, отъ честолюбія, и все, для поцѣлуя нѣжнаго супруга, для идилическаго счастья.

Но вотъ, полдень. Солнце, необходимый предметъ всѣхъ живописныхъ описаній природы, пробившись сквозь грады сѣрыхъ облаковъ, весело замгало въ небѣ надъ громадой дворцовъ, церквей, памятниковъ,

и прочаго; но въ особенности, нидь большише, только-что заседевшише, садомъ съ прямими аллемми; съ статуями и бюстами разныхъ бессмертныхъ и смертныхъ лицъ, со скамейками и чугуною рвнёткою вокругъ.

По укатаннымъ дорожкамъ бѣгаетъ и суетится новое поколѣнiе только-что вступившихъ въ свѣтъ гражданъ, а вслѣдъ за ними важно выступаетъ другое, состоящее по большей части изъ кандидатовъ на могилу: здѣсь старыя Англичанки, желто-блѣдныя, прямыя, съ буклями и шляпками, которыя онѣ вывезли лѣтъ за двадцать изъ Великобританiи; тамъ говорливыя и, несмотря на преклонность лѣтъ, всё-еще щеголеватыя Француженки; кое-гдѣ Пѣжки, въ чепцахъ съ огромными накрахмаленными оборками; а вотъ и дородныя кормилицы въ новойпикахъ и сарафапахъ, блестящихъ галунами.

Да что жъ это? Русскiя кормилицы въ Италiи! Такъ это стало-быть не Италiя?... Однако жъ вотъ Долины. Такъ точно, это онъ, Александръ Долины, самъ, своею особою. Герой нашъ стоитъ, прислонясь спиною къ дереву, изадумчиво смотритъ на небольшой домъ, безъ колоннъ, безъ портиковъ, самой простой архитектуры, какъ-будто давно необитаемый, но свято хранимый отъ разрушенiя благодарными потомками.

Долины не постарѣлъ, почти не измѣнился: только лицо его сдѣлалось еще серiознѣе, осанка важнѣе, и морщина, перерезывавшая его смуглый открытый лобъ, означается еще рѣзче и глубже. Застегнувшись по подбородка въ теплый сюртукъ и скрестивъ руки на груди, онъ не обращаетъ ни какого вниманiя на то, происходитъ вокругъ. За садовой рвнёткою тянется улица съ гранитными тротурами; далѣе, красивая, широкая рѣка быстро катится; несл на хребтѣ своемъ сотни зеленыхъ лодокъ и нагруженныхъ судовъ; на

иде и на земле; всюду жизнь и говоръ; шумъ и суета: жиняки гремятъ по мостовой, пешеходы толпятся на тротуарахъ; вотъ промаршировала мимо длинной строй солдатъ, бодрыхъ, величавыхъ, въ одеждѣ блестящей чистотою и богатствомъ; вотъ приближалъ мальчикъ съ лоткомъ на головѣ, прославляя пронзительнымъ крикомъ сайки съ патокой и калачи съ икрой; а вотъ облако, набѣжавъ на солнце, окутало его непроницаемымъ покрываломъ, какъ Турокъ бѣгую проказницу-одалиску; холодный вѣтеръ подулъ отъ сѣвера: заботливыя менторщи потащили дѣтей къ акипажамъ, и одна изъ нихъ проворчала, окутываясь въ стеганую мантилью: «*Quelle contrée! un froid d'ours au mois de juin.*»

Увы! теперь нѣтъ ни какого сомнѣнія: это не Италия. Не оттого ли такъ задумчивъ нашъ герой? Не оттого ли ёжятся его брови, хмурится лицо?

Вотъ, по главной аллеѣ, безъ оглядки свѣшитъ длинная фигура въ черномъ плащѣ, нахлобучивъ шляпу на самый носъ, такъ, что одинъ только его кончикъ выглядываетъ промежду густыхъ съ просѣдью бакенбардовъ; сѣверный вѣтеръ, замѣтно, не по сердцу, незнакомому: бѣдняга кутается, оглядывается во: всѣ отброны и поворачиваетъ къ кандистерской. Въ эту минуту Долиньи, вѣроятно утомленный одинокимъ созерцаніемъ и размышленіями, бредетъ тихимъ шагомъ къ той же аллеѣ, и на перекресткѣ сталкивается съ фигурой въ черномъ плащѣ. Оба, взглянувъ другъ на друга, отступаютъ.

— Ба, ба! синьоръ Долиньи, васъ ли я вижу? восклицаетъ незнакомецъ по-итальянски.

— Землякъ! пріятель! отвѣчаетъ также радостно Александръ, и они обнимаются со всею горячностью одноземельцевъ, встрѣтившихся неожиданно въ чуждой сторонѣ.

— Да, давай же ты залезай къ сюда? Ты, ненавистный сводера и въ особенности савернаго дѣла! Какъ жедна дѣла разсталась съ приморскою вышкою, которую называли своимъ раемъ?

— Должны подавить вздохъ, готовый уже вырваться изъ груди при этомъ вопросе, и отвѣчать лаконически:

— Случай, обстоятельства... Скажи лучше, чему обязанъ я свиданіемъ съ тобой? Въ три года тому, только-что возвратившись изъ Индіи въ Неаполь, ты, кажется, собирался вхаты въ Бразилію?

— Такъ точно. Европа и Азія мнѣ надоѣли, и я рѣшился объѣхать Америку, объѣхать всю, отъ Грѣнландіи до Магелланской Земли. Чудесная сторона! величественная, дѣвственная природа!... Теперь я прямо изъ Рио-Жанейро; захватъ-было въ Геную, чтобы устроить кое-какія дѣла, да скуна, однообразіе.... въ три года ни малѣйшей перемены: я сѣлъ на пароходъ, и, какъ видишь, олутился въ Петербургъ. Но не даромъ меня мугали: ухъ! что за холодный вѣтеръ, въ началѣ іюня: что же зимой? Войдемте въ этотъ казино, поговоримъ и обогреемся....

Неутомимый говорунъ-путешественникъ потащилъ Должны съ собою въ кондитерскую, гдѣ набралось небольшое общество разнаго званія людей: одни закусывали, другіе читали газеты, третій, причудливи, отогрѣтые на пять минутъ появленіемъ солнца, вообразили, что настаютъ каникулярныя жары, и, несмотря на синіе носы входящихъ, кушали мороженое.

— Пер Вассо, имъ жарко! пробормоталъ Италіянецъ, и ломанымъ французскимъ языкомъ спросилъ чашку самаго горячаго шоколаду.

— Ба! а это что? вскричалъ путешественникъ, замѣтивъ изъ-подъ разстегнутаго сюртука Должны русскій орденъ.

— Это? ...: что же тут удивительнаго? Служу въ Россіи....

— Ты служишь? Ты, лѣнивѣйшій изъ лѣнолюбивѣйшихъ Италіянцевъ.

— Ничего мудренаго..... у меня есть сынъ..... отъгналъ Долиньи; стараюсь придать своему гласу тонъ важности.

— Ага, понимаю! замѣтилъ старый болтунъ съ усмѣшкою, въ которой пробивалось самодовольство пробника-тельности: понимаю! это женины проказы! Прошла первая страсть и честолюбіе проснулось.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразилъ Долиньи съ неудовольствіемъ: ты худо меня знаешь, полагая, что я могу быть рабомъ женскихъ причудъ, хоть бы эта женщина была для меня дороже всего въ мірѣ.... Правда, что моя Ольга скучала иногда о своемъ отечествѣ и друзьяхъ, но никогда объ утраченномъ значеніи; я самъ пожелалъ хоть немного приблизить ее къ той степени, съ которой спустилась она изъ любви ко мнѣ.

— Ты самъ? добровольно?.... Не вѣрю.

Долиньи вторично подавилъ въ груди своей тяжелый вздохъ.

— Я сказалъ уже, что не хотѣлъ оставаться у жены въ долгу: она столькимъ для меня пожертвовала! отъгналъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ, и, перемѣняя разговоръ, спросилъ своего пріятеля объ устройствѣ чугунныхъ дорогъ въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Это значило толкнуть юлу на скольскій ледъ. Путешественникъ пустился рассказывать, и чѣмъ болѣе отъгравдѣлся его языкъ, тѣмъ разнообразнѣе и быстрѣе лились потоки рѣчи. Онъ рассказалъ почти не переводя духу обо всѣхъ рѣдкостяхъ, всѣхъ феноменахъ, всѣхъ происшествіяхъ Новаго и Стараго Свѣта. Долиньи долго слушалъ, или показывалъ видъ, будто слушаетъ его

се въспрашивать милого, ухвативъ минуту, когда путешественникъ прихлебывалъ свой шоколадъ, онъ спрашивалъ:

— Что наши добрые знакомые въ Генуѣ? что Аляксии? что Пьетро Перри?....

— По-старому, все по-старому! Первый молится, второй грѣшитъ и богатѣетъ.... А вотъ, кстати объ знакомыхъ: знаешь ли, съ кѣмъ я встрѣтился въ Миланѣ?

— А ты успѣлъ побывать и тамъ?

— Разумѣется! разумѣется!.... Ну, отгадай, съ кѣмъ?

— Мало ли кого я знаю въ Итали!.... Вѣдь я жилъ въ ней не заметной птичкой какъ ты.

— Да, да, нечего сказать, птичка быстрая на летѣть, зато и наглядѣлся. Но угадай!.... Не можешь?.... Такъ и быть! скажу: я видѣлъ въ Миланѣ твою бывшую невесту, съ отцомъ и съ матерью....

— Какъ! Теофанія Аббиаджіо въ Миланѣ?....

При этомъ имени Долинъ встрепянулся, какъ-будто оно воскрешало для него прошедшее, о которомъ родъ людской вѣчно жалѣетъ.

— Ну, да, Теофанию, только не Аббиаджіо, а Эртино.

— Ахъ, да! Эртино; я и забылъ.

— А ты зналъ, что она замужемъ?

— Не зналъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ предугадывалъ. Скажи же: это извѣстіе будетъ для меня интереснѣйшимъ изъ всѣхъ твоихъ рассказовъ; скажи: счастлива ли она?

— О, безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія! Эртино богатъ, всѣми уважаемъ, добръ, неревнивъ, снисходителенъ....

— Ты упустилъ въ повѣдахъ твоихъ главное съ Эртино родкій пресавецъ: Прихотливѣйшій художникъ

не отказался бы принять его за образец для статуи Англона.

— Какъ это?... Эртино натурщикомъ! Эртино образцомъ красоты? спросилъ путешественникъ съ изумленіемъ, открывая свои огромные глаза во всю ихъ величину.

— А почему жь! Неужели ты не находишь его прекраснѣе?

— Хромаго, шестидесяти-лѣтняго Эртино!

— Шестидесяти-лѣтняго! воскликнулъ въ свою очередь Долинъи.

— Ну, да, стараго Джерарда Эртино.

— Ахъ, Боже мой! что жь это значить? развѣ Теофанія вышла, не за сына, а за отца?

— Да сынъ и не думалъ на ней жениться: онъ, отъ осмнадцати лѣтъ влюбленъ до сумасшествия въ одну Венецянку, и уже нѣсколько лѣтъ жонать....

— Сколько лѣтъ жонать, ради Бога, не помнишь ли? Четыре года тому, я видѣлъ его въ Одессѣ.

— Ну, да, именно, четыре года; онъ только-что нѣредъ тѣмъ женился: я былъ у него на свадьбѣ. Отецъ втащилъ его съ собой въ Одессу для какой-то, очень важной, адъютки, и бѣднякъ былъ въ отчаяніи, разстался съ молодой женой.....

Должны опустился на диванъ, съ котораго вскочилъ было въ порывѣ удивленія, и, въ раздумьѣ, занятый важнымъ соображеніемъ, повторилъ свой вопросъ:

— Такъ Теофанія счастлива, говоришь ты?

— О, да, совершенно! Отецъ и мать живутъ отъ вѣсели нуть любить ее безъ памяти.... У нея великолѣпный домъ, экипажъ, была въ двухъ миляхъ отъ города, лека въ оперѣ, словомъ, все, въ чемъ заключается сча-

еже жеманитъ. Эртино, выперсору злоязычно в речности старыхъ мужей, безпрестанно выводитъ ее, раздражаетъ, гордится ея красотой: я выгдѣ на ней брильянты, которые не постыдилась бы надѣть любяя принцесса....

— И она довольна, весела?....

— Нельзя сказать чтобъ была очень весела: видно, бѣдняжка одичала въ несчастіи, или отъ природы характеръ у нея невеселый, только я слышалъ, что она не любитъ общества и выѣзжаетъ въ угодность мужу...

— Ты былъ знакомъ съ нею? бывалъ у нихъ въ домъ?

— Какъ же! Эртино мнѣ старій пріятель.

— Ну, такъ дома, по-крайней-мѣрѣ, Теофанія не дика?

— О, нѣтъ! она очень гостепрѣимна, да все недостаетъ ей чего-то... знаешь!... этой развязности, свѣтскаго намыку, любезности модныхъ дамъ ея сестры. Сынора Эртино имѣетъ прежнее странностей, и, если правду сказать, я очень одобряю твою развязъ съ нею.

— Мнѣ?... я не замечалъ въ ней прежде ни какихъ странностей.

— А я очень много. Она молчалива, замедлива: глядя на нее, можно сказать, что ее гнетъ тайная печаль, хоть всѣ знаютъ, что нѣтъ счастливѣе ея въ мірѣ. Она богата, но чуть мундъ смутитъ ее съ глазами, тобчась ищетъ исканная простота въ одеждѣ, въ живыхъ: такъ-будто ей въ тягость это богатство, какъ-будто она по-неводѣ пользуется имъ. Разумвется, все женскія хитрости: не боюсь, хочеть увѣрить старика, что выица за него по любви, а не изъ корысти. Однажды, не помню по какому дѣлу, случилось мнѣ зайти къ нимъ ранѣе обыкновеннаго. Эртино не было дома: Аббадию съ женою тамъ отлучилась куда-то. Мнѣ необходимо было пересговорить хоть съ Теофаніей, и я, въ качествѣ старшаго пріятеля ея мужа, попросилъ слугу провести меня впра-

но къ ней. Вообрази : живетъ въ собственномъ огромномъ домѣ, вездѣ роскошь и изысканное убранство, а она, причудница, заняла горенку гдѣ-то въ мезонинѣ, подъ самымъ чердакомъ. И вошелъ и приростъ къ порогу отъ удивленія : голыя стѣны, ни картинъ, ни шпалору, ни бронзы. Въ одномъ углу кровать самого простаго дерева, столъ, три четыре стула, въ углу косая полка, крытая чернымъ сукномъ и на ней книга, въ голубомъ переплетѣ, съ серебряными бордюрами и застѣжками.

— Ты не заглянулъ въ книгу?

И голосъ Долиньи прервался отъ сильнаго внутренняго волненія.

— Стихотворенія Петрарки. Замѣтивъ на переплетѣ какія-то слова, вышитыя серебромъ, я взялъ—было книгу, но Теоданія покраснѣла, какъ говорится до ушей, вырвала ее изъ рукъ моихъ, положила на прежнее мѣсто и попросила итти въ гостиную.

— Ты не прочелъ, что было вышито на переплетѣ?

— Какъ не прочесть!... у меня зоркій глазъ. Это были стихи изъ сонета Петрарки :

«Mai se conosco io bene
Che per far più dogliosa la mia vita.»

Долиньи въ сильномъ смущеніи потупилъ глаза, и, наруженный въ горькія воспоминанія, не слыхалъ болѣе, что говорилъ ему путешественникъ о поэзии дикихъ народовъ и о Петраркахъ кочующихъ американскихъ племенъ.

— Buon giorno, signor conte, вдругъ сказалъ проходившій мимо художникъ.

Долиньи разсѣянно ему поклонился.

— Какъ? ты уже и signor conte? спросилъ путешественникъ въ изумленіи. Какъ же это случилось? Давно ли?

— Еще будучи въ Италіи,.... жена выхлопотала,.... равнодушно отвѣчалъ Долинъ. Не мнѣ, а женѣ очень хотѣлось....

— Для полноты супружескаго счастья, присовокупилъ путешественникъ съ улыбкой. А ты, какъ не рабъ женскихъ причудъ, только великодушно согласишься,....

— Она стоѣкимъ для меня пожертвовала! важно возразилъ графъ Долинъ.

ЗНАМЕНА Р — ЗАК:

II.

ПОСТРАДАЮЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БАВАЛЕРЪ ДЕ-СЕНЪ-ЖОРЖЪ.

СОТВѢЩЕНІЕ ГОСПОДИНА РОЖЕ ДЕ-ВОБОАРА, 4 ЧАСТИ.

I.

САНЪ-ДОМИНГО.

Когда одна часть острова Санъ-Доминго принадлежала Французамъ, а другая Испанцамъ, на французской половинѣ была богатая плантація Роза, имѣніе генераль-контролера Франціи и главнаго казначея ордена Святаго Духа, мосьё де-Вулоня. Управитель этой плантаціи, мосьё Жозефъ Платонъ, сидѣлъ однажды за своей конторкой и съ глубокимъ вниманіемъ перечитывалъ только-что присланное писмо, между-тѣмъ какъ мальчишка, изъ негровъ, который залѣзъ подъ конторку, обмахивалъ ему ноги отъ злыхъ мустиковъ, а другой мальчижъ, породюю мулатъ, стоялъ позади и прохладялъ большимъ вѣеромъ голову достойнаго управителя.

Жозефъ Платонъ проводилъ такимъ образомъ всякое утро, прежде нежели отправлялся осматривать работы и чинить расправу надъ своими черными и желтыми подчиненными. Въ то время хозяина плантацій

на Санъ-Доминго и другихъ Антильскихъ Островахъ, люди по большей части знатные, или богатые, не жили въ своихъ заморскихъ имѣнiяхъ, а веселились обыкновенно въ Парижѣ. Отдавая всю должную справедливость счастливому изобрѣтенiю добывать деньги посредствомъ разведенiя сахарнаго тростника, кофейныхъ бобовъ и другихъ такъ-называемыхъ колонiальныхъ продуктовъ, они находили однако жъ, что Антильскiе острова лежатъ очень далеко отъ оперы, отъ двора, отъ парижскихъ красавицъ, пуше всего отъ красавицъ. По ихъ мнѣнiю, безъ всякаго неудобства можно было проматывать антильскiя сокровища, не заглядывая въ тѣ рудники, откуда они получаютъ. Нѣкоторые изъ этихъ господъ сами родились въ отечествѣ банановъ, сами нѣкогда вдыхали запахъ роскошной растительности, но и они изъ трудолюбивыхъ креоловъ скоро сдѣлались лѣнливыми парижскими сибаритами, и только развѣ послѣ какой-нибудь оргiи, послѣ одного изъ тѣхъ грѣшныхъ ужиновъ, которыми теперь трудно повѣрить, видѣли въ своемъ воображенiи фантастическiй миражъ острова, лежащаго далеко, тамъ, за морями, и осѣненнаго деревьями, которыя насадили отцы ихъ.

Къ числу такихъ отсутствующихъ помѣщиковъ принадлежалъ и москѣ де-Булонь. Разница только въ томъ, что нельзя сказать, жилъ ли бы онъ въ Парижѣ, если бы не служба? Можетъ-быть, на свободѣ, онъ поселился бы въ которой-нибудь изъ своихъ чудесныхъ плантацiй на Санъ-Доминго или Гваделупѣ; но москѣ де-Булонь служилъ, былъ честолюбивъ, и потому совсѣмъ покинулъ заморскую родину, имѣя аккуратнаго и честнаго управителя въ особѣ достойнаго москѣ Жозефа Платона.

Изъ этого видно, что Жозефъ Платонъ стоялъ высоко на своемъ мѣстѣ: онъ, просто, былъ царемъ плантацiи, называемой Розою. Зато онъ щеголялъ въ широкой и легкой курткѣ изъ бѣлаго полотна, никогда не

носишь помочей, и если выходилъ посмотреть на работы, погулять, поохотиться, его всегда окружала толпа ребятишекъ изъ негровъ, которые исправляли при немъ нѣчто въ родъ собачьей должности. Не думайте впрочемъ, что Жозефъ Платонъ былъ жестокъ: вопреки общему характеру хозяевъ и управителей антильскихъ плантацій, онъ обращался съ своими подчиненными чрезвычайно милостиво. Конечно, и здѣсь не обходилось безъ плетей: каждый день подъ окнами Жозефа происходила печальная экзекуція. Но что же дѣлать? Триста человекъ, — дѣтятъ и мошенниковъ.... Какъ съ ними управитесь? Нравоученіями? Покорно благодарю! Мудрый Платонъ зналъ человѣческую, особенно черно-режую, натуру. Наказаніе, по его мнѣнію, было необходимое зло; только, онъ думалъ, что при этомъ должна быть мѣра и правосудіе, и при помощи правосудія и мѣры дошелъ до того, до чего дай Богъ всякому дойти: его любили.

Жизнь нашего мудреца протекала счастливо, между плетями и счетными книгами, съ охотничьимъ ружьемъ за спиною, или со скрипкой подъ подбородкомъ; то въ бесѣдѣ съ дворецкимъ господскаго дому, служившимъ когда-то у маршала де-Сакса; то въ разговорахъ съ попугаемъ, чудесною птицею, которая всегда умѣла сказать Жозефу пріятную новость; то наконецъ въ преподаваніи уроковъ маленькому мулату, который, какъ вамъ извѣстно, стоитъ теперь за спиной Жозефа и обмахиваетъ его вѣеромъ. Оставимъ въ покоѣ стараго дворецкаго: поговоримъ о попугаѣ и о мулатѣ; сперва о попугаѣ.

Этотъ попугай былъ водливно чудесная птица. Родомъ онъ происходилъ съ испанской стороны острова, и повѣрьте, не было другой птицы, которая бы такъ граціозно вѣла свой калалу. За нею водился только одинъ недостатокъ — она говорила по большей части всё ту же фразу: «Розета! Розета! бѣдный Жо-

зофъ!» Но, что было недостаткомъ въ глазахъ нестероннаго, — безконечное повтореніе одного и того же слова, — то казалось совершенствомъ почтенному Жозефу Платону. Надобно васъ уведомить, что когда еще мосье Жозефъ служилъ при парижской таможнѣ, онъ влюбился въ некоторую мамзель Розету, болоншевку, жившую по-сосѣдству. Любовь его была утверждена вожделеннымъ бракосочетаніемъ, но черезъ два дня послѣ бракосочетанія послѣдовалъ совершенно непредвидѣнный случай: мамзель Розета заблагоразсудила убѣжать съ какимъ-то красавчикомъ, оставивъ мужу письмо, исполненное упрековъ въ жестокости. Жозефъ Платонъ поречитывалъ это письмо во время лихорадки, которою занемогъ по пріѣздѣ на Сантъ-Доминго; оплакивалъ несправедливость жены, и безпрестанно повторялъ: «Розета! Розета!... бѣдный Жозефъ!» Дюпугай подслушалъ и въ свою очередь началъ твердить то же самое, къ несказанному удовольствію господина.

Теперь о мулатѣ. У антильскихъ помѣщиковъ было обыкновеніе давать своимъ невольникамъ имена, заимствованныя изъ мифологій, или исторій, напримеръ, Сидионъ, Юпитеръ, Юнона. Но мальчика, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, звали Сень-Жоржемъ. Онъ былъ сынъ негрятини Ноэми, и не задолго до того времени, съ котораго начинается эта исторія, перевезенъ вмѣстѣ съ матерью съ гваделупской плантаціи мосье де-Булоня на Сантъ-Доминго. Бѣдная Ноэми любила сына безъ памяти, не могла на него налюбоваться, готова была пожертвовать за него жизнью, душою. Чего бы ни захотѣлось Сень-Жоржу, она, покорная раба его дѣтскихъ прихотей, бѣжала и суежилась, чтобъ исполнить его желаніе; она цѣловала, ласкала его, умывала каждое утро и каждый вечеръ, ухаживала за нимъ какъ за нѣжнымъ цвѣткомъ. Случалось ли мальчику, въ прогулкахъ по острову, по крутымъ горамъ и частымъ кустарникамъ, наколоть себѣ ногу, или оцара-

пять лицо, или быть ужаленнымъ змѣей; бѣдная Ноэми плакала надъ раной сына и лечила ее травами; собранными благовременно. Отпуская его изъ шалаша, она осматривала на немъ каждую часть одежды, чуть не каждую нитку, хорошо ли, крѣпко ли, чтобы не простудилось дитя или не осудили посторонніе люди. Ноэми гордилась сыномъ: онъ такъ хорошъ! А сколько бывало тутъ наставленій, подсказанныхъ любящимъ сердцемъ матери! и сколько потомъ опять новыхъ ласкъ! и сколько слезъ!.... слезъ, перемѣшанныхъ съ ласками! Ноэми провожала его глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не скрывался отъ ея взору. Когда наступало время его возвращенія, судорожная дрожь пробѣгала по всему тѣлу ея, и сердце начинало сильнее стучать въ изсохшую грудь, лишь-только Сенъ-Жоржъ издали направлялъ свои рѣзвые ноги къ шалашу и она еще не могла его видѣть. Радость свиданія: кто ее опишетъ? А по ночамъ!.... Ноэми и по ночамъ вставала, чтобы посмотреть на спящаго сына, принимала къ лицу его, подслушивала дыханіе, и плакала.... плакала, бѣдная мать-негритянка!

Мальчикъ, съ своей стороны, платилъ ей взаимной любовью, — счастье рѣдкое въ быту негровъ, гдѣ дѣти рождаются по большей части внѣ брака, подъ плетью стирпаго приставника, иногда плодомъ насильственной любви господина, иногда печальнымъ слѣдствіемъ обольщенія. Но въ Сенъ-Жоржъ было много такого, чего не найдете въ другихъ мулатахъ и неграхъ. Казалось, природа создала его нарочно для особеннаго предназначенія, и потому отступила отъ этотъ разъ отъ обыкновенныхъ своихъ законовъ. Душа его, только-что начинавшая развертываться, уже кипѣла жизнью страстей; умъ былъ смѣливъ и воспріимчивъ, тѣло обнаруживало необыкновенную крѣпость и всѣ признаки будущей красоты. Маленькая нога Сенъ-Жоржа твердо стояла тамъ, гдѣ онъ становилъ ее; туловище ре-

бенка походило на туловище тигра; но шея имела жесткую крѣпкую жилу; руны были прекрасны и сильны; а въ чертахъ лица, въ выраженіи глазъ, свѣтлосѣе благородство, вовсе не свойственное мулатской породѣ. Когда онъ стоялъ между другими дѣтьми невольниковъ, то, несмотря на темно-желтый цвѣтъ лица и черныя, курчавыя, какъ у негра, волосы, онъ имѣлъ видъ, не товарища ихъ, но господина. Тогда какъ другіе *цолтныи* дѣти казались созданными только на то чтобы повиноваться и изъ-подтишка плутовать, только на то чтобы воровать и работать, онъ казался созданнымъ приказывать. Ему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, а онъ уже не боялся каймана, этого аптильскаго крокодила; онъ уже переплывалъ черезъ рѣку, лазилъ съ управителевыми ружьемъ по непроходимымъ горнымъ тропинкамъ, или смѣло пускался въ болото и однимъ выстрѣломъ убивалъ по нѣскольку куликовъ. Иногда его видѣли въ Сень-Маркѣ, или въ Портъ-о-Пренсѣ, гдѣ онъ волтижировалъ на неосѣдланномъ и невзнузданномъ лошацкѣ, скакалъ во весь галопъ черезъ холмы и каналы, убивалъ на-лету быструю ласточку, или бросался вдругъ на щетинистую скалу, и черезъ нѣсколько мгновений былъ уже на ея вершинѣ. Раздѣлая съ другими мулатами особенную способность къ искусствамъ подражательнымъ, онъ сдѣлался артистомъ, прежде нежели умѣлъ произнать это слово. Ухо его было чувствительно къ гармоніи, и, случайно подслушавъ нѣсколько стиховъ и скрипичныхъ звуковъ, онъ самъ складывалъ пѣсни съ римами, пѣлъ ихъ приятнымъ и звонкимъ голосомъ, а порою подлаживалъ своему дѣтию скрипкою Иозефа Платона.

Но вы спросите: какъ презрѣнный мулатъ осмѣивался трогать скрипку бѣлаго человека? Это очень просто. Понтевному управителю однажды пришлось, въ долгу, осмотрѣть Сень-Доржа съ какими же серьезнымъ вниманіемъ, съ какими онъ осматривалъ лоша-

дей и муловъ, импробовать надлежащимъ образомъ, мнѣтъ ли: онъ самъбѣнать съ усѣбхомъ лагавую собаку, и задаеъ ему нѣсколько вопроговъ, чтобы опредѣлѣтъ, до какой степени этотъ мулатъ отличается отъ понуга, которій говоритъ о мамрель Розетъ. Дѣвнѣя, полученыя Жозефомъ, превзошли все его ожиданія, и съ тѣхъ поръ онъ взялъ маленькаго Сентъ-Жоржа подъ свой надзоръ, не обращаясь съ нимъ какъ съ другими ребятами, не заставлялъ его ни таскать тяжести ни возить воды изъ отдаленныхъ колодезь, но, въ видѣ исключительной милости, употреблялъ его преимущественно на послуги при своей особѣ. Это много содѣйствовало къ развитію дарованій бѣднаго мальчика: Жозефъ Платонъ былъ страстный охотникъ, и Сентъ-Жоржъ научился у него чудесно стрѣлать; Жозефъ Платонъ пѣлъ немножко и пиликалъ на скрипкѣ: Сентъ-Жоржъ скоро переиалъ все его пѣсни и музыку; Жозефъ Платонъ собиралъ коллекцію птичьихъ чучель: Сентъ-Жоржъ доставлялъ ему экземпляры самыхъ рѣдкихъ и красивыхъ породъ. Кроме-того у Жозефа Платона была превосходная верховая лошадь, на которой онъ никогда не ѣздилъ, не чувствуя склонности къ этому упражненію: Сентъ-Жоржъ, пользуясь управителевымъ конемъ, сдѣлался отличнымъ наѣзникомъ. Изъ всего этого видно, что перемучивый мулатъ походилъ болѣе на ученика нежели на слугу Жозефа. Да оно такъ и было, потому что, спустя нѣсколько времени, достойный Жозефъ Платонъ выучилъ его грамотѣ, показавъ ему ноты, началъ заставлятъ читать вслухъ и объяснялъ мѣста, которыя понималъ самъ. Короче, управитель держался такого мнѣнія, что изъ мулата Сентъ-Жоржа, Богъ дастъ, выйдетъ очень порядочный смотритель какой-нибудь хлопчатобумажной, сучильни, и, въ сдѣлствіе того, велѣлъ переписать на него свой старыи контрактъ, подарить ему старыя брусевныя манжеты, съ присовокупденіемъ къ

тому пари причесекъ для нижняго платья, изъ которыхъ одна была изломана. Сень-Жоржъ уже очень красиво появлявагь на шю мадрасскій платокъ и съ большаимъ вкусомъ наклонягь немножко на одну сторону свою соломенную шляпу съ широкими полями. Нюни, сдв-дя за развитіемъ способностей сына какъ за цвѣткомъ, разкрывающимъ свою чашечку, была въ восхищеніи; но родительскій глазъ ея замѣчалъ что-то особенное въ Сень-Жоржѣ, — желаніе отличиться. Бѣдная негрятянка не могла понять, откуда въ немъ взялась такая страсть: привыкнувъ только повиноваться, она не знала, что такое честолюбіе, этотъ неутомимый нивеллеръ общества, безпрестанно уравнивающій его поверхность.

Но возвратимся на сцену, которую мы открыли нередь читателемъ въ началѣ нашего разсказа.

Жозефъ Платонъ сидитъ у конторки и перечитываетъ письмо, полученное изъ Сень-Марка, отъ мосьё де-Ласси, который, по довѣренности генераль-контролера мосьё де-Булоня, имѣетъ главный надзоръ за его плантаціями на Санъ-Доминго и Гваделупъ. Мосьё де-Ласси увѣдомляетъ, что завтра, или послѣ завтра, пріѣдетъ на плантацію Розу одна знатная дама, пріятельница генераль-контролера, маркиза де-Ланжѣ, которую Жозефъ Платонъ долженъ принять со всѣмъ уваженіемъ, и повиноваться ей безпрекословно во всемъ, какъ самому генераль-контролеру. Извѣстіе важно: аккуратный Жозефъ Платонъ не могъ не прійти въ нѣкоторое смущеніе; но какъ онъ велгдѣла свои въ строгомъ порядкѣ и охотно исполнялъ волю другихъ, то ему скоро показалось, что легко поладить съ маркизою, и онъ рѣшилъ наконецъ, что пріѣздъ ея можно считать скорѣе новою милостью неба нежели бѣдой, посланною итъ для нарушенія его управительскаго снокоиствія. Оставалось только придумать встрѣчу, достойную высокой посвѣтительницы.

Жозефъ Платонъ пригласилъ на совѣтъ дворецнаго, и, по долгомъ разсужденіи, положилъ дать концертъ, въ которомъ самъ хотѣлъ держать первую скрипку. Чтобы выиграть эту трудную роль, онъ тотчасъ проигралъ нѣсколько симфоній, которыя на цѣльи двѣ тысячи распугали всѣхъ птичекъ, живущихъ въ соседней рощѣ; но, къ сожалѣнію, прекрасный планъ управителя не удался. Маркиза пріѣхала ночью, когда ея вовсе не ожидали, и вошла во внутреннія комнаты, прежде нежели достойный Жозефъ Платонъ успѣлъ одѣться и прибѣжать. Онъ собралъ своихъ негровъ-музыкантовъ, и поставилъ ихъ подъ окнами маркизиной спальни; но когда смычокъ его заигралъ первое соло, вдругъ поднялась стора въ одномъ окнѣ, и хорошенькая головка молодой мулатки, высунувшись къ Жозефу, сказала, чтобы онъ скорѣе убирался съ своими черномазыми артистами и не беспокоилъ барыни.

— Знайте, сударь, однажды навсегда, прибавила мулатка спѣсиво: что барыня изволитъ вставать не ранѣе двѣнадцати часовъ. Завтра, въ двѣнадцать часовъ, вы можете къ ней явиться, засвидѣтельствовать свое почтеніе.

И окошко закрылось.

Понятно, послѣ этого, въ какомъ дурномъ расположеніи духа былъ мосьё Жозефъ на другой день. Когда ему подали завтракать и пришелъ дворецкій, онъ съ настоящимъ остервенѣніемъ бросился на принесенныя кушанья, пилъ стаканъ за стаканомъ, а между-тѣмъ двѣ слезы потихоньку катились по загорѣлымъ щекамъ и наконецъ упали на бѣлый жилетъ съ цвѣточками.

— Боже мой! вскричалъ онъ, послѣ долговременнаго молчанія: да развѣ моя скрипка не изъ Париза? Видъ я кунилъ ее на наличныя денежки, на свои прошивы, трудовые червонцы. Она принадлежала прежде второму скрипачу опернаго театра, мосьё Эгоде,

который жить въ то время... позволено... Да! въ Крестовой улича, у пирожника, протина, колокольца Святаго Гонорія. Прекрасный человекъ! какъ теперь вижу, онъ игралъ на этой скрипкѣ въ оперѣ Леонардъ: какъ-то ореховаго цвѣту, маленькій паркъ.... Да что жъ за дьявольщина! куда она дѣлась?

И Жозефъ Платонъ, съ гнѣвомъ и замѣшательствомъ вскочилъ съ мѣста: скрипки не было на гвоздѣ, гдѣ она обыкновенно висѣла. Онъ принялся искать по всемъ угламъ; но въ то время какъ управитель бѣгалъ, словно помѣшанный, и посылалъ къ чорту неизвѣстнаго похитителя безцѣннаго инструмента, въ огородъ, который видѣлся сквозь отворенное окно, раздалась гармонія, какой онъ не слыхивалъ отъ-роду. Невидимый виртуозъ игралъ сонату Тартини, написанную въ двойныхъ нотахъ, и скрипка Жозефа Платона издавала такіе звуки, что казалось, будто играютъ на двухъ инструментахъ. Нѣжные, бархатные тоны сливались и переливались въ безконечномъ разнообразіи: то въ нихъ дрожали голоса двухъ любовниковъ, повѣряющихъ другъ другу чувства; то они пѣли счастье, то выражали тоску, то звучали тихой и глубокой молитвой, и какъ-будто замирали въ отдаленіи. И потомъ вдругъ блескъ, громъ, огонь, жизнь: новые звуки смѣло вторгались въ воздухъ, потрясенный кроткой мелодіей; ослѣпительно сложныя фразы потъ быстро следовали одна за другою, сцѣплялись цвѣточной гирляндой, разсыпались свѣтлыми искрами, и поражали ухо сладкими звуками и чистотою каждой ноты среди тысячи побѣжденныхъ трудностей.

— Да, ге, ге, мосье Жозефъ! оказалъ дворецкій: въ это время уменникъ извѣститъ такъ отличаясь... Необходимо оказать правду, онъ становится почти столько же именуемымъ, какъ вы сами. Но я предупреждаю васъ, мосье Жозефъ, что на дворѣ жара смертельна, и что

ны пилъ снѣжкомъ много мадеры; ergo, не буду въ состояннн вѣнчать этого шалуна.

Жозефъ Платонъ стоялъ въ глубокой задумчивости; и, кажется, ему хотѣлось наказать Сенъ-Жоржа за похищеніе сиринки, но необыкновенная игра мальчишка и то, что дворецкій называлъ Сенъ-Жоржа его ученикомъ, смѣгчили справедливыи гнѣвъ Жозефа Платона, а между-тѣмъ отворилась дверь, и въ комнату вошла та мулатка, которая вчера говорила съ нимъ изъ окна.

Это была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, чрезвычайно хорошенькая, стройная и живая. Ея бѣлое кисейное платье рѣзко спорило со смуглымъ цвѣтомъ лица, но глаза, пламенные и черные, казалось, такъ и прожигали того, на кого они обращались.

— Барыня прислала меня за вами, мосьё Платонъ. Развѣ вы забыли, что она встаетъ въ двѣнадцать часовъ?

— Извините, пробормоталъ Жозефъ, и, подбѣжавъ къ зеркалу, кинулъ испытующій взглядъ на свой темновеленый кафтанъ, оправилъ маншеты и галстухъ, и вслѣдъ за мамзель Финетой, отправился къ маркизу. Дорогою ему страхъ хотѣлось завязать разговоръ съ хорошенькою горничной, но всѣ труды его пропали по пустякамъ: Финета была не то что горничная въ старинныхъ французскихъ комедіяхъ; она шла впередъ, гордо поднимая голову, и на всѣ тонкости господина Платона отвѣчала черезъ плечо только да, или нѣтъ.

Между-тѣмъ Платонъ находился въ крайнемъ затрудненіи. Въ письмѣ мосьё де-Ласси не сказано ни полъ слова о лѣтахъ маркизы. Что она? вдова, старая дѣва, или молодая замужняя женщина? какъ онъ будетъ ее привѣтствовать? какую скажетъ ей первую фразу? Жозефъ Платонъ, зная, что отъ первой фразы зависитъ многое, рѣшился лунша ничего не сказать, а ожидать, чтобъ маркиза сама съ нимъ заговорила, и съ своею благоразумною мыслию, милостиво выжи-

дуть мадамъ де-Ланжэ еще вѣдлинъ; отвѣтила ей почительнѣйшій поклонъ, отъ котораго образовалась около него нѣкое облако мудры.

Наднякъ голову после этого поклону, Жозефъ увидѣлъ передъ собой молодую женщину лѣтъ двадцати пяти, одѣтую въ трауръ. Она лежала на мягкой кушеткѣ и лѣниво разговаривала съ негритянкой, которая легкимъ прикосновеніемъ руки шекотала и гладила ей ноги. Сладострастную, томные глаза мадамъ де-Ланжэ ни сколько не смягчали гордаго выраженія, господствовавшаго въ чертахъ лица: тотчасъ можно было догадаться, что это женщина съ непреклонною волей, которой малѣйшія прихоти должны быть исполнены какъ законы. Близину лица покрывала тусклая, точно бархатная, блѣдность; черные волосы, стройность маленькой ножки и особенная небрежность движеній обличали креолку. Несмотря что маркиза была одѣта очень просто, Жозефъ Платонъ растерялся отъ ея красоты почти сверхъестественной и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ стоялъ нѣмой недвижимый, какъ статуя, передъ этимъ чуднымъ созданіемъ, которое показалось ему тоже статуей, нохищенной изъ версальскаго сада. Маркиза, едва замѣчая его присутствіе, улыбалась и смотрѣла, то на негритянку, то на большую обезьяну, которая посерединѣ комнаты въ гущу. Наконецъ полу-закрытые глаза ея лѣниво обратились на управителя, смѣряли его съ головы до ногъ, и остановились на немъ неподвижно. Бѣдный Платонъ такъ и задрожалъ подъ могуществомъ этого взгляду. Физета подвинула ему стулъ; маркиза сдѣлала знакъ, чтобы онъ сѣлъ.

— Это вы, мосье Жозефъ Платонъ? сказала она. Вы, кажется, здѣсь управляете?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ Жозефъ, поклонившись въ десятый разъ.

— Я не ожидала такого пріема, продолжала марки-

за. Комнатныя лампы выключены, но убраны, подъ окнами шумъ... Ахъ! и скажите, мосьё Платонъ: Фансета уверяетъ, будто и вы сами тувъ играли на скрипкѣ.

— Я люблю звать инструментъ, выше сѣятельство.

— Любите? Милы!... Варно, вы не осмѣдали меня?

— Мосьё де-Ласси писалъ, что вы изволите пожаловать сегодня или завтра.

— А! такъ это я ему обязана. Послушайте, милый мосьё Платонъ: я всякое утро беру ванну. Посерампевый цвѣтъ хорошо, но я больше люблю духи, что привозятъ изъ Франціи: помните это. Сверхъ-того мнѣ надо этой обезьяны: приведите сюда самаго лучшаго своего негритенка, носить за мной зонтикъ. Да смотрите: онъ долженъ быть хорошо обученъ, чтобы могъ служить моему сыну вмѣсто ангорской кошки, которую мы потеряли дорогою. Кстати, мосьё Платонъ: вы еще не видали моего сына. Аранка, принеси Мориса.

Мосьё не говорилъ ни слова и едва осмѣливался дышать; онъ ждалъ новаго залпу выговоровъ и приказаній. Минуту спустя, негрятинна ввела на рукахъ холодаго маркиза, которому было уже шесть лѣтъ. Недовольный тѣмъ, что его оторвали отъ игрушекъ, Морисъ кричалъ и плакалъ безъ милосердія. Платонъ тотчасъ узналъ въ немъ ребенка, избалованнаго излишнею любовью матери. Когда его опустили наземь, онъ началъ съ того, что подошелъ къ Платону, взялъ изъ рукъ его прекрасную трость и отдалъ обезьянѣ, которая тотчасъ изломала ее; потомъ уцѣпился за часовую цѣпочку, висѣвшую изъ Платонова кармана, дергалъ его за парикъ и дулъ ему въ глаза пудру: Управитель объявилъ, что проказы молодого маркиза мнѣ до крайности, и божился, что онъ хорошъ какъ ангель. Мадамъ де-Данкѣ улыбнулась: лицо Мориса, въ самомъ дѣлѣ, можно было назвать миниатюрнымъ портретомъ прекрасной матери; прозрачная и нѣжная

блѣзны, шелковистые волосы, длинные ресницы, крученный и малиновый ротъ обшарукивали въ конѣ аристократическую породу; назалось, что какая-нибудь благодѣтельная волшебница желѣла его въ колыбели и надѣлала всеми дарами счастья и прасоты.

— Саму моему шесть лѣтъ, сказала маркиза: и повѣрите ли, мось Платонъ, онъ почти никогда не ходитъ! Я приказываю его носить на рукахъ: онъ такой слабый!

Жозефъ Платонъ отвѣчалъ на это одиннадцатилѣтнему неслоню, взглянувъ въ то же время на барченна; въ лицѣ котораго дѣйствительно не было замѣтно того здороваго выраженія, какое замѣчается въ фкинонмяхъ дѣтей не столь знатнаго роду.

— Мось Платонъ, начала опять маркиза: я слышала, что здѣсь есть дворежкій?

— Есть, ваше сіятельство. Вѣроятно, вы изволите беспокоиться насчетъ своего стола?

— О, нѣтъ! Дѣло идетъ не о моемъ столѣ: я увѣрена, что вы ужь распорядились; а вотъ надо подумать о столѣ Жоко, моей обезьяны.

— Дѣлу себя пріятною надеждой, ваше сіятельство, что обезьяна ваша не будетъ здѣсь имѣть ни въ чемъ недостатку.

— Да... однако жъ я совѣтую вамъ, мось Платонъ, поговорить объ этомъ съ здѣшнимъ дворежкимъ. Фимета растолкуетъ, что нужно для Жоко.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Пожалуйста, чтобы все было исполнено, мось Платонъ; а то вы оставили ее сегодня безъ завтраку: она и съѣла попугая.

— Попугай?...

Бѣдный Жозефъ, входя въ комнату, не обратилъ вниманія на перья, разбросанныя по полу!; ужасная истина открылась передъ нимъ только теперь: попугай, съѣденный обезьяною, былъ тотъ краснорыбный

друга, который повторилъ снушья Розеты. Жюзефъ, изъ вѣжливости, приказалъ внести его въ комнату маркизы; и такимъ образомъ самъ предалъ его бѣдственному концу.

— Понугай?... повторилъ онъ, дрожащими голосомъ: не это былъ мой понугай!

— Вашъ?... ха, ха, ха, ха!

И маркиза расхохоталась такъ, что насилу могла успокоиться. Между-тѣмъ Платонъ, съ печальнымъ и расстроенымъ видомъ, подбиралъ перья. «Бѣдненькій! думалъ онъ: кто теперь станетъ разговаривать со мной о Розетъ?» Онъ страшно поносился на злаго Жоко; тѣмъ слѣдств. уморительную гримасу; маркиза опять захохотала.

— Надѣюсь, что вы на него не сердитесь, сказала она. Жоко! Жоко! подите сюда, сударь!... Вы виноваты. Наклоните голову. Въ наказаніе, съ этихъ поръ вамъ не будутъ давать ничего кромѣ ананасовъ.

И, сказавъ это, маркиза, розовыми кончиками пальцевъ, дали обезьянъ самый милый щелчокъ, какой только можно себя представить.

— Мосье Платонъ, прибавила она, обращаясь къ управителю: на этотъ разъ я больше ничего не могу приказать вамъ. Прощайте.

Жюзефъ смиренно поклонился и вышелъ уже въ другую комнату, какъ вдругъ услышалъ за собой голоса маркизы, которая его звала, и, обернувшись, увидѣвъ за собою Финету, которая его догоняла.

— Скажите, мосье Платонъ: это тоже вы играли на скрипкѣ въ огородѣ, съ часъ тому назадъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, это мой ученикъ, мальчикъ изъ мулатовъ.

Жюзефъ не забылъ возвысить голосъ въ словъ ученикъ.

— Поздравляю васъ, сказала маркиза: вы не только управляете черными, но и проsvѣщаете ихъ. Приве-

дого не многого музыканта: онъ вынулъ и того и градъ менуэтъ.

— Мадамъ де-Данжэ отвернулся. Жозефъ еще разъ поклонился и поспѣшно пошелъ въ комнату, гдѣ между-тѣмъ дворецкій, сидя въ широкыхъ креслахъ, съ важностью, принималъ рыбу, дичину и разные плоды, принесенные неграми и негритянками для стола маркизы.

— *Bravissimo*, дѣти мои! говорилъ онъ: *bravissimo!*.... Это латинское слово и значить: я очень доволенъ.

Но тутъ вошелъ Жозефъ, и разстроенная фигура его показала дворецкому, что онъ принесъ важныя новости. Неграмъ приказано было выйти; управитель и дворецкій остались одни.

— Ну, мосьё Жозефъ!

— Ну, мосьё Прентазь!

— Что вы скажете?

— Я ее видѣлъ.

— Видѣли.... Ммъ! Я тоже видѣлъ, но только ночью, въ потемкахъ. Впрочемъ нужды нѣтъ! Я отвѣчаю головой, что она красавица. О! я знаю толкъ въ женщинахъ, мосьё Жозефъ. Эта должна быть царь-женщина!

— Почему вы такъ думаете, мосьё Прентазь?

— А вотъ по этимъ десяти лундерамъ, которые она прислала мнѣ на прозвію. Видите? Изъ нихъ слѣдуетъ, что она дама высокаго ума и съ отличнымъ вкусомъ, которая любитъ хорошій столъ, настоящая маркиза.

— Маркиза, нѣтъ ошору, мосьё Прентазь; но... еслибъ вы были свидѣтелемъ, какъ проворно она обезьяна переломила мою любимую трость....

— А у нея есть и обезьяна?... Ну, видимо, что маркиза!

— Да, мосьё Прентазь, у нея есть обезьяна, и это

знаемское животное, кромѣ того что надомало у меня грѣхъ, съѣло еще моего попугая.

— Такъ! Я былъ увѣренъ въ ея знатномъ происхожденіи. А что касается до обезьяны, мосьё Жозефъ, то у низель Лекуврёръ, къ которой часто звѣзжалъ мой баринъ, маршалъ де-Саксъ, тоже была обезьяна пребышеная. Ахъ, мосьё Жозефъ! если бъ вы знали, какая удивительная актриса эта мамзель Лекуврёръ!

— Послушайте, мосьё Прентанъ, перебилъ управитель съ неудовольствіемъ: вы человекъ умный. Какъ вы думаете, зачѣмъ пріѣхала сюда маркиза?

— На этотъ счетъ, почтеннѣйшій, я не могу ничего сказать. Маршалъ де-Саксъ иногда отдавалъ свой домъ актрисамъ, когда уѣзжалъ въ армію; можетъ-статься, и мосьё де-Булонъ поступаетъ такимъ же образомъ съ своими пріятельницами.

— Скажите, съ родственницами. Маркиза, вѣроятно, ему родня. Такъ должно быть, по-крайней-мѣрѣ.

— Хорошо, я согласенъ. Но мнѣ пришелъ въ голову анекдотъ объ одной такъ-называемой родственницѣ маршала де-Сакса. Это, изволите видѣть, было въ тысяча-семь-сотъ-тридцатомъ году. Армія тогда...

Къ несчастію, или къ счастью, разсказъ словоохотваго дворецкаго былъ прерванъ приходомъ Сенъ-Жоржа, который вошелъ съ ружьемъ за плечами, неся въ рукѣ прекрасную птицу изъ породы, свойственной однимъ Антильскимъ Островамъ. Жозефъ лишь-только увидѣлъ это сокровище, какъ, не слушая больше дворецкаго, бросился къ мулату, и между ними начался продолжительный разговоръ, во время котораго управитель, объявивъ своему воспитанику, что маркиза желаетъ его видѣть, далъ ему прендробное наставленіе, какъ должно вести себя передъ нею.

Между-тѣмъ мадамъ де-Ланжѣ, не вставая съ своей кушетки, отдавала различныя приказанія для принятія гостей, которые въ тотъ же день должны были прі-

вхаты къ ней изъ Портъ-о-Пренса. Намъ надобно не-короче познакомиться съ этою женщиной. Мадамъ де-Ланжэ была маркиза и креолка, въ полномъ смыслѣ обоихъ словъ. Какъ маркиза, она никогда не забывала своего званія; какъ креолка, она любила пользоваться властью, присвоенною бѣлому цвѣту кожи. Привады на Антильскіе Острова раскрывалъ широкое поприще ея честолюбивому властолюбію; здѣсь она предается этой страсти, какъ яхта безбрежному океану. Ее будетъ окружать общество, состоящее изъ людей изнеженныхъ или жестокихъ, изъ лѣнивцевъ или варваровъ. Маркиза хотѣла однимъ разомъ покорить себѣ ихъ вниманіе, опрокинуть всѣ преграды и поставить себя на высокій пѣдесталъ, — нужды нѣтъ какими средствами, темными ли путями пороку, или блестящимъ подвигомъ добродѣтели. Найдутся, можетъ быть, критики, которые осудятъ подобное поведеніе, захотятъ проникнуть въ побудительныя причины и произнесутъ жестокой притговоръ надъ этими капризами, нечувствительностью, можетъ-статься надъ безнравственностью. Но ей что за надобность? Она не хочетъ зависѣть ни отъ кого; она хочетъ дѣйствовать самовластно, идти одна, не опираясь ни на чью руку. Молодая вдова и красавица, она хочетъ жить такъ, какъ понимаетъ жизнь. Если вы удивляетесь древней Медѣ, олицетворенію женской желѣзной воли, удивляйтесь и этой женщинѣ, символу красоты и деспотизма, ангелу снаружи и холодному мрамору внутри. Этоистка въ высочайшей степени, она принимала, какъ должную дань, всеобщее удивленіе красотъ своей, и не обращала вниманія, и ина зависть женскаго самолюбія, ни на пылъ юношескаго сердца. Это было чудное существо, созданное какъ-будто нарочно для того чтобы увлекать и губить, жить только въ самой себѣ, прельщаться только однимъ самолюбіемъ, быть равнодушною ко всякой любви, кромѣ собственной, презн-

ратъ, безкорыстную страсть, уважать, только расстать. Любовь у нея была, не сердечнымъ, цевольнымъ, удивленіемъ, не слабостью, даже не препровождшемъ времени, не серьезною сдѣлкой: она не любила, а устраивала себѣ любовную интригу, смотря по обстоятельствамъ и по модности. Горе поэту, который попался бы въ ея сѣти! Даже философъ, возлѣ нея, не могъ почитать себя въ безопасности. Ея музыкальный голосъ не нижевался и возвыщался со всеми отбѣсками подложнаго чувства; въ ея глазахъ просвѣчивалась гордость, но гордость побѣжденная, смутившаяся: улыбка говорила совсѣмъ другое. Талія ея была стройна и гибка, настоящая талия креолокъ, которой такъ завидуютъ европейскія женщины; кожа бѣлая, тонкая, нѣжная; зубы, какихъ не видывалъ свѣтъ, и въ каждомъ движеніи грація, томность. Умирающій взглядъ, мѣга и сладострастіе, разлитыя по всей наружности, внушали роковое чувство, котораго нельзя было преодолѣть, поддавшись ему однажды. Мало того: въ ней была и та милая ребяческая прихотливость, которая составляетъ исключительную принадлежность хорошихъ креолокъ, очаровательный недостатокъ, пльняющій въ нихъ не менѣе красоты.

Такова была маркиза. Распорядившись всѣмъ нужнымъ къ приему гостей, она перешла въ свой будуаръ, устроенный въ видѣ грота и украшенный мхомъ и раковинами. Здѣсь, мягкій диванъ, на позолоченныхъ ножкахъ, съ кисейными подушками, приналъ въ свои объятія гордую красавицу. Передъ нею, на серебряныхъ подносахъ, лежали апельсины и абрикосы; румяный арбузъ и золотой ананасъ фантастически освѣщались нѣсколькими лучами солнца, проникавшими сквозь темно-малиновый занавѣсъ. Мадамъ де-Ланжѣ высосала сокъ изъ двухъ арбузныхъ плодовъ и опустилась на подушки. Въ это время пошла баронесса д'Эспарбакъ, жена сенъ-маркскаго интенданта.

— Какой романъ вы читаете, ma toute belle? спросила она, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій. Ахъ! «Альмира, или Несчастныя слѣдствія неосторожности». Дайте мнѣ, когда кончите. Мосье д'Эскарбакъ прочтетъ вслухъ. Я наконецъ нашла способъ сдѣлать полезнымъ этого человѣка: онъ читаетъ мнѣ всѣ романы, которые привозятъ изъ Франціи.

— Всѣ?

— По-крайней-мѣрѣ самые занимательные. Боже мой, какая разница съ тѣмъ, что мы видимъ здѣсь! А я, вообразите, ужь семнадцать лѣтъ живу въ этомъ негодномъ Сенъ-Маркѣ. Общество — игроки, барышники; какой-нибудь де-Ваннъ, негодяй, хотъ продать отца роднаго; или совѣтникъ Гашаръ, толстый неужа, который сердится послѣ всякаго нустаго проигрыша. О женщинахъ и говорить нечего: одна я. Но мы съ вами это устроимъ; мы....

Финета приподняла занавѣсъ, закрывавшій двери, и ввела двухъ черныхъ слугъ, съ ящиками.

— Извините, баронесса. Это новыя моды, которыя прислалъ мнѣ генераль-контролеръ. Вы позволите посмотреть?

— Ахъ, ma toute belle! я очень рада.

Изъ ящиковъ вынули нѣсколько куколъ, ростомъ съ Мориса, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ, со всѣми подробностями дамскаго туалета. За куклами показались кружева, шелковыя матеріи, ленты, вѣера, и разныя дорогія бездѣлушки. Маркиза улыбалась, рассматривая каждую вещь; баронесса была внѣ себя.

— Ахъ, какая прелесть!... Ахъ, какъ это мило!... Ахъ, ma toute belle, какъ вы счастливы!... Генераль-контролеръ человѣкъ со вкусомъ и очень кстати прислалъ все это: вашъ трауръ оканчивается.

Маркиза слегка нахмурила брови.

— Кстати, расскажу вамъ забавный случай, продолжала баронесса. Вы помните, недавно была гроза?

Ужась! Я думала, преставленіе свѣта. Она застала насъ у сень-маркскаго священника. Мужъ мой, чтобы развлечь меня, сталъ разбирать книги священника и вдругъ попалъ на реестръ покойниковъ, погребенныхъ въ этомъ приходѣ.

— Кажется, кто-то стучится въ дверь. Вы слышали?

Баронесса встала, отогнула занавѣсъ и никого не нашла.

— Нѣтъ, вамъ показалось. Ну, такъ онъ попалъ на реестръ покойниковъ. Мы встрѣтили въ немъ и вашего супруга, маркиза. Въ реестръ сказано, что одинъ дворянинъ, съ испанской стороны острова, помнится, графъ Серда, привезъ тѣло мосьё де-Ланжѣ и взялъ на себя всѣ расходы при похоронахъ.

— Мнѣ писали объ этомъ, баронесса. Я была тогда въ Гваделупѣ. Не замѣчаете ли вы, здѣсь очень жарко?

— Не скажу. Точно въ Гваделупѣ; я помню. Иначе вы были бы сами на этой печальной церемоніи. Маркизь де-Ланжѣ, говорили намъ, убитъ на дуэли съ однимъ англійскимъ капитаномъ, который тотчасъ убѣжалъ.

— Точно такъ, баронесса. Но сдѣлайте милость, выйдите немножко: я задыхаюсь здѣсь.... жарко!...

Онѣ пошли. Маленькія ножки маркизы чуть прикасались къ зеленой травѣ, которою была покрыта долина, взрѣзанная въ разныхъ направленіяхъ свѣтлыми ручейками. Разговоръ вертѣлся около незначительныхъ постороннихъ вещей. Пользуясь прохладою вечера, мадамъ де-Ланжѣ отдохнула и начала очень пріятно шутить съ своею спутницей. Непримѣтнымъ образомъ онѣ зашли въ отдаленный край саду, гдѣ росъ огромный ману, дерево, свойственное тамошнему климату. Солнце уже село; на темно-голубомъ небѣ явилась луна. Толстые сучья ману, опущенные листья-

ми только на оконечностяхъ, казались въ сумракъ вечера мощными руками великана; на вершинѣ дерева жалобно кричали ночныя птицы; на дряхломъ корнѣ замѣтны были трещины и ссадины, произведенныя временемъ. Маркиза невольно остановилась, увидѣвъ этотъ величавый колоссъ; между-тѣмъ мадамъ д'Эспарбакъ подошла къ дереву, стала разсматривать кору его и вдругъ вскричала:

— Посмотрите, маркиза! здѣсь вырѣзаны какія-то слова.

Маркиза приблизилась, и онѣ вмѣстѣ прочли: *Тю-Блазъ*.

— Тю-Блазъ! Это.... испанское имя, сказала баронесса.

— Пойдемте домой: мнѣ становится холодно, отвѣчала мадамъ де-Ланжѣ. — Тю-Блазъ! Тю-Блазъ! повторяла она шопотомъ, едва переводя дыханіе.

Когда дамы воротились въ покой, гости, съѣхавшіеся къ маркизѣ, нашли, что она очень блѣдна. Но мадамъ де-Ланжѣ привѣтствовала ихъ съ своей обыкновенною любезностью, и все пошло какъ-нельзя лучше; никто не замѣтилъ въ ней ничего особеннаго: она была очаровательна какъ всегда и, чтобъ доставить новое удовольствіе обществу, велѣла привести маленькаго мулата, котораго хотѣла принять къ себѣ въ службу.

Сень-Жоржъ вошелъ съ видомъ спокойнымъ, держась за руку управителя, и въ то же время внесли въ однѣ двери молодаго маркиза Мориса, а въ другія обезьяну Жоко. Маркиза опустили на постланную посреди комнаты цыновку изящной работы, тонкую, бѣлую, съ прекрасными узорами; Жоко повѣсили въ койкѣ и толкнули ее, чтобъ она качалась для потѣхи небрежно развалившейся обезьяны. Морисъ, съ удивленіемъ и какъ-будто со страхомъ, уставилъ глаза на Сень-Жоржа. Жоко закричалъ пронзительнымъ голосомъ, означавшимъ неудовольствіе.

— Что это значитъ, Жоко? Неужели вы недовольны своимъ камердинеромъ? сказала маркиза.

— Какъ можно! перебила баронесса: эгогь мулатъ— прелесть!

— Вы его опредѣляете камердинеромъ при Жоко? спросилъ одинъ изъ гостей, москѣ де-Ванпъ.

— Да: а что же?

— Пресчастливая мысль! Вы восхитительны.

— Онъ? страхъ какъ милъ, продолжала между-тѣмъ баронесса. Зубы бѣлы словно жемчугъ, волосы отличнаго чернаго цвѣту, а лицо золотисто-коричневое: настоящая игрушка!

— И сверхъ-того онъ музыкантъ, прибавила мадамъ де-Ланжѣ.

— Право?

— Видите, и теперь со скрипкой!

— Имъю честь доложить, эгогь мальчикъ, мой воспитанникъ и заслуживаетъ вашихъ милостей, осмѣлился произнестъ Жозефъ Платонъ.

— Сколько ему лѣтъ?

— Двѣнадцать съ половиною, ваше сіятельство.

— Какъ зовутъ?

— Сенъ-Жоржемъ.

— Жаль; я назвала бы его лучше Нарцисомъ, Юпитеромъ.

— Зачѣмъ, *ma toute belle*? возразила баронесса. Хорошо и Сенъ-Жоржъ! Имя романическое. Помните: Сенъ-Прё, Сенъ-Фаръ?

— Ну, пожалуй. Такъ, Сенъ-Жоржъ, ты остаешься при мнѣ. Если понравишься Морису и угодишь Жоко, я тебя не забуду. Поди сюда; очисти эгогь апельсинъ и подай его обезьянѣ, такъ чтобы она тебя не укусила.

Сенъ-Жоржъ выполнилъ приказаніе. Жоко обошелся съ нимъ благосклонно.

— Теперь, Сенъ-Жоржъ, сыграй какую-нибудь пѣсенку, чтобы позабавить маркиза.

Мулатъ взглянулъ свою скринку, и, со скромнымъ видомъ черного пажъ, какихъ видали вы на картинахъ Беласкеса, заигралъ королевскую нѣсню. Вся осыпала его комплиментами; баронесса была такъ довольна, что вынула изъ кармана коробочку съ конфетами и съдала нѣсколько пастилокъ Сень-Жоржу.

— Послушайте, мосьё Платонъ, сказала маркиза: надо сшить ему приличный костюмъ. Я хочу платье изъ свѣтло-лиловой обьяри съ серебряными полосками, и на голову чалму съ бѣлыми бусами. Это будетъ прелестно! Когда мнѣ случится ѣхать къ сосѣдямъ.... коляска, зонтикъ, обезьяна, маленькій черный пажъ.... прелесть! прелесть! Смотрите же, мосьё Платонъ: чтобы все было готово какъ-можно скорѣе!

— Слушаю, ваше сіятельство.

— И сверхъ-того надобно сдѣлать ему хомутъ.... понимаете?... хомутъ, чтобы возить Жоко, когда онъ захочетъ кататься въ своемъ маленькомъ берлинѣ.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Сень-Жоржъ остался въ покояхъ маркизы и съ того же вечера вступилъ въ отправленіе всѣхъ своихъ должностей. Черезъ два три дня, его нарядили по назначенію: лиловое платье съ серебряными полосками, чалма съ бѣлыми бусами, и въ ушахъ серьги съ большими подвѣсками. Молодой мулатъ, въ этомъ фантастическомъ костюмѣ, походилъ болѣе на театральнаго негра чѣмъ на желтаго невольника. Онъ держалъ голову прямо; въ его почти младенческихъ формахъ уже проявлялась та сила и красота, которыя ожидали ихъ въ будущемъ; бѣлизна зубовъ, огонь черныхъ глазъ и благородное но меланхолическое выраженіе, разлитое по лицу, придавали ему сходство съ однимъ изъ тѣхъ черныхъ принцовъ, о которыхъ упоминается въ «Тысячъ одной Ночи». Какъ мальчикъ необыкновенно смѣтливый, Сень-Жоржъ скоро догадался, что хотя онъ вошелъ въ домъ маркизы въ качествѣ камердинера

обсѣяны, однакъ жь отъ него зависить сдѣлаться другомъ самого Мориса. И въ самомъ дѣлѣ, между ними скоро учредилась дружба, одна изъ тѣхъ привязанностей, которыя основываются на чувствѣ сожалѣнія къ слабому съ одной стороны и на признательности къ покровительству сильнаго съ другой. Сенъ-Жоржъ былъ вдвое старше маленькаго маркиза, несравненно богаче его силами тѣлесными и острѣе умственными способностями. Поэтому онъ непримѣтно, безъ всякаго напряженія и можетъ-быть даже безъ умыслу, сдѣлался необходимымъ для слабаго ребенка, какъ защитникъ и покровитель. Онъ носилъ маркиза на рукахъ, сажалъ его на лошадь, провожалъ въ прогулкахъ; съ утра до ночи ухаживалъ за нимъ, берегъ, угождалъ, и предостерегалъ его. Первые мысли Сенъ-Жоржа, при вступленіи въ домъ маркизы, были мысли рабскія; но скоро онъ увидѣлъ себя товарищемъ, а потомъ и властелиномъ блѣднаго существа, которое цѣлыя шесть лѣтъ находилось въ рукахъ однѣхъ женщинъ. Къ Морису опредѣлили наставниковъ, но избѣженный мальчикъ не пользовался ихъ уроками: зато Сенъ-Жоржъ, такъ сказать, высосалъ изъ этихъ людей все, что они знали, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ на такой степени умственнаго образованія, что ему дали бы другихъ, болѣе посвященныхъ учителей, если бы онъ родился въ болѣе хорошей кожѣ. Особенно онъ успѣвалъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, которыя въ тѣ времена составляли главную часть дворянскаго воспитанія и преподавались каждому барченку почти съ колыбели: онъ сдѣлался отличнымъ вѣдокомъ, мастерски дрался на рапирахъ и танцовалъ съ большою ловкостью и пріятностью. Музыка также не была забыта: Сенъ-Жоржъ усовершенствовался на скрипкѣ и выучился прекрасно пѣть. Блѣдная Ноэми не могла налюбоваться на своего сына, хотя ворово, сравнивая судьбу его съ судьбой Мориса, отирала украдкой слезу. Одинъ добрый

Жозефъ Платонъ хмурился, какъ-будто былъ недоволенъ чрезвычайно быстрыми успѣхами своего воспитанника, или находилъ ихъ несовмѣстными съ его званіемъ.

— Конечно, говаривалъ онъ дворецкому : конечно, мосьё Прентанъ, я буду всегда считать его своимъ другомъ, который долго чистилъ мнѣ платье и сапоги; но.... знаете, нынче не то !.... нынче онъ подъ особеннымъ покровительствомъ маркизы, того гляди, станетъ на-ровнѣ съ молодымъ мосьё Морисомъ. Бывало, я свисну, и онъ передо мной; не спросясь ни чьего позволенія, когда бы мнѣ ни вздумалось, я могъ его высечь розгами, и дѣло кончено : а нынче — баста ! Чтó онъ ни сдѣлаетъ, чтó ни скажетъ, баронесса д'Эспарбакъ въ восхищеніи, а молодой баринъ знай кричитъ : «Браво, браво, мой желтушка !»

— Это и значитъ образованіе, отвѣчалъ дворецкій.

— Да, разумѣется такъ, мосьё Прентанъ. Однако жъ и у меня есть книга. Жаль, что мнѣ ея не прислали прежде, когда Сень-Жоржъ жилъ еще здѣсь. Сочиненіе мосьё Руссо, «Эмиль, или О Воспитаніи». Книга, кажется, преумная : авторъ въ ней учитъ дѣтей астрономіи безъ глобуса, географіи безъ ландкартъ и музыкѣ безъ нотъ. Должно быть, умная книга!

— Чтó касается до меня, мосьё Платонъ, возразилъ дворецкій : какъ я служилъ у маршала де-Сакса, то мнѣ больше всѣхъ нравятся сочиненія драгунскаго капитана, мосьё Дорà.

— Дорà ? А ! это — сочинитель любовныхъ стихотвореній. Послушайте, мосьё Прентанъ : если вамъ досихъ-поръ нравятся любовныя стихотворенія, такъ это по тому, что вы влюбились въ Финету. Ой, не вѣрьтесь этой вострушкѣ ! Она то же чтó барыня. — А ея барыня, прибавилъ Жозефъ вполголоса, жестокая женщина, какъ я теперь вижу ! Ну, можно ли обойтись со

иной такъ, какъ она? Околыда ея проклятая обезьяна; захотѣлось ей сдѣлать изъ нея чучелу : и что жъ?.... она возложила это на меня.... на меня, личнаго врага этой обезьяны, которая съѣла моего попурая!.... Уфъ! когда я ей вставилъ стеклянные глаза, мнѣ показалось, будто она настоящій Калигула. А маркиза?.... Ей и горя мало! она встрѣтила чучелу словно дядюшку, послѣ котораго ей достается наследство, и Сенъ-Жоржъ съ мосьё Морисомъ тотчасъ усадили проклятаго въ берленъ.

— Что жъ? возразилъ дворецкій : я еще не вижу тутъ ничего трагическаго.

— Да! хорошо вамъ, мосьё Прентанъ!.... А всѣютотъ повѣса Сенъ-Жоржъ : онъ выболталъ маркизѣ, что я занимаюсь натуральною исторіей.

Такимъ образомъ достойный Жозефъ Платонъ разсуждалъ о своемъ бывшемъ воспитанникѣ, а между тѣмъ Сенъ-Жоржъ приобрѣталъ каждый день какое-нибудь новое чувство или познаніе. Ему минуло тринадцать лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ мечты мулата не бываютъ уже безпорочны; мечты Сенъ-Жоржа еще меньше могли быть чистыми, потому что онъ слишкомъ рано развился. Сенъ-Жоржъ любилъ, обожалъ, какъ всегда любятъ и обожаютъ въ эти годы и въ такомъ положеніи. Передъ нимъ безпрестанно мелькали двѣ женщины. Которую жъ выбрало его сердце? Финета была прелестна : гибкій станъ, круглыя формы и огонь черныхъ глазъ, все въ этой дѣвушкѣ плѣняло и искушало чувства. И ктому жъ Финета, подобно Сенъ-Жоржу позолоченная лучами солнца, подобно ему веселая и безпечная, несмотря на свою неволю, питала къ нему сильную симпатію, основанную на сходствѣ цвѣта и положенія. Она любила его, какъ Сузанна любила Херубина; но.... онъ не отвѣчалъ этой добродушной склонности : въ его полу-африканскомъ сердцѣ пылала другая любовь, страсть отчаянная и неодолимая, которая

завладѣла всѣмъ его существомъ и не давала ему забыть нѣжныхъ взглядовъ и ласкъ Финеты. Чтобы познать нѣсколько нмль этой страсти, внимайте въ его положеніе. Передъ нимъ безпрестанно, съ утра до вечера, находится женщина удивительной красоты, какой онъ, бѣдный мулатъ, не могъ и вообразить до того времени. Она обращается съ нимъ какъ султанша съ маленькимъ гаремнымъ невольникомъ; она при немъ шутить, смѣется, одѣвается, раздѣвается; словомъ, дѣлаетъ все, какъ-будто съ нею нѣтъ никого. Въ отсутствіе Финеты, онъ обмахиваетъ вѣеромъ ея голую шею; когда она садится на лошадь, онъ кладетъ ея ногу въ стремя. Ктому жъ трауръ ея кончился: она предалась всѣмъ наслажденіямъ жизни, шегольству, кокетству; молодые люди цѣлуютъ ея бѣлую руку, старики шепчутъ между собою: «Какъ она хороша!» И Сень-Жоржъ все это видитъ, слышитъ!... Сень-Жоржъ, юноша и мулатъ! Зато, Боже мой, что съ нимъ дѣлается! Онъ лобзаетъ полъ, гдѣ она стояла, упивается благовоиємъ позабытаго вуаля или косыночки, расточаетъ безумныя ласки дивану, кресламъ, стульямъ; нештовствуетъ и плачетъ передъ висячею койкой маркизы. Мечты, нелъныя, но обворожительныя, волнуютъ его воображеніе въ тишинѣ ночи; а утромъ, поднявшись раньше всѣхъ, онъ бѣжитъ къ морскому берегу и опять мечтаетъ. Образъ этой женщины преслѣдуетъ его всегда и вездѣ; Сень-Жоржъ плачетъ, бьется.... А она между-тѣмъ живетъ, смѣется, не замѣчаетъ его страданій. О! на что бы онъ не рѣшился, чѣмъ бы не пожертвовалъ, лишь-бы обратить на себя ея вниманіе! Вотъ она скачетъ на лошади: авось лошадь ея споткнется, или ядовитая змѣя ужалитъ животное?... Съ какою бы радостью онъ бросился подъ ноги бѣснаго коня, на змѣю, чтобъ спасти маркизу отъ опасности! Бѣдный мальчикъ только о томъ и думаетъ, какъ бы побѣдить невнимательность мадамъ де-Ланжѣ:

нигда онъ заставляеть свое лошади перешагнуть черезъ ровъ, не думая объ остротѣ камней, которые торчатъ на глубокомъ днѣ; въ другой разъ онъ, въ присутствіи маркизы, убиваетъ на лету ласточку. Но она остается равнодушною къ его ловкости и искусству, не замѣчая, что все это для нея, и почти не смотритъ на отчаянные подвиги холодаго мудака. Много, много, если когда-нибудь, выгладнувъ изъ берлинна, она дастъ ему приказаніе, да и это счастье выпадаетъ не всегда на его долю, а чаще на долю другихъ, которые по-старше. Случилось однажды, что онъ поссорился съ молодой женщиной и вызвалъ его на пойки. Поединокъ кончился равною: кровь текла изъ плеча Сент-Жоржа, и все сожалѣли о немъ, говоря, что онъ рано задумалъ быть дуалистомъ; а маркиза.... хоть бы малѣйшій признакъ участія! Каждый вечеръ онъ, несмотря ни на какія препятствія, лазилъ по высокимъ скаламъ и собиралъ душистые цвѣты, которые послѣ украдкою бросалъ подъ кровать маркизы; но мадамъ де-Ланжѣ приписывала эту любезность портъ-о-пренскому губернатору. «Мосье де-Роанъ удивительный человекъ!» говорила она Фигеть: «я не всему вижу, что онъ влюбленъ въ меня, и... молчитъ! Что бы это значило?» И потомъ она спокойно снимала съ себя наряды, ложилась въ постель, и, зѣвая, прибавляла: «Но я заставлю его объясниться!»

Въ одинъ вечеръ маркиза небрежно лежала въ койкѣ изъ крѣпкой сѣти; горничная стояла подлѣ нея и нахала вѣромъ изъ страусовыхъ перьевъ. Багровые лучи заходящаго солнца, проникая въ раскрытыя окна, румянили бѣлыя цыновки, разостланныя по полу; свѣжій вѣтерокъ колебалъ приподнятыя шторы и нагнѣвалъ упонительный запахъ тропическихъ растеній. Прекрасна была картина, которую составляла группа этихъ двухъ женщинъ! Одна, образецъ европейской красоты, сладострастно раскинувшись на своемъ воздушномъ ложѣ, слѣдила полу-сонными глазами за тѣ-

хлмъ и прѣдвѣднмъ наченемъ войны, между тѣмъ какъ другія, смуглая красавица, медленно ползла надъ ней широкое опахало, и, сопровождая его дѣйствительнѣйшимъ вѣнцемъ, отъ времени до времени орошала ноги госпожи своей благовонною водою, или подходила къ окошку и дразнила голубаго попутая, который былъ тамъ привязанъ на тонкой серебряной цѣпочкѣ.

— Такъ ты все слушала рассказы дворецкого? спросила мадамъ де-Ланжѣ, гнѣвно выговаривая слова.

— Да, сударыня. Вообразите, онъ знаетъ наизусть все походы маршала де-Сакса! Волосы становятся дыбомъ, когда онъ рассказываетъ! А въ заключеніе мосье Прентанъ вздумалъ предложить, не хочу ли я выйти за него замужъ.... Ха, ха, ха! это всё равно, какъ бы вы вышли за мосье де-Булоня!

Мадамъ де-Ланжѣ нахмурилась. Можно было подумать, что сравненіе Финеты показалось ей страннымъ и неожиданнымъ. Какъ знать? какъ проникнуть въ глубь думъ этой женщины? Быть-можетъ, она и въ самомъ дѣлѣ имѣла видъ на генераль-контролера, а легкомысленная Финета, однимъ словомъ, осмѣяла этотъ неровнѣйшій бракъ! Маркиза перестала говорить съ нею, и, казалось, была въ дурномъ расположеніи. Наконецъ однако жъ горничная замѣтила, что госпожа начинаетъ дремать, глубокий вздохъ вырвался изъ раскрытой груди мадамъ де-Ланжѣ; она заснула. Въ это время изъ дѣйки выпалъ золотой медальонъ, котораго Финета еще никогда не видывала. Она подняла его, повертѣла въ рукахъ, и ей страхъ захотѣлось взглянуть, что скрывается въ этомъ медальонѣ. Золотая досчечка съ вензелемъ легко поддавалась усилію пальцевъ. Финета увидѣла портретъ молодого мужчины въ морскомъ мундирѣ; лицо его было блѣдно, въ глазахъ господствовало печальное выраженіе, внизу было подписано: «Маркиза де-Ланжѣ». Посмотрѣвъ на печальныя черты молодого человѣка, Финета защелкнула крышку и хотѣ-

ла уже положить медалионъ, какъ вдругъ, вѣроятно отъ неумышленного давленія секретной пружины, отскочила золотая досочка съ другой стороны, и мулатка увидѣла еще портретъ, представляющій человека лѣтъ тридцати, черноволосаго, смуглаго, съ суровымъ и неистовымъ взглядомъ. Первая мысль Финетъ была, что это мосьё де-Булонь; но ей нѣсколько разъ описывали физиономію и всю фигуру генераль-контролера: это не онъ. Теряясь въ догадкахъ, горничная продолжала смогрѣть на таинственный портретъ, и чѣмъ дольше его рассматривала, тѣмъ глубже проникало въ душу ея непонятное, страшное чувство. Новый вѣдохъ маринизмы далъ ей знать, что прекрасная креолка проснулась. Проворно закрывъ медалионъ, Финета бросилась къ барынѣ. Мадамъ де-Ланжѣ жаловалась, что ей привидѣлся непріятный сонъ, и изъявила желаніе сдѣлать маленькую прогулку. Онъ пошли, и случай, или намѣреніе маркизы, скоро завели ихъ къ дереву, на которомъ мадамъ де-Ланжѣ, прогуливаясь съ баронессою д'Эснарбакъ, нашла имя какого-то Тіо-Блаза. Солнце, какъ и тогда, уже скрылось за горизонтомъ, луна таинже выплыла на небо. Но, подопавши нъ дереву, маркиза почувствовала невольный трепетъ, какъ-будто мысль о какой-то близкой опасности внезапно поразила ее.

— Пойдемъ.... пойдемъ! сказала она Финетъ и, ухвативъ ее за руку, хотѣла бѣжать.

Въ это время послышался возлѣ нихъ шумъ сухихъ листьевъ, и, спустя мгновеніе, человекъ высокаго роста, худой, смуглый, выскочивъ изъ кустарника, загородилъ имъ дорогу.

— А! я нашелъ тебя, Каролина! сказалъ онъ глухимъ голосомъ и сорвалъ газовую маску, которою было закрыто лицо мадамъ де-Ланжѣ отъ мускитовъ.

— Тіо-Блазъ! произнесла она, почти умирая отъ ужасу.

— Да, это я!.... Мне надо говорить съ тобой, Каролина!

Маркиза молчала. Финета, не понимая ничего, смотрѣла на незнакомца, и ей казалось, будто она гдѣ-то его видѣла.

— Мне надо говорить съ тобой, Каролина! повторилъ онъ : нынѣшнею же ночью, слышишь ?

— Нынѣшнею ночью?...

— Да ; черезъ часъ я буду въ твоей комнатѣ.

Мадамъ де-Ланжѣ, не отвѣчая ни слова, кинула головой ; незнакомецъ скрылся. Казалось, будто явленіе его произвело надъ нею магическое дѣйствіе: она какъ-бы окаменѣла, не трогалась съ мѣста. Финета съ трудомъ заставила ее опомниться и довела до дому.

— Ты можешь идти къ большой Нюэми, сказала маркиза такимъ голосомъ, который дагъ уразумѣть Финетѣ, что это, не позволеніе, но приказаніе, которому слуга должна повиноваться безъ возраженій.

Мулатка оставила госпожу одну въ комнатѣ. Провѣдивъ ее глазами, мадамъ де-Ланжѣ бросилась въ кресла и опустила голову въ глубокой задумчивости. Вдругъ, поднявъ глаза, она вскрикнула, какъ-будто увидѣла змѣю : передъ нею стоялъ высокій мужчина, скрестивъ руки на груди и устремивъ на нее неподвижный взглядъ.

Онъ былъ одѣтъ престо, какъ кунцы съ испанской стороны острова : платье его состояло изъ бѣлыхъ кашемирныхъ панталоновъ, коричневой куртки съ свѣтлыми пуговицами, и синяго суконнаго плаща съ галуномъ по воротнику, и все это такъ старо, изношено, что его можно было принять скорѣе за бѣднаго жида нежели за купца. Но въ то же время изъ-за пояса его торчали рукоятки двухъ чудесныхъ пистолетовъ, окованныхъ въ золото; на указательномъ пальцѣ правой руки блестѣлъ перстень съ огромнымъ брилліантомъ, а въ лицѣ и во всей наружности незнакомца, несмотря что онъ былъ

блудить и неслъ на себя вса признани тиранической лихорадки, господствовало выраженіе гордости, несоотвѣстной съ низкими званіемъ. Довольно было взглянуть на него, чтобы узнать въ ту же минуту, что это душа высокомерная и суровая. Въ свѣтломъ и равнодушномъ взорѣ его было что-то непреклонное, какъ судьба; на губахъ мелькала холодная улыбка тирана, презирающаго волю и сопротивленіе своей жертвы.

— Каролина, сказалъ онъ наконецъ, послѣ довольно долгаго молчанія: знала ли ты, что я здѣсь?

— Нѣтъ, отвѣчала маркиза дрожавшимъ голосомъ: кто могъ меня объ этомъ уведомить? Въдъ ваше имѣніе на испанской сторонѣ.

— Имѣніе!... Ты смѣешься надо мной, Каролина! Какое имѣніе у купца, у котораго только пятнадцать негрочъ, для разсылки по торговымъ дѣламъ?

Маркиза молчала.

— Надѣюсь, что ты не считаешь меня за знатнаго барина, продолжалъ незнакомецъ съ насмѣшкой: я купецъ, простой купецъ, Тіо-Блазь.

— О, я это помню! вскричала мадамъ де-Ланжѣ, закрывъ обѣими руками лицо. Но... зачѣмъ вы?... что вы мнѣ хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что я ненавижу тебя, Каролина.

— Тіо-Блазь!...

— Ненавижу тебя, какъ змѣю, которая смертельно меня ужалила. Но змѣю я могу раздавить, умертвить, а... кто убьетъ тебя, Каролина?

— О, Тіо-Блазь! вы жестоки!... Если я виновна... я прошу прощенія.

— Прощенія? какъ это можно? какъ можно маркизѣ де-Ланжѣ унизиться передъ купцомъ... маркизѣ, у которой такія знатныя связи во Франціи!...

— Я этого не понимаю, Тіо-Блазь, и не хочу понимать. Вы меня оскорбляете. Послѣ того, какъ мы съ вами

видѣлась, меня постигло несчастье : я потеряла мужа....

— Знаю, знаю! Затѣмъ я и здѣсь. Теперь ты должна быть моею женой.

— Женой?

— Да, женой.

— Но.... это невозможно, Тіо-Блазъ!

— Почему? Ты дала слово; сдержи его.

— Тогда были другія обстоятельства. Теперь я хочу, я должна остаться вдовою.

— Вдовою въ двадцать пять лѣтъ, когда ты такъ любишь свѣтскую жизнь, наряды, брилліанты, особенно брилліанты : помнишь?

Мадамъ де-Ланжè не отвѣчала, но на лицѣ ея выразилось негодованіе.

— Мнѣ выйти за купца! сказала она наконецъ, съ презрѣніемъ :

— А! вотъ что! подхватилъ Тіо-Блазъ. По-вашему, маркиза, честнѣе быть любовницей купца, чѣмъ его женой?

— Тіо-Блазъ!....

— Не горячитесь. Вамъ не нравится купеческое имя. Но почему такъ? Оно ничуть не хуже имени какого-нибудь генераль-контролера Франціи.

— Тіо-Блазъ!....

— Не горячитесь, говорю! я все знаю. Впрочемъ, если вамъ нужно громкое имя, оно будетъ. Что, напримѣръ, можете вы сказать объ имени графа Серды?

— Графа Серды?

— Да, донъ Хуанъ Альваресъ графъ де-Серда, это я!

— Вы графъ де-Серда? тотъ благородный Испанецъ, который былъ секундантомъ при дуэли моего мужа и похоронилъ его?

— Да, Каролина! это я. Но секундантомъ.... Послушай! ты должна быть моею женою : мы обогрены одною кровью.

- Кровью!

- И девичью кровью.

- И послѣ этого вы еще осмѣливаетесь говорить о бракѣ, кто бы вы ни были, купецъ Тіо-Блазъ, или графъ де-Серда?....

Тіо-Блазъ захохоталъ.

- Каролина! кто одобряетъ послѣдствія, тотъ одобряетъ и средства. Мудрено сказать, кого надобно винить больше : раба ли, который убиваетъ, или господиня, который велитъ ему убивать.

- Что это значитъ?

- Это значитъ....

Но здѣсь должно прервать повѣствованіе, чтобы сообщить читателю нѣкоторыя необходимыя подробности.

Лѣтъ за десять до того времени, къ которому относится эта сцена, жилъ въ Кадиксѣ молодой человекъ, сирота, потомокъ одной знатной, но бѣдной фамиліи. Воспитанный въ одиночествѣ, подъ суровымъ надзоромъ отца, онъ заразился той же суровостью, и это, при вылихъ страстяхъ, образовало въ немъ жестокий характеръ. Оставшись сиротой, онъ съ злобною завистью смотрѣлъ на другихъ молодыхъ дворянъ, которые имѣли средства пользоваться удовольствіями жизни, и пожиралъ взглядомъ прекрасныхъ женщинъ, которыя, какъ цвѣтки, склоняли головки свои съ балконовъ, глядя на церковныя процессіи и народныя праздники. Чтобы сравняться съ другими, чтобы достигнуть блаженства обладать которою-нибудь изъ этихъ очаровательныхъ сиренъ, онъ предался игрѣ. Но счастье ему не благопріятствовало : скоро не стало и маленькаго наслѣдства, полученнаго отъ родителей. Тогда онъ, съ свойственною характеру его рѣшительностью, выбралъ другую дорогу къ обогащенію : поѣхалъ въ Америку, и сталъ жокать золота, назвавшись испанскимъ купцомъ Тіо-Блазомъ. Здѣсь его

неутомимые труды, твердость, терпѣніе, увѣнчались полнымъ успѣхомъ : купецъ Тіо-Блазъ разбогатѣлъ и началъ вести разгульную жизнь ; охотники до вина и опіуму находили въ немъ неизмѣннаго и дѣятельнаго товарища ; одного только не доставало для произведенія пожара въ этой горючей душѣ : любви.

Наконецъ дѣла отозвали Тіо-Блаза въ Гваделупу, и тамъ онъ увидѣлъ женщину, которой суждено было пгнѣнть его. Это случилось на балѣ. Ее окружала вся гваделупская молодежь : каждый искалъ случая сказать ей хоть одно слово, хоть постоять возлѣ нея. Тіо-Блазъ любовался издали ; ему страшно было приблизиться къ красавицѣ, которая внушала ему невольное благоговѣніе красотой и пышнымъ нарядомъ. Но на другой день, увидѣвшись съ жидомъ-ювелиромъ, онъ узналъ отъ него, что эта богиня — жена одного, очень небогатаго, морскаго офицера французской службы, маркиза де-Ланжѣ, который влюбленъ въ нее до безумія и кругомъ въ долгахъ, по милости ея прихотей, страсти къ шегольству и забавамъ. Тогда въ душѣ Тіо-Блаза родилась маленькая надежда ; онъ нашелъ случай попасть въ домъ маркиза, сталъ угождать красавицѣ, наконецъ открылся. Мадамъ де-Ланжѣ засмѣялась при его объясненіи ; но то былъ смѣхъ не презрительнаго отказа : это было что-то такое, чего страстный Испанецъ не могъ понять, но что однако жъ не заставляло его разстаться съ своими мечтаніями. Такъ обыкновенно поступаютъ кокетки. Скоро одинъ случай далъ другое, болѣе рѣшительное, направленіе этому дѣлу.

Готовился балъ, по случаю пріѣзда новаго губернатора. Хотѣли сдѣлать праздникъ какъ-можно великолѣпнѣе, и всѣ гваделупскія дамы напередъ уже обдумывали и запасали себѣ наряды, чтобы явиться въ самомъ ослѣпительномъ видѣ. Маркиза, пославъ къ жи-ду, у котораго она брала на-прокатъ брилліанты, по-

лучша отвѣтъ, что лучший уборъ уже отданъ другой дамѣ. Она въ отчаяніи. Можно ли ей, свѣтилу гваделупскаго общества, померкнуть при такомъ важномъ случаѣ? Со слезами и съ желчью въ сердцѣ, повѣрила она горе свое Тіо-Блазу, и онъ воспользовался обстоятельствомъ. У него была брилліантовая нитка, какой мадамъ де-Ланжѣ еще никогда не имѣла. Она вскрикнула, увидѣвъ на бархатной груди своей это ослѣпительное созвѣздіе. Тіо-Блазъ доставилъ ей торжество: наградой была любовь.

На ту пору маркизъ долженъ былъ отправиться съ кораблемъ изъ Гваделупы. Отсутствіе его продолжалось нѣсколько мѣсяцовъ. Это было счастливѣйшее время въ жизни Тіо-Блаза. При помощи новыхъ угожденій, пожертвованій и подарковъ, онъ наслаждался блаженствомъ, о которомъ мечталъ такъ долго. Источникъ блаженства былъ нечистъ; но неистовая любовь Испанца не разбирала этого: довольно, что онъ обладалъ маркизой!... Эта связь была покрыта непроницаемой тайною; никто на островъ не подозрѣвалъ, что у мадамъ де-Ланжѣ есть любовникъ: гордая не хотѣла признать обожателя и купца; а Тіо-Блазу не было надобности открывать своего настоящаго званія: онъ и безъ того счастливъ.

Но счастье его должно было имѣть предѣлъ: зависть, которая всегда преслѣдуетъ удачу и трудолюбіе, вооружилась на Тіо-Блаза; его оклеветали въ какомъ-то преступленіи, осудили, заключили въ тюрьму.

Пять лѣтъ продолжалось заточеніе мнимаго преступника, пока не открылся настоящій. Когда передъ Тіо-Блазомъ растворили двери темницы, онъ не имѣлъ уже ничего изъ своихъ прежнихъ сокровищъ, но любовь по-прежнему пылала въ груди, и первое путешествіе, которое сдѣлалъ онъ, на свободу, была поездка на Гваделупу, для свиданія съ мадамъ де-Ланжѣ.

Сколько-вспоминаній тѣснилось въ умъ его, когда онъ подходилъ къ дому, въ которомъ, пять лѣтъ назадъ, бывалъ великій день таинственно, подъ сумракомъ ночи! Маркизъ опять находился въ отсутствіи; Тіо-Блазъ узналъ объ этомъ съ восторгомъ: онъ онидаль восхитительнаго свиданія. Его ввели въ знакомую залу; мебели стояли на тѣхъ же мѣстахъ. Служанка пошла докладывать, сказавъ, что барышня завтракаетъ. Тіо-Блазъ слышитъ въ соседственной комнатѣ гармоническій голосъ маркизы.

— Кто тамъ? спрашиваетъ она.

— Купецъ изъ Санъ-Яго, сударыня, Тіо-Блазъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе; потомъ заговорилъ еще третій голосъ, но такъ тихо, что Тіо-Блазъ не могъ разобрать словъ. Наконецъ служанка отворила двери и сказала: Пожалуйте.

Войдя въ комнату, Испанецъ засталъ маркизу за столомъ, на которомъ были разложены разные фрукты; мужчина среднихъ лѣтъ, въ богатомъ платьѣ, сидѣлъ съ другой стороны и читалъ вслухъ книгу; въ соседней комнатѣ также были гости, мужчины и женщины. Тіо-Блазъ пристально посмотрѣлъ на собеседника мадамъ де-Ланжè, который, съ своей стороны, не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Онъ съелъ и, какъ водится, сталъ спрашивать маркизу, что случилось съ нею въ продолженіи того времени, какъ они не видались? Ему страхъ было досадно присутствіе незнакомца, но онъ надѣялся, что мадамъ де-Ланжè скоро найдетъ предлогъ удалить его. Въместо того, она встала, подошла къ бюро, и, выдвигая одинъ ящикъ, сказала Тіо-Блазу:

— Вотъ векселя на двадцать тысячъ піастровъ, которые я должна вамъ за брилліанты. Жалю, что не могла прежде расплатиться съ вами, но вините въ томъ себя самихъ. Благодарю за довѣренность.

Съ этими словами, она положила передъ Тіо-Блазомъ

пути въ вѣселяхъ, и, протянувъ руку къ маленькому голубому пѣтугаю, начала дразнить и ласкать его.

Гордый Испанецъ стоялъ, какъ бы пораженный молніей. Однако жъ у него достало благоравумія удержаться отъ вспышки, которая не могла принести ему ничего кромѣ вреда; онъ взялъ деньги, вышелъ изъ комнаты. Зато, когда онъ воротился въ трактиръ, въ которомъ имѣлъ пристанище, и сталъ перечитывать письма, полученные имъ некогда отъ мадамъ де-Ланжэ, въ головѣ его составлялись тысячи плановъ для мщенія. Онъ бѣгалъ къ своимъ старымъ друзьямъ, на гулянья, публичныя сборища, словомъ туда, гдѣ только могъ узнать что-нибудь о маркизѣ, и вездѣ ему говорили, что она слыветъ первую красавицей въ герольдъ, что у ногъ ея ползаютъ всѣ, старики, молодежь, знатные и незнатные; но никто не могъ сказать, былъ ли у нея любовникъ. Тіо-Блазъ рѣшился писать къ ней и въ тотъ же день отправилъ посланіе, въ которомъ нѣжливѣйшія выраженія любви были перемѣшаны съ страшными угрозами. Черезъ часъ принесли отвѣтъ: маркиза соглашается принять его ночью.

Нужно ли говорить, какъ мучительно было ожиданіе? Наконецъ условленный часъ наступилъ. При лучахъ мѣсяца, старая негритянка провела его черезъ садъ въ покои маркизы, и онъ, оставшись одинъ съ своею бывшей любовницей, осыпалъ ее упреками, на которые она сначала не знала что отвѣчать.

Черезъ нѣсколько минутъ однако жъ удивительное дарованіе мадамъ де-Ланжэ, разыгрывать какую угодно роль, возвратилось къ ней совершенно, и когда Тіо-Блазъ, со слезами гнѣва и горести, еще разъ упомянулъ о деньгахъ за брилліанты, она сказала ему, что заплатила ихъ опасаясь мужа.

— Мужа? подхватилъ Тіо-Блазъ. Но прежде мы, бывало, не говаривали о маркизѣ де-Ланжэ?

— Прежде онъ не имѣлъ ни какихъ подозрѣній, Тіо-

Блазь. Теперь, напротивъ. Кто-то открылъ ему нашу тайну, и онъ сдѣлался недоверчивъ, окружилъ меня шпионами, знаетъ каждый мой шагъ. Я согласилась съ вами увидѣться, потому только что это свиданіе, какъ вы сами писали, будетъ послѣднее. Мы должны забыть старину. Отдайте мнѣ мои письма: между нами все кончено.

— Боже мой! вскричалъ Тіо-Блазь: того ли я ожидалъ послѣ пяти-лѣтней разлуки? Нѣтъ, Каролина! ты шутишь. Можно ли, чтобы между нами все кончилось? Вѣдь я люблю тебя не такъ, какъ другіе, не той жалкой любовью, о которой твердятъ тебѣ какой-нибудь старый дюкъ и креоль, — обезьяна парижскаго франта. Я былъ готовъ жертвовать тебѣ всѣмъ, и опять пожертвую. У меня уже нѣтъ богатства, но есть жизнь: я отдамъ тебѣ жизнь; соберу сокровища больше прежнихъ, и все отдамъ тебѣ. А ты говоришь о разлукѣ! просишь назадъ своихъ писемъ!... Нѣтъ! никогда! Сожги, если хочешь, письма, которыя я къ тебѣ писалъ; но твои останутся цѣлы. О! я сберегу ихъ. Кто знаетъ? можетъ быть, прійдетъ день, когда слова, которыя такъ нѣжно и сладко стекали съ пера твоего, зашипятъ змѣями противъ неблагодарной. Ты говоришь о мужѣ? Хорошо. Я дождусь его возвращенія, я увижу, и.... горе, горе вамъ обоимъ, ежели....

Мадамъ де-Ланжѣ не дала Тіо-Блазу договорить, бросившись къ нему на шею.

— Тіо-Блазь! Тіо-Блазь! вскричала она: неужели ты думаешь, что я тебя разлюбила?... О! какъ ты ошибаешься!

И она расточала ему поцѣлуи, она ласкала его такъ пламенно, такъ искусно, что голова закружилась у влюбленнаго Испанца, дыханіе замерло и голосъ онемѣлъ. Тогда обольстительница привлекла его на грудь свою и нѣжно шептала: «Ты не винилъ бы меня, если бы могъ заглянуть въ мое въ сердце. О, мой другъ, какъ

я люблю тебя! какъ бы я была счастлива, если бы могла принадлежать тебѣ, тебѣ! Но я прикована къ другому: онъ купилъ меня; я его раба, и какъ мнѣ ни тяжело эти цѣпи, я не могу разорвать ихъ. Ахъ, Тіо-Блазъ! длячего не ты на его мвсть? Ты увезъ бы меня въ тотъ край, гдѣ земля даетъ золото и драгоценныя каменья; ты украсилъ бы меня брилліантами.... Ахъ, Тіо-Блазъ! длячего не такъ? зачѣмъ я не свободна? Не хочу скрывать отъ тебя, мой милый, я несчастлива! Онъ ревнивъ и жестокъ; онъ не въ состояніи доставить мнѣ удовольствій, которыхъ бы я желала. Ты, одинъ ты.... Знаешь ли? мнѣ часто снится, будто я съ тобой стою передъ алтаремъ, будто его вѣтъ.... Но это только обманчивое сновидѣніе; проснувшись, я еще глубже чувствую свое несчастіе: мы съ тобою навѣки, навѣки разлучены!

- Маркизъ въ Санъ-Доминго? спросилъ Тіо-Блазъ.

- Въ Санъ-Доминго. Но дня черезъ три онъ придетъ.

- И намъ нельзя будетъ видѣться?...

Тіо-Блазъ задумчиво опустилъ голову. Богъ знаетъ, что у него было въ мысляхъ: можетъ-быть любовь искушала его на преступленіе; но если такъ, то онъ, повидимому, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы: онъ сказалъ маркизу, что ея спокойствіе для него дороже всего на свѣтѣ, что онъ готовъ пожертвовать собой, лишь бы она была счастлива, и ушелъ, обѣщая не нарушать своимъ присутствіемъ добраго согласія ея съ маркизомъ. На другой день онъ уѣхалъ на корабль, отправлявшемся въ Санъ-Доминго, гдѣ ему надо было получить нѣсколько старыхъ долговъ. Солнце садилось, когда корабль подошелъ къ берегу, съ испанской стороны острова. Пока причаливали и спускали пассажировъ, наступила ночь. Тіо-Блазъ, не зная что дѣлать, пошелъ въ уединенный трактиръ, находившійся на краю города и служившій пристанищемъ раз-

ному народу, иностраннымъ морякамъ, контрабандистамъ и жидамъ, промышляющимъ мелочною торговлею и процентами. Тайное предчувствіе тяготило его, когда онъ входилъ въ этотъ вертепъ. Представьте себѣ человѣкъ пятьдесятъ негровъ и матросовъ, собравшихся въ старомъ достатомъ сарае, стѣны котораго все въ шеляхъ и готовы обрушиться. Дымъ, пляска, крикъ.... Въ одномъ мѣствъ купецъ обещиваетъ своего товарища, бокась, что счетъ вѣренъ; въ другомъ негры, присѣвъ на корточки у огня, играютъ въ кости и плутуютъ; здѣсь жида, тощіе и оборванные, мѣняютъ товары у колониста; а тамъ мулатки поютъ и пляшутъ между пьяными матросами. Чужестранцы, входя въ это жилище разврата и мошенничества, принимаютъ такія предосторожности, какъ будто готовятся сразиться съ врагами: у всякаго пистолеты за поясомъ, кинжалъ въ боковомъ карманѣ и сверхъ того шнага, или карабинъ. Усѣвшись въ отдаленномъ углу сарая, Тيوبлазь смотрѣлъ безъ вниманія на это адское зрѣлище, какъ вдругъ услыхалъ подлѣ себя голосъ, который сперва показался ему женскимъ, но въ самомъ дѣлѣ принадлежалъ молодому, блѣдному мужчине, разговаривавшему съ англійскимъ шкиперомъ Крафтономъ.

— Я отправляюсь завтра, говорилъ шкиперъ. Если хотите, маркизь, мой корабль къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, завтра мнѣ нелзя, отвѣчалъ молодой человѣкъ, перебивая слова сухимъ и тяжелымъ кашлемъ: жидъ Наананъ только послѣ-завтра обещалъ мнѣ денегъ.

— Не уже ли нѣтъ возможности достать ихъ завтра?

— Никакой. Мнѣ надо много, двѣсти тысячъ.

— Двѣсти тысячъ! Она промотала такую бездну.

— Около двухъ сотъ тысячъ приходилось заплатить за нее, когда я повхалъ изъ Гвделупы. И она ни разу

ко мнѣ не писала во все это время. Богъ знаетъ! ну, ждали....

Сильный припадокъ кашлю, произведенный вданнѣ дымомъ сигаръ и трубокъ, не позволилъ молодому чело-
вѣку договорить. Наконецъ онъ успокоился. Тіо-Блазъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца его рѣчи.

— Крафтонъ, сказалъ маркизъ : посмотрите, кажется, тамъ стоитъ Наананиль. Крикните, чтобы онъ подошелъ ко мнѣ.

Крафтонъ кликнулъ Наананила. Жидъ приблизился съ низкими поклонами и съ печальною физіономіей, какъ бы желая напередъ дать знать, что дѣла идутъ плохо. Всѣ трое начали говорить шепотомъ ; Тіо-Блазъ не могъ ничего разслушать, но догадался по выраженію лица молодаго офицера, что ростовникъ, или во-
все отказывается, или требуетъ слишкомъ большихъ процентовъ.

— Э! вскричалъ Крафтонъ, оглянувшись всторону и смотря изъ-подъ руки прямо на Тіо-Блаза : да вотъ чело-
вѣкъ, который, можетъ-статься, выручитъ васъ, купецъ изъ Санъ-Яго ; онъ былъ прежде богатъ, сидѣлъ долго въ тюрьмѣ; но, вѣрно, у него кое-что уцѣлѣло.

Онъ подошелъ къ Тіо-Блазу, и учтиво просилъ его поговорить съ маркизомъ де-Данжѣ. Маркизъ на-силу узналъ стараго знакомаго.

— Вы можетъ-быть помните мою жену, сказалъ онъ потомъ, взявъ его за руку. Все это для нея. Я пожертвовалъ ей всѣмъ своимъ состояніемъ и растратилъ свою жизнь на то, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась. Назовите мои поступки слабостью; но я люблю, я боготворю Каролину; въ моемъ сердцѣ горитъ къ ней святое чувство, которое я ставлю выше всего и для котораго ничего не пожалѣю. Ктому же Каролина сама такъ ко мнѣ привязана; еще недавно у насъ родился сыночекъ, который скрѣпилъ нашу взаимную нѣж-
ность. Могу ли я отказать въ чемъ-нибудь такой жен-

щинь? и когда же? тогда какъ она каждую минуту въ опасности. Можетъ-быть теперь, какъ мы здѣсь разговариваемъ, ее арестуютъ на балу за долги, и тѣ люди, которые, полчаса назадъ, ползали у ея ногъ, осыпали ее комплиментами, смѣются надъ ней.... о, Боже!....

Маркизь повѣсилъ голову. Тіо-Блазъ смотрѣлъ на него, не спуская глазъ, и въ сердцѣ его зародилось злобное удовольствіе при видѣ этой глубокой печали.

— Можете ли вы дать мнѣ двѣсти тысячъ? спросилъ маркизь: можете ли? да, или нѣтъ? Отвѣчайте скорѣе.

Тіо-Блазъ не имѣлъ такой суммы, но молчалъ. Молодой человѣкъ осмѣлился говорить ему о любви своей къ Каролинѣ, и рѣчь его была страстна, какъ рѣчь, не мужа, а любовника. Тіо-Блазъ почувствовалъ ревность и нарочно терзалъ маркиза.

Видя, что Испанецъ молчитъ, господинъ де-Ланжѣ повернулся наконецъ къ Крафтону и сказалъ, что ѣдетъ завтра въ Гваделупу.

— И дѣло! отвѣчалъ шкиперъ.

Тіо-Блазъ поблѣднѣлъ. Маркизь можетъ ускользнуть отъ него.... рѣшительная минута! Между-тѣмъ около нихъ, въ мрачной атмосферѣ, освященной красноватымъ свѣтомъ огня, продолжалось нестройное, безконечное круженіе звуковъ и образовъ, въ которомъ то слышался бѣшеный крикъ матроса, или отчаянный вопль женщины, то мелькалъ бѣлый глазъ негра и кинжалъ контрабандиста. На дыму, которымъ была наполнена комната, трепетали около свѣчекъ радужные круги; злодѣяніе и развратъ, казалось, висѣли надъ головами всѣхъ присутствующихъ. Тіо-Блазъ стоялъ, устремивъ впередъ неподвижный и безчувственный взглядъ; голова его начинала кружиться, въ ухахъ звенѣло. Наконецъ онъ замѣтилъ, что маркизь повернулся къ нему спиной; въ то же время Крафтона позвали къ матросамъ, у которыхъ завязал-

ся споръ съ неграми. Оставшись одинъ, де-Ланжѣ сѣлъ къ столу и вынулъ изъ кармана портретъ. Тю-Блазъ заглянулъ черезъ плечо: это былъ портретъ Каролины. Молодой маркизъ осыпалъ его поцѣлуями, рука Испанца невольно схватила рукоятку кинжала. Вдругъ раздался крикъ: «Бьютъ! рѣжутъ!» Свѣчи полетѣли на полъ, столы и стулья затрепала; у негровъ съ матросами начался смертный бой... Крафтонъ упалъ подъ кинжалами. Тю-Блазъ схватилъ руку маркиза де-Ланжѣ и насильно затащилъ его въ уголъ.

— Маркизъ! ты долженъ отдать мнѣ портретъ, который у тебя въ карманѣ.

Молодой человекъ поблѣднѣлъ какъ смерть, хотѣлъ защищаться, но его тонкая шпага въ одно мгновение переломилась въ рукахъ Тю-Блаза.

— Портретъ! закричалъ бѣшеный Испанецъ; и отнялъ его у слабого де-Ланжѣ. Поклявшись, что ты никогда не увидишься съ Каролиной! не то....

— Бездѣльникъ! перебилъ маркизъ, и кинулся на Тю-Блаза.

Онъ вырвалъ у него изъ-за пояса одинъ пистолетъ, но пуля попала въ стѣну. Испанецъ повалилъ маркиза на полъ, придавилъ коленомъ и сказалъ: — Маркизъ де-Ланжѣ! жена твоя мнѣ, а ты.... ступай къ чорту!

И кинжалъ его вонзился въ сердце маркиза.

— Боже мой! воскричала мадамъ де-Ланжѣ, закрывъ обѣими руками лицо, когда Тю-Блазъ рассказалъ ей объ этомъ убійствѣ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ была совершенная тишина. Испанецъ стоялъ въ раздумьѣ, какъ-будто припоминалъ подробности своего преступленія; потомъ прошелся взадъ и впередъ, остановился передъ маркизой и сказалъ:

— Я отвезу трупъ въ Сенъ-Маркъ и тамъ похоронилъ, принявъ на этотъ разъ свое настоящее имя графа де-Серды, и сказавъ священнику, будто мужъ твой убить

на дуэли съ англійскимъ офицеромъ. После того я хотѣлъ вѣхать къ тебѣ въ Гваделупу, но меня задержала болѣзнь. Приѣхавъ туда, я узналъ, что ты отправилась въ Сантъ-Доминго, на эту плантацію. Мнѣ рассказали все, какъ ты обманывала меня и мужа, какъ завела интригу съ генераль-контролеромъ де-Булонемъ, и что сынъ твой.... не сынъ маркиза. Понимаешь ли теперь, что ты должна быть моею женою? Я купилъ тебя два раза: сперва на золото, потомъ преступленіемъ.

— Никогда! отвѣчала маркиза, съ рѣшительнымъ видомъ. Убийца и нищій!....

— Не нищій, маркиза! У меня въ сантъ-домингскихъ горахъ есть шайка удалцовъ, съ которыми я скоро буду богаче вашего генераль-контролера. А что касается до убійства, впрочемъ, это было твое собственное желаніе; ты вложила мнѣ въ руку кинжалъ, которымъ я закололъ бѣднаго маркиза; кровь его на насъ обожь. Смотри!

Онъ подвелъ ее къ зеркалу, но блѣдная и трепещущая де-Ланжѣ не смѣла взглянуть туда.

— Что? сказала тогда Тіо-Блазь: не правду ли я говорю?... Но перестанемъ спорить: бери что тебѣ надобно, захвати свои брилліанты, если хочешь, и пойдемъ!

— Брилліанты!.... Несчастный! возьми ихъ, возьми все....

— Каролина! не забудь, что ты говоришь съ графомъ де-Серда.

— Тіо-Блазь! у меня есть сынъ.

— Отдали его къ отцу. Онъ родился не отъ убитаго.

— Тіо-Блазь! повторила мамѣ де-Ланжѣ голосомъ, въ которомъ слышались и отчаяніе, и дѣвственность: Тіо-Блазь, я люблю тебя!

— Ажешь, отвѣчалъ онъ равнодушно.

— О, нѣтъ!.... нѣтъ, Тіо-Блазь! Ты обвиняешь меня

въ любви къ этому спарику? Но могу ли я любить его? Нѣтъ! ты молодецъ, ты коронть....

Тю-Блазъ не дадь ей кончить.

- Подюте, омиъара. Пора ѣхать, Барите что нужно! скорѣй!

Онъ взялъ ее за руку, но она вырвалась и отскочила въ уголъ.

- Никогда! никогда!.... я позову на помощь, кликну людей.

- Ваши люди, маркиза, всѣ на праздникъ у дворянскаго.

- Ты хочешь меня убить!

- Совсѣмъ нѣтъ, маркиза. Видите, какъ я протонъ.

- Еще разъ, оставь, оставь меня! Я не хочу быть твоею женой. Ты убійца!....

- А я тебѣ говорю, что ты должна быть моею женой, потому что мы оба убійцы. Наша судьба связана, ея нельзя разорвать. Скорѣе! скорѣе!

Онъ подошелъ къ окну и вынулъ изъ кармана свистокъ. Мадамъ де-Ланжѣ поняла, что гибель ея неизбежна. Она схватила свѣчу, и поднесла ее къ занавѣскѣ своей кровати: пламя въ одно мгновеніе обняло легкій газъ.

- А! всмричалъ Тю-Блазъ, оглянувшись: ты хочешь выгнать меня пожаромъ? Но пусть мы вмѣстѣ сгоримъ: я не брошу тебя.

Съ этими словами онъ схватилъ маркизу, и потащилъ къ дверямъ. Она вырвалась, кинулась къ окну и закричала: «Помогите! помогите!» Между-тѣмъ пламя отъ занавѣсокъ сообщило кисейной драпировкѣ на стѣнахъ: еще двѣ минуты, и вся комната была бы въ огнѣ. Тю-Блазъ хотѣлъ увести маркизу, но она упала безъ памяти. Въ это время слышались голоса и шаги бѣгущихъ людей. Онъ наклонился и сказалъ: «Прощай! я тебя оставляю; но можетъ-быть мое мщеніе упадетъ на человѣка, который тебѣ очень дорогъ!»

Маркиза раскрыла глаза; слова эти показали ей звономъ отдаленнаго погребальнаго колокола. Прибывшіе люди вынесли ее изъ горящей комнаты, и потушили пожаръ; но погоня, отправленная за *воромъ и зажигателемъ*, не имѣла никакого успѣху.

Скоро, однако жъ, на плантаціи водворилась прежнее спокойствіе: бѣдный Сень-Жоржъ продолжалъ вздыхать по маркизъ, мадамъ де-Ланжѣ опять кокетничала, обожатели увивались около нея, какъ мотыльки вокругъ свѣчки. Между ними стоялъ всѣхъ выше принцъ Роанъ, губернаторъ города Портъ-о-Пренса и принадлежавшаго къ нему округа. Человѣкъ знатный, придворный, богатъ; онъ былъ цѣлью общаго соискательства женщинъ и потому еще, что никогда не унижалъ дамъ, которыя оказывали ему свою благосклонность. Но маркиза де-Ланжѣ штурмовала его взглядами не по одиному этимъ причинамъ. Въ душѣ ея сохранилось глубокое впечатлѣніе отъ ужасной ночи, и ожидая безпрестанно новыхъ опасностей, она хотѣла сдѣлать изъ губернаторской любви цитадель около своего жилища.

По случаю рожденія Мориса, у нея былъ званый ужинъ. Гости съѣхались; наступила ночь, одна изъ тѣхъ безлунныхъ ночей, какія бываютъ въ Западной Индіи. Принцъ Роанъ подалъ руку маркизъ, чтобы сдѣлать маленькую прогулку по саду. Они пошли; негры, въ богатой ливрѣ, несли передъ ними зажженные факелы. Проходя мимо густаго виноградника, мадамъ де-Ланжѣ замѣтила двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ кинулъ что-то тяжелое въ руки другаго, и потомъ оба скрылись въ потемкахъ. Эта встрѣча поразила разстроенную маркизу, и она задумчиво шла во слѣдъ принца, не слушая любезностей, которыя онъ ей машептывалъ. Между-тѣмъ въ залъ приготовили столъ; цвѣточные гирлянды, развѣшенные на стѣнахъ и подъ потолкомъ, блескъ огня въ граненыхъ хрустальныхъ

люстрахъ, и ароматическій запахъ, навываемый сквозь раскрытыя окна, придавали комнату особенную прелесть. Отборныя блюда стояли на столѣ, подъ золотыми колпаками, чтобы на нихъ не налетѣли мустики. Мосье Прентанъ, въ качествѣ дворецкаго, важно смотрѣлъ на все съ выесты своего мѣста возлѣ буфета. Наконецъ хозяйка и гости вошли; принцъ Роанъ и де-Ваннъ удостоились чести сидѣть подлѣ маркизы. Въ сторонѣ былъ накрытъ особый столикъ для Сень-Жоржа и Мориса. Прентанъ подавъ знакъ: окна закрыли, золотыя колпаки сняли съ блюдъ, и наступила торжественная минута первыхъ наслажденій возбужденнаго аппетита.

Вдругъ Прентанъ поблѣднѣлъ какъ полотно, и бросился къ маленькому маркизу.

— Что такое? спросила мадамъ де-Ланжѣ.

Но по комнату распространился дурной запахъ; рыба, которую подали Морису, вмѣсто настоящаго ея золотистаго цвѣту, была теперь темно-красная, и какая-то желтоватая жидкость вытекала изъ нея на края серебрянаго блюда. Мадамъ де-Ланжѣ остановила руку Сень-Жоржа, который собирался угощать своего товарища. Рыба была отравлена сокомъ маньюка.

— Откуда?.... кто?.... какъ? спрашивали перепугавшіеся гости.

Прентанъ отвѣчалъ, что онъ осматривалъ рыбу на кухнѣ и что ядъ долженъ быть положенъ только теперь.

— Говори, несчастный! закричала маркиза, толкая Сень-Жоржа.

— Общайте его! сказалъ де-Ваннъ.

Мулата обыскали и нашли двѣ золотыя монеты. Блѣдность совсѣмъ растерялся: это открытіе и гнѣвный взглядъ женщины, которую онъ такъ любилъ, привели его въ смущеніе; онъ не зналъ, какъ оправдываться; упалъ къ ея ногамъ и сказалъ только: «Пощадите, пощадите меня! я не виноватъ!»

— Наде позвать лакея, который принесет сюда рыбу, забытый Прентанъ. Али! Али!

Черная харя Али выставилась изъ-за другихъ салутъ. Онъ былъ пьянъ и на-силу могъ отвѣчать на вопросы; но изъ словъ его кое-какъ поняли, что рыба принесена въ залу не имъ, а мулатомъ Рафаэлемъ.

— Приведите и Рафаэля! сказалъ Прентанъ.

Двое дюжихъ лакеевъ бросились исполнять приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату ввели мулата, котораго, не задолго передъ тѣмъ, жестоко высѣкли, по приказанію маркизы, за какую-то бездѣлицу. Онъ равнодушно окинулъ взглядомъ всѣхъ господъ, которые смотрѣли на него, дрожа отъ ужасу, и объявилъ, что рѣшительно ничего не знаетъ, что его можно обыскать, что у него не найдутъ денегъ, какъ у Сенъ-Жоржа.

— Клеветникъ! вскричала Ноэми, бросившись въ середину комнаты. Не слушайте его, маркиза; управитель нашелъ въ его шалашѣ кошелекъ полный золотыхъ денегъ, такихъ же, какъ тѣ, которыя были у Сенъ-Жоржа. Онъ тихонько подсунулъ ихъ въ карманъ моему сыну.

— Почему же тихонько? Если деньги одинакія, такъ скорѣе можно подумать, что оба мулата дѣйствуютъ за одно, сказалъ де-Ваннъ.

— Нѣтъ, сударыня, клянусь Богомъ! Сенъ-Жоржъ не виноватъ!.... сынъ мой не виноватъ!

И бѣдная Ноэми обнимала и цѣловала мальчика, который стоялъ неподвижно, какъ окаменѣлый.

— Э! да что съ ними толковать! сказалъ опять тотъ же де-Ваннъ: если они пѣвничаютъ, такъ и мы можемъ обойтись съ ними нѣжно. Знаете ли, господинъ управитель? я бы заставилъ ихъ скушать всю эту рыбу.

При этомъ остроумномъ предложеніи, Ноэми собрала остатокъ силъ. Лучъ свѣта внезапно упалъ на умъ матери, она кинулась въ ноги другу Роану и стала про-

свѣтъ, чтобы Рафаэлю приказали опустить въ воду ноготь большаго пальца. Просьба была удовлетворена, и лишь-только слуги погрузили палецъ Рафаэля въ стаканъ съ водой, какъ въ то же мгновеніе свѣтлая жидкость помутилась и начала издавать запахъ.

- Выпей! вышей! вскричала маркиза, въ бѣшенствѣ.

Несмотря на сопротивленіе Рафаэля, его принудили осушить весь стаканъ. Онъ упалъ на полъ; съ нимъ сдѣлались корчи.

- Колдунья! бормоталъ онъ, страшно ворочая бѣлками глазъ: ты знаешь, гдѣ мы причесемъ отраву. Сынь твой невиновать.... Я взялъ деньги.... послушался....

- Кого послушался? спросилъ де-Вансъ.

- Того, кто видѣлъ, какъ меня съкли; кто такъ меня ненавидитъ....

Рафаэль указалъ на Мориса. Мадамъ де-Ланжѣ вскочила, какъ-бы намѣриваясь не допустить мулата высказать страшную тайну; но онъ уже умеръ, и тайна, которой такъ боялась она, осталась неоткрытою.

Какъ бы то ни было, мадамъ де-Ланжѣ сочла нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры осторожности, и бѣдный Сенъ-Жоржъ испыталъ тяжесть ея распоряженій, несмотря на свою невинность. Врожденное расположеніе мулатовъ и негровъ къ плутовству, ихъ частыя возстанія противъ господъ своихъ, сдѣлали бѣлыхъ недовѣрчивыми къ своимъ рабамъ. Маркиза вообразила, что рано или поздно Сенъ-Жоржъ можетъ также уступить искушеніямъ мстительнаго Испанца, и отослала бѣднаго мальчика. Изъ любимца и товарища Мориса онъ долженъ былъ превратиться въ слугу: вмѣсто шелковаго платья, надѣли на него небѣленую парусинную куртку, оставшуюся послѣ какаго-то умершаго негра; вмѣсто чалмы съ бусами, шерстяной колпакъ. И опасенія маркизы были такъ сильны, что она даже не захотѣла видѣть его въ члѣхъ лакеезъ, служившихъ въ коннатахъ, а велѣла опредѣлить на конюшню.

Можно себя представить, какъ это поразило влюбленнаго и заносчиваго Сень-Жоржа. Онъ наглядѣлся на картину креольской роскоши, видѣлъ вблизи избѣженный бытъ санъ-домингскихъ султановъ, раздѣлялъ съ Морисомъ удобства и наслажденія, доставляемые богатствомъ, любовался каждую минуту на прелестную мадамъ де-Ланжè, и вдругъ она же, эта женщина, которую онъ любилъ такую безумной любовью, безъ всякой вины произнесла надъ нимъ приговоръ ссылки! Нѣсколько разъ онъ рѣшался кинуться къ ногамъ принца Роана, какъ сдѣлала мать его; но сознание своей правоты и чувство гордости не допустили его до такого униженія передъ бѣлымъ.

— Бѣдненькій! сказалъ ему однажды пріятный голось, который послужилъ бы цѣлительнѣйшимъ бальзамомъ для раны, нанесенной его самолюбію, если бы разсудокъ мулата не былъ помраченъ чадомъ безнадежной любви.

Лицо Финеты, говорившей эти слова, выражало нѣжное состраданіе. Она взяла руку Сень-Жоржа, и увлекла его подъ густую тѣнь виноградника.

— Прогнать меня на коюшню!.... прогнать на коюшню! повторялъ между-тѣмъ Сень-Жоржъ. А я любилъ, обожалъ ее!.... Ахъ, Финета!....

Мулатка нѣсколько секундъ не могла опомниться отъ изумленія.

— Какъ? сказала она: такъ ты любишь маркизу?... А я-то что?

— Ты?... О! обвиняй меня, Финета! Мулатъ долженъ любить мулатку: я знаю. Но.... я сошелъ с ума. И судьба отомстила: люблю безъ надежды, люблю не такъ, какъ эти бѣлые....

— Несчастный! прошептала Финета. Да знаешь ли ты, что маркиза не полюбитъ ни кого въ свѣтъ? Если бы ты былъ принцъ, или богачъ, если бы у тебя былъ...

много золота, брилліантовъ.... но и то не любовь, нтъ!

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы.

— Бѣдненькій! повторила она, ласкаясь къ Сенъ-Жоржу. Пусть такъ, пускай ты меня не любишь; а я всё-таки буду любить, и ты когда-нибудь скажешь: «Фивета меня любила; я не любилъ её и признался ей въ глаза, а она всё-таки любила!»

Скоро надъ нашимъ героемъ разлилось новое несчастье. Жозефъ Платонъ, за свою долгую и вѣрную службу генераль-контролеру, получилъ отъ него въ подарокъ небольшой участокъ земли, съ правомъ выбора нѣсколько человѣкъ невольниковъ и не заниматься дѣлами по управленію Розою. Можетъ-статься, это было обработано маркизой, чтобы опредѣлить намѣсто Жозефа кого-нибудь изъ своихъ. Не проникая въ справедливость или несправедливость такого предположенія, мы скажемъ только, что при выборѣ невольниковъ на новый хуторъ Платона, она заставила его взять Сенъ-Жоржа съ матерью, и такимъ образомъ несчастный мулатъ долженъ былъ лишиться послѣдней отрады видѣть хотя изрѣдка женщину, которая была постояннымъ предметомъ его неистовыхъ грезъ.

Въ день, назначенный для отъѣзду, караванъ изъ нѣсколькихъ телѣгъ, нагруженныхъ неграми, негрятяками и имуществомъ Жозефа Платона, тронулся изъ Розы часа за два до захожденія солнца. Сенъ-Жоржъ не имѣлъ случая встрѣтить маркизу передъ отъѣздомъ, и грустно, задумчиво сидѣлъ подлѣ матери, которая не смѣла утѣшать его. Жаръ былъ несносный; пыль густымъ облакомъ медленно поднималась изъ-подъ колесъ; телѣги ѣхали тихо; утомленныхъ трудомъ и духотой путешественниковъ стало клонить ко сну, и скоро весь поѣздъ представлялъ странную процессію спящихъ, которая безмолвно двигалась по широкой, открытой равнинѣ, окаймленной вдали каменистыми воз-

вышнностями, къ которымъ спускалось солнце. Сень-Жоржъ взглянулъ на свою спящую мать, взялъ ея руку и поцѣловалъ съ необыкновенною нежностью. Между-тѣмъ караванъ подвигался дальше и дальше. Солнце село; наступила ночь. Дорога свернула къ лѣву и узкою тропой углубилась въ чащу деревьевъ, переплетенныхъ лианою, которая въ нѣкихъ мѣстахъ, пробравшись по длиннымъ сучьямъ поперегъ дороги, висѣла фестонами надъ головами путешественниковъ. Тутъ было еще темнѣе, чѣмъ въ полѣ. Сень-Жоржъ, взглянувъ на мать, соскочилъ съ тележки, проверно отрезавъ поводъ у заводнаго мула, который былъ привязанъ къ задней повозкѣ, сѣлъ и уекаалъ.

Уже на восточной сторонѣ неба показывалась желтая полоса разсвѣту, когда мулъ Сень-Жоржа, весь въ пѣнѣ, остановился шатаясь на ногахъ, и молодой человекъ, принужденный дать ему отдыхъ, спрыгнулъ на землю, мокрую отъ росы. Онъ не зналъ, куда судьба завела его: темнота ночи не позволяла осмотрѣть мѣстоположенія. Но ему все-равно; главное, онъ скрылся изъ каравана, онъ на свободѣ. Съ юношескою довѣренностью къ судьбѣ, Сень-Жоржъ легъ подъ кустарникомъ и скоро заснулъ. На другой день, его разбудили палящія лучи солнца. Онъ оглянулся кругомъ: вездѣ горы, вся поверхность земли вздулась, то отлогими, то крутыми покатолями. Недалеко отъ него мулъ щиплетъ траву, а у головы стоитъ человекъ, вооруженный пистолетами, кинжаломъ и карабиномъ.

— Кто ты таковъ? спросилъ незнакомецъ.

— Ты видишь: мулатъ, отвѣчалъ смѣло Сень-Жоржъ.

— А зачѣмъ ты здѣсь?

— Чтобъ быть свободнымъ.

— Ты бѣглый?

— Пожалуй, хотъ такъ.

— Откуда?

— Изъ Россы, плантаціи генераль-контролера де-Булоня.

— Изъ Россы?.... повторилъ незнакомецъ, отступая назадъ.

— Чему жъ ты удивляешься?

— Такъ.... никогда.... Куда ты думаешьъ знаешь, молодой человекъ?

— Еще и самъ не знаю.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемъ вмѣстѣ : я тебѣ укажу надежное пристанище ; ты будешь сытъ и спокоенъ ; или ты боишься меня?

Сенъ-Жоржъ покраснѣлъ.

— Если боишься, возьми у меня оружіе.

Молодой человекъ не отвѣчалъ ни слова.

— Не бойся, не бойся! я не выдамъ тебя.

Въ голосъ и фюзіонѣи незнакомца, несмотря на его суровый взглядъ и странное вооруженіе, было что-то такое, что очень интересовало Сенъ-Жоржа. Да и самолюбіе не позволяло ему допустить этого человека подумать, будто онъ труситъ. Безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія принять или не принять убѣжище, предложенное незнакомцемъ, онъ поймалъ своего мула, и когда незнакомецъ также вывелъ лошадь, спрятанную въ кустарникъ, они поѣхали вмѣстѣ. Дорогою Сенъ-Жоржъ довольно чистосердечно разсказалъ свои приключенія, не скрывъ и того, какъ онъ любилъ маркизу.

— А я.... я поманижу ее! перебилъ незнакомецъ, ударивъ себя въ грудь.

Читатели, конечно, давно ужъ узнали въ немъ Тіо-Блаза. Душевныя страданія и суровый образъ жизни много измѣнили наружность Испанца ; но чувства его были все тѣ же, и, можно оказать, онъ жилъ только для ея. При разсказѣ Сенъ-Жоржа о мадамъ де-Лашансѣ, ему страхъ хотѣлось сойтись ближе съ этимъ молодымъ человекомъ, во-первыхъ, чтобы извѣстъ

слухай разговаривать о своей бывшей любви и тѣмъ питать ненависть, которая заняла у него мѣсто любви; и во-вторыхъ, онъ думалъ сдѣлать доброе дѣло, обнаруживъ исподоволь передъ Сень-Жоржемъ настоящій характеръ маркизы и переливъ въ него свои чувства. Они ѣхали dalje и dalje. Тіо-Блазъ подѣлился съ мулатомъ сигарами и съестнымъ припасомъ. Въ одномъ мѣстѣ имъ надо было спускаться по вртуому наклону. Испанецъ погналъ своего коня и махнулъ Сень-Жоржу, чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ. Мулъ нашего героя, получивъ сильный толчокъ, бросился со всѣхъ ногъ между кустами и острыми камнями, которые торчали изъ хрящеватаго грунта.

— Bravo! bravo! кричалъ Тіо-Блазъ : ты не боишься такой дороги!

Они заскакали въ глубокой оврагъ, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Тіо-Блазъ выстрѣлилъ. На этотъ сигналъ появилось изъ ущелій нѣсколько Испанцевъ и негровъ.

— Вотъ новый товарищъ! сказалъ Тіо-Блазъ, слезая съ лошади.

Онъ бросилъ поводъ въ руки одному негру и съѣлъ на камень. Всѣ оказывали ему почтеніе, какъ начальнику. Онъ велѣлъ подавать обѣдъ. На обожженной землѣ раскинули тонкую циновку, принесли сухарей, холоднаго мяса и рому. Сень-Жоржъ не отказался участвовать въ этомъ дикомъ пиршествѣ. Послѣ обѣда Тіо-Блазъ объявилъ, чтобы всѣ готовились ѣхать въ главный притонъ шайки, находящійся въ одномъ изъ ущелій долины Ойя, которое у окрестныхъ жителей слыветъ подъ именемъ «Чортовой Могилы», и Сень-Жоржъ вмѣстѣ съ прочими отправился въ путь. Ему немудрено было догадаться, съ какими людьми онъ сошелся : это были контрабандисты, бѣглые и разбойники, составлявшіе довольно сильную шайку подъ начальствомъ Тіо-Блаза. Неукротимый Испанецъ, при-

нужденный скрываться отъ правосудія и обманутый своею любовницею, съ отчаянія едвѣлся атаманомъ разбойниковъ. Бродячая жизнь, горы, пустыня и кровавыя сцены грабежа были какъ-то утѣшительны суровой душою его, гармонируя съ ея дикими страстями и съ чувствомъ мести, которое одно поддѣрживало существованіе Тіо-Блаза. Сенъ-Жоржъ, волей или неволей, остался между этими людьми, и раздѣлялъ ихъ опасости.

Въ одинъ день, когда вся шайка была отправлена на работу и Тіо-Блазъ, только самъ-другъ съ Сенъ-Жоржемъ, лежалъ въ пещерѣ, сторожъ, поставленный на возвышенности, приближалъ съ извѣстіемъ, что команда солдатъ подходитъ къ ихъ берлогу. Сопротивляться было нельзя; одно средство къ спасенію — бѣгство. Тіо-Блазъ вскочилъ и кинулся въ уголъ пещеры, отвалилъ большой камень, запустилъ руку въ углубленіе, и вынулъ оттуда бумажникъ, обмотанный тесемкой и запечатанный тремя печатями. Послѣ этого они благополучно выбрались изъ пещеры черезъ отверстіе, бывшее съ другой стороны, и сѣвъ на лошадей, скакали сквозь лѣсъ извѣстными только имъ дорожками. Сенъ-Жоржу очень хотѣлось знать, что спрятано въ бумажникъ, который увязанъ такъ крѣпко; но онъ боялся спросить о томъ. Проскакавъ довольно далеко, они остановились, чтобы дать отдыхъ своимъ лошадямъ. Время клонилось къ вечеру. Тіо-Блазъ хотѣлъ поспѣшить на ночь въ другой притонъ, который былъ у него около Сенъ-Марка, и потому, лишь-только солнце начало садиться, они опять вскочили на лошадей и въехали далѣе. На переѣздъ черезъ дорогу въ Сенъ-Маркъ, имъ встрѣтился берлинъ, въ которомъ были дамы, мужчины и мальчикъ. Сенъ-Жоржъ тотчасъ узналъ экинажъ мадамъ де-Ланжѣ и сказалъ о томъ Тіо-Блазу.

— Каролина!.... сынъ ея!.... вскричалъ Испанецъ,

но въ ту же секунду одумался, и, скрывшись въ лѣсу, далъ берлину проѣхать. Онъ неспталъ что-то разбойнику, который ѣхалъ съ нимъ. Сень-Жоржъ не обратилъ на это вниманія. Когда берлинь былъ уже довольно далеко, они выбрались опять на дорогу и, по приказанію Тіо-Блаза, пустились въ Сень-Марку. Солнце село; окрестности начали быстро покрываться мракомъ; берлинь чуть виднѣлся вдали, на возвышенной дорогѣ. Вдругъ Тіо-Блазъ и разбойникъ, какъ двѣ стрѣлы, полетѣли впередъ; разбойникъ бросился съ кинжаломъ на кучера, Тіо-Блазъ къ берлину.

— А, маркиза! закричалъ онъ: наконецъ вы попались! Теперь этотъ ребенокъ не уйдетъ отъ меня.

И въ бѣшенствѣ онъ схватилъ уже несчастнаго Маркса, какъ вдругъ ударъ сади опрокинулъ его наземь. Это былъ Сень-Жоржъ, который подошелъ очень кстати, чтобъ спасти своего бывшего товарища. Между-тѣмъ вблизи, на поворотѣ дороги, показались нѣкіе-то путешественники. Увидѣвъ ихъ, разбойникъ, борющийся съ кучеромъ, побѣжалъ въ лѣсъ; Тіо-Блазъ также вскочилъ на лошадей и помчался прочь отъ берлина; Сень-Жоржъ хотѣлъ показаться маркизу, но, уступивъ чувству оскорбленной гордости, или изъ опасенія быть задержаннымъ, кинулся въ противоположную сторону отъ Тіо-Блаза и спрятался въ кустахъ. Все это произошло скорѣе, нежели мы рассказали; мадамъ де-Ланжѣ не успѣла еще хорошенько понять въ чемъ дѣло, какъ уже опасность прошла, дорога была свободна, и шодъ-хавнпѣ путешественники совершенно усвоили маркизу, присоединившись къ берлину. Сень-Жоржъ видѣлъ все изъ своей засады, и когда берлинь тронулся, онъ, не зная что дѣлать, последовалъ за нимъ. Скоро экипажъ въѣхалъ въ городъ и прямо къ театру. Сень-Жоржъ оставовился. Куда ему направитъ путь? что предпринять? Вдругъ въ его горячемъ воображеніи раздается мысль идти тоже въ театръ, чтобъ посмо-

травя на женщину, которую онъ любилъ такъ страстно и которой такъ давно уже не имѣлъ случая видѣть. Но какимъ образомъ явиться въ театрѣ въ странномъ платьѣ, съ иголосетами за поясомъ? Сенъ-Жоржъ не долго думалъ: въ карманѣ его были средства переимѣнить парадъ и черезъ полчаса онъ вошелъ въ театральную залу, одѣтый какъ слѣдуетъ. Блескъ огня и многолюдное собраніе поразили его при первомъ шагѣ. Но то ли еще, то ли онъ почувствовалъ, когда, поведя глазами по ложкамъ, увидѣлъ въ одной изъ нихъ мадамъ де-Ланжѣ, окруженную цвѣтомъ сенъ-маркскаго общества? Прекрасная маркиза разсѣянно слушала, что болтали ей обожатели; бѣлая рука ея лежала на тенюшѣ бархатъ, которыми была обита ложа. О, какъ затрепетало сердце влюбленнаго юности! Замядѣвшись на свой кумиръ, онъ позабылъ и театръ, и пѣсу, и все, что его окружало. Въ это время къ нему подходитъ какой-то господинъ и говоритъ, что Сенъ-Жоржъ, какъ мулатъ, не имѣетъ права быть въ партеръ, а долженъ итти въ галерею, устроенную надъ ложами. Сопротивляться было нельзя; но Сенъ-Жоржъ на этотъ разъ огорчился не то, что его гонять изъ общества бѣлыхъ, а то, что нѣкто, которое указалъ ему незнакомый господинъ, находилось съ той же стороны, гдѣ сидѣла маркиза, и слѣдственно онъ не будетъ видѣть ея. Какъ бы то ни было, несчастный повиновался требованію. Ему удалось сѣсть на передней лавкѣ. Мадамъ де-Ланжѣ, занятая болѣе зрителями, чѣмъ спектаклемъ, наклонилась немножко на барріеръ, чтобы лучше видѣть всю залу, и въ этомъ положеніи открыла Сенъ-Жоржу одно шлечо, на которое онъ и смотрѣлъ во время всего представленія, не заботясь о томъ, что дѣлается на сценѣ. По окончаніи спектакля, онъ скорѣй кинулся впередъ, чтобы увидѣть ее при разъѣздѣ. Мадамъ де-Ланжѣ вышла въ сопровожденіи нѣсколькихъ разряженныхъ кавалеровъ, между которыми бы-

ли губернаторъ и господинъ де-Ваннъ. Замышлялись въ толпу, Сень-Жоржъ глядѣлъ на нее пламенными глазами. Ему казалось, что она никогда не была такъ хороша; онъ забылъ свою оскорбленную гордость; онъ чувствовалъ только любовь; онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ ея, обвинить себя въ чемъ она хочетъ, только вымолить у нея одну милость, — позволеніе жить ему на плантаціи, видѣть себя хоть изрѣдка, на минуту, издали.... Въ это время мадамъ де-Ланжѣ уронила вѣеръ. Не помня себя, Сень-Жоржъ кинулся впередъ, оттолкнулъ де-Ванна, который наклонился за вѣеромъ, поднялъ его и подалъ маркизѣ; когда она принимала отъ него вѣеръ, онъ поцѣловалъ ея руку. Гордая креолка пристально взглянула на мулата; лицо ея облилось заревомъ, глаза засверкали; она выдернула изъ-за кушака свою шегольскую, оправленную слоновою костью, плетку, и ударила Сень-Жоржа по лицу.

Произошло смятеніе; зрители столпились; поднялся шумъ. Можетъ-быть хотѣли задержать Сень-Жоржа, но онъ скрылся....

На разсвѣтъ слѣдующаго дня, бригъ Юрикъ, назначенный въ Бордо, принялъ пассажира мулата. Онъ сказалъ, что его зовутъ «Сень-Жоржъ», заплатилъ за проѣздъ испанскими деньгами, и когда снимались съ якоря, матросы замѣтили, что онъ стоялъ на козляняхъ лицомъ къ Санъ-Доминго, и шепталъ имя Ноэми.

Въ то же время поднимался огромный столбъ дыму надъ плантаціей Роза. Пожаръ начался съ спальни мадамъ де-Ланжѣ. Человѣкъ, съ смуглымъ лицомъ, одѣтый очень странно, выбѣжалъ изъ горѣвшаго зданія и кричалъ: *Muerte!*

Когда потушили пламя, нашли въ маркизинной комнатѣ обгорѣвшій трупъ Финеты. Маркиза была въ эту ночь на балу у губернатора.

II.

ПАРИЖЪ.

Великолепная спальня. Стѣны драпированы шелковою матеріей. Большія зеркала тянутся съ полу до потолка. На раззолоченныхъ рамахъ и подъ карнизами на стѣнахъ рѣзные и живописные купидоны держатъ цвѣточныя гирлянды; пастушки стоятъ, приподнявъ полы широкихъ юбокъ, какъ-будто ждутъ только музыки, чтобы начать танцы. На потолкѣ Венера и Амуръ, окруженные играми, смѣхами и цвѣтами; въ углахъ и по каймѣ, разныя аллегорическія изображенія, прострѣленные и пылающія сердца, луки, колчаны, стрѣлы. Подумаете, что эта комната убрана какимъ-нибудь откупщикомъ для прихотливой танцовщицы; но всмотритесь хорошенько, и вы замѣтите чудную смѣсь, господствующую между собранными здѣсь вещами. Обезьяны нарисованы рядомъ съ купидонами; игры и смѣхи перемѣшаны съ галками; прелестное дитя Венеры щеголяетъ въ усахъ и въ ботфортахъ. Видно тотчасъ, что хозяинъ этого великольнаго и страннаго чертога не женщина; напротивъ, во всемъ пробивается мужской вкусъ, и притомъ еще вкусъ чловѣка, который не стѣсняетъ себя ни чѣмъ, чтобы жить по своему, какъ ему нравится, не отказывая своимъ фантазіямъ и привычкамъ. На одномъ простѣнкѣ, украшенномъ фигурами богинь въ родѣ Вандоо, виситъ пара длинныхъ рапиръ; здѣсь скрипка, завернутая въ зеленую саржу; тамъ фехтовальная тросточка; далѣе охотничій рогъ, а еще далѣе, у кровати съ шелковымъ занавѣсомъ, богатая плетъ съ рукояткой, осыпанной драгоценными камнями. И все это въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, все перемѣшано, перепутано: женскій башмакъ валяется подлѣ пистоле-

та; изъ-подъ тетради нотъ выглядываетъ шелкушка; на опрокинутомъ мраморномъ бюстѣ Вольтера стоитъ фарфоровый бюстикъ актера Жанно.

Зато туалетъ представляетъ признаки удивительной заботливости хозяина. Большое овальное зеркало въ серебряной рамѣ, вставляемое между двумя тонкими столбиками, такъ что его можно наклонять впередъ и опрокидывать назадъ, возвышается на широкомъ столѣ съ глубокою выемкой съ передней стороны. Цѣлостность, роскошь, изысканность этого туалета превесодятъ всякое описаніе; самая отчаянная кокетка наша бы на земѣ все, что ей нужно: эмальевыя коробочки съ притуфраньями, въ футлярахъ, оклѣенныхъ бархатомъ небеснаго цвѣту; помаду въ маленькихъ фарфоровыхъ вазахъ, съ живописью и позолотою; духи въ хрустальныхъ флаконахъ; разные порошки, щетки, ножницы, гребеночки, словомъ, все, все.

Возлѣ этого драгоценнаго туалета, на софѣ, лежатъ кафтанъ изъ пунцоваго бархату съ блестящими страсцовыми нуговицами и кружевными манжетами; да же жабо изъ англійскаго батисту, шнага, которую можно принять скорѣй за игрушку, чѣмъ за оружіе, и наконецъ бѣлый атласный камзолъ съ разноцвѣтными шелковыми вышивками по карманамъ, бархатное нижнее платье перловаго цвѣту, шелковые чулки съ золотыми стрѣлками и башмаки съ красными каблуками. На каминѣ набросано множество женскихъ записочекъ, а на маленькомъ столикѣ розоваго дерева, у кровати, столько потретовъ, осыпанныхъ брилліантами и безъ брилліантовъ, что иной любезникъ того времени могъ бы ими увѣшать себя съ головы до ногъ.

Кто жъ хозяинъ этого жилища! Вы думаете, какой-нибудь знатный баринъ, потомокъ богатой, древней фамиліи? Ошибаетесь: это Сень-Жоржъ, тотъ самый Сень-Жоржъ, котораго вы знали невольникомъ на островѣ Санъ-Доминго. Но времена переменились: те-

пора онъ кавалеръ и первый вѣлокита въ цѣломъ Парижѣ, боецъ, острякъ, музыкантъ, идолъ всѣхъ шажницъ, наперсникъ герцога де-Шартръ и любовникъ тайной супруги отца его, мадамъ де-Монтсенъ.

Жанно раскинувшись на диванъ, въ зеленомъ шелковомъ нудромантѣ, онъ перебиралъ своею черной рукой, унизанною бриллиантовыми перстнями, записочки, которыя были присланы къ нему на-канунъ, когда въ комнату вошелъ пожилой мужчина, одѣтый такъ, что его нарядъ показывалъ въ одно время и бѣдность, и претензію на шегольство.

А! мосье де-Ваннъ!

Мосье де-Ваннъ рассылался въ любезностяхъ.

— По чести, говорилъ онъ, стараюсь быть какъ-можно развязнѣе : по чести, шевалье, будоаръ мамзель Дервѣ ничего не значитъ въ сравненіи съ вашими комнатами. Какая роскошь! какой тонкій вкусъ! Вы, право, счастливейшій смертный въ мірѣ : вы аккомпанируете маркизамъ, ставите въ туникъ остряка Лакло, деретесь на шпагахъ съ мадамовець д'Эонъ. Я не знаю, чего еще вамъ можно бы пожелать ; у васъ нѣтъ ни въ чемъ недостатку.

Сенъ-Жоржъ, не обращая вниманія на болтовню хстеда, продолжалъ разбирать записки.

— Кой чортъ! вскричалъ онъ, увидѣвъ одну изъ нихъ, которая до тѣхъ поръ скрывалась подъ серебрянымъ подносомъ съ чашкою шоколаду : это что за пирогъ ? Оберточная бумага, все скопчено, перемачкано! Вотъ любовная записка совершенно въ новомъ родѣ!... Вы мой секретарь, де-Ваннъ; возьмите, посмотрите, что это такое, или, пожалуй, бросьте въ каминъ. Мнѣ некогда : Жасминъ говоритъ, что пора одѣваться, а бѣдный Брюно уже съ часъ ждетъ своей головы.

— Дрестранное посланіе! сказалъ де-Ваннъ, повертывая въ рукахъ записку : запечатано хлѣбнымъ якишомъ!

— Право?... Жасминъ! какъ ты смѣлъ принять такую дерзость?...

— Прислана по городской почтѣ, сударь, отвѣчалъ камердинеръ.

А мнѣ что за надобность? Какой глупый отвѣтъ!... Однако жь разобрали ли вы что-нибудь, де-Ваннъ?

— Нѣтъ еще. Ввроятно, какая-нибудь бѣдная, невинность проситъ вашего покровительства.

— И запечатала хлѣбными мякишемъ!... Это нестерпимо!

— Ха, ха, ха! да здѣсь въ самомъ дѣлѣ формальная просьба, настоящее просительное письмо, по всемъ правиламъ. Это прелесть! Какой-то разорившійся бѣднякъ умоляетъ васъ взять его къ себѣ въ управители, или въ слуги, или въ дворецкіе : ему все равно. Онъ пишетъ, будто-бы знаетъ васъ ребенкомъ на Санъ-Доминго.

— Можетъ быть. Я креолъ съ этого острова.

Сень-Жоржъ очень заботился о томъ, чтобы все считали его не за мулата, а за креола.

— Но что я изъ него сдѣлаю? продолжалъ онъ. Развѣ гайдука, котораго у меня нѣтъ и который мнѣ очень нуженъ.

Да, это нынче въ модѣ. Моя тетка, графиня Годрекуръ, наняла себѣ гайдука, котораго она не уступитъ ми за какія сокровища. Но вѣдь у васъ ужъ есть негрятянка.

Сень-Жоржъ, казалось, пришелъ въ замѣшательство.

— Я се видѣлъ, продолжалъ де-Ваннъ беззаботно: она встрѣтилась со мной передъ вашей комнатою; но тамъ такъ темно : я не успѣлъ разглядѣть, хороша ли она. Впрочемъ, вы извѣстны какъ человѣкъ со вкусомъ; у васъ ужъ конечно красавица. Покажите. Я страхъ люблю негрятенокъ.

При этихъ словахъ, смущеніе Сень-Жоржа возро-

сло до высочайшей степени. Къ счастью вошедшій слуга доложилъ, что маркиза де-Монтсонъ и графиня де-Бю подѣхали ко крыльцу и ждутъ его къ себѣ въ карету. Это положило конецъ неприятному разговору.

— Извините, де-Ваннъ, сказалъ Сенъ-Жоржъ: я въ распоряженіи дамъ.

Онъ вынулъ съ камина кошелекъ, рассыпалъ половиною червонцевъ на полъ, и пока Жасминъ съ де-Ванномъ подбирали ихъ, каждый откладывая нѣсколько въ свой карманъ, Сенъ-Жоржъ начался на мягкихъ подушкахъ герцогской кареты, отправляясь въ то блестящее общество, гдѣ его прозвали «Чернымъ домъ Хуаномъ», и гдѣ сама смиренница мадамъ де-Жанли, любуясь на его зубы, говорила, что это двѣ жемчужныя нитки на черномъ бархатѣ.

Но оставимъ его на нѣсколько времени и взглянемъ въ одинъ старинный домъ, на Анжуйской Набережной.

Молодой человекъ приятной наружности вышелъ изъ коляски передъ угрюмымъ фасадомъ этого дому и спросилъ у старика, который встрѣтилъ его, встала ли Агата?

— Какъ не встать, сударь! Вы знаете, что она у насъ ранняя птичка. Цѣлую ночь я видѣлъ у нея свѣтъ въ окнѣ, а теперь, извольте посмотреть, вонъ она сама поливаетъ свои цвѣты.

Говоря такимъ образомъ, старикъ ввелъ молодого человека на дворъ и указалъ ему на балконъ въ верхнемъ этажѣ. Дворъ этотъ занималъ небольшое пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими старыми стѣнами, которыя во многихъ мѣстахъ истрескались и поросли зеленью. Съ одной стороны, вверху, былъ виднѣнъ балконъ; на балконѣ стояла дѣвушка, между цвѣтущихъ ирисовъ и рододендроновъ.

Молодой человекъ, не теряя времени на разсмотрѣніе этой прелестной картины, побѣжалъ по широкой

дѣстницъ, рѣшетка которой была украшена солнцами и лирами, во вкусъ времени Людовика XIV. Черезъ нѣсколько секундъ онъ былъ уже на самомъ верху, подкрался на цыпочкахъ къ двери и вдругъ явился передъ Агатой, которая очень смутилась, потому что не ожидала этого посѣщенія, или потому что ее застали въ укрепной, тайной бесѣдѣ съ своими дѣвками.

— Ахъ! это вам?... ужъ и воротились!

— Да, мнѣ стало скучно въ деревнѣ, отвѣчала молодой человекъ, съ румянцемъ на щекахъ, цѣлуя руки дѣвушки.

— Скучно? Я очень рада. А то право я думала, что только мнѣ одной скучно.

— Глѣзѣ говорить, что онъ видѣлъ ночью свѣтъ въ вашемъ окнѣ. Вѣрно, вы читали?

— Что же мнѣ больше дѣлать? Я въ тюрьмѣ.

— Вы можете выйти изъ нея, когда вамъ вздумается.

— Перестаньте, Морисъ. Вѣдь мы ужъ условились: я буду принадлежать вамъ, но тогда только, когда мнѣ захочется сказать: «Морисъ, я люблю васъ».

— А это.... началъ было Морисъ.

— А это время еще не пришло, перебила дѣвушка, положивъ руку на сердце: я здѣсь ничего не чувствую.

Морисъ печально вздохнулъ. Нѣсколько минутъ они оба молчали. Молодой человекъ изподлѣбья смотрѣлъ на дѣвушку. Агата въ осьмнадцать лѣтъ была прекрасна, какъ ангелъ. Станъ ея, плечи, грудь, руки могли считаться за образецъ женскихъ формъ; подъ ея бѣлою, прозрачною кожею рисовались голубыя жилки, по которымъ бѣжала горячая кровь; уста были миниатюрное подобіе Амурова лука, и когда она усмѣхалась, два ряда перловыхъ, мелкихъ зубовъ выглядывали оттуда; какъ двѣ нитки ровнаго, отборнаго жемчугу. Короче, это была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ.

того времени, стоить богатые: красавицами; и: голубка-
 ст; подъ-высокой манудрежной принеской; съ которой:
 падали: на плеча длинные локонны, могла соперничать,
 съ прекраснѣйшими женскими фигурами въ карминахъ,
 Мильера.

«Вы на меня сердитесь, Морисъ? сказала она. Что
 дѣлать? я не виновата. У меня въ головѣ все одна:
 мысль: мнѣ скучно, хочется вѣсть: изъ этой темницы,
 хочется видѣть свѣтъ, балы, театр; общество... Кузи-
 на Монтеонъ выпрасала меня изъ Сенъ-Мало послѣ
 смерти маменьки; но зачѣмъ они меня держатъ въ не-
 волю? зачѣмъ я заперта?... Не знаю!

Бѣдная въ-самомъ-дѣлѣ не знала причины своего
 затворничества, причины впрочемъ очень простой:
 мадамъ де-Монтеонъ боялась, что Агата поправител
 ся мужу.

Происхожденіе госпожи де-Монтеонъ было незначи-
 тельное; она родилась въ Сенъ-Мало, отъ одного тор-
 говца неграми, по прованію Бери де-ла-Эй. Красота
 доставила ей имя маркизы и впоследствии возвелъ ея
 выше. По кончинѣ Агатиной матери, она, какъ бли-
 жайшая родственница молоденькой сироты, принужде-
 на была взять Агату подъ свое покровительство; но
 второй супругъ ея, увидѣвъ порхреть дѣвушки, ска-
 залъ: «Э-э, маркиза! у васъ въ Сенъ-Мало есть прелак-
 омы кусочки!» и съ этой минуты судьба Агаты была
 рѣшена: ее привезли въ Парижъ, заперли подъ над-
 зоромъ стараго управителя; мадамъ де-Монтеонъ навѣ-
 щала ее очень рѣдно и великій разъ совѣтовала по-
 стрѣться.

Между-тѣмъ Агата не чувствовала ни малѣйшаго
 призванія къ монастырской жизни. Одаренная пыл-
 кини воображеніемъ и любящая сердцемъ, она съ ма-
 лолѣтства мечтала о житейскихъ радостяхъ. Въ пер-
 вые дни пребыванія въ Парижѣ, ей было жаль своего
 Сенъ-Мало, гавани съ добрыми морями, зеленыхъ

садовъ и полей, пріятельницъ и дѣтскихъ воспоминаній; но скоро воображенію ея представились удовольствія столичной жизни, и бѣдная дѣвушка отдалась непреодолимому желанію скорѣй насладиться ими, полагая, что какія-нибудь обстоятельства только временно мешаютъ госпожѣ де-Монтсонъ ввести ее въ общество, но что какъ-скоро это препятствіе устранится, она тотчасъ вкуситъ всѣ парижскія наслажденія и забавы большаго свѣта. Судите же теперь объ отчаяніи Агаты, когда въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мадамъ де-Монтсонъ, при рѣдкихъ своихъ посѣщеніяхъ, никогда не заводила рѣчи о представленіи ея въ свѣтъ, стараясь прерывать всякіе разговоры объ этомъ, и безпрестанно превозносила монастырскую жизнь, совѣтуя своей молодой кузинѣ вступить въ кармелитскій орденъ. Агата, не угадывая настоящихъ мыслей мадамъ де-Монтсонъ, думала, что вѣрно она ей не понравилась. Между-тѣмъ всѣ сравненія, которыя она дѣлала между собой и маркизой, были рѣшительно въ пользу Агаты. Бѣдняжка предалась горести. Скука заставила ее читать книги, бывшія въ библіотекѣ дома, гдѣ ее содержали; но эти книги еще пуще распалили молодое воображеніе: между ними не было ни одной, которая не внушала бы ей желанія подвязать себѣ крылья и улетѣть. Грезы сочинителей волшебныхъ сказокъ навели ее на новую мысль, что прежде всего ей надобно полюбить существо, которое было бы сильнѣе ея. Вопреки многимъ женщинамъ, она желала въ любовникѣ найти властелина, потому-что этотъ любовникъ представлялся ей не иначе, какъ подъ видомъ освободителя. Прекрасная плѣнница ждала его каждую минуту; ей казалось, что она слышитъ голосъ его въ шумѣ рѣки, текущей подъ окнами, отличаетъ шаги его въ послѣднемъ гулѣ городской жизни, засыпающей вечеромъ. Подобно цвѣтку, растущему въ глуши, она избѣгла всѣхъ опасностей, которымъ подвергается кра-

сета, но зато и не узнала никакихъ удовольствій : музыка, цвѣты, книги и посвященія Мориса де-Ланжэ были ея единственными развлеченіями.

Знакомство съ Морисомъ началось довольно странно. Надо сказать, что Глезэ, надзиратель Агаты, служилъ некогда у господина де-Булоня и зналъ Мориса очень хорошо. Однажды Морисъ ѣдетъ по улицѣ и вдругъ видитъ стараго слугу на балконѣ, рядомъ съ прелестьнейшею молодой дѣвушкой. Красота Агаты поразила его. Онъ сталъ часто проѣзжать мимо ея окошекъ, и всякій разъ больше плѣнялся. Наконецъ ему удалось побѣдить упорство Глезэ : старикъ согласился доставить Агатѣ записку. Дѣвушка была тронута : безприторныя слова Мориса, исполненныя чувства, произвели самое выгодное впечатлѣніе на ея сердце ; ей показалось, — и она не ошиблась въ этомъ, — что человекъ, который выражается такимъ образомъ, будетъ дерзокъ лишь тогда только, когда ему скажутъ, что его любить, а какъ она еще никого не любила и думала, что во всякомъ случаѣ отъ нея зависитъ быть или не быть откровенною съ своимъ будущимъ возлюбленнымъ, то Морисъ и получилъ дозволеніе явиться и сталъ посѣщать ее.

Въ это время маркизу де-Ланжэ было уже двадцать три года. Нельзя не сказать, что онъ очень хорошъ; но въ красотѣ его есть что-то женское. Будучи слабъ отъ природы, онъ еще больше испорченъ воспитаніемъ матери и привычкою къ утонченной роскоши. Мосье де-Булонь завѣщалъ ему весь свои богатства. Имѣя въ виду это огромное состояніе и нося одно изъ благороднѣйшихъ именъ въ цѣлой Франціи, Морисъ де-Ланжэ сдѣлался гордымъ, не любилъ общества прощелцовъ, удалялся отъ свѣта и проводилъ время большею частію въ деревнѣ, гдѣ ему было какъ-то привольнѣе. Тамъ онъ могъ вполне развивать свою маркизскую гордость и свое креольское властолюбіе ; могъ

— способно превратить святини, развратить и дитя. свою
 : жалость въ ипринимъ занятій. У него не было
 : недостатку въ талантахъ, но онъ не доверялъ имъ:
 : онъ не полагался на свои силы. Математико противъ
 : виноломный довозу прыку стому. Жертвоу маркату,
 : который пужался на влад. омердя голову, лишь бы да-
 : : двать шуму и заславить доворилъ о себѣ, маркату
 : : быть остороженъ и не любилъ обращать на себя вни-
 : : манья топы. Онъ держилъ бы только вниманіемъ той
 : : женщины, которую заберегъ его сердце, и действитель-
 : : но вниманіемъ Агаты, потому что сердце его сражено
 : : полюбило эту дьвушку.

— Мадамъ де-Монтсонъ наняла дамъ учителей, ска-
 : : зать Морисъ, когда Агата жаловалась на двоюродную
 : : сестру.

Да, наняла. Но это какіе-то выходцы съ того свѣ-
 : : ту; они нигдѣ не бывали и ничего не выдывали; я не
 : : могу добиться отъ нихъ ошвету, о чемъ ни спрошу.
 : : Только одинъ мосьё Абель, танцовальный учитель, ино-
 : : гда развлекаетъ меня. Онъ вездѣ былъ, все видѣлъ....
 : : счастливецъ!

— Ахъ, Агата! вы жалуетесь на этотъ образъ жизни,
 : : а я... признаться ли вамъ? я благодарю судьбу, что
 : : она такъ устроила.

— Какъ? я вамъ не жалка?

— Но почему же я долженъ объ васъ жалеть? пото-
 : : му, что вы не бывасте въ Палё-Роаяль? Ахъ, Агата!
 : : если бъ вы знали, какія опасности тамъ ожидаютъ
 : : васъ.... Вы такъ молоды, такъ прекрасны.... О, нѣтъ,
 : : нѣтъ!

— Однако жъ, Морисъ, сидѣть въ заперти на Анжуй-
 : : ской Набережной, смотреть только на Сону, все на одну
 : : Сону.... Развѣ меня затѣмъ привезли въ Парижъ, что-
 : : бы я не видала его? Когда я была ребенкомъ, сестра
 : : Монтсонъ обращалась со мной очень ласково и называ-
 : : ла меня своей Агатой, а теперь.... карета ея остано-

дится на углу, она подойдетъ пѣшкомъ къ дому, поговорить съ Глезо, и уйдеть; если жь вздумаетъ вернуться и ко мнѣ, то вѣчно одна и та же пѣсня, чтобы я шла въ монастырь. Боже мой! да развѣ я не въ монастырь — въ этомъ домѣ?

— Правда, Агата, вы справедливо жалуетесь на мадамъ де-Монтсонъ; но.... почему вамъ такъ хочется къ ней?

— Потому, во-первыхъ, что у ней, говорятъ, бываютъ прекрасные спектакли.

— Мнѣ! не знаю, хороши ли ея спектакли, но то правда, что она сама актриса превосходная, сказала съ неудовольствіемъ Морись. Признаюсь, Агата, я не понимаю въ васъ этой страсти къ свѣтскимъ забавамъ.

— Не понимаете! Послушайте же, Морись : следовательно, вы не въ состояннн понять очарованія отъ грома прекрасной музыки, упоенія отъ запаху розы, удовольствія, которое чувствуетъ молодая дѣвушка, когда говорятъ, что она хороша! следовательно, вы не можете понять, что такое балъ.... ахъ, балъ! Я никогда не видала бала, я знаю это только изъ книгъ; вы, да мосьё Абель, да Глезо, вотъ всѣ, кого я здѣсь вижу. Но вы, Морись, вы счастливы : вы бываете въ свѣтъ.

— Не вездѣ, Агата. Есть свѣтскія общества, которыя я стыжусь посѣщать, и, извините, въ томъ числѣ общество вашей сестры. Меня нѣсколько разъ хотѣли приютить подъ ея покровительство, но я поклялся тѣни моего отца не быть обязаннымъ ничѣмъ этой женщиѣ. Я ненавижу интриги, какъ вы ненавидите уединеніе.

— Такъ и есть! вѣчно ваши креольскія мысли. Вы думаете, что свѣтъ долженъ ползать у вашихъ ногъ; вамъ все жаль своихъ санъ-домингскихъ негровъ. Знаете ли, Морись? это очень не хорошо; иногда на васъ находить какая-то страшная хандра; вы сердитесь, проклиаете свѣтъ, удаляетесь отъ него, а я, на-

противъ; только имъ и брежу, только и желаю увидѣть вашъ свѣтъ, тѣмъ больше что вы мнѣ ничего не рассказываете.

— Что мнѣ рассказывать, Агата? Развѣ то, что его ядовитое дыханіе отравитъ васъ. Послушайте: я молодъ; у меня есть друзья; если бы я захотѣлъ, то могъ бы имѣть множество удовольствій. Но какія удовольствія могутъ быть для меня пріятны? Вы!... вы!... безъ васъ я не знаю никакой радости! Это уединенное жилище, которое вамъ кажется такъ скучнымъ, для меня имѣетъ прелесть неизъяснимую: оно хранитъ васъ отъ опасностей свѣта, защищаетъ ваше спокойствіе. Намедни я уѣхалъ въ деревню такъ поспѣшно, знаете ли, отчего? Оттого, что я боролся съ сердцемъ, боялся, что оно одолѣетъ меня. Вы, можетъ-статься, забыли этотъ вечеръ.... блаженный вечеръ! Мы вмѣстѣ разбирали одну арію Чимарозы; вы были прелестны какъ лилія; ваше пѣніе приводило меня въ восторгъ; Глезѣ зажегъ всѣ свѣчи въ гостиной, и это составило что-то въ родъ праздника, который мы съ вами дали другъ другу. Меня не развлекало ни что: ни ревность ни шумъ безумной толпы, которая надѣдаетъ въ свѣтскихъ сборищахъ; наше собраніе состояло только изъ насъ двоихъ; вы каждую минуту были передо мною; я не видѣлъ никого кромѣ васъ, и ничья рука кромѣ моею не касалась вашихъ перчатокъ, ничье дыханіе кромѣ моего не колебало вашихъ локоновъ; двое, только двое.... О, Агата! какое счастье!... Когда вы сидѣли на этомъ стулѣ, небрежно прислонясь къ его спинкѣ, и пальцы ваши еще лежали на клавишахъ, я готовъ былъ нарушить клятву, которую вы съ меня взяли; голова моя горѣла, я былъ безъ ума! Только присутствіе Глезѣ заставило меня образумиться; я увидѣлъ, что надобно поставить препятствіе между нами, и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ деревню. Но... Агата! уединеніе не вылечило меня отъ любви, и

вы, конечно, отгадываете, зачѣмъ я воротился такъ скоро?

— Затѣмъ, чтобы доставить мнѣ случай протвердить менюэтъ, который я могу забыть во время болѣзни моего бѣднаго мосѣ Абеля.

Морисъ посмотрѣлъ на нее печально и не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, полноте же, Морисъ! перестаньте хмуриться, развеселитесь! Вы видите, что не по-пустому бросили свою деревню. Возьмите скрипку и играйте: мосѣ Абель очень хвалитъ эту новую музыку. Я буду танцовать. Глезó за кавалера.

И рѣзвая Агата кликнула старика, поставила его въ позицію, принудила маркиза играть, а сама начала повторять передъ нимъ граціозныя движенія, которымъ выучилъ ее, не танцмейстеръ, но сама природа. Морисъ, при всей своей хандрѣ, пришелъ въ восторгъ, глядя на прелестную дѣвушку. Ея стройный станъ казался ему еще стройнѣе, когда она дѣлала разные повороты, требуемые танцемъ; ея пышныя плечи сіяли плѣнительною бѣлизной, руки, опущенныя къ широкой юбкѣ, обрисовали прекрасную линію, маленькая ножка то пряталась, то выглядывала изъ-подъ густыхъ и длинныхъ оборокъ.

Когда танецъ кончился, Агата съ комической важностью присѣла передъ мѣшковатымъ Глезó и поблагодарила Мориса.

- Нравится ли вамъ, какъ я танцую?
- Ахъ, Агата!...
- А музыка? что вы объ ней скажете?
- Хороша.
- Это сочиненіе одного мулата.
- Мулата? повторилъ Морисъ, презрительно бросивъ ноты.
- Ну, такъ что жъ? Мосѣ Абель говоритъ, что онъ

предлюбезный молодой человекъ. Его зовутъ кавалеръ де-Сень-Жоржъ.

— Кавалеръ! мулатъ и кавалеръ! ха, ха, ха! Это что новое. У насъ въ колоніяхъ нѣтъ такихъ кавалеровъ!.... Какъ вы его назвали?

— Сень-Жоржъ.

— Мнѣ что-то знакомо это имя. Сень-Жоржъ?... Помнится, когда я былъ ребенкомъ.... да, въ Санъ-Доминго....

Въ эту минуту Морнеу доложили, что пріѣхалъ его экипажъ, и какъ онъ зналъ, что генераль-контролеръ ждетъ его, то, хотя и съ сожалѣніемъ, долженъ былъ разстаться съ Агатой.

— До завтра, сказалъ онъ, вздохнувъ и цѣловая ея руку.

Агата, проводивъ его глазами, подняла брошенные ноты, положила ихъ на мѣсто, съѣла къ окну и задумалась.

Между-тѣмъ Сень-Жоржъ, котораго мы оставили въ каретѣ мадамъ де-Монтсонъ, кружился и кружилъ всѣмъ головой въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ. Ему тридцать лѣтъ; онъ прекрасно сложенъ и ловокъ; нога его считается образцомъ стройности, руки красивы и сильны, черты лица чрезвычайно привлекательны, и только по цвѣту кожи можно угадать его происхождение, а черные курчавые волосы скрылись подъ пудрой.

Въ фехтовальномъ искусствѣ и стрѣльбѣ, которыми въ тотъ вѣкъ были въ большой чести, Сень-Жоржъ не имѣетъ ни одного соперника; онъ же и первый фадокъ и прекрасно танцуетъ, и превосходно играетъ на скрипкѣ, хорошо поетъ, сочиняетъ музыку; наконецъ онъ пишетъ стихи, онъ обладаетъ блестящимъ свѣтскимъ умомъ, остроуміемъ, даромъ слова. Никто лучше его не рассказываетъ анекдотовъ: въ его рассказѣхъ есть всегда жизнь, его анекдоты всегда занимательны; онъ умѣетъ смѣшить и заставить молчать

-кровитъ живую доброту въ вѣнкахъ: женщины; его слушаютъ съ удовольствіемъ и жюкетки и смиренныя, и въ лабазокъ ко всему, онъ умѣетъ придать себѣ достоинство рѣкости: замѣтивъ, что всеобщее вниманіе обращаетъ ему: уцѣхъ на какомъ-нибудь балѣ, онъ вдругъ срывается подъ предлогомъ вальсовыхъ дѣлъ, оставляя всѣхъ между сожалѣніемъ, что онъ уѣхалъ, и желаніемъ поскорѣе опять съ нимъ увидѣться.

Мудрено ли, что при такихъ качествахъ, онъ успѣлъ въ кругу людей, которые цѣнили ихъ выше всего, или лучше сказать, кромѣ ихъ, ничего не цѣнили? Мадамъ де-Монтсонъ объявила себя его первою покровительницей. Она была не дурна и честолюбива, желала быть предметомъ лстивыхъ похвалъ, и удаля, отъ себя женщинъ, окружалась болѣе мужчинами, художниками, музыкантами, поэтми, остряками. Между ними попалъ въ ея общество и Сенъ-Жоржъ. Вниманіе мадамъ де-Монтсонъ остановилось на немъ по тому болѣе, что онъ казался ей всегда новымъ и умѣлъ занимать ее. Онъ никогда не являлся два дня сряду въ одномъ и томъ же платьѣ, съ тѣмъ же бантомъ на жабо, съ тою же табакеркой; притомъ онъ имѣлъ множество приключеній и мастерски ихъ описывалъ; онъ сочинялъ менюэты, танцовалъ и забывалъ ихъ. Все это чрезвычайно интересовало мадамъ де-Монтсонъ, и она приняла его въ свой домашній кружокъ, сдѣлала своимъ кавалеромъ, потомъ любовникомъ, а онъ между-тѣмъ успѣлъ обратить на себя благосклонное вниманіе ея мужа и пріобрѣсти дружбу сына его, герцога де-Шартръ.

Но скоро то, что у мадамъ де-Монтсонъ было сначала пустою прихотью, превратилось съ помощію ревности въ настоящую страсть. Она стала бояться соперничества другихъ женщинъ, и привязалась къ Сенъ-Жоржу глубокимъ, раздражительнымъ чувствомъ.

— Послушайте, Сенъ-Жоржъ, говорила она ему въ

тотъ день, въ который похитила его изъ общества господина де-Ванна : вы можетъ-быть станете смѣяться надъ моимъ страхомъ , но я не хочу скрывать его отъ васъ . Скажите , что вы дѣлаете , когда мы не видимъ ? Я знаю ; вы не любите важныхъ занятій . Чѣмъ же вы занимаетесь ?... О ! дай Богъ , чтобы это было не волокитство . Знаете ли , Сень-Жоржъ , мнѣ кажется , что я только тогда и счастлива , когда вы со мной . Не сердитесь за это : что же мнѣ дѣлать ? Я равнодушно смотрю на козни враговъ моихъ , но не перенесу , если вы мнѣ измените . Взгляните вокругъ себя , не нужно ли вамъ чего-нибудь ? Кажется , вы уже все имѣете ; но если еще недовольны , если , на примѣръ , хотите стать наравнѣ со всѣми этими людьми , которые вамъ завидуютъ и боятся васъ.... я волшебница , я вамъ покровительствую . Говорите !

Но Сень-Жоржъ не сказалъ ничего ; онъ довольствовался тѣмъ , что устремилъ на нее взглядъ , въ которомъ пылало чувство возвышенной гордости , и страстная женщина забылась подъ могуществомъ этого взгляду . Голоса въ другой комнатѣ прервали мечты ея . Она едва успѣла , вставая со стула , поднести свое обнаженное плечо къ губамъ Сень-Жоржа , какъ вошли новые гости . Сень-Жоржъ отошелъ къ окну и , смотря на гуляющихъ по саду , задумался о своей странной судьбѣ : дѣтство , безумная любовь къ госпожѣ де-Ланжѣ , последнее оскорбленіе , которое онъ получилъ отъ нея , бѣгство во Францію , вступленіе въ военную службу , первые успѣхи , быстрое возвышеніе , все это , словно пыльная хартия , развернулось въ его памяти , и попеременно то слезы выступали на черныхъ глазахъ его , то улыбка самодовольствія и честолюбія шевелила его губами . Вдругъ онъ замѣтилъ вдали что-то знакомое .

— На что вы такъ пристально смотрите ? спросила у него графиня де-Бло .

Но Сень-Жоржъ не могъ выговорить ни слова : толь-

ко судорожное движение мускуловъ на лицѣ его показывало, что онъ находится подъ вліяніемъ какого-то сильнаго и тяжелаго чувства.

«Такъ!... точно такъ!» шепталъ онъ, не сводя глазъ съ таинственнаго предмета.

Въ этотъ день Сенъ-Жоржъ раньше обыкновеннаго воротился домой. Камердинеръ доложилъ, что его ждетъ старикъ, отъ котораго онъ сегодня получилъ пріятельное письмо и который говоритъ, что ему непременно нужно видѣться съ мосьё Сенъ-Жоржемъ. Кавалеръ былъ не расположенъ принимать кого бы то ни было, но чтобъ скорѣй отдѣлаться отъ докучливаго пріятеля, велѣлъ впустить его.

— Боже мой!... Неужели?...

Старикъ поклонился такъ, что чуть не уткнулся головою въ землю.

— Я не вѣрю своимъ глазамъ.

Старикъ продолжалъ отвѣшивать поклонъ за поклономъ.

— Возможно ли?...

Старикъ все кланялся.

— Мосьё Платонъ! вы ли это?

Старикъ еще разъ поклонился, и съ улыбкою отвѣчалъ:

— Да, это я, мой другъ.... то есть, почтеннѣйшій кавалеръ; я самъ, почтеннѣйшій кавалеръ; я, Жозефъ Платонъ, бывшій управитель плантаціи Розы, потомъ хозяинъ небольшого собственнаго имѣнья и наконецъ.... несчастный смертный. Мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ пріятный сюрпризъ: оттого я и не подписался въ запискѣ. Какъ вы выросли!

— Бѣдный мосьё Платонъ! а вы.... кажется, скоро будете ходить голый, какъ негръ.

— Что дѣлать, мой любезный.... почтенный восмигальникъ! Несчастія, почтеннѣйшій кавалеръ!

— Я какъ теперь помню тотъ вечеръ, въ который мы

съ вами разстались! Игнорировать вас не могу, когда вы скакаете, и вернусь это вам в долгу, потому что промахъ.

— Я не убийца: вотъ вам, что могу вамъ сказать на этотъ счетъ, почтеннѣйшій капитанъ. Вы знаете, я былъ всегда добръ, заботился объ улучшеніи образованія, или, какъ говорятъ моск. Русо, ухаживалъ за молодыми деревцами, которыхъ ветки....

— Тутъ достойный Жозефъ Платонъ увязъ въ одной кудрявой фразѣ изъ «Эмиля», и былъ очень доволенъ, что Сень-Жоржъ выручилъ его вопросомъ о случившихся съ нимъ несчастіяхъ.

— Что про нихъ толковать, отвѣчалъ Платонъ: я разорился — вотъ и все тутъ! Моск. Прентажъ, который говаривалъ, что мы съ нимъ дружны, какъ ножикъ съ вилкой, умеръ. После его смерти я остался, что называется, сирота-сиротой, побродилъ по нашему острову, и рѣшился съ горя ѣхать во Францію. Мадамъ де-Ланжѣ, вы, вѣрно, знаете, давно улетѣла.

— Да, я слышалъ, что ея нѣтъ въ Сентъ-Доминго, но не зналъ, что она давно уѣхала.

— Давнымъ-давно! Она отправилась въ Англію, съ герцогомъ Роаномъ. Вишь, ей стало скучно на нашей плантаціи, захотѣлось посмотреть на пьяницъ и кулачныхъ бойцовъ. Господи Боже мой! что за прихоти бываютъ у этихъ женщинъ! и можно ли было соскучиться на плантаціи, въ этомъ земномъ раю! Впрочемъ надо сказать, со времени насильственной смерти моего попугая, я сталъ чувствовать къ маркизѣ непреодолимое отвращеніе. Она вела себя самымъ постыднымъ образомъ.

— Что жъ она сдѣлала?

— О, и говорить страшно! Волосы дыбомъ становились. Во-первыхъ, она велѣла вырубить пальмовую аллею; во-вторыхъ, позвала однажды моск. Прентажа и говорить: Послуш....

— А много ли у нея было любовниковъ, мосьё Платонъ ?

— Про любовниковъ нечего и спрашивать. Одинъ изъ дверей, другой въ двери. Знатнымъ барынямъ на этотъ счетъ хорошо : у нихъ много выходовъ, — гости не столкнутся. Но мы, Сенъ-Жоржъ.... почтеннѣйшій кавалеръ, успѣемъ въ другое время покалякать обо всѣхъ ея шалостяхъ, а теперь займемтесь важнѣйшимъ. Я прѣхалъ въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ опредѣлиться въ службу.

— Кто далъ вамъ мой адресъ ?

— Кто?... Вотъ прекрасно ! Цѣлый Парижъ. Васъ здѣсь всѣ знаютъ и всѣ говорятъ только про васъ. Вчера зашелъ я въ кофейню. Одинъ рассказываетъ, какъ вы при немъ попали пулею въ луйдоръ, брошенный кверху ; другой, какъ вы плавали совсѣмъ одѣтые; третій кричитъ : « Я съ нимъ дрался на рапирахъ ! » Но никто не похвасталъ, чтобы тронулъ васъ хоть разъ концомъ своей шпаги. — Фу, ты пропасть, подумалъ я, и говорю : « Послушайте, господа ! я нѣсколько разъ трогалъ Сенъ-Жоржа разными манерами. » Всѣ вытаращили на меня глаза, а я вонъ изъ кофейной, и сталъ рассуждать такимъ образомъ : « Пойду къ нему. Онъ меня приметъ. Я соглашусь охотно ему служить, лишь бы по воскресеньямъ мнѣ было позволено отлучаться изъ дому чтобы навѣщать своихъ старинныхъ знакомыхъ, которые, можетъ-статься, знаютъ что-нибудь про мацель Розету....

И бѣдный Платонъ расчувствовался, и вынулъ изъ кармана платокъ, старый какъ пробитое знамя. Слезы текли по его лицу, колѣни дрожали и подгибались. Сенъ-Жоржъ не могъ противиться состраданію.

— Бѣдный, бѣдный Платонъ ! вскричалъ онъ, обнимая старика: съ этого дня мы съ тобой не разстанемся; ты будешь моимъ слугою и другомъ....

— Ахъ, почтеннѣйшій кавалеръ !

— Я сейчас прикажу выдать тебѣ платье. Прочь эти лохмотья.

— Благородный кавалеръ!

— Но ты будешь ходить не въ ливреѣ, нѣтъ! ты будешь одѣтъ какъ прилично моему другу.

— Любезный Сень-Жоржъ! мой милый воспитанникъ!

Успокоившись послѣ этой сцены, Платонъ вышелъ въ переднюю, и какъ тамъ не было никого, то хотѣлъ отворить стеклянную дверь, которая вела отсюда въ другія комнаты. Сень-Жоржъ подкрался къ нему на цыпочкахъ и схватилъ его руку.

— Не ходи; она теперь спитъ, шепнулъ онъ Платону и, указавъ ему дорогу въ кухню, съ такою же осторожностью воротился въ свою комнату.

На другой день была назначена охота у герцога де-Шартръ. Залы его кишѣли лицами, нарядами, разговорами, когда Сень-Жоржъ вошелъ, одѣтый въ прелестное охотничье платье. Прибытіе его, какъ обыкновенно, произвело впечатлѣніе: мужчины дружески протягивали руки, женщины закрывались вѣерами и перешептывались. Между ними была одна, которая казалась исключительнымъ предметомъ пощеченій господина де-Ванна; опираясь на его руку, она разсматривала въ лорнетъ цвѣты, растущіе подъ окошками, и потомъ, не съѣла, а такъ-сказать погрузилась въ мягкія кресла подлѣ графини де-Бло. Граціозная талія небрежно склонилась на боковую подушку, голова была гордо приподнята, глаза невнимательно, или даже презрительно, бродили по лицамъ. Увидѣвъ Сень-Жоржа, она спросила у стоявшаго за нею де-Ванна: — Чей это негръ?

— Тсъ! отвѣчалъ де-Ваннъ: это кавалеръ де-Сень-Жоржъ, любовникъ маркизы.

Дама покатила со смѣху. Сень-Жоржъ оглянулся и поблѣднѣлъ: ему показалось, что передъ нимъ вно-

запно возникло страшное привидѣніе : такъ поразила его встрѣча съ мадамъ де-Ланжè, хотя онъ уже ожидалъ ее, потому-что еще вчера узналъ маркизу, глядя въ окошко.

Осмынадцать лѣтъ прошло со времени побѣгу Сенъ-Жоржа изъ Санъ-Доминго. Въ эти осмынадцать лѣтъ, рана, нанесенная его сердцу, давно залечилась, но та рана, которая была нанесена его честолюбію, его человѣческому достоинству, точила свѣжую кровь; и блестящее положеніе, въ какомъ онъ теперь находился, еще болѣе растравляло ее. Онъ чувствовалъ въ себѣ ненависть, бышенство и палящую жажду мести. Передъ нимъ опять воскресло все прошедшее. «Да! это она, точно она, думалъ онъ. Это та женщина, которую я такъ страстно любилъ!» И сердце его трепетало, налившись кровью; казалось, что оно хочетъ вырваться.

Но что же маркиза?... Ни малѣйшаго признаку, чтобъ она узнала Сенъ-Жоржа! Она хохотала, и хохотала такимъ сардоническимъ, наглымъ хохотомъ, какими могутъ хохотать только женщины и который самъ по себѣ уже унижительная обида мужчинъ. И сверхъ всего этого, — о, неслыханная снисходительность времени! — маркиза, въ сорокъ три года, почти такъ же прекрасна, какъ была въ двадцать пять : талія ея не испортилась, лицо не поблѣднѣло, въ глазахъ тотъ же огонь, и плеча, съ которыхъ спустилась розовая мантия, поражаютъ прежнею бархатной бѣлизной, а грудь полна и дышитъ тою же нѣгой.

Мадамъ де-Монтсонъ, подойдя къ ней со всеми знаками искренней дружбы, благодарила за то, что она не отказалась участвовать въ загородномъ праздникѣ, хотя не болѣе трехъ дней, какъ пріѣхала изъ Англій.

— Извините, *ma bonne amie*, прибавила она : что я не отвѣчала ни на одно изъ вашихъ писемъ. Право, некогда ; вотъ вамъ самъ герцогъ свидѣтель.

— Что правда, то правда, подтвердилъ толстый су-

ругъ маркизы де-Монтсонъ, запуская свои красные пальцы въ табакерку сосѣда : мы здѣсь страхъ заняты.

— А сынъ вашъ съ вами, та *bonne amie*?

— Нѣтъ, та *bonne amie*, но я его ожидаю. Онъ далъ мнѣ слово непременно пріѣхать къ завтраку.

— Я цѣлый вѣкъ его не видала. Что съ нимъ дѣлается? влюбленъ, или не доволенъ нами?

— Не знаю, та *bonne amie*, онъ что-то задумчивъ, какъ будто чѣмъ озабоченъ. Однимъ словомъ, онъ меня очень беспокоитъ, и я хочу васъ просить за него. Мнѣ кажется, служба, занятія, должность, могли бы его развлечь. Я надѣюсь, та *bonne amie*, что вы....

— О! разумѣется. Я поговорю съ герцогомъ. Будьте покойны.

— Въ такомъ случаѣ, та *bonne amie*, вы меня вдвое одолжите, если поговорите сегодня же. Послѣ смерти москѣ де-Сенъ-Дидье открылась вакансія егермейстера; я слышала, будто на нее хотятъ опредѣлить Перинья.

— Нѣтъ, это неправда. Я не люблю Перинья.

— Такъ если бы моему сыну....

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Онъ маркизъ, изъ хорошей фамиліи....

— Конечно....

— Я привезла и бумагу.

— Хорошо. Положите ее подъ эту вазу. Но на насъ начинаютъ обращать вниманіе.

И мадамъ де-Монтсонъ перешла къ другой изъ своихъ *bonnes amies*.

Нѣсколько минутъ спустя, сѣли за столъ. Въ это время дверь отворилась, и вошелъ Морисъ. Пробормотавъ какое-то извиненіе на ухо хозяйкѣ дому, онъ сѣлъ между матерью и господиномъ де-Ванномъ. Генералъ-контролеръ пріѣтствовалъ его нѣжною улыбкой съ другаго конца стола, гдѣ онъ сидѣлъ между

двумя богачами. Морисъ отвѣчалъ на нее почитательно, но довольно холодно. Въ его душѣ еще не изгладилась непріятное впечатлѣніе отъ-разговору, который былъ у нихъ въ это утро. Зная цѣль, съ какою уговариваютъ его ѣхать на охоту, онъ, послѣ долгаго спору съ генераль-контролеромъ о суетности мірскихъ почестей, рѣшился наконецъ на послѣднюю крайность: вризался ему въ любви къ Агатѣ; но гордый старикъ де-Булонь, хотя зналъ близкое родство этой дѣвушки съ маркизою де-Монтсонъ, возсталъ противу брака потомка благородной фамиліи де-Ланжѣ съ дочерью какого-то мелкаго морскаго офицера, провинціалкою, безъ приданого и безъ всякаго значенія. Но его мнѣнію, любовь эта была просто глупость, ребячество, и онъ такъ настоятельно просилъ Мориса ѣхать къ герцогу, что тотъ наконецъ согласился и даже обѣщалъ не противиться ходатайству, которое готовили въ его пользу мать и господинъ де-Булонь. Мысли его приняли новое направленіе, когда онъ увидѣлъ себя въ кругу блестящихъ собесѣдниковъ: сравнивая себя съ нѣкоторыми изъ нихъ, онъ не могъ не сознаться внутренно, что они далеко его обогнали. Въ самомъ дѣлѣ, природа дала ему все, что нужно для полнаго успѣху въ свѣтѣ; но эти качества таплились въ глубинѣ души, только для него самого, не для другихъ. Онъ не слѣдалъ ничего такого, чѣмъ бы могъ обратить на себя вниманіе и понравиться женщинамъ. При всей своей любви къ Агатѣ, онъ не обнаружилъ передъ ней ничего, кромѣ этой несчастной страсти, которую она принимаетъ такъ холодно. Напротивъ, здѣсь, въ блестящемъ кругу, онъ только и слышитъ любовный шепотъ на ухо женщинъ, которымъ не достаетъ однихъ мнѣологическихъ атрибутовъ, чтобы казаться богинями; здѣсь господствуютъ умъ, остроуміе и любезность; здѣсь пустословіе возведено на степень искусства, которое живетъ своимъ трудомъ и своею изящностью.

Женщины слушают лживую лесть, любуются, не только на ловкость и тонкость оборотовъ, но даже на самую наружность того, кто говоритъ съ ними; нѣкоторыя изъ нихъ улыбаются; ихъ улыбка поощряетъ слова, скрывающія отраву.

Морисъ мысленно ввелъ въ этотъ опасный кругъ непорочный образъ Агаты, и спросилъ самого себя, что было бы съ ней посреди лукавыхъ развратниковъ, у которыхъ каждое слово вооружено сътью, для уловленія невинности?

Вдругъ его взглядъ упалъ на Сенъ-Жоржа, и черная фигура мулата привела его въ странное замѣшательство. Ему показалось, что глаза всѣхъ собесѣдниковъ смотрятъ на этого человѣка, что женщины, говоря съ нимъ, краснѣютъ и теряютъ голосъ. Недалеко отъ Мориса два молодые франта разговаривали вполголоса о неслыханномъ счастьи Сенъ-Жоржа въ любовныхъ дѣлахъ; другіе превозносили его ловкость, таланты, умъ. Оглушенный этими похвалами, Морисъ скоро почувствовалъ, что кровь какъ-будто начинаетъ застывать въ его жилахъ; ему показалось, что торжество мулата оскорбляетъ его, осмѣиваетъ его любовь къ Агатъ, налагаетъ на нее печать ничтожества и безсилія. Онъ вспомнилъ, какъ Агата, еще вчера, хвалила музыку этого чернаго: она помнитъ его имя; можетъ-быть видала его; можетъ-быть любить.... Отъ этой послѣдней мысли вся кровь Мориса бросилась къ головѣ. Первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ мучительный ядъ ревности, и, Боже мой! эта ревность была въ немъ возбуждена человѣкомъ, котораго онъ стыдился назвать соперникомъ! Наканунъ онъ спрашивалъ у матери, не знаетъ ли она, что за человѣкъ этотъ мулатъ, знаменитый кавалеръ де-Сенъ-Жоржъ? и маркиза отвѣчала: «Это нашъ бѣглый невольникъ.» Возможно ли признать соперника въ бѣглому рабу? Сердце креола не вспомнило, что этотъ рабъ былъ его

другомъ. « Неужели, думалъ онъ, замѣчая вниманіе женщины къ Сенъ-Жоржу : неужели Агата предпочтетъ его мнѣ ? Въ моихъ жилахъ течетъ кровь благородная ; а онъ.... что онъ такое ?.... Фигляръ здѣшняго балагана !

Напротивъ-того Сенъ-Жоржъ, какъ-скоро увидѣлъ Мориса, совсѣмъ забылъ обиды, полученныя отъ его матери ; въ немъ осталось одно воспоминаніе счастливыхъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ съ слабымъ ребенкомъ, котораго онъ любилъ какъ младшаго брата. — Вѣрно, ему мѣшаетъ только длинная цѣпь гостей, которые сидятъ между нами, думалъ онъ, глядя на молодого маркиза : вѣрно, только приличіе заставляетъ сердце его молчать. Но какъ-скоро завтракъ кончится, я брошусь къ нему на шею и скажу : « Это я, Морисъ ! я, твой Сенъ-Жоржъ ! Я не горжусь своимъ счастіемъ, какъ ты тоже не гордишься своимъ званіемъ. Узнаешь ли ты меня ? Это я ! » И въ памяти Сенъ-Жоржа возстали тысячи милыхъ призраковъ, которые колыхались и привѣтливо улыбались ему въ туманъ отдаленности : онъ увидѣлъ плантацію, ея пальмы, свои прогулки и занятія съ Морисомъ ; словомъ, все, что должно было оставить на сердцѣ молодого маркиза такой же глубокой слѣдъ, какой остался на его сердцѣ. Сенъ-Жоржъ вспомнилъ, какъ они получали одни и тѣ же уроки отъ однихъ и тѣхъ же наставниковъ ; какъ они вмѣстѣ сживали подъ тѣнью кокоса, на которомъ пѣлъ разноцвѣтный бенгали ; какъ онъ ухаживалъ за Морисомъ и берегъ его ; какъ онъ его спасъ отъ неизбежной смерти въ рукахъ Тіо-Блаза. Онъ говорилъ про себя : « Можетъ-быть, Морисъ забылъ черты моего чернаго лица ; но онъ не могъ забыть моего голоса. О ! онъ узнаетъ меня. » И лишь-только звуки роговъ подали вѣсть о началѣ охоты, лишь-только всѣ охотники встали изъ-за стола и вышли къ своимъ лошадямъ, Сенъ-Жоржъ подбѣжалъ къ маркизу, который

задумчиво стоялъ передъ водопадомъ и глядѣлъ на нѣгу шуршащихъ волнъ.

— Я Сентъ-Жоржъ. Узнали ли вы меня, Морисъ?

Но Морисъ не подалъ ему руки; онъ смирилъ мулата холоднымъ взглядомъ, взялъ свое ружье, свистнулъ собакамъ, и сталъ давать какое-то приказаніе поварю.

Сентъ-Жоржъ въ бѣшенствѣ отнялъ руку, которая была протянута къ Морису, и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ его уже видѣли смачущимъ возлѣ герцога де-Шартръ, и всѣ дивились ловкости и прѣтности, съ какою онъ управлялъ лошадыю.

Между-тѣмъ Морисъ, въ чаду оскорбленной гордости, предался всему пылу охоты. Онъ далеко обогналъ другихъ молодыхъ людей, и, кажется, находилъ отраду въ быстрой, продолжительной скажкѣ, которая освѣжала его горящую голову. Рѣвность кипѣла въ груди самолюбиваго маркиза; онъ хотѣлъ показать всѣмъ этимъ господамъ, что когда вздумаетъ, можетъ быть столько же смѣлъ и столько же ловокъ.

Танимъ образомъ охота продолжалась съ постоянно возрастающимъ жаромъ всѣхъ, кто принималъ въ ней участіе. Скоро звуки роговъ началъ уже отдаваться изъ густоты лѣсу, лежащаго въ цѣлой милѣ отъ замку. Въ это время двѣ человѣческія фигуры, мужчина и женщина, шелькали между кустами розъ, которыми была обсажена затѣйливая бесѣдка, называемая лабиринтомъ. Лучи заходящаго солнца, падая на цвѣтныя стекла, вставленныя въ кровлю ея, озаряли фантастическимъ свѣтомъ внутренность, состоящую изъ множества перепутанныхъ коридоровъ и закоулковъ. Уединясь въ одномъ маленькомъ кабинетѣ, нара, о которой мы говоримъ, вовсе не думала объ охотѣ, гудѣвшей въ большомъ отдаленіи.

— Какъ здѣсь хорошо! говорила дама, отбрасывая свою мантилью.

— Боже мой! гдѣ вы взяли такія плечи? Винито са-

михъ себя, если я не могу удержаться, чтобъ не разцѣловать ихъ. Кто будетъ въ состояннн смотрѣть хладнокровно ?

— Не правда ли, что эти чудесныя зеркала могли бы отражать что-нибудь получше вялыхъ прелестей маркизы де-Монтсонъ ? Ммъ ! какъ вы скажете ?

— Они достойны отражать васъ.

— Я ужасно смѣялась, глядя, какъ она скромничала за завтракомъ. А ея мулатъ ? каковъ ? ха, ха, ха !

— Вы меня удивили : мнѣ не приходило въ голову, чтобъ это былъ тотъ черный мальчишка, которому я давалъ щелчки въ Санъ-Доминго. Онъ называетъ себя креоломъ.

— Ха-ха-ха ! И это любовникъ гордой Монтсонъ !.... Впрочемъ мадамъ де-Монтсонъ, бывшая мадмоазель Берд де-ла-Эй, дочь купца, который промышлялъ неграми. Чтô мудренаго, если она чувствуетъ особенное влеченiе къ черному цвѣту ! Слѣдствiе старой привычки.

— Тсъ ! кажется, кто-то есть въ коридоръ подлѣ насъ.

Они замолчали.

— Нѣтъ, это вамъ послышалось.

— Можетъ-быть.

— Пора идти.

— Погодите. Одну минуту ! Дайте мнѣ еще разъ поцѣловать эту лебединую шейку....

По окончаннн охоты, когда всѣ гости сидѣли за пышнымъ обѣдомъ, герцогъ де-Шартръ провозгласилъ гостъ за здоровье охотниковъ, и прибавилъ, что онъ назначилъ одного изъ нихъ своимъ егермейстеромъ. Сердце маркизы де-Ланжѣ сильно затрепетало при этихъ словахъ ; Морисъ тоже почувствовалъ что-то такое, чего еще никогда не чувствовалъ. Старикъ де-Булонъ смотрѣлъ на него съ выраженiемъ отеческой нѣжности ; прочiе собесѣдники переглядывались между собой, и каждый думалъ про себя, не ему ли выпала почеть.

Въ залѣ водворилось на нѣсколько секундъ глубокое молчаніе. Герцогъ де-Шартръ велѣлъ налить свой бокалъ, поднялъ его и сказалъ : «За здоровье моего егермейстера, кавалера де-Сень-Жоржа !»

— Я въ отчаяніи, шепнула мадамъ де-Монтсонъ маркизъ де-Ланжѣ : но что дѣлать? это зависѣло отъ самого герцога де-Шартръ, а не отъ моего мужа. У насъ здѣсь настоящій лабиринтъ, ma bonne amie.

Мадамъ де-Ланжѣ чуть не упала въ обморокъ, услышавъ объ лабиринтѣ.

— Мы сами во всемъ виноваты, сказалъ ей де-Ваннгъ : Монтсонъ насъ подслушала.

Воротившись ночью домой, Сень-Жоржъ отослалъ Жозефа Платона, потому-что сцена, къ которой онъ теперь готовился, должна была совершиться втайнѣ отъ цѣлаго міру.

Мулатъ зажегъ свѣчу и тихо отворилъ дверь, въ которую Жозефъ Платонъ хотѣлъ вчера заглянуть. За нею была небольшая комната; негрятенка стояла на колѣняхъ и молилась передъ изображеніемъ Магдалины. Услышавъ шорохъ, она оглянулась : лицо ея изрыто морщинами; сѣдые волосы, перепутанными прядями, висятъ выбившись изъ-подъ пестраго платка, которымъ повязана голова; на глазахъ слезы.

— Наконецъ ! вскричала она, кинувшись къ Сень-Жоржу. Какъ поздно ! Я думала, что никогда тебя не дождусь.

Она, съ неистовствомъ, цѣловала молодаго человека; потомъ начала разстегивать на немъ охотничій поясъ, сдувала пылъ съ его бѣлаго галстука; потомъ бросила руки ему на плеча и устремила на него взглядъ, исполненный нѣжности.

— Какъ ты хорошъ, Сень-Жоржъ !

— Герцогъ де-Шартръ назначилъ меня сегодня своимъ егермейстеромъ.

— Егермейстеромъ?... Это что-нибудь прекрасное!
Сенъ-Жоржъ улыбнулся.

— Богъ дастъ, сказалъ онъ: я пойду еще дальше, и мы съ тобой воротимся на нашъ Санъ-Доминго.

Впалые глаза негрятянки засверкали счастьемъ.

— И тамъ я буду опять называть тебя своимъ сыномъ?
спросила она.

— Добрая Ноэми!

— Скажи лучше, несчастная Ноэми. Тамъ я не была такъ богата, какъ здѣсь; но я носила тебя на рукахъ своихъ, ты ко мнѣ ласкался, ты называлъ меня матерью; чужіе люди не мѣшали намъ любить другъ друга; ты не пряталъ меня.... О! проклять тотъ день, въ который тебѣ пришло въ голову меня бросить!

— А свобода, Ноэми? Развѣ ты ея ни во что не ставишь? Неужели тебѣ жаль того времени, когда ты должна была работать подъ плетью какого-нибудь злаго нарядчика? Но чего жъ ты хочешь? Чего? Говори.

— Ничего, кромѣ твоего счастья, отвѣчала Ноэми, снова обнявъ Сенъ-Жоржа. — И чтобы мы воротились туда, прибавила она потомъ, вполголоса.

— Я даю въ этомъ слово, матушка.

— Матушка!.... ты назвалъ меня матерью!

Ноэми стиснула его въ своихъ изсохшихъ рукахъ и залилась слезами.

— Я велѣлъ поставить нѣсколько горшковъ съ цвѣтами на этомъ окошкѣ, сказалъ Сенъ-Жоржъ. Почему ихъ нѣтъ? Кто идетъ по лѣстницѣ, можетъ заглянуть въ комнату.

— Виновата, я сняла цвѣты. Довольно и этой рѣшетки: меня не увидятъ. Зато я могу видѣть, какъ ты сходишь съ лѣстницы. Всѣ-таки побольше счастья. А у меня его мало!

Бѣдная Нэ ми плакала навзрыдъ, говоря эти слова. Сенъ-Жоржъ былъ растроганъ и молчалъ.

— Надѣюсь, сказалъ онъ наконецъ: что Платонъ за-

ботился о твоёмъ спокойствіи; пока меня не было дома.

— Да, Сень-Жоржъ. Но тебя не было, а я живу тогда только, когда ты со мной, или когда я тебя вижу, хоть въ щелку этой двери. Не бѣйся: Платонъ меня не узналъ. Онъ думаетъ, что я твоя служанка. Да и что жъ? развѣ это не такъ?

Сень-Жоржъ потупилъ глаза.

— Вотъ слишкомъ два года, продолжала Ноэми : какъ я живу вмѣстѣ съ тобою. Я пріѣхала сюда Богъ знаетъ какъ. Мнѣ было нечѣмъ заплатить шкиперу : меня заставляли работать, какъ лошадь. Но я перенесла всё, всё.... чтобъ тебя увидѣть! Ты не хотѣлъ назвать меня матерью : ты боишься быть сыномъ негритянки. Я покорилаь и этому : живу въ тѣсномъ чуланчикѣ и вижу тебя только нѣсколько минутъ въ день ; только нѣсколько минутъ въ день смѣю говорить тебѣ, что ты мой сынъ : все остальное время... я твоя служанка, объдаю съ твоимъ камердинеромъ, смотрю за порядкомъ на кухнѣ, хожу на рынокъ : служанка ! настоящая служанка ! И это тянется больше двухъ лѣтъ ! и я не проговорилаь ни разу, ни разу не дала никому замѣтить, что мы оба изъ Санъ-Доминго и что ты — мой сынъ.... А между-тѣмъ, Сень-Жоржъ ! Богъ знаетъ, можетъ-быть, тебѣ бы и нечего стыдиться, что я твоя мать !.... можетъ-быть, прійдетъ день, когда ты, стоишь передо мной на колѣняхъ, признаешьь, что ты сынъ мой !....

Говоря это, старуха казалась вдохновенною : глаза ея горѣли страннымъ свѣтомъ, въ лицѣ сіяло выраженіе благородной гордости.

— Впрочемъ я не жалуюсь, Сень-Жоржъ, продолжала она : я добровольно всему покорилаь. Богъ награждаетъ меня : Онъ справедливъ.

Ноэми замолчала. Сень-Жоржъ долго сидѣлъ, повѣсивъ голову и также не могъ выговорить ни слова ; наконецъ сказаь :

— Матушка! не я хочу, чтобы наши отношенія были тайной: этого требуютъ свѣтъ. Не вини меня. Я тебя люблю болѣе всего въ мѣрѣ. Неужели ты сомнѣваешься? Я прячу тебя, какъ скупой прячетъ золото. Ради Бога, изъ сожалѣнія ко мнѣ, не настаивай, чтобы я огласилъ тебя своей матерью! Ты будешь оскорблена; а первый, кто осмѣлится оскорбить тебя, будетъ и послѣднимъ: я его убью!

Тутъ Сентъ-Жоржъ вскочилъ, въ бѣшенствѣ сжавъ кулаки и съ пѣною на губахъ. Тронутая Ноэмми нашла въ своемъ материнскомъ сердцѣ слова и ласки, которыя его успокоили. Но настало время разлуки. Сентъ-Жоржъ простился съ матерью, и она долго еще слушала у дверей, пока совершенная тишина, водворившаяся въ комнату Сентъ-Жоржа, не удостовѣрила ея, что онъ заснулъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ охоты, въ позднюю ночь, къ дому совѣтника Гашара подъѣхала карета, изъ которой вынули женщину, одѣтую въ лиловомъ domino. Человѣкъ десять повѣсь, собравшихся въ домъ, бросились на встрѣчу и внесли прѣзжую въ спальню Гашара, гдѣ положили ее на диванъ. Всѣ они были въ маскахъ, но по богатству и изяществу ихъ костюмовъ, легко было догадаться, что это люди знатные. Женщина была въ обморокъ или спала, по-крайней-мѣрѣ не шевелилась. Одинъ изъ замаскированныхъ снялъ съ головы ея капюшонъ и открылъ ей лицо: это была Агата.

— Клянусь честью, я не видывалъ ничего лучше этого личика!

— Чудо!

— Это сама Венера!

— Грація!

— Прелесть! очаровательна!

И въ самомъ дѣлѣ Агата была прекрасна въ томъ положеніи, въ какомъ ее теперь видѣли эти господа.

Диванъ, гдѣ она лежала, имѣлъ форму раковины. Не даромъ одинъ изъ присутствующихъ назвалъ ее Верной.

Но какимъ образомъ дѣвица де-ла-Гей попала въ этотъ вертепъ, наполненный первостатейными развратниками? Очень просто. Ей смертельно хотѣлось посмотреть маскерадъ, о которомъ Глезó имѣлъ неблагоразуміе наговорить ей много любопытнаго. Она пристала къ старику, чтобы онъ проводилъ ее. Старикъ спорилъ, спорилъ, но наконецъ уступилъ и, что всего хуже, выболталъ эту тайну кому-то изъ молодежи, давно ужъ подозрѣвавшей, что кузина маркизы де-Монтсонъ должна быть мила какъ ангелъ, потому-что ея никуда не вывозятъ. Тотчасъ сдѣлано было распоряженіе: Агаты дали въ оржадъ соннаго порошку; онъ подѣйствовалъ; Глезó сталъ въ тупикъ, не зная, что съ нею дѣлать; двое изъ заговорщиковъ, подъ видомъ добрыхъ людей, предложили ему свои услуги, вызвались отнести дѣвушку до кареты; но у подъѣзду старика оттолкнули, Агату посадили въ наемный экипажъ, и вотъ ватага безумцевъ оскорбляетъ ее своими печестивыми взглядами.

— Однако жъ, де-Ваннъ, вы все это устроили, такъ вы и скажите, скоро ли она проснется! спросилъ графъ Лорангè.

— Не знаю; думаю, скоро. Во всякомъ случаѣ мы можемъ съестъ ужинать.

Съели. Прихотливыя блюда возбуждали жажду; шампанское и другія вина лились рѣкой. Всѣ сбросили маски; только одинъ показывалъ знаками, что онъ хочетъ непременно остаться замаскированнымъ.

— Что за дьявольщина! вскричалъ де-Ваннъ: по какому праву онъ останется въ маскѣ, когда мы сняли свои?

Незнакомецъ не произнесъ ни слова.

— Да не Сень-Жоржъ ли это? сказалъ Лорангè.

— Нѣтъ, Сенъ-Жоржъ нынче у Монтсонъ ; она его не отпуститъ.

— Такъ кто же ?

— А вотъ я узнаю, во что бы ни стало.

Де-Ваннъ вышелъ въ другую комнату и воротился съ пистолетами.

— Не угодно ли вамъ ? сказалъ онъ, предлагая замаскированному на выборъ одинъ пистолеть.

Маска взяла оружіе, но показала жестами, что не хочетъ стрѣляться.

— И дѣло ! вскричали нѣкоторые изъ собесѣдниковъ : что за стрѣльба ? Это ужъ наскучило.

— Лучше, просто помѣряйте свои силы, примолвилъ графъ Лорангѣ. Вонъ статуя Юпитера. Палите !

Замаскированный подошелъ и отворилъ окошко. Въ то время только-что начинало свѣтать ; статуя, стоявшая шагахъ въ тридцати, видѣлась очень плохо.

— Въ лѣвый глазъ ! сказалъ де-Ваннъ.

Незнакомецъ спустилъ курокъ, и пуля ударила въ лѣвый глазъ статуи.

Всѣ отшатнулись съ изумленіемъ ; одни боязливо взглянули другъ на друга, нѣкоторые принялись кричать и хлопать въ ладони.

— Ч.... ч.... чортъ возьми ! сказалъ де-Ваннъ. Нѣтъ, покорно благодарю. Теперь я не хочу ни стрѣляться съ вами ни знать кто вы такой.

Между-тѣмъ выстрѣлъ разбудилъ Агату. Она открыла глаза, окинула взглядомъ комнату, и невольно вскрикнула. Молодежь, услышавъ этотъ голосъ, бросилась къ ней.

— Не бойтесь ! мы не сдѣлаемъ вамъ никакого зла, сказалъ Лорангѣ.

Агата робко смотрѣла то на того, то на другаго. Всѣ стояли передъ ней съ разгорѣвшимися отъ вина лицами ; одинъ былъ подъ маской, и она невольно спряталась за него.

— Защитите меня!.... спасите меня!....

Незнакомец взялъ ея руку и сталъ такъ, что загородилъ дѣвушку отъ пьяной толпы. — Это Морисъ, подумала Агата: онъ не снимаетъ маски оттого, что не хочетъ пристыдить меня; но я чувствую, что это онъ. Мнѣ нечего бояться.

Графъ Лорангè, Гапнаръ, Дюрфюръ старались завязать какой-нибудь разговоръ съ Агатой, но не получили ни одного отвѣту.

— Ваше здоровье, красавица! сказалъ де-Ваннъ, выходя впередъ съ бокаломъ въ одной и съ бутылкой въ другой рукѣ. Слышите? я хочу пить за ваше здоровье. Но вы должны показать мнѣ примѣръ.

Онъ, качаясь, подвинулся къ дѣвицѣ де-ла-Гей и хотѣлъ заставить пить, поднося полный бокалъ къ ея губамъ.

— Да ну же, овечка! полно жеманиться!

— Перестаньте, сказала Агата, оттолкнувъ его руку.

Незнакомецъ сердито наступилъ на де-Ванна, дернулъ его за воротъ, и тотъ покатился на полъ.

— Чортъ возьми! это ни на что не похоже! вскричалъ графъ Лорангè. Насъ оскорбляютъ. Милостивый государь! кто бы вы ни были, извольте вынимать свою шпагу, или тотчасъ же скиньте маску и просите у насъ извиненія.

Онъ бросился-было къ незнакомцу, но тотъ остановилъ его. Агата прижималась къ своему покровителю и просила вывести ее изъ этого вертепу. Лорангè въ бѣшенствѣ обнажилъ шпагу; незнакомецъ тоже. Продолжая заслонять собой несчастную дѣвушку, онъ безъ малѣйшаго труда, въ одно мгновеніе, обезоруживъ нѣжнаго Лорангè и, закричавъ: Посторонитесь! вышелъ съ Агатой изъ комнаты. Графъ хотѣлъ бѣжать впередъ; его удержали.

— Морисъ!.... Морисъ!.... говорила Агата, трепещущею рукой опираясь на руку своего проводника: о!

какъ я вамъ благодарна! вы спасли мнѣ болѣе нежели жизнь. Теперь я вижу, Морись, что вы правду мнѣ говорили о свѣтѣ. Вы одни изъ всѣхъ этихъ людей достойны своего имени, Морись де-Ланжѣ!

Но маска молчала; только слегка дрогнула ея рука при послѣднихъ словахъ Агаты. Бѣдная дѣвушка, не получая отвѣту, продолжала говорить:

— Вы на меня сердитесь, Морись.... и справедливо: я виновата, очень виновата; я уговорила Глезó. Это дурно. Но зато какъ же я и раскаяваюсь! какъ я теперь буду вѣрить всему, что вы скажете!

Черезъ двѣ или три минуты они были у дому, въ которомъ жила дѣвица де-ла-Гей. Терзаемая раскаяніемъ и горестью, не будучи въ силахъ переносить, чтобы Морись такъ долго сердился, Агата крѣпко сжала его руку и сказала:

— Морись! я этого не вынесу. Вотъ ужъ мы пришли. Скажите же мнѣ, что вы меня прощаете.

Но маска всё молчала. Они остановились у дверей и позвонили.

— Никогда, никогда не забуду, что вы для меня сдѣлали! сказала Агата, дрожащимъ и особенно нѣжнымъ голосомъ. У меня нѣтъ ничего кромѣ этого кольца, которое подарила мнѣ маменька. Возьмите его. Оно должно быть непременно вашимъ. Теперь я ужъ не запрещаю вамъ говорить о любви. Любите меня, любите меня, потому-что и я.... люблю тебя, Морись!

Несмотря на сопротивленіе маски, она надѣла ей на палецъ свое кольцо, и повторила еще разъ: — Люблю тебя, Морись!

— Я не Морись, сказалъ тогда незнакомецъ, приподнявъ маску.

— Кто же вы? вскричала Агата, отскочивъ къ дверямъ, которыя Глезó отворялъ въ ту минуту.

— Кавалеръ де-Сенъ-Жоржъ.

Агата взглянула на него, поблѣднѣла и убѣжала.

Много мыслей въ головѣ и много чувствъ въ сердцѣ принесъ Сень-Жоржъ въ свое жилище послѣ этого проществія. Онъ думалъ о своемъ положеніи, о роли, которую игралъ у маркизы Монтсонъ, и ему стало стыдно и больно, особенно когда онъ сравнивалъ маркизу съ Агатою, съ этою несчастною, блѣдною, испуганною невинностью, которая, какъ голубка отъ хищныхъ ястребовъ, искала у него защиты отъ свѣтскихъ развратниковъ. Бѣдная дѣвушка! она была на краю гибели. Сень-Жоржъ нашелъ въ своемъ сердцѣ сладкое вознагражденіе за добро, которое онъ ей сдѣлалъ, потому-что.... зачѣмъ ему таиться передъ собою?... сердце его уже полюбило Агату.

Но тутъ взглядъ мулата случайно упалъ на кольцо, которое осталось на его палецъ. Оно было назначено Морису; все, что Агата ни говорила, относилось къ Морису, а не къ нему.

— Неужели она его любовница? спросилъ самъ у себя Сень-Жоржъ.

Но воспоминаніе о послѣднихъ словахъ Агаты тотчасъ опровергнуло это предположеніе.

«Нѣтъ, думалъ онъ: она не любитъ его... Гдѣ скрывался этотъ ребенокъ, когда предметъ его страсти былъ въ такой опасности? Видно, такъ суждено, чтобы я безпрестанно перебывалъ у него дорогоу. Гордый мальчишка! я заплачу тебѣ.... Ты оттолкнулъ мою руку! Хорошо же! посмотри, какъ тебѣ будетъ стыдно, когда узнаешь, что неты, тщедушный маркизь, а я спасъ твою возлюбленную!»

И долго еще Сень-Жоржъ не могъ прогнать мыслей объ Агатѣ; потомъ вспомнилъ о матери, потомъ опять объ Агатѣ, и опять о матери, и эти два образа, въ дружномъ соединеніи, плавали надъ нимъ неотлучно. Сладкая слеза выкатилась изъ глазъ, слеза можетъ-быть первая съ давняго времени. Жизнь мулата проходила въ пустыхъ удовольствіяхъ и въ дег-

кихъ интригахъ; только теперь можетъ-быть наступило начало глубокой страсти, которая должна возбудить въ немъ поэзію и задумчивость.

«Что, если бы мнѣ жениться?» подумалъ онъ, и съ этою мыслью губы его прильнули къ кольцу: въ головѣ все яснѣло; онъ сталъ засыпать.... Но на дворъ было далеко за полдень, и Платонъ, входя въ комнату, доложилъ, что пришелъ фехтовальный учитель, Ла-Боассиеръ, который говоритъ, что ему крайне нужно видѣться съ кавалеромъ де-Сенъ-Жоржемъ.

— Вотъ вамъ два письма, сказалъ Ла-Боассиеръ, старикъ съ добродушной физиогноміей и атлетическими формами тѣла, *le maître en fait d'armes des académies du roi*, то есть, профессоръ боеваго дѣла при королевскихъ училищахъ: таковъ былъ титулъ, данный ему послѣ торжественнаго испытанія съ тремя другими, извѣстнѣйшими въ то время, фехтовальщиками. Я бѣжалъ сюда какъ Актеонъ.... до превращенія, продолжалъ онъ, кидаясь на кресла: но вы знаете, мой великій ученикъ и безцѣнный другъ,

Коль глазу дружбы я внимаю,
Всегу съ Вакомъ забываю!

Господинъ Ла-Боассиеръ, надо замѣтить, немощко пописывалъ стишки, или, какъ тогда говорилось, приносилъ жертвы музамъ.

— Что это за письма? спросилъ Сенъ-Жоржъ.

— А вотъ посмотрите сами. Они запечатаны.

Сенъ-Жоржъ взялъ и прочелъ.

— Ну, что?

— Вѣроятно, слѣдствія вчерашняго маскараду, отвѣчалъ Сенъ-Жоржъ.

— Вызовы? Превосходно! Отъ кого?

— Объ одномъ я не могу вамъ сказать; подъ нимъ подписано «Неизвѣстный».

— Неизвѣстный? Это что-то странно. Нѣтъ ли тутъ какого нечистаго умыслу?

— Пускай ихъ! Я могъ бы конечно не принять подобнаго вызову, но меня интересуесть вотъ этотъ другой, и какъ въ обоихъ назначено одно время и мѣсто, нынѣшній вечеръ, у васъ, такъ я принимаю оба.

— Отъ кого же другой?

— Угадайте.

— Отъ Бонака?... Сень-Брисса?... Донадіе?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! а отъ кавалера.... договаривайте.

— Знаю! отъ кавалера де-Сень....

— Опять нѣтъ! отъ кавалера д'Эонъ.

— Отъ кавалера д'Эонъ! вскричалъ Ла-Боассиеръ, едва усидѣвъ на стулѣ при этомъ имени, принадлежавшемъ лицу, которое прославилось въ цѣлой Европѣ. являясь въ разныхъ земляхъ, то въ видѣ молодаго человека, то въ видѣ дѣвушки. Отъ кавалера д'Эонъ!.... Да, я вчера читалъ въ газетахъ, что онъ воротился изъ Англии. Но длячего бы ему не драться публично?

— Вѣроятно, длятого что у женщинъ есть всегда свои капризы, мой другъ.

— Мнѣ! Однако жъ я предувѣдомлю кой-кого изъ своихъ друзей. Вы знаете, у меня есть средство видѣть....

— Да, я знаю, что у васъ есть секретное окошечко въ залу. Но послушайте, мосье де-Ла-Боассиеръ: смотрите въ него только сами, а не приглашайте другихъ. Не то, мадамозель д'Эонъ такъ развѣжится, что намъ отъ нея покою не будетъ.

Фехтовальщій учитель ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ахъ, если бы я могъ объявить объ этомъ черезъ аффишки и назначить цѣну за входъ?... Горы, горы золота.... Боже мой! кавалеръ д'Эонъ въ моей залѣ!.... д'Эонша.... д'Эонша будетъ драться у меня съ Сень-Жоржемъ!....

При этихъ словахъ старикъ горделиво поднималъ голову, улыбался и таялъ отъ восторгу.

— Любезнѣйшій, сказалъ онъ потомъ, обращаясь къ Сенъ-Жоржу : въ ударъ ли вы ? есть ли у васъ все нужное ? не надобно ли чего ?

— Благодарю, отвѣчалъ кавалеръ : я не имѣю ни въ чемъ недостатку.

Онъ велѣлъ Платону подать рапиры, куртку, перчатки и прочее. Ла-Боассиеръ внимательно осмотрѣлъ каждую вещь и нашелъ все прекраснымъ. Въ семь часовъ вечера, они вмѣстѣ отправились къ одному дому въ улицѣ Святаго Гонорія, гдѣ помещалась фехтовальная зала Ла-Боассиера. Тусклая лампа освѣщала коридоръ и стеклянную дверь, ведущую въ залу. Эта послѣдняя комната была обширна, но такъ же худо освѣщена; но стѣнамъ висѣли портреты извѣстныхъ фехтовальныхъ учителей и бойцовъ, трофеи, составленные изъ оружія, рапиры, эспадромы, нагрудники, маски. Въ одномъ углу стояла деревянная лошадь, на которой учились волтижированію, а въ другомъ, въ то время, когда входили Сенъ-Жоржъ и Ла-Боассиеръ, сидѣла высокая худая старуха, бабушка Дикъ, надзирательница за гардеробомъ и арсеналомъ, особенно искусная въ приготовленіи пуншу для многочисленныхъ посетителей этого заведенія.

— Зажги лампы, бабушка, сказалъ ей Ла-Боассиеръ : да предупреди сторожа у дверей, чтобы онъ не пускалъ никого кромѣ двухъ особъ, которыя прійдутъ сюда видѣться съ кавалеромъ де-Сенъ-Жоржемъ, одна въ половинѣ осьмаго, а другая въ восемь часовъ.

— Слышу, хозяинъ.

Но старуха едва успѣла выйти за двери, какъ воротилась въ попыхахъ, съ извѣстіемъ, что дама, покрытая воалемъ, спрашиваетъ Ла-Боассиера.

— Сказала ли она свое имя ?

— Мадюазель д'Эонъ.

— Просить.

Ла-Воассиеръ взялъ двѣ рапиры и положилъ ихъ крестъ-на-крестъ на дубовомъ столикъ.

— *Madame la chevalière*, сказалъ онъ, увидѣвъ входящую даму : я удаляюсь, не смѣя противиться вашему желанію ; но вы, конечно, будете столько великодушны, что когда-нибудь согласитесь фехтовать здѣсь при публикѣ....

Мадмоазель д'Эонъ кивнула головой и, подойдя къ столику, начала разсматривать рапиры сквозь черный воаль.

— Не робѣйте ! шепнулъ старикъ Сень-Жоржу : не робѣйте, мой храбрый Гекторъ.

Взглянувъ еще разъ на дѣвицу д'Эонъ, онъ вышелъ и сѣлъ у своего потаеннаго окошечка, въ трепетномъ ожиданіи зрѣлища, за которое, какъ онъ думалъ, Парижане дорого бы заплатили.

Но.... ожиданіе достойнаго профессора боевыхъ дѣлъ не сбылось : лишь-только дама увидѣла кавалера де-Сень-Жоржа готовымъ къ сраженію, въ позитурѣ, съ рапирой въ рукъ, какъ вдругъ раскатилась громкимъ и живымъ хохотомъ. Сень-Жоржъ уронилъ рапиру : передъ нимъ стояла маркиза де-Монтсонъ.

Сбросивъ съ себя воаль и широкій плащъ, который скрывалъ ея талію, она осталась въ одномъ черномъ атласномъ колетѣ, какой надѣвала обыкновенно мадмоазель д'Эонъ, когда готовилась фехтовать ; кольеретка ея была изъ чернаго кружева, руки по локоть обнажены, на лѣвой сторонѣ груди висѣлъ крестъ святаго Людовика.

— Ну, Сень-Жоржъ, какъ вы меня находите въ этомъ костюмѣ ? и позвольте ли мнѣ объясниться съ вами ?

— Говорите, маркиза. Вѣрно, еще какая-нибудь новая выдумка ; или не играете ли вы въ одной изъ пьесъ, которыми начнутся ваши домашніе спектакли ?

— Нѣтъ, мнѣ надо поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ. Вы вчера отъ меня уѣхали; сказали, что нездоровы, а сами отправились въ маскарадъ?

— Я....

— Молчите. Васъ видѣли, когда вы провожали изъ дому Гашара дѣвушку въ лиловомъ домино.

— Такъ что же? Вы, маркиза, конечно, не сердитесь, что я оказалъ покровительство вашей милой кузинѣ?

— Эта кузина вамъ на меня нажаловалась, безъ сомнѣнiя? обвиняла меня въ жестокости, зато что я не вывожу ея?.... Но я не сержусь, что вы слушали трогательныя слова дѣвушки: вы пишете для театру, такъ вамъ нужны образцы несчастныхъ героинь.

— Признаюсь, маркиза, ваша кузина точно возбудила во мнѣ участiе. Избавивъ ее отъ гибели, я желалъ бы услышать, что она счастлива и обязана этимъ вамъ. Мнѣ не нужно брать на себя роли ея ходатая, маркиза: красота и молодость лучше всего говорятъ въ ея пользу. Что же касается до моего собственнаго поступка, то въ душѣ моей не осталось ни одного угрызения отъ всего, что я сдѣлалъ съ тѣхъ поръ какъ съ вами расстался.

— О, о, кавалеръ! жаръ, съ какимъ вы говорите, показываетъ, что Агата оставила порядочную царяпину на вашемъ сердцѣ!.... Но утѣштесь, де-Сенъ-Жоржъ: если вы такъ интересуетесь этою дѣвочкой, то, чтобъ сдѣлать вамъ удовольствiе, я готова представить ее нашему обществу въ первый четвергъ.

— Какъ?.... вы на это согласны?

— Да. Почему жъ мнѣ не согласиться? Я и мужъ будемъ рады.

Говоря это, маркиза улыбнулась очень двусмысленно; но Сенъ-Жоржъ не обратилъ вниманiя на ея улыбку, и дивился про себя, отчего маркиза, всегда ровни-

нигда не обнаруживала теперь ни малейшей ревности,

— И такъ, Сень-Жоржъ, въ четвергъ! въ четвергъ вы увидите Агату во всемъ блескѣ ея красоты.

— Вы меня не обманываете? Я увижу ее прекрасною и счастливою? не правда ли, и счастливою?

— Даю вамъ слово.

— О, какъ я васъ люблю!

Мадамъ де-Монтсонъ взглянула на него изподлобья.

— Прощайте! сказала она: мнѣ пора ѣхать. Мамзель Бертенъ привѣтствуетъ нашъ плясъ сегодня. Надеюсь увидѣть васъ въ оперѣ. Будьте!

Сень-Жоржъ взялъ ея руку. Маркиза съѣла въ извощичьѣ экипажъ, который ждалъ ея у подъезда, и повторяла мысленно: «Онъ ее любитъ. Хорошо же! въ четвергъ я отомщу.»

Между-тѣмъ Сень-Жоржъ ворочился въ залу, и первый предметъ, который ему тутъ встрѣтился, былъ всеросій мужичина, привѣтствовавшій его утихивымъ поклономъ.

— Это второй, шепнулъ ему Ла-Боассиеръ. Мнѣ кажется, что съ нимъ вамъ будетъ побольше хлопотъ, нежели съ тѣмъ, хе-хе-хе! Но не бойтесь: я сиромехъ.

— А кто это? спросилъ Сень-Жоржъ.

— Не знаю: онъ не сказалъ своего имени.

Сень-Жоржъ посмотрѣлъ съ любопытства и отступилъ шагъ назадъ.

— Amigo! amigo!

— Тіо-Блазь!

Сень-Жоржъ велѣлъ Ла-Боассиеру выйти изъ залы и какъ бы не въя таванъ, спросилъ: «Тіо-Блазь, вы ли это?»

И въ-самомъ-дѣлѣ трудно было повѣрить, что этотъ гордый, свирѣпый Испанецъ, котораго Сень-Жоржъ зналъ на островѣ Санъ-Доминго: спина его сторбилась; на головѣ, которая прежде была покрыта

длинными черными кудрями, не осталось ни одного волоса; глаза ввалились, кости подъ ними осунулись, щеки впали, и по всему лицу разлилась зеленая блѣдность, которая придавала ему видъ трупа.

— Тіо-Блазъ! Тіо-Блазъ! говорилъ Сень-Жоржъ: какимъ образомъ вы очутились въ Парижъ? что вы здѣсь дѣлаете? чего отъ меня хотите?

— Я хотѣлъ повидаться съ старымъ знакомымъ, отвѣчалъ Тіо-Блазъ, сядя въмѣстѣ съ Сень-Жоржемъ къ столу.

— Ахъ, Тіо-Блазъ! вы оставили въ душѣ моей тяжелое воспоминаніе. Последній разъ, когда я васъ видѣлъ, вы были ужасны: вы хотѣли убить сына своей любовницы.

— Любовницы? Почему вы знаете, что маркиза де-Ланжѣ была моею любовницей?

— Потому, отвѣчалъ Сень-Жоржъ, немножко смутившись: потому-что вы сами мнѣ говаривали о мщеніи.

— Мнѣ!....

Тіо-Блазъ кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія, и пототъ прибавилъ: Да! я только тѣмъ и живу.

— Какъ? до-сихъ-поръ? черезъ двадцать лѣтъ?

— Что значать для меня двадцать лѣтъ? Развѣ вы не слышите, что только одно желаніе мести поддерживаетъ жизнь мою? Слѣдственно, оно безконечно, то есть, кончится вмѣстѣ съ моею жизнью. Вы — другое дѣло, Сень-Жоржъ: вы молоды и здоровы; васъ развлекаютъ забавы, удовольствія; вы можете забыть и простить. Но я... у меня нѣтъ ни какихъ радостей; жизнь моя истощается и не сулитъ мнѣ въ будущемъ ничего; мнѣ только и осталось наслажденіе мести. Къ несчастію, прибавилъ онъ: я потерялъ лучшія доказательства преступленій этой женщины, письма, которыя она писала ко мнѣ въ разное время. Они были запечатаны въ бумажникъ, и я обронилъ его.

— Вѣрно, опять въ тотъ же день, какъ мы были съ вами въ послѣдній разъ?

Испанецъ пристально взглянулъ на Сень-Жоржа.

— Почему вы думаете, что именно въ тотъ день?..... Да, въ этотъ самый. Кто-то тогда ударилъ меня сзади. Я не успѣлъ разглядѣть, потому что.... помните? было темно, подоспѣли какіе-то новые путешественники, и притомъ я упалъ: надо было скорѣе вскочить и спастись.

— Но неужели вы рѣшились бы употребить теперь эти письма? спросилъ Сень-Жоржъ.

— А для чего же не употребить? Еще разъ говорю вамъ, кавалеръ, вы могли забыть обиду, потому-что вы молоды, потому-что любовь ваша къ маркизѣ была ребяческая фантазія, которая давно прошла и замѣнена сотнею другихъ счастливыхъ интригъ. У меня, совершенно напротивъ: я не измѣнилъ ей ни разу, ни разу! я люблю ее до-сихъ-поръ!

Сень-Жоржъ не могъ безъ сожалѣнія и безъ ужасу смотрѣть на этого человѣка. Тю-Блазъ казался совершеннымъ подобіемъ труна, но когда онъ говорилъ о мадамъ де-Ланжѣ, во впалыхъ глазахъ его загорался страшный огонь, какъ-будто нечистая сила глядѣла изъ нихъ.

— Позвольте ли вы мнѣ завернуть иногда къ вамъ? спросилъ онъ, послѣ довольно продолжительнаго разговору.

— Очень охотно, отвѣчалъ Сень-Жоржъ. Поступки ваши будетъ судить Богъ; мое дѣло только жалѣть о васъ. Съ этого дня вы всегда найдете у меня радушный пріемъ и помощь, въ случаѣ надобности. Но полно! выпьемъ пуншу, который намъ подали. Посмотрите, какъ хорошо переливается это синее пламя. За ваше здоровье, сеньоръ.

— Нѣтъ, кавалеръ; у меня есть кое-что получше вашего пуншу.

Тю-Блазъ проглотилъ большой приемъ опиуму.

— Можетъ-быть, мнѣ удастся заснуть, сказалъ онъ ; и послѣ этого, два старые знакома вышли вмѣстѣ изъ залы Ла-Боассиеръ.

Въ четвергъ, назначенный для представленія Агаты въ свѣтъ, у маркизы де-Монтсонъ открывались домашніе спектакли. Демораціи поставлены; лакеи бѣгаютъ, суетятся; машинисты хлопчутъ; музыканты настраиваютъ свои инструменты; сама хозяйка съ графинею де-Жанли румянятся въ одной изъ великолѣпныхъ комнатъ, отведенныхъ подъ гардеробъ и уборныя благородныхъ актрисъ. Дворъ загроможденъ экипажами; въ залахъ, ведущихъ къ театру, столпился весь городъ : красавицы, щеголи, знать и даже литература, въ лицѣ Мармонтеля, Лагарпа, Коллè и другихъ. Освѣщеніе и убранство этихъ залъ выше всякаго описанія : зеркала, золото и хрустальныя люстры блестятъ такъ-что больно глазамъ. Въ афишкѣ объявлена опера Вергумнъ и Помона ; дѣйствующія лица : маркиза де-Монтсонъ , графиня де-Жанли и графъ де-Клермонъ ; послѣ піесы всѣ танцовщики и танцовщицы опернаго театра представляютъ балетъ ; де-Сенъ-Жоржъ и славный скрипачъ Джерновики будутъ играть концерты на скрипкахъ. Однимъ словомъ, все объщаетъ праздникъ необыкновенный, о которомъ станутъ говорить по-крайней-мѣрѣ въ продолженіи цѣлаго мѣсяцу.

Наконецъ возвѣстили, что сейчасъ начнется представленіе, и отворились широкія двери театра, который точь-въ-точь похожъ на волшебный садъ : такъ въ немъ много цвѣтовъ, деревьевъ и купидоновъ. Все кинулось въ одну сторону : тѣснятся, толкаются и просятъ извиненія; теряютъ другъ друга и ищутъ; стараются поскорѣ занять мѣста, и многіе остаются безъ мѣста. Между-тѣмъ, за кулисами, мадамъ де-Монтсонъ уже ссорится съ мадамъ де-Жанли. Зрителямъ надобно подождать : это обыкновенная участь

зрителей въ такъ-называемыхъ благородныхъ домашнихъ спектакляхъ.

Но вотъ поднимается занавѣсъ; маркиза де-Монтсонъ выходитъ въ костюмъ Помоны и начинаетъ пѣть. Пусть поетъ! многіе, несмотря на это, находятъ очень удобнымъ продолжать начатую бесѣду.

— Какъ намъ пришлось сидѣть рядомъ, то помоги мнѣ, Дюрфоръ, скажи пожалуйста, кто эта молодая дѣвушка, вонъ, тамъ въ дождь? Кажется, та самая, что была у насъ.... помнишь?

— Да, она.

— Но кто она?

— Ни больше ни меньше какъ двоюродная сестрица самой мадамъ де-Монтсонъ.

— Неужели?

— Именно! мадамозель Агата де-ла-Фей, дочь ея роднаго дяди, невѣста маркиза де-Данжѣ.

— Такъ это маркизъ де-Данжѣ тогда вышибъ у меня щчагу?

— Нѣтъ, Лорангѣ : подъ таинственною маской, которая поставила всѣхъ насъ въ тупикъ, скрывался одинъ молодой землякъ прекрасной Агаты, ея вѣрный обожатель, который прѣзжалъ въ Парижъ только затѣмъ чтобы побывать въ маскарадѣ. Жаль, что мы де принудили его скинуть маску : вотъ, воображаю, чучело!

— Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!

— Однако жъ онъ славно ее защищалъ.

— Да, какъ же, мой милый! вѣдь онъ влюбленъ, и.... знаешь, влюбленъ какъ влюбляются въ провинціяхъ, то есть, съ головой и съ ногами.

— Ха, ха, ха! Но куда же онъ дѣвался, послѣ этого вечера?

— Ты, вѣрно, не отгадаешь. Онъ уѣхалъ домой, въ Сенъ-Мало. Ему пришло въ голову, что съ нимъ по-

стригать не очень въжливо, за дерзкое поведеніе въ нашемъ обществѣ, и онъ разсудилъ дать тягу.

— А мадамъзель Агата и замужъ, пользуясь этимъ случаемъ?

— Да. Впрочемъ она не любитъ своего жениха. Дядо обработала де-Монтсонъ; она выхлопотала и то, что ему дали полкъ.

— Ну, я на его мѣсть, хоть бы и отказаться отъ этой милости. Полкъ, да жена, это сущее наказаніе: либо тамъ чего-нибудь не достанетъ, либо тутъ окажется что-нибудь лишнее. Жены, которыя не любятъ своихъ мужей, очень рады, когда мужьямъ даютъ полки: больше свободы.

Весь этотъ разговоръ не мпновалъ ушей кавалера де-Сенъ-Жоржа, которому случилось быть по другую сторону графа де-Лорангё, и извѣстіе о помолвкѣ Агаты такъ поразило его, что онъ не могъ выполнить роли внимательнаго зрителя игры маркизы де-Монтсонъ. Напротивъ, глаза его невольно и безпрестанно поднимались къ той ложѣ, гдѣ сидѣла прелестная дѣвушка. Видя себя въ первый разъ среди блестящаго общества, о которомъ она такъ долго мечтала, Агата смотрѣла на все съ простодушнымъ удивленіемъ ребенка, какъ-будто уицваясь блескомъ, ароматомъ и гармоніею, которые ее окружали. Чистая, дѣвственная красота ея не имѣла нужды въ ухищреніяхъ туалета; у нея не было, какъ у мадамъ де-Ланжё, блестящихъ серегъ въ ушахъ, перстней на пальцахъ и цѣлой рѣпки брилліантовъ на шеѣ. Но свѣжесть, пріятность и трогательная задумчивость, разлитыя по лицу Агаты, оставляли за ней первенство надъ всеми соперницами, и старики, видѣвшіе уже дѣскольکو поколѣній красавиць въ Парижѣ, съ удовольствіемъ смотрѣли на этотъ новый мѣстокъ, а молодежь шушукала и приходила въ восхищеніе.

Нужно ли объяснять читателю, каимъ образомъ Агата, при первомъ появленіи въ свѣтъ, носить уже

нмя невѣсты? Вѣроятно, всѣ сами догадываются. Мадамъ де-Монтсонъ, узнавъ о приключеніи Сень-Жоржа послѣ маскарада, приступила къ Агатѣ съ допросами, и, не открывъ ничего насчетъ своего любовника, случайно вынудила у ней сознаніе въ знакомствѣ съ Морисомъ. Между-тѣмъ Морисъ, съ своей стороны, услышавъ отъ Агаты, какъ она чуть-было не погибла, — при чемъ дѣвушка умолчала объ имени своего спасителя, — увидѣлъ, какъ ненадежны замки, подъ которыми мадамъ де-Монтсонъ держитъ свою сестру, и въ отчаяніи открылся матери. Госпожа де-Ланжѣ нашла любовь сына по своимъ мыслямъ. Ей хотѣлось отомстить маркизу де-Монтсонъ за егермейстерское мѣсто, и она разсудила, что нельзя придумать лучшаго мщенія, какъ женить Мориса на Агатѣ, то есть, унижить маркизу великодушнымъ соединеніемъ своего богатаго сына съ ея бѣдною сестрой. Старикъ де-Булоню, который хотѣлъ-было воспротивиться, велѣли молчать; предложеніе сдѣлано, и все это случилось въ одно утро, послѣдовавшее за маскарадомъ. Мадамъ де-Монтсонъ отвѣчала сперва, что она подумаетъ, поговорить съ Агатой; но на умѣ у нея было другое: она хотѣла повидаться съ своимъ любовникомъ, чтобъ узнать, не произвела ли на него впечатлѣнія красота Агаты, и когда Сень-Жоржъ, въ фехтовальной залѣ Ла-Боассіера, обнаружилъ такое нѣжное участіе къ бѣдной дѣвужкѣ, судьба ея была рѣшена. Чтобъ отомстить невѣрному мулату, мадамъ де-Монтсонъ, не спросивъ мнѣнія сестры, объявила ее невѣстою маркиза де-Ланжѣ, а чтобъ отнять у Сень-Жоржа всякую возможность измѣны, выпросила Морису полкъ, для котораго онъ долженъ былъ уѣхать изъ Парижа: маркиза напередъ знала, что онъ не уѣдетъ безъ Агаты.

— Ты не слушаешь, Сень-Жоржъ? сказалъ Лорангѣ. А посмотри: Клермонъ очень милъ въ роли Пана.

Но Сень-Жоржу было не до пьесы: онъ замѣтилъ,

что взглядъ Агаты бродить по залу, какъ-будто отыскивая кого-то между зрителями. Бѣдняжка давно узнала главныхъ актеровъ, участвовавшихъ въ представленіи ночной драмы; она слышала ихъ имена; но взглядъ ея, кроткій какъ молитва, обращается не на нихъ, нѣтъ! Уступая быстроту, съ которою дѣйствовала сестра ея, и сожальѣя о молодомъ маркизѣ, она не воспротивилась ихъ желанію, но сердце ея не говорило ничего въ пользу Мориса. Агата не чувствовала къ нему ни какой привязанности, и любила ли она кого, или нѣтъ, знаетъ Богъ; ее занимало только воспоминаніе о Сень-Жоржѣ: мулатъ имѣлъ случай явиться передъ ней въ такомъ видѣ, въ какомъ она всегда воображала себѣ мужчину, и это произвело на нее глубокое впечатлѣніе.

Когда опера кончилась, Агата потеряла Сень-Жоржа въ волнуемой толпѣ молодежи, но скоро онъ вышелъ со скрипкой въ рукахъ, заигралъ, и дѣвушка показало, что передъ ней растворяются двери рая. Одаренная глубокимъ музыкальнымъ чувствомъ, она отдавала полную справедливость прекрасной игрѣ Мориса; но что значилъ его скромный талантъ, въ сравненіи съ блистательнымъ дарованіемъ Сень-Жоржа? Маркизъ де-Ланжѣ, съ своей стороны, не спускалъ глазъ съ мулата: онъ узналъ перстень на его лѣвой рукѣ. При огняхъ въ люстрахъ, этотъ перстень мелькалъ, словно звѣздочка, и маркизу казалось, что отъ него падаетъ какое-то кровавое отраженіе на скрипку. Давно уже онъ наблюдалъ за Агатой: блѣдная и взволнованная, она сидитъ неподвижно и упивается звуками. Душа Мориса закипѣла и лишь-только кавалеръ кончилъ Гайднову сонату, какъ онъ очутился на его мѣстѣ и схватилъ инструментъ. Это значило вызвать Сень-Жоржа на состязаніе. Все удивились смѣлости молодого челоуѣка, притихли и ждали что будетъ.

Морисъ началъ. Онъ сыгралъ одинъ изъ концертовъ

Корелли, и сыгралъ его такъ, какъ можетъ-быть никогда не игрывалъ: съ жаромъ, бойко; превосходно. Его осыпали рукоплесканіями. Между-тѣмъ Сень-Жоржъ, стоя въ сторонѣ, еще до окончанія Морисовой піесы, велѣлъ подать себѣ плетъ.

— На что тебѣ плетъ? спросилъ у него герцогъ де-Шартръ.

— Я плетью сыграю эту же самую піесу, если позволить вашъ батюшка.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Мориса, вышелъ опять Сень-Жоржъ, со скрипкой и съ плетью.

— Bravo, Сень-Жоржъ! bravo! кричали безумные зрители.

Всѣ вскочили съ мѣстъ, стѣснились около мулата. Выдумка его показалась чрезвычайно забавною; иные не хотѣли вѣрить ея возможности. Морисъ шептался о чемъ-то съ мадамъ де-Ланжѣ.

— Каково! сказала прекрасная графиня де-Шалонъ: онъ хочетъ играть плетью!

— Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, перебилъ Морисъ. Вамъ, мосье де-Сейнъ-Жоржъ, долженъ быть коротко знакомъ этотъ инструментъ, потому-что моя матушка хлестала васъ плетью по лицу въ Сантъ-Доминго.

Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвѣла эта выходка. Сень-Жоржъ онѣмѣлъ и нѣсколько минутъ стоялъ какъ вкопанный; потомъ хотѣлъ броситься на маркиза: толпа разлучила ихъ. Но само собой разумѣется, что эта сцена не прошла такъ: обида была ужасна, и дуэль назначена на другой день.

— Сень-Жоржъ! говорила мадамъ де-Монтсонъ, заведя его въ свои комнаты послѣ бала: я хотѣла наказать васъ за измѣну; но Богъ свидѣтель, я не думала, чтобы вышли такія послѣдствія. Вы сами во всемъ виноваты: вы даже не скрываете своей любви къ невѣстѣ маркиза де-Ланжѣ.... Ахъ, Сень-Жоржъ! зачѣмъ вы мнѣ измѣняете? чѣмъ я заслужила это? Неблагодарный! вы

забыли все, что я для васъ сдѣлала; забыли, что вы обязаны мнѣ и своимъ именемъ, и вѣстою, и богатствомъ....

— Довольно, довольно! перебилъ Сень-Жоржъ: падите жея, избавьте отъ этихъ унижительныхъ упрековъ! Я не могу вамъ отвѣчать такъ, какъ маркизу. Прощайте.

— Вы спѣшите къ ней?... вскричала мадамъ де-Монтсонъ, бросаясь къ двери.

— Нѣтъ, маркиза, не къ ней. Но меня точно ждетъ одинъ человекъ, съ которымъ мнѣ надо увидѣться въ эту же ночь.

— Кто этотъ человекъ?

— Ничто вамъ?

— Это она!... о! скажите, скажите хоть изъ состраданія, что это не она. — Побожитесь! продолжала маркиза, жалобно сложивъ руки.

— Вожусь!

— Ахъ, Сень-Жоржъ! вы и не думаете о томъ, что васъ ожидаетъ завтра. Когда мы увидимся?... Богъ знаетъ! Прогодите же, не уходите отъ меня!... Прежде, васъ не надобно было такъ спрашивать.

Говоря это, мадамъ де-Монтсонъ опустила голову на плечо Сень-Жоржа и была прекрасна. Если бы въ душѣ его не свирѣпствовала буря, онъ не могъ бы отказать ей по-крайней-мѣрѣ въ состраданіи....

Печально, задумавшись, онъ возвращался домой. Въ эту ночь, по случаю праздника святаго Людовика, парижскія улицы представляли картину, достойную кисти Тениера. Луна великолепно свѣтила съ темныхъ небесъ, дома вельможъ были иллюминированы, изъ аллей уюльрийскаго саду послышались звуки военной музыки, и толпы народу окружали садовую рѣшетку, между тѣмъ какъ на улицахъ тѣснота, давка, шумъ, крикъ и пѣніе. Въ некоторыхъ мѣстахъ кучки весельчаковъ, подкрѣпивъ свою веселость достаточнымъ приноше-

ниемъ Вакху; плясали изъ всѣхъ силъ, не обращая ни на что вниманія; въ другихъ мѣстахъ спорили, бранились, дрались. Сень-Жоржъ пробирался потихоньку между толпами, не смотря на то, что вокругъ него дѣлается. Душа его была неспокойна; онъ не боялся дуэли, но что-то мрачное, что-то тревожное омаляло имъ. Онъ вспоминалъ объ Агатѣ, вспоминалъ о маркизѣ де-Монтсонъ, о мадамъ де-Ланжѣ, о Морисъ. Морисъ представлялся ему въ таинственномъ свѣтѣ. Сень-Жоржъ никакъ не могъ уловить его подъ формою оскорбителя, челоуѣка, нанесшаго ему такую обиду, которая можетъ быть искуплена только смертью. Озлобленный до послѣдней крайности, готовый на все чтобы отомстить, онъ въ то же время чувствовалъ нестерпимую боль въ душѣ, когда воображалъ себѣ маркиза стоящимъ подъ неотразимую пулею своего пистолета. Что жъ это значить? Воспоминаніе дѣтской дружбы? Но Морисъ, своею неумѣстной гордостью, отнялъ у этого воспоминанія все, что могло развѣжить Сень-Жоржа; оно только поддерживало, только еще болѣе распаляло гнѣвъ его. Слѣдственно не то... И при всемъ томъ Сень-Жоржъ ужасно разстроенъ; ему какъ-то не ловко, не хорошо; онъ никогда еще не бывалъ въ такомъ положеніи; при самыхъ важныхъ переворотахъ въ прошедшей жизни онъ сохранялъ болѣе присутствія духа. Не грозитъ ли ему новый переворотъ, важнѣе всѣхъ, какіе онъ испыталъ? не предчувствіе ли это какого-нибудь несчастія?... Въ непонятной, но непреодолимой, тоскѣ онъ дошелъ до дому и бросился на постель, не повидавшись на этотъ разъ съ матерью.

Между-тѣмъ въ городѣ продолжалась оргія, что дальше, то хуже. Въ одной тѣсной улицѣ, запруженной густыми толпами народа, кучеръ, управлявшій каретою, которая ѣхала къ Тюльри, имѣлъ неосторожность опрокинуть экипажемъ какую-то бѣдную женщину, и, оставивъ ея на мостовой, хотѣлъ поскорѣй ускакать-

— Держи! держи! закричали со всѣхъ сторонъ, и нѣсколько пьяныхъ сорванцовъ остановили лошадей и начали тащить кучера.

Ярость черни возрасла еще болѣе, когда увидѣли, что карета великолѣпная и что изъ нея выглядываетъ старикъ въ богатомъ бархатномъ кафтанѣ съ блестящими пуговицами.

— Видишь какой! говорили одни: много денегъ, такъ думается, что ему ужъ и чортъ не братъ!

— Да! да! кричали другіе: на что это похоже? какъ можно давить честныхъ людей? Посмотрите: совсѣмъ изуродовали бѣдную старуху! Она негритянка, правда; да что же? всё-таки Божій человѣкъ!

— Эхъ, что съ ними толковать! ревѣли третьи, самые пьяные и отчаянные. Ломайте карету! вонъ старика! вонъ его!

— Вонъ! на улицу!

— Въ грязь!

— Подъ ноги лошадямъ! Вѣдь онъ давитъ же честныхъ прохожихъ.

— Ломайте! тащите! бейте!

При этихъ неистовыхъ крикахъ, съдой и дряхлымъ старикомъ де-Булонь, сидѣвшій въ каретѣ, лишился памяти: съ нимъ сдѣлался одинъ изъ самыхъ ужасныхъ припадковъ эпилепсiи, которой онъ былъ подверженъ. Къ счастью, мадамъ де-Ланжѣ, вѣхавшая съ нимъ, догадалась кинуть въ толпу нѣсколько горстей мелкихъ денегъ: пьяные и бессмысленные буяны, прельстясь этой щедростью, забыли свое негодованіе и принялись кричать: «Да здравствуетъ мосьё де-Булонь! много лѣтъ жить мосьё де-Булоню!» Между-тѣмъ маркиза, выглянувъ изъ окошка, призывала доктора, потому что мосьё де-Булонь умираетъ.

— Умираетъ! вскричала Ноэми, и, забывъ боль отъ ушибу, подбѣжала къ каретѣ. Пустите! пустите! го-

вернула она, отворила дверцы и вошла во внутренность экипажа.

Мадамъ де-Ланжè бросилась на другую сторону.

— Фу! чернявка! сказала она, съ отвращеніемъ.

Мосьё де-Булонь нѣсколько секундъ поводитъ глазами.

— Чернявка? произнесъ онъ потомъ, какъ бы стараясь опомниться. Не трогайте ея... пустите... не мешайте.

Онъ упалъ на подушки. Ноэми положила руку на его голову, наклонилась къ нему и скоро привела его въ чувство. Старикъ, раскрывъ глаза, устремилъ на нее взглядъ нѣжнѣйшей признательности. Маркиза нюхала спиртъ и отворачивалась; Ноэми смотрѣла на нее гордо. Кучеръ тронулъ лошадей, и экипажъ отправился по-тихоньку къ дому де-Булоня. Когда подъѣхали ко крыльцу, старикъ вышелъ, опираясь на руку негрятки, и приказалъ отвести маркизу домой; потомъ поднялся на лѣстницу, прошелъ прямо въ кабинетъ и тамъ просидѣлъ съ Ноэми болѣе двухъ часовъ. Вышедъ изъ кабинету, онъ былъ блѣденъ и разстроенъ какъ преступникъ, которому прочли приговоръ; велѣлъ уложить Ноэми въ особой спокойной комнатѣ, и заперся опять въ своемъ кабинетъ, гдѣ во всю ночь виднѣлся огонь.

Отсутствіе Ноэми заставило Сентъ-Жоржа очень беспокоиться. Платонъ сказалъ только, что она пошла смотрѣть на иллюминацію. Но куда она двлась? и гдѣ искать ее? Сентъ-Жоржъ отправилъ Платона бѣгать по всему городу и конечно сдѣлалъ бы то же самъ, если бы ему не надо было остаться дома, въ ожиданіи секундантавъ, съ которыми онъ долженъ былъ вхатъ на мѣсто дуэли. Къ довершенію неприяностей этого положенія, пришелъ къ нему Тю-Блазъ, а потомъ одинъ изъ его свѣтскихъ знакомцевъ, который, отвѣдя его въ

другую комнату, сказалъ, что маркизъ де-Ланжé сегоднѣ же вѣнчается съ мадамозель де-ла-Эй.

— Весь адъ на меня обрушился! вскричалъ Сенъ-Жоржъ, выслушавъ эту новость.

— Что дѣлать! отвѣчалъ любезный пріятель. Я и самъ то же говорю.

Спровадивъ обѣихъ гостей, Сенъ-Жоржъ кинулся въ кресла и погрузился въ печальныя мысли о счастьи своего соперника. Но вдругъ глава его, блуждая по комнатѣ, остановилась на прекрасномъ бюро, которое стояло возлѣ кровати. Сенъ-Жоржъ всталъ, подошелъ, приложилъ свой горячій лобъ къ мраморной доскѣ, вѣданной въ бюро спереди, и сталъ говорить вполголоса: «Бѣдный, безразсудный гордецъ! ты не знаешь, что здѣсь у меня лежатъ талисманъ, которыми я могу въ одинъ мигъ лишитъ тебя всего твоего богатства и сокрушитъ благополучіе твоей матери! Ты чванишься своимъ благородствомъ. Но знаешь ли ты, безумецъ, что моя мать, презрѣнная негрятянка, раба, благороднѣе твоей?»

И мысли Сенъ-Жоржа обратились къ матери; грудь надулась, изъ глазъ полились слезы.

— Мать! мать! вскричалъ онъ, упавъ на колѣни: если бы мнѣ удалось по-крайней-мѣрѣ обнять тебя, прежде нежели я стану противъ своего врага! если бы мнѣ удалось вымолить у тебя прошеніе!... О матушка! я виноватъ, ужасно виноватъ передъ тобою! я стыдился тебя, я отъ тебя отрекся.... О! какъ это гнусно, отречься отъ матери! отъ единственной защитницы противъ всѣхъ скорбей жизни!... Если я останусь живъ, а Морисъ женится на Агатѣ, что тогда подастъ мнѣ отраду? Твоя любовь; да, только твоя любовь!...

Онъ закрылся обѣими руками и рыдалъ какъ ребенокъ. Въ это время слышались чьи-то шаги въ другой комнатѣ. Сенъ-Жоржъ вскочилъ. Дверь отвори-

лась, и вошла дама, покрытая воалемъ, которую онъ принялъ за мадамъ де-Монтсонъ.

— Какъ? вы здѣсь, маркиза!... Вы....

Дама откинула воаль.

— Боже мой!... маркиза де-Ланжè!...

— Да, это я, отвѣчала маркиза, потупивъ глаза, какъ будто взгляды Сень-Жоржа былъ нестерпимъ для нея.

— Чего вы отъ меня хотите?... что васъ ко мнѣ привело?

— Жизнь моего сына, сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Сынъ вашъ нанесъ мнѣ обиду, такую обиду, какой я ему не могу простить: онъ напомнилъ мнѣ оскорбленіе, которое я нѣкогда получилъ отъ васъ.

Маркиза молчала.

— Вы тогда были дитя, сказала она наконецъ. Неужели вы будете мстить за это сыну моему? Нѣтъ надобности говорить, что онъ не знаетъ о моемъ свиданіи съ вами. Я не могла.... вы такъ извѣстны своимъ искусствомъ, что сердце матери.... О! ради Бога, дайте мнѣ слово не драться съ Морисомъ!

— Жизнь его, я вижу, для васъ очень дорога, отвѣчалъ Сень-Жоржъ съ насмѣшливою улыбкой. Благоговѣю передъ вашимъ материнскимъ самоотверженіемъ. Вы удостоиваете вспомнить мулата, который былъ у васъ невольникомъ въ Санъ-Доминго! вы, маркиза де-Ланжè, обращаете свое вниманіе на ничтожнаго раба, который спасъ жизнь вашему сыну! вы, среди благодня, переступаете порогъ его дому и не стыдитесь просить его! О какое великодушіе! какое благородство!... Къ сожалѣнію, вы напрасно беспокоитесь: мулатъ, рабъ, которому вы дѣлаете столько чести, поклялся пролить кровь Мориса.

— Но если вамъ нужно мщеніе, мстите мнѣ: я одна во всемъ виновата.... Мстите мнѣ, Сень-Жоржъ! вы-

думайте для этого какую хотите обиду, злословьте меня, поносите меня! Я покорюсь всему, безъ малѣйшей жалобы.

— Какъ? Неужели вы согласитесь на посрамленіе?.. Маркиза де-Ланжè! если бы я захотѣлъ срамить васъ, мнѣ не было бы надобности прибѣгать къ злословію, къ клеветѣ: мнѣ стоить открыть это бюро....

— Это бюро?

— Да! въ немъ есть нѣкоторыя письма.

— Какія письма? что вы хотите сказать?

— Письма къ одному Испанцу, по имени Тіо-Блазу. Въ нихъ говорится и о вашемъ супругѣ, маркизѣ де-Ланжè. Довольно одного изъ этихъ писемъ, чтобъ погубить васъ навѣки.

— Но откуда взялись у васъ эти письма? какъ вы ихъ достали? вы убили Тіо-Блаза, чтобы овладѣть ими!....

— Нѣтъ, я ихъ нашолъ. Гдѣ и когда, это до васъ не касается. Но давно, ужъ очень давно; и съ того времени они у меня хранятся; я берегу ихъ.

— Отдайте мнѣ эти письма, гордо сказала мадамъ де-Ланжè: вы уже удовлетворили свою мстительность, прочитавъ ихъ.

— Нѣтъ, маркиза! извините, я еще не удовлетворенъ. Конечно, это чего-нибудь стоить, что я ихъ прочелъ, и могу сказать: «Вотъ женщина, которая продавала себя и убила своего мужа». Но это еще не всё.

— Чего жъ вы хотите?

— Мнѣ надобно выполнить обязанность честнаго посредника между вами и мосьё де-Будонемъ; отправить эти письма къ нему. Они могутъ быть для него полезны.

— Пощадите! пощадите, Сень-Жоржъ! Вы меня погубите!... О, нѣтъ! сжальтесь, убейте меня.... да! лучше убейте!

Гордая крестика кинулась на колѣни передъ Сень-Жоржемъ и смотрѣла на него съ невыразимымъ ужасомъ. Все было забыто : передъ угрозой мулата смирилась ея надменность, и она готова была цѣловать ноги того человѣка, на котораго никогда подняла свою плеть.

Сень-Жоржъ, казалось, наслаждался своею побѣдой : онъ въ эту минуту былъ властелиномъ маркизы, могъ произнести надъ ней приговоръ, могъ торжественно смыть пятно, которое оставила ея плеть на лицѣ его.

— Я думалъ, что вы прѣехали просить меня объ сынѣ, сказалъ онъ, послѣ довольно долгаго молчанія.

— Отдаю вамъ моего сына, отвѣчала маркиза : согласна на все; деритесь съ нимъ.... только письма! ради Бога, письма!

Чудное созданіе женщина! Въ такую минуту, маркиза де-Ланжè еще не забыла, что она обладаетъ однимъ великимъ орудіемъ. По умысленной неосторожности, черная маптіля соскользнула съ ея бархатныхъ плечъ, и волосы, длинными прядями, упали на шею и полу-обнаженную грудь. Сень-Жоржъ задрожалъ; ему показалось, что онъ никогда не видалъ ея такою прелестною; маркиза могла ожидать, что она восторжествуетъ надъ нимъ своею красотой.

— Такъ вы соглашаетесь на мою дуэль съ Морисомъ? сказалъ наконецъ Сень-Жоржъ : вы не жалѣете его жизни, чтобъ получить драгоценныя письма? Гдѣ жъ ваша материнская любовь?... Но довольно! Встаньте, мадамъ де-Ланжè! я видѣлъ васъ у ногъ своихъ и... удовлетворенъ. Письма будутъ у васъ. Вы, конечно, сожжете ихъ; но сторитъ ли съ тѣмъ вмѣстѣ и воспоминаніе, которое должно безпрестанно тревожить глубину вашей души? Несчастная женщина! вы переходили изъ объятій одного мужчины въ объятія другаго; сынъ вашъ думаетъ, что онъ случайно лишился отца,

а вѣсто того.... Но не бойтесь! я ему ничего не открою; маркизь Морисъ де-Ланжè не узнаетъ отъ меня о гнусныхъ и кровавыхъ преступленіяхъ своей матери. Презрѣніе, маркиза, презрѣніе спасаетъ васъ отъ моей мести!....

Сенъ-Жоржъ вынулъ изъ карману ключъ отъ бюро; но въ это время послышались тяжелые шаги въ соседней комнатѣ, и слуга, вбѣжавъ, доложилъ о пріѣздѣ генераль-контролера де-Булоня.

— Я погибла! вскричала мадамъ де-Ланжè.

Мулать едва успѣлъ втолкнуть ее въ маленькій кабинетъ, находившійся подлѣ спальни, какъ генераль-контролеръ вошелъ.

Лицо его было такъ блѣдно и такъ измѣнилось, какъ будто генераль-контролеръ постарѣлъ лѣтъ на десять. Осмотрѣвшись недовѣрчивымъ взглядомъ, онъ сѣлъ или, лучше сказать, упалъ на кресла, предложенныя ему Сенъ-Жоржемъ. Вѣроятно, онъ пріѣхалъ прямо отъ короля: по темному бархатному кафтану его лежала широкая орденская лента, на головѣ былъ высокій парикъ, подъ которымъ широкой лобъ старика казался еще величественнѣе; рукава кафтана обшиты тонкими бѣлыми кружевами; на пальцахъ множество дорогихъ перстней; въ одной рукѣ онъ держалъ золотую табакерку, осыпанную камнями, а въ другой трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Сенъ-Жоржъ не зналъ, что подумать о посѣщеніи этого гордаго чловѣка. Генераль-контролеръ всегда показывалъ ему самое высокомерное презрѣніе, или злобно подшучивалъ надъ мулатомъ, въ которомъ другіе видѣли свой кумиръ.

— Черезъ часъ у васъ назначена дуэль съ маркизомъ Морисомъ де-Ланжè? сказалъ онъ наконецъ, пристально посмотрѣвъ на Сенъ-Жоржа. Я пріѣхалъ увѣдомить васъ, что она не состоится.

— Почему? Разъ вы привезли мнѣ королевское повелѣніе?

— Я могъ бы его исходатайствовать. Ваше искусство даетъ мнѣ право на такой поступокъ. Но не безпокойтесь : я не употребилъ этого средства; у меня есть другое, которое, надѣюсь, заставитъ васъ бросить шпагу и помириться съ маркизомъ.

— А! вы пріѣхали сказать, что онъ проситъ прошенія?

— Нѣтъ. Но маркизъ де-Ланжѣ мой сынъ, и потому вы не можете съ нимъ драться.

Сень-Жоржъ давно уже подозрѣвалъ эту тайну, однако жъ слышалъ ее не безъ удивленія.

— Что мнѣ за дѣло, что онъ вашъ сынъ? сказалъ онъ, оправившись. Маркизъ меня обидѣлъ; обида должна быть заглажена; загладить ея нельзя иначе, какъ кровью.

— Слѣдственно вы хотите сдѣлать смертоубійства?

— Маркизъ носитъ шпагу : онъ долженъ уметь владѣть ею.

— Но я скорѣе изломаю эту шпагу въ куски, нежели допущу, чтобъ она была направлена на вашу грудь!

— Ха, ха, ха! вы принимаете во мнѣ удивительное участіе! Я считалъ васъ за человѣка, который меня не любитъ.

— Признаюсь, я виноватъ : до-сихъ-поръ я не умѣлъ цѣнить вашего благородства и преслѣдовалъ васъ своими насмѣшками ; но теперь другое дѣло. Вы сами не станете болѣе удивляться, если меня выслушаете. Моя прошлая жизнь имѣетъ тѣсное отношеніе къ вашей.

— Что можетъ быть общаго между нами, ваше превосходительство?

— Вы это узнаете. Я открою вамъ тайну, которая должна унижить меня. Но что дѣлать? Иногда небо посылаетъ намъ самыя тяжкія испытанія въ тѣ преклонныя годы, до которыхъ я нынче достигъ. Оно

правосудно, и пусть мое старое лицо краснѣетъ передъ мнѣ отъ стыда и отъ угрызенія совѣсти! Можетъ-статься это хотя немного очиститъ меня.

Сенъ-Жоржъ съ изумленіемъ глядѣлъ на де-Булоня.

— Я готовъ васъ слушать, сказалъ онъ.

Старикъ началъ :

— Много лѣтъ прошло послѣ того, о чемъ я хочу разсказывать, но память моя сохранила все. Есть вещи, которыя никогда не забываются, которыя врѣзываются неизгладимыми чертами внѣшней совѣсти. Вы родились въ Гваделупѣ?

— Въ Гваделупѣ.

— И потомъ переѣхали на Санъ-Доминго?

Сенъ-Жоржъ молчалъ.

— Тамъ, на моей плантаціи Розъ, вы въ первый разъ увидели маркизу де-Ланжѣ?

— Но что вамъ за нужда до этихъ подробностей? вскричалъ Сенъ-Жоржъ. Развѣ дѣло идетъ о мадамъ де-Ланжѣ? зачѣмъ про нее говорить?

— Затѣмъ, кавалеръ, что имя этой женщины тѣсно связано съ предметомъ моего разсказа, что она осмѣлилась поднять на васъ свою руку, что она заставила меня совершить.... преступленіе, тяжкое преступленіе, которое только одинъ Богъ можетъ простить!...

Старикъ, задыхаясь, опустилъ голову и закрылъ лицо. Сенъ-Жоржъ былъ взволнованъ.

— Прийдите въ себя, мосье де-Булонь. Я не знаю, должно ли мнѣ слушать вашу исповѣдь : исповѣдь относится къ Богу.

— Нѣтъ, я обязанъ покаяться вамъ, непременно вамъ!... Слушайте. Двадцать пять лѣтъ тому, когда я былъ еще молодъ, мнѣ случилось жить въ своемъ гваделупскомъ имѣніи. Черезъ нѣсколько времени маркиза де-Ланжѣ пріѣхала съ мужемъ также въ Гваделупу и поселилась въ городѣ, недалеко отъ меня. Она была красавица; у нея было все, чѣмъ женщина увлекаетъ

мужчину. Замужство, казалось, должно бы ее оторвать кругомъ, черезъ который не могла дрейфовать никакая преступная мысль; но не зная какъ это случилось, кокетство маркизы оправдало мой разсудокъ: я сталъ искать случая поправиться ей; частыя овлученіи мужа благоприятствовали моей страсти, а она, съ своей стороны, нарочно громоздила препятствія и затрудняла успехъ, такъ что я, съ полнымъ убѣжденіемъ, въ добродѣтели этой женщины, предался могуществу ея красоты и сдѣлался вѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ рабамъ ея. Между-тѣмъ, до пріѣзду маркизы, я былъ уже подъ влияніемъ другой склонности, которую, конечно, нельзя считать ни за что, какъ только за дань, которую мы платимъ своей человѣческой природѣ, при содѣйствіи жаркаго климату, раздражающаго нашу чувственность. Я любилъ одну молодую и прекрасную негритянку. Она знала цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ травъ и лечила меня отъ лихорадки, которою я занемогъ въ первое время по пріѣздѣ на Гваделуну. Привычка къ ея нѣжнымъ заботамъ и благодарности за избавленіе отъ тягостнаго недугу внушили мнѣ привязанность, за которую она съ своей стороны платила жаркою, безпредѣльною и рабскою любовью. Я вывелъ ее изъ бѣдственнаго положенія невольницы и каждый день благословлялъ въ ней своею гонимую-хранителью. Моя барская спесь не умерла: изъ признательности за всѣ нечеченія, я любилъ свою негритянку, не тою святою любовью, которая дѣлаетъ изъ мужчины и женщины одно существо, а какъ обыкновенно любятъ антильскіе помѣщики, чувственно. Ктому же моя любовница была слишкомъ предана мнѣ и по этому самому не могла взять надо мной ни какой власти; она не умѣла дразнить моего чувства капризами, или кокетствами; она умѣла только любить меня, быть моею послушною рабыней, ползать у ногъ моихъ. Однимъ словомъ, я повѣрилъ приторной ревности маркизы де-Ламже и

отослать негрятинку, тогда-какъ она была матерью... матерью моего сына... Не понимаю, какъ гриммы небесные не поразили меня въ эту минуту! —

Тутъ мосьё де-Булонь остановился, по-видимому, придавленный тяжестью своихъ жестокихъ воспоминаний. Сень-Жоржъ смотрѣлъ на него съ сожалѣннѣею, не имѣя силъ утѣшить. Старикъ, вздохнувъ, продолжалъ :

— Скоро мадамъ де-Ланжѣ овладѣла крѣпко совершенно. Околдованный ею, я позабылъ все свои обязанности, и плодомъ нашей связи была беременность, разрѣшеніе которой пришлось въ одну изъ частыхъ отлучекъ маркиза. Вдругъ ко мнѣ пришло извѣстіе, что мадамъ де-Ланжѣ умираетъ; я собралъ всѣхъ медиковъ, но все они отказались ей помочь. Страданія мои были ужасны! я терялъ умъ, ждалъ только послѣдняго вздоху своей любовницы, чтобы потомъ наложить на себя руку. Въ это время кто-то сказалъ, что неподалѣку живетъ негрятинка, которая искуснае всѣхъ ~~иностран~~ныхъ докторовъ. Тотчасъ послали за нею, привезти, и, ко всеобщему удивленію, маркиза разрѣшилась благополучно. А я... я, злодѣй, сидѣлъ спрятавшись въ другой комнатѣ, потому-что эта негрятинка... была та, которую я такъ безчестно прогналъ! Она знала, что спасаетъ свою соперницу, и... всё-таки спасла ее! Несчастная Нюэми!...

— Нюэми! вскричалъ Сень-Жоржъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ.

— Да, отвѣчалъ старикъ де-Булонь: это была Нюэми, мать твоя.

Мулатъ стоялъ молча и дрожалъ всемъ тѣломъ.

— Понимаешь ли теперь, продолжалъ старикъ: понимаешь ли, Сень-Жоржъ, что тебѣ нельзя драться съ Морисомъ? Вы оба — моя кровь. Неужели братъ подниметъ руку на брата? Говори: я жду отъ тебя рѣшенія его участи.

Сказавъ это, де-Булонь принялъ положеніе человека совершенно спокойнаго, и устремилъ на Сень-Жоржа проницательный взглядъ.

— Господинъ генералъ-контролеръ, отвѣчалъ Сень-Жоржъ, прогнавъ свое замѣшательство: я не оскорблю васъ сомнѣніемъ въ справедливости всего, что вы мнѣ говорили: старикъ, который лжетъ, стоя одной ногой въ гробу.... о! такіе люди, къ счастью, довольно рѣдко встрѣчаются. Но позвольте замѣтить вамъ: вы унизили мою мать, вы отвергли своего сына, вы открылись во всемъ только для того чтобы спасти другое любимое дѣтище. Это даетъ мнѣ право предложить вамъ условія: приведите сюда маркиза, соедините руки наши, признайте меня своимъ сыномъ, и тогда я соглашусь на ваше желаніе.

— Какъ? ты требуешь....

— Я требую законнаго вознагражденія за несчастія, въ которыя вы повергли мать мою.

— Сень-Жоржъ!

— Вы не рѣшаетесь?.... Въ такомъ случаѣ и я не рѣшаюсь признать Мориса своимъ братомъ.

— Но развѣ не довольно, что я открылъ всю эту тайну тебѣ, одному лишь тебѣ? Ты всё равно сынъ мой и будешь всегда моимъ сыномъ.

— Извините, ваше превосходительство. Сегодня вы называете себя отцомъ моимъ: но завтра, когда Морисъ будетъ внѣ всякой опасности, вы можетъ-быть отопретесь отъ своихъ словъ. Могу ли я положиться на человека, какимъ вы себя выставили? и довольно ли этого для моей бѣдной матери? и наконецъ, еще правда ли все, что вы мнѣ говорили? Мосьё де-Булонь! вы стыдитесь такого сына? но кто знаетъ, не постыжусь ли и я такого отца?

Въ это время растворилась дверь изъ переднихъ комнатъ, и Ноэми, забываясь отъ радости, бросилась на шею къ Сень-Жоржу.

— Постоите, матушка, сказалъ онъ. Сперва поблагодарите господина генераль-контролёра : онъ во всеобщее признаніе, поступилъ съ удивительнымъ великодушіемъ и самоотверженіемъ.

Бѣдная Неэми, не понимая насмѣшки, скрытой въ этихъ словахъ, простодушно кинулась къ ногамъ старика де-Булоня и съ восторгомъ облила ихъ слезами. Старикъ сидѣлъ внѣ себя : лицо его покрывалось то смертною блѣдностью, то багровымъ румянцемъ горячки. Часы показывали, что приближается время, назначенное для дуэли. Несчастный не зналъ что дѣлать : по привычкѣ къ интригамъ и проискамъ, онъ старался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы привести дѣло къ желаемому концу, но благородная гордость и настойчивость, обнаруженныя Сенъ-Жоржемъ, не оставляли ему ни малѣйшей надежды въ этомъ отношеніи.

— Такъ ты, Сенъ-Жоржъ, сказалъ онъ, хочешь драться съ роднымъ братомъ ?

— У меня нѣтъ брата, возразилъ мулатъ : у меня есть только мать, вотъ эта несчастная женщина ! Что касается до маркиза де-Ланжѣ, то онъ нанесъ мнѣ обиду, и я убью его.

Звукъ голосу, которымъ были сказаны эти слова, речался за достовѣрность угрозы ; но старикъ де-Булонь, пораженный и почти полумертвый, нашолъ еще въ себя силу встать съ мѣста и подойти къ Сенъ-Жоржу.

— Вспомните, сударь, что я имѣю средство предупредить эту дуэль, сказалъ онъ : я могу написать къ королю.

— Уже поздно, отвѣчалъ Сенъ-Жоржъ : сію-минуту прivedутъ секунданты. Видите ?.... два часа.

— Сжался ! сжался ! вскричалъ де-Булонь, сложивъ руки. Ты требуешь стыда и поруганія моей старости. Я не могу рвннться на это ; я обязанъ беречь свое доброе имя изъ уваженія къ мѣсту, которое занимаю ; я дол-

женъ беретъ его на страхъ своимъ врагамъ. Проси у меня чего-нибудь другаго! чего хочешь проси! счастья твоей матери, богатства, мнѣнія маркиза.... Я готовъ на все. Съ нынѣшняго же дня разрываю всѣ связи съ этою женщиной, которую я теперь коротко узналъ, и Нозми, одна Нозми, будетъ предметомъ моихъ пожеланій. Неужели тебѣ мало? неужели ты еще не помилуешь Мориса?

— Послушайте, мосьё де-Булонъ, сказалъ Сень-Жоржъ : вы просите за сына, предавая на поруганіе мать.

— Этотъ сынъ.... моя кровь. Ахъ, Сень-Жоржъ! ты не знаешь, что такое сынъ!

— Не у васъ ли мнѣ поучиться родительской нѣжности? Вы только сегодня вспомнили объ одномъ изъ своихъ сыновей, когда струсили за другаго.

При этомъ упрекѣ, старикъ онѣмѣлъ. Послышался звонъ колокольчика.

— Вотъ они!... вотъ они!... вскричалъ онъ въ отчаяніи. Они идутъ сказать, что Морисъ приготовился къ смерти.... Кавалеръ де-Сень-Жоржъ! смотрите : я на колыняхъ.... я, съдой старикъ, клоню передъ вами блую голову!... О, сжальтесь!... Сень-Жоржъ! ты мой сынъ!.... сынъ! Пусть идутъ сюда! я скажу всѣмъ, ты мой сынъ!....

Голосъ старика прервался, дыханіе остановилось, на лицѣ появилось судорожное движеніе, подобное страшной улыбкѣ.... Казалось, что наступилъ грозный часъ и что тѣ, которые должны были войти въ комнату, застанутъ уже бездушный трупъ де-Булоня.

При этомъ зрѣлищѣ, сердце мулата палилось кровью. Надменный старикъ находился у ногъ его. Сень-Жоржъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него съ глубокимъ болѣзненнымъ чувствомъ; наконецъ слезы сверкнули въ его глазахъ....

— Встаньте!.... встаньте.... батюшка! произнесъ онъ, задыхаясь.

Въ это время вошли де-Ваннъ и де-ла-Моліеръ, секунданты Мориса.

— Милости просимъ, господа! сказала Сенъ-Жоржъ, мгновенно побѣдивъ свое чувство : я сейчасъ объяснюсь съ вами.

— Что ты хочешь дѣлать? шепнулъ де-Булонь.

— Не беспокойтесь! вы будете мною довольны : я не трону вашего самолюбія.

— Мы пришли выслушать вашу волю, кавалеръ, сказалъ де-Ваннъ : вы обиженный; отъ васъ зависитъ выбрать оружіе и назначить всѣ условія дуэли.

Сенъ-Жоржъ молчалъ минуты двѣ или три; въ комнатѣ господствовала глубокая тишина, впродолженіи которой слышалось только тяжелое дыханіе старика де-Булоня.

— Господа, отвѣчалъ наконецъ Сенъ-Жоржъ секундантамъ Мориса : я долженъ просить у васъ извиненія въ напрасномъ трудѣ, который вы на себя приняли. Я не буду драться съ маркизомъ де-Ланжѣ.

Де-Ваннъ и де-ла-Моліеръ онѣмѣли отъ изумленія; генераль-контролеръ потупилъ глаза; Ноэми съ непонятною нѣжностью смотрѣла на сына.

Когда они, всѣ четверо, вышли изъ комнаты, дверь еще не совсѣмъ притворилась за де-Булонемъ, опиравшимся на руки негритянки, какъ вдругъ маркиза, блѣдная и растрепанная, вбѣжала съ пронзительнымъ крикомъ : « Письма! Скорѣ мнѣ письма! »

Сенъ-Жоржъ, молча, подалъ ей ключъ и указалъ на бюро. Она, въ неистовствѣ, бросилась отпирать замокъ; руки ея дрожали.

— Ихъ нѣтъ! закричала она, открывъ доску.

— Нѣтъ? съ удивленіемъ повторилъ Сенъ-Жоржъ.

— Вы меня обманули?... или у васъ украли ихъ?...

Кто тамъ завладѣлъ?

— Я! сказалъ Тіо-Блазъ, входя въ комнату.

— Тіо-Блазъ!..., вскричали Сень-Жоржъ и маркиза.

— Да, это я, отвѣчалъ Испанецъ, нагло смотря на мадамъ де-Ланжѣ. Я сегодня укралъ письма, пользуясь минутой, въ которую Сень-Жоржъ выходилъ отсюда и оставилъ ключъ на столѣ. Они у меня далеко запрятаны.... И мосьё де-Булонь читалъ ихъ.

Маркиза, чуть не безъ памяти, упала на стулъ.

— Вы, вѣрно удивляетесь встрѣчь? сказалъ Тіо-Блазъ, подходя къ ней съ убійственнымъ равнодушіемъ. Напрасно: вы вѣдь знаете, какъ я люблю васъ. А господинъ генераль-контролеръ.... Фи, если бы вы видѣли, что за пріемъ онъ мнѣ сдѣлалъ! Эта сволочь, просителишки, которыхъ тамъ торчала цѣлая сотня, всѣ должны были отправиться по домамъ, не выдавши его превосходительства. Генераль-контролеръ принялъ только меня, обласкалъ чрезвычайно, чуть не предложилъ мѣста подъ своимъ начальствомъ. Ха, ха, ха!

— Тіо-Блазъ!... Тіо-Блазъ! вѣрить ли мнѣ ушамъ своимъ? Вы до-сихъ-поръ меня преслѣдуете?

— А какъ бы вы думали? Я постоянень, маркиза. Вотъ что! — Но послушайте, примолвилъ онъ, обращаясь къ Сень-Жоржу: вы, конечно, позвольте, чтобы съ этихъ поръ я одинъ заботился о мадамъ де-Ланжѣ.

— Что это? вскричала маркиза: что вы хотите сказать?

— Ничего особеннаго. Вы знаете всегдашній мой образъ мыслей, и вѣрно не откажетесь ѣхать отсюда ко мнѣ. У подъѣзду насъ ждетъ карета.

— Къ вамъ?.... О! никогда.... никогда!.... Лучше умереть. Убейте меня!

— Не убиваютъ женщинъ, которыхъ любятъ, маркиза. Напротивъ, такія женщины сами заставляютъ убивать.... знаете? Ну, давайте же руку! Подомъ!

И Тіо-Блазъ взялъ ее за руку. Несчастная увидѣла свою гибель.

— Злодѣй! почему ты не убьешь меня? почему....

— О! что за убійство? мнѣ нужна не кровь твоя, Каролина, а жизнь, жизнь для меня одного.

— Пощадите!... простите меня!...

— Ну, полно же.... Ёдемъ!

— Нѣтъ, я не поѣду, сказала маркиза, стараясь хватиться за платье Сенъ-Жоржа. Кавалеръ, защитите меня!

— На дворѣ холодно: надо васъ поберечь отъ простуды, сказалъ Тіо-Блазъ, проворно наложивъ платокъ на ротъ мадамъ де-Ланжѣ, чтобы заглушить ея крики, и въ то же мгновеніе унесъ ее отъ Сенъ-Жоржа, который еще не успѣлъ опомниться, какъ стукъ кареты возвѣстилъ ему, что Испанецъ поскакалъ съ своей добычей.

Между-тѣмъ старикъ де-Булонь, вѣвъ себя отъ радости, пріѣхалъ къ Морису и со слезами кинулся въ объятія сына, который, казалось, былъ спасенъ для него по особенной милости Божіей.

— Сію-минуту твои секунданты объявляютъ тебѣ, что кавалеръ де-Сенъ-Жоржъ отказывается отъ дуэли. Я былъ несправедливъ къ этому человѣку. Это благороднѣйшій человѣкъ! Между вами не должно быть ни малѣйшей ненависти.

— Почему не такъ, батюшка, ежели только онъ не будетъ загоразивать мнѣ дороги и оскорблять меня своею гордостью. Гдѣ вамъ случилось видѣть мулата?

— Я былъ у него, Морисъ.

— У него? подхватилъ молодой маркизъ, съ досадою. Надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, что вы не просили за меня, не искали его состраданія?

— Я старался убѣдить кавалера де-Сенъ-Жоржа, что дуэль между вами невозможна, и больше ничего. Онъ

сперва спорилъ, но наконецъ мои доказательства одержали верхъ.

— А я, батюшка, пожертвовалъ бы своею жизнью, чтобы дуэль состоялась. Она, можетъ быть, увидитъ жила бы ненавистный призракъ, который стоитъ между мной и Агатой. Признаюсь, я всё еще подозреваю, не замышляетъ ли мулатъ чего-нибудь противъ нашего счастья, хотя вы и приписываете какое-то благородство его рабской душѣ.

— О, нѣтъ! Чего тебѣ бояться? Вѣдь ты сегодня же женишься на Агатѣ... Ахъ, Морисъ! какъ я радъ! Мы, старики, не любимъ дуэлей.

— Но эта была бы мнѣ очень полезна, батюшка: она возвысила бы меня въ глазахъ Агаты. Притомъ я молодой, только вчера получилъ полкъ....

— То-то и есть, что ты молодой и получилъ полкъ! Твоя кровь, твоя храбрость принадлежатъ отечеству.

— Во всякомъ случаѣ я долженъ благодарить васъ. Вы мнѣ показываете истинно родительскую нѣжность, хотя я имѣю счастье быть только вашимъ приемнымъ.

Они обнялись, и по-видимому были совершенно довольны на эту минуту.

— А гдѣ же матушка? спросилъ наконецъ Морисъ.

— Мадамъ де-Ланжкэ сейчасъ будетъ, отвѣтилъ генералъ-контролёръ, не зная о случившемся съ ней несчастіи. Вѣрно, она одышется, потому что скоро надобно ѣхать въ церковь. Почтовые лошади готовы, и тотчасъ послѣ обряда ты отправишься съ женой въ Лондонъ. Я пишу теперь же къ Агатѣ, уведомивъ ее о случившемся окончаніи дѣла. Баллажка, думаю, очень проложится, потому что.... какъ хочешь, а я увѣренъ, что она тебя любитъ.

— Ахъ, если бы это была правда! вскричалъ молодой человекъ. Вамъ, батюшка, вамъ я буду обязанъ, блаженствомъ всей моей жизни! Какъ бы я желалъ видѣть, что и вы счастливы!

— Счастіе, мой другъ, отвѣчалъ господинъ де-Булонь протяжно : счастье.... дается въ награду за добрыя дѣла. А кто хоть разъ прогневалъ Бога, тотъ уже не долженъ надѣяться быть счастливымъ : онъ этого недостойнъ.... Поди ко мнѣ, Морисъ ! дай мнѣ обнять тебя, сынъ мой !

Прискорбное чувство, подавлявшее старика, было усилено еще мыслью, что онъ долженъ отвергнуть мать своего любимаго сына, женщину, которую онъ самъ боготворилъ некогда. Де-Ваннъ и де-ла-Моліеръ вошли въ комнату.

— А ! его превосходительство ужъ предупредилъ насъ ! сказалъ де-ла-Моліеръ. Не правда ли, маркизъ, что исторія кончилась очень странно ?

— Называйте это, если хотите, *странностью*, замѣтилъ де-Ваннъ двусмысленнымъ тономъ.

Они передали Морису слова Сенъ-Жоржа.

— Кажется, кавалеръ хотѣлъ показать великодушіе, прибавилъ де-ла-Моліеръ.

— Называйте это, если хотите *великодушіемъ*, подхватилъ де-Ваннъ по-прежнему.

— Во всякомъ случаѣ, господа, отвѣчалъ Морисъ : мнѣ ничего не остается, какъ только благодарить васъ за участіе въ этомъ дѣлѣ. Вы совершенно по-дружески вызвались быть свидѣтелями дуэли : такъ ужъ не откажитесь быть свидѣтелями и свадьбы.

Два секунданта приняли приглашеніе и повѣхали съ генералъ-контролеромъ, который завезъ ихъ въ церковь, а самъ отправился къ дѣвицѣ де-ла-Гей. Между-тѣмъ Морисъ надѣлъ новый мундиръ кавалерійскаго полковника, и, надобно сказать, онъ былъ очень хорошъ въ этомъ нарядѣ. Осматриваясь въ зеркало, молодой человекъ не безъ удовольствія подумалъ, что онъ произведетъ очень выгодное впечатлѣніе, когда придетъ съ молодой женой въ Доиннѣ, гдѣ стоялъ его отецъ. Маркизъ помнилъ, что по старымъ связямъ генералъ-

контролера съ военнымъ министромъ; онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ министерства, и мечталъ уже о генеральствѣ, о лентѣ Святаго Людовика. Благородное имя де-Ланжѣ открывало ему дорогу ко всѣмъ почестямъ; наконецъ онъ видѣлъ себя покрытымъ славою и всеобщимъ уваженіемъ; удалившимся отъ грома войны и суеты свѣту, и спокойно доживающимъ свой вѣкъ, вмѣстѣ съ Агатою, въ бретанскомъ замкѣ.... Бѣдный молодой человекъ!

Пріѣхавъ къ Агатѣ, онъ, какъ стрѣла, влетѣлъ въ ея комнату.

— Готовы ли вы? Я здѣсь.... вашъ! вашъ навѣкъ!

Но, вмѣсто прекрасной дѣвушки, передъ нимъ стоялъ мужчина, опершись на каминъ и склонивъ голову на руку.

— Батюшка! вы одни?.... что это значитъ?

Господинъ де-Булонъ подалъ ему распечатанное письмо.

— Умерла?... вскричалъ Морисъ. О, нѣтъ! Это невозможно!....

— Да, умерла,.... по-крайней-мѣрѣ для тебя, отвѣчалъ старикъ, угнетенный горестью.

Въ письмѣ было написано:

«Я васъ быгу, Морисъ, быгу туда, гдѣ находятъ пристанище слабыя и злополучныя души. Не ищите меня: я приняла мѣры, чтобы вы меня никогда не нашли. Будьте счастливы! Я не перестану молиться объ этомъ и во всю жизнь не прошу себя, что нарушила ваше спокойствіе.

«Агата де-ла-Эй.»

Морисъ остолбенѣлъ и нѣсколько минутъ оставался въ мрачномъ безмолвіи. Изъ окна видна была церковь, иллюминированная по случаю свадьбы. У дверей ждали почтовые лошади. Молодой человекъ бросился въ объятія де-Булоня и сказалъ:

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы кто-нибудь видѣлъ мой стыдъ! я вду.... одинъ. Утѣшите безъ меня матушку.

Старикъ хотѣлъ остановить его, закричалъ, кинулъ людей, но Марисъ уже обжгаль съ лестницы, бросался въ колеску и ускакалъ.

Такъ разлетѣлись всѣ мечты юноши! Последнія слова его были просьба утѣшить мать; но москѣ де-Булонь не могъ выполнить этого порученія: несчастная женщина томилась во власти злаго Испанца, подъ крѣпкимъ замкомъ и неутомимымъ надзоромъ, которые не оставляли ей ни малѣйшей надежды на спасеніе.

У одной изъ парижскихъ заставъ, на самомъ рубежѣ города, вдали отъ городской дѣятельности и шуму, возвышался старинный домъ, окруженный каменною стѣной, которая давно лишилась первоначальнаго цвѣту своей окраски, во многихъ мѣстахъ потрескалась и осыпалась, проросла травой и покрылась всѣми знаками разрушенія. Съ улицы этотъ домъ не былъ видѣнъ изъ-за стѣны, но если бы кто пробрался на дворъ, тому представилось бы угрюмое, закопѣлое зданіе, съ высокою черепичною кровлей, съ маленькими, въ безпорядкѣ разбросанными, окошками, и съ низенькимъ входомъ, закрытымъ желѣзною дверью. Четыре огромныя собаки, похожія на волковъ, стерегли это зданіе и поднимали ночью ужасный вой, который слышался далеко по безлюднымъ окрестностямъ. Днемъ, въ домѣ водворялась глубокая тишина; собаки прятались въ свои конуры и не было видно ни одного живаго существа. Только изрѣдка отворялась тяжелая калитка на улицу, и изъ нея выходила старая женщина, купить кой-какихъ припасовъ на ближнемъ рынкѣ. Воротившись, она тщательно вставляла желѣзный засовъ калитки опять въ свое мѣсто, запирала замокъ, и съ той минуты въ домѣ снова какъ-будто все умирало: ночью страшный вой собакъ, днемъ гробовое молчаніе.

Въ этотъ-то домъ, какъ въ свою законную собственность, Тю-Блазъ, или графъ де-Серда, привезъ маркизу де-Ланжѣ, которая была безъ памяти во все время

дурно, и завела безразумно въ службѣхъ парижской вѣнцы, и вынудила себя гуль, когда выдѣла въ просторной комнатѣ, освѣщенной однимъ уличнымъ фонаремъ.

— Не кричите, говорилъ ей Тіо-Блазъ. Конечно, адѣсь не такъ шумно, какъ у генераль-квартирера, но тамъ, напримеръ, картины его лучше этой карты острова Санъ-Доминго, на которой между прочимъ означено и то мѣсто, гдѣ лишился жизни вашъ мужъ?

— Попада! закричала маркиза, кинувшись на колѣни: теперь я въ твоей власти.... попада!

— Овъ не проситъ у меня пощады, но умеръ какъ должно благородному человеку, возразилъ Испанецъ. Да, онъ былъ истинно благородный человекъ!

Мадамъ де-Данжѣ покатила на полъ.

Опомнившись послѣ этого втораго обмороку, она увидѣла, что съ нею нѣтъ уже ничего. Взглядъ ея болѣзненно пробѣжалъ всю комнату и съ ужасомъ остановился на картѣ, по которой, минутъ десять назадъ, двигался палецъ Тіо-Блаза. Несчастная вспомнила объ единственномъ существѣ, которое можетъ-быть пожелаю бы освободить ее изъ заточенія, объ сынѣ, и слезы матери въ первый разъ потекли по блѣднымъ щекамъ. Но въ то же мгновеніе ей пришла въ голову страшная мысль, что Морисъ не знаетъ, гдѣ ее отыскивать, и что вѣроятно также и Сежъ-Жоржъ, будучи слишкомъ взволнованъ послѣдними происшествіями, не погнался за каретой, въ которой ее увезли. Слѣдственно тюрьма ея неизвѣстна и не будетъ извѣстна никогда никому. Маркиза тысячу разъ умираюла, воображая свою будущность.

Такимъ образомъ прошло осемь дней. Тіо-Блазъ объявилъ, что они завтра ѣдутъ въ Испанію. Ночь передъ отъездомъ была посвящена хлопотамъ; пользуясь этимъ, маркиза вырвалася изъ своей комнаты, въ которой впрочемъ и не хотѣли держать ея въ эту ночь, потому

что скорость отъезда и злыя собаки ручались за плетницу. Маркиза, какъ сумасшедшая, перебѣгая изъ одной комнаты въ другую, наконецъ очутилась въ той, гдѣ жилъ самъ ея властелинъ. Тутъ, на окошкѣ, стояли двѣ стекляночки; она взяла одну, понюхала и узнала знакомый запахъ....

Тю-Блазь, войдя въ эту комнату черезъ нѣсколькое время, увидѣлъ маркизу лежащею на полу. Лицо ея было густаго фіолетоваго цвѣту, глазные бѣлки страшно выворотились, зубы сомкнулись. Иной подумалъ бы, что она убита молніей.

— Отравилась! вскричалъ Испанецъ пронзительнымъ голосомъ, и, схвативъ другую стеклянку, осушилъ ее до послѣдней капли.

Между-тѣмъ, въ продолженіи этихъ же осьми дней, случилось въ Парижѣ происшествіе, которое сдѣлало важный переворотъ въ судьбѣ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашей исторіи: умеръ супругъ госпожи де-Монтсонъ, и съ кончиною его, гордая маркиза потеряла всякое значеніе въ обществѣ. Непризнанною вдовой, она удалилась отъ свѣта, чтобъ кончить свой вѣкъ въ монастырскихъ стѣнахъ. Сенъ-Жоржъ лишился въ ней сильнѣйшей покровительницы. Герцогъ де-Шартръ вздумалъ увхать въ Лондонъ и увезъ его съ собой.

Не станемъ описывать пребыванія его въ Англии; скажемъ только, что оно продолжалось больше двухъ лѣтъ и что въ эти два года, при тогдашнемъ шаткомъ положеніи умовъ въ цѣлой Франціи, произошло въ Парижѣ множество переменъ, уничтожившихъ весь прежній порядокъ. Сенъ-Жоржъ по возвращеніи не нашелъ никого и ничего на своемъ мѣстѣ: общество, къ которому онъ принадлежалъ, ужь разрушилось; идолы, чтимые въ его время, были ниспровергнуты: на ихъ мѣстахъ величались другіе. Мадамъ де-Монтсонъ играла довольно печальную роль, Агата постриглась, Ноэми

умерла съ тоски въ отсутствіе милаго сына, господинъ де-Булонъ также сошелъ во гробъ. Подавленный чувствомъ пустоты и отчужденія, Сень-Жоржъ блуждалъ по знакомому Парижу, какъ по африканской степи, встрѣчая вездѣ одни неизвѣстные лица и нигдѣ не находя ни отрады, ни утѣшенія. Тщетны были всѣ порывы его возстановить свою прежнюю знаменитость. Онъ распродалъ свои драгоценности, истощилъ все что оставалось у него отъ прежнихъ сокровищъ, и не достигъ цѣли. Въ Парижѣ ходила еще молва о какомъ-то кавалерѣ де-Сень-Жоржѣ, франтъ, бойцѣ, острякѣ, счастливецѣ въ любовныхъ дѣлахъ, котораго прозвали Чернымъ донъ-Хуаномъ; но эта молва принадлежала уже къ преданіямъ: на самого Сень-Жоржа смотрѣли, какъ на любопытный антикъ, а иные и смѣялись надъ нимъ, какъ надъ обрывкомъ стараго вѣку; нѣкоторые даже злословили его, выдумывали разныя клеветы, говорили, что Сень-Жоржъ изъ трусости не сталъ драться съ маркизомъ де-Ланжѣ, и прочая и прочая. Однимъ словомъ, Сень-Жоржъ вышелъ изъ моды, время его промчалось, метеоръ исчезъ, оставивъ только воспоминаніе.

Въ одно осеннее утро, на площадкѣ лѣстницы въ четвертомъ этажѣ невиднаго дому, стоящаго въ самой презрѣнной части Парижа, которая называется *Marais*, то есть, «Болото», стоялъ человекъ невысокаго роста, въ незавидной одеждѣ и весьма поношенной шляпѣ. Онъ, казалось, былъ въ нерѣшимости, позвонить ли ему въ колокольчикъ у запачканой двери, на которой видѣлась полусогнившая и почернѣвшая отъ сырости визитная карточка съ именемъ кавалера де-Сень-Жоржа; однако жъ наконецъ позвонилъ: дверь открылась и Платонъ, сказавъ гостю: «Здравствуйте, мосьё Ла-Боассиеръ», ввелъ его въ жилище своего господина.

Жалкое жилище!

Обои висѣли доскутьями съ потолка, около стѣны была раставлена въ беспорядкѣ старая мебель; надъ каминомъ тускло мерцало разбитое зеркало въ простой деревянной рамѣ безъ позолоты, а въ одномъ мѣстѣ была сдѣлана въ стѣнѣ впадина, родъ алькова, и въ немъ стояла простая желѣзная кровать, которая была гораздо короче росту лежавшаго на ней человѣка, такъ что ноги его торчали съ нея болѣе чѣмъ на полъ-аршина.

Человѣкъ этотъ отдыхалъ.... если можно назвать отдохновеніемъ мучительныя минуты, наполненныя безпрерывными болями во всемъ тѣлѣ. Черноволосая и смуглолицая голова его лежала на большой бѣлой подушкѣ, ротъ былъ раскрытъ, капли поту дрожали на лбу. При глубокой тишинѣ, господствовавшей въ комнатѣ, можно было легко разслушать, какъ зубы его стучали въ лихорадочномъ ознобѣ; онъ поминутно клалъ руку то на голову, то на глаза.

Надъ кроватью, въ альковѣ, висѣло множество писемъ, приколотыхъ къ обоямъ булавками, и вѣрно всѣ эти письма были отъ женщинъ, потому-что отличались прекрасною бумагой, мелкимъ, несвязнымъ почеркомъ; ни одно не имѣло подписи и каждое начиналось словами: «Дражайшій Сенъ-Жоржъ!» — «Милый Сенъ-Жоржъ!» — «Ангелъ мой!» — «Другъ мой!» или другими подобными нѣжностями, которыя въ разныхъ видахъ повторялись съ первой до послѣдней строки письма.

Тутъ же висѣли еще двѣ рапиры, помѣщенные крестъ на крестъ, и акварельный портретъ Сенъ-Жоржа съ подписью внизу «Карлъ Верне»; а ближе къ камину было развѣшено нѣсколько легкихъ карандашныхъ рисунковъ, въ которыхъ Сенъ-Жоржъ являлся то одерживающимъ побѣду на поединкѣ, то убивающимъ ласточку, то вскакивающимъ въ карету, которая мчится во весь опоръ, и такъ далѣе.

Герой этихъ подвиговъ, герой множества чудныхъ,

романическихъ ирраціональнѣйшѣхъ теоріяхъ уже не походятъ на сапого съба...

— Ахъ! эта лѣнь, Ла-Борассіеръ! оказавъ онъ своимъ помысламъ помысламъ: вы пришли навѣщать своего учителя.

— Я пришелъ навѣдаться, кто вы теперь, отвѣчалъ Ла-Борассіеръ. Скажите мнѣ, зачѣмъ отомъ здѣсь эта булыжная яма? давно ли противъ горячки употребляютъ такой мудреный медикаментъ?

— Съ-тѣхъ-поръ, мой другъ, какъ доктора съдались такъ глупы, что вездѣ видятъ одніе физическія болѣзни. Развѣ моя болѣзнь физическая? Посмотрите, какъ я здоровъ.

Онъ откинулъ свое одѣяло и показалъ Ла-Борассіеру широкую грудь, достойную Геркулеса. Дыханіе его стало немножко покойнѣе.

— Такъ у васъ хвораетъ душа? началъ опять фехтовальный учитель. Что дѣлать, мой другъ! Времена круты; прошедшаго не воротить; надобно быть философомъ. Вотъ и я закрылъ свою фехтовальную залу, да отъ скуки начинаю писать стихи на новыя знаменитости: всѣ-таки легче.

— Что новаго?

— Плохія новости, мой другъ: шумятъ, ссорятся, интригуютъ. Идучи сюда, я купилъ листокъ вчерашней газетѣ у кандитера Жоссерана, въ Палэ-Роаяль. Богъ знаетъ, чего тутъ не напечатано. Плохо, плохо! не сдобровать!

— Расскажите мнѣ что-нибудь про свѣтъ? Что наши модники? Правду ли говорятъ, что Гарà въ воскресенье пѣлъ въ обществѣ любителей?

— Пѣлъ, да охрипъ, мой любезный Сень-Жермъ. А впрочемъ общество задало слашную пирушку. Шабанонъ читалъ очень милые стихи, въ которыхъ и про васъ говорится.

— Право? Дайте же мнѣ ихъ! дайте скорѣе.

— У меня еще есть, отвечает Ла-Боассиеръ. Но я прошу вас что-нибудь, что вам нужно сейчас: вы были моя ученица, и я вам обязанъ маленькимъ услугою, которое мне удалось исполнить. По этому, Сень-Жоржъ, мы должны дѣлать въ ночь неболдой снотокъ. Онъ приодетъ вамъ, хотя на жалованье старику Пиддону, который ухаживаетъ за вами, какъ за роднымъ сыномъ.

— Сынъ!.... сынъ!....

Это слово напомнило Сень-Жоржу объ его одиночествѣ, и онъ залился горькими слезами.

— Понимаете ли вы, сказалъ онъ, сжимая руку Ла-Боассиеру: понимаете ли вы, что значить умирать; не имея семьи? видеть передъ собой послѣднюю минуту, и не встрѣчать ни одного взгляда, въ которомъ блеснетъ горячая, родственная слеза? О! какъ тяжелы будутъ мои предсмертныя муки!... Одинъ!... одинъ!....

Сень-Жоржъ упалъ на подушки и какъ-будто забылся; но черезъ нѣсколько минутъ онъ раскрылъ глаза и сталъ осматривать всѣ предметы, собранные около его постели.

— Вотъ, сказалъ онъ, взявши кольцо, которое лежало передъ нимъ на столикѣ: вотъ подарокъ покойницы.... Она умерла.... умерла вчера, въ монастырѣ!

И онъ прижалъ кольцо Агаты къ губамъ своимъ; потомъ надѣлъ его на руку, но оно свалилось съ усохшаго пальца. Между-тѣмъ Ла-Боассиеръ, желая освежить воздухъ въ комнатѣ, растворилъ форточку, и вѣтерокъ зашелестилъ нисъмами, приколотыми къ обоямъ.

— Молчите! сердито вскричалъ Сень-Жоржъ: вы меня обманывали, вы лгали; въ васъ нѣтъ ни одного слова истины; все, что въ васъ ни написано, все это ложь, гнусная, мерзкая ложь!

Онъ закрылъ глаза и продолжалъ вполголоса:

— Любовь! жалкое заблужденіе!.... Любили меня когда я былъ молодъ; покинули при послѣднемъ из-

дыханіи ! Чѣмъ я теперь для тѣхъ женщинъ, которыя прежде, вѣснушки одна перелѣ другой, старались обратить на себя мое вниманіе ? Ничего ; намѣтая, полинялая лента, которая имъ не годится. Одну улыбку внесу я въ свою могилу, улыбку признательности отъ двушки, которую я спасъ. Но и это признательность.... признательность.... не любовь. А что друзья ? что тѣ веселые, шумные, и, казалось, такіе добрые, такіе преданные друзья, товарищи на бою, въ оперѣ и на ужинѣ ? гдѣ они ? куда они дѣлись ?.... Увы ! пока я тутъ издыхаю, какъ левъ прострѣленный сотнею пуль, они не прійдутъ утѣшить меня и никто изъ нихъ не вступится за обиженного ; на котораго какой-нибудь де-Ваннъ смѣетъ взводить нелѣпыя клеветы, небыллицы !

Удуше не дало ему говорить далѣе. Въ то время отворилась дверь, и въ комнату вошелъ молодой человекъ, въ мундиръ, блѣдный, растрепанный, весь въ пыли, съ кровавыми пятнами на одеждѣ и съ выраженіемъ усталости и глубокой скорби въ чертахъ лица.

— Братъ ! вскричалъ онъ, кинувшись къ постели Сень-Жоржа : братъ !.... я Морисъ !.... Ты не узнаешь ?

Сень-Жоржъ привсталъ и устремилъ на молодаго человека пристальный, неподвижный взглядъ ; лицо его измѣнилось ; онъ сдѣлался страшень.

— Братъ ! началъ опять Морисъ : я пришелъ къ вамъ и по влеченію моего собственнаго сердца, и по волѣ человека, который былъ близокъ намъ въ одинакой степени. Я только сегодня пріѣхалъ въ Парижъ, узнавъ о болѣзни мосеё де-Булоня ; я не засталъ его : онъ уже скончался ; но мнѣ отдали его бумаги, его особенное ко мнѣ письмо, и теперь я все знаю. Надъ этимъ письмомъ я поклялся покойному вымолить у васъ прошеніе сперва ему, потомъ себѣ. Неужели, Сень-Жоржъ, вы откажете ? Я только сейчасъ узналъ, что мы братья. Сень-Жоржъ ! Сень-Жоржъ ! братъ !.... руку !

— Руку? повторилъ Сенъ-Жоржъ со слезами и смѣхомъ : вы просите мою руку, маркизь де-Ланжè ? Но вѣдь она черная! Вы объ этомъ забыли, маркизь.

— Эта черная рука могла умертвить меня, Сенъ-Жоржъ, и пощадил! Это рука моего брата! Не думай, что ты видишь передъ собой труса и неблагодарнаго подлеца. Нѣтъ! я ужъ заплатилъ тебѣ. Никто не осмѣлится клеветать на моего брата. У меня есть шпага, и смотри, на ней кровь!

Морись обнажилъ шпагу и показалъ слѣды крови, которою она была замарана до половины. Сенъ-Жоржъ быстро поднялся и схватилъ оружіе.

— Кровь?... Чья это кровь, Морись?

— Кровь чловѣка, который злословилъ тебѣ, кровь де-Ванна, котораго я сейчасъ закололъ.

— Закололъ? вскричалъ Сенъ-Жоржъ, вскакивая съ постели. Повтори, повтори это, и потомъ.... обвинимся! Морись, ты точно мой братъ!

Онъ стиснулъ его въ своихъ объятіяхъ, смотрѣлъ на него съ восторгомъ, улыбался Платону и Ла-Боассіеру, потомъ сталъ осматривать заботливо руки и мундиръ Мориса.

— Ты раненъ, говорилъ онъ, въ руку? вотъ здѣсь? Ну, это ничего; не опасно. Я тебя вылечу. Главное, ты поступилъ какъ братъ!.... О, Морись!....

— Вотъ батюшкино завѣщаніе и письмо, сказалъ Морись : ты увидишь его послѣднюю волю. Я не хочу оставаться во Франціи : здѣсь земля колеблется подъ ногами, и честные люди, не имѣя возможности прекратить общихъ беспорядковъ, бѣгутъ въ чужія земли. Убѣжимъ и мы! поѣдемъ на нашу родной Санъ-Доминго. Гдѣ намъ лучше кончить свой вѣкъ, какъ не тамъ, гдѣ мы родились? Поѣдемъ! поѣдемъ завтра же, или хоть въ эту самую ночь!

— Эта ночь, можетъ статься, будетъ послѣднею въ моей жизни, Морись. Ты видишь, какъ я слабъ. Но

это не должно тебя удерживать. Напротив, я не хочу, чтобы ты был свидетелем моей смерти, и умру без сожаления, потому что приближался къ сердцу своего брата. Покажи, покажи одинъ.

— О, нѣтъ! я съ тобой не расстанусь. Если ты не хочешь ѣхать, такъ и я здѣсь, возлѣ тебя.

— Тебѣ нужно ѣхать, Морисъ : у тебя, на Санъ-Доминго, есть дѣла, которыя надо привести въ порядокъ.

— Это наши общія дѣла, Санъ-Жоржъ. Прочти батюшкино завѣщаніе. Онъ завѣщалъ тебѣ свою плантацію Розу.

— Розу!.... Какъ? Розу, гдѣ мы вмѣстѣ воспитывались.... Роза принадлежитъ мнѣ?....

— Да, намъ обонимъ, отвѣчалъ Морисъ вполголоса.

— Обонимъ!.... И такъ мы опять вмѣстѣ!.... ахъ!....

Онъ подалъ бумагу Ла-Бюассіеру, потому что самъ не могъ читать по слабости зрѣнія, а Морисъ рыдалъ какъ дитя.

— Господинъ генераль-контролёръ передаетъ плантацію свою, Розу, кавалеру де-Сенъ-Жоржу и маркизу Морису де-Ланжѣ, сказалъ фехтовальный учитель, прочитавъ завѣщаніе: тутъ же прибавлено, что «новые владельцы сей плантаціи обязываются опредѣлить на оную управителемъ Жозефа Платона.»

— Опять управителемъ въ этотъ рай! вскричалъ Платонъ.

— Съ жалованьемъ и другими доходами, составляющими въ годъ десять тысячъ ливровъ, продолжалъ Ла-Бюассіеръ.

Платонъ стоялъ, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, изъ которыхъ текли крупныя слезы.

— Видишь, Платонъ! не надобно ни въ чемъ отчаиваться, сказалъ учитель.

Старикъ отеръ свои слезы и, отвѣдя Мориса въ сторону, показалъ ему послѣдній рецептъ, прописанный Сенъ-Жоржу. Молодой маркизъ увидѣвъ, что братъ

его боленъ такою болѣзью, противъ которой безсильны все врачебныя пособія. Между-тѣмъ кавалеръ, какъ будто пробудившись отъ долгаго сна, приподнялся, сѣлъ и позвалъ къ себѣ Платона.

— Хорошо, сказалъ онъ : я ѣду. Какъ мнѣ не ѣхать туда, гдѣ я узналъ первыя чувства души моей? Сейчас же хочу быть здоровымъ. Обрѣй меня, подавай одѣваться.... зеленый кафтанъ, въ которомъ я былъ послѣдній разъ въ оперѣ.... Подай сперва зеркало : я хочу себя видѣть. Я встану.... да не держи меня, не держи....

И онъ действительно всталъ, но въ ту же минуту опять упалъ на постель : лицо его сдѣлалось еще блѣднѣе, чѣмъ прежде.

— Нѣтъ.... произнесъ онъ умирающимъ голосомъ : нѣтъ!.... Морись, повзжай одинъ, возьми съ собой Платона.... Оставьте меня умереть какъ будетъ Богу угодно.... Возлѣ меня есть еще другъ, добрый человѣкъ, который не покинулъ меня въ нищетѣ и въ презрѣніи....

Онъ положилъ свою дрожащую руку въ руку Ла-Боассьера. Слезы были единственнымъ отвѣтомъ учителя. Морись и Платонъ тоже молчали, съ глубокимъ огорченіемъ устремивъ глаза на Сень-Жоржа; въ комнату водворилась совершенная тишина.... Вдругъ одна изъ рапиръ, видно худо повѣшенная, упала и зазвенѣла, стукнувшись объ желѣзо кровати. Ла-Боассьеръ послышавъ поднять ее, поцѣловалъ и положилъ возлѣ больного. Сень-Жоржъ не шевелился и не открывалъ глазъ.

— Онъ спитъ, сказалъ вполголоса фехтовальный учитель.

— Такъ уйдемте, чтобы не беспокоить его, отвѣчалъ маркизъ. Черезъ полчаса я опять здѣсь буду.... Платонъ, нужно ли просить, чтобы ты о немъ позаботился до моего возвращенія ?

Старикъ, молча, кивнулъ головой. Морисъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ висящую руку Сень-Жоржа, помолился и осторожно, на цыпочкахъ, началъ вмѣстѣ съ Ла-Боассьеромъ прокрадываться къ дверямъ.

— Не уходите, сказалъ имъ Платонъ.

Они оглянулись.

— Не уходите, господа! нѣ-зачѣмъ : онъ умеръ.

Черезъ нѣсколько дней вѣрный Платонъ также кончилъ жизнь свою на корабль, который плылъ къ Антильскимъ островамъ. Что касается до Мориса, то онъ добѣжалъ до Санъ-Доминго, но вскорѣ погибъ тамъ, при возмущеніи негровъ.

=

АЛЬБЕРТИНА ФОНЪ-ПРЕЙСАХЪ.

Загадочный процессъ несчастной французской дѣвы, въ судьбѣ которой вся Европа принимаетъ столь живое участіе, напоминаетъ мнѣ одинъ подобный, пытке забытый, но въ свое время произведшій тоже сильное впечатлѣніе. Я разскажу его какъ-можно короче.

На самой возвышенной точкѣ цѣпи холмовъ, которые составляютъ родъ ограды около одного мѣстечка въ южной Германіи, стоитъ въ лѣсу ветхая часовня во имя Святой Анны. Въ эту часовню никто не заглядываетъ: развѣ только прохожіи крестьяннѣ иногда остановятся для отдыха, да еще въ день памяти святой, и въ нѣкоторые другіе праздники, жители сосѣдственныхъ деревень приходятъ сюда помолиться. Въ 1816 году, двадцать-шестого августа, одинъ поселянинъ, живущій неподалеку, проходилъ мимо: съ своимъ десяти-лѣтнимъ сыномъ. Мальчикъ убѣжалъ впередъ, заглянулъ въ часовню и вдругъ кинулся къ отцу, съ воплемъ и выраженіемъ ужаса на лицѣ. Крестьянинъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу: «Что съ тобой случилось? что ты?» спросилъ онъ сына, и хотѣлъ войти въ часовню, но остановился какъ вкопанный: на полу, весь въ крови, въ одной рубашкѣ и брѣвкахъ, въ саногтахъ со шнорами, лежалъ трупъ молодого человека; правая рука его замерла на груди; на указательномъ пальцѣ блестяло большое золотое кольцо съ печатью.

Крестьянинъ ту же минуту отправилъ сына въ ближнюю деревню, сказать объ этомъ открытїи, а самъ вытащилъ мертвеца изъ часовни. Ему показалось страннымъ, что подъ трупомъ было не много крови. Ежели предположить, что человекъ убитъ насильственнымъ образомъ, то очевидно, что убійство совершено не тамъ, гдѣ нашли тѣло. Осматриваясь кругомъ, крестьянинъ замѣтилъ человѣческіе слѣды, тщательно затертые, но еще довольно видные, по направленію къ лѣсу, гдѣ возвышалась скала Раубштейнъ, на вершинѣ которой лежали развалины стариннаго замку, известныя въ окресткахъ по оубевернымъ преданїямъ. Между-тѣмъ пришли изъ деревни староста, лекарь, и съ ними толпа праздныхъ зѣвакъ, которые всегда рады случаю тамъ-нибудь разогнать свою скуку.

По осмотру тѣла оказалось, что оно уже начало разлагаться. Подъ рубашкой нашли пеструю порезку, одѣланную, какъ видно, изъ дамской шали; подъ нею другую изъ полотна. Эта порезка жъ лѣвой стороне груди, и когда сняли ее, то увидѣли не широкую но глубокую рану, проникающую до самаго сердца и нанесенную какимъ-то острымъ орудїемъ, моментъ-слышавъ по-ложь. Анатомическое вскрытіе тѣла подавало поводъ къ заключенію, что покойный передъ смертію никакъ живо и, кажется, неумеренно.

Между-тѣмъ какъ происходило свидѣтельствованіе трупа, одинъ изъ зрителей пустился по личнымъ слѣдамъ къ Раубштейну и вернется объявить, что смертоубійство совершенно безъ сомнѣнїя въ развалинахъ. Староста, лекарь и всѣ тотчасъ пошли туда, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли признаки страшнаго сценна. Въ полѣ были въ крови, на стѣнѣ также чернѣлись кровавыя пятна, а вондуръ лежали остатки обѣду и заутраку: корки хлѣба, образки плодовъ и разбитая бутылка, въ которой еще оставалось несколько капель сладкаго, но крѣпкаго, напитку.

Слѣды отъ паводни въ развалинахъ башни-авиисны, но дальше легко было приблизити, — что они шли къ лагерной дорогѣ; ведущей въ Гильгенбергъ. Бирокъ развалины нашли другой кусочекъ, той же природы, которую была обвязана рана, а глубже, въ яму, увидѣли висляную на сушь длинную дамскую широкую шаль датской вышивки, совершенно новую съ прекрасной работы, только съ пятнами, которое докторъ призналъ за вышивку. Потому слѣды исчисляли широкими и наконецъ совершенно врезались на гладкой дорогѣ въ Гильгенбергъ.

Въ надеждѣ какого-нибудь открытiя, зрителямъ было позволено осмотрѣть тѣло; но это не привело ни къ чему. Наступалъ вечеръ, и потому покойника отнесли на кладбище, въ ближнюю деревеньку Гофштедъ.

На другой день поутру явился, одиноко живъ, съ старостью хозяинъ небольшого постоялаго двора, который отъкадися въ ясу по ездѣ отъ этого мѣста. Осмотрѣвши тѣло, приготовленное уже къ погребенiю, онъ узналъ въ немъ путешественника, который ночевалъ въ его домѣ на двадцать-четвертое августа и ушелъ рано утромъ. Трактирщикъ не зналъ ни имени ни званiя этого человека, ни откуда онъ и куда былъ направленъ идти. Вся его догадка, — которая впрочемъ и не подлежала ни какому сомнѣнiю, потому что на ножевыхъ найдены шпоры, — состояла въ томъ, что путешественникъ былъ офицеръ, можетъ-быть одного изъ полковъ, расположенныхъ въ окрестности. На вопросы о платьѣ и другихъ вещахъ, находившихся при незнакомцѣ, онъ отвѣчалъ, что помнитъ золотые часы съ цѣпочкой и ключикомъ, зеленый шелковый кошелекъ и два кольца, изъ которыхъ одно большое съ печатью; а другое тоненькое, обручальное; ему показали кольцо, найденное на пальцѣ жертвы; трактирщикъ объяснилъ, что еще тѣ самое, которое онъ видѣлъ у своего постояльца.

Населенно пропала несколько времени безъ великихъ дальнѣйшихъ открытій, какъ насчетъ жизни несчастной жертвы, такъ и насчетъ причинъ ея умерщвленія, хотя оберъ-прокуроръ уголовного суда въ Гайнбургѣ разыскивалъ дѣло очень усердно. Наконецъ, въ январѣ, было сообщено суду отъ италіанскаго полиціи 4-го округа, что нѣкто господинъ фонъ-Брейзахъ, уроженецъ б — ой провинціи, жившій нѣсколько времени въ К***, и часто отлучавшійся на дѣнь и на два въ горы, пропалъ безъ вѣсти въ концѣ прошедшаго августа. Ключница его объявила о томъ полиціи, и, по показаніямъ этой женщины, можно было заключить, что убитый, найденный въ часовнѣ, и господинъ фонъ-Брейзахъ — одинъ и тотъ же человекъ. Вытребовали ключницу. Она явилась въ сопровожденіи стараго инвалида, который нѣсколько времени былъ въ услуженіи у фонъ-Брейзаха и, съ перваго взгляду на сапоги покойника, сказалъ, что онъ ихъ знаетъ, что они бывали у него въ рукахъ. Сверхъ-того оба, и ключница и инвалидъ, согласно объявили, что у барина и въ были золотые часы и два кольца, точно такъ, какъ говорилъ трактирщикъ. Кольца съ печатью, найденнаго на убитомъ, они не могли совершенно признать за принадлежавшее фонъ-Брейзаху, однако жъ сказали, что оно, кажется, то самое; а что касается до другаго кольца, то оба описывали его такимъ образомъ, что следовало заключить, что оно обручальное.

Показанія ихъ объ образѣ жизни Брейзаха были неблагоприятны. Онъ велъ уединенную, но, какъ видно, не похвальную жизнь, имѣлъ связь съ актрисой к — го театра и разорвалъ эту связь незадолго до послѣдней своей отлучки; актриса тогда уѣхала изъ города, но неизвѣстно куда.

Какъ ни важны казались эти свиданія съ перваго взгляду, однако жъ дѣло отъ нихъ ни сколько не про-

яснялось. Кто таковъ господинъ фонъ-Брейзахъ? Имя это было рѣшительно неизвѣстно въ околоткѣ; его не отыскали въ спискахъ дворянъ, а гербъ на возлѣ съ печатью, кто его ни разсматривалъ, не былъ узнавъ ни однимъ человѣкомъ; притомъ же и гербъ и имя, все это могло быть присвоено какимъ-нибудь бродягою.

Счастливымъ случаемъ помогъ нѣсколько разсѣять затрудненія, встрѣченный при слѣдствіи. Въ одномъ частномъ обществѣ кто-то упомянулъ имя Брейсаха, и бывший тутъ основнымъ дипломатъ, великій знатокъ геральдики, слышалъ замѣчаніе, что, вѣрно, это имя проносить не такъ, какъ должно. Онъ зналъ одно дворянское семейство, которое называлось Прейсахъ, и нѣгъ у себя рисунокъ герба этой фамиліи. Замѣчаніе его было передано чиновникамъ, производившимъ слѣдствіе; потребовали отъ него гербъ Прейсаховъ: открылось, что это тотъ самый, который былъ вырванъ изъ кольца.

Одна вѣтвь фамиліи Прейсаховъ имѣла пребываніе въ б—ой провинціи, которую начальникъ полиціи к—го округа, какъ уже сказано называлъ родиной чловѣка, пропавшаго въ августѣ изъ К^{...}. Оберъ-прокуроръ тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ начальствомъ этой провинціи, и черезъ нѣсколько дней было получено письменное показаніе Фердинанда фонъ-Прейсаха, меньшаго сына стараго барона Ансельма фонъ-Прейсаха, живущаго въ своемъ наследственномъ имѣніи Б^{...}. Фердинандъ фонъ-Прейсахъ писалъ, что у него былъ или есть старшій братъ, по имени Германнъ; что тотъ Германнъ, два года назадъ, отправился за границу, и что они уже давно не имѣютъ о немъ ни какого извѣстія. «По всему видно, продолжалъ Фердинандъ, что найденный покойникъ — братъ мой. Семейство наше очень желаетъ добратъса до истины. Я ближайшій наследникъ Германнова имѣнія, пото-

му что у него осталась только одна малолетняя дочь, после кратковременнаго супружества. Досебѣ лично являлся въ судъ и представлялъ все нужныя свидѣнія, для поименнаго вѣдомаго дѣла.»

Въ январѣ 1817 Фердинандъ фонъ-Прейсахъ пріѣхалъ въ Гайнбургъ. Прочитавъ все бумаги по слѣдствію, онъ тотчасъ объявилъ, что убитый действительно братъ его Германтъ; потомъ просилъ выдать себѣ свидѣтельство о Германновой смерти, для полученія наслѣдства, и изъявлялъ сильное сожалѣніе, что это дѣло не можетъ обдѣлаться такъ скоро, какъ бы онъ желалъ. Но Фердинанду дали почувствовать, что, при всей довѣренности къ его показанію, оно не можетъ быть признано достаточнымъ, потому что онъ одинъ свидѣтель, притомъ свидѣтель тайной, который заинтересованъ дѣломъ о смерти брата. Вмѣстѣ того, совѣтовали ему вѣрить свою претензію адвокату и, въ случаѣ открытія убійцы, подать жалобу въ уголовный судъ, который будетъ судить виновнаго.

Фердинандъ принялъ совѣтъ и выбралъ адвоката Сенкенберга, человека чрезвычайно дѣятельнаго и искуснаго, котораго обширное знакомство и связи въ околоткѣ подавали ему надежду на скорое и благопріятное окончаніе дѣла. Притомъ важность дѣла и знатность кліента не позволяли никакъ сомнѣваться, что Сенкенбергъ употребитъ въ этомъ случаѣ все свое усердіе.

Но престоуму ли стеченію обстоятельствъ, или потому что вмѣшательство человека, который лично интересовался раскрытіемъ тайны, было действительно обыкновенныхъ распоряженій полиціи, только, съ тѣхъ-поръ какъ баронъ Фердинандъ появился въ Гайнбургъ, начали обнаруживаться разныя обстоятельства, которыя, безъ его старанія, можетъ-быть остались бы

всѣ не раскрытыя, или до крайней мѣры не при-
влекли бы къ себѣ много вниманія.

Фердинандъ прежде всего прѣхалъ въ К... , послед-
нее мѣсто пребыванія своего брата, выхлопоталъ доз-
воленіе видѣть вещи его, опечатанныя мѣстнымъ на-
чальствомъ, и осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ
каждый лоскутокъ бумаги, въ надеждѣ найти что-ни-
будь такое, что можетъ бросить свѣтъ на судьбу по-
койнаго. Между-прочимъ ему попалось письмо, писан-
ное красивымъ почеркомъ по-французски. Адресъ былъ
оторванъ, но содержаніе показалось Фердинанду важ-
нымъ.

«... Пожалуй, мы увидимся, но чтобы это свиданіе было
«рашительное. Ваши угрозы меня не испугаютъ: я съумѣю
«защититься оружіемъ, которое мнѣ подадутъ добродѣтель-
«и честь. Пишу къ вамъ въ послѣдній разъ. Намъ больше
«нельзя тайно переписываться.

А.»

«21 іюля. Бл.»

Фердинандъ доставилъ этотъ документъ оберъ-про-
курору и объяснилъ ему свое мнѣніе, что содержаніе
письма имѣетъ связь со смертью Германна. Судъ полагалъ,
что преступленіе совершено разбойниками, но онъ съ своей
стороны думалъ иначе: онъ находилъ, что обстоятельства,
которые дали поводъ къ такому заключенію, могли быть
приложены умышленно, чтобы скрыть истину. Рука, поразившая
Германна, по его мнѣнію, была рука женщины. Многіе, спрошен-
ные при слѣдствіи, показали, что они видѣли какую-то
женщину въ окрестностяхъ часовни, около того време-
ни, когда Германнъ убитъ; рана Германна была пере-
вязана женскою палією; женская перчатка найдена неподалеку
оттуда въ лѣсу; и наконецъ, письмо, отъ 21 іюля, оче-
видно писано женскимъ почеркомъ. Въ

этомъ писемъ говорится о рѣзкомъ свидѣаніи, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что оно произошло близъ часовни, только — увы! — было уже слишкомъ *поздно* для несчастнаго Германна.

— Мнѣ не хотѣлось бы подвергать подозрѣнію невинныхъ людей, продолжалъ Фердинандъ : но, будучи такъ близокъ покойнику, я не могу не объявить всего, что до него касается. Братъ мой, человекъ достойный всякаго уваженія, имѣлъ одну слабость : не умѣлъ управлять своими страстями. Это было причиной, что онъ, женившись на благородной дѣвушкѣ, разъяхался съ ней вскорѣ послѣ брака. Излишества, которыми онъ предавался послѣ того, на свободу, безъ надзору семейства, неравъ вводили его въ затруднительное положеніе и подавали поводъ къ трагическимъ сценамъ. По показаніямъ ключницы и слуги, онъ имѣлъ въ К^{***} связь съ оперною танцовщицей, которая исчезла незадолго до его смерти, и потому, мнѣ кажется, должно больше всего разыскивать то обстоятельство, что въ окрестностяхъ мѣста, гдѣ совершено убійство, видѣли женщину.

Оберъ-прокуроръ не могъ не согласиться въ основательности нѣкоторыхъ Фердинандовыхъ замѣчаній. Требованіе барона было исполнено, и въ результатъ получены слѣдующія новыя подробности, которыя все относятся къ тому самому дню, двадцать-четвертаго августа, когда Германнъ въ послѣдній разъ ушелъ съ постоялаго двора и когда, какъ показали свидѣтели, въ сосѣдственныхъ деревняхъ былъ праздникъ, по случаю рожденія одной принцессы.

Одинъ Швейцарецъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати, чрезвычайно простой, ходилъ утромъ рубить дрова, и, спускаясь по тропинкѣ, ведущей къ Раубштейну, видѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя мужчину и женщину, которые шли лѣсомъ. Мужчина былъ

въ егерскомъ муляжѣ, а женщины въ нестрогую шляпу, въ соломенной шляпкѣ и съ зонтикомъ. Они скрылись между деревьями, потомъ опять показались у самаго Раубштейна, и снова скрылись за однимъ гребнемъ этой скалы.

Содержатель купальни въ Шлингинѣ, маленькой деревенькѣ, находящейся возлѣ гильгенбергскихъ купалень, далъ показаніе, болѣе опредѣлительное и важное. Около полудня, хорошо одѣтая, высокая и стройная дама, пріятной наружности, только очень блѣдная и усталая, съ черными локонами, которые совсѣмъ-было распустились, вошла въ его домъ и просила перевязать рану на ладони правой руки обмотанной носовымъ платкомъ. Содержатель купальни исполнилъ ея просьбу. Рана была широкая, но не глубока и, вѣроятно, сдѣлана какимъ-нибудь острымъ оружіемъ. Жена содержателя, по просьбѣ незнакомки, дала ей чистый платокъ. Незнакомка положила ей въ руку червонецъ и поспѣшно удалилась. У садовой калитки ждалъ ея старикъ, судя по одеждѣ, лѣсной сторожъ. Дама взяла его руку, и они вмѣстѣ пошли по дорогѣ къ Гильгенбергу.

Сосѣдъ, который изъ-за забора своего саду видѣлъ старика и даму, прежде нежели она вошла въ домъ содержателя купальни, объявилъ съ своей стороны, что она горько плакала и рыдала, говоря со старикомъ, а тотъ отвѣчалъ: «Полно-те, сударыня. Вѣдь ужъ слезами не воскресить! Я никого не выдамъ; я буду молчать, какъ гробъ.»

Одежда незнакомки, сколько могли припомнить оба послѣдніе свидѣтеля, состояла изъ зеленого шелковаго платья и соломенной шляпки съ цвѣтами; въ рукѣ у ней былъ зонтикъ изъ свѣтлой шелковой матеріи.

Фердинандъ былъ очень доволенъ этими открытіями.

— Скоро мы все узнаемъ, говорилъ онъ Сенкенбергу.

Ясно, что перчатка, найденная въ яду, потеряна этою раненою женщиною. Она съ правой руки. Мы уже имеемъ у себя эту перчатку : отыщемъ и руку.

Сенкенбергъ опять привелъ въ движеніе полицію. Онъ досталъ описаніе примѣтъ подозрѣваемой танцовщицы, и онъ, какъ обыкновенно случается, сошлись довольно близко съ показаніями содержателя купальни и его сосѣда о наружности раненой незнакомки. Ему даже посчастливилось открыть ея мѣстопребываніе; но пророчество Фердинанда не сбылось : танцовщица неоспоримо доказала, что она въ день преступленія была въ другомъ мѣстѣ; паспортъ ея былъ совершенно чистъ; не подлежало ни какому сомнѣнію, что она еще въ половинѣ іюля выѣхала изъ К^{***} и съ того времени не бывала уже въ окрестностяхъ этого мѣста.

Чтобъ лучше удостовѣриться въ справедливости отѣтовъ танцовщицы, заставили ее примѣрить перчатку, но она оказалась такою малой, что ее съ большимъ трудомъ сняли, опасаясь изорвать въ куски. Впрочемъ, при этомъ случаѣ обнаружилось одно обстоятельство, по которому стало видно, что первоначальныя разысканія сдѣланы были весьма невнимательно, и которое по этому подавало надежду на новыя открытія. Снимая перчатку съ руки танцовщицы, выворотили ее наизнанку и увидѣли клеймо : «Вильг; Т..Фъ». то есть, двѣ среднія буквы въ фамиліи отпечатались такъ неясно, что ихъ никакъ нельзя было разобрать.

Теперь, разумѣется, все вниманіе было устремлено на то, чтобъ узнать, чье имя находится въ этомъ клеймѣ. Могло быть, что это имя той особы, которой принадлежала перчатка; могло быть также, что это имя фабриканта, или купца, у котораго она куплена. Полагая, однакожь, что, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, находка имени можетъ вести къ дальнѣйшимъ открытіямъ, вручили перчатку надежному полиціево-му

чиновнику, съ тѣмъ чтобы онъ сдѣлалъ разѣсканіе между продавцами подобныхъ товаровъ.

Между тѣмъ случилось одно странное приключеніе. Въ день святой Анны, гофштедскій священникъ, по обыкновенію, всыръгъ находившуюся въ часовнѣ кружку, чтобы вынуть изъ нея деньги, которыя накопились въ теченіи года отъ добровольныхъ приношеній въ пользу бѣдныхъ, и нашелъ въ ней такую вещь, какой вовсе не ожидалъ, именно, зеленый, шелковый, полустигившій и полинялый кошелекъ, въ которомъ лежало значительное количество серебряныхъ и нѣсколько золотыхъ денегъ. Мѣнникъ присоединенъ былъ маленькій лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано карандашомъ и, какъ казалось, умышленно измѣненныи почеркомъ, крупными и безобразными буквами: «Погребите покойника по обрядамъ католическаго исповѣданія. Богъ наградитъ васъ.»

Священникъ сообщилъ объ этомъ мѣстнымъ властямъ, которыя тотчасъ вспомнили, что по показанію хозяина постоялаго двора, гдѣ жилъ Германнъ Преисахъ, у него также былъ зеленый шелковый кошелекъ. Позвали этого человѣка, и онъ подтвердилъ, что кошелекъ, найденный въ кружкѣ, очень похожъ на принадлежавшій его постояльцу.

— Изъ этого видно, что Германнъ убитъ точно не разбойниками, сказалъ Фердинандъ, когда сообщили ему новость о кошелькѣ: разбойники не положили бы денегъ въ кружку. Скорѣе должно подумать, что рукою убійцы управляла ревность или мщеніе оскорбленной любви; что раскаяніе послѣдовало за преступленіемъ, и что та же рука, которая нанесла рану, стала умолять о христіанскомъ погребеніи своей жертвы. Вѣроятно, преступникъ думалъ, что записочка его будетъ найдена въ одно время съ покойникомъ.

Нѣсколько дней спустя, Фердинандъ получалъ изъ

дому письма, которыя заставили его уѣхать передавъ Сенкенбергу дальнѣйшія хлопоты по слѣдствію. Старый баронъ Прейсахъ очевидно приближался къ могилѣ, и надобно было заняться устройствомъ дѣлъ, которыя возникали по случаю смерти Германна относительно ихъ имѣнія. Фердинанду совѣтовали ѣхать въ столицу, гдѣ, какъ и самъ онъ надѣялся, личное ходатайство передъ высшими властями можетъ опровергнуть препятствія, найденныя въ провинціальномъ судѣ непреодолимыми, и доказать дѣйствительность Германновой смерти. Къ этому, отчасти, побуждали его и родственники жены Германна: хотя между нихъ семействами не было дружбы, однако жъ ничто не мешало ожидать, что когда смерть молодого барона будетъ дознана, то вдова его изъявитъ желаніе получать доходы съ части имѣнія, уступленной ей послѣ разводу.

Фердинанду очень непріятно было возобновить знакомство съ фамиліей, съ которой онъ уже три года не имѣлъ ни какихъ сношеній. Невѣстка никогда не любила его, а непреклонное упрямство ея отца, полковника Зигфельда, который постоянно отвергалъ все покушенія Германна примириться съ женою, глубоко уязвляли гордость Прейсаховъ. Однако жъ, уклониться отъ свиданія было нельзя, и въ августѣ 1817 Фердинандъ поѣхалъ въ столицу.

Пріѣхавъ туда, онъ тотчасъ явился къ полковнику Вдовы Германна, Альбертины, не было дома. Полковникъ и жена его обошлись съ Фердинандомъ сперва очень холодно; но когда онъ объяснилъ имъ причину своего посѣщенія, все приняло другой видъ. Казалось, какъ будто благородство полковника и добродушіе жены его внушили имъ обоимъ чистосердечное сожалѣніе о бѣдственной судьбѣ Фердинандова брата, и что это сожалѣніе истребило всякую непріязнь. Полковникъ вызвался даже помогать Фердинанду въ хлопотахъ его у верховнаго

вразумительна. Молодой человек хотѣлъ уже прятиться, какъ вдругъ окликаетъ Альбертину подвѣсивъ къ воротамъ. Мать тотчасъ стала просить его, чтобы онъ на этотъ разъ скрылъ отъ нея печальную новость, обещая сказать ей все, когда они будутъ одне.

Альбертина вошла и очень смутилась, увидѣвъ Фердинанда, который почтительно подошелъ къ ней; потомъ, какъ-будто внезапно узнавъ его, поблѣднѣла, отшатнулась назадъ, и, не отвѣчая на Фердинандово привѣтствіе, выбѣжала изъ комнаты. Мать последовала за ней. Молодой человекъ былъ очень огорченъ этимъ явнымъ признакомъ непріязни, чувства, котораго онъ въ душѣ разделялъ съ Альбертиною, но которое, какъ ему казалось, не следовало бы обнаруживать такъ грубо. Въ смущеніи, онъ стоялъ передъ старикомъ и молчалъ. Полковникъ послѣшилъ вывести его изъ этого затруднительнаго положенія, дружески потрясъ его руку, какъ-бы намѣкая, что нужно удалиться, и сказалъ:

— Мы съ вами будемъ часто видѣться: не правда ли? Станемъ дѣйствовать, какъ мужчины, спокойно и осмотрительно.

Слова «какъ мужчины» и «осмотрительно» онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, какъ-будто ему было досадно, что Фердинанду привелось видѣть непріятныя послѣдствія женской раздражительности.

Черезъ три дня послѣ того, полковникъ отдалъ визитъ Фердинанду, но не привезъ ни какихъ пріятныхъ новостей. Только двумя способами можно было вѣдать дѣло о наследствѣ послѣ Германна: или достать формальное свидѣтельство объ его смерти, основанное на законной очевидности и несомнѣнности факта, или ожидать истеченія положеннаго законами сроку, послѣ котораго онъ, и безъ свидѣтельства, будетъ признанъ умершимъ. Но этотъ срокъ противѣтъ въ-

сказавъ, что, если старшій баронъ съездитъ въ уездъ, то лучше въ жизнь, чѣмъ дѣлающей Германъ, возьмутъ плоды земли, а это, разумеется, будетъ весьма несправедливо насъ дѣлать. Иностранецъ судьба дочери, старшій полковникъ употребилъ все старанье, чтобы дѣло было кончено какъ можно скорее, однако же не надѣялся, чтобы государь, строгій блюститель законовъ, отступилъ отъ нихъ въ пользу частныхъ людей.

Изъ дальнѣйшаго разговору съ полковникомъ, Фердинандъ узналъ, что Альбертина, услышавъ о смерти своего мужа, была очень взволнована и расстроена; и что полковнику, какъ казалось, не понравилось это необыкновенное чувствительности.

Впродолженіи хлопотъ по судамъ и аудіенціи у министровъ, Фердинандъ имѣлъ случай неразъ видѣть Альбертину. Она носила трауръ, въ знакъ уваженія къ памяти покойнаго мужа. Несмотря на свою неприязнь къ этой молодой женщинѣ, Фердинандъ не могъ не замѣтить удивительной ея красоты, которая была въ полномъ блескѣ и еще больше казалась въ глянцѣ отъ печальной одежды; онъ видѣлъ необыкновенную пріятность всѣхъ движеній Альбертины и плѣнился ея обращеніемъ, хотя она обходилась съ нимъ очень сухо и перемочно.

Въ сентябрѣ Фердинандъ получилъ письмо отъ своего стряпчачаго.

«Сообщу вамъ новости о нашемъ хлопотливомъ дѣлѣ, писалъ къ нему Семменбереръ. Знаменитый перчаткаль правой руки написалъ подруга съ дѣвой, которая, проходя на нее какъ дѣтъ капли воды. На ней, какъ есть и клеймо, да еще левѣе чѣмъ на вашей старшій знакомѣ. Имя, котораго мы съ вами не могли разобрать, наконецъ разобрано: «Тиссъ». Педагогическое это фамилія мастера. Какъ бы то ни было, она пріятна

уже есть однако къ перчаткѣ, о которой я рассказываю въ этихъ перчаткѣ словахъ. Полицейскій чиновникъ, которому поручено было сдѣлать разысканія по первой перчаткѣ, отдавалъ ее, въ продолженіи этихъ разысканій, здѣшней модисткѣ, мадамъ Лаксъ, которая случайно показала ее одной изъ своихъ покупательницъ, фрау фонъ-Цельтвахъ. Три дня спустя, я получаю приглашеніе пожаловать къ последней; прихожу, и она вручаетъ мнѣ лѣвую перчатку. Фрау фонъ-Цельтвахъ коротко знакома съ семействомъ протестантскаго пастора въ Блюменродъ, за три мили отсюда. Когда она была тамъ въ послѣдній разъ, пасторовы дочери, заведя ее къ себѣ въ комнаты, держали съ нею нѣкоторый важный совѣтъ о нарядахъ, и вторая пасторова дочь, Аделаида, вырвала эту перчатку изъ своего ящика. Фрау фонъ-Цельтвахъ подняла, увидѣла клеймо, и тотчасъ вспомнила о перчаткѣ, которую показывала ей модистка. Она просила Аделаиду объяснить, какимъ образомъ попала къ ней лѣвая перчатка, и получила отвѣтъ, что Аделаида взяла ее у служанки одной дамы, которая прошлымъ лѣтомъ гостила у ихъ сосѣда барона. Свиданіе мое съ фрау фонъ-Цельтвахъ происходило вчера. Сегодня пасторъ Раухъ вмѣстѣ съ Аделаидой явились ко мнѣ и оба казались чрезвычайно разстроенными отъ мысли, что на нихъ можетъ пасть подозрѣніе по поводу несчастной перчатки. Я просилъ дѣвушку сообщить мнѣ всѣ подробности, какъ досталась ей эта вещь. Аделаида отвѣчала съ полнымъ простодушіемъ. Одна молодая вдова, изъ стоданцы, по имени фрау фонъ-Зесфельдъ, долго гостила у барона Кетлера, живущаго подлѣ пастора. Аделаида, какъ искусная музыкантша, играла съ этою дамою, и при отъѣздѣ ея, помогала горничной укладываться. Въ одномъ картонѣ онѣ нашли, между всякою мелочью, новую лайковую перчатку съ лѣвой руки. Горничная, видя, что другая перчатка затеряна, подумала, что ей не стоить брать съ собой и выкинула на полъ.

Аделаида подняла, рассмотрѣла; ей понравилась прекрасная работа перчатки, и она, безъ всякаго намеренія, взяла ее къ себѣ.

«Я съ своей стороны готовъ вѣрить этой исторіи, во-первыхъ, потому что Аделаида Раухъ — дѣвушка предобраго характера, а, во-вторыхъ, потому что нѣкоторые обстоятельства заставляютъ меня думать, что у вашего несчастнаго брата были знакомые въ Блюменродѣ. Вы, конечно, помните, что подѣ французскою записочкой, отысканной вами въ К***, выставлена буква А, а съ боку, возлѣ числа и мѣсяца, написано: Бл. Горничную, отъ которой дѣвица Раухъ получила перчатку, зовутъ Агатой: это имя французское. Она, говорятъ, высока и стройна, — Аделаида ни то ни другое. Все это какъ-то подозрительно. Что касается до самой госпожи, у которой Агата находится въ услуженіи, то я не могъ узнать ничего, кромѣ того что она молодая вдова, хороша собой и живетъ въ большомъ свѣтѣ.»

«Впродолженіи разысканій по нашему печальному дѣлу, вы уже не разъ показывали необыкновенную проицательность. Притомъ вамъ коротко извѣстенъ образъ жизни вашего брата. Можетъ-быть вамъ удастся найти конецъ этой запутанной нити, котораго я, безъ вашей помощи, не могу отыскать.»

Фердинандъ съ презрѣніемъ кинулъ это письмо. «Странно, подумалъ онъ, что умный Сенкенбергъ приписываетъ такую важность своему вадорному открытію. Ежели клеймо на перчаткѣ, какъ онъ самъ говоритъ, заключаетъ въ себѣ только имя мастера, такъ чему оно насъ поведетъ? Безъ-сомнѣнія тысячи подобныхъ перчатокъ, совершенно похожихъ одна на другую, съ такими же точно клеймами, разсыяны по большому свѣту.»

Но скоро Фердинандъ перемѣнилъ мысли объ откры-

ти Сенкенберга. На другой день онъ побѣжалъ къ полковнику. Мать Альбертины была одна дома. Говорили о смерти Германна, о томъ, какъ нашли его трупъ, и о другихъ подробностяхъ приключенія, которыя старушка слышала еще въ первый разъ.

— Его похоронили тамъ же, гдѣ онъ убитъ? спросила наконецъ фрау Зигфельдъ.

— Тамъ же, отвѣчалъ Фердинандъ: онъ похороненъ на церковномъ кладбищѣ, въ деревнѣ Гохштедъ, недалеко отъ Гильгенберга....

— Отъ Гильгенберга! вскричала старушка. Следственно, Альбертина была тогда подлѣ самаго того мѣста, гдѣ погибъ мужъ ея! Что, если бѣ она знала?

— А она была подлѣ? Гдѣ жъ это?

— У барона Кетлера, въ его имѣннн, Блюенродъ.

— Боже мой, въ Блюенродъ! повторилъ Фердинандъ, пораженный мыслью, которой онъ самъ испугался. Альбертина!..... третье имя, которое начинается буквою А, и на этотъ разъ можетъ-быть то самое, которое мы ищемъ!

Но онъ замѣтилъ, что разсѣянность его начинаетъ обращать на себя вниманіе старой дамы, и воспользо-вался первымъ удобнымъ случаемъ чтобъ увъхать. Онъ воротился домой, перечиталъ письмо Сенкенберга, и новый свѣтъ, казалось, заблестѣлъ передъ его глазами. Записка отъ двадцать-перваго іюля писана Альбертиной; перчатка также принадлежала ей; она же была та раненая дама, которая приходила въ домъ содержателя кунальни: время ея пребыванія близъ Гильгенберга совершенно соответствовало показаніямъ свидѣтелей. Наконецъ имя *Зесфельдъ*, молодая вдова..... все это вело къ разнымъ догадкамъ. Ничего нѣтъ мудреннаго, что молодая женщина, въ разводѣ съ мужемъ, предпочла выдавать себя за вдову между посто-

ронными; имя могло быть перековеркано по ошибкѣ, какъ уже и случилось въ этомъ дѣлѣ съ именемъ самого Прейсаха : оно не Зесфельдъ, а Зигфельдъ. Фердинандъ зналъ, что полковникъ, въ первомъ пылу гнѣву своего противъ дому Прейсаховъ, настаивалъ, чтобы дочь его приняла опять свою собственную фамилію, и хотя по уставамъ католической церкви нельзя было совершенно расторгнуть брака, однако жъ Альбертина, изъ угрѣжденія отцу, въ частныхъ обществахъ, даже въ столицѣ, называла себя фрау фонъ-Зигфельдъ. Теперь объяснился страшный поступокъ ея при первомъ свиданіи съ Фердинандомъ : она не выдержала угрызеній совѣсти, боялась открытія своего злодѣйства....

Съ той минуты, какъ это подозрѣніе закралось въ голову Фердинанда, онъ день и ночь сталъ думать, какъ-бы подкрѣпить его такими доводами, чтобы правительство могло начать дѣло противъ Альбертины какъ соучастницы въ умерщвленіи своего мужа. Онъ зналъ ея горничную Агату; но эта дѣвушка отошла отъ Зигфельдовъ, и Фердинандъ боялся возбудить подозрѣнія распросами, гдѣ она нынче живетъ. Наконецъ онъ рѣшился поговорить съ самой Альбертиной, въ надеждѣ, что можетъ-быть въ продолженіи разговору встрѣятся какія-нибудь обстоятельства, которыя укажутъ ему дорогу къ истинѣ. Онъ повхалъ къ полковнику и засталъ дома обихъ дамъ. Разговоръ былъ въ минуту наведенъ на слѣдствіе объ умерщвленіи его брата. Альбертина слушала съ видимымъ участіемъ, однако жъ безъ замѣшательства. Вдругъ Фердинандъ обратился къ ней.

— Вы, кажется, знакомы съ семействомъ барона Кетлера, въ Блюменродѣ?

Альбертина отвѣчала утвердительно.

— Можетъ-статься, вы также знаете дочь тамошняго протестантскаго пастора?

— У него нѣсколько дочерей.

— Я говорю о второй. Ее зовутъ Александрей.

— Да, я знаю ее. А что же?

Фердинандъ молчалъ, не зная что отвѣчать. Онъ очень желалъ бы обладать въ эту минуту тою провинительностью, которую приписывалъ ему страдчій. Онъ чувствовалъ, какъ трудно монасть на дорогу, которая привела бы къ открытію истины, однако жъ рѣшился попробовать.

— Я очень бы желалъ знать нѣкоторыя подробности насчетъ этой дѣвушки, сказалъ онъ наконецъ. По странному стеченію обстоятельствъ, она замѣшана въ слѣдствіе о братиной смерти. Полиція открыла....

— Боже мой! что такое? перебила Альбертина. О! увѣряю васъ, эта несчастная дѣвушка невиновата ни въ чемъ!

Альбертина дрожала; щеки ея побѣлѣли какъ полотно: въ нихъ не осталось ни одной кровинки. Мать думала, что она упадетъ въ обморокъ, и подошла къ ней чтобъ подать помощь. Но Альбертина сдѣлала надъ собой усиліе и сказала:

— Боже мой! возможно ли это?... Нѣтъ! я должна.... должна спасти эту бѣдняжку.

Старая дама позвала горничную. Альбертину проводили въ свою комнату. Въ то время вошелъ полковникъ и молча остановился противъ Фердинанда.

— Опять! сказалъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

Фердинандъ взялъ его за руку.

— Можетъ-быть вы сердитесь на меня, полковникъ; но, ей-Богу...

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ, перебилъ старикъ: только скажу, что вы рѣшительно не знаете, какъ раздражительны нервы у этихъ женщинъ. Пожалуйста не

доводите до такихъ сценъ : у насъ ихъ было довольно въ прежнія времена....

— Точно, довольно, подхватилъ Фердинандъ. Прощайте, полковникъ. Жалю, что я былъ причиною вашего безпокойства,.... жалю, болѣе нежели вы думаете.

Фердинандъ уѣхалъ и недолго оставался въ столицѣ. «Чего жъ еще нужно? разсуждалъ онъ: какихъ еще искать доказательствъ? Альбертина хочетъ вступиться за невинность Аделаиды : слѣдовательно, она знаетъ настоящаго преступника.— «Вы превозносите мою прощательность, писалъ онъ къ Сенкенбергу, потому что по женской перчаткѣ я догадался о присутствіи женской руки. Теперь я скажу вамъ болѣе : вы нашли другую перчатку, а я отыскалъ и руки, которыя ихъ носили. Удержитесь отъ всякихъ новыхъ преслѣдованій касательно дочери пастора ; не дѣлайте новой тревоги въ Блюменродѣ. Черезъ недѣлю, никакъ не болѣе, явлюсь я къ вамъ.»

Обдумавши хорошенько, Фердинандъ нашелъ, что было бы очень полезно удостовѣриться въ расположеніи Альбертины касательно Аделаиды, и потому былъ очень обрадованъ, когда получилъ отъ Альбертины приглашеніе повидаться съ ней прежде отъѣзду. Она приняла его ласково, и убедительно просила сказать, что именно подаетъ поводъ подозрѣвать дочь пастора ; но Фердинандъ искуснымъ образомъ уклонился отъ отвѣту, пока не вывѣдалъ, до какой степени Альбертинѣ известно настоящее положеніе слѣдствія. Замѣтивъ наконецъ, что она ничего не знаетъ о двухъ перчаткахъ, молодой человекъ сталъ говорить въ общихъ выраженіяхъ, увѣряя, что стряпчій очень неопредѣлительно пишетъ къ нему объ этомъ предметѣ, но присовокупилъ, что на дѣвушку падаетъ весьма сильное подозрѣніе.

Услышавъ это, Альбертина тотчасъ изъяснила намъ—

рение лично отправиться въ Гайнбургъ , чтобы спасти несчастную Аделанду. Она говорила, что ея засвидѣтельствованіе, съ подтвержденіемъ отъ всего семейства барона Кетлера, конечно, будетъ достаточнымъ доказательствомъ Аделаидиною неприкосновенности къ дѣлу. Мать предлагала ей не вѣхать, а дѣйствовать письменно; но Альбертина отвѣчала, что этого будетъ мало, и старушка, не настаивая на своемъ предложеніи, вызвалась сопутствовать ей въ поѣздкѣ. Фердинандъ, съ своей стороны, употребилъ все возможное, чтобы укрѣпить ихъ въ этомъ намѣреніи. Ничто не могло такъ благоприятствовать его планамъ : вступивъ въ заколдованный кругъ уголовного слѣдствія, Альбертина, вѣрно, скорѣе обнаружитъ тамъ свою тайну чѣмъ подъ защитою родительской кровли. Притомъ въ этихъ провинціяхъ придерживаются болѣе французскихъ формъ судопроизводства, тогда-какъ въ столицѣ слѣдуютъ старинному германскому порядку. Все это заставило Фердинанда убѣждать Альбертину, чтобы она въ самомъ дѣлѣ немедленно отправилась въ Гайнбургъ, обратилась прямо къ оберъ-прокурору и сообщила ему всѣ свѣдѣнія, какія только имѣеть.

Полковникъ передалъ Фердинанду окончательный результатъ своихъ хлопотъ при дворѣ касательно наследства. Государь утвердилъ мнѣніе, по которому положено было предоставить апелляціонному суду въ К^{***}, какъ высшему судебному мѣсту въ провинціи, гдѣ жилъ Германнъ, рѣшить вопросъ, достаточно ли доказана смерть его и можетъ ли Фердинандъ наследовать принадлежащій себѣ участокъ имѣнія. Фердинандъ, зная, что этого уже нельзя передѣлать, рѣшился прекратить всѣ искательства и вѣхать въ К^{***}. Проѣзжая черезъ Гайнбургъ, онъ видѣлся съ Сенкенбергомъ, который не мало былъ удивленъ изустными разказами его о случившемся въ столицѣ. Молодой баронъ просилъ писать къ себѣ, какъ-скоро случится что-нибудь заслу-

живающее вниманія, и въ тотъ же вечеръ прибылъ въ К... Черезъ два дня ему подали слѣдующее письмо отъ Сенкенберга :

«Я узналъ кой-какія новыя подробности отъ одной служанки барона Кетлера, которой онъ сообщены, кажется, извѣстными вамъ молодымъ Швейцарцемъ, содержателемъ купальни, и его женою. Двадцать-четвертое августа было въ среду, день, въ который соседственные дворяне ежедневно съѣзжаются въ Гильгенбергъ. Семейства барона Кетлера на этотъ разъ не было въ Гильгенбергъ, но фрау фонъ-Зигфельдъ была. Она пріѣзжала съ графиней фонъ-Коссъ и дочерьми ея; служанка, которая сообщила мнѣ эти подробности, была въ ихъ свитѣ. Въ Гильгенбергъ фрау фонъ-Зигфельдъ оставила своихъ спутницъ передъ обѣдомъ и воротилась къ нимъ уже вечеромъ. Гдѣ же она была? Кетлеры и графиня съ дочерьми могли бы отвѣчать на этотъ вопросъ: но захотятъ ли они отвѣчать?»

«На случай, ежели вы вздумаете лично сдѣлать какія-нибудь розыски по этому предмету, предупреждаю васъ, что вы не получите хорошаго приему отъ Кетлеровъ. Они, подобно многимъ другимъ, не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что фрау фонъ-Зигфельдъ — жена того убитаго офицера, который былъ найденъ въ часовнѣ. Но имя бароновъ Прейсаховъ имъ извѣстно и, кажется, съ дурной стороны: можетъ-быть по милости вашей невестки. Слѣдовательно, надо дѣйствовать очень осмотрительно. Зато у графини вы можете имѣть полный успѣхъ. Она продаетъ свое имѣніе; къ ней ужъ являлось много покупателей, и вотъ вамъ самый лучший предлогъ для свиданья. Ежели рѣшитесь къ ней ѣхать, то пожалуйста какъ-можно подробнѣе распрашивайте о середѣ; не пропускайте ни какой мелочи, ни какой бездѣлицы. Ей и дочерямъ должна быть извѣстна исторія о раненой дамѣ, если только исторія эта не выдуманна. Не забудьте спросить, какъ была одѣта фрау фонъ-Зигфельдъ, такъ ли, какъ намъ описывала жена содержателя купальни: дамы на этотъ счетъ очень памятливы, и, вѣроятно, молодые графини не забыли костюма вашей невестки.»

Фердинандъ выполнилъ наставленія своего адвоката.

Въ Блюенродъ , какъ предсказывалъ Сенкенбергъ , приняли его такъ дурно , что онъ въ ту же минуту увидѣлъ , что здѣсь ни въ чемъ не успѣеть , и потому не сталъ ничего спрашивать . Но у графини дѣла пошли иначе . Она была въ восхищеніи , что имѣніе ея понравилось барону Прейсаху . Деревенскій викарный священникъ , исправлявшій у нея должность управителя , пригласилъ Фердинанда погостить въ замкъ два три дня , чтобы лучше познакомиться со всеми выгодами имѣнія , и молодой человекъ , какъ можно предвидѣть , не пропустилъ этого случая . Ему отвели комнату въ замкъ . Графиня была страстная охотница говорить , а дочери ея , Аврелія , Матильда и Лизавета — премиленькія , прехивыя и преумныя дѣвушки .

Привыкнуши жить въ свѣтъ , Фердинандъ успѣлъ тотчасъ навести разговоръ на сосѣда графини , барона Кетлера , на гостью его , фрау Зигфельдъ , и на пріѣздъ ея въ Гильгенбергъ .

— Она пріѣхала туда съ нами по утру , сказали дамы : но ее вызвали изъ комнаты ; какая-то дѣвочка принесла ей письмо , и фрау Зигфельдъ ушла .

— Кажется , это было приглашеніе отъ ея старинной пріятельницы , сказала Матильда : не помню хорошо отъ кого .

— Отъ какой-то.... фрау.... фрау.... Зиггаузенъ : кажется такъ , примолвила Аврелія .

Но графиня и другія двѣ дѣвицы рѣшительно позабыли имя .

— Ну , да дѣло въ томъ , заключила графиня , что эта пріятельница уведомляла о пріѣздѣ своемъ въ Гильгенбергъ и убѣдительно просила фрау фонъ-Зигфельдъ непременно повидаться съ нею . Я совѣтовала Альберти-

иъ итти. Она сначала задумалась, но потомъ рѣшилась: сказала, чтобъ мы не ждали ея къ обѣду, и ушла, на дѣвши соломенную шляпку и клѣкъ.

— И взявши, конечно, зонтикъ, прибавилъ Фердинандъ, съ улыбкой: потому-что молодыя дамы никогда не забываютъ беречь своего лица отъ загару.

— О, разумеется! отвѣчала графиня. Ей было далеко итти. Фрау фонъ-Зиггаузенъ, или... какъ-бишь ее зовутъ?... ну, положимъ такъ... фрау фонъ-Зиггаузенъ не писала, гдѣ она остановилась въ городѣ, и дѣвочка, которая принесла письмо, пошла провожать Альбертину. Былъ уже вечеръ и давно подали свѣчи, когда Альбертина воротилась домой. Она очень устала и казалась разстроенною; по глазамъ было замѣтно, что она плакала. Мы стали спрашивать, чтó такое. Она отвѣчала, что съ пріятельницей ея случилось множество ужасныхъ несчастій, и что она разстроилась, слушая, какъ та ей объ нихъ рассказывала.

Фердинандъ замѣтилъ, что любопытство, обнаруженное имъ въ отношеніи ко всему касающемуся до фрау Зигфельдъ, заставляетъ графиню и ея дочерей подозрѣвать его въ нѣжной склонности къ этой дамѣ. Онъ улыбались при мелочныхъ распросахъ барона и посматривали другъ на друга, какъ-будто догадывались о чувствѣ, которое дѣлаетъ его такимъ любопытнымъ. Поэтому онъ расчелъ, что ему можно смѣло играть роль инквизитора, и пустился спрашивать больше и больше.

— Какого цвѣту платье было на ней въ тотъ день? спросилъ онъ.

Дамы, сверхъ чаянія, задумались: онъ позабыли цвѣтъ; но платье было шелковое, какъ онъ утверждали единогласно.

— Шелковое.... можетъ-быть зеленое?

Дамы улыбнулись. Графиня вспомнила, что у фрау

Зигфельдъ было зеленое шелковое платье, но не могла сказать, въ немъ ли она была въ тотъ день.

— Нѣтъ, не въ немъ, подхватила Аврелія. На фрау фонъ-Зигфельдъ было платье съ короткими рукавами, потому что, я помню, она надѣла *длинные перчатки*.

Фердинандъ едва могъ усидѣть.

— Да, да! вскричали между-тѣмъ двѣ другія дѣвушки. И она именно въ этотъ день такъ странно ошиблась.... Помните?

Прейсахъ съ трудомъ скрылъ свое замѣшательство подъ принужденною улыбкой.

— Кажется, если не ошибаюсь, перчатки фрау фонъ-Зигфельдъ напоминаютъ вамъ какое-то забавное приключеніе, сказалъ онъ дѣвицамъ.

— Да пустяки! отвѣчала Аврелія: напоминаютъ намъ о маленькомъ туалетномъ капризѣ нашей прелестной пріятельницы.

— Расскажи лучше все, промолвила старая графиня: а то баронъ подумаетъ Богъ-знаетъ что.

Аврелія лукаво улубнулась и начала рассказывать.

— Утро было удивительно хорошо. Маменька со мной и съ Матильдой заѣхала къ Кетлерамъ, чтобъ пригласить Альбертину въ Гильгенбергъ. Кетлеры въ тотъ день были отозваны, и не могли быть въ гильгенбергскомъ собраніи. Мы нѣсколько запоздали, и оттого не выходили изъ коляски, а дожидались Альбертины у воротъ. Наконецъ она явилась, съ своею горничною, и сѣла съ нами, между-тѣмъ какъ горничная помѣстилась сзади. Мы поѣхали. Альбертина стала надѣвать свои прекрасныя, бѣлыя, длинныя перчатки, и вдругъ уронила одну изъ нихъ. Разумѣется, коляска тотчасъ остановилась: но... увъ!... перчатка попала въ лужу, и ее нельзя было надѣть. Что дѣлать въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Какъ мы уѣхали еще не-

далеко, то горничная Альбертины побѣжала домой и принесла другую пару перчатокъ, только ужъ не бѣлыхъ, а изъ датской лайки. Фрау фонъ-Зигфельдъ была въ отчаяніи, потому что она всегда шеголяла превосходными бѣлыми перчатками. Однако жъ на этотъ разъ пособить было нечѣмъ, и перчатки изъ датской лайки впрочемъ прекрасно и шегольски сшитыя, пошла въ дѣло. Но когда фрау фонъ-Зигфельдъ воротилась вечеромъ отъ своей пріятельницы, я съ изумленіемъ увидѣла, что она опять въ бѣлыхъ перчаткахъ. Трогательный разсказъ ея объ несчастіяхъ этой дамы не позволилъ ни маменькѣ ни мнѣ обратить вниманія на эту перемену. Напротивъ, Матильда, которой во время разсказа не было въ комнатѣ, пришедши къ намъ, въ ту же минуту ее замѣтила и улыбнулась. «Что ты на меня смотришь?» спросила Альбертина, съ небольшимъ замѣшательствомъ. — «Я удивляюсь твердости твоего характера, отвѣчала Матильда : ты начала день въ бѣлыхъ перчаткахъ, такъ ужъ, вочто бы нистало, рѣшилась и кончить его тоже въ бѣлыхъ.» — Фрау фонъ-Зигфельдъ покраснѣла. — «Совсѣмъ нѣтъ, говоритъ : это случилось такъ, нечаянно. Я спѣшила проститься съ моей знакомой и ошибкою взяла перчатки одной молодой дамы, которая путешествуетъ вмѣстѣ съ ней.»

— И точно, она, вѣрно, очень спѣшила, промѣлывала Матильда : потому что этотъ третій сортъ перчатокъ былъ ужасно нехорошъ: изъ негодной лайки, широкія, нескладныя.

Фердинандъ заговорилъ-было объ анекдотѣ про даму съ раненою рукою, но въ этомъ случаѣ ему не удалось ничего : никто изъ его хозяекъ не замѣтилъ и не подозрѣвалъ, чтобы Альбертина воротилась раненая въ руку.

— Нѣтъ, сказала Аврелія, съ лукавой улыбкой : у нея есть другая рана, невидимая.... въ сердцѣ.

Фердинандъ замолчалъ : онъ усталъ болѣе нежели сколько надѣялся при началѣ разговору. Графиня съ своей стороны продолжала осматривать его ласками и, когда онъ увязалъ, изъявила надежду скоро опять съ нимъ увидѣться. Это надежда сбылась скорее, чѣмъ онъ ожидали.

Проезжая черезъ Гильгенбергъ въ К***, Фердинандъ развѣдывалъ тамъ о фрау Зиггаузенъ; но никто не зналъ этого имени. Адвокатъ Сенкенбергъ, которому баронъ сообщилъ о слѣдствіяхъ своего свиданія съ графиней, былъ такнхъ мыслей, что теперь пора начать уголовный искъ противъ подозрѣваемой стороны. Онъ составилъ записку, въ которой, искуснымъ образомъ, свелъ все обстоятельства, обвинявшія фрау Зигфельдъ въ участіи по умерщвленію ея мужа; упоминалъ, что она скоро должна быть въ Гильгенбергъ, и просилъ подвергнуть ее тотчасъ по пріѣздѣ установленному допросу, какъ лицо, замѣшанное въ уголовное дѣло. Записка эта была подана Сенкенбергомъ оберъ-прокурору, а между-тѣмъ и Фердинандъ также выступилъ на сцену какъ обвинитель. Онъ подалъ отъ себя бумагу, въ которой писалъ, что невѣстка его рѣшилась на преступленіе ддятого чтобъ поправить свое состояніе, разстроенное нерасчетливой жизнью въ столицѣ; что она хотѣла скорѣй получить часть Германнова имѣнія, слѣдующую себѣ послѣ его смерти, и что теперь эта часть должна перейти, не къ ней, а къ нему, Фердинанду, такъ-какъ Альбертина, сдѣлавшись преступницей, лишилась своего права.

Не знаю, что сдѣлалъ бы оберъ-прокуроръ, если бы онъ имѣлъ въ виду только записку стряпчаго Сенкенберга; но все недоумѣнія его рушились, когда онъ сообразилъ ее съ другимъ обстоятельствомъ, которое случилось въ то же самое время, и хотя само по себѣ было не очень значительно, однако, жь станови-

дось чрезвычайно важнымъ по связи съ прочими. Альбертина пріѣхала въ Гайнбургъ, и слѣдуя совѣту Фердинанда, тотчасъ же обратилась къ оберъ-прокурору съ письмомъ, въ которомъ просила аудіенціи у судьи, производящаго слѣдствіе о смерти ея мужа. «До меня дошли слухи, писала она : что подозрѣніе падаетъ на одну особу, которую я могу и считаю за долгъ защитить.» Оберъ-прокуроръ, получивъ это письмо, не могъ не прійти въ сомнѣніе касательно самой Альбертины, потому что онъ не зналъ о развѣдываньяхъ, которыя были сдѣланы частнымъ образомъ касательно дочери пастора. Онъ передалъ письмо судью, производившему слѣдствіе, и присовѣтовалъ ему потребовать дальнѣйшихъ объясненій отъ Альбертины. Судья, лишь только онъ взглянулъ на письмо, показалось, будто онъ уже знакомъ съ этимъ почеркомъ; онъ сличилъ его съ извѣстной запиской отъ двадцать-перваго іюля и между ними открылось поразительное сходство. Вслѣдствіе того объ рукописи были предложены на разсмотрѣніе каллиграфовъ, вмѣстѣ съ лоскуткомъ бумаги, найденнымъ въ кружкѣ съ деньгами. Буквы на этомъ лоскуткѣ были очевидно обезображены, и потому объ немъ не дано положительнаго мнѣнія; но что касается до письма и записки, то разсматривавшіе рѣшительно объявили, что они писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ.

Дня черезъ два, Альбертина, вмѣстѣ съ матерью, явилась къ судью, производящему слѣдствіе. Тотъ повелъ разговоръ такимъ образомъ, чтобъ заставить ее высказать нѣкоторыя подробности послѣдняго пребыванія своего въ Блюенродѣ. Подъ предлогомъ соблюденія установленныхъ формъ, онъ спрашивалъ объ именахъ всѣхъ особъ, съ которыми видалась она въ то время, и обращалъ особенное, впрочемъ незамѣтное, вниманіе на поѣздку ея въ Гильгенбергъ.

Отвѣты Альбертины были ясны, точны и коротки;

видно было, что она не хотѣла проявить ни одного лишняго слова противъ того, что необходимо для удовлетворенія предлагаемыхъ вопросовъ. И такимъ образомъ аудіенція продолжалась нѣсколько времени, какъ вдругъ фрау Зигфельдъ случайно замѣтила писца; который, сидя поодаль, внимательно слѣдовалъ за всѣми ея движеніями и записывалъ все, что она говорила. Альбертина спросила, для чего это дѣлается, не для того ли, чтобы словамъ ея придать видъ формальнаго показанія. Судья отвѣчалъ: «Точно такъ».

— Такъ я не умѣла объяснить вамъ, чего я хочу, сказала Альбертина. У меня совсѣмъ не было намѣренія формально вмѣшиваться въ это дѣло. Я просила только приватной аудіенціи, чтобы сообщить вамъ кой-какія свѣдѣнія, которыя неловко писать и которыхъ я не хочу дѣлать извѣстными въ судѣ, гдѣ объ нихъ станутъ разсуждать публично.

— Это невозможно, отвѣчалъ судья учтиво, но съ твердостью: показаніе ваше должно быть записано немедленно.

Всѣ замолчали.

— Я подозреваю, не ошиблась ли я, думая, что мнѣ нужно сюда пріѣхать, сказала наконецъ Альбертина. Мнѣ рѣшительно не извѣстно, въ какомъ положеніи дѣло. Одинъ человекъ, который говорилъ, что онъ коротко его знаетъ, увѣрялъ меня, будто падаетъ подозрѣніе на невинную и беззащитную женщину, которую я считаю за долгъ взять подъ свое покровительство. Но, кажется, это неправда, и я начинаю думать, что въ моемъ присутствіи нѣтъ ни какой надобности.

Судья немножко смутился. Онъ чувствовалъ, какъ мудро ему продолжать допросъ, не обнаруживъ своихъ подозрѣній, и чтобы выиграть время и собраться съ мыслями, спросилъ: кто же этотъ человекъ, о которомъ вы говорите?

Альбертина колебалась, отвечать или нетъ; взглянула на мать; наконецъ отвѣчала :

— Этотъ человекъ... баронъ Фердинандъ фонъ-Прейсахъ. Онъ сказывалъ мнѣ, будто подозрѣваютъ дочь бюменродскаго священника, Аделаиду. Впрочемъ я не знаю, на чемъ основано подозрѣніе.

— Только? спросилъ судья. Вы пріѣхали единственно затѣмъ, чтобы снять подозрѣніе съ священниковой дочери?

— Да, затѣмъ.... ежели въ самомъ дѣлѣ есть такое подозрѣніе, котораго я съ своей стороны не могу понять.

— А почему жъ вамъ кажется это непонятнымъ?

— Я знаю, что Аделаида Раухъ никогда не знавала и даже не видывала моего мужа.

— Отчего вы это знаете? Когда вы сами видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ?

Альбертина какъ-будто пришла въ замѣшательство, но въ ту же минуту оправилась и отвѣчала съ важно-стью :

— Родителямъ моимъ было угодно, чтобы я не видалась съ нимъ съ того времени, какъ мы разъѣхались.

— И воля вашихъ родителей была исполнена? Не было ли какихъ исключеній?

— Исключенія зависѣли тоже отъ ихъ воли, и только имъ, однимъ имъ, я обязана отчетомъ въ своемъ поведеніи.

Мать Альбертины встала и изъявила желаніе, чтобы аудіенція была кончена. Фрау Зигфельдъ сказала ужъ все, что хотѣла сказать; свидѣтельство ея могло быть подтверждено Кетлерами; а если бы потребовались дальнѣйшія объясненія, то старушка говорила, что она и дочь ея готовы объясниться, потому что проживутъ еще нѣсколько дней въ Гайнбургъ.

Такимъ образомъ судья принужденъ былъ ихъ отпустить. Онъ сказалъ однако жъ, что дня черезъ два присутствіе ихъ будетъ необходимо, и затѣмъ онъ уѣхалъ. Намѣреніе судьи было свести Альбертину на очную ставку съ женой содержателя кунальни: онъ хотѣлъ удостовѣриться, она ли приходила раненая въ Шлингинъ двадцать-четвертаго августа, и если бы это подтвердилось, то сдѣлать немедленно распоряженіе, чтобы ее задержали.

Въ назначенный день Альбертина снова явилась съ матерью къ судѣ. Ее просили войти въ боковую комнату. Она удивилась, однако жъ послушалась, думая, что это такъ должно.

На этотъ разъ, за болѣзнію самого судьи, Альбертинѣ пришлось имѣть дѣло съ однимъ изъ младшихъ членовъ присутствія, который, какъ новичокъ, захотѣлъ отличиться своимъ усердіемъ и всякой бездѣлицѣ придавалъ чрезвычайную важность. Послѣ многихъ пустыхъ вопросовъ, онъ добрался наконецъ до происшествія двадцать-четвертаго августа. Онъ привелъ разныя обстоятельства, которыя могли напомнить этотъ день Альбертинѣ: что это было въ среду, что тогда было собраніе въ Гильгенбергъ, что праздновали рожденіе принцессы. Альбертина все помнила очень хорошо, и сказала, что она въ послѣдній разъ была въ этотъ день въ Гильгенбергъ. Потомъ у нея спросили, чѣмъ она занималась въ тотъ день, начиная съ утра до вѣчера. Госпожа Зигфельдъ молчала. Повторили вопросъ. Она все молчала. Съ каждымъ изглаголемъ было очевидно, что она больше и больше теряетя. Допросчикъ дѣлался настойчивѣе. Онъ сказалъ, что снято уже показаніе съ графини фонъ-Коссъ и ея дочерей. Альбертина поблѣднѣла.

— Что рго значить? спросила она измѣнившимся голосомъ. Почему показаніе графини касается до меня?

— Графиня утверждаетъ, что вы поутру оставили ея общество и воротились уже вечеромъ, отвѣчалъ чиновникъ. Гдѣ же вы были впродолженіи дня?

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Судья спрашиваетъ по долгу своего званія. Онъ имѣетъ право на отвѣтъ. Вы должны отвѣчать, для собственнаго своего оправданія.

— Оправданія! вскричала Альбертина, вскочивъ со стула. Но въ чемъ же меня обвиняютъ? Кто мой обвинитель?

— Теперь не объ этомъ рѣчь. Я ожидаю отвѣту. Именемъ короля и законовъ, спрашиваю васъ: *гдѣ вы были впродолженіи дня?*

Альбертина, съ величавою гордостью, посмотрѣла на чиновника и сказала:

— Вы спрашиваете меня именемъ короля?... За короля отецъ мой проливалъ кровь свою, братья мои геройски положили за него свои голоры, и я тоже знаю свой долгъ къ королю. Но меня мучатъ допросомъ, котораго цѣли я не знаю и не понимаю: я не могу отвѣчать. Выдумывать отвѣтъ, говорить неправду: это было бы низко. Я могу молчать, и стану молчать. Съ этой минуты вы отъ меня ничего не услышите. Нѣтъ человѣка, который бы заставилъ меня вымолвить хоть одно слово. Дѣлайте, какъ надобно по вашимъ законамъ. Вотъ вамъ мой послѣдній отвѣтъ.

Она упала на стулъ и залилась слезами. Напрасно чиновникъ предлагалъ ей новые вопросы: онъ былъ принужденъ записать только отказъ ея отъ отвѣтовъ и потомъ вышелъ въ первую комнату, гдѣ между-тѣмъ были приготовлены жена содержателя купальни и молодой Швейцарецъ: что касается до самого содержателя купальни, то онъ умеръ втеченіи года. Молодой человѣкъ не могъ ничего сказать, похожа ли Альберти-

на на ту даму, которую видѣлъ онъ въ лѣсу около Раубштейна; но женщина, которая сквозь стеклянную дверь успѣла разсмотрѣть Альбертину во время разговору ея съ чиновникомъ, объявила не задумавшись, что это та самая госпожа, которой мужъ ея перевязывалъ руку.

— Нельзя ошибиться въ такой красавицѣ, сказала она: походка, голосъ, манеры, все такъ. Это она сама.

Чиновникъ повелъ ее къ Альбертинѣ. Госпожа Зигфельдъ еще сидѣла, задумавшись, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ ее. Привходъ чиновника, она подняла голову, взглянула на старуху, но не показала ничѣмъ, что знаетъ ее.

— Эта женщина говоритъ, началъ чиновникъ: что двадцать-четвертаго августа вы были у нея въ домъ, въ Шлингинѣ, и что мужъ ея перевязывалъ вамъ раненую руку.

Альбертина опять опустила голову, не сказавъ ни слова, и продолжала плакать. Старуха была тронута ея горестью и также расплакалась, глядя на госпожу Зигфельдъ. Со-всѣмъ-тѣмъ она не измѣнила ничего въ своемъ показаніи, и такимъ образомъ аудіенція кончилась.

Чиновнику предстоялъ тяжелый и горестный долгъ: видно было сказать матери, что дочь не можетъ уѣхать съ нею. Легко вообразить, какъ жена полковника приняла это извѣстіе: она хотѣла потребовать объясненій, но слова замерли на губахъ ея, и, несчастную, въ обморокъ, снесли въ коляску.

Молодой судья ожидалъ, что съ Альбертиной будетъ еще больше хлопотъ, когда онъ объявитъ ей, что она арестована. Однако жъ онъ обманулся: госпожа Зигфельдъ вдругъ сдѣлалась непостижимо спокойною, выслушала

его съ совершеннымъ хладнокровіемъ, и, узнавъ, что мать ея повезли домой, сказала, съ выраженіемъ некоррности къ воля судьбы: «Что дѣлать! можетъ-быть и лучше что она уехала. Богъ пошлетъ ей силу перенести ударъ.»

Надо замѣтить впрочемъ, что въ арестъ Альбертины были допущены всѣ смягченія, какихъ требовали ея полъ и благородное званіе: ей позволяли все, что по обстоятельствамъ было можно позволить; ей не запрещали читать книгъ и заниматься музыкой; только не допускали никого изъ постороннихъ, и въ этомъ случаѣ даже для матери ея не было изъятія.

Вопросъ, на который судья почелъ нужнымъ прежде всего обратитъ вниманіе, заключался въ томъ, есть ли на рукъ Альбертины слѣдъ, который могъ остаться отъ широкой раны. Потребовали, чтобы госпожа Зигфельдъ показала руку свою врачамъ. Она повиновалась, съ неудовольствіемъ, однако жъ безъ малѣйшаго замѣшательства. Но мнѣнія врачей были различны: одинъ почти навѣрное утверждалъ, что нѣтъ слѣда ни какой раны; другой думалъ напротивъ, что легкая черта, на ладони, по-видимому нѣсколько походитъ какъ-бы на царапину, которая можетъ-статься и сдѣлана какъ-нибудь острымъ оружіемъ; а третій присталъ къ мнѣнію перваго: по его словамъ, на рукъ Альбертины не было ничего.

Теперь оставалось только одно обстоятельство, которое судьи почитали необходимымъ изслѣдовать прежде нежели будетъ приступлено къ рѣшенію дѣла. Баронъ Кетлеръ съ семействомъ воротился въ свое имѣніе Блюменродъ: полагали, что его показанія могутъ объяснить нѣкоторые пункты, или раскрыть какія-нибудь новыя обстоятельства. Кетлеры только впервые узнали теперь, что дѣло о мертвецѣ, найденномъ въ часовнѣ, имѣетъ такое близкое отношеніе къ бывшей ихъ

гостя, госпожѣ Зигфельдъ. Имъ до крайности не хотѣлось отвѣчать на вопросы по уголовному слѣдствію. Не менѣе того баронъ амаль, что это необходимо, и покорился.

Что касается до раны, то объ ней никто изъ нихъ не слышалъ. Правда, они вспомнили, что фрау фонъ-Зигфельдъ, во время пребыванія въ ихъ домѣ, была нездорова и нѣсколько дней не выходила изъ своей комнаты; но домовою докторъ, тогда посѣщавшій ее, объявилъ, что она была не больна, а только разстроена нервами.

Показанія старшей дочери барона, Гедвиги, были важнѣе. По ея словамъ, Альбертина хотѣла прогостить у нихъ до октября мѣсяца, однако жъ уѣхала въ началѣ сентября. Она говорила, будто получила отъ домашнихъ письма, по которымъ ей непремѣнно нужно быть дома. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, Гедвига писала къ ней и между прочими новостями сообщила слухъ о какомъ-то офицерѣ, котораго нашли въ горахъ убитымъ и ограбленнымъ. Эта новость, вѣроятно, произвела особенное впечатлѣніе на госпожу Зигфельдъ, потому-что она неразъ вспоминала объ ней въ своихъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ она писала: «Такъ и въ вашей прекрасной сторонѣ случаются грабежи и убійства? Надѣюсь, что несчастный офицеръ не принадлежалъ къ числу вашихъ обожателей. Напишите мнѣ, ежели что узнаете объ этой исторіи. Не забудьте.» Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ январѣ 1817, былъ постскриптъ: «Не слыхать ли чего объ офицерѣ, убитомъ въ горахъ?» Указавъ отъ Кетлеровъ, Альбертина оставила у нихъ книгу нотъ, въ которой послѣ нашли доскутокъ бумагъ, что-то въ родъ черноваго письма. Содержаніе его заслуживало вниманія. «Я уважаю причины, которыя заставляютъ васъ предостерогать меня. Но рѣшеніе мое неизмѣнно: я хочу его видѣть. Надо же устроить дѣло, отъ котораго зависитъ спокойствіе всей моей жизни. А***

знаетъ меня. Онъ знаетъ, что, въ рѣшительную минуту, слабость моего пола....» Остальное было оторвано. На другой сторонѣ виднѣлось еще нѣсколько словъ, но они не заключали въ себѣ ни смысла, ни связи, какъ-будто кто пробовалъ только перо.

Впрочемъ, не подлежало сомнѣнію, что письмо это писано Альбертиной, которой почеркъ теперь былъ уже хорошо извѣстенъ. Показали ей его. Она примѣтно смутилась, но не нарушила своего молчанія.

Въ такомъ положеніи слѣдственное дѣло представлено было въ обвинительную палату, которой надлежало рѣшить, довольно ли оно ясно, чтобъ произнести судъ надъ обвиняемою, или надобно сдѣлать еще какія-нибудь разысканія.

Рѣшеніе суда показываетъ его осмотрительность, непристрастіе и челоуѣколюбіе. Какъ ни тяжело и основательно было подозрѣніе, падавшее на госпожу Зигфельдъ, однако жъ судьи нашли, что оно еще недостаточно для того, чтобы обвинить ее въ уголовномъ преступленіи, и признали нужнымъ объяснить нѣкоторые пункты, а именно: собрать подробнѣйшія справки объ характерѣ и образѣ жизни покойнаго Германна фонъ-Прейсаха; удостовѣриться, до какой степени основательно показаніе Фердинанда, будто-бы Альбертина могла интересоваться смертію мужа, по причинѣ своего разстроеннаго состоянія; узнать, какъ она жила съ мужемъ до разводу; и немедленно забрать всѣ ея бумаги, какія есть въ домѣ полковника Зигфельда.

Это последнее приказаніе надобно было исполнить такъ, чтобъ полковникъ, не знавшій еще объ арестованіи Альбертины, не догадался о настоящей цѣли, для которой забираютъ бумаги. Ему сказали, будто она сама ихъ требуетъ, съ намѣреніемъ предъявить свои вдовьи права на часть Германнова имѣнія. Какъ бы то ни было, предчувствіе, или безпокойство, внушенное

старикъ долговременнымъ отсутствіемъ жены и дочери, начинало уже выводить его изъ себя. Онъ написалъ къ первой изъ нихъ, что ежели она хочетъ видѣть его живаго, то должна возвратиться не теряя времени. Несчастная женщина, получивъ это письмо, не знала что дѣлать: супружескій долгъ и любовь къ дочери попеременно увлекали ее въ ту и въ другую сторону; наконецъ обязанности къ мужу одержали верхъ, и она рѣшилась ѣхать.

Изъ состраданія, или въ надеждѣ сдѣлать какое-нибудь открытіе, судьи позволили ей передъ отъѣздомъ увидѣться съ Альбертиной. По словамъ одного человѣка, который случайно подслушалъ весь ихъ разговоръ изъ сосѣдственной комнаты, это свиданіе было самое трогательное. Онъ разговаривали между собой по-французски, но свидѣтель, школьный учитель французскаго языка, не проронилъ ни одного слова. Онъ послѣ рассказывалъ, что старая барыня между прочимъ вскричала — «Несчастная! такъ ты замѣшана въ это преступленіе!», и что Альбертина отвѣчала на это, съ глубокимъ вздохомъ: «Матушка, Богу извѣстно все. Я не могу говорить. Умру, но не нарушу моей тайны.»

Возвратившись къ мужу, старушка не знала, что сказать ему о причинѣ, по которой Альбертина не пріѣхала вмѣстѣ съ нею, и наконецъ рѣшилась оставить его въ томъ заблужденіи, будто бы ее задержало единственно дѣло о наслѣдствѣ.

Между-тѣмъ чиновникъ, которому было поручено забрать бумаги и вещи Альбертины, привезъ ихъ въ Гайнбургъ. При разборѣ ихъ, много помогла бывшая горничная Альбертины, Агата, о которой упоминала въ своемъ показаніи пасторова дочь Аделаида. Она теперь была тоже барыня: вышла за одного пожилаго человѣка, который когда-то училъ дѣтей полковника

Энгельда, и жила съ нимъ въ одномъ городкѣ, близъ столицы, гдѣ онъ занималъ мѣсто смотрителя народнаго училища.

Въ одномъ ящикѣ съ письмами Альбертины лежали и нѣкоторыя ея золотыя вещицы, кольца, серги, браслеты. Тутъ же былъ еще небольшой запечатанный свертокъ; открыли его, и нашли обручальное кольцо и золотыя часы съ ключикомъ и печаткой.

— Ахъ! да это тѣ самые часы, что носилъ баронъ Германнъ! вскричала Агата: а вотъ и его кольцо! Часы подарила ему Альбертина, когда была еще невѣстой. Видно, онъ отослалъ назадъ послѣ разводу.

Что касается до писемъ и другихъ бумагъ, то въ нихъ не нашлось ничего такого, что бы бросало хоть малѣйшій свѣтъ на предметъ изслѣдованія. Только замѣтно было изъ переписки Альбертины съ разными лицами, что за нее, послѣ разводу съ Германномъ, сватались многіе женихи. Впрочемъ, всѣ частныя и публичныя разысканія о характерѣ и поведеніи Альбертины были рѣшительно въ ея пользу. Говорили, что она соединяетъ въ себѣ благородную гордость съ добродушіемъ и привѣтливостью, природныя дарованія съ образованностью, и пѣжную привязанность къ родителямъ съ благоразумною заботливостью о воспитаніи своей дочери, единственнаго плода ея несчастнаго брака. Одинъ только недостатокъ находили въ ея характерѣ, что она слишкомъ любила наряды и свѣтскія забавы, особенно музыку. Въ секретномъ извѣщеніи, присланномъ изъ столицы, послѣ самыхъ лестныхъ отзывовъ объ Альбертинѣ, было сказано: «Справедливость требуетъ однако жъ замѣтить, что баронесса фонъ-Прейсахъ не наблюдала ни какого порядка въ дѣлахъ. На нее было предъявлено нѣсколько значительныхъ денежныхъ исковъ, и кредиторы грозили ей строгими мѣрами, ежели она не заплатитъ.»

Во множествѣ магазиновъ изъ разныхъ модныхъ магазиновъ, гдѣ Альбертина покупала свои наряды, нашли нѣсколько записокъ съ именемъ Вильгельмины Тисофъ, которое подавало поводъ къ такимъ тщательнымъ разысканіямъ. Агата объявила, что это— имя одной извѣстной въ столицѣ модистки, у которой Альбертина промотала бездну денегъ.

Не нужно повторять всѣхъ показаній, сдѣланныхъ Агатою о бывшей своей госпожѣ; но какъ они чрезвычайно важны и заслуживаютъ особеннаго вниманія, то я расскажу, что въ нихъ заключалось.

Агата знала Альбертину еще ребенкомъ. Она не имѣла ни отца ни матери, и была взята въ домъ полковника чтобы забавлять дѣтей его. Альбертина получила хорошее, но болѣе блестящее нежели основательное, воспитаніе. Она была прекрасна собою; всѣ восхищались ею и ухаживали за красавицей. Въ это время Германнъ фонъ-Прейсахъ, долго служившій вмѣстѣ съ братомъ Альбертины, пріѣхалъ въ столицу и сдѣлался тоже ея обожателемъ. Онъ былъ молодецъ, отличный ѣздокъ, ловкій танцовщикъ, музыкантъ. Альбертина съ перваго разу плѣнилась его пріятнымъ теноромъ и расположеніемъ къ музыкѣ. Скоро музыка произвела между ними нѣмецкую симпатію. Баронъ, какъ наследникъ значительнаго имѣнія, былъ весьма выгодною партіею для Альбертины, тѣмъ болѣе что она не имѣла богатаго приданаго. Бракъ совершился, и Германнъ, вопреки желанію тестя, оставилъ военную службу, чтобы жить въ деревнѣ.

Молодой еще не было семнадцати лѣтъ, барону двадцати шести. Они провели лѣто въ наследственномъ замкѣ Прейсаховъ, который родители Германа очистили для него съ женою. Все вначалѣ подавало надежду, что это будетъ счастливѣйшая чета. Старый баронъ фонъ-Прейсахъ и его супруга не могли налю-

боятся на свою невестку; дѣв дочери ихъ, перерѣзавъ дѣвицы, которыя когда-то славилась своей красотой и надмѣнностью, тоже, казалось, были очень хорошо расположены къ Альбертинѣ; а младшій братъ Германна, Фердинандъ, учился въ университетѣ: его тутъ не было.

Одна бѣда: молодая баронесса, избалованное дитя большаго свѣта и столицы, любила деревню только съ поэтической стороны, не обнаруживала ни малѣйшей склонности къ хозяйству и не имѣла ни какого понятія о тѣхъ непріятностяхъ, къ которымъ приводитъ немѣцкая экономія и аккуратность въ жизни. Доходовъ, которые получалъ Германнъ, при расчетливой женѣ было бы очень достаточно на ихъ содержаніе: они могли бы жить не только безбѣдно, даже очень пріятно. Но безпрестанно распространявшійся кругъ знакомства Альбертины, ея частые выѣзды, ея дорогія потѣхи, скоро поставили ихъ въ затруднительное положеніе. Сперва имъ помогала старая баронесса: она имѣла свое собственное, значительное состояніе, а Германнъ былъ ея любимый сынъ. Но это, какъ легко понять, не нравилось другимъ членамъ семейства, особенно Фердинанду, который съ своей стороны любилъ деньги. При томъ же у него и у старыхъ сестеръ не было ни какихъ надеждъ кромѣ материнскаго наслѣдства, такъ-какъ отцовское имѣніе, по праву старшинства, слѣдовало одному Германну. Не простительно ли имъ было негодовать, видя, что это наслѣдство поминутно убавляется въ пользу чловѣка, который и безъ-того уже приголубленъ Фортуной? Какъ бы то ни было, только наконецъ возникло несогласіе, которому неугомонная расточительность Альбертины безпрестанно доставляла новую пищу.

Это зло возрасло еще больше, когда Альбертина родила сына Альфреда и, годъ спустя, дочь Констанцію. Къ дѣтямъ надобна была нянька Француженка; сверхъ-

того каждый годъ ъздили въ столицу и жили тамъ на богатую руну: пришлось занимать подъ залогъ будущаго имѣнія, чтобы поддерживать знакомства, являться въ обществахъ и содержать большую прислугу и экипажи.

Между-тѣмъ у самихъ супруговъ все шло хорошо: Германнъ принималъ сторону Альбертины и ссорился съ братомъ и сестрами; отецъ съ матерью держали нейтралитетъ. Но наконецъ супружеское согласіе получило жестокой ударъ, отъ легкомысленности самаго мужа. Богъ знаетъ, какъ это случилось,—потому что Германнъ очень любилъ жену свою, и она была во всемъ цвѣтъ молодости и красоты: только, Альбертина узнала, что Германну приглянулась одна изъ ея горничныхъ. Другая жена можетъ-быть посмотрѣла бы сквозь пальцы на «таковое» преступленіе, но баронесса, гордясь своею любовью и вѣрностью къ мужу, приняла это близко къ сердцу. Она тотчасъ переѣхала съ дѣтьми къ своему отцу. Семейство Прейсаховъ пришло въ величайшее волненіе. Германнъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ матерью, ъздилъ къ Альбертинѣ; наконецъ любовь къ мужу и опасеніе, что у нея возмутъ сына, одержали верхъ надъ справедливымъ негодованіемъ: Альбертина согласилась простить, а Германнъ, въ глубокомъ раскаяніи, произнесъ клятву жить впередъ только для нея.

Клятва эта была искренняя: но, увы, Германнъ не сдержалъ ея! Вскорѣ послѣ примиренія, сынъ ихъ, маленькій Альфредъ, умеръ. Альбертина, разумѣется, была очень огорчена этою первою утратой. Она до такой степени изнурила себя, проводя цѣлые дни и ночи у постели больнаго малютки, что послѣ его смерти и сама опасно занемогла нервной горячкой. По выздоровленіи, ей велѣли непременно ѣхать на воды, для укрѣпленія своихъ силъ. Германнъ не могъ отправиться съ нею, потому что Фердинандъ въ то время путешество-

мать, а отецъ, слабый старикъ, не былъ въ состоянн перенести разлуки съ обоими сыновьями. Такииъ образомъ Альбертина принуждена была ѣхать одна. Черезъ нѣсколько времени, до нея дошли слухи, что мужъ ея опять началъ вести себя дурно. Альбертина сперва не вѣрила, но скоро не было уже и сомнѣнн : были получены неоспоримыя доказательства, что онъ завелъ несправедливыя связи, вмѣшался въ ватагу развратниковъ и открыто предается излишествамъ всякаго рода. Молодая баронесса тотчасъ рѣшилась : она повѣхала не домой, а къ отцу. Въ этотъ разъ Прейсахи не употребляли ни какого старанн склонить ее къ миру ; былъ выпрошенъ формальный разводъ, въ томъ видѣ какъ онъ допускается по уставамъ католическаго исповѣданн. Полковникъ Зигфельдъ хлопоталъ иво всѣхъ сѣлѣ, и рѣшенн, которое послѣдовало на его просьбы, заключалось въ томъ, что Альбертина можетъ оставить при себѣ дочь и имѣеть право получать отъ мужа пенсн, на свое содержанн.

Убыточныя послѣдствн этого разводу мало тревожили безпечнаго и пылкаго Германна, но разлука съ женой, разлука съ ребенкомъ, до глубины сердца огорчила поздно образумившагося мужа и отца. Онъ не пощадилъ ни какихъ усилнй, чтобы снова примириться съ женою, и можетъ-быть молодая женщина склонилась бы на его просьбы, потому что, несмотря на первую вспышку гнѣву, она всѣ-таки нѣжно любила Германна ; но отецъ ея былъ непоколебимъ, не хотѣлъ ничего слушать и строго запретилъ всякн сношенн между ними, какъ письменныя, такъ и изустныя. Дочь принуждена была покориться, хотя ей дорого стоила эта жертва уваженн къ родительской воли. Такъ прошло нѣсколько времени. По словамъ Агаты, о Прейсахѣхъ не было ни какихъ слуховъ. Альбертина приняла опять свое родовое имя, стала называться графиней-Зигфельдъ и никогда не говорила о мужѣ. Только

однажды Агата слышала, и то отъ стороннихъ людей, будто-бы Германнъ разсорился съ своимъ семействомъ и уѣхалъ изъ отечества, поклявшись не возвращаться, до-тѣхъ-поръ пока имѣніе не перейдетъ въ его руки. Потомъ молва прекратилась, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался, и даже находится ли въ живыхъ.

Госпожа Зигфельдъ постоянно жила въ родительскомъ домѣ, кромѣ того что лѣтомъ, 1816 года, увѣжала на нѣсколько времени къ барону Кетлеру, въ Блюменродъ. Агата ѣздила съ нею, но въ Блюменродѣ занемогла и потому почти не бывала при барынѣ. Со времени разводу, къ Альбертинѣ сватались многіе богатые и знатные женихи. Бракъ не могъ состояться, по закону; но какъ иногда находятся разные способы преодолѣть это затрудненіе, то въ настоящемъ случаѣ отыскался одинъ дворянинъ протестантскаго исповѣданія, который, кажется, былъ готовъ на все чтобъ получить руку фрау Зигфельдъ. Агата не хотѣла объявить имени этого дворянина и сказала, что она не знаетъ, была ли Альбертина расположена вступить во второе супружество, но что во всякомъ случаѣ, полковникъ, какъ человекъ чрезвычайно религіозный, считалъ это рѣшительно невозможнымъ.

Возвратившись изъ Блюменрода, Агата только до Рождества оставалась въ услуженіи у госпожи Зигфельдъ; потомъ вышла замужъ, уѣхала на родину мужа, и не знаетъ уже, что было съ ея госпожей.

— Надо признаться, отвѣчала она, когда у нея стали подробнѣе спрашивать о характерѣ Альбертины: надо признаться, что фрау фонъ-Зигфельдъ ужасно скоро и вспыльчива. Когда ей случится вспылить, такъ она рада Богъ-знаетъ что сдѣлать, и потомъ сама раскаивается и плачетъ, какъ поодумается. Сердце у нея, въ сущности, предоброе, только воли надъ собой нѣтъ.

И въ доказательство Агата привела множество при-

мѣровъ того, какъ госпожа Зигфельдъ позволяла себѣ большія тиранства съ ней и съ мужемъ, когда выходила изъ себя отъ гнѣву, который впрочемъ, какъ сознавалась сама Агата, могъ быть основателенъ.

Послѣ того, обвинительная палата приказала отобрать показанія еще отъ двухъ человѣкъ, свидѣтельство которыхъ было весьма важно для рѣшенія дѣла, а именно, отъ дѣвочки, провожавшей Альбертину отъ графини фонъ-Коссъ къ какой-то фрау фонъ-Зиггаузенъ, и отъ старика, который приходилъ съ раненой незнакомкой на шлингинскую купальню.

Старика этого не нашли; но дѣвочка, послѣ немощныхъ усилій полиціи, была наконецъ отыскана въ услуженіи у одного купца, въ торговомъ мѣстечкѣ Вальгеймъ, близъ К***. Она показала, что, два года назадъ, жила она у одного гильгенбергскаго чулочника. Въ 1816 году, нѣкто мадамъ Вейтель, изъ Вольгейма, сняла у нихъ половину дому, съ тѣмъ чтобы отдавать ее покомнатно господамъ, которые пріѣзжали на воды. Однако жъ нѣсколько времени у нея не было жильцовъ и комнаты стояли пустыя.

Въ одинъ день, около начала августа, продолжала дѣвочка: мадамъ Вейтель позвала меня и спросила, не схожу ли я въ одно мѣсто по ея порученію. Я тотчасъ собралась и вошла къ ней въ комнату. Тамъ сидѣлъ какой-то молодой баринъ, съ которымъ она разговаривала очень почтительно. Я получила отъ нея запечатанное письмо, которое надо было нести въ домъ гильгенбергскаго собранія. Я застала пропасть господъ, и молодыхъ и старыхъ, спросила про даму, къ которой меня прислали, и ко мнѣ вышла молодая госпожа. Она прочитала письмо, ушла, потомъ воротилась и сказала, что идетъ вмѣстѣ со мной. Мадамъ Вейтель не говорила мнѣ, что я должна провожать эту барышню. Однако жъ мы пошли. Она приказала мнѣ итти впередъ, а

сама шла сзади, да такъ скоро, что поминутно меня обгоняла и всё твердила, чтобы я шла скорѣй. Больше ни о чемъ мы не разговаривали во всю дорогу. Мадамъ Вейтель ждала ея у дверей, поблагодарила меня и отпустила. Что случилось послѣ, не знаю. Молодаго барина я никогда больше не видала. Хозяйка говорила, что онъ, съ барышней, вышелъ черезъ садъ и пустился въ горы. Но точно ли такъ, не могу сказать.

На вопросъ о костюмѣ дамы, за которою ходила дѣвочка, она отвѣчала, что не рассмотрѣла его хорошенько, потому что шла впереди.

— Помню однако жъ, присовокупила она, что барышня была очень нарядна и такая высокая, стройная, прекрасная. Платье, кажется, клѣтчатое, или пестрое, только не могу сказать, какого цвѣту; а на головѣ, знаю навѣрно, была шляпка съ цвѣткомъ. Молодой господинъ, котораго я видѣла у Мадамъ Вейтель, также былъ высокъ ростомъ, и молодцоватъ, и хорошъ. На немъ былъ зеленый мундиръ и лосинныя панталоны въ сапоги, а на сапогахъ шпоры.

Дѣвочка указала домъ, гдѣ жила Мадамъ Вейтель. Этой жѣнщины не было ужъ въ живыхъ; а чулочникъ и жена его не могли припомнить, видѣли ли они какую даму, проходившую черезъ садъ съ молодымъ человекомъ, и рѣшительно объявили, что въ домъ ихъ никогда не было жилицы, по имени Зиггаузенъ, и что они впервые отъ роду слышатъ это имя.

Тѣмъ кончилось дополнительное изслѣдованіе, и дѣло, въ такомъ видѣ, было опять представлено въ обвинительную палату, которая должна была дать ему окончательное направленіе. Палата не замедлила: скоро вышло рѣшеніе, что баронесса Альбертина фонъ-Прейсахъ имѣетъ быть судима уголовнымъ порядкомъ, при первомъ открытіи засѣданій уголовного суда въ Гайнбургъ. На случай надобности, назначили ей адво-

ката ; но адвокатъ этотъ оказался ненужнымъ : одинъ отставной совѣтникъ , опытный дѣлецъ и старинный другъ фамиліи Зигфельдовъ , объявилъ себя уполномоченнымъ отъ баронессы защищать ея дѣло, и получить позволеніе рассмотреть документы слѣдственнаго производства и совѣщаться съ своею клиенткою. Въ послѣдствіи мы увидимъ , что она и съ нимъ была такъ же молчалива, какъ съ обвинителями.

Время засѣданій приближалось; дѣло баронессы фонъ-Прейсахъ стояло первымъ въ реестрѣ. Занимательность предмета , красота и знатный родъ обвиняемой , большое число и званіе допрошенныхъ свидѣтелей , все совокупилось какъ-бы нарочно для того чтобы придать этому дѣлу необыкновенную важность и привлечь многоядную толпу зрителей. Должность президента занималъ одинъ изъ самыхъ старыхъ членовъ уголовного суда , а должность обвинителя одинъ изъ самыхъ почетныхъ провинціальныхъ чиновниковъ , человекъ уважаемый всѣми, генеральный прокуроръ Шамбергъ.

Засѣданія открылись перваго іюля 1818. Съ осьми часовъ утра галереи судилищной залы отворились для публики, и черезъ четверть часа въ нихъ была ужасная давка; между зрителями видѣли многихъ дамъ.

Въ девять часовъ президентъ приказалъ ввести обвиненную. Всѣ глаза обратились на дверь , въ которую она должна была войти.

Альбертина вошла , опираясь на руку своего адвоката, и сѣла на указанное мѣсто.

Не даромъ общее мнѣніе клонилась въ пользу обвиняемой. Хотя розы увяли на щекахъ ея и замѣнились мраморной бѣлизной , однако Альбертина все-еще была прекрасна , потому что благородное выраженіе, горделивый взглядъ и величественная осанка остались. Одежда ея была проста, совершенно прилична обстоятельствамъ : черное шелковое платье, такого же цвѣту

вань, и часы съ золотой цѣпочкой. Выгодное впечатлѣніе, которое произвела она на всѣхъ присутствующихъ, было очевидно.

Недалеко отъ нея сидѣлъ баронъ Фердинандъ фонъ-Прейсахъ, на котораго также всѣ смотрѣли съ большимъ вниманіемъ, только не съ такимъ доброжелательствомъ. Въ правильныхъ чертахъ лица Фердинанда было выраженіе тоски, которое по-временамъ превращалось въ страшную гримасу. Свидѣтели сидѣли тихо, потупивъ глаза; изъ женщинъ многія плакали.

Наконецъ, председатель, чловѣкъ важной наружности, обратился къ баронессѣ. Она встала и, по заведенному порядку, отвѣчала на вопросъ о своемъ имени, званіи и мѣстѣ жительства. Голосъ ея былъ слабъ, такъ, что слова едва слышались.

Прочли длинный обвинительный актъ, въ которомъ Амбертина была объявлена участницей въ умерщвленіи мужа. Адвокатъ ея отвергъ обвиненіе, и приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Нѣтъ надобности описывать подробно, какъ дѣлался этотъ допросъ. Довольно замѣтить, что спрошено было около сорока свидѣтелей, и что показанія ихъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ прежнихъ, въ сущности были совершенно согласны съ фактами, открытыми при слѣдствіи. Разность увидимъ далѣе, когда будемъ говорить о защитительной рѣчи адвоката.

Послѣ собранія всѣхъ доказательствъ, что тянулось два дня и сопровождалось многими спорами, председатель спросилъ у обвиненной, можетъ ли она представить какіе-нибудь оправдательные доводы, и присовокупилъ, что въ такомъ случаѣ ей дано будетъ нужное на то время. Обвиняемая имѣла непродолжительный разговоръ съ своимъ адвокатомъ; они говорили шопотомъ, не горячо; замѣтно было, что адвокатъ убѣждалъ баронессу привести какія-то оправданія, но та не согла-

шалась : она печально , однако жъ съ рѣшительнымъ видомъ , качала головой . Тогда адвокатъ обратился къ судьямъ .

— Обвиненная не желаетъ представлять ни какихъ оправданій , сказалъ онъ : она проситъ рѣшить дѣло въ настоящемъ его положеніи .

Обвинитель всталъ . Не повторяя подробно всѣхъ его доводовъ , расскажу вкратцѣ только заключеніе , къ которому онъ привелъ свою рѣчь .

— « Не подлежитъ спору , сказалъ онъ , что баронъ Германнъ фонъ-Прейсахъ былъ умерщвленъ насильственно , острымъ оружіемъ , по-видимому , ножомъ . Время умерщвленія не опредѣлено съ точностью , но изъ собранныхъ свѣденій видно , что это было между утромъ двадцать-четвертаго августа , когда барона въ послѣдній разъ видѣли живаго , и утромъ двадцать шестаго того же мѣсяца , когда нашли его трупъ . Мѣстомъ преступленія были раубштейнскія развалины ; откуда убійцы перетащили тѣло въ часовню святой Анны . »

Тутъ обвинитель вошелъ въ соображеніе обстоятельствъ , которыя возбудили подозрѣніе и наконецъ доставили полное убѣжденіе въ томъ , что обвиняемая знаетъ убійцу .

— « Мысль , что убійство совершено съ намѣреніемъ ограбить , ни какъ не можетъ быть допущена , продолжалъ онъ . Золотое кольцо , найденное на пальцѣ покойника , и кошелекъ съ деньгами , открытый въ кружкѣ для бѣдныхъ , рѣшительно опровергаютъ это предположеніе . Изъ обстоятельствъ , которыя состоятъ частію въ показаніяхъ свидѣтелей , а частію въ настоящихъ признакахъ , открывается , что какая-то женщина должна быть замѣшана въ это дѣло . Въ лѣсу и на ранѣ самаго барона найдены доскутки женской шали ; на сучкѣ одного куста нашли женскую перчатку ; нѣсколько свидѣтелей видѣли какую-то даму , которая

шла по дорогѣ къ Раубштеину, утромъ, двадцать четвертаго августа; другіе говорятъ также о дамѣ, которая приходила, раненая и очень разстроенная, на Шлиггенскую купальню, въ сопровожденіи старика, употребившаго, въ разговорѣ съ ней, одну фразу, на донускающую ни какого сомнѣнія, что рѣчь шла о какомъ-то трагическомъ происшествіи. Все это, очевидно, доказываетъ, что въ дѣлѣ убійства замѣшана женщина. Но такъ же очевидно, что эта женщина была Альбертина фон-Прейсахъ? По произведеннымъ слѣдствіямъ, неоспоримо доказывается, что послѣ разводу съ мужемъ, вѣроятно, безъ вѣдома своихъ родителей, она имѣла съ нимъ переписку: онъ писалъ къ ней изъ К^{***}, она къ нему изъ Блюменрода. По письмамъ видно, что между ними было назначено какое-то рѣшительное свиданіе; что свиданіе это должно было произойти двадцать-четвертаго августа. Обвиняемая сошлась съ своимъ мужемъ въ квартиру вдовы Вейтель; одежда ея при этомъ случаѣ оказывается сходною съ одеждою раненой незнакомки, которая являлась въ Шлиггенъ. Отъ вдовы Вейтель, супруги пошли на уединенную и пустынную скалу Раубштейнъ, а эта скала и была мѣстомъ ужаснаго происшествія. Такимъ образомъ все доказываетъ, что женщина, замѣшанная въ дѣло, именно обвиняемая. Она воротилась къ своему обществу въ Гильгенбергъ уже поздно вечеромъ, блѣдная и разстроенная, въ бѣлыхъ перчаткахъ, вместе перчатокъ изъ датской лайки, которыя были на ней въ этотъ день, и изъ которыхъ одну она потеряла при побѣгѣ съ мѣста преступленія. Она выдумала исторію о какихъ-то несчастіяхъ своей пріятельницы, госпожи Зигтаузенъ, которой никогда не существовало; нарочно ходила всегда въ перчаткахъ, чтобы скрыть рану, которая была у ней на рукѣ; почти двумя мѣсяцами сократила пребываніе свое въ Блюменродѣ; нѣсколько разъ, въ письмахъ къ одной изъ баронессъ Кетлеръ, съ участіемъ навѣдывалась объ убитомъ офицерѣ,

найденомъ въ горѣхъ; не могла выдержать персей вступивъ съ братомъ своего мужа и пришла въ отчаяніе, узнавъ отъ него, что на неминуемую девушку надаютъ подозрѣніе въ злодѣйствѣ, въ которомъ она сама была виновна. Наконецъ у нея найдены часы и обручальное кольцо, которые, по показаніямъ свидѣтелей, были при ея мужѣ до самой смерти. Рассмотрѣвши все эти обстоятельства, мы невольно повторимъ восклицаніе ея матери: «Несчастная! такъ ты замышлена въ это преступленіе!» Можетъ-быть она не одна совершила его; можетъ-быть ей помогалъ тотъ неизвѣстный старикъ, который приходилъ съ нею на шпинигинскую кузальню: всё это представляется довольно верооятнымъ; но во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни какому спору, что и сама обвиняемая виновна въ такомъ участіи или содѣйствіи къ преступленію. Чтобы въ этомъ болѣе убѣдиться, надо рѣшить вопросъ, какія причины могли заставить ее умыслить на жизнь мужа. Причины эти не подлежали разсужденію при слѣдствіи, но они объясняются естественнымъ образомъ. Я не придаю особенной важности подозрѣнію, будто бы обвиняемая могла быть приведена къ тому крайности, въ которой она находилась по своей чрезмѣрной расточительности: убійство, совершенное изъ корыстныхъ видовъ, обдуманное заранее, было бы вовсе несообразно съ выгодными отзывами объ ея характерѣ. Скорѣе можно допустить, что причиною злодѣянія былъ тотъ же характеръ, только съ другой стороны. Свидѣтели показываютъ, что обвиняемая—женщина праву пылкаго, опростываго, раздражительнаго. О мужѣ ея говорятъ то же. Безъ-сомнѣнія, цѣль, для которой онъ просилъ у насъ свиданія, состояла въ томъ, чтобы примириться съ нею, ежели можно, добрыми средствами, а нельзя, такъ силой. Мы уже знаемъ, что онъ и прежде прибѣгалъ къ мѣрамъ насилія, потому что въ письмѣ ея говорится объ этомъ, но она, по довѣренности къ самой себѣ,

оставила безъ вниманія все предостереженія, которыя ей были сданы. Не можно ли сколь этого заключить, что подобныя же насилья были употреблены и при рашимбурскомъ свиданіи двадцати четвертаго августа, когда опрочеительное дѣйствіе вина совлукнулось со злодѣйною жестокостію и необузданностію страстей барона Германна? А какъ скоро онъ въ самомъ дѣдѣ хотѣлъ насильно увести съ собою обвиняемую, то не представляется ли весьма вѣроятнымъ, что она, также въ пылу гнѣву, могла увлечься къ преступленію, могла здругъ схватить ножикъ, который тамъ лежалъ, и вонзить его въ грудь своего мужа? Въ заключеніе образи-ся къ самой обвиняемой. Что она отвѣчала? какія представила оправданія? указала ли на какихъ свидѣтелей? Ничего! Молчаніе, уперное молчаніе : вотъ весь ея отвѣтъ. Но это молчаніе непонятно, ежели баронесса невинна, и напротивъ, оно очень естественно со стороны преступницы, особенно со стороны женщины, которая не такъ предана порокамъ, чтобы прибѣгать ко лжи и другимъ низкимъ способамъ, для избавленія себя отъ послѣдствій преступленія, въ которое она вовлеклась.»

Всѣ присутствующіе съ большимъ вниманіемъ слушали длинную рѣчь обвинителя. Мнѣнія были различны. Дамская половина зрителей полагала, что баронесса не участвовала въ умерщвленіи мужа, а только знала объ этомъ; напротивъ мужчины склонялись болѣе къ мнѣнію обвинителя. Поступки баронессы въ Гильгенбергъ, таинственное свиданіе ея съ мадамъ Вейтель и волненіе, въ какомъ она воротилась домой, а болѣе всего ея уперное молчаніе, никакъ не позволяли признать ея невинною.

Адвокатъ Альбертины всталъ съ мѣста, среди всеобщаго нетерпѣнія услышать, что онъ скажетъ въ ея защиту. Пропустимъ вступленіе.

— «Обвинитель, сказалъ онъ, принимаетъ за досто-

вѣрно, что убитый человекъ, найденный въ часовнѣ святой Анны, былъ баронъ фонъ-Прейсахъ. Но гдѣ доказательства? и изъ чего видно, что баронъ Германнъ действительно уже умеръ, или убитъ кѣмъ бы то ни было? Въ гражданскомъ судѣ нашли, что доказательства его смерти неудовлетворительны, и баронъ Фердинандъ не получилъ свидѣтельства на наследство. Неужели уголовный судъ, въ рѣшеніи важнаго вопросу о жизни и смерти, положится на доводы слабѣе тѣхъ, которые, по мнѣнію суда гражданского, нужны для рѣшенія менѣе важнаго вопроса объ имуществѣ? Дѣйствительно, въ часовнѣ святой Анны былъ найденъ трупъ какого-то убитаго человека. Утверждаютъ, что это трупъ барона фонъ-Прейсаха, который будто бы жилъ на постояломъ дворѣ въ лѣсу, близъ Гильгенберга. Но чѣмъ доказывається, что человекъ, жившій на постояломъ дворѣ, въ лѣсу; человекъ, котораго свидѣтели описываютъ какимъ-то скитальцемъ, бѣгающимъ общества, ведущимъ уединенную и подозрительную жизнь, былъ точно веселый, прекрасный и благородный баронъ Германнъ? Изъ числа людей, которые видѣли тѣло, никто не зналъ его. Правда, козьякъ постоялаго двора узналъ въ покойникѣ своего постояльца; но онъ и самъ не знаетъ, кто таковъ этотъ постоялецъ. Съ чего же взяли, что покойникъ былъ именно баронъ фонъ-Прейсахъ? Только съ того, что на палецъ покойника нашли перстень съ гербомъ Прейсаховъ, принадлежавшій, говорятъ, Германну. Но и принадлежность этого перстня Германну еще подлежитъ сомнѣнію, потому что она не доказывається ничѣмъ, кромѣ подозрительнаго свидѣтельства барона Фердинанда, который домогался овладѣть Германновымъ имѣніемъ и получилъ отъ правительства справедливый отказъ. Впрочемъ, положимъ даже, что перстень былъ точно Германновъ: чѣмъ же однако подтверждается, что онъ на Германнѣ и найденъ? не слу-

зается ли ежедневно, что вещь, принадлежащая одному, оказывается у другого? Перстень могъ быть подаренъ, проданъ, потерянъ, украденъ, и потомъ оказаться у того, кто купилъ, нашелъ, получилъ въ подарокъ, или укралъ его. Каждый изъ этихъ способовъ переходу перстня отъ Германна къ другому лицу легко примѣняется къ настоящему дѣлу, и нѣтъ ни какихъ причинъ отвергать ихъ всѣ безъ разбору. Въ архивахъ судебныхъ мѣстъ хранятся доказательства тысячи такихъ случаевъ, что человекъ, пропадавшій безъ вѣсти, былъ признаваемъ убитымъ, или умершимъ, и вдругъ появлялся черезъ нѣсколько лѣтъ, иногда какъ-будто нарочно для того чтобъ спасти невинныхъ, обвиненныхъ въ его смерти. Поэтому весьма похвальны и достойны уваженія тѣ законы, которые требуютъ, чтобы всякое обвиненіе основывалось на прямыхъ, строгихъ и очевидныхъ доказательствахъ. Не ужасна ли будетъ ответственность, ежели, по произнесеніи приговору, вдругъ явится тотъ, кого почитали погибшимъ, но явится уже поздно, когда нельзя спасти приговореннаго къ наказанію?

«Положимъ, однако, продолжалъ адвокатъ, что баронъ Германнъ, и убитый, найденный въ часовнѣ, одинъ и тотъ же человекъ. Какую же связь это обстоятельство имѣетъ съ баронессой Альбертиной? Начинаю съ писемъ. Во-первыхъ, нѣтъ ни какихъ доказательствъ, что французская записочка отъ двадцать-перваго іюля писана рукой баронессы. Сходство почерку самое неудовлетворительное и самое обманчивое доказательство. Притомъ орфографическія ошибки, которыми наполнена эта записка, рѣшительно несомвѣстны съ предположеніемъ, что она писана особой, получившей хорошее воспитаніе. Обвинитель не отвергаетъ, что баронъ Германнъ вдавался въ непозволительныя любовныя связи. А ежели это справедливо, то сколько онъ долженъ былъ получать подобныхъ записочекъ? И что

значитъ сходство почерку, когда женскіе почерки во обще очень сходны, и когда многія женщины, воспитываясь въ одномъ и томъ же училищѣ, пишутъ по одной и той же прописи? Чтобы припутать баронессу къ этой запискѣ, обвинитель принимаетъ за истину, будто-бы между супругами была тайная переписка послѣ разводу, въ доказательство этой переписки съвязается на ту же самую записку. Но такимъ образомъ онъ два, ничемъ неподкрѣпленные, обстоятельства приводитъ, одно въ оправданіе другаго, и вмѣсто открытія истины, утверждаетъ явную ложь. Перейдемъ теперь къ отрывку письма, найденному въ потной книгѣ. Оно писано дѣйствительно баронессою: но можно ли судить о сходствѣ почерку, когда здѣсь нѣмецкія буквы, а тамъ французскія? Разумѣется, нельзя. Слѣдственно, предположеніе, будто-бы французская записочка, отъ двадцать-перваго іюля, писана рукой баронессы, совершенно произвольно, неосновательно и несправедливо. Точно такъ же неосновательно и толкованіе смысла въ отрывкѣ, писанномъ самой баронессою. Обвинитель говоритъ, будто слова «А*** меня знаетъ» относятся къ Германну. Онъ выводитъ это заключеніе изъ того, что имя Германнъ — по-французски Armand. Но зачѣмъ же было вставлять французское имя въ письмо, писанное отъ начала до конца по-нѣмецки? И къ кому писалось это письмо? Къ какому-то третьему лицу, которое предостерегало баронессу. Кто же это? Обвинитель былъ обязанъ непременно объяснить это недоумѣніе, потому что довѣренная особа, знавшая о тайной перепискѣ супруговъ, по теоріи самаго обвинителя, навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе; по этой теоріи, она то можетъ-быть и совершила преступленіе, которое приписывается баронессѣ... ежели только это преступленіе дѣйствительно совершено. Но я, съ своей стороны, еще сомнѣваюсь, точно ли отрывокъ, о которомъ теперь идетъ дѣло, принадлежалъ къ какому-нибудь

вреду, назначенному для отсылки; можетъ-быть, но отрывокъ изъ какого-нибудь упрямленія въ слогъ, изъ нустаго, выдуманнаго сочиненія, для наконечъ къ похвасту, которую баронесса списывала или переподила для забавы.»

Послѣ этого адвокатъ обратился къ сцѣпленію обстоятельствъ, по которымъ на Альбертину падало такое тяжкое подозрѣніе.

— «Видѣли, говорилъ онъ, какую-то женщину, которая, двадцать-четвертаго августа, шла по тропинкѣ къ Раубштейну, и въ тотъ же день какая-то женщина, съ пораненою рукой, взволнованная и дрожащая, приходила, вмѣстѣ съ старымъ лѣсникомъ, на шлингинскую купальню. Одежда этой женщины, говорятъ, совершенно сходна съ одеждой баронессы фонъ-Прейсбахъ, которая въ тотъ день таинственнымъ образомъ отлучалась отъ своего общества, и, какъ показываютъ свидѣтели, сошла въ квартиру мадамъ Вейтель съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, съ которымъ послѣ видѣли ее идущую къ Раубштейну. Изъ всего этого выводится: первое, что раненая женщина, приходившая на купальню, была баронесса; и второе, что баронесса присутствовала при умерщвленіи мужа. Разсмотримъ основательность вывода. Что какая-нибудь женщина могла проходить по тропинкѣ къ горамъ, и что приключеніе, описанное содержателемъ купальни и его женою, дѣйствительно могло случиться, о томъ и говорить нечего. Но жена содержателя купальни, при передѣрскѣ въ судъ, не подтвердила прежняго своего показанія, что раненая женщина дѣйствительно баронесса. Она говоритъ, что въ комнатѣ было темно, что незнакомка пребыла у нихъ только нѣсколько минутъ, что онъ почти ни слова не сказали другъ другу. Какимъ же образомъ, послѣ этого, дать вѣру и прежнему ея показанію, снятому уже черезъ годъ послѣ происшествія, и притомъ когда рану незнакомки перевязали»

вала не она, а мужъ ея, который между-тѣмъ умеръ? Ссылаются на сходства одежды. Но тѣмъ доказывается это сходство? Ничѣмъ. Жена содержателя кунальни одна сохранила нѣкоторое воспоминаніе о томъ, какъ была одѣта раненая незнакомка, и говоритъ, что на ней было, кажется, зеленое платье. Напротивъ, графиня фонъ-Коссъ и ея дочери рѣшительно объявили, что баронесса въ тотъ день была не въ зеленомъ, хотя баронъ Фердинандъ и старался навести ихъ на этотъ цвѣтъ. Затѣмъ остаются только шляпка и зонтикъ: но, Боже мой! какая же дама лѣтомъ выходитъ со двора безъ шляпки и зонтика? На тѣлѣ убитаго и, особо, въ лѣсу, нашли два лоскутка женской шали, которую признаютъ принадлежащею раненой женщинѣ. Охотно соглашаюсь; но этимъ-то и доказывается, что раненая женщина была не баронесса. Одна изъ свидетельницъ, обвиняющихъ баронессу, жена начальника училища, осмотрѣвъ лоскутья, сказала, что платокъ, отъ котораго они оторваны, такой грубой и безвкусной работы, по цвѣту и по узору, что едва ли и какая-нибудь кухарка захочетъ надѣть его. Похожо ли это на баронессу фонъ-Прейсахъ, о которой говорятъ, будто она промоталась на наряды, прокровительствовала модистку Тиффъ и ложилась почивать не иначе какъ въ перчаткахъ?.... Кстати о перчаткахъ. Близъ Раубштейна нашли перчатку съ правой руки, съ клеймомъ мадамъ Тиффъ. Другая перчатка, съ лѣвой руки, съ такимъ же клеймомъ, отыскалась у дочери священника, которая говоритъ, будто получила ее отъ баронессинной служанки. Полагаютъ, будто эти двѣ перчатки составляли одну и ту же пару, и изъ того выводятъ, что баронесса была на Раубштейнѣ. Но почему же эти двѣ перчатки парныя? Потому, что онѣ одинаковой работы и изъ одного матеріалу? Это еще не доказательство. Безъ сомнѣнія, изъ магазина мадамъ Тиффъ ежегодно выпускается въ продажу нѣсколько тысячъ паръ перчатокъ,

точно такихъ же, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили: одна выкройка, одинъ матеріалъ, одна мода, и вотъ перчатки выходятъ все совершенно одинавія. Кто возьметъ на себя сказать, что эта правая перчатка принадлежитъ къ этой лѣвой, а та лѣвая къ этой правой? Онѣ все похожи одна на другую какъ двѣ капли воды. Следовательно, единственное заключеніе, которое мы можемъ вывести въ настоящемъ случаѣ, ограничивается только тѣмъ, что кто-то потерялъ на Раубштейнѣ перчатку, купленную въ магазинѣ мадамъ Тиссъ, и что баронесса покупала себѣ перчатки то же у мадамъ Тиссъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ?... Однако жъ, будемъ продолжать о перчаткахъ. Когда потеряна перчатка, найденная на Раубштейнѣ? Говорятъ, двадцать четвертаго августа. А почему не гораздо прежде? почему не послѣ? До открытія этой перчатки, на Раубштейнѣ бывало, какъ и нынче бываетъ, множество гуляющихъ; дамы особенно любятъ это романтическое мѣсто; онѣ ходятъ по всемъ направленіямъ, туда и сюда: отчего же нельзя допустить, что перчатка потеряна одною изъ нихъ, а не раненой женщиной и, еще мѣшѣ, баронессой Альбертиной, которой тамъ не видалъ никто изъ знающихъ ее людей. Показаніе графини и ея дочерей, что баронесса ушла изъ дому въ перчаткахъ изъ датской лайки, а воротилась въ бѣлыхъ, не заключаетъ въ себѣ ни какой важности. Ежели обвиняемая, какъ она сама говоритъ, навѣчала свою пріятельницу, была очень тронута ея разсказами, спѣшила домой, а притомъ уходила отъ нея въ сумерки, то мудрено ли, что она, въ торопяхъ и въ потемкахъ, захватила съ собой чужія перчатки, и замѣтила эту ошибку тогда уже, когда отошла такъ далеко, что не стоило воротаться? Обвинитель полагаетъ, будто она воротилась раненая, и бѣлыя перчатки служили ей для прикрытія раны. Да кто же и когда видѣлъ у нея рану? По словамъ жены содержателя кунальни, рана была большая:

скрыть трудно, едва ли возможно, Сверхъ-того я слышала, чтобъ перевязанная рука могла войти въ порезу, какъ бы она ни была широка. Графиня фонъ-Косель и ея дочери не видали у обвиняемой ни какой раны и смеялись надъ догадками барона Фердинанда Семейство Кетлеровъ, куда баронесса воротилась на другой день, также ничего не видало и не слышало. Домовый врачъ не дѣлалъ перевязокъ : онъ говоритъ только объ истерикѣ, о раздраженіи нервовъ, а ни слова о раненой рукѣ. Что она не снимала перчатки, когда онъ шупаль у нея пульсъ, это опять ничего не доказываетъ : онъ же самъ утверждаетъ, что такое было всегдашнее обыкновеніе баронессы. Наложивъ, рана такой величины, какъ описываетъ жена содержателя купальни, должна бы оставить следъ; въ-слѣдствіе-того, осмотръ, сдѣланный врачами, кончился рывительно въ пользу обвиняемой. Одинъ только врачъ нашелъ какую-то черту поперегъ ладони, но и онъ не утверждаетъ положительно что эта черта осталась послѣ раны, а не натуральная, какую она легко быть можетъ. Другіе же двое врачей чистосердечно объявили, что они не видятъ никакого признаку, чтобы обвиняемая была когда-нибудь ранена. Такимъ образомъ ни одно изъ доказательствъ, приведенныхъ обвинителемъ, не даетъ ни малѣйшаго повода къ заключенію, что раненая женщина, которая приходила въ Шлингитцъ, и баронесса фонъ-Прейсахъ — одна и та же особа.

«Обвинитель баронессы, продолжалъ адвокатъ, предполагаетъ, что убійство, ежели было убійство, совершено утромъ двадцать-четвертаго августа. Въ этотъ только день она была въ Гильгенбергъ; на слѣдующій уѣхала назадъ, въ Блюменродъ. Но чѣмъ же доказывалось, что убійство совершено именно двадцать-четвертаго августа? почему не думать, что двадцать-пятого? Вся доказательства по этому предмету заключаются въ одномъ объявленіи медика, осмѣленномъ на маршъ»

ныхъ признакахъ порчи трупа. Тѣло найдено рано утромъ, двадцать шестого числа, и онъ полагаетъ, что должно было пройти «довольно долгое время», чтобы воздухъ и солнце привели его въ такое состояніе, въ какомъ оно оказалось; а какъ покойный былъ еще живъ утромъ двадцать четвертаго числа, то медикъ и выводитъ, что онъ убитъ въ тотъ же самый день. Но.... «довольно долгое время» — какъ это неопредѣлительно! Гниеніе можетъ зависѣть отъ тысячи постороннихъ обстоятельствъ: нѣсколько минутъ проливнаго дождя, часа два горячаго солнечнаго сіянія, влажность атмосферы, предрасположеніе тѣла къ гнилости, все это можетъ ускорить или замедлить наступленіе порчи. Кто, никогда не видавъ покойника прежде, рѣшится сказать, что признаки гниенія, найденныя медикомъ, не могли бы развиваться въ той же самой степени, если бы смерть послѣдовала не двадцать-четвертаго, а двадцать-пятого августа? Я съ своей стороны думаю, что убійство было совершено ночью съ двадцать-четвертаго на двадцать-пятое, потому что если бы двадцать-четвертаго числа тѣло уже лежало въ часовнѣ, то почти невѣроятно, чтобы его никто не видалъ въ тотъ же день, тѣмъ болѣе что день былъ праздничный, — рожденіе принцессы, — и въ часовнѣ перебивалось много народу. Обвинитель самъ утверждаетъ, что трупъ перетаскили въ часовню тогда же, какъ совершено злодѣяніе: следовательно, ежели втеченіи двадцать-четвертаго числа никто не видалъ трупа, значитъ, что злодѣяніе еще не было совершено; а какъ-скоро покойникъ убитъ не двадцать-четвертаго, то все огромное зданіе остроумныхъ догадокъ и соображеній, основанныхъ на таинственномъ отсутствіи обвиняемой, падаетъ само собою! Впрочемъ, что же есть подозрительнаго въ ея поведеніи въ этотъ день? Обвинитель полагаетъ, что она привѣщала въ Гильгенбергъ по предварительному условію, о которомъ упоминается въ запискѣ отъ двадцать-перваго

дюля, и въ отрывкѣ, найденномъ въ потной книгѣ. Не сообразно ли такое предположеніе съ обстоятельствами? Она поѣхала съ графиней совершенно случайно; но настоящему, съ нею должны были ѣхать, не графиня, но Кетлеры: а въ этомъ случаѣ какъ бы ей ускользнуть изъ ихъ общества, подъ предлогомъ приглашенія отъ какой-то пріятельницы, которой никогда не существовало? Но они съ нею такъ коротки, что знаютъ весь кругъ ея знакомства: ихъ нельзя было обмануть такой выдумкой. Предположенію обвинителя противорѣчатъ всѣ поступки обвиняемой. Получивъ письмо отъ госпожи Зиггаузенъ, она передала его графинѣ; графиня сама уговорила ее итти. Изъ чего тутъ заключить, что она ходила не къ госпожѣ Зиггаузенъ? Говорятъ, что такого имени никогда не слыхивали въ Гильгенбергѣ. Можетъ-быть; никто и не утверждаетъ, что госпожа Зиггаузенъ была гильгенбергскою жительницей. Напротивъ, известно, что она была проѣзжая; вѣроятно, она на короткое время останавливалась у вдовы Вейтель, и сюда приходила къ ней обвиняемая. Но обвинитель говоритъ, что она приходила къ вдовѣ Вейтель для свиданія съ своимъ мужемъ, съ которымъ, послѣ, ушла въ горы. Дѣйствительно, служанка, которую посылали къ баронессѣ съ письмомъ, упоминаетъ о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, сидѣвшемъ въ комнатахъ вдовы Вейтель. Но чѣмъ же доказывается, что баронесса приходила для этого молодого человѣка? Служанка не была свидѣтельницей ихъ свиданія. Притомъ этотъ молодой человѣкъ вовсе не баронъ Германъ, какъ ясно видно изъ описанія его наружности. Убитый, найденный въ часовнѣ, былъ въ нанковыхъ брюкахъ сверхъ сапоговъ, и это же самое говоритъ хозяинъ постоялаго двора о жильцѣ своемъ, котораго признаютъ за барона; напротивъ, молодой человѣкъ, сидѣвшій у мадамъ Вейтель, былъ въ лосинныхъ панталонахъ въ сапоги. Не очевидно ли, что это два разные человѣка? Въ противномъ

случай, когда и гдѣ онъ успѣлъ переодѣться, чтобъ прийти къ мадамъ Вейтель не въ томъ платьѣ, въ какомъ онъ пошелъ со двора? когда, гдѣ, и для чего онъ надѣлъ опять то же платье, въ промежутокъ времени отъ ухода своего съ обвиняемой изъ дому вдовы Вейтель до смерти, которая, говорятъ, нанесена ему въ это же самое утро. Ясно, что предположеніе, будто молодой человѣкъ, котораго видѣли у мадамъ Вейтель, былъ баронъ Германнъ, неосновательно; а это предположеніе надо замѣтить, составляетъ существенную часть или, лучше сказать, самую основу, всей системы догадокъ, построенной обвинителемъ. Куда же дѣлась теперь эта система?... Не доказано даже и то, что какая-то дама съ мужчиной пошла изъ дому мадамъ Вейтель въ горы: дѣвочка не видала ихъ своими глазами; она говоритъ, что слышала отъ хозяйки; а хозяйка и мужъ ея отвѣчали, что ни чего не помнятъ и не знаютъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что случившееся у мадамъ Вейтель не имѣетъ никакого отношенія къ происшедшему на Раубштейнѣ. Но по мнѣнію обвинителя, всѣ недоумѣнія опровергаются тѣмъ фактомъ, что у обвиняемой нашлись часы и обручальное кольцо убитаго. Я согласенъ, что часы эти Германновы и кольцо его же. Но чѣмъ доказать, что объ вещи принадлежали *убитому*? чѣмъ доказать, что онъ были при немъ передъ смертью? Ключница, и старый слуга изъ К... и хозяинъ постоялаго двора, говорятъ только «золотые часы», «золотое кольцо», но никто изъ нихъ не утверждаетъ, что это тѣ самые часы и кольцо. Свидѣтельство барона Фердинанда въ настоящемъ случаѣ также ничего не доказываетъ. Фердинандъ не жилъ дома, когда Германнъ развелся съ женой, и не засталъ его, воротившись подъ родительскую кровлю. Какъ же онъ можетъ знать, что часы и кольцо во все это время были у Германа? Я легко объясню переходъ этихъ вещей къ баронессѣ. Дѣло очень простое и обыкновенное. Часы были пода-

раны Германну невѣстой, кольцо, то самое, которое онъ обручался. А не цѣлому ли міру известно, что любовники и супруги, разрывая узы, которыя ихъ связывали, всегда возвращаютъ другъ другу подарки, которые они взаимно получили въ счастливые дни ихъ любви и супружества, и которые теперь, послѣ разрыва, только возбуждали бы въ нихъ горестныя воспоминанія? Что же мудренаго и въ настоящемъ случаѣ мужъ и жена, разлучаясь навѣки, отдали другъ другу залогъ своей нежности? Эта мысль съ первого разу представилась горничной. Сама обвиняемая тоже не носила обручальнаго кольца послѣ разводу. А почему? Да просто потому, что оно, какъ показывается въ горничной, было отдано назадъ барону. Слѣдственно, обстоятельство, на которое обвинитель преимущественно опираетъ свое обвиненіе, изъясняется самымъ простымъ образомъ. Но обвинитель говоритъ еще о тайныхъ сношеніяхъ между супругами, объ ихъ свиданіяхъ незадолго до убійства, о невольномъ восклицаніи матери при прощаніи съ дочерью. Надобно разсмотрѣть до какой степени *сношенія между супругами*, — если онѣ существовали, — навлекаютъ на баронессу Альбертину подозрѣніе въ томъ, что она причастна злодѣйству; имѣетъ ли какое-нибудь значеніе восклицаніе матери, вырвавшееся невольно, въ минуту горести; можетъ ли это восклицаніе внушить даже какое-нибудь подозрѣніе, а не то чтобъ *убѣжденіе*, какъ говоритъ обвинитель; и если мать, въ избыткѣ горести, вскричала—«ты замѣшана въ преступленіе», то слѣдуетъ ли изъ это заключить, что дочь действительно была замѣшана, что она принимала въ преступленіи личное, прямое участіе. Обвинитель, послѣ разныхъ соображеній, приходитъ къ такому результату, будто обвиняемая, сама, своей рукой, заколола мужа. Сама! Своей рукой! Но на чемъ же основано это ужасное уголовное обвиненіе?..... Развѣ тѣмъ же на чемъ. Обвинитель, чтобъ доказать себѣ,

допускается живую-го тайную переписку, какое-то условное свиданіе, посылку въ развалинахъ, охмѣленіе, ссоры, насиліе, запальчивость со стороны баронессы и другія вымышленныя обстоятельства, наприимѣръ; что тутъ очень кстати случился пошникъ, что она схватила этого пошника, размахнулась и погрузила его, ни больше ни меньше, какъ прямо въ сердце своего мужа. И все это, какъ я сказалъ, вымышлено, не заимствовано не изъ чьихъ показаній, придумано собственнымъ остроуміемъ обвинителя, единственно для поддѣлки своей гипотезы. И только! и больше ничего! И это сказано противъ благородной, всѣми уважаемой дамы, которой самъ обвинитель воздаетъ громкія похвалы! Какимъ же образомъ можно допустить такое странное противорѣчіе? Если обвиняемая убила мужа, надобно, чтобъ она была хоть сколько-нибудь способна къ подобному преступленію. Способна ли она? Гдѣ доказательства? Находимъ ли въ ея прежней жизни хоть малѣйшій случай, на которомъ можно основать такое обвиненіе? Какую и когда она сдѣлала жестокость, по которой можно признать ее женщиной, готовою на ужаснѣйшее изъ злодѣяній въ отношеніи къ человеку, который былъ ей такъ близокъ, котораго она такъ нежно любила, однимъ словомъ, къ мужу, къ отцу ея дѣтей?..... Нѣтъ! прежняя жизнь баронессы Адбертины не представляетъ никакихъ доказательствъ. Не бранила слугъ, подрала за ухо свою горничную, сердито отвѣчала на повелительную рѣчь мужа: вотъ и все тутъ! Но какой же человекъ не навлечетъ на себя уголовнаго подозрѣнія, ежели подозрѣніе станетъ основываться на подобныхъ бездѣлкахъ?

«Положимъ, продолжалъ адвокатъ, при изъявленіяхъ общаго сочувствія со стороны зрительницъ: положимъ, что обвиняемая въ самомъ дѣлѣ видѣлась съ мужемъ, что между ними произошла ссора, что мужъ хотѣлъ ударить насиліемъ, что она защищалась. Но по об-

стоятельствамъ дѣла, надобно заключить, и самъ обвинитель не оспровергаетъ, что при этой сценѣ были свидѣтели. Какимъ же образомъ они могли допустить баронессу до умерщвленія мужа? какимъ образомъ слабая женщина могла управиться съ двумя, а можетъ-быть тремя, мужчинами? Думать, что они были на ея сторонѣ, значить, вмѣсто одной преступницы, выводить на сцену двухъ, трехъ. Въ такомъ случаѣ должно нанередъ отыскать и уличить ихъ. При всѣхъ натяжкахъ въ пользу обвиненія нельзя выжать ничего, кромѣ гипотезы, что обвиняемая могла быть несчастной свидѣтельницей насильственной смерти своего мужа. Но это, я говорю, при натяжкахъ, а натяжки невозможительны, особливо въ такомъ важномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что обвиняемая ни сколько не виновата въ смерти барона Германна, и слѣдственно, ежели даже допустить, что раненая женщина, приходившая въ Шлинггизъ, была точно она, то и этимъ еще ничего не доказывается. Короче сказать, падаютъ сами собой всѣ доводы: и происшествіе въ Шлинггизъ, и потеря перчатки, и волненіе, въ какомъ баронесса Альбертина воротилась къ графинѣ, и ея смущеніе при первой встрѣчѣ съ барономъ Фердинандомъ, и самое даже молчаніе, которое она хранитъ съ такою настоятельностью.»

Этимъ адвокатъ заключилъ свою рѣчь, которая продолжалась около двухъ часовъ и обратила на себя общее вниманіе. Предсѣдатель сдѣлалъ короткій обзоръ всего дѣлопроизводства. Его рѣчь была образецъ ясности, точности и безпристрастія. Члены встали, чтобъ удалиться въ другую комнату и положить рѣшеніе.

Въ это время тишина судебнаго мѣста была неожиданно нарушена происшествіемъ очень страннымъ.

Только-что члены присутствія подошли къ дверямъ комнаты, гдѣ должна была рѣшиться судьба Ал-

беглыми, какъ вдругъ поднялся шумъ у одного изъ входовъ въ судебную залу. Караулъ, будто кто-то хотѣлъ насильно войти, несмотря на сопротивленіе полиціи, сѣкъ офицеровъ, поставленныхъ у дверей. Какъ бы то ни было, удилія пришельца одержали верхъ. Хорошій одѣтый мужчина, явился посреди комнаты, подошелъ къ судья и сказалъ: «Именемъ Всемогущаго прощу, выслушайте меня: эта женщина, невинна!»

Все устремили глаза на незнакомца. Члены остановились на порогѣ, не зная, итти ли имъ, или нѣтъ. Предсѣдатель также былъ въ нерешимости; должно ли позволить также нарушеніе порядку, и смотрѣть на пришельца съ удивленіемъ и замѣнательствомъ; а между тѣмъ въ галереяхъ, гдѣ были зрители, нѣкоторые старыя дамы, принимающія особенное участіе къ баронессѣ, кричали: «Это баронъ!... Это Германъ!... Адвокатъ не даромъ пророчилъ, что онъ доверится!»

Но старыя дамы ошиблись: незнакомецъ былъ не Германъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на Фердинанда. Фердинандъ, съ своей стороны, глядѣлъ на него, какъ на человека, котораго никогда не видывалъ. Одна Адбертина узнала его. Трепеща всѣмъ тѣломъ, блѣдная, разстроенная, она неподвижными глазами смотрѣла, какъ незнакомецъ приближался къ рѣшеткѣ. Когда онъ проходилъ мимо ея, преодолевъ свое волненіе, шепнула ему что-то по-англійски.

Послѣ нѣкотораго размышленія, предсѣдатель спросилъ у незнакомца, кто онъ таковъ:

«Максимиліанъ фонъ Нордекъ, офицеръ четвертаго гусарскаго полка, отставный солдъ».

— Что вамъ шепнула сейчасъ обвиняемая?

— Она шепнула мнѣ: «Не забудьте клятвы». Баронесса сама связана клятвою, но если бы мнѣ позволили

несколько минут поговорить съ ней; то я, видя, что убивать бы ее, что обязательство кончилось. Я въспрешу тайнаго переговорову. Мы начинаемъ говорить при господехъ судьяхъ. — Баронесса? продолжалъ Нордекъ, заикаясь: смерть разорвала узы, которыми вы вичитали себя священной. Отець вашъ скончался. Онъ теперь съ высоты небесъ смотритъ на дочь, которая всегда была достойна его привязанности и только разъ въ жизни поступила опротивлено, ушла отъ чрева матери. Онъ умеръ въ счастливомъ невѣдѣніи о томъ, въ какую бѣдну страданій это васъ повернуло; онъ умеръ спокойно, съ вѣрою и надеждою въ душу. Последнее его слово было благословеніе дочери. Теперь молчаніе не нужно. Позвольте мнѣ объявить всю правду.

Альбертина, съ выраженіемъ благодарности, посмотрѣла на своего защитника, но отвѣчала ему только слезами.

Тогда Нордекъ обратился къ суду и началъ говорить такъ:

«Когда наши войска въ 1816 году возвратились изъ Франціи; я стоялъ съ полкомъ въ забытыхъ мѣстахъ. Бездѣйствіе и скука заставили меня дѣлать прогулки по окрестностямъ. Сосѣдственное дворянство принимало насъ, офицеровъ, очень хорошо, намъ были рады, и въ городахъ, и въ замкахъ, и на водахъ; такъ наприкладъ въ К... , гдѣ тогда былъ прекрасный театръ.

«Въ этомъ театрѣ я случайно встрѣтилъ однажды барона Терманна фонъ-Прейсаха. Мы съ нимъ дѣлили вмѣстѣ компанію 1809 года, и я былъ ему нечуждымъ обитателемъ. Свиданіе наше было для меня очень радостно; но скоро радость замѣнилась печалью; Германецъ сталъ совсемъ другой человекъ; изъ прекраснаго и горделиваго юноши онъ превратился въ какого-то преждевременнаго старика; тѣло его одряхлѣло, руки потеряли силу, веселость исчезла, даже въ одеждѣ были видны

примани бѣдности, или невѣжества. Между-тѣмъ я зналъ, что онъ былъ богатъ: я слышалъ, что онъ велъ дела, сдѣлалъ блестящую партію, и потому странное положеніе, въ которомъ я нашелъ его, подавалось мнѣ явное странство. Онъ, съ своей стороны, какъ будто не замѣчалъ моего удивленія. Впрочемъ, мы на этотъ разъ и не имѣли времени объясниться.

«При слѣдующихъ свиданіяхъ, я замѣтилъ, что баронъ Германнъ недоволенъ самимъ собой. Онъ велъ знакомство съ людьми, которые не стоили его дружбы, и отъ которыхъ онъ, въ другое время, отвернулся бы съ презрѣніемъ. Мнѣ посчастливилось доставить ему болѣе приличное общество, въ кругу моихъ сослуживцевъ.

«Мало-по-малу онъ сталъ откровеннѣе, и рассказалъ мнѣ исторію своей женитьбы и разводу. Онъ съ сокрушеніемъ признавался, что самъ былъ во всемъ виноватъ; потомъ описалъ мнѣ, какъ онъ разорвалъ всѣ свои дружескія связи, какъ путешествовалъ, какъ воротился; и заключилъ тѣмъ, что теперь живетъ въ Кт., безъ всякаго плану и безъ цѣли. Несчастная страсть удерживала Германна, хотя онъ самъ чувствовалъ, что она становится ему несосною. Предметомъ этой страсти была одна театральная танцовщица.

«Случай раскрылъ мнѣ нѣкоторыя новыя подробности о положеніи барона. Въ числѣ дворянскихъ домовъ, съ которыми я и мои товарищи познакомились, былъ домъ барона Натлера, гдѣ гостила одна молодая женщина, баронесса фонъ-Зигельдъ. Она была такъ хороша, такъ умна, такъ любезна, что мы очень часто говаривали объ ней въ своемъ офицерскомъ кругу. Пройсакъ былъ при одномъ изъ такихъ разговоровъ, и я не могъ не замѣтить, что онъ слушаетъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Въ первый же разъ, какъ только намъ случилось быть съ нимъ наединѣ, онъ завелъ рѣчь о баронессѣ

фонъ-Зигфельдъ, и расширявалъ объ ней съ большаго участіемъ; когда я высказалъ ему что знаю не много, онъ задумался, сидѣть долго не говоря ни слова, потомъ вскочилъ, сталъ ходить по комнатѣ, и наконецъ, къ величайшему моему удивленію, объявилъ, что баронесса Зигфельдъ — жена его! Онъ говорилъ объ ней съ такимъ жаромъ, съ такою любовью, что и я, въ свою очередь, былъ тронутъ до глубины сердца. Германнъ признался мнѣ, что со времени разводу, онъ велъ жизнь развратную, безчестную, о которой теперь не можетъ быть ужасу вообразить. Несчастный увѣрялъ, что возвращеніе его на путь добродѣтели зависить единственно отъ примиренія съ женой, и умолялъ меня быть посредникомъ между ними, передать ей его раскаяніе, его просьбы, слезы, страданія. Я отказался: меня приводило въ ужасъ это порученіе, и я старался убѣдить его въ нелѣпости и безнадежности предпріятія. Онъ согласился, но только на этотъ разъ. Послѣ, почти при каждомъ свиданіи, онъ возобновлялъ свою просьбу, и довелъ меня до того, что соскучившись слышать всегда одно и то же, я началъ избѣгать Германна. Но избѣгая барона, я не избѣгалъ однако жъ частыхъ поѣздокъ въ Блюменродъ, къ Кетлерамъ, и мнѣ стало казаться, что фрау фонъ-Зигфельдъ, или баронесса Прейсахъ, смотритъ на меня съ особеннымъ благоволеніемъ. Я не былъ такъ самолюбивъ, чтобъ приписать это вниманіе преимуществамъ моей особы, а напротивъ, началъ подозрѣвать, не нашелъ ли Германнъ какого способу завести переписку съ своей женой и не сообщилъ ли онъ ей, что открылъ мнѣ тайну ихъ брака. Послѣдствія показали, что я не ошибся.

«Въ одинъ вечеръ, когда я имѣлъ удовольствіе всѣсти баронессу на прогулкѣ, она сказала, что ей повѣстна комиссія, которую возложилъ на меня Германнъ, что она считаетъ меня за честнаго человѣка и потому будетъ говорить со мной откровенно; что она не мо-

хоть согласиться на желаніе Германна; что она простила его, но воля отца ставить непреодолимую преграду ихъ примиренію, хотя бы она и желала этого.

«Я передалъ все барону. Онъ молчалъ. Казалось, разговоръ нашъ кончился, какъ вдругъ онъ взялъ мою руку и признался; что не только имѣетъ тайныя сношенія съ Блюменродомъ, но и получаетъ оттуда отъѣзды. Я сталъ его уговаривать, чтобы онъ оставилъ свои безпозванныя покушенія. Онъ меня обнялъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Нѣтъ, Максимилианъ! нѣтъ! ради Бога, не мѣшай моему счастью! Альбертина мнѣ вѣрнѣе; она.... Но скоро ты все узнаешь.»

«Я остолебнѣлъ отъ удивленія. Неужели она согласилась? Мнѣ казалось это невѣроятнымъ. Я думалъ, что Германнъ обманываетъ, либо самъ обманывается. Однако жъ, онъ сказалъ правду: Альбертина точно согласилась, не на примиреніе, а на свиданіе. Германнъ тронулъ чувствительнѣйшую струну ея сердца, материнскую любовь. Онъ угрожалъ отнять у нея ребенка, если она не захочетъ съ нимъ видѣться. Какимъ образомъ Альбертина, съ своимъ умомъ, поддавалась этой угрозѣ, не знаю; но между ними назначено было свиданіе.

«Сосѣдственное дворянство учредило еженедѣльное собраніе въ Гильгенбергъ, и баронесса Альбертина ѣздила туда обыкновенно съ Кетлерами. Собранія эти были многолюдны. Время проходило въ разныхъ забавахъ, прогулкахъ, поѣздкахъ: это доставляло возможность отлучаться отъ общества такъ, что никто того не могъ замѣтить. Отсюда-то Альбертина должна была отправиться на свиданіе. Мы условились, что за ней придетъ дѣвочка будто бы отъ пріятельницы ея, фрау фонъ-Зиггаузенъ; что эта дѣвочка проводитъ ее въ домъ одной доброй старушки въ Гильгенбергъ; и что я буду ждать ея въ этомъ домѣ, и потомъ провожу къ

удивительный развалинамъ въ соседнемъ лѣсу, гдѣ будетъ дожидаться насъ Германнъ.

«Планъ нашъ, какъ видите, былъ довольно сложенъ, и даже опасенъ. Поэтому мнѣ очень хотѣлось, чтобы его оставили, но теперь уже сама Альбертина страстно желала увидѣться съ мужемъ, чтобы не потерять дочери, и я былъ принужденъ покориться ея волѣ. Германнъ не могъ прийти самъ въ Гильгенбергъ, потому что его тамъ всѣ знали; а Альбертина не могла подвергаться опасности чтобы ее съ нимъ увидѣли, какъ нельзя было и видѣться съ нимъ въ Блюменродъ. Напротивъ того, если бы кто и увидѣлъ ее со мной, это не возбудило бы ни какихъ подозрѣній и остался бы незамѣченнымъ. Такимъ образомъ планъ, который мы придумали, былъ дѣйствительно единственный, какой мы могли привести въ исполненіе.

«Рѣшено было исполнить его десятаго августа. Но погода помѣняла, и отложили до слѣдующей недѣли.

«Не знаю отчего, но въ этотъ промежутокъ времени меня безпрестанно тревожила мысль, что у Германна есть какое-то особенное намѣреніе, котораго онъ не сообщилъ, ни мнѣ, ни Альбертинѣ. Я предостерегъ ее о томъ запиской; но она, при свиданіи, шепнула мнѣ, что семнадцатаго числа будетъ на условленномъ мѣстѣ. Семнадцатаго, Германнъ и я отправились на свиданіе. Альбертина однако жъ не пришла: ее задержала болѣзнь кого-то изъ Кетлеровъ. Я втайнѣ благодарилъ Бога; Германнъ, напротивъ, сердился. Положено было, что двадцать-четвертаго баронесса непременно придетъ.

«И вотъ наступилъ этотъ день, самый горестный, самый достопамятный въ моей жизни. Рано утромъ, — это было въ среду, — я отправился въ Гильгенбергъ. На тропинкѣ къ развалинамъ былъ уже выставленъ знакъ, что Германнъ на своемъ мѣстѣ. Я побѣжалъ въ

домъ гилдгенбергскаго собранія, кинулся къ контору, схватилъ реестръ гостей, записанныхъ на этотъ день, и внутренне молилъ Бога, чтобъ Кетлеры были одязъ чѣмъ-нибудь задержаны. Такъ и случилось.... Но Альбертина находилась въ сплсскѣ: она пріѣхала съ графами фонъ-Коссъ.

«Нечего было дѣлать! Я послалъ дѣвочку. Черезъ часъ баронесса пришла. Благородное спокойствіе, съ какимъ эта необыкновенная женщина рѣшалась на опасное свиданіе, тогда-какъ я, мужчина, трепеталъ отъ страху и болѣзненнаго предчувствія; наконецъ пристыдилось меня. Время было дорого. Не медля ни минуты, мы вышли изъ дому и черезъ садъ проникли на дорожку къ лѣсу. Альбертина была въ балльномъ нарядѣ, для собранія; ноги ея ужасно страдали въ узкихъ шелковыхъ башмакахъ. Я долженъ былъ собрать все свои силы, и помогать ей взбираться по негладкой, каменистой, тропицѣ на крутую гору; но она мужественно преодолевала все трудности.

«Германтъ встрѣтилъ насъ за нѣсколько шаговъ отъ развалины. Альбертина вздрогнула. Передъ ней стоялъ человекъ, котораго она такъ любила: но въ какомъ положеніи находился этотъ человекъ! блѣдный, худой, оборванный, тогда какъ она пѣла полнымъ блескомъ свѣжей, совершенно дѣвственной красоты. Ужасная встрѣча! Сколько горестныхъ чувствъ и воспоминаній она должна была пробудить въ благородномъ сердцѣ Альбертины! Мнѣ хотѣлось бы не упоминать объ одномъ обстоятельстве, но я долженъ говорить все. Германтъ явился къ намъ въ неестественномъ раздраженіи духа: онъ былъ пьянъ. Не знаю зачѣмъ, ему вздумалось принести съ собою цѣлую бутылку ликёру; можетъ-статися, у него было какое-нибудь скрытное намѣреніе; но онъ уже нѣсколько разъ прибѣгалъ къ своей бутылкѣ, и былъ отвратителенъ.

«Въ первую минуту, Альбертина ничего не знала; но положеніе Германна не могло оставаться тайнымъ даже и для ея добродушнаго, неподозрительнаго взгляду. Несчастный скоро все обнаружилъ своими поступками и рѣчами, въ которыхъ было что-то дикое, страшное, возмутительное. Я замѣтилъ, что баронесса начинаетъ расказываться въ своей рѣшимости; но это было сдѣлано. Я старался по-крайней-мѣрѣ сократить роковое свиданіе. Мы велѣли старику, который провожалъ Германна, указывать намъ дорогу, и вошли за нимъ въ развалины. Старикъ не могъ понимать, о чемъ мы говоримъ, потому что мы говорили по-французски.

«Нѣтъ надобности передавать содержаніе всего этого разговору. Германнъ твердилъ одно: «Я требую пріиренія!» Альбертина, съ своей стороны, рѣшительно отказывалась нарушить клятву, которую она дала своему отцу. Оба по-нежному разгорячились; Германнъ сталъ осыпать ее язвительными упреками. Послѣ того, разговоръ на нѣсколько времени прекратился, а между-тѣмъ наступилъ страшный жаръ и времяшло уже за дождь. Баронъ велѣлъ старику открыть корзину, въ которой они принесли разные съѣстные припасы. Мы позавтракали. Альбертина, по моему убѣжденію, тоже проглотила кусочекъ хлѣба, чтобы подкрѣпить свои силы. Что касается до Германна, то онъ, во время завтрака, безпрестанно нилъ, какъ я ни старался его уговаривать. Эта неуверенность еще больше охмѣляла его; слова, которыя онъ обращалъ къ Альбертинѣ, съ каждою минутой становились грубѣе и неприличнѣе; наконецъ онъ началъ проклинать и ее, и свою маленькую невинную дочь. Тутъ Альбертина встала: она поняла, что пора уйти. Я слѣдовалъ за каждымъ ея движеніемъ. Германнъ замѣтилъ это и въ бѣшенствѣ закричалъ: «А! вы въ заговорѣ!»

«Баронесса не возразила ни словомъ; только посмотрѣ-

ла на него съ состраданіемъ, и сказала мнѣ: «Пойдемте.» — «Ты хочешь итти!» завопилъ Германнъ, ужаснымъ голосомъ, держа въ рукъ складной ножикъ, у котораго съ обѣихъ концовъ лезвѣя были открыты. «Ты хочешь итти!... хорошо!... ступай!... брось меня!... Пускай я веду эту гнусную жизнь! Что тебѣ?... Но я не хочу жить!... нѣтъ! Лучше смерть. Ступай, но посмотри, какъ я умру.»

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто хотѣлъ зарыться. Не могу припомнить подробно, что тутъ случилось. Помню только, что я, потерявъ разумъ, сказалъ: «Германнъ, какъ вамъ не стыдно играть эту комедію передъ такою благородной женщиной, какъ баронесса?» И эти слова взбѣсили его до безумія. Онъ схватилъ свою жену по-поламъ и хотѣлъ унести, какъ вдругъ, не знаю откуда, является передъ нимъ, со шпагою въ рукъ старшій полковникъ, отецъ Альбертины.

— Оставь дочь мою! закричалъ онъ страшнымъ голосомъ, дрожа отъ гнѣву. Оставь ее, мерзавецъ!... нето я сейчасъ убью тебя.

Германнъ однако жъ не оставлялъ ея. Отецъ бросился на него, и между ними завязалась борьба: полковникъ отнималъ Альбертину, Германнъ не отдавалъ ея. Она была безъ чувствъ. Я не смѣлъ вмѣшиваться въ ихъ семейное дѣло и стоялъ поодаль. Въ пылу борьбы полковникъ какъ-то ударилъ бывшаго своего зятя. Тотъ вышелъ изъ себя, бросилъ Альбертину наземь и, подбѣжалъ ко мнѣ, выхватилъ изъ ноженъ мою шпагу. Все это сдѣлалось такъ быстро, что я не успѣлъ даже оказать ему сопротивленія.

— Милостивый государь! вскричалъ отецъ, обращаясь ко мнѣ: унесите дочь мою отсюда; вы мнѣ за нея отвѣчаете! Свѣдамъ я раздѣляюсь носомъ: я сейчасъ все

движенія этого негоддя, ед и дащи, и знаю все, что здесь дѣлается и какое участіе вы здесь принимаете.

Я машинально повиновался грозному приказанію отца, поднимая эту даму съ земли и понѣсь ее подъ тору. Но едва сдѣлавъ я полтораэта шагъ, какъ за нами послышался пронзительный крикъ, за которымъ послѣдовалъ страшный стонъ. Тогда только я очунился, и почувствовалъ, какъ не хорошо сдѣлавъ я оставляя ихъ однихъ, разъяренныхъ и съ оружіемъ въ рукахъ. Я положилъ Альбертину подъ деревомъ и опретью выбѣжалъ на гору, но тогда уже все было кончено. Они дрались на мѣстахъ, и отецъ баронессы Альбертины убилъ своего противника, что впрочемъ и не было трудно: Германнъ былъ пьянъ... полковникъ не видалъ этого. Онъ стоялъ надъ трупомъ своего зятя какъ-будто окаменѣлый. Долго не примѣчалъ онъ меня, наконецъ увидѣлъ и спросилъ: «Гдѣ моя дочь?» Я указалъ рукою. Онъ пошелъ къ Альбертинѣ, оставивъ меня подлѣ убитаго. Вскорѣ отецъ и дочь возвратились къ тѣлу Германна.

«Слабая и нѣжная женщина, Альбертина, прежде всѣхъ насъ опомнилась послѣ этого страшнаго происшествія. Она горько плакала надъ умершимъ и оказывала ему нѣжнѣйшія ласки. Она никакъ не хотѣла, чтобы тѣло мужа ея, отца ея дочери, осталось на-мѣстѣ покинутымъ и непогребеннымъ; требовала, во что бы ни стало, чтобъ оно было перенесено куда-нибудь, гдѣ могло найти честную христіанскую могилу. Послѣ того она умоляла отца скрыться какъ-можно скорѣе, уйти незамѣченно тѣмъ же путемъ, который привелъ его на роковое мѣсто свиданія. Она поклялась отцу и меня заставила поклясться, что ни какое въ ширѣ обстоятельство не заставитъ насъ проговориться объ этомъ несчастномъ случаѣ, ничто въ жизни, пока въ отцѣ онъ живъ, не принудитъ насъ нарушить молчаніе.

что бы намъ самимъ пришло за это убийство положить голову на плаху. Полковникъ же рвался : онъ даже хотѣлъ предать себя въ руки правосудіа. Альбертина въ отчаяніи, рвала на себя волосы. Я присоединилъ мои настоятельныя просьбы къ страстнымъ мольбамъ ея, и наконецъ полковникъ удалился. Онъ отъискалъ свою лошадь, привязанную между деревьями, у подошвы горы, вскочилъ на сѣдло и уѣхалъ.

«Нашъ старикъ предложилъ отнести тѣло въ часовню, неподалеку оттуда, на другомъ высокомъ холмѣ. Онъ говорилъ, что въ часовню эту ходитъ народъ изъ окрестныхъ селеній : въ ней тѣло тотчасъ найдутъ, подумаютъ, что это какой-нибудь путешественникъ, ограбленный и убитый въ горахъ разбойниками, и похоронятъ съ честью на приходскомъ кладбищѣ. Альбертина согласилась. Съ помощью старика, я снялъ съ Германна часть одежды, взялъ его кошелекъ, бумажникъ, часы. Одежду мы заклали камнями въ развалинахъ, а кошелекъ, бумажникъ, часы и обручальное кольцо, Альбертина, по моей просьбѣ, взяла къ себѣ. На правой рукѣ Германна былъ еще перстень съ печатью, но мы не могли его снять, не повредивъ пальца, и потому, оставили. Старикъ изорвалъ большой женскій платокъ, которымъ была закрыта корзинка, и перевязалъ рану, чтобы остановить кровь, въ которой мы съ нимъ и такъ уже выпачкали свое платье. Послѣ-того, мы подняли тѣло на руки, выбрались изъ развалинъ и перенесли покойника въ часовню.

«Нера было воротиться въ Гильгенбергъ. Я помогъ Альбертинѣ сойти съ пригорка. Она горько рассказывалась, что нарушила данное отцу обѣщаніе никогда не видѣться съ мужемъ; она призналась, что сдѣлала это изъ боязни лишиться дочери; можетъ-быть также, ее увлекала и прежняя любовь къ мужу, но она мнѣ не говорила этого. «Нѣтъ, никогда! сказала она съ жаромъ,

никогда баронесса не пострадаетъ, за то, что я не следовала вѣжливости, которую оны съ меня взяли! « Она, однако, взяла съ меня честное слово, что я не выдамъ ея на ея, и мы выбрались изъ лѣсу. »

Во время борьбы между тѣстемъ и зятемъ, Альбертина схватила рукою конецъ шпаги отца, устремленный противъ груди Германна, и получила отъ этого рану въ правую руку.

« Платье баронессы Альбертины почти не было замарано: два или три маленькія пятна крови легко могли быть приписаны тому, что она порѣзала себя руку. Но баронесса замѣтила, что у ней нѣтъ одной перчатки. Мы тотчасъ поняли, какъ это важно въ подобныхъ обстоятельствахъ, и я побѣжалъ опять въ лѣсъ, чтобы отыскать ее. Однако жъ поиски мои были напрасны: я ходилъ, ходилъ, и ничего не нашелъ. Между тѣмъ приближались сумерки; надобно было спѣшить къ баронессѣ. Я поспѣшилъ назадъ, на то мѣсто, гдѣ ее оставилъ; но, прибѣжавъ, не засталъ никого. Темнота вечера не позволила мнѣ за ней слѣдовать; я воротился домой и съ-тѣхъ-поръ до нынѣшняго дня мы уже не видались. Благодарю Всевышняго, я не опоздалъ. »

— Да, подтвердилъ председатель: точно надобно благодарить Всевышняго! Я вѣрю всему, что вы теперь рассказали: вашъ рассказъ имѣетъ на себѣ всѣ признаки истины. Но мы обязаны выполнить законныя формы. Необходимо отобрать показаніе отъ старика, который былъ свидѣтелемъ происшествія, чтобы онъ подтвердилъ ваши слова. Гдѣ живетъ этотъ человѣкъ? кто онъ таковъ?

— О! я не упустилъ его изъ виду, отвѣчалъ Нордекъ. Его зовутъ Флоріанъ Краусъ. Онъ живетъ въ деревнѣ Целленбахъ.

— Потребовать и депрессить, сказалъ предъдатель! Но ины хотѣлось бы объяснить еще одно обстоятельство: Кошелекъ покойнаго попалъ въ кружокъ дѣя бѣднаты, съ этою занисочкой. Какъ же оны туда попалъ, если вы хотѣли, чтобы убійство приписано было разбойникамъ?

Нордекъ съ удивленіемъ прочиталъ записку.

— Я не могу этого растолковать, сказалъ онъ. Развъ баронесса, будучи занята мыслью доставить тѣлу мужа христіанское погребеніе, не забыла ли нашего плану и не положила ли кошелька въ кружку, тогда какъ мы съ старикомъ хлопотали около покойника.

Эта догадка была справедлива: дѣйствительно, Альбертина, забывъ о плану, боялась только того, чтобы тѣло ея супруга не было лишено христіанской могилы, и опустила въ кружку кошелекъ съ заниской, въ которой просила похоронить Германна по обрядамъ католическаго исповѣданія.

Старикъ Флоріанъ Краусъ подтвердилъ вполнѣ показаніе Нордека. Оставалось разсѣять одно сомнѣніе: гдѣ былъ Нордекъ со времени Германновой смерти и какъ это случилось, что онъ явился въ самую критическую минуту?

Это случилось такимъ образомъ:

Черезъ нѣсколько недель послѣ происшествія, долкъ, въ которомъ служилъ Нордекъ, былъ переведенъ на другія квартиры, а потомъ и совсѣмъ распущенъ. Нордекъ вступилъ въ свою прежнюю службу по горной части, и на этомъ поприщѣ показалъ такія отличія, что его выбрали въ горную экспедицію; которую правительство посылало въ Бразилію. Любопытствуя видѣть

Новый Светъ, онъ охотно согласился идти; но желалъ напередъ побывать на родинѣ и устроить дѣла свои. Обстоятельства заставили его протолкнуть по дорожкамъ, въ которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ печальнаго приключенія съ барономъ фонъ-Прейсмахъ. Въ газетахъ было объявлено объ открытій засѣданій уголовного суда, и упоминалось объ одномъ любопытномъ дѣлѣ, которое обратило на себя особенное вниманіе молодого человѣка. Всѣ имена были означены только начальными буквами, но эти начальныя буквы страннымъ образомъ пробуждали воспоминанія Нордека. Онъ сталъ думать, соображать.... Точно! нѣтъ никакого сомнѣнія: обвиняемая должна быть баронесса Альбертина фонъ-Прейсмахъ!

Нордекъ кинулся въ Блюменродъ, и узналъ всю истину; опасность была близка: процессъ производится уже трое сутокъ, и въ этотъ день должно состояться рѣшеніе. Кеттеры говорили, что всѣ обстоятельства противъ баронессы, что нѣтъ ни какой надежды, чтобы судъ оправдалъ ее.

— А ея отецъ, мать? знаютъ ли они объ этомъ? спросилъ Нордекъ.

— Полковникъ умеръ, отвѣчали ему: умеръ, ничего не подозревая о несчастіи дочери!....

— Умеръ?..... Знаетъ ли Альбертина объ его смерти?

— Нѣтъ: старушка мать боится сообщить ей эту печальную новость.

— Боже мой!.. Боже мой!...

Нордеку показалось, что земля горитъ подъ его ногами.

— Въ Гайнбургъ!... Скорѣе!... Каждое мгновеніе дорого.

Ту же минуту онъ вскочилъ на лошадь и помчался въ Гайнбургъ.

Проезжая въ 1820 году черезъ Марсель, я встрѣтилъ въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ молодую и милую няньку съ прекрасною дѣвочкой лѣтъ семи, которую она называла Констанціей. Узнавъ въ ней Англичанку, я завелъ разговоръ, и услышалъ, что она дожидается барина съ барыней, которые сейчасъ должны быть; что они ѣдутъ въ Бразилію, что корабль нынче же выйдетъ въ море.

— Барынина матушка умерла, прибавила нянька: такъ она и разсудила ѣхать съ мужемъ въ Америку, потому что теперь въ Германіи ей очень скучно.

Я спросилъ объ имени ея барыни. Нянька отвѣчала: Нордекъ.

Въ это время слуга вошелъ въ комнату и сказалъ, что господинъ Нордекъ съ женой подъѣхалъ къ воротамъ и ждутъ дитяти съ нянькой, чтобъ отправиться къ пристани. Нянька закутала Констанцію и побѣжала съ ней на улицу. Я подошелъ къ окну. У дверей гостинницы стояла коляска; въ коляскѣ сидѣли молодая дама и молодой человекъ. Дама случайно подняла голову, и я увидѣлъ прелестныя черты, которыхъ

никогда не забудеть тотъ, кто видѣлъ ихъ долгъ однажды въ жизни.

Нѣсколько минутъ спустя, коляска загремѣла по мостовой. На слѣдующее утро море уже отдѣляло Альбертину отъ Европы, въ которой она испытала столько страданій.

Blackwood's Magazine.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВИЛИАМЪ ПИТТЪ

(ЛОРДЪ ЧЕТЕМЪ)

ВЪ СВОЕЙ ПЕРЕПИСКѢ.

Въ огромномъ числѣ великихъ или знаменитыхъ людей, которыхъ Англія произвела въ прошедшее столѣтіе, ни одинъ можетъ-быть не приобрѣлъ такой всемірной извѣстности, да и ни одинъ, конечно, не имѣлъ такого вліянія на политику, какъ Питтъ, получившій впоследствии за свои заслуги титулъ графа Четема, earl of Chatham. Неподражаемый ораторъ, глубокій политикъ, тонкій царедворецъ, интригантъ, лицемеръ и при всемъ томъ человекъ съ сильнѣйшимъ характеромъ, онъ умомъ и словомъ своимъ рывалъ дѣла своего отечества и господствовалъ надъ дѣлами Европы, Азии и Америки. Изъ тумановъ стараго Альбіона, подобно сторукому Бриарей, колоссальная фигура Питта возвышается надъ осемнадцатымъ столѣтіемъ и держитъ въ рукахъ своихъ сто нитей, приводящихъ въ движеніе тайныя и явныя пружины современныхъ событій. Ни Демосенъ, ни даже Цицеронъ, единственные его соперники, не пользовались такимъ обширнымъ вліяніемъ на исторію своего времени. Поэтому, чрезвычайно любопытно заглянуть въ душу такого человека, изучить его въ частной и непринужденной перепискѣ. Но какъ ни драгоценны для исторіи и для простаго любопытства подобныя документы, рѣдко письма великихъ ораторовъ нравятся читателю въ той степени, въ какой часто увлекаютъ его записочки умной свѣтской болтуни.

Характеръ, привычки и положеніе Цицерона, естественнымъ порядкомъ, способствовали къ образованію его эпистолярнаго слогу, и, въ самомъ дѣлѣ, письма составляютъ лучшую часть его литературныхъ произведеній. Безъ-сомнѣнія, до изданій въ свѣтъ, онъ нѣсколько разъ тщательно ихъ пересматривалъ, переправлялъ, выглаживалъ, и оттого они вѣроятно утратили одно изъ главныхъ своихъ достоинствъ, естественность; но, со всемъ тѣмъ, они написаны гладко, легко, и наполнены многими занимательными подробностями, чего мы напрасно ищемъ въ подобныхъ произведеніяхъ другихъ ораторовъ. Во время Цицерона существовали также письма Демосѣена, но полдюжины тѣхъ, которыя дошли до насъ, подъ его именемъ, если только они дѣйствительно принадлежатъ ему, не возбуждаютъ ни малѣйшаго сожалѣнія о потерѣ остальныхъ. Какъ человекъ, котораго умъ всегда былъ занятъ важными политическими вопросами, Демосѣенъ не могъ имѣть, ни того блеску въ слогѣ, ни той прелести выраженія, которые составляютъ главное достоинство частной переписки. Если бы въ нашей власти было вызвать изъ могилы томъ нѣкихъ—нибудь настоящихъ афинскихъ писемъ, мы скорее всего пожелали бы, просто для забавы, прочитать несколько писемъ Демода чѣмъ длинныя посланія Демосѣена.

То же самое можно сказать о письмахъ лорда Честера. Его умъ, манера, образъ выраженія, были слишкомъ высоки: онъ не умѣлъ унижаться до дружеской переписки или до разговору. Въ самыхъ нѣжныхъ письмахъ къ жонѣ и дѣтямъ онъ какъ-будто съ неудовольствіемъ сходитъ съ своего пьедестала. Тотъ, кто прочитаетъ собраніе его писемъ, вышедшихъ въ последнее время въ Лондонѣ*, совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Wilkes'a, который говоритъ, что Честеръ былъ лучший ораторъ и самый влохой писакъ своего времени.

Вилліамъ Питтъ вступилъ членомъ въ нижнюю палату, въ 1735 году, двадцати семи лѣтъ отъ роду, депутатомъ

* CORRESPONDENCE OF WILLIAM PITT, earl of Chatham, edited by William Stanhope Taylor, Esq., and captain John Henry Pringle, executors of his son John, earl of Chatham, and published from the original manuscripts in their possession. London, 1838—1840. Vols I—III

отъ Old Sarum, небольшаго гмилаго мѣстечка, принадлежавшаго фамиліи. Больше по связямъ, нежели по своимъ политическимъ принципамъ, онъ принужденъ былъ тотчасъ присоединиться къ грозной оппозиціи, которая составляла, противъ сэръ Горація Вальполя, изъ якобитовъ, предводимыхъ Болинброкомъ, изъ тори, въ чель которыхъ находился сэръ William Wundham, и изъ совершенно разстроенныхъ вигговъ, которыми начальствовалъ Pulteney. Главою этой безсвязной, но тѣмъ не менше могущественной, партіи вскорѣ сдѣлался Фридерикъ, принцъ Валлійскій: онъ долженъ былъ въ непродолжительномъ времени взойти на престолъ; и на этомъ предположеніи основывали свои планы многіе честолюбцы, недовольные настоящимъ ходомъ дѣлъ. Горацій Вальполь, въ одномъ изъ своихъ писемъ, замѣчаетъ очень основательно, что наследники престола, изъ Ганноверскаго Дому, составляли всеглавною оппозицію царствующей политикѣ.

Первую, вступительную рѣчь Питтъ произнесъ, 29 апрѣля 1736 года, противу предложенія Pulteney о поздравительномъ адресѣ королю, по повелу бракосочетанія принца Валлійскаго. Какимъ образомъ глава оппозиціи рѣшился сдѣлать палатѣ такое предложеніе, не объяснено; вѣроятно, причиною было собственное отвращеніе короля отъ всякаго роду поздравленій съ событіемъ, которымъ онъ очень былъ недоволенъ. Рѣчь Питта произвела большое впечатленіе, и была отдѣльно напечатана. Tindal, расхваливая ее, говоритъ, что она излѣняетъ всѣхъ рѣчей Демосеена, и между-тѣмъ совсѣмъ не такъ длинна какъ рѣчи Цицерона, — vox clara, которой ничѣмъ онъ не одравдываетъ. Въ литературномъ отношеніи она пуста и надута, но замѣчательна тѣмъ, что, подъ личиною напыщеннаго падегрика, въ ней всюду прокрадываются ѣдка иронія и саркастическія намеки, что казалось въ то *цѣлое* время чрезвычайно страннымъ новостію.

Питтъ былъ корнетомъ въ драгунскомъ полку лорда Соббанъа. Извѣстно, что сэръ Робертъ Вальполь отставилъ его изъ арміи за парламентскую оппозицію, но когда именно и по какому случаю, мы не знаемъ. Однако жъ изъ современныхъ дѣлъ видно, что приказъ объ отставкѣ

корнета Питта выжилъ семнадцатаго мая 1738 году, то есть, черезъ нѣсколько дней послѣ его первой рѣчи, которая, судя по этому, вѣроятно была очень оскорбительна. За это наследный принцъ сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ при своемъ дворѣ, groom of the Prince's bed-chamber, а самая отставка была прославлена его другомъ Лостильтономъ стихами, которые, несмотря на свою ничтожность, имѣютъ ту историческую важность, что поазываютъ, какъ хорошо вдругъ оцѣнила публика его парламентскія достоинства.

Питтъ, подстрекаемый двумя противоположными чувствованіями, досадою и благодарностью, но вѣроятно все-го, увлекаясь вдохновеніемъ своего генія, началъ еще сильнѣе и чаще возставать противъ Вальпола. Въ рѣчи, осьмага марта 1739 года, по поводу испанской конвенціи, находятся нѣкоторые слѣды той снѣлости и силы выраженія, которыми онъ всегда потомъ отличался.

Въ одномъ частномъ письмѣ упоминается, что Питтъ говорилъ прекрасно но слишкомъ оскорбительно, и тамъ вызвалъ на отвѣтъ Генри Фокса и сэръ Henry Liddell. Что было обиднаго въ рѣчи Питта и что ему отвѣчали Фоксъ и Лиддэль, этого въ письмѣ не сказано; а любознательно было бы взглянуть на зарю знаменитаго соперничества и вражды, которая раздѣляла во время жизни и соединила послѣ смерти знаменитыя имена Фокса и Питта.

Слѣдующая замѣчательная рѣчь Питта, — его отвѣтъ Горацию Вальполю, — начиналась словами: The atrocious crime of being a young man, «Ужасное преступленіе быть молодымъ человѣкомъ». Известно, что эта рѣчь, въ томъ видѣ какъ она теперь, передѣлана Джонсономъ: это, безъ сомнѣнія, лучший образчикъ саркастическихъ сентенцій; обдуманное расположеніе фразъ и мѣрное распространеніе заключаютъ въ себѣ такъ много джонсоніанства, ультраджонсоніанства, что она вѣроятно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ живымъ, энергическимъ слономъ оригинала. Коксъ утверждаетъ однако жъ, будто эта рѣчь Питта существовала только въ воображеніи Джонсона, и въ доказательство, что къ этой предполагаемой филиппикѣ Вальполь никогда не подавалъ поводу, приводитъ анекдотъ, слышанный отъ лорда Sydney. Однажды, во время парла-

ментскихъ преній, Питтъ съ нѣсколькими друзьями сильно напалъ на стараго Горація Вальполя. Вальполь, въ отвѣтъ, упрекнулъ этихъ молодыхъ людей въ излишней самонадеянности, на что раздраженный Питтъ возразилъ: «Съ глубокимъ уваженіемъ къ сѣдымъ волосамъ почтеннаго джентльмена...» При этихъ словахъ Вальполь тотчасъ снялъ съ себя парикъ, и показалъ ему свою голову, покрытую сѣдиною, что произвело смѣхъ во всемъ собраніи. Питтъ самъ засмѣялся, и споръ кончился. Этотъ анекдотъ юрда Sydney совершенно справедливъ, потому что о подобномъ случаѣ упоминается въ письмѣ младшаго Горація. Но анекдотъ съ парикомъ случился 21 ноября 1745, а знаменитый отвѣтъ былъ сдѣланъ 10 марта 1741, и напечатанъ, въ томъ же году, въ Gentleman's Magazine. Изъ этого выходитъ, что Коксъ, вѣроятно, ошибся, предполагая, будто рѣчь Питта, изданная Джонсономъ, не что иное какъ распространеніе происшествія, бывшаго четыре года тому назадъ.

Благодаря многочисленнымъ измѣненіямъ политическихъ привязанностей и непріязней Питта, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ этой гордой встрѣчи увидѣли стараго Горація Вальполя и Питта истинными друзьями.

Во время кризиса министерства Вальполя, Питтъ произнесъ двѣ или три рѣчи; изъ нихъ въ особенности замѣчательна та, которою онъ поддерживалъ требованіе о назначеніи комиссіи для разсмотрѣнія поступковъ сэръ Роберта. Бросивъ общій взглядъ на дѣйствія и притѣсненія павшаго министерства, онъ началъ говорить объ отставленіи военныхъ офицеровъ отъ службы за ихъ личныя мнѣнія; однако жъ, сильно нападавая за это на Вальполя, онъ съ благородною гордостью и со вкусомъ, которые всегда его отличали, старался не намѣкать, ни на свою собственную отставку, ни на какое-нибудь другое обстоятельство, которое могло имѣть личное отношеніе къ нему. Хотя никто въ свѣтъ не говорилъ рѣчей, въ которыхъ бы находилось болѣе личностей, и, слѣдовательно, намѣковъ на самого себя, какъ въ рѣчахъ Питта, однако жъ онъ никогда не унижался до прославленія своихъ достоинствъ. Питтъ имѣлъ особенный даръ направлять вниманіе слушателей на свои

дѣла, между-тѣмъ какъ казалось, будто все мысли его были обращены на поступки другихъ.

Большая часть приверженцевъ принца, сдѣлавшихся министрами, и самъ принцъ, по-крайней-мѣрѣ по наружности, сошлись съ королемъ. Но поведеніе принца, при этомъ случаѣ, не понравилось Питту : онъ, вѣроятно, думалъ, что его высочество не довольно настойчиво требовалъ, чтобъ отставнаго корнета тоже приняли въ министерство, потому что, при созваніи новаго парламента, въ декабрь 1742 года, Lyttleton, поддерживаемый Питтомъ и Гринвиллями (Grenvilles), снова потребовалъ учрежденія тайной комиссiи, для изслѣдованія поведенія сэръ Роберта Вальполя. Эта выходка, не только ставила новое министерство въ чрезвычайно затруднительное положеніе, но и дотога не понравилась самому принцу, что онъ распустилъ слухъ, будто, въ случаѣ упорства Питта и Литльтона, непременно удалить ихъ отъ своего двора.

Девятаго декабря 1742, въ парламентъ произошло замѣчательное прѣвіе, о которомъ не упоминается ни слова, ни въ современныхъ запискахъ, ни въ парламентской исторiи. Вальполь писалъ къ сэръ Горацію Манн'у :

«У насъ, въ палатѣ, былъ необыкновенный день, по поводу фламандской арміи. Оппозиція требовала распушенія, но мы побѣдили ее ста двадцатью голосами. Миггау сначала говорилъ очень рѣзко; Питтъ отвѣчалъ ему сильно и остроумно, но доказательства его были очень неосновательны».

Въ другомъ письмѣ сказано :

«Въ первый день, — девятаго декабря, — Миггау началъ, по порученію своей партіи, защищать министерство; рѣчь его была чрезвычайно методическая, умно и цвѣтисто составленная. Отвѣтъ Питта былъ мастерской. Миггау выходилъ изъ себя, стараясь доказать, какъ неосновательно поступаютъ тѣ, которые только по духу оппозиціи въ нынѣшнемъ году совѣтуютъ тó, что въ слѣдующемъ они находятъ вреднымъ. Питтъ доказалъ ему, что обстоятельства измѣнились, и что они измѣнились по милости министерства; а потомъ обратилъ все доказательства Миггау противъ него же самого. Одинъ говорилъ какъ стряпчій, который никакъ не можетъ скрыть,

что онъ только орудіе другихъ ; другою выражался какъ истинный дипломатъ, какъ государственный человекъ, который живо чувствуетъ то, что говорить, и проникнуть желаніемъ передать свое чувство въ сердца слушателей, какъ для ихъ собственной пользы, такъ и для пользы отечества. Мигау остроуміемъ привлекаетъ вниманіе ; Питтъ повелеваетъ имъ благородствомъ и величіемъ чувствъ, силою и жаромъ выраженной : онъ заставляетъ слушать себя съ почтеніемъ.»

На слѣдующій день, десятаго декабря 1742, прѣіе возобновилось по поводу другой, гораздо болѣе занимательной, отрасли того же самаго предмета : Англія содержала на жаловань шестнадцать тысячъ ганноверскихъ войскъ, подъ предлогомъ защиты венгерской королевы. Рѣчь, сказанная Питтомъ по этому случаю, очень замѣчательна, не только по тому, что ораторъ выказалъ въ ней свои личныя чувства, но еще тѣмъ, что она имѣла самыя важныя послѣдствія. Въ этой филиппикъ Питтъ задѣлъ, не только ганноверскій электоратъ вообще, но и самого электора.

«Если, спрашивалъ онъ, посылая венгерской королевы вспомогательное войско, Англія думаетъ оказать ей только своё уваженіе, почему жъ не можетъ она требовать того же самаго отъ Ганновера ? Если этимъ мы хотимъ только выставить свое великодушіе, почему же наше отечество одно обязано своими выгодами жертвовать выгодамъ другихъ ? Или почему ганноверскій электоръ роскошничаетъ и выказываетъ свою щедрость на счетъ Великобританіи ? Болѣе чѣмъ ясно, милостивые государи, что на Англію, на эту сильную, великую, благородную націю, смотрятъ иначе какъ на провинцію мелкаго электорства. Кчему говорить ! мы ежегодно имѣемъ новыя доказательства этого неблагодарнаго предпочтенія. Приводить вамъ примѣры этого пристрастія, говорить объ ежегодныхъ прогулкахъ въ эту очаровательную страну, исчислять всѣ суммы, истраченныя на распространеніе и обогащеніе ея, было бы дѣломъ слишкомъ скучнымъ и досаднымъ для тѣхъ, кто не любитъ правды, скучнымъ для того, кто не хочетъ слушать о безчестіи и оскорбленіяхъ, наносимыхъ отечеству.»

Вспомнивъ, какое предпочтеніе оказывалъ всегда Георгъ

И своимъ германскимъ владѣніямъ, конечно, что такія дѣла выходили противу Ганновера, не могли не подать королю неваго повода къ неудовольствію на Питта.

При открытіи засѣданій въ слѣдующемъ году, Питтъ сдѣлался еще болѣе дерзкимъ. Диттингенское сраженіе было выиграно, и оно оправдало во мнѣніи употребленіе ганноверскихъ войскъ. Въ засѣданіи парламента перваго декабря 1743 года, былъ предложенъ по этому случаю обыкновенный адресъ, наполненный поздравленіями съ побѣдою и благодареніями. Питтъ возсталъ противъ этого адреса и началъ разсматривать поступки диттингенскаго героя:

«Стремленіе британскихъ войскъ, сказалъ онъ, было удержано коварствомъ Ганноверцевъ. Въмѣсто того чтобъ преслѣдовать непріятеля, мы сами ночью бѣжали съ поля сраженія, съ такою поспѣшностью, что оставили нашихъ раненыхъ на милость и попеченіе враговъ, которые имѣли честь похоронить и нашихъ и своихъ убитыхъ. Это дѣло можно назвать скорѣе счастливымъ побѣгомъ; я никогда не соглашусь дать ему названія побѣды.»

Къ министерству, которое послѣдовало за министерствомъ сэръ Роберта Вальполя, принадлежалъ и лордъ Carteret, статъ-секретарь, любимецъ и повѣренный короля, находившійся при немъ во время послѣдней кампаніи. Нѣкоторые обстоятельства заставляютъ подозрѣвать, что лордъ Carteret и лордъ Bath, считавшіеся въ кабинетъ, но не имѣвшіе опредѣленной должности, поддерживали предубѣжденіе короля противу Питта. Вслѣдствіе этого, Питтъ жестоко нападалъ въ своей рѣчи на Carteret'a. Вальполь говоритъ, что Питтъ выставилъ Carteret'a ганноверскимъ но не англійскимъ министромъ и подрядчикомъ, котораго всю партію составляли шестнадцать тысячъ Ганноверцевъ.

Питтъ уже былъ извѣстенъ народу какъ отличный ораторъ; а эта постоянная и настойчивая оппозиція противъ выгодъ и вліяній Ганновера дала ему характеръ патріота. Около того же времени умерла знаменитая герцогиня Марльборо, и завѣщала Питту десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ знакъ своего уваженія къ благородству, съ какииъ онъ защищалъ англійскіе законы и старался спасти

отечество отъ гибели. Что такое разумела герцогиня подъ словомъ «законы Англии», понять довольно трудно; вѣроятно, она употребила это выраженіе въ неопредѣленномъ смыслѣ.

Какъ Питтъ, самъ по себѣ, былъ не очень богатъ, то это наследство пришлось кстати. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, ему досталось наследство гораздо важнѣе. Sir William Pynsent, коммерсетскій баронетъ, человекъ восторженнаго характера, оставилъ ему по духовной Birtok-Pynsent'ское имѣніе, которое приносило около двухъ тысячъ пяти сотъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода, и тридцать тысячъ фунтовъ чистыми деньгами.

Партія Питта, въ которой находились Литльтонъ, оба Гринвилли и лордъ Кобемъ, до такой степени стала страшною, что Pelham, президентъ палаты депутатовъ, и его родной братъ, герцогъ Ньюкастль, нашлись въ необходимости пристать къ лорду Carteret'у и допустить въ министерство лорда Честерфильда, главу оппозиціи, а въ палату перовъ, кобемистовъ и нѣсколькихъ членовъ изъ партіи тори. Лорда Честерфильда, при этомъ случаѣ, сдѣлали въ одно время и лордомъ намѣстникомъ Ирландіи, и посланникомъ въ Голландіи: эти двѣ должности онъ отправлялъ какъ фокусникъ, который въ балаганахъ скачетъ на двухъ лошадяхъ, — очень ловко.

«*Великій Питтъ*, говоритъ Горацій Вальполь, великій отставной корнетъ, непременно требовалъ мѣста статсъ-секретаря и военнаго министра, между-тѣмъ какъ отвращеніе къ нему высшей власти было необходимо. Послѣ многихъ отговорокъ и затрудненій, друзей Питта уговорили наконецъ взять должности, безъ него; при этой сдѣлкѣ герцогъ Ньюкастль обѣщалъ, что постарается въ самомъ скоромъ времени уничтожить предубѣжденіе его величества противу Питта. Питтъ съ своей стороны показывалъ видъ, будто этимъ доволенъ, и обѣщалъ поддерживать новое министерство. Когда узнали, что Питтъ успокоился, ужасъ, который внушала его оппозиція, исчезъ, и всѣ парламентскія засѣданія, отъ 1744 до 1745 года, были самыя единодушныя. Питтъ оставался безъ должности, но былъ по-прежнему силенъ. Всякое появленіе его въ парламентъ, во время этого пере-

мира, производило сильное впечатлѣніе. Питтъ, съ ранней молодости, страдалъ уже, какъ полагаютъ, наследственнаго подагрой. Эта жестокая болѣзнь мучила его до такой степени, что часто мешала заниматься домашними и общепубличными дѣлами: онъ въ самомъ дѣлѣ страдалъ отъ подагры, какъ мы увидимъ впоследствии, но современники, друзья и враги Питта, думали, что онъ живетъ въ галу съ болѣзнію, которая навязываетъ его только въ случаѣ нужды, чтобы извинить отсутствіе или придать болѣе вѣсу его доложенію въ парламентъ, когда дѣло шло о новомъ-шведскомъ вопросѣ. Вообще замѣчено, что Питтъ, въ жару прѣвій, очень часто забывалъ о страданіяхъ, которыя причиняла ему подагра, и говорилъ рѣзко и смѣло. Впрочемъ, положеніе его было въ самомъ дѣлѣ очень затруднительно: образъ дѣйствія министерства ни мало не измѣнился, между-тѣмъ какъ ему теперь приходилось поддерживать то, противъ чего, очень недавно еще, онъ возставалъ; измѣнились только люди, а мѣры остались прежнія. Хотя министерство и согласилось уменьшить число ганноверскихъ войскъ, однако жъ оно предположило вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить армію, находившуюся во Фландріи, семью тысячами человекъ, то есть, потребовало столько же солдатъ, сколько было уничтожено въ ганноверскихъ войскахъ: поэтому расходы не сокращались, но еще увеличивались.

«Питтъ, говоритъ Philip Yorke, Питтъ, у котораго при открытіи засѣданій была сильная подагра, явился въ парламентъ, въ то самое время когда дѣло шло о фламандской арміи, съ болѣзненнымъ видомъ и со всеми приборами инвалида. Все, что онъ говорилъ, было прекрасно. Онъ началъ увѣреніями, что если бъ этотъ день былъ послѣднимъ днемъ въ его жизни, онъ и тогда бы явился провести его въ палатѣ, считая выгоды отечества гораздо драгоценнѣе своего здоровья. Далѣе, онъ показалъ, какъ много измѣнился вопросъ втеченіи послѣдняго года, когда на совѣтъ его величества дѣйствовало пагубное вліяніе одного человека, (Гринвилля); привѣтствовалъ Pelham'a за его любовь къ отечеству и искусство, съ какимъ онъ велъ дѣла; уверялъ, что видитъ восходящую зарю благоденствія Англіи, и что послѣдуетъ за ней, куда бы она ни повела его.»

Ясно, что всѣ эти слова подавали поводъ къ личнымъ пригнѣблѣнiямъ, но Питтъ умѣлъ презрительнымъ видомъ, съ которымъ онъ выслушалъ возраженiе одного молодого члена, заставить молчать всѣхъ своихъ враговъ; его молниеносное краснорѣчiе, какъ выражается Юркъ, уничтожило оппозицію, и вопросъ былъ утвержденъ почти единогласно. Съ такимъ же искусствомъ и успѣхомъ поддерживалъ онъ бѣдныя ошати стахъ тысячахъ фунтовъ стерлинговъ, которыхъ министерство требовало для венгерской королевы, чтобъ на эти деньги содержать отставленные отъ англiйской службы ганноверскiя войска. Несмотря что Питтъ, въ засѣданiи прошедшаго года, такъ сильно возставалъ противъ этого предложенiя, онъ теперь согласился, уменьшивъ требованiе до четырехъ сотъ тысячъ фунтовъ. Такой явный недостатокъ въ твердости долженъ былъ обратить на себя вниманiе, но Питтъ мастерски повернулъ вопросъ на другую сторону.

Засѣданiя кончались безъ малѣйшаго признаку оппозиции, и, что всего замѣчательнѣе, согласiя между Питтомъ и его друзьями нисколько не измѣнялось. Между-тѣмъ, все дѣло состояло въ томъ, что у лорда Гринвилля, который, единъ изъ всѣхъ главныхъ лицъ, не имѣлъ еще мѣста, много было приверженцевъ въ палатѣ, гдѣ всякому могли тотчасъ закрыть ротъ обѣщанiемъ какой-нибудь должности.

Возмущенiе 1745 года, не только не нарушило этого политическаго спокойствiя, но еще благопрiятствовало намѣренiямъ Питта, открывъ ему случай тѣснѣе соединиться съ правительствомъ и, такимъ образомъ, побѣдить отвращенiе короля, не навлекая на себя ни подозрѣнiй ни упрековъ.

Во время послѣдняго засѣданiя парламента, король извѣстилъ палаты о приготовленiяхъ претендента ко вторженiю въ Англiю. Обѣ палаты тотчасъ предложили отвѣчать королю, что онъ готовъ жертвовать жизнью и имуществомъ за Ганноверскiй Домъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оппозиция потребовала назначенiя комиссiи для разсмотрѣнiя дѣйствии морскаго министерства.

Другая мѣра, которой, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, Питтъ вѣроятно бы воспротивился, теперь тоже нашла въ немъ сильнаго защитника. Вотъ въ чемъ было дѣло. Когда

вспыкнулъ мятежъ, донадобились войска; сорокъ лордовъ предложили, на это время, образовать два полка конныхъ и двѣнадцать пѣхотныхъ. Это предложеніе сначала казалось добровольнымъ приношеніемъ, но сдѣлалось, какъ говоритъ Вальполь, общественнымъ бременемъ, и не принесло ни малѣйшей чести ни самимъ предлагателямъ ни министерству, потому что все расходи надали на казну, между-тѣмъ какъ безкорыстные начальники полковъ назначали въ должности только своихъ родственниковъ или другихъ приближенныхъ людей; кромѣ-того они требовали, чтобъ чины, которые сами дадутъ себя и своимъ подчиненнымъ, остались при нихъ навсегда: а это необходимо должно было обидѣть старыхъ армейскихъ офицеровъ. Неудовольствіе сдѣлалось всеобщимъ; король не зналъ, на что рѣшиться, особенно по вопросу о чинахъ, и министры сами раздѣлились на двѣ партіи. Winnington и Фоксъ были противъ этого предложенія, между-тѣмъ какъ Питтъ, герцогъ Бедфордъ, лордъ Гауэръ и лордъ Гелифаксъ его поддерживали; оно наконецъ было принято большинствомъ ста девяноста двухъ голосовъ противъ осьмидесяти двухъ, за исключеніемъ вопроса о чинахъ, который былъ отвергнутъ только большинствомъ двухъ голосовъ. Питтъ, прибавляетъ Вальполь, Питтъ, который поочередно, то страшаетъ, то льститъ Pelham'у, скоро наконецъ получить званіе военнаго министра.

Двадцать-второго ноября Вальполь писалъ: «Министры вчера поймали на удочку Питта, которому смертельно хочется быть военнымъ министромъ; они бы давно уже опредѣлили его на это мѣсто, но онъ требуетъ, чтобъ мы дали обещаніе не вмѣшиваться въ дѣла твердой земли. Питтъ, Лнтльтонъ и Гринвилли, со свитою тридцати шести чловѣкъ, поддерживаютъ требованіе объ усиленіи флота.»

Во все это время, лордъ Кобемъ непрерывно уговаривалъ герцога Ньюкастля выхлопотать Питту желанное, но все старанія Pelham'a и герцога Ньюкастля остались безъ успѣху.

За нѣсколько дней до открытія парламента, 14 января 1746 года, Питтъ, который, до того времени, не входилъ ни въ какія сношенія съ министрами, пріѣхалъ къ герцогу Бедфорду, объяснилъ ему, что онъ готовъ согласиться во

всѣмъ, что касается до иностранной политики, и просилъ поручить кому-нибудь изъ министровъ переговорить съ лордомъ Кобемомъ, которому онъ и его друзья совершенно доверяли свои дѣла. На другой день, герцогъ Ньюкастль лично поѣхалъ къ Кобему, переговорилъ съ нимъ и они условились дать корнету мѣсто военнаго министра; лорда Barrington'a сдѣлать членомъ адмиралтейства, а Джемсу Гринвиллю выдавать ежегодно по тысячь фунтовъ стерлинговъ. Когда герцогъ пересказалъ все это королю, предложеніе было принято какъ-нельзя лучше, но король никакъ не соглашался назначить Питта военнымъ министромъ, рѣшаясь отдать это мѣсто всякому другому. Несмотря на безпрерывныя увѣщанія министровъ, король остался непреклоннымъ и говорилъ даже, что если Питтъ не перестанетъ его тревожить, то онъ наконецъ долженъ будетъ приступить къ строгимъ мѣрамъ, а если согласится отдать Питту это мѣсто, всё-таки никогда не допуститъ его къ своей особѣ. Министры представляли королю, что такой отвѣтъ хуже положительнаго отказу, но онъ оставался при своей мысли, подстрекаемый явно лордомъ Бетомъ, и тайно лордомъ Гринвиллемъ. Тогда Питтъ, съ свойственнымъ себѣ благородствомъ, уполномочилъ друзей своихъ отказать за него отъ всѣхъ требованій: впрочемъ министры ясно видели, что нельзя же оставить его безъ награжденія; вотъ почему они потребовали удаленія лорда Бета изъ кабинета, и жалованья для Питта. Король отказалъ и въ этомъ и такъ ясно обнаружилъ свое расположеніе къ противной партіи, что министры должны были согласиться съ нимъ и оставить свои требованія. Въ понедѣльникъ, 10 февраля, отставлены отъ своихъ должностей лордъ Баррингтонъ и герцогъ Ньюкастль. Ихъ мѣста отданы Гринвиллю, одно собственно ему, и объ этомъ приказано было объявить всѣмъ дворянъ, а на другое предоставили Гринвиллю право определять кого ему вздумается. Но между-тѣмъ Бету дали мѣсто перваго лорда казначейства. Число и важность этихъ перемѣненій навели на новыхъ министровъ паническій страхъ, и во вторникъ лордъ Бетъ явился въ кабинетъ къ королю, съ объявленіемъ, что онъ не можетъ принять на себя новой должности. Королю не оставалось другаго

средства, какъ приваать временною службъ своимъ: они согла-
сьлись, но не иначе какъ наль условіемъ, чтобы лордъ
Бетъ и некоторые изъ его приверженцевъ были удалены
отъ министерства. Король согласился на это. *Lordes* и лордъ
Баррингтонъ были сделаны членами адмиралтейства; Джессу
Гринвиллю дали министерство торговли, а Питту, который
былъ главною причиною всѣхъ этихъ волненій, пришлось
удовольствоваться мѣстомъ вице-казначея Ирландіи.

Сорока-осьми-часовое министерство сложилось пред-
метомъ всеобщихъ насмѣшекъ, и еще болѣе усладило недо-
вѣніе публики къ лордамъ Бету и Гринвиллю.

Питтъ не остался неблагодарнымъ: онъ поддерживалъ
билль о сборѣ милліона фунтовъ стерлинговъ, именно,
400,000 для Австріи, 300,000 на содержаніе семнадцати-
тысячу Ганноверцевъ, 300,000 для Сардиніи. Этотъ билль
принятъ большинствомъ двухъ сотъ пятидесяти пяти го-
лосовъ противъ ста двадцати двухъ. Въ одномъ изъ высшихъ
періода Ньюкастля къ герцогу Комберлендскому находится
слѣдующія слова: «Братъ Pelham мнѣ рассказывалъ, что
Питтъ говорилъ при этомъ случаѣ съ достоинствомъ Виндо-
ма, съ остроуміемъ Pulteney, съ значимъ дѣла и съ рассу-
дительною саръ Роберта Вальполя.»

Питту вскоре представился другой случай къ сближенію
съ королемъ. Министерство, въ знакъ привѣтливости къ
герцогу Комберлендскому, за одержанную имъ побѣду при
Куллоденѣ, вознамѣрилось назначить его высочеству пенсію
въ 25,000 фунтовъ. Питтъ съ тайнымъ жаромъ настаивалъ
на этомъ предложеніи, что король, дѣятого ли якобъ въ
чемъ-нибудь сдѣлать Питту удовольствіе или чтобы его
запутать, требовалъ чтобы билль объ этомъ пенсіонѣ
былъ непременно внесенъ въ палату самими Питтомъ; но
герцогъ Комберлендскій нашель, что приличнее поручить
это первому министру, Pelham'у. Со смертію Винникетона,
которая случилась черезъ три мѣсяца по вступленіи Питта
въ должность, ему отрывались дорога къ вѣсту *Paumastak*
of the tolls, которое, по доходамъ и важности, считалось
самымъ близкимъ къ кабинету, и которое всегда отдавалось
людямъ низшимъ, подобно Питту, гораздъ лучшимъ способ-
ности чѣмъ многія лица, заседавшія въ кабинетѣ.

На пруде можно надобно обрести на лучшее пожеланіе. Питта я на то, какое понятие имела объ общественной судьбѣ. Среди беспрерывныхъ измѣненій чувствъ и отношеній, которыя для всякаго другаго политическаго чловѣка легко могли быть гибельными, Питтъ умѣлъ сохранить свою народность. Этими онъ обязанъ болѣе всего счастью, или, правильнѣе говоря, необыкновеннымъ дарованіямъ и силѣ. Хотя въ то время мало обращали вниманія на подобную измѣчивость характера и правилъ, однако жъ это не избавило его отъ порицанія: всѣми было замѣчено, что лишь-только десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ графиня Мардборо улеглась у него въ карманъ, онъ тотчасъ же перемѣнилъ прежній образъ мыслей и поступковъ, за который достался ему эти деньги; такъ что, несмотря на ужасъ, внушаемый колкимъ языкомъ и насмѣшливымъ взглядомъ Питта, ему очень часто, и даже въ глаза, напоминали объ этомъ въ парламентѣ. По случаю прѣній о сборѣ милліона фунтовъ стерлинговъ, Горацій Вальполь писалъ къ Мани'у:

«15 апрѣля 1746 года.

«Вы очень удивитесь, что мнѣ такъ легко удалось склонить вопросъ въ пользу осмидесяти тысячъ Ганноверцовъ, особенно, когда они остаются на нашемъ жалованьи, но народное пицедареніе очень облегчилось отъ шлоли, которую дали Питту: я говорю о вице-казначействѣ Ирландіи. Объ этомъ вопросѣ происходили прѣнія въ прошедшую пятницу, и мы встали вверхъ. Питтъ, Литлтонъ, трое Гринвиллей и лордъ Баррингтонъ подали голосъ въ пользу бѣдны, несмотря что старшій Гринвиль, два года тому назадъ, объявилъ въ палатѣ, что онъ скорѣе готовъ лишиться жизни чѣмъ подать голосъ въ пользу хоть одного Ганноверца: я думаю, что такое нарушеніе клятвы приводитъ васъ въ трепетъ! Изъ всей этой шайки одинъ только Питтъ рѣшился разинуть ротъ, и этимъ показалъ, что онъ столько же безстыденъ, сколько и пороченъ; зато, уверяю васъ, не одинъ преступникъ на лобномъ мѣстѣ не смѣялъ такія вещи, какія наговорилъ ему докторъ Лес, другъ лорда Грешвиля.»

Докторъ Лес, ораторъ принци, былъ человекъ раздражительный и довольно красноречивый, но онъ далеко не имѣлъ талантовъ своего противника, который даже не удостоилъ его отвѣту. Впрочемъ не было никого другаго, кто бы дерзнулъ укорять въ «рабствѣ» этого ручнаго льва. Но за порогомъ парламента Питта строго, хотя и несправедливо, отдавались и въ стихахъ и въ прозѣ. Особенное вниманіе обратила на себя баллада «The Unparagoned comitapanse» замѣчательная не столько по своимъ поэтическимъ достоинствамъ сколько по правдѣ, которая въ ней смѣло выражена.

По вступленіи Питта на мѣсто вице-казначея Ирландіи, давшее ему званіе, если не государственное, то по крайней мѣрѣ тайнаго совѣтника, министры начали уже обращаться съ нимъ съ бѣльшимъ уваженіемъ; онъ сдѣлался сильнымъ человекомъ.

Письмо самого Legge неоспоримо доказываетъ, что своимъ назначеніемъ въ берлинскіе посланники онъ обязанъ ходатайству Питта.

«Берлинъ, 21 мая 1748.

«Любезный Питтъ, несмотря на правило всѣхъ бабушекъ и тетюшекъ на свѣтѣ, никогда не исполнять обещаній, данныхъ ими отъ имени тѣхъ, за которыхъ онъ хлопочуть, позвольте мнѣ сказать вамъ, что, сдѣлавшись передъ публикою отъпѣчикомъ за поступки вашего покорнаго слуги, вамъ необходимо знать, что онъ дѣлаетъ и что не намѣренъ дѣлать.»

Извѣстно, что герцогъ Ньюкастль и Pelham были между собою въ ссорѣ. Питтъ вскоре сдѣлался посредникомъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Во всѣхъ сношеніяхъ его съ герцогомъ, какъ по этому такъ и по другимъ государственнымъ дѣламъ, видна искренняя и нелицемѣрная привязанность къ другу. Втеченіи засѣданій парламента въ этотъ же году, онъ произнесъ еще двѣ рѣчи, одну на пользу вопроса о выдачѣ обратно городу Глазго контрибуціи въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, взятой съ жителей бунтовщиками, а другую, въ которой онъ, противъ всякихъ ожиданій, съ большимъ жаромъ поддерживалъ новыя и очень строгія измѣненія въ биллѣ объ ослушаніи. Особенно за-

начательно его требованіе, чтобъ офицеры, состоящіе въ бессрочномъ отпуску, были отдаваемы подъ военный судъ. Его прежній другъ и союзникъ Гловеръ говоритъ, что Питтъ сдѣлался уже слишкомъ ревностнымъ и безпрекословнымъ защитникомъ всѣхъ дѣйствій министерства. Но ему хотѣлось всячески, хоть бы даже посредствомъ тайнаго подобоустрасія, получить болѣе важное мѣсто. Осенью 1750 года, Питтъ писалъ съ этою цѣлью къ герцогу Ньюкастлю, находившемуся съ королемъ въ Ганноверъ. Герцогъ отвѣчалъ ему въ общихъ выраженіяхъ, что не имѣлъ еще случая доложить королю о *ревностномъ* желаніи господина Питта служить его величеству. Далѣе онъ пишетъ, будто король, по возвращеніи въ Англію, намѣренъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ министерствѣ, и что онъ надѣется имѣть удовольствіе услужить при этомъ случаѣ господину Питту.

На это Питтъ отвѣчалъ: «Я оканчиваю письмо просьбою, чтобъ ваша свѣтлость приняла увѣренія въ моей признательности за благосклонное вниманіе, которое вы обратили на нѣкоторыя выраженія въ первомъ моемъ письмѣ. Ни что не трогаетъ меня такъ сильно какъ обѣщанія ваши доставить мнѣ мѣсто, которое я считаю себя вправе получить, и на которомъ надѣюсь заглазить воспоминаніе о прошедшемъ.»

Но если этою покорностью удалось Питту нѣсколько ослабить чувство отвращенія короля, зато ему не удалось поселить къ себѣ уваженія, и хотя Pelham продолжалъ его убаюкивать надеждами на прощеніе, однако жъ уже не рѣшался вновь беспокоить короля о томъ, чтобъ принялъ Питта въ кабинетъ. При открытіи засѣданій, въ январѣ 1751 года, въ палату внесли билль о торговомъ трактатѣ съ Испаніею и о субсидіяхъ Баваріи. Билль этотъ, о которомъ очень хлопоталъ герцогъ Ньюкастль, встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ оппозиціи, только-что составленной принцомъ Валлійскимъ. Pelham и другіе члены правительства молчали: только одинъ Питтъ поддерживалъ трактатъ рѣчью, которая была не что иное какъ опроверженіе всѣхъ доказательствъ прежнихъ его рѣчей по поводу испанскій войны.

денъ началъ на Питта отъ другой за такую шаткость въ правде, въ истиннѣйшемъ роу несчастія, въ какія завлекла капризъ республика, наипачу на дѣйствіе, которое производить, мѣста и награды на знаменитаго оратора. Эта выходка принудила Питта къ отвѣту, исполненному личностей до такой степени, что президентъ негаты былъ принужденъ напомнить имъ о порядкѣ и употребить всю свою власть, чтобъ не допустить ихъ до дуаи.

Этотъ поступокъ возбуждалъ, какъ въ самомъ парламентѣ такъ и въ публикѣ, яростнѣе Питта всеобщее негодованіе, которое не уменьшилось и тогда даже, когда вдругъ стало извѣстнѣе, что это странное быство изъ-подъ знаменъ Реллаи'а сделано съ согласія его брата, герцога Ньюкастля. Есть вѣрныя доказательства, что если его святлостъ и не поддерживалъ Питта во время преній, то по крайней-мѣрѣ онъ хвалитъ его послѣ. Герцогъ разослалъ ко всемъ своимъ друзьямъ циркулярное письмо, въ которомъ, упомянувъ о томъ, сколько онъ обяванъ Питту за поддержаніе и защиту своихъ предложеній, въ то время когда никто другой не рѣшался открыть рта, онъ проситъ своихъ пріятелей не присоединять голоса ко всеобщему крику негодованія противъ Питта за его поведеніе при прѣнїяхъ о матросакъ, и объявляетъ, что будетъ считать своимъ врагомъ всякаго, кто не употребитъ всѣхъ возможныхъ стараній, чтобы уничтожить эти крики. Изъ другихъ бумагъ видно, что желанію герцога Ньюкастля, и сопротивленіе короля, слѣзть Питта министромъ, было главною, тайною причиною происшествія. Если съ одной стороны, герцогъ былъ такъ честолюбивъ, что и не желалъ бы имѣть товарищемъ Питта, то, съ другой, завидуя брату, напаялся заступитъ его мѣсто, имѣя въ парламентѣ на своей сторонѣ, дакого человека какъ Питта.

Его святлостъ не должно принимать доминаторъ. (Скорѣе суждая, смерть принца, помянуващаго 20 марта 1751 года, разрышила оппозицію, а неожиданная кончина Реллаи'а, сидѣла три года, открыла герцогу дорогу, къ заглавному мѣсту герцога назначеннаго, то есть, перваго министра.

Первыми членами новаго министерства были расчуженные парламента, только что, сдѣланнаго Реллаи'омъ. При этомъ

кризисъ, Питтъ, не только остался преданнымъ герцогу, но еще болѣе привязалъ его къ себѣ, принявъ отъ его свѣтлости мѣсто въ новомъ парламентѣ какъ представитель города Ольдборо.

Питту очень легко было получить мѣсто отъ своихъ родныхъ или друзей, но, дѣлаясь представителемъ Ольдборо, онъ хотѣлъ показать герцогу свою признательность за прошедшее и надежды на будущую милость его свѣтлости. Но ожиданія Питта не сбылись. Твердая воля короля заставила герцога оставить Питта въ званіи казначея, несмотря что онъ, для убѣжденія короля, прибѣгнулъ къ помощи могущественнаго лорда канцлера Гардвика. Всѣ друзья Питта получили мѣста, только къ нему лично король остался неумолимымъ.

Питта, разумѣется, очень оскорбляло это исключеніе, но короля поддерживало въ постоянствѣ и положеніе партій и чувства неудовольствія публики къ Питту за дерзость и непостоянство политическаго характера.

Онъ между-тѣмъ непереставалъ ползкомъ упрасивать и убѣждать. Письмо Питта къ герцогу Ньюкастлю, отъ двадцать четвертаго марта, было слѣдующаго содержанія:

«Я всегда льстилъ себя надеждою, что собственныя выгоды вашей свѣтлости тѣсно связаны съ выгодами человека, который былъ орудіемъ вашего возвышенія.... (имѣю въ виду вашего брата!).»

«Если что-нибудь можетъ прилично вознаградить меня за всѣ мои уступки, то это единственно вниманіе къ моимъ друзьямъ, и снисходительность его величества ко мнѣ самому.»

«Я глубоко чувствую, что мнѣ лучше жить въ уединеніи чѣмъ при дворѣ и при должности.»

На это письмо герцогъ отвѣчалъ, втораго апрѣля, жалобами на трудности, которыя онъ встрѣчаетъ желая доставить удовольствіе господину Питту и увѣреніями въ своей преданности, доказанной опредѣленіемъ его главныхъ друзей, Legge, Литльтона и Гринвилля. Въ то же самое время герцогъ писалъ къ лорду Гардвику, и просилъ его успокоить Питта. Вслѣдствіе этого канцлеръ написалъ къ Питту очень длинное и умное письмо, въ которомъ, касаясь

слегка главной причины всѣхъ неудачъ, то есть, сопротивленія со стороны короля, онъ показываетъ ему, что, обнаруживая неосторожно свое неудовольствіе, Питтъ можетъ упустить добычу въ руки Фокса, который будто бы недавно еще объявилъ, что согласенъ на всѣ условія, съ тѣмъ, чтобы только получить мѣсто.

На оборотъ этого письма Philip Yorke, второй лордъ Гардвикъ, написалъ слѣдующее замѣчаніе :

«NB. Это письмо, очень умно и искусно написанное, не имѣло никакого вліянія на Питта. Его безпокойный нравъ выказался со всей своей дурной стороны. При началъ парламентскихъ засѣданій въ слѣдующемъ году, Питтъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы старые министры, герцогъ Ньюкастль и лордъ-канцлеръ, ревностно желали оказать ему услугу. Впрочемъ одинъ, герцогъ, вовсе не хотѣлъ имѣть въ нижней палатѣ искуснаго министра, а другой, лордъ Гардвикъ, очень хорошо зналъ и боялся, что, предложивъ королю опредѣлить Питта, онъ навлечетъ на себя негодованіе его величества.»

Питтъ отплатилъ лорду Гардвику за его осторожность и искусство письмомъ, чрезвычайно утомительнымъ, исполненнымъ напыщенныхъ фразъ, и совершенно пустымъ, однако жъ замѣчательнымъ, потому что изъ него видно, какъ обращался Питтъ съ счастливыми того времени. Мы выпишемъ изъ этого письма нѣсколько отрывковъ, которые, объясняя положеніе Питта, могутъ въ то же время служить образцомъ его слогу.

«Бетъ, 6 апрѣля 1754.

«Милордъ!

«Никто на свѣтѣ не можетъ такъ глубоко оцѣнить чести, которую вы мнѣ дѣлаете своимъ письмомъ. Это письмо — лучшее доказательство великой доброты вашего сердца; писанныя вами среди непрерывныхъ и важныхъ занятій, снисходительныя выраженія, которыя вамъ угодно было въ немъ употребить, не могли не произвести во мнѣ самага сильнаго впечатлѣнія. Я не только не могу съискать словъ чтобы выразить вамъ мою благодарность, но и чувствую, до какой степени я несчастливъ, зная, что я ни въ какомъ случаѣ не заслуживаю ни того вниманія ни той снисходи-

тельности, которія вы, милордъ, изволите оказывать къ моей чувствительности, переходящей, быть-можетъ, во мнѣніи вашемъ, за предѣлы возможности. Я такъ чистосердечно убѣжденъ въ справедливости этой мысли, что, для полноты моихъ несчастій, еще долженъ буду оставаться виновнымъ и въ собственныхъ глазахъ, если причины, побуждающія меня удалиться отъ должности, которія я имѣлъ честь изложить въ письмѣ моемъ къ вамъ, покажутся вашему высокопревосходительству недостаточными.

«Очень благородно и великодушно, съ вашей стороны, указать на лучъ отдаленной надежды человеку, который находится въ отчаяніи, и отвлекать его отъ горестнаго настоящего мечтою о будущемъ; но, милордъ, во мнѣ, который живу этою надеждою цѣлыя десять лѣтъ, который навлекъ на себя негодованіе публики поддерживая всѣ мѣры кабинета, и въ награду за это не достигъ даже того чтобъ сколько-нибудь уменьшить неудовольствіе его величества, всякое желаніе, трудиться для общества, угасаетъ во мнѣ рѣшительно. Неудовольствіе короля слишкомъ тяжело; оно можетъ уничтожить всякаго, а меня рѣшительно губить. Я падаю, и желаю только съ честью удалиться въ отставку, чтобъ не представлять болѣе постыднаго зрѣлища корабля, обгоняемаго каждою лодкою. Я долженъ прямо сказать вамъ, что величайшее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ мнѣ дали случай удалиться отъ дѣлъ, не лишая ни выгоды ни уваженія, которія доставляютъ мнѣ нынѣшнее мое мѣсто. Съ этою мыслию я беру смѣлость вѣрить себя вашему расположенію, подобно тому какъ я сдѣлалъ съ герцогомъ Ньюкастлемъ.»

Нѣтъ сомнѣнія, что это очень жалкое письмо. Очевидно, что Питтъ вовсе не имѣлъ намѣренія рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ своей родины, жить ничего не дѣлая, и получать пенсію. Какъ великіе актеры, и какъ греческіе ораторы, которые всѣ были великими актерами, Питтъ берегъ себя для авансцены, и на всѣ перемѣны декорацій, костюмовъ и ролей за сценою, смотрѣлъ какъ на пустяки, которыми не долженъ заниматься человекъ, имѣющій въ виду обратить на себя вниманіе публики личными достоинствами.

По смерти Реламъ'a, въ Англіи оставалось три человека, изъ которыхъ новый первый лордъ казначейства могъ каждому поручить нижнюю палату : это были Питтъ, Фоксъ, Митгау, люди имѣвшіе полное право на это званіе по своимъ личнымъ дарованіямъ и по мнѣнію, которыхъ они пользовались въ публикѣ. Его свѣтлость рѣшился однако жъ вовсе не имѣть предводителя въ палатѣ. Это приписывали его завистливому характеру и страсти къ господству, недостаткамъ, которые не позволяли герцогу дать кому-нибудь своихъ товарищей той важности, какую естественно приобретаетъ всякой, дѣлающійся главою парламента. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, онъ всего скорѣе обратился бы къ Митгау, но тотъ, къ собственному счастью и къ счастью Англіи, добивался мѣста въ Королевскомъ Судѣ и вовсе не хотѣлъ промѣнять своихъ мирныхъ занятій на скучную обязанность и сомнительные виды предводителя политической партіи. Если бы даже герцогу и удалось уговорить Митгау взять на себя эту трудную обязанность, то можно смѣло сказать, что Питтъ, несмотря на кротость, выказанную въ письмѣ къ Гардвигу, едва-ли согласился бы служить у него подъ командою. Фоксъ очень легко могъ согласиться быть въ зависимости отъ Питта, но Питтъ ни за что на свѣтъ не рѣшился бы на такую же зависимость отъ Фокса. Следовательно, быть предводителемъ могъ только одинъ Питтъ. Но какъ король ни за что не хотѣлъ возвести его на какую бы ни было высокую степень, то единственное средство согласить партіи было, вовсе не имѣть предводителя. Мѣсто военнаго министра отдали сэръ Томасу Робинсону, человеку очень умному, бывшему долгое время посланникомъ въ Вѣнѣ, и хорошо знакомому съ вѣдшею политикою, но который вовсе не имѣлъ притязаній быть распорядителемъ мнѣній въ нижней палатѣ, а еще менѣе соперникомъ Фокса, Митгау или Питта.

Слухъ, будто герцогъ хочетъ отдать преимущество Митгау, испугалъ Фокса и Питта. Они ясно видѣли, что сдѣлаются жертвами этого маневра, если не соединятся другъ съ другомъ и не пріимутъ мѣръ противъ козней Ньюкастля.

Около этого времени, въ ноябрь 1754 года, Питтъ всту-

вѣлъ въ бракъ съ леди Эсэирью, сестрою лорда Темпла, и Джорджа и Джемса Гринвиллей.

Въ октябрь Питтъ и Фоксъ стоворились поддерживать другъ друга, и условились между собою, что Фоксъ будетъ первымъ лордомъ назначейства, а Питтъ займетъ мѣсто военнаго министра. Связь этихъ двухъ челоуѣкъ, хотя еще не гласная, вѣроятно утѣшила герцога Ньюкастля, потому что однажды, въ разговоръ съ Питтомъ, подъ видомъ вопросу, какое Питтъ имѣетъ мнѣніе объ одной экспедиціи, онъ сдѣлалъ ему нѣсколько очень лестныхъ предложеній. Питтъ отвѣчалъ холодно и насмѣшливо, что это дѣло военнаго министра, мѣста, къ которому, какъ извѣстно его свѣтлости, онъ вовсе не имѣетъ дарованій. Этотъ обманчивый поступокъ со стороны герцога, какъ кажется, очень оскорбилъ Питта, который и безъ того уже былъ раздосадованъ тѣмъ, что Джорджъ Литлтонъ отсталъ отъ кобемистовъ и присоединился къ партіи герцога Ньюкастля.

Тутъ Питтъ увидѣлъ, что пришло наконецъ время обнаружить свое неудовольствіе, но уже, не покорностью и уступками, что, по его мнѣнію, могло только освободить герцога Ньюкастля отъ затрудненій, а унижал, при всякомъ удобномъ случаѣ, министерство, и особенно сэръ Томаса Робинсона, съ которымъ онъ обходился вмѣстѣ и грубо и презрительно, между-тѣмъ какъ Фоксъ старался оказывать бывшему военному министру оскорбительное покровительство.

Это было около двадцать-пятого ноября 1754 года; двадцать-седьмого числа Питтъ произнесъ двѣ блистательныя рѣчи противъ якобитизма.

«Въ обѣихъ этихъ рѣчахъ, пишетъ Фоксъ, каждое слово указывало на Muggay'я. Я былъ подлѣ него и видѣлъ, что онъ цѣлый часъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Всеобщее мнѣніе состоитъ въ томъ, что при такомъ положеніи вещей нельзя продолжать парламентскихъ занятій, и что мнѣ или Питту будетъ сдѣлано предложеніе. Вчера, поутру, я долго разговаривалъ объ этомъ съ Питтомъ. Къ несчастію, я не могу передать вамъ всего въ письмѣ.»

Очень интересно было бы знать, какія выраженія употребляли, въ своемъ разговорѣ, эти два знаменитые сопер-

ника. Изъ словъ Фокса, и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, видно, что они не рѣшались принять еще никакихъ положительныхъ мѣръ; впрочемъ одна ихъ связь уже достаточно убѣждала герцога Ньюкастля, что они составили заговоръ, который дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ дальнѣйшее употребленіе куклы въ военномъ министерствѣ. Поэтому герцогъ рѣшился, сначала черезъ старика Горація Вальполя, которому не удалось, а потомъ черезъ Вальдгрева, который и достигъ цѣли, разрушить ужасную коалицію. Вальполь обратился-было прямо къ Питту, но тотъ потребовалъ, чтобъ повелѣніе, по которому его не допускали въ кабинетъ, было уничтожено, и чтобъ дали слово, опредѣлить его при первой вакансіи. На это герцогъ не хотѣлъ, а можетъ-быть и не могъ, согласиться. Тогда король поручилъ Вальдгреву привлечь на свою сторону Фокса; однако жъ, связь его съ Питтомъ въ это время была такъ тверда, какъ-будто они дали другъ другу клятвенныя обѣщанія дѣйствовать заодно. Фоксъ тотчасъ же передалъ Питту все, что ему предлагалъ лордъ Вальдгревъ, и просилъ словесно и письменно совѣтовъ, какъ и что отвѣчать. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, сношенія казначея и военнаго министра были такъ таинственны, что они видѣлись не иначе какъ ночью, въ домахъ постороннихъ людей, и то съ большими предосторожностями. Впрочемъ все это дѣло очень странно, потому что даже не извѣстно, что король предлагалъ Фоксу, и чего просилъ Фоксъ отъ короля. Фоксу показалось сначала, будто ему предлагаютъ быть главнымъ предводителемъ въ нижней палатѣ; но король объявилъ, что это ошибка, что онъ желаетъ, чтобы Фоксъ только поддерживалъ министровъ въ отношеніи къ военному министерству, но будто онъ и слушать не хочетъ о предводителѣ; для отклоненія всякихъ недоразумѣній, король приказалъ объявить Фоксу, чтобъ онъ изложилъ письменно свои требованія. Требованія эти, составленныя подъ руководствомъ герцога Комберлендскаго и Питта, состояли —

«Въ какомъ-нибудь знакѣ милости вашего величества, который бы давалъ мнѣ право говорить, какъ человѣку со-

вершено знающему съ желаніями, и удостоенному доверенности вашего величества.»

Далеко они хотѣли была помѣстить объяснительную фразу, что подъ этими знаками подразумеваютъ, — мѣсто въ кабинетѣ, — но до этого не допустилъ ихъ герцогъ Комберлендскій. Изъ всего видно, что первоначальною причиною всѣхъ переговоровъ было требованіе, чтобъ будущій военный министръ поддерживалъ главныя мѣры министерства.

Слѣдствіемъ всего этого было призваніе Фокса въ кабинетъ, и назначеніе его, по случаю отъѣзда короля въ чужіе края, совитникомъ регентства, между-тѣмъ какъ Питтъ, несмотря что онъ оставался еще казначеемъ, былъ за-бытъ, чтобы не сказать одурачень.

Не трудно понять, почему Питтъ перенесъ всю обиду и не вышелъ тотчасъ же въ отставку. Онъ былъ, во-первыхъ, въ короткихъ связяхъ съ *Лисстерскимъ Дворомъ*, то есть, съ дворомъ вдовствующей принцессы и юнаго принца Валлійскаго, въ послѣдствіи Георга III, которому Питтъ, лордъ Темплъ и Гринвилли старались всячески услуживать, точно съ такою же ревностію, какъ за двадцать лѣтъ тому назадъ они услуживали принцу Фридрику. Главнымъ лицомъ, при Лисстерскомъ Дворѣ, былъ въ это время лордъ Вутъ, съ которымъ Питтъ и лордъ Темплъ вошли въ тѣсныя сношенія; подъ вліяніемъ этихъ людей принцъ взялъ свои мѣры чтобъ освободиться отъ контроля наставниковъ и гувернеровъ и побудить короля сдѣлать лорда Вуте'a, въ качествѣ камергера, главнымъ лицомъ при независимомъ дворѣ принца Валлійскаго. Весьма вероятно, что при такихъ обстоятельствахъ, принцесса никакъ не допустила Питта до какого-нибудь отчаяннаго поступка, между-тѣмъ герцогъ Ньюкастль и лордъ Гарвикъ всѣми силами старались чѣмъ-нибудь вознаградить Питта, и тѣмъ отъ него отдѣлаться.

Втеченіи лѣта они успѣли получить согласіе короля на открытіе переговоровъ съ Питтомъ.

«Выслушавъ предложеніе, говоритъ лордъ Waldegrave, Питтъ отвѣчалъ прямо, что онъ не терлетъ надежды занять мѣсто военнаго министра, и на первый случай будетъ недоволенъ всякою другою должностію. Впрочемъ, занявъ

это и то, онъ не намеренъ только переписывать бумаги, онъ говоритъ въ парламентъ то, что ему прикажутъ; итъ, онъ хочетъ быть настоящимъ министромъ. Питтъ тутъ же объявилъ себя противъ всахъ континентальныхъ маръ и всякаго роду переговоровъ о субсидіяхъ. Однако жъ, въ концъ разговору, онъ сказалъ, что готовъ отказаться отъ послѣдняго требованія, если на первое получить благопріятный отвѣтъ. Ньюкастль прибавилъ, въ такой крайности, къ своему обыкновенному извѣщенію, то есть, началъ увѣрять, что съ своей стороны, онъ глубоко уважаетъ и почитаетъ господина Питта, и все готовъ сдѣлать для него, но что король никогда не согласится, и такимъ образомъ переговоры кончились.»

Кромѣ этихъ очевидныхъ причинъ, не побуждавшихъ Питта къ уступкамъ, были и другія гораздо важнѣйшія. Онъ, вѣроятно, предвидѣлъ, что союзы съ государствами твердой земли и трактаты о субсидіяхъ, о которыхъ тогда шли переговоры, дадутъ ему болѣе приличный, болѣе національный предлогъ къ отказу, чѣмъ личное неудовольствіе: и онъ не ошибся. Въ сентябрь, 1755 года, король, возвратясь изъ Ганновера, привезъ съ собою два договора, одинъ, заключенный съ ландграфомъ гессенскимъ, по которому Англія обязывалась послать ему на помощь двѣнадцать тысячъ человекъ; другой съ Россією, о сорока тысячахъ человекъ вспомогательнаго войска: этотъ договоръ подписанъ уже по возвращеніи въ Англію. Черезъ нѣсколько дней, но прежде чѣмъ эти договоры были одобрены парламентомъ, въ британское государственное казначейство послано повелѣніе о выдачѣ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ число слѣдующихъ Россіи вспомогательныхъ суммъ. Legge, канцлеръ казначейства, посовѣтывался съ Питтомъ, и они рѣшились *провоочить* уплату. Парламентъ собрался тринадцатаго ноября и хотѣлъ сдѣлать выговоръ канцлеру и казначею за то, что они осмѣливались противиться исполненію дипломатическихъ договоровъ. При этомъ слуху Питтъ принялся за старыя выходки противъ электората, но Ньюкастля съ товарищами онъ отдѣлялъ еще строже.

Не удивительно послѣ того, что Питтъ и Legge двадцатаго числа были отставлены, и что за ними вслѣдъ полу-

чили увольнение Джорджъ и Джеймсъ Гринвилли; но прежній ихъ товарищъ и другъ Литлтонъ уцѣлѣлъ, и даже поступилъ на мѣсто Legge канцлеромъ казначейства.

Фоксу теперь открылась дорога: ему дали мѣсто военнаго министра. Новое министерство, составившееся подъ председательствомъ герцога Комберлендскаго, соединило въ себя всѣ достоинства; оно было согласно въ мнѣніяхъ, имѣло большой вѣсъ въ парламентъ и вліяніе при дворѣ, словомъ сказать, всѣ условія силы и постоянства, исключая одного: у него не было Питта.

Но удивительно было то, что Питту при отставкѣ дали пенсію въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, и что онъ ее принималъ!

Пенсія не ослабила оппозиціи Питта; она еще заставила его принять болѣе высокомерный и дерзкій тонъ, для того чтобы показать публикѣ, что на его образъ мыслей не могутъ имѣть вліянія ни какія личныя отношенія.

Потерю Минорки, втеченіи 1756 года, ошибкой адмирала Вунг'а, сдачей Освеги на западъ и Калькутты на востокъ, министерство рѣшительно упало во мнѣніи народа, и по мнѣнію своихъ ошибокъ пріобрѣтало множество противниковъ, въ публикѣ и въ парламентѣ.

Кромѣ того, министерство потеряло одного изъ лучшихъ защитниковъ: главный судья, Ryder, умеръ, и Муггау, несмотря на всѣ увѣщанія и просьбы герцога Ньюкастля, настоятельно требовалъ, чтобъ его опредѣлили на это мѣсто. Муггау никогда не упустилъ бы изъ рукъ такой выгодной должности, но теперь, въ виду жестокой политической бури, онъ совершенно блаженствовалъ, отыскавъ для себя такое высокое, почетное и спокойное убѣжище. При такомъ положеніи дѣлъ, Питтъ, даже въ глазахъ самаго короля, сдѣлался административною необходимостью. Сначала хотѣли было его затянуть въ старое министерство, но онъ рѣшительно объявилъ, что не приметъ ни какого участія въ дѣлахъ, покуда не будетъ уволенъ изъ министерства герцогъ Ньюкастль. Онъ точно также, учтиво но твердо, отказался служить вмѣстѣ съ Фоксомъ. Вслѣдствіе этого образовалось новое министерство, въ которомъ Питта сдѣлали военнымъ министромъ, герцога Дивоншейра пре-

зидентомъ казначейства, лорда Темпла первымъ лордомъ адмиралтейства, Legge снова канцлеромъ казначейства, Джорджа Гринвилля казначеемъ флота, а роднымъ и приятельмъ Питта роздали другія, второстепенныя, мѣста.

Во все время, покуда устраивалось новое министерство, Питтъ никуда не показывался: его удерживала въ постели подагра, обыкновенная болѣзнь людей со вкусомъ, которые хотятъ показать, что они вовсе не мѣшаются въ подобнаго рода искательства. Король чрезвычайно былъ недоволенъ новою системою вообще, и въ особенности новыми министрами и ихъ правилами, а больше всего рѣчью, которую эти министры изволили вложить въ уста его величества. Король очень забавно выразилъ свое неудовольствіе: какого-то типографщика преслѣдовали за напечатаніе подложной рѣчи; узнавъ объ этомъ, король сказалъ: «Я надѣюсь, что этого бѣдняжку не накажутъ слишкомъ строго; я прочиталъ объ рѣчи, и по крайнему своему разумнію, нахожу подложную лучше моей собственной.»

Положеніе Англіи, при образованіи новаго министерства, показалось бы всякому чрезвычайно затруднительнымъ, но только не Питту. Несмотря что онъ такъ недавно и такъ только протестовалъ противъ всякихъ союзовъ съ Германіею, съ прусскимъ королемъ былъ заключенъ трактатъ о вспоможеніи, съ явномъ цѣлію защищать Ганноверъ, и Питтъ, при первомъ своемъ появленіи въ палатѣ въ званіи министра, потребовалъ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ для этого трактата. Фоксъ ему довольно колко напомнилъ его собственную фразу, что Ганноверъ — жерновъ, который виситъ на шеѣ Англіи, но Питтъ, какъ съ нимъ всегда бывало при подобныхъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ скромно и уступчиво, видимо стараясь не допустить преній до того, чтобъ они могли поставить его въ затруднительное положеніе.

Первымъ дѣломъ, по вступленіи Питта въ кабинетъ, были рѣшительныя мѣры, принятыя имъ для исправленія ошибокъ на востокъ и западъ: онъ послалъ эскадру противъ французскихъ поселеній на берегахъ Африки, и сдѣлалъ распоряженіе, хотя первоначальная мысль и не ему принадлежала, о наборъ двухъ полковъ изъ шотландскихъ.

гордость. Эта мера пресмычливо замчатозна, не столько по тому, что ея укомлектовывалась разстроенная армія, сколько по тому, что она съелалась въ дрипренію съ Ганноверскимъ Демомъ шотландскіе горные кланы.

Единственный случай, въ которомъ Питтъ показалъ маленькую слабость характера, было дѣло адмирала Вунг'а. Все вообще думали, что онъ выхлопочетъ прощеніе этому несчастному вождю, но онъ распорядился такъ, чтобы мера строгости истекала, не отъ него, но отъ верховной власти. Письмо, въ которомъ Питтъ объявилъ парламенту волю короля, начиналось слѣдующими словами:

«Его величество, сколько для того чтобъ показать примѣръ своего уваженія къ правосудію и къ морской дисциплинѣ, столько и для безопасности и чести народной, твердо рѣшился не препятствовать исполненію законнаго приговора надъ адмираломъ Вунг'омъ, и совершенно отвергъ всякаго рода ходатайство».

Дни только успило образоваться новое министерство, изъ политиковъ, изгнанныхъ изъ кабинета, составилась партія, которая своими интригами непрестанно хотѣла свергнуть Питта, и едва въ этомъ не успѣла, благодаря неосторожности лорда Темпла, перваго лорда адмиралтейства. При первомъ умасъ, возбужденномъ въ народѣ извѣстіемъ о высадкѣ претендента, парламентъ передалъ лорду адресъ съ просьбою призвать въ Англію часть ганноверскихъ войскъ; теперь ихъ нужно было отослать обратно, въ адресъ, подписанный по этому случаю вальтеромъ лордомъ, находилась статья, въ которой перы приносили королю свои благодарности за призваніе ганноверскихъ войскъ въ Англію. Противъ этой статьи, къ несчастію, возсталъ лордъ Темплъ, говоря, что она — простое намеки надъ кланъ, которые, подобно ему, явно противились призыванію ганноверцевъ, между-тѣмъ какъ Питтъ объявилъ, что оныя ни въ какомъ не должны быти печати, если въ статьѣ не будетъ принята парламентомъ. Такая оппозиція со стороны новаго министерства, противъ обязательнаго знаку уваженія къ корольскому призыванію въ публикѣ острѣе дурное впечатлѣніе. была интригантовъ начать свои дѣйствія чтобъ извергн-

нуть министерство, уговорить короля отставить лорда Темпла.

Герцогу Комберландскій, который, въ это время, былъ уже готовъ отправиться на твердую землю, чтобы принять начальство надъ войсками, собравшимися для защиты Ганновера, рзнительно отказывался вхать, покуда Питтъ и его приятели будутъ править государствомъ. Король, который сначала былъ очень доволенъ Питтомъ, со времени Вунг'ова дѣла, возненавидѣлъ его и лорда Темпла. Поэтому не трудно было уговорить короля, чтобы онъ принялъ предложеніе герцога Комберландскаго. Темпла, со всѣми адмиралтейскими совѣтомъ, отставили, а на мѣсто его опредѣлили, въ началѣ апрѣля, 1757 года, лорда Винчельси и новыхъ совѣтниковъ. Все были увѣрены, что Питтъ тоже непременно выйдетъ въ отставку, но оказалось противное. Между-тѣмъ время уходило, герцогу нужно было вхать, а онъ не хотѣлъ слѣзть ни шагу, покуда не перемѣнится министерство. Словомъ, черезъ недѣлю, по удаленіи лорда Темпла, Питту и Legge дано формальное увольненіе, еще прежде нежели успѣли найти кого-нибудь другаго на ихъ мѣста.

Но невозможно представить себѣ, какое волненіе пронзала въ народѣ эта смѣлая мѣра. Имена Питта и Legge были на устахъ каждаго. Какъ жертвамъ патриотизма, испододнесли, въ драгоценныхъ ящикахъ, дипломы отъ всѣхъ важнѣйшихъ корпорацій Англіи. Общее изступленіе очень затрудняло короля въ выбора людей, которые бы, при такомъ волненіи умовъ, могли съ уснѣхомъ занять пустыя мѣста въ кабинетѣ. Герцога Дивоншира оставили еще главою казначейства, покуда не съищутъ преемника, а что не находили; тѣ, которые произвели переворотъ, не могли смѣлостивнѣ воспользоваться: словомъ, это была настоящая анархія. Король обратился къ герцогу Ньюкастлу и Фоку, но герцога былъ оскорбленъ Фоксомъ, а Фоку одинъ ничего не могъ сделать. Наконецъ король, убавившимъ лордомъ Честерфилдомъ, согласился составить кабинетъ изъ герцога Ньюкастля, Питта в пречіихъ приверженцевъ Апостерскаго Двора; но когда дѣло дошло до отставки лорда Винчельси, который принялъ мѣсто въ адмиралтействѣ единственно изъ угожденія королю, и когда

пришлось вновь допустить лорда Темпла въ кабинетъ , король отвергъ все предложенія , и все осталось по-прежнему. Вся эти переговоры съ различными партіями , со стороны короля , велись лордомъ Вальгревомъ , и когда они оказались безуспѣшными , оставалось одно средство , — пригласить самого Вальгрева на мѣсто перваго лорда казначейства. Лордъ Waldegrave согласился на предложеніе , и пригласилъ Фокса , герцога Бедфорда , лорда Винчельси и лорда Гривилля , который и теперь былъ столько же отчаянный и предприимчивый какъ прежде ; но Фоксъ и герцогъ Бедфордъ вскорѣ струсили , и вся система разрушилась , такъ , что королю не предстоало ничего болѣе какъ употребить лорда Менсфильда посредникомъ въ переговорахъ съ Питтомъ и герцогомъ Ньюкастлемъ. Переговоры были открыты лордомъ Менсфильдомъ , а трактатъ заключенъ , при содѣйствіи лорда Гардвика , 29 іюня 1757 года. Въ газетахъ было объявлено , что его величеству благоугодно было возвратитъ Питту мѣсто министра. Герцога Ньюкастля , котораго Питтъ , за нѣсколько мѣсяцовъ до этого рѣшительно вытѣснилъ изъ кабинета , снова сдѣлали первымъ лордомъ казначейства , злаго лорда Гривилля президентомъ совѣта , лорда Темпла хранителемъ малой , прокурора Henley , впоследствии лорда Northington , хранителемъ большой печати , а на его мѣсто поступилъ Прадтъ , впоследствии лордъ Camden ; но всеобщее удивленіе возбудило назначеніе лорда Ансона членомъ адмиралтейства , и опредѣленіе Фокса : этотъ , несмотря на свои высокіе замыслы , очень покорно удовольствовался мѣстомъ казначея Ирландіи , которое до-того занималъ Питтъ.

Съ той минуты начался блистательнѣйшій періодъ англійской исторіи , министерство Питта. При его вступленіи въ управленіе дѣлами , Англія и союзныя съ нею государства находились въ самомъ затруднительномъ положеніи : домашнія несогласія , неудачи въ чужихъ краяхъ , всеобщій ренотъ народа , вотъ каково было состояніе Англіи. Назначеніе Питта , какъ электрическая искра , пробудило , оживило и придало силы всемъ дѣйствіямъ министерства. Пусть говорятъ , что нѣкоторые проекты его были неблагоприятны , многія мѣры неудачны , что онъ многимъ обязанъ случаю

д, болѣе всего, предприимчивости и невѣроятнымъ удачамъ прусскаго короля : все это такъ, но его предположенія, несмотря на свою неосновательность, имѣли благородную цель, а неудачи исправлены имъ же; словомъ, Питтъ былъ единственный человекъ своего времени, который умѣлъ оценить гениальность, подкрѣпить духъ и воспользоваться удачами Фридриха Великаго.

Съ этого времени біографія Питта дѣлается уже исторіею Европы, и, въ самомъ дѣлѣ, не было уголка на землѣ, гдѣ бы, въ продолженіи двадцати-лѣтняго служенія Питта, не ощущалъ вліянія его великаго ума.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ Питта можно назвать тайное порученіе, данное англійскому министру при испанскомъ дворѣ, уступить Испаніи Гибралтаръ вмѣсто Минорки, съ тѣмъ, чтобы Испанія присоединилась къ Англіи въ войнѣ противъ Франціи.

Около того времени, одно происшествіе чуть-было не сдѣлалось причиною удаленія Питта. Лордъ Темплъ, который всегда не нравился королю, сталъ хлопотать черезъ герцога Ньюкастля объ орденъ Подвязки, прося его, какъ онъ выражался, изъ учтивости сообщить объ этомъ Питту. Когда дѣло дошло до свѣдѣнія Питта, онъ, безъ всякаго сношенія съ лордомъ Темплемъ, началъ стараться объ исполненіи просьбы какъ о своемъ личномъ дѣлѣ. Но видя, что король не согласенъ, онъ написалъ къ герцогу Ньюкастлю письмо, исполненное безразсуднаго негодованія на «воздухъ переднихъ», а лордъ Темплъ, недовольный презрительнымъ обращеніемъ короля, рѣшился непременно выйти въ отставку, если не получитъ вождеденной ленты. Это намѣреніе удалиться изъ кабинета, хотя совершенно смѣшное, необходимо влекло за собою и удаленіе Питта, по тѣсной связи его съ Темплемъ. Желаніе отвратить гибельныя послѣдствія заставило Питта написать новое посланіе. Лордъ Темплъ однако жъ всё-таки вышелъ въ отставку, тринадцатаго ноября, упросивъ Питта и братьевъ не слѣдовать его примѣру. Впрочемъ, черезъ три дня, его упросили снова занять мѣсто хранителя тайной печати, и вскорѣ ему дали орденъ Подвязки. Во время

этихъ раздоровъ получены извѣстія о побѣдѣ, одержанной Вольфомъ, и о взятіи Кебека, что чрезвычайно прославило имя Питта.

Въ то же время скоростижно скончался король Георгъ II. Происшествіе это, однако жъ, не имѣло никакого особенно замѣчательнаго вліянія на ходъ домашнихъ и заграничныхъ дѣлъ Англій. Питтъ, въ послѣдніе годы царствованія Георга II, тѣсно подружился съ лордомъ Вуте, который пользовался неограниченною довѣренностью юнаго короля. Королевская рѣчь, въ общей формѣ, была написана лордомъ Гарвикомъ. Питтъ присоединилъ только одинъ параграфъ; слова, прибавленныя самимъ королемъ, были слѣдующія: «Рожденный и воспитанный въ этомъ государствѣ, я считаю за честь носить имя Британца; главною цѣлью моей жизни будетъ попеченіе о благоденствіи народа, котораго любовь и преданность къ себѣ я считаю лучшею защитою моего престола.»

Спокойное теченіе внутреннихъ дѣлъ было нарушено помѣщеніемъ, девятнадцатаго марта 1761 года, лорда Вуте на место лорда Гольдернесса въ званіи втораго министра статсъ-секретаря, и увольненіемъ Legge отъ должности канцлера казначейства. Изъ писемъ тогдашнихъ иностраннѣйшихъ пословъ къ своимъ дворахъ, и изъ другихъ источниковъ, очевидно, что самъ Питтъ хлопоталъ объ этихъ перемѣнахъ. Хотя имя его въ общемъ мнѣніи было связано съ именемъ Legge, это однако жъ не помѣшало Питту дѣйствовать противу него, когда Legge задумалъ присоединиться къ партіи герцога Ньюкастля. Впрочемъ, дѣла шли довольно спокойно до осени 1761 года. Питтъ, получивъ извѣщеніе, что Испанія заключила съ Франціею договоръ, предложилъ кабинету объявить немедленно войну Испаніи. Всѣ министры, исключая лорда Темпля, нашли эту мѣру слишкомъ поспѣшною, и это заставило Питта и Темпля подать въ отставку. Когда они явились къ королю съ просьбами объ увольненіи, онъ принялъ ихъ чрезвычайно ласково и обошелся съ такимъ достоинствомъ и милостію, что довелъ до слезъ Питта, который ожидалъ совсѣмъ другаго приему. Король объявилъ имъ, что ему жаль терять такихъ полезныхъ слугъ, но дѣлать

ничего: это послѣднее объявленіе войны кажется и ему неумотнымъ; и если бы даже весь кабинетъ единогласно нахотилъ эту мѣру необходимою, то и тогда онъ неохотно далъ бы свое согласіе. На слѣдующій день, король, черезъ лорда Вите, приказалъ объявить Питту, что, къ знакъ своего благоволенія, онъ даетъ ему на выборъ, или губернаторство вновь завоеванной провинціи, Канады, съ жалованьемъ по пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, или званіе канцлера валлійскаго, съ подобнымъ же содержаніемъ. На это предложеніе Питтъ отвѣчалъ страннымъ наборомъ выраженій подобострастія и лести.

«Октября 7, 1761.

«Милордъ! Обремененный чувствомъ высокой признательности за всѣ милости, которыя его величеству благоугодно было оказать мнѣ, я прошу васъ положить къ царственнымъ стопамъ нашего милостивѣйшаго государя мою искреннюю и нелицемѣрную благодарность. Этотъ новый знакъ снисходительнаго вниманія его величества къ преданному слугѣ, и намѣреніе пролить на него новыя щедроты, лишаетъ меня возможности выразить вполне мою признательность.

«Каждый знакъ одобренія его величества, пронитекающій изъ такого добровольнаго источника милосердія, не можетъ не быть для меня символомъ счастья и славы. Могу ли я быть нечувствительнымъ? Столь милостивое вниманіе короля, не только заставляетъ меня не скрывать своихъ мыслей, но, напротивъ-того, повелеваетъ мнѣ прямо высказать мои мысли о такомъ щекотливомъ предметѣ. Поэтому я убѣжденъ, что на мой откровенный отвѣтъ будутъ смотрѣть какъ на знакъ покорности, а не высокоумія: я нахожусь въ необходимости отказаться отъ предлагаемыхъ мѣстъ.

«Я заключаю это письмо, можетъ-быть слишкомъ уже длинное, просьбою къ вамъ, милордъ, о принятіи моей благодарности за обязательное участіе, которое вы принесли въ этомъ дѣлѣ, и увѣренія въ томъ, что я всегда высоко ценю тѣ чувства, которыя вамъ угодно было оказать въ отношеніи ко мнѣ.»

Вслѣдствіе этого письма, леди Эсфирь дано было перское званіе съ титуломъ баронессы Четемъ, который переходилъ на ея сыновей, а самому Питту пожаловали пенсію въ 3,000 фунтовъ стерлинговъ, съ правомъ завѣщать ее двумъ избраннѣйшимъ лицамъ. Онъ назначилъ леди Эсфирь и своего старшаго сына.

Эта пенсія и это перство очень много повредили Питту въ общественномъ мнѣніи; но онъ умѣлъ снова обратить на себя вниманіе своею оппозиціею, между-тѣмъ какъ все негодованіе публики обратилось на лорда Вуте.

Лордъ Вуте непремѣнно хотѣлъ миру, и, какъ единственнаго средства къ достиженію этой цѣли, требовалъ, чтобъ прусскому королю было отказано во всякой денежной помощи, между-тѣмъ какъ герцогъ Ньюкастль настаивалъ на исполненіи перваго плану, но, не находя ни какой поддержки въ кабинетъ, подалъ въ отставку двадцать-девятого мая 1762 года. Лордъ Вуте сдѣлался такимъ образомъ первымъ лордомъ казначейства, а на его мѣсто поступилъ, въ званіи министра статсъ-секретаря, Джорджъ Гринвилль, который, отставъ отъ брата, присоединился къ лорду Вуте.

Въ декабрь миръ былъ заключенъ, но, благодаря краснорѣчію Питта, публика осталась имъ очень недовольною, и этотъ миръ сдѣлался причиною паденія тѣхъ, кто на немъ основывалъ свои надежды.

Прежде нежели разразилась буря, лордъ Вуте удалился отъ опасности. Надменный, чувствительный и безкорыстный, онъ вскорѣ возненавидѣлъ свою тяжелую обязанность, и внезапно, осьмага апрѣля 1763 года, вышелъ въ отставку. Въ то же самое время Фоксъ отказался быть предводителемъ нижней палаты, званіе, котораго онъ такъ долго добивался, и которое ему еще скорѣе надобно. Джорджъ Гринвилль замѣнилъ обоихъ: онъ остался и первымъ лордомъ казначейства и канцлеромъ Шахматнаго Стола. Эта перемена, вмѣсто того чтобъ утишить, раздражила только партіи, противныя лорду Вуте, потому что всѣхъ новыхъ министровъ считали его орудіями.

Это министерство, слабое при самомъ началѣ, потеряло еще болѣе со смертію лорда Егмонта, одного изъ министровъ статсъ-секретарей. Лордъ Вуте, не только безъ участія

министровъ , но даже съ совершенно противными видами, по приказанію короля , взялся склонить Питта снова вступить въ службу ея величества ; это было единственное средство противъ всѣхъ страданій государства.

Лорду Вуте поручено было устроить свиданіе короля съ Питтомъ. Это случилось въ субботу, двадцать-седьмого числа , а въ воскресенье Питтъ пріѣхалъ къ герцогу Ньюкастлю съ объявленіемъ , что дѣло идетъ хорошо. Но въ вонедѣльникъ все приняло другой видъ , и намѣреніе было оставлено.

Неудача въ этомъ преобразованіи министерства, съ своими разнообразными послѣдствіями, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ и печальнѣйшихъ для Англій происшествій , случившихся въ царствованіи Георга III. Оно, вѣроятно, подавило бы раждавшееся бѣшенство Вилькса, и отвратило бы американскій Stamp Act и всѣ прочія несчастныя обстоятельства, сопровождавшія министерство Гринвилля. Что министерство не состоялось, этого нельзя приписать лорду Вуте ; самъ онъ былъ очень оскорбленъ тѣмъ , что его старанія остались безуспѣшными: ему не удалось услужить королю, да и самъ онъ лично терялъ при этомъ.

Джорджъ Гринвилль остался первымъ министромъ. Вильксъ , некогда другъ Питта, но обязанный всѣмъ лорду Темплю, который сдѣлалъ его полковникомъ въ ополченіи, совершенно раздѣлялъ политическія мнѣнія своего покровителя, и потому началъ издавать газету, болѣе знаменитую по слѣдствіямъ, которыя она произвела, чѣмъ по внутреннему достоинству. Эта газета, называвшаяся North Briton, была преимущественно направлена противъ лорда Вуте и вообще противъ Шотландцевъ. Вильксъ обвинялъ всѣхъ ихъ въ якобитскомъ замыслѣ противу правъ Англій. Онъ самъ въпослѣдствіи смѣялся надъ тѣми, которые тогда ему вѣрили. Но могъ ли бы Вильксъ, это смѣшное пугалище, имѣть какое бы то ни было вліяніе на участь своихъ соотечественниковъ , если бы его не поддерживали главные вожди политическихъ партій? Изданная имъ брошюра нанесла оскорбленіе парламенту, и подала поводъ къ жаркимъ преніямъ о правѣ палаты судить и наказывать своихъ обидчиковъ. Это открыло новое поле такимъ людямъ какъ

Питтъ и другіе, которые, не одобряя дерзости Вилькса, и презирая его какъ клеветника, захотѣли воспользоваться имъ какъ орудіемъ своего честолюбія. Питтъ сблизился съ Ньюкастлемъ, и оба они приняли сторону Вилькса, чтобы затруднить и опрокинуть министерство, вступившее за честь палаты.

Между-тѣмъ какъ запутанные и бурные споры, возбужденные этимъ дѣломъ, устрашали боязливое министерство, король сдѣлался опасно больнъ. Какъ человекъ твердый и благоразумный, онъ увидѣлъ, по выздоровленіи, необходимость позаботиться о регентствѣ, на случай своей смерти прежде совершеннолѣтія сына, которому въ то время было только десять лѣтъ. Онъ приказалъ министрамъ приготовить и внести въ парламентъ билль объ этомъ важномъ предметѣ. Билль долженъ былъ опредѣлить особу изъ королевской фамиліи, въ руки которой, въ случаѣ регентства, слѣдовало передать верховную власть. Безсомнѣнія, послѣ королевы, никто не имѣлъ на это болѣе права, какъ вдовствующая принцесса, бабка наследнаго принца и мать царствующаго короля. Но имя ея, въ глазахъ публики, было такъ тѣсно связано съ именемъ лорда Вите, что чрезчуръ осторожное и неловкое министерство не рѣшилось помѣстить ея въ списокъ лицъ, которымъ предполагали поручить регентство. Естественнымъ образомъ нужно было ожидать, что, при возбужденномъ и шаткомъ состояніи всѣхъ партій, этотъ вопросъ произведетъ жестокую борьбу въ нижней палатѣ; однако жъ билль, исправленный стараніями друзей вдовствующей принцессы, прошелъ почти безъ затрудненія, къ великому неудовольствію безпокойной партіи, которая долго послѣ того не могла понять, какъ можно было пропустить такой удобный случай къ ссорѣ. Вскорѣ однако жъ увидѣли, что причиною тишины, при спорахъ объ обстоятельствахъ, которое не предвѣщало ничего хорошаго, было уклоненіе Питта отъ участія въ этомъ дѣлѣ, хотя его партія съ нетерпѣніемъ желала знать, на что онъ намѣренъ рѣшиться. Бездѣйствіе такого человека, и при такомъ дѣлѣ, не могло не возбудить толковъ въ публикѣ; между-тѣмъ дѣло было ясное: онъ не хотѣлъ потерять, ни привязанности къ себѣ

публики, поддерживая принцессу, ни милостей государя, возставая противъ его матери. Вальполь, свидѣтель всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, очень остроумно описываетъ бездѣйственность Питта:

«Если бы Питтъ, говоритъ онъ, былъ добропорядочный человекъ, онъ конечно принялъ бы сторону вдовствующей принцессы; но онъ рѣшился ждать, посмотрѣть что будетъ, и сказанъ больнымъ, увѣряя, что его вдругъ одолевъ сильный припадокъ подагры.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства о регентствѣ, то есть, около половины мая, герцогъ Комберлендскій, по приказанію короля, вступилъ въ переговоры съ Питтомъ и лордомъ Темпломъ о распущеніи существующаго министерства и образованіи новаго, но не успѣлъ; хотя они и согласились во всемъ, что касалось общей политики, однако жъ король хотѣлъ удержать лорда Нортomberленда и Стурта Мекензи, которыхъ лордъ Темплъ называлъ не иначе какъ тварями лорда Вите. Долго и скучно было бы рассказывать все мелкія интриги между ними. Дѣло въ томъ, что наконецъ Темплъ вдругъ отдался отъ Питта и помирился съ братомъ Джорджемъ Гринвиллемъ; Питтъ уѣхалъ изъ Лондона; лордъ Гермфордъ былъ посыланъ съ предложеніями къ Питту, но воротился съ чистымъ отказомъ, а старикъ Вальполь пишетъ, что спокойствію столицы и цѣлаго государства угрожали замыслы безпокойныхъ людей и что въ народѣ господствовалъ духъ неудовольствія, близкій къ возмущенію.

«Притомъ у насъ теперь нѣтъ, ни администраціи, ни правительства, и въ это самое время Питтъ, которому такъ легко остановить всякое бѣдствіе, рѣшился поступать безразсуднѣе чѣмъ когда-либо!»

Боркъ, въ письмѣ къ Флуду, отъ осьмнадцатаго мая 1766 года, точно также отзывается о поведеніи Питта.

«Только упрямство вашего друга Питта мѣшаетъ учрежденію изумительной и прочной системы управленія. Этотъ кризисъ покажетъ, что преобладаетъ въ его характерѣ, самолюбіе или патріотизмъ. Я васъ смѣло увѣряю, что теперь совершенно отъ его воли зависитъ вступить въ службу своего отечества, избрать такой политическій

планъ, какой ему угодно, на самыхъ выгодныхъ и почетныхъ условіяхъ какъ для самого себя такъ и для каждаго изъ его друзей, и почти съ неограниченною властью дѣйствовать, какъ ему вздумается.»

По приказанію короля, герцогъ Комберлендскій обратился къ герцогу Ньюкастлю и къ умѣренной оппозиціи, и, при помощи этихъ двухъ герцоговъ, образовалось министерство, названное Рокингемскимъ.

Политика, которой оно намѣревалось слѣдовать, была основана на благородныхъ и дѣльныхъ началахъ; имена людей, которымъ ввѣрялось управленіе государства, пользовались уваженіемъ въ публикѣ; словомъ, можно было надѣяться, что министерство будетъ сильное и постоянное; но ему не доставало Питта, и оттого, несмотря на все свои достоинства, оно просуществовало только одинъ годъ. Настало время излечить раны, нанесенныя Англійи Америккою: если бы, вмѣсто того чтобъ приводить въ замѣшательство кабинетъ, этотъ смѣлый и гениальный человекъ рѣшился руководить его, сколько бы онъ отвратилъ раздоровъ и несчастій!

Хотя Питту и не удалось составить своего министерства, однако жъ можно было надѣяться, что онъ вскорѣ, или возьметъ свою львиную долю въ министерствѣ Рокингемскомъ, или по-крайней-мѣрѣ поддержитъ его своимъ вліяніемъ, безъ чего не было ни какой надежды, чтобъ оно удержалось даже на время парламентскихъ засѣданій. Но этого не случилось.

Самые жаркіе защитники Питта принуждены были сознаться, что поведеніе его, въ отношеніи къ Рокингемскому министерству, было неблагородно и коварно. Министры согласились занять мѣста тогда уже, когда Питтъ рѣшительно отказался, и приняли портфейли, если не по его совету, то по-крайней-мѣрѣ съ его согласія: они уничтожили Stamp-Act, сдѣлали перомъ друга его, лорда Кемдена, и при всякомъ случаѣ старались ему оказывать знаки своего уваженія.

Но Питтъ былъ недоволенъ тѣмъ, что герцогъ Ньюкастль принималъ участіе въ образованіи Рокингемскаго министер-

ства, и отъ него распространилъ онъ свое неудовольствіе на всѣхъ министровъ.

При преніяхъ объ адресъ, Питтъ произнесъ превосходную, но двусмысленную, рѣчь. Онъ былъ очень учтивъ съ министрами, но объявилъ, что не можетъ имѣть къ нимъ довѣрія. Американскія дѣла подавали безпрерывные случаи къ выходкамъ его молніеноснаго краснорѣчія. Онъ произнесъ много образцовыхъ рѣчей, и каждая изъ нихъ потрясла министерство въ основаніи. Наконецъ оно пало. Министерство лорда Вуте слыло продажнымъ и развратнымъ; министерство Джорджа Гринвилля называли безразсуднымъ и ненавистнымъ, а Рокингемское смѣшнымъ и презреннымъ. Теперь настала Питту очередь извѣдать на себѣ и убедиться, что нѣтъ возможности бороться съ духомъ партій и безпорядками, которымъ онъ самъ открылъ дорогу.

Двѣнадцатаго іюля 1766 года, король лично приказалъ ему составить министерство. При этомъ дали ему понять, что не нужно предлагать условій, потому что король рѣшительно ввѣряетъ себя Питту. Питтъ взялъ на себя должность хранителя тайной печати, отчего присутствіе его въ верхней палатѣ сдѣлалось необходимымъ. Выборъ этой должности Питтъ хотѣлъ оправдать лѣтами и болезнью, которыя не позволяли ему часто бывать въ нижней палатѣ. Но отговорка не удовлетворила публики. Ему было только пятьдесятъ осемь лѣтъ, и, несмотря на частыя припадки подагры, Питтъ никогда не говорилъ въ нижней палатѣ съ такимъ жаромъ и такъ краснорѣчиво какъ въ последнее засѣданіе.

Занявъ это второстепенное мѣсто, Питту предстояло рѣшить важный вопросъ: кому быть первымъ лордомъ казначейства? Сначала онъ предложилъ это мѣсто лорду Темплю, но условія Питта ему не понравились. Темпль отказался. Они уже не были друзьями.

Въ скоромъ времени предложеніе было сдѣлано лорду Гауэру. Питтъ, очевидно, набиралъ людей со всѣхъ сторонъ, исключая своихъ старыхъ друзей и приверженцовъ, Гринвилля и Ньюкастлей. Герцогу Грефтоу, вмѣсто топора и лопаты, вручили бразды главнаго управленія финансами, то есть, сдѣлали первымъ лордомъ казначейства; лор-

да Шельборна и генерала Сонвай статсъ-секретарями, лорда Кемдена канцлеромъ, а прежняго канцлера, Нортингтона, президентомъ совѣта. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ составилось наконецъ министерство, которое съ такою яркостью и такъ забавно описалъ Боркъ.

«Лордъ Четемъ, говоритъ онъ, составилъ министерство чрезвычайно пестрое, ничто въ родъ столарней работы, очень не кстатъ подыманной зубчиками, и сплоченной съ большимъ искусствомъ; этотъ кабинетъ — штучная работа, магазинъ разныхъ вещей, паркетная мостовая безъ шиповъ: тутъ черный камышекъ, тамъ бѣлый; есть и патриоты и льстецы; друзья монархіи и республиканцы; виги и торы; ложные друзья и открытые непріатели. Люди, которыхъ Питтъ насажалъ въ одно мѣсто, съ изумленіемъ смотрятъ другъ на друга, и спрашиваютъ одинъ у другаго: Какъ ваше имя, милостивый государь? «Я такой-то,» отвѣчаетъ сосѣдъ. — Такой-то? Ахъ, извините!»

«Я смѣло говорю, что люди, между которыми Питтъ раздѣлялъ занятія, отъ роду не видали другъ друга и не были знакомые.»

Но онъ торжествовалъ; и вотъ собственноручное письмо, которымъ король увѣдомляетъ Питта о пожалованіи его графомъ Четемомъ.

«Мистеръ Питтъ,

«Я подписалъ сегодня повелѣніе о пожалованіи васъ графомъ, и съ удовольствіемъ увижу васъ завтра въ этомъ новомъ званіи; вмѣстѣ съ тѣмъ я назначаю васъ хранителемъ печати, совершенно увѣренный, что графъ Четемъ ревностно будетъ помогать мнѣ уничтожить духъ партій, и возстановить порядокъ и подчиненность: это одно только и можетъ сохранить благосостояніе государства отъ посягательствъ необузданнаго буйства.

«Георгъ.»

Съ тѣхъ поръ наступаетъ самый странный и непонятный для потомства періодъ въ жизни лорда Четема. Сдѣлавшись въ третій разъ первымъ министромъ, захвативъ почти диктаторскую власть, пользовавшись неограниченною довѣренностію государя и слѣпою привязанностію народа,

этотъ великій, могучій государственнй чловкъ ровно ничего не дѣлалъ. Онъ составилъ себѣ имя, и ничего больше какъ имя; много совершилось такого въ министерствѣ, что было совсѣмъ противоположно тѣмъ правиламъ, которыя онъ прежде проповѣдывалъ, и что въ самомъ дѣлѣ оказалось чрезвычайно невыгоднымъ и даже гибельнымъ для королевства.

Питтъ навинялся въ этомъ странномъ забвеніи своею подагрой, которой жестокіе припадки въ то время терзали его тѣло, ослабляли духъ и раздражали нравъ. Все это очень возможно: но зачѣмъ же, втеченіи двухъ лѣтъ, онъ оставался на такомъ важномъ мѣстѣ, если чувствовалъ себя не въ состояніи или не хотѣлъ исполнять своихъ обязанностей?

Всѣ его современники, какъ это теперь и доказано, полагаютъ, что подагра была просто предлогомъ. Боркъ говоритъ: «Когда у лорда Четема дѣлается припадокъ, или когда какая-нибудь другая причина заставляетъ его уклониться отъ своей должности, тогда лицо его принимаетъ болѣзненное выраженіе, тогда все конечно: вся его система плыветъ въ открытомъ морѣ безъ компаса и карты». Это было сказано въ то время, когда лордъ Четемъ жилъ и дѣйствовалъ заодно съ партіею Борка, который, слѣдовательно, старался выразить свою мысль сколько можно вѣжливѣе.

Издатели писемъ съ торжествомъ указываютъ на письмо леди Четемъ къ адвокату Нотоллю, отъ семнадцатаго августа 1767 года, гдѣ она проситъ его приготовить для подписанія графу полную довѣренность, которая давала бы ей сіятельству право дѣйствовать во всемъ отъ имени мужа, потому что продолжительная болѣзнь не позволяетъ ему самому заниматься домашними дѣлами. Изъ этихъ словъ издатели писемъ выводятъ заключеніе, что болѣзнь Питта вовсе не была и не могла быть только политическою. Но это ничего не доказываетъ: если болѣзнь была притворная или, что всего вѣроятнѣе, если ее слишкомъ преувеличивали изъ какихъ-нибудь политическихъ видовъ, то и письмо къ Нотоллю, стряпчему казначейства, могло быть маскою, которою хотѣли закрыть глаза. Нельзя представить, себѣ, до какой степени лордъ Четемъ старался отдалить отъ себя всякое участіе другихъ въ дѣлахъ собствен-

наго министерства : онъ не хотѣлъ ни съ-кѣмъ видѣться, не хотѣлъ ничего писать, не хотѣлъ ничего слушать, словомъ, не дѣлалъ ровно ничего. Напрасно король писалъ къ нему письмо за письмомъ и просилъ совѣтовъ; напрасно съ важною заботливостью осведомлялся объ его здоровьѣ; напрасно напоминалъ объ обязанностяхъ и патриотизмѣ : лордъ Четемъ оставался глухимъ. Усилія его товарищей были также тщетныя.

Возвращаясь изъ Бста, въ февраль 1767, Питтъ ночевалъ въ Марльборо. Случилось, что въ то время надобно было рѣшить нѣсколько чрезвычайно важныхъ дѣлъ, которыя лично отъ него зависѣли : герцогъ Грефтонъ, личный другъ Питта, просилъ позволенія явиться къ нему, чтобы узнать, что онъ намѣренъ дѣлать : лордъ Четемъ отказалъ герцогу. Черезъ три мѣсяца послѣ того, двадцать-седьмого мая 1767, въ то время какъ лордъ Четемъ былъ въ Нортлендѣ и министерство находилось въ самомъ критическомъ положеніи, лордъ Грефтонъ просилъ, какъ милости, позволенія, хоть на четверть часа, хоть на нѣсколько минутъ увидѣться съ его сіятельствомъ. На это лордъ Четемъ отвѣчалъ, что онъ находится въ непріятной необходимости просить извиненія у его свѣтлости въ томъ, что никакъ не можетъ его принять, и что ему чрезвычайно прискорбно видѣть себя неспособнымъ къ разговору о предметѣ, которымъ заняться во всякое другое время онъ пожелъ бы за честь и удовольствіе.

Наконецъ, обстоятельства до такой степени сдѣлались затруднительными, что король былъ вынужденъ объявить лорду Четему, что если онъ не въ состояніи пріѣхать ко двору, то король самъ пріѣдетъ къ нему, Четему. Чтобы избѣгнуть посѣщенія его величества, лордъ согласился наконецъ принять у себя герцога Грефтона, всего одинъ или два раза, и то лишь на нѣсколько минутъ.

Это упрямство лорда Четема оставалось въ министерствѣ, при своемъ отвращеніи, чтобъ не сказать неспособности, исполнять обязанности, была поводомъ къ происшествію, которое встревожило и его друзей и президента. Къ диплому одной рудоконной компаніи нужно было приложить

государственную печать, но тутъ выпло недоразумѣнїе, и лорду Четему, какъ хранителю печати, слѣдовало рѣшить дѣло. Замѣшательство, въ которое это неожиданное обстоятельство поставило и кабинетъ и все семейство лорда Четема, было чрезвычайно комическое. Никто, даже самъ Георгъ, не зналъ какъ поступить въ этомъ случаѣ чтобы не огорчить и не опечалить большого лорда. Наконецъ, послѣ шести-недѣльныхъ проволочекъ и разнаго роду предосторожностей, уговорили лорда хранителя печати сдать все дѣло избраннымъ комиссарамъ, которые, выслушавъ претензїи, приложили, двадцать-перваго марта 1768 года, печать, и немедленно возвратили ее, при депутаціи со стороны тайнаго совѣта, лорду Четему.

Ясно, что ни какая подагра въ свѣтъ не могла бы два года сряду лишать лорда Четема способности дѣйствовать, если бы не было другой, болѣе важной, причины. Пораженный и утраченный быстрою потерею народной привязанности, обезсиленный удаленїемъ лорда Темпля, разстроенный сильною оппозиціею, которая составила противъ него; потерявъ вѣру въ способности новыхъ товарищей, для которыхъ онъ пожертвовалъ прежними друзьями, смущаясь неудачею въ желанїи доставить правительству прежнюю силу, зная волненїе, произведенное въ народѣ дѣломъ Вилькса, и твердо рѣшившись никогда не поддерживать того, что не нравится публикѣ, Питтъ очень скоро смѣкнулъ, какъ онъ дурно поступилъ, добровольно отказавшись отъ званїя *великаго частнаго гражданина*. Какъ человекъ умный, онъ вѣроятно выжидалъ случая, чтобы выйти въ отставку, не лишаясь славы и любви народной.

Во время этого разбитаго параличемъ министерства, снова внесли въ палату несчастный билль о наложенїи податей на Американцевъ, билль, который былъ причиною раздѣленїя королевства. Боркъ полагасть, что Charles Townshend внесъ этотъ билль не посоветовавшись съ Четемомъ. Это очень возможно, потому что лордъ Четемъ вовсе не принималъ участїа въ дѣлахъ и не соглашался видѣться съ товарищами, даже на нѣсколько минутъ. Charles Townshend былъ его товарищемъ по министерству. Но наобно такъ

же припомнить, что лордъ Четемъ оставался министромъ цѣлый годъ послѣ смерти этого товарища, послѣдовавшей четвертаго сентября 1767, и во все это время не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы исправить дѣло.

Замѣчательно, что, несмотря ни на болѣзнь, ни на просьбы товарищей, ни на желаніе короля, ни на затруднительное положеніе дѣлъ, лордъ Четемъ ни разу не подумалъ объ отставкѣ. Наконецъ, когда лордъ Шельборнъ удалился изъ министерства, въ октябрь 1768 году, лордъ Четемъ въ первый разъ изволилъ замѣтить, что печальное состояніе здоровья заставляеть его просить увольненія отъ должности, которою онъ во все время своего служенія не занимался ни сколько.

Поведеніе Питта въ то время было такъ загадочно и непонятно, что много вѣроятности получила мысль лорда Честерфильда, будто-бы досада и неудовольствія, соединившись съ болѣзнію, разстроили его умственные способности. Это предположеніе старались поддерживать чрезвычайно тонкими доказательствами; даже въ самомъ парламентѣ, но безъ всякаго основанія. Лишь-только лордъ Четемъ вышелъ въ отставку, ему сдѣлалось гораздо лучше: онъ помирился съ лордомъ Темплемъ, сталъ посѣщать верхнюю палату, и со всею блескомъ, со всею силою своего генія, началъ принимать участіе въ опасныхъ тревогахъ, волновавшихъ его отечество въ это несчастное время.

Чувства, съ какими публика приняла извѣстіе объ отставкѣ Питта, были совершенно не тѣ, съ какими встрѣтили его послѣ перваго увольненія, и необходимо должны были оскорбить честолюбиваго Четема. Выходъ его изъ министерства едва былъ замѣченъ, и онъ очень умно сдѣлалъ, что на годъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ, отчасти для поправленія здоровья, а всего больше для того чтобы оставить приличный промежутокъ между своею министерскою летаргіею и дѣятельною оппозиціей.

Между-тѣмъ какъ дѣло Вилькса въ Англіи, и возмущеніе въ Америкѣ, къ распространенію котораго много способствовала праздность министерства, придавали ужасный видъ отставкѣ лорда Четема, начали появляться знаменитыя письма Юніуса, которыя еще болѣе утвердили въ публикѣ

вельюдное мнѣніе о Четемъ, и произвели такое впечатлѣніе, какого не бывало въ лѣтописяхъ англійской литературы. Даже и теперь, когда несправедливость, злость и вѣроломство этихъ писемъ оцѣнены по достоинству, даже и теперь изящный слогъ, колкость сарказма и таинственность, въ которую облечено имя автора, сохранили ихъ отъ общей участи всѣхъ политическихъ памфлетовъ и дали имъ почетное мѣсто между классическими образцами англійскаго языка. Въ собраніи писемъ лорда Четема есть два письма Юніуса къ Питту, но они не имѣютъ ни какой важности, и могутъ только служить образчиками почерку человека, который ихъ писалъ. Изъ сходства почерку этихъ двухъ писемъ съ рукою сэръ Филиппа Френсиса, некоторые проницательные люди заключили, что сочинителемъ писемъ Юніуса былъ сэръ Филиппъ. Опровергать этого не слѣдуетъ. Можно сказать только, что изъ всѣхъ кандидатовъ на эту двусмысленную честь, подозрѣніе, всею своею тяжестью, падаетъ скорѣе на лорда Sackville'я.

Черезъ годъ, послѣ добровольнаго заточенія, лордъ Четемъ появился снова и занялъ свое мѣсто въ верхней палатѣ, девятаго января 1770 года: новое доказательство, какъ легко мѣнялъ Питтъ свои правила, смотря по тому, выходилъ ли онъ въ должности или безъ мѣста.

Мы уже видали, что, лѣтомъ 1766 года, Питтъ уничтожилъ министерство Рокингемское, отдаливъ отъ него герцога Грестона, единственно для того что въ немъ засѣдали герцогъ Ньюкастль и его друзья. При составленіи своего министерства, онъ исключилъ всѣхъ Ньюкастльцевъ, удаливъ лорда Темпла, отказывался принять лорда Гауэра, далъ первое мѣсто герцогу Грестону, принявъ министрами такихъ людей, которыхъ онъ только уронилъ, и поступилъ такъ дурно съ лордомъ Рокингемомъ, что тотъ далъ клятву никогда не имѣть ни какого дѣла съ Четемомъ. И послѣ всего этого, когда возникъ всеобщій ропотъ на правительство, котораго власть еще болѣе ослабла съ выходомъ Питта въ отставку, онъ оставилъ его на произволъ судьбы, такъ же мало заботясь объ его участи, какъ-будто никогда не принадлежалъ къ нему!

Вышедши въ отставку, онъ рѣшительно перемѣнилъ образъ

дѣйствія : съ появленіемъ въ парламентъ , началъ открыто дѣйствовать противъ герцога Грефтона и прочихъ министровъ , которыхъ самъ назначилъ , подружился снова съ лордомъ Темплемъ , вступилъ въ связь съ Рокингемомъ , котораго такъ недавно еще изгналъ изъ министерства , и началъ поддерживать герцога Портленда и другихъ лордовъ и дворянъ , которыхъ за нѣсколько времени до того выжилъ изъ кабинету.

При первомъ появленіи своемъ въ парламентъ , лордъ Четемъ произнесъ двѣ рѣчи , въ которыхъ заключались все современные общія мѣста оппозиціи . Онъ сдѣлалъ предложеніе уничтожить опредѣленіе нижней палаты по дѣлу объ изгнаніи Вилькса и о новыхъ выборахъ въ Миддлсексъ . Предложеніе было отвергнуто огромнымъ большинствомъ . Черезъ нѣсколько дней , лордъ Рокингемъ внесъ въ верхнюю палату билль объ учрежденіи комитета для изслѣдованія положенія государства : его поддерживалъ лордъ Четемъ блистательною , но неосторожною , рѣчью . Между прочими смѣшными общими мѣстами , онъ представлялъ , что гоненіе на Вилькса — грубое и убійственное посягательство на коренные законы Англіи . Говоря , что одно только немедленное прекращеніе всѣхъ преслѣдованій Вилькса можетъ возвратитъ отечеству спокойствіе , онъ воскликнулъ : « Въ противномъ случаѣ , пусть вѣчный раздоръ раздираетъ государство ! » Но эти слова показались ему не довольно сильными . « Я знаю , продолжалъ онъ , къ чему отнесутъ слова мои ; но если министры не позволяютъ намъ рѣшить этого дѣла согласно съ законами Англіи , то его надобно рѣшить какимъ-нибудь другимъ образомъ . » Въ той же рѣчи онъ въ первый разъ объявилъ свое мнѣніе о необходимости парламентской реформы , и наконецъ объявилъ , что заключилъ союзъ съ лордомъ Рокингемомъ , союзъ , который , какъ онъ надѣется , останется неразрывнымъ .

Такова была чудная сила краснорѣчія этого человека , что , съ первой минуты появленія его въ парламентъ , ни одно министерство не нашло въ себѣ довольно силы чтобъ противиться его нападеніямъ . Пораженный ѣдкою сатиры Юніуса , герцогъ Грефтонъ немедленно подалъ въ отставку : на его мѣсто первымъ министромъ поступилъ лордъ Нортъ .

бывшій канцлеръ Шахматнаго Стола. Это, не только не ослабило оппозиціи Четема, но еще болѣе его раздражило. Во всѣхъ вопросахъ, къ которымъ подавало поводъ безконечное и несчастное дѣло Вилькса, онъ всегда приставалъ къ противной сторонѣ.

Въ собраніи писемъ Четема, наполненныхъ, отъ начала до конца, конституціонными мерзостями и гнусностями, ничто столько не поражаетъ и не оскорбляетъ читателя, какъ наглость и жестокость англійскихъ политиковъ-соперниковъ, которые приносили въ жертву своимъ выгодамъ, даже капризамъ, благородныя и нѣжныя чувства Георга III, его кроткій умъ и добрый характеръ. Сношенія его съ лордомъ Четемомъ должны убѣдить всякаго Англичанина, что Георгъ III глубоко понималъ и ревностно заботился о выгодахъ своего государства, искренно любилъ свой народъ, уважалъ законы, вовсе не имѣлъ самолюбивыхъ намѣреній, приносилъ въ жертву отечеству свои личныя выгоды и совѣстливо, неутомимо, трудился для пользы Англій.

Хотя здравый вкусъ и гордость запрещали лорду Четему ввязываться въ глупую и грязную ссору вилькеситовъ, однако жъ, судя по его поступкамъ, должно полагать, что онъ поощрялъ ихъ неистовства.

Вскорѣ онъ очень тѣсно подружился съ Calcraft'омъ, прежнимъ пріятелемъ и последователемъ Фокса, и началъ его употреблять какъ орудіе для завязки интригъ, которыя бы могли затруднить министерства. Съ этого времени поступки его дѣлаются просто непонятными.

Вотъ письмо лорда Четема къ Джону Колькрефту, Коношему.

«Наусъ, іюня двадцать-осьмого, 1770 года.

«Я былъ въ городъ въ прошедшій вторникъ, видѣлъ лорда Рокингема и не узналъ ничего, кромѣ того что я зналъ уже прежде, именно, что онъ честный и почтенный человекъ, но что «умѣренность» — припѣвъ всѣхъ его пѣсень. Что касается до меня, то я рѣшился ревностно служить общему мнѣнію, и буду неистовымъ пугалищемъ для вигговъ и умѣренныхъ.»

Это значить, что онъ хотѣлъ дѣйствовать противъ людей, которымъ самъ роздалъ мѣста, противъ мэръ, кото-

рыхъ сѣмена брошены въ самизгъ, и которыя никогда бы не принесли гибельныхъ плодовъ, если бы онъ исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ службѣ и товарищамъ.

Среди всѣхъ этихъ волненій возникло дѣло о Фальклендскихъ Островахъ : здѣсь лордъ Четемъ снова хотѣлъ завлечь Англію въ войну за совершенно ничтожный предметъ. Однако жъ это дѣло подало поводъ къ обстоятельству, которое служить къ чести лорду Четему. Вышло повелѣніе о насильственномъ наборѣ матросовъ. Нѣкоторые изъ муниципальных чиновниковъ, по всеобщему духу сопротивленія, распространенному въ народъ дѣломъ Вилькса, отказались способствовать вербовщикамъ. Воинственный духъ лорда Четема не могъ перенести такой наглости : онъ прямо возсталъ противу непослушныхъ чиновниковъ, возбудилъ противу нихъ лорда-мера, и потребовалъ непокорныхъ альдерменовъ въ верхнюю палату, къ отвѣту за непослушаніе. Это, разумеется, приняли за обиду лондонскіе граждане, имѣя глупость воображать, что они выше всякаго закона; однако жъ лордъ Четемъ скоро обуздалъ ихъ. Великій кормчій могъ, если хотѣлъ, и усмирять и вызывать бурю.

Но всѣ эти дѣла, которыя были не что иное какъ слѣдствіе взаимной ненависти партій, уступили мѣсто вопросу, гораздо болѣе — важному, спору о правѣ Англіи, на американскія колоніи. Несмотря на безпрерывныя противорѣчія самому себѣ, на переизмѣчивость правилъ и другія уклоненія отъ прямого пути, лордъ Четемъ, въ этой великой борьбѣ Англіи съ своими колоніями, всегда поступалъ какъ государственнѣйшій человекъ и какъ истинный патріотъ. Личныя отношенія, и опасность грозившая Англіи, сдѣлали этого политическаго ветерана кроткимъ, прямодушнымъ человекомъ. Питтъ, до самаго конца своей жизни, не хотѣлъ признать независимости колоній; но, убѣжденный въ справедливости дѣла Американцевъ, и желая сохранить свою народную славу на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго Океана, онъ сдѣлалъ уступку Америкѣ по вопросу о податяхъ, между-тѣмъ какъ для Англіи требовалъ права господства надъ колоніями.

Никогда, во всю свою жизнь, Питтъ не былъ столько дѣл-

величъ, настойчивъ и краснорѣчивъ : зато рукописскія и восторгъ, съ какими его всюду встрѣчали, никогда не были столь искренніе и единодушные. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ слова его поселяли страхъ и ужасъ въ душѣ Англичанъ, онъ какъ-будто нарочно возбуждалъ мужество, увѣренность въ себя и честолюбіе въ сердцахъ Американцевъ.

Признаемся, что очень трудно было бы согласить въ умѣ своемъ практическое дѣйствіе рѣчей лорда Четема съ его теоріею британскаго самодержавія, если бъ ключомъ къ этой загадкѣ не была та легкость, съ какою онъ принималъ совершенно противоположныя мнѣнія. Известно, съ какою силою онъ защищалъ всегда права Американцевъ; но лишь-только они достигли своей цѣли, онъ, умирающій, является въ верхнюю палату, чтобы протестовать противъ независимости Америки, къ достиженію которой онъ способствовалъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, исключая можетъ-быть одного Вашингтона.

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ случаѣ, превосходно объясняющемъ его характеръ. При одномъ преніи объ американской войнѣ, лордъ Соффолькъ, отвѣчая на возраженіе объ употребленіи дикихъ индѣйцевъ противъ колонистовъ, сказалъ : «Мы имѣемъ право употреблять для своей защиты всѣ средства, которыя намъ дали Богъ и природа.»

«Я удивляюсь, воскликнулъ лордъ Четемъ, я пораженъ, слыша, что въ этой палатѣ, въ нашемъ отечествѣ, намъ осмѣливаются проповѣдывать такія правила, правила столь же противныя политикѣ, сколько безчеловѣчныя и нехристіанскія. Милорды! не длятого говорю я это чтобъ обратить на себя ваше вниманіе : я не могъ удержать своего негодованія; я приглашаю васъ, какъ членовъ этой палаты, какъ людей, какъ христіанъ, возстать противъ такихъ помысловъ, противъ такихъ людей, которые стоятъ близъ трона и рѣшаются осквернять своими словами слухъ его величества. «Всѣ средства, которыя намъ дали Богъ и природа!» Я не знаю, какія понятія имѣеть о Богѣ и природѣ высокочестной лордъ; но знаю, что такія правила равно ненавистны и религін и человечеству. Смѣть думать, что Богъ

и природа дадутъ свое благословеніе индѣйцамъ, убійцамъ, дикимъ каннибаламъ, которые терзаютъ, убиваютъ, жарятъ и пожираютъ, въ буквальномъ значеніи пожираютъ, изуродованные трупы своихъ жертвъ : такія правила оскорбляютъ весь нашъ понятія о религіи, и всякое человеческое чувство! Они оскорбляютъ всякое чувство чести, и оскорбляютъ меня, защитника всякой честной войны, но врага варварства.

«Я обращаюсь къ вамъ, благочестивые служители алтаря, проповѣдники Евангелія, пастыри церквей нашихъ, и приглашаю васъ на священное дѣло : отомстите за оскорбленіе нашей религіи! Я взываю къ вашей мудрости и справедливости, просвѣщенные блюстители закона : будьте защитниками правосудія въ вашемъ отечествѣ! Я призываю васъ, епископы Англиканской Церкви, васъ образованные судьи: спасите насъ отъ такого оскверненія! Я обращаюсь къ вашей чести, милорды, къ уваженію, которое вы питаете къ памяти благородныхъ предковъ, и къ своему собственному достоинству; обращаюсь къ сердцамъ и челолюбію моихъ соотечественниковъ, и приглашаю ихъ отмстить за оскорбленіе народнаго характера. Безсмертный предокъ благороднаго джентельмена, почтенный лордъ, котораго изображеніе украшаетъ эти стѣны, съ негодованіемъ взираетъ на безчестіе, нанесенное родинѣ. Напрасно велъ онъ нашъ побѣдоносный флотъ на встрѣчу хвастливой испанской Армады, напрасно защищалъ и утверждалъ честь, независимость, религію этой страны противъ деспотической жестокости папъ и инквизиціи; то, что предлагаютъ намъ теперь, гораздо ужаснѣе всѣхъ неистовствъ и жестокостей инквизиціи : намъ предлагаютъ возбудить противъ нашихъ старыхъ знакомцевъ, друзей, родственниковъ безжалостныхъ каннибаловъ, которые жаждутъ упиться кровью мужчинъ, женщинъ, дѣтей! намъ совѣтуютъ послать дикихъ, язычниковъ, — противъ кого же? — противъ нашихъ братій протестантовъ; опустошать ихъ земли, раззорять жилища, истреблять ихъ самихъ, — и чѣмъ же? — алскими ищейными собаками! Мы укоряемъ Испанію, зачѣмъ она позволила себѣ губить индѣйцевъ охотничьими собаками, а сами, въ то же время, приобретаемъ къ этому алскому сред-

ству противъ нашихъ американскихъ братій, которые говорятъ однимъ языкомъ съ нами, имѣютъ одинаковыя законы, пользуются такою же образованностью, исповѣдуютъ одну религію. Милорды! этотъ священный предметъ, столь важный для нашей чести, нашей славы, нашей религіи, требуетъ самаго торжественнаго и глубокаго изслѣдованія. Милорды, я старъ и слабъ; больше я ничего сказать не въ состояніи, но мои чувства, мое негодованіе, были слишкомъ сильны: я не могъ ихъ скрывать. Я не уснулъ бы во всю эту ночь спокойно, если бы не далъ свободнаго изліянія гнѣву, возбужденному во мнѣ нелѣпыми, лютыми правилами, которыя вамъ здѣсь проповѣдуютъ.»

Правда, все это чрезвычайно краснорѣчиво. Къ несчастію, самый лучший другъ лорда Четема, лордъ Amherst, долженъ былъ противъ воли сознаться, что, по приказанію его же милости, лорда Четема, индѣйцы и собаки были употреблены въ канадской войнѣ противъ Европейцевъ.

Мы дошли теперь до послѣдней сцены жизни этого знаменитаго челоуька. Седьмого апрѣля, 1777 года, герцогъ Ричмондъ, который досель дѣйствовалъ за одно съ Четемомъ и всегда поддерживалъ его американскую политику, предложилъ поднести королю адрессъ, въ которомъ, исчисливъ всѣ издержки, потери, и военныя неудачи, палата убѣждала его величество отставить министровъ и отозвать свои войска изъ возставшихъ провинцій. Во всемъ этомъ адрессъ не было ни одного требованія, котораго бы самъ лордъ Четемъ нѣсколько разъ настоятельно не домогался; да кромѣ того и самое предложеніе было сдѣлано Ричмондомъ съ полною увѣренностью въ содѣйствіи со стороны Четема. Однако жъ ничего не бывало. Питтъ увидѣлъ, что такимъ образомъ Англія всё-таки признаетъ независимость Америки. Когда этотъ билль прислали къ нему для просмотра, онъ возвратилъ его Ричмонду при запискѣ, въ которой увѣдомлялъ, что, какъ мнѣнія ихъ относительно къ вопросу о независимости Америки совершенно различны, то онъ отчаявается привести дѣло къ желаемому окончанію; что, хотя онъ и боленъ теперь, однако жъ надѣется быть завтра въ городъ. На другой день онъ явился въ палату, въ послѣдній разъ.

Лордъ Четемъ вошелъ въ верхнюю палату, поддержи-
ваемый двумя своими друзьями; онъ былъ весь закутанъ въ
шаль, блѣдный и худой. Изъ-подъ его огромнаго парика
видѣлись только огромный носъ и проинзительные
глаза. Онъ былъ слабъ какъ умирающій, и явился какъ при-
виденіе. Онъ всталъ съ своего мѣста, медленно и съ боль-
шимъ трудомъ, опираясь на костыли и на руки своихъ
друзей. Одну руку онъ отнялъ отъ костыля, поднялъ ее
вверхъ, обратилъ взоръ къ небесамъ, и сказалъ: «Бла-
годарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силы прѣзхать сюда се-
годня, исполнить мой долгъ и сказать мое мнѣніе о пред-
метѣ, который произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я
старъ и боленъ; одной ногой стою въ могилѣ; но я всталъ
со смертнаго одра, чтобъ здѣсь защитить права моего оте-
чества, и говорить можетъ-быть въ послѣдній разъ.» Са-
мая глубокая тишина царствовала въ залѣ. Сначала онъ
говорилъ тихо и слабо, но, постоянно разгорячаясь, голосъ
его сдѣлался громкимъ и чрезвычайно гармоническимъ.
Онъ говорилъ необыкновенно краснорѣчиво и убедительно.

Проговоривъ нѣсколько времени, съ большимъ затрудне-
ніемъ онъ сѣлъ, совершенно обезсиленный; герцогъ Рач-
мондъ всталъ, чтобы отвѣчать ему. Покуда тотъ говорилъ,
лордъ Четемъ съ большимъ вниманіемъ слѣдовалъ за его
словами, и когда герцогъ кончилъ, онъ всталъ и хотѣлъ
возражать, но силы оставили его: онъ упалъ въ конвульсі-
яхъ на руки нѣсколькихъ церовъ и своего сына, который
случайно находился въ числѣ слушателей. Сначала его пе-
ренесли въ домъ Серджента въ Dowing-Street, а оттуда въ
Нанс, гдѣ онъ пролежалъ еще три дня; въ понедѣльникъ,
одиннадцатаго мая, онъ окончилъ свою славную жизнь.

Вечеромъ, въ тотъ же самый день, по предложенію до-
ковника Барге, прежде злѣйшаго врага, а потомъ вѣрнѣйша-
го союзника лорда Четема, нижняя палата опредѣлила сдѣ-
лать ему публичныя похороны на счетъ казны и воздвиг-
нуть мокументъ въ вестминстерскомъ аббатствѣ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ.

=

I.

Происхождение овецъ.

Овцы, разсыпанные по всему земному шару, представляют нынче безконечныя видоизмѣненія, происходящія однако жъ, по разысканіямъ естествоиспытателей, отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ, встречаемыхъ и теперь еще въ дикомъ состояніи въ разныхъ частяхъ свѣта. Замѣчательнѣйшая изъ дикихъ породъ — безъ сомнѣнія сардинскій муфлонъ (*Ovis montanus*), живущій на гористыхъ островахъ Средиземнаго моря, въ Корсикѣ, Сардиніи, Кандіи, на греческомъ материкѣ и на нѣкоторыхъ изъ его острововъ. Баранъ этой породы — длиною аршина въ полтора, вышиною около аршина; овца — немного меньше ростомъ. Цвѣтъ муфлона сѣро-красноватый съ чернымъ отливомъ, но уши, брюхо и задніе окорока бѣлые. Довольно большая голова его оканчивается горбатымъ носомъ; уши острыя,

весьма подвижныя. У барана два рога значительной величины, загнутые назад кольцомъ; овца муфлоновая только изрѣдка имѣетъ маленькіе рога. Подъ глазами у муфлона небольшія ямы. Отъ нижней части шеи, довольно толстой, идетъ внизъ на широкую грудь замѣтно выдающаяся складка кожи. Крѣпкое, мясистое, туловище оканчивается короткимъ, ~~выступающимъ~~ и загнутымъ внутрь хвостомъ. Замѣчительно, что это животное, кромѣ головы и ногъ, одѣтыхъ волосами, покрыто густою, тонкою, кудрявою шерстью, изъ которой во многихъ мѣстахъ выходятъ прямыя, длинныя и твердыя волосы, составляющіе особенное шаржиде покрывало; а подъ нимъ уже находится руно. Такое расположеніе волосъ и шерсти свойственно также испанскимъ мериносамъ, разумеется, съ тѣмъ различіемъ, что торчащихъ прямыхъ волосъ у нихъ меньше, а шерсти больше; по этому устройству руна, многіе считаютъ сардинскаго муфлона родоначальникомъ тонкорунныхъ овецъ.

Другая порода дикихъ овецъ, африканскій муфлонъ или аргали (*Ovis tragelaphus*), по сложенію тѣла сходна съ сардинскою, но немного меньше ея ростомъ и темнѣе цвѣтомъ. Шерсть африканскаго муфлона меньше кудрява, но довольно мягка. Подъ шеей у него длинная грива, а переднія колѣни окружены вислыми клочковатыми волосами; рога короче чѣмъ у его сардинскаго соплеменника, но шире; они загнуты назадъ и немного къ наружной сторонѣ, хотъ и не такъ кольцеобразно. У основанія, рога тѣсно сходятъ между собою. Это животное, встрѣчаемое въ варварійскихъ владѣніяхъ и въ Египтѣ, многими также почитается родоначальникомъ испанскихъ мериносовъ, на томъ основаніи, что мериносы, по историческимъ извѣстіямъ, первоначально привезены въ Испанію съ северныхъ береговъ Африки. Хотя такого происхожденія мериносовъ съ достовѣрностью доказать нельзя, однако нѣтъ ни какого сомнѣнія, что многія породы домашнихъ овецъ, отличающихся удивительнымъ разнообразіемъ, должны были произойти отъ этого животного:

Въ нашей Сибири тоже находится порода дикихъ овецъ, известная у естественныхъ испытателей подъ названіемъ сибирскаго аргали (*Ovis amon*); она, при большемъ сход-

ство съ африканскимъ, отличается тѣмъ, что покрыта почти одними прямыми волосами, и подобно другимъ севернымъ животнымъ, летнюю одежду, состоящую изъ короткихъ, серо-зеленоватыхъ волосъ, на зиму перемѣняетъ на густую шубу красно-сѣраго цвѣту. Сибирскій аргали сложеніемъ тѣла, нѣсколько похожъ на киргизскую овцу. Рога барана у основанія тѣсно сжаты между собою, какъ у африканскаго муфлона. Иногда встрѣчаются у него бѣлые пятна на бокахъ, но шиня проводитъ тѣмъ же ремень, брюхо короткошерстное бѣлое. По Гмеллину и Палласу, сибирскіе аргали живутъ обществомъ, небольшими стадами; они чрезвычайно боязливы и потому предпочитаютъ мѣста необитаемыя, пустынные, проводятъ лѣто въ долинахъ, а зиму же тамъ горныхъ скатамъ, которые облакены отъ лѣсу и не покрываются снѣгомъ. Жители охотятся за ними какъ за дичью.

На породу сибирскаго аргали очень похожа мѣстающаяся въ Америкѣ порода дикихъ овецъ, называемая американскимъ аргали (*Ovis orgali americana*); но она менно строинье и легче.

Эти дикія овцы, живущія преимущественно въ гористыхъ мѣстахъ, явятся обыкновенно въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ вѣснн ягненія, матки отдѣляются отъ оцелъ, и въ удивленіи принюсятъ по одному, рѣдко по два ягненка, которыхъ онѣ воспитываютъ вслѣдствіе отъ барановъ. Во время ярости, бараны непрерывно между собою дерутся, какъ и наши домашніе бараны, и съ такимъ ожесточеніемъ, что часто сбиваютъ другъ другу рога, а самыя задельчидыя дерутся иногда даже до смерти.

Пойманныхъ старыхъ муфлоновъ трудно или вовсе невозможно приучить къ оседлой жизни, по привычкѣ ихъ дѣлать ружными бсомъ особеннаго затрудненія. Скоро они привыкаютъ выходить на пастбище вмѣстѣ съ домашними овцами и увязать свой дворъ, на которомъ ежедневне возвращаются отъ поля. Отъ овкованія муфлоновъ съ домашними овцами происходятъ дѣти, способныя къ дальнѣйшему различію между собою. Обстоятельство это явля доказываетъ, что домашняя овца только модифицированная лова, а не особенная порода, несмотря на значительное различіе между муфлономъ и некоторыми породами до-

машинных овецъ. Вообще вся тѣ животная, которые между собою не совокупаются вовсе, или отъ совокупленія не производятъ ни какого приплода, или наконецъ, производятъ бесплодныхъ дѣтей, принимаются за различные роды или, по-крайней-мѣрѣ, виды, не происходящіе одинъ отъ другаго, а созданные особо. Въ такихъ отношеніяхъ между собою находятся, на примѣръ, лошади и ослы, совокупающіеся между собою, но производящіе бесплодное потомство. Если же различія по наружному виду животнаго отъ совокупленія между собою производятъ дѣтей плодовитыхъ, способныхъ къ дальнѣйшему размноженію и произведенію плодовитаго потомства, то они принадлежатъ къ одному роду; измѣненія же въ ихъ формахъ должно считатьъ слѣдствіемъ случайныхъ причинъ. Вотъ почему весьма основательно принимаютъ, что муфлонъ и аргали, производящіе плодовитое потомство при совокупленіи со всеми существующими породами домашнихъ овецъ, несмотря на наружныя различія, составляютъ родоначальниковъ овечьей породы.

Значительная величина муфлона и цвѣтъ, различный отъ большей части домашнихъ овецъ, нисколько не ослабляютъ этого мнѣнія. Хотя домашнія овцы ростомъ вообще меньше муфлона, но есть между ними и такія породы, какъ въ Германіи «низеваля», а въ нашихъ степяхъ «киргизская», которыя въ величинѣ не уступаютъ дикимъ овцамъ. Впрочемъ, обмелченіе дикихъ животныхъ, послѣ перехода въ состояніе животныхъ ручныхъ, замѣтно и на другихъ родахъ домашняго скота, особенно на быкахъ, которые вообще значительно уступаютъ въ величинѣ своимъ одноплеменникамъ, въ дикомъ состояніи. Гораздо болѣе еще, чѣмъ ростъ, измѣняется цвѣтъ животныхъ, сдѣлавшихся домашними, что можно видѣть даже на птицахъ. Сверхъ-того, нѣтъ сомнѣнія, что промышленность много способствовала разведенію овецъ преимущественно бѣлаго цвѣту, оттого что она предпочтительно выбирала на племя овецъ, имѣющихъ бѣлую шерсть, способную принимать всякую краску. Впрочемъ, въ нашемъ холодномъ климатѣ, мы ежегодно имѣемъ случай убѣдиться, что цвѣта нѣкоторыхъ, даже въ дикомъ состояніи водящихся, животныхъ, какъ на примѣръ зайцовъ, оле-

вей, перемѣняются по временамъ года, переходя къ зимѣ изъ рыжеватаго или темнаго въ бѣлый. Таковую же перемѣну въ цвѣтъ, по временамъ года, претерпѣваетъ и сибирскій аргали.

Не менѣе ничтожны придирки нѣкоторыхъ овцеводовъ насчетъ роговъ и хвостовъ домашней овцы, отличающихся величиною и видомъ отъ роговъ муфлона. Кому не извѣстно, что рога многихъ породъ самыхъ домашнихъ овецъ весьма различны между собою, имѣя совершенно особенныя очертанія, которыми оны, по первому взгляду, могутъ быть отличены отъ другихъ. Такое же различіе, даже гораздо разительнѣйшее, замѣтно въ образованіи хвостовъ разныхъ породъ домашнихъ овецъ, изъ которыхъ нѣкоторыя снабжены короткими, маленькими, хвостиками, другія длинными, съ лишнимъ числомъ позвонковъ, и наконецъ у многихъ, особенно у азійскихъ, породъ, эта часть тѣла бываетъ необыкновенно большаго размѣру, вмѣщая въ себя до пуда одного сала. Подобное образованіе хвоста всякой можетъ видѣть на пригонныхъ киргизскихъ овцахъ, которыя вообще съ перваго взгляду совершенно отличаются отъ простыхъ русскихъ овецъ.

Самое сильное доказательство противъ происхожденія домашнихъ овецъ отъ муфлоновъ, противники этого мнѣнія находили въ различіи шерсти. Конечно, если поставить рядомъ рыжеватаго сибирскаго аргали, одѣтаго въ шубу изъ жесткихъ, длинныхъ волосъ, съ отборнымъ электоральнымъ бараномъ, покрытымъ шелковистымъ руномъ изъ мелко-волнистой, кудрявой, бѣлой шерсти, то не трудно подумать, что между этими двумя животными не можетъ существовать ни какого родства. Но надобно вспомнить, что мериносы составляютъ высокую степень усовершенствованной овечьей породы, достигнутую исподоволь, черезъ рядъ постепенныхъ преобразованій, видимыхъ и нынче еще на различныхъ существующихъ породахъ.

Тогда уже не зачѣмъ отвергать этого родства, а можно только удивиться искусству, которое произвело такое чудо. Различныя степени этого преобразованія становятся понятныя, если рядомъ съ муфлономъ поставить киргизскую овцу, потомъ возлѣ нея помѣстить русскую, а уже послѣ

этой шлепке и наконецъ мериноса. Кудрявая шерсть длинныхъ породъ постепенно дѣлалась тоньше и мягче вѣсть съ переходомъ овецъ въ осыдае состояніе, способствующее вѣжности кожи, которая съ своей стороны имѣетъ главное вліяніе на качество шерсти. Обстоятельство это доказывается особенно тѣмъ, что самый тонкорунный мериносъ, постоянно подверженный вліянію очень суроваго или очень жаркаго климату, теряетъ шелковолнистое образованіе шерсти, которая замѣщается волосами грубыми, жесткими, почти прямыми, какъ это видно на нашихъ простыхъ овцахъ, проводящихъ зиму на дворѣ, и на перемѣщенныхъ въ жаркій поясъ мериносахъ. Отъ двухъ крайностей температуры, кожа овецъ подвергается такой перемѣнѣ, что производитъ прямую и жесткую шерсть. Очевидно стало-быть, что если шерсть, при вѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ преобразоваться въ волосы, то и волосъ того же животнаго, способный къ принятію кудряваго, волнистаго образованія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, безъсомнѣнія можетъ снова приобрести свойственное себѣ основное качество. Сверхъ-того, такое же почти разительное различіе, какое существуетъ между шерстью муфлона и мериноса, оказывается между рунами мериноса и русской овцы; а между-тѣмъ никто не станетъ оспаривать видоваго родства между этими двумя животными.

Кромѣ плодовитаго потомства, происходящаго отъ сокупленія муфлона съ домашними овцами, кромѣ одинаковой формы головы, одинаковаго образа жизни въ обществахъ, кромѣ пугливаго характера, свойственнаго дикой и домашней овцѣ, и того же вкуса мяса и сала, свидѣтельствуетъ еще о видовомъ тождествѣ обѣихъ породъ одинъ и тотъ же голосъ, свойственный всѣмъ породамъ овецъ какъ и муфлону, и называемый бляніемъ. Если голосъ данъ животнымъ на то, чтобы они могли переключаться, и по знакомому звуку сближаться между собою, то одинаковый голосъ, свойственный двумъ животнымъ, хоть бы съ виду различнымъ, доказываетъ ближайшее племенное родство между ними. Придавая различнаго рода животныхъ одинаковый голосъ, природа не достигла бы своей цѣли, потому что сближеніе разнородныхъ звѣрей подавало бы поводъ

къ въѣвшимъ беспорядкамъ и разладитъ, которые она вездѣ устраниваетъ съ такою легкостью. По этому вѣтъ сомнѣнн, что муфлонъ и домашнн овцы, не исключая и меринбсовъ, способные одинаково блять, непременно составляютъ одинъ и тотъ же видъ, отличаясь между собою только по влннню различныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находятся.

Овца принадлежитъ къ млекопитающимъ животнымъ, жующимъ жвачку, съ раздвоенными копытами, и составляетъ особый родъ, различный отъ козьяго, съ которыми нѣкоторые естествоиспытатели хотѣли-было его соединить. Новѣйшн писатели, однако жъ, рѣшительно раздѣлили эти двѣ породы, основываясь на различномъ устройствѣ головы и роговъ, на столчемъ хвостѣ и бородѣ козъ и на рѣзко различающемся характерѣ обѣихъ породъ. Но важнѣйшее доказательство ихъ различнн состоитъ въ томъ, что баранъ никогда не совокупается съ козами, а овцы допускаютъ къ себѣ козла тогда только, когда ему удается побѣдить ихъ насилемъ. Бываетъ ли совокупленн такое плодовито или вѣтъ, о томъ мнѣнн наблюдателей до-сихъ-поръ не согласны, зотя нѣкоторые положительно допускаютъ существованн такихъ ублюдковъ, соединяющихъ будто бы въ себѣ качества обѣихъ родовъ.

Какъ весь другн животнн, жующн жвачку, овца одарѣна четырьмя желудками, изъ которыхъ два принимаютъ въ себя поглощаемы травы и другую растительную пищу, размигчаютъ ее и обращаютъ въ комья, которые въ такомъ видѣ выдавливаются черезъ пищепрнемное горло обратно въ ротъ, отуда вторично пережеванная пища опять поглощается и проводится поочередно въ остальные два желудка, гдѣ совершается окончательное пищеваренн. Въ этомъ сложномъ снарядѣ поглощаемая трава претерпѣваетъ постепенное измѣненн въ своемъ составѣ; смягчаясь отъ примѣси желудочнаго соку при теплотѣ тѣла; только послѣ вторичнаго пережеванн и переходу черезъ все четыре желудка, пища дѣлается способною къ дальнѣйшему всасыванн и уподобленн или превращенн въ животнн части.

Продолговатая голова овцы велика въ сравненн съ туловищемъ; она суживается къ мордѣ, которая округлена,

и получает неуклюжій видъ отъ горбатаго носу. Уши средней величины, остры и торчатъ въ сторону или немного висятъ. Бороды и слезной ямки, свойственныхъ козьему роду, у овецъ нѣтъ. Въ верхней челюсти у нихъ вовсе нѣтъ переднихъ зубовъ: ихъ мѣсто занимаетъ довольно твердый, моволыстый, рубецъ; въ нижней же челюсти находится осемь рѣзцовъ, расположенныхъ плотно одинъ подлѣ другаго, и составляющихъ верхними краями своими дугообразную, къ серединѣ выпуклую, линію. Начиная со втораго году, передніе зубы вываливаются каждый годъ попарно, и замащаются другими. Главныхъ зубовъ или мловъ нѣтъ у овецъ; коренныхъ же въ каждой челюсти по шести; они на верхнихъ краяхъ особеннаго, какъ бы листоватаго, устройства. Рога, свойственные вообще только барану, на поверхности шероховаты, морщинисты, довольно широки и внутри дупловаты; они улиткообразно загнуты назадъ и немного въ сторону, а потомъ впередъ; иногда и у овецъ опадаются рога, но они малы и похожи на козьи. Встрѣчаются однако жъ и безрогіе бараны. Туловище у нихъ неуклюжее; оно оканчивается хвостомъ различной длины, часто весьма уродливымъ, но всегда вислячимъ. Ноги тонки и даже въ верхней части мало мясисты. Копыты длинныя, такъ сказать лапчатые. Берцовыя кости сросшіяся между собою. Вымя; помѣщенное между задними ногами, оканчивается обыкновенно только двумя сосцами. Овцы носятъ отъ двадцати до двадцати двухъ недель и вообще рожаютъ по одному ягненку; двойни у нихъ однако жъ не рѣдкость, и даже свойственны некоторымъ породамъ низменныхъ странъ, обильныхъ кормомъ. Вообще овца предпочитаетъ высокія, сухія мѣста, и преимущественно питается коротенькими, молодыми травками, болѣе сухими нежели сочными, и молодыми листьями кустовъ; она чрезвычайно любитъ соль. Овцы робки и пугливы. Глупость овцы вошла въ пословицу, но не менѣе того она одарена хорошою памятью, такъ, что помнить мѣстности, и потому всегда находитъ свое обыкновенное пастбище, съ котораго безъ затрудненія возвращается къ своему двору.

II.

Различныя породы овецъ.

Отъ муфлоновъ произошли всѣ нынче существующія безчисленныя породы домашнихъ овецъ, начиная отъ киргизской и простой русской овцы, до благороднаго меринуса. Уже въ дикомъ состояніи видно между муфлонами довольно замѣтное различіе по странамъ, въ которыхъ они обитаютъ. Такъ у европейскаго муфлона, занимающаго умеренные климаты полуденной Европы и ея острововъ, мы находимъ кудрявую шерсть, хоть и низкаго достоинства, между-тѣмъ, какъ африканскіе и сибирскіе муфлоны, подверженные одинъ вліянію знойныхъ, сухихъ жаровъ, а другой сильному холоду, въ большую часть года покрыты вмѣсто руна почти прямыми волосами. Изъ этого обстоятельства уже можно заключить, что климатъ имѣетъ вліяніе на наружный видъ этихъ животныхъ и особенно на образованіе руна. Это заключеніе вполне подтверждается разнообразіемъ домашнихъ овецъ, которыя формами и качествами руна соответствуютъ тѣмъ обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовались. Климатъ, гористыя и низменныя мѣстности, съ различною степенью влажности, и большее или меньшее обиліе и разнообразіе корму, должны были своимъ постояннымъ вліяніемъ измѣнять формы овецъ и качества руна, особенно послѣ перехода въ состояніе домашнихъ животныхъ. Естественно, что подъ вѣковымъ вліяніемъ до безконечности разнообразныхъ вѣшнихъ обстоятельствъ, исподоволь совершались тѣ измѣненія, какія и нынче совершаются подъ нашими глазами при перемѣщеніи существующихъ породъ изъ однихъ странъ въ другія. Времени на такія измѣненія было достаточно, если вспомнить, что овцы, по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, всегда были спутницами человѣческаго рода, неразлучно оставались при немъ, и составляютъ вѣроятно самое старшее поколѣніе изъ домашнихъ животныхъ. Въ этомъ состояніи, образовавшіяся отъ случайныхъ обстоятельствъ видоизмѣненія должны были подвергаться множеству такихъ вліяній, которыя еще болѣе

разнообразили наружный видъ и шерсть овецъ. Главною причиною измененій можно принять случайное смѣшеніе породъ. Оно измѣняло до безконечности ростъ, наружный видъ тѣла и качества шерсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ всѣ попытки приводить эту нестроту племенъ въ какой-нибудь систематическій порядокъ. Напрасно думали раздѣлить всѣ породы овецъ на кудряво-шерстныхъ и прямо-шерстныхъ животныхъ, что съ перваго взгляду кажется весьма легко: впоследствии увидѣли, что при случайныхъ переселеніяхъ, шерсть измѣнялась, принимая, смотря по обстоятельствамъ, вмѣсто прямой кудрявую или волнистую форму, и на оборотъ. Вотъ почему качество шерсти не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для систематическаго раздѣленія породъ, хотя конечно классификація по образованію руна, какъ самой важной части для промышленности, соответствовала бы болѣе всего пользѣ систематическаго обзора. Дѣйствительно, если бы руны не подвергались измѣненіямъ отъ различныхъ наружныхъ обстоятельствъ, то они доставили бы лучшее основаніе для начертанія полной, понятной картины всѣхъ породъ. Подраздѣленіе ихъ по хвостамъ, на коротко-хвостыхъ, длинно-хвостыхъ и широкохвостыхъ, менѣе подвержено измѣненіямъ, но ровно ни къ чему не ведетъ, потому что различное образованіе хвостовъ не соединено съ определеннымъ образованіемъ руна и известнымъ качествомъ шерсти. Вотъ почему лучшіе овцеводы все оставили эти затѣи, а просто вычисляютъ и описываютъ различныя существующія породы по странамъ, въ которыхъ онѣ водятся. Не входя въ исчисленіе породъ, приводимое разными естествоиспытателями и относящееся болѣе къ наукѣ, познакомимся преимущественно съ тѣми изъ нихъ, которыя входятъ въ кругъ овцеводной промышленности и, касаясь овцеводства вообще, могутъ имѣть непосредственное или косвенное вліяніе на благосостояніе нашего отечества.

Ближе всѣхъ къ намъ неизмѣнная спутница нашихъ крестьянъ, простая русская или сѣверная овца (*Ovis aries septentrionalis*), презрѣнная овцеводами, отверженная неблагодарными сельскими хозяевами. Она водится по всему необъятному отечеству нашему, отъ сѣверныхъ сѣровъ до

восточной Персии, отъ Балтискаго Мора до отдаленныхъ предѣловъ Азіи. Она принадлежитъ къ самымъ простымъ породамъ, имѣетъ въ вышину вершковъ десять или двенадцать, а въ длину вершковъ осемнадцать; но имѣетъ съ тѣмъ безспорно занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ между овцами по красивому виду. Стройное туловище ея стоитъ на пропорціонально-тонкихъ ногахъ; шея тонкая, гладкая, безъ складокъ; голова кривая, довольно малая; носъ менее горбчатъ чѣмъ у другихъ породъ; морда сжуженая; острые уши стоятъ почти прямо; хвостъ коротокъ, не длиннѣе четырехъ вершковъ. Лобъ, морда, уши, брюхо и ноги голы или покрыты короткими, плотно прилегающими, гладкими волосами; остальные части тѣла покрыты грубою, довольно длинною, шерстью, которая виситъ большими отлогими волнами; она не очень жестка и годится только для простыхъ, грубыхъ издѣлій, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту на кафтаны; впрочемъ, между выдѣлываемыми изъ этой шерсти тканями попадаются и болѣе тонкія, гладкія, легкія, для лѣтнихъ женскихъ одеждъ. Цвѣтомъ наша овца болѣею частью бѣлая, часто однако жъ она бываетъ и чернаго цвѣту; другіе оттѣнки не встрѣчаются.

По крайнему сложенію и по привычкѣ, она, безъ крова, переноситъ самыя продолжительныя морозы нашей холодной зимы. Около Урала, она, говорятъ, крупнѣе и лучше шерстью чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; въ Сибири же мельче и руномъ хуже. Какъ вся породы овецъ, она любитъ возвышенныя, сухія настища, и подвергается болѣзнямъ на мокрыхъ, болотистыхъ мѣстахъ. Руно ея очень легко улучшается посредствомъ смѣшенія съ благородными тонкорунными породами; отъ этого смѣшенія произошли безчисленныя стада шдемокъ, покрывающихъ наши восточныя и южудевныя степи, и доставляющія хорошую шерсть, годную для выдѣлыванія среднихъ суконъ.

Къ этому разряду принадлежитъ и польская овца (*Ovis agries polonica*), которая водится въ западныхъ нашихъ губерніяхъ. Она немного крупнѣе русской и даетъ больше шерсти; но эта шерсть качествомъ не лучше нашей. Въ Царствѣ Польскомъ она почти уже не существуетъ: ее вы-

тѣснѣе тамъ повсемѣстно распространившіеся шлѣпки и чистые кровные меринсы.

Въ полуденныхъ губерніяхъ, кромѣ простой русской или сѣверной овцы, находится еще особенная, туземная порода, известная подъ названіемъ длинно-хвостой подольской овцы (*Ovis aries stansicola* или *longicauda*), которая водится тоже въ Таврической Области и Бессарабіи, подъ названіемъ крымской овцы. Она отличается отъ сѣверной своимъ длиннымъ, почти до земли достигающимъ, хвостомъ, который состоитъ изъ двадцати и болѣе позвонковъ, покрытыхъ густою шерстью, и оканчивается длиннымъ клочкомъ волосъ. Шерсть этой овцы, не превосходящая тониною нашу простую, довольно длинна и чрезвычайно бѣла, отчего и способна къ выдѣлкѣ бѣлыхъ суконъ, безъ предварительнаго приготовленія. Впрочемъ, попадаются черныя и сѣроватыя овцы этой породы. Изъ шкуръ новорожденныхъ ягнятъ приготавливаютъ сѣрые смушки, составляющіе выгодный предметъ внутренней и заграничной торговли.

Валлахская овца (*Ovis aries stepsiceros*), которая водится около нашихъ полуденныхъ губерній, въ Венгріи и на островѣ Кандіи, ростомъ гораздо больше сѣверной, но не превосходитъ ея качествомъ шерсти. Она отличается особенно тѣмъ отъ всѣхъ другихъ породъ, что одарена торчащими прямо въ верхъ рогами, завитыми наподобіе винта и свойственными какъ баранамъ, такъ и овцамъ, у которыхъ они впрочемъ поменьше. Эта порода особенно знаменита крепкимъ сложеніемъ и способностью откармливаться, причѣмъ животное получаетъ больше трехъ пудовъ вѣсу; она славится древностью, и получила названіе отъ Плинія Старшаго, который описываетъ ее въ своей Натуральной Исторіи.

Кромѣ этихъ породъ, которыя мало различаются формами тѣла и качествомъ шерсти отъ русской овцы, въ азіатскихъ владѣніяхъ нашихъ и по соседству находятся различныя, весьма замѣчательныя видоизмѣненія, поражающія странными, часто даже уродливыми, формами. Эти породы, свойственныя только Азіи, причисляются къ широкохвостымъ или жирно-хвостымъ овцамъ (*Ovis aries laticauda* или *platyura*). Собственно азіатскія породы вообще большаго роста и накаплиютъ чрезвычайно много сала въ

задних частях туловища; у нихъ горбатые носы и бодья вислѣя уши. Большіе рога барановъ завиты въ видѣ улитокъ; овцы же имѣютъ обыкновенно небольшіе спирально идущіе рога. Ноги длинныя, тонкія, оканчиваются большими копытами. Хвосты состоятъ изъ большой уродливой массы сала, различнаго виду, вдоль обыкновенно нежного раздвоенной; при основаніи хвосты покрыты волосами, въ концѣ же голы. Шерсть, болѣе заслуживающая названія волосъ, груба, почти пряма, на ощупь довольно мягка, и сплетъ въ густое, кочковатое руно. Изъ азіатскихъ породъ у насъ известны киргизская овца (*Ovis platyura Kirgisicum*), которая привозится стадами изъ восточныхъ степей для выдѣлыванія шубовъ и вытравливанія сала. Она великоросла и краснобурого цвѣту; впрочемъ попадаются и бѣлыя и черныя овцы; подъ шерстью у нихъ большею частью наросты въ видѣ грибовъ, вислѣце на длинныхъ, тонкихъ стебелькахъ, какъ у вошь. Часто у барановъ по четыре и по пяти рога. Уродливый, огромный хвостъ имѣетъ круглый видъ и часто вмѣщается въ себя до полу-пуда сала. Киргизская овца всю жизнь кочуетъ по тучнымъ пастбищамъ, и вовсе не знаетъ крыши, даже въ жестокия степныя зимы съ мятеллемъ. Она приноситъ по два и даже по три ягненка разомъ.

Кальмицкая овца (*Ovis platyura steatorpyga* или *ringiclavus*), по сложенію тѣла и по цвѣту, имѣетъ много сходства съ этою породой, но превосходитъ ее величиною, и достигаетъ въ полномъ возрастѣ до двухъ-сотъ фунтовъ вѣсу. По извѣстіямъ Палласа и Форстера, не только хвостъ ея состоитъ изъ большого куска сала, но и задніе окорока почти совершенно превращаются въ жирную массу, представляя два голыя, вовсе не покрытыя волосами или шерстью, полушарія. Уваряютъ, что это животное даетъ до пуда сала. Толстая шерсть его годится только для самыхъ грубыхъ тканей и войлоковъ. Шкура кальмицкой овцы составляетъ довольно порядочный, употребительный и цѣнный мехъ.

Въ соседствѣ съ этими овцами водятся весьма замѣчательныя тонкорунныя породы, бухарская (*Ovis platyura Bucharica*), кашемирская и тибетская (*Ovis platyura Kachemirica et Tibetana*), которыя также принадлежатъ къ

жирно-красный; шерсть становится, вследствие шерстяной преискожденности, тоньшею, меринскою; Бухарская овца вышнего качества снабжена двумя маленькими карестами; и пушистые волосы лежат на утибекашской, самой огромной овцы: жирно-красными, часто, но неудачно наблюдаемой, близость до нуда сала въ одномъ ягоди. Шерсть наземной и тибетской овецъ чрезвычайно тонка и шелковиста; она, по свидетельству очевидцевъ, употребляетсѣ даже для выдѣлыванія и вышиванья, дорогихъ посточныхъ шалей. По недостатку прямыхъ омытовъ, мы не знаемъ, обнаружатся ли превосходныя руна: этихъ замѣтныхъ породъ при переселеніи въ наши мѣста, но можетъ быть они когда нибудь вытѣснятъ самыхъ меринскихъ изъ еврейскаго селскаго хозяйства. Не мудрено, что при распространеніи предельно Россію, наши питомцы переселятъ въ Европу знаменитую кашемирскую овцу, которой на удивительнымъ качествамъ шерсти, можетъ быть, суждено совершить одиакъ такой же переворотъ въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, какой произошло всеобщее разведеніе меринскихъ.

Перидская овца (*Ovis agrie gibbosa*) сводитъ свое происхожденіе къ древнему и дикому племенѣ. Шерсть, покрытая черною, грубою, волнистою шерстью, и замѣтельна только по тѣрбу на спинѣ, придающему ей видъ маленькаго верблюда.

Западная Европа богата разными породами овецъ, занимающимъ важное мѣсто между произведеніями тамошняго сельскаго хозяйства. Многія изъ этихъ породъ, и частности шерсть, похожи на нашу пресловутую русскую овцу или едва ее превосходятъ; другія, однакожь, занимаютъ первое мѣсто между руновыми и вытѣсняютъ земнаго овца, какъ юппинскіе меринскіе и преискожденія отъ нихъ саркоискіе тонкорунныя овцы, которыя будутъ предметомъ особенной статьи; теперь мы взглянемъ только мимоходомъ на пресловутыя коренныя тамошнія породы и на нѣкоторыя изъ новыхъ племенъ, выведенныя отъ нихъ искусствомъ и заслуживающія вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Въ Германію туземная, простая, пресловутая овца (*Ovis agrie rusticus*), совершенно похожая на нашу, почти совершенно вытѣсняется и прератывается, отъ смѣшенія съ меринскими, въ

пшину различной доброты. Въ такомъ видѣ, какъ у насъ прародка гвирдальюнна, она встречается только на Ирландіи. Отъ нея произошли двѣ породы. Одна изъ нихъ, называемая овца (Ovis aries litoralis), находится преимущественно въ Голландіи, Голландіи и Нидерландахъ, и принадлежитъ къ самымъ большимъ породамъ; она достигаетъ въ вышину до аршина съ четвертью, а въ длину до двухъ аршинъ безъ четверти; окормленный малука въсѣтъ до семи пудовъ и больше. Шерсть этой овцы всегда прямая, большею частію грубая и очень длинная, вершиною до предъ съ половиною. Она производится отъ двухъ до четырехъ лядъ разомъ; водится только на низменныхъ, весьма плодородныхъ пастбищахъ, а при переселеніи въ другія, менѣе изобильныя, мѣста теряетъ ростъ. Диаметрально ей противоположна горная овца (Ovis aries montana), которая родема не выше полу-аршина, и окормленная въсѣтъ не больше двадцати семи фунтовъ. Она преимущественно подается около Люнебурга, на тамошнихъ бесплодныхъ, бѣдныхъ пастбищахъ, довольствуется такими травами, которыхъ не ѣтъ ни одна порода домашнихъ животныхъ, и зимою отъискиваетъ пищу свою подъ снѣгомъ. Шерсть ея весьма груба. Овца эта хороша еще и тѣмъ, что водится на такихъ пастбищахъ, на которыхъ каждая другая порода подумала бы отъ голоду.

Итальянскія овцы (Ovis aries italica), кроме педуанскихъ, не превосходятъ добротой рунъ нашей русской овцы, а педуанскія доставляютъ такую шерсть, какую наши степныя пшбныя средней руки. Неаполитанскія и пиемонтскія овцы носятъ грубое руну низкаго достоинства; онѣ ведутъ такую же вочесную жизнь, какъ испанскіе меринсы, переходя на лѣто въ горы, а на зиму въ теплыя равнины.

Коренныя французскія породы овецъ вообще низкаго достоинства, но по-немногу улучшаются посредствомъ смѣшенія съ меринсами. Замѣчательнѣйшая изъ тамошнихъ тонкорунныхъ породъ испанскаго происхожденія, рамбулетская, отличается ростомъ; шерсть ея тонкою значительно ступаетъ саксонской.

Замѣчательны многочисленныя породы англійскихъ овецъ (Ovis aries Anglica). Отличаясь съ давняго времени на попри-

цель сельского хозяйства и особенно скотоводства всякого рода, Англичане обращали отъёмное внимание между прочимъ на улучшение своихъ овецъ, но не съ тѣмъ чтобы возвысить качество ихъ шерсти. Цель англійскихъ овцеводовъ состояла въ томъ, чтобы образовать такихъ овецъ, которыя при наименьшемъ количествѣ корму производили бы въ самое короткое время наибольшее количество мяса и сала, и имѣли бы кости сколько-можно меньшаго вѣсу. Здѣсь количество шерсти составляетъ второстепенный предметъ. Какъ искусные скотоводы, преслѣдующіе каждую предположенную цель съ упорствомъ, преодолевающимъ вся затрудненія, Англичане образовали до пятнадцати различныхъ породъ мясоносящихъ овецъ, изъ которыхъ каждая отличается своими достоинствами. Въ некоторыхъ породахъ большое количество мяса соединено и съ большимъ количествомъ шерсти. Почти вся эти породы безъ роговъ, большею частью бѣлаго цвѣту, и покрыты рунами весьма различной доброты, которыя состоятъ вообще изъ прямой, гребенной шерсти, большей или меньшей длины. Сюда принадлежатъ :

Динлейская или, по имени своего образователя Баквела, баквелевская овца. Эта порода отличается кругловатымъ, бочкообразнымъ туловищемъ, почти одного размѣру во всѣ стороны, широкою, прямою спиною, чрезвычайно малою головою, тонкими костями, нѣжною кожею и большимъ количествомъ особенно вкуснаго мяса. Она откармливается скорѣе всѣхъ другихъ породъ и требуетъ меньше корму; двухъ-лѣтній откармленный валухъ - даётъ около трехъ пудовъ мяса. Но кромѣ того, динлейская порода имѣетъ еще то преимущество, что взрослыя животныя даютъ кругомъ по девяти фунтовъ прямой, довольно тонкой шерсти, которая длиною бываетъ отъ пяти съ половиною до осьми вершковъ.

Выше баквелевской породы считается соутонская, которая меньше ростомъ, но въ сравненіи съ величиною, даётъ столько же мяса. Шерсть ея коротка, но очень тонка, шелковиста и бѣла; кругомъ считается не больше двухъ съ половиною фунтовъ съ каждой овцы. Эта порода удивительно крепка, безъ вреда подвергается сильному холоду и жару. Главное досто-

ОПИУМЪ,

АНГЛІЯ — КИТАЙ.

Никогда, можетъ-быть, Англія не обрисовывалась рѣзче въ своемъ торгово-политическомъ характерѣ какъ въ прошломъ году, когда она готова была предпринять двѣ войны въ двухъ частяхъ свѣта за чисто мескотильныя ссоры, одну съ Неаполемъ за сѣру, другую съ Китаемъ за опиумъ. Къ счастью, сѣрное дѣло уладилось безъ кровопролитія, но, говоря языкомъ англійскихъ политиковъ, «опійный вопросъ», или «опійный кризисъ», поведетъ, какъ кажется, къ чрезвычайно важнымъ результатамъ для исторіи: все зависитъ нынче отъ твердости и рѣшимости полководцевъ, которымъ поручена одна изъ самыхъ необычайныхъ экспедицій, о какихъ только упоминають лѣтописи народовъ. Потрясеніе огромной имперіи и владычества Маньчжуровъ, новый ходъ дѣлъ, новая эпоха въ просвѣщеніи и торговлѣ Азіи, могутъ быть слѣдствіемъ удачи, такъ же какъ ничто истинно комическое — слѣдствіемъ слабыхъ и неуспѣшныхъ дѣйствій.

Въ такую минуту, многимъ, конечно, будетъ пріятно имѣть очеркъ происшествій, которыя дали первый поводъ къ ссорѣ двухъ, «цѣлымъ свѣтомъ раздѣленныхъ», державъ, самой западной и самой восточной. Дѣло, какъ извѣстно, стало изъ-за опиума, товару, очень соблазнительнаго для сластолюбивыхъ Китайцевъ, и который Англичане доставляли имъ въ видѣ контрабанды, вопреки всемъ запрещеніямъ мѣстнаго правительства. Въ Англіи вышло по этому случаю множество книгъ и брошюръ: мы представимъ краткое обозрѣніе ихъ содержанія.

Нѣкто мистеръ Thelwall, върный названію своей книжки, которая называется — «Злодѣянія торговли опиумомъ».

находятъ въ этой торговлѣ такую бездну злодѣяній, iniquities, со стороны своихъ соотечественниковъ, что волосы его становятся дыбомъ; напротивъ-того мистеръ Waggen, со всею ловкостью адвоката, доказываетъ въ своемъ « Опиномъ вопросѣ », 'The Opium question, что ввозить потихоньку это наркотическое снадобье въ Китай совершенно добродѣтельно и законно, и что нушцы, потерпѣвшіе убытокъ по случаю прекращенія Китайцами контрабанды опиума, имѣютъ право на вознагражденіе отъ великобританской публики. Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ «The Opium crisis», мистеръ King, какъ Американецъ, опять бранитъ Англичанъ. Одинъ безъименный писатель, въ сочиненіи «Pro et contra по опиному вопросу», поперечиво представляетъ столько доказательствъ въ пользу и противъ Англичанъ и Китайцевъ, что обѣ стороны, выходятъ, совершенно правы; прочіе, съ большаго или меньшаго пристрастіемъ и знаніемъ дѣла, рассказываютъ только исторію ссоры; а незнакомый сочинитель «Проекта объ удовлетворительномъ примиреніи двухъ государствъ» предлагаетъ *сжечь Кантонъ и прѣло шти на Пекинъ*.

Не входя въ постороннюю для насъ полемику англійскихъ публицистовъ, мы выберемъ изъ нея только факты, которые любопытнѣе прочихъ въ настоящемъ случаѣ.

Всѣмъ извѣстно, что опиумъ находится въ значительномъ употребленіи въ Турціи и во многихъ азіатскихъ земляхъ, особенно въ Индіи, не столько въ видѣ лекарства, сколько въ качествѣ увеселительнаго или утѣшительнаго средства. Употребленіе его въ малыхъ приемахъ услаждаетъ тамъ горесть несчастливца и бѣдника. Въ большихъ, оно, какъ извѣстно, становится чрезвычайно вреднымъ; а надобно знать, что несчастливцы почти всегда отъ малыхъ приемовъ постепенно переходятъ къ большимъ. Китайцы въ прежнія времена не знали опиуму: это доказывается между прочимъ и отсутствіемъ имени ему, въ ихъ языкѣ: они называютъ его теперь словомъ, принятымъ на Востокъ, *афюмъ*. Опиумъ былъ привезенъ къ нимъ въ первый разъ, какъ кажется, въ осьмомъ или въ девятомъ столѣтіи, Аравитянами, которые тогда вели значительную торговлю съ Китаемъ; но до се-

вѣдшихъ времянь его употребляли только какъ лекарственное средство. Наконецъ познакомились и съ возбуждательнымъ качествомъ его. Китайцы, у которыхъ нѣтъ другихъ напитковъ кромѣ чаю да негодной рисовой или просиной водки, не могли устоять противъ искушенія, и вкусъ къ опиуму распространился по всему Поднебесному Государству, требованія возрастали, привозъ, въ началѣ незнаятельный, увеличивался съ удивительной быстротой: въ 1837 году, по показанію господина Кинга, Остъ-индская Компанія ввезла въ Китай уже 20,000 ящиковъ опиуму, и получила барыша двѣнадцать милліоновъ рупій, то есть, слишкомъ 7,500,000 рублей серебромъ.

Между-тѣмъ китайское правительство, которое, по официальной философіи Конфуція, вѣчно разсуждаетъ въ казенныхъ бумагахъ о безконечномъ совершенствованіи человечества и коренномъ возрожденіи его природы въ первобытной чистотѣ, но, по слабости сказанной природы, любитъ взятки и само готово утѣшать себя въ горь опиумомъ, замѣчая вредъ, происходящій отъ его употребленія, съ одной стороны безпрестанно издавало противъ него запретительные указы, съ другой смотрѣю сквозь пальцы на открытій привозъ этого снадобья, котораго часть переходила всегда въ кладовыя мандариновъ въ видѣ «подарочковъ». Самый старшій указъ о томъ относится къ 1796 году, въ царствованіе Дзя-дзина, или Кіа-кинга. По силѣ этого указа, всякой, за кѣмъ замѣтять употребленіе опиуму, имѣетъ быть положенъ у позорнаго столба и битъ бамбукомъ по пяткамъ нещадно, а продавецъ и производитель этой контрабанды должны подвергнуться еще большему наказанію. Въ другихъ указахъ повторялось то же, а въ повелѣніи 1833 года была еще яснѣе опредѣлена мѣра наказанія. «Покупателямъ и потребителямъ опиуму, по зрѣлому соображенію, опредѣляемъ въ наказаніе по сту ударовъ бамбукомъ, и сверхъ-того виновный долженъ проносить два мѣсяца деревянную колодку. Они обязаны объявить имя продавца, чтобы начальство могло задержать и наказать его; если же кто не объявитъ, то, какъ участникъ въ преступленіи, подвергается вторично такому же числу ударовъ и ссылается на три года. Мандарины и ихъ подчиненные, въ случаѣ покушки и употребленія

опіуму, наказываются однимъ градусомъ строже, по уставу; а правителямъ областей вменяемъ въ обязанность смотреть, чтобы въ ихъ вѣдомствахъ не было людей, употребляющихъ это поганое снадобье.»

Этотъ указъ имѣлъ такое же дѣйствіе какъ всѣ китайскіе указы: для примѣру, мандарины высѣкли публично нѣсколькихъ бѣдьяковъ, а сами продолжали брать «подарочки» и пропускать контрабанду.

Съ того времени, изъ Пекина, при всякой перемѣнѣ министерства, приходили въ Кантонъ новые указы, которыми свѣжіе сановники, для показанія своего усердія, спѣшили запрещать торговлю опіумомъ подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія. Усердіе ихъ продолжалось обыкновенно до полученія «подарочка» изъ Кантона, и грозные указы оставались безъ дѣйствія, по мнимой невозможности ихъ исполнить. Контрабандисты, учредивъ складку товару на ~~бортѣ~~ въ Линьтинѣ, беспрепятственно провозили опіумъ оттуда въ Кантонъ, а изъ Кантона онъ расходился по всей имперіи. Мандаринъ Хеу-найды, страшный бентамистъ, въ поданной императору, въ 1839 году, запискѣ, писалъ слѣдующее о порядкѣ ввозу опіуму: «У острова Линьтиня всегда стоятъ семь или восемь великихъ какъ горы кораблей, нагруженныхъ опіумомъ, а въ Кантонъ есть особенное сословіе людей, которое занимается маклерствомъ по торговлѣ москотильными товарами: отъ этихъ людей западные иностранцы, торгующіе опіумомъ въ Поднебесь, получаютъ деньги, и выдаютъ имъ ерлыки, по которымъ товаръ отпускается съ великихъ кораблей. Для перевозу его на берегъ употребляются большія лодки, извѣстныя у простаго народу подъ названіями морскихъ пауковъ и драконовъ. Онѣ беспрепятственно ходятъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, вооружены пушками и другими страшными снарядами, и снабжены каждая двадцатью, или болѣе, отчаянными гребцами, которые дѣйствуютъ весломъ такъ ловко какъ птица крыльями. У нихъ подкуплены всѣ таможенныя и военныя начальства, управляющіе приказами, мимо которыхъ они проходятъ; а если имъ случится встрѣтить одно изъ судовъ, развѣзжающихъ для надзору, и это судно не знаетъ дѣла, то

они смѣло вступають съ нимъ въ бой, и такія схватки всегда оканчиваются смертью нѣсколькихъ человекъ.»

Этотъ формальный доносъ ясно показываетъ, что употребленіе опиума было чрезвычайно сильно между Китайцами и что торговля производилась почти открыто. Господинъ Lindsay, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ — «Справедлива ли война съ Китаемъ?» — увѣряетъ, что, съ 1821 году до принятія китайскимъ правительствомъ послѣднихъ рѣшительныхъ мѣръ, дѣйствительно никто и не думалъ скрывать, что продаетъ или куритъ опиумъ. «Въ это время говоритъ онъ, было у Кантонцевъ отъ тридцати до сорока большихъ лодокъ, для контрабанднаго торгу. Онъ среди бѣлаго дня развѣзжали взадъ и впередъ по рѣкѣ, не обращая на себя ничего вниманія, и преспокойно проходили мимо карауловъ и крейсерскихъ судовъ. Прогулки по водѣ составляютъ любимое развлеченіе кантонскихъ жителей: мы имѣли нѣсколько прекрасныхъ шести-весельныхъ яликовъ, и обыкновенно, часа въ четыре по-полудни, отправлялись кататься: намъ очень часто встрѣчались эти лодки, потому что онъ вообще около того времени приходили въ Кантонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отправлялись прямо внутрь государства съ разными иностранными товарами для двора, и потому были подъ казеннымъ флагомъ: онъ избавлялъ ихъ отъ всякихъ досмотровъ и розысковъ, а между-тѣмъ каждая лодка провозила по нѣскольку сотъ ящиковъ опиума, которымъ снабжались прибрежные города.»

Далѣе, господинъ Линдсе пишетъ, что не только всѣ кантонскіе чиновники промышляли контрабандной торговлею опиумомъ, но и самъ губернаторъ принималъ въ ней дѣятельное участіе.

«Кантонскій губернаторъ очень заботился о введеніи благоустройства въ этой промышленности, и способъ, придуманный имъ, былъ довольно оригиналенъ. Онъ велѣлъ построить четыре огромные пятидесяти-весельные бота, далъ имъ свой воеводскій флагъ, и безъ церемоніи отправлялъ на нихъ опиумъ подъ надзоромъ своего сына. Весь Кантонъ восхищался этою превосходной выдумкой; дома были оклеены презабавными эпиграмами на губернатора, на его четыре

бота и его достойнаго сына : губернаторъ, какъ умный человекъ, читалъ ихъ и смѣялся со всѣмъ Кантономъ.»

По словамъ того же господина Лийдсе, годовая прибыль, которую получали китайскіе чиновники отъ торговли опиумомъ, простиралась до двухъ милліоновъ рублей серебромъ: эта сумма равдѣлялась дружески между губернаторомъ, адмираломъ и ихъ подчиненными. Не мудрено, послѣ этого, что, несмотря на всѣ пекинскіе указы, человѣческая природа не возрождалась въ первобытной чистотѣ, и что между тѣмъ употребленіе опиума разпространялось больше и больше и вредъ становился ощутительнѣе.

«Опиумъ, говоритъ самъ жестокій мистеръ Тельвелль, который торговлю имъ называетъ «аждянніемъ»: опиумъ, не только открыто привозится, но и открыто продается во всѣхъ частяхъ китайской имперіи. Несмотря на запрещеніе, лавки такъ же наполнены имъ, какъ въ Англіи шинки наполнены водкой. Бамбуковая рѣшетка, повыпенная передъ дверьми, служитъ эмблематическою вывѣскою этимъ вертемамъ, и манитъ къ себѣ несчастныхъ рабовъ невоодержанія. За ней всегда гнѣздится толпа людей всякаго званія, отъ изнѣженнаго и богатаго чиновника до презрѣннаго бродяги. Никто не таитъ своей жалкой страсти, и сами полицейскіе, публично негодуя на такой явный развратъ, въ частной жизни поощряютъ его собственнымъ примѣромъ или, по-крайней-мѣрѣ, допускаютъ, изъ видовъ корыстолюбія.»

Впрочемъ должно замѣтить, что мистеръ Тельвелль, желалъ бы, кажется, объявить крестовый походъ противъ опиума, и чуть ли онъ не преувеличиваетъ фактовъ. На его глаза, все народонаселеніе Китая состоитъ изъ заматерѣлыхъ курильщиковъ опиума, горькихъ пьяницъ, существъ безнравственныхъ и хворыхъ, которыя совершенно погрязли въ бдственной страсти къ *афзюну* и гибнутъ отъ яду, разрушающаго душу и тѣло. Но, во-первыхъ, рассказъ его основанъ на словахъ одного методистскаго миссіонера, который съ своей стороны положился на увѣренія какого-то ханжи Американца, а ханжа говорилъ можетъ-быть изъ зависти къ Англичанамъ, наживающимъ большія деньги отъ про-

даже опиуму въ Китаѣ; во-вторыхъ, чиновники посольствъ лорда Меккарти и лорда Амгерста, проехавшіе Китайъ отъ Пекина до Кантона, господинъ Medhurst, который осмотрѣлъ весь берегъ отъ Кантона до мыса Шань-дунъ, и сэръ Джонъ Barrow, который издалъ свое путешествіе, отнюдь не рассказываютъ такихъ ужасовъ, о какихъ упоминаетъ добродѣтельный мистеръ Тельвелль. Можно еще привести въ доказательство слова брошюры «О причинахъ разрыву съ Китаемъ», изложенныхъ въ письмѣ къ лорду Пальмерстону отъ одного Англичанина, живущаго на мѣстѣ.

«Въ Кантонѣ, говоритъ онъ, считается отъ осьми сотъ тысячъ до милліона человекъ жителей; но я не помню, чтобы мнѣ случилось видѣть на здѣшнихъ многочисленныхъ улицахъ такіа хворыя и искаженныя лица, какія поминутно встрѣчаются въ Лондонѣ. Говорятъ о множествѣ опійныхъ лавокъ, о *вертепахъ разврату*, какъ нѣкоторые называютъ ихъ; но, вѣрно, эти вертепы обладаютъ чудеснымъ свойствомъ быть невидимыми для публики. Одни только шинки, гдѣ продаютъ водку, попадаются здѣсь на каждомъ шагѣ и, безобразя видъ богатыхъ зданій, оскорбляютъ слухъ и зрѣніе прохожаго отвратительными картинами и рѣчами, которыя видны и слышны сквозь двери. Бывало, люди, посѣщающіе подобныя заведенія, при выходѣ оттуда, оглядывались кругомъ, не примѣчаетъ ли кто за ними; но теперь и эта предосторожность оставлена: мужчины и женщины, въ опрятномъ платьѣ и въ лохмотьяхъ, идутъ туда и выходятъ назадъ безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти.»

Съ другой стороны, однако жъ, и эта защитительная рѣчь не заслуживаетъ безусловной довѣренности: почтеннымъ кунцамъ, снабжавшимъ Китайъ опиумомъ, очень естественно желаніе доказать, будто ихъ промыселъ не наносилъ никому ни какого вреда. Можетъ-статься, шинки, въ которыхъ, по словамъ сочинителя письма къ лорду Пальмерстону, продается водка, тѣ же самыя лавки съ опиумомъ, о которыхъ говоритъ мистеръ Тельвелль, во сочинитель письма не хотѣлъ замѣтить этого. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ спору, что употребленіе опиума въ Китаѣ было

сильно и вредно, и въ политическомъ и нравственномъ отноше-
 нии: китайское правительство не даромъ же издавало
 столько строгихъ указовъ, которые, при укореившейся
 страсти и при корыстопобии исполнителей, не производили
 ни какого дѣйствія!

Наконецъ, въ 1836 году, мандаринъ Хеу-найды, помощ-
 никъ председателя палаты жертвоприношеній, представилъ
 китайскому императору записку, о которой мы уже говорили:
 послѣ длиннаго разсужденія о томъ, что хотя употребленіе
 опиума отнимаетъ время, разстраиваетъ здоровье, сокра-
 щаетъ жизнь, препятствуетъ возрожденію человѣческой
 природы, и прочая, и прочая, однако жъ трудно отъ него
 воздержаться, потому что, сдѣлавъ привычку, нельзя уже
 не употреблять его, и прочая, и прочая, помощникъ пред-
 седателя предлагаетъ такое средство: какъ зла искоренить
 не возможно и всякая строгость въ этомъ отноше-
 ніи только вводитъ кунцовъ въ незаконную торговлю, безъ прибы-
 ли для казны, то не лучше ли будетъ обложить опиумъ пош-
 линной, въ которой откроется по-крайней-мѣрѣ новый источ-
 никъ государственнаго дохода? Въ подтвержденіе своей
 мысли Хеу-найды ссылается на прежнія времена, когда опи-
 умъ не былъ запрещенъ къ привозу, но подлежалъ пош-
 лины и получался на вымѣнъ чаю и другихъ китайскихъ това-
 ровъ. Что касается до вреда, который можетъ произойти
 отъ дозволенія явно привозить опасное снадобье, то Хеу-
 найды совѣтуетъ издать постановленіе, чтобы «всякій чи-
 новникъ, кандидатъ на чиновное званіе, и военный офицеръ,
 уличенный въ употребленіи опиума, лишаемъ былъ права
 на должности, безъ дальнѣйшаго наказанія.»

Мысль китайскаго политико-эконома не совсѣмъ неосно-
 вательна: если бы ее привели въ исполненіе, то казна Под-
 небесной Имперіи точно получила бы огромную прибыль,
 и между-тѣмъ на службѣ не было бы неблагонадежныхъ
 людей, преданныхъ опиуму. Но Хеу-найды упустилъ изъ
 виду, что народонаселеніе государства состоитъ, не изъ
 однихъ служащихъ, не изъ однихъ чиновниковъ, вѣдда-
 товъ на чины и офицеровъ: есть еще народъ, о которомъ
 тоже стоило подумать.

Издавъ же эти записки, записка его была послана отъ Крыльца, то есть, отъ имени императора, безъ ведѣннхъ замѣчаній, къ правителю Кантона, а тотъ съ своей стороны рассудилъ, что молчаливое государство значитъ совершенное согласіе на предложенную мѣру. Вслѣдствіе того, иностранные купцы, пребывающіе въ Кантонѣ, распорядились объ усиленіи выработки опиума на маковыхъ плантаціяхъ въ Остѣ-Индіи, и ввозу его въ Китай, а губернаторъ принялъ самыя мудрыя мѣры насчетъ того, какъ бы удобнѣе новую повинну раздѣлить безъ обиды между своимъ карманомъ и сундукомъ казначейства. Но губернаторъ и купцы ошиблись: въ концѣ того же 1836 года пришли отъ Крыльца въ Кантонъ еще двѣ записки, поданныя императору, въ которыхъ излагалась теорія совершенно противная совѣтамъ Хеу-найды. Одна изъ этихъ записокъ принадлежала Джу-дзуну, члену палаты церемоній и государственнаго совѣта. Она, въ китайскомъ родѣ, написана мастерски. Джу-дзунъ начинаетъ разсужденіемъ, что ежели зло существуетъ, то надобно искоренять его, чтобы ускорить возрожденіе человѣческой природы; потомъ говоритъ онъ о святости законовъ, и, исчисливъ всѣ указы, изданные противъ торговли опиумомъ, настаиваетъ, чтобы прежнія предписанія были исполняемы во всей точности. «Законы, удерживающіе народъ отъ дурныхъ поступковъ, пишетъ онъ, можно уподобить плотинамъ, удерживающей наводненіе. Если, повѣривъ доказательствамъ, будто плотина по ветхости не приноситъ пользы, мы разрушимъ ее, то вода разольется и ни какими словами нельзя будетъ описать ужасныхъ послѣдствій. А между-тѣмъ въ провинціяхъ думаютъ, будто запрещеніе ввозу опиума хуже закона, который бы дозволялъ его. Денно и ночью я размышляю объ этомъ, и не могу постигнуть основательности такого мнѣнія.» Далѣе, Джу-дзунъ, какъ-бы осмѣивая заботливость Хеу-найды объ однихъ чиновникахъ, кандидатахъ и офицерахъ, входитъ въ разсужденія о вредности опиума для простаго народа. Вышшемъ нѣсколько строкъ изъ этого мѣста.

«Употребленіе опиума, если разсматривать предметъ только со стороны раворительности, еще не весьма важное дѣло; но ежели притомъ вспомнить, какъ онъ вреденъ нрав-

ственности народу, то это для привилегии совсемъ другой оборотъ и заслуживаетъ подлагае вниманію читателя, потому что народъ — основаніе государства. Конечно, человекъ не есть животное, однако жъ ущербъ правосудія можетъ вознаграждаться новыми барынями; обидѣнный можетъ разбогатѣть: но на какихъ искусствахъ, на какихъ средствахъ, нельзя изцѣлить народу, зараженнаго властолюбіемъ.»

Говоря о западныхъ иностранцахъ, торгующихъ опиумомъ, Джу-дзунъ указываетъ особенно на *Инкин*, Англичанъ, которые, по его мнѣнію, принадлежать къ племени *Хунь-моу*, Рыжихъ инородцевъ, данниковъ Китая, и ввозятъ опиумъ въ вѣчную державу нарочно съ тѣмъ умысломъ, чтобъ воспрепятствовать возрожденію человеческой природы въ первобытномъ совершенствѣ и ослабить Поднебесную Имперію. Джу-дзунъ предостерегаетъ этихъ опасныхъ инородцевъ, что «ежели они дерзнуть долѣе оказывать наглое сопротивленіе законамъ Сыновъ Неба, то правительство Поднебесья принуждено будетъ, оставивъ всякое снисхожденіе, направить въ нихъ пламенные громы своихъ великихъ пушекъ, такъ, что они затрепещутъ передъ китайскимъ оружіемъ. «Вообще съ Рыжими инородцами, приходящими къ намъ издалека, надобно держаться слѣдующаго правила: сначала употреблять убѣжденія, ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ границъ церемоній, и не предаваться жестокостямъ; но если окажется нужнымъ прибѣгнуть къ оружію, то дѣйствовать рѣшительно, сильно, непобѣдимо, чтобы презрѣнный врагъ не могъ подумать, будто его боятся.»

Такъ разсуждали китайскіе публицисты, которые — народъ, право, не глухой, и въ октябрь того же года пришли въ Кантонъ именное богдоханское повелѣніе, въ которомъ уже прямо было сказано, что «опиумъ производитъ губительное вліяніе на государство», и поставилось въ обязанность областнымъ властямъ «ловить, какъ суда, на которыхъ онъ продается, такъ и всѣхъ прикосновенныхъ къ этой противозаконной торговлѣ». Въ то же время даны строжайшія приказанія объ удаленіи изъ Китая тайныхъ воззателей опиуму; но это трудно было исполнить: подъ разными предлогами купцы компаніи Хунъ (*Hong*) умѣли задержать от-

правление изгнанниковъ съ ихъ кораблями въ продолженіи всего 1837 года. Кантонское начальство, чувствуя необходимость сдѣлать что-нибудь для виду по строгимъ предписаніямъ, приходящимъ изъ Пекина, приняло нѣкоторыя наружныя мѣры, въ томъ числѣ, запретило всякое сообщеніе между городомъ и островомъ Линьтинемъ. Но запрещеніе это было пустое слово: опиумъ расходился по-прежнему, и не одна тысяча ящиковъ проскользнула въ кантонскую гавань Вампо, гдѣ стоятъ европейскіе корабли, а оттуда и въ иностранныя факторіи. Это продолжалось до сентября 1838 : десять тысячъ ящиковъ ввезено съ явнымъ нарушеніемъ богдоханскаго указа. Наконецъ, въ сентябрь, или около того времени, сдѣлано, для виду, нѣсколько помоекъ контрабанды, съ кровопролитными драками, которыя потомъ нерѣдко повторялись до декабря мѣсяца, какъ вдругъ одинъ Англичанинъ былъ схваченъ съ помичнымъ, при провозѣ опиума, въ какой-то иностранной конторѣ. Тутъ уже объявлено рѣшительное и всеобщее запрещеніе торговли опиумомъ. Губернаторъ хотѣлъ доказать свое усердіе : онъ радъ былъ взвалить по крайней-мѣрѣ половину вины на « Рыжихъ инородцевъ»; за другую половину долженъ былъ отвѣчать кто-нибудь изъ Китайцевъ. Одинъ купецъ изъ компаніи Хунъ, прикосновенный къ преступленію Англичанина, былъ отправленъ съ деревянной колодкой на шею въ Вампо; и прочіе члены компаніи сами принялись хлопотать о высылкѣ виновнаго иностранца за границу, лишь бы спасти его и себя отъ дѣлнѣйшихъ опасностей.

Въ то же время кантонскій правитель разсудилъ еще, для виду, казнить смертью одного Китайца, продававшаго опиумъ, и на замѣчаніе, сдѣланное палатою торговли, отвѣчалъ, что казнь его есть горестное слѣдствіе пагубной торговли, производимой коварными иностранцами. Американецъ Кингъ, рассказывая объ этой казни, пускается въ самыя филантропическія выходки противъ Англичанъ, которые, пишетъ онъ, поселяютъ развратъ въ народъ и приносятъ бѣдныхъ Китайцевъ въ жертву своему корыстолюбію. Судя по жару, съ какимъ почтенный республиканецъ говоритъ объ этомъ, подумаешь, будто соотечественники его ни

душой ни тѣломъ не причастны къ торговлѣ опиумомъ; а между-тѣмъ очевидцы увѣряютъ противное. «За исключеніемъ одного или двухъ, говоритъ господинъ Линдсе, всѣ американскіе торговые дома въ Китаѣ участвуютъ въ торговлѣ опиумомъ. На Линьтинѣ есть особенное складочное мѣсто для опиума, принадлежащаго Американцамъ. Въ числѣ шестидесяти аманатовъ, находится хозяинъ одной самой почетной американской фирмы.»

Какъ бы то ни было, несчастный Китаецъ былъ повѣшенъ для *про-формы*, на площади, и, спустя два мѣсяца, другой такой же бѣдняга, по приказанію губернатора, умеръ отъ руки палача передъ домами Европейцевъ, которымъ на этотъ разъ не удалось прогнать исполнителя казни на лобное мѣсто. Сверхъ-того получено было извѣстіе, что глубокой политико-экономъ Хеу-найды, который предлагалъ установить пошлину съ опиума, за свое несообразное мнѣніе сосланъ къ границамъ Маньчжуріи и пониженъ въ чинъ. Все показывало, что приближается важный переворотъ.

Посреди такихъ обстоятельствъ кончился послѣдній мѣсяцъ 1838 года. Слѣдующій начался прокламаціей, что «черезъ нѣсколько дней будетъ приведенъ въ дѣйствіе новый и строгій законъ противъ запрещенной торговли», и что «сыны Поднебесья призываются къ защитѣ своей отчизны отъ предѣсти и коварства Рыжихъ инородцевъ.» За нею послѣвовала вторая прокламація: объявлено, что въ Кантонъ пріѣдетъ комиссаръ, снабженный обширною властью и строгѣйшими предписаніями, и пріиметь мѣры къ искорененію зла; и настоятельное воззваніе обращалось къ иностранцамъ, чтобъ они послушались добраго слова и такимъ образомъ предохранили себя отъ большихъ бѣдствій. Но, ни между контрабандистами, ни на корабляхъ, ни въ самой торговлѣ опиумомъ, не было примѣтно ни какой особенной перемены; все шло прежнимъ порядкомъ, всякой зналъ, что губернаторъ дѣлаетъ это только для виду, для показанія своего усердія; пріѣзду комиссара не вѣрили, и какъ чудесная сила взятокъ извѣстна во всемъ Китаѣ, то даже и не опасались слѣдствій этого пріѣзду, если бы онъ и оправ-

дался. Но кажется, что на этотъ годъ безпорочные восторжествовали въ Пекинѣ : комиссаръ действительно отъ самаго Крыльца прѣхалъ въ Кантонъ въ мартѣ. Въ первую недѣлю пребыванія своего въ Кантонѣ, этотъ сновникъ, но имени Линь, ограничился допросами и розысками; все были изумлены разнообразіемъ и точностью свѣдѣній, которыя онъ привезъ съ собою. Линь объявилъ между прочимъ, что Тма лъть (императоръ) отпуская его, поклонился со слезами, что пусть онъ, Тма лъть, не встрѣтитъ на небесахъ ни отца ни дѣда своего, ежели не выведетъ зловреднаго опиума въ Поднебесье.

Затѣмъ, отъ комиссара была издана повѣстка, чтобы весь опиумъ, находящій на корабляхъ, выданъ былъ правительству. Комиссаръ присовокуплялъ, что торгующіе этимъ товаромъ должны втеченіи трехъ дней дать подписку въ томъ, что впредь не стануть ввозить его, и что тотъ, кто ослушается, будетъ лишень права торговли, задержанъ и строго наказанъ. Въ то же время объявленъ выговоръ купцамъ компаніи Хунъ, и возложена на нихъ отвѣтственность за неповиновеніе иностранцевъ, подъ оцѣненіемъ примѣрнаго наказанія.

Эти распоряженія, какъ громовый ударъ, поразили главныхъ торговцевъ. Назначенные три дня прошли, и ничего не было сдѣлано. Комиссаръ разсердился. Купцы, испугавшись, предлагали ему «подарочекъ» въ тысячу тридцать шесть ящиковъ опиума, желая этимъ пожертвованіемъ отдѣлаться отъ дальнѣйшей бѣды; но, къ удивленію всего Кантона, Линь не принялъ взятки, и такъ разсердился за это предложеніе, что потребовалъ къ себѣ Англичанина Дента, главнаго промышленника опиумомъ. Люди, посланные за Дентомъ, увѣряли его, что комиссаръ хочетъ только съ нимъ повидаться да объясниться; но трусь контрабандистъ, вмѣсто того чтобы итти и какъ-нибудь приклонить Линя на дружескую сдѣлку, отвѣчалъ, что онъ не пойдетъ, ежели комиссаръ не пришлетъ ему безопасной грамоты, за своей печатью. Эта неучтивость ускорила великій переворотъ, тѣмъ болѣе что и суперъ-интендантъ англійской факторіи, капитанъ Эллиотъ, въ то же время сдѣлалъ

неожидательный промахъ : пошелъ самъ къ Лянь и раздалъ себя въ домъ, подъ свою защиту. Китайская полиція получила, будто Ръжикъ и народцы хотятъ скрыться, и уведомила о томъ своихъ начальниковъ : поднялся шумъ ; дома европейскихъ купцовъ были окружены и заперты, и сами они подверглись строжайшему домашнему аресту. На другой день, двадцать-пятого марта, капитанъ Эллиотъ написалъ къ кантонскому губернатору отношеніе о выдачѣ паспортовъ всемъ Англичанамъ и английскимъ кораблямъ, находящимся въ Кантонъ; но тотъ отказалъ, а комиссаръ Лянь издалъ отъ себя новое повелѣніе, чтобы весь опіумъ былъ немедленно сданъ съ кораблей китайскимъ чиновникамъ, и на слѣдующій день онъ подтвердилъ это двумя дополнительными предписаніями, въ которыхъ объявлялъ, между прочимъ, если требованіе его будетъ исполнено, ходатайствовать у Тмы лэть объ оказаніи милости Ръжикомъ. Капитанъ Эллиотъ увидѣлъ свою неосторожность, но уже было поздно : получивъ послѣднее Лянево предписаніе, онъ отвѣчалъ, что воля его превосходительства, господина комиссара, исполнится во всей точности: Въ самомъ дѣлѣ, опіумъ былъ свезенъ съ кораблей и сложенъ въ назначенномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Чи-дзяна, или Тигра, откуда побросали его въ воду. У сочинителей брошюръ возникаетъ тутъ прежаркое преніе : одни утверждаютъ, что Китайцы точно бросали опіумъ въ рѣку, по триста ящиковъ въ сутки, что составляетъ, въ продолженіи двадцати двухъ сутокъ, шесть тысячъ шесть сотъ ящиковъ, и въ справедливости этого факта они ссылаются на кантонскія газеты и на частныя письма; другіе говорятъ, напротивъ, будто опіумъ, по крайней мѣрѣ большею частью, былъ брошенъ, не въ рѣку, а въ карманъ безпорядка комиссара Ляня. Статскіе можетъ ; но дѣло въ томъ, что опіиный переворотъ совершился, великая жертва прищесена, Англичане лишились довару, который они цѣнятъ почти въ осемнадцать миліоновъ рублей серебромъ, и торговли, которая приноситъ имъ ежегодной прибыли до тридцати миліоновъ рублей серебромъ. Между-тѣмъ комиссаръ Лянь, недовольный этою жертвой, по личной ненависти къ Ръжикомъ, усугубилъ свои строгости. Нѣсколько часовъ, частію Китайскіе,

често иностранцевъ, были наказаны смертью, обреченныя убиты, казнены, рты, какъ въ китайской комедіи, поперекъ имъ заштопы, и сольюю. Капитанъ Эллиотъ шарастью затрундился за своихъ соотечественниковъ: зять въпалъ, не только изъ Кантона, но даже еще Миско, где они жили подъ покровительствомъ дружественной державы, Португаліи. Мужчины, женщины, дѣти, все въ безъ разбору, precisely было немедленно удалено на английскіе корабли, гдѣ и безъ-того уже было тѣсно и поладно. Наконецъ и самъ капитанъ Эллиотъ выкачалъ изъ Кантона. Английскіе корабли бросили якорь въ Жуль-гуанъ. Отырлись непріятельскія дѣйствія: Англичане, безъ объявленія войны, бѣжнровали Кантонъ. Китайцы съ своей стороны одержали верхъ надъ двумя ихъ военными судами, и наконецъ возгорѣлась война, которая теперь занимаетъ политиковъ.

Пекинское министерство испугалось однако жъ, какъ кажется, послѣдствій своей строгости, и вѣроятно оно-то и поручило комиссару Линю написать отъ своего имени письмо къ английской королеви, которое недавно всѣ читади въ газетахъ. Въ этомъ письмѣ Линь излагалъ королеви обиды, нанесенныя Китаю противозаконными поступками ея подданныхъ, и уговаривалъ къ примиренію. Поступокъ Линя, вмѣсто сближенія обихъ сторонъ, раздражилъ еще болѣе Англичанъ: народная гордость ихъ была затронута; капитанъ Эллиотъ не принялъ письма, потому что оно было отъ мандарина и адресовано «Пресвѣтлѣйшей царицѣ *Рыжихъ инородцевъ*», а содержаніе этого посланія, ходившаго по рукамъ въ Кантонъ и написаннаго высокопарнымъ китайскимъ слогомъ, возбудило общее негодованіе между Англичанами на дерзость Китайцевъ.

Приведемъ теперь мнѣніе одного публициста о сущности самой войны:

«До сихъ-поръ не видно еще настоящаго *sans balli*: по справедливому международному праву тутъ нѣтъ достаточной причины къ войнѣ. Но нашимъ политическимъ обычаямъ, английскаго правительства могло бы, ни сколько не унекая своего достоинства, терпѣливымъ и охужденіемъ погубить капитана Эллиота и противозаконнаго торгу опіумомъ, при-

и вводящихся: контрабандистами, устранить вселенный ввозъ въ несогласіи и вступить въ переговоры о прекращеніи на будущее время подобныхъ неведовъ къ недоразумѣніямъ между двумя державами. Итъ сомнѣнія, что китайское правительство имѣетъ неоспоримое право называть у себя: такия законы, какіе ему заблагоразсудится; англійскіе подданные, торгующіе въ его землѣ, обязаны имъ повиноваться, и по общему международному праву, и по частнымъ договорамъ между Великобританіей и Китаемъ: они не повиновались, смѣло, и даже дерзко, вели въ огромномъ размѣрѣ запрещенный торгъ съ китайскими подданными, оказали сопротивленіе мѣстнымъ властямъ при исполненіи ими закона, къ сопротивленію этому не были уполномочены своимъ правительствомъ, напротивъ, сами произвольно вызвали противъ себя насильственные мѣры; следовательно, въ нравственно-политическомъ отношеніи, война для отмщенія обиды, нанесенной горсти контрабандистовъ и самоуправному начальнику купечества, носитъ на себѣ, по европейскимъ понятіямъ, разительный характеръ несправедливости. Напрасно защитники войны приводятъ въ ея пользу свое главное доказательство, состоящее въ томъ, будто-бы китайское правительство, долгое время безпрещатственно допуская открытій ввозъ запрещеннаго товару, потеряло право называть его контрабандою; будто-бы оно своими послабленіями само поощрило развитіе незаконной торговли опиумомъ и, следовательно, принявъ вдругъ строгія мѣры къ прекращенію его, обязано вознаградить англійскихъ подданныхъ за убытки: такой аргументъ, принятый иныче въ Англии за неопровержимый, ни сколько не уменьшаетъ коренной несправедливости рѣшенія дѣла вооруженною рукою. Изъ исторіи этого несогласія (составленной здѣсь по точному содержанію обнародованныхъ въ Англии официальныхъ документовъ и по частнымъ полемическимъ сочиненіямъ), видно, что пекинское правительство съ давняго времени не переставало издавать запретительныя постановленія противъ употребленія и ввозу опиума; но что эти постановленія не приводились въ исполненіе, въ Кантонѣ, по шлохости взятокъ, которыми Англичане обличили китайское сердце мѣстныхъ правителей и идъ мѣста

решить. Если было лихоимство, то оно было обоемъ, тѣмъ которые давали взятки, знали, что они даютъ ихъ за противозаконное дѣло; знали это такъ же хорошо, какъ и тѣ которые брали. Такимъ образомъ искорененіе контрабандной торговли было слѣдствіемъ, не умышленного ослабленія со стороны индійскаго правительства, но безправственности англійскихъ кунцовъ, которые подкупали его чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы эти чиновники не исполняли закона. Однимъ словомъ, справедливости войны нельзя оправдать ни какими доводами, извлеченными изъ сущности ссоры, и *casus belli* долженъ заключаться, не тутъ, а въ другомъ какомъ-нибудь обстоятельстве, которое для Англій можетъ-быть поважнѣ нравственныхъ уваженій.»

Въ самомъ дѣлѣ, онъ заключается въ финансовой сторонѣ вопросу. Кто бы ни былъ причиною страшнаго развитія контрабандной торговли опиумомъ, дѣло въ томъ, что это развитіе произвело земледѣльческій и промышленный переворотъ въ Индіи. Она почти вся засѣяна теперь макомъ; лучшія поля обращены въ плантанціи этого растенія для выдѣлки опиуму, котораго годъ отъ году требовалось болѣе и болѣе для Китайцевъ. Однимъ опиумомъ Остъ-индская Компанія платила Китаю за весь чай, ежегодно получаемый ею для Англій и для западной Европы въ исполинскомъ количествѣ цѣлаго *милліона пудовъ*; а монополія чайной торговли, предоставленная компаніи, приносила великобританскому казначейству *девятисто милліоновъ* рублей ассигнаціями пошрины. По вычисленію *Quarterly Review*, съ 1833 по 1838 годъ, средній ввозъ чаю въ Англій простирался ежегодно до 37,827,774 англійскихъ фунтовъ, которые больше нашихъ, и казна ежегодно получала пошрины съ этой статьи до 3,830,000 фунтовъ стерлинговъ. Потеря девятиста милліоновъ рублей годоваго дохода, разореніе Индіи, превращенной въ огромный маковый огорокъ, и неминуемый упадокъ остъ-индскихъ доходовъ, вотъ три важныя статьи, за которыя стоить труда подратъся на краю свѣта, что бы ни подало поводъ къ дракъ и какого бы мнѣнія ни была теорія международнаго права о подобной войнѣ. Опіумъ, какъ вы видите, тѣсно связанъ съ величай-

иными дѣлами всемірной политики и судьба его интересна не для однихъ только аптекарей. Чѣмъ бы ни кончилась нынѣшняя англійская экспедиція, это злобредное снадобье будетъ еще играть важную роль въ исторіи человечества: рано-ли поздно-ли, оно сдѣлается причиною важныхъ переворотовъ на Востоку, и мы, конечно, справедливо избрали его здѣсь предметомъ историческаго обозрѣнія.

=

РАФАЭЛЬ.

Суевѣрный и плохой толкователь мнимыхъ чудесъ животнаго магнетизма написалъ объ искусствѣ весьма умную и занимательную книгу, которая должна обратитьъ на себя вниманіе и художниковъ и любителей художествъ. Мы говоримъ о докторѣ Пассаванѣ и его книгѣ «Рафаэль Урбинскій, и отецъ его, Джованни Санти».

Втеченіи болѣе двухъ столѣтій всякое сказаніе о жизни и произведеніяхъ Рафаэля было почерпнуемо, съ болѣе или менѣе важными измѣненіями, изъ умныхъ и занимательныхъ разсказовъ Вазари. Слишкомъ несправедливо было бы приписывать это лѣности писателей, которые послѣ него занимались тѣмъ же предметомъ. Всѣ лучшіе критики нашего времени, не извиняя ошибокъ флорентинскаго біографа, единогласно признають, что, по вѣрности замѣчаній, наивности слогу и занимательности подробностей, книга Вазари — такое сочиненіе, послѣ котораго мудрено написать что-нибудь лучше. Біографы италіянскихъ живописцевъ, писавшіе въ последнее столѣтіе, болѣею частію, открыли не много новыхъ фактовъ. Сюда относятся біографіи Рафаэля, написанныя Дуппою, Брауномъ и Катрмеромъ де-Кенси. Впрочемъ, до Пассавана, лучшею книгою въ этомъ родѣ былъ италіянскій переводъ сочиненія Катрмера, изданный со множествомъ примѣчаній.

Первый томъ біографіи Корреджіо, изданной Пунджилеони, въ 1817 году, доказалъ, что изъ монастырскихъ кладовыхъ и архивовъ можно извлечь многіе важные матеріалы для исторіи художествъ. Этотъ трудолюбивый писатель также усильно занялся, въ Урбино, изысканіями о

Джованни Санти, отецъ Рафаэля, и о жизни самого знаменитаго живописца. Но чувствуя можетъ-быть, что въ біографіи Корреджіо, ему не удалось съ критическою отчетливостію изложить своего предмету, Пунджилеони ограничился изданіемъ двухъ небольшихъ брошюръ о результатахъ своихъ послѣднихъ изслѣдованій, и то болѣе въ видѣ матеріаловъ для будущихъ біографій.

Примѣру Пунджилеони послѣдовалъ Руморъ. Въ двухъ первыхъ томахъ его *Italiänische Forschungen*, вкратцѣ изложена исторія переворотовъ, происшедшихъ въ искусствѣ, во времена варварства, и разсказана жизнь нѣкоторыхъ живописцевъ флорентинской, сіенской и умбрійской школъ. Третій томъ посвященъ исключительно Рафаэлю и его современникамъ. Къ несчастію, жизнь этого художника описана слишкомъ коротко, потому что авторъ пересталъ держаться той методы, которой онъ съ такимъ трудомъ слѣдовалъ въ первыхъ двухъ томахъ своего сочиненія.

Какъ критикъ, докторъ Пассаванъ, можетъ-быть, ниже Румора; его прекрасно составленная книга *, стоившая огромныхъ трудовъ, могла быть гораздо полнѣе, но, въ цѣломъ, это сочиненіе соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства Румора: точность въ изслѣдованіяхъ, отчетливость въ описаніяхъ, болѣе практическій взглядъ на искусство и осторожность въ заключеніяхъ, превосходитъ все, что дондѣсь было издано въ этомъ родѣ. Второй томъ—самая полезная часть трудовъ Пассавана, и можетъ служить образцомъ будущимъ компиляторамъ. Она состоитъ изъ каталога произведеній Рафаэля, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ. При описаніи каждой картины показано, въ какой галерей или коллекціи она находится, если только это извѣстно; затѣмъ слѣдуетъ реестръ рисунковъ и эскизовъ: они описаны такимъ же образомъ какъ и картины. Далѣе, помещено исчисленіе гравюръ и лучшихъ копій. Во второмъ каталогѣ заключается списокъ картинъ, которыя, или ошибочно приписываются Рафаэлю, или исполнены, съ рисунковъ этого художника, его учениками и подражателями.

* Raphael von Urbino und sein Vater Giovanni Santi. Von J. D. Passavant. In zwei Theilen, mit vierzehn Abbildungen. Leipzig. 1839.

Третій каталогъ назначенъ единственно для рисунковъ, и расположенъ по государствамъ, гдѣ находятся коллекціи. Тутъ же, списокъ старинныхъ гравюръ съ картинъ Рафаэля, и наконецъ, весь промаведенія живописца, расположенныя по предметамъ. Въ концѣ книги находится указатель для обонхъ томовъ. Біографія, собственно, занимаетъ около половины перваго тома; остальное наполнено примѣчаніями, документами и выписками.

— Докторъ Пассаванъ прежде всего обращаетъ вниманіе на значеніе урбинскаго герцогства въ политическомъ и общественномъ отношеніи. Въ то время когда Рафаэль началъ свое понрище, этимъ небольшимъ, но богатымъ государствомъ управлялъ герцогъ Гондебальдо II, сынъ и наследникъ герцога Федерико де-Монтефельтро; храбрые урбинскіе граждане со славою сражались подъ предводительствомъ своихъ государей; словомъ, урбинское герцогство играло уже важную роль въ политикѣ Италіи, когда Флоренція еще ниче- го не значила. Очевидно, что тосканскій писатель только по духу народной гордости не упоминаетъ ни сколько о прошедшей славы сосѣдняго государства, но не понятно, какъ другіе біографы, писавшіе гораздо позже Вазари, выпустили изъ виду обстоятельства, которыми была окружена юность Рафаэля, между-тѣмъ какъ эти обстоятельства, не только имѣли большое вліяніе на образованіе его вкуса, но и сблизили его почти со всеми знаменитыми людьми того времени, и притомъ многіе изъ нихъ, когда Рафаэль былъ уже въ Римѣ, оказали ему важныя услуги.

Такая невнимательность тѣмъ болѣе удивительна, что почти всѣ біографы, говоря о другихъ урбинскихъ художникахъ, никогда не забываютъ сказать чего-нибудь о славы Умбріи. Беллори, напримѣръ, описывая жизнь архитектора Барроччо, котораго онъ полагаетъ потомкомъ скульптора того же имени, служившаго при дворѣ герцога Федерико, рассказываетъ, что «Федерико Фельтрио, герцогъ урбинскій, бывшій въ свое время свѣтиломъ Италіи, построилъ, въ Урбино, великолѣпный дворецъ, который считался тогда лучшимъ архитектурнымъ произведеніемъ въ цѣлой Италіи. Герцогъ превосходно отдалъ его внутри

и снаружи, но главное украшение дворца составило собрание античных мраморов и бронз, картинная галерея и библиотека лучших и редких книг». Очевидно, что это описание списано, почти слово въ слово, съ начала Кастилионова Cortegiano, гдѣ авторъ, говоря объ урбинской коллекціи, называетъ ее un infinita di statue antiche di marmo e di bronzo. Впослѣдствіи эти образцы древней скульптуры, вмѣстѣ съ герцогскою бібліотекою, были перенесены въ Римъ и теперь находятся въ Ватиканѣ.

Вліяніе классическихъ памятниковъ искусства на живопись, въ первую эпоху ея существованія почти вовсе упущено изъ виду всеми прежними писателями, между-тѣмъ какъ, и въ младенчествѣ и при постепенномъ развитіи искусства, это вліяніе хотя и не совсѣмъ явственно, однако не мнѣе того дѣйствительно существовало. Тѣ, которые, подобно Германцамъ, строго отдѣляютъ классическій стиль отъ христіанскаго, вовсе не обращаютъ вниманія на этотъ важный вопросъ, и утверждаютъ, будто-бы въ Италіи искусства развились и существовали всегда независимо отъ вліянія языческихъ памятниковъ. Доказывать противное было бы излишнее. Довольно замѣтить, что почти въ каждомъ италіанскомъ городѣ, гораздо прежде чѣмъ въ Римѣ начали составлять коллекціи античныхъ произведеній скульптуры. Коллекція статуй въ Пизѣ, школа Скварцоне, въ Падуѣ, сады Медичи во Флоренціи, и урбанская галерея, славились своими антиками, когда еще сокровища Рима лежали погребенными въ землѣ. Педжіо Браччоллини, который тратилъ огромныя суммы, чтобъ привезти съ востока во Флоренцію нѣкоторые образчики скульптуры, въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія насчитывалъ въ Римѣ только шесть оригинальныхъ древнихъ статуй.

Что разсказъ Беллори о великолѣпнн урбинскаго дворца нисколько не преувеличенъ, это вполне доказывается и архитектурою дворцовъ въ Урбино и Губбіо, и свидѣтельствомъ современныхъ историковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательнъ Джованни Санти, отецъ Рафаэля, который въ своей рукописной повѣсти, состоящей изъ двадцати трехъ книгъ in terze rime, и хранящейся въ Ватиканѣ, прославляетъ во-

нискія и гражданскія доблести герцога Федерико. Эта хроника, очень важная и важная въ историческомъ отношеніи, потому что оканчивается смертію героя поэмы, въ 1462 году, то есть, за годъ до рожденія Рафаэля, посвящена сыну и наследнику герцога Федерико, Гондольдо II. Въ посвященіи, Джованни Санти рассказываетъ, что онъ рано полюбилъ живопись, искусство, котораго «трудности, если къ нимъ присоединить еще и домашнія заботы, могутъ сдѣлаться слишкомъ тяжелымъ бременемъ даже для плечей Атласа». Изъ его выраженія, «я не стыжусь заниматься этимъ благороднымъ искусствомъ», и изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что онъ имѣлъ порядочное состояніе, можно съ достовѣрностью вывести заключеніе, что Джованни занимался живописью только ex amore. Главный предметъ стихотворенія — воинскіе подвиги и частная жизнь герцога Федерико; но всего интереснѣе въ этой книгѣ нѣкоторыя подробности о домашней жизни того времени. Смерть прекрасной графини Баттисты, умершей на двадцать-шестомъ году — одно изъ лучшихъ мѣстъ въ цѣлой поэмы. Достоинства этой очаровательной женщины были прославлены Бернардомъ Тассо. Будучи только двадцатилѣтъ отъ-ролу, она произнесла экспромтомъ приветственную рѣчь по-латыни, въ присутствіи папы Пія II и многихъ князей и посланниковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Миланъ. Узнавъ объ опасной болѣзни своей жены, графъ Баттиста оставилъ войска, которыми начальствовалъ онъ во Флоренціи, и успѣлъ пріѣхать въ Урбино, только за нѣсколько минутъ до ея кончины. Поэтъ описываетъ послѣднее прощаніе ея съ мужемъ и сыномъ, и заключаетъ эту печальную картину слѣдующими словами:

•Chiuso quel santo, onesto e grave ciglio,
Rendendo l'alma al ciel divotamente,
Libera e sciolta dal mondan periglio. •

Но болѣе всего замѣчательна хроника Джованни Санти тѣмъ, что онъ очень часто упоминаетъ въ ней о живописцахъ, скульпторахъ и архитекторахъ своего времени, жившихъ въ Урбино и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Принимая

въ основаніе замѣчанія Джованни Санти, подтвержденныя свидѣтельствомъ другихъ историковъ, и докуменны, извлеченныя изъ мраку монастырскихъ архивовъ трудами Пунджасони, докторъ Пассаванъ написалъ исторію художниковъ, которые постоянно или случайно занимались въ Урбино своимъ искусствомъ во время юности Рафаэля. Въ челя ихъ, по всѣмъ правамъ, стоитъ Лучіано Лауранна, архитекторъ дворцовъ въ Урбино и Губбіо (Gubbio). Стилль этихъ зданийъ, какъ подражаніе древней архитектурѣ, очень похожъ на стилль Леона Баттисты Альберти и, вѣроятно, имѣлъ большое вліяніе на вкусъ Рафаэля и его соотечественника, Браманте. Художнику Франческо да-Джорджо, котораго Вазари ошибочно называетъ архитекторомъ урбинскаго дворца, какъ кажется, поручена была только постройка укрѣпленія. Джованни Санти также отзывается съ большою похвалою объ образованности и вкусъ Амброліо Бароччю (Ambroglio Baroccio), предка живописца. Во многихъ комнатахъ урбинскаго дворца стѣны были разрисованы фресками, но они давно уже исчезли. Бальди, въ своемъ *Descrizione del palazzo ducale d'Urbino*, упоминаетъ объ одной комнатѣ, прилегавшей къ библіотекѣ, гдѣ находились портреты всѣхъ знаменитыхъ людей. Портретовъ теперь уже нѣтъ, но, въ числѣ дѣтскихъ рисунковъ Рафаэля, хранящихся въ Венеціи, есть коніи съ этихъ портретовъ. Въ урбинскомъ дворцѣ до-сихъ-поръ сохраняются также нѣсколько образчиковъ рязнаго искусства, работы флорентинскаго маэстро Джакомо.

Въ числѣ славныхъ живописцевъ, жившихъ гораздо прежде Рафаэля, особенно замѣчательнъ Одериги. Данте упоминаетъ объ немъ во второй пѣсни своего Чистилища. Въ Губбіо и теперь еще показываютъ домъ, гдѣ этотъ знаменитый поэтъ провелъ нѣсколько мѣсяцовъ и, какъ говорятъ, написалъ ббльшую часть своей удивительной поэмы. Здѣсь онъ познакомился съ Одериги, которой писалъ картинки для служебниковъ.

Чтобъ перейти прямо къ тѣмъ живописцамъ, которыхъ произведенія обращали на себя вниманіе современниковъ, а стилль имѣлъ вліяніе на вкусъ ихъ послѣдователей, должи-

не упомянуть о Джентиле ди-Фабриано. Джентиле занимался живописью въ Урбино, Римъ и другихъ мѣстахъ Италіи. «Богородица со Спасителемъ», его кисти, обратила на себя вниманіе самаго Микель-Анджело, который обыкновенно говаривалъ, что у Джентиле, такая же прекрасная рука какъ имя. За нимъ слѣдуетъ Паоло Уччело, знаменитый своимъ искусствомъ въ перспективѣ и колоссальною конною фигурою англійскаго кондотiere, Гоквуда, нарисованнаго на стѣнѣ флорентинскаго собора.

Въ церкви Святой Клары, въ Урбино, находится очень любопытная картина Джорджіо Андреоли, ошибочно приписываемая Браманте. Это — архитектурная композиція въ перспективѣ. На первомъ планѣ, живописецъ помѣстилъ круглое зданіе, украшенное коринтскими пилястрами. Это самое зданіе, съ нѣкоторыми переѣмами въ рисунокѣ, часто встрѣчается въ картинахъ Перуджино и Рафаэля. Въ 1503 году, а не въ 1508, какъ полагаетъ Тирабоски, подобный рисунокъ былъ изображенъ на декораціи, при представленіи первой правильной италіанской комедіи, *Calandra*, сочиненной кардиналомъ Бабіеною. Ее рисовалъ Джироламо Дженга (*Gigolamo Genga*), соученикъ Рафаэля и Перуджино. Подробное описаніе этой декораціи можно найти въ одномъ письмѣ Кастильоне. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Пьетро делла-Франческа, одинъ изъ отличнѣйшихъ живописцевъ своего времени. Онъ долго жилъ въ Урбино, въ гостяхъ у Джованни Санти. Портреты герцога Федерико и его супруги Баттисты Сфорца, писанные Франческо, находятся теперь во Флоренціи. Въ Урбино остался одинъ только образчикъ его таланта, но въ Борго-санъ-Сеполкро, городѣ гдѣ онъ родился, существуютъ до-сихъ-поръ многія его картины. Въ Ареццо, въ церкви Святаго Франческо, Пьетро написалъ «Исторію Креста», *Storia della Croce*, «Видѣніе Святаго Константина», и «Пораженіе Максентія». Остатки этихъ фресковъ можно и теперь еще видѣть въ Ареццо. Пьетро делла-Франческа и Брамантино ди-Милано писали въ Ватиканъ нѣсколько фресковъ, но, по уверенію Вазари, они были впоследствии стерты, чтобъ очиснить мѣсто для Рафаэлева «Освобожденіе Святаго Петра».

Впрочемъ, надобно замѣтить, что первыи живописецъ своего времени, Джованни Санти почитаетъ Андрея Мантиню.

Въ рукахъ всѣхъ этихъ художниковъ, живопись, съ матеріальной стороны, сдѣлала большіе успѣхи. Перспектива и геометрія развили вкусъ къ архитектурѣ.

Подробныя свѣденія о самомъ Джованни Санти, и его произведеніяхъ можно найти у Пунджилеони и Пассавана. Должно замѣтить впрочемъ, что на картинѣ, которую принимали обыкновенно за портретъ Джованни Санти и маютки Рафаеля, сидящаго на колыняхъ матери, изображены совершенно другія лица, и что фигура старика Санти попала сюда случайно. Все покровительство, оказанное Федерико де-Монтефельтро искусствамъ, состояло въ томъ только, что онъ первый изъ италіянскихъ государей имѣлъ у себя произведеніе ванъ-Эйка, и заказалъ значительную работу Юстусу ванъ-Генту, ученику фламандскаго живописца. Сюжетъ ванъ-Гентовой картины взятъ изъ Священнаго Писанія, и обработанъ довольно фантастичеки. Она находится и понынѣ въ церкви святой Агаты, въ Урбино. На заднемъ планѣ живописецъ помѣстилъ герцога Федерико и двухъ человекъ изъ его свиты, самого себя и венеціанскаго дворянина Катерино Дзено. Она писана масляными красками. Прочія произведенія этого художника потеряны. Пассаванъ старается показать, въ какихъ именно картинахъ италіянскихъ мастеровъ этого времени замѣтно вліяніе фламандскаго вкуса, но онъ забываетъ, что Юстусъ увезъ съ собою секретъ какъ писать картины масляными красками, и, что по этому италіянскіе живописцы продолжали работать по-прежнему. Это обстоятельство, вѣроятно, было причиною ссоры между фламандскимъ живописцемъ и Джованни Санти, потому что, въ своемъ списокѣ знаменитыхъ художниковъ, Санти не помѣстилъ имени Юстуса. Зато, съ другой стороны, моетъ съ восторгомъ говорить о ванъ-Эйкѣ, называя его *el gran pittore*.

Отличительный характеръ умбрійской школы, которой представителемъ былъ Перуджино, очень искусно определенъ Руморомъ; но чтобы составить себѣ правильное и

верное понятіе объ этомъ предметѣ, необходимо разсмотрѣть первобытное состояніе искусства въ Италіи, и изучить причины его первыхъ раздѣленій. Старинная иконная манера, техническія методы среднихъ вѣковъ, и самыя предметы, которые обыкновенно избирались для образовъ, были оставлены художникомъ Джотто, образователемъ флорентинской школы, почти за два столѣтіе до Рафаэля. Вполнѣ понимая, какъ важно въ картинѣ богатство композиціи и драматической интересъ, Джотто первый отвергъ устарѣлыя типы древнихъ живописцевъ. Онъ и его послѣдователи начали брать сюжеты изъ новѣйшихъ легендъ, особенно изъ жизни Святаго Франциска. Между-тѣмъ въ Сіенѣ, въ Романьи и другихъ мѣстахъ привязанность къ древнимъ образцамъ по большей части не измѣнилась. Въ то же время, каждое новое улучшеніе въ искусствѣ мало-по-малу переходило въ типы, освященные преданіями. Между живописцами, которыхъ судьба назначила быть распространителями направленія умбрійской школы, особенно славилась Таддео и Доменико Бартоли, изъ Сіены. Слѣды ихъ трудовъ, замѣчательныхъ по композиціи и колориту, можно найти въ Ассизи. Изъ флорентинской школы не вышло ни одного значительнаго художника до Фра Джованни-Анджелико да Фіезоло, доминиканскаго монаха, впоследствии причисленнаго къ святымъ. Фіезоле написалъ множество картинъ, въ которыхъ чистота и святость выраженія возбуждаютъ донынѣ глубокое удивленіе. Замѣчательныя прочихъ его произведеній — «Вънчаніе Богородицы», окруженной ангелами и святыми. Она находится теперь въ Луврѣ. Два славные ученика этого художника, Джентиле да Фабріано и Беночцо Гоццолі, занимались живописью въ Перуджин и ея окрестностяхъ. Въ самой Флоренціи въ то время не было ни одного художника, который бы могъ сравниться съ Фіезоле. Одинъ Мазаччо (Мазассіо) могъ произвести что-нибудь подобное; но онъ умеръ въ ранней молодости. Его пережилъ даже самъ Фіезоле. Много прошло времени, прежде нежели явился Фра Бартоломео, но и онъ съ трудомъ могъ устоять противъ постоянно возрастающаго вкусу къ классической древности, вкусу, который, по увѣренію многихъ умныхъ людей, отклонялъ живописцевъ отъ священныхъ предме-

товъ. Съ другой стороны, къ причинамъ религиознаго направления умбрійскихъ живописцевъ должно отнести и произведенія Анджелико, которыя въ началъ пятнадцатаго столѣтїя были разсѣяны по всей Италїи. Не менѣе сильное вліяніе оказывало и сосѣдство съ Ассизи, гдѣ помыслились мощи святаго Франциска. Въ ассизскую церковь сходились на состязаніе всѣ древніе италїанскіе живописцы, и слѣды ихъ трудовъ сохранились до нашего времени. Исторія жизни святаго Франциска, представляя живописцамъ разнообразныя сюжеты для кисти, способствовала къ образованію вышнѣшаго характера нѣкоторыхъ италїанскихъ школъ. Чувство благочестія и набожности, внушаемыя мощами святаго, требовали отъ художника глубокаго смиренія, которое составляетъ очаровательную противоположность съ жаромъ выраженія, съ душевнымъ спокойствіемъ и неземнымъ восторгомъ лицъ на картинахъ, изображающихъ видѣнія Франциска. Очевидно, что начала этихъ школъ, были совершенно противоположны началамъ древняго или классическаго искусства. Въмѣсто дѣйствія и формы, хотѣли изображать внутреннюю сторону жизни. Представителемъ христіанскихъ живописцевъ, пренебрегавшихъ эстетическими особенностями искусства, былъ Анджелико да Фіеволе; но произведенія его подражателей, у которыхъ не было ни простодушія ни одушевленія учителя, вовсе не замѣчательны.

Между живописцами, которые съ этими качествами соединяли необыкновенную силу колорита, особенно замѣчательны. Николо Алунно Фолиньо, Пьетро Ваннуччи, прозванный Перуджинкомъ, Андреа Лунджи изъ Ассизи и Бернардино Пинтуриккіо. Произведенія Николо Фолиньо отличаются необыкновенною сухостью стила. Онъ писалъ тогда только, когда былъ нездоровъ. Его манера — что-то среднее между манерою древнихъ живописцевъ и, сравнительно, богатою и блестящею манерою Перуджино. Изъ словъ Вазари объ Андреа Лунджи, названномъ l'Ingegno, видно, что этотъ живописецъ въ 1480 году помогалъ Перуджинку въ Сикстинской Канеллѣ. Докторъ Пассаванъ первый отыскалъ образцы произведеній этого художника: одна изъ его картинъ находится въ Ассизи, на своемъ первобытномъ

вместь; прочія въ Римѣ и Орвіето. Бернардино да Ботто, прозванный Пинтуриккио, былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ Перуджино, и работалъ съ нимъ вместе, въ то время когда Рафаэль только-что началъ учиться. О Пинтуриккио и его учителя Перуджино должно замѣтить, что послѣднія ихъ картины далеко уступаютъ, въ силѣ колориту и прелести выраженія, первымъ произведеніямъ. Образцы манеры Пинтуриккио можно видѣть въ картинной галереѣ академіи въ Санъ-Северино и въ Римѣ. Шюртцъ, въ своихъ примѣчаніяхъ на переводъ Вазари, лучшею картиною Пинтуриккио считаетъ «Успеніе Богородицы», которая теперь находится въ церкви Monte Olivetto, въ Неаполѣ. Картины Перуджино хранятся во Флоренціи. Знаменитѣйшій образъ, его работы, находившійся прежде въ церкви Святой Клары, перенесенъ теперь во дворецъ Питти. Простоявъ долгое время на солнцѣ, онъ очень пожелтѣлъ. По Вазари говоритъ, что когда эта картина появилась въ первый разъ, блистательный колоритъ ея и благородное спокойствіе позъ прослыли необыкновенною новостью. Лучшія произведенія кисти этого художника находятся въ Лионѣ, Перуджии и Римѣ. Многіе изъ его учениковъ, свидѣтели необыкновенныхъ успѣховъ юнаго Рафаэля, отказались отъ манеры учителя.

Предположеніе Вазари, будто-бы Перуджино учился вмѣстѣ съ Вароккио, учителемъ Леонардо, подтверждается словами Джованни Санти, который говоритъ, что Перуджино и Леонардо да-Винчи были искренніе друзья, «*due giovani per etate e per amori*»; чего, судя по ихъ картинамъ, никакъ нельзя допустить. Гораздо естественнѣе думать, что нѣкоторыя картины Перуджино, находившіяся во Флоренціи, произвели впечатлѣніе на Леонардо, котораго произведенія, замѣчательныя по нежности экспрессіи, по правдѣности рисунка и красотѣ, въ свою очередь нравились умбрійскому мастеру. Одинъ только Микель-Анджело никогда не чувствовалъ или не хотѣлъ признать достоинствъ этой школы, отличавшейся спокойствіемъ и выразительностью. Пренебреженіе, съ каковымъ онъ обошелся съ Франчѣо, въ Болоніи, и съ Перуджиномъ, во Флоренціи, весьма

известно. Ссора его съ Перуджиномъ, по уваренію Вазари, оставила очень невыгодное впечатлѣніе въ умъ Рафаэля, который всегда циталъ глубокую и важную привязанность къ своему первому учителю.

Жизнь Рафаэля раздѣляется на три періода : первое двадцать одинъ годъ, то есть, до 1504, онъ провелъ въ Урбино и въ Перуджін, гдѣ учился живописи вмѣстѣ съ Пьетро Вануччи. Въ то же время онъ побывалъ въ некоторыхъ городахъ Аппенинъ, посетилъ свою родину и пробылъ короткое время во Флоренціи. Во второмъ періодѣ, онъ постоянно жилъ во Флоренціи, до 1508 года, осенью же этого года уже занимался работою въ Римѣ. Третій періодъ обнимаетъ его пребываніе въ Римѣ, исключая кратковременнаго посѣщенія Флоренціи, въ 1516 году, и оканчивается смертію Рафаэля, въ 1520.

Рафаэль лишился родителей на двадцатомъ году своей жизни. Дядя его, со стороны матери, съ родительскою заботливостію смотрѣлъ за его воспитаніемъ, и черезъ два года отдалъ въ ученіе къ Перуджино. Что первые уроки въ живописи Рафаэль получилъ отъ Джованни Санти, въ этомъ нѣтъ сомнѣній ; но рисунки, которые въ Урбино выдаютъ за образцы его первыхъ, дѣтскихъ, трудовъ, не имѣютъ на это ни какого права. Изъ живописцевъ, у которыхъ Рафаэль бралъ уроки, до поступленія къ Перуджино, на вкусъ его болѣе всѣхъ имѣлъ вліяніе Тимотео Вити. Этотъ художникъ учился живописи у Франціо, въ Болоніи, и возвратился въ Урбино въ 1495 году. Головку мальчика, находящуюся въ бергезской галерей, въ Римѣ, почитаютъ за портретъ Рафаэля, сдѣланный Тимотео, въ это время. Впрочемъ, если онъ действительно былъ учителемъ великаго художника, то въ свою очередь самъ сдѣлался послѣ учителемъ своего ученика. Онъ послѣдовалъ за юнымъ другомъ своимъ въ Римъ, и продолжалъ работать тамъ подъ его надзоромъ.

Произведенія древнихъ живописцевъ, находившіяся въ самомъ Урбино, и его окрестностяхъ, вѣроятно также дѣйствовали свое вліяніе на образованіе вкуса Рафаэля. Онъ посѣ-

тилъ нѣкоторыя сосѣдніе города : въ Ферано, близъ Ошино, видѣлъ картины Анджелико да-Фіезоле, а въ Валь-ди-Сассо работы Джентиле да-Фабріано. Стилъ самого Джованни Санти безъ сомнѣнія оставилъ въ умъ его сына тоже неизгладимое впечатлѣніе. Колоритъ въ нѣкоторыхъ картинахъ Рафаэля совершенно отличенъ отъ манеры Перуджино и другихъ художниковъ. Цвѣтъ тѣла, съ бѣлыми свѣтами и красными полутѣнями, замѣчаемый у Рафаэля, очень часто встрѣчается и въ картинахъ Джованни Санти, особенно на запрестольномъ образѣ въ церкви Санто-Кроче, въ Фано.

При выборѣ учителя, дядя Рафаэля вѣроятно руководствовался мнѣніемъ Джованни Санти, который въ своей поэмі, отзываясь о Перуджино какъ лучшемъ живописцѣ своего времени. Вскорѣ послѣ смерти Джованни слава Піетро достигла высокой степени : въ это время онъ написалъ свой чудесный запрестольный образъ, для церкви La Calza, во Флоренціи; картину, изображающую смерть Спасителя, которая находится теперь во дворцѣ Питти, и «Вознесеніе», писанное для церкви Святаго Петра въ Перуджині. Эти картины хранятся въ ліонскомъ музеѣ. Первыми произведеніями юнаго Рафаэля были копіи съ Перуджино и нѣкоторыя оригинальныя части въ картинахъ самого учителя. Самая первая картина, написанная семнадцати-лѣтнимъ Рафаэлемъ въ 1500 году — копія съ картины Перуджино : въ ней представленъ Спаситель цѣлующій Іоанна Крестителя. Эта копія находится въ Перуджині, въ придѣлѣ церкви Святаго Петра. Многіе изъ первыхъ рисунковъ Рафаэля сохраняются въ венеціанской академіи.

Прежде возвращенія Рафаэля въ Урбино, въ 1499 году, съ герцогомъ Гвидубальдо случилось много несчастій : наискія войска, которыми онъ командовалъ, были разбиты и самъ онъ взятъ въ плѣнъ храбрымъ Вителлоццо Вителли, владѣтелемъ небольшой области, Città di Castello. Герцогиня Елисавета Гонцага бѣжала изъ Урбино со всеми своими драгоценностями, такъ, что выкупомъ изъ плѣну Гвидубальдо былъ обязанъ щедрости своихъ урбинскихъ подданныхъ. Во время пребыванія Рафаэля въ Урбино, герцогъ

страдалъ недугомъ, котораго, по увереніи Кастильскихъ, мучила его съ двадцатаго года жизни. Вероятно не этой причиной Рафаэль и не былъ представленъ ко двору. Никоторамъ изъ его картинъ, написанныхъ въ Città di Castello, сохранились до-сихъ-поръ. Его известное «Распятіе», принадлежавшее кардиналу Фену, находится теперь въ Алчю. Оригинальные рисунки и эскизы Рафаэля, относящиеся къ 1500 до 1504 годамъ, дошли до настоящаго времени, и многіе изъ нихъ красуются въ коллекціи Лоренса. Рафаэль преимущественно писалъ запрестольные образа въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, какъ на примѣръ, Распятіе, о которомъ только-что сказано; Поклоненіе Волхвовъ, въ берлинскомъ музей, Вѣчаніе Богородицы, въ Ватиканъ, и Вѣчаніе святаго Николая Толентинскаго. Эта картина пропала изъ Ватикана, во время пребыванія въ Римъ Французовъ, и съ тѣхъ поръ объ ней ничего не слышно. Лучшія картины меньшаго размѣру, написанныя Рафаэлемъ въ это время—Staffa Madonna, въ Перуджии, знаменитое Sposalizio, или Обрученіе Богородицы, въ Миланъ, известная по гравюрь Лонги; Христосъ со спящими учениками, въ галерей князя Габріелли, въ Римъ. Картина, известная подъ названіемъ «Видѣніе Воина», находится въ Англии, у сэръ Марка Сайкса.

Прелесть и плодovitость воображенія двадцати-лѣтняго Рафаэля тотчасъ обратили на себя вниманіе почти всѣхъ старыхъ живописцевъ. Они стали прибѣгать къ его советамъ и просить у него рисунковъ, какъ это было съ Пинтуриккіо, которому кардиналъ Франческо Пиколомини поручилъ написать рядъ фресковъ въ библіотекѣ сіенскаго собора: Пинтуриккіо обратился къ Рафаэлю и просилъ нарисовать для нихъ эскизы. Нѣкоторые существуютъ еще и теперь. Жители Сіены уверяютъ, будто Рафаэль некогда подготовлялъ картоны, но и самъ писалъ эти фрески. Очень вероятно, впрочемъ, что Рафаэль видѣлъ работу Пинтуриккіо послѣ ея окончанія: доказательство, что онъ былъ въ Сіенѣ, находится въ его альбомѣ, хранящемся въ Венеціи: въ немъ есть рисунокъ съ античной группы Грацій, которая стоитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ были написаны фрески. Этотъ рисунокъ черезъ нѣсколько лѣтъ

подавъ Рафаэлю мысль написать небольшую картинку, гдѣ онъ представилъ Граціи. Она находится теперь въ Ангаин.

Окончивъ въ 1504 году свой *Sposalizio*, Рафаэль снова воротился въ Урбино. Здѣсь онъ нашелъ много неприятныхъ переменъ. Герцогъ Гвидубальдо долженъ былъ оставить свою столицу, и жилъ въ ссылке, на сѣверъ Италіи, изгнанный изъ своего государства Цезаремъ Борджіей, знаменитымъ сыномъ папы Александра VI, котораго Вембо называетъ *omnis humani divinique juris contemptor et perturbator*. Но это униженіе не продолжалось: лишь-только извѣстіе о кончинѣ папы достигло до Урбино, крики «*Feltro! Feltro!*» раздались въ городъ; войска и партизаны Борджіи изгнаны; и въ этотъ же самый мѣсяцъ возвратился Гвидубальдо, встрѣченный съ восторгомъ своими подданными. Новый папа, Пій III, тотъ самый Пиколомини, о которомъ было говорено, умеръ черезъ двадцать шесть дней по вступленіи на престолъ, и, съ возвышеніемъ Джуліано делла-Роверы, папы Юлія II, судьба Гвидубальдо была совершенно возстановлена. Наслѣдникъ урбинскаго престола былъ вмѣстѣ въемляникомъ и папы и Гвидубальдо, потому что сестра герцога, Джованна, вышла за Джованни делла Ровера, во время Сикста IV. Съ тѣхъ поръ отношенія Рима къ Урбино были самыя дружескія.

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ происшествій, двадцати-двухлѣтній Рафаэль пріѣхалъ на родину: ему нельзя было оставаться тамъ, гдѣ начальники областей состояли въ жаловань Цезаря Борджіи. «Христосъ со спящими учениками» — одна изъ огромнѣйшихъ картинъ, написанныхъ Рафаэлемъ для герцога. Въ то же время онъ познакомился со многими лицамъ, которыя впоследствии были для него очень полезныи. Сношенія и разговоры съ ними естественнымъ образомъ много способствовали къ образованію и улучшенію вкусу его. Нѣтъ сомнѣній, что описанія нѣкоторыхъ произведеній искусства, находившихся во Флоренціи, и особенно рассказы о трудахъ знаменитаго Леонардо да-Винчи, возбуждали въ Рафаэля желаніе увидѣть эти сокровища собственными глазами. Онъ не могъ долѣе противиться влеченію.

и герцогиня Джованна дель Ровера дала ему рекоменда-
тельное письмо къ Гондоломери-Содерини. Рафаэль уви-
далъ Флоренцію въ первый разъ въ 1504 году.

Вазари утверждаетъ, будто Рафаэль бросилъ фрески
Пинтуриккио, въ Сіенѣ, чтобы ѣхать во Флоренцію, когда
услышалъ объ удивительныхъ картинахъ Микель-Анжело,
въ Пизѣ, и о знаменитой картинѣ Леонардо да-Винчи «Сра-
женіе у знамени».

Картины, писанныя Рафаэломъ въ Перуджии, въ Читта-
ди-Кастелло и въ Урбино, доказываютъ, что онъ не прини-
малъ участія въ фрескахъ Пинтуриккио, но лучше все-
го мнѣнію Вазари опровергается письмомъ герцогини, писан-
нымъ перваго октября 1504 года, между-тѣмъ какъ кар-
тины Микель-Анжело были окончены только въ 1506 году.

Произведенія Леонардо, на которыхъ Рафаэль считалъ
только любовался, вскоре сдѣлались предметомъ его подра-
жаній. Дружба Перуджиню съ Леонардо да-Винчи, вѣр-
но, имѣла на это свое вліяніе. Рафаэль познакомился съ
Леонардо въ 1502 или въ началѣ 1508 года, когда да-
Винчи, по приглашенію Борджин, пріѣзжалъ въ Перуджію
для обозрѣнія укрѣпленій. Но предметомъ изученія для боль-
шей части молодыхъ художниковъ, жившихъ тогда во
Флоренціи, были, не Леонардо, а картины Масаччю, въ
церкви дель-Кармине. У Вазари, въ біографіи Масаччю на-
ходится списокъ художниковъ, въ томъ числѣ и Микель-
Анжело, которые занимались копированіемъ картинъ это-
го живописца, столь замѣчательныхъ по вѣрному подража-
нію природѣ, широкой драпировкѣ, и умному распреде-
ленію свѣтовъ и тѣней, въ чемъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ
предшественниковъ и, какъ замѣчаетъ Вазари, проложилъ
дорогу къ такъ называемой нынѣшней манерѣ.

Въ послѣднихъ произведеніяхъ Рафаэля, въ картинахъ
очень замѣтно, что онъ подражалъ Масаччю и другимъ
стариннымъ живописцамъ, Липпи и Мазолино, которыхъ
картины донынѣ находятся во Флоренціи. Это доказываетъ
и коллекція Лоренса и венеціанская академія. «Богородица
со Спасителемъ», известная подъ именемъ *Madonna del gran
duca*, во дворцѣ Питти, и «Святое Семейство», *Madonna dal*

Джосиф Феттингова, въ Неаполь, написана Рафаэлемъ во время его первого пребывания во Флоренціи. Работы, начатая въ Перуджіи, требовали его возвращенія; и такъ, въ 1505 году, привѣхалъ обратно въ этотъ городъ. Здѣсь онъ окончилъ, для монахинь святаго Антонія, запрестольный образъ «Святое Семейство» и несколько другихъ образовъ. Эти картины, вероятно, начаты за несколько времени назадъ, потому что въ некоторыхъ частяхъ похожи на его прежніе труды, между тѣмъ, какъ другія носятъ на себѣ явныя признаки вліянія флорентинскихъ занятій. На верхней части главной картины находится полу-кругъ, predella, который состоитъ изъ пяти небольшихъ образовъ. Надобно замѣтить, что запрестольный образъ считался неотъемлемымъ; если на немъ не было небольшой квадратной или и полу-круглой картины, на которой обыкновенно писалась Святая Троица. Часто, вмѣсто этихъ небольшихъ картинъ, употребляли раму, расписанную арабскими или итальянскими фигурами; кроме того переднія стѣны ступенекъ, gradino, predella, у алтаря, украшались маленькими образами, которыхъ сюжетъ соответствовалъ предмету главной картины. Образъ для predella писались обыкновенно очень небрежно.

Два главные части картины, о которой сейчасъ было сказано, находятся теперь въ Неаполь, а пять образовъ изъ predella (три картины и два образа) въ Англии: два фигуры, святой Францискъ и святой Антоній Падуанскій, находятся въ дольничской галереи; три прочія у Гг. Роджерса, Мильса и Вейта. Картина, заслуживающая особеннаго вниманія — запрестольный образъ, писанный по заказу семейства Ассиден, для неапольской церкви Серниты, въ Перуджіи. Теперь она хранится въ бленгойскомъ замкѣ. Изъ трехъ картинъ изъ predella, принадлежавшихъ къ этому образу, осталась только одна: на ней изображенъ Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ пустыне. Здѣсь очень замѣтно подражаніе Массачіо. Картина принадлежитъ теперь маркизу Лондсону. Въ томъ же году, Рафаэль написалъ свой первый фрескъ, въ церкви Камальдоліцевъ, въ Перуджіи. По композиціи, она подходитъ на верхнюю часть «Тайной Вечери», написанной Рафаэлемъ въ Римѣ. Объ этомъ

сходствъ надобно замѣтить, что расположеніе первой своей картины Рафаэль заимствовалъ у Анджелико Физоле. Свободная манера, съ которою писана эта картина, была слѣдствіемъ частью огромныхъ размеровъ фрески, частью, по дражаниа Массаччіо.

Порученіе написать запрестольный образъ для монастыря Monta Luce, близъ Перуджин, еще болѣе прослывило Рафаэля. Монахи требовали, чтобъ эта работа была произведена «лучшимъ живописцемъ». Вслѣдствіе этого желанія советъ, составленный изъ мирскихъ и духовныхъ особъ, документомъ, подписаннымъ, въ декабрь 1505 года, всеми членами, рѣшилъ, что «двадцати-дву-лѣтній мастеръ Рафаэль урбинскій — единственный художникъ, которому можно заказать эту работу». Какъ ни лестно было для художника такое предпочтеніе, но Рафаэлю такъ нетерпѣливо хотѣлось снова увидать Флоренцію, что нарисовать только эскизъ, по которому можно судить, о первой идѣ картины, онъ отправился въ тосканскую столицу. Эскизъ этотъ находится въ коллекціи Лоренса. Черезъ одиннадцать лѣтъ, Рафаэль возобновилъ условіе, и обязался окончить картину втеченіи года. Ему однако жъ помѣшали другія занятія, и картина, начатая за годъ до смерти, окончена была учениками, Джуліо Романо и Франческо Пенни. Она теперь въ Ватиканѣ. Во время втораго пребыванія Рафаэля въ Флоренціи, стиль его очевидно измѣнился: картины, написанныя имъ вскорѣ по прибытіи туда, очень замѣчательны; Ихъ двѣ, и онѣ изображаютъ Святое Семейство. Рафаэль подарилъ ихъ Тадео-Таддеи, въ благодарность за госпитальничество, оказанное художнику. Одна изъ нихъ, круглая, находится въ галереѣ лорда Френсиса Эггертона, а оригинальный эскизъ ея можно видѣть въ коллекціи Лоренса. Вазари замѣчаютъ, что свободная манера, которой Рафаэль научился во Флоренціи, становится замѣтною только въ картинахъ, писанныхъ для Тадео, такъ что отъ вліянія манеры Перуджине уже почти не оставалось слѣдовъ. Портреты Анджело и Магдалины Дони, находящіися во дворцѣ Питти, написаны въ то же время.

Былъ ли Рафаэль въ Болонью? На это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Однако жъ, будучи въ Римѣ, онъ

перепиcывался съ Франціей, какъ съ челоуѣкомъ лично ему знакомымъ : очень легко могло быть, что Рафаэль уважалъ этого болонскаго художника, основываясь только на разсказахъ Тимотіо Витти, ученика Франціи, но какъ онъ обстоятельно говоритъ о характерѣ святости мадоннъ Франціи, то очень вѣроятно, что и самъ видѣлъ ихъ въ Болоньѣ, гдѣ въ тоже время, могъ познакомиться и съ артистомъ. Известно также, что Рафаэль въ Болоньѣ написалъ «Поклоненіе волхвовъ», для Джованни Беттиволью, который, до осени 1506 года, деспотически управлялъ этой землей, откуда онъ наконецъ изгнанъ папою Юліемъ II. Убѣдительное доказательство дружбы, соединившей Рафаэля и Францію, находится въ картинѣ, принадлежащей нѣмче Эленъ-Джилъмору : рисунокъ — очевидно рафаэлевскій, между-тѣмъ какъ исполненіе безспорно принадлежитъ Франціи. Слѣды подобнаго участія въ работахъ Лоренцо Косты, ученика Франціи, еще сильнѣе доказываютъ, что Рафаэль дѣйствительно былъ въ Болоньѣ въ началѣ 1506 году. Лѣтомъ онъ снова прѣхалъ въ Урбино, и увидѣлъ дворъ, во всемъ его блескѣ. Нѣкоторыя небольшія работы, — картины и портреты для герцога, — удержали его въ Урбино до осени. Возвращаясь въ Болонью, папа Юліи II, съ двадцатью двумя кардиналами, и многочисленною свитою, прѣбылъ три дня въ Урбино. Знакомство прозорливаго первосвященника съ будущимъ живописцемъ Ватикана составилось при этомъ случаѣ. Портреты герцога и герцогини, написанные Рафаэлемъ, и рисунокъ, изображающій Піетро Бембо, потеряны. Изъ двухъ небольшихъ картинъ, представляющихъ Святое Семейство, одна у насъ въ Петербургѣ, другая, «Мадонна съ Сыномъ», находится въ галереѣ маркиза Aguado, въ Парижѣ. Судя по стилю, кажется, будто онѣ писаны гораздо прежде. «Граціи» относятся къ тому же періоду. Эта картина куплена лордомъ Долли у сэръ Томаса Лоренса. Образъ, «Святой Георгій, поражающій дракона», присланный Гвидибальдомъ въ подарокъ англійскому королю Генриху VII, хранится теперь въ петербургскомъ Эрмитажѣ; другой образъ Святаго Георгія, въ меньшемъ размѣрѣ, находится въ Луврѣ.

Старанія урбинскаго двора быть школою вкусу, образованности и хорошаго обращенія, имѣли большое вліяніе на Рафаэля. Герцогъ Гвидибальдо, несмотря что онъ не имѣлъ воинскихъ талантовъ своего отца, былъ гораздо образованнѣе его. Супруга его Елисавета Гонзаго Мантуанская, не обладавъ глубокой ученостью Баттисты Сфорцы, славилась, между высокородными дамами того вѣка очаровательностью и благородствомъ обращенія, и была столько же замѣчательна по своему уму, сколько и по необыкновенной красотѣ. При такихъ обстоятельствахъ урбинскій дворъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться центромъ, куда стекалось все, что было отличнаго въ Италіи. Кастильоне, другъ Рафаэля, въ своемъ «Cortegiano» представляетъ Урбино театромъ, гдѣ состязались въ учтивости образованнѣйшіе европейскіе кавалеры. Во время Рафаэля италіянскія женщины имѣли обыкновеніе выдергивать брови, и волосы на лбу; вотъ почему у всѣхъ Рафаэлевыхъ женскихъ фигуръ, такіе широкіе лбы, а вмѣсто бровей находятся надъ глазами двѣ едва примѣтныя полоски. Чтобъ объяснить себѣ причину важнаго характера италіянскихъ школъ, исключая флорентинской, надобно привести на память очень вѣрное замѣчаніе одного изъ этихъ лордовъ Честерфильдовъ къ Кастильонову Cortegiano. «Испанскія манеры, говоритъ онъ, гораздо лучше идутъ къ Италіянцамъ чѣмъ французскія. Спокойствіе и важность, свойственныя Испанцамъ, гораздо приличнѣе для нихъ чѣмъ живость Французовъ». Италіянскія женщины, рѣдко показываютъ зубы: вотъ причина, по-чѣму ни на одной картинѣ того времени вы не увидите улыбающейся фигуры. Прямое запрещеніе смѣху можно найти у Дольче: «Fugga soprattutto il riso in tutti i luoghi, e nelle occasioni più tosto lo accenni che ne dimostri effetto». И это постановленіе исполнялось буквально: во всѣхъ картинахъ венеціанской школы, каковъ бы ни былъ предметъ, что бы ни дѣлала фигура, всегда видно въ ней выраженіе глубокаго спокойствія. Опущенныя вѣки, —santo, onesto e grave ciglio,—приписываемыя Джіованни Санти, Баттиста Сфорца, составляютъ отличительную черту всѣхъ тогдашнихъ картинъ. Эта манера доведена даже до крайности религіозными жи-

вописцами, особенно Франчией и Перуджино, откуда перенялъ ее и Рафаэль. Исключеніе, которое дѣлала въ этомъ случаѣ Флоренція, приписываютъ, частью политическимъ обстоятельствамъ, частью страсти къ классическимъ произведениямъ древности. Тосканская столица славилась своимъ нольнодумствомъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Проницательный Руморъ замѣчаетъ, что у женскихъ фигуръ, написанныхъ Рафаэлемъ послѣ пребыванія во Флоренціи, выраженіе лица гораздо веселѣе, живѣе и выразительнѣе чѣмъ у прежнихъ, впрочемъ это же самое отличаетъ ихъ не только отъ первыхъ произведеній Рафаэля, но и отъ послѣднихъ. Улыбающіяся личики, съ ямочками на щекахъ, которые придають особенную прелесть картинамъ важнаго содержанія, первый началъ писать Леонардо да-Винчи. Лучшими произведениями этого оригинальнаго живописца, котораго Рафаэль видѣлъ во время перваго своего посѣщенія Флоренціи, были улыбающійся портретъ Мона Лиза, нынче находящійся въ Луврѣ, и картонъ Святаго Семейства, принадлежащій королевской академіи художествъ въ Лондонѣ.

Рафаэль въ первый разъ увидѣлъ знаменитый пизанскій картонъ Микель-Анджело уже по возвращеніи своемъ во Флоренцію, въ концѣ 1506 года. Вскорѣ послѣ того, въ его собственныхъ произведеніяхъ, выказывается болѣе глубокое изученіе анатоміи и формъ.

Втеченіи слѣдующихъ осемнадцати мѣсяцовъ, написалъ онъ лучшихъ своихъ мадоннъ, святыхъ, и Святаго Семейства. Изъ мадоннъ, принадлежащихъ лорду Cowper'у, большая часть относится къ этому разряду, меньшая, какъ кажется, написана раньше. Знаменитая *La Belle jardinière*, въ луврской галерей, была оставлена Рафаэлемъ неконченною: ее дописалъ *Ridolfo Guirlandajo*. Оригинальный эскизъ этой картины принадлежитъ лорду Лисстеру. «Святая Екатерина», находящаяся въ національной галерей въ Англій, замѣчательна по своему освѣщенію и по скорости, съ которою она написана. Оригинальный картонъ хранится въ Луврѣ. Эскизъ для головы находится въ коллекціи Лоренса, а рисунокъ для полноіи картины принадлежитъ герцогу Дивоншайру.

Изъ всѣхъ картинъ, написанныхъ Рафаэлемъ въ это время, лучше прочихъ изучено и обработано «Погребеніе Иисуса Христа», въ боргезскомъ дворцѣ, въ Римѣ. Эта картина написана по заказу Аталанта Бальюли, вскоре послѣ того какъ Джованни-Паоло Бальюни овладѣлъ Перуджіей. Эскизы для этой картины Рафаэль набросалъ во Флоренціи, имѣя передъ глазами произведенія Микель-Анджело и Леонарда; самая же картина, по увѣренію Вазари, написана въ Перуджіи. Изъ прибавочныхъ картинъ, верхняя часть до-сихъ-поръ находится въ Перуджіи, въ церкви святаго Франциска; а картинки изъ predella — въ Ватиканѣ. Рисунки для этого запрестольнаго образа могутъ служить доказательствомъ, что Рафаэль всѣми силами старался превзойти великихъ рисовальщиковъ Флоренціи. Девять эскизовъ для этой картины, различныхъ по композиціи и по размѣрамъ, можно найти въ коллекціи Лоренса; одинъ хранится у Роджерса; семь или восемь остальныхъ разсыяны по различнымъ галереямъ въ Европѣ.

Въ апрѣлѣ 1508 года, Франческо-Марія делья-Ровера, племянникъ папы, по смерти Гвидубальдо получилъ во владѣніе Урбино. Вскоре послѣ этого происшествія, Рафаэль писалъ къ дядѣ, и просилъ достать отъ юнаго герцога рекомендательное письмо къ Гонфалоніери Содерини, которому нужно было расписать одну изъ комнатъ, во дворцѣ Веккіо. Но герцогу, и даже самому папѣ, хотѣлось привлечь великаго живописца въ Римъ. Лѣтомъ, 1508 года, онъ поспѣшно уѣхалъ изъ Флоренціи, и въ письмѣ къ Франчии, отправленномъ изъ Рима, говоритъ, что заваленъ работою. Кромѣ *Giardiniera*, *Madonna del baldachino*, и другихъ, оставленныхъ неконченными во Флоренціи, онъ началъ и почти кончилъ мадонну, окруженную святыми, которая принадлежитъ теперь Солли. Большею частію эти картины окончены Ридольфомъ Гвирландаіо.

Биографы Рафаэля дѣлали множество предположеній о причинѣ приглашенія Рафаэля въ Римъ. Они полагаютъ, что къ этому способствовали Браманте, герцогъ урбинскій, и герцогиня Сора, но Руморъ очень справедливо замѣчаетъ, что Юлій II, который начиналъ уже приводить въ исполненіе

свои архитектурные и скульптурные планы и, для этого, окружал себя многими живописцами, не могъ не призвать и Рафаэля, какъ художника, который не имѣлъ себя равнаго во всей Италіи.

Никогда geniusъ Рафаэля не представлялось такого обширнаго поприща для дѣятельности, какъ подъ вліяніемъ могущественнаго и предприимчиваго Юлія II. Этотъ первосвященникъ, будучи еще кардиналомъ, распорядился многими архитектурными работами, и наконецъ задумалъ перестроить соборъ Святаго Петра въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь. Онъ непременно хотѣлъ оставить послѣ себя памятникъ, достойный своей политической славы, и для того избралъ скульпторомъ Микель-Анджело. Онъ же уговорилъ этого художника приняться за фрески, и поручилъ ему расписать потолокъ въ сикстинской капеллѣ. Фрески Рафаэля въ верхнихъ комнатахъ Ватикана никогда бы не существовали безъ благороднаго честолюбія Юлія.

Шесть ватиканскихъ фресковъ, неговоря уже о многихъ прибавочныхъ, были написаны во время этого папы, то есть, втеченіи пяти-лѣтняго пребыванія Рафаэля въ Римъ, съ 1508 до 1513 года. Если присоединить къ его тогдашнимъ работамъ множество запрестольныхъ образовъ, Святыихъ Семействъ, и портретовъ, написанныхъ Рафаэлемъ впродолженіи этихъ пяти лѣтъ, то невольно удивляешься, какъ въ художникъ нашлось достаточно воображенія для композиціи, и довольно силъ для исполненія. Фрески Рафаэля очень отчетливо описаны многими биографами; особенно хорошо, у господина Пассавана, описанія «Аѳинской Школы», которой копія во всемъ достойная оригиналу, находится въ петербургской Академіи Художествъ и принадлежитъ кисти новѣйшаго Рафаэля, Брюллова.

Въ этой картинѣ художникъ мастерски изобразилъ фигуры Платона и Аристотеля, и можно замѣтить, что характеръ, данный Рафаэлемъ этимъ фигурамъ, происходилъ изъ вдохновеннаго изученія двухъ знаменитыхъ философовъ Греціи.

Одинъ изъ четырехъ фресковъ, украшающихъ Camera della Segnatura, изображаетъ «Юриспруденцію». Очевидно, что художникъ писалъ этотъ фрескъ подъ вліяніемъ иен-

ки Аристотеля. Тамъ, какъ и въ системѣ греческаго философа, представляемо, что нравственность составляетъ основаніе закона: надъ изображеніями Вездержнія, Силы и Влагораумія изображена Справедливость. Пятая глава Аристотелева трактата дужно, всего объясняетъ это расположеніе фигуръ.

Рафаэлю оставалось расписать еще несколько стѣтъ, чтобъ кончить свои работы въ Ватиканѣ. Но лишь только онъ написалъ первый фрескъ, какъ папа приказалъ уничтожить всѣ фрески другихъ живописцовъ, и приготовить стѣны снова для Рафаэля. Это приказаніе поставило Рафаэля, который, по словамъ Вазари, *era la gentilezza stessa*, въ очень затруднительное положеніе, потому что въ соседней комнатѣ, съ одного боку, учитель его Перуджино расписывалъ потолокъ, а въ другой, съ противоположной стороны, поитонный старикъ Лука Синьорелли только-что окончилъ свою картину, которая составляла чету фреску Пьетро делья Франческо.

Изъ картинъ, изображающихъ Святое Семейство, втеченіи того времени какъ Рафаэль работалъ въ Ватиканѣ, круглая картина находится въ петербургскомъ Эрмитажѣ; *Madonna di Loretto* потеряна; «Мадонна съ Сыномъ и Иоанномъ Крестителемъ» хранится въ галереѣ лорда Gargagh. Сюда же должно отнести очаровательную мадонну, принадлежащую лорду Френсису Эггертону. Изъ запрестольныхъ образовъ, лучшее произведеніе — образъ въ Фолиньо; изъ портретовъ — портретъ папы Юлія, находящійся во дворцѣ Питти, портретъ маркизы Федерико Гонцаго Мантуанской, въ Англіи. Пророка Исаію, въ *Santo Agostino*, совершенно оконченнаго, Рафаэль переписалъ вновь, увидѣвъ плафонъ сикстинской капеллы. Въ фигурахъ пророка и двухъ ангеловъ ясно видно подражаніе Микель-Анджело. Исключая одного Вазари, всѣ прочіе знатоки ставятъ ихъ гораздо ниже собственныхъ Рафаэлевыхъ композицій. Годъ 1512, означенный на этой картинѣ, опредѣляетъ время, когда Рафаэль въ первый разъ увидѣлъ сикстинскую капеллу. Вскорѣ послѣ-того онъ приготовилъ эскизъ и нарисовалъ еще одинъ фрескъ, въ придѣлѣ Агостино Книги, въ *Chiesa della Pace*. Въ пророкахъ и сивиллахъ, которыхъ изображаетъ этотъ

только на стиль живописца, но и на его характеръ. Во-первыхъ, изъ всего видно, что до 1512 года онъ не видѣлъ плафона сикстинской капеллы. Сходство статуй Аполлона, въ «Афинской Школѣ» съ одною изъ статуй Микель-Анджело — единственный случай прямого подражанія великому Флорентинцу. Многие писатели полагаютъ, должно толкуя Вазари, будто Рафаэль очень часто прибѣгалъ къ этому средству и много заимствовалъ изъ Микель-Анджелова картона, находящагося въ Пизѣ. Здѣсь уже показано, какое вліяніе имѣлъ на Рафаэля этотъ картонъ; но «Положеніе во гробѣ» не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ манерою Микель-Анджело. Столь неумѣренное преувеличеніе достоинствъ флорентинскаго художника заставило новѣйшихъ критиковъ избрать совершенно противоположный путь: они хотѣтъ доказать, будто Рафаэль никогда и ни въ чемъ не подражалъ Микель-Анджело. Но они забываютъ, что есть доказательство, какъ глубоко Рафаэль удивлялся генію Флорентинца: это рисунки, снятые имъ съ плафона сикстинской капеллы. Одинъ изъ нихъ, «Изгнаніе изъ раю Адама и Евы», существуетъ въ коллекціи Лоренса, другой въ Holkham'ъ.

Вазари и Кондмини увѣряютъ, будто-бы Браманте, когда Микель-Анджело, по неудовольствіямъ съ папой, удалился на время во Флоренцію вполнину только расписавъ сикстинскую капеллу, просилъ Юлія поручить окончаніе этой работы Рафаэлю. Микель-Анджело въ одномъ письмѣ говоритъ, что причиною ссоры съ папою была зависть Браманте и Рафаэля. Господинъ Пассаванъ старается уничтожить этотъ извѣтъ и показать, какъ раздражителенъ и неукротимъ былъ характеръ Микель-Анджело, и какъ кротко и благородно поступалъ его соперникъ, который, по словамъ Кондмини, «почиталъ себя счастливымъ, что жилъ въ одно время съ Микель-Анджело». Тутъ нѣкоторые обстоятельства требуютъ поясненія. Во-первыхъ, лишь только Рафаэль увидѣлъ сикстинскую капеллу, онъ написалъ «Пророка Исаію»; тотчасъ послѣ этого, онъ написалъ «Пророковъ» и «Сибиллъ»; далѣе, приготовилъ рисунки для придѣла Агостино Книги въ Santa Maria del Popolo, гдѣ, на плафонѣ, намѣревался изобразить различные предметы изъ Книги Бытія, начиная съ со-

творенія міра, до паденія Адама. Мозаики, сдѣланныя по его рисункамъ, доведены только до созданія небесныхъ свѣтъ. Четыре статуи пророковъ должны были составить переходъ отъ предметовъ плафона къ картинамъ изъ Нового Завета, изображеннымъ на стѣнахъ. Кроме-того, въ Ватиканѣ, содержаніе для плафона, въ комнатѣ Геліодора, взято все безъ исключенія изъ Книги Бытія. Изъ этого ясно видно, что Рафаэль, избирая одни и тѣ же предметы, хотѣлъ войти въ составленіе съ Микель-Анджело, не только въ живописи, но и въ скульптурѣ, хотѣ никогда и не имѣлъ намѣренія помогать интригамъ Браманте и показывать намъ, будто и другіе художники ни сколько не уступаютъ Флорентинцу. Въ нятнадцатомъ столѣтіи, и даже гораздо позже, у живописцевъ было обыкновеніе, не только заимствовать сюжеты изъ замѣчательныхъ картинъ, но даже просто копировывать ихъ, съ небольшими перемѣнами. Въ молодости своей Рафаэль очень часто бралъ сюжеты у Перуджино: «Святое Семейство», Dei, очевидно, подражаніе Фра Бартоломео; многія другія Святыя Семейства — подражанія Леонарду да-Винчи. Чему же удивляться, что пришла наконецъ и очередь Микель-Анджело? Такого роду подражанія считались знакомъ искренняго уваженія со стороны подражателя. Впрочемъ Рафаелево подражаніе Микель-Анджело ограничивалось очень немногимъ. Соперничество, собственно говоря, началось тогда уже, когда Рафаэль, работавъ одни и тѣ же сюжеты, показалъ въ себѣ такія достоинства, которыхъ не было у флорентинскаго художника, что всего лучше видно въ «Геліодоръ». Въ этомъ чудесномъ произведеніи Рафаэль далеко превзошелъ своего соперника.

Два другія фрески, въ комнатѣ Геліодора, написаны въ первые годы папы Льва, и дѣйствительно имѣютъ связь съ исторією этого первосвященника. «Изведеніе изъ темницы Святаго Петра» напоминаетъ освобожденіе кардинала Медичи, изъ плѣну, послѣ сраженія подъ Равенною; «Аттила» — олицетворенное отступленіе Французовъ изъ Італіи. Несмотря на мнѣнія новѣйшихъ критиковъ, которымъ угодно полагать, будто эти фрески составляютъ часть заранее обдуманнаго плану, ясно видно, что Рафаэль писалъ

ихъ, подлѣ вліяніемъ ривиннаго роду обстолятветъ. Расположеніе духа самого художника, перемѣны въ нравительствѣ, и даже прихоти людей, парунившихъ ему работу, руководи его выборомъ. Третья комната въ Ватиканѣ, называемая Stanza di Torre Borgia, была расписана при содѣйствіи постороннихъ художниковъ, и знаменитый «Жоаръ въ Борго» — одно изъ чудеснѣйшихъ произведеній Рафаэлевой кисти. Касательцо фресковъ, въ залѣ Константина, оконченныхъ Джуліо Романо, Рафаэль подготовилъ только ризы для «Видѣнія Константина» и картонъ для «Битвы съ Максимціемъ»; все прочее, за исключеніемъ нѣсколькихъ фигуръ «Добродѣтелей», исполнено его учениками. Подстрекаемый примѣромъ Севастіана дель-Піомбо, Рафаэль котѣлъ писать эти фрески масляными красками: для этого даже были подготовлены и стѣны, но смерть художника на долгое время прервала работу, и оставшіяся фигуры окончилъ, просто аль-фреско, Джуліо Романо и Франческо Пенни. Число и разнообразіе предметовъ, которыми занимался Рафаэль в теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни, списки для «Ложъ», Loggie, рисунки для граммовъ «Марка Антоніо», фрески, картины, запрестельные обрѣзы, портреты, архитектурные проекты для церкви Святаго Пекра, антишварскія изысканія — просто не понятны, допуская даже, что ему помогали многіе ученики. Что многія изъ этихъ произведеній далеко уступаютъ тѣмъ, въ которыхъ все дѣлано само самимъ художникомъ, это очень естественно. Въ исторіи Амора и Психей, написанной въ виллѣ Агостино, эта разница всего болѣе замѣтна. Вазари увѣряетъ даже, будто Рафаэль началъ «Преображеніе» только даятою чтобы поправить свою репутацію. Оно осталось неоконченнымъ.

Изъ множества превосходныхъ картинъ этого художника, писанныхъ масляными красками, въ послѣдніе годы его жизни, «Святая Цецилія», «Дрезденская мадонна», Madonna del Pesce, «Христосъ несущій крестъ», писаны во время Льва X. Портретъ этого папы, съ кардиналами Джуліо Медичи и Людовикомъ де-Росси, находится во дворцѣ Питти. Онъ нѣсколько попорченъ при перевозкахъ въ Парижъ и обратно. Изъ портретовъ, особенно замѣчательны портреты красавца Іоанна Аррагонскаго и Бальтаза-

ва Кастильоне, о которомъ упоминается въ известной латинской запискѣ, принадлежащей Инноцентію Тарелли, супругу Кастильоне, но действительно принадлежащей ему самому.

Одно изъ писемъ Рафаэля, сохранившихся до нашего времени, писано къ Кастильоне. Его очень часто приводили въ доказательство, что великій художникъ принималъ ученіе объ идеальной красотѣ. Но какъ оно бросаетъ много свѣту на отношенія, существовавшія между художникомъ и этимъ замѣчательнымъ лицомъ, то мы выпишемъ его въ цѣлости. «*Signor conte!* Я сдѣлалъ нѣсколько различныхъ рисунковъ, по идеямъ вашего сіятельства: этими рисунками довольны всѣ тѣ, кто ихъ видѣлъ; я одинъ не доволенъ; боюсь, что они вамъ не понравятся. Его святѣйшество возлагаетъ на меня слишкомъ тяжелую отвѣтственность: онъ поручилъ мнѣ главный надзоръ надъ работами въ соборѣ Святаго Петра. Впрочемъ, я льщу себя надеждою, что не паду подъ этимъ бременемъ. Представленные мною модели понравились его святѣйшеству и многимъ просвященнымъ судьямъ. Но мнѣ хотѣлось бы произнести что-нибудь лучшее: хочу достигнуть до прекрасныхъ формъ древнихъ зданій. Вытъ можетъ меня ожидать участь Икара. Въ Витрувіи я нахожу много важныхъ указаній, но этого мнѣ недостаточно. Что касается до моей Галатен, то я считалъ бы себя великимъ художникомъ, если бы она имѣла половину тѣхъ достоинствъ, о которыхъ ваше сіятельство упоминаете въ своемъ письмѣ. Чтобъ написать идеаль красоты, мнѣ необходимо видѣть многихъ красавицъ, съ условіемъ, чтобъ ваше сіятельство помогли мнѣ избрать между ними лучшую. Ожидаю вашихъ приказаній.»

Въ донесеніи, представленномъ Льву X, о состояніи древнихъ зданій, съ описаніемъ способу, употребленнаго Рафаэлемъ, для ихъ измѣренія, кромѣ многихъ замечаній находится очень любопытный критическій взглядъ на готическую архитектуру. Эту записку прежде приписывали Кастильоне, но теперь доказано, что она принадлежитъ самому Рафаэлю. О методѣ измѣренія древнихъ зданій упоми-

часть и Паска Джови, въ своемъ очень краткомъ описаніи жизни Рафаэля, и Маркъ-Антоніи Михаэль въ письмѣ, въ которомъ онъ описываетъ преждевременную кончину великаго художника. Другое не менѣе убѣдительное доказательство, что это донесеніе сочинилъ Рафаэль, существуетъ у Вазари : въ посвященіи, помѣщенномъ при концѣ его книги, онъ говоритъ, что многіе свидѣнія о древнихъ званіяхъ дочерпнуты имъ изъ сочиненій Лоренцо Гиберти, Доменико Гирландайо и Рафаэля Урбино. Изъ трехъ сокетовъ сочиненныхъ Рафаэлемъ, и сохранившихся до нашего времени, потому что они написаны на оборотѣ его рисунковъ, два находятся въ коллекціи Лоренса, а третій въ Британскомъ Музеумъ. Вся они помѣщены въ книгу господина Пассавана.

Остается упомянуть еще объ одномъ любопытномъ обстоятельстве, тѣсно-связанномъ съ исторіею картоновъ. Обои, сдѣланные съ этихъ рисунковъ, были назначены для украшенія нижней части стѣнъ въ сикстинской капеллѣ. Бюссенъ первый опредѣлилъ порядокъ, въ какомъ они были размѣщены. Капелла, построенная Сикстомъ IV, въ 1453 году, и названная впоследствии его именемъ, отчасти расписана еще при немъ; сюжеты, взятые изъ Вѣтхаго и Новаго Завета, занимали среднюю часть стѣнъ, подъ окнами, и шли вокругъ всей капеллы. Послѣ него, до Юлія II, племянника Сикста IV, ничего не было сдѣлано новаго. По порученію Юлія, Микель-Анджедо расписалъ плафонъ. Соображаясь съ картинами, нарисованными на стѣнахъ, этотъ великій художникъ рѣшился изобразить полную исторію Вѣтхаго Завета, такъ, чтобъ, начавъ съ первыхъ происшествій, упоминаемыхъ въ Писаніи, перейти къ пророкамъ, а отъ нихъ незамѣтно къ тому, что уже было нарисовано. Пустыя мѣста, подъ фресками, писанными при Сикстѣ IV, папа Левъ X украсилъ великолѣпными обоями. Обои эти были вытканы во Фландріи, съ картоновъ Рафаэля. Сюжеты, изображенные на нихъ, шли въ хронологическомъ порядкѣ, отъ начала исторіи Христа до апостоловъ. Четыре картины, находящіяся по лѣвую сторону алтаря, изображали исторію Святаго Петра, а пятая — «Побіеніе камнями Святаго Стефана». На правой сторонѣ находились пять кар-

тинъ изъ жизни Святаго Павла; на обояхъ, составлявшихъ запрестольный образъ, представлено въичаніе Богородицы. Пиллстры, раздѣлявшіе главные предметы одинъ отъ другаго были украшены арабесками. Подъ каждой большой картиной находилось по двѣ маленькихъ, писанныхъ одноцвѣтомъ, съ золотомъ. «Побіеніе Святаго Стефана» и «Изведеніе изъ темницы Святаго Петра», были гораздо уже прочихъ, потому что, съ одной стороны, находился тронъ папы, а съ другой галерея для пѣвчихъ. Впослѣдствіи, фрески на концѣ капеллы были стерты, для того чтобъ очистить мѣсто для «Послѣдняго Суда» Микель-Анджело. Въ Hampton-Court'ъ находятся только семь картоновъ; не достаетъ четырехъ, «Въичанія Богородицы», «Обращенія Святаго Павла», «Побіенія Святаго Стефана», и «Изведенія изъ темницы Святаго Павла». Тринадцать обоевъ, изображающихъ происшествія изъ жизни Иисуса Христа существуютъ донынѣ въ Ватиканъ; они были сотканы уже послѣ смерти Рафаэля, большею частію съ рисунковъ его учениковъ. Изъ его собственныхъ рисунковъ остались только «Избіеніе младенцевъ» и «Поклоненіе волхвовъ». Исключая замѣчаній о картонахъ, и немногихъ подробностей, все прочее, что разказываетъ господинъ Пассаванъ о послѣднихъ годахъ жизни Рафаэля, не новость. Онъ вычисляетъ имена всѣхъ ученыхъ людей, которыми былъ наполненъ дворъ Льва X, чтобъ показать въ какомъ образованномъ кругу находился въ это время Рафаэль; но многіе изъ этихъ людей были и при дворѣ Юлія. Авторъ выпустилъ, однако жъ, изъ виду комментаріи на басни Апулея, изданныя старшимъ Бероальдо. Эта книга, напечатанная въ первый разъ въ 1501 году и перепечатанная снова въ 1512, черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти ученаго издателя, составляла любимое чтеніе людей хорошаго общества, и отличалась своимъ отчаяннымъ платонизмомъ. Очень легко могло случиться, что сынъ Бероальдо, который былъ бібліотекаремъ Ватикана, въ то время когда написаны фарнезскіе фрески, подаль Рафаэлю мысль написать исторію любви Амора и Психеи.

Страсть къ классическимъ образцамъ, перенесенная на нѣтъ фамиліи Медичи изъ Флоренціи въ Римъ, мало-по-малу заразила художниковъ и литераторовъ: въ самомъ дѣлѣ,

классическій вкусъ въ высшей степени развитія, замѣтитъ уже въ произведеніяхъ Джуліо Романо. Вазари справедливо говоритъ, что Рафаэль посылалъ рисовальщиковъ въ различные мѣста Италіи и даже въ Грецію собрать антики. На одной гравюрѣ 1519 года, представляющей pedestalъ Θεодосіевой колонны въ Константинополь, находится слѣдующая надпись: *Basamento de la columna di Constantinopoli, mandato a Rafaello da Urbino*. Знаменитый барельефъ Аморгини, въ церкви Santo Vitale, въ Равеннѣ, высѣченъ съ рисунка самого Рафаэля. Рафаэль постоянно намѣревался сдѣлать нѣсколько рисунковъ по описаніямъ греческихъ картинъ, и въ послѣднее время, чтобъ хорошо ознакомиться съ архитектурой древнихъ, поручилъ ученому Фабиусу Равенскому перевести для себя на италіанскій языкъ Витрувія. Изъ письма Кастильоне къ Циглеру, видно, какое важное участіе принималъ Рафаэль въ судьбѣ этого почтеннаго старика. Не говоря уже о томъ, что это участіе лучшее доказательство благородства и нравственныхъ чувствъ великаго художника, оно лучше всего убѣждаетъ, какъ неосновательность рассказъ Вазари о порочной страсти и связяхъ Рафаэля съ Форнариною, которой даже приписываютъ смерть художника. До Вазари, никто изъ біографовъ Рафаэля не упоминалъ объ ней ни слова. Этого роду исторіи приписывались тогда въ публикѣ всѣмъ великимъ художникамъ и поэтамъ. Какая критика нынче вѣритъ въ знаменитую страсть Тассо къ Леонорѣ? — а между тѣмъ біографы и драматурги основали на этой баснѣ сотни другихъ басенъ, которыми искажена біографія новѣйшаго Виргидія. Беатрица Данте, Лаура Петрарки, были только ихъ поэтическими идеалами, быть-можетъ даже мистическими метафорами: но послушайте біографовъ, — такъ они наскочутъ вамъ такихъ чудесъ объ этихъ красавицахъ и о страсти къ нимъ двухъ прославленныхъ поэтовъ, что невольно поверите, будто оны и въ самомъ дѣлѣ существовали.

Ватиканскіе фрески, оставленныя неоконченными Рафаэлемъ, дописаны его учениками Джуліо Романо и Франческо Пенни. Изъ скульптурныхъ произведеній, рисунковъ и мраморная статуя Юды слѣданы самимъ Рафаэлемъ. Статуя рабаго дитяти, котораго несетъ дельфинъ, какъ ка-

жется; тоже его работы. Слѣпокъ съ нея находится въ Президентской галерей: гдѣ мраморный оригиналь — не известно.

Неисследованная Джамбаттиста Пиззери, сарфировалъ подлинъ, ивыясняя «сарфировъ Рафаэля» расписана спусти двадцать лѣтъ послѣ смерти художника, по заказу Гвидубальдо II. Рисунки и исполненіе принадлежатъ Баттисту Франко, Ораціо Фонтанъ и Рафаэлю del Colle. Имя послѣдняго, вѣроятно, подало поводъ къ предположенію, будто самъ Рафаэль участвовалъ въ этой работѣ.

Если мысль, написать Страшный Судъ, Микель-Анжелю пришла со Страшнаго Суда Синьорелли, то легко могло быть, что и Рафаэлева «Битва Константина» взята съ фрески Пистро дела-Франчесна, находящагося въ Арещо. Все, что было прекраснаго по части искусствъ, въ этомъ городѣ, Рафаэль легко могъ видѣть, провѣщая такъ часто изъ Флоренціи въ Перуджію и Урбино. Кроме-того, какъ рисунки древнихъ художниковъ сохранялись тщательно, то очень естественно, что Рафаэль видѣлъ многіе эскизы съ фресковъ капеллы, рисованныхъ, въ Пизѣ, Триани, ученикомъ Орканьи.

Вазари говоритъ, что на нижней части одного изъ этихъ фресковъ, представлено было совѣщаніе Отцовъ Церкви, и что верхняя часть была занята фигурами Иисуса Христа, Евангелистовъ и небесныхъ духовъ. Сходство этого фреска съ «Теологіею», или *Disputa del sacramento*, слишкомъ очевидно. «Фигура святаго Фомы Аквинскаго, продолжаетъ Вазари, находится между фигурами Платона, который показываесть ему Тимаоса, и фигурою Аристотеля, который держитъ въ рукахъ свою иѣику». Въ «Афинской Школѣ» этия двужь философамъ даны Рафаэлемъ тѣ же самыя атрибуты. Вазари говоритъ также, что въ монастырѣ Santo Spirito, во Флоренціи, находился полу-круглый фрескъ, работы Стефано, ученика Джотто, изображающій «Преображеніе»; и что внизу картины художникъ помѣстилъ Спасителя, исцѣляющаго большую женщину: сюжетъ чрезвычайно сходный съ сюжетомъ послѣдней картины Рафаэля. Изгнаніе изъ раю Адама и Евы, въ ватиканскихъ ложахъ,

тоже скопировано, съ небольшимъ измененіемъ, съ картины Масаччіо. Сюжеты «Ананія», «Юродиваго на порогахъ храма», «Петра и Павла передъ проконсуломъ», «Освобожденія Святаго Петра», и многихъ другихъ картинъ, Рафаэль почерпнулъ изъ книгъ Апостоловъ. Впрочемъ, «Петръ и Павелъ передъ проконсуломъ» рисованы уже Филиппино Липпи, которому также принадлежитъ «Мученіе Святаго Петра», «Петръ въ темницѣ», и «Изведеніе Петра ангеломъ».

Объ образъ жизни и привычкахъ Рафаэля нѣтъ ни какихъ почти свѣденій. Все, что объ немъ извѣстно, взято изъ его собственноручныхъ писемъ, изъ Вазари, и переписки современниковъ; но этого слишкомъ мало, чтобы вывести какое-нибудь положительное заключеніе объ его характерѣ. Анекдотовъ, о годахъ его ученической жизни у Перуджино, не дошло до нашего времени. Описывая жизнь флорентинскаго архитектора и скульптора *Vassio d'Agno*ю, Вазари говоритъ, что, въ мастерской этого знаменитаго художника, обыкновенно собирались его сотоварищи и многіе любители искусствъ, и что, въ долгіе зимніе вечера, тутъ происходили любопытные споры о разныхъ важныхъ предметахъ, — *si facevano bellissimi discorsi e dispute d'importanza*. Сюда приходили *Андреа Сансовино*, *Филиппо Липпи*, *Антоніо Джуліано да-Санъ-Галло*, многіе молодые флорентинцы и иностранцы; иногда тутъ бывалъ и *Микель-Анджело*. Въ этомъ обществѣ, вѣроятно, познакомился Рафаэль съ *Таддео-Тадден*, *Лоренцо Нази*, и другими художниками и знатоками. Въ письмѣ своемъ въ Урбино, Рафаэль проситъ принять какъ можно въжливѣе друга и патрона своего, *Таддео-Тадден*.

«Если *Тадден*, о которомъ я такъ часто писалъ къ вамъ, пріѣдетъ въ Урбино, пріймите его какъ-можно ласковѣе, не жалѣйте ни какихъ издержекъ, и окажите, ради меня, всякое вниманіе чловѣку, которому я обязанъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ.» Въ томъ же письмѣ есть одно выраженіе, которое ясно показываетъ, что Рафаэлю помогали въ работахъ его ученики. «Я приготовилъ картонъ, и послѣ святой недѣли мы начнемъ картину.»

Васъма замѣчательно письмо его къ дядѣ, писанное пер-
ваго іюля 1514 года.

«Любезный дядюшка и второй отецъ! (Carissimo in Christo
patre!) Я получилъ ваше письмо: оно очень меня обрадовало;
изъ него я вижу, что вы на меня не сердитесь; впрочемъ,
это было бы и несправедливо: подумайте, какъ тяжело пи-
сать, когда нѣтъ ничего важнаго. Теперь, когда мнѣ есть о
чемъ переговорить съ вами, я пишу. Начнемъ съ женитьбы.
Что касается до дѣвушки, которую вы мнѣ предлагали, я
чрезвычайно доволенъ, и непрерывно благодарю Бога, что
я на ней не женился. Въ этомъ случаѣ я поступилъ гораздо
умнѣе васъ, которому такъ хотѣлось сладить это дѣло. Я
знаю, и теперь вы сами убѣдились, что, если бы я послѣдовалъ
вашему совѣту, то никогда бы не былъ въ томъ положеніи,
въ какомъ нахожусь теперь. Въ эту минуту у меня въ
Римѣ есть имѣнія, по-крайней-мѣрѣ на три тысячи золо-
тыхъ дукатовъ, и пятьдесятъ золотыхъ кронъ доходу. Его
святѣйшество платитъ мнѣ ежегодно по триста золотыхъ
дукатовъ за надзоръ надъ постройками въ соборъ Святаго
Петра, и это содержаніе обезпечено мнѣ на всю жизнь. Та-
кую же сумму я имѣю еще въ виду; кромѣ-того за мою ра-
боту мнѣ платятъ все, чего бы я ни запросилъ. Теперь я
началъ еще одну комнату для его святѣйшества: она прине-
сетъ мнѣ также около тысячи двухъ сотъ дукатовъ золотомъ.
Такимъ образомъ я дѣлаю честь вамъ, всѣмъ моимъ род-
нымъ и соотечественникамъ; но это не мѣшаетъ мнѣ любить
васъ всѣмъ сердцемъ: когда я слышу ваше имя, мнѣ кажет-
ся, будто я слышу о моемъ родномъ отцѣ. Пожалуйста, не
сердитесь, что я не пишу: скорѣе же мнѣ надобно сердить-
ся: у васъ непрерывно въ рукахъ перо, а вы не пишете
ко мнѣ по шести мѣсяцовъ! Возвратимся однако жъ къ на-
шему предмету, къ женѣ. Вамъ вѣрно извѣстно, что карди-
наль Бибисна хочетъ выдать за меня свою близкую род-
ственницу, внучатную племянницу, но требуетъ вашего
согласія. Я обѣщалъ его высокостепенству исполнить все,
что ему угодно, и не могу измѣнить своему слову. Мы почти
готовы кончить это дѣло; скоро я извѣщу васъ обо всемъ.
Не оскорбляйтесь, ради Бога: если это ни чѣмъ не кончит-
ся, тогда я исполню все, что вамъ будетъ угодно. Ужъ если

Франческо Буффа съдѣлая хорошую партію, то какъ же не съдѣлать мнѣ! Я могу сейчасъ найти въ Римѣ хорошенькую дѣвушку (una matrona bella) изъ хорошей семьи; мнѣ обещаютъ дать за нею въ приданое три тысячи дукатовъ, золотомъ. Между-тѣмъ я живу въ Римѣ, гдѣ сто дукатовъ, право, больше значатъ чѣмъ двести въ Урбинѣ. По причинѣ построекъ Святаго Петра я непременно долженъ жить здѣсь. Вы знаете, что я занимаю мѣсто Браманте. Да и какое мѣсто въ свѣтъ можетъ быть славнѣе Рима! какое предпріятіе важнѣе построекъ Святаго Петра, перваго храма въ цѣломъ мірѣ, величайшаго строенія во вселенной, которое будетъ стоять болѣе милліона золотомъ! Знайте, что папа назначилъ ежегодно на это строеніе шестьдесятъ тысячъ дукатовъ. Онъ только объ немъ и думаетъ; мнѣ далъ въ товарищи очень умнаго монаха, человека, которому больше осьмидесяти лѣтъ. Папа, какъ кажется, видитъ, что этому старику не долго останется жить, и потому назначилъ ему жалованье какъ моему помощнику. Онъ извѣстный и опытный человекъ; я многому могу у него научиться. Его зовутъ Фра Джокондо. Папа всякой день присылаетъ за нами и советуется о постройкахъ. Прошу васъ, сходите къ герцогу и герцогинѣ, и скажите имъ, что одинъ изъ слугъ ихъ проситъ вспомнить о себѣ. Поклонитесь отъ меня всемъ моимъ друзьямъ, особенно Ридольфо, который такъ ко мнѣ былъ привязанъ.

El vostro: Rafael, pittore in Roma.

Alli primo Giuglio, 1514.

Марія Бибіена, съ которою наконецъ Рафаэль былъ обрученъ, умерла до свадьбы: «ante nuptiales faces virgo est elata», говоритъ эпитафія. Нѣтъ ни какого повода предполагать, чтобъ со стороны Рафаэля были какія-нибудь затрудненія. Предположеніе, будто бы онъ добивался кардинальской шапки — пустая выдумка Вазари. Готовность Рафаэля исполнять, при такомъ важномъ дѣлѣ, волю другихъ какъ-будто-бы у него не было своей собственной, совершенно въ духѣ того времени. Кроме того видно, что

Рафаэль, forse на противидѣя пресобамъ, родившимся въ
вступилъ въ бракъ, но, какъ благоразумный человекъ, по-
тѣлъ прежде, устроить свое состояніе. Когда онъ женился
на сѣ Французскою, цинего, не держитъ. La Богатина,
Меминкова дочка, ретъ все, ятѣ дошло до насъ объ этой
мнимой любимицѣ великаго живописца. Смерть всего — исто-
рія этой чудесной Трастоверинки — поэтическій вымыселъ
тушыхъ биографовъ. Господинъ Пассаватъ, тоже не от-
крылъ ничего новаго. Мнимый портретъ ея находится во
дворцѣ Питти. Чтѣ касается до портретовъ самого худож-
ника, то лучшій изъ нихъ — во Флоренціи.

Смерть Рафаэля была оплакана всею дворомъ; самъ папа
горько печалился. Кастильоне, который былъ нѣжно къ
нему привязанъ, писалъ къ своей матери, черезъ нѣсколько
мѣсяцовъ, послѣ смерти Рафаэля: «Я, слава Богу, здоровъ,
но мнѣ скучно въ Римъ, потому что здѣсь нѣтъ больше
моего милаго Рафаэля. Che Dio abbia quell' anima bene-
detta!»

Рафаэль похороненъ въ Пантеонѣ, или Santa Maria della
Rotonda, вблизи того мѣста, гдѣ положено тѣло его обру-
ченной невѣсты; смежныя мѣста были разобраны извѣст-
ными художниками того времени, Бальдасаре Перуцци,
Джованни да-Удине, Пьеррино дель-Вага, Таддео Цуккарро, и
многими другими. Вся они были погребены здѣсь. Вслѣд-
ствіе споровъ, возникшихъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ,
между антикваріями, о церкви, въ которой погребено тѣло
Рафаэля, вышло разрѣшеніе разрыть могилу. Послѣдствія
доказали, что описаніе Вазари совершенно справедливо:
гробница найдена въ томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ онъ
разсказываетъ; гробъ былъ обитъ многими желѣзными
обручами, и заколоченъ гвоздями. Нѣкоторые изъ нихъ
взяты скульпторомъ Фабрисомъ; у него же находится отло-
мокъ отъ черепа и костей правой руки. Судя по отломку,
черепокъ былъ прекрасной формы. Кости руки сохранились
совершенно, но разсыпались въ прахъ, когда съ нихъ
сняли съпокъ. Скелетъ былъ длиною въ пять футовъ и
семь дюймовъ. Эти драгоценныя остатки снова погребены
въ томъ же мѣстѣ, въ великолѣпномъ саркофагѣ, подарен-
номъ папою.

При открытіи гробу присутствовали депутаты отъ многихъ ученыхъ обществъ и другихъ мѣстъ. Въ числѣ ихъ находился одинъ изъ достойнѣйшихъ послѣдователей Рафаэля, знаменитый германскій живописецъ Овербекъ, которому мы обязаны этими подробностями, изложенными въ письмахъ къ директору Вайту :

«Духъ великаго художника погребенъ гораздо глубже, нежели его кости.»

=

нство ее состоитъ въ томъ, что она питается на безплодныхъ горахъ и тучнѣетъ на такихъ пастбищахъ, на которыхъ другія породы не могли бы существовать.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ породъ — исландская (*Ovis aries polycerata*), распространенная тоже въ Норвегіи, Даніи и по разнымъ другимъ возвышеннымъ мѣстамъ сѣвера. Она отличается тѣмъ, что какъ бараны такъ и овцы имѣютъ по три рога, изъ которыхъ два улиткообразно загнуты по сторонамъ головы, а третій между ними торчитъ прямо вверхъ; впрочемъ, встрѣчаются и такіе бараны, у которыхъ по четыре, по пяти и даже до осьми роговъ, окружающихъ голову животного въ видѣ вѣнца. Эта овца красно-бурого цвѣту и небольшого роста. Она покрыта руномъ, состоящимъ изъ трехъ слоевъ шерсти различнаго качества; нижній слой состоитъ изъ тонкаго, шелковистаго пуху; средній составляетъ настоящую шерсть, довольно грубую, жесткую, надъ которой торчитъ еще слой прямыхъ, гладкихъ и лоснящихся волосъ. Эта овца даетъ пуху слишкомъ фунтъ, другой шерсти около семи десяти золотниковъ, а волосъ около пятнадцати золотниковъ. Она не боится морозовъ, проводитъ весь годъ на дворѣ и даже зимою отъискиваетъ кормъ изъ-подъ снѣгу.

Африка не такъ богата разнообразными породами овецъ, какъ Европа и Азія. Большая часть тамошнихъ породъ принадлежитъ къ жирно-хвостымъ (*Ovis platyura Africana*), которыя разсыпаны по всемъ береговымъ владѣніямъ этого огромнаго материка. По различію мѣстностей африканскія овцы покрыты то шерстью, то волосами, и имѣютъ вдоль шеи и груди толстую складку кожи. Роговъ у нихъ обыкновенно нѣтъ. Длинные хвосты снабжены по бокамъ сальными наростами. Вообще африканскія породы принадлежатъ къ великорослымъ. Замѣчательнѣе прочихъ — алжирская, снабженная рогами и имѣющая тонкую, густую, мягкую шерсть. Нѣкоторые думаютъ, не безъ основанія, что алжирская овца — настоящая родоначальница испанскаго племени мериносовъ.

По странному образованію, нужно еще упомянуть о гвинейской длинно-ногой овцѣ (*Ovis aries longipes*), которая

водится впрочем и въ северной Африкѣ; она замѣчательна по тому, что высота ея превышаетъ длину. Вышина ея безъ четверти два аршина, длина же аршинъ съ четвертью; подъ шеей у нея два висячіе нароста и желтоватая грива, оканчивающаяся на груди ключкомъ волосъ. Эта овца покрыта грубыми, жесткими волосами.

На американскомъ материкѣ, кромѣ *сеарской* овцы (*Ovis agries Seagana*), покрытой, по рассказамъ, длинною, кудрявою, мягкою шерстью, не находили вовсе овецъ. Выгонъ или викуна (*Ovis radu* или *Camelus vicuna*), и перуанская овца или лама (*Ovis glama*), которыхъ прежде причисляли къ породѣ овецъ, отнесены новѣйшими естествоиспытателями къ роду верблюдовъ. Европейскія тонкорунныя овцы, переселенныя въ Америку, выродились и замѣнили тамъ свою тонкую шерсть грубыми волосами.

Въ Австраліи тоже не открыто ни одной породы туземныхъ овецъ, но переселенныя туда европейскія породы размножаются хорошо. Утверждаютъ однако жъ, будто тамошній климатъ не благоприятствуетъ сохраненію самыхъ тонкорунныхъ породъ, и шерсть переселенныхъ овецъ далеко уступаетъ шерсти испанскихъ родоначальницъ.

III.

Испанскія овцы.

Испанія — настоящее отечество разныхъ породъ нынѣшнихъ тонкорунныхъ овецъ; но и въ этой классической землѣ овцеводства, не всѣ овцы принадлежатъ къ драгоценному племени мериносовъ. Здѣсь также есть простая, коренная, туземная овца, называемая «курросъ», похожая формами тѣла на муфлонъ. Шерсть ея ничѣмъ не лучше шерсти нашей обыкновенной русской овцы; она груба, цвѣту, на головѣ и ногахъ, краснаго, а на прочихъ частяхъ тѣла бурога, чернаго, или бѣлаго. Отъ совокупленія курросовъ съ тонкорунными мериносами произошло множество улучшенныхъ породъ различнаго достоинства, съ бѣлою

иде, черную шерстью, т.е. есть, породам испанских мериносов и др. породы, скоты, леонских, шлёнокъ. Однако же, кроме (вотъ; эти, простые и. испанских) породы, в Испани, хотя не въ самомъ изобилии, водятся крошечныя меринсы, которые съ самаго водворенія своего на полуостровъ, равнозначны, единственно между собою, безъ всякой примеси сторонней крови. Это обстоятельство, такъ же какъ и, несомнѣнно въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій особаго роду ухода за этими овцами, сдѣлали то, что крошечныя испанскія меринсы приняли особенный, себя однимъ свойственный, наружный видъ, и покрылись густымъ руномъ необыкновеннаго устройства. Рунъ это состоитъ все изъ маленькыхъ косичекъ, большой, мелкой, шелковистой, чрезвычайно тонкой и кудрявой шерсти. Крошечный испанскій меринсъ, улучшился, почти во всей Европѣ, породы овецъ, съ которыми совокулялся, потому что, въ, больше или меньше, передалъ, отпечатокъ своихъ отличныхъ качествъ. Сельское хозяйство Германіи вообще, а Баваріи въ особенности, обязаны ему значительнымъ источникомъ богатства.

Испанскіе меринсы ведутъ въ своемъ отечествѣ всегдѣшнюю кочевую жизнь, и потому ихъ называютъ «кочевыми» *merinos transhumatos*, а по мѣсту, гдѣ они пасутся большую часть года, «леонскими» и «соріанскими». Первая изъ этихъ породъ — лучшая, и одна признается настоящею, благородною породою меринсовъ; во второй уже находятъ примѣсь крови простыхъ и улучшенныхъ шлёнокъ, и шерсть ея, меньше тонкая, продается дешевле шерсти леонскихъ овецъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что оба эти породы меринсовъ встрѣчаются тоже и не кочевья, такъ сказать, осѣдлая; онѣ извѣстны подъ именемъ *Merinos eszanty*, и проводятъ дождливое и холодное время года не на открытомъ воздухѣ, а подъ крышей.

Трудно опредѣлить съ некоторою достоверностью, каковы образцы и откуда образовалась въ Испании порода меринсовъ. Мнѣнія объ этомъ различны. Некоторые полагаютъ, что тонкорунныя овцы водились здѣсь уже въ глубокой древности, и отъ нихъ, по прямой линіи, производятъ настоящія меринсы, которые предки деспавляна Тира-

намъ шерсть для выдѣлыванія тонкихъ пурпуровыхъ тканей, составлявшихъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ тогдашней торговли. Поборники этого мнѣнія производятъ мериносовъ изъ Малой-Азійи и особенно изъ Колхиды, гдѣ преимущественно водились высшіе разборы древнихъ теокорунныхъ овецъ. Порода мериносовъ, исподволь перешедшая въ Грецію, а оттуда въ Нижнюю Италію, подъ названіемъ «греческой овцы», была впоследствии перевезена Финиціанами въ Испанію, гдѣ уцѣлѣла въ первобытномъ состояніи, между-тѣмъ какъ опустошительныя войны вовсе истребили ее въ первоначальномъ отечествѣ. Если принять въ соображеніе климатъ и гористое мѣстоположеніе Анатоліи и Минтрелии, сходныя съ климатомъ и мѣстоположеніемъ Испаніи, гдѣ находимъ теперь нынѣшнихъ превосходныхъ мериносовъ, то гипотеза эта пріобрѣтетъ много вѣроятности, тѣмъ болѣе, что новѣйшія наблюденія неоспоримо доказали, что въ Западной-Азійи нѣкогда существовали теокорунныя овцы, которыхъ порода, время отъ времени, могла усовершенствоваться безъ особеннаго затрудненія. Стоитъ взглянуть на волосъ дрянной овцы и сравнить его съ тончайшею шерстью овецъ Кашемира и Тибета, чтобы увѣриться до какой изумительной степени эти животныя способны перерождаться; послѣ этого уже ничуть не покажется невозможнымъ, что овца колхидская, переселенная въ благоприятную для нея Испанію, улучшилась при постоянномъ пособіи искусства и доведена до теперешняго своего состоянія.

Однако жъ, не всѣ овцеводы согласны съ этимъ мнѣніемъ. Въ числѣ ихъ есть такіе, которые не шутя увѣрены сами и не шутя увѣряютъ другихъ, что не время, не благоприятныя обстоятельства, не искусство имѣли главное вліяніе на происхожденіе мериносовъ, но что порода ихъ произошла отъ совокупленія простыхъ овецъ съ козлами, или козъ съ баранами. Эти господа, — ихъ называютъ *капротами*, сирѣчь «поборниками козьяго вліянія», — приводятъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія нѣсколько случайныхъ фактовъ и нѣсколько предположеній, опирающихся на шаткомъ основаніи «этимологическихъ» имени нѣкоторыхъ

естествоиспытателей, которые, конечно, и сами не воображали, что слова их подадут поводъ къ такой удивительной догадкѣ. Но какъ ни странна столь изысканная родословная мериносовъ, а капристы говорятъ, что въ числѣ другихъ новѣйшихъ натуралистовъ самъ Кювье признаетъ ближайшее родство между родомъ козъ и родомъ овецъ, и полагаетъ, будто отъ взаимнаго ихъ совокупленія можетъ произойти потомство, способное само въ себя къ дальнѣйшему размноженію. Господинъ профессоръ Шмальцъ, извѣстный сочиненіемъ «Объ облагораживаніи домашнихъ животныхъ», увѣряетъ даже, что ему извѣстно стадо овецъ въ Пруссіи, происшедшее отъ совокупленія польскихъ козъ съ простыми прусскими баранами, и «поэтому» положительно доказываетъ, что нечистая козья кровь дѣйствительно можетъ течь въ благородной породѣ овецъ. Далѣе, извѣстно, что у козъ, подъ верхними грубыми волосами находится весьма тонкій мягкій пухъ, котораго нѣтъ ни у муфлона, ни у происшедшихъ отъ него простыхъ овецъ: следовательно, по умозаключенію господина Шмальца, пухъ этотъ вовсе несвойственъ овечьему роду. Но «поелику» мериносы покрыты весьма мягкою пушистою шерстью, которая должна же была откуда-нибудь взяться, то профессоръ Шмальцъ и полагаетъ, что козы, при совокупленіи съ баранами, передали свой пухъ происшедшему отъ нихъ потомству, и что «оный» пухъ принялъ на тѣхъ «вышереченнаго» потомства всѣ качества мелковолосой шерсти, отчего и могла образоваться особая порода, извѣстная подъ названіемъ мериносовъ. Ученый профессоръ думаетъ даже, что посредствомъ совокупленія козловъ съ овцами, очень бы легко произвести такую породу овецъ, которая была бы покрыта густымъ руномъ лучшаго пуху, и замѣчаетъ, что онъ гдѣ-то видѣлъ на рунахъ мериносовъ, приведенныхъ изъ Испаніи, множество твердыхъ козьихъ волосъ, торчащихъ изъ-за косичекъ шерсти, и что шеи и заднія части этихъ мериносовъ были чуть ли не совсѣмъ безшерстны, и только изрѣдка прикрыты козьими волосами. Все это, по мнѣнію ученаго господина Шмальца, указываетъ на происхожденіе мериносовъ отъ козьяго роду, тѣмъ болѣе что и козы и овцы ходятъ беременными одина-

ковое число двей. Онъ говоритъ еще, что ему случалось встрѣчать барановъ, кровныхъ; мериносовыхъ барановъ, которые, о ужасъ! висѣли подъ шеею такія же мясистые, грушевидные наросты, висящіе на тонкихъ нитяхъ, какія бывають у козловъ, такъ, что однажды онъ видѣлъ подъ подбородкомъ барана клокочъ волосъ, живо напоминающій козлиную бороду!.... Теперь, когда волосы и борода, эти два признака, принимаемые за исключительную принадлежность козьяго рода, показались господину профессору недостаточными для различенія козловъ отъ барановъ, то онъ обратилъ свое вниманіе на ихъ другія примѣты. Рога, разсуждаетъ онъ, могутъ ли служить къ достаточному распознаванію обѣихъ породъ?.... Правда, рога у козловъ бывають, обыкновенно, стоячіе, довольно длинныя и летонько загнутые назадъ. Такъ что жъ? развѣ нѣтъ породы козъ, у которыхъ рога завиты разъ и два раза, какъ напримѣръ у мягкошерстныхъ козъ іудейскихъ? и развѣ нѣтъ барановъ съ прямыми, или едва загнутыми, рогами? Подобныя козьи рога особенно встрѣчаются у овецъ мериносовыхъ, а бараны этой породы бывають иногда и вовсе безрогіе. Господинъ Шмальцъ утверждаетъ также, что ни борода, идущая у овцы отъ внутренняго угла глаза вдоль по лицу, ни висящій хвостъ ея, не могутъ служить отличительными признаками разности породъ, потому, дескать, что есть козы, у которыхъ не имѣется помянутой борозды, а хвостъ-де у козловъ и козъ не виситъ а торчитъ вверхъ, потому что они характеромъ веселѣе овецъ.

Принимая такимъ образомъ возможность плодовитаго потомства отъ совокупленія козьяго и овечьяго родовъ, капристы говорятъ, что оба эти рода не что иное какъ одно видоизмѣненіе одной и той же породы, и если прислушаться къ сужденію капристовъ, то, пожалуй, подумаешь, что между козой и овцой нѣтъ ни какого различія, или что по крайней-мѣрѣ требуется обширной учености и глубокихъ разысканій чтобы открыть его; а между-тѣмъ, каждый деревенскій мальчикъ, съ перваго взгляду, опредѣлитъ что коза, что овца.

Какъ ни различны между собою овечьи породы, образо-

важняся подь вліяніемъ различныхъ климатовъ и обстоятельствъ, но всѣмъ имъ свойственна особая фізіономія и особенный типъ, которые совершенно отличаютъ ихъ отъ козьей породы; и если есть породы козъ и овецъ, не легко различаемыя по описанію господъ натуралистовъ, то виноваты въ томъ отнюдь не овцы, а сами господа естествоиспытатели, не обращающіе на свое дѣло достаточнаго вниманія. Но господа капристы ошибаются, когда разсматриваютъ, для различія родовъ, нѣкоторые ихъ признаки поодиначкѣ, а не всѣ всовокупности, затѣмъ что по такой методѣ не трудно будетъ доказать родство между горбоносимъ степнымъ конемъ и горбоносимъ меринсомъ, а тутъ ужъ одинъ шагъ и до горбоносаго понугая! Для чего брать признаки породъ порознь? Берите ихъ всѣ вмѣстѣ, и тогда найдете очевидное различіе. Есть, конечно, козы съ рогами завитыми въ кольцо, но всё же онѣ не меринсы, по той простой причинѣ, что на нихъ нѣтъ меринсовой шерсти; есть, конечно, бараны съ козлиными рогами, но всё же они не козы, потому что нѣтъ на нихъ козлиныхъ волосъ. Тождество родовъ козлиного и овечьего скорѣе бы можно выводить изъ наблюденій нѣкоторыхъ естествоиспытателей, особенно Кювье, что роды эти, при взаимномъ совокупленіи, способны производить плодовитое потомство. Однако же фактъ этотъ опровергается другими наблюдателями, которые допускаютъ, но какъ большую рѣдкость, происхожденіе дѣтей отъ козла и овцы, и то дѣтей неспособныхъ къ дальнѣйшему размноженію. Такіе ублюдки покрыты овечьей шерстью, черемшанною съ значительнымъ количествомъ лоснящихся козьихъ волосъ; но настоящаго козьаго пуху не находили въ рунахъ этихъ животныхъ, которыхъ шерсть оставалась неизменною, и не оказывала ни какой склонности къ улучшенію. Козы не передаютъ пуху своимъ ублюдкамъ, и потому невѣроятно чтобы они могли когда-нибудь содѣйствовать къ улучшенію овецъ и произведенію меринсовъ. Притомъ козы обрастаютъ пухомъ только къ холодному времени года, а въ теплыхъ климатахъ и вовсе его не имѣютъ: изъ чего слѣдуетъ заключить, что пухъ этотъ служитъ имъ одною только вспомогательною защитою отъ суровой погоды, и

пропадает тотчасъ какъ пройдетъ въ немъ надобность, а потому и не есть непремѣнная, постоянная принадлежность козьяго роду. Что касается до совокупленія барана съ козю, то оно встрѣчается чрезвычайно рѣдко, потому что баранъ имѣетъ почти неодолимое отвращеніе отъ тяжелаго козьяго запаха; по этому и наблюденія надъ происходящимъ отъ нихъ приплодомъ весьма затруднительны и до сихъ поръ не доставили ни какихъ удовлетворительныхъ выводовъ. Такимъ точно образомъ, и прямыя, лоснящіеся волосы, находимые во множествѣ въ рунахъ самыхъ густошерстныхъ мериносовъ, и принимаемые за признакъ тяжеловѣсности руна, не могутъ служить обличеніемъ вліянія козловъ на происхожденіе мериносовъ. Волосы эти, похожіе на тѣ, которыми покрываются овечьи породы жаркихъ странъ, указываютъ только на образованіе первобытныхъ мериносовъ въ жаркомъ климатѣ; и предположеніе это становится вѣроятнымъ, когда вспомнимъ, что лоснящіеся, такъ называемые «собачьи», волосы мериносовъ растутъ преимущественно на складкахъ ихъ кожи, составляющихъ какое-то наследственное болѣзненное измѣненіе, и развивающихся въ испанскихъ стадахъ отъ вліянія тамошнихъ обильныхъ пастбищъ; эти складки, тѣ же что жирныя, уродливыя, хвосты азіатскихъ овецъ, что туневдныя растенія, которыми обилуютъ деревья полуденныхъ странъ. Съ переселеніемъ породы мериносовъ въ болѣе холодныя края Германіи, складки на ихъ тѣлѣ, если не совсемъ исчезли, то по-крайней-мѣрѣ значительно уменьшились, а волосы и вовсе пропали, такъ, что на саксонскихъ мериносахъ попадаютъ какъ рѣдкое извѣтіе. Ясно, что если бы даже и нельзя совершенно отрицать сродства родовъ козьяго и овечьяго, то тѣмъ не менѣе не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что ни одно изъ послѣднихъ современныхъ наблюденій не доказываетъ вліянія козьяго нуху на улучшение шерсти мериносовъ, и производить ихъ породу отъ смѣшенія козловъ и овецъ такъ же не естественно, какъ основать на вѣршій поступи осла вліяніе его на породу арабскихъ лошадей. Притомъ нельзя упустить изъ виду и еще одного обстоятельства, свидѣтельствующаго о разности органическаго образованія роду овецъ и роду козъ, это тѣ,

что первыя, даже въ дикомъ состояніи, подвержены болѣз-
ни, называемой «вертежь», которой вовсе не бываетъ у
вторыхъ.

Очевидно, что не смѣшеніе между собою козьяго и овечь-
яго родовъ составляетъ причину разнообразія овечьихъ по-
родъ, встречаемаго во всѣхъ частяхъ Стараго Свѣта, и при-
чину происхожденія меринотовъ. Нѣтъ сомнѣній, что перво-
начальнымъ новодомъ къ образованію безконечныхъ видо-
измѣненій, были различныя климаты, въ которые пересел-
ялись овцы, и зависящія отъ этихъ климатовъ количество
и качество корму, такъ же какъ жаръ и холодъ, сухость и сы-
рость, и самый способъ совокупленія и присмотра, отъ кото-
раго зависитъ главнѣйшая причина измѣненія породъ всѣхъ
домашнихъ животныхъ, что особенно доказано саксонски-
ми и англійскими скотоводами, которые, въ наше время,
вывели, по своему произволу и сообразно съ требованіями
современной промышленности, почти новыя породы разныхъ
животныхъ. Вліяніе овцеводовъ на образованіе множества
нынѣ существующихъ породъ овецъ чрезвычайно значи-
тельно; естественно, что каждый хозяинъ-овцеводъ старал-
ся развить въ своемъ стадѣ тѣ качества, отъ которыхъ на-
дѣялся большаго выгоды: кто заботился о количествѣ мя-
са и сала, кто о достоинствѣ и тонинѣ руна. Но здѣсь мы
не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, потому
что недавно говорили о немъ въ этомъ же журналѣ.

По историческимъ свидѣтельствамъ видно, что порода
меринотовъ образовалась исподоволь, постепеннымъ улуч-
шеніемъ шерсти, отъ попеченія опытныхъ скотоводовъ,
Арабовъ, завладѣвшихъ въ осьмомъ столѣтіи Испанією.
Неизвѣстно, перенесли ли Арабы улучшенныхъ овецъ изъ
Африки въ Гренаду, или занялись улучшеніемъ породъ тамъ
найденныхъ; однако жъ вѣроятно, что тонкорунная овца
происхожденія африканскаго, потому что, по извѣстіямъ,
почитаемымъ достоверными, африканскіе купцы въ XII
столѣтіи привезли въ Кадиксъ барановъ, покрытыхъ тон-
кою бѣлою шерстью. Кадикскій житель, Маркусъ Колумел-
ла приобрьлъ этихъ новопривезенныхъ овиновъ, и употреб-

алль ихъ на улучшение своего стада простыхъ испанскихъ овецъ. Увѣряютъ, что пощѣтка его была не безуспѣшна, но что, по тогдашнему смутному для Испаніи времени, не нашлось подражателей его примѣру. Между-тѣмъ слава марежскихъ овецъ распространилась болѣе и болѣе, такъ, что во второй половинѣ XIV столѣтія, они обратили на себя вниманіе Петра IV, короля аррагонскаго, который приказалъ покупать ихъ въ мавританскихъ владѣніяхъ, въ Африкѣ, и улучшать ими породы испанскихъ овецъ. Должно думать, что послѣдствія этой мавры были не безъ уснѣху, потому что позднее, въ XV столѣтіи, кардиналъ Келменесъ объявлялъ уже королю Фердинанду Католику всеную волюзу, которая прѣстекла бы для Испаніи отъ повсемѣстнаго распространенія въ ней улучшенныхъ тонкорунныхъ овецъ. Дальновидный завоеватель Испаніи, покровитель Колумба и асъхъ полезныхъ учрежденій, призналъ важное вліяніе овцеводства на народное богатство, и отдалъ приказаніе пріобрѣтать покупкою въ марежскихъ владѣніяхъ значительное число тамошнихъ знаменитыхъ тонкорунныхъ овецъ. Сказываютъ, что въ одномъ походѣ, совершенномъ его войсками въ африканскія владѣнія Мавровъ, военачальникамъ приказано было преимущественно стараться захватывать побольше тонкорунныхъ овецъ и отправлять ихъ въ Испанію; увѣряютъ даже, что самый походъ этотъ былъ предпринимаемъ единственно съ цѣлью награбить значительное число такихъ животныхъ. Стало-быть походъ Аргонавтовъ — не единственный примѣръ значительнаго воинскаго покушенія изъ-за однихъ овечьихъ рунъ, и покоритель испанскихъ Арабовъ, знаменитый Фердинандъ Католикъ, считалъ завладѣніе тонкорунными овцами достаточною причиною для вторженія въ заморскія владѣнія Мавровъ.

Африканскія омы, переселенныя такимъ образомъ въ четырнадцатомъ, и особенно въ пятнадцатомъ, столѣтіяхъ въ Испанію стали какъ-бы тамошними прародителями, однако же удержали за собою названіе *маринось*, превратившееся втеченіи времени въ *меринось*, которыми омычались заморское ихъ происхожденіе. Въ заморскихъ африканскихъ

владѣніяхъ, изъ которыхъ выведены были прародители мериносовъ, теперь уже нѣтъ такихъ тонкорунныхъ овецъ, какъ ихъ испанское потомство: почему и слѣдуетъ прибавить, что выходы, въ новомъ отечествѣ своемъ, значительно улучшились противъ своихъ африканскихъ земляновъ. Должно думать, что прежде жарній климатъ Испаніи, соответственное совокувленіе однихъ лучшихъ животныхъ; рѣшительное отстраненіе смѣшенія съ туземными курросами, и особенно попечительный уходъ за стадами, были причиною такого благоприятнаго измѣненія въ рунгахъ переселенцевъ, что самое случилось и впоследствии при ихъ новыхъ переселеніяхъ въ болѣе умеренныя страны и при тщательнѣйшемъ обращеніи съ ними. Шерсть мериносовъ съ пятнадцатаго столѣтія стала славиться тонкою и мягкою, скоро превзошла все прочіе роды шерсти, и удерживала за собою это преимущество до образованія саксонской или электоральной породы.

Разнообразіе въ породахъ овецъ, находящихся въ самомъ отечествѣ тонкорунныхъ мериносовъ, доказываетъ, что онѣ обязаны своимъ существованіемъ неодному испанскому климату. Исключительное вліяніе климата на происхожденіе этой породы должно отрицать еще и по тому, что въ африканскихъ владѣніяхъ Мавровъ теперь уже не водятся тонкорунныхъ овецъ, между-тѣмъ какъ климатъ тѣхъ странъ не измѣнился; а съ другой стороны, мы видимъ, что мериносы, переселенные въ разные, болѣе холодныя, климаты, не только сохранили свойственныя имъ качества шерсти, но, при соответственномъ съ ними обращеніи, еще и значительно улучшились. Должно думать, что въ слѣдствіе упадка просвѣщенія между африканскими Арабами, утратились и познанія въ дѣлѣ овцеводства, отчего порода тонкорунныхъ овецъ, образованная сначала искусствомъ, а потомъ предоставленная произволу природы и вліянію мѣстности, утратила свои искусственныя качества и возвратилась къ первоначальному характеру: извѣстно, что въ дикомъ состояніи мериносы нигдѣ не водятся и, кажется, никогда не водились.

Настоящіе мериносы, составляющіе въ Испаніи стада

леонскихъ пачевыхъ овецъ, отличаются отъ всѣхъ другихъ породъ не только тѣшиною и особеннымъ мелковолнистымъ образованіемъ шерсти, но и особеннымъ складомъ. Формы ихъ вообще неуклюжія, округленныя. Голова немного длиннѣе и толще чѣмъ у простыхъ овецъ, носъ очень горбатый, особенно у барановъ. Подъ внутренними углами глазъ видны, преимущественно у овецъ, длинныя, довольно глубокія, борозды; уши, особенно у молодыхъ животныхъ, длиннѣе нежели у простыхъ овецъ. Бараны имѣютъ большіе рога, кольцеобразно загнутые назадъ и внизъ, концы которыхъ, поровнявшись съ глазомъ, торчатъ въ сторону. Безрогіе бараны составляютъ изъятія изъ правила, точно такъ же какъ и рогатые овцы. Туловище толстое и въ отношеніи къ длинѣ, короткое. Ноги средней длины, но скорѣе могутъ назваться короткими чѣмъ длинными. Шея пропорціонально короткая и толстая, и снизу окружена болѣе или менѣе большими складками кожи. Спина широкая, крестецъ круглый, покатый. Хвостъ, довольно длинный, покрытый шерстью, выходитъ между двухъ складокъ. Вообще порода мериносовъ оказываеетъ менѣе живости нежели другія породы; живетъ долго; полного образованія своего достигаетъ на дву-лѣтнемъ возрастѣ, и тогда же, безъ вреда, можетъ принести перваго ягненка.

Какъ бы ни былъ единообразенъ наружный видъ испанскихъ кочевыхъ мериносовъ, но всё-таки въ качествѣ шерсти различныхъ стадъ оказывается замѣтная разность. То же различіе можно замѣтить и между многими животными, составляющими стадо, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются болѣею тѣшиною и мягкостью шерсти, отлогими, округленными волнистостями шерстинокъ, и менѣе складистымъ образованіемъ кожи, между-тѣмъ какъ другія, такъ сказать, тонуть въ большихъ складкахъ, помѣщенныхъ вокругъ шеи, на бокахъ и около хвоста, и соединяютъ съ такимъ образованіемъ кожи шерсть менѣе тонкую и мягкую, съ волнистостями болѣе крутыми, не столь отлогими, а руна ихъ бываеетъ тяжеловѣснѣе. По этому различію въ наружномъ видѣ мериносовъ и образованіи шерсти, при совершенно одинаковомъ образѣ жизни животныхъ, нѣкоторыя овцево-

ды, и въ числѣ ихъ знаменитый Теръ, предполагали, что въ Испаніи образовались и существуютъ двѣ различныя между собою породы овецъ. Однихъ, покрытыхъ большими складками и тяжеловѣснѣйшимъ руномъ, плотно закрытымъ, состоящимъ изъ косицъ или тупоконечныхъ пучковъ менѣе тонкой и мягкой шерсти, короткой отъ крутыхъ волнистостей на шерстинкахъ, назвали породою *негретти*, или *инфантадо*; а другихъ, менѣе складчатыхъ, покрытыхъ руномъ, составленнымъ изъ косицъ болѣе мелкихъ и остроконечныхъ, шерсти болѣе тонкой и мягкой, съ волнистостями на шерстинкахъ болѣе округленными и отлогими, — породою *эскуріаль*.

Если въ числѣ приведенныхъ изъ Испаніи мериносовъ, а особенно между заграничнымъ ихъ приплодомъ, и оказывались животныя, подававшія поводъ къ предположенію о существованіи двухъ различныхъ между собою породъ, негретти или инфантадо и эскуріаль, то овцеводы, наблюдавшіе испанскія стада на мѣсть, рѣшительно отвергаютъ такое различіе въ породахъ, какъ вовсе не существующее въ отечествѣ мериносовъ. Между прочимъ, извѣстный овцеводъ австрійскій, господинъ Петри, изучившій испанскихъ мериносовъ въ домашнемъ ихъ быту, на отечественныхъ нивахъ, увѣряетъ, что между стадами инфантадо и эскуріаль не существуетъ ни какого различія въ характеръ шерсти, и что, слѣдовательно, не должно обозначать этими именами двухъ особыхъ, различныхъ между собою, породъ. Онъ нашелъ, что стада инфантадо, гвадалупское, негретти, эскуріаль, и многія другія, составляютъ по качеству шерсти, впрочемъ совершенно одинаковаго образованія, лучшія изъ всѣхъ леонскихъ кочевыхъ стадъ. Шерсть ихъ, длиною отъ полутора до двухъ съ половиною вершковъ, не выпускается за границу, а вся поступаетъ на королевскую суконную фабрику въ Гвадалахарь.

Впрочемъ, по свидѣтельству господина Петри и другихъ овцеводовъ, побывавшихъ въ Испаніи, тамошняя леонская кочевая порода, составляющая настоящихъ коренныхъ мериносовъ первой доброты, допускаетъ нѣкоторыя различія

въ наружномъ видѣ овецъ. Изъ которыхъ нѣтъ этихъ стадъ составлены нѣтъ животныя, очень коротконожкія, съ тупоугольнымъ толстымъ, округленнымъ, обвислымъ, съ широкимъ и крестцомъ и толстою шеей; эти-то животныя въ особенности изуродованы большими складками на разныхъ частяхъ тѣла, и главное подъ шеей, что увеличиваетъ руноносную поверхность. Въ другихъ стадахъ ноги мериносовъ длинныя, туловище и шея болѣе стройныя, складки менѣе выдаются, и при дѣтнѣшемъ образовании всаждъ формъ руно бываетъ менѣе тяжеловѣсно. Кроме этихъ двухъ племенъ мериносовъ, самыхъ, такъ сказать, науклюжихъ, встрѣчаются овцы, которыя занимаютъ средину между показанными двумя крайностями, и удерживаютъ однако же образование руна и качества шерсти отличить мериносовъ.

Лучшая порода деонскихъ кочевыхъ овецъ, нынче у насъ известная подъ именемъ инфантадо, преимущественно уважается и разводится въ Испаніи; она отличается отъ всѣхъ другихъ породъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, толстыми, округленными формами, и множествомъ складокъ на тѣлѣ, особенно развитыхъ и отвисающихъ подъ шеею, такъ, что составляютъ родъ ошейника, опускающагося двумя и тремя ярусами до груди, а у некоторыхъ и еще ниже. Голова у инфантадо больше нежели у другихъ породъ, и кроме носа, вся покрыта шерстью и волосами, такъ, что лобъ и щеки почти сливаются съ шеею. Носъ шире чѣмъ у другихъ видовъ и болѣе горбать; уши короче, прѣже и покрыты довольно твердыми волосами. Грудь закрыта виспающими шейными складками; спина и крестецъ необыкновенно широки. Туловище очень толстое, науклюжее, спускается низко, и стоитъ на короткихъ, крѣпкихъ ногахъ, покрытыхъ шерстью до самыхъ копытъ. Руно ихъ густое, сжатое, на поверхности ровное, темнаго цвѣту, составлено изъ тупоконечныхъ косицъ, образующихъ на поверхности руна широкія отдаленія. Шерсть ихъ средней толщины, замѣтно толще нежели у другихъ породъ, особенно же: отстаетъ отъ саксонской и въ толщину и въ мягкость. Шерстинныя волнистыя, съ незначительными круто согнутыми. Урав-

ншіе руна вообще неудовлетворительные. Недостатки состоятъ въ томъ, что руна сѣверокавказнаго животнаго гладкиѣ, абсолютному твердыѣ, такъ немыслимыѣ, собачьиѣ волось; покрывающіѣ особенно складки въ тѣлахъ овецъ, что не оставляютъ места самой шерсти.

Такое образование мерновосью составляетъ тѣмъ наибольшее указанный Испанички, и потому овцы всѣхъ хорошихъ овецкихъ кочевьяхъ стады, съ незначительными только измѣненіями, подпадаютъ подъ этотъ образецъ совершенства, полагаемому тамашнимъ овецводами не столько въ тонину и мягкости шерсти, въ совершенномъ отсутствіи собачьихъ волось, уравнию, и другихъ качествахъ руна, сколько въ тѣжеломъ его вѣсѣ. По этой причинѣ, порода ифантадо почитается тѣмъ благороднѣею, чѣмъ болѣе на тѣхъ овцы находится большихъ складокъ, хоть бы покрытыѣ волосами, но увеличивающіѣ руноносную поверхность, и чѣмъ гуще, сѣтѣе руно и длиннѣе шерсть. Вѣдѣнно, что тонина и уравнию шерсти — тѣ же качества и принимаются въ соображеніе при опредѣленіи степени благородства животнаго. Такія складистыя животныя имѣютъ сверхъ-того руна весьма плотно закрытыя на поверхности и не пропускающія ни пыли ни дождя, что также заставляеть предпочитать эту породу менѣе густорунныхъ овецъ, не столько защищеннымъ отъ сырости, холоду и жару.

Кромѣ большихъ складокъ, хорошая овца породы ифантадо должна имѣть туловище какъ-можно болѣе объемистое, и оттого дающее болѣе шерсти. Если со всеми этими качествами баранъ соединяетъ тонину шерсти и хорошее уравнию ея на оконечностяхъ туловища, то онъ на племя цѣнится высоко.

Способъ содержанія этихъ тонкорунныхъ овецъ и веденіе породы во всей чистотѣ и неизмѣнности, напоминаетъ своею простотою незатѣливые пріемы вѣдѣнія патриархальныхъ, сходствуя во всеѣ съ овецводствомъ нашихъ кочующихъ соседей, Киргизовъ. Со времени введенія мери-

посою въ Испаніи, всему сословію мериносоводовъ, состоящему болышею частью изъ богатыхъ владѣльцевъ высшаго дворянства, присвоено право пасты свои стада на пастбищахъ значительной части государства, на которыхъ овцы проводятъ круглый годъ, переходя съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ истребленія корму и смотря по временамъ года. Для склдованія стада черезъ поля населенныхъ мѣстъ, проведены особыя овечьи дороги, соединяющія между собою обширныя пастбищныя мѣста; дороги эти, шириною отъ пятнадцати до тридцати сажень, заросли травой, и означены особыми столбами. Разумѣется, ѣздить по нимъ никому не позволено. По этимъ пастбищнымъ трактамъ, похожимъ на наши малопроезжія столбовыя дороги, переключиваются овцы весною отъ юга къ сѣверу, а осенью идутъ обратно въ полуденныя провинціи, стадами въ тысячу и тысячу пять сотъ головъ. Въ этихъ безпрерывныхъ путешествіяхъ овцы останавливаются на назначенныхъ ночлегахъ и пасутся на опредѣленныхъ пастбищахъ; ночью стада неидутъ. Поятъ ихъ одинъ разъ въ день, если возможно утромъ.

Каждая изъ двухъ породъ кочевыхъ мериносовъ леонскихъ и соріанскихъ занимаетъ особыя части государства, предоставляемыя ей закономъ. Соріанскія овцы зимуютъ въ юго-восточныхъ провинціяхъ; имъ предоставлена Мурція, большая часть Андалузій и часть Новой-Кастиліи до границъ Эстремадуры, откуда онѣ весною отправляются въ походъ, по направленію къ Мадриту, а оттуда къ Соріи. Тутъ стада расходятся по ближнимъ горамъ, на прохладныя пастбища, распространяясь до рѣки Эбро, къ Наваррѣ. Въ сѣверную часть этого королевства, какъ и въ Каталонію и Валенцію, овцы не заходятъ, потому что эти провинціи не подлежатъ законоположенію объ общественныхъ пастбищахъ (mesta). Леонскія кочевыя стада занимаютъ западную часть Испаніи, къ границамъ Португаліи. Они зимуютъ въ Манчѣ и Эстремадурѣ, особенно по лѣвому берегу рѣки Гвадіаны, до границы Андалузій, и съ наступленіемъ весеннихъ жаровъ начинаютъ путешествіе свое къ сѣверу, въ направленіи къ Сеговіи, откуда, послѣ стрижки,

танутся въ ближнія горы обныхъ Пастбищъ; потомъ слѣдуютъ къ Бургосу, проходятъ по тамошнимъ горамъ и равнинамъ на обширныхъ пастбищахъ леонскаго королевства до границъ Галиціи, Астурии и Бискайн. Провинціи, прилегающія къ Бискайскому заливу и Пиренейскимъ горамъ, изъяты отъ пастбищнаго права, и потому кочевья стада до нихъ вовсе не доходятъ. По этой-то причинѣ меринесовъ тамъ не водятся, и замѣнены простыми курросами и метисами.

Съ наступленіемъ холоднаго времени въ сѣверныхъ горахъ, кочевья стада оставляютъ возвышенныя, прохладныя пастбища, служившія имъ убъжищемъ во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, изсушающихъ южныя равнины, и возвращаются въ полуденныя теплыя мѣста, гдѣ проводятъ зиму подъ открытымъ небомъ. Овцеводы основательно полагаютъ, что обычай перегонять на лѣто стада на прохладныя горныя снаты и возвышенныя равнины, и возвращать ихъ на зиму въ теплыя долины полуденныхъ провинцій, доставляетъ овцамъ почти круглый годъ одинаковую температуру, и много споспѣшествовалъ къ улучшенію шерсти переселенныхъ въ Испанію африканскихъ прадковъ меринесовъ.

При выступленіи стада на лѣтнія пастбища, овцы слѣдуютъ особыми отдѣленіями, а бараны идутъ особо и ихъ не спускаютъ до самаго времени стрижки, котѳрая производится въ нарочно устроенныхъ стригальныхъ заведеніяхъ. Потомъ, въ половинѣ іюня мѣсяца, когда матки начинаютъ грѣться, пускаютъ къ нимъ барановъ, въ числѣ четырехъ на каждую сотню овецъ, и онѣ мѣсяца два остаются вмѣстѣ. По окончаніи оплодотворенія, барановъ опять отдѣляютъ въ особыя стада. Оба пола употребляются для размноженія лѣтъ шесть, и не болѣе семи, а потомъ сбываются мясникамъ. Однако же бараны считаются племенными обыкновенно не долѣе четырехъ, пяти лѣтъ, потомъ поступаютъ въ валухи и продаются.

Главные условія годности барана къ поддержанію поро-

ды, то понятіямъ испанскихъ пастуховъ, суть, здоровья; крѣпкое тѣлосложеніе, и руно ошатое, густое, дающее возможно большее количество шерсти; остальные качества, тонина, мягкость шерсти и прочія, принимаются въ соображеніе какъ второстепенныя потребности. Такой порядокъ сортировки совершенно согласуется съ кочевью: жизнью меринесовъ, при которой крѣпкое тѣлосложеніе, способное противостоятъ ежедневнымъ измѣненіямъ погоды, есть конечно такое условіе, безъ котораго всякое стадо, даже въ испанскомъ климатѣ, уничтожилось бы въ два три года. Какъ самыя крѣпкія и очень рослыя животныя болѣею частью носятъ на себя руно посредственной тонины, то ясно почему испанская шерсть никогда не достигала до той степени тонины и шелковистости, до которой она въ послѣдствіи доведена въ саксонскихъ стадахъ, гдѣ при осѣломъ родѣ жизни и хорошихъ овчарняхъ, выборъ на племя барановъ и овецъ опредѣлялся преимущественно тониною, шелковистостію и уравниемъ шерсти, какъ первостепенными качествами, которымъ часто даже жертвовали густотою руна и силою племянныхъ животныхъ. Такіе бараны, конечно, нѣжные сложеніемъ, но эта изнѣженность не помѣшала преуспѣнію стада, потому что вмѣстѣ съ переходомъ овецъ отъ полуденной кочевой жизни къ спокойной осѣлости, хозяева были въ состояніи доставить имъ и нужную защиту отъ вліянія непогодъ. Испанскіе пастухи, которымъ предоставлена вся забота о качествѣ и числѣ въяремыхъ имъ стадъ, поступаютъ, слѣдовательно, весьма благоразумно, если, соразбно обстоятельствамъ, жертвуютъ высшимъ качествомъ шерсти крѣпкому тѣлосложенію своихъ овецъ. Такимъ же образомъ поступаютъ Калмыки, Киргизы, и другіе кочевые народы, у которыхъ овцы зимою ходятъ въ поля. Примѣромъ этимъ могутъ руководствоваться всѣ хозяева, чьи стада находятся въ подобномъ безпріютномъ положеніи, особенно въ нашихъ степяхъ, гдѣ по недостатку въ строевыхъ матеріалахъ, многочисленныя стада проводятъ почти круглый годъ подъ открытымъ небомъ,

Имѣя постоянно въ виду, чтобы кочевыя стада вмѣщали въ себя самыхъ крѣпкихъ, сносныхъ, неутомимыхъ жи-

вотельхъ, шопрытыхъ, хорошею, густою шубою; испанские пастухи оставляють на племя только тѣхъ ягнятъ, которые родятся покрытые душистыми волосами. Имъ навѣрно изъ опыту, что такіе ягнята будутъ имѣть рудо густое, сжатое, очень плотно закрытое. Матери убиваемыхъ ягнятъ поступаютъ въ кормилицы къ другимъ новорожденнымъ, хорошаго тѣлосложенія, которые отъ двойнаго количества молока быстро развиваются и укрепляются. Распоряженіе это безъ-сомнѣнія чрезвычайно хорошо прицаровлено къ воспитанію крѣпкаго, сноснаго приплода, преимущественно необходимаго для кочеваго стада.

Владѣльцы леонскихъ кочевыхъ мериносовъ, имѣя стада совершенно самостоятельныя, употребляютъ всегда племянныхъ барановъ изъ приплода собственныхъ стадъ; но соріанская порода, какъ обыкновенныя метисы, для улучшенія своихъ качествъ часто совокупляется съ баранами леонской породы, что, конечно, могло бы имѣть весьма благопріятныя послѣдствія на овчарную промышленность, если бы этимъ дѣломъ руководствовали толковыя, знающіе овцеводы, а не невѣжды пастухи. Различія замѣчаемая въ добротѣ различныхъ стадъ кочевыхъ мериносовъ, основываются единственно на болѣе или менѣе строгомъ истребленіи слабѣйшихъ и нѣжвѣйшихъ новорожденныхъ ягнятъ, и неизмѣнномъ, постоянномъ выборѣ на племя однихъ самыхъ крѣпкихъ животныхъ. Такимъ образомъ на нѣкоторыхъ стадахъ утвердились эти качества преимущественно передъ другими, менѣе тщательно сортируемыми, и чѣмъ ближе подходитъ все стадо къ этому типу совершенства, по испанскимъ понятіямъ, основаннымъ на потребности мѣстныхъ обстоятельствъ, тѣмъ оно лучше.

Несмотря на благорастворенный, теплый климатъ Испаніи и въковую привычку леонскихъ стадъ къ трудностямъ кочевой жизни, множество ягнятъ изнемогаетъ подъ вліяніемъ жаровъ, дождей, бурь, и часто отъ необходимости усиленныхъ переходовъ, крайне утомительныхъ. По этой причинѣ испанскіе пастухи не истребляютъ ни одного изъ молодыхъ ягнятъ, найденнаго достойнымъ къ продолженію роду; на представляютъ въ стадо, на случай неблагопріят-

ныхъ обстоятельствъ, могущихъ вступить значительное число племенныхъ барановъ.

Мериносовыя матки леонскихъ стадъ, при хорошихъ пастбищахъ и благоприятной погодѣ, обыкновенно начинаютъ грѣться во второй половинѣ юня. Принимая въ соображеніе ихъ кочевую жизнь, должно думать, что природа сама назначила это время для ихъ совокупленія. Предположеніе это оправдывается на дѣлѣ тѣмъ, что отъ такого порядка ягнята рождаются не въ жаркое лѣтнее время, которое могло бы причинить имъ смертельную болѣзнь, а въ ноябрь и декабрь, которые въ южной Испаніи отличаются умеренною теплою воздухомъ и роскошною зеленью пастбищъ, двухъ необходимыхъ условій для жизни новорожденныхъ ягнятъ, не переносящихъ ни сильнаго жару ни холоду. Сытно кормясь материнскимъ молокомъ, которыми изобилуютъ овцы отъ достаточнаго количества хорошаго зеленого корму, ягнята подрастаютъ видимо и скоро научаются щипать молодую траву. Это такъ способствуетъ ихъ развитію, что около четырехъ-мѣсячнаго возрасту они совершенно отлучаются отъ матерей-кормилицъ и пускаются на одинъ подножный кормъ. Съ окончаніемъ четырехъ-мѣсячнаго возрасту, ягнята довольно крѣпки чтобы вмѣстѣ съ старыми овцами выступить въ походъ къ сѣвернымъ горамъ. Конечно, многіе изъ нихъ погибаютъ въ путешествіи, и потому для хозяевъ было бы выгодно выдержать ихъ до слѣдующей весны подъ защитою отъ непогодъ и лѣтняго зноя, но въковой обычай противится такому распоряженію и велитъ ягнатамъ начинать кочевую жизнь съ самаго нѣжнаго возрасту.

Такое воспитаніе ягнятъ не причиняетъ владѣльцамъ стадъ ни какихъ хлопотъ, и если они принимали бы надлежащія мѣры къ ихъ защитѣ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, то этотъ способъ былъ бы для теплой Испаніи самый выгодный. Все попеченіе, которое пастухи имѣютъ о молодыхъ ягнатахъ, состоитъ въ томъ, что отрезаютъ имъ острымъ ножомъ хвосты на два пальца отъ основанія, чтобы не накопидлись вокругъ нихъ нечистоты, портящія шерсть ближнихъ частей. Можетъ-быть операція эта не-

обходима еще и для того, чтобы свойственный меринсамъ длинный, толстоватый хвостъ, оставаясь короче, не наполнился саломъ, какъ бываетъ у другихъ породъ, и такъ не лишился бы питанія и надлежащаго развитія руноносную ихъ кожу.

Предупреждая вредъ, который бараны могли бы нанести другъ другу рогами, ихъ обыкновенно лишаютъ этого украшенія. Отсыченіе роговъ производится однако жъ не пилою, какъ у насъ; испанскіе пастухи для этой операціи ставятъ барана такъ, чтобы отсыкаемый рогъ лежалъ на колодь, потомъ приставляютъ къ нему острый топоръ въ разстояніи около двухъ съ половиною вершковъ отъ корня рога, и бьютъ по немъ молотомъ, пока рогъ не перерубится. Этотъ отвратительный способъ отсыченія роговъ причиняетъ несчастному животному чрезвычайное сотрясеніе, и потому не заслуживаетъ подражанія.

Такъ какъ леонскія кочевья стада не имѣютъ осѣлости, то и стрижка ихъ производится на походъ. Для этого устроены въ различныхъ мѣстахъ, по трактамъ слѣдованія стада, особые дома и обширные навѣсы для складыванія шерсти. Стрижка леонскихъ кочевыхъ овецъ производится въ окрестностяхъ Сеговіи, гдѣ много стригальныхъ заведеній, окруженныхъ обширными пастбищами, достаточными для прокормленія исподоволь прибывающихъ многочисленныхъ стадъ. По существующему издревле обычаю, ко времени стрижки, продолжающейся со второй половины апрѣля до половины іюня, стекаются къ стригальнымъ заведеніямъ покупщики шерсти, которые сторговываютъ ее на овцахъ, по цѣнамъ полагаемымъ кругомъ за каждое руно всего стада. Какъ покупщики при торгѣ смотрятъ только на пышную наружность и тяжеловѣсность руна, то владельцы стада и обращаютъ вниманіе на усовершенствованіе однихъ этихъ качествъ. По окончаніи торга, приступаютъ къ стрижкѣ, безъ предварительнаго мытья шерсти на овцахъ. Мытье снятой шерсти производится въ особыхъ заведеніяхъ, устроенныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть годная, чистая, мягкая вода.

Во время стрижки идетъ торговля овцами, особенно тѣ-

ли, которые отделяются пастухами въ счетъ живованья, въ такомъ образѣ обыкаются. Вся слабая животность, которая бы могла вътруднить безостановочное оидовоженіе пастуховъ, колони.

Закономъ постановлено, чтобы каждое стадо имѣло для отличія отъ другихъ особый свой знакъ или тавро, по которому можно бы узнавать всѣхъ къ стаду принадлежащихъ овецъ. Безъ такой предосторожности было бы невозможно раздѣлить нечаянно смѣшавшіяся стада, и спорамъ не было бы конца. По этому каждой овцѣ выжигаютъ на носу условное для стада тавро, состоящее обыкновенно изъ начальной буквы имени владѣльца, а другое клеймо накладываютъ только что остриженному животному на бокъ: это послѣднее не выжигается, а печатается спускомъ изъ смолы и сала. Наконецъ, чтобы рваные концы шерсти предохранить отъ порчи, происходящей часто, особенно въ весьма жаркіе годы, отъ солнечнаго зноя, остриженныхъ овецъ обыкновенно обмазываютъ жидко разболтанною съ водой глиною, и такъ отнускаютъ въ походъ. Однако жъ это полезное обыкновеніе принято не во всѣхъ стадахъ. Овчары уверяютъ, что обмазываніе глиною предохраняетъ овецъ и отъ зараженія коростою, часто встречаемой въ испанскихъ стадахъ.

Количество шерсти, получаемое съ испанскихъ меринсовъ, весьма различествуетъ по добротѣ стада, зависящей отъ постоянной, строгой браковки всѣхъ малорослыхъ, жидкорунныхъ, слабыхъ, бользенныхъ и старыхъ животныхъ. Качество и количество корму, различное по свойству пастбищъ и году, и зависящее отъ заботливости пастуховъ, болѣе или меньше старающихся о выборъ лучшихъ мѣстъ, имѣютъ также непосредственное вліяніе на доброту руна. Стада, всегда строго сортируемая и составленныя изъ животныхъ весьма густорунныхъ, приносятъ болѣе шерсти и цѣнятся выше тѣхъ, въ которыхъ браковка производится небрежнѣе и спусходительнѣе. Вообще считаютъ, что послѣ теплой зимы, обильной подножннмъ кормомъ, съ одного и того же стада получается шерсти болѣе чѣмъ послѣ зимы холодной, сопряженной съ недостат-

комъ травъ и дѣйствующей вредно на здоровье овецъ. Таки-
кимъ же образомъ замечено, что въ мокрый годъ полу-
чается шерсти латвю процентами менше нежели въ сухой,
хотя бы изобиліе корму и было достаточное. Среднимъ чи-
сломъ получаютъ со взрослой овцы отъ двухъ съ половиною
до четырехъ фунтовъ, а съ взрослого барана до шести и
даже осми фунтовъ прогонной шерсти; есть примѣры, что
очень рослые бараны, съ руномъ чрезвычайно густымъ и
длинною шерстью, давали до цѣлаго десятка фунтовъ; впро-
чемъ, это — исключеніе.

Кромъ хорошихъ пастбищъ и благопріятной погоды,
испанскіе овчари полагаютъ необходимымъ, для способст-
вованія росту шерсти и здоровью овецъ, давать имъ въ
пищу соль. Она дается въ количествѣ около одного пуда
на сотню головъ въ годъ, и разсыпается на гладкихъ утѣ-
сахъ, гдѣ овцы, чрезвычайно любящія соль, лижутъ ее съ
жадностью. Если соль и не составляетъ вездѣ необходимо-
сти для сохраненія здоровья овецъ и успѣшнаго росту ихъ
шерсти, то тѣмъ не менше не подлѣжитъ сомнѣнію, что въ
кочевыхъ стадахъ, подверженныхъ вліянію мокроты и не-
погоды, и бывающихъ часто въ необходимости питаться
кормомъ, смоченнымъ отъ дождя и росы на сырыхъ, боло-
тистыхъ мѣстахъ и пить воду нездоровую, — общеприня-
тый обычай давать овцамъ соль много содѣйствуетъ къ
сохраненію ихъ здоровья, и въ слѣдствіе того можетъ спо-
собствовать лучшему росту шерсти. Но при другихъ об-
стоятельствахъ, это средство вовсе не нужно: осѣдлыя ста-
да, предохраняемыя родомъ жизни и попеченіемъ хозяевъ
отъ обыкновенныхъ вредоносныхъ вліяній, могутъ безъ
малѣйшаго вреда обходиться безъ соли.

Естественно, что при одинаковомъ родѣ жизни и содер-
жанія, при одинаковыхъ пріемахъ и цѣли всѣхъ овцеводовъ
производить овецъ густоруноныхъ, съ пожертвованіемъ въ
осу руна качествомъ шерсти, наружность многочисленныхъ
стадъ сдѣлалась совершенно одиобразною. Не мудрено,
что такое направленіе овцеводной промышленности, вынуж-
денное мѣстными обстоятельствами, было причиною, что
шерсть мериносская съ давняго времени не только не улуч-

шалась, но не одностороннему направленію овцеводства и совершенному небреженію о качествах шерсти, въ ней появились недостатки, которые, при переселеніи мериносовъ въ Саксонію, исподоволь исчезли, потому что главное вниманіе овцеводовъ постоянно было обращено на улучшение качества руно. Къ такимъ недостаткамъ мериносовой испанской шерсти принадлежатъ попадающіеся въ рунахъ многочисленныя волосы двойкаго рода: одни прямыя, короткіе, бѣлые, лоснящіеся, довольно твердые; другіе, такіе же, но еще длиннѣе и немного волнистыя. При испанскомъ способѣ мытья шерсти, послѣ стрижки, волосы эти бѣльшею частью выпадаютъ изъ руно, и потому мало причиняютъ вреда; но когда шерсть моется на овцахъ, какъ въ остальной Европѣ, то волосы эти остаются въ рунахъ, составляютъ порчу весьма непріятную для фабрикантовъ, и значительно уменьшаютъ цѣнность шерсти. Въ саксонскихъ стадахъ существованіе волосъ въ рунахъ почитается большимъ порокомъ и оказывается только въ стадахъ самыхъ простыхъ, удержавшихъ за собою первоначальный типъ леонскихъ овецъ или такъ называемой породы инфантадо; въ хорошихъ саксонскихъ овчарняхъ, у такъ называемыхъ электоральныхъ овецъ, порокъ этотъ вовсе уничтожился вмѣстѣ съ складками, главнымъ мѣстороженіемъ волосъ.

Однако жъ не все мериносовыя стада леонской породы кочуютъ: есть и осѣдлыя мериносы этого племени, содержимыя при имѣніяхъ, точно такъ, какъ у насъ. Такія осѣдлыя стада встрѣчаются особенно вблизи кочевыхъ трактовъ леонскихъ овецъ, отъ которыхъ они ведутъ свой родъ. Владѣльцы небольшихъ земель ежегодно покупаютъ на мѣстахъ стрижки бракъ изъ кочевыхъ стадъ, то есть, старыхъ матокъ и молодыхъ овецъ, поступающихъ на жалованье пастухамъ. Но какъ все овцеводство предоставлено на распоряженіе пастуховъ, то само собою разумѣется, что они выбираютъ на свою долю лучшихъ животныхъ, за которыхъ получаютъ высшую плату, и такимъ образомъ осѣдлыя стада состоятъ частью изъ старыхъ отборныхъ матокъ, частью изъ лучшихъ молодыхъ овецъ, а потому и шерсть осѣдлыхъ стадъ, предохраняемыхъ отъ

всякаго неблагоприятнаго вліянія непогодъ, значительно превосходить доброю шерсть кочевыхъ стадъ. Самые лучшіе осёдлые мериносы встрѣчаются небольшими стадами въ отдаленныхъ гористыхъ мѣстоположеніяхъ, далеко отъ большихъ дорогъ и селеній, и принадлежатъ мелкимъ владѣльцамъ; прежнимъ овчарямъ, которые предохраняютъ ихъ отъ прикосненья посторонней крови, оставляя на пастбищахъ однихъ только отборныхъ барановъ и матокъ. Въ такихъ стадахъ, естественно, находятся мериносы высшаго разбору и самой чистой крови, которые самими владѣльцами цѣнятся такъ высоко, что мало находится охотниковъ покупать ихъ. Зная превосходство своихъ барановъ и чистоту ихъ крови, эти мелкіе владѣльцы хвастливо излагаютъ передъ посѣтителемъ родословную отборныхъ животныхъ, какъ Арабы хвастаются вѣковыми родословными своихъ лошадей. Если осёдлая жизнь улучшила качество шерсти леонскихъ мериносовъ, зато, по увѣренію очевидцевъ, стала причиною недостатка, не встрѣчаемаго въ рунахъ кочевыхъ овецъ: недостатокъ этотъ состоитъ въ жирѣ, покрывающемъ ихъ шерсть, который сообщаетъ поверхности руна не желто-буро-сѣрый, а черноватый отливъ, и дѣлается столь вязкимъ, что трудно смывается. Оттого-то шерсть осёдлыхъ мериносовъ теряетъ при мытьѣ болѣе вѣсу, нежели шерсть кочевыхъ овецъ. То же самое обстоятельство замѣчено на испанскихъ мериносахъ, переселенныхъ въ другія страны. Они передали свой вязкій, смолистый жиръ потомству, и жиръ этотъ составляетъ одинъ изъ недостатковъ породы инфантадо вездѣ, гдѣ она водится. Нельзя, однако жъ, не упомянуть, что въ Германіи, мериносы, съ чернымъ отливомъ руна, принимаются за особое племя леонскихъ овецъ, отличаемое названіемъ негретти, по черноватому ли цвѣту своей шерсти или по имени одного изъ большихъ владѣльцевъ стадъ, графа Негретто.

Кромѣ леонскихъ кочевыхъ и осёдлыхъ мериносовъ, въ Испаніи водится на высокихъ горахъ еще особая порода осёдлыхъ же мериносовъ, весьма малаго росту, которые даютъ шерсть превосходнаго качества, и, относительно малаго объема тѣла, въ большомъ количествѣ. Полагаютъ,

что эта порода чистой крови происходит отъ леонскихъ кочевыхъ мериносовъ, потерявшихъ большой ростъ отъ скуднаго содержанія на высотахъ, покрытыхъ нѣсколько мѣсяцовъ сряду глубокимъ снѣгомъ. Господинъ Петри думаетъ, что эта порода въ рукахъ искусныхъ овцеводовъ, при заботливомъ, хорошемъ за нею уходѣ, доставляла бы хозяевамъ даже болѣе выгодъ чѣмъ леонскіе мериносы; но эта порода не водится нигдѣ кромѣ испанскихъ горъ, и мы не имѣемъ фактовъ въ подкрѣпленіе этого мнѣнія.

БАРОНЪ ФЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНВЕРГЪ.

=

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

IV.

Саксонскіе, или электоральные, мериносы.

Во время жестокихъ и губительныхъ войнъ, свирѣствовавшихъ въ Испаніи съ перваго десяти-лѣтія нынѣшняго вѣка, печальный жребій истребленія постигъ, между прочимъ, огромное число мериносовъ. Сказываютъ, что прежнія многочисленныя кочевыя стада, бѣльшую частью погибли, жертвою проголодавшихся солдатъ, предпочитавшихъ вкусное, сытное мясо мериносовъ, нѣжной, шелковистой ихъ шерсти. Притомъ, должно замѣтить, что многія породы мериносовъ, оставшись безъ надлежащаго присмотра, свѣшались съ простыми овдами и плѣнками, утратили въковую самостоятельность чистой, кровной породы, такъ, что теперь осталось немного кровныхъ стадъ на классической почвѣ тонкоруннаго овцеводства. Но прежде этого несчастнаго времени, настоящая, чистая порода мериносовъ, переселена была на германскую почву, гдѣ она хорошо принялась, и попеченіями тамошнихъ просвѣщенныхъ хозяевъ даже значительно улучшена. Отечество мериносовъ, Испанія, нынѣ должна уступить первенство въ овцеводствѣ Саксоніи, которая, заботливою попечительностію и усиліями искусства, довела породу тонкорунныхъ овецъ до крайней степени совершенства, и много обязана своимъ благосостояніемъ этой вѣтви промышленности.

Лѣтъ семьдесятъ пять тому назадъ, послѣ Семи-лѣтней Войны, раззоренная Саксонія находилась въ такой степени истощенія, что тогдашній регентъ электората, принцъ Кс-

верій, вознамѣрился доставить своему, крайне обьдѣвшему, владѣнію новый источникъ богатства улучшеніемъ овцеводства. Съ этою цѣлью приведены, по его распоряженію, въ 1765 году, изъ Испаніи меринскыя, козменные въ небольшомъ числѣ изъ лучшихъ стадъ леонскихъ кочевыхъ овецъ, именно изъ стадъ герцоговъ Алфаро, Бегаръ, Алколеа, Истурбіела, Херена, Эскуриаль и графа Негретти, всего сто двадцать молодыхъ матокъ и девяносто два барана. Новоприбывшія овцы, помѣщенныя въ казенныхъ имѣніяхъ, сначала въ помѣсть Штольпенъ, потомъ въ Гогенштейнъ и наконецъ переведенныя въ помѣсть Ломенъ, водились очень плохо; казалось, что небо Саксоніи имъ вовсе неблагоприятствовало. Переселенцы болѣли, особенно страдали они отъ коросты, нанавшей на нихъ съ ожесточеніемъ, и, казалось, что они совершенно перерождались. Такія неожиданныя препятствія не лишили однако жъ бодрости занимавшихся водвореніемъ мериносовъ въ Саксоніи; постоянно продолжая усилія свои съ энтузіазмомъ и настойчивостью нововодителей, они увидѣли, что ихъ забодливое попеченіе и хлопоты наконецъ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Въ скоромъ времени пришельцы украсились, привыкли къ новому роду жизни и стали водиться. Стадо испанскихъ матокъ, случаемыхъ съ одноплеменными баранами, размножалось особо, во всей чистотѣ, а значительное число излишнихъ барановъ было употреблено для улучшенія туземной породы.

Удачная попытка побудила курфирста Фридриха-Августа ускорить предполагаемое улучшение въ овцеводствѣ и, если возможно, замѣнить мериносами простыхъ саксонскихъ овецъ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ, въ 1778 году, въ Испанію знающаго овцевода, съ порученіемъ приобрести еще некоторое число мериносовъ изъ лучшихъ стадъ. Порученіе было выполнено удачно и привезено еще сто семьдесятъ шесть овецъ и девяносто четыре барана изъ стадъ маркиза Ирандо, графовъ Вилья-Патерны и Негретти и графини де-Куэнта, всего двѣсти семьдесятъ головъ, которыя въ покупкѣ, на мѣсть, обошлись, кругомъ, слишкомъ по тридцати осьми талеровъ.

Наблюдая постоянно за размноженіемъ чистой породы,

не упускали однако жъ изъ виду улучшенія туземныхъ породъ посредствомъ кровныхъ барановъ, частью привозныхъ, частью рождаемыхъ въ племенныхъ казенныхъ стадахъ. Улучшеніе это исполдилось цѣло впередъ, такъ, что втеченіи двадцати пяти или тридцати лѣтъ, многія прѣстѣя стада, постоянно употреблявшія кровныхъ барановъ, тонкостью шерсти и прочими ея качествами совершенно поровнялись съ испанскими мериносоми, отъ которыхъ, по наружности, нельзя было ихъ различать. Образовавшіеся такимъ образомъ метисы или неублюдки, называемыя подъ именемъ шаднокъ, составляли большинство самсонскихъ тонкорунныхъ стадъ, и оттуда распространились въ окрестныя владѣнія подъ именемъ мериносовъ. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ приведенныхъ стадъ, въ казенныхъ овчарняхъ ежегодно продавались бракуемые старыя матки, а наконецъ, за излишествомъ, стали продаваться и молодыя овцы, изъ которыхъ многіе частныя владѣльцы оставляли себѣ мериносовыя стада чистой крови, которыя, по шари умноженія, вытѣсняли шаднокъ изъ частныхъ овчаренъ.

Усматривая огромную выгоду, доставляемую государству общимъ распространеніемъ тонкоруннаго овецоводства, саксонское правительство способствовало водворенію этой важной промышленности особенно тамъ, что постоянно вѣдло въ своихъ расадникахъ кровныхъ, чистой породы, испанскихъ мериносовъ, которыхъ самостоятельность, какъ качество даннаго существующей породы, доказана была на дѣлѣ. Пользуясь пособіями правительства, многіе частныя люди, мало-по-малу, развелись такими же племенными овчарнями кровной породы, которыя составили основныя расадники для водворенія мериносовъ. Заботливость саксонскаго правительства, столь благотворная въ отношеніи своихъ послѣдствій, доходила въ этомъ случаѣ до самыхъ мелочныхъ предосторожностей. Когда племенная пастушья овчарня, въ послѣднюю французскую войну, пострадала отъ нашествія непріятелей, особенно же отъ польскихъ войскъ, то правительство тотчасъ приняло мѣры къ пополненію убыли въ овчарницѣ: но къ понужденію не изъ самсонскихъ стадъ, въ чистотѣ крови которыхъ могло еще родиться семинныіе, а изъ первоначальныхъ испанскихъ, чему способ-

счастливым случаем. Изъ самаго отечества мериносовъ, послѣ жестокой разорительной войны, было бы трудно достать въ то время настоящихъ кровныхъ мериносовъ. Случилось, однако жъ, что генераль графъ де-Лаваль, бывшій въ Испаніи, вывелъ оттуда около четырехъ тысячъ кровныхъ мериносовъ изъ стада Эскуриала, следовательно леонской кочевой породы, которыхъ онъ водворилъ близъ Турмна. Изъ этой-то спасшейся отъ гибели горсти некогда знаменитыхъ леонскихъ стадъ, саксонскому правительству удалось купить двести овецъ. Это приобретение было последнее, сдѣланное правительствомъ для своихъ стадъ породы испанскихъ кочевыхъ овецъ.

Замѣчательно, что и въ Саксоніи водвореніе мериносовъ сначала встрѣтило затрудненіе со стороны сельскихъ хозяевъ, смотрѣвшихъ съ какою-то недоувѣрчивостью на новоприбывшихъ пришельцевъ. Сомнѣвались, чтобы мериносы могли переносить переселеніе изъ весьма теплой Испаніи въ гораздо прохладнѣйшую Саксонію, безъ утраты хорошихъ качествъ своей шерсти, и боялись, что они вообще не будутъ водиться при новомъ образѣ жизни, въ новой для нихъ мѣстности и въ климатъ, столь различномъ отъ отечественнаго. Нѣкоторые хозяева даже не допускали ихъ въ свои стада, изъ опасенія сообщить своимъ овцамъ губительныя болѣзни. Полагали сверхъ-того, что съ разведеніемъ тонкорунныхъ овецъ уменьшится число простыхъ, и что отъ того воснослѣдуетъ затрудненіе въ успешномъ ходѣ отечественныхъ суконныхъ фабрикъ, которымъ не будетъ доставать, исключительно обрабатываемой ими въ то время, простой шерсти. По всемъ этимъ причинамъ не сразу сначала о разведеніи тонкорунныхъ овецъ, приобретение которыхъ требовало притомъ большихъ издержекъ. Послѣ этого очень простиительно, что у насъ, въ Россіи, опасаются вреднаго вліянія климата на тонкорунное овцеводство: здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, есть осязательная разница между климатами. Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, въ какой степени климатъ вообще имѣетъ вліяніе на образованіе тонкихъ рунъ, и какъ несправедливы нареканія хозяевъ на нашъ холодный климатъ, вредяствующій будто-бы разведенію мериносовъ.

Опасения эти не устояли однако жъ противъ опыту, убѣдившаго въ скоромъ времени, что новая порода водилась также хорошо, какъ туземныя овцы. Значительныя выгоды, получаемыя отъ тонкоруннаго овцеводства, споспѣшествовали быстрому его распространенію, даже до того, что крестьяне, не жалѣя издержекъ, приобретали кровныхъ барановъ для улучшенія простыхъ своихъ овецъ, которыя въ теченіе короткаго времени замѣнены были шлёнками. При такомъ всеобщемъ порывѣ къ улучшенію, тонкорунное овцеводство вскорѣ дошло до такой степени совершенства, что съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, саксонская шерсть стала первою въ торговлѣ и потому сдѣлалась источникомъ неимовернаго богатства для этого небольшого королевства.

Едва узнали на дѣль возможность водворенія мериносовъ въ Германію, и значительныя выгоды доставляемыя тонкоруннымъ овцеводствомъ, какъ правительства другихъ владѣній и даже частныя люди, принялись слѣдовать примѣру Саксоніи. Особенные успѣхи по этому предмету оказала Австрія, куда на счетъ казны были выписаны въ разное время, начиная съ 1775 года, три транспорта леонскихъ кочевыхъ овецъ лучшихъ стадъ. Изъ частныхъ людей особенно сдѣлались знаменитыми въ этомъ отношеніи господа Петри и Финкъ, которые въ началѣ нынѣшняго столѣтія ѣздили въ Испанію, гдѣ приобрѣли овецъ и барановъ изъ лучшихъ леонскихъ же кочевыхъ и осѣдлыхъ стадъ. Господинъ Петри водворилъ свое приобретеніе въ Австрію, въ собственномъ имѣніи, Терезіенфельдѣ, гдѣ порода эта велась подъ личнымъ руководствомъ хозяина, и въ послѣдствіи много содѣйствовала къ улучшенію овецъ въ австрійскихъ владѣніяхъ. Терезіенфельдская овчарня замѣчательна, особенно для насъ, тѣмъ, что въ ней-то куплено было, въ 1804 году, на счетъ нашего правительства, племенное стадо кровныхъ мериносовъ, которыхъ извѣстный Питтѣ (Pictet) привелъ и водворилъ близъ Одессы и въ Крыму. Это было первое стадо тонкорунныхъ мериносовъ, приведенныхъ въ Россію. Изъ той же овчарни куплено въ разное время, многими частными владѣльцами полуденной Россіи, значительное число барановъ, и потому терезіенфельдское стадо пользуется у насъ

большую известностью чѣмъ саксонскія. Господинъ Финкъ водворилъ приведенныхъ имъ изъ Испаніи овецъ въ владѣніяхъ герцога Ангальтскаго, и довелъ свое стадо до совершенства стада саксонскихъ. Образъ присмотру за овцами, принятый господиномъ Петри, остался тотъ же, что въ Испаніи, и терраденфельдская овчарня сохранила свои первобытные качества, — очень складистую кожу, покрытую густымъ руномъ средняго достоинства, — но отстала отъ образовавшейся въ Саксоніи электоральной породы, какъ тонкою и мягкостью шерсти, такъ и уравненіемъ рунъ, сохраняя свойственные испанскимъ мериносамъ недостатки, именно, примѣсь къ шерсти волосъ, особенно на складкахъ и на заднихъ окорокахъ, и смолистый, трудно смываемый, жиръ.

Въ другихъ германскихъ владѣніяхъ водвореніе мериносовъ шло болѣе или менѣе успѣшно, по разнымъ обстоятельствамъ. Особенно сильно распространилось тонкорунное овцеводство въ Пруссіи и Силезіи, гдѣ первымъ двигателемъ этой промышленности былъ знаменитый Теръ. Прусскія овчарни составлены частью изъ французской рамбулетской породы, которой на счетъ правительства было приобретено до пяти тысячъ головъ, а болѣею частью изъ саксонскихъ стадъ. Знаменитѣйшая изъ этихъ овчарень, луглисская, основанная Теромъ, въ Пруссіи, и стада князя Лихновскаго, въ Силезіи, которыя, однако жъ, почитаются не совсемъ чистой крови.

Странно, что при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ, облегченныхъ ближайшимъ соседствомъ съ Испаніей, Франціи не удалось усвоить себѣ породы мериносовъ. Во время Наполеоновыхъ войнъ въ Испаніи, множество мериносовъ лучшихъ стадъ было оттуда переселено во Францію, гдѣ въ Рамбулѣ основана казенная племенная овчарня, которая всегда была размножаема безъ примѣси низшихъ породъ. Кроме-того, французское правительство, въ разные времена, приобретало покупкою многія тысячи мериносовъ, которые продавались частнымъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ приплодомъ, ежегодно сбываемымъ изъ казенныхъ племенныхъ овчарень. Несмотря на всѣ эти усилія правительства, тонкорунное овцеводство принялось тамъ такъ плохо, что даже овцы

названных овцарень, стали ниже испанских своих предковъ. Вообще, въ лучшихъ французскихъ стадахъ шерсть довольно тонка и нитка только на лопаткахъ и передней части туловища; на остальныхъ же мѣстахъ она весьма дурна. Причиною такого неудачнаго ходу дѣла знатоки полагають въ томъ, что большая часть мериносовъ, приведенныхъ во Францію, доставляема была посредствомъ пограничной контрабандной торговли, промышленниками, которые за бездѣлюшку приобрѣтали неублюдковъ отъ леонскихъ барановъ и простыхъ овецъ, и положивъ имъ испанскія тавра на носихъ, наводнили Францію шлѣнками, продавая ихъ за настоящихъ, кровныхъ мериносовъ. Изначинъ эти составляютъ единственную породу, находимую въ пограничныхъ испанскихъ владѣнiяхъ, Каталонiи, Наваррѣ и Бискайѣ, куда ночевыя стада не имѣють права заходить. Лучшая французская порода, Рамбульѣ, отличается крупнымъ ростомъ, но тонною шерстью и уровнемъ руно, значительно отстаетъ отъ саксонскихъ породъ.

Изъ всѣхъ земель, въ которыя пересѣляемы были испанскіе мериносы, они лучше принялись въ Саксонiи, гдѣ даже значительно улучшились шерстью, претерпѣвши вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое, довольно значительное, измѣненіе въ формахъ и во всемъ наружномъ видѣ, такъ, что образовалась изъ нихъ особая порода: «саксонская» или «электоральная». Последнее названіе присвоено ей потому, что нынѣшнее королевство Саксонiя, была въ ту пору курфиршествомъ или электоратомъ.

Саксонскіе овцеводы, удостовѣрившись, что разница въ наружномъ видѣ мериносовъ неразлучно связана съ различіемъ въ качествахъ шерсти, стали преимущественно употреблять на племя тѣхъ изъ нихъ, которыхъ шерсть была тоньше. Такимъ животнымъ было свойственно тѣлосложненіе мѣнье неуклюжее, корпусъ болѣе стройный, легкій; они рождались покрытые не волосами, а мелкими волокнами шерсти, словомъ, сохраняли типъ лучшихъ леонскихъ кочевыхъ овецъ.

При долговременномъ, постоянномъ, выборѣ на племя исключительно тѣхъ только мериносовъ, которые снабжены преимущественно тонкою шерстью, качество это въ при-

породы мериносовъ, съ каждыиъ поколѣнїемъ, болѣе и болѣе развивалось, а въ теченїе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, сдѣлалось наконецъ господствующею, наследственною, принадлежностью саксонскихъ стадъ. По мѣрѣ улучшенїя шерсти, и приобретаемой ею известности въ торговлѣ, цѣны ея значительно возвышались; особенно англїйскїе фабриканты скоро стали отдавать преимущество саксонской шерсти передъ леонскою, и для отличїя называли ея электоральною. Выгоды, извлекаемыя изъ этого улучшенїя, поощряли овцеводовъ къ дальнѣйшему усовершенствованїю шерсти, производимому тѣмъ же путемъ, именно, постояннымъ выборомъ на племя животныхъ, исподоволь рождаемыхъ съ тончайшими рунами. По мѣрѣ развитїя высшихъ качествъ шерсти, оказывались однако жъ значительныя измѣненїя въ телосложенїи овецъ, да и самое руно ихъ получило другой видъ. Тѣло саксонскихъ мериносовъ приняло формы стройныя, легкія; складки на кожѣ всего туловища почти уничтожились совсѣмъ. Голова электоральныхъ овецъ потеряла тяжелыя, массивныя очертанїя головы испанскаго инфантадо, и сдѣлалась сухощавье, тоньше, уже, и потому, особенно у старѣхъ овецъ, она кажется длиннѣе. Края глазныхъ ямидиъ болѣе выдаются наружу, особенно у молодыхъ животныхъ, а носъ менѣе горбать, тоньше, прямѣе, чѣмъ у породы инфантадо. Уши у саксонской породы длиннѣе, тоньше и болѣе отвислыя, покрытыя рѣдковатыми волокнами шерсти, или рѣдкими, тонкими, гладкими волосами, которые у породы инфантадо тверды, грубы, часто почти щетинисты. Шея электоральныхъ овецъ тоньше и сухощавье, и потому кажется длиннѣе, складокъ на ней или вовсе нѣтъ, или ость, только малыя, едва замѣтныя, и то почти только оказываются у новорожденныхъ ягнятъ; болѣею частью туловище ихъ совершенно гладкое, безъ всякихъ складокъ. Потому грудь, спина и крестецъ у саксонской породы кажутся болѣе узкими, чѣмъ у породы инфантадо; туловище имѣетъ видъ менѣе объемистый, а ноги кажутся длиннѣе въ отношенїи ко всему стану. Ноги отъ коленъ до копытъ иногда покрыты, иногда не покрыты шерстью. Но саксонская порода въ особенноти отличается тѣмъ неопыненнымъ качествомъ, доставленнымъ въ Испа-

ннн , что изгибы ея шерсти , до возможности тонкой , сдѣлались , соответственно тонннн , мельче , и вмѣсто неправильной , угловатой формы , приняли очертаніе округленное , правильное , такъ , что каждая извилина составляетъ почти правильный полу-кругъ . Вмѣстѣ съ складками и изнѣженностью кожи , изъ саксонскихъ рунъ исчезли волосы , и шерсть на всѣхъ мѣстахъ тѣла овецъ сдѣлалась малымъ чѣмъ не одинаковой тонннны и достоинства , и увлажилась быловатымъ , вовсе не смолистымъ , легко растворимымъ въ водѣ , жиромъ . Такимъ образомъ саксонскія овцы качествомъ рунъ стали несравненно выше леонскихъ кочевыхъ овецъ первыхъ стадъ , и достоверно можно принять , что электоральная овца , какъ самостоятельная порода , есть произведеніе саксонскаго овцеводства , и занимаетъ между всеми руноносными животными первое мѣсто . Нельзя , однако жъ , отрицать , что и въ Испаннн порода эта давно могла бы образоваться , если бъ кочевая жизнь тамошнихъ стадъ , и примененныя къ ней правила овцеводства , не были диаметрально противоположны правиламъ принятымъ саксонскими овцеводами .

Скоро , однако жъ , и саксонскіе овцеводы увидѣли , что они впали въ погрѣшность . Какъ испанское овцеводство , придерживаясь правила производить только густошерстныхъ овецъ , почти не обращая вниманія на тоннну шерсти , оставалось втеченіи столѣтій на одинаковой степени развитія , не подаваясь впередъ на пути улучшенія , и потому утратило первенство и соединенныя съ нимъ выгоды ; также точно саксонское , исключительно стремившееся къ произведенію возможно-тонкой шерсти , и мало обращая вниманія на остальные ея качества , особенно на количество произведенія , погрѣшило одностороннимъ направленіемъ , и оттого понесло убытки такіе же , какъ испанское отъ односторонняго стремленія къ исключительному произведенію густыхъ , тяжеловѣсныхъ рунъ . Постоянно выбирая на племя тѣхъ только животныхъ , которыя одарены были тончайшею шерстью , безъ должнаго вниманія къ ея характеру и надлежащей густотѣ рунъ , саксонскіе овцеводы увидѣли , что вмѣстѣ съ чрезмѣрнымъ утонченіемъ шерсти , ова тервля хорошее образованіе , мягкость и крѣпость , и

руна овецъ дѣлалась настолько живее, что и подало поводъ къ предположенію, будто невозможно соединить въ одной рунѣ высшую тонину шерсти, съ густыми и сматыми расположеніемъ волосъ. Мнѣніе это, бывшее долгое время господствующимъ въ овцеводствѣ, впоследствии опровергнуто новыми усиліями овцеводовъ, которые составили племенные овчарни, отличающіяся сжатостью и густотою рунъ своихъ, при высшей возможной тонинѣ шерсти. Конечно, такія руна всё-таки въсомъ легче густыхъ рунъ съ овецъ породы инфантадо, что очень естественно, по разности въ тонинѣ ихъ шерсти. Но незначительный недокъ съ избыткомъ вознаграждается качествомъ и цѣнностью, и вотъ почему электоральная порода вообще предпочитается породѣ инфантадо, и въ Германіи совсѣмъ вытѣснила эту послѣднюю изъ овчаренъ, тѣмъ болѣе, что лучшихъ заводовъ бараны электоральные, въ величинѣ и объемѣ туловища, мало уступаютъ баранамъ породы инфантадо, и всегда значительно превосходятъ ихъ качествомъ шерсти. Конечно, если бы въ складни, ноги, окорока, голова и шея барановъ породы инфантадо были покрыты хорошою шерстью, они заслуживали бы преимущество передъ саксонскими; но такія животныя вовсе не существуютъ, потому-что складни, составляющія болѣзненныя, наростовидныя измѣненія кожи, не способны произращать даже и посредственной шерсти.

Естественно, что электоральная порода, выведенная отъ разныхъ племенъ меринсовыхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ главному во всѣхъ овчарняхъ типу, не можетъ представлять такого поразительнаго единообразія въ наружномъ видѣ, какъ размножаемые по одинаковымъ правиламъ леонскіе кочевые мериносы. Приплодъ отъ различныхъ видоизмѣненій, принадлежавшихъ къ одной породѣ и потому обладавшихъ одинаковою самостоятельностью, наследовалъ различныя, свойственныя всемъ его родоначальникамъ, формы тѣла и образованія рунъ, склоняясь болѣе то къ одному, то къ другому типу, или соединяя въ себя качества разныхъ племенъ. Изъ такихъ племенныхъ животныхъ составлялись разсадники частныхъ овчаренъ, которыхъ хозяева, сообразно своимъ понятіямъ о совершенствѣ руна, старались соответственнымъ совокупленіемъ

производить тѣ формы и качества, которыя каждому кажутся важнѣйшими. Собразно господствовавшимъ въ этой промышленности идеямъ, исподволь измѣнялись формы мериносовъ и качества ихъ руны, такъ, что по истеченіи несколькихъ десятировъ лѣтъ, оказалось значительное разнообразіе въ ихъ потомствѣ, въ которомъ болѣе или менѣе можно еще видѣть первоначальныя формы испанскихъ или прародителей. Къ увеличенію разнообразія подало наконецъ поводъ и то обстоятельство, что многіе овцеводы, доведя одностороннимъ стремленіемъ руна своихъ стадъ до порочной бѣдности и чрезмѣрной тощины шерсти, которая стала оказывать склонность къ неправильнымъ изгибамъ и скручиванію, и желая исправить этотъ недостатокъ, начали употреблять густошерстныхъ барановъ первоначальной породы, размножаемой нѣкоторыми хозяевами по правиламъ испанскаго овцеводства. Отъ такого смѣшенія между собою многочисленныхъ мериносовыхъ племенъ, произошло чрезвычайное разнообразіе въ наружномъ видѣ электоральной породы, которое тогда только уничтожится и приведется къ болѣе однообразному типу, когда всѣ овцеводы, подобно испанскимъ, будутъ руководствоваться одинаковыми правилами. Стадо, въ которомъ вся животныя одинаковаго достоинства, въ которомъ необходимыя хорошія качества развиты до значительной степени совершенства, и въ самой Саксоніи цѣнятся весьма высоко. Но какія бы ни были различія въ наружномъ видѣ—болѣе ли менѣе ли заросла морда, голы ли ноги отъ коленъ до копытъ, или покрыты шерстью, есть ли складки подъ шею или нѣтъ ихъ вовсе, — овца не признается породы электоральной, если шерсть ея не имѣетъ присвоенной той породѣ тощины, округленнхъ, правильныхъ, отлогихъ извилинъ, замѣчательнаго уравниенія руна по всему туловищу, вовсе не имѣющему складокъ, и если она, даже при особенномъ богатствѣ въ шерсти, не слишкомъ подходитъ къ типу инфантадо, съ которымъ, впрочемъ, многія стада имѣютъ большое сходство.

Чтобы дать нѣкоторое приблизительное понятіе о ростѣ, объемѣ тѣла, устройствѣ руна и качествахъ шерсти замѣчательнѣйшихъ породъ, присоединяю описаніе тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ моей овчарнѣ.

Первое мѣсто принадлежит во всѣхъ отношеніяхъ породѣ ошацкой, господина Гадгаста, которая и въ Саксоніи почитается высшею. Вообще она отличается большимъ ростомъ, довольно прямымъ крупомъ, особенно же длиннымъ, объемистымъ, туловищемъ, короткими ногами, формами крыжками, но, такъ-сказать, аристократически стройными и пропорціональными, означающимися особенно послѣ стрижки. Физиономіею ошацкая порода болѣе похожа на тигъ инфантадо, чѣмъ прочія высшей доброты саксонскія породы; имѣетъ шею толстую безъ складокъ, носъ болѣе горбатый, лобъ болѣе выпуклый, покрытый шерстью, которою одѣты и ноги ея до самыхъ копытъ.

Баранъ этой породы, подъ N° 37, родившійся въ Степановской овчарнѣ въ началѣ 1838 года, отъ отца и матери той же ошацкой породы, имѣетъ слѣдующіе размѣры тѣла:

1. Линія, начинающаяся между ушами и простирающаяся вдоль спины до основанія хвоста, длиною въ двадцать пять вершковъ.

2. Линія отъ конца морды, черезъ боковую часть шеи и туловища до основанія хвоста, двадцать шесть съ половиною вершковъ.

3. Линія, горизонтально протянутая отъ середины груди до середины окорока, двадцать вершковъ.

4. Линія, окружающая туловище по срединѣ, двадцать осемь вершковъ.

5. Вышина передней части барана, отъ холки, внизъ, до основанія копыта, семнадцать вершковъ.

6. Вышина задней части, отъ крестца, внизъ, до основанія копыта задней ноги, пятнадцать съ половиною вершковъ.

Руно темноцвѣтное, съ сѣрымъ отливомъ, плотно закрытое, весьма густое, составлено изъ тонкихъ, отвѣсныхъ косицъ, толщиною въ пшечье перо, или до осмой доли вершка, тупыхъ, округленныхъ на верхушкѣ, не гладкихъ, но мелкозернистыхъ, совершенно сжатыхъ между собою, составляющихъ поверхность похожую на кочанъ цвѣтной капусты, безъ впадинъ на крестцѣ или другихъ мѣстахъ. Длинною косицы въ вершокъ, и укорочиваются къ нижней части окороковъ и подъ брюхомъ. Шерсть, принадлежащая, какъ видно изъ мѣры косицъ, къ длиннымъ размѣрамъ,

тониною въ пять градусовъ, или пять десятитысячныхъ англійскаго дюйма, по Долландову эйрометру, и, следовательно, но торговой сортировкѣ принадлежитъ къ первой электѣ; изгибы ея самыя мелкіе, округленные, правильные, одинаковой вышины и ширины, числомъ до тридцати на полувершкѣ, одной мѣры отъ основанія шерстинъ до конца, что свидѣтельствуеетъ о равной тонинѣ ихъ во всю длину. Расположеніе шерстинъ правильное, самое густое. На каждомъ мѣстѣ руно удобно раздѣляется руками, оставляя на кожѣ самую узкую полосу, чистую отъ шерсти; мягкость ея, какъ видно уже изъ мелко-извилистаго, правильнаго образованія шерстинъ, шелковистая; жиръ шерсти бѣлый. Уравненіе руна такое, что простымъ глазамъ едва можно различить шейную, подбрюшную и окорочную шерсть отъ лопаточной. Лобъ, ноги, до копытъ, и нижняя часть брюха покрыты густою шерстью. Не мытое руно въсомъ въ десять съ четвертью фунтовъ.

Овца той же породы, N° 60, шести-лѣтняя, слѣдующихъ размѣровъ :

- Линія 1, двадцать шесть вершковъ.
- 2, двадцать восемь вершковъ.
- 3, двадцать одинъ вершокъ.
- 4, тридцать вершковъ.
- 5, { шестнадцать вершковъ.
- 6, }

Руно этой овцы одинаковаго устройства и наружнаго виду съ руномъ барана N° 37, и шерсть въ обоихъ одинаковаго достоинства и образованія. Не мытое руно въсѣтъ одиннадцать фунтовъ двадцать пять золотниковъ.

Порода меглинская, овчарни господина Тѣра, не много крупнѣе ошачкой; она менѣе этой имѣетъ физіономію инфантадо; но формы ея крѣпкія, толстоватыя, шея толстая безъ складокъ, лобъ вышуклый, заросшій; ноги отъ коленъ до копытъ голыя. Она образовалась изъ породъ электоральской и рамбулетской.

Пяти-лѣтній баранъ меглинской породы, N° 35, находящійся въ Степановскомъ стадѣ; имѣетъ слѣдующіе размѣры:

- Длиніа 1, двадцатъ пять съ половиною вершковъ.
 2, двадцать семь съ половиною вершковъ.
 3, двадцать одинъ съ половиною вершковъ.
 4, двадцать девять съ половиною вершковъ.
 5, | шестнадцатъ вершковъ.
 6, |

Тонною и уравниемъ, шерсть этого барана совершенно одинакова съ гадегастскою; но извилины шерстинокъ немного круче образованы, отъ чего шерсть длиною только въ семь-осьмихъ вершка. Руно чрезвычайно густое, составлено изъ косиць немного болѣе толстыхъ чѣмъ у породы отянокъ, и оттого на поверхности руна концы ихъ представляютъ площадки не много бѣльшія, впрочемъ, тупыя, округленныя; мягкость шерсти менѣе шелковиста, не мытое руно въсомъ въ осемь съ половиною фунтовъ.

Мерцинская порода, болѣе важнаго тѣлосложенія чѣмъ объ предъидущія, имѣетъ плоскій лобъ, который, какъ и длинныя ноги, не покрыты шерстью; шея тонкая, носъ менѣе горбатый. Воообще формы тѣла легкія, стройныя, важныя. Туловище короткое, на высокихъ ногахъ.

Трехлѣтній баранъ этой породы, N° 185, разлывшійся въ Степановской овчарнѣ, имѣетъ слѣдующіе размеры:

- Длиніа 1, двадцать четыре вершка.
 2, двадцать шесть вершковъ.
 3, девятнадцать вершковъ.
 4, двадцать осемь вершковъ.
 5, семнадцатъ съ половиною вершковъ.
 6, семнадцатъ вершковъ.

Руно хорошо закрытое; темноватая его поверхность какъ-бы зернистая, концы тонкія, правильнаго образованія, длиною только въ три четверти вершка. Тонною шерсти превосходить объ предъидущія породы; уравниемъ ея удивительное. Образование шерстинокъ самое мелковолнистое, во всю ихъ длину; изгибы чрезвычайно мягкіе, округленныя, правильныя, Близна шерсти выражаетъ своимъ лоскомъ. Ноги отъ копытъ, вшивъ, лобъ и уши голыя. Не мытое руно въсомъ въ четыре фунта.

При размноженіи моего стада я всегда старался приводить все его отдѣленія къ одному типу, къ достоинству породы галегастской. Усилія мои вознаградились хорошимъ успѣхомъ. По значительному умноженію стада, я нѣсколько возможности уступилъ, кромѣ хорошихъ племенныхъ барановъ, нѣкоторое число одинаковаго съ ними достоинства, кривныхъ мериносовыхъ матокъ, какъ изъ старыхъ, такъ и молодыхъ. По существу дѣла располагаю учредить продажу слѣдующимъ образомъ: 1. Какъ каждому покупщику необходимо видѣть овецъ въ полно-росломъ руни, то время продажи мериносовъ опредѣляемыхъ къ сбыту назначается передъ стрижкою, пятнадцатаго мая, къ которому сроку приглашаю желающихъ приобрести ихъ; 2. Время это назначено мною и потому еще, что тогда каждому овцеводу легко удостовѣрится въ достоинствѣ всего стада, и сличитъ между собою приплоды всѣхъ предъидущихъ годовъ; 3. Совершенно одинаковой характеръ шерсти овецъ и ежегодныя улучшенія засвидѣтельствуютъ, какъ чистоту породы и совершенную ея самостоятельность, такъ и правильную сортировку и сообразность приѣмовъ, употребляемыхъ при совокупленіи племенныхъ животныхъ; 4. Продаваемые матки будутъ раздѣлены маленькими стадами, отъ пятнадцати до двадцати пяти штукъ въ каждомъ, къ которымъ присоединятся нужные бараны въ надлежащемъ числѣ.

V.

Благородныя, простыя и смѣшанныя породы.

Породы животныхъ могутъ быть улучшаемы, то есть, дѣлаться способными къ удовлетворенію нашихъ потребностей болѣе чѣмъ въ своемъ первобытномъ, дикомъ состояніи. Такое улучшение бываетъ сначала слѣдствіемъ наружныхъ причинъ, зависящихъ отъ климата, и мѣстностей; но впоследствии ему способствуетъ промышленность сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ. Найдя особыя выгоды въ образованныхъ новыхъ качествахъ прежнихъ животныхъ, промышленность старалась удержать ихъ за ними,

частью изрочитыиъ выборомъ на племя, частью принаровленіиъ вышнихъ вліаній такимъ образомъ, чтобы качества эти какъ-можно болѣе развивались. Долговременныиъ употребленіемъ одинаковыхъ приемовъ, соответствующихъ одной какой-либо цѣли, при одинаковыхъ вышнихъ обстоятельствахъ, нѣкоторыя качества становились наконецъ совершенно свойственными домашнимъ животнымъ, которыя такимъ образомъ приняли особый, отличный отъ прежняго, наружный видъ, и передали его дѣтямъ. Поэтому домашнія животныя составляютъ какъ-бы произведеніе промышленности, которая образовала ихъ изъ дикихъ, мало-полезныхъ, животныхъ, и придала имъ такія качества, по которымъ польза ихъ и, следовательно, цѣнность увеличились.

Естественно, что при различныхъ системахъ скотоводства, и при вліаніи разнообразныхъ дѣйствій климатовъ, холодныхъ и теплыхъ, сырыхъ и сухихъ, почвы и корму, одинъ и тотъ же видъ животнаго, сдѣлавшагося домашнимъ, долженъ былъ измѣняться различнымъ образомъ, такъ, что пріобрѣтала различныя качества, по которымъ болѣе или менѣе соответствовалъ разнымъ цѣлямъ промышленности. Такія видоизмѣненія, оставаясь долгое время въ обстоятельствахъ, которыя способствовали ихъ происхожденію, принимали наконецъ особыя, отличныя отъ прежнихъ, формы и качества, и долговременнымъ совокупленіемъ между собою присвоили ихъ себѣ такъ, что стали постоянно передавать ихъ своему потомству.

Такимъ образомъ мериносовая овца, обладающая извѣстными отличительными качествами, ей исключительно принадлежащими, и способностью постоянно передавать ихъ своему потомству, составляетъ особую породу овецъ. Такія же особыя породы составляютъ степная, киргизская, овца и наша простая русская, домашняя.

Изъ множества овечьихъ породъ, каждая приноситъ особенную пользу, соответственную своимъ качествамъ. Всѣ породы овецъ даютъ шерсть болѣе или менѣе годную для употребленія, но чрезвычайно различную по тоннѣ и образованію. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно на прѣстѣиыхъ породахъ, близкихъ къ дикому состоянію, шерсть

толста, имѣетъ форму большихъ завитковъ; на другихъ она длинна и почти пряма, такъ, что на ней едва замѣчаются отлогія, большія волнистости; наконецъ, есть породы покрытыя шерстью тонкою, нмьющую образованіе мелковолнистое, на подобіе нитки распущеннаго чулка. Какъ шерсть этого послѣдняго образованія тонѣе другихъ и годна для выдѣлыванія дорогихъ тканей, то она высоко цѣнится, и производящія ее животныя составляютъ высшее улучшеніе и исключительный предметъ тонкоруннаго овцеводства. Иныя породы овецъ содержатся преимущественно для мяса и сала, какъ напримѣръ киргизская и другія крупныя породы; изъ нихъ лучшая—англійская динлейская овца, которая, въ отношеніи къ производимому ею мясу, количествомъ и качествомъ превосходитъ всѣ прочія породы овецъ.

Истинно кровная, благородная, порода, должна необходимо происходить отъ длиннаго ряда предковъ, одаренныхъ отличными качествами. Случающіяся иногда измѣненія въ приплодъ благороднаго племени, не должны происходить отъ примѣси крови породъ низшаго достоинства, а могутъ быть развѣ или слѣдствіемъ вліянія неблагопріятныхъ наружныхъ обстоятельствъ, далеко невыполняющихъ условій, необходимыхъ для сохраненія качествъ, присвоенныхъ породѣ, или случайнымъ уклоненіемъ отъ основнаго характера; что обыкновенно называется игрою природы. Разводя чистую, кровную, породу овецъ, хозяинъ можетъ быть увѣренъ, что потомство ея, въ главныхъ своихъ качествахъ, ничѣмъ не будетъ различаться отъ предковъ, потому что онъ прійметъ мѣры и охранитъ ягнятъ отъ вліянія тѣхъ наружныхъ обстоятельствъ, которыя оказываютъ вредное дѣйствіе на свойства, отличающія породу.

Благородному племени саксонскихъ мериносовъ діаметрально противоположна порода *простая*, какова, напримѣръ, порода нашихъ русскихъ овецъ. Шерсть ея низкаго разбора, способность производить мясо и сало не развита, и потому доставляемая ею выгоды гораздо менѣе значительны, чѣмъ польза отъ тонкорунныхъ мериносовъ, или отъ тучной динлейской породы. Многолѣтнее вліяніе на простыя породы одинаковыхъ наружныхъ обстоятельствъ,

и всегдѣшнее совокупленіе между собою однокачественныхъ животныхъ, приобряя имъ значительную самостоятельность, то есть, способность постоянно воспроизводить въ потомствѣ всѣ свои качества. Самостоятельность всѣхъ простыхъ породъ тѣмъ сильнѣе, что онѣ качествами своими ближе подходятъ къ естественнымъ, первоначальнымъ, дикимъ породамъ, и находясь вездѣ почти въ одинаковыхъ съ ними обстоятельствахъ, совершенно соответственныхъ образованію своего организма, не подвергаются ни какимъ случайнымъ измѣненіямъ; тогда какъ, напротивъ, благородныя породы, значительно удалившіяся отъ естественныхъ своихъ качествъ, легко могутъ возвратиться къ нимъ снова, если овцеводы не станутъ наблюдать за ними.

Чтобы улучшить простые породы и довести ихъ до той степени, на которой онѣ будутъ и цѣнны и полезны, овцеводы смѣшиваютъ ихъ съ кровными меридосами, которые передадутъ свои качества приплоду. Отъ такого смѣшенія произошло множество среднихъ, облагоороженныхъ, породъ или метисовъ, называемыхъ обыкновенно шлёнками. Овцеводы, соображая степень самостоятельныхъ качествъ, присвоенныхъ смѣшаннымъ породамъ, послѣ чистой, кровной, породы, помѣщаютъ породу *облагоороженную или самостоятельную*, происходящую отъ совокупленія животныхъ двухъ различныхъ породъ, которыхъ главныя хорошія качества соединены въ образовавшемся новомъ племени, и, посредствомъ долговременнаго внутренняго совокупленія между собою однородныхъ животныхъ, такъ упрочены за произшедшимъ отъ нихъ потомствомъ, что сдѣлались постоянно наследственными. Смотря по благородству племени, отъ которыхъ происходятъ эти породы, и по образу ухода за ними овцеводовъ, онѣ отличаются другъ отъ друга бѣльшими или мѣньшими достоинствами. Но каковы бы ни были недостатки или преимущества этой породы, она постоянно передается ея потомству, въ чемъ и состоитъ сущность самостоятельнаго племени. За эту породу слѣдуетъ *полу-благородная или полу-самостоятельная порода*, которая, образовавшись изъ смѣшенія простаго племени съ благороднымъ, постояннымъ слученіемъ простыхъ матокъ съ кровными баранами, приняла нѣкоторыя формы

тъла и хорошія качества благородной породы, но еще не приобрѣла способности постоянно передавать ихъ своему потомству. Породу эту должно неослабно поддерживать благородною кровью, постояннымъ смѣшеніемъ съ кровными баранами, и она, черезъ рядъ поколѣній, станетъ на степенъ породы самостоятельной. Слѣдуетъ, однако жъ, замѣтить, что самостоятельныя породы, передаютъ свои качества потомству только въ своемъ собственномъ племени, то есть, не имѣютъ достаточной способности улучшать простыя породы, тогда какъ, размножаясь между собою, могутъ преобразоваться въ совершенныхъ меринисовъ. Ниже этихъ породъ стоятъ *метисы* или собственно такъ называемыя *шлѣнки*. Подъ этимъ именемъ разумють овецъ, происходящихъ отъ сокупаенія простыхъ матокъ съ болѣе или менѣе самостоятельными баранами; впрочемъ, означаютъ этимъ же названіемъ всю породу смѣшаннаго происхожденія, хотя бы бараны были настоящей кровной породы. Смотря по продолжительности облагороживающаго смѣшенія и по степени самостоятельности или чистоты крови барановъ, шлѣнки болѣе или менѣе принимаютъ качества отцовъ и ихъ наружный видъ. Иные полагаютъ, что нужно не менѣе шестнадцати поколѣній сряду употребленія кровныхъ барановъ, чтобы шлѣнки достигли степени полу-благородства, и, кромѣ-того, еще по-крайней-мѣрѣ десять поколѣній, пока онѣ сдѣлаются самостоятельными; другіе же уменьшаютъ этотъ срокъ въ половину, если всѣ обстоятельства благопріятствуютъ облагороживанію. Впоследствии мы разсмотримъ это обстоятельство въ подробности. Метисами, или шлѣнками, называютъ также овецъ, происходящихъ отъ не самостоятельныхъ породъ, которыхъ качества неровны и переменчивы. Само-собою разумѣется, что такія породы требуютъ постоянной, долговременной, поддержки кровными баранами, безъ чего они перараждаются сообразно вліянію мѣстности и климата. Замѣтимъ, что, по изменчивому характеру своему, бараны такихъ племенъ — неублюдковъ вовсе не способны къ поддержанію своей породы, и тѣмъ менѣе къ облагороживанію породъ низшихъ, и что отпрыски ихъ чествъ въ смѣшанныхъ породахъ измѣняются до бесконечности.

VI.

Вліяніє климату, температури, м'єстности, корму и содержания на облагороджуваніє и порчу породи.

Всь нинішнія ціннія, благороднія, породи овецъ, какъ тонкорунныхъ, такъ и длинношерстныхъ, богатихъ мясомъ, произешан отъ породи простыхъ, посредствомъ тщательнаго wyboru животныхъ, употребленнихъ для размноженія, при содїяствїи соотвѣтственныхъ преобразованію ихъ наружныхъ обстоятельствъ. Безъ содїяствїя этихъ обстоятельствъ, или противъ ихъ вліянія, сохраненіє въ неизменномъ состоянїи существующей кровной породи, рѣшительно не удаеться. Какъ благородныя качества овецъ бывають весьма различны по цѣли, для которой овцеводъ занимается размноженіємъ стада, то и употребляемые при этомъ прїемы бывають различныя, согласуясь всегда самымъ точнымъ образомъ съ вліяніємъ наружныхъ, мѣстныхъ, обстоятельствъ. Если правила, руководствовавшія овцеводовъ при образованїи тонкорунныхъ мериносовъ, различествовали столько же отъ правилъ, соблюденныхъ Боквелемъ для произведенія мясистой длинно-шерстной породи англійской, сколько различны между собою меринось и диншлейская овца, то не менѣе различны мѣстности и наружныя условія, при которыхъ образовались обѣ породи, особенно же способъ ихъ содержанія. Какъ бы ни были затѣлины прїемы овцеводовъ при совокупленїи и размноженїи овецъ, какъ бы ни были упрочены за породю присвоенныя ей качества, даже тысячелѣтнимъ неизмѣннымъ существованіємъ племенн, вся самостоятельность ея, вся наша мѣры къ сохраненію доброты породи, не спасуть ея отъ измѣненія, если мы не въ состоянїи управлять по своему произволу наружными, климатическими, и отъ мѣстности и содержанія зависящими условїями, необходимыми для образованія извѣстныхъ формъ и качествъ рунъ. Потому-то надлежащая оцѣнка вліянія наружныхъ обстоятельствъ на различныя измѣненія шерсти необходима, какъ для обезпеченія неизмѣннаго существованія кровныхъ породи, такъ и для соотвѣтственнаго управленія облагороджуваніємъ ихъ.

Если разными наружными обстоятельствамъ нельзя не приписать болѣе или менѣе значительнаго вліянія на качество шерсти, то не менѣе того, однако жъ, не справедливо господствовавшее некогда, а отчасти еще и теперь не совсемъ оставленное, мнѣніе, будто происхожденіе благородныхъ породъ, ихъ сохраненіе въ одинаковой добротѣ, улучшеніе и измѣненіе къ худшему, исключительно принадлежитъ климату. Позднѣйшія наблюденія и прямыя опыты показали, что мнѣніе это было ошибочно. Ежедневное наблюденіе доказываетъ, что въ одномъ и томъ же климатѣ водятся самыя простыя породы различныхъ домашнихъ животныхъ возлѣ самыхъ благородныхъ, какъ, напримѣръ, въ Аравіи, въ варварійскихъ владѣніяхъ и въ Персіи, между безчисленнымъ множествомъ простыхъ лошадей, встрѣчается небольшое число и самостоятельныхъ, благородныхъ; также точно въ Испаніи, гдѣ въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ искони водились простыя породы, водятся и высшаго разбору тонкорунные мериносы. Если бъ испанскій климатъ, какъ полагали, обладалъ силою превращать простыхъ овецъ въ мериносовъ, то въ Испаніи вовсе не водилось бы теперь простыхъ овецъ. То же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ странахъ, въ которыхъ водятся, какъ улучшенныя, такъ и простыя, домашнія животныя: такъ въ Аравіи и близлежащихъ странахъ ни чуть не всѣ лошади столько же хороши какъ собственно такъ называемыя арабскія, и въ Англій, настоящемъ отечествѣ скаковой породы, далеко не всѣ лошади скаковыя.

Изъ этого слѣдуетъ, что благородныя формы и качества домашнихъ животныхъ, оказывающіяся въ какой-либо странѣ, нельзя приписать исключительно дѣйствию климата, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что климатъ имѣетъ значительное вліяніе на развитіе животнаго тѣла, особенно на состояніе кожи и производимыхъ ею волосъ. Тонкое, мягкое, шелковистое руно, свойственное благороднымъ овцамъ умѣренныхъ полосъ Европы, подвергается измѣненію, если наши тонкорунные мериносы, изъ умѣренныхъ климатовъ переселяются въ очень жаркіе или очень холодныя полосы, и будутъ предоставлены полному вліянію климата, безъ предосторожностей и защиты. Шерсть ихъ те-

рветъ волнистое, кудрявое образование, дѣлается толстою, прямою, твердою, какъ-бы щетинистою, и очень рѣдкою, что видно по мериносамъ, перемѣщеннымъ въ Южную Америку и Индію. Въ холодномъ поясъ тонкая шерсть мериносовъ, предоставленныхъ полному вліянію холода, оказываетъ современемъ наклонность грубѣть, прорастаетъ пухомъ и прямыми волосами, и наконецъ шерстинки теряютъ параллельное расположеніе, путаются, расходятся по разнымъ направленіямъ, отчего руно принимаетъ видъ войлока. Вышняго качества мериносовое руно преимущественно удавалось производить въ умеренныхъ климатахъ европейскаго материка, гдѣ тонкорунные животные равно ограждаются и отъ вліянія жаровъ, и отъ дѣйствія холоду, двухъ крайностей, которыя, не только не благопріятствуютъ произведенію тонкой, мягкой шерсти, но явно преобразуютъ ее въ жесткіе волосы и пухъ.

Казалось бы, что наблюденіямъ этимъ ясно противорѣчитъ самое образование породы тонкорунныхъ мериносовъ и разведеніе ихъ въ Испаніи, которой климатъ, безъ сомнѣнія, болѣе принадлежитъ къ жаркимъ, чѣмъ къ умереннымъ. Съ перваго взгляду, дѣйствительно, кажется, что если бы жаркій климатъ былъ вреденъ тонкорунному овцеводству, то оно вовсе бы не могло существовать въ Испаніи. Но не должно забывать, что Испанцы отнюдь не предоставляютъ безъусловно стадъ своихъ въ жертву климату. Испанцы, всегда оставляя тонкорунныхъ овецъ подъ открытымъ небомъ, нашли однако же способъ уничтожить вредное на нихъ вліяніе жару и холоду, перегоняя свои стада, во время лѣтнихъ жаровъ на прохладныя горныя пастбища, а зимою на южныя долины; и такимъ образомъ становится понятнымъ, почему мериносы въ Испаніи не измѣняются отъ вліянія климата.

Если, помѣщать мериносовъ на зимніе мѣсяцы въ тѣнь овчарни, то дѣйствіе на нихъ холоднаго климата совершенно уничтожается, такъ, что при этой мѣрѣ мериносы, безъ малѣйшаго измѣненія, благодеятствуютъ не только въ средней полосѣ Россіи, но даже стали водиться въ холодной Сибири, ни сколько не измѣняя качества, которыми обладаютъ въ Испаніи и даже Саксоніи: это неопровержимо доказали

доставленные въ 1840 году, на общую германскую выставку, руна сибирскихъ овчарень.

Ясно, что постоянная умеренная температура дѣйствуетъ благотворно на качество руны мериносовъ, и даже можетъ-быть способствовала къ образованію ихъ породы въ Испаніи. Также точно и вредное вліяніе на нихъ жаркаго климата доказывается измѣненіемъ ихъ руны во всѣхъ жаркихъ странахъ, куда ихъ переселяли: тонкая, мягкая, кудрявая шерсть мериносовъ, замѣнилась тамъ рѣдкими, жесткими, прямыми волосами, вообще свойственными почти всѣмъ травояднымъ животнымъ тропическихъ широтъ. Но и въ самыхъ жаркихъ странахъ, если онѣ гористы и могутъ на лѣтніе мѣсяцы доставлять овцамъ прохладныя пастбища, тонкорунные мериносы будутъ водиться, какъ водились въ Кольхидѣ и Африкѣ. Со всѣмъ тѣмъ мериносы, при надлежащемъ уходѣ, гораздо удобнѣе разводятся въ холодныхъ климатахъ, что доказано разведеніемъ ихъ въ Германіи, гдѣ они даже значительно улучшились противъ своихъ испанскихъ прародителей, и удачнымъ переселеніемъ мериносовъ въ Россію, даже въ Сибирь. И это потому, что вредное дѣйствіе холоду гораздо легче уничтожить пощипаніемъ овецъ на зимніе мѣсяцы въ теплыя овчарни, чѣмъ вліяніе на нихъ жаркаго климата посредствомъ перекочевки въ горы. Изъ всего этого видно, что на земномъ шарѣ нѣтъ собственно такого умереннаго климата, въ которомъ тонкорунные мериносы могли бы водиться сами по себѣ, безъ заботливой попечительности чловѣка. Следовательно, не нашъ русскій климатъ виноватъ, если переселяемые къ намъ мериносы плохо водятся и претерпѣваютъ измѣненія въ качествѣ своихъ руны: виноваты плохія мѣры, принимаемыя овцеводами для огражденія своихъ стадъ отъ тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя неразлучно связаны съ каждымъ климатомъ, отъ экватора до полюсовъ. Будемъ же справедливы къ нашему климату, который не окажетъ на мериносовъ никакого дурнаго вліянія, если будутъ приняты мѣры противъ нѣсколькихъ суровыхъ мѣсяцевъ въ году. Допуская вліяніе его на образованіе и качество шерсти, согласимся, однако жъ, что вліяніе это только второстепенное, а не единственное, отъ котораго зависитъ проис-

хождение благородныхъ породъ, и что если принять надлежащія мѣры противъ свойственнаго ему вреднаго дѣйствія, то найдется, что онъ, въ отношеніи къ тонкорунному овцеводству, ни мало не хуже всякаго другаго климата.

Значительное вліяніе на формы тѣла, величину животныхъ и качество шерсти оказываетъ *мѣстность*, отъ дѣйствія которой, въ одномъ и томъ же климатѣ, обнаруживаются на тонкорунныхъ овцахъ немаловажныя измѣненія. Вообще самыя благопріятныя мѣстности для мериносовъ, какъ и вообще для овецъ, составляютъ умеренныя возвышенности, сухія, доступныя свободному теченію воздуха и солнечному свѣту; на такихъ мѣстахъ шерсть ихъ бываетъ хорошаго качества, тонкая, мягкая, крѣпкая, упругая и шелковистая. Напротивъ-того, въ низкихъ, сырыхъ мѣстностяхъ, обилующихъ кормомъ, мериносы видимо крупнѣютъ, шерсть ихъ теряетъ высокія свои качества, дѣлается прямѣе, длиннѣе, грубѣе, и наконецъ перерождается въ почти прямой, длинный волосъ, какъ это замѣтно въ прибрежныхъ мѣстахъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, въ долинахъ рѣкъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Поэтому не удивительно, если оказывается замѣтная разность въ качествахъ шерсти различныхъ стадъ одной и той же тонкорунной породы, содержимыхъ въ сосѣдственныхъ между собою земляхъ, изъ которыхъ однѣ пасутся на возвышенныхъ кряжахъ, а другія постоянно находятся въ глубокихъ, сырыхъ долинахъ.

За вліяніемъ мѣстности, слѣдуетъ вліяніе почвы отъ качества производимаго ею корму. Такъ, напримѣръ, дознано, что на тощихъ, песчаныхъ и известковыхъ земляхъ, овцы не только количествомъ, даютъ меньше шерсти, но что она и качествомъ бываетъ хуже, именно болѣе суха и жестка чѣмъ на овцахъ, содержимыхъ на земляхъ глинистыхъ и черноземныхъ. Должно однако жъ думать, что не одно качество корму, производимаго почвою, причиною такого различія въ шерсти, но вѣроятно и то, что тонкая пыль песчаныхъ и известковыхъ земель, проникая въ глубину рунъ, содѣйствуетъ къ изсушенію жиру, которымъ наполнены и облечены шерстинки, и тѣмъ уменьшаетъ ихъ мягкость и гибкость. Такое же изсушающее дѣйствіе оказы-

ваетъ на руно очень сухой воздухъ , и постоянно дующіе сильные вѣтры , особенно восточные и сѣверные. Это состояніе атмосферы обнаруживаетъ свое главное вліяніе на нѣжную кожу животныхъ , и тѣмъ измѣняетъ ея произведеніе — руно. Притомъ , сухой , холодный воздухъ , особенно вѣтеръ , дѣйствуютъ , кажется , и прямо на шерсть , отъ чего шерстинки дѣлаются жесткими и ломкими , что иногда можно видѣть по внезапному измѣненію руна въ весеннее время , если въ теплый день сильный сѣверный вѣтеръ захватитъ овецъ на пастбищѣ. Подобное , но гораздо сильнѣйшее , вліяніе на шерсть оказываетъ постоянный жаръ. Отъ продолжительнаго его дѣйствія тонкорунные мериносы , рѣшительно теряютъ свою мягкую , густую , шелковистую шерсть , и вмѣсто ея покрываются рѣдкими , жестковатыми волосами , подобными шерсти нашихъ простыхъ овецъ. Мнѣ случилось видѣть , въ сухое и чрезвычайно жаркое лѣто 1839 года , послѣ весенней стрижки , на нѣкоторыхъ , особенно молодыхъ , овцахъ , что по мѣстамъ нѣжные концы волосъ плотно слиплись въ косички и засохли , вовсе потерявъ свой жиръ , и , кажется , жизненность. Весною 1840 года , эти косички имѣли бѣловато-желтый цвѣтъ , и представляли поверхность не такую связную и гладкую , какъ здоровыя части руна , но состояли изъ множества торчавшихъ , сухихъ , заостренныхъ концовъ. Ниже этой полосы косичекъ , на линію или на двѣ , начинались живые волосы , здоровые , увлажненные жиромъ , и тутъ уже была настоящая темноватая , набитая пылью , поверхность руна , подъ которою представлялась шелковистая , правильно расположенная шерсть. Такая омертвѣлость концовъ шерсти на нѣкоторыхъ молодыхъ животныхъ , случившаяся отъ вліянія необыкновенныхъ жаровъ и сухости воздуха , въ климатѣ холодномъ , можетъ дать понятіе о вредномъ вліяніи на руно постоянного жаркаго климата и успокоитъ тѣхъ сельскихъ хозяевъ , которые полагаютъ , что нашъ климатъ недовольно теплъ для тонкоруннаго овцеводства.

Доставленіе тонкоруннымъ овцамъ надлежащей степени теплоты , въ теченіе круглаго года , есть одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ , на которое овцеводу слѣдуетъ обращать особенное вниманіе. Должно думать , что это весь-

на давно уже было доказано испанскими овцеводами, которые очевидно для того и заставляют своих мериносовъ вести кочевую жизнь, чтобы содержать ихъ круглый годъ въ средней теплотѣ. Такой способъ веденія овцеводства, благопріятствующій изнѣживанію кожи овецъ, вѣроятно, способствовалъ улучшенію руно тонкорунной породы, если не положительнымъ образомъ, то по-крайней-мѣрѣ косвенно, предохраняя шерсть отъ порочныхъ измѣненій; напротивъ того, несоблюденіе этихъ условій въ другихъ странахъ, куда переселяемы были мериносы, имѣло послѣдствіемъ измѣненіе тонкости и мягкости руна. Потому-то, еще въ прошедшемъ столѣтіи, овцеводы, мало знакомые съ различными дѣйствіями на руна холоду и жару, полагали, что для существованія мериносовъ въ надлежащемъ ихъ видѣ необходимо нужна кочевая жизнь и испанскій климатъ: два условія, которыми приписывали образованіе и улучшеніе этой драгоценной породы. Предположеніе это пало, когда переселеніе мериносовъ въ жаркіе климаты, подобные испанскому, показало, что, несмотря на постоянно кочевую жизнь переселенцевъ, превосходныя ихъ руна измѣнялись, если нельзя было избѣгать вліянія лѣтнихъ жаровъ посредствомъ перехода на возвышенныя, гористыя мѣста. Стало-быть, не кочеваніе и не климатъ составляютъ необходимыя условія существованія тонкорунныхъ мериносовъ въ Испаніи, но доставленіе имъ постоянной средней температуры. Наблюденіе это подтвердилось до очевидности, когда руна переселенныхъ въ прохладную Германію мериносовъ, значительно улучшились безъ всякихъ кочеваній, отъ одной заботы держать ихъ всегда въ умѣренной температурѣ.

Потому-то, можетъ-быть, наши гористыя закавказскія земли, сходствуя мѣстностью и климатомъ съ Испаніею, были бы весьма способны для разведенія тонкорунныхъ овецъ, которыя нѣкогда, вѣроятно, водились и тамъ и въ сосѣдственной Малой Азіи. Не просто ли на тонкія руна кохидскихъ овецъ указываетъ путешествіе Аргонавтовъ? Не даромъ же цѣлью этого похода были именно руна, которыя поэты называли золотыми, то есть прекрасными, какъ и теперь тѣ же поэты величаютъ золотыми кудри красавиць. Можетъ-быть мериносы изъ Мингреліи и переселены

промышленными Арабами времяъ Халифовъ въ завоеванную ими Испанію, и тамъ хорошо стали водиться именно отъ одинаковой съ ихъ отечествомъ мѣстности и одинаковаго способу содержанія.

Нельзя отрицать вліянія на качество шерсти различнаго состоянія сырости атмосферы. Шерстинка, какъ и каждый волосъ, имѣетъ свойство сильно притягивать и вбирать въ себя сырость воздуха. Известно также овцеводамъ, что стриженная шерсть, сложенная въ мѣшкахъ, замѣтно измѣняется въ весь, смотря по сухости или сырости воздуха. Эту-то всасывательную способность шерсти полагаютъ причиною того, что шерстинки тонкорунныхъ овецъ, переселенные въ низкія, сырыя, мѣста, и даже подверженныхъ черезъ долгое время вліянію сыраго воздуха, дѣлаются исподоволь толще, потому что вбираютъ въ себя значительное количество воды, которая расширяетъ ихъ поперечникъ, вслѣдствіе чего и извилины ихъ постепенно дѣлаются больше, отложе, такъ, что въ продолженіи времени наконецъ почти совсѣмъ исчезаютъ, а отъ этого кудрявая шерсть мериносовъ превращается въ прямую, гладкую, становится длиннѣе, и перерожденная порода дѣлается длинношерстною. Такая шерсть, по длинѣ своей и прямому образованію шерстинокъ, способна быть чесаной, и утративъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ формы упругость, употребляется для выдѣлыванія гладкихъ, неваляемыхъ тканей. Если перерожденная такимъ образомъ порода, переводится въ низменной сырой мѣстности въ возвышенную, гористую, сухую страну, то шерсть ея исподоволь вновь приобретаетъ все утраченныя ею качества. По этой причинѣ полагали, что тонкорунныя овцы перерождаются въ Англии, Голландіи и другихъ сырыхъ странахъ, единственно отъ вліянія сырости климата; но новѣйшія наблюденія показали, что это перерожденіе должно, по большей части, приписать водянистому корму, производимому сырою почвою.

Дѣйствительно, количеству и качеству корма, съдаемаго овцами въ теченіе года, неотъемлемо принадлежитъ значительное вліяніе на качество и количество производимой ими шерсти. Шерсть, сходствуя во многихъ отношеніяхъ съ растеніями, имѣетъ съ ними и то общее свойство, что

при обильнѣйшемъ питаніи овецъ, растутъ роскошнѣе чѣмъ при скудной пищѣ; въ первомъ случаѣ она дѣлается длиннѣе и толще, между-тѣмъ какъ во второмъ замѣдляется въ ростъ, и бываетъ замѣтно тоньше и короче. Чрезвычайное вліяніе питанія на шерсть особенно ясно видно въ такихъ случаяхъ, когда овцы, послѣ продолжительнаго скуднаго корму, вдругъ переходятъ на очень сытную пищу. Тутъ ясно оказывается, что именно та часть шерстинокъ, которая росла во время скуднаго питанія, видимо тоньше, чѣмъ послѣдующая за нею, нижняя, выросшая подъ вліяніемъ обильнаго корму. Замѣчательно при томъ, что въ этомъ случаѣ переходъ отъ меньшаго къ большому діаметру волоса, не бываетъ постепенный, но тонкая часть, росшая подъ вліяніемъ скуднаго корму, вдругъ превращается въ толстый волосъ, образуя на мѣстѣ перехода какъ-бы порогъ, рѣзко означающій внезапный переходъ отъ скуднаго питанія къ обильному. Такая шерсть называется «двурослою». Изъ этого обстоятельства ясно видно, что количество корму имѣетъ непосредственное, прямое, вліяніе на тонину шерстинокъ. Такое же точно вліяніе оказываетъ различное качество корму на длину и тонину шерсти; именно, шерсть бываетъ скуднѣе, тонѣе и короче на овцахъ, содержимыхъ на одной соломѣ, малопитательной, и толще, длиннѣе и крѣпче при хорошемъ питательномъ кормѣ травяномъ и зерновомъ. Естественно, что шерсть, которой произрастаніе находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ качества и количества корму, должна постепенно дѣлаться толще и длиннѣе, если овцамъ даются пастбища низменныя, сытныя, обильныя хорошиими, сочными травами, и что, напротивъ, качества ея должны улучшиться, если овцы пасутся на пастбищахъ возвышенныхъ, сухихъ, менѣе обильныхъ, гдѣ онѣ находятъ только достаточный для привольнаго существованія кормъ. Обстоятельство это имѣло, вѣроятно, немаловажное вліяніе на образованіе электоральной породы, потому-что въ Саксоніи вообще содержаніе мериносовъ весьма не роскошное.

Кромѣ непосредственнаго дѣйствія на качество шерсти, слѣдующимъ сытнѣйшимъ кормомъ оказываетъ замѣтное вліяніе на густоту руна. Такъ, найдемъ, что руна откармливаемаго

тотчасъ послѣ стрижки на убой валуха, видимо жирѣющаго отъ сытнаго корму, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, скуднѣе и легче руна такого же валуха, котораго содержали въ теченіи этого времени на среднемъ корму, достаточномъ для поддержанія въ обыкновенномъ хорошемъ тѣлѣ. При долговременномъ сильномъ кормленіи, руно перваго валуха, конечно, сравнится вѣсомъ съ руномъ втораго, но не отъ прибавленія густоты, а оттого, что шерсть его сдѣлается длиннѣе и толще. Такимъ же образомъ замѣчено, что въ овчарняхъ, въ которыхъ слишкомъ роскошно кормятъ ягнятъ, съ намѣреніемъ споспѣшествовать ихъ росту, въ рунахъ оказывается наклонность къ оскуднѣю, между-тѣмъ какъ въ тѣхъ стадахъ, гдѣ ягнята получаютъ равномерный, средній кормъ, отъ котораго они постоянно находятся въ хорошемъ тѣлѣ, обыкновенно преобладаетъ замѣтная густота въ рунахъ.

Оскуднѣе рунъ при слишкомъ роскошномъ кормленіи ягнятъ, происходитъ, вѣроятно, отъ того, что въ такомъ случаѣ дѣлается чрезмѣрный приливъ соковъ къ кожѣ, отчего луковички шерстинокъ необыкновенно раздуваются, и, стѣсняясь между собою, нѣкоторая ихъ часть, именно меньшія и мягчайшія, уничтожаются давленіемъ на нихъ соседнихъ, болѣе здоровыхъ и болѣе раздувшихся. Какъ такимъ образомъ число луковицъ уменьшится, то и шерстинокъ выйдетъ меньше, а вслѣдствіе того и руно будетъ жиже. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ шерстинки, вырастающія изъ крупнѣйшихъ, очень сочныхъ луковицъ, будутъ толще и длиннѣе. Потому необходимо, какъ для качества шерсти, такъ и для густоты руна, чтобы мериносы, особенно ягнята, кормились умеренно, такъ, чтобы они постоянно находились въ хорошемъ тѣлѣ, но рѣшительно никогда не жирѣли, какъ животныя откармливаемыя на убой.

Если овца постоянно производится скудный кормъ, такъ, что она похудѣетъ, то шерсть ея дѣлается тоньше присвоенной ей мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается короткая, тердетъ свойственный ей лоскъ, дѣлается сухою, ломкою, утрачивается крѣпость и гибкость. Послѣдствія такія окажутся особенно въ томъ случаѣ, когда весь съвѣданный кормъ

достаточно только на развитие и питание важных жизненных органов, и не оставляет ничего на питание шерсти, облекающей кожу почти как тунельное растение.

Уверяют, что соль имеет заметное влияние на качество шерсти, способствует будто-бы ея росту и придает ей больше крепости и упругости. Может-быть что от этого-то шерсть и улучшается на черноземной почве, производящей травы, которая изобилует солями. Впрочем, это еще не доказано прямыми опытами.

Кроме этих естественных дятелей, оказывающих больше или меньше значительное влияние на качество шерсти, въ нашемъ холодномъ климатѣ нельзя упустить изъ виду влияние овчаренъ, въ которыхъ овцы осуждены проводить около половины года. Для нашихъ овецъ, овчарни — климатъ и мѣстность, потому что въ нихъ совершается большею частью ростъ шерсти. Изъ этого назначенія овчаренъ видно, что въ нашемъ тонкорунномъ овцеводствѣ онѣ занимаютъ весьма важное мѣсто, и поэтому необходимо должны быть устроены такъ, чтобы въ отношеніи къ температурѣ, сухости и чистотѣ воздуха и свѣту, замѣняли собою теплое время года, способствующее къ произрастенію шерсти хорошаго качества; следовательно, стадо, поставленное на зиму въ овчарню, должно пользоваться въ ней умеренною температурою, одинаковою съ нашими лѣтними мѣсяцами: и тогда только можемъ быть увѣрены, что драгоценная порода мериносовъ не переродится въ нашемъ холодномъ климатѣ.

Но важное влияние теплыхъ овчаренъ на успешный ходъ тонкоруннаго, и даже простаго, овцеводства на сѣверѣ, будетъ еще понятнѣе, если вспомнимъ, что овчарни — колыбели важныхъ агнятъ. Безъ теплыхъ овчаренъ, зимнее агнатию, столь выгодное во многихъ отношеніяхъ, было бы вовсе невозможно. Притомъ должно замѣтить, что все что мы говорили о дѣйствіи климата, мѣстности и зависящихъ отъ нихъ влияній на образованіе руны и качество шерсти, преимущественно относится къ дятатамъ, на которыхъ, по важности ихъ организма и кожи, всѣ наружныя обстоятельства дѣйствуютъ гораздо сильнѣе чѣмъ на взрослыхъ овецъ. Потому-то и овчарни, предназначенныя для агнятъ, должны со-

сдѣлать въ своемъ устройствѣ всѣ условія для благопріятнаго ихъ развитія, такъ, чтобы для лѣта и зимою было лѣто. Средняя, умеренная теплота въ овчарняхъ должна быть приблизительно градусовъ въ десять, по Реомюрову термометру, и ни въ какомъ случаѣ не должно ни понижаться до точки замерзанія ни возвышаться болѣе пятнадцати градусовъ, развѣ на короткое время. Воздухъ въ овчарняхъ долженъ быть по возможности сухъ и чистъ, какъ бы тробовалось отъ хорошей мѣстности; сверхъ-того должно, чтобы онъ былъ какъ-можно болѣе освѣщаемъ солнцемъ. Важность дѣйствія свѣту на качество шерсти будетъ оценена вполне, если вспомнимъ, что шерсть, относительно своего устройства и способу прозавенія, составляетъ какъ-бы особеннаго рода растеніе, а не собственно животную часть, и что для растеній свѣтъ столько же необходимъ, сколько для животныхъ воздухъ. Дѣйствительно, замѣчено, что шерсть, выросшая въ душныхъ, темныхъ овчарняхъ, крепостью, упругостью, лоскомъ и мягкостью видимо уступаетъ рунамъ, которыя развились въ овчарняхъ свѣтлыхъ, высокихъ, хорошо провѣтриваемыхъ.

Отсюда слѣдуетъ, что, необходимыя у насъ, овчарни должны быть устроены не только для защиты овецъ отъ холоду, но такъ, чтобы онъ былъ сухъ, свѣтлъ и хорошо провѣтриваемъ: иначе эти зимнія помѣщенія не будутъ соответствовать своему назначенію.

Принимая въ соображеніе дознанное вліяніе климатическихъ мѣстныхъ отношеній на развитіе формъ и качество руны овецъ, живущихъ на открытомъ воздухѣ втеченіи круглаго года, должно думать, что, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, постоянное вліяніе различныхъ степеней теплоты, сырости или сухости воздуха и корму, первоначально произвели нѣкоторыя измѣненія въ овцахъ разныхъ странъ, образуя, безъ содѣйствія человека, различныя породы. Такимъ образомъ положено, можетъ-быть случайно, основаніе породы мериносовъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ овцы, по инстинкту, переходили въ знойные лѣтніе мѣсяцы на высоты, въ прохладу горъ; но не менѣе того, одного вліянія климата и переселеній не было достаточно для доведенія мериносовъ до нынѣшней степени благородства. Это,

какъ уже сказано, видно изъ того, что не всѣ овцы въ Испаніи стали мериносами, хотя и были подвержены одинаковому съ ними вліянію климата, какъ не всѣ лошади въ Аравіи равняются той породѣ, которая преимущественно известна подъ именемъ арабской. Даже и одно періодическое перекочевываніе въ прохладныя горы и теплыя долины, соответственно времени года, само по себѣ недостаточно, чтобы облагородить руна простой породы: это ясно видно на итальянскихъ овцахъ, которыя, особенно въ неаполитанскомъ королевствѣ, искони ведутъ кочевую жизнь какъ въ Испаніи и, несмотря на то, въ ихъ рунахъ не замѣтно ни какого улучшенія.

Допуская нѣкоторое неотъемлемое, даже значительное, вліяніе климата и мѣстности на измѣненіе качества рунъ, должно согласиться, что оно ограничивается склонностью уравнивать ихъ съ типомъ, свойственнымъ дикимъ породамъ, и потому, относительно улучшенія породъ, дѣйствіе климата болѣе отрицательно нежели положительно, и составляетъ условіе, котораго въ дѣлѣ облагороживанія породъ обходить не должно; словомъ, тутъ необходимо попеченіе чловека.

ВАРОНЪ ОЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

=

V.

КРИТИКА.

Зависки, Александръ Фурса и Чувашии и Черемисахъ казанской губернии. Казань, 1840.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

Робость и суевѣрие — отличительныя качества чувашскаго народа; прѣбывая въ деревню, потребуите чего угодно, Чуваши, дрожа отъ страху, все готовы отдать. Когда у нихъ печется хлѣбъ, они непрерывно заглядываютъ въ печь и, если на которомъ-нибудь хлѣбѣ прилежитъ корка, тотчасъ выбрасываютъ его въ оврагъ. Когда Чуваши маньется воды изъ рѣчки или колодца, и почувствуетъ себя дурно, онъ тотчасъ бѣжитъ домой, беретъ денегъ, хлѣба, яицъ, и бросаетъ туда. Путешественнику болѣе всего удивили необыкновенно легкіе роды Чувашекъ и сохраняемая доселѣ нихъ сила: лишь только родятъ, онѣ въ ту же минуту идутъ сами топидь баню, варятъ пиво и принимаютъ за всю работу. Доселѣ Англичанокъ, чувашскія дамы, какъ кажется, самыя богатыя бѣльемъ на земномъ шарѣ: за порядочную невѣстою даютъ по сту рубашекъ въ видѣ trousseau. Какъ скоро кончится молодѣба, во всякомъ домѣ наростятъ солоду, наварятъ шива, испекутъ хлѣба, и одинъ день ничего не ѣдятъ.

Въ этотъ день бываетъ моленіе. Вся родня собирается къ старшему въ семействѣ. Приходитъ *юмса* (колдунъ), и назначаетъ каждому одного бога, которому онъ долженъ молиться, — кому главнаго бога (Тора), кому мать этого бога, кому его сына, лѣшаго, дорожнаго, стаднаго, солнце или мать солнца. Тогда, отворивъ двери, всѣ становятся лицомъ къ ней, то есть, къ востоку (домъ ихъ всегда обращенъ на востокъ), и начинается моленіе. Наконецъ сыновья разрѣзываютъ новый хлѣбъ въ мелкіе куски, а жены и дочери подносятъ ихъ старшимъ, кланаясь въ поясъ и приговаривая: «Просимъ Тору, чтобы вы были живы и здоровы, и чтобы онъ на будущій годъ опять привелъ молотъ новый хлѣбъ вмѣстѣ.» Послѣ-того начищается пляска. Чуваши очень уважаютъ бога житницъ, Теркулю, котораго храмъ обыкновенно бываетъ въ какомъ-нибудь анбарѣ. Въ прошломъ году священникъ одной деревни, разсердившись на суевѣріе своихъ прихожанъ, приказалъ продать два анбара съ Теркулями. Ломая анбары, русскій крестьянинъ, который купилъ ихъ, нашелъ въ щеляхъ и углахъ до пятнадцати рублей мелкихъ денегъ, принесенныхъ въ жертву Чувашами. «Даже и теперь, говоритъ путешественница, многія изъ Чувашей, крещеныхъ и не-крещеныхъ, пріѣзжаютъ къ крестьянину и кладутъ деньги въ углу его анбара, а недавно впустили туда курицу и утку.» Древній обычай, столь полезный для антикваріевъ, зарывать въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ любимыя его вещи, сохраняется у Чувашей въ первобытной простотѣ. Когда кто умретъ въ семействѣ, тѣло его тотчасъ выносятъ на дворъ, обмываютъ, наряжаютъ въ праздничное платье, кладутъ въ гробъ, и опять вносятъ въ избу, гдѣ, потихоньку отъ священниковъ, помѣщаютъ возле мертвеца все, что нужно было для живаго. Если покойникъ былъ ремесленникъ, то въ гробъ складываютъ его инструменты; умершихъ женщинъ и дѣвицъ снаб-

жуютъ всею нужнѣе для руководящихъ / помощныхъ, шелкомъ и иголками ту, которая хорошо вышивала, прялкою и куделью ту, которая славилась своей пряжей, и такъ далѣе; но всею вообще дають денегъ на мелкіе расходы. Отъ этого иногда случаются «забавныя» происшествія. Въ одной богатой семьѣ умеръ отецъ : его похоронили со всеми обрядами, и положили въ гробъ сто рублей денегъ. Мошенники, узнавъ, что съ Чувашиномъ положено въ землю много денегъ, разрыли могилу, раскрыли гробъ, вынули деньги, и, посадивъ мертвеца въ гробу, дали ему въ одну руку карты, въ другую штофъ вина. Сдѣлавъ это, они сказали дѣтямъ, что отецъ ихъ ведетъ въ могилъ развратную жизнь, играетъ въ карты и мертвецки пьетъ вино. Чуваши сбѣжались на кладбище, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли покойника съ картами и со штофомъ; денегъ у него уже не было ни копейки : ясно, что онъ проигралъ и пропилъ весь свой капиталъ. Они его дрессировали, увѣщевали, оставить эту безпорядочную жизнь и вести себя прилично, вторично положили въ гробъ денегъ и зарыли могилу. Мошенники не пропустили случая воспользоваться ихъ добродушіемъ : снова разрыли могилу, взяли деньги, и уведомили родныхъ, что покойникъ не перестаетъ кутить и пьянствовать. Они были увѣрены, что Чуваши всякій разъ будутъ снабжать его деньгами, но эти благонравные люди, пришедши на кладбище, взяли отца, держащаго въ рукахъ штофъ и карты, положили его наземь и высѣкли плетями за развратное поведение послѣ смерти. Наказавъ мертвеца въ примѣръ всею его товарищамъ, они уже безъ денегъ заколотили гробъ и плотно зарыли могилу. Съ тѣхъ поръ безденежный покойникъ велъ себя честно и добropорядочно.

Переходя къ языку и поэзіи Чувашей, путешественница приводитъ въ подлинникахъ и въ переводѣ

образники ихъ поэтическаго гения; зны приведемъ толь-
ко переводъ:

«На ежъ кудеть кукуня ;
Во ржи перенемъ кричитьъ,
А на черемухъ соловей свиститъ:
Такъ намъ ли не хочется поить ?
Черному Васькь счастье служить ,
Но богатому много заботъ :
Одинъ рубль не сто рублей ,
А сотня не тысяча .
А безпечныя дѣвушки
Пошли за цвѣтами ,
Ночель на нихъ ровный дождь ,
И , вмѣсто цвѣтовъ , набрали онъ шкерды .
Ежели бы дѣвки не брали шкерды ,
То цвѣсти она бы не стала :
Ежели бы парни не лѣляли дѣвичьихъ костъ ,
То и рости онъ бы перестали .
Прійдите-ка дѣвки ко мнѣ въ посидѣлки ,
Есть у меня сырчики наподобіе мышиныхъ орышковъ ;
Ихъ накрошивши , васъ я поподчиваю .»

«Жена молодница не будетъ уже дѣвкой ,
Какъ и тварогъ молокомъ не будетъ .
Молодка ! я сказалъ . — Что скажешь ?
— Испытай хоть разъ любовь , сказалъ .
— Любви ни разу не испытала .
Не всегда же будешь жить въ одиночествѣ ?
Пойдемъ , молодка , за снитью .
— Снить молода ; не пойду .
Пойдемъ , молодушка , за борщомъ .
— Борщъ не поспѣлъ , не пойду .»

Пойдемъ, молодушка, за ягодами;
— Ягоды зелены, нѣтъ, не пойду.»

«Пи-пи-пигалица!

Гдѣ твое гнѣздо, твое житье-бытье?
— На кочкѣ. —
Подуетъ какъ вѣтръ, не развѣется ль оно?
На болотѣ, въ березникѣ
Нѣтъ побѣговъ — все засыхаетъ.
На горѣ стоящій вязъ,
Безъ корня, весь высохъ.»

«Гнѣдко, гнѣдко, конь гнѣдко!

Усталъ ты скакать на свадьбу;
Гнѣдко, гнѣдко, гнѣдьшко!
Мы говоримъ, не зная городскихъ вѣжливостей:
Ахъ, невѣста! право, какъ хорошо ты разьѣдѣта!
Мы за тобой скакали какъ на тысячи саняхъ.
Бейте, бейте въ ладоши, да и припрыгивайте!
Веселитесь, веселитесь, да и посмѣйтесь!
Отцова лошадь, сѣрая лошадь,
Какъ-бы на синемъ льду уставши, встала.
Отцова лошадь, черная лошадь,
Какъ-бы средь грязи остановилась.
Отцова лошадь, бурая лошадь,
На которой сидѣлъ зять, надорвалась.
Лѣсной хмѣль, какъ яблоки,
Схвативъ поперегъ меня, сломилъ;
Садовой хмѣль, какъ салма,
Который я вѣлъ, думая что то салма,
Но онъ за русые мои волосы притянулъ меня къ землѣ.
У пьянаго челоуѣка ума нѣтъ:
У мертваго нѣтъ души.

Отъ погасшей луны нѣтъ свѣту
 Въ темномъ мѣствѣ зги не видать;
 Въ открытомъ мѣствѣ очень свѣтло.
 Подушки и перина мягче пуху,
 Но спать на нихъ сласти нѣтъ,
 Какъ при поломи
 Согрѣться не возможно.
 И осеня и весеня вся вмѣстѣ.
 Я вышелъ, побѣжалъ,
 Въ банѣ печку изломалъ,
 Отецъ это услыхалъ,
 Да палкой вязовой меня приколотилъ,
 Я пропѣлъ, остался пѣсенка моя въ деревнѣ,
 А руки пусть остаются на дѣвушкѣ.

Не зная поэтической фразеологiи Чувашей, трудно судить, не только о достоинствѣ, но и о смыслѣ ихъ стиховъ: всѣ эти безсвязныя фразы должны однако жъ быть исполнены значенія и остроумны по-чувашски, потому что молодой Чувашинъ, сочинитель приведенныхъ пѣсень, посылая ихъ путешественницѣ, написалъ къ ней русское посланіе въ стихахъ, показывающихъ въ немъ родъ дарованія :

«Это Феда сочиненье,
 Безъ изысканныхъ прикрасъ;
 Не носилъ его Пегазъ,
 Онъ не думалъ про Парнассъ,
 Созидавъ свое творенье.
 Чувствъ живое впечатлѣнье,
 Сердца свѣжаго движенье,
 Пѣлъ онъ въ свѣтлый жизни часъ.
 Можетъ-быть, теперь въ тисненье
 Попадетъ онъ на-показъ;
 То-то будетъ тутъ проказъ!

Но божьсь возла глазъ,
 Не оцѣнить вдохновенья,
 И на вѣкъ прійдетъ въ забвенья
 Нешлифованный алмазь.»

Юмза, или *Юмса*—вѣсть колдунъ, жрецъ и лекаръ. Кажется, что у Чувашей есть особенный богъ медицины, который покровительствуетъ врачей, и которому молятся пациенты. Это—Ирихъ. Изображенія его, вылитыя изъ олова, имѣютъ видъ маленькихъ истукановъ, величиною въ вершокъ, съ руками, ногами и глазами. Его вѣшаютъ въ клетяхъ на рябиновой вѣткѣ, которую по прошествіи девяти лѣтъ перемѣняютъ. Ириху приносятъ въ жертву кисель и прѣсныя лепешки, и молятся ему, когда болятъ глаза, зубы, уши, или когда бываютъ сыпь и вереды. Путешественница много бесѣдовала съ юмзами и старалась узнать отъ нихъ все, что относится къ ихъ ремеслу и къ вѣрѣ Чувашей.

«Юмса-колдунъ Иванъ Дмитръичъ, говоритъ она, ни мало не походитъ на другихъ юмса. Онъ имѣетъ русское лицо и говоритъ очень хорошо по-русски. Мы съ нимъ довольно скоро познакомились; но онъ совсѣмъ не откровененъ: онъ говорилъ со мной такъ, какъ-бы усердно былъ преданъ нашей церкви. Когда я его спросила, гдѣ онъ научился ворожить и узнавать будущее, то онъ чрезвычайно удивилъ меня, сказавъ, что въ Петербургъ. И потомъ началъ рассказывать исторію своей жизни: какъ онъ въ младенствѣ лишился отца и матери, выросъ на чужихъ рукахъ и двадцати лѣтъ отъ роду поплылъ работникомъ на судахъ въ Петербургъ. Увидѣвъ такой чудесный городъ, онъ не могъ съ нимъ разстаться, и остался въ немъ, нанявшись въ дворники; послѣ перешелъ къ другому хозяину, торговавшему въ мелочныхъ лавочкахъ, и былъ тамъ три года сидѣльцемъ. У этого хозяина жилъ въ одно время съ нимъ солдатъ, кievскій уроженецъ, у котораго мать летала сорокой и научила сына волшебной наукѣ. У него-то учился Иванъ

Дмитрьичъ таинственной наукой. Огъ душии возвыситъ себя въ глазахъ моихъ, рассказывалъ, что образовался въ столицъ; но мнѣ было это досадо: я хотѣла видѣть колдуна Чувашина, а не малороссіянина. Однако жъ нечего было дѣлать: я просила его отгадать, не загадывая ничего. Иванъ Дмитрьичъ велѣлъ подать стаканъ воды, далъ мнѣ грошъ, чтобъ я сама бросила его въ стаканъ. Я это сдѣлала, и онъ очень долго смотрѣлъ въ воду, говоря по-чувашски очень тихо, потомъ сталъ мнѣ проповѣдывать въ двумысленныхъ словахъ, такъ, что рассказъ можно было толковать въ хорошую и худую сторону. Но когда я настаивала рѣшительно сказать мнѣ: да, или нѣтъ; то онъ всегда отвѣчалъ: «Сомнительно! сомнительно!» Но каково было мое удивленіе, когда онъ, между прочимъ, объявилъ, что у насъ въ домѣ сдѣлалась пропаша. Забывши о пожарѣ, бывшемъ близъ нашего дому, и пропажахъ въ то время, я увидѣла его, что этого не было. — Развѣ безъ меня? — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, тому уже полгода, какъ у насъ пропали часы. — Тутъ я вспомнила о часахъ, пропавшихъ у насъ во время пожара. Спрашиваю у людей, не говорилъ ли кто-нибудь о пожарѣ, о пропажахъ? Утверждаютъ, что никто не говорилъ ни слова. Представь себѣ мое удивленіе: ты знаешь, что я не только чувашскому юмсы, но и жрецаиъ египетскимъ не повѣрила бы; однако жъ несколько часовъ была въ мучительномъ изумленіи. Наконецъ тайна открылась: староста разговаривалъ съ проводникомъ юмсы о пожарѣ и о пропавшихъ часахъ, тогда какъ колдунъ Иванъ Дмитрьичъ отогравался въ людской избѣ, на печь.»

У этого народа, который, какъ говоритъ господинъ Фуксъ въ своихъ «Отвѣтахъ», чуждается всякаго сношенія съ другими народами, и у котораго тотъ почитается образованнымъ, кто тянулъ ямкою судно отъ Чебоксаръ до Рыбинска или возилъ Русскаго на нижегородскую ярмарку, не должно искать ни богатаго языка ни отвлеченныхъ идей. Ежедневная молитва Чувашина выражаетъ все его нужды и понятія о счастьи: она проста, благородна и даже трогательна.

«Тора, сирмакъ!»	Тора, помамуи!
Тора, анъ-бракъ!	Тора, не оставь!
Сюди Тора!	Воевинни Тора!
Сирдакъ, сирди, Царша,	Сдаси земнаго Царя.
Бьоданъ, хьрданъ!	Сыновей, дочерей!
Тыреанъ, тыланъ,	Хьба, мелу,
Тора, бадыръ!	Тора, дай!
Исмликанъ; симликанъ,	Путь, всть!
Сьвтыхне, Тора, бадыръ!	Здоровья, Тора, дай!
Вьдмхранъ чпрмхрана	Скотомъ здоровымъ.
Тобьлхь карда,	Наполни дворы.
Утба карда,	Лешадьми дворъ,
Мяба карда,	Коровими дворъ,
Сорьхба карда,	Ошдами дворъ,
Тора, бадыръ!	Тора, дай!
Қараданъ киль жолданъ вы-	Странника, издалека прихо-
слад кидяггана ярасъ,	дящаго и уставшаго отъ
Тора, бадыръ тудухъ.	пути, въ домъ пустить,
Шайтайданъ сирмакъ,	Тора, дай всегда!
Хуза лдеръ, Тора!	Отъ чорта освободи, вы-
	гнавъ его, о Тора!»

Нѣтъ сомнѣнiя, что, для филологическихъ соображенiй, древняя ежедневная молитва Чувашей-язычниковъ несравненно лучшiй матерiалъ нежели переводы съ русскаго на чувашскiй, которые господинъ фонъ-деръ-Габеленъ принялъ въ основанiе своихъ разысканiй и выводовъ; но мы боимся, что и эта подлинная молитва можетъ повести къ ложнымъ заключенiямъ. Намъ кажется, что явыиъ ея — не совсѣмъ чувашскiй, что это старинная молитва какого-нибудь турецкаго или, если угодно, татарскаго, народа, отъ котораго Чуваша заимствовали свою веру или, по крайней мѣрѣ, религiозные обряды. Вся она, за исключенiемъ нѣсколькихъ выраженiй, составлена изъ словъ турецкихъ, исковерканныхъ чувашскимъ произношенiемъ, которое обыкновенно джи превращаетъ въ ши или си, з въ р, у въ ѣ, э въ а, и такъ далѣе, и часто къ гласнымъ прибав-

ляетъ лишнее в. *Сирлахъ* (помилуй) вмѣсто *джирлахъ*. *брахъ* (оставь) вмѣсто *бракъ*, *смлди* (высокій, подзвѣздный) вмѣсто *джюлди* или *джюлдоузъ*, *сирди* (земной) вмѣсто *джирди*, *падша* (царь) вмѣсто *падшилахъ*, *ыволданъ* (сыновей) вмѣсто *огулданъ*, *хырданъ* (дочерей) вмѣсто *кызданъ*, *бадырь* (дай) вмѣсто *беръ*, *исмяшканъ* (для питья, пить) вмѣсто *чимлякънъ*, *симлячикякънъ* (для ѣды, ѣсть) вмѣсто *джимякънъ*, *толыяхъ* (наполни) вмѣсто *толудуръ* или *толдуръ*, *сорыхъ* (овца), *ше* (корова), и такъ далѣе, все это не что иное какъ исковерканныя татарскія слова, которыхъ нельзя не узнать съ перваго взгляду, несмотря на уклоненіе чужеземнаго выговору и не совсѣмъ вѣрную передачу русскими буквами. Примѣчательная форма двухъ дѣепричастій, *исмяшканъ*, *симляшканъ* (для питья, для ѣды) — коренныя татарскія и, какъ кажется, не свойственны чувашскому языку, а самая длинная фраза, — «*Стришишка издадека приходлцаго и уставшаго отъ пути въ домъ пустить, Тора, дай*», — эта фраза, которую мы сейчасъ повторимъ и по-чувашски и по-татарски, не только по словамъ и фразамъ но и по словосочиненію — татарская:

*Караданъ киль жолданъ вы-
сяся кильягана ярасъ, Го-
ра, бадырь.*

*Караданъ киль, джолданъ
узаджа килеглиш ярата, Го-
ра, беръ.*

Буквально, въ обоихъ случаяхъ, это значитъ: «Изъ поля приходя, изъ дороги далеконокъ пришедшаго, спасти, Тора, дай».

Нѣтъ сомнѣнія, что во многомъ чувашскій языкъ близокъ къ турецкому; спряженія и склоненія его какъ-бы преобразованы по татарскимъ правиламъ: но всё же они въ сущности не татарскія и такого разительнаго сходства между двумя языками, какъ въ этомъ примѣрѣ, мы вовсе не видимъ въ прочихъ текстахъ, приводимыхъ путешественницею: тамъ, напротивъ, и сло-

ва, и формы, и словосочинение, довольно различны. Это обстоятельство и заставляет нас подозревать, что приводимая господиномъ Фуксомъ ежедневная молитва, вѣроятно, перенесена въ чувашскій языкъ изъ служебника другаго народа. Скандинавское названіе главнаго бога, *Тора*, *Торъ*, не должно удивлять никого, потому что, по преданіямъ самой Эдды, богопочитаніе Тора перешло къ Норманнамъ отъ береговъ Каспійскаго Моря. Во всякомъ случаѣ, этотъ донынѣ сохранившійся у Чувашей слѣдъ Торова богопочитанія весьма замѣчателенъ. У Черемисовъ, напротивъ, главный богъ носитъ финское имя, *Юма*, — въ дательномъ падежѣ *Юмалимъ*, — также очень любопытное слово, потому что отъ него явственно происходитъ нѣмецкое *Pinmil*. Коснувшись этого предмета, должно прежде всего отмѣтить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся подъ перомъ госпожи Фуксъ въ ея списокъ черемисскихъ боговъ.

«Ильня Юма.

Ильня Юма абаджа.

Ильня Юманъ пілмъ.

Баръ.

Ильня Юманъ сакча.

Кугуджанъ Юма.

Кугуджанъ Юманъ аб ажа.

Кугуджанъ Юманъ пілмбаръ.

Кугуджанъ Юманъ сакча.

Каба Юма.

Кабанъ Юманъ абаджа.

Кабанъ Юманъ сакча.

Тюна Юма.

Юманъ онъ.

Мордэжъ онъ.

Моланда аба.

Кеча онъ.

Тельча онъ.

Шудюръ онъ

Богъ Царя.

Богъ матери Государя.

Богъ пророка Государева.

Богъ ангела Государева.

Первый у бога святой.

Мать перваго святаго.

Богъ ангела перваго святаго.

Богъ всего свята.

Богъ боговъ.

Богъ вѣтровъ.

Мать земли.

Богъ солнца.

Богъ луны.

Богъ звездъ.

Исправленный такимъ образомъ переводъ названій, даетъ совсѣмъ другое понятіе о сущности черемисской мифологіи; но, безъ-сомнѣнія, въ этомъ списокѣ недостаетъ еще многихъ именъ.

При всѣхъ натяжкахъ, трудно было бы открыть въ черемисскомъ языкѣ малѣйшее лексикографическое сходство съ турецкими нарѣчіями. Это совсѣмъ другой языкъ, который даже, какъ кажется, испыталъ очень мало татарскаго вліянія. Общій типъ языка конечно — турецкій, но всѣ финскіе, монгольскіе, маньчжурскіе и турецкіе языки представляютъ одинаковъй общій типъ; это языки, такъ сказать, одной фабрики. Мы видѣли чувашскую молитву; посмотримъ теперь черемисскую: кромѣ образчика языка, такіе документы даютъ еще хорошее понятіе о нравственнхъ понятіяхъ народа.

«Главный и самый строгій праздникъ у Черемисъ *Суремъ*, или *Шуремъ*, говоритъ госпожа Фуксъ. Онъ бываетъ въ концѣ іюня, и посвященъ главному богу Юмъ; и потому празднуется моленіе всемъ міромъ. За нѣсколько дней до праздника дается повѣстка по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, чтобы всѣ въ назначенный день собирались въ лѣсъ, гдѣ обыкновенно каждый годъ бываетъ моленіе. Въ лѣсу есть долина, среди которой стоитъ дерево, вѣроятно, считаемое за святое. Въ день моленія Черемисы всѣ идутъ въ баню; надѣваютъ чистыя рубашки и холстинные балахоны, и приходятъ на мѣсто тихо и смирно. Ни одна женщина не смѣетъ туда показаться. Черемисы такъ уважаютъ этотъ праздникъ, что въ три дни моленія никто не смѣетъ поцохатъ табаку и выкурить трубку, до чего они большіе охотники. Въ эти три дня они, какъ Татары, безпрестанно моются. Когда всѣ молеельщики соберутся, тогда *картъ* собираетъ со всѣхъ деньги, сколько угодно кому дать, и кладетъ ихъ въ одно мѣсто. Эти деньги служатъ для закужки коровы, барановъ и разныхъ птицъ. Скота заготавливаютъ множество, потому что развѣ десятое животное, по испробованіи, возьмется для жертвы. Собравши деньги, они устраиваютъ, на случай дождя, родъ балагановъ, изъ луб-

ковъ, гдѣ разводитъ огонь и привививаютъ котлы. Окбичивъ эту работу, начинаютъ пробовать скотъ, удобный для жертвы: льютъ на ошпы коровамъ и овцамъ воду. Которое животное отъ холодной воды встрепенется, то и оставляютъ для жертвы; а стоящее, при этой операци, смирно, отдають хозяину обратно. За встрепенувшееся платять дорого. Птицъ берутъ безъ разбору, и никогда съ продавцемъ не торгуются. Безъ-сомнѣнн и этотъ лишняго не запрашиваетъ. Скотину привязываютъ къ дереву, связываютъ ноги и колютъ. Содравъ кожу, рѣжутъ мясо большими частями, кладутъ въ котлы и варятъ. *Картъ* идетъ къ дереву и ставитъ свѣчку на сучь; всѣ Черемисы дѣлають то же; въ нѣсколько минутъ дерево дѣлается какъ-бы унизано зажженными свѣчами. Тутъ начинается жоленіе, и читается молитва:

1.

Ке юмаланъ надырамъ пыштень, тутлакъ Юма серлагышамъ тазалыкамъ пу.

Кто Богу принесетъ жертву, тому Богъ помилованія и здравія дай.

2.

Шочша икшибалажъ оксагичинъ кандыгычинъ пьюкжештинъ иволикычинъ пилламъ пу.

Родившимся дѣтямъ въ деньгахъ, хлѣбъ, пчелахъ, скотоводствѣ, счастье дай.

3.

Мьюкшъ ушлита игамъ котлажайгамъ котламошеньга ми казнамъ перкемъ пу.

Чтобы пчелы въ новый годъ рой пустили; а когда рой пустантъ, то и въ меду спорынью дай.

4.

Каккъ кучамъ пилламъ пу.

Птицъ и звѣрей ловить счастье дай.

5.

Шынундыгычинъ перкемъ и пилламъ пу.

Серебромъ и золотомъ надѣли, и счастье дай.

6. *Кумъ пай сатуланъ Юма окоимъ наламъ пїламъ пу.*
 Дай Богъ счастье взять тройную цѣну за товаръ.

7.

Юманъ пога моладъ пога могула тюнлжета погашъ пїламъ пу.

Вся сокровища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай.

8.

Кугужанъ юзакамъ тюлашъ, Юма, поша и пїламъ пу.
 Государевы подати, Боже, заплатить помощи.

9.

Шошамъ Юма толма годамъ кумъ тюка воликамъ кумъ корна-дене луктенъ колтена туда воликамъ кельга лаврагы чинъ маскагычинъ пирягычинъ воръ гынгычинъ серлага

Когда придетъ весенній богъ, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помощи; отъ глубокой грязи, отъ медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй.

10.

Туда воликъ-гычинъ исырь жа тюжъ лжъ.

Изъ той скотины яловья были бы стѣльны.

11.

Кангажа еши пїлѣ дѣне колаже.

Худья же дѣтскимъ счастьемъ были бы жирны.

12.

Исырь воликамъ икъ киттѣне ужалашъ весь киттѣне жамъ налешъ тура танамъ вашиъ минта Юма.

Чтобы яловую скотину одной рукой продать, а другой рукой деньги взять. Пошли, Боже, добродушнаго друга, или человека.

13.

Кугуко рнаиста кошмашта осалъ гынгычинъ осалъ бергычанъ калыкъ ордигычинъ тѣрл осалъ коштанъ-гычынъ пите пѣкъ гычинъ гильма итѣкъ гычинъ серла.

Въ провздъ по дальней дордгъ отъ худыхъ людей, отъ злой болѣзни, отъ глупыхъ людей, отъ судьи худого, отъ вздорнаго человека, отъ языка довереднаго, помидуй.

14.

Ушла семень оваренъ мнѣмъ іонай мѣллама пу.

Какъ хмѣль пухлявъ и полнонь, такъ мнѣ пухло и полно ума и счастья дай.

15.

Сорта ганча волгыдынъ иляшъ пола итазалькамъ пу.

Какъ свѣча горить свѣтло, такъ меня ясно жить сподоби и здравіемъ награди.

16.

Шышта семе тіорлыкъ тѣне тьлмашымъ итазалькамъ пу.

Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ равно наслаждаться счастиемъ дай.

17.

Шуженъ коштыщамъ темлишъ перькемъ пу.

Прозящаго удовольствовать съ избыткомъ дай.

«Когда мясо поспѣетъ, они пѣдятъ и опять за богомолье, и всегда почти на колыняхъ, лежа ницъ лицомъ. Вина и даже ихъ необходимаго напитка; пива, брать на богомолье не возможно. Пьютъ обыденный, сваренный на мѣсячъ моленья, а не домашній медъ.

«Это важное моленіе продолжается три дня, и вовсе безъ сна. Все, что въ три дня не успѣютъ съѣсть, бросаютъ въ огонь; кости и внутренности животныхъ также сожигаютъ на кострѣ.

«По окончаніи моленія, *картѣ* назначаетъ, въ который день надобно всѣмъ собраться въ поле, и послѣ въ этотъ же день гонять шайтана. Въ собраніе на *Суремъ* я сегодня поѣду, а на молебье въхать побоялась. Говорятъ, будто Черемисы приходятъ въ изступленіе, когда увидятъ на этомъ моленіи женщину, что и случилось прошлаго году.

Одна Черемиска была недовольна своимъ сыномъ, который въ самомъ дѣлѣ ея не почиталъ, а пьяный и бивалъ. Матери вздумалось пожаловаться на сына Юмъ въ то время, когда въ лѣсу было богомолье *Сурема*. Черемиска, придя въ лѣсъ, стала на колѣни позади молящихся Черемисъ, и приносила свои жалобы Юмъ. Тучи, безъ-сомнѣнія готовыя прежде, скоро послѣ приходу Черемиски начали бушевать грозно. Сдѣлалась ужасная буря; снесло всѣ балагаиы; громъ и молнія разогнали молящихся; дождь залилъ огонь жертвы. Когда Черемисы увидѣли женщину, они такъ ожесточились, что хотѣли ее убить до смерти. Сынъ, на котораго она жаловалась небу, кое-какъ ее спасъ, однакожь ихъ избилъ до полу-смерти. Черемисы были увѣрены, что причиною бури была женщина. Они положили навѣрное, что приходъ ея раздражилъ бога грома и осквернилъ ихъ моленіе. Вотъ еще случай, показывающій, что Черемисы довольно опасные люди, когда ихъ разсердишь!.....

«Я сейчасъ возвратилась домой, и скажу, что съ удовольствіемъ видѣла собраніе *Суремъ*. Недалеко отъ нашей деревни, среди лѣсу, въ лугахъ есть прекраснѣйшая долина, длиною болѣе версты, огороженная кругомъ плетнемъ, гдѣ обыкновенно послѣ трехъ-дневнаго моленія Черемиски собираются со всѣхъ деревень. Я не могла допроситься, что значитъ это собраніе: гулянье, или что-нибудь религіозное? На этомъ собраніи царствуетъ тишина: нѣтъ ни пива, ни вина, ни гайканья. Я пріѣхала довольно поздно. Народу уже собралось множество. Сколько телѣгъ и кибитокъ, парами и тройками! Черемисы стояли возлѣ телѣгъ толпами; и между всякой толпы оставалось сажени по двѣ пустаго мѣста. Этотъ размѣръ былъ по деревнямъ: изъ каждой деревни пріѣзжали и становились къ своему отдѣленію. Между ними было немного пожилыхъ женщинъ; но молодыя женщины и множество дѣвокъ стояли у плетня, также отдѣленіями. На другой стороне, у плетня, также стояло множество кибитокъ, парами и тройками; на козлахъ каждой кибитки сидѣлъ опрятно одѣтый молодой Черемисинъ, а кругомъ повозокъ нѣсколько молодцевъ верхомъ. Середина долины была пустая. У многихъ Черемисъ были въ рукахъ, арши-

на въ три или болѣе, дудки, сдѣланныя изъ липовой лутошки и оббитыя берестой. Эти дудки какъ-бы принадлежности праздника *Сурема*: при другихъ праздникахъ на нихъ никогда не играютъ. Всякая женщина, дѣвка, дѣвчонка, держа въ рукахъ овсяныя калабашки, сдѣланныя изъ крупицъ овсяной муки съ молокомъ, а на верху калабашекъ лежали кругленькіе, маленькіе, сырчики изъ творогу. Черемиски этимъ кушаньемъ безпрестанно потчивали другъ друга. Каждая, которая потчуетъ, беретъ у другой ея калабашку, и держитъ въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока та не укусьтъ отъ калабашки и отъ сыру, и опять размѣниваются. Это откусыванье продолжается во все время гулянья. Нѣкоторыя женщины и дѣвки ходили въ толпу, къ Черемисамъ, и подносили имъ свое праздничное блюдо. Каждый Черемисъ, разглаживая бороду и табакомъ насыпанные усы, откусывалъ съ удовольствіемъ. Не правда ли, какъ пріятно отвѣдать отъ кушанья, гдѣ сто ртовъ покусало? Одинъ Черемиснъ, мой сосѣдъ, увидя, что я съ любопытствомъ рассматриваю ихъ кушанье, пошелъ къ своей тельгѣ, вынулъ изъ нея калабашку и сырчикъ, и подарилъ мнѣ. Немного погодя, заложеныя кибитки съ кучерами, одна за другой, стали подвѣзжать къ толпѣ Черемисокъ. Молодыя бабы и дѣвки, съ восторгомъ, наперерывъ, бросались къ кибиткамъ и сѣли въ нихъ, по пяти и болѣе. Кибитки съ сѣдоками скакали по долинь взадъ и впередъ нѣсколько разъ во весь духъ. Потомъ другіе смѣняли прежнихъ сѣдальцовъ; и это катанье продолжалось очень долго. Черемисы вмѣстѣ съ кибитками скакали по долинь, перегоня другъ друга. Я пребыла на праздникъ до захожденія солнца, и болѣе ничего не видѣла. Нельзя не удивляться равнодушію Черемисокъ. Сколько разъ я подходила къ ихъ толпѣ, а онѣ и не обращали на меня вниманія, и продолжали свой разговоръ, не удостоивая меня взгляду!

По окончаніи собранія, или на другой день, Черемисы гоняютъ шайтана. Иные говорятъ, будто *шайтанъ* значитъ домовой, и что Черемисы, всякой годъ, выгоня стараго домового, призываютъ новаго. Но другіе старики утверждаютъ, что это не правда; что *шайтанъ* значитъ — нечи-

стой духъ, который забирается въ домъ и тревожитъ скоть и людей. Для прогнанія шайтана собирается множество молодыхъ Черемисъ верхомъ въ одно мѣсто. Не эскадронами, а цѣлымъ полкомъ, отправляются они вскачъ по деревнямъ; съ шумомъ, съ крикомъ, съ гарканьемъ възъзаютъ въ каждую деревню, и ко всякому на дворъ; бьютъ лутошками и дубинами по амбарамъ, по хлѣвамъ, по всѣмъ угламъ избы; иногда въбгаютъ въ избу, и въ ней опахають, махая лутошками, чтобы выгнать шайтана, за что хозяинъ даетъ имъ всего отъ своей стряпни, а иногда и денегъ.»

Нѣтъ сомнѣнiя, что въ молитвѣ Черемисъ есть много очень замысловато придуманнаго. Замѣтимъ, что и въ этомъ текстѣ встрѣчается слово *волга*, «святой», «свѣтлый», отъ котораго происходитъ названiе знаменитой рѣки: здѣсь оно употреблено въ видѣ нарѣчiя, — *волгыдынь*, «свѣтло». Госпожа Фуксъ очень мило описываетъ еще другой черемисскiй праздникъ, который называется *ага-парямъ*. Слово *парямъ*, по-татарски *байрамъ*, или *пайрамъ*, значитъ праздникъ: остальное объяснить сама путешественница.

«*Ага-парямъ* въ самомъ дѣлѣ очень интереснiй праздникъ, и я смотрѣла на него съ удовольствiемъ. *Ага*, по-черемисски, значитъ «соха», но она иначе устроена, и по-русски называется «косулей», которою пашутъ въ двѣ лошади. Этою сохою въ здѣшнихъ мѣстахъ все вообще пашутъ только подъ яровой сѣвъ.»

«Не знаю, Татары ли отъ Черемисъ, или Черемисы отъ Татаръ, приняли этотъ праздникъ; потому что татарской *сабанъ* празднуется въ одно время и имѣетъ названiе также отъ сохи. *Сабанъ* значитъ «соха», по третьимъ манеромъ сдѣланная: ею пашутъ въ пять и шесть лошадей.»

«*Ага-парямъ* празднуетъ каждая деревня порознь, обыкновенно послѣ обѣду, часовъ въ пять. Чтобы видѣть начало праздника, я отправилась въ четыре часа. На открытомъ

поль были съданы, нарочно для этого праздника, качели и разложены два костра огня. Черемисы, одинъ за другимъ, уже собирались на праздникъ, неся, каждый по *бураку* пива, пной меду. Жены и дочери несли за ними яичницы и другія кушанья; у иныхъ были въ чашкахъ ватрушки и сырчки, съданные изъ тварогу, у другихъ калабашки, изъ крупы, и у каждой яичница, яйца, и ничего мяснаго. Приходя на мѣсто, они ставили кушанье на поль, гдѣ кому было угодно, и сами садились у костровъ, женщины, у одного, а мужчины у другаго. Черезъ полчаса приходитъ картъ, или юманъ, то есть, попъ, и за нимъ старикъ. При ихъ появлении всѣ Черемисы встали. Картъ взялъ свой *буракъ* пива и яичницу, поставилъ передъ собой, а старикъ, пришедшій съ нимъ, лучинкой взялъ огня изъ костра, у котораго сидѣли мужчины, и подаль тюле-карту завернутыя въ бѣлый платокъ воековыя двѣ свѣчи, зажегъ и прильпил одну къ *бураку*, другую къ яичницѣ. Поставивъ передъ собой, онъ всталъ съ важнымъ видомъ первосвященника. Черемисы тотчасъ начали дѣлать то же, прильпять всякой къ своему пиву и къ яичницѣ свѣчки, ставя ихъ передъ собой, а сами всѣ становились позади карта одной шеренгой, по десяти рядомъ. Между всякимъ десяткомъ оставадось мѣста аршина на два. Черемисъ было не болѣе шести десятковъ. Картъ началъ просить Юму о ниспосланіи хорошей яровой жатвы. Въ это время Черемисы всѣ стали на колѣни; а когда картъ сталъ на колѣни самъ, то всѣ Черемисы упали ницъ лицомъ, и лежали до-тѣхъ-поръ, пока картъ стоялъ на колѣняхъ. Когда онъ всталъ, Черемисы стали на колѣна. Картъ взялъ свой *буракъ* пива въ руки и посвятилъ его Юмъ; яичницу и другія свои кушанья, взявъ въ руки, посвящалъ ему же; потомъ бралъ въ руки у каждаго Черемисина, начиная съ перваго, *бураки* съ пивомъ, яичницы и кушанья, и посвящалъ ихъ разнымъ богамъ, матери главнаго бога, богу грому, божіему пророку, богу Царя, и такъ далѣе. Когда онъ обошелъ весь рядъ, Черемисы встали, и онъ началъ другую церемонію. Старикъ подалъ карту большую чашку, и картъ, начиная съ своего пива и кушанья, по порядку у всѣхъ бралъ ковшичкомъ пива изъ каждаго *бурака*, отщипывалъ по-немногу отъ всякаго кушанья, от-

«Сладывалъ ложкой отъ всякой яичницы, все выливалъ и влилъ въ чашку. Окончивъ это, онъ взялъ отъ старика чашку, пошелъ къ костру, гдѣ не было женщинъ, и все изъ чашки бросилъ въ огонь. Покуда горѣла кусочная жертва, Черемисы лежали ницъ лицомъ. И когда они встали, то картъ началъ обходить третій уже разъ, отведывая у каждаго Черемисина пива, яичницы и всякаго кушанья. Когда онъ оканчивалъ отведывать у отдѣльнаго десятка, старикъ, ходя за картомъ, стучалъ по разу кремнемъ въ огниво; и это дѣлалъ онъ у каждаго десятка. Этимъ моленіе и кончилось. Черемисы тотчасъ послѣ молитвы подошли къ карту, и давали ему за труды яицъ, кто три, кто четыре, кто два. Потомъ, каждый своимъ пивомъ, яичницей и кушаньемъ, стали они другъ друга потчивать, и ни одинъ не отказывался. Откушавъ отъ всего по-немногу, они помѣнялись яйцами.

«Женичины во все продолженіе молитвы, стояли у своего костра, поправляли огонь, не принимая въ молитвѣ ни малѣйшаго участія, и тогда уже подошли къ Черемисамъ, когда тѣ начали другъ другу подавать пиво и кушанье. Онъ довольно аппетитно кушали освященное питье и яству. Когда церемонія съ кушаньемъ кончилась, Черемисы опять стали рядомъ, а картъ взялъ метлу и подметъ то мѣсто, гдѣ вли, все крошки пришьлъ къ костру, и бросилъ въ огонь, а Черемисы, пока горѣли крошки, лежали на землѣ лицомъ. Картъ читалъ благодарственную молитву, что боги приняли ихъ жертву. По окончаніи молитвы, молодые бабы и дѣвки начали качаться, молодые ребята ихъ качать, а старики и старухи сидѣли порознь, разговаривая очень серіозно. *Ага-парамъ* кончился довольно поздно. Возвратясь домой, Черемисы начинаютъ съ того же дня пировать по домамъ, ходя другъ къ другу въ гости. Пива и кушанья, моленого въ полѣ, они три дня не снимаютъ со стола, и, какъ святое питье и пищу, всякой день по утру ѣдятъ по-немногу на-тощакъ, а потомъ уже начинаютъ ѣсть вновь приготовленные кушанья. Моленого пива изъ бурака никогда всего не выпиваютъ; всегда оставляютъ хоть съ ложку, и въ него наливаютъ новаго. Если случится по-несчастію моленое пиво всё пролить или, по неосторожности, выпить,

въ такомъ случаѣ хозяйнѣ и хозяйка выходятъ изъ себя, тотчасъ бѣгутъ къ родственнику или къ сосѣду, берутъ у нихъ хоть ложку пива изъ моленого бурака. Моленое пиво они считаютъ за святое, котораго капля освящаетъ сороковую бочку.»

Присовокупимъ сюда нѣсколько общихъ замѣчаній умной и любезной путешественницы о двухъ народахъ, которымъ она такъ справедливо посвятила свое вниманіе.

«Очень рано я пріѣхала въ черемискую деревню. Никифоръ (Черемисинъ), ждавшій меня къ себѣ въ гости, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу съ заспанými глазами; жена его, также полу-сонная, встрѣтила меня на дворѣ, повела за руку въ избу, гдѣ я ознакомилась со всеми домашними, легла спать и проснулась уже въ девять часовъ утра. Шумъ подъ окнами заставлялъ меня скорѣе одѣться. Множество Черемисокъ и нѣсколько мужчинъ меня дожидались; женщины, какъ Татарки, всѣ подходили ко мнѣ, брали меня за руки, и трепали по плечу. Никакъ невозможно путешественнику вдругъ отличить Чувашъ съ Черемисами, ни мужчинъ, ни женщинъ, по наружности и костюму, который, выключая головного убора женщинъ и огромныхъ серегъ, одинаковъ съ чувашскимъ. Но тотчасъ можно замѣтить различіе въ домашней ихъ жизни. Деревня, откуда я къ тебѣ пишу, состоитъ изъ десяти домовъ: но и въ ней есть дворовъ пять. выстроенныхъ по-русски, съ бѣлыми печами, съ косящетыми окошками, и въ избахъ очень опрятно. Здѣсь Черемиски — пребойкія женщины: всѣ говорятъ очень хорошо по-русски, такъ вертлявы и услужливы, что совсѣмъ не похожи на Чувашекъ. Въ десять часовъ я пошла пить чай, и онъ всѣ за мною; я ихъ угощала чаемъ, но всѣ почти отказывались, кромѣ юмсей (колдуній): эти женщины, развѣжая по деревенскимъ дворянамъ чтобы ворожить, привыкли къ чаю. Онъ тотчасъ начали и мнѣ ворожить. Одна держала меня за пульсъ, говоря вздоръ; другая болтала то же, смотря безпрестанно мнѣ въ глаза; третья смотрѣла въ воду. Потомъ начался у насъ разговоръ презабавный, ко-

торый весь опишу тебѣ. Сначала я разспрашивала ихъ о земледѣліи, объ урожаѣ хлѣба, объ ихъ промышленности льсомъ, и прочая. Потомъ неожиданно рѣчь зашла о любви : причиною была сестра моего хозяина, которая, вышедши замужъ, жила съ мужемъ три мѣсяца, и такъ дурно, что должна была убѣжать опять къ брату, гдѣ и живетъ уже пять лѣтъ. «Что, Матрена? спросила я Черемиску : ты такъ молода и между-тѣмъ несчастна : я думаю тебѣ очень горько.» — Что за горько! прервалъ мой вопросъ молодой Черемисинъ : развѣ нѣтъ другаго кромѣ мужа?...

«Черемисинъ, Николай, который всякой годъ сгоняетъ мои плоты съ льсомъ въ Казань, пригласилъ меня къ себѣ въ деревню на маленькіе поминки ; а у моего хозяина, Никифора, будутъ поминки большіе, по трехъ покойникахъ, но отецъ, матери и сестра. Большіе поминки обыкновенно начинаются ночью.

«Послѣ обѣду, въ пять часовъ, отправилась я за полъ-версты въ деревню, къ Николаю. Матрена и другія Черемиски пошли со мною. Николай принялъ меня въ анбарушкѣ, гдѣ обыкновенно они живутъ лѣтомъ. Жена Николаева, та юмса, которая держала меня за пультъ, посадила меня за столъ, недалеко отъ огня, разложеннаго посреди анбарушки. Надъ огнемъ висѣлъ небольшой котелъ, гдѣ варилось пиво съ медомъ, для моего угощенія. Начались поминки точно такъ же какъ у Чувашъ. Накрыли столъ довольно бѣлой скатертью, и поставили на него сухую рыбу, приготовленную съ яицами и съ масломъ, яичницу и жареную курицу. Само собою разумѣется, что послѣ обѣду я ничего не могла встать, но я должна была всего отвѣдывать. Пиво, вареное съ медомъ, подавали безпрестанно и Матрена за меня осушала всѣ ковши. Я думала отвѣдаться отъ угощенія ; но не тутъ-то было : пришли звать меня въ четыре дома, и я должна была до семи часовъ ходить изъ двери въ дверь и вездѣ отвѣдывать рыбу съ яицами и пиво съ медомъ. Замѣть, что у Чувашъ нѣтъ такого гостепріимства : а Черемисы угощали меня по-татарски.

«Въ осьмомъ часу возвратилась я къ Никифору, гдѣ уже

начались приготовленія къ большимъ поминкамъ. Пришли два юмсы; закололи сами четырехъ барановъ, пять куриць, трехъ утокъ и двухъ гусей, поставили на огонь, на дворъ, три котла, положили въ нихъ барановъ и птицъ, и начали варить; варили и медъ. Безпрестанно мѣшали въ котлахъ одни юмсы; ни хозяйинъ, ни другіе Черемисы, не приближались, потому что это готовилось для жертвы покойникамъ. По захожденіи солнца, начали гости собираться изъ многихъ деревень на поминки, и лишь-только стемнѣло, дворъ уже долонъ былъ Черемисъ и Черемисокъ. Выкатили изъ погребу двѣ сороковыя бочки пива и большой боченокъ вина. Поминки совершались въ анбара, гдѣ также былъ разложенъ огонь и варилось пиво съ медомъ. У дверей, на стѣнѣ, прильзши восковыя свѣчки: всякой гость долженъ принести съ собою свѣчку, въ память усопшихъ, и прильзнуть къ стѣнѣ; иные приносили вмѣсто свѣчь деньги. Посреди анбара была протянута веревка, къ которой привѣсили три свѣчи, въ честь тремъ покойникамъ. Эти свѣчи были длиною аршинъ въ пять и свиты на-подобіе улитки. Свѣчи горѣли во все продолженіе праздника, и одинъ Черемисинъ былъ приставленъ развѣивать свѣчи, когда нужно; другой смотрѣлъ за свѣчами у дверей. Возлѣ дверей накрыли большой столъ, и двое юмсей притащили, на какихъ-то носилкахъ, вареныхъ барановъ и птицъ, искрошили ихъ на деревянномъ блюдѣ, кашницу разлили по чашкамъ; принесли пиво, вино; и начались поминки точно такимъ порядкомъ какъ и у Чувашъ: всѣ подходили по-очереди, брали по куску мяса, щипали его, поминая покойниковъ, и клали въ чашки, поставленныя у дверей подъ свѣчами: въ нихъ лили пиво и вино, произнося имена покойниковъ и прихлебывая по-немногу. Ты не повѣришь, что черезъ часъ бараны, птицы, блины, пироги, словомъ, все перешло въ чашки къ покойникамъ! Сами поминающіе почти ничего не ѣли, но зато богатырски пили. По окончаніи поминовенія, двое юмсей вышли изъ анбара, и, возвратясь, принесли съ собою праздничныя платья покойниковъ, по которымъ были поминки; носили ихъ подъ свѣчами, и начали подносить вино. Потомъ юмсы встали, сняли со стѣны нарядъ покойныхъ, надѣли его на себя, женское платье повѣсили черезъ

пото, взяли въ руки свѣчи и начали плясать. Поцѣловавъ, все съ себя сняли. Потомъ стали надѣвать этотъ нарядъ, родные покойныхъ, и такъ же точно плясать со свѣчами какъ юмса. Всѣ гости дѣлали то же, и эта церемонія продолжалась часа два. После пляски, платья сложили; двое юмсей взяли заупокійныя чаши, съ мясомъ и съ разными кушаньями, понесли въ сопровожденіи родныхъ и гостей на дворъ, выбросили кушанья въ уголь, и призвали собакъ. Въ то время какъ собаки ѣли, юмсы опять развернули платья покойныхъ и трясли надъ поядающими жертву собаками; потомъ опять возвратились въ анбаръ, и тутъ-то началось веселье: явились гусли, пузыри, гудокъ; начали пить и плясать, и бѣсновались до восхожденія солнца.»

Мы уже сказали, что, въ «Отвѣты» на записочки жены, нѣжный супругъ путешественницы включилъ много ученыхъ свѣдѣній о народахъ, о которыхъ они переписывались. Въ числѣ этихъ свѣдѣній находятся и статистическія данныя.

По последнему исчисленію, въ казанской губерніи живетъ почти миллионъ людей, составленный изъ шести разныхъ народовъ:

1. Русскихъ.....	504,930	душъ.
2. Чувашъ, христіанъ.....	269,942.	
язычниковъ.....	1,816.	
3. Татаръ, магометанъ.....	105,425.	
христіанъ.....	31,045.	
4. Черемисъ, христіанъ.....	66,650.	
язычниковъ.....	1,007.	
5. Мордвы, христіанъ.....	11,317.	
язычниковъ.....	60.	
6. Вотяковъ, христіанъ.....	4,865.	
язычниковъ.....	533.	

Итого, обою пола: 997,591.

Трудно было бы заключить обзорніе этой любопытной книги чѣмъ-нибудь любопытнѣе слѣдующаго замѣ-

чашія господина Фунса, которое ты находишь подъ его
 таблицею народонаселенія казанской губерніи! «Нажет-
 ся, довольно будетъ для тебя этихъ цифръ! Боюсь на-
 «считать тебѣ вычисленіемъ другихъ предметовъ, но,
 «въ заключеніе сего, скажу тебѣ кстати, милый другъ,
 «что ни одинъ еще статистикъ не вычислилъ, сколько
 «потребно пошлется и подарковъ для поддержанія су-
 «пружеской любви.»

.....

.....

.....

.....

.....

О РОССИИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. Записки
 Григорія Кошихина. Санктпетербургъ, 1840.

Изданіе записокъ Григорія Карповича Кошихина можно по справедливости почесть однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, какіе сдѣлала наша историческая литература въ новѣйшее время. Исторію этого искателя приключеній рассказали мы въ послѣдней книжкѣ; теперь намъ остается обозрѣть содержаніе его книги, отъ которой тяжелый подъяческій слогъ, стремящійся къ ложному изяществу посредствомъ набора славянскихъ формъ, словъ и оборотовъ, удаляетъ нынѣшняго читателя, но которая между-тѣмъ вполне заслуживаетъ его любопытства по важности своихъ статистическихъ и историческихъ данныхъ и, особенно, по множеству занимательныхъ подробностей о придворныхъ, дипломатическихъ, правительственныхъ и частныхъ обычаяхъ старинной Россіи, исчезнувшихъ вдругъ вслѣдствіе быстрого и кореннаго преобразования ея Петромъ Великимъ, и нынче, или совершенно неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ только археологамъ по званію. Не ведъ, конечно, бѣглецу можно вѣрить на слово, но, говоря вообще, сужденіе Кошихина обнаруживаетъ въ сочинителѣ основательное знаніе всѣхъ этихъ предметовъ. Многіе иностранцы описывали наше отечество съ той же стороны какъ и Кошихинъ, но весьма естественно; что природный Русскій, человекъ умный и лично участвовавшій въ правительственныхъ дѣлахъ, знаетъ ее лучше нежели пріѣзжіе наблюдатели, и что, касаясь даже тѣхъ предметовъ, о которыхъ уже неоднократно

Т. XLIX. — Отд. V. 4

говорили другіе, нашъ соотечественникъ можетъ дать намъ гораздо точнѣйшее понятіе о дѣлѣ. Въ настоящемъ обзорѣннѣи книги Кошicina, написанной, какъ кажется, нарочно для канцлера Деллагарди, по его требованію и его для личнаго знакомства съ предметомъ, мы будемъ ббольшею частію переводить разскаъ автора съ «высокаго слогу» на русскій языкъ, сохраняя подлинныя выраженія только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самая ихъ старинная вычурность придаетъ имъ нѣчто живописное или гротескное.

По смерти Михаила Феодоровича, остались сынъ его, Алексѣй Михайловичъ, и три дочери, царевны. Спустя нѣсколько времени, Алексѣй Михайловичъ всенародно былъ коронованъ на царство, въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Послѣ коронованія, патріархъ и высшее духовенство благословляли Царя образами, и подносили ему хлѣбы, бархаты, объяри, атласы, золотыя и простыя камки, соболи и серебряныя сосуды. Такими же вещами дарили новаго царя бояре, стольники, стряпціе, московскіе дворяне, дьяки, жильцы, полковники, гости и служивые люди. А сотники, торговые люди и городскіе посадники подносили царю хлѣбъ съ солью, и каждый дарилъ чѣмъ могъ. Послѣ подарковъ, царь давалъ во дворецѣ пиры, для духовенства, бояръ, и прочихъ чиновъ. Черезъ нѣсколько времени, Алексѣй Михайловичъ сообщилъ высшему духовенству и боярамъ намѣреніе вступить въ бракъ, и, получивъ благословеніе отъ патріарха, избралъ «дѣвицу добру, ростомъ, красотою и разумомъ исполненну». Онъ взялъ ее во дворецъ, отдалъ на сохраненіе царевнамъ и велѣлъ «надъ нею честь держать, доколѣ сбудется веселье и радость». Но дѣвица, по увѣренію Кошicina, черезъ нѣсколько времени была отравлена живыми при царевнахъ матерями и сестрами другихъ дѣвицъ, на которыхъ царь не обратилъ вниманія. Вслѣдъ за тѣмъ, по повелѣнію царя, собрано опять во дворецѣ

несколько дѣвицъ, и Алексѣй Михайловичъ «возлюбилъ и нарекъ царевною» меньшую дочь боярина Илья Милославскаго.

Надлежало теперь назначить свадебныхъ чиновныхъ людей со стороны царя и нареченной невесты. Думные дѣяки составили роспись и поднесли государю. Для предупрежденія безпорядковъ, при совершеніи бракосочетанія, Алексѣй Михайловичъ объявилъ боярамъ, что всякой, кто, вздумавъ считаться породою и мѣстами, окажетъ ослушаніе, казненъ будетъ смертію, а помѣстья и отчины его поступятъ въ казну.

При свадебныхъ обрядахъ царей всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси, говоритъ Кошихинъ, бываютъ «свадебные чиновные люди»: со стороны царя, во-первыхъ, посаженные отецъ и мать; во-вторыхъ, поѣзжане, которые слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: впереди идутъ протопопъ съ крестомъ и тысяцкой; за ними царь, сопровождаемый осемью боярами; при совершеніи бракосочетанія эти бояре стоятъ подлѣ жениха и невесты, и за столомъ занимаютъ высшія мѣста; далѣе *дружка* и *поддружье*: должность ихъ созывать гостей на свадьбу, на свадьбѣ говорить рѣчи отъ лица царя и тысяцкаго, и разносить дары. Къ числу поѣзжанъ относятся *свахи*, *дружковы жены*: онѣ «укручиваютъ и оберегаютъ» царя, одеваютъ и раздеваютъ ее; укучиваютъ же царя передъ вѣчаньемъ, и въ это время *свѣчки* держатъ передъ невестою овъчу. *Коровайники* носятъ, въ церковь и изъ церкви, хлѣбъ на носыжкахъ, обитыхъ бархатомъ и покрытыхъ соболами. Процессію замыкаетъ *комарий*, съ своимъ чиномъ. Третій разрядъ свадебныхъ чиновниковъ, двѣнадцать *сидличихъ бояръ*, и столько же *сидличихъ боярынь*: они не ходятъ въ церковь, и во время бракосочетанія сидятъ за столами вмѣстѣ съ царскимъ отцомъ и матерью. Наконецъ къ послѣднему разряду относится *дворецкой*,

заключавашей кувшины. Свадебные чиновные люди со стороны парницы : отецъ и мать ; сидячіе бояре и боярыни ; дружка , сваха , дружкины жены ; свѣчки и коровайники.

Наканунъ свадьбы у царя бываетъ столъ для родителей невесты , для бояръ и боярынь. Передъ началомъ стола духовникъ благословляетъ жениха и невесту и «велитъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе», а между-тѣмъ гости поздравляютъ царя и царевну съ обрученіемъ.

Въ день свадьбы поутру царь идетъ въ Успенскій Соборъ и служитъ молебенъ. Патріархъ благословляетъ жениха и кропитъ святою водою. Царь прикладываетъ къ образамъ и святымъ мощамъ , и потомъ отправляется въ Благовѣщенскій Соборъ ; здѣсь служитъ панихиду , и «простившись съ погребенными предками», отправляется во дворецъ.

Между-тѣмъ во дворецъ убираютъ особенную палату, обиваютъ ее бархатомъ , стелютъ ковры «турецкіе и персидскіе», ставятъ царское мѣсто и передъ нимъ столы для царя и бояръ. Царь и царевна облачаются во все царственное одѣяніе, но, вмѣсто короны , на голову невесты возлагаютъ вѣнецъ дѣвичій. Свадебные чиновники одѣваются въ золотую одежду. Когда все такъ образомъ устроится , царевна и, снуется немного, царь со своими свадебными чинами входятъ въ убранную палату. Здѣсь женихъ и невеста садятся на одной подушкѣ , и за ними разсаживаются по своимъ мѣстамъ бояре и весь свадебный чинъ. Между-тѣмъ столыники ставятъ по столамъ «вѣтвы», и духовникъ читаетъ Отчужденіе. По совершеніи молитвы, претоноръ и свадебный чинъ начинаютъ вѣтъ и вѣтъ , «не для того чтобъ досыта набѣстятъ ; но для чину такого». Въ это время свѣчки держатъ палъ новобрачными покровъ , а свахи , благо-

словья у отца и матери, расчесывают и укручивают косу невесты.

Послѣ укрученія, изъ-за третьей вѣтвы, протопопъ встаетъ изъ за стола и читаетъ послѣ-обѣденную молитву. Отецъ и мать царя благословляютъ новобрачную драгоценными образами; отецъ и мать невесты прощаются съ дочерью, и отдаютъ ее царю въ руки. Начинается шествіе изъ палаты въ церковь. Царь ведетъ невесту за *правую* руку. Во всѣхъ церквахъ колокольный звонъ. Новобрачные вошли и остановились передъ алтаремъ по среди церкви. Протопопъ облачился къ ризы. По совершеніи обряда бракосочетанія, новобрачные пьютъ красное франковское вино; на царя возлагаютъ корону. Протопопъ говоритъ поучительную рѣчь: онъ доказываетъ, что «жена у мужа должна быть въ послушенствѣ», и что супругъ съ своей стороны не долженъ «гнѣватися на жену, развѣ, нѣкія ради вины, мужу поучити ее слегка жезломъ, нотому что мужъ яко глава на церкви», увѣщаваетъ новобрачныхъ жить въ чистотѣ, недѣлю, среду, пятокъ и всѣ посты поститься, и прочая, и прочая, и наконецъ совѣтуетъ имъ какъ-можно чаще прибѣгать къ наставленію отца духовнаго, «той бо на всѣ блага научитъ». Послѣ поученія протопопъ «повелѣваетъ новобрачнымъ учинити межъ себя цѣлованіе.» Супруги получаютъ поздравленія. Обратное шествіе во дворецъ — при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Родители, уже предувѣдомленные дружкой о счастливомъ совершеніи бракосочетанія, встрѣчаютъ новобрачныхъ и снова благословляютъ ихъ образами. Садятся за столъ. Ыдятъ и пьютъ, до тѣхъ поръ какъ принесутъ ѣству третью, лебедя. Въ это время новобрачные въ сопровожденіи дружки, благословленные отцомъ и матерью, вставъ изъ-за стола, отправляются въ поминальню. Гости по-прежнему ѣдятъ и пьютъ.

Между-тѣмъ конюшій, во всю ночь, съ обнаженной

саблей, вадитъ около царской почивальни. Проходитъ часть. Родители и тысяцкой посылаютъ къ новобратнымъ спрашивать о здоровьи. Царь черезъ дружку зоветъ къ себѣ родителей и весь свадебный чинъ. Пришедшихъ гостей новобратные угощаютъ виномъ изъ кубковъ и ковшей. После-того царь отпускаетъ свадебныхъ гостей и всѣхъ на другой день приглашаетъ къ обѣду.

По-утру новобратные идутъ въ разныя бани.

По выходѣ изъ бани царица встрѣчаетъ сузруга въ царскомъ вѣнцѣ и подноситъ какъ царю такъ и всему свадебному чину мыльные дары, — тафтянныя и полотнянныя сорочки, шитыя золотомъ и серебромъ. Потомъ царь съ поѣзжанами идетъ къ патриарху, и, принявъ благословеніе, отправляется по церквамъ служить молебны.

Наступаетъ обѣдъ, называемый *князьимъ столомъ*. Царь съ царицею садятся на «маестатахъ», а гости на прежнихъ мѣстахъ. На столъ ставятъ «овощи всякіе, сахары и иные диковинки». Гости дарятъ новобратныхъ бархатами, атласами, камками, золотыми и серебряными объярями, соболями, серебряными кубками, и прочая. Отобѣдавъ и выпивъ за здоровья ихъ государскія бояре и всѣ чины разъѣзжаются по домамъ. Такой же обѣдъ и съ такими же церемоніями бываетъ и на третій день со стороны царицы. Это — *столъ княгининъ*.

Впродолженіи этихъ пировъ, на царскомъ дворѣ играютъ въ трубки, въ суренки и бьютъ въ литавры. «А иныхъ игръ, и музыкъ, и танцовъ, на царскомъ весельѣ не бываетъ никогда».

На четвертый день царь даетъ обѣдъ для патриарха и высшаго духовенства. Обряды почти тѣ же.

Въ слѣдующіе дни бываютъ столы для стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, сотенныхъ людей.

старость и городовыхъ выборныхъ и посадскихъ людей. Царь угощаетъ и принимаетъ дары одинъ, и царица не бываетъ уже за обѣдами.

Священниковъ, дьяконовъ и церковнослужителей въ продолженіи нѣсколькихъ дней потчиваютъ на царскомъ дворѣ, и дарятъ деньгами, отъ полтины до десяти рублей, смотря потому, сколько кто получаетъ годоваго жалованья. Въ монастыри, по увѣзднымъ городамъ, рассылаются разные чиновные люди кормить монаховъ, которымъ такъ же даютъ денегъ, отъ полтины до пяти рублей.

По окончаніи пировъ царь съ царицею ѣздятъ по московскимъ монастырямъ, служатъ молебны, кормятъ монаховъ, даютъ милостыню, архимандритамъ, игуменамъ и келарямъ отъ десяти до двадцати рублей, соборнымъ и рядовымъ отъ одного до пяти рублей. Наконецъ новобрачные ходятъ по богадѣльнямъ и тюрьмамъ, и раздають милостыню нищимъ. «Всѣхъ денегъ, прибавляетъ авторъ, расходится множество тысячъ».

Въ коронацію и при бракосочетаніи, въ Москвѣ и другихъ городахъ, освобождаютъ преступниковъ, кромѣ уголовныхъ.

Царь и царица живутъ въ отдѣльныхъ покояхъ, и народъ рѣдко видитъ царицу.

По рожденіи царевича, бываетъ у царя родильный столъ для патріарха, высшаго духовенства и бояръ. Младенца креститъ обыкновенно патріархъ; воспріемникомъ бываетъ келарь Троицкой Лавры, кумою царицы сестра или царская родственница.

До пяти-лѣтняго возраста царевичъ воспитывается подъ надзоромъ кормилицы, мамки и няньки. Потомъ приегаютъ къ нему боярина, «честью великаго и

разумнаго», также окольничего или думнаго человека; въ слуги выбираютъ боярскихъ дѣтей; стольники дѣлають ровесниковъ царевича. Въ учителя выбираютъ «учительныхъ людей, тихихъ и не-бразжниковъ». До пятнадцати-лѣтняго возрасту царевичъ воспитывается въ совершенномъ уединеніи, въ отведенныхъ себѣ хоромахъ, и не видитъ никого кромѣ бояръ и приближенныхъ къ царю особъ. Но, достигнувъ пятнадцати лѣтъ, онъ начинаетъ выходить съ родителемъ въ церковь и на потѣхи. Въ это время изъ многихъ городовъ нарочно привозжають смотреть царственнаго юношу.

Когда малолѣтній царевичъ или царевна, какого бы ни были возрасту, отправляются въ церковь, около нихъ по всякъ сторонамъ несутъ суконные полы, такъ чтобы никто ихъ не видѣлъ. Въ такихъ случаяхъ въ церковь не пускають никого, кромѣ бояръ и приближенныхъ особъ. Царевича и царевенъ завѣшиваютъ тафтою отъ взоровъ народу.

Въ день рожденія кого-либо изъ царской фамиліи, у царя бываетъ столъ для патріарха, высшаго духовенства, бояръ и думныхъ людей. До начатія стола, царь отъ лица имянинника, раздаетъ имянинные калачи, длиною аршина въ два и три, полщиною въ четверть аршина. Въ дни царскихъ имянинъ прекращается всякая работа, какъ въ Москвѣ такъ и другихъ городахъ, свадебъ не играютъ и мертвыхъ не погребаютъ.

Для погребенія царя, по грамматамъ патріарха, съезжаются въ Москву изъ всѣхъ городовъ и монастырей митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены. Платять, за погребеніе, патріарху сто рублей, митрополитамъ по осмидесяти, архіепископамъ и епископамъ по семидесяти и шестидесяти; архимандритамъ, игуменамъ и высшему бѣлому духовенству отъ тридцати до пятидесяти рублей, низшему духовенству отъ пяти до двадцати. Сверхъ того разсылають

многократно денегъ въ монастыри и богадѣльни. Въ Москвѣ и другихъ городахъ освобождаютъ немъ времени предшественниковъ. Въ день погребенія, подъянн изъ всѣхъ приказовъ возами вывозятъ деньги на площадь, и, заворачивая въ бумагу по полтинъ или по рублю, раздають нищимъ.

Погребеніе совершается ночью, и народу бываетъ множество. Авторъ утверждаетъ, что во время этой ночной церемоніи часто случались воровства и большіе безпорядки.

На царское погребеніе, какъ въ Москвѣ такъ и по другимъ городамъ, издерживался почти годовой государственный доходъ.

Далѣе авторъ говоритъ «О Царскихъ чиновныхъ людяхъ». Это — думные дьяки, спальники, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, жильцы; дворяне городовые, дѣти боярскіе и, наконецъ, постельничій.

Спальники по-очереди спятъ у царя въ комнату, посуточно, человека по четыре. Спальники выбираются изъ дѣтей боярскихъ, окольныхихъ и думныхъ людей. Изъ спальника легко сдѣлаться бояриномъ, и потому многіе добиваются этой должности. Въ бояре, окольные и думные люди, царь обыкновенно жалуетъ въ новый годъ, на Пасху и въ день своего рожденія. Съ этими сановниками царь разсуждаетъ въ Думѣ о государственныхъ дѣлахъ. Въ это время бояре, окольные и думные люди садятся по чинамъ, поодаль отъ царя, на лавкахъ. Объявивъ свою мысль, царь требуетъ мнѣній, бояръ и думныхъ людей. «И кто изъ тѣхъ бояръ побольше и разумнѣе», тотъ мысль свою и объявляетъ, а «иные, уставя брады, ничего не «мыслятъ» и не отвѣчаютъ. Грамматы въ иностранныя государства поручается готовить посольскому думному дьяку: этотъ приказываетъ подъячму, а самъ не готовитъ, только

чортить и прибавляетъ что надобно и не надобно. Приготовленная грамота неоднократно читается въ присутствіи царя и бояръ. Сирѣчьлютъ и помѣчаютъ дѣла думные дѣяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки не прикладываютъ. Въ тайной государственной думѣ бывають только тѣ бояре и окольничіе, которые пожалованы изъ спальниковъ.

Къ чиновнымъ царскимъ людямъ принадлежать также сибирскіе и касимовскіе царевичи, принявшіе христіанскую вѣру. Честью они выше бояръ, но въ думахъ не засѣдаютъ. Должность ихъ вести царя подъ руки, когда тотъ идетъ въ церковь. Эти царевичи поженились на боярскихъ дочеряхъ и получили отъ царя большія помѣстья и отчины. Когда грузинскій царевичъ былъ съ своею матерью въ Москвѣ, ему отдавали честь какъ природному царскому сыну. Можетъ-быть царь отдастъ за него свою дочь, говоритъ авторъ.

Гербы и фамильные печати въ Россіи не извѣстны. Самъ царь печатается настоящимъ гербомъ только къ крымскому хану и Калмыкамъ, но на грамотахъ къ европейскимъ государямъ печатается «не истиннымъ своимъ гербомъ».

Отправляясь въ походъ, или на богомолье въ какой-нибудь монастырь, царь беретъ съ собою нѣкоторыхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей; другихъ оставляетъ въ Москвѣ для приказныхъ дѣлъ. Дворъ, въ отсутствіе царя, поручается одному боярину, двумъ окольничимъ, двумъ думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ. О важныхъ дѣлахъ тотчасъ даютъ знать царю; дѣла мелкія рѣшаются безъ сношенія съ нимъ.

Безъ вѣдома царя, никто изъ чиновныхъ людей не смѣетъ выѣхать изъ Москвы; даже въ гостяхъ другъ у друга не могутъ они быть безъ царскаго позволенія.

Въ день своихъ именинъ, чиновные люди, царю и

членамъ царскаго семейства подносить *малыя по-
дари.*

У царицы есть свои чиновные люди. Это, во-первыхъ, *боярыни*: казначей, крайчая, постельница, судья. Во-вторыхъ, *стольники*, — малолѣтныя дѣти бояръ и околничихъ. Отъ царицы въ ту же должность переходятъ они къ царю, какъ скоро исполнится имъ лѣтъ пятнадцать или семнадцать. Въ-третьихъ, *мастерицы*: дѣвицы, вдовы или замужнія женщины, выбранныя изъ среднихъ сословій; онѣ шьютъ на царицу. Въ-четвертыхъ, *постельницы*; должность ихъ — слать постели для царицы и боярынь. Въ-пятыхъ *мовницы*, жены дворовыхъ людей, онѣ моютъ царицыно бѣлье: зимой и лѣтомъ платье возятъ на рѣку, въ саняхъ, въ запертомъ и запечатанномъ сундукѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ; позади возу идетъ боярыня «для сбереженія». Въ-шестыхъ, *дѣти боярскіе*: ихъ употребляютъ для разсылокъ, и они же ѣздятъ съ царицею въ *походъ*. Царица выѣзжаетъ въ *корьтахъ* и каптанахъ, закрытыхъ персидскою камкою. За нею, верхомъ на иноходцахъ, ѣдутъ мастерицы, постельницы и мовницы, которыя однако жъ сидятъ на лошадяхъ не такъ, какъ «въ иныхъ государствахъ ѣздитъ женской полъ». Всѣхъ мастерицъ, постельницъ и мовницъ, у царицы до трехъсотъ. У царевенъ чиновные люди — такіе же какъ у царицы, съ тою разницею, что при царевнахъ стольничаютъ дѣвицы.

Глава «О Титлахъ, какъ къ которому potentату московскій царь пишется», не менѣе любопытна: въ ней находимъ мы нѣкоторыя замѣчательныя правила старинной русской дипломатики, но болѣе всего поразительно одно характеристическое обстоятельство: во *всѣхъ* владѣтельныхъ особамъ вверху грамматъ писалось — *Божією милостію*, Мы, Царь, и прочая, но думные дѣяки, великіе стилисты тѣхъ временъ, вѣроятно по-

читали эту естественную и ясную формулу за «средній слогъ», и придумали, что къ римскому императору, потому что онъ римскій императоръ, нельзя писать такъ естественно и просто, а надо отличиться передъ нимъ «вымышленіемъ» и пощеголять «высокимъ слогомъ», и вотъ какую, взамѣнъ двухъ этихъ словъ *Божьей милостію*, сочинили они высокопарную фразу: *Милосердія ради милости Бога нашего, во еже посылти насъ востокъ свыше и направити ноги на путь миренъ, сего убо Бога нашего въ Троицѣ славимаго милостію*, Мы Великій Государь Царь, и прочая. Не напоминаетъ ли это знаменитаго утвержденія нынѣшнихъ грамматиковъ нашихъ, которые до-сихъ-поръ продолжаютъ въ русскомъ слогъ школу думныхъ дяковъ и серьезно старались увѣрять публику еще недавно, будто, для большихъ окказій, въ языкъ должны быть особенныя, необычайныя, праздничныя мѣстоимѣнія и формы словъ, а буднишнія и естественныя годятся только для ежедневнаго обиходу? будто верху листа, надъ чертою, надобно писать однимъ языкомъ, по-изысканнѣе, а внизу, подъ чертою, другимъ, по-проще? и будто въ воскресенье нельзя такъ говорить по-русски, какъ говорятъ въ субботу? Какъ ни странны подобныя понятія въ нашемъ образованномъ вѣкѣ, они однако жъ весьма достойны примѣчанія по своему происхожденію: ихъ родословная восходитъ до свѣтлыхъ филологическихъ понятій нашихъ прежнихъ дяковъ, и не трудно было бы отыскать ея начало въ византійскомъ безвкусіи, разлившемся въ свое время, не только на древнюю Русь, но и на Азію, гдѣ оно и донынѣ цвѣтетъ во всей силѣ.

Отправляемые грамматы, продолжаетъ Кошхинъ, пишутся на александрійской бумагѣ; *травы* по краямъ расписывались золотомъ. «Къ Французскому, къ Гішпанскому и Португальскому» королямъ; посольствъ никогда не бывало, грамматы ни какіе не посылали, и потому въ дипломатическѣ нашей не существовало для

нудъ одобенный формуль. Иностранные государи къ московскому царю винутъ полный царскій титуль. Но крымскій ханъ пишетъ коротко : «Брату нашему московскому царю». Еще короче Калмыки и князя : «Бѣлому царю Алексѣю Михайловичу, всеа Руси, здравствовать». Другіе просто «Бѣлому царю».

Говоря объ отправленіи пословъ къ иностраннымъ государямъ, Кошкинъ сообщаетъ довольно любопытныя подробности о раздорахъ по поводу мѣстничества. Въ товарищи главному послу назначаютъ известное число бояръ, окольничихъ, стольниковъ, или другихъ сановниковъ. Но какъ-скоро кто-нибудь изъ нихъ считаетъ себя по своему роду не ниже главнаго посла, то подаетъ царю челобитную и объясняетъ, что товарищемъ «ему быть не мочно», потому что предки его никогда не сдужили съ предками боярина, назначеннаго въ посла. Объ этомъ дѣлается справка въ посольскомъ приказѣ и разрядныхъ книгахъ, и, если челобитную признаютъ справедливою, назначеніе отмѣняется; въ противномъ случаѣ челобитчикъ снова получаетъ повелѣніе слѣдовать за посломъ. Но если тотъ упорствуетъ, то ослушника сажаютъ на неопредѣленное время въ тюрьму и выдаютъ головою тому боярину, котораго онъ обезчестилъ своимъ отказомъ. По повелѣнію царя, пристава берутъ ослушника за руки и вѣдутъ до боярскаго двора, въ сопровожденіи дьяка или подъячаго. Взойдя на дворъ, ставятъ виновнаго вѣнчанемъ крыльць, а дьякъ или подъячій даетъ знать боярину о своемъ приходѣ. Бояринъ выходитъ на крыльцо, и дьякъ говоритъ ему, что Великій Государь указалъ и бояре приговорили этого челоуѣка, что не хѣтъ съ нимъ звать, за его боярское безчестье, отвести къ нему, боярину голову. Бояринъ благодаритъ царя за милость, и потомъ приказываетъ вѣнчанца отпустить домой, запрещая однако жъ ему садиться на лошада на своемъ дворѣ. Между-тѣмъ посылаемый вѣнчанецъ

ласть боярина и безчестить вславно брашно; но бояринъ за эти злые слова ничего чинить не смѣетъ, потому что царь посылаетъ этого человека единственно изъ любви къ боярину, а не для того чтобы бояринъ убавилъ или изувѣчилъ обидчика.

Еще страннѣе и забавнѣе споры за мѣстничество на царскихъ объѣдахъ. Бояре садятся за столъ по чину своему, бояринъ подлѣ боярина, окольникій подлѣ окольникаго, и такъ далѣе: часто однако жъ, кто считалъ себя по своей породѣ равнымъ тому, подлѣ кого ему назначено мѣсто, бьетъ челомъ царю, что «ему ниже того боярина или окольникаго, или думнаго человека *сидѣти не мочно*», потому что онъ родомъ съ нимъ равенъ или и честнѣе, и прежде родъ ихъ вмѣстѣ за царскимъ столомъ никогда не бывалъ. Царь приказываетъ челобитчика посадить насильно, но тотъ всё-таки стоитъ на-своемъ и молвитъ: «хотя-де царь велитъ ему голову отсѣчь, и ему подъ тѣмъ не сидѣть», и послѣ этихъ словъ забивается подъ столъ. Наконецъ царь приказываетъ вывести его и посадить въ тюрьму. Такихъ ослушниковъ тоже отсылаютъ головою.

Послами отправляютъ бояръ, окольниковъ, думныхъ людей и другихъ сановниковъ. Съ ними ѣдетъ переводчикъ, пять или болѣе человекъ подъячихъ. Сверхъ-того каждый посолъ беретъ съ собой людей, сколько кто можетъ, такъ, что при иномъ посольствѣ бываетъ до ста человекъ слугъ. Передъ отъѣздомъ члены посольства получаютъ царское жалованье «не овладу ихъ на два года». Еще даютъ имъ и собелей, боярамъ цѣною отъ пяти сотъ до тысячи рублей, окольниковъ отъ двухъ до четырехъ сотъ, столовниковъ, дворниковъ и дьяковъ, отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ рублей. Въ дорогъ также идетъ послѣ царское жалованье. Иготовившись къ отъѣзду, послы

отправляются, не дожидаясь наказа: Этот наказ, получаемый на дороге, состоит въ слѣдующемъ:

Послы должны ѣхать тихо и смиренно, задору съ чужеземными людьми ни о чемъ и ни какого не чинить, домовъ не разорять и не грабить, насильствомъ ни у кого ничего не брать. Пріѣхавъ къ назначенному государю, послы входятъ въ палату по чину: впереди несутъ дары, дворяне идутъ съ грамотой, позади ихъ сами послы. Вошедши въ палату, послы становятся передъ государемъ, и первый посолъ говоритъ: «Бога въ Троицѣ славимаго милостию, Великій Государь Царь (слѣдуетъ полный титулъ царя, и потомъ государя, къ которому присланы) къ вашему королевскому величеству прислалъ насъ, своихъ царскаго величества великихъ и полномочныхъ пословъ, съ своею царскою грамотою, и велѣлъ поклониться, и свое царскаго величества здорověе сказати, а ваше королевскаго величества здорověе видѣти». Поклонъ въ поясъ. На вопросъ короля, другой посолъ отвѣчаетъ: «Какъ мы повѣхали отъ Великаго Государя, его царское величество на своихъ преславныхъ и великихъ государствахъ російскаго царствія, далъ Богъ, въ добромъ здорověе». Потомъ говоритъ третій посолъ: «Божіею милостию Великій Государь Царь къ вашему королевскому величеству прислалъ свою царскаго величества любительную грамоту». Подносятъ грамоту, и первый посолъ говоритъ: «Великій Государь Царь прислалъ свои царскаго величества поминки». Каждый посолъ отдаетъ королю дары, присланные царемъ, и потомъ собственные свои. Послы, учтиво и вѣжливо подходятъ къ рукѣ короля и кланяются въ поясъ.

Далѣе повелѣвается наказомъ говорить вѣжливо и разумныя рѣчи тому, кого король пришлетъ къ посламъ со столомъ. Когда прійдетъ часъ нить за государскія здорověя, посламъ велѣно напередъ нить за

царевъ и потомъ за королевское здоровье: За королевскимъ столомъ послы должны сидѣть въ жалнвѣ, не упиваться, рѣчи разговорныя говорить остерегаясь, и съ «вымышленіемъ», и посольскимъ дворянамъ приказывать, чтобъ они не упивались и словъ ни какихъ межъ себя и ни съ кѣмъ не говорили.

Всѣ слова, сказанныя сверхъ наказу, послы приказываютъ записать подътячимъ въ статейныхъ спискахъ, но совсемъ не такъ, какъ это было на-дѣлаъ, а прекрасно и разумно, выхваляючи свой разумъ на обманство, ддятого чтобъ достать себѣ у царя честь и большое жалованье. Для чего же такъ творить? Вотъ для чего: «росейскаго государева люди спешивы и необычайны по великому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ добраго наученія не ищють и не приимають:..... и не наученіемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности или скоростию своею къ подвижности, а потому въ этикъ словахъ замираются или сваливаютъ вину на передодчиковъ. Благоразумный читателю! члужи моего писанія не удивляйся: правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылають».

Когда послы, на возвратномъ пути въ отечество, подъвзжаютъ къ Москвѣ, царь посылаетъ навстрѣчу столбниковъ или жильцовъ освѣдомляться объ ихъ здорově. Попріѣздъ въ Москву, послы являються къ царю, отдають грамматы своихъ посольствъ, а за ними и отѣйные списки: Если царь остается довольнымъ, члены посольства повышаются въ чинахъ. Въ подарокъ даютъ имъ собольи шубы, крытыя бархатомъ или атласомъ. Сверхъ-того награждаютъ ихъ отчинами или на покунку отчинъ даютъ денегъ, отъ двухъ до сорокъ тысячъ.

Авторъ даетъ описаніе даровъ, отправляемыхъ въ посольствахъ: Изъ евронеискихъ государствъ, къ азиатскимъ

скому царю больше всѣхъ посылали подарковъ. «Прошлаго 1683 года, къ английскому королю и королеви, отъ царя и царицы отправлено съ посломъ Прозоровскимъ, соболей, черныхъ лисицъ, собольихъ и горностаевыхъ мѣловъ, куницъ, живыхъ горностаевъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ, болѣе чѣмъ на двадцать тысячъ рублей. Дѣло шло о свободномъ производствѣ торговли въ архангельскомъ портѣ. Также и для того посланы такіе дары, что въ тотъ годъ *аглискій* король женился.» Вскорѣ потомъ и аглинской король прислалъ къ московскому царю посла съ дарами, разными по цѣнѣ московскимъ дарами.

Къ персидскому шаху съ каждымъ посольствомъ отправляютъ даровъ больше и больше, потому что шахъ и самъ присылаетъ къ царю богатая узорочья съ камнями и множество другихъ вещей. Въ 1663 году послано въ Персію разныхъ подарковъ болѣе чѣмъ на двѣсти тысячъ рублей. Отъ турецкаго салтана и отъ персидскаго шаха возвращаются послы уже въ четвертый годъ, потому что проваздъ очень труденъ и отъ климату многіе умираютъ.

Къ крымскому хану, къ его царицѣ и царевичамъ, ежегодно посылаются собольи, кунии, бѣлочки, лисы, песцовыя и заячьи шубы, крытыя или золотомъ или нѣвтною камкою; также однорядки суконныя, кафтаны камчатые, шапки, сапоги, соболей, куницъ и лисницъ. Такіе подарки, увеличиваемыя съ каждымъ годомъ, отправляютъ для того чтобы отвратить нападеніе крымскихъ Татаръ на Украину. Татары однакожь, не смотря на это, чинятъ что хотятъ. Эти поминки «уложилъ» давать митрополитъ Алексѣй, бывшій за нѣсколько лѣтъ назадъ въ плѣну у крымскихъ Татаръ.

Съ меньшею отчетливостію Кочинскіи описываютъ принятіе чужеземныхъ пословъ. Встрѣчавшіеся, за землянымъ городомъ, стольникомъ и дьякомъ, послы, го-

ворить онъ, сопровождаются иноземною широту, и отправляются на посольской дворъ. Черезъ несколько дней, по назначенію царя, идутъ они верхомъ на лошадахъ ко дворцу, и въ это время по обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ стрѣльцы со знаменами и оружіемъ. Не доходя до дворца, послы съѣзжаютъ съ лошадей, и, снявъ шапки, идутъ въ приемную палату. Царь въ это время сидитъ на своемъ мѣстѣ, во всемъ царскомъ облаченіи. По правую руку царя поставлены на блочкѣ тельники, по лѣвую сидятъ бояре; сибирскіе царевичи держатъ царя подъ руки. По обѣимъ сторонамъ сходятъ рынды, по четыре человека, въ бѣлыхъ гермоновыхъ плащахъ съ вышними шапками на головахъ и съ топорами въ рукахъ, украшенными золотомъ и серебромъ. Послы входятъ и поздравляютъ царя. При имени короля, царь снимаетъ корону и спрашиваетъ послы о здоровьи его королевскаго высочества. После утвердительнаго отвѣта, послы поддаютъ грамоту и королевскіе подарки, — сосуды серебряные, позолоченные, и «что прилучится заморскихъ диковинокъ».

Въ тотъ же день, для угощенія пословъ, царь посылаетъ стольника изъ окольничихъ. За столомъ стольникъ предлагаетъ посламъ пить сперва за царское, а потомъ королевское здоровье; послы не соглашаются, но послѣ многихъ споровъ принуждены бываютъ уступить.

Служивъ несколько послѣ аудиенціи, послы разсуждаютъ съ боярами въ посольской палатѣ о предметѣ посольства, и вскорѣ пошевъ, получивъ отвѣтъ, готовятся къ отъезду. Передъ отпускомъ дарятъ пословъ саблями.

Въ седьмой главѣ, авторъ съ особенною подробностію, и являя кажется съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, повѣститъ о приходахъ.

Придетъ тайныхъ дѣлъ : дѣять и дѣять поддѣлать

завѣдываютъ въ домъ царскихъ дѣламъ, тайными и явными. Сюда не входятъ, ни бояре, ни думные люди. Подьячие изъ этого приказа отправляются съ посланми въ иностранныя государства и съ воеводами на войну; они поднагриваютъ за гвни и другими, и по возвращеніи доносятъ царю. Подъ ведомствомъ этого приказа — мастера, и заводы гранатнаго дѣла, также царская лѣтняя потѣха. Для этой потѣхи подлѣ Москвы учрежденъ потѣшный дворъ, гдѣ содержатся кречеты, соколы, ястреба, челики, и прочая. Этими птицами ловятъ лебедей, гусей, утокъ, жаворонковъ. Всѣхъ потѣшныхъ птицъ у царя болѣе трехъ тысячъ.

За ними смотрятъ сокольники, люди, равные по чину жильцамъ и стремяннымъ конюхамъ; сокольниковъ будетъ до ста человекъ. Ловятъ птицъ кречетники и помощники ихъ, болѣе ста человекъ.

Въ посольскомъ приказѣ засѣдаютъ думный дьякъ; два простыхъ дьяка и четырнадцать человекъ подьячихъ. Подъ ведомствомъ посольскаго приказа — дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ. Здѣсь принимаютъ и отпускаютъ иностранныхъ пословъ; отсюда также отправляютъ русскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ въ иностранныя государства. Переводчиковъ въ приказѣ будетъ человекъ до пятидесяти: они переводятъ съ латинскаго, греческаго, шведскаго, нѣмецкаго, польскаго, татарскаго и другихъ языковъ. Работы у нихъ много каждый день, по дѣламъ изъ окрестныхъ государствъ; также для испытанія заставляютъ ихъ переводить старая письма и книги. Толмачей въ приказѣ человекъ семьдесятъ. Жалованья получаютъ переводчикъ отъ пятидесяти до ста рублей въ годъ, толмачъ отъ пятнадцати до сорока рублей. Также подъ ведомствомъ посольскаго приказа привязие и въ Москву живущіе иностранцы, донскіе, Казани, крещенные и некрещенные Татары, живущіе въ иностранскихъ горахъ въ

илѣтъ изъ казанскаго, астраханскаго, сибирскаго и касимовскаго царствъ : этииъ Татарамъ даны отчины и поместья въ подмосковныхъ городахъ. Сюда также относятся греческое духовенство и *Греченя*, когда призываютъ въ Москву для собиранія милостыни и для торговли. Приказъ содержится на счетъ доходовъ съ питейныхъ домовъ и таможенъ пяти городовъ. Всѣхъ денегъ въ годъ собирается до *полу-3000*, то есть, до *полу-третьей тысячи*, или до 2500 рублей.

Въ приказѣ большаго дворца засѣдаютъ бояринъ, дворецкой, окольничій, думный человекъ, два или три дьяка. Подъ вѣдомствомъ этого приказа сытенный, кормовой, хлѣбный дворы и дворовые люди.

Стрѣлецкій приказъ, завѣдывающій всѣми другими московскими и городскими стрѣлецкими приказами, состоитъ изъ одного боярина и двухъ дьяковъ. Жалованье для стрѣльцовъ собирается съ отчинныхъ крестьянъ всего государства. Сверхъ-того крестьяне ежегодно привозятъ въ Москву хлѣбные стрѣлецкіе запасы. Стрѣлецкихъ приказовъ въ Москвѣ не бываетъ меньше двадцати: въ каждомъ изъ нихъ отъ осьми сотъ до тысячи стрѣльцовъ. Ихъ начальники—головы, полу-головы, сотники, пятидесятники, десятники. Жалованья получаютъ : полковникъ двѣсти рублей, полу-полковникъ отъ осмидесяти до ста, сотникъ отъ сорока до пятидесяти рублей.

Подъ вѣдомствомъ приказа казанскаго дворца находятся казанское и астраханское царства съ пониженными городами. Въ этихъ городахъ, съ посадскихъ людей, крещеныхъ и некрещеныхъ Татаръ, съ Мордвы и Черемисовъ, также съ таможенъ, кабаковъ и откуповъ, ежегодно собирается до тридцати тысячъ рублей. Также подъ вѣдомствомъ приказа *воинское дѣло и охраненіе отъ турецкой и персидской границы*, отъ Калмыковъ и Башкирцовъ. Изъ Астрахани и Казани ежегодно

но пригоняются въ Москву ногайскіе и татарскіе табуны, отъ тридцати до пятидесяти тысячъ лошадей. Лошадь стóитъ отъ пяти до осьми рублей. При распродажѣ табуновъ, Ногайцы и Татары бывають у царя, и для нихъ на царскомъ дворѣ дѣлають столъ какъ для крымскихъ пословъ. Всѣхъ Ногайцевъ и Татаръ прѣзжаетъ съ лошадьми до двухъ сотъ человекъ. Изъ царской казны выдаютъ имъ платье тоже какъ крымскимъ посламъ.

Въ приказъ большой казны засѣдають бояринъ, думной дворянинъ, два или три дьяка. Подъ вѣдомствомъ его — гости, гостиная и суконная сотня, серебряныхъ дѣлъ мастера и многихъ городовъ торговые люди. Съ гостей и торговыхъ людей, также съ крестьянъ и бобылей, подвѣдомственныхъ приказу, собирается каждый годъ различныхъ доходовъ до трехъ сотъ тысячъ рублей.

Подъ вѣдомствомъ этого приказа также *Денежный дворъ*. Деньги дѣлають мелкіе изъ «ефимочнаго серебра», — копѣйки, деньги и полушки. Ефимки и серебро, прутовое и тянутое, привозятъ къ архангельскому порту изъ галандской земли, Венеціи, Любка и Амбурка (Гамбурга). Каждый ефимокъ, принятый отъ купцовъ, стóитъ четырнадцать алтынъ, но при переливкѣ на денежномъ дворѣ, изъ ефимка выходитъ двадцать одинъ алтынъ и двѣ деньги: такимъ образомъ отъ каждаго ефимка прибыли царю семь алтынъ и двѣ деньги. Денежныхъ мастеровъ выбираютъ изъ вольныхъ и торговыхъ людей. Такихъ мастеровъ, чеканщиковъ, подметчиковъ, рѣзальщиковъ, тянульщиковъ, отжигальщиковъ, будетъ на денежномъ дворѣ человекъ двѣсти. Ихъ осматривають до-нага, когда приходятъ они на работу или возвращаются домой. Обвиненнымъ въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ, послѣ пытокъ, заливають оловомъ горло; другимъ, смотря по вниѣ, отсѣкають

руни, сѣрѣзываютъ уши, бьютъ жгль и кнутомъ, отнимаютъ дома и ссылаютъ въ Сибирь. Въ московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хоть въ «кроникахъ» и пишутъ, что русская земля на золото и серебро урожайная. «Въ прошлыхъ годахъ», во время войны съ Казимиромъ и потомъ съ шведскимъ королемъ, для исполненія казны, стали дѣлать серебряныя рублевки, величиною съ любскій, четверти рублевые въ пять алтынъ и двѣ деньги, и наконецъ отчеканили мѣдныя полтинники. Крестьяне, увидѣвъ такія *неровныя смѣшаныя деньги*, перестали возить въ городъ състные припасы, дрова и сѣно. Вскорь на всѣ товары открылась большая дороговизна, и царскіе служилые люди должны были за все платить вдвое. Строгій царскій указъ и казни не остановили зла. Беспорядки увеличивались со дня на день, и царь велѣлъ наконецъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Кокенгаузѣ чеканить мѣдныя деньги, — алтынники, гроши, копѣйки, равныя по цѣнѣ серебрянымъ. Эта мѣра на нѣсколько времени остановила смуты, но вскорь открылось зло другаго рода: въ Москвѣ и прочихъ городахъ появилось множество фальшивыхъ денегъ. Въ различныхъ мѣстахъ ловили мошенниковъ, уличенныхъ въ дѣланіи фальшивой монеты, пытали, казнили смертію, вытѣснвали на стѣнахъ денежныхъ дворовъ отсѣченныя руки: несмотря на все это, мошенники не унимались и злоупотребленія оставались во всей силѣ, до тѣхъ поръ какъ перестали ходить мѣдныя деньги. Для надзору за приѣмомъ и расходомъ мѣди, въ Москвѣ и по другимъ городамъ поставили на денежныхъ дворахъ вѣрныхъ головъ и мѣловальниковъ изъ гостей и торговыхъ людей. Это были люди честные и зажиточные, но уже видно «*дьяволъ возмутитъ ихъ разумъ*», и они, покуная мѣдь въ Москвѣ и свейскомъ государствѣ, дѣлали на денежныхъ дворахъ деньги для себя и свозили домой. По доносу, сдѣланному денежными мастерами и стрѣльцами, головъ

и дворянство пытали, и они, признаваясь въ вину, говорили въ то же время, что ихъ соблазнили думаря другихъ мошенниковъ, которые, бывъ уличены въ такомъ же преступленіи, задарили царскаго тестя, боярина Илью Михайловича Милославскаго, и думнаго дворянина, и этими подарками спаслись отъ пытокъ и смертной казни. Несмотря на эту отговорку, преступниковъ казнили. Это обстоятельство подадо поводъ къ смятенію, которое Кошихинъ описываетъ очень подробно.

Между тѣмъ мѣдные деньги подешевѣли такъ, что семнадцать мѣдныхъ рублей ходили за одинъ серебряный. На все поднялась ужасная дороговизна, серебряной монеты почти не было и многіе умирали съ голоду. Наконецъ Царь велѣлъ мѣдные деньги свозить въ казну или переливать во что кто хочетъ, и такимъ образомъ уничтожилъ мѣдную монету.

Большой приказъ: здѣсь засѣдаютъ окольнічій и два дьяка. Доходы его въ Москвѣ и другихъ городахъ собираются съ лавокъ, гостиныхъ дворовъ, нагребанъ, съ мѣры, таможенныхъ пошлинъ, съ перевозу и мостовщины. Всѣхъ денегъ бываетъ въ годъ болѣе пяти сотъ тысячъ.

Приказъ *Новгородская четверть*: подъ вѣдомствомъ его—Новгородъ, Псковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда, и другіе города, пограничные со Швеціей. Совсѣхъ этихъ городовъ доходу получается въ годъ до ста тысячъ рублей.

Приказъ *Устюжская четверть* завѣдываетъ городомъ Устюгомъ Великимъ. Доходъ съ этого города приносятъ тысячу двадцать.

Подъ вѣдомствомъ приказа *Костромская четверть* — города Ярославль, Ростовъ, Кострома и дру-

гю. Ежегоднаго доходу съ нихъ получается до тридцати тысячъ рублей.

Галицкая четверть завѣдываетъ городомъ Галичемъ. Доходу съ Галича около двѣнадцати тысячъ рублей.

Питейными домами распоряжаетъ приказъ *Новая четверть*: съ нихъ получается доходу болѣе ста тысячъ рублей.

Аптекарскій приказъ управляетъ аптекой, докторами и лекарями, которыхъ будетъ въ Москвѣ человекъ тридцать. Всѣ они иностранцы.

Приказъ Малой Россіи : подъ его начальствомъ состоятъ Запорожскіе Казаки, Кіевъ, Черниговъ, и прочіе города Малой Россіи, которая обязана доставлять царю для охраненія городовъ и противъ непріятелей шестьдесятъ тысячъ войска, но доходовъ отъ этой страны, недавно присоединенной отъ Польши, нѣтъ ни какихъ.

Разбойный приказъ : въ немъ засѣдаютъ бояринъ, окольникій, стольникъ, дворянинъ и два дьяка. Подъ вѣдомствомъ его — разбойники, воры, приводны дѣла, заплечные мастера (палачи), получающіе годовое жалованье, и которыхъ въ Москвѣ человекъ пятьдесятъ. Въ городахъ для разбойныхъ и табенныхъ дѣлъ устроены приказныя губныя избы, подъ вѣдомствомъ выборныхъ дворянъ, неспособныхъ, за старостью, къ военной службѣ. Кто попадется въ разбоѣ, воровствѣ, поджогѣ или другомъ важномъ преступленіи, виноватаго, кто бы онъ ни былъ, хоть бы самъ князь, ведутъ въ разбойной приказъ, и начинаютъ пытать. После пытокъ, виновнаго, признается ли онъ или нѣтъ, сажаютъ въ тюрьму. Пойманныхъ на разбоѣ, но не обвиненныхъ въ душегубствѣ, за первую вину бьютъ на разкѣ кнутомъ, отрѣзываютъ имъ лѣвое ухо, и ослыжаютъ

въ Сибирь; за другую вину отрѣзываютъ правое ухо, и также ссылаютъ въ Сибирь. За маловажные проступки бьютъ кнутомъ и батогами, а потомъ освобождаютъ. За смертоубійство отсѣкаютъ голову, вѣшаютъ и четвертуютъ; за измѣну также отсѣкаютъ голову; за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество, за книжное преложеніе, кто «учиеть вновь толковать *воровски* противъ апостоловъ и пророковъ и святыхъ отцовъ съ похуленіемъ», преступника жгутъ живаго; за «конфедератство» отсѣкаютъ руки, ноги и пальцы или казнятъ смертію; такой же казни подвергаютъ тѣхъ, кто заманется на отца или мать, или кто обнажитъ на кого саблю на царскомъ дворѣ. За царское безчестіе, или тому, кто злословитъ царя, отрѣзываютъ языкъ.

Всѣхъ приказовъ въ Москвѣ было сорокъ два. Кроме исчисленныхъ нами, въ книгѣ Кошихина описываются еще разрядной, сибирскій, помѣстный и пушкарскій приказы, царская мастерская палата, царицына мастерская палата, иноземный, рейтарскій, монастырскій, ямской, земской и наконецъ холопій приказы.

Годовой государственный доходъ Россіи, при Алексѣ Михайловичѣ, по словамъ автора, простирался до одного милліона трехъ сотъ одиннадцати тысячъ рублей.

Судопроизводство совершается въ приказахъ черезъ бояръ, окольныхчихъ, стольниковъ, дворянъ и дьяковъ. Передъ вступленіемъ въ должность, эти судьи даютъ присягу и «чинятъ крестное цѣлованіе жестокимъ проклинательствомъ», что они ни съ кого ни какихъ взятковъ брать не будутъ; однако жъ «ни во что ихъ вѣра и заклинательство: наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ, себя и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, когда не сами собою, то по задней лѣстницѣ, черезъ жену, или дочь, или

сына и брата, а сами какъ-будто про то и не знаютъ, и такимъ образомъ душа ихъ приходитъ этимъ злоумысломъ въ лучину огня негасимаго, потому что они кривятъ, не только свою, но и царскую душу и, взявъ песуды, обманываютъ другихъ людей злыми словами».

Слѣдующія статьи автора до послѣдней главы могли быть любопытными для иностранныхъ читателей: рускіе найдутъ въ нихъ мало новаго. Вотъ нѣсколько подобностей изъ статьи «О Торговыхъ людяхъ».

Торговыхъ и посадскихъ людей, и также людей изъ гостиной и суконной сотенъ, жалуютъ въ званіе гостей, какъ-скоро отличаются они особенною вѣрностью въ должности головъ и цѣловальниковъ у соболиной казны, въ таможнякъ и на кружечныхъ дворахъ. Гости могутъ покупать отчины, принимать подъ закладъ имѣнія, варить и курить пиво для домашняго обиходу. Въ Москвѣ будетъ гостей около тридцати человекъ: у каждаго капитала отъ двадцати до ста тысячъ рублей. Людей изъ *гостиной* и *суконной сотенъ* дѣлаютъ въ Москвѣ и прочихъ городахъ товарищами гостей при сборахъ царской казны и при должностяхъ цѣловальникой. Эти люди могутъ безъ закону держать дома вино и торговать чѣмъ угодно, не покушая крестьянъ не имѣютъ права. Московскіе торговые люди, раздѣленные на сотни и слободы, выбираются погодно для царской службы въ таможнякъ и кабакахъ; изъ нихъ дѣлаютъ также цѣловальниковъ и головъ.

Авторъ даетъ перечень царскихъ, духовныхъ, помещичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ:

У самого Царя подъ Москвою, въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ, крестьянъ до двадцати тысячъ дворовъ, кромѣ бобылей; также въ царскихъ черныхъ волостяхъ и селахъ до двадцати тысячъ дворовъ.

За патриархомъ подъ Москвою и въ городахъ, въ раз-

дворянскъ, селянъ и волостянъ, крестьянъ болѣе семи тысячъ дворовъ.

За четыремя митрополитами, новгородскимъ, казанскимъ, ростовскимъ и крутицкимъ, весть крестьянъ будетъ дворовъ тысячь двадцать. За десятью архіепископами до шестнадцати тысячъ дворовъ. Къ монастырямъ приписано до осьмидесяти тысячъ дворовъ.

Изъ бояръ, у иного до семнадцати тысячъ дворовъ крестьянъ. Имѣютъ крестьянъ также думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы, дѣти боярскіе, мурзы и Татары, дворовые и конюшенные, переводчики, подъячіе и толмачи: у каждого изъ нихъ отъ двухъ дворовъ до четырнадцати тысячъ.

Въ послѣдней главѣ Кошкинъ описываетъ семейный бытъ нашихъ предковъ. Бояре и ближніе царскіе люди, говоритъ онъ, живутъ въ каменныхъ и деревянныхъ домахъ безъ великаго устроенія и приарній. Ыдятъ они по-престу; кушанья малосолены и безукусныя, безъ приправъ, безъ ягодъ, сахару, перцу и инбирю. Различныхъ кушаньевъ за столомъ бываетъ до пятидесяти и до ста. Передъ обѣдомъ жена хозяина выходитъ къ гостямъ ударить челомъ. Входя въ палату, или избу, она останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ устроенъ столъ, и кланяется гостямъ малымъ обѣщаньемъ, а гости, которые въ то время стоятъ у дверей, всѣ до одного кланяются хозяйкѣ дому въ землю. После-того хозяйка бьетъ челомъ гостямъ, и, кланяясь до земли, проситъ, чтобы они изволили щелочемъ ея жену, но сперва, по просьбѣ гостей, щелуетъ ее самъ; потомъ уже гости подходятъ по-одному и, отдавъ земной поклонъ, щелуютъ хозяйку дому, снѣтъ кланяются ей до земли, и наконецъ становятся на мѣстахъ. По окончаніи этой церемоніи, хозяйка подноситъ гостямъ по чарѣ двойнаго или тройнаго вина съ

землю, а мужъ между-тѣмъ каждому изъ гостей кланяется въ землю и просить пить; такимъ же поклономъ отвѣчаютъ ему гости, прося напередъ выпить водки саму госпожу дому. Тому, кто не пьетъ водки, подносятъ по кубку романа (особенный родъ бишофу), рейнскаго вина или другаго напитку. Наконецъ хозяйка, кланяясь гостямъ (всегда малымъ обычаемъ), уходитъ въ свои покои, къ боярынямъ, женамъ гостей. Мужчины и женщины вмѣстѣ не объдаютъ никогда, кромѣ свадебныхъ пировъ. За обѣдомъ, какъ сказано, блюдо бываетъ по пятидесяти и по сто, и за каждымъ блюдомъ хозяинъ и гости пьютъ по чаркѣ водки, также романаю, рейнское, поддѣльное и простое пиво, и разныя меда. Когда подадутъ за столъ круглыя пироги, въ комнату входятъ замужныя дочери хозяина, и гости выходятъ изъ-за стола и опять становятся у дверей, а потомъ по-очередно, по просьбѣ мужей, цѣлуютъ вонедимыхъ женщинъ: послѣ-того опять садятся за столъ, и женщины уходятъ, откуда пришли. Но дочерей-дѣвицъ, живущихъ въ особыхъ дальнихъ покояхъ, къ гостямъ не выводятъ никогда и не показываютъ никому. По окончаніи стола, неутомимые гости пьютъ еще за здоровье другъ друга, и наконецъ развѣзжаются, то есть, ихъ развозятъ полу-мертвыми по домамъ. Такъ же точно ѣдятъ и пьютъ между собой и боярыни въ своихъ покояхъ.

Когда бояринъ хочетъ жениться или женить сына, то посылаетъ напередъ кого-нибудь изъ пріятелей къ родителямъ или родственникамъ избираемой дѣвицы, поговорить съ ними объ этомъ дѣлѣ и спросить, согласны ли они выдать свою дочь или родственнику и сколько намѣрены дать за нею приданаго платьемъ, деньгами, отчинами и дворовыми людьми. Если родственники согласны выдать дѣвицу, они отвѣчаютъ, что рады предложенію, но только сперва подумаютъ да посудятъ между собою, и тогда уже «учинятъ отвѣдъ, котораго дни точно»; но если знаютъ, что же-

никъ *пальница* или *шаловой* (башенный), въ такомъ случаѣ говорятъ, что за такого человека выдать не могутъ, или отговариваются чѣмъ-нибудь.

Рѣшившись выдать дѣвицу, родители составляютъ роспись приданого и отсылаютъ ее къ людямъ, приходящимъ отъ жениха, а тѣ отдаютъ жениху; невеста между-тѣмъ ничего о томъ не знаетъ, до самаго замужства. Если жениху «по тому приданому та невеста полюбится», онъ посылаетъ къ ея родителямъ просить, чтобы ему показали дѣвицу; родители отвѣчаютъ, что они рады показать дочь, но только не самому жениху, а кому-нибудь изъ его родственницъ. Въ определенный день, родители невесты сзываютъ близкихъ родственниковъ, наряжаютъ дочь въ лучшее платье и сажаютъ за столъ. Призжаетъ *смотрящица* (мать или сестра жениха), и садится подлѣ невесты. За обѣдомъ смотрящица переговариваетъ съ невестой «о всякихъ разныхъ дѣлахъ, извѣдываячи ея разумъ и рѣчи», высматриваетъ «въ лицо, и въ очи, и въ прищѣты», и, по возвращеніи домой, отдаетъ отчетъ во всемъ жениху. Если смотрящица «присмотритъ, что невеста глупа, на лицо дурна, *на очи не добра*, или хрома, или *безъязычна*», женихъ отказывается отъ названія и уже болѣе не сватается. Но какъ-скоро дѣвица добра, разумна, «и рѣчью и всѣмъ исполнена», то женихъ посылаетъ сказать, что онъ невесту *малюбилъ* и хочетъ «счинить супружество». Родители дѣвушки назначаютъ день сговору. Женихъ наряжается въ лучшее платье, и ѣдетъ съ отцомъ или близкими родственниками въ домъ невесты. Родители дѣвушки встрѣчаютъ гостей, отдаютъ имъ честь «какъ годится», идутъ въ хоромы и садятся по чину. Последнѣе немного, отецъ, или родственникъ жениха, говоритъ, что они *пріѣхали для добраго дѣла*; господинъ дому отвѣчаетъ, что онъ радъ призвану гостей и готовъ сдѣлать сговорное дѣло. Обѣ стороны уговариваются о различныхъ

свадебныя ставниа и назначаютъ время свадьбы. Делается записъ: женихъ обязывается жить невѣсту на назначенный срокъ; родители обязываются выдать свою дочь. Въ случаѣ неустойки съ той или другой стороны, виноватый платитъ тысячу, пять, или десять тысячъ рублей смотря по тому, сколько назначено будетъ въ записи. Послѣ угощенія, женихъ съ отцомъ или родственникомъ ѣдетъ домой, не выдавъ невѣсты.

Свадебные чиновные люди и вообще большая часть свадебныхъ обрядовъ — такіе же, какъ на царской свадьбѣ. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ за невѣстой: впереди коровайники несутъ на носилкахъ хлѣбъ; за ними — священникъ съ крестомъ, тысяцкой и женихъ. Приѣхавъ къ невѣстѣ, всѣ идутъ на дворъ и въ хоромы, по чину. Невѣстины родители благословляютъ жениха и невѣсту образами и отдаютъ дочь жениху въ руки. Женихъ сажаетъ невѣсту въ колымагу или въ каптану, а самъ садится на коня или въ сани, и весь свадебный чинъ ѣдетъ къ церкви. Послѣ вѣчанія, свадебный поѣздъ отправляется къ жениху на дворъ, гдѣ встрѣчаютъ новобрачныхъ родители, уже предъувѣдомленные о благополучномъ совершеніи брака. Дальнѣйшіе обряды — какъ на царской свадьбѣ.

На слѣдующее утро, по выходѣ изъ бани, молодой ѣдетъ къ родителямъ новобрачной и бьетъ челомъ за то, что они дочь свою искренно выдали, вѣдали; замужъ какъ родится, въ добромъ здоровь выдали, или жалуется нить петуху. Передъ обѣдомъ молодой со свемъ молодымъ ѣдетъ къ царю ударить челомъ. Царь принимаетъ поведъ въ палату, сидя въ шанкѣ, спрашиваетъ о здоровь новобрачныхъ, и потомъ, благословляя похваля сузруговъ окладными образами, жалуетъ какъ по сорку собелей, по нортину бархату, атласу, золотой обляри, кашки, простой тафты и по серебряному сосуду; фунта въ золотра въсомъ. Послѣ того свадебные чинъ

всѣмъ людямъ и шестикъ, вѣнчали у царя по кубку романа и по новому вишневаго меду, отирали жемчугъ на обѣдъ, бѣгать, пѣютъ, и развѣзжаются по домамъ. На третій день обѣдъ уродичей невѣсты. Впродолженіи свадебныхъ пировъ трубить въ трубы и бьютъ въ диньки.

Точно такія же свадьбы бывають у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и простолюдиновъ; но къ царю ѣздить только думные люди и спальники. Должно замѣтить, что большая часть старинныхъ свадебныхъ обычаевъ, описываемыхъ Кошихинымъ, сохраняется и доннынъ между простолюдинами отдаленныхъ провинцій Россіи.

Если у родителей старшая дочь была безобразна, а младшія красотою, разумомъ и тѣломъ исполнены, въ такомъ случаѣ, иногда, сважъ или смотрильщицъ выводили на показъ которую-нибудь изъ младшихъ сестеръ, называя ее именемъ старшей. На сговоръ, при назначеніи дня свадьбы, родители невѣсты дѣлали въ записяхъ *заряды*, или условія, невыполнимыя для жениха, если бы тотъ вздумалъ отстать отъ невѣсты. Въ день свадьбы безобразная дѣва шла въ церковь, и, будь она слѣпа или нѣма, жениху не было ни какой возможности подмѣтить недостатковъ той, которую онъ *излюбилъ*, потому что во все время обрядовъ дѣвица оставалась плотно закрытою и не говорила ничего. Уже у себя дома новобрачный въ первый разъ могъ разглядѣть уroda и съ ужасомъ узнавалъ, что ему должно всю жизнь «плакати и мучитися». Порою, за жениха выдавали совсѣмъ не ту дѣвицу, которой имя на сговоръ было поставлено въ записи. Тогда обманутый жаловался патриарху или другому духовному сановнику, и, если подлогъ былъ доказанъ, супруговъ разводили, а обманщика-отца «за такое воровство» били кнутомъ. Иногда, вмѣсто дочери, показывали смотрильщицъ слу-

жанку, пересадкую въ платье боярыни. Если невеста была малоросла, подъ нее ставили стулья, и она «видѣлась добродѣна, а на чемъ стоять, того не видно».... «Благоразумный читателю! восклицаетъ Кошкинъ въ заключеніе: не удивляйся ничему; истинная тому есть правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на невестѣ обманства нѣтъ, какъ въ московскомъ государствѣ.»

—

•

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДОСТОЯНОСТЬ.

ДЕКАБРЬ, 1840.

НОВЫЯ КНИГИ.

ЛИРИЧЕСКІЙ ПАНТЕОНЪ. А. Ф. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1840, въ-8., стр. 120.

«Пантеонъ» значитъ — храмъ всѣхъ боговъ, «всебожница», это я знаю: но, сознаюсь въ моей непростительности, я никакъ не могу догадаться, что такое значитъ «лирическій пантеонъ». Храмъ всѣхъ лирическихъ боговъ? Сколько же ихъ считается въ нашей мифологіи? Это пышное заглавіе было бы еще кое-какъ понятно, если бы въ предлагаемой книжонкѣ собраны были оды Пиндара, Горация, Руссо, Державина, Гёте, Байрона, Гюль, и другихъ бессмертныхъ лириковъ, достойныхъ быть допущенными къ длинному и голодному пиру боговъ, глотавшихъ въ пантеонахъ горкій овсянъ и неблагоуханныя пары жертвоприношеній, которыя люди солигали подъ ихъ носомъ въ знакъ своего благоговѣнія. Но собраніе стихотвореній господина А. Ф., являющееся подъ заглавіемъ «Лирическаго пантеона», лирической всебожницы, это не совсемъ ясно; смѣю даже сказать, это довольно темно. Я вижу храмъ; читаю на немъ золотую надпись — храмъ всѣхъ боговъ; вхожу съ сердцемъ, исполненнымъ горячаго суевѣрія, чтобы поклониться имъ, н... не вижу боговъ! Гдѣ же выдѣсь, о боги? Проявитесь грѣшнымъ очамъ моимъ! Ослышьте меня нечеловѣческимъ своимъ блескомъ! Предстаньте со всѣмъ вашимъ ужаснымъ могуществомъ; съ громами, молніями, мечами,

коньями, палицами, лирами, кадуцеями: пусть я дрожу, пусть трепещу, пусть, уничтоженный, упаду ницъ передъ вашимъ величіемъ и разсыплюсь въ прахъ отъ безсмертныхъ звуковъ вашего голоса!.... Являйтесь же скорѣе, незримые нуты, или я начну светозащитную въ востокъ экспедицію, и пусть мой свергнутъ потокомъ несчастной хулы...

Глухо и темно. Никто не является! Обойдемъ алтари этого пустынного пантеона. Посмотримъ, какимъ богамъ тутъ молится. Прочитаемъ надписи: — *Ваханкъ — Одашкы — Ей — Дъвь — Художникъ дъвь — На смерть юной дъвы — Въ Албомъ дъвы — Тоскы — Хандръ — Колодишкы — Апшему*..... Такъ вотъ лирическіе боги! Да это, не «пантеонъ», а «пандемоніонъ», всечертовщина, всебъсница! Посмотримъ, однако жъ, о чемъ господинъ А. Ф. умоляетъ Лашаго:

«На мшистомъ, старомъ пивъ, скрестивъ кривыя ноги
И въшей наготой блистая межъ *древесъ*,

Ты промче топочи и смѣшивай, *дуреть!*

Какая прелесть заботы съ твоей кашею *лгвс*,

Где я люблю, слышать за чуткими *ошарями*:

Отъ страха робкая домой забудетъ *путь*,

И, кузовъ уронивъ съ душистыми *цветами*,

Она падетъ ко мнѣ на *пламенную грудь*».

Страшней услуги требуетъ господинъ А. Ф. отъ Лашаго! Если Лашаго обдумаетъ королевично, какой процессъ предпринимать ему и оправдать за десять минутъ свой мертвецки въ лирическомъ пантеонѣ, то онъ всегда и приметъ, это *акъ ната*.

Прочіе лирическіе боги пантеона, возмущенные господиномъ А. Ф., судя нелепыхъ случаевъ — *Блудница*, *Дурьянъ*, *Серенада*, *Кольцо*, *Призракъ*, *Насосралъ*, *Вадажа*, *Водажа*, *Арабонъ*, *Италья даше*, *Арабесонъ*, въ лирической мисеологии, кажется, называются таковыми богами, которые говорятъ все безъ смысла, но всегда въ ризахъ:

Черную урву съ прахомъ *позы*

Нары обонуть;

Къ бросившей пре-двѣстившей *послы*

Курлы привидеть.

И *Факель угасшій подль папвры*

Въчаго спить:

Гарсія-зависть, краше прощенья,
Въ прахъ лежитъ.

Но за Коцитомъ ты улыбовался
Дивный павецъ :
Къ урнѣ прижался дряхлый
Свяжй влещь!»

Какихъ въ пантеонахъ нѣтъ боговъ! В этому лирическо-
му богу люди, вѣрно, стануть поклоняться болѣе чѣмъ про-
заическому богу Здравому Смыслу, — именно потому что не
поймутъ его.

Много въ новомъ пантеонѣ говорится о дѣвахъ, кудряхъ
и сладострастїи, много въ немъ арабескныхъ надписей и
замысловатыхъ виньетокъ, но самый примѣчательный мо-
нументъ этого великолѣпнаго храма — пробытка незабвен-
наго его зиждителя съ краснорѣчивымъ словомъ FIN, и съ
эпитафїей :

«Любилъ онъ пѣснями дѣвъ задумчиво внимать,
Когда на звуки ихъ березникъ отзовется.
Любилъ о нихъ поплакать, помечтать;
Подъ этой липою лѣною отдыхать.
Теперь онъ спитъ, и не проснется.»

При пантеонѣ, — который господинъ А. Ф. занялъ исклю-
чительно на себя, — какъ всегда бываетъ, есть маленькій
придакъ для низшихъ боговъ, — для Гёте, Горація и Шил-
лера. Здѣсь онъ помѣстилъ негннхъ переводы нѣсколькихъ
шестъ, относительныхъ къ дѣвъ, къ кудрямъ и къ сладо-
страстїю. Гёте говоритъ о дѣвъ довольно гладко и хорошо,
— по-крайней-мѣръ не арабесками :

«Все вѣжнть взоры,
Все вѣжнть слухъ,
Всѣмъ вѣжнть солнце,
Смѣется Лунъ.»

Я люблю, свѣтъ :
Полны вѣжнть ;
Я слышу вѣжнть ;
Изъ-за вѣжнть .
Восторгъ вѣжнть ;
Тѣсятъ вѣжнть ;
О счастье вѣжнть ;
Продлится вѣжнть ;

.. . . .

.. . . .
Любовь, любовь,
Одыя жизнью,
Природу вновь?

.. . . .
Лугъ молодой
И разлитыя
Весь другъ земной?

.. . . .
О! дѣва! какъ я
Люблю тебя!
Какъ сердце твое свѣтитъ!
Люби меня!

.. . . .
Какъ сладко птичекъ
По утру пѣть,
Иль пышной розѣ
Зарей алетъ.

.. . . .
Такъ сладко, дѣва,
Тебя любить,
Тобой воскреснуть,
Тобою жить.

.. . . .
Ты оживила
Мои мечты!
Будь въ вѣкъ счастлива,
Какъ любишь ты.

МОГИЛА ВОЯРИНА АРТАМОНА СЕРГѢЕВА МАТВѢЕВА.
*Сочиненіе Ивана Данкова. Москва, въ тип. Степанова,
1840, вѣ-12., стр. 24.*

Длинная эпитафія въ коротенькихъ стихахъ, которые
какъ кажется, особенно удобны для географическихъ мо-
хновсній, для поэзіи ландкартъ и глобусовъ.

«Распустилъ Орелъ.
Крылья мощныя;
Отъ Балтійскаго
Моря къ Черному;
А отъ Чернаго
До Азовскаго,
Отъ Азовскаго
До Кіевскаго,

Онь Бибальская,
 До Байкальскаго,
 Онь Байкальскаго,
 До Одетскаго,
 И достала Орель
 Море Тихое.
 Запахнула крыломъ
 Часть Америки,
 И могучею
 Грудью крѣпкою
 Заявля Сверьь весь
 Вплоть до полюсъ;
 Ледяное
 Море страшное,
 Напропала,
 Безпрепятное,
 И широкое (?)
 Море Бьдеръ
 Засловила сянцой
 Онь широкою,
 И одной главою
 На Востокъ глядитъ,
 А другою главою
 Смотритъ къ Западѣ.

Въ концѣ длинной эпитафіи приложены два вида гробницы боярина Матвѣева.

въ черѣ въ симоновѣ. *Сочиненіе Николая Ивановича Писарева. Москва, въ тип. Степанова, 1840, въ-8., стр. 117.*

Авторъ этого благонамѣреннаго сочиненія «подощелъ къ стѣнамъ» Симонова монастыря, «сѣлъ подъ тѣню его вѣзовъ, свидѣтелей столькихъ вѣковъ и тревоженій», изъподъ вѣзовъ «обнялъ взоромъ тѣ же виды», и вдругъ онъ видитъ, въ прошедшемъ, старца-внокъ, который водрозилъ въ землю посохъ и говоритъ своему ученику:

«Феодоръ, ты возлюбилъ это новое мѣсто: благополучнаго: Здѣсь еще видне святая крестовская; видна и дарушанская обитель, гдѣ молился князь Давидъ; видно и Коломенское, отчина друга моего,» и прочая, и прочая.

Старецъ-внокъ говоритъ о томъ, что видно и чего не

видно, битыхъ девятнадцать страницъ, безъ умолку, а авторъ всё сидитъ подъ вязами, не трогаясь съ мѣста. Конечно, старецъ говоритъ очень благонамѣренно, и исчисляетъ по порядку все, что было и будетъ: но — девятнадцать страницъ!.... между-тѣмъ какъ авторъ сидитъ подъ вязами!.... Девятнадцать страницъ тоже имѣютъ свой счетъ на свѣтъ. Въ выноскѣ, правда, авторъ предостерегаетъ, что это сдѣлано на законномъ основаніи; что эти девятнадцать страницъ «вложены здѣсь въ уста» старцу, по праву поэтовъ и ораторовъ. Праву? Гдѣ же оно? Ни въ какой грамматъ, данной перпендикулярно читателямъ поэтамъ и ораторамъ, не значитъ, чтобы имъ было дозволено разглагольствовать на девятнадцать страницъ, передъ воротами монастыря, посреди книги, которая вся состоитъ изъ сорока шести страницъ. Такого права никогда они не имѣли, не имѣютъ и, надѣюсь, не будутъ имѣть. Оно подало бы поводъ къ большому неудобству! Вотъ, напримѣръ, что случилось въ Симоновомъ. Это было вечеромъ. Изъ уваженія къ мнимому праву поэтовъ и ораторовъ, авторъ безвозбранно допустилъ старца ораторствовать и поэтизировать на девятнадцати страницъ, и, когда старецъ кончилъ, когда авторъ вошелъ въ ограду, на дворѣ было уже темно, и онъ не могъ ничего хорошо, ни видѣть, ни показать читателямъ. Читатели разбрелись со скуки. Авторъ отправился одинъ въ Примѣчанія. У входу въ Примѣчанія, — дальше мы за нимъ и не послѣдуемъ, — онъ поставяетъ на видъ, что еще въ 1830 году, по прочтеніи «Путешествія къ Святѣмъ Мѣстамъ», А. Н. Муравьева, произнесъ онъ про себя слѣдующее примѣчательное изрѣченіе: «*Ридуюсь! Русскіе пишутъ не одни романы.*» Зачѣмъ, спрашивается, авторъ напоминаетъ намъ его? При всемъ желаніи избывать личностей, при всѣхъ усиліяхъ не говорить ничего ни о лицахъ ни о вещахъ, нельзя не сказать, при случаѣ, что это колкое, убійственное изрѣченіе произнесено право на господина Зотова, который, — нечего грѣха таить, — действительно пишетъ одинъ романы и, притомъ; китайскіе.

ЦЫНЬ-КИУ-ТОНГЪ, или Три добрыя дѣла Духа тьмы, фантастическій романъ Р. Зотова. СПб.-бургъ, 44 ттн.

Година 1840, № 19. Тиражъ съ коммерціо, стр. 408—470, 333—440.

Дѣйствіе происходитъ въ самомъ селѣ Китая, который господитъ Зотова, знаетъ какъ некая душа. Онъ глубоко изучилъ его въ балетѣ «Кіа-Кичи» и на множествѣ другихъ лицъ, и съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ пользуется этими богатыми данными, чтобы прообразовать китайскіе нравы въ ихъ подлинномъ видѣ и передать своему творенію вѣрный колоритъ местности. Впрочемъ, онъ не настаиваетъ непременно на Китаѣ, Китайцахъ и Китайскихъ нравахъ, и готовъ, если угодно, однимъ почеркомъ пера перенести дѣйствіе во всякое другое государство, не опасаясь ни сколько повредить сходству своей картины съ натурою. Главная сила, не въ Китайцахъ, а въ философіи господина Зотова. Онъ открылъ, что выраженіе *человѣческій умъ* — страшная неясность, потому что *умъ* и *человѣкъ* — двѣ «противоположности», двѣ несогласныя «крайности»: умъ не совмѣстенъ съ человекомъ, и обратно; человекъ можетъ выдумать пороки, сочинять самыя мудренныя романы, написать хоть *Цинъ-ку-тонгъ!* — и все это еще ни сколько не доказываетъ, чтобы у человека былъ умъ, и обратно. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ, кажется, ни какой надобности предполагать умъ въ человекѣ: авторъ такъ искусно принимается за дѣло, что съ самаго начала книги потрясаетъ убежденіе наше въ противномъ, а по прочтеніи его трехъ съ четвертью томовъ вы и совершенно согласны съ нимъ касательно «противоположности» ума и человека. Критику, какъ дѣйствіе ума, авторъ также отвергаетъ въ человекѣ; по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, она вовсе не нужна людямъ, потому что все это великодушное твореніе, его идея, философія, слогъ, занимательность, состоятъ въ возможной критикѣ. Это доказывается не только предлежащимъ, но и подлежащимъ сочиненіемъ:

Планъ Холявскій. (*Собрание сочиненій Основьяненка*). СПб.-бургъ, въ тип. Фишера, 1840, въ 12. стр., 167 и 166.

Есть разные роды остроумія, болѣе или менѣе несносные, но самый несносный изъ всѣхъ, это провинціальное остро-

удю. Эти глубокомысленныя наблюдениа надъ «добродетельнымъ сердцемъ», дьявольскія въ-за-плетия, эти черты «приманки», водителныя между маслосольною и сметанною «дворомъ», эти взгляды на «жизнь», обнимающае на земномъ ширь великое пространство пяти вёрстъ въ радиусъ, это «свѣтъ», составленный изъ шести сосѣдей, эти колкие сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ, эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними, весь этотъ дрянной, выдохлый губернский идъ, котораго не боится даже и мухи, и эти остроты, точивыя на приходскомъ оселькѣ, и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валтящимся наземь въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка, и эти сильные удары, съ трескомъ падающіе, въсто обществу, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распыскивается на читателей, раны и язвы наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоять прямо передъ зеркаломъ, все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уезду, даже цѣлой губерніи, но и не должно переходить за границы этого горизонта подъ опасеніемъ быть признано за пошлость и безвкусіе. Можетъ-статься въ какой-нибудь части огромной Россіи почитается очень и остроумнымъ, начать произведеніе изящной словесности напрямъ такимъ образомъ:

«Тфу, ты пропасть, какъ я посмотрю! — Не наудивляемся право, какъ свѣтъ измѣняется!.... Да во всемъ : и въ просвѣщеніи, и въ обхожденіи, и во вкусѣ, и въ политикѣ, такъ что не успеешь приглядѣться къ чему-нибудь, смотри : уже опять новое. Вотъ, чтобы не далеко ходить, у моего сосѣда, у Марка Тихоновича, отъ дѣда и отца дѣвъ былъ обивавъ желтою тлвною; ну, вотъ и бѣла, вотъ мы все смотрѣли, вѣдали и вѣдали, что она желтая; а въ вдругъ, моды! — она възми ея, да, и выбѣли! И стала, теперь бѣлая, вотъ какъ бумага. Кто ихъ знаетъ? — а все сосѣди потворствуютъ, что чуть ли это не молодая невестка — что медведю сына женили — такъ не она ли выжила такую штуку? И то ставается въ пансіонѣ воспитывалася, любить все переизвѣать.»

«Вся гоняются за просвѣщеніемъ. Дяденька мой, Оомъ Лукитъ, и и сохрани Богъ, подать одну свѣчку въ комнату? — Тогда, голубчикъ, береть, тотчасъ скажетъ, при одной свѣчкѣ сидѣть; и на томъ

Послѣдн. Прида, вѣроятно иному, чѣмъ ихъ увидѣють; но' это' суесть' суесть'.

А что вышло? какъ ужасъ лжи! Современная иностранная жана ихъ! Слова не скажутъ безъ *фор-бес*. И житей' чуда' ведутъ. Дитя-дмощь не дакъ слышать русскаго слова. Ахъ имъ, мамзели, мамзели! отнять бы у васъ дтей. (Остроуміе).

«Позврите-ли? Отца, мать, Боговъ динимъ ихъ родителей и Боговъ *посельнымъ* чтить и уважать, они, вмѣсто извѣснаго парикмахарскаго: «батька, мамзелька», иначе не кличуть, какъ «папаша, мамаша!» И точно кличуть — какъ собаки кличуть. Кто ихъ пойметъ? *Въ христіанку имя, а съедою старого пуделя прозвалъ дьявола»,* (Верки остроумія.)

Что за языкъ! что за слогъ!.... не говори уже объ остроуміи. Нѣкоторые находятъ эти ужасно смѣшнымъ, ужасно забавнымъ. На меня эти пошлости наводятъ скуку и уныніе, и я не берусь судить о новой книгѣ господина Основаненка или, просто, Основаненка, — потому что не какъ не могу читать ея. Можетъ-быть она и хороша, и занимательна, и ужасно смешна: но я не читатель такой словесности.

Шуаны, или Бретань въ 1799 году. Повесть Балзака. Переводъ съ французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1840, въ-12., Дѣль части, стр. 154 — 215.

Разсказывать вамъ содержаніе какой бы то ни было повѣсти Балзака, значило бы учить ученыхъ. Но можно разсказать содержаніе переводу той же повѣсти; оно будетъ для васъ ново. Марія, дочь герцога Вернуаля, была сперва женою Дантона, и потомъ вдругъ сдѣлалась потерянною дѣвицею. Сдѣлавшись послѣ этого еще и шпиономъ-дѣвицею, она идетъ въ анжисанскъ, се конвоируетъ полковникъ Гюлотъ, и этотъ грубіанъ, встрѣтившись съ молодымъ морякомъ, маркизомъ Монтураномъ, хочетъ непременно *набить ему свищомъ голову*. Несмотря на это, молодой морякъ и вмѣстѣ маркизь, сидя бокъ-о-бокъ съ потерянной дѣвицею, приходитъ въ неописанный восторгъ, и они ведутъ между собою самый занимательный разговоръ.—*Что вы, милостивая государыня, дѣвица или женщина, чортъ или ангель?* спрашиваетъ молодой маркизь, — *Ангель, и чортъ*, отвѣчаетъ потерянная дѣвица, и она идетъ *дальше*.—Возвратясь къ своей мамзелькѣ, молодой маркизь утверждаетъ передъ почтенною родительницею, что реченная дѣвица *стѣбитъ одной*

нось. Остальное вѣтъ известно: молодой мѣристъ женился на потерпанной дѣвицѣ, и, нѣтъ той ночи, которой она стѣбла, на сѣдующее утро убили ихъ обоихъ.

ПРОКЛЯТЫЙ, или ДЕРЕВЕНСКІЕ ЖЕНИХИ. *Комедіе-водевилъ, въ трехъ дѣйствіяхъ, Н. Соколова. Москва, въ тип. Степанова, 1840, въ-16; стр. 240.*

Въ предлагаемомъ водевилѣ два существа, которыхъ господинъ Соколовъ, называетъ офицерами, влюблены въ двухъ существъ, родныхъ сестрицъ, дочеръ какого-то помещика. Сестрицы и сами сначала не прочь отъ замужества, но на-бѣду передъ ними вертится семнадцатилѣтній братецъ ихъ, Володя; а нѣтъ сестрицы не знаютъ обстоятельно, въ какомъ помѣсть Володя причитается имъ братцемъ, то они видяме паровѣтъ воспринять въ немучаколыни. Между-тѣмъ, ихъ заботливый папаша приискалъ жениховъ для дочеръ по собственному своему вкусу, Мошкина и Прошкина. Сестрицы, увидѣвши ихъ, слезно взрыдали; но папаша, человекъ нрава крутаго, безъ околичностей говорить одному изъ прибывшихъ жениховъ: «Андронъ Козыничъ, уводи эту дѣвчонку отсюда..... за руку ее, за руку! дерни хорошенько!... да ну, ничего!...» Володя, какъ главный проказникъ, начинаетъ трунить надъ Мошкинымъ и Прошкинымъ, и папаша, — онъ же опекунъ и дядя Володи, — хочеть непременно наказать его притѣрнымъ образомъ. Володю лодятъ..... Такъ и ждешъ, что опекунъ высъчетъ его тутъ же на сцѣнѣ. Но, къ сожалѣнію автора, Володя вырвался и убѣжалъ, а сестрицы, желая лучше, чтобы просили ихъ руки, чѣмъ дергали ихъ за руки, приласкали офицеровъ, и прощамъ кончены.

Что касается до остроумія, то оно въ полной мѣрѣ явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Папаша поеть:

«Вракъ ее теперь пугаетъ...»

«Все ей страшно; и къ тому изъ,

Вадъ она сама не беретъ,

Что такое значить мужъ.»

Женихъ отвѣчаетъ:

«Ахъ, да это распрекрасно!

Вотъ какъ будетъ мнѣ женой,

Все тогда ей будетъ ясно

И влюбится самою.»

Князь Александр Иванович Долгоруков, князь Теркасскаго и Прозоровскаго, отъ которыхъ отправлено на польскій съездъ подъ Смоленскъ, гдѣ произошло тогда широкое переговороу съ Польшею. Неудачное обстоятельство, какъ показывается Кошкинъ, заставило его бѣжать изъ России. Польскій воевода князь Юрій Александровичъ Долгоруковъ, бывшій княземъ Теркасскаго и Прозоровскаго, требовалъ посредствоу нарочно отпращеннаго гонца подъ Смоленскъ, чтобы Кошкинъ подалъ доносъ на прежнихъ воеводъ, будто бы она, уклонясь отъ бѣгства и выкутивъ изъ рукъ своихъ польскаго короля, не только потеряли службу и честь, рѣшительнымъ ударъ полякамъ, но и дали имъ возможность оправдаться и основать дѣйствительные успѣхи Русскихъ. Бѣгство къ шведскому королю Карлу XII; помѣщеніе въ предисловіи къ латинскому переводу сочиненія «О Россіи»; Кошкинъ говоритъ, что, въ то время, когда онъ находился на кардискомъ съездѣ, отецъ его, бывшій келаремъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, по доносу думнаго дворянина Елизарова преданъ былъ суду за растрату монастырскихъ доходовъ. По этому случаю домъ и имущество, принадлежавшіе Кошкину (сину), отобраны были въ казну, а жена и дѣти его остались безъ пропитанія. Въ награду за бѣгство на князей Теркасскаго и Прозоровскаго, князь Долгоруковъ обещался ходатайствовать, чтобы, сверхъ возвращенія имѣнія Кошкину, онъ былъ повышеченъ чиномъ, то есть, произведенъ въ дѣтки. Не желая служить орудіемъ клеветъ, Кошкинъ отвергнулъ предложеніе князя Долгорукова. Между-тѣмъ, страшась его мщенія, и не смѣя уже возвратиться изъ-подъ Смоленска въ русскій станъ, онъ рѣшился навсегда покинуть отечество. Кошкинъ удрался въ Польшу (около 1664 года), гдѣ скрывался подъ именемъ Селицкаго; потомъ странствовалъ по Пруссіи, былъ въ Любекъ, и, наконецъ, обратившись въ Ливонію, преданъ покровительству рижскаго генералъ-губернатора фельдмаршала Гельмгольда, который исходатайствовалъ ему дозволеніе на свободное пребываніе въ Ригѣ. Кошкинъ прибылъ въ Стокгольмъ въ 1666 году, и поселился въ домъ королевскаго переводчика Давида Анастасуса. Здѣсь-то, по требованію

государственного канцлера, графа Магнуса Делагарди, окончилъ онъ сочиненіе свое «О Россіи», начатое вскорѣ послѣ побѣды изъ-подъ Смоленска. Кошкинъ прожилъ въ Стокгольмѣ около полтора года. Еще прежде, въ бытность въ Польшѣ или Германіи, онъ обратился къ лютеранскому поповоденію, и, заразившись чужеземными предразсудками, началъ обнаруживать нерасположеніе къ своимъ соотечественникамъ, замѣтное и къ его сочиненію. Въ собраніи господиномъ Соловьевымъ свидѣнійъ вовсе не упоминается о нравственныхъ свойствахъ Кошкина: но, съ достовѣрностію можно полагать, что онъ не отличался приверженностію къ вѣрѣ, твердыми правилами и неукоризненнымъ поведеніемъ. Необузданныя страсти и развратная жизнь сдѣлали его преступникомъ, преждевременно свели въ могилу, и на чужбинѣ покрыли имя его безчестіемъ. За убійство хозяина своего, Анастасіуса, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, въ ссорѣ, поподозрѣнію въ любовной связи съ его женою, Кошкинъ былъ приговоренъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни и публично обезглавленъ. При всекъ однакожъ недостаткѣ въ нравственности, Кошкинъ, во время пребыванія въ Стокгольмѣ, успѣлъ приобрести довольно значительную извѣстность, и даже снискалъ дружбу нѣкоторыхъ знаменитыхъ современниковъ. Его знали Гербиніи и Рудбекъ. Сочиненіе его «О Россіи», въ переводѣ на шведскій языкъ, расиространилось по Швеціи во множествѣ экземпляровъ.» Баркгузенъ, въ предисловіи къ своему латинскому переводу, говоритъ о Кошкинѣ: «Такъ жилъ и такую нашелъ кончину Селицкій, бывший Роксоланинъ (Русской) мужъ ума несравненнаго»; и въ другомъ мѣстѣ присовокупляетъ: «Онъ былъ дѣйствительно очень остеръ и умнѣйшій изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и земляковъ.» Книга его писана приказнымъ языкомъ того времени. Мы въ скоромъ времени короче познакомимъ съ нею нашихъ читателей.

СКАЗАНІЕ О РОДѢ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКОВЫХЪ. Спбурзь, въ тип. Праца, 1840, въ 8., стр. IX. и 337, съ четырьмя родословными таблицами.

Хотя авторъ написалъ это сочиненіе, какъ кажется, исключительно для своихъ однофамильцевъ и у нихъ только проситъ извиненія въ недостаткахъ своего труда, не забо-

такой же неуклюжести, а другой Чиббеллики, книга его, однако жъ заслуживаетъ вполне иль вниманія, (по новостямъ и важности разныхъ историческихъ матеріаловъ. Книга хороша составлена, и написана очень удачно и интересно. Мы постараемся изложить въ другомъ мѣстѣ главнѣйшія части ея содержанія.

1. Руководство къ повѣстальному искусству, составленное Франкомъ Геотомъ, профессоромъ при Родоведств. магистратіи въ Заведеніи Императорскаго Свѣдѣн. Петербургскаго Воспитательнаго Дома, и прочая. СПб. бургск., въ тип. Шиллера, 1840, въ 8. Двѣ части, стр. XXIV и 220 — 300.

2. КАЛЕНДАРЬ БЕРЕМЕННЫХЪ. Таблица на полу-листѣ.

Извѣстность доктора Гефта, одного изъ опытнѣйшихъ санктпетербургскихъ акушеровъ, должна отвѣтствовать сама за достоинство этой книги : читать ее или, что было бы еще ужаснѣе, говорить объ ея содержаніи... вы понимаете..... воспрещаютъ намъ, какъ людямъ неженатымъ, скромность и невинность холостяго состоянія. Что касается до какого-то календаря, о которомъ говоритъ одно изъ двухъ заглавій, то намъ кажется, что онъ можетъ служить очень пріятнымъ и полезнымъ украшеніемъ стѣнамъ супружескихъ спаленъ.

ОБЗОРЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ по московской губернии, съ присовокупленіемъ краткой исторіи древняго мѣжеванія, составленное П. Ивановымъ. Москва, въ тип. Правительствующаго Сената, 1840, въ 4, стр. 342.

Книга, состоящая вся изъ таблицъ и цифръ, которыя безъ сомнѣнія будутъ очень занимательны для земледѣльцевъ московской губерніи.

ГЕМОСТАТИВЪ, или Цѣлительная кровь останавливающая жидкость. Издавъ Александръ Нелюбинъ, докторъ медицины, академикъ и заслуженный профессоръ. С. П.

Т. XLIX. — Отд. VII.

2/.

бургъ изъ жив. П. О. К., внутренней страни, 1840, стр. 47. (О предметъ этой брошюры и важности открытiя господина академика Нелюбина было уже говорено въ Летописи втеченiи прошедшаго лѣта.)

КРАТКАЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ВЪЯВЛЕНІИ. Академика Нелюбина. Стр. 6.

ПУТЕВЫЕ ЗАМѢТКИ ПРИ ОБЪѢЗДѢ ДНІПРОВСКАГО И МЕЛІТОПОЛЬСКАГО УПѢДА ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНІИ, въ 1835 году. Ивана Андросовскаго. Одесса, въ городской типографіи, стр. 106. (Собраніе статей, болышею частью довольно любопытныхъ, некогда помышленныхъ авторомъ въ «Листкахъ» Общества Хозяйства Южной Россіи.)

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Изящное изданіе «Исторіи Наполеона», съ пятьюстами виньетками Вернета, продолжается съ большимъ успѣхомъ и достигло уже десятаго выпуска.

— «Краткое начертаніе военнаго искусства», генералъ Жюини, вышло вторымъ изданіемъ (Двѣ части, въ тип. Путей Сообщенiя и П. З., 1840).

— Императорская Россійская Академія издала новый (третій) томъ своихъ «Трудовъ», не уступающій въ достоинствѣ двумъ предъидущимъ.

— Весьма полезный трудъ, которому должно желать полнаго успѣху, предпринять неизвѣстными намъ любителямъ географическихъ наукъ. Они рѣшились перевести съ нѣмецкаго на русскій языкъ «Всеобщую географію» Г. Ф. Бланка. Первый выпускъ этого сочиненія лежитъ передъ нами. На оберткѣ его переводчики извѣщаютъ, что, если это начало ихъ труда благосклонно будетъ принято публикою, то они надѣются окончить изданіе втеченіи года, или еще скорѣе.

— Изданіе «Исторіи Россіи» П. С. Панаева, въ 1840 году, вышло въ светъ. Оно состоитъ изъ 12 томовъ, въ которыхъ описаны дѣла Россіи отъ Петра Великаго до Александра Перваго.

ЯНВАРЬ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. ВИОЛЕТТА, или Феины сказки. Сп.-бургъ, въ пиц.
Алипанова, 1841, въ-8., стр. 113.

2. ВАВА-ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА. Русская народная сказка, въ стихахъ, въ осьми главахъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академии Наукъ, 1841, въ-12., стр. 82.

Почтенный отецъ Ланнонь утверждаетъ, что въ Китаѣ, гдѣ все устроено такъ мудро, съ такою дальновидностью, надревле существуетъ одно благотворное учрежденіе, достойное подражанія у всѣхъ литературныхъ народовъ, а именно, Верховная Палата Стиховъ и Прозы, которая каждый годъ задаетъ китайскимъ поэтамъ сочинить стихотвореніе и докладъ: разными награды установлены для мастерскихъ произведеній, но если кто изъ этихъ господъ сочинитъ плохіе стихи, того безъ церемоній понижаютъ чиномъ, а иногда и двумя. Одинъ изъ тамошнихъ поэтовъ недавно представилъ палатѣ предлинную китайскую поэму, которая начиналась слѣдующими стихами:

• Въ цвѣтущемъ, славномъ царствѣ,
Великомъ государствѣ,
Въ златое время Фей,
Казалась дивомъ свѣта
Принцесса Виолетта,
И прелестью своею
Всѣхъ взоры привлекала,
Сердца очаровала:
Лучи небесъ — въ глазахъ
Дыханье розъ — въ устахъ,
А кудри — вѣтвь волнистая,
И голосъ серебряный
Такъ сладостно звучалъ,
Что въ душу врывался.

Отрадой несравненной
 Любовь ее звала,
 Но скромность ей мила:
 Она себя эмблеммой
 Фялку избрала.»

Что ж вы думаете! строгая Палата Стиховъ и Прозы, прочитавъ эту поэму и сообразясь съ существующими законами, не только понизила поэта двумя чинами, но еще сослала его, бѣдняжку, на два года въ пустыню, къ границамъ Маньчжурин, взявъ съ него подписку, что онъ и потомки его, до пятого колѣна, стиховъ писать не будутъ. Съ плохими стихотворцами тамъ не шутятъ! Оттого въ Китаѣ, говорить отецъ Іакинъ, все идетъ такъ хорошо.

Между-тѣмъ появилась другая поэма, подъ заглавіемъ *Ба-ба-я-га* (это также по-китайски);! сочиненіе неизвестнаго поэта. Она начинается такъ:

«Проснулась общая тревога
 Съ восходомъ радостнаго дня;
 Стоять у царскаго чертога
 Четыре ретивыхъ коня.
 Изъ ланчи искры огневыя
 Конямъ мечуть жеребцы,
 Хранять и бьются; стремленные
 Ихъ крѣпко держать подъ узды.
 Красуясь пышнымъ одѣяньемъ,
 Сребромъ и золотомъ горя,
 Съ нетерпѣливымъ ожиданьемъ,
 Толпой придворные царя,
 Его сотрудники лядіе
 Въ пирахъ, охотѣ и войнѣ,
 Во всемъ равно передовые,
 Стоять на правой сторонѣ.
 На лѣво спутницы царицы:
 Красиво бархатъ и шарча
 Ихъ облекають до плеча,
 Какъ соболь черны для ресницъ,
 Какъ лѣто жарки ихъ уста,
 Какъ цвѣтъ пышныя ихъ кроветы
 Они стоять красной цвѣтны,
 И, засвѣтивъ улыбкой взглядъ,
 Какъ въ бурю небо съ водной стѣною,

Съ противнымъ строемъ говорятъ.
 Вотъ рать!.. . Усами Чернобога
 Поклясться смѣло можеть свѣтъ,
 Что побѣжденныхъ ею много,
 А побѣдителя ей — нѣтъ!....

«Выходить царь. Ему подводить
 Его любимаго коня,
 За нимъ жена и сынъ выходить,
 И дочь, яснѣй младаго дня,
 Мила, какъ свѣтлая Зимцерля,
 Она улыбку всемъ дарить, —
 И рядъ зубовъ, бѣлѣе перла,
 Глаза и души ворожить.
 Она заноситъ ножку въ стремя, —
 Не смѣя духа перевести,
 Мужчинъ завистливое племя
 Глазами радо ножку съѣсть.
 Коня погладить ручкой ласкаей —
 Всѣмъ ручка видится во смѣ; —
 Шутя кивнетъ кому головкой —
 И взоры всѣхъ въ той сторонѣ.
 Посмотрить на кого сурово —
 Ужъ тотъ молчитъ, взбѣшенъ, угрюмъ;
 Морщитъ ли бровью, скажетъ слово —
 Въ тушникъ поставитъ всакий умъ.

«И наши дѣды знали толкъ
 Царить изящное правдиво:
 Былъ у царевны целый полкъ
 Рабовъ влюбленныхъ, — и не диво! —
 Къ намъ по преданіямъ дошло,
 Переходя отъ дѣда къ внуку,
 Что тотъ, презрѣвшаго вѣрженъ въ муку,
 Весь вѣкъ страдалъ; тѣмъ сожале
 Одной улыбкой благосклонной;
 Тотъ, говорунъ неугомонный,
 Отъ изумленья онемѣлъ,
 Когда ей въ очи смотрѣлъ.....

«Куда же эдутъ цари съ царичей
 И съ белолицей царь-давицей?
 Куда мужичья и дѣвочки рать
 Собрались, мѣтъ сопровождать?»

Царь, утѣйся побѣдой славой,
 Любилъ съ зѣврыи вести войну,
 И какъ охота въ старину
 Была и жевскою забавой,
 То и царица съ нимъ порой
 Дѣлать въ отъѣздѣхъ полъ травлю
 Любила. Здѣсь я точку ставлю.
 Пойдемте на поле со мной.»

Не знаю, какъ посудитъ Верховная Палата Стиховъ и Прозы объ этой поэмѣ. Чтò касается до меня, то я, съ моей стороны, будучи врагомъ строгихъ мѣръ въ поэзи, предлагаю палатѣ, принять поэму къ свѣдѣнію, а неизвѣстнаго поэта, впредь до усмотрѣнія, оставить по-прежнему въ томъ же чинѣ.

ГУСАРЬ, или : КАКИХЪ ДИВНЫХЪ КНИГЪ НЕ БЫВАЕТЪ НА СВѢТѢ!! Романъ!!! Сочиненіе Ф. Г. К—рина!!!! Сп.-бургъ!!!! въ тип. Сычева!!!! 1840!!!! Три части!!!! (по 120 страницекъ въ каждой).

Какихъ дивныхъ книгъ не бываетъ на свѣтѣ! Эта, напримѣръ, называется «Гусаромъ», а то, чтò въ ней происходитъ, можетъ все быть совершенно любимымъ егеремъ или титулярнымъ совѣтникомъ! Въ ней дѣйствуютъ все прелестныя *юноши*, и между-тѣмъ нѣтъ ни какого дѣйствія! Въ ней обѣщаютъ разсказать дивныя приключенія, и вотъ чтò разсказываютъ! — Прелестный юноша № 1 влюбляется въ молодую, разумѣется, *женщину*; влюбляется..... и только : эта любовь не имѣетъ ни какихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Прелестный юноша уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ, но вмѣсто его путешествуетъ самъ авторъ по географическому словарю, и все это служитъ къ тому чтобы разсказать нѣсколько анекдотовъ о разбойникахъ. Между-тѣмъ какъ авторъ путешествуетъ по географическому словарю, прелестный юноша влюбляется въ прелестную дѣвицу, которая постепенно становится прелестною матерью, и это — самое «дивное приключеніе» во всей книгѣ. Сказанная прелестная дѣвица-мать имѣетъ между-тѣмъ сѣбѣ и прелестнаго юношу № 2, который находится въ большомъ затрудненіи отъ столь «дивнаго приключенія». Въ счастію,

у прелестнаго юноши № 1 есть двѣ прелестныя сестры, в прелестный юноша № 2, въ вознагражденіе себя за весь проторы и убытки по своему жениховскому дѣлу, женится на одной изъ нихъ. Другая выходитъ за прелестнаго юношу № 3, а прелестный юноша № 1 женится на прелестной дѣвицѣ-матери. Имъ помогаетъ прелестный разнощикъ, преданный всѣмъ прелестнымъ юношамъ и дѣвицамъ, лицо совершенно неразгадаемое. Авторъ увѣренъ, что все это очень остроумно.

Книга написана прелестнѣйшимъ юношескимъ слогомъ, украшеннымъ прелестными французскими поговорками. Какая сила выраженій! Какая тонкая сентиментальность!

«Знаете ли?... говорить юноша № 1: я люблю видѣть цвѣтъ розы, когда силы ея, спершись, стремятся развернуть прелесть и благоуханіе падъ свѣтлымъ небомъ утра; но еще стократно болѣе люблю я видѣть мечтающую женщину или когда она чѣмъ-нибудь воодушевляется..... Тогда она выше поэта; она сама вдохновляется и вдохновляетъ другихъ.... И въ это время смотрю я на нее к-къ на существо неземное. Такимъ кажется она и въ самомъ дѣлѣ.

«Ольга потупила очи (и чуть-чуть не сказала: Ce monsieur.... parole d'honneur!.... avec son style.... vaut son poids d'or! N'est-ce pas, Stanislaw?.....)

«Прелестный юноша смотрѣлъ на нее, и чувствовалъ, какъ могучими кольцами, будто змѣя, страсть обвивала его..... и сильный и крепко давила въ своихъ кольцахъ и выпускала въ него свое ядовитое жало. Онъ жадно смотрѣлъ.....

Ну, отгадайте, на что этотъ прелестный юноша, обвитый и сдавленный могущественными кольцами страсти, такъ жадно смотрѣлъ?.... Сто романовъ тому, кто отгадаетъ!

— На ножку, что-ли?

Куда! Какъ можно, на ножку?.... Такой прелестный юноша, чтобъ онъ смотрѣлъ на ножку! Кто нынче смотритъ на такія вещи у «существъ неземныхъ», которыя выше даже..... даже поэта? Вы не знаете нашихъ сентиментальныхъ юношей. Онъ смотрѣлъ.....

«Онъ жадно смотрѣлъ на твою ножку..... да! да! на твою прелестной Ольгиной ножки, соблазнительно лежавшую на богатомъ коврѣ.»

Какихъ нежныхъ чувствованій не бываетъ на свѣтъ!

Вотъ другой романъ, въ которомъ, если вамъ угодно, можете посмотреть, уже не на мечтательную женщину, становящуюся тѣмъ самымъ выше поэта, но на мечтающаго мужчину, который самъ — поэтъ, великій поэтъ, мечтатель, существо тоже неземное и только однимъ градусомъ ниже мечтающей женщины. Я жадно смотрю на тѣнь прелестной, длинной ноги этого романа, соблазнительно лежащую на моемъ столѣ; я схватываю его за воротъ, обвиняю могущественными кольцами моего любопытства, сдвливаю, раскрываю, читаю :

МЕЧТАТЕЛЬ. Романъ М. Воскресенскаго. Москва, въ тип. Селивановскаго; 1841, въ-12. Четыре части, стр. 231—249—256—268.

И я прочиталъ его до конца! Удивительное дѣло : вотъ однако жъ романъ, который читается сплошь до самого конца!.... Никогда не предполагалъ бы я этого, судя по заглавію! Авторъ не скупъ на происшествія, и совокупилъ въ своемъ твореніи всѣ «элементы» романической занимательности : цѣлыя груды страстей, законныхъ и противозаконныхъ, событія верхомъ на событіяхъ; подземелія, кинжалы, убійства, колдуны, вѣдьмы, старинныя легенды, которымъ уже слишкомъ тридцать лѣтъ, и великій поэтъ, верховный судья челоуѣчества, — все здѣсь есть, — даже и немножко слогу. Идея романа состоитъ въ томъ, что молодой мечтатель, почитающій себя великимъ поэтомъ, предназначеннымъ *создавать* и удивлять свѣтъ своими созданіями, чтобы вѣрнѣе достигнуть этой высокой цѣли, чтобы лучше понять и выразить всѣ ужасныя положенія, всѣ адскія страсти, необходимо нужныя ему для рѣшмы, рѣшается самъ лично испытать ихъ. Онъ пробуетъ умереть голодною смертію, завязываетъ себѣ глаза чтобъ быть слѣпцомъ. и дѣлаетъ тысячу другихъ дурачествъ, которыхъ результатъ — потеря друга и любовницы, нищета, разочарованіе. Онъ убѣждается, что дружба, любовь, величіе, богатство, все на свѣтъ — дымъ, точно такъ же какъ и стихи, и возвращается, по мърв возможности, къ здоровому разсудку. Возлѣ него авторъ поставилъ другаго героя : это — молодой челоуѣкъ положительный, благоразумный, хладнокровный :

но вотъ что значитъ — благоразумныйя людямъ въ нашемъ вѣкѣ связываться съ великими поэтами! При всемъ своемъ умѣ, онъ находится подъ гнетомъ роковаго предсказанія, что горе и несчастіе будутъ преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока не найдетъ онъ «дѣвы съ розою на груди». Съ такимъ условіемъ, долго не видать ему счастья на свѣтъ! И, если бы каламбуры прежде его не были выдуманы, не знаю, какъ бы выпутался онъ изъ этой дилеммы. Къ счастью своему, съ помощію каламбура онъ дѣйствительно нашелъ «дѣву съ розою на груди».

Не смотря на это, романъ господина Воскресенскаго, увѣрю васъ, очень занимателенъ.

1. САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ МЕЛОЧНАЯ ЛАВКА. Картина изъ народнаго быта, въ одномъ дѣйствіи. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1841, въ-12., стр. 67.

2. ВОСПИТАНИЦА АМУРА, балетъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненный балетмейстеромъ Тальони, и представленный въ первый разъ на Большомъ Театрѣ 22 января 1841 года. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1841, въ-12., стр. 11.

3. ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ, или Жизнь игрока. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Виктора Дю-Канжа и Дино. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1840, въ-12., стр. 142.

Я часто удивлялся, откуда наши «театральные сочинители», — которыхъ не должно смѣшивать съ «драматическими писателями», — берутъ столько остроумія: всякое слово у нихъ сказано такъ впопадъ, что удачнѣе и быть не можетъ; всякая фраза — удивительная шутка, всякой куплетъ — неподражаемая острота. Судя по ихъ языку, народъ, они, кажется, не студерованный, какъ сказалъ бы Кошихинъ, въ наученіи не бывали, большаго вымысленія учинить не могутъ, а между-тѣмъ остроты, — да еще какія остроты! — сыплются у нихъ градомъ. Откуда такая благодать? Кто имъ подсказываетъ такія чудныя вещи? Какой Мефистофель сидитъ у нихъ въ бутылкѣ, — увы! нѣкогда полной кришкаго вдохновенія, а теперь пустой и годной только для

чорта? Этотъ великій секретъ нашей драматической литературы остался бы навсегда неразгаданнымъ безъ подлежащаго водевиля, «Санктпетербургскою мелочною лавкою» именуемаго. Одинъ изъ «театральныхъ сочинителей» неосторожно извѣнилъ тайнъ почтеннаго сословія. Теперь все объяснилось: они берутъ все свои остроты изъ мелочныхъ лавокъ. Лавочникъ Фетисъ Парамоничъ положительно объявляетъ, что —

«Наша лавка мелочная
 Всѣхъ продвлокъ кабинетъ :
 Мы, съ хухаркой разсуждая,
 Знаемъ барышникъ секретъ.
 Въ нашу темную обитель
 Не конфузятся, порой,
 Театральныи сочинители
 Забываютъ за остротой.»

Порой! Лавочникъ, очевидно, не хочетъ сказать всей правды. Эти господа должны бѣгать туда поминутно: иначе, откуда бы они нахватились столько остротъ?... Общество мелочныхъ лавокъ должно быть ихъ любимое общество: иначе, они не могли бъ знать его такъ превосходно и живописать такъ искусно, какъ въ подлежащемъ водевилѣ.

Что касается до балета «Воспитанница Амура», то все это занимательное либретто, написанное высокимъ танцевальнымъ слогомъ, заслуживаетъ всего вашего любопытства. «Театръ представляетъ лабиринтъ, составленный изъ кустарниковъ и разнаго роду цвѣтковъ и деревьевъ. Съ одной стороны гротъ, украшенный цвѣтами: въ немъ жилище Аглаи. Цвѣточная колыбель, висящая на гирляндныхъ цепяхъ и покрытая розовымъ газомъ — мѣсто, на которомъ покоится Аглая. Палатка изъ газу служитъ караульною для амуровъ.

Увертюра объясняетъ появленіе Авроры.

«На сценѣ вокругъ лабиринта видны Нимфы, которымъ поручено охраненіе Аглаи, сидящей на деревѣ, Аглая покоится въ сѣткѣ, начемой приставленными къ ней Амурами; другіе Амуры спятъ воокъ своей палатки, имея близъ себя свое вооруженіе.

«Все это составляетъ живую картину. Начинаетъ свѣтать. Являю-

ся эфемеры; и дабы остротить воздуху легкими своими дуновеньями, летают по сценѣ, одушевляя тѣмъ природу. Когда же дѣнь показывается во всемъ своемъ блескѣ, Амуры, бывшіе стражами у Аглаи, поднимаютъ знакъ къ пробужденію, извѣщая тѣмъ своими товарищами, что спытило днѣ уже взошло. Амуръ, начальникъ ихъ, сошедъ съ облаковъ, приказываетъ охранителямъ колыбели Аглаи опустить ее, беретъ лиру и играетъ на ней, давая знать чрезъ то о прибытіи своемъ къ питомицѣ. Нимфы танцуютъ вокругъ колыбели. Аглая, стыдясь, что застали ее спящею, извиняется предъ молодымъ своимъ наставникомъ, и, принявъ безпорядокъ своей одежды, дѣлаетъ знакъ, по которому завѣсы колыбели ея закрываются. Роза, Тубероза, Фіалка, Гвоздика и Незабудка удаляются отъ Аглаи маленькихъ амуровъ. Гамадриады выходятъ изъ грота, неся все нужное для туалета Аглаи; между-тѣмъ цѣты танцуютъ предъ колыбелью и защищаютъ ее отъ Амуровъ, желающихъ приблизиться и увидать Аглаю. Амуры, видя, что не могутъ достигнуть своего желанія, притворяются, что хотѣтъ удалиться; но это только ложная уклончивость, и ихъ скоро видно скользящихъ съ одного кустарника на другой, чтобъ исполнить свое намереніе. Въ ту же минуту варядъ Аглаи конченъ, завѣсы отыраиваются, и она является среди группы гамадриадъ.

«Амуръ выхваляетъ варядъ питомицы, говоритъ ей, что пришель давать ей уроки и просить присутствующихъ удалиться, дабы не мѣшать имъ. Въ то время, когда Амуръ учитъ Аглаю, видно проходящаго по холмамъ сатира Гидаса. Аккорды лиры Аглаи привлекли его вниманіе; онъ слушаетъ ихъ съ любовицтвомъ, смотритъ вокругъ себя, и, слѣдуя звукамъ, приближается къ лабиринту и скрывается для отысканія выходу. Аглая, кончивъ уроки музыки, миники, и граціозности, занимается танцами. Амуръ играетъ на лирѣ. Тѣ же звуки приводятъ снова Гидаса, который, не найдя пути въ лабиринтъ, вѣззаетъ на дерево, откуда открываетъ предметъ своихъ поисковъ. Красота Аглаи дѣлаетъ сатира влюбленнымъ.

«Амуръ, восхищенный своею воспитанницею, призываетъ всѣхъ нимфъ и гамадриадъ. Онѣ составляютъ вокругъ вихъ группы, мимо которыхъ Аглая съ легкостью пробѣгаетъ. Гидасъ, пользуясь всеобщимъ удовольствіемъ, прыгаетъ съ одного дерева на другое, что вводитъ его въ кругъ, гдѣ остается онъ спрятавшимся, выжидая благопріятнаго случая сойти внизъ. Амуръ, допольный Аглаею, оканчиваетъ урокъ; маленькіе амурь приносятъ ей завтракъ. Амуръ прощается съ своею воспитанницею, и общая скоро возвратиться, уходитъ въ сопровожденіи нимфъ. Утомленная Аглая садится подъ деревомъ и начинаетъ завтракать. Гидасъ, видя ее одну, приближается, и вѣззаетъ на дерево, гдѣ которымъ находится Аглая; при этомъ движеніи онъ ро-

иает на нее несколько листьевъ. Аглая смотритъ вверхъ и своимъ взгнъ дерева замѣчаетъ образъ сатира.

«Аглая пугается, хочетъ бѣжать, но сатиръ бросается *передъ нею*, заграждаетъ ей дороги, по которымъ хочетъ она уйти. Онъ окружаетъ ее гирляндой и тѣмъ ее останавливаетъ. Въ то время, когда одною рукою старается онъ приблизить ее къ себѣ, другою играетъ на своей *флейтѣ* и дѣлаетъ *разныя тѣлодвиженія*, которыя ободряютъ Аглаю, увеселяютъ ее и оканчивается тѣмъ, что она съ нимъ танцуетъ.

«Амуръ, возвратясь, удивляется, видя возлѣ Аглаи сатира Гидаса, который старается *прельстить ее своимъ простодушіемъ*. Аглая, увидавъ своего наставника, убѣгаетъ въ гротъ. Амуръ, не имѣя *знаковъ своей власти*, остается неизвестнымъ сатиру, который хочетъ следовать за молодой нимфой, но богъ любви, удерживаетъ его съ *гордостію* и угрожаетъ. Гидасъ, въ первую минуту, насмѣхается надъ тѣломъ Амура, что *дѣлаетъ сцену весьма занимательною и окончивающуюся приведеніемъ сатира въ близнество*: онъ хочетъ поить Амура, котораго принимаетъ за ребенка; но онъ убѣгаетъ, и *этимъ средствомъ достигаетъ того*, что заводитъ сатира въ лабиринтъ и заставляеть его тамъ заблудиться.

«Только они успѣли скрыться, выходитъ молодой пастухъ Гиласъ, у котораго глаза и *руки завязаны листьями*; амуръ вводитъ его въ средину круга и тамъ оставляють. Въ ту же минуту, когда Амуръ возвращается, довольный тѣмъ, что обманулъ сатира, и говоритъ на утѣ маленькихъ амуромъ, которые спѣшатъ исполнить его приказанія (?). Онъ остается одинъ съ *покровительствуемымъ имъ Гиласомъ*, беретъ свою лиру, дѣлаетъ нѣсколько аккордовъ и прячется въ розовомъ кустарникѣ. При первыхъ звукахъ, Аглая выбѣгаетъ къ Амуру, дѣлающему знакъ, по которому цѣпи пастуха падаютъ, и *глядя на его представляется прелестная воспитанница Амура*. Довольный успѣхомъ своимъ, Амуръ удаляется.

«Сатиръ, отыскавъ дорогу, приходитъ въ ту самую минуту, когда влюбленные *находятся въ объятіяхъ*. Възбѣшенный ихъ *счастіемъ*, онъ хочетъ отмстить своему сопернику, но Амуръ, приметя его гнѣвъ, *останавливаетъ его приближеніемъ маленькихъ амуровъ*, которые, слетаясь со всѣхъ сторонъ, гирляндами своими стараются опутать сатира.

«Гидасъ освобождается отъ ихъ цѣпей, и успѣваетъ вырваться. Онъ разрываетъ гирлянды и *повергаетъ амуровъ на землю*.

«Сатиръ узнаетъ Амура, и, видя, что прелестная нимфа не можетъ принадлежать ему, проситъ Амура освободить его. (?)

«Счастливые Аглая и Гиласъ умоляютъ Амура объ освобожденіи

сатира. Онъ соклещается, и Гилась *примовитъ ему за то....* свою благодарность.

«Общесъ веселье возобновляется.

«Амуръ приказываетъ ниневамъ и тамадриадамъ *предаться удовольствію танцевъ.* Сатиръ двививается въ веселыя пляски. Аглая и Гилась *беруть участіе въ празднествѣ.*

«Амуръ, для торжества счастья двухъ любовниковъ, приказываетъ принести броню, шлемъ, щитъ и стрѣлы. Онъ вооружается ими, дѣлаетъ знакъ, по которому небольшая армія, составленная изъ маленькихъ амуровъ, является въ стройномъ порядкѣ. Амуръ ставится впереди ихъ и приказываетъ начать военный танецъ. Амуръ уходитъ и балетъ заключается всеобщей картиною.»

Вотъ и все сочиненіе; оно, какъ вы видите, не волюминозно: но зато сколько въ немъ изобрѣтеній! сколько замысловатости въ каждой фразѣ!

«Жизнь игрока» — вы знаете.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ВЪ ПУСТЫНЬ, или *Озеро-море. Романъ Джемса Фенимора Купера. Переводъ съ англійскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Гутенберговой, 1841, въ-8. Двѣ части, стр. 222 — 224.*

2. ГОСПОДИНЪ ТРУНО И ЕГОДОЧЬ. *Романъ Поль-де-Кокка. Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Сычева, 1841, въ-12. Четыре части, стр. 77 — 105 — 101 — 140.*

Два переводные романа, одинъ — утомительно скучный, хотя и заключаетъ въ себѣ (разумѣется, въ англійскомъ оригиналѣ, написанномъ слогомъ Купера) многія живыя и прекрасныя описанія мѣстностей; другой — утомительно пошлый.

ПЕРЕПИСКА И РАЗСКАЗЫ РУССКАГО ИНВАЛИДА. *Второе изданіе, исправленное и дополненное. Сп.-бургъ, въ тип. Иогансона, въ-8., стр. 308.*

Очень трудно дать понятіе объ этой книгѣ, еще труднѣе опредѣлить ее. Она, по слогу и языку своему, иногда непонятному для многихъ, не принадлежитъ къ литературѣ, но между-тѣмъ читается съ пріятностью, даже съ большимъ удовольствіемъ, особенно, если читатель можетъ мысленно связать тонъ этихъ разсказовъ съ образомъ храбраго и

прямодушного икъ автора, образомъ, который, почти при каждой фразѣ, надобно имѣть передъ глазами, чтобы чувствовать ея силу. Выписка нѣсколькихъ мѣстъ, наиболее характеристическихъ — лучшая похвала такой книгѣ.

«Будучи человекомъ вполне добродетельнымъ, чистымъ, Эриксомъ всегда была веселъ, страдалъ при переменахъ погоды отъ тяжкихъ рвѣй, но не жаловался, и вздыхалъ радко. Онъ любилъ бесѣды въ женскомъ обществѣ, и съ удовольствіемъ спѣшилъ на балъ, гдѣ смертными его болѣе вращались въ кругу прелестныхъ. Нынѣ балыны формы вовсе не та, и страдалецъ Эриксомъ не нашель бы въ нихъ отрадѣ.... Винавать, не вытерплю!.... Свергну съ души, что лавно лежитъ на ней; исполню свое желаніе: поговорю съ вами, милыя деревевскія сосѣдки! Честно утверю васъ, благороднѣйшія командирши, что на скучныхъ, изъ-за моря, даже и въ намъ на Жиддру, перенесшихся балахъ, при всей любозности вашей, иногда дракъ проиметь, и русскому сердцу вѣкъмъ согрѣться. Не-чашему, если балъ не подправленъ разудалою мазуркою и пльвительными русскими тавцами, онъ просто игра въ кулююшки, и курамъ на свѣхъ!.... Не все-то хорошо, что русское. Нечѣмъ было восхищаться и прежде, слушая добрыхъ, почтенныхъ старушекъ нашихъ, когда онъ зативали любимую свою пѣсеньку:

«Ходи, миленькой, почаще,
Нося прлянчковъ послаще;
Винограду,
Хоть для взгляду,
А изюму —
Радн уму!»

«Но вы забыли все свое родное, то, чѣмъ русскіе бывають очарованы, и чему учатся даже многіе иностранцы. Напримеръ: гравьте хоть на фортепіано: «*Во саду ли, въ огородѣ, двоица гуляла!*», и скажете, вспомя чась смертный, не прелестъ ли это, не совершенство ли?... Теперь пусть изъ прекрасныхъ обладательницъ счастливою наружностью, подъ эту же пѣсню пройдутъ по-русски! Даю слово на плаху, если во всѣмъ подлунномъ мірѣ, изъ всего хорошаго эта пльвительная продыка не будетъ лучшая! Но это не мощь: вы не знаете всѣхъ выгодъ вашихъ, заключающихъ въ себѣ важную государственную пользу: изъ устъ милой красавицы, хорошаго пльсия, какъ говорится, на чистоту, и русская пляска, удобны подстрекнуть въ насъ пламенную любовь къ отечеству. Услышавъ одно, увидѣвъ другое, до смерти, бывало, грустно, что мы не идѣмъ въ огонь прямо съ балу.

«Да будет известно, что на первом же даше, какъ лезъ я дорусъ за Виру, которая божественно плясала!» — «Я, товарищи, умру за Надежду, которая истерически плясала!» — «А я, друзья, пролезу кроме за Любовь, которая отличилась и тѣмъ и другими!» — толкуютъ, бывало, восхищенные офицеры на другой день послѣ бала, въ походѣ; солдаты предвнимательно выслушиваются, и, желая, по естественному ходу вещей, подражать начальникамъ, припоминаютъ иныкъ, — кто Парашу, кто Натаншу, — въ дополненіе къ емищенскому долгу, даютъ новый сердцу объѣтъ, и... горе существованъ!

«Вамъ, славныя наши современницы, выны соросолетнія красавицы, принадлежитъ лавровый вѣнокъ! Прелести ваши, вынесены съ прелестными русскими пѣснями и пляскою, нигали творческую силу и творили гербевъ. Однимъ словомъ, патриотизмъ и амазонская любовь ваша къ родному, къ русскому, служили отечеству вынести съ нами. Но у васъ теперь, сосадки, все на изнанку! Говорите вы не по-русски, танцуете не свое, поете чужое, да и русский-то хлѣбъ кушаете не вчасъ, не впору, ну — право, не по-русски! Посмотрите, все у васъ идетъ вверхъ ногами: а судьба все-таки вышита!»

«Нынѣ вѣтъ прямой, чистой любви. Желихи ищутъ невесты богатыхъ; сватовство — коммерція; безъ приданого брака — горе. Съ прискорбіемъ вопіете вы, страшаетесь званія царь-дѣвы. На кого же роштать за карманную чачотку, послѣ огромнаго, родительскій невѣжествомъ упроченнаго вамъ, состоянія, при зрямыхъ расчѣтахъ выдѣлкъ, переплывавшіяся въ наполеондоры? Неужели вся беда падаетъ исключительно на волшебное искусство чародѣвъ-гувернеровъ и смѣтливыхъ мадамъ на Кузнецкомъ Мосту, прославившихся исторически? Это, воля ваша, несправедливо! Подъ вліяніемъ благотворительницъ, цѣль ваша вполне достигнута. Зираясь эмигрантской ерессью, вы вывели изъ себя тѣ причины, по которымъ родной край путешественницъ вашинъ сдѣлался чуждымъ. Стало, воины сыны; а офицеры?.. Не не въ томъ сила: это дѣло почти побочное; вся важность въ любви къ отечеству.»

«Что науки полезны и пріятны, никто не будетъ спорить; но чтобы съ успѣхомъ вразиться землякамъ, преимущественно надобно бы учиться по-русски, и не презирать родными обычаями святой старины. Варѣте, что науки, просвѣщающія умъ и сердце, пойдутъ безъ прискорбія нога въ ногу не только съ русскими языкомъ, но и съ сараеванами и кокошичками, и съ умилениемъ будетъ взиреть на безмолвныхъ представителей покойныхъ прабабушекъ вашихъ!»

«Перелетите воображеніемъ въ землю Нивцевъ, пожалуй, хоть на шнѣхъ! — и полюбуитесь: тамъ воспитываютъ на-чистоту! Французскій языкъ, о которомъ вы безъ угомоу хлопочете, которымъ гордитесь, и который верадо покупаете благомъ жизни цѣлаго потомства,

знаютъ тамъ мигръ, и не хуже васъ; но вы узнаете о томъ не прежде, какъ назовете себя Французскою или... Русскою. Не мѣйте тогда, дворянка научить васъ долгу жемъ, матери, хозяйки, и буквально расголкуеть обязанности поселяннина, хлѣбопашца, а супруга мучка расскажетъ вамъ торговые пути по всѣмъ частямъ блага свѣта. Согласитесь, милая сосалка, что это также, въ свою очередь, полезно и приятно!

«Да безъ французскаго языка въ столицахъ нашихъ и на тротуаръ нельзя показать глазъ! — со словъ полу-заморскихъ франтовъ толкуете, бывало, вы мнѣ, горе-горькому простаку. Не вѣрьте, ради Бога! Французскій языкъ употребляется въ столицахъ болѣе по-необходимости. Я живу въ Питерѣ слишкомъ годъ, и, по точнымъ наблюдениямъ, рѣшительно опредѣляю, что французскимъ языкомъ говорить здѣсь русскіе съ иностранцами, и обратно, иностранцы съ Русскими; но мнѣ, по числу такъ и другихъ, выходить нѣде, то языкъ этотъ слышу я верадою. Говорятъ по-французски и Русскіе съ Русскими; но это имѣю гъ, которые въ борьбѣ спасительнаго просвѣщенія съ модными, понаамъ подъ сюркупъ, по-русски вовсе не учились, и всѣ свѣдѣнія о родной сторонѣ скомаки въ нуль. Такъ виноваты ли они, сердечные? И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускають! У меня есть крѣпость, который частенько посыкается говорить по-французски, даже и со мною. Но Богъ его суди! онъ добрый малой, и я, при каждой встрѣчѣ, страдаю, видя, съ какими корчами, трудомъ и усиленіемъ, ловить и связывать онъ, бѣдняга, русскія слова, чтобъ сказать... хоть сколько побольше, нежели ничего.

Въ заключеніе скажу на отрывъ, что прямой смыслъ Россіи, на берегахъ Невы, Дона, Волги и Оки, всюду свой, кровный, и за русскую на себя натуру не краснеть.

«Да будетъ мнѣ стыдно! — говорили доблестные предки наши, жедая провинести въ далъ правды ужасайшую клятву. Какова клятва! Каковы предки!... и послѣ этого краснеть!

«Да поразить крапивная лихорадка и куринная слѣзота каждого, кто не ховестъ знать цѣлымъ дивной чистоты и чести столь оригинальныхъ красотомъ, кто потеряетъ уваженіе къ собственной славъ, лишится способности чтить достоинство народной гордости, вмѣстѣ съ жизнью въ грудь вашу отъ нихъ сплсшедшей, на несмысленномъ фундаментѣ основанной и крочно утвержденной.

«Пріянь драгой сей даръ отъ щедрита Творца,
Изображеніемъ вселенся въ сердца»,

сказалъ некогда Сумароковъ, который зналъ языкъ, но не хранилъ по-заморски въ угожденіе модѣ, какъ говорится, ни къ селу ни къ ороду.

« Не дѣйте также, почтенныя сосѣдки, и молодымъ русскимъ женщинамъ, восхищающимся въ весь парижскою лодкостью и порицающимъ русскіе нравы. Она вамъ льстятъ, но мысль у нихъ другая. Посмотрѣли бы вы, какъ эти варвары дерутся за матушку святую Русь: Какъ умираютъ за честь драгоценнѣйшаго, милого имъ отечества! тогда легко бы угадали, что они васъ, злодѣи, просто надувають: Притомъ, весьма здраво разсуждаютъ, что: стремящемуся къ славы русскому герою, не приходится столь возвышеннаго, благороднаго чувствованія подчинять прелестямъ покорной послушницы чуждыхъ обычаямъ и заморскихъ бредней; но если уже угодно судьбѣ, толкуютъ они, сочетать молодца съ жалкимъ полу-оригиналомъ, милости просимъ! — ради стараться! — только съ прилагательнымъ, по-крайности полу-шкатулки..... Опять-таки соединеніе полезнаго съ пріятнымъ! и дѣло! Браво, товарищи!.... Ужъ если надобно дражайшую половину перевоспитывать снова, такъ лучше при богатствѣ, скавалъ кто-то изъ ученыхъ, подсластившій горькій опытъ умозрительною опіо-соціею.

« А ты самъ какъ женился? » неравно спросятъ сосѣдки. « А вотъ какъ: прошу прислушать. Рожденный къ военной службѣ, я ближе видѣлъ себя къ монашескому клобуку, нежели къ злату съ суженой вѣнцу. Всѣ невѣсты для меня были на одно лицо, и немного нравились, какъ портретъ на чайномъ ящикѣ любимой камеръ-юнкеры китайской богдыханши. Но нашла коса на камень. Дѣвка дѣломъ смѣкнула; проникла въ свищовую душу, — до нѣжицы ратала, — и, какъ пить дала, Гусака подкузьмила! Во время бала нарядилась, разбойница, въ сарафанъ; вплела въ русу косу алу ленту, шепнула музыкѣ заиграть «*Ужъ я въ три косы косила муравью*», — да какъ хватить, злодѣйка, по-нашему!..... Мгновенно, съ быстротою молніи, искра любви къ родному зажгла во мнѣ всю внутренность. Кровь закипѣла. Я, было, бѣжать! Но ужъ было поздно. Отъѣвъ забыть, крѣпость разрушилась, штыкъ въ дребезги, и бѣдное сердце вырвалось изъ груди, замерло, шлѣпнулось, и растянулось у ногъ побѣдительницы! Совѣтую всѣмъ, кто замуж сплѣхитъ: шейте сарафаны! Учитесь по-русски, и дѣло будетъ..... какъ бы сказать, — хоть не въ шляпѣ, — а въ вашемъ ридикулѣ.»

КИТАЙ, его жители, нравы, обычаи, и просвѣщеніе. Сочиненіе монаха Іакінова. Сп.-бургъ, съ тип. И. Академіи Наукъ, въ-8., стр. VIII и 442.

Заглавіе книги, имя автора, преніе его труды, и самыя обстоятельства, при которыхъ это сочиненіе вышло въ свѣтъ, заставляли ожидать отъ него гораздо болѣе. Но на

книга ученаго нашего синолога, кажется, не предназначена для людей, знакомыхъ съ этого роду литературою, которые мало найдутъ въ немъ новаго для себя: но она можетъ въ значительной степени удовлетворить любопытство обыкновенныхъ читателей, ищущихъ, въ это время, хорошихъ свѣдѣній о Китаѣ. Во всякомъ случаѣ, мы еще къ ней возвратимся.

СВОДЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ О ОБЩЕСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ мужескаго и женскаго пола въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Составленъ и изданъ Иваномъ Пущкаревымъ. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1840, въ-8., стр. XIV и 323.

Книга чрезвычайно полезная для родителей всѣхъ состояній, и очень хорошо составленная.

=

НОВЫЕ БРОШЮРЫ.

=

НОВЫЙ ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ. Е—ы Л—й Спб.-бургъ у Глазунова, 1840, въ-16., стр. 96 (Часть первая).

РАЙСКАЯ ПТИЧКА. Мечтанія. Спб., у Плюшара, 1840. въ-96., стр. 117.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Изъ числа новыхъ книгъ, не вошедшихъ въ предъидущее обозрѣніе, особеннаго вниманія читателей заслуживаютъ — «*Біографіи россійскихъ генералисимусовъ и фельдмаршаловъ*», сочиненіе Г. Бантъша-Каменскаго (въ четкірѣнь томакъ, съ сорока естество портретами); трудъ важный, обстоятельный, основанный на долготѣлствѣ и изученіи россійскаго языка, — и полный переводъ Гетова «*Диалоговъ*

господиномъ Струговицкимъ и въ его талантѣ и искусствѣ, какъ: перевалчика, образцовыхъ твореній, немецкой словесности, мы уже имѣли случай отдать должную справедливость: эта драма составляетъ вторую книжку «Библиотечки литературно-художественныхъ статей».

— Одно изъ самыхъ странныхъ, самыхъ необычайныхъ, самыхъ загадочныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно изящныхъ явленій издательской спекуляціи, это, безспорно, явля въшедшихъ у господина Фишера тетрадей «Памятникъ искусства», книги столько же эксцентрисической по замыслу, какъ и по содержанію, книги, въ которой все есть, — по рѣшительно все, отъ картинъ Бруни до стварцовыхъ явль, отъ китайскаго городничаго и выписокъ чайныхъ мапаиновъ въ Маймачень до великодушныхъ крамовъ египетскихъ Фардоловъ, стиховъ Жуковскаго и узоровъ для вышиванія гладью, шерстью и шелками! Смирннно сознаемся, что чѣмъ болѣе мы разсматриваемъ и чѣмъ далѣе читаемъ это... — не знаемъ, право, какъ и назвать!... литературное!... или художественное?... *созданіе*. — потому что надобно же было «создать» такого соникса — тѣмъ менѣе яго вознимаемъ и тѣмъ сильнѣе оно намъ нравится и возбуждаетъ въ насъ любопытство. Объясняя неизвѣстное неизвѣстимъ, можно сказать, что это роль *Magazin pittoresque* или «Живописнаго обозрѣнія», только не въ легучихъ листкахъ, а въ большихъ и красивыхъ книжкахъ, не съ политическими рисунками, а съ прекрасными гравюрами и восхитительными литографіями, и въ тысячу разъ толще, изящнѣе, великодушнѣе, занимательнѣе, разнообразнѣе, способнѣе въ правдѣ естественному приложенію по разнымъ частямъ и, следовательно, на дѣлѣ полезнѣе, всѣхъ *Magazines pittoresques* и Живописныхъ обозрѣній.

— Первая тетрадь «*Портретной и бибарафической галереи*», вышла пятнадцатаго января, и заключаетъ въ себѣ въдрвосходные портрета Пушкина и Брюллова; работы Содола, и дѣлѣ очень хорошо; умно и прилично написаны и біографіи. Судя по этой тетрадѣ, «Портретная и біографическая галерея» въ скоромъ времени составитъ одну изъ изящнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ «записокъ» въ нашей литературѣ. Намѣреніе П. Ѡ. Соколова впредь самому ри-

собрать на дачи, заслуживаетъ поощренія и необходимо поощрять къ благодѣльному успѣху его прекраснаго и патристическаго предпріятія! всакому любителю хорошихъ вещей желательно имѣть у себя *работу Соколова*, а не копии съ работы Соколова, какъ бы она искусны ни были.

— Второе «Родословной книгой Долгоруковыхъ» предпріять изданіе «*Российскаго родословнаго сборника*», которое будетъ выходить книжками. Первую книжку мы имеемъ передъ собою: въ ней заключаются генеалогическія свѣдѣнія о родакъ князей Одоевскихъ, Козлицовыхъ-Мессаленскихъ, Горчиновыхъ, Елецкихъ, Фыннгородскихъ, Вяткинскихъ, Оболенскихъ, Тушкинскихъ, Щербатовыхъ, Волонскихъ и Рязанскихъ-Волонскихъ.

— Государь А. Глинка издалъ въ Москвѣ «*Жизнь Пресвятыхъ Богородицы*» изъ книги Чичи-Минен.

— «*Беседы съ детьми объ астрономіи и небѣ*», сочиненіе С. И. Зденега, вышли здѣсь вторымъ изданіемъ. Въ дополненіе къ этой легкой и занимательной книжкѣ, молодой ученый авторъ выдалъ, для взрослыхъ, другую, не менѣе занимательную, и весьма хорошо написанную, подъ заглавіемъ «*Беседы о томъ и необходимости астрономіи*» (СПб., у Вингера; 1840, стр. 111).

— Вышли также: девятнадцатая и двадцатая книжки «*Библиотеки сочиненій въ коммерческихъ вѣдѣхъ*»; вторая часть русскаго перевода известнаго нумизматическаго сочиненія барона де-Шафара, «*Обзорныя русскія монеты и иностранныя монеты употребляемыя въ Россіи, разсмотрѣныя по примѣнію къ вѣдѣмъ министерства финансовъ*»; первый выпускъ великодушнаго «*Сборника русскіхъ медалей*», издаваемыхъ по Высочайшему повелѣнію Археологическою Коммиссіею (и чудесно гравированныхъ на стали посподнишемъ Менделѣемъ); неслучайно «*Исторія Россіи въ разсказахъ и дѣлахъ*», гдѣсь Ишимова; первая часть трагедіи изданія «*Французско-русскаго и русско-французскаго словаря*», Е. И. Ольденопа, и новое (второе) изданіе «*Новое собраніе русскіхъ, немецкихъ и шведскихъ антикварной Биллаведиа Кулмана*».

**ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЪВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ
РОССІИ.** *Исследование господи Мертиона и де-Вервиль.*
Эти два знаменитые геолога посетили Россію летомъ 1839
года. На последнемъ съездѣ англійскихъ ученыхъ въ Глазго
они отдали отчетъ въ наблюденіяхъ своихъ, записавъ,
которой содержаніе мы изложимъ въ немногихъ словахъ.
Желательно, чтобы читатель шель передъ глазами геологическую
карту, приложенную въ прошломъ году къ январской
книжкѣ «Библіотеки для Чтенія».

Наблюденія надъ порядкомъ и составомъ слоевъ земной
коры въ северной Россіи вообще очень затруднительны по
причинѣ совершенной горизонтальности этихъ слоевъ, ко-
торыхъ не подняли и не переломали ни какія сильныя по-
трясенія земли, такъ, что они почти нигдѣ не представля-
ютъ горныхъ обваловъ. Даже на берегахъ моря нѣтъ высо-
кихъ обрывистыхъ утесовъ, на бокахъ которыхъ можно
было бы видѣть и посчитать все слои, составляющіе земную
кору въ этой части сѣвера: Балтійское и Бѣлое моря уда-
ляются тихо съ русской почвы, по мѣрѣ того какъ сопряжен-
ная внутренняя сила планеты; ровно и непримѣтно, подни-
маетъ весь этотъ материкъ; и притомъ, удаляясь, они остав-
ляютъ послѣ себя толстыя массы песку, хрящу и глинны,
закрывающія нижній основній слой камня. Въ этихъ пе-
скахъ и глинахъ, около Двины и Волги, въ шести стахъ и
болѣе верстахъ отъ береговъ нынѣшнихъ морей, и въ не-
сколькихъ стахъ футахъ надъ ихъ уровнемъ, находится
множество морскихъ раковинъ, сохранившихъ донныя цвѣ-
та свои и принадлежащихъ къ такимъ порядкамъ живот-
ныхъ, которыя теперь водятся въ Балтійскомъ и Баломъ
моряхъ. Должно заключать, что почва европейской Россіи
недавно вынырнула изъ-подъ морскихъ водъ, сливая съ
себя по-тихоньку dalje и dalje, по мѣрѣ своего безав-
ночно медленнаго подъятія: недавно, — то есть, въ послѣд-
нюю геологическую эпоху, съ которой начали образоваться
нынѣшніе Черноморскіе Вирченскіе итд. морскіе бассейны.

Ч. XLIX. — Ст. VII.

эпоха могла начаться здесь гораздо раньше нежели в других странах: может-быть средняя Европа, уже после осушения средней Россіи, была еще несколько раз заливаема моремъ и настигала морскими слогами морскихъ осадковъ, колыми формациями; и оттого, съ одной стороны, этихъ формаций не достаетъ въ земной корѣ нашего савора, а съ другой, на ея поверхности было болѣе времени для органической жизни на суше и для накопленія такихъ толстыхъ слоевъ чернозему, каковыхъ мы не видимъ въ другихъ странахъ. Но свѣдѣнія морскихъ раковинъ, находимыхъ въ пескахъ и глинахъ средней Россіи, ведетъ къ весьма правдоподобию предположенію, что море недавно удалилось отсюда, безъ всякихъ внезапныхъ переворотовъ въ природѣ, на которую такъ щедрѣ многіе геологи. Множества слоевъ и цѣлыхъ формаций дѣйствительно не достаетъ въ земной корѣ подъ нашими ногами. По наблюденіямъ господъ Мерчисона и де-Вервѣля, непосредственно подъ хрящами, песками и глинами, которые моря, удаляясь, оставили за собою, лежить у насъ рядъ слоевъ, принадлежащій къ весьма древнимъ каменнымъ породамъ, а именно, къ «первозданнымъ» отъ «второзданныхъ», или вторичныхъ. Прежнія переходныя породы раздѣлены теперь на двѣ системы, или ряда слоевъ: нижніе и самыя древніе слои получили названіе системы «силурійской»; верхніе, лежащіе непосредственно подъ второзданными породами, названіе «камнеугольной». Основаніе русской почвы относится собственно къ *силурійской* системѣ, самой древней изъ двухъ. Изъ камнеугольной системы, въ сѣверной и средней Россіи существуетъ только самый нижній слой, или подстилка, — старейшій красный песчаникъ, занимающій все пространство отъ Балтискаго Моря до Вислы, и вѣстами появляются нѣкоторыя прилипающія слоевъ каменнаго угля, несовершеннаго и нечистаго. Въ камнеугольной системѣ должны быть еще три цѣлыхъ ряда слоевъ, три системы: пестропородная, оолитная и желвака; а такъ, далѣе — пылящія почвы. Но у насъ, на красномъ починикѣ, изъ пестропородной системы лежатъ въ рѣдкихъ частяхъ единъ только известковый известнякъ, пожежій видомъ на англійскій магнетитовый известнякъ: Москва

построена на одномъ изъ такихъ пластовъ, простирающемся на большое протяженіе. Изъ оолитной системы, хорошо развитой къ южной Россіи, господа Мерчисонъ и де-Вернейя, въ средней и сѣверной, нашли кое-гдѣ только незначительные признаки кейперу и ліасу, самыхъ верхнихъ слоевъ этой системы. На ліасъ, гдѣ онъ есть, лежатъ пески, смешанные съ жельзною рудою. Мѣловой системы вовсе нѣтъ, хотя въ южной Россіи она очень богата. Эту формацию замѣняютъ прямо хрящи и пески съ нынѣшними морскими раковинами, и на нихъ лежитъ множество большихъ гранитныхъ камней, которые со времени Палласа привлекаютъ къ себѣ вниманіе геологовъ.

МАМОНТЪ, УБИТЫЙ АМЕРИКАНСКИМИ ИНДѢЙЦАМИ.
Вотъ ужасный ударъ для любителей великихъ и внезапныхъ переворотовъ въ природѣ, тѣхъ, знаете, переворотовъ, изъ которыхъ одинъ вдругъ истребилъ нечаяннымъ морозомъ всѣхъ мамонтовъ на земномъ шарѣ въ то блаженное время, когда въ Сибири было жарко какъ въ Индіи. Въ американскомъ *Journal of Sciences* подробно и обстоятельно описано открытіе останковъ огромнаго мамонта, положительно и несомненно убитаго индѣйцами въ графствѣ геконнадскомъ штата Миссури, подъ $38^{\circ} 21'$ сѣверной широты и 92° западной долготы. Одинъ поселянинъ, раскапывая въ этомъ мѣстѣ землю около ключа, наткнулся на большія кости. Ученые мужи изъ всего околотка съѣзжались смотреть на нихъ, разрыли и очистили все мѣсто, и составили officialный протоколъ всѣхъ своихъ дѣйствій, всего, что видали, нашли, собрали и сохранили. Найденъ весь мамонтъ сметель, необыкновенной величины, но отчасти сожженный огнемъ; найдены, въ несколькихъ шагахъ отсюда клыки, отдаленные отъ головы и переломленные; найдены, въ большомъ количествѣ, жилы, артерій и куски кожи, которые и сохранены въ спиртъ. Мамонтъ завязъ заднюю часть тѣла въ болотъ, видно, уходя отъ индѣйцевъ, которые его преследовали, и эти охотники убили его камнями, стрѣлами и коцями, и потому еще жгли и рвали несчастнаго «допотопнаго» великана. Часть тѣла и костей превращена въ зоду; кожа дорвана и раздана; подъ найдено

множество камней, очевидно принесенныхъ сюда изъ другаго мѣста, и нѣсколько изломанныхъ ножей, топоровъ и копьевъ, а одно копьё и одинъ топоръ цѣлые. Копьё совершенно похоже на нынѣшнія индѣйскія копья, но топоръ имѣетъ совсѣмъ другую форму. Больше двадцати человекъ свидѣтелей подписали протоколъ. Первое извѣстie объ этомъ любопытномъ открытіи было напечатано въ Philadelphia presbyterian, 12 января 1839.

ИСТОЧНИКИ НИЛА. При нынѣшнихъ успѣхахъ географіи, при столь похвальной ревности нѣсколькихъ географическихъ обществъ, при поощреніяхъ со стороны европейскихъ правительствъ и такомъ множествѣ предприимчивыхъ путешественниковъ, какъ бы, кажется, неотыскать источника знаменитѣйшей рѣки въ мірѣ, какъ не рѣшить великаго географическаго вопросу, которымъ родъ человѣчскій съ любопытствомъ занимается четыре тысячи лѣтъ сряду!

Исторически извѣстно, что открытіе истоковъ Нила составляло предметъ изысканій Фараоновъ, Камбиза, Александра Великаго, Птоломея Филадельфа, Юлія Цезаря, Нерона и многихъ султановъ Египта. Козьма Пустынный первый указалъ направленіе, котораго должно держаться, чтобы достигнуть истоковъ. Петръ Павъ (Paez), португальскій іезуитъ, открылъ ихъ. Вотъ, что говоритъ онъ въ запискахъ, изданныхъ отцомъ Кирхеромъ:

«Двадцать перваго апрѣля, эіопскій императоръ, съ своею арміею, и я находились въ королевствѣ Гоямъ. Онъ расположился лагеремъ въ области Сокала, въ странѣ Агусовъ, близъ небольшой горы, которая кажется не высокою оттого, что вся окружающія горы гораздо выше ея. Я ходилъ и осматривалъ со вниманіемъ всю окрестности, и нашелъ два круглые ключа, на аршинъ разстоянія одинъ отъ другаго. Императоръ, его войны и вся мѣстные жители единогласно утверждали, что это — истокъ знаменитой рѣки Нила. Не могу выразить той радости, какую почувствовалъ я при неожиданномъ видѣ того, чего Киръ, Камбизъ, Александръ и Юлій Цезарь тщетно искали. Вверхъ по горѣ я не примѣтилъ ни какихъ другихъ ключей. Есть другой ключъ, но къ западу отъ перваго, въ разстояніи на бросокъ

камня. Туземцы говорятъ, что эта гора наполнена водою ; да и нельзя не повѣрить, потому что почва около ключей вся какъ-бы дрожитъ ; на каждомъ шагу показываются брызги. Эти ключи никогда не текутъ черезъ края, потому что вся вода выходитъ изъ подошвы горы съ великою силою по весьма наклонному направленію. Окрестные жители увѣряли меня, что въ тѣ годы, когда были чрезвычайныя засухи, гора дрожала, да она и теперь иногда дрожитъ такъ сильно, что опасно ходить по ней. Императоръ утверждалъ то же. Пониже вершины горы, на милю отъ ключа, находится селеніе Гуннъ, которое, однако-жъ, кажется такъ близкимъ, что полагаешь его не далѣе какъ на пушечный выстрѣлъ.

«Всходить на гору весьма трудно, исключая съ сѣверной стороны. Въ милю отъ горы вытекаетъ ручей, который вскорѣ сливается съ Ниломъ. Думаютъ, что онъ происходитъ изъ того же источника, и что его токъ скрытъ подъ землею. Онъ течетъ сперва къ востоку, потомъ поворачиваетъ къ сѣверу. Черезъ четверть мили вытекаетъ другой ручей, въ промежуткѣ между утесами, и принимаетъ въ себя еще два другіе ручья, вытекающіе изъ восточной стороны, и Нилъ, усиленный столькими ручьями, вскорѣ является значительною рѣкою. Протекши день пути оттуда, онъ принимаетъ въ себя рѣку Гемму (Gemma), которая сама не менѣе Нила, и вскорѣ направляется къ западу ; потомъ, поворотивъ къ востоку, входитъ въ озеро и прорѣзываетъ его съ быстротою, не смѣшивая съ нимъ своихъ водъ. По выходѣ изъ озера, дѣлаетъ онъ многія извилины, такъ, что въ одномъ мѣстѣ поворачиваетъ къ югу и протекаетъ по области Алатъ. Въ пяти миляхъ отъ озера, онъ падаетъ каскадомъ, съ высоты четырнадцати саженъ, и съ такою силою, что издали кажется, будто вся вода его превращается въ пѣну и паръ. Немного далѣе, онъ такъ стѣсненъ утесами, что едва приметенъ ; утесы такъ сближены между собою, что императоръ, съ помощію бревенъ и досокъ, перешелъ черезъ него со всею своею арміею.»

Иеремій Лобо посѣщалъ это мѣсто послѣ Паэса, и такъ описывалъ источники Нила :

«Нилъ, который туземцы называютъ *Аббаси*, или *Аб-*

хай, что значить «отецъ вода», беретъ свое начало въ провинціи Сакаль, въ царствѣ голландскомъ, лучшемъ и прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ владѣній абиссинскаго императора. Въ восточной сторонѣ Голама, на скатѣ горы, представляющемъ пріятное и прекрасное поле, находится верховье этой рѣчки, которое до нашего времени не было известно и котораго такъ долго по-напрасну отыскивали. Это верховье или, лучше сказать, два ключа, не что другое какъ два дыры въ землѣ, вмѣющія въ діаметръ до четырехъ пяденей и отстоящія одно отъ другаго на бросокъ камня. Одна изъ дыръ не глубже одиннадцати пяденей, по-крайней-мѣрѣ нашъ сондъ не шелъ далѣе; можетъ-быть ему препятствовали корни деревьевъ, которые въ большемъ количествѣ растутъ вокругъ. Этотъ ключъ менѣе другаго, который находится ниже. Мы мѣряли глубину послѣдняго сондомъ длиною въ двадцать аршинъ, и дна не достали; да и туземцы увѣряли насъ, что ни кто еще не доставалъ его. Полагаютъ, будто эти два ключа не что иное какъ два отверстія скрытаго подъ землею озера, потому что вокругъ все мѣсто влажно и болотисто, такъ, что если немного по-кричче ступить, то показываются брызги: еще болѣе замѣтно это послѣ сильныхъ дождей; тогда почва осѣдаетъ чрезвычайно; и мнѣ кажется, что она поддерживается единственно корнями, переплетшимися между собою, которые не даютъ потонуть ей совсѣмъ. Такова почва вся около ключей. На бросокъ камня оттуда, на половинѣ горы есть селеніе, черезъ которое надобно проходить чтобъ достигнуть вершины горы Гвизъ, — такъ называютъ тамъ эту гору. Когда взойдешь на вершину, то оттуда взору представляется огромное пространство, кажущееся глубокою долиною, а покатость горы такъ мала, что, идучи по ней, не примечаешь, вверхъ ли поднимаешься или спускаешься внизъ. Гемма катитъ воды свои вдоль длинной и глубокой долины и впадаетъ въ Нилъ, при выходѣ изъ ключей, прячется подъ травами какъ подъ покрывшкою, струясь къ востоку на добрый ружейный выстрѣлъ; потомъ вдругъ поворачивается къ северу, и тутъ въ первый разъ показывается между камнями. Видъ пріятенъ, и вмѣстѣ приводитъ въ изумленіе того, кому извѣстно, сколько древніе написали басенъ,

сколько составили пустыхъ заключеній объ источникахъ этой рѣки, о свойствахъ ея воды, объ ея порогахъ и водопадахъ, о разлитіяхъ ея, и прочая, обо всемъ, что мы нынче знаемъ, что мы, такъ сказать, руками ославили, и что дѣлать переть глазами у насъ.

«Нилъ пересѣкаетъ озеро Дембео, только на одномъ краю, не съ такою быстротою, что можно разлитить воду ея отъ воды озера на шесть миль, то есть, отъ впаденія до выгяду. Въ землѣ Алата, онъ падаетъ съ утеса, образуя прекраснѣйшую скатерть воды.»

Въ 1770 Врисе доходилъ до этихъ ключей, и желая присвоить себѣ славу, на которую Португальцы имѣютъ первое право, называлъ обманщиками Паэса и Лобо. Онъ долженъ бы отдать имъ болѣе справедливости. Ежели Брюсъ описалъ болѣе подробностей, и лучше опредѣляетъ положеніе ключей, это оттого что онъ путешествовалъ въ Абиссиніи какъ изыскатель, а Паэсъ и Лобо были тамъ только какъ миссіонеры. Послушаемъ теперь Бруса:

«Надѣюсь, что сказанное мною достаточно для убѣжденія всѣхъ безпристрастныхъ читателей, что эти знаменитые источники, по какому-то случаю, оставались не извѣстными древнимъ и новѣйшимъ.»

«Деревня Гемъ лежитъ, правда, только въ шести стахъ шагахъ отъ источниковъ Нила, но, стоя у источниковъ, нельзя видѣть ея: равнина, гдѣ она находится, оканчивается стремниною въ триста футовъ глубины.

«Съ гемскаго утеса, прямо къ северу, есть очень отлогій скатъ, который ведетъ къ берегамъ трехъ-угольнаго болота: отъ этого мѣста до источниковъ восемьдесятъ шесть сажень и два фута, считая отъ утеса, на которомъ былъ домъ жреца Нила.

«Со стороны востока, отъ болота идетъ отлогая не примѣтная возвышенность до большой деревни Сакала, которая дала свое имя этому мѣсту. Деревня Сакала находится въ шести миляхъ отъ источниковъ Нила, а по виду можно бы сказать не болѣе двухъ миль.

«По срединѣ болота, то есть, на разстояніи сорока сажень отъ берегу, но къ Гемской Горѣ менѣе поближе, видна круглая возвышенность: вышины она имѣетъ менѣе

двенадцати футовъ, и окружена каменомъ, куда вода собирается, и откуда она течетъ къ восточу. На вѣсѣхъ алтара, Агу совершаютъ свои религиозныя обряды. Въ самой серединѣ алтара есть отверстіе, сдѣланное, или только расширенное, человеческою рукою. Жители очень стараются, чтобъ ни какая трава не росла ни вокругъ, ни внутри этой дыры: оттого вода тамъ очень чиста, прозрачна и совершенно спокойна; на поверхности не видно ни малѣйшаго волненія. Въ отверстіи, имѣвшемъ три фута безъ одного дюйма въ діаметрѣ, въ первый разъ, когда я его видѣлъ (5 ноября 1770), вода была на два дюйма ниже берегу; и, во все время пока жилъ въ Гемъ, я не замѣчалъ, чтобъ она поднималась или опускалась, хотя очень часто черпали ея.

«Воткнувъ въ это отверстіе древко моего кося, на шести дюймахъ глубины встрѣтилъ я сопротивленіе, какъ-будто тамъ былъ слой травы; еще глубже на шесть дюймовъ, оказалась рыхлая земля, въ которой косье пошло легко, не встрѣчая ни камней, ни травъ. Спусти четыре дня, сдѣлавъ другой омытъ, употребивъ сондъ со свинцомъ, и не вытаскивъ ни чего кромѣ черной и пловатой земли, такой же, какая встрѣчается во всемъ болотѣ.

«Въ десяти футахъ отъ этого перваго ключа, къ западу, виднѣнъ другой, съ отверстіемъ до одиннадцати дюймовъ въ поперечникъ, и глубиною до трехъ футовъ; а въ двадцати футахъ къ юго-западу есть еще третій, котораго жерло немногимъ меньше двухъ футовъ. Эти два ключа находятся посреди небольшихъ жертвенниковъ, устроенныхъ такъ же какъ первый, только гораздо меньшихъ въ діаметрѣ. Жертвенникъ послѣдняго ключа почти уже разрушается отъ воды, поднявшейся до самыхъ краевъ, и здѣсь и въ срединѣ ключа; въ обоихъ, изъ-подъ основанія жертвенниковъ, течетъ вода въ видѣ тонкихъ струй.

«Вся эта вода стекаетъ въ рывину перваго ключа; отсюда образуется ручеекъ, не болѣе двухъ дюймовъ въ поперечникъ.

«Вода ключей легка, хороша, и безъ всякаго ядуу; несмотря что эта вода подвержена самому сильному солнечному зною, она показалась намъ чрезвычайно свѣжею. Дня 10-го ноября утромъ, въ пять часовъ съ четвертью, термо-

метръ Фаренгейта показывалъ 44°; въ полдень, поднялся до 96, а при заходженіи солнца упалъ опять до 46. Ночью было холодно, но за часъ до заходженія солнца холодъ былъ еще ощутительнѣе».

Но все описанные здѣсь ключи отнюдь не тѣ, которыхъ древніе такъ долго отыскивали. Это, просто, источникъ Голубаго Нила. Настоящіе источники Нила, источники *Благо* Нила, котораго Голубой есть только притокъ, остаются донынѣ неизвѣстными, и Брусь, хваставшій мнимымъ ихъ открытіемъ, вовсе не разрѣшилъ въковой задачи.

Въ последнее время Комбъ и Тамизьё были въ этой землѣ, но они вмѣсто открытія околдованныхъ источниковъ Нила, открыли только старую бабу. «Намъ нужно было отдохнуть, говорятъ они, и мы рѣшились провести здѣсь нѣсколько дней. Немного времени спустя, мы получили очень пріятное посѣщеніе. Къ намъ вошла старая женщина и спросила насъ, не Французы ли мы. Вообще Абиссинцы понимаютъ только одно различіе между людьми, бѣлыхъ и черныхъ, и мы удивились географическимъ познаніямъ этой женщины, которой не было неизвѣстно имя Французовъ. Мы не могли скрыть отъ нея своего удивленія, и вотъ что она намъ разсказала: «Я была ребенкомъ, когда *джеллабы* (караванчики) похитили меня изъ моего семейства. Они привезли меня въ Каиръ и продали бею, который заперъ меня въ свой гаремъ. Какъ вы видите, я теперь стара и покрыта морщинами, но тогда я была хороша и имѣла счастье понравиться моему господину, который осыпалъ меня нарядами и подарками. Когда меня увезли изъ моего отечества я была еще такъ молода, что не могла имѣть ни какой религіи, и потому какъ-скоро я пріѣхала въ Египетъ, меня сдѣлали мусульманкой. Мнѣ служили невольники, я курила табакъ, пила кофе, и была совершенно счастлива, какъ вдругъ Французы, подъ командою Бунаберди и Клебера напали на Каиръ, ворвались въ гаремы, и насильно мнѣ возвратили свободу, которой я вовсе не желала. Они у меня отняли большую часть богатства, однако-жъ мнѣ удалось спасти драгоценности, я уѣхала въ Іерусалимъ съ однимъ абиссинскимъ священникомъ, который отправлялся на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ. Онъ обратилъ меня въ христіанскую

вѣру, и я пріѣхала съ ними обратно на свою родину, о которой я уже и не жалѣла. Французы много сдѣлали мнѣ зла, а пуще всего тѣмъ, что освободили меня изъ гѣрема: ну, да всё-таки я ихъ люблю. Они такіе бѣлые! Я одинъ только разъ видѣла Клебера и никогда его не забуду. Я чрезвычайно рада видѣть въ своемъ отечествѣ людей вашей націи, и надѣюсь, что вы прійдете ко мнѣ завтра пить кофе и курить табакъ. На другой день мы пробыли у нея довольно долго: намъ было пріятно поговорить въ Абиссиніи о нашихъ землякахъ.» Все это очень хорошо; но источники Нила по-прежнему остаются не открытыми.

НАЧАЛО ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ АНГЛІЙСКАГО И РУССКАГО ФЕЛДМАРШАЛА, ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА. Мы уже говорили объ изданіи въ Лондонѣ подполковникомъ Гервудомъ (Gurwood) двухъ собраній любопытныхъ документовъ, относящихся къ жизни, службѣ и дѣйствіямъ ватерлооскаго побѣдителя, подъ заглавіями «Депеши герцога Веллингтона» и «Дневные приказы герцога Веллингтона». Вотъ очеркъ начала его блистательнаго поприща, составленный по этимъ документамъ.

Герцогъ Артуръ *Виллингтонъ* или Веллингтонъ — родомъ Ирландецъ, но протестантскаго исповѣданія. До полученія настоящаго титула онъ назывался Артуръ *Визли* (Wellesley). Первыя протестантскія фамиліи въ Ирландіи происходили большею частію отъ шотландскихъ или англійскихъ выходцевъ. Еще задолго до соединенія трехъ королевствъ, многіе удальцы, не довольствуясь посредственнымъ состояніемъ въ собственномъ отечествѣ, охотно переселились въ Ирландію какъ страну, принадлежавшую, по праву завоеванія, Англии и Шотландіи. Такъ, въ царствованіе Генриха VIII, братья Колли (Cowleys, или Colleys), Валтеръ и Робертъ, поселились въ графствѣ Килькенни. Генрихъ VIII вслѣдствіи старался привлечь протестантовъ въ Ирландію; онъ раздавалъ имъ помѣстья или выгодныя мѣста. Братья Колли, по ирландскимъ лѣтописямъ, получили мѣста по судебной части. Генри, старшій сынъ Валтера, вступилъ въ военную службу, и королева Елисавета сдѣлала его кавалеромъ (knight). Внука серъ Генри отъ третьяго сына

вышла за мужа, за Гарри Визли, из графства мидлендъ.
 Визли (Wathley); или Вилдони, а по обыкновенному
 произношенію Вилли (Wellesley), происходили отъ сас-
 сонской фамиліи изъ графства суссекснаго. Въ 1728, Гарри
 Визли отказалъ имѣніе двоюродному брату, Ричарду Колинъ,
 съ тѣмъ, чтобы тотъ принялъ фамилію Визли. Этого Ри-
 чарда Колинъ-Визли, родоначальника дому, изъ котораго
 происходятъ герцоги Веллингтонъ, Георгъ II помаловакъ
 баронъ Морнингтонъ; его сынъ, виконтъ Визли, бар-
 онъ Морнингтонъ, женился на Аннѣ, дочери Артура Гил-
 ма, виконта Донгенова. Баронъ проматалъ большую часть
 имѣнія и умеръ въ 1784 году, оставивъ многочисленное
 семейство почти въ бѣдности. Но умная вдова не увидѣла
 разстроенное состояніе и отлично воспитала дѣтей. Если
 бы лордъ Морнингтонъ самъ занялся воспитаніемъ, его
 сыновья никогда бы не достигли той степени, какую заняли
 они въ политикѣ и военной службѣ. У старика Морнинг-
 тона была одна мысль на умѣ, одна страсть въ душѣ, —
 музыка; онъ жилъ исключительно въ кругу виртуозовъ и
 артистовъ, и самъ занимался музыкальными сочиненіями:
 его баллады, пѣсни и церковныя концерты, въ свое время
 шли въ успѣхъ въ Ирландіи.

Артуръ Визли, четвертый сынъ лорда Морнингтона, ро-
 дился перваго мая 1765, въ замкѣ донгеновскомъ. Замокъ
 этотъ сгорѣлъ; помѣстье продано и принадлежитъ теперь
 Роджеру О'Коннору.

Первое воспитаніе Артуръ Визли получилъ въ Итонѣ, и
 оттуда посланъ во Францію, въ анжерскую военную школу,
 состоявшую тогда подъ управленіемъ умнаго Пльероля.
 Въ это же время, молодой Бонапарте, родившійся въ одинъ
 годъ съ Веллингтономъ, учился въ бріенской военной шко-
 лѣ. Въ Анжерѣ, какъ и въ Итонѣ, ничто не обнаруживало
 прекрасныхъ способностей будущаго генерала. Къ счастью
 Артура, старшій братъ его, лордъ Морнингтонъ, окончив-
 шій курсъ наукъ въ оксфордскомъ университетѣ, выхлоп-
 талъ себя, по прошенію Питта, мѣсто комиссара при индѣй-
 скихъ дѣлахъ. По ходатайству брата, Артуръ, седьмаго мая
 1787, сдѣлалъ прапорщикомъ въ семьдесятъ-третьемъ полку,
 двадцать-пятаго декабря произвели его въ поручики, и на-

конецъ, тридцать перваго октября 1792, далъ ему речу въ осьмнадцатомъ драгунскомъ полку. Такое быстрое возвышеніе происходило еще отъ другого, ближайшаго поводу: Артуръ заседалъ въ нижней палатѣ: какъ представитель не-отечка, котораго выборы зависли отъ фамиліи Морингтоновъ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ адъютантомъ ирландскаго наместника, и въ этой должности, сопряженной съ большими издержками, нажилъ себѣ пронасть долговъ, и не зная какъ развязаться съ кредиторами при отъѣздѣ на твердую землю. Вынужденный заложить родовое имѣніе, онъ не воспользовался однако жъ при этомъ случаѣ привилегією членовъ нижней палаты, и единственно собственная честность помогла ему выпутаться изъ неприятнаго положенія. Бережливость и благоразумное поведеніе поддержали его кредитъ, и, когда впоследствии онъ сдѣлался генераломъ, ему безъ труда поварили огромныя суммы.

Тридцатаго сентября 1793, лордъ Морингтонъ уговорился съ подполковникомъ тридцать-втораго полка, за известную сумму, чтобы тотъ вышелъ въ отставку, и такимъ образомъ братъ лорда былъ повышенъ въ подполковники.

Между-тѣмъ событія французской революціи быстро двигались впередъ. Вся Европа съ ужасомъ и негодованіемъ смотрѣла на неистовства республиканцевъ; кровавыя мѣры во Франціи налагали молчаніе на всѣхъ роялистовъ, и только одна Вандея осмѣлилась поднять бѣлое знамя. Англійское правительство рѣшилось своимъ содѣйствіемъ поддержать роялистовъ. На берегахъ Британіи снарядили экспедицію во Францію, и графъ Мойра уже принялъ надъ нею начальство, но вдругъ неожиданныя вѣсти изъ Голландіи заставили Англичанъ оставить это намареніе. Войска, уже совсемъ готовые, получили повелѣніе отправиться въ Остенду, на помощь герцогу Йоркскому, главнокомандующему англійскою арміею въ Голландіи.

Въ Голландіи англійская армія была въ самомъ затруднительномъ положеніи. Турнфоръ уже сдался; герцогъ Йоркскій оставилъ свой постъ передъ Уденардомъ и отступалъ къ Антверпену. Лордъ Мойра нашелъ нужнымъ снять остендскій гарнизонъ, и скорымъ маршемъ соединить войска подъ командой Клерфета (Clairfayt). Больше ничего не оставалось

двухъ : принцъ нобургскій разбить бѣлъ на голову, и лордъ Кларекъ располагался оставить Гентъ, чтобы соединиться съ союзническими войсками. Гарнизонъ, по распоряженіямъ лорда Мойры, едва успѣлъ во-время убраться на корабль, и французскіе отряды подступили къ воротамъ города, прежде чѣмъ послѣдній англійскій баталіонъ оставилъ пристань.

На дорогѣ въ Гентъ, лордъ Мойра, застигнутый бурей и неприятелемъ, выдержалъ, шестаго іюля, сильное нападеніе при Алотъ. На улицахъ города произошла сильная переделка; Французы быстро преслѣдовали бѣгущихъ, и Англичане понесли значительный уронъ.

Между-тѣмъ лордъ Мойра торопился на помощь къ герцогу Йоркскому, чтобы прикрыть его отступленіе къ Атверпену, потомъ къ Бредѣ и наконецъ къ Боа-ле-Дюкъ. Послѣ небольшихъ стычекъ съ передовыми отрядами, Французы, четырнадцатаго февраля, перешли Пейльское Болото, и съ праваго крыла отрезали полторы тысячи Англичанъ, со стороны Гессенъ-Дармштата. Англичане стали между двухъ огней : надлежало или оставить неприятеля или взять деревню Бокстель, передовой постъ союзниковъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, генералъ-лейтенантъ Аберкромби, по распоряженіямъ герцога Йоркскаго, выступилъ противъ деревни съ двумя гвардейскими баталіонами, двѣнадцатымъ, тридцать-седьмымъ, сорокъ-вторымъ и сорокъ-четвертымъ полками, артиллерійскою бригадою и съ нѣсколькими эскадронами драгуновъ. Въ Схейнденѣ замѣтили, что неприятельскіе пикеты расположились на обширной равнинѣ передъ сосновой рощей. Англійскіе драгуны выступили впередъ съ тридцать-третьимъ и сорокъ-четвертымъ гвардейскими полками, а двѣнадцатый и сорокъ второй полкъ Аберкромби оставилъ въ резервъ. Французы начали медленно отступать, между-тѣмъ англійскіе драгуны подвигались впередъ дотѣхъ-поръ, пока въ углубленіи рощи не замѣтили французской артиллеріи, поставленной неприятелемъ въ осадѣ. Драгуны отступили и спѣшили соединиться съ резервомъ; французскіе гусары въ свою очередь сдѣлали нападенье и тотчасъ разстроили ряды отступающихъ. Но въ ту минуту полковникъ Визанъ водосылъ съ тридцать-третьимъ полкомъ, и, отырывъ центральныя ряды, далъ возможность ор-

сдвинулись драгуны; нога этой кавалерии становилась. Маннер-Визли началъ крикъ: русскіе заняли тридцать-третьею линію удерживая быстроту Франкузовъ, и отступавшихъ бомбардировали только вѣра артиллеріи.

Между-тѣмъ Голландцамъ надоело наконецъ сносить эти непрерывныя промахи герцога Йоркскаго, и тогда какъ англійская армія безпрестанно замедляла обратное движеніе, они тайно вступили въ переговоры съ Французами.

Второго декабря герцогъ Йоркскій, при переходѣ черезъ Вааль, былъ отозванъ правительствомъ, и мѣсто главнокомандующаго арміи заступилъ графъ Валлоденъ. Новый генералъ сдѣлалъ нападеніе на Франкузовъ, взялъ Тюль и прогналъ непріятелей на другой берегъ Ваала. Но Франкузы бомбардировали Граву, взяли ее на капитуляцію, и были остановлены уже при Метернѣ, гдѣ стояли гусарскій эскадронъ и тридцать-третій полкъ, подъ командой полковника Визли. Визли отстоялъ храбро свои пушки, убилъ нѣсколько непріятелей, но, подавленный многочисленностью Франкузовъ, отступилъ къ Гельдермалстену. Сильныя морозы на нѣсколько времени остановили военныя дѣйствія; но шестнадцатаго января вдругъ сдѣлалась оттепель, и колойны союзниковъ рѣшились отступать. Подполковникъ Визли командовалъ арьергардомъ, за отсутствіемъ старшаго офицера.

Ужасное отступленіе англійской арміи навсегда займетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ военной исторіи послѣдняго пятидесяти-лѣтія. Не проходило ни одного дня, ни одной ночи, безъ новой опасности, дѣйствительной или мнимой. Замертво падали слабѣвшіе солдаты на дорогахъ, сильныя приходили въ отчаяніе.

Наконецъ, двадцать-седьмого января, союзническіе отряды дотанчившись кое-какъ до Девертера, и надѣялись поправить изнуренныя силы; но непріятель слѣдилъ по пятамъ, и Англичане тотчасъ же должны были оставить границы негостеприимной земли. Вся Голландія была завоевана; англійскія бригады, доведенныя до величайшаго изнуренія, направлялись въ Штеттине.

Первые опыты юрда Веллингтона на военномъ поприщѣ не чиного, конечно, и остались предвѣстіемъ будущаго генерала;

не зато уроки этой несчастной кампаніи глубоко укоренились въ бойкомъ умѣ полковника тридцать-третьяго полка.

Въ одно и тоже время два великіе современника, Велингтонъ и Бонапарте, которыхъ послѣ судьба противопоставила одному другому, отправлялись на Востокъ, и если бы Бонапарте удалось выполнить тогдашній планъ, перебраться съ Чермнаго Моря на берега Инда, чтобы напасть на владѣнія Англичанъ, знаменитые враги десятью годами ранѣе встрѣтились бы другъ съ другомъ. Изъ всѣхъ полковъ, возвратившихся изъ Голландіи, скорѣе всѣхъ оправился отъ пораженія тридцать третій, и подполковникъ Визли тотчасъ получилъ повелѣніе плыть въ Западную Индію, на флотъ адмирала Крисчена; впрочемъ, противныя вѣтры и другія обстоятельства не дали состояться этой экспедиціи: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ министры перемѣнили планъ, и тридцать-третьій полкъ остался въ бездѣйствіи до 1796 года, когда Визли посланъ правительствомъ въ Восточную Индію. По прибытіи въ Калькутту, тридцать-третьій полкъ назначенъ былъ участвовать въ экспедиціи противъ острова Маурикія, но и эта экспедиція также не состоялась: Артуръ Визли отозванъ въ Бенгалию, откуда молодой подполковникъ, на досугъ, съѣзжалъ въ Мадрасъ и осматривалъ тамошнія заведенія.

Въ Индіи готовился большой переворотъ для англійскихъ владѣній, и Артуръ Визли не могъ оставаться въ бездѣйствіи, какъ братъ новаго губернатора, заступившаго мѣсто сэра Джона Шора. Не играя блистательной роли въ парламентѣ, лордъ Морнингтонъ былъ однако жъ очень замѣтательнымъ лицомъ между сподвижниками Питта. Знаменитый ораторъ умѣлъ различать людей и всегда съ пользою употреблялъ ихъ таланты для министерства. На этотъ разъ посылства показали, что Питтъ ни мало не ошибся, возривъ Морнингтону управление обширными странами, которыя тогда легко могли отпасть отъ Англій, какъ, не задолго передъ тѣмъ, отпали сѣверо-американскія колоніи. При такомъ положеніи дѣлъ надлежало соединять благоразуміе съ твердостью и рѣшительностью характера; надлежало, въ одно и тоже время, и сражаться, и вести переговоры. Лордъ Морнингтонъ какъ-нельзя лучше выполнилъ трудное дѣло.

Главная буря грозила Англичанамъ изъ Мейсура. Гайдеръ-Али-Хану наследовалъ Типпу-Сайбъ, непримиримый врагъ Англичанъ. Оба эти государя довольно замѣчательны. Отца нельзя, конечно, упрекнуть въ бесполезной рѣзкѣ какъ на примѣръ Надира, но зато Гайдеръ-Али былъ неумолимъ, какъ-скоро жестокость сообразовалась съ политикой и военными планами. Напротивъ Типпу-Сайбъ былъ лютъ безотчетно, безъ всякихъ цѣлей, и во многихъ случаяхъ дѣйствовалъ какъ сумасшедшій. По убѣжденію или просто по лицемѣрному притворству, онъ почиталъ себя избраннымъ орудіемъ пророка и говорилъ, что Аллахъ назначилъ ему выпнать христіанъ изъ Индіи. Всего естественнѣе было, разумется, начать съ Англичанъ; но послѣ, вѣроятно, Типпу свернулъ бы голову и Французамъ, которыхъ теперь употреблялъ орудіемъ своего мщенія. Разумется, Типпу-Сайбъ не могъ быть хладнокровнымъ зрителемъ, когда неистовые республиканцы въ самой столицѣ его основали якобинскій клубъ подъ названіемъ «Гражданинъ Типпу». Впрочемъ, трудно сказать, какъ хотѣлъ тогда дѣйствовать тиранъ, противорѣчившій себя на каждомъ шагу: благоразумный и безразсудный, расточительный до сумазбродства и бережливый до скупости, разсудительный какъ философъ и суевѣрный какъ старая баба, Типпу-Сайбъ имѣлъ одну постоянную добродѣтель, мужество, и былъ вѣренъ только одному чувству, любви къ дѣтямъ.

Типпу-Сайбъ продолжалъ войну, начатую отцомъ, но, побѣжденный лордомъ Каривалдисомъ, потерялъ цѣлую половину своихъ владѣній и принужденъ былъ подписать договоръ, отнимавшій у него право даже наказывать своихъ вассаловъ. Все это не остановило однако жъ Типпу-Сайба: оправившись отъ пораженія, онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ нивазомъ въ Гайдеръ-Абадъ, съ пашвою въ Пулъ, съ андіей въ северной Индіи, и такимъ образомъ потопилъ въ войнѣ болѣе счастливой.

Но Типпу-Сайбъ не имѣлъ недостатку и въ собственныхъ силахъ. Его войско, обученное Французами европейской тактикѣ и снабженное отличной артиллеріей, состояло изъ семидесяти тысячъ человекъ. Особенно отлична была его

VII.

ОМЪСЪ.

ОЗОНЪ, НОВОЕ НАЧАЛО, ДОВЫТОЕ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. *Опыты господина Шёнбейна.* Во время известныхъ электро-химическихъ разложеній обнаруживается особенный запахъ, какъ отъ обыкновенныхъ электрическихъ искръ. Господинъ Шёнбейнъ предпринялъ рядъ опытовъ, чтобы узнать обстоятельства, сопровождающія этотъ электро-химическій запахъ и открыть, если можно, самое начало, отъ котораго онъ зависитъ. Запахъ дѣлается ощутительнымъ на положительной поверхности, когда известные водяные растворы разлагаются дѣйствиємъ Вольтова столба. Отдѣляющійся въ это время кислородный газъ сопровождается весьма сильнымъ духомъ, совершенно похожимъ на тотъ, который обнаруживается при заряданіи обыкновенной электрической машины, когда начинаютъ сышаться искры. Господинъ Шёнбейнъ замѣтилъ, что онъ происходитъ при разложеніи воды, слабой сѣрной кислоты, при раствореніяхъ фосфорной и азотной кислотъ и многихъ нейтральныхъ солей. Въ самомъ бѣльшемъ количествѣ духъ этотъ обнаруживается при разложеніи слабой сѣрной кислоты; но его вовсе не замѣтно при разложеніи водородныхъ, бромистыхъ, соляныхъ и хлористыхъ тѣлъ. Господинъ Шёнбейнъ замѣчаетъ, что кислородъ, отдѣляющійся въ небольшомъ количествѣ, можно вмѣстѣ съ этимъ запахомъ сберечь на нѣсколько времени, заключивъ газъ въ крѣпко закупоренныя бутылки. Наблюдая этотъ кислородъ, господинъ Шёнбейнъ пришелъ къ заключенію, что запахъ долженъ происходить отъ новаго, еще неоткрытаго начала, которое, вѣроятно, играетъ весьма важную

роль во многихъ естественныхъ явленіяхъ. Это новое начало онъ называлъ *озономъ*, *озоне*.

Озонъ, изъ известныхъ растворовъ, можно добыть только посредствомъ чистыхъ электроскоповъ, вышлорванныхъ платиною или золофомъ; другіе, болѣе окисленные, металлы и уголь не благопріятствуютъ къ его обнаруженію. Притомъ, растворимое вещество должно быть холодное, потому что теплота препятствуетъ также проявленію озону. Если въ кислородъ, смѣшанный съ озономъ, бросить кусокъ какого-нибудь изъ окисленныхъ металловъ, напримѣръ кусокъ желѣза, цинку, олова, ртути, то озонъ мгновенно поглотится этими металлами, и кислородъ не будетъ имѣть запаха. Платиновыя или золотыя пластинки, опуценныя въ кислородъ, тотчасъ получаютъ отрицательное электричество, если только онъ совершенно чисты и сухи. Точно также электризуются серебро и мѣдь, но гораздо въ меньшей степени чѣмъ золото и платина. Наэлектризованныя такимъ образомъ, пластинки нѣсколько времени сохраняютъ въ воздухѣ электрическую силу, но тотчасъ теряютъ ее, какъ-скоро ихъ погрузить въ водородный газъ: здѣсь пластинки приходятъ въ противоположное состояніе, то есть, электризуются положительно.

Если эти результаты сравнимъ съ дѣйствіями, производимыми пахучимъ веществомъ электрическихъ искръ, то найдемъ между ними совершенное сходство. Платиновая или серебряная пластинка, подверженная дѣйствию электрическихъ искръ, выходящихъ изъ заряженнаго конца, электризуется положительно, и степень электричества зависитъ отъ свойства заряженнаго конца и отъ продолженія времени, употребленнаго на эту операцію. Эта электрическая сила не можетъ быть простымъ результатомъ электрическаго тока, брызжущаго изъ заряженнаго конца, но происходитъ отъ какого-нибудь вещества, приведеннаго въ движеніе токомъ, потому что вызолоченный конецъ также бросаетъ искры, но платиновая или золотая пластинка уже не электризуется болѣе. Наэлектризованныя такимъ образомъ пластинки имѣютъ совершенно такія же свойства какъ и тѣ пластинки, которыя получили электричество отъ погруженія въ кислородъ, соединенный съ озономъ: онъ теряютъ электриче-

ство, какъ скоро подвергнуть ихъ дѣйствию тѣлоты, или и вовсе не электризуются, если не совершенно изсушены и чисты. Господинъ Шёнбейнъ думаетъ, что въ водѣ и воздухѣ содержится наибольшее количество удобо-разлагаемаго вещества, доставляющаго, по разложении своемъ посредствомъ электричества, ту пахучую матерію, которую называлъ онъ озономъ. Легкость, съ какою озонъ отдѣляется отъ движенія электричества, и его близкое средство съ металлами, заставляютъ признать его такимъ же началомъ какъ хлоръ, бромъ и іодъ. Если не бываетъ слѣдовъ озону, когда вода разлагается пластинками окисленныхъ металловъ, это происходитъ, кажется, оттого что озонъ непосредственно соединяется съ этими металлами; не трудно также объяснить, отчего озонъ вдругъ пропадаетъ, какъ-скоро растворъ достигаетъ известной степени теплоты: возвышеніе температуры до того увеличиваетъ средство озону съ металлами, что онъ мгновенно можетъ соединиться съ золотомъ или платиною. Такимъ образомъ теорія господина Шёнбейна легко объясняетъ всѣ явленія, сопровождающія обнаруженіе этого новаго летучаго вещества. Сильный и вонючій духъ, обыкновенно появляющійся вокругъ тѣлъ, сожженныхъ молнією, происходитъ, кажется, оттого что при этихъ случаяхъ отдѣляется большое количество озону. Господинъ Шёнбейнъ рассказываетъ, что онъ былъ однажды свидѣтелемъ паденія громоваго удара на церковь: ближайшія зданія были въ это время на большое разстояніе покрыты бѣлымъ паромъ, изъ котораго выходилъ особенный, чрезвычайно сильный, запахъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРОФЕССОРА ЛИВНАХА О ПРИЛОЖЕНІИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЮ И ФИЗИОЛОГІИ.

1. *Новая теорія удобренія земли.* Самое большее количество питательныхъ частицъ человекъ и животныя получаютъ изъ царства прѣзѣбаемаго, а для растеній новыя питательныя начала могутъ существовать только (?) въ тѣлахъ неорганическихъ. На этихъ двухъ мнѣніяхъ, особенно на послѣднемъ, основана новая система приложенія химической физиологіи къ растеніямъ. До сихъ поръ физиологи думали, будто плодородіе почвы зависитъ отъ особеннаго

свойства чернозему; но господниъ Либихъ доказываетъ, что черноземъ, въ томъ видѣ какъ находитъ его въ почвѣ, не можетъ сообщать растеніямъ ни малѣйшаго количества питательныхъ частицъ. Во-первыхъ, черноземъ, или химическая черноземная кислота, добываемая кислотами посредствомъ осажденія земныхъ частицъ или торфу въ щелочномъ растворѣ, становится, какъ извѣстно, совершенно нерастворимою, когда высушатъ ее на воздухѣ или подвергнуть вліянію холодной атмосферы подъ точкой замерзанія. Результатъ получается тотъ же, когда извѣстное количество хорошаго чернозему кладутъ въ холодную воду: вода по-прежнему остается безцвѣтною, не растворяя и сто-тысячной доли принятыхъ частицъ. Гнилое или превращенное въ золу дерево доставляетъ почти едва примѣтные слѣды раствореннаго вещества. Физиологи думали, будто черноземная кислота соединяется съ известью или различными щелочами растеній, и оттого дѣлается растворимою и, слѣдовательно, удобопитательною; но извѣстно, что количество щелочныхъ частицъ, находимыхъ въ золахъ растеній, чрезвычайно незначительно, и если черноземная кислота дѣйствительно соединяется съ этими частицами, растенія могутъ получить самое малое количество углероду, между-тѣмъ какъ они почти исключительно состоятъ изъ углероду. Такъ, напримѣръ, изъ тридцати частей углероду, содержащихся въ сосновомъ деревѣ, развѣ только одна часть образовалась бы изъ соединенія черноземной кислоты съ щелочными частицами.

Во-вторыхъ, черноземно-кислая известь растворяется только въ двухъ тысячахъ четырехъ стахъ частяхъ воды. Если предположить, что вода, падающая на поле, насыщается этою солью, и потомъ вся поглощается растеніями, то легко вычислить количество черноземно-кислой извести, которую такимъ образомъ всосутъ растенія; но тѣмъ не менѣе это вычисленіе не даетъ ни какой возможности объяснить количества углероду, которое, напримѣръ, содержится въ зерновомъ хлѣбѣ или свеклѣ, растущей на этомъ полѣ.

Въ-третьихъ, съ полей и изъ лѣсовъ каждый годъ берутъ извѣстное количество углероду, въ видѣ травы или

деревь, и однако жъ количество углероду въ почвѣ ежегодно увеличивается и земля становится обильнѣе черноземомъ.

Такимъ образомъ, если углеродъ въ растеніяхъ не можетъ образоваться изъ чернозему, то надобно допустить, что они получаютъ его не иначе какъ изъ атмосфернаго воздуха. Физиологи, объясняя происхожденіе въ растеніяхъ углероду, забываютъ, что этотъ вопросъ тѣсно сопряженъ съ происхожденіемъ чернозему. Всѣмъ извѣстно, что черноземъ есть произведеніе постепеннаго разрушенія растеній (?... и инфурій?): стало-быть нельзя допустить первоуказаннаго чернозему, потому что они должны были предшествовать его образованію. Господинъ Либихъ думаетъ, что весь углеродъ образуется въ растеніяхъ изъ разложенія углеродной кислоты, которою обладаетъ атмосфера. Получая такимъ образомъ изъ атмосферы угольную кислоту, растенія въ то же время отдѣляютъ кислородъ. Этотъ чисто химическій процессъ совершается ночью, и происходитъ отъ вліянія воздушнаго кислорода на органическія вещества, изъ которыхъ состоятъ листья, цвѣты и плоды. Операция не имѣетъ ни какого отношенія къ жизни растеній, и безразлично происходитъ какъ въ мертвыхъ такъ и въ живыхъ растеніяхъ. Такимъ образомъ, впродолженіи ночи, кислоты образуются посредствомъ механическаго процесса окисленія, а летучія масла превращаются въ смолу посредствомъ поглощенія кислорода. Какъ-скоро пришелъ день, углеродная кислота, поглощенная цвѣтами и растворяемая въ сокахъ, проникающихъ во все части растенія, снова выходитъ изъ цвѣтовъ посредствомъ испаренія.

Показавъ, что растенія получаютъ углеродъ изъ атмосфернаго воздуха, господинъ Либихъ старается опредѣлить вліяніе чернозему на прозябаніе.

Черноземъ превращаетъ кислородъ въ угольную кислоту, по испареніи которой онъ дѣлается чистымъ произведеніемъ растительныхъ фибръ. Изъ этого произведенія слагаются все слои кислаго угля и торфу. Черноземъ служитъ постояннымъ источникомъ угольной кислоты, и въ этомъ, по мнѣнію господина Либиха, главнымъ образомъ заклю-

чается его вліяніе на растительную силу. Нѣтъ ни какихъ причинъ думать, будто черноземъ обращается къ сокамъ растений; сахаръ тростниковый и камеди имѣютъ, какъ извѣстно, весьма близкое отношеніе къ чернозему, а между-тѣмъ, будучи поглощены корнями растенія, они тотчасъ извергаются или тѣми же корнями или листьями. Воздѣлываніе почвы, размягчая и очищая землю, способствуетъ чернозему къ принятію воздуха, и благоприятствуетъ образованію угольной кислоты. Какъ-скоро листья распустились и растеніе достигло полного развитія, угольная кислота почвы не нужна болѣе для растенія.

2. *Неорганическія начала растеній.* Есть еще другія вещества, необходимыя также для жизни прозябаемаго царства; они весьма разнообразны, и находятся въ золахъ растеній, обращенныхъ въ пепелъ. Нѣкоторыя изъ этихъ началъ измѣняются по различію почвы, но другія существенно необходимы для жизни растеній. Фосфорно-кислая магнезія, въ соединеніи съ аммоніакомъ, служитъ для сѣмянъ всѣхъ травянистыхъ растеній. Нѣкоторыя растенія содержатъ въ себѣ различныя органическія кислоты, въ составъ которыхъ входитъ какое-нибудь изъ слѣдующихъ основаній: поташъ, сода, известь или магнезія. Господинъ Либихъ думаетъ, будто различныя щелочныя основанія, существующія въ растеніяхъ, могутъ замѣняться одно другимъ, потому что отравленія ихъ совершенно одинаковы. Анализы Бертіе и де-Соссюра показываютъ, что свойство почвы имѣетъ рѣшительное вліяніе на количество различныхъ металлическихъ окисловъ въ растеніяхъ; такъ, напримѣръ, нашли магнезію въ золахъ сосны, выросшей на горѣ Бревенъ, тогда какъ не было и слѣдовъ магнезіи въ золахъ такого же дерева, срубленнаго на горѣ Лассанъ. Составъ золы этихъ сосенъ былъ весьма различенъ, но тѣмъ не менѣе онъ содержалъ въ себѣ равное количество металлическихъ окисловъ. Извѣстно, что для различныхъ растеній необходимы особенныя кислоты и также особенныя основанія, всегда соединенныя съ этими кислотами въ состояніи солей. Развитіе растенія совершенно прекращается, когда не бываетъ этихъ веществъ, или замедляется, какъ-скоро вещества собраны не въ достаточномъ количествѣ. Отсюда происхо-

дять, что изъ двухъ деревь съ различнымъ количествомъ щелочныхъ оснований, одно можетъ весьма успѣшно расти тамъ, гдѣ другое едва достигнетъ извѣстной степени развитія. Такимъ образомъ десять тысячъ частей дуба доставляютъ двѣсти пятьдесятъ частей золы, тогда какъ такое же количество сосновыхъ дровъ даетъ только осемьдесятъ три части золы. Точно такъ же сосны и ели находятъ достаточное количество щелочи въ гранитномъ и песчаномъ грун-тѣ, тогда какъ дубъ вовсе не можетъ расти на такой почвѣ. Въ Люнебургѣ земля даетъ еще жатву зерноваго хлѣба и черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ послѣ удобренія почвы золою вереска, росшаго и сожженнаго на сѣповерхности. Впро-долженіи этого долгаго времени, растенія поглощаютъ по-ташъ и соду, которыя содержатся въ растворенныхъ мине-ралахъ, падающихъ на почву въ дождевой водѣ; только посредствомъ этихъ щелочей могутъ расти на этомъ песча-номъ грунтѣ ячмень, рожь и овесъ. Эти неоспоримые фак-ты достаточно показываютъ, какъ не вѣрно предложеніе, будто щелочи, металлическіе окислы и вообще всѣ неорга-ническія вещества, образуются изъ самихъ же растеній.

Достойно замѣчанія, что дерновыя растенія, доставляю-щія челоувѣку наибольшее количество питательныхъ ча-стицъ, слѣдуютъ за нимъ во всѣ мѣста точно такъ же какъ домашній скоть. Но зерна этихъ растеній даютъ муку толь-ко въ томъ случаѣ, когда принимаютъ извѣстное количе-ство фосфорно-кислой магнезін и аммоніаку, и растенія до-стигаютъ совершенной степени зрѣлости только на тѣхъ грунтахъ, гдѣ соединены эти три начала: но нужно ли до-казывать, что фосфорно-кислая магнезін и кислородъ въ наибольшемъ количествѣ существуютъ именно на той поч-вѣ, гдѣ челоувѣкъ окруженъ домашними животными?

3. *Поглощеніе водорода.* Твердая часть растеній, или растительная фибра, содержитъ углеродъ и начало воды (углеродъ + водородъ и кислородъ) или элементы уголь-ной кислоты съ извѣстнымъ количествомъ водорода. Дере-во можетъ образоваться или отъ соединенія углеродной кислоты подъ вліяніемъ солнечнаго свѣту, а въ такомъ случаѣ кислородъ угольной кислоты отдѣляется, или, что,

по мнѣнію господина Либиха, гораздо вѣроятнѣе, растенія подѣ тѣмъ же самымъ вліяніемъ могутъ разлагать воду, и водородъ будетъ поглощенъ угольной кислотою, тогда какъ отдѣленный кислородъ произойдетъ изъ воды. Количество отдѣленнаго газу будетъ такое же, какое получается отъ разложенія воды. Часть кислорода или даже весь кислородъ угольной кислоты долженъ быть отдѣленъ, по образованіи извѣстныхъ веществъ, на примѣръ эссенціоннаго масла, въ которомъ, или вовсе нѣтъ, или чрезвычайно мало, кислороду.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ГОЛЛАНДІИ. Перемена царствующей особы въ Голландіи, естественно, подаетъ поводъ къ разнаго рода обзорніямъ этого государства. Несмотря на сильное потрясеніе, которое претерпѣла Голландія при последнемъ мятежѣ Бельгійцевъ, голландскіе города еще заключаютъ въ себѣ несмѣтныя богатства. Въ одномъ Амстердамѣ считается шестьдесятъ капиталистовъ, банкировъ и обывателей, которыхъ капиталъ составляетъ болѣе шести милліоновъ флориновъ (3,180,000 рублей серебромъ). Баронъ фанъ-Бринненъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, оставилъ послѣ себя слишкомъ шестнадцать милліоновъ рублей серебромъ; а мнѣнію банкирскаго дому Гонтъ и цѣны не знаютъ. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи выстроилъ въ Парижѣ домъ, который обошелся въ шесть милліоновъ франковъ.

Голландія, какъ извѣстно, мало производитъ хлѣба, но по обширности своей торговли, никогда не терпитъ въ немъ недостатку. Природа отказала ей также и въ желѣзѣ и въ строевомъ лѣсѣ; но между-тѣмъ ни въ какомъ другомъ государствѣ нѣтъ такого огромнаго запаса этихъ матеріаловъ, нужныхъ для кораблестроенія. Наконецъ, въ Голландіи не родится ни льну ни пеньки, не учреждено премій для поощренія овцеводства и сбора шерсти; но голландскія суконныя, полотняныя, парусинныя и другія фабрики, на которыхъ идутъ въ дѣло пенька, ленъ и шерсть, чрезвычайно значительны. Вино въ Голландію привозятъ изъ-за

границы, а пьютъ его болѣе чѣмъ въ земляхъ, гдѣ растетъ виноградъ. Въ голландскихъ городахъ всегда есть огромные запасы кофе и пряностей, привозимыхъ съ Востока; на голландскихъ рынкахъ найдете самыя рѣдкія произведенія всѣхъ частей свѣта.

Впрочемъ, и въ Голландіи, посреди изобилія, изъ-за излишнихъ и прихотливыхъ домовъ тамошнихъ банкировъ, часто проглядываетъ крайняя нищета. Въ 1818 году распространеніе этого зла побудило правительство и богатыхъ капиталистовъ основать для нищихъ нѣсколько колоній, въ которыхъ бѣдныя семейства и сироты нашли работу и пропитаніе. Въ 1822 году въ этихъ колоніяхъ считалось 3,000 нищихъ, а въ концѣ 1839 было уже 11,000. Несмотря однако жъ на свое возрастающее народонаселеніе, колоніи нищихъ еще не могутъ искоренить или остановить зло, потому-что въ Голландіи, людей, проживающихъ на чужомъ хлѣбѣ, по переписи, сдѣланной въ 1839 году, оказалось до 300,000 душъ, то есть, девятая доля всего народонаселенія государства.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, число всѣхъ жителей въ Голландіи простирается до 2,600,000 душъ, которые занимаютъ пространство въ 9,780 квадратныхъ миль. Самыя многочисленныя провинціи — Сѣверная Голландія и Южная Голландія, самая малочисленная — Дрентъ, гдѣ поселены колоніи, о которыхъ мы говорили.

Непріязненныя отношенія, существовавшія между Голландіей и Бельгіей впродолженіи цѣлыхъ девяти лѣтъ, разумѣется, очень увеличили расходы нидерландскаго королевства. Нынче государственный бюджетъ его составляетъ около 31,000,000 рублей серебромъ, изъ которыхъ 7,600,000 выходитъ на содержаніе арміи, и около 3,000,000 на содержаніе флоту. Въ Бельгіи, по государственному бюджету, опредѣляется всего вообще 24,300,000 рублей серебромъ, въ томъ числѣ 8,300,000 на армію и только 230,000 на флотъ. Представляемъ сравнительную таблицу арміи этихъ двухъ королевствъ.

	<i>Въ Голландіи.</i>	<i>Въ Бельгіи.</i>
Пехоты разнаго роду, кромѣ артиллеріи.....	46 баталіоновъ.....	16 полковъ и 23 баталіона.
Коницы разнаго роду, тоже кромѣ артиллеріи	7 полковъ.....	7 полковъ.
Артиллеріи разнаго роду.....	50 батарей..... 3 баталіона и 1 рота	53 батарей и 1 рота.
Понтонной командѣ.....	1 дивизія.....	1 рота.
Военноробочихъ и мастеровыхъ.	1 рота.....	1 рота.
Обозу.....	1 баталіонъ.....	1 эскадронъ.

Въ Бельгіи собственно флоту нѣтъ: тамошнее правительство содержитъ только два брига на Шельдѣ и нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Голландскій флотъ состоитъ изъ слѣдующихъ судовъ:

	<i>Число судовъ.</i>	<i>Число пушекъ.</i>	<i>Число вѣсъхъ пушекъ.</i>
		<i>На каждомъ суднѣ.</i>	
Линейныхъ кораблей.....	8.....	отъ 84 до	74..... 612.
Фрегатовъ.....	22.....	64	32..... 944.
Корветтъ.....	28.....	28	18..... 560.
Бриговъ (въ томъ числѣ 5 пареходовъ).....	16.....	14	7..... 260.
	Всего..... 74		2,376.

Кромѣ-того, Голландія имѣетъ 120 канонерскихъ лодокъ, да въ Амстердамъ, Роттердамъ и Флемингенъ оканчиваются постройкой нѣсколько мореходныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ есть одинъ корабль о 96, и три о 74 и 60 пушкахъ. Купеческій флотъ состоитъ изъ 1,500 судовъ, которыя поднимаютъ 200,000 тоннъ.

Но главный источникъ богатства нидерландскаго королевства составляютъ владѣнія, изъ которыхъ оно умно извлекъ необъятныя выгоды. «Сосцы Голландіи», какъ говаривалъ Іоаннъ Виттъ, — это колоніи на Индѣйскомъ морѣ, особенно Ява. Подъ благоразумнымъ управленіемъ барона Фанъ-деръ-Капеллена, яванская колонія Голландцевъ, занимающая болѣе двухъ третей всего острова, начала подавать самыя блистательныя надежды. Городъ Бата-

тин, столица острова и всѣхъ вообще голландско-индѣйскихъ владѣній, которая въ прежнія времена вошла въ пословицу по чрезвычайнѣе вредному климату и оттого совсѣмъ опустыла, теперь опять населилась. Просвѣщенный губернаторъ умѣлъ найти средства, значительнѣе уменьшившія въ городѣ смертность, о которой носились такіе ужасные и, въ сущности, справедливые слухи. Нустопорожнія, но плодородныя, земли теперь обработаны, болота осушены, вырыты каналы, проведены дороги, и множество Китайцевъ и африканскихъ невольниковъ занимаются разведеніемъ чайнаго кустарника и сахарнаго тростнику. Въ настоящее время, Ява — важнѣйшее владѣніе Голландцевъ на Востоке и одна изъ прекраснѣйшихъ колоній въ цѣломъ свѣтѣ. Она имѣетъ 6,000,000 жителей на пространствѣ 50,000 квадратныхъ миль, то есть, по 120 душъ на милю: народонаселеніе равное народонаселенію Португаліи, Даніи, Ольденбурга, Мекленбурга и Ганновера. На участкѣ земли, состоящемъ въ непосредственномъ распоряженіи правительства, разводится преимущественно чай, сахаръ, кофе, индиго и кошениль. Всѣ эти произведенія, въ сыромъ видѣ, скупаются торговцами, которые сами перепродаютъ ихъ послѣ надлежащей обработки. Вотъ уже семь лѣтъ какъ чайный кустарникъ отличнѣе разводится на Явѣ: два милліона черенковъ яринадсь превосходно и даютъ значительное количество листву. Китайцы, которые смотрятъ за этимъ дорогимъ кустарникомъ, вывезены изъ китайскихъ провинцій, наиболѣе извѣстныхъ успѣшнѣе разведеніемъ и приготовленіемъ чаю. Они научили своему искусству яванскихъ жителей, и теперь яванскій чай, привезенный въ Голландію, продается въ Амстердамѣ отъ двухъ до четырехъ флориновъ (отъ одного до двухъ рублей серебромъ) за фунтъ. Разведеніе сахарнаго тростнику и кофе идетъ также очень хорошо, а воздѣлываніе индиго доведено до такого совершенства, что сѣлка, приготовляемая на Явѣ, начинаетъ входить въ Европу въ такую же высокую цѣну, по какой продается индѣйская. Словомъ, Ява — настоящее золотое дно для Голландіи, которая потребляетъ девять десятыхъ частей всей массы произведеній этого острова.

НАПОЛЕОНОВСКИЙ ГОРОДЪ. — ОХОТА ЗА ТУРКАНАМИ.
Новый путевый впечатлѣнiя. Въ два часа пополудни, говоритъ или, правильнѣе, намечтывается господинъ Александръ Дюма, наша ночтовая карета остановилась въ чистомъ полѣ, передъ гостиницею. Мы не понимали, зачѣмъ кондукторъ хочетъ высадить насъ здѣсь, но онъ сказалъ намъ отрывисто, что ему приказано остановиться въ городъ Букъ, dans la ville de Bouc. — Извольте выходить изъ кареты!

Мы вышли, оглянулись во всѣ стороны и увидѣли три домишка. Два были заперты, третьяго дверь была отворена. Мы вошли въ него и застали тамъ человека, который игралъ одинъ на бильярдѣ: это былъ хозяинъ гостиницы, трактирщикъ.

Мы спросили, можно ли здѣсь пообѣдать? Трактирщикъ отвѣчалъ, что нѣтъ ничего легче, но надобно подождать съ часъ времени.

— Что же намъ дѣлать до обѣда? сказали мы.

— Погуляйте по городу, отвѣчалъ онъ: осмотрите всѣ достопримѣчательности нашего города.

— Какого города?

— Города Бука, сказалъ трактирщикъ.

Мы подумали, что проѣхали этотъ городъ, когда дремали въ дилижансѣ; что мы не замѣтили его. Я вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ кругомъ и около: нѣтъ ничего кромѣ двухъ запертыхъ домовъ. На всемъ пространствѣ видимаго горизонта, ни малѣйшей возвышенности, за которою могъ бы скрываться, не то что бѣ городъ, а просто планъ города. Возвратясь въ бильярдную, я увидѣлъ, что товарищъ мой, Жадень, читаетъ какой-то печатный листъ, прибитый къ стѣнѣ.

— Букъ, вѣрно, какой-нибудь подземный городъ, какъ Геркуланумъ, сказалъ я Жадену: или засыпанный золой, какъ Помпея. Я его не вижу. И слѣду нѣтъ города, какъ ни стараюсь я искать.

— А я сейчасъ открылъ его, сказалъ Жадень.

— Гдѣ?

— А вотъ здѣсь, отвѣчалъ онъ, указывая пальцемъ на печатный листъ.

Я подошелъ; и мы прочитали:

«Божіею милостію, Мы, Наполеонъ Первый, императоръ Французовъ, король Италіи, и прочая, и прочая. Повелѣли есмы и повелѣваемъ, яко ниже слѣдуетъ:

«Между городомъ Арлемъ и селеніемъ Мартигами имѣеть «быть основанъ и построень городъ съ гаванью, каковому «городу и называться городомъ Букомъ.

«Нашъ министръ путей сообщенія и публичныхъ зданій имѣеть привести въ исполненіе настоящее Наше повелѣніе.

«Дано въ Нашемъ Тюильрійскомъ Замкѣ, въ двадцать четвертый день іюля 1811 года.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Вверху листа былъ приклеенъ планъ.

Въ одну изъ рѣдкихъ минутъ отдохновенія, Наполеонъ кинулъ взоръ на карту Франціи, положилъ палецъ на одно мѣсто у береговъ Средиземнаго Моря, между Кро и Камарги, въ шести льѣ отъ Арля и въ десяти отъ Марсели, и сказалъ: «Здѣсь быть городу съ гаванью».

Сказано и сдѣлано. Начертили планъ и послали на мѣсто инженеровъ. Настала война, и инженеры отозваны: они успѣли только прорыть каналъ и означить раздѣленіе кварталовъ; потомъ какой-то спекуляторъ-скороспѣлка построилъ три дома, изъ которыхъ два стояли пусты за немѣніемъ жильцовъ, а третій отланъ подъ трактиръ.

«Не будетъ ли и обѣдъ такой же фантастическій какъ этотъ городъ?» подумалъ я съ досадою, и тотчасъ отправился въ кухню.

— Ага! это вы? сказалъ хозяинъ, поворачивая вертѣль, на которомъ жарилась баранина. Потерпите немножко; пройдитесть, пока, по большой улицѣ; я нагоню васъ у театра.

«Въ своемъ ли онъ умѣ?» подумалъ я. Но, расчитавъ, что лучше выждать обѣда на чистомъ воздухѣ, нежели стоять голоднымъ въ дымной кухнѣ, я пригласилъ съ собою Жадена, и мы отправились отыскивать большую улицу. Недолго искали мы ее. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трактира

— Но вѣдь охотятся, сударь, не изъ-за дичи, а для удовольствія пострѣлять. Завтра въ Мартигахъ будетъ большая охота. Встаньте въ шесть часовъ утра; какъ-разъ къ ней поспѣете.

На другой день, на восходѣ солнца мы уже были въ Мартигахъ.

Мартиги — городокъ, или островокъ, лежащій между берскимъ прудомъ и букскимъ каналомъ; онъ — родъ Венеціи, но, въ сравненіи съ нею то же, что милая деревенская дѣвушка въ сравненіи съ знатною барыней.

Это премиленькій городокъ. Улицы въ немъ перерѣзаны каналами и вымощены гольщомъ, изъ-подъ котораго пробивается какая-то трава, похожая запахомъ на морской порость; въ переулкахъ каналы, въ каналахъ барки; вездѣ строятся суда, кипитъ смола, сушатся невода. Мартиги — огромная лодка, съ которой всѣ ловятъ рыбу: мужчины неводомъ, женщины удою, дѣти голыми руками; куда ни оглянись, всюду рыболовы: ловятъ по улицамъ, ловятъ съ мостовъ, ловятъ изъ оконъ.

Простодушіе мартигскихъ жителей обратилось даже въ пословицу: ихъ величаютъ *Lé mertigaõ*; а это все равно значить, что на Руси — *Емеля дурачокъ*.

Понадобится ли Мартигао срубить сукъ съ дерева: онъ сядетъ верхомъ на сукъ, и ну рубить его, пока самъ съ нимъ не свалится. Однажды Мартигао увидѣлъ въ Марсели попуга, подошелъ къ нему и сталъ разглядывать.

— Свиныя! свиныя! закричалъ попугай своимъ грубымъ голосомъ.

— Ахъ, извините! сказалъ Мартигао: я думалъ, что вы птица.

Мы подошли къ берскому пруду; онъ уже былъ покрытъ множествомъ лодокъ съ охотниками. Цѣпь стрѣлковъ была вытянута по берегу, а дѣти, вооруженныя пистолетами, стояли по-поясъ въ водѣ.

По правиламъ мартигской охоты, настроенная дичь должна дѣлиться между охотниками, по-ровну на каждую лодку. Во избѣжаніе споровъ, адмиралъ экспедиціи роздалъ копій съ условія мерамъ, присутствующимъ при охотѣ, а тѣ прочитали его своимъ подчиненнымъ.

Охотники стали по мѣстамъ, и адмиралъ подавъ въ рупоръ знакъ къ отплытію. Лодки двинулись въ строгомъ порядкѣ; заняли почти весь поперечникъ пруда, оставивъ однако значительное пространство между собою и берегомъ; часть испуганныхъ турпановъ слетѣла туда, но адмиралъ подавъ сигналъ, нѣсколько лодокъ отправились къ угрожаемымъ флангамъ и согнали на прежнее мѣсто отделившихся турпановъ.

Мы продолжали плыть и гнать передъ собою птицъ. Ряды ихъ становились гуще, и черезъ нѣсколько минутъ часть пруда, лежащая противъ носу нашихъ лодокъ, покрылась ими какъ ковромъ. Со времени знаменитаго истребленія дичи въ Ренси, гдѣ убито одиннадцать тысячъ кроликовъ, я не видывалъ такого множества птицъ на такомъ маломъ пространствѣ. Вскорѣ прудъ сталъ имъ слишкомъ тѣсенъ, и онѣ начали взбираться другъ другу на спину. Наконецъ, одинъ смѣлый турпанъ поднялся, за нимъ другіе, а тамъ и вся стая понеслась надъ нашими головами съ ужаснѣйшимъ крикомъ. Раздался выстрѣлъ изъ двухъ тысячъ ружей, и турпаны дождемъ попадали въ прудъ и въ лодки.

Съ жадностью бросились охотники подбирать ихъ, и набивать ими карманы, шаровары и рукава, потому что въ условіи было постановлено — добычу дѣлить поровну....

На долю каждой лодки досталось, болѣе или менѣе, до двадцати пяти турпановъ, не считая тѣхъ, которые были прятаны ловкими охотниками.

Охота продолжалась отъ семи часовъ утра до трехъ пополудни; мы по колено ходили въ турпанахъ.

На берегу насъ вѣжливо пригласили къ дѣлежу добычи: но, попробовавъ наканунѣ, каковы жареные турпаны, мы великодушно уступили нашу долю трактирщику, сожалея отъ всего сердца о тѣхъ бѣдныхъ путешественникахъ, которыхъ будутъ потчивать славною бурскою дичью.

ВЕЧЕРЪ У ГИЗО. Въ отдаленномъ углу Парижа, именно въ предмѣстіи Saint-Honoré, есть улица.... Оно не то что бы улица, а просто тѣсный переулокъ между улицами de la Madeleine и Pépinière, который однако жъ называютъ rue Ville l'Évêque. Самъ по себѣ этотъ переулокъ, или эта

улица, не стоить ни какого вниманія; здесь не встрѣтите ни древнихъ аристократовъ, ни гордыхъ богачей, нажившихъ деньги и стару банкирскими продолжками, ни бланко-хорошенскихъ женщинъ; это самая тихая, самая спокойная, и вмѣстѣ самая грязная, самая гадкая, улица во всемъ Парижѣ; порядочный, то есть, чистоплотный, человекъ не пойдетъ сюда чтобы не утонуть въ грязи. Но тѣмъ не менѣе гдѣ Ville l'Évêque, съ некотораго времени сдѣлалась весьма замѣчательною по довольно важнымъ обстоятельствамъ. Именно, въ этой безлюдной, пустынной части французской столицы основалъ свою резиденцію monsieur Guizot, человекъ, равно знаменитый въ литературномъ и политическомъ мѣрѣ; Гизо ученый, Гизо профессоръ, Гизо электикъ, Гизо нравственный философъ, Гизо министръ народного просвѣщенія и, наконецъ, Гизо министръ иностранныхъ дѣлъ. Сюда, въ этой лужѣ грязи великой историкъ и политикъ приходилъ искать успокоенія всякой разъ, какъ его увольняли, или самъ онъ освобождался, отъ тяжелыхъ трудовъ по службѣ. Здесь отдыхалъ онъ во время краснорѣчивыхъ лекцій исторіи, оглушенный громкими рукоплесканіями слушателей, и здесь же искалъ утѣшенія и отрады послѣ политическихъ неудачъ и превратностей жизни. Rue Ville l'Évêque была свидѣтельницею его юности; въ ней впервые развились его мысли и чувства; впервые его сердце забилося для радости и для печали; тутъ онъ мечталъ, любилъ, горевалъ, женился, былъ привѣржнымъ супругомъ и отцомъ, и тутъ же, наконецъ, потерялъ обожаемую супругу и ехоронилъ единственнаго сына, который подавалъ столько надежды на блистательную будущность.

Согласитесь, послѣ этого, что rue Ville l'Évêque замѣчательно по-крайней-мѣрѣ столько же какъ Фернейскій Замокъ или Tusculanumъ римскаго оратора. Несмотря на грязь и дурное освѣщеніе, каждую среду, отъ девяти часовъ вечера до полуночи и далѣе, увидите здесь множество экипажей, скопившихся около одного пункта, и этотъ пунктъ — домъ Гизо.

Что же это за домъ? Вѣрно, огромный дворецъ или пышное зданіе, отдѣланное въ новѣйшемъ вкусѣ, подъ руководствомъ знаменитыхъ архитекторовъ? Ничего не бы-

вало! Французскій министръ живетъ въ скромномъ, маленькомъ домикѣ, безъ великихъ украшеній, даже безъ востанной древней наружности. Подъѣхавъ къ нѣскимъ воротамъ, вы принуждены выйти изъ экипажа и, въ какую бы ни было погоду, шествовать пышкомъ по узкому двору, прежде чѣмъ доберетесь до квартиры Гизо, находящейся въ другомъ концѣ этого двора. Подъ воротами домика, съ лѣвой стороны, всегда является очень неинтересная особа дворника или, если угодно, швейцара, готоваго отвѣчать на обыкновенный вопросъ — «*Si M. Guizot est chez lui?*»

Лѣстница въ комнаты узка и низка: взбираясь по ступенямъ, надобно согнуться почти въ поясъ чтобы не измять шляпы или не сломать головы. Лакей, весь въ черномъ какъ «зловѣщій вранъ», спрашиваетъ объ имени и вводитъ васъ въ приемную.

Парадныхъ комнатъ у Гизо три; но изъ всѣхъ ихъ не выйдетъ и одной порядочной залы, если сломать поперечныя стѣны. Въ первой комнатѣ, въ углу, за круглымъ столомъ, председательствуетъ милая хозяйка дому, сестра Гизо, и съ радушіемъ разливаетъ чай для гостей; на столѣ, въ неэстетическомъ безпорядкѣ, разставлены сахарницы, чашки, стаканы и корзинка съ бѣлымъ хлѣбомъ. Все — просто, безъискусственно, и гость, жаждущій и алчущій суеты мірской, съ изумленіемъ видитъ, какъ мало нужно философу для счастья и спокойствія въ жизни.

Ну, да вѣдь говорить, что бѣдность — богатство мудрецовъ! И въ такомъ случаѣ, они обладаютъ большимъ преимуществомъ передъ прочими людьми, а именно, тѣмъ, что никогда не могутъ промотаться. Гизо — бѣденъ, очень бѣденъ, хотя имѣетъ прекрасныя средства и случай сдѣлаться богатымъ. Въ этомъ согласны даже его закоренѣлые политическіе враги, которые, и браня его, обыкновенно говорятъ: «Конечно, *monsieur Guizot* — честный человекъ!»

Во второй комнатѣ, куда переходятъ гости, если въ первой становится тѣсно и душно, стоитъ нѣсколько шкафовъ съ отборными и дорогими книгами. Эта комната еще меньше первой. Тутъ бываетъ два или три стула для тридцати или сорока человекъ. Здѣсь гости, не стѣсняясь присут-

ствить дамы, ведуть житою, и часто занимательный, разговоръ.

Третья, и послѣдняя, комната несколько больше, но зато еще две другъ первыя. Несколько книгъ; двѣ три картины, вѣтъ-ся ея шедевръ. Здѣсь разговоръ становится медленнее и тише: гости нестесненно прощаются съ радушнымъ хозяиномъ и спускатъ по лѣстницѣ, на которую изъ этой комнаты есть прямой выходъ.

На вечерахъ у Гизо не бываетъ ни музыки, ни танцовъ, ни пуншу, ни картъ, ни мороженого; однако жъ едва-ли во всемъ Парижѣ есть домъ, посѣщаемый съ большимъ усердіемъ чьимъ домикъ въ улицѣ Ville l'Évêque. Въ извѣстные дни, сюда съязмаются лучшее парижское общество. Намъ случилось быть здѣсь именно вечеромъ того дня, когда министерство проиграло въ палатѣ депутатовъ свое дѣло по одному политическому вопросу. Ни Гизо ни Тьеръ не были членами этого министерства: они съ самаго начала принадлежали къ оппозиціи. Дѣло рѣшилось въ среду. Вся партія поспѣшила къ Гизо.

«*Votre nom, monsieur?*» спрашивалъ чернѣй лакей при появленіи каждаго посѣтителя. Нѣкоторые давали свои визитные билеты, другіе сказывали свои имена, и лакей громко докладывалъ обо всѣхъ, растворяя дверь комнаты No 1, гдѣ сидѣли за круглымъ столомъ прелестная герцогиня de Broglie, mademoiselle de Staël, и сестра Гизо. Между-тѣмъ самъ хозяинъ стоялъ у дверей и въжливо принималъ безпрестанно входящихъ гостей.

— *Monsieur le maréchal Soult*, доложилъ лакей.

— *Eh! mon cher maréchal, comment va votre santé?*

Маршалъ поблагодарилъ и подошелъ къ чайному столу. Дамы свавали ему много привѣтствій насчетъ его величавой и мужественной наружности, и старый воинъ, въ знакъ благодарности, въ одну секунду проглотилъ чашку су-чунъ-дзи.

Доложили о Кузень.

— Чтò вы думаете обо всемъ этомъ? спросилъ мнимый философъ настоящаго философа, хозяина.

Гизо отвелъ его въ сторону, и эклектики отъ чистаго сердца смѣялись около двухъ минутъ. Провозглашеніе зна-

менитого имени Roger Collard иррадио, или, впрочем, разговора.

Ройе-Колларь, какъ известно — глава и директоръ педагогической школы, къ которой принадлежатъ Гизо и Кузенъ. Свѣлые волосы, чистая и безпорочная жизнь, везде и во всемъ добрый намъренія, глубокой умъ и острота, часто колкія, шутки, везде обращаютъ на него вниманіе общества. И въ этотъ вечеръ Колларь, какъ и прежде, сидѣлъ средоточіемъ особеннаго кружка гостей.

Герцоги, графы, маркизы, безпрестанно вѣдали одинъ за другимъ въ великодушнѣйшей мерзантивѣ, и на нѣсколько минутъ были совершенно забыты: Гизо исключительно занялся глубокомысленнымъ философомъ и естественнымъ историкомъ.

Когда свѣдѣлось саникомъ, тѣсно въ первой комнатѣ, гости постепенно стали переходить во вторую. Но Ройе-Колларь и Сульть остались на-мѣстѣ: этотъ говорилъ о чемъ-то съ дамами, а Колларь разсуждалъ съ профессоромъ правъ, Росси.

Прошло нѣсколько минутъ, — новыхъ гостей не являлось; вдругъ дверь растворилась съ шумомъ, и лакей доложилъ: «Monsieur Thiers!»

Это имя произвело ужасный эффектъ: все устремилъ глаза на маленькаго человѣчка, который вкатился въ комнату.

— Чего же вы хотите? чего же вы хотите, mon sieur Guizot? повторялъ Тьеръ голосомъ, громкимъ до дерзости.

— Торжества законовъ и порядку, спокойно отвѣчалъ Гизо.

— C'est bien! c'est bien!.... et moi aussi, продолжалъ маленькій человѣчекъ: mais.... Но сентенція потерпѣла въ громкихъ возгласахъ профессора Росси противъ буйства парижскихъ студентовъ. Скоро, однако жъ, москѣ Тьеръ съ новымъ жаромъ заговорилъ объ ошибкахъ и неспособности министерства; странно вертѣясь, и еще страннѣе пожимая плечами, онъ кричалъ: «Это глупо! это безразумно! это нелюбо! эти люди ничего не смыслятъ! все ихъ мѣры не годятся никуда,» и прочая, и прочая. Въ припадкѣ пылкости, маленькій человѣчекъ то садился, то вскакивалъ съ мѣста, то снималъ очки, то снова надевалъ ихъ, и все это

съ такою живостью, съ такой запальчивостью, что одинъ онъ нашумѣлъ и напроказничалъ въ маленькой комнатѣ по крайней мѣрѣ за сто человекъ.

Гизо старался казаться спокойнымъ и важнымъ, но видно было, что эта сцена забавляла его. «*Il faut un changement complet!*» кричалъ Тьеръ въ изступленіи: «все надобно устроить по предначертанному плану»..... и прочая. Гости молчали и съ недоувѣрчивостью слушали болтливаго оратора; нѣкоторые изъ герцоговъ и маркизовъ поспѣшно вышли въ комнату № 2, говоря: «Этотъ человекъ хочетъ все перевернуть вверхъ-дномъ!»

«*Monsieur Joffivet!*» произнесъ лакей, и въ комнату вошелъ или, лучше сказать, въбжалъ высокій, стройный мужчина, съ веселымъ и почти насмѣшливымъ видомъ. Этотъ краснорѣчивый адвокатъ и депутатъ ненавидитъ Тьера; обращаясь къ нѣкоторымъ изъ гостей, онъ довольно громко сказалъ:

— Берегитесь этого человека! Онъ когда-нибудь насъ и всю Францію вовлечетъ въ большія несчастія!

Черезъ нѣсколько минутъ тихо и спокойно вошелъ *monsieur Mauguin*. Гизо принялъ его довольно холодно. Могенъ, по наружности, принадлежалъ къ партіи Гизо, однако жъ онъ не рѣдко бывалъ и у его политическихъ враговъ. Это человекъ хитрый, пронырливый; онъ — искусный юристъ, но, въ политикѣ, ни во что не вѣритъ твердо; смотря по ходу дѣлъ, онъ приставалъ, то къ Тьеру, то къ Гизо, и теперь, по обыкновенію, пришелъ позабавиться насчетъ обонхъ. Французы съ величайшимъ легкомысліемъ готовы шутить и смѣяться о дѣлахъ своего отечества: отсюда, любовь къ новизнамъ и перемѣнамъ сдѣлалась у нихъ страстью. Могенъ въ дупь смѣется надъ всеми политическими дѣлами и преніями, и, при удобномъ случаѣ, радъ поссорить представителей противныхъ партій. Онъ съ удовольствіемъ смотритъ, какъ другіе грызутся между собой. Вскорѣ онъ вышелъ во вторую комнату, и присоединился къ шумному кругу горячихъ головъ, которыя тамъ разговаривали. Одни утверждали, что министерство устоитъ, другія, что оно непременно падетъ. «Да, да! падетъ!», сказалъ Могенъ, отчаянный любитель паденій, и исчезъ въ толпу.

— Monsieur le duc de Broglie!

Герцогъ де-Брой и двился поздне вслѣдъ. Гизо увидѣлъ его съ величайшимъ радушіемъ и важностью. Герцогъ прямо пошелъ къ герцогинѣ, которая встрѣтила его съ радостною улыбки. Если правда, что супружество, основанное на истинной любви — земной рай для человека, то можно сказать, что этимъ раемъ вполне наслаждались герцогъ и герцогиня де-Бройи. И какъ жестоко поразила его смерть обожаемой супруги! Съ этой минуты политика потеряла для него всю прелесть, и онъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ предположеній. «Я убитъ совершенно», отвѣчалъ я всѣмъ де-Бройи. Онъ жилъ только для жены, и теперь желаетъ умереть чтобы опять соединиться съ нею.

Во второй комнатѣ было тогда очень замѣчательное собраніе. Къ обществу присоединился monsieur Martel, жироудскій депутатъ и богатый владѣлецъ въ Коньякѣ, откуда получается водка, извѣстная всѣмъ благосклоннымъ читателямъ. Мартель былъ въ ссорѣ съ Тьеромъ за то, что Тьеръ противился его выбору и хлопоталъ о назначеніи депутатомъ другаго. Жюливе и Мартель безъ пощады начали бранить Тьера, но Etienne, главный редакторъ газеты Le Constitutionnel, преданный ему, принялъ его сторону, и утверждалъ, что Тьеръ — единственный, замѣчательный человекъ, какого Франція произвела въ последнее время. Emile de Girardin, издатель газеты La Presse, не соглашался съ Этьеномъ, а Могенъ, издатель du Commerce, подливалъ масла въ огонь, и хохоталъ, когда противники начинали ссориться. Monsieur de Salvandy отличался «мудрыми изрѣченіями и назидательными примѣрами», а monsieur Nismann во все время изъ подлобья смотрѣлъ на окружающихъ, и не говорилъ ни слова. Больше всѣхъ кричалъ Жирарденъ, доказывая, что пришло время принять самыя рѣшительныя мѣры для спасенія отечества. Жюливе утверждалъ, что во Франціи нужно учредить особенную контору, въ которой ученые и благонамѣренные мужи, получая хорошаго жалованья, опровергали бы всякое утро въ газетахъ все, что на-манушь наврутъ ихъ редакторы. Министръ Жюливе подало поводъ ко многимъ спорамъ, и Гизо, казавось, съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ разговору. Le

marquis de Dalmatie (сынъ Суда), жалуется, что отцу его не удалось продать казна своего собрания испанскихъ картинъ. Депутатъ Viennot, въ углу, съ жаромъ декламировалъ свои стихи, которыми онъ, кажется, жестоко возмущалъ своихъ благожелательныхъ слушателей. Графъ Jaubert разсуждалъ о *благотворствѣ*, разсказывая, какимъ образомъ осуществилъ онъ бодота въ своихъ помѣстьяхъ по плану, присланному изъ Англии, а monsieur du Martin (du Nord) слушалъ его съ величайшимъ благоговѣніемъ. Все это происходило въ комнату, которая имѣетъ, не болѣе осьми футовъ въ квадратъ. Между тѣмъ другіе гости разговаривали уже въ комнату № 3, куда и мы перешли.

Эта комната — заключеніе двухъ первыхъ. Здѣсь мѣсто прощанія многочисленныхъ гостей господина Гизо. Здѣсь молодые люди назначали другъ другу свиданія на слѣдующій день, и здѣсь же, тихомолкомъ, вдали отъ шума другихъ комнатъ, происходили важныя и таинственныя tête-à-tête, въ которыхъ полагались начала будущимъ переворотамъ. Ройе-Колларъ, Сультъ и де-Бройя сошлись вмѣстѣ. Разговору ихъ никакъ нельзя было слышать, но на прощаньи Колларъ доводило громко сказать: «Adieu, monsieur le maréchal! adieu, de Broglie!... поживемъ, такъ увидимъ.»

— Если мы еще въ состояніи видѣть, прибавилъ Могенъ, который вошелъ въ ту минуту.

Примѣчаніе Могена возбуждало общій смѣхъ, потому что въ тотъ самый день, по утру, онъ напечаталъ въ своей газетѣ: «Все доктринеры слыпы; они ничего ни видятъ.»

Такъ прошелъ вечеръ у Гизо. Въ первой комнатѣ уже никого не было; вторая тоже постепенно пустѣла, а въ третьей остались только Тьеръ и Гизо.

ВУХГАЛТЕРЪ-ДѢВНИЦА. Это также одно изъ тѣхъ чудесъ, которыя въ нашемъ вѣкѣ творятъ дѣвницы, безъ мажорнаго ущербу своей дѣвственности. А разсказано оно господиномъ Полемъ де-Мюссэ, который потвѣчаетъ за его подлинность.

Москѣ Рубергъ, одинъ изъ богатѣйшихъ антверпенскихъ купцовъ, вошелъ однажды поутру въ свою контору, съ письмомъ въ рукахъ.

— Гдѣ мой сынъ Константинъ? спросилъ онъ: какъ! уже девять часовъ, а его еще нѣтъ въ конторѣ! Чортъ возьми! сѣискать его.

Писарь пустился, какъ угорь въ воду, по улицамъ; а трѣ конторщиковъ задрожали вскивъ тѣломъ, потому что купецъ Рубергъ былъ одинъ изъ тѣхъ купцовъ-деспотовъ, которые платятъ своимъ конторщикамъ плохо, а кричатъ на нихъ громко.

— Москвѣ Константина нѣтъ дома, сказалъ, возвратясь, запыхавшійся писарь.

— Ахъ, дьявольщина!... нѣтъ дома! Богъ и его выучу не сидѣть дома!..... Извольте-ка записать товаръ по этимъ реэстрамъ, да смотрите, поаккуратнѣй!

Между-тѣмъ лицо Руберга нѣсколько прояснилось: онъ увидѣлъ изъ одного письма, что сало держится въ цѣнѣ, а на мѣню большее требованіе.

— Позвать бухгалтера, проговорилъ купецъ смяченнаго голозомъ.

— Я здѣсь, папешка, сказала молоденькая блондура дѣвушка, отворяя стеклянную дверь.

Бухгалтеромъ была мамзель Маргарита. Если есть дѣвѣцъ-кавалеристы, такъ почему жъ не быть дѣвѣцъ-бухгалтеру?... Маргарита, услышавъ голосъ отца, оставила свою приходо-расходную книгу, и готовилась отъѣхать бурю, грозившую брату ея, Константину. Старикъ Рубергъ повелъ бухгалтера въ кабинетъ, и сталъ горько жаловаться на неисправность сына. Но мамзель Маргарита начала уверять, что Константинъ пошелъ за справками на биржу, и уже нѣсколько дней прилжно занимается деломъ. Купецъ пересталъ сердиться, поцѣловалъ дочь и отлучилъ ее къ любимымъ приходо-расходнымъ книгамъ.

Кто коротко незнакомъ съ антверпенскими торговыми домами, тому трудно составить себѣ о нихъ точное понятіе. Въ Антверпенѣ нѣтъ почти ни одного дому, въ которомъ бы не ворочали милліонами. Большую часть года, начиная съ перваго января, гостинныя парадныя комнаты остаются запертыми, такъ, что если бы домохозяинъ вздумалось въ нихъ поплясать, то никто бы о томъ и не провадалъ. Семейство хозяина-негоціанта занимаетъ двѣ или три комнаты верх-

взвѣсивъ адвокатъ Константинъ. Рубергъ засталъ его на вѣсѣ. Братъ, любящійся, извернулъ шты, и собственною рукою бросилъ клочекъ въ Прозрѣвскій Капканъ.

Константинъ уважалъ отца и не осмѣлился бы явно не исполнить его воли. Онъ отказался отъ блаженства играть увертюру изъ *Каравана*, но зато, принужденный написать нѣсколько писемъ, ошибся въ адресахъ и послалъ въ Гамбургъ требованіе на партію маляги.

На слѣдующій день Константинъ отправился въ соборъ, и, замѣтивъ молодаго художника, который кодировалъ знаменитое «Снятіе со креста», сей безчеловѣчній сынъ задумалъ сдѣлаться живописцемъ. Онъ сталъ посмѣять тайкомъ отъ отца мастерскія художниковъ, и въ короткое время оказалъ большіе успѣхи. Все шло хорошо, какъ вдругъ прійди же ему фантазія нарисовать «человѣчка» на счетной оберткѣ книги, въ которую Рубергъ безпрестанно заглядывалъ. При видѣ «человѣчка», обличающаго въ рисовальникѣ большія способности, душа негоціанта подвиглась должнымъ негодованіемъ.

— Злодѣй! разбойникъ! закричалъ Рубергъ на сына: развѣ ты хочешь, негодный мальчишка, вогнать меня въ гробъ? Какъ! ты, на моей счетной книгѣ, задумалъ писать «человѣчковъ»? отвлекать отъ работы конторщиковъ, которымъ плачу чортъ-знаетъ какія деньги!... Да это, просто, раззоренье! совершенное раззоренье да и только!

И если бы Рубергъ могъ заплакать, то непременно бы зарыдалъ. Къ счастью, ему надобно было поторопиться отправленіемъ писемъ на почту: но ввечеру, злополучный отецъ не оставилъ осмотрѣть комнату сына. И, о Боже! что же нашелъ тамъ? Портфель рисунковъ, гравюръ и ящикъ съ красками!... Все это полетѣло въ каминъ, и на этотъ разъ не укрыться бы Константину отъ жесточайшаго нагоняю, если бъ не Маргарита, которая кое-какъ сумѣла смягчить справедливымъ, ужаснымъ гнѣвъ отца. Миръ между старикомъ Рубергомъ и Константиномъ былъ заключенъ на томъ условіи, что послѣдній займетъ покуда мѣсто одного изъ конторщиковъ, у котораго заболѣли глаза.

Неслы. страсти: съ музыкою и танцами; онъ Константинъ назвалъ страсть путешествовать; ему прямо заштыглося поглядеть на Парижъ. Сестра, которой еще отъ дѣтства свѣтъ мѣрение, посоветовала ему притвориться, хоть до надобно, прилежнымъ и внимательнымъ, и потому предложилъ ему отправить его, во Францію, въ званіи простаго повара ннаго. Сказано, сдѣлано: Руберъ согласился и подождя сдну жалованья по пятнадцати франковъ на день. Едва новый повѣренный - путешественникъ прибылъ въ Парижъ, какъ и обзавелся славною квартирой, отличнымъ экипажемъ и премиленной пріятельницей. Въ Парижъ нашлись жида, знавшіе объ огромномъ состояніи Константина отца, и давали ему въ займы сколько душъ угодно. Въ Антверпенъ не было о немъ ни слуху ни духу, словно кануль въ воду. Одинъ изъ должниковъ старика Руберга пришелъ въ упадокъ, и отдалъ ему за долгъ мыловаренный заводъ въ Виллетъ. У Константина была отцовская довѣренность: онъ продалъ мыловарню за пятьдесятъ тысячъ франковъ, и прокутилъ ихъ до *non plus ultra*. Старикъ Рубергъ поскакалъ въ Парижъ, схватилъ сына за уши, и привезъ обратно въ Антверпенъ. Но денегъ были уже истрачены, старикъ пролежалъ недѣли три въ горячкѣ, и едва не умеръ.

Маргарита оставила свои приходы-расходы, чтобы ухаживать за больнымъ. Константинъ, у котораго, впрочемъ, было доброе сердце, страдалъ отъ раскаянія. Въ это время, нкто Кемпернессъ, очень богатый купецъ, предвидя, что Рубергъ не жилецъ на свѣтъ, сталъ приволакиваться за дѣвицей - бухгалтеромъ. Не прочь былъ бы и Рубергъ, да вѣдь надобно дать приданое!

— Папешка! сквозь слезы говорила Маргарита: не нуждайте меня разставаться съ моими приходо-расходными книжками. Я не хочу замужъ. Мосье Кемпернессъ торгуетъ съ Гаванною; а я не знаю по-испанскі; притомъ, вы возьмете бухгалтера, который можетъ-быть станетъ писать приходъ и расходъ *круглыми* почеркомъ, а вѣдь я вѣчно писала *английскимъ курсивомъ*. Онъ не возьметъ; какъ я, тысячи двухъ сотъ франковъ, и еще будетъ львниться.... Выйдешь замужъ, пойдутъ дѣти; ихъ нельзя будетъ дер-

жаль въ Лондонѣ; журавльи девять. и Бѣгъ, шапешки, право, а до хѣчу задрать.

— Не вѣсть, душешаи, и оставиши въ двѣухахъ сколько угодно; отпочалъ Рубергъ.

Константинъ, рассказываясь, что былъ причиною болѣзни отца; принялъ рѣшительное намѣреніе утѣшать старика, и, что называется, прислѣлъ за дѣло; но, правду сказать, изнывалъ со скуки и видимо худѣлъ. Въ домъ Руберга было такое обыкновеніе, что къ концу года все принимались за усиленную работу, такъ, чтобы къ тридцать первому декабря все счеты были совершенно очищены. Константинъ, въ порывѣ усердія, садился за счетныя книги съ осьми часоу утра и не вставалъ до полуночи. Тридцать перваго декабря онъ занемогъ и умеръ.

Старикъ Рубергъ былъ ужасно огорченъ смертью сына, потому что питалъ надежду увидѣть его современемъ истиннымъ негоціантомъ. Теперь эта надежда разлетѣлась въ прахъ; но купцамъ нѣтъ времени долго печалиться: черезъ полгода онъ утѣшился. Что касается до Маргариты, то она прогоревала круглый годъ, — годъ достопамятный въ мѣстописяхъ торговаго дому Викентія Руберга, потому что въ бухгалтерскихъ книгахъ нашли ошибку въ одномъ итогѣ, и чернильное пятно на которой — то страницѣ. Но время — великій утѣшитель!

Однажды случилось, что сынъ богатаго лондонскаго купца пришелъ помучить изъ конторы Руберга пять тысячъ флориновъ, по переводному письму. Этотъ молодой человекъ путешествовалъ для своего удовольствія, и замѣтивъ Маргариту, которая, съ перомъ за-ухомъ, прошла по конторѣ, гдѣ онъ расписывался въ полученіи денегъ, попросилъ чтобы объ немъ доложили самому Рубергу.

— Любезнѣйшійи мосьё Рубергъ, сказалъ Англичанинъ антверпенскому кушцу: вы вѣдь знаете состояніе моего отца; онъ, ужъ по-крайней-мѣрѣ, не меньше вашего. Ваша дочь мнѣ понравилась. Если вы не прочь выдать ее за меня, такъ я не потребую приданаго, не спрошу ни одной копѣйки. Женюсь, и довезу жену съ собой въ Италію, а оттуда въ Лондонъ.

Рубергъ возль двѣдѣля на разъясненіе и предложенъ въпросъ на разрѣшеніе дочери. Женяхъ притѣвлясь Маргаритъ и она согласилась, но только на нѣсколькихъ условій, изъ которыхъ мы приведемъ сѣдѣя поминя : будущій супругъ долженъ, возвращаясь изъ Итали въ Лондонъ, захватъ въ Антверпенъ, затѣмъ чтобы доставить Маргаритъ удовольствіе еще разъ взглянуть на ея прихода - расходныя книги и еще разъ подвести общій итогъ; вольно ей, Маргаритъ, однажды каждый годъ посылать отца, для облегченія ему труда въ расчетахъ; и, кромѣ - того, будущій тестъ Маргариты обязывается прислать Рубергу своего бухгалтера, а на его мѣсто взять ее, Маргариту, *противу чего* она обязывается вести его прихода - расходныя книги, какъ надлежитъ и подобаетъ почтительной и преданной невесткѣ.

Карль Вигманнъ, изъ дому Wigmann Agrow and son, принялъ предложенныя условія, дѣло кончено, и черезъ три недѣли свадьбу отпировали. Маргарита обняла отца, заплакала надъ своими прихода - расходными книгами, и отправилась съ мужемъ въ Италию.

Что прикажете дѣлать съ натурой, съ врожденными наклонностями!... Константинъ Рубергъ родился съ стремленіемъ къ художествамъ, удовольствіямъ и путешествіямъ, принялся за счетныя книги и умеръ. Маргарита, напротивъ, лишь-только разсталась съ ними, стала тосковать, и лишь увидѣла красоты природы и подышала чистымъ воздухомъ, стала чахнуть. Проѣзжая Симплономъ, она впадала въ глубокую меланхолию; видъ памятниковъ Рима повергъ ее въ неизъяснимую печаль, а живописныя мѣстоположенія Апеннинъ, совсѣмъ разстроили ея здоровье.

Надобно жъ было случиться, чтобы въ это путешествіе дошло до Маргариты убійственное извѣстіе : отецъ ея, *по поводу* банкротства одного торговаго дому, потерялъ четыреста тысячъ франковъ, и до того упалъ духомъ, что ужъ хотѣлъ обратить въ чистыя деньги свой остальной капиталъ, — бездѣлицу, милліоновъ пять или шесть, и штъ въ конторщики, на жалованье тысячи по полторы франковъ въ годъ. Къ счастью, Маргарита успѣла написать ему пись-

мо, и сообщить объ одной спекуляціи въ Венеціи, на которой можно было возратить утраченное.

Къ довершенію Маргаритиныхъ выдѣлѣй, мужъ ея, вмѣсто-того чтобы тридцать перваго декабря быть въ Амстер-пенѣ, объявилъ, что проживетъ всю зиму въ Неаполѣ. Тутъ уже все остальное мужество оставило несчастную швицстрессъ Вигманнъ; лицо ея поблѣднѣло, щеки ввали. Наконецъ, ин-стеръ Вигманну вздумалось войти на Везувій. Тщетно Мар-гарита убждала мужа не брать ея съ собою; онъ настоялъ на своемъ, и Маргариту понесли въ носилкахъ. Съ верши-ны Везувія ей открылся великолѣпный видъ; но она вспо-мнила про свои приходе-расходныя книги, и упала въ обмо-рокъ. Ей показалось, что цѣлые пуды мыла и сала лежать на ея груди, что тюки хлопчатой бумаги танцуютъ передъ ней балетъ, — она не вынесла, и скончалась.

Нѣтъ сомнѣнія, что старикъ Рубергъ не перенесъ бы по-тери дочери; но, къ счастью, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ ея кончинѣ, къ нему пришло судно изъ Америки, нагру-женное золотиноснымъ пескомъ, который онъ продалъ съ барышемъ тридцати процентовъ на сто. Это обстоятельство спасло ему жизнь и пролило цѣлебный бальзамъ на раны сердца; Вакентій А. Ж. Ф. М. Рубергъ былъ такой эгоистъ, что печаль стекла съ него какъ съ гуся вода. Онъ умеръ осьмидесяти четырехъ лѣтъ, самъ не зная всего своего бо-гатства, и передъ смертію не забылъ пообѣщать своимъ кон-торщикамъ, что на этихъ дняхъ всѣхъ ихъ пристрантъ.

ПЯТНО НА ПЛАТЬѢ. *Рассказъ господина Массона.* Въ одинъ изъ тѣхъ ненастныхъ, дождливыхъ дней, когда пас-мурный Парижъ закутывается въ скучный плащъ, моло-дой паренъ лѣтъ двадцати, торопливо шелъ по улицѣ Сентъ-Аннъ. Антонъ-Фаржо не уступалъ въ неутомимости доброй лошади, но на этотъ разъ ему хотѣлось бы отдохнуть. Его утомило трудное искусство идти рядомъ съ молодою дѣ-вушкой и то и дѣло защищать ее отъ дождя тяжелымъ зонтикомъ. Дѣвушка была не въ духъ и безпрестанно сбивалась съ дороги. Бѣдняжка украдкой о чемъ-то плакала. — Куда ты, Роза-Марья? говорилъ молодой человекъ, едва переводя дыханіе: смотри, вѣдь ты прямо подъ жолобомъ.

— Ахъ, я да не вѣдѣть тебѣ, секретъ-то мой! Да и чѣмъ ты такъ задумалась? — Я думаю, а своей бѣдѣ.

Такъ разговаривали молодые люди. Девушка всё болѣе и болѣе приходила въ отчаяніе, и добрый Антонъ Фаржо напрасно вѣстовать все красноречіе, чтобы утѣшить печальную сиротенку. Наконецъ, забившикъ изъ силъ, онъ вынулъ платокъ и сталъ обтирать потъ съ лица; въ эту минуту всё случилось единѣ ночь сонливости.

— Стало-быть; мы пришли, сказала Антонъ, разстиравъ померъ доми.

— Да, пришли, отвѣчала Роза-Марья, поднявъ глаза къ небу, какъ-бы испрашивая мужества для предстоящаго подвига.

Раздался бой городскихъ часовъ....

— Дождикъ пришелъ: Ступай домой; Антонъ!

— Нѣтъ, я подожду тебя здѣсь. Хочу знать, какъ тебѣ приметъ барыня.

— Охъ, ужъ молчи! я враній дрожу. Что-то скажетъ она, когда увидитъ, какъ испортили ея платье?

— А почему врать? можетъ-быть, все сойдетъ съ рукъ какъ-нельзя лучше.....

— Ну, а если велитъ мнѣ заплѣтить, какъ говорили въ мастерской? что тогда будетъ со мной, Антонъ?

— Увидимъ..... можетъ-быть и найдется оредство уладить дѣло. Для этого нужно сперва подумать, да подумать хорошенько, а потомъ..... да вѣдь это, авось, не слишкомъ дорого!

— Двѣнадцать аршинъ шелковой матеріи по двадцати франковъ! Бездѣлица!..... Боже мой! я пронала!

И бедняжка опять принялась плакать. Добрый Фаржо сталъ втѣшкъ. Долго ломалъ онъ голову, какъ бы утѣшить печальную девушку.

Въ эту минуту къ воротамъ дома подъехала карета.

— Вотъ и она! съ ужасомъ вскричала Роза-Марья, бросивъ быстрый взглядъ въ окно кареты. Это сама мадамъ Ланвиль!

Антонъ не успѣвъ опомниться отъ изумленія, какъ Роза-Марья уже исчезла. Робко пробралась она около стѣны къ лѣстницѣ, а оттуда къ дверямъ. Ланвиль выходила изъ

карты. Честный расселенникъ отъ всего сердца пожеласть успѣху бѣдной дѣвушкѣ, и, съвѣрь перель дохнуть на свѣтѣ-ку, рѣшился ожидать ея возвращенія.

Молодая, прекрасная женщина, почти робкою только что вышедшій изъ кабинета, и къ то же время замужняя женщина, которая ничуть не удивилась, то въ актрис шумной толпы, то въ безвольномъ удивленіи, женщина, которой нравятся все и ничего, вотъ кто была Марья-Лаура Ланвиль. Она ласково кивнула головой трепещущей дѣвушкѣ.

— Ну, вотъ и платье, долго заставили меня дожидаться, сказала Ланвиль.

Такое начало ничто не предвѣщало добраго для испуганной дѣвушки. Съ поникшею головою и съ заплаканными глазами, Роза-Марья шла за ней въ спальню.

— Покажите платье : оно должно быть прелестно.

Роза-Марья чуть не упала въ обморокъ: Не помня себя отъ страху, она сложила накрестъ руки, какъ-бы готовясь просить о помилованіи. Въ эту минуту передникъ онустился, и рековое платье вышло на доверь.

— Что съ тобой, моя милая? ты совсѣмъ одурѣла? сказала Марья-Лаура, не-шутя испуганная отчаяннымъ движеніемъ молодой дѣвушки.

— Вотъ оно, сударыня..... но не сердитесь на меня..... я и безъ-того чуть не умерла съ горя!

Роза-Марья наклонилась чтобы поднять платье, но ея ноги подкосились, и бѣдная швея упала на колѣни.

— Да что такое случилось? сказала вышедшая изъ терпѣнія мадамъ Ланвиль. О чемъ ты такъ плачешь? Платье испортили? Что за бѣда! Тебѣ моя милая, видно, рассказали, что я слишкомъ зла : это вовсе не правда. Есть изъ-чего сердиться! Встань и не плачь.

Дѣвушка нѣсколько оживилась, встала, подняла съ полу платье, и, развертывая, старалась поднять его какъ-можно выше, чтобы прикрыть имъ свою вишу, выражавшуюся на заплаканной лицѣ.

Вдругъ, къ величайшему изумленію Розы-Марьи, послышался легкій хохотъ Лауры. Какъ гора, свалилось съ

плечъ гдѣ образованной швей: она, не дождавшись счастливого оборота, она медленно спустила плащъ и, съ робостью по-смотрѣла на мадамъ Ланшамъ.

— Что тутъ случилось; сударыня, извольте посмотреть: вѣдь платье-то все залито ламповымъ масломъ, сказала наконецъ Розъ-Марья, и начала поворачивать его на все стороны. Вѣдь можно подумать; что это нарочно сдѣлано! Ни одного подолжника не уцѣлело; масло вездѣ такъ и вылилось.

И было о чемъ горевать Розъ-Марьи: драгоценная матерія дѣйствительно вся была облита ламповымъ масломъ.

— Жаль немножко, сказала Марья-Лаура, матерія мнѣ довольно нравилась и фасонъ прекрасенъ. Ну, да всё-таки бѣда не велика: мужъ, кажется, не любитъ этого цвѣту. Расскажи мнѣ лучше, какъ все это случилось.

— Ахъ, сударыня, какой бѣды не случится отъ страху!... Я во всемъ признаюсь вамъ, за то, что вы такъ милостивы ко мнѣ, и два горя разомъ спадутъ съ моего сердца.

Двѣ недели назадъ провела я воскресенье въ одномъ домѣ, куда по праздникамъ собирается молодежь швей. Одна изъ ученицъ нашей мадамъ измалась познакомиться всеня съ этими дѣвушками, и онѣ приняли меня такъ ласково, что я не видѣла, какъ пролетѣло время. Въ восемь часовъ вечера, я была еще у своихъ новыхъ подругъ, и совершенно забыла, что давно пора идти домой, а въ магазинъ у насъ, какъ вы знаете, въ девять часовъ уже всѣ дѣвушки ложатся спать. Наконецъ мы съ Луизой, — вѣдь я кажется говорила, что она меня привела въ этотъ домъ? — простились съ добрыми дѣвушками, и изю всей ночи побѣжали домой. Вдругъ, почти передъ самымъ магазиномъ, пришло мнѣ въ голову, что я цѣлую неделю не видалась съ батюшкой. Мнѣ стало стыдно и совѣстно. «Ничъ, думала я, хоть и позде, а надобно увидѣться съ нимъ; пусть ругаетъ меня мадамъ, а я непременно найду къ нему.» Ступай одна, сказала я Луизѣ, а я на минуту забуду къ батюшкѣ... И вотъ, изъ всѣхъ силъ пустилась я бѣжать къ Новому Мосту, гдѣ живетъ добрый Викентій, то есть, мой отецъ, сударыня. Батюшка былъ дома, и уже начиналъ сердиться, что такъ

давно не была у него; и хорошо, что я пришла, нето быть бы бѣть. Онъ такой сердитый; сударыня: всякая малость его бѣситъ; впрочемъ, онъ очень меня любитъ. Недолго я пробыла у него, медлить было некогда: въ магазинъ меня дожидались ужинать. Два три слова, два три поцѣлуя, и я простилась съ батюшкой. Я такъ торопилась домой, что даже не позволила проводить себя Антону, надѣясь одна добѣжать скорѣе..... а мосьё Антонъ, сударыня, внучка нашей сосѣдки, мадамъ Гранъ-Шанъ; онъ всегда по воскресеньямъ провожаетъ меня въ магазинъ. Теперь я не взяла Антона, и сдѣлала очень дурно, какъ вы сейчасъ увидите. Лишь-только вышла я изъ дому, какъ слѣдомъ за мной пошли трое мужчинъ; я перешла на другую сторону, они тоже; я въ переулочкъ, и они въ переулочкъ. Сначала я-было думала, что они хотятъ меня поугаить; но не тутъ-то было: на мосту эти сорванцы окружили меня со всехъ сторонъ, и я не знала какъ отъ нихъ отдѣлаться.

«Пожалуйста, господа, говорила я имъ, оставьте меня! Я васъ не знаю; меня давно жлуть дома; вы не хорошо дѣлаете, господа.» Дальше ужъ я не помню, что говорила; только дерзкіе и не думали отстать отъ меня и во все горло хохотали надъ моею просьбой. Мостъ былъ пустехонекъ, и позвать на помощь было некого. Наконецъ одинъ изъ негодяевъ схватилъ меня за руку; я, почти полумертвая отъ страху, сдѣлала такое отчаянное усиліе, что чуть не сбила съ ногъ дерзкаго наглеца. Не давъ ему опомниться, я побѣжала на противоположный тротуаръ. Этимъ опасность не кончилась. Негодяи еще больше стали приставать ко мнѣ. И, на тотъ разъ, хоть бы одна растворенная лавочка! Наконецъ, я совершенно выбилась изъ силъ; духъ захватило, голова закружилась, и я не знаю, добѣжала ли бы до конца улицы, гдѣ виднѣлся огонекъ и ходили толпы гуляющихъ. А представьте, сударыня: сорванцы были такъ близко, что могли даже говорить мнѣ на ухо!

Наконецъ, я уже-было рѣшилась броситься на колѣни и просить у нихъ пощады, какъ вдругъ, изъ узкаго и темнаго переулочка, показался мужчина, который шелъ прямо намъ

навстрѣчу. Опрометью бросилась я къ незнакомцу и закричала : «Ахъ ! это ты, братецъ : зачѣмъ же ты такъ долго не шелъ?» Богъ мнѣ, сударыня, послалъ эту мысль; безъ добраго незнакомца я не знаю, что бы со мной случилось. Приведенная въ совершенное изнеможеніе, я упала въ обморокъ и только черезъ четверть часа открыла глаза. Незнакомецъ перенесъ меня въ кондитерскую и обливалъ мою голову померанцовою водою.

«Это моя сестра, говорилъ онъ окружающей толпѣ : я опоздалъ проводить ее, и бѣдняжка чуть не попала въ руки мошенниковъ.» Эти слова привели мнѣ на память, то что случилось. Не нужно спрашивать, сударыня, стыдно ли мнѣ было видѣть себя, посреди множества народу, предметомъ попеченій неизвѣстнаго молодаго мужчины, который называлъ меня *ты*, какъ свою сестру. «Ахъ, Боже мой! думала я съ ужасомъ: вѣдь и я должна называть его братомъ, чтобы не открыть невольнаго обману!» Но честный незнакомецъ избавилъ меня отъ затрудненія. Прийдя въ себя, я встала и сказала великодушному покровителю, что время идти домой. Это была очень непріятная минута для насъ обоихъ. Въ кондитерской требовали денегъ за полъ-бутылки померанцовой воды, а у моего покровителя, такъ же какъ у меня, не было вовсе денегъ. Онъ говорилъ, что позабылъ кошелекъ дома, и я бы отъ души этому повѣрила, если бы названный братецъ не вздумалъ въ этомъ случаѣ сослаться на мое свидѣтельство. «Вѣдь ты знаешь, сказалъ онъ, этотъ зеленый кошелекъ, что сегодня оставилъ я на столѣ?» — Не безпокойтесь, сказала хозяйка кондитерской, принимая участіе въ моемъ положеніи : вашъ братецъ когда-нибудь принесетъ мнѣ этотъ долгъ, а теперь вотъ возьмите еще пять франковъ, и наймите фіакра до вашего дому; вы такъ слабы, и, вѣрно, не можете идти пѣшикомъ. — Незнакомецъ долго отговаривался отъ великодушнаго предложенія доброй женщины; наконецъ, уступая неотступнымъ ея требованіямъ, онъ согласился взять, но не больше, какъ сколько нужно было для найму фіакра.

— Такъ ты, голубушка, изволила отправиться въ фіакрѣ съ первымъ попавшимся мужчиной? сказала мадамъ Ланвилъ довольно строгимъ тономъ, одушевленной рассказницѣ.

— О, нѣтъ! сударыня, хотѣ я была еще довольно слаба, однако жъ твердо рѣшилась итти пѣшкомъ; ктому жъ.... извозчикъ былъ не нуженъ: добрый незнакомецъ почти несъ меня на рукахъ! Когда мы остались на улицѣ одни, молодой человекъ разсказалъ мнѣ, что гонителя мои были столько же подлы какъ и безстыдны. Лишь-только задвинули они его, какъ со всѣхъ ногъ пустились бѣжать въ разныя стороны. Немолодеку отъ магазина, я попросила незнакомаго оставить меня, но онъ непремѣнно хотѣлъ проводить до самаго магазина.

«Мнѣ должно совершенно увѣриться въ вашей безопасности, говорилъ онъ, чтобы имѣть право сказать себѣ, что и я еще полезна въ этомъ мѣрѣ.» Не могу выразить, сударыня, какое впечатлѣнiе сдѣлали на меня эти слова. О! слишкомъ много горя должно быть у этого юноши! Онъ скрытъ отъ меня свое горе: но мнѣ всё-таки его жаль!..... Да какъ и не жаль? Вѣдь онъ спасъ меня отъ величайшей опасности.

Роза-Марья устремила робкiй и вопрошающiй взглядъ на свою слушательницу. Лаура кивнула головой въ знакъ одобренiя и успокоила разсказчицу.

— Я знала напередъ, что вы будете со мной согласны. Ну, такъ видите, мнѣ стало очень жаль бѣднаго юношу; подумавъ немножко, я сказала ему:

— Ваше покровительство было для меня очень полезно: безъ васъ я умерла бы со страху.

— Въ такомъ случаѣ мы другъ другу обязаны жизнью, отвѣчалъ молодой человекъ такимъ трогательнымъ голосомъ, что я вся задрожала. — Да, продолжалъ онъ, если бы я васъ не встрѣтилъ, меня не было бы на этомъ свѣтѣ!

Когда онъ произносилъ эти слова, я такъ сильно стукнула въ дверь магазина, что сама испугалась и вскрикнула. Благодаритель мой съ безпокойствомъ подбѣжалъ ко мнѣ, предполагая, что я ушиблась. Но, повѣрите ли, сударыня, въ эту минуту напала на меня такая дурь, что я какъ сумасшедшая вбѣжала въ растворенную дверь, и, захлопнувъ ее за собой, позабыла даже въ знакъ благодарности поклониться спасителю моей жизни.

— Но я всё еще не вижу, моя милая, отчего ты зашачкала мое платье.

— А вотъ сей часъ узнаете, сударыня. Страхъ обидать мною въ этотъ же самый вечеръ, когда я осталась одна въ своей комнатѣ. Раздвываясь, я замѣтила, что на мнѣ не было голубаго бантика, къ которому приколата была моя юбка, а между-тѣмъ по утру я очень крѣпко пришила его къ платью, и очень хорошо помнила, что бантъ былъ на своемъ мѣстѣ, когда прощалась съ новыми подругами. Не могъ онъ также пропасть и въ то время, какъ гнались за мной недобряи, потому что я не выпускала его изъ рукъ. Стало-быть бантъ похищенъ во время моего обморока, и этотъ похититель.... Оно.... конечно, я ошибаюсь.... да и нѣтъ ни какого сомнѣнiя, что ошибаюсь.... а всё-таки мнѣ такъ и льзетъ въ голову, что бантъ именно похищенъ молодымъ человѣкомъ, который былъ ко мнѣ такъ великодушень.... Ну, вотъ, сударыня, съ этихъ именно поръ я всегда какъ въ лихорадкѣ. Конечно, голубой бантикъ вещь пустая: но всё-таки было бы лучше, если бы онъ просто пропалъ. Молодой незнакомецъ не выходитъ у меня изъ головы; я его вижу и во снѣ и наяву, и мнѣ безпрестанно здается, что онъ прїидетъ къ намъ въ магазинъ; и вотъ, когда кто отворитъ дверь, я вся вздрогну и не смѣю поднять глазъ, какъ-будто онъ передо мною. Мадамъ то-и-дѣлю бранить меня, дѣвушки смѣются и перешептываются на мой счетъ: но что прикажете дѣлать... при всемъ старанiи, я ни какъ не могу успокоить себя. И если бы вы знали, сколько дурачества дѣлала я при этомъ глупомъ страхѣ! Не проходило дня, чтобы я чего-нибудь не испортила. Вчера вечеромъ, когда кто-то зазвонилъ въ колокольчикъ сильнѣе обыкновеннаго, я сдѣлала такой прыжокъ на стулъ, что загасила лампу и нечаянно опрокунула ее на драгоцѣнную матерiю. Вотъ какимъ образомъ, сударыня, испачкано ваше платье. Вы видите, что я виновата, но не менѣе достойна сколько-нибудь и сожалѣнiя.

Лаура совѣтовала ей выбросить изъ головы дѣтскiй страхъ и прибавила, что благодѣтель ея вѣрно давно уже забылъ объ ней.

Роза-Марья думала: она уверена, что уже горела, а не дожидаясь дождя, какъ: вдругъ она почувствовала, что кто-то зовётъ. Она оглянулась и увидѣла Антона Фарждъ, который во все время дождался ея сидя на скамейкѣ у вероты.

— Ты что долго запропастилась, Роза-Марья?

— Какъ, Антонъ! ты еще здѣсь?

— Да куда жь мнѣ идти безъ тебя? Ну, что, какъ обошлось дѣло?

— Хорошо. Варьяга такая добрая!.... простила меня.

— Вотъ, вѣдь я правду говорилъ, что все сойдетъ съ рукъ. Поиду теперь въ лавку; дождя нѣтъ больше, и ты спокойна: тебя на-право, мнѣ на-дѣво. Прощай: отецъ твой ничего отъ меня не добьется.

Антонъ Фарждъ радовался, какъ храбрый солдатъ послѣ победы, и, насвистывая веселую пѣсню, отправлялся во-своихъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. I. La Favorite, Фаворитка, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, господъ Rouget и Haub, музыка Доминетти.

Эта опера была написана для театра de la Renaissance. Оперный театръ за недостаткомъ новой партитуры купилъ ее, и вотъ отчего онъ далъ сряду двѣ оперы Доминетти. Сюжетъ заимствованъ изъ повѣсти Сервантеса. Около 1340 года, жилъ одинъ кастильскій король, знаменитый въ исторіи тѣмъ, что онъ никогда не существовалъ. Онъ страстно любить прекрасную Леонору и храбро воюетъ съ Маврами. Молодой студентъ, Фернандо, готовится произнести обътъ безбрачной жизни, но вдругъ видитъ хорошенькую женщину и отказывается отъ объту. Онъ кается въ своей страсти къ прекрасной незнакомкѣ и, однако жъ, не слушался отеческихъ совѣтовъ отца Балтазара и не пугался его страшныхъ предвѣщаній, съ гитарою въ рукахъ преслѣдуетъ сказанную незнакомку по землямъ христіанскимъ и странамъ невѣрнымъ. Вы скорѣ встрѣчаете его на берегу острова Лсона, посреди роя прекрасныхъ дѣвицъ, составляющихъ свиту таинственной

красавицы. Фернандо приобрѣлъ любовь ея, но Фелиса не имела ни званія своей любовной. При впадѣннѣхъ свиданій онъ предлагалъ ей свою руку. Чтобы исполнить это признаніе, но все тщетно: она не признается ему ни въ чемъ кромѣ любви своей. Вдругъ приходитъ король, и незнакомка удаляется, оставивъ въ рукахъ Фернандо записку: незнакомка проситъ, чтобы любезный студентъ принялъ чинъ капитана, который она ему выхлопотала, отправился на войну и сдѣлался достойнымъ ея сердца.

Фернандо, исполненный энтузіама и надеждъ, отдается на войну; какъ водится, онъ дѣлаетъ чудеса храбрости и спасаетъ короля отъ смерти. Послѣ чего и кастильскій государь, человекъ, впрочемъ, женатый, отдыхаетъ отъ воинскихъ трудовъ въ объятіяхъ прекрасной Леоноры, которая Леонора и есть таинственная владычица сердца Фернандо: поэтому не мудрено, что она не хотѣла сдѣлать ему своего имени! Король, влюбленный больше чѣмъ когда-нибудь, кочетъ развестись съ женой и жениться на Леонорѣ; но одинъ придворный, чтобы погубить фаворитку, показываетъ его величеству любовное письмо къ ней, которое онъ унесъ у ея подруги Инесы. Король узнаетъ руку Фернандо и, разумется, сердится; но, чтобы кончить дѣло, онъ соглашается разводомъ и женитьбою. Да вотъ беда: папа грозитъ ему, за такой соблазнительный разводъ, отлученіемъ отъ Церкви. Король принужденъ отказаться отъ своего намѣренія и хочетъ уже выдать Леонору за Фернандо, но гордый юноша, узнавъ, что она занимала мѣсто фаворитки, отказывается отъ руки ея. Онъ возвращается къ отцу Бальтазару. Леонора, блѣдная, исхудалая, больная, преслѣдуетъ Фернандо глубокими вздохами, прощаетъ его жестокою гордостью и умираетъ.

Музыка легка, очень мила и часто прелестна, какъ обыкновенно у Доницетти. Лучшее мѣсто въ ней каватина — *Pour tant d'amour ne soyez pas ingrate*: она возбудила при первомъ представленіи громкія, восторженные рукоплесканія.

2. *Le Comte de Mansfeldt*, *Графъ Мансфельдтъ*, мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, господина *Royer*.

3. *Ralph le Bandit, Bandes Vallées, или Сынъ — норбергскій подземелья*, кража и кляти действитель.

Два отчаянные мелодрамы, потопленные кровью и ладомъ. Первая съдлана самимъ авторомъ изъ занимательной но нелюбимой повести, «Графъ Мансфелдтъ», которую вся любители этого роду литературы вѣроятно читали нынѣшнимъ лѣтомъ въ *Revue de Paris* или въ отдѣльномъ брюссельскомъ изданіи; вторая — чудесная, истинная мелодрама, великолѣпное столпотвореніе ужасовъ, кинжаловъ, пистолетовъ, воровъ, мертвецовъ, подземельевъ, такая мелодрама, что, право, жаль было бы не рассказать вамъ ея. Извольте видѣть въ чемъ дѣло.

Ральфъ, урожденный воръ и разбойникъ, женился да того чтобъ быть женою. Онъ бѣдетъ жену, продастъ сына, похищаетъ цѣлымъ грузъ пистолетовъ, кинжаловъ, набираетъ шайку добрыхъ разбойниковъ, и ведетъ ее въ горы. Двѣсти выстрѣловъ изъ пистолетовъ. Убиваютъ путешественниковъ. Уносятъ ихъ въ сенъ-норбергскія подземелья. Дерутся на шпагахъ : кликъ, клакъ! — кликъ, клакъ! Крадутъ бумаги, крадутъ платье. Перерядившись такимъ образомъ, Ральфъ явлется къ отцу прекрасной Кристины, чтобы получить отъ него два милліона. Милліоновъ нѣтъ дома : осталась только рука прекрасной Кристины. За немалымъ лучшимъ, Ральфъ беретъ руку прекрасной Кристины. Ральфъ вызываетъ молодого полковника Густава на дуэль. Густавъ отправляется одинъ на условленное мѣсто, а Ральфъ идетъ съ невестою въ церковь : тамъ извая Берта узнаетъ его и падаетъ въ обморокъ. Ральфъ взырметъ мадамъ Берту попеченіямъ своего адъютанта Роландо, и Роландо уноситъ Берту въ сенъ-норбергское подземелье. Пьютъ аракъ, поютъ заворные пѣсни. Попивъ и поивъ, помощникъ атамана начинаетъ учить свою шайку : скорымъ маршемъ, маршь, маршь!... лъвой, правой, лъвой, правой! Мадамъ Берту бросаютъ въ уголь, и въ то самое время приносятъ молодого полковника Густава. Ральфъ приходитъ, и снова предлагаетъ полковнику драться; но полковникъ отказывается, и полковника сажаютъ въ подземелье. Въ подземельи полковникъ встрѣчается съ Бер-

тому: они вступаютъ въ разговоръ и слышать, что въ комнату мертвыиъ что-то вдымается. Это одинъ изъ мертвецовъ, который еще не совсѣмъ умеръ. Полковникъ, надобно знать, не знаетъ своихъ родителей. Мертвецъ, не совсѣмъ умершій, объясняетъ очень обстоятельно, какимъ образомъ и за что мадамъ Бертъ надлежитъ быть матерью полковника Густава: что касается до отца, то мертвецъ не хочетъ назвать его, изъ уваженія къ живымъ. Разсказать все это, мертвецъ, не совсѣмъ умершій, умираетъ кругомъ, невооруженно, и въ то же время потухаетъ лампа къ подземелью. Ни зги не видно. Полковникъ лзаетъ въ темноту къ своду и ломомъ пролагаетъ въ немъ такую дыру, что луна входитъ. Хорошо! Между-тѣмъ Ральфъ собирается жениться на прекрасной Кристинѣ, которой совсѣмъ за него не хочется: да дѣлать нечего. Вдругъ является полиція. Къ ружью, къ ружью!... тра, та, та, тра! шель, пасть! кликъ, млякъ! Ральфъ падаетъ и умираетъ. Порокъ показанъ; дроблетель выражена въ часъ за полночь.

Какова мелодрама? Вѣдь хороша! Вотъ еще мелодрама:

4. *Le Docteur de Sainte-Brice, Докторъ Сентъ-Брисъ*, мелодрама въ двухъ дѣйствіяхъ, братьевъ *Congnard*.

Но эта мелодрама такая скучная; такая блѣдная, что и лдъ въ ней не моритъ, а только усыпляетъ; мелодраму мимо: зато разснажу вамъ два хорошенькихъ водевилля.

5. *Cicily, Сисилл, или Влюбленный левъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господина *Скриба*.

Этотъ водевилъ составленъ изъ повѣсти господина *Soulié*, напечатанной въ *Journal des Débats*. Тамъ левъ — животное волосатое, въ желтыхъ перчаткахъ, хорошо одетое, насмѣшливое, презирающее все, что не принадлежитъ къ его обществу; въ случаѣ нужды остроумное и храброе, не больше того сколько нужно, чтобы не быть дуракомъ и трусомъ. Этотъ красивый звѣрь, разодѣвшись, раздумившись, отправляется однажды въ общество добрыхъ мизантъ, блестящихъ, но честныхъ и разсудительныхъ. Здѣсь нашъ левъ встрѣчаетъ хорошенькую дѣвушку съ самымъ благороднымъ сердцемъ. Живая и живая, веселая, искренняя,

простодушная, эта дѣвушка—жизнь, краса, вѣщество гаснаго міра, въ которомъ родилась. Даже въ самыхъ пылкихъ мечтахъ она не могла вообразить ничего бѣдствительнѣе нашего льва. Она безтрепетно идетъ къ нему на встречу; мало-по-малу она знакомится съ нимъ до того, что кладетъ его своей бѣлой ручкою по косматой гривѣ; однимъ словомъ, она любитъ его, любитъ всею душой и помышленіемъ. О! еслибъ царь животныхъ не былъ самый безмысленный изъ звѣрей, то онъ позволилъ бы этой мидочкѣ любить себя; гордый и счастливый, онъ бы унесъ въ брачную берлогу эту прелестную дѣвушку, которая осмѣлилась посмотреть ему прямо въ глаза.— Оно бы, конечно, хорошо: но что скажетъ міръ львовъ, лучший изъ всѣхъ возможныхъ міровъ? Что подумали бы обо мнѣ, если бъ я отдалъ руку осемнадцати-лѣтней, восхитительной дѣвушкѣ, и изъ такой бездѣлицы отказался отъ жалкихъ закулисныхъ интригъ, отъ беззубыхъ улыбокъ пѣвицъ, отъ спотыканья танцовщицъ, отъ разукрашенныхъ, раздушенныхъ, сорока-лѣтнихъ светскихъ кокетокъ? — Левъ былъ бы осрамленъ, осмѣянъ, освистанъ. Зато нашъ желто-перчатный левъ и не дѣлаетъ этого. Онъ покидаетъ, губитъ, уничтожаетъ эту несчастную дѣвушку, и запрягается въ колесницу или, лучше сказать, въ дроги какой-то пожилой кокетки. Однажды онъ зѣваетъ въ театръ за этимъ скелетомъ, который прячется въ кружевахъ и брилльянтахъ, а въ другую ложу, прямо противъ нихъ, входитъ наша осьмнадцати-лѣтняя влюбленная дѣвушка. Она видитъ своего прекраснаго льва, видитъ, что эта отвратительная самка ему улыбается. Бѣдняжка не можетъ понять, какъ это такой молодой человекъ влюбился въ свою бабушку; не въ силахъ достигъ, какъ это старый, безотычанный порокъ можно предпочитать всему, что есть самаго восхитительнаго на свѣтѣ, юности, добродѣтели, красоты, невинности. При этой мысли, сердце ея разрывается на части, и она умираетъ. А онъ развѣ только украдкой пролилъ о несчастной слезу сожалѣнія, Свирѣпый звѣрь!..... даже въ сравненіи съ львомъ парижскаго Ботаническаго Сада, котораго издохъ, съ горя, на трущ своей подрури, собачки.

Изъ этой трогательной повѣсти Г. Скрибъ смастерилъ волевиль. Его льва зовутъ Джорджемъ; онъ молодъ, богатъ,

прекрасенъ; знатокъ въ лошадей, любитъ женщины; однимъ словомъ, левъ, рыдкій въ своемъ родѣ. Однажды онъ заходитъ въ трактиръ своего фермера, Джэникса, и идетъ тамъ хорошею Сисли. Сисли крестница молодого лорда. Бдьяжка очень рада своему крестному папенькѣ, а онъ; какъ праздный левъ, начинаетъ играть съ нею: сначала онъ поджимаетъ когти, но потомъ врожденная смирность беретъ свое. Вы знаете, что животные этой породы, сделавшись ручными, лежатъ вамъ руки, до тѣхъ поръ пока не дожижутъ до крови: а тамъ прощай. Къ счастью Сисли отважно защищается, и, когда уже левъ готовъ пожрать ее, она вскакиваетъ на окно и грозитъ броситься головою внизъ. Нечего дѣлать, левъ останавливается и, рыча, уходитъ въ свою берлогу.

Второе дѣйствіе происходитъ, уже не на фермѣ, а въ замкѣ. Молодой лордъ горюетъ о своемъ вчерашнемъ поражении; да и Сисли не слишкомъ веселится своей побѣдой. Они снова сходятся наединѣ. Тетка Джорджа умерла: бдьяжка Сисли осталась совсѣмъ безъ защиты. Чтѣ дѣлать? Но теперь левъ уже не нападаетъ отважно какъ прежде: онъ тихъ и задумчивъ, поджалъ хвостъ и опустилъ гриву; онъ побѣжденъ. Вчерашній яростный левъ смиренъ и унылъ; когти спрятаны: онъ уже не испускаетъ страшнаго реву, а ласково рычитъ. Дѣло кончится тѣмъ, что Сисли не можетъ устоять противъ такой нѣжной любви; овечка выходитъ за льва и, обнявшись лапою и ланкою, они идутъ въ церковь.

Все это невѣроятно, но интересно. Новыи водевилъ господина Скриба — маленькая драма, живая, милая, безъ длинноты, безъ претензій. Публика плачетъ и смеется.

6. Charlot, Карленька, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, госнодъ Lockroy, Anicet Bourgeois и Vanderburck.

Карленька приходитъ въ Парижъ, безъ денегъ, но съ двадцатью годами и съ рекомендательнымъ письмомъ къ дядѣ, мосье Межену, врачу герцогини Валезской. Дѣйствіе происходитъ во времена Людовика XIV. Дядя и племянникъ встрѣчаются въ маскарать Опернаго Театра. Вдругъ,

въ маскарадъ пріѣзжаетъ герцогъ Валуазскій, Герцогъ только-что возвращающійся изъ арміи, и, на дорогѣ домой, видитъ въ маскарадъ. Тутъ бродитъ какое-то розовое домино. Ясно видно, что эта дама не привыкла толкаться въ толпѣ: она бѣится, увертывается отъ встречныхъ. «Того-то мнѣ и надо!» говоритъ самъ себя герцогъ, и принимается преслѣдовать розовое домино. А оно, со страху, падаетъ въ обморокъ, на руки Карленьки. Карленька себя на умъ: онъ унеситъ даму въ свою горенку, и герцогиня остается наединѣ съ актерскимъ гезелемъ. Что жъ имъ дѣлать? Да всего лучше ужинать! Герцогиня хочетъ кушать, а у Карленьки есть прекрасный пирогъ. Ну, такъ за столъ садиться! Вдругъ, является герцогъ Валуазскій: онъ преслѣдовалъ розовое домино до самой квартиры Карленьки, увидѣлъ въ окнѣ огонь и воцѣлъ. Карленька досадно: ему такъ хорошо было между вкуснымъ пирогомъ и розовымъ домино! Но безжалостный герцогъ говоритъ Карленькѣ: «Приведи мнѣ фіакра». Бѣдняга пошелъ за фіакромъ, а между-тѣмъ гость его садится за столъ: пирогъ разрѣзываютъ, розовое домино обнимаютъ, и, когда Карленька воротился, остаются уже одни обѣды. Хозяинъ сердится: и не мудрено; но гость говоритъ ему на ухо — «Я герцогъ Валуазскій», а гостья — «Я жена его». Карленька дрожитъ при мысли о томъ, какой опасности онъ подвергался, а герцогъ и герцогиня уезжаютъ домой въ наемной каретѣ.

Этотъ хорошенькой водевилъ имѣетъ въ Парижѣ большой успѣхъ.

|| **ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ.** Господинъ Викторъ Нуго, по случаю возвращенія въ Парижъ праху Наполсона, напечаталъ небольшой томикъ новыхъ стихотвореній подъ названіемъ «Le Retour de l'Empereur». Патриотическіе стихи имѣютъ тотъ недостатокъ, что иностранцамъ, которые въ такихъ случаяхъ, естественно, не раздѣляютъ чувствъ поэта, они часто кажутся напыщенными и приторными. Таковъ вообще и характеръ піесъ, которыя мы читали изъ послѣдняго собранія, издавнаго господиномъ Нуго.

Больше нѣтъ ничего новаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ. Романъ знакоми читателямъ нашимъ радикалки, мисъ Мартинети, составляетъ «здесь» единственную примечательную новость. Общественница назвала его *The Hour and the man*; «Часъ и человекъ». Это романъ историческій. Дѣйствіе происходитъ на Санъ-Доминго. Человекъ — известный Туссень-Лювертюръ, а Часъ — возстаніе негровъ противъ бѣлыхъ. Иначе и быть не могло у мисъ Мартинети! Но, какъ бы то ни было, романъ интересенъ и хорошо написанъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ ВЪ ГЕРМАНИИ. Въ Гамбургѣ вышелъ нѣмецкій переводъ русскаго «Отчета министра народнаго просвѣщенія Его Императорскому Величеству»; за 1838 годъ. Этотъ важный документъ обращаетъ на себя особенное вниманіе многихъ германскихъ журналовъ и возбуждаетъ ихъ удивленіе «необыкновенной дѣятельности русскаго правительства на пользу образованности всѣхъ частей государства».

— Господинъ Элькерсъ, известный переводчикъ многихъ стихотвореній Мура, издалъ недавно, въ четырехъ частяхъ, въ Лейпцигѣ, полное собраніе его поэмъ. Переводъ господина Элькерса очень изященъ и составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ новѣйшей нѣмецкой словесности.

— Прошедшій годъ въ неутомимой Германіи былъ очень обилень трудами надъ санскритскимъ языкомъ: въ Боннѣ появились — *Meghaduta et Srīngaratilaka*, Калидасы, драмныя господиномъ Гилдемейстеромъ, *Malayika et Agnihitra*, драма также Калидасы, съ латинскимъ переводомъ господина Тульберга, «Осемь грамматическихъ книгъ Памини», съ нѣмецкимъ комментаріемъ господина Бѣтлингга, и, въ другихъ мѣстахъ, нѣсколько сочиненій объ этомъ несчастномъ индо-германизмѣ, который всё-еще прельщаетъ фантастическое воображеніе германскихъ гедертеровъ.

— Вниманія ученыхъ архитекторовъ заслуживаютъ два новыя сочиненія объ аѳинскихъ памятникахъ. Одно изъ нихъ начало выходить въ Берлинѣ еще въ 1839 году, подъ

заглавленъ «Die Akropolis von Athen», von Boss, Schaubert und Halsen», старое, «Egästein», von Suedt», дѣлалось тамъ же въ послѣднее время, съ орою двумя прекрасными гравюрами. При первомъ тоже приложено тринадцать гравюръ: вся она посвящена великому храму Победы, и представляетъ множество полькъ и весьма любопытныхъ подробностей древняго вѣдѣства. Для медальернаго искусства очень замѣчательны Вольцштедтены «Skizzen zur Kunstgeschichte der modernen Medaillenarbeit (1429 — 1840)», выданные въ Берлинѣ съ тридцатью гравированными картинами.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Несмотря на множество объявленныхъ и объявленныхъ приѣздовъ, едва-ли увидимъ мы кого-нибудь изъ знаменитыхъ артистовъ въ будущемъ Великомъ Посту. Листъ не будетъ. Беріо женился въ Вѣнѣ прошедшею зимою и не думаетъ о путешествіи въ Россію. Гауманъ, въ эту минуту, *fa furore* въ Парижѣ. Объ Эрнстѣ ничего не слышно. Въ замѣнъ всѣхъ ихъ, мы, вѣроятно, будемъ слышать одного только знаменитаго скрипача, господина Гиза (Ghys), который неожиданно приѣхалъ въ Петербургъ изъ Мадрита, гдѣ онъ еще въ іюль мѣсяцъ восхищалъ своей игрою Испанокъ и Испанцевъ, восторженныхъ, умѣренныхъ и холодныхъ. Господинъ Гизъ, котораго парижскіе и вѣнскіе дилетанты ставятъ всегда рядомъ съ Беріо въ отношеніи къ исполненію, но гораздо выше его въ отношеніи къ огню, душѣ и поэзіи игры, до-сихъ-поръ былъ извѣстенъ у насъ преимущественно по нѣсколькимъ прекраснымъ сочиненіямъ для скрипки. Теперь мы познакомимся съ нимъ какъ съ превосходнымъ исполнителемъ.

— Дрейшокъ, въ послѣднее время, былъ въ Варшавѣ, на пути въ Петербургъ. Его ожидаютъ здѣсь въ началѣ января.

— Сервѣ такъ полюбилъ Россію, что собирается провести въ ней слѣдующее лѣто: съ первымъ пароходомъ онъ приѣзжаетъ сюда, но не играть, а веселиться.

— Мы ничего не говорили о приѣздѣ и двухъ концертахъ знаменитой синьоры Паста, которая уже и увѣхала. Теперь

какъ ся вѣтъ, можно сказать причину молчанія. Намъ некогда отъ себя неуживались съ стороны: несправедливой иль отъ дивины! признавъ къ намъ потерю молодости, красоты и половину голоса. Не могла ли сивора Паста пожаловаться на берига Невы въ аморъ своей слухы, въ цвѣтѣ своестъ голосу и своестъ красоты? Петербургъ, кажется, довольно большой баринъ дядюго чтобы «эти дѣшны» ливались къ нему молодости и прекрасности! Онъ не можетъ, не долженъ, и никогда не согласится, служить имъ «на худой конецъ».

Госпожа Паста уехала весьма недоволенною Петербургомъ. Очень жаль: но госпожа Паста-сама виновата своей неудачъ. Петербургъ охотно признаётъ ее и теперь еще первому дивидею въ Европѣ, но онъ не видитъ ни какой надобности слышитъ на встрѣчу тѣмъ, которые нарочно опаздываютъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

MONARCHIE DE NAPOLEON, par *Camille Paganel*. 1 vol.

HISTOIRE DE MALTE, par *M. Miège*, ancien consul de France à Malte. 3 vol.

DEUX ANS EN SYRIE et en Palestine, par *Edouard Blondel*. 1 vol.

VOYAGE EN AFRIQUE, au royaume de Barcah, dans l'ancienne et la nouvelle Cyrénaïque, par *A. Pezant*. 1 vol.

LE RETOUR DE L'EMPEREUR. Nouvelles poésies, par *M. Victor Hugo*. 1 vol.

Англійскія.

- STRADLING CORRESPONDENCE.** A Series of letters written in the reign of Queen Elisabeth. Edited by the rev. *J. M. Traherne*. 1 vol.
- TWO SUMMERS IN NORWAY.** By the author of 'The Angler in Ireland', 2 vols.

-
- THE HOUR AND THE MAN.** An historical novel. By miss *Martineau*. 3 vols.
- THE THREE PEERS.** A romance. By lady *Stepney*. 3 vols.
- PASSAGES IN THE LIFE** of a radical. By *Samuel Bamford*. N° 1 — 16.
- MASTER HUMPHREY'S CLOCK.** By *Bos*. Vol. I.
- THE VICEROY.** By *Murray*. 3 vols.
- THE WITCH OF AYSGARTH.** By Mrs. *Golland*. 3 vols.
- THE PLAYFAIR PAPERS; or Brother Jonathan.** 3 vols.
- ON THE GENIUS AND CHARACTER** of Burns. By professor *Wilson*. 1 vol.

Нѣмецкія.

- GESCHICHTE DER PHILOSOPHIE**, dargestellt nach den Fortschritten ihrer wissenschaftlichen Entwicklung, von *J. F. Friess*. Halle. I^r und II^r Bd.
- GESCHICHTE DER ENTDECKUNGSREISEN** vom Ende des XV-ten Jahrhunderts bis auf die Gegenwart. Nach den Quellen bearbeitet von *D^r Ph. H. Kùlb*. Mainz. I^{te} Abth. 1r Bd. (Africa.)
- DAS PROBLEM DES BOESEN**, oder die Theodice. Von Dr. *Sigwart*. Tübingen. 1 Bd.
- REISE DURCH ALLE THEILE DES KOENIGREICHS GRIECHENLAND**, im Auftrage der K.-Griech. Regierung, unternommen von Dr. *K. G. Fiedler*, Leipzig. 2 Bde.
- VERSUCH EINER PHYSIOLOGIE DER SPRACHE**, nebst historischer Entwicklung der abendländischen Idiome nach physiologischen Grundsätzen. Von *K. M. Rapp*. Stuttgart. I-ter bis III-ter Bd.
- VERGLEICHUNG DER SPRACHEN** von Europa und Indien. Untersuchung der wichtigsten, romanischen, germanischen, slavischen und celtischen
- T. XLIX. — Орд. VII.

Sprachen durch Vergleichung unter sich und mit der Sanscritsprache.
Von *F. W. Eichhoff*. Leipzig. 1 Bd.

BESCHREIBUNG DES GEGENWAERTIGEN ZUSTANDES der europäischen
Feldartillerien, von *G. A. Jakobi*. Mainz. 1 — 7 Hft.

METHODE DER KRISTALLOGRAPHIE, von Prof. *Quenstedt*. Tübingen.
1 Bd.

LEHRBUCH DER CHIRURGIE, zum Gebrauche der Vorlesungen und für
praktische Aerzte und Wundärzte, von Dr. *M. Troschel*. Berlin.
3 Bde (vollständig).

LEBENS HEILAND. Roman von *L. Mühlbach*. Altona. 1 Bd.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНИЯ.

Для разныхъ инструментовъ.

BOTHAUER. Etudes journalières, pour le violoncelle (3 rb. 43 cop. arg.).

HAUMANN. Premier concerto pour le violon, avec accompagnement de
piano (1 rb. 43 cop. arg.).

LABITKY. Lilien-Walzer für Orchester. Opus 61 (3 rb. 15 cop. arg.).

LANNER. Nacht-Violen. Walzer für Orchester. Opus 160 (3 rb. 43
cop. arg.).

SPHON. Sonate concertante pour la harpe et le violon (2 rb. 57 cop. arg.);
la même pour la harpe et le violoncelle (2 rb. 57 cop. arg.).

SÜSSMANN. Variations brillantes sur un thème de l'opéra : *La Muette
de Portici*; pour la flûte, avec accompagnement de l'orchestre (2 rb.

28 cop. arg.); avec accompagnement du quatuor (1 rb. 72 cop. arg.); avec accompagnement du piano (1 rb. 42 cop. arg.).

VEIT. Quatrième quatuor pour deux violons, alto et violoncelle. Oeuvre 16 (4 rb. arg.).

Для фортепиано.

ADAM. Pièces favorites du ballet : *L'Écumeur de mer*. Débarquement des pirates (42 cop.). Entrée des paysans (28 cop.). Grand pas d'ensemble (56 cop.). Pas de deux (70 cop.). Pas de trois (56 cop.). Solo de Gretlu (56 cop.). Pas des odalisques (42 cop.). Deuxième pas de Taglioni (70 cop.). Grande marche (56 cop.). Entrée des esclaves (28 cop.). Entrée des Espagnols (28 cop.). Pas de fusils et galop (56 cop.). Pas des Espagnols (84 cop.). Troisième pas de Taglioni et boléro (70 cop. arg.).

ЧОПИН. Deux polonaises. Oeuvre 40 (1 rb. 15 cop. arg.).

DOEHLER. Trois rondeaux sur des airs favoris de l'opéra : *Les Martyres*, de Donizetti. Numéros 1, 2, 3 (à 1 rb. 15 cop. arg.).

DREYSCHOCK. Wasserfahrt-Lied. Composé par F. Mendelssohn-Bartholdy, transcrit pour le piano (85 cop. arg.).

— Grande fantaisie. Oeuvre 12 (1 rb. 71 cop. arg.).

KUECKEN. Sonatine pour piano et violon; oeuvre 12, numéro 1 (1 rb. 43 cop. arg.); la même pour le piano avec flûte (1 rb. 43 cop. arg.); la même pour le piano et le violoncelle (1 rb. 43 cop. arg.).

LANNER. Nacht-Violen. Valse. Oeuvre 160 (85 cop. arg.); à quatre mains (1 rb. 15 cop. arg.).

MARXEN. Exercices pour la main gauche seule, en six pièces caractéristiques pour le piano; oeuvre 40 (1 rb. 15 cop. arg.).

PIXIS. Souvenir de la Sicile, capriccio sur des thèmes nationaux siciliens. Oeuvre 140 (1 rb. 71 cop. arg.).

ROSENHAIN. Romances pour le piano; oeuvre 25, cahier 1 (1 rb. 15 cop. arg.).

THALBERG. Grande nocturne, arrangée pour le piano à quatre mains; oeuvre 35 (1 rb. 15 cop. arg.).

Для пѣнія.

COURSCHMANN. Sechs Solfeggien für eine Sopran- oder Tenor-Stimme. Heft 1, 2 (à 1 rb. 73 cop. arg.).

— Sechs Solfeggien für eine Alt- oder Bariton-Stimme. Heft 1 (1 rb. 73 cop. arg.).

KREBS. Seemanns Liebchen, Lied für eine Singstimme, mit Begleitung des Pianoforte und Violoncelle oder Violine. Opus 83 (1 rb. 73 cop. arg.).

SCHUBERT, FR. La Rose (85 cop. arg.). Les plaintes de la jeune fille (1 rb. 28 cop.). La Jeune mère (56 cop.). Les Chasseurs des Alpes (85 cop.). Le Voyageur (85 cop.). Eloge des larmes (85 cop.).

(Всѣ эти сочиненія издаются въ музыкальномъ магазинѣ «Одиссея», на углу Большой Морской и Герасимовъ, въ домѣ Штрауха, № 114, и на Новомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Витальгардта, № 47.)

==

СТИХЪ.

Изъ слова желзнаго онъ образованъ,
Серебряной ршмы насъчкой скръпленъ,
Въ груди, какъ въ горнилъ, проплавленъ, прокованъ,
И въ класъ думъ, какъ булатъ, закаленъ,
И, мърный и звучный, изъ сердца онъ выпутъ,
И съ громомъ въ миръ Божій, какъ молнія, кинутъ;

Трепещеть и блещеть, гремитъ и звенитъ;
И тѣшитъ ребенка гремушкой созвучій,
И юноши душу надеждой кипучей
И жаромъ мнѣжныхъ страстей пламенитъ,
И, лавой струясь по сердечнымъ изгибамъ,
Грудь ставитъ горою и волосу дыбомъ.

То крѣпкою мыслью, какъ грудью, впередъ
Онъ къ гордому вѣду на встрѣчу плетъ,
И смѣло думой на думы отвѣтитъ;
То, грустно зная оиражденнѣ «Увы!»
И къ старцу влѣкнеть, на шнононьо освѣтитъ
Предомертвѣя грезы сѣдей головы:

О тайнахъ ли сердца вѣликобно звучитъ онъ,
Проникнуть любовью и насгой смѣтаетъ
Къ воспытой красъ онъ отважно летитъ
Полетомъ незримомъ, мощнаго дува,
И крадется змѣемъ къ сватманму сунду,
Гдѣ локонъ ея, извиваясь, дрожитъ;
Онъ тутъ, онъ ей въ грудь залетаетъ глубоко,
И нѣжны перси тайкомъ шевелитъ,

А блѣдный поэтъ, отчужденный, далеко,
 Въ толпѣ незамѣтный. печальный стоитъ.
 И вотъ на уста светло-окой царицы
 Стихъ пламенный принять съ бездушнѣй страницы ;
 Онъ ею прочитанъ, и живое, и оялѣ ;
 И сердце въ ней ходитъ съ утроеннымъ стукомъ,
 И снова живымъ, гармоническимъ звукамъ
 Дозволено эти уста цѣловать.

Потомъ эти звуки, съ участиемъ, съ любовью,
 Красавица шепчетъ, склонясь къ изволенью ;
 Уснула.... уста не сомкнулись.... на нихъ
 Подъ тайной завѣсой, въ роскошномъ затмѣньи,
 Перерванный сномъ на крутомъ полу-стишии
 Уснулъ въ упоеньи восторженный стихъ.
 А труженикъ пѣсень ? Онъ чуждъ усыпленья,
 Не въ силахъ глубокой тоски превозмочь :
 Онъ демономъ страсти терзаемъ всю ночь,
 Измученный, блѣдный, въ слезахъ вдохновенья !

Стихъ, вырванный съ кровью изъ груди поэта !
 Ты весело рыщешь на поприщѣ свята.
 Блаженное чадо страдальца-поэта !
 Творенье !.... за что ты счастливый дворца ?

Страшись ! Пожираемый ревностью иъ дѣвъ,
 Поэтъ взнегодуетъ, и въ творческомъ гнѣвѣ
 Тебя разразитъ безошадной рукой.
 Тебя онъ осудитъ на казнь и на муки,
 Онъ громъ твой разсыплетъ на мелкіе звуки,
 И звуки развѣетъ въ пустыню глухой.

Нѣтъ, дѣтище сердца ! не бойся угрозы !
 Руки на тебя не подниметъ вѣнецъ.
 Пускай на тебя только сыплются розы :
 Онъ бодро износитъ терновый вѣнецъ, —

Предъ рокомъ не спасутьъ глаза: а что увидишь,
 Ты только будь счастливъ, а снаги громосудный!
 Готовъ онъ погибнуть : ты только живи,
 Души его встникъ, газпатай любви!

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

МОГИЛА.

Душа моя — пустынная могила,
 И много въ ней холодныхъ мертвецовъ.
 На долгій сонъ она ихъ схоронила
 И не сочтетъ безвременныхъ жильцовъ.

Надъ душою схоронена глубоко
 Прошедшихъ лѣтъ безумная любовь;
 Она безъ слезъ уснула одиноко,
 И тихо спитъ, и не проснется вновь.

И рядомъ съ ней надежда опочила,
 И улеглись волненія страстей,
 И прежнихъ лѣтъ восторженная сила,
 И жажда дѣлъ и мысли юныхъ дней.

Тамъ спятъ мои младенческія грезы,
 Мечты, любовь, надежда и покой;

Но съ ними спать и терзать и слезы,
Подъ твою же мотильную доску.

Но съ ними спать и ваконое горе,
Мой блѣдный братъ, мой неотступный гость,
И ненависть съ проклятиемъ во взоръ
И ревности мучительная злость.

Э. ГУБЕРЪ.

ПУСТЫННИКУ.

Дай намъ, пустынный, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которую рѣжешь ты самъ въ часъ досуга;
Ставь передъ нами изъ глины простыя кубышки
Съ влагой студеной; почерпнутой, въ полдень палящій,
Въ этомъ ручьѣ, что журчитъ между травами звонко
Въ мракъ прозрачномъ, подъ сѣнно дунувшимъ лѣномъ;
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и морщину;
Вспомнимъ, какъ въ первомъ твоимъ отшельничьимъ днѣмъ,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой!

И въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Слово, порой, перешагавъ широкое.

Ано. Слонъ и Чайковъ.

МОЯ ПРОСЬБА.

(ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.)

Безсмертные боги, правители міра,
 Съ надзвѣднаго трона внемлите мольбѣ
 Смиреной : не злата людскаго кумира,
 Не славы гремучей прошу я себѣ.
 Мнѣ злато не нужно : не многимъ довольный,
 Желаніямъ воли привыкъ не давать,
 И съ дѣтства умью ихъ роѣ своевольный
 Въ желѣзныхъ оковахъ разсудка держать.
 Съ убогимъ жилищемъ своимъ я сдружился :
 Оно мнѣ милѣ роскошныхъ палатъ ;
 Ко мнѣ въ немъ впервые богъ пѣсенъ явился,
 И съ той поры сталъ я мечтами богатъ.
 Домашнія лары покой охраняютъ,
 Для зависти черной въ немъ нѣтъ уголка,
 Сны свѣтлые ночью надъ ложемъ летаютъ,
 Душъ не знакома ни грусть, ни тоска.
 Не нужно мнѣ славы, — толпы удивленья :
 Нѣтъ, честь и приволье, вотъ слава моя :
 Пускай мои пѣсни потонуть въ забвеньи
 И въ памяти внуковъ не буду жить я.
 Безвѣстностью мирно счастливый, отъ свѣта
 Не жду ничего я : мое все со мной ;
 Лишь сердце все жаждетъ роднаго привѣта.
 О, мудрые боги ! съ одною мольбой
 Я къ вамъ обращаюсь : гдѣ та раздѣляетъ,
 Съ которою связалъ я тайной судьбой,

Которая любить меня, хоть не знаетъ,
 Къ которой невольно стремился душа?
 Скажите! и если потомъ, дерзновенный,
 Не съ гимномъ, а съ просьбой, прибѣгну къ вамъ я,
 То пусть, міродержцы, владыки вселенной,
 Вашъ гнѣвъ справедливый накажетъ меня.

ИИ. Д. КРОПОТКИНЪ.

КЛАДБИЩЕ.

Полночь! Заснуло все, что жизнью только дышетъ.
 Повсюду мертвый сонъ, повсюду тишина.
 Лишь вѣтеръ изрѣдка листья деретъ колышетъ;
 Да на холмы могилъ съ небесъ глядитъ луна.

Приветствую тебя, святое смерти поле,
 Гдѣ жизнь мятежная замолкнула навѣкъ,
 Гдѣ замѣнилъ покой стремленье буйной воли,
 Гдѣ вѣчнымъ сномъ заснулъ собратъ мой, человекъ!

Миръ тлѣнью твоему! Стопою дерзновенной,
 Прости, что въ этотъ часъ покой твой возмутить!
 Прости, что я принесъ въ душѣ моей смущенной
 Волненье думъ земныхъ къ крестамъ твоихъ могилъ!

Миръ тлѣнью твоему !... Сладка твоя бесѣда
 Въ урочный жизни часъ съ кипучею душой,
 Въ тотъ часъ, когда ни въ чемъ похибно жизни слѣди,
 Когда, что шагъ, то крестъ, то тлѣнье подъ ногой !

О, вдохновительно безмолвье гробовое !
 Подъ снѣгу его жавнь сердца здѣсь слышимый
 Чѣмъ тамъ, гдѣ бытіе — волненье лишь слыжное,
 Игра корыстная безжизненныхъ страстей.

Смотрю вокругъ себя : вздымаяся буграми,
 Далеко тянется печальный рядъ гробовъ.
 О, сколько здѣсь легло, подъ этии крестами
 И свѣтлыхъ радостей и жизненныхъ крестовъ !

И каждому изъ нихъ прекрасныя мгновенья
 Горѣли счастьемъ хоть въ призракахъ мечты :
 И гдѣ жъ ихъ жизнь теперь ? не ихъ ли силой тлѣнья
 Надъ ними разцвѣли душистые цвѣты ?

Здѣсь равенство для всѣхъ : рабу и властелину
 Одинъ удѣлъ судьбы въ мигъ смертный обрекли,
 Одну имъ тѣсную назначили долину,
 И каждому сажень отмѣрили земли.

Въ обонхъ ихъ погасъ животворящій пламень,
 И каждая теперь былинка ихъ сильнѣй :
 Смотрите ! ей давно пробить надгробный камень,
 А имъ нельзя его съ могилы снять своей.

Любимцы счастья ! сыны слѣпаго рока !
 Вы, для которыхъ жизнь восторгами полна !
 Проникнули ль ее вы думою глубокой ?
 Была ль святая та минута вамъ дана ?

Я васъ зову сюда! здѣсь, новой жизни полны,
 Услышите глаголь невѣдомый для васъ;
 Здѣсь думъ безвѣстныхъ вамъ на душу хлынуть волны,
 И вы возрождаетесь здѣсь, быть-можетъ въ первый разъ.

Чего боитесь вы? иль вамъ ужасны гробы
 И груды тлѣющихъ, разбросанныхъ, костей?
 Не бойтесь: у могилъ нѣтъ зависти и злобы,
 Онъ живуть у васъ, онъ въ сердцахъ людей.

Спѣшите! черезъ мигъ, быть-можетъ, будетъ поздно:
 Еще грядущаго нѣчто вамъ не постигъ;
 Быть-можетъ въ очи вамъ блеснетъ онъ смертью грозной,
 И будетъ онъ для васъ послѣдній жизни мигъ.

Спѣшите!.... тамъ васъ ждетъ съ собою примиренье;
 Тамъ въ тихой ночи часъ, какъ дремлетъ все окрестъ,
 Вѣрный расскажетъ вамъ о вашемъ назначеньи
 Забытый отъ людей могилы бѣдной крестъ.

Святой молитвой онъ задушитъ въ васъ проклятья
 На брата вашего, сорветъ съ души кору,
 И броситъ васъ къ нему съ любовью въ объятья,
 И съ вѣрой подведетъ васъ къ смертному одру.

Н. ГРЕКОВЪ.

КОМАРЪ и ЧИЖЪ.

—
БАСНЯ.

—
=

Однажды чижикъ и комаръ,
Вечернею порой,
Когда потухъ полдневный жаръ,
Разговорились межъ собой.
— Скажи, комаръ, такъ началъ чижъ:
Зачѣмъ ты цѣлый день жужжишь?
И жаломъ маленькимъ язвишь?
Комаръ чижу въ отвѣтъ сказалъ:
— Когда бъ я, братецъ, не жужжалъ,
Людей порою не кусалъ,
Меня никто бы и не зналъ!....

А. Я.

====

ПОСВЯЩЕНІЕ.

—
(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.)
=

Ты помнишь ли, когда, скользя надъ крутизной
Салева грознаго, одни, тропинкой тѣной,
Съ кремнистыхъ плечъ его висящею надъ бездной,
Взбирались мы наверхъ дрожащею стопой?

Вдали еще былъ слышенъ громъ,
 И тучъ на западъ дымилося покрывало,
 А на востокъ голубомъ —
 Полю-неба яснаго сіяло;
 И солнце золотымъ лучомъ
 Сквозь завѣсъ дымчатый тумана,
 Свѣркало на зыбяхъ лазурнаго лимана.

На острѣе скалы ты оперлась рукою,
 Нагорный вѣтерокъ въ кудряхъ твоихъ игралъ,
 И съ локоновъ, увлажненныхъ росою,
 Онъ перлы крупныя свѣвалъ.

Тамъ водопадъ, пѣнистыми буграми,
 На бархатномъ коврѣ клубился подъ тобой;
 И отъ него туманъ, разцвѣченный лучами,
 Окутывалъ тебя прозрачною пеленою.

И ты была.... Но нѣтъ! гдѣ вѣрное сравненіе?
 Ничто, ничто мнѣ здѣсь тебя не объяснить:
 Но мысль пойметъ, когда, въ прекрасномъ вдохновеніи,
 Она за облака парить;
 Когда, покинувъ все земное,
 На свѣтло-радужныхъ крылахъ,
 Несется въ небо голубое
 И плаваетъ въ эфирныхъ высотахъ.

Но нѣкогда, въ моихъ строкахъ,
 Когда знакомый звукъ задумчивой цвѣницы
 Напомнитъ и тебѣ о прошлыхъ, свѣтлыхъ дняхъ,
 О дружбѣ, о любви, о сладостныхъ мечтахъ,
 Когда слеза сверкнетъ въ твоихъ очахъ
 И скатится на темныя рѣсницы, —
 О! если бы ты, подруга прежнихъ лѣтъ,
 Сказала въ сердцѣ съ умиленьемъ:

«Я для него была мечтой и вдохновеньемъ!

«Теперь онъ снится, его ужъ нѣтъ....

«Но пѣснь его мнѣ будетъ утѣшеньемъ!»

Д. ДРАГОМАНОВЪ.

ГЕНИЮ.

=

Давно уже, тобою вдохновенный,
О гений, гость неоцѣненный мой,
Я не леталъ, мечтами окрыленный,
Въ чудесный мѣръ фантазій съ тобой!
Давно уже, окованъ суетами,
Безсильная добыча тяжкихъ думъ,
Я не будилъ послушными перстами
Въ безмолвіи дремавшей лиры струнъ!
И долго спалъ ты, гений пѣснопѣнья!
Ты духъ! ты чуждъ житейской суеты;
И твой огонь благаго вдохновенья
Горитъ въ тиши досуга и мечты.
Но ты опять, мой гений благодатный,
Опять приюти знакомый посвятъ,
И лиру взялъ, съ улыбкою отрадной,
Настроилъ, и печальному вручилъ.

Ахъ! длячего страдальца снова нудишь
Безплодно пѣть безплодныхъ мечты?

Увы! ничѣмъ, ничѣмъ ты не пробудилъ
 Давнишняго волшебной красоты!
 И что мнѣ пѣть съ разтерзанной душою?
 Что оживлять въ угаснувшихъ страстяхъ?
 Куда летѣть съ разрушенной мечтою,
 На скованныхъ страданьями крылахъ?
 Нѣтъ, геній мой, насильнымъ вдохновеньемъ
 Упорнаго безсмертья не стяжать!
 Мнѣ рокъ судилъ въ безвѣстности страдать,
 И я не льщусь обманчивымъ видѣньемъ.
 Лети жъ опять ты въ край, тебѣ родной,
 Въ надзвездный край, безсмертія обитель:
 Къ чему, къ чему дружитья мнѣ съ тобой,
 Мой чудный гость, зоря чуждый житель?....

Л. ДРАГОМАНОВЪ.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА.

Вотъ стоитъ она, лебедь бѣлая,
 И хороша, и пригожа.
 Прилегаютъ кудри русыя
 Къ лицу бѣлому, румянному:
 Кудри русыя, будто золото!
 Брови черныя, какъ у соболя,
 Очи ясныя, какъ у сокола.

Сарынь у ней пестрый, шелковин;
 Лента алмаз вьется змейкою,
 Вплетена она въ косу длинную,
 Черевикъ у ней желтый, маленький.
 Въ хороводъ идетъ красна дѣвица,
 Постъ пѣсенки она, звонкія!....

Н. Ш.

ГРУСТЬ ПО РОДИНѢ.

Въ странѣ чужой, въ странѣ далекой,
 Отторгнутый отъ милыхъ, отъ друзей,
 Какъ чуждъ я, обитаю одинокой,
 Грущу по родинѣ моей!

Въ ней лучше все, въ ней солнце жарче греетъ,
 Душистый май роскошнѣе цвѣтетъ,
 Прохладнѣе зephyръ въ дни зною вѣетъ,
 Звучнѣе соловей поетъ.

Надъ ней шатеръ небесный голубѣе,
 Луна, ярчею блистаетъ въ чашѣ твоей,
 Въ ней мягче лугъ, зеленый лѣсъ стройнѣе,
 Въ ней дѣвы славятся красой.

Въ ней лучше все, — она и въ ней роднѣе!
 Прекрасную я дѣвственно люблю,
 Она душъ душою отвѣчаетъ,
 И поэтически я жилъ.

Въ ней лучше все, — полно: воспоминанья
 О юныхъ дняхъ, счастливыхъ, сладкихъ дняхъ,
 Когда мнѣ мнѣ былъ доль очарованья
 И я блаженствовалъ въ мечтахъ.

Въ ней лучше все!.... Зачѣмъ же добровольно
 Изгнанію себя я осудилъ,
 И въ край снѣговъ, какъ будто-бы невольно,
 Къ чему-то тайному спѣшилъ?

Безумецъ я! блестящею молвою
 Обманутый, не предузналъ потерь :
 Прошли мечты и опытъ предо мною
 Даль прояснилъ; и вотъ, теперь, —

Въ странъ чужой, въ странъ далекой,
 Отторгнутый отъ милыхъ, отъ друзей,
 Какъ часто я, скиталецъ одинокой,
 Грущу по родинѣ моей!

КН. Д. КРОКОТИНЪ.

ЦЫГАНКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, проказница, морочить !
 Не вѣрю я въ твои чары :
 Не ту судьбу ты мнѣ пророчишь !
 Въ пучинахъ ясной Ангары

Я не найду своей могилы !
 Пусть подо мной напишет она :
 Готовъ я съ нею мѣрить силы,
 Готовъ извѣдать тайны дна !
 Волной, какъ локономъ, играя,
 Пучины грудью пониравъ,
 Безпечно, всплесками руки
 Дразню я демоновъ рѣки ;
 Смѣюсь въ очи смерти влажной :
 Издѣтства свѣкса я съ волной....
 Другую мнѣ грозятъ бѣды,
 Грозятъ таинственно и важно !
 Грозятъ мнѣ пламенемъ очей,
 Грозятъ улыбкой неизбежной,
 И упительныхъ рѣчей
 Отравой губительной, мятежной....
 Тогда, быть-можетъ, дрогну я ;
 Тогда, быть-можетъ, вышій лещетъ
 Заронитъ въ душу тайный трепетъ,
 И холодомъ область меня !....

Но чары тѣ въ твоей ли власти ?
 Дано ль могущество тебѣ ?
 Изведай мощь свою въ борьбѣ,
 Разшевели, какъ звѣря, страсти,
 Отважься вызвать ихъ на бой, —
 И ты услышишь пѣснь волмана,
 Когда онъ огненной пятой
 Придавитъ сердце омеана.....

А. ШИДЛОВСКИЙ.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ : поэзія мечта,
 Горячки сердца бредъ ничтожный;
 Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
 И блѣдный вымыселъ — красота.
 Пусть нѣтъ для переходцевъ дальнихъ
 Сирень опасныхъ ; нѣтъ дріздъ
 Въ лѣсахъ густыхъ ; въ ручьяхъ хрустальныхъ
 Золотовласыхъ нѣтъ наядъ.
 Пусть Зевсъ изъ джана не изводитъ
 Разящей молніи потокъ,
 И на ночь Геліосъ не сходитъ
 Къ Оетидѣ въ пурпурный чортогъ.
 Пусть такъ : шепъ полдень листьевъ шепотъ
 Такъ полонъ тайны ; шумъ ручья
 Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
 Глубокомысленъ ; солнце дня
 Съ такой любовью присмлетъ
 Пучина моря ; лунный ливъ
 Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
 Во всемъ таинственный языкъ ;
 И ты невольно тамъ являешь
 Даруешь жизнь красоты,
 И этимъ милымъ заблужденнымъ
 И вѣришь и не вѣришь ты

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

кошница, изумлявшая неприятеля быстротою движений и смелостью первого нападенія.

Типшу ждалъ только обѣщанной помощи съ острова Маврикія, чтобы объявить войну. На Маврикіи предложенія его съ радостью были приняты гражданиномъ Малартинемъ, который по этому поводу съ дѣтскою хвастливостью во всеуслышаніе Европѣ объявилъ, что онъ вступилъ въ союзъ съ восточнымъ монархомъ. Лордъ Морнингтонъ требовалъ объясненій, и Типшу старался увѣрить, что не имѣетъ ни какихъ сношеній съ Малартинемъ. А между-тѣмъ коварный султанъ прямо относился въ Национальный Конвентъ и къ гражданину Бонапарте, бывшему тогда въ Каирѣ. Вотъ отвѣтъ Бонапарте, перехваченный Англичанами :

«Величественнѣйшему султану, другу моему, Типшу-Санбу. Изъ главной квартиры въ Каирѣ, седьмаго шлювюза, въ седьмой годъ республики.

«Вы уже слышали о прибытіи моемъ на берега Чермнаго Моря съ бездѣльнымъ и ненужнымъ войскомъ, исполненнымъ желанія освободить васъ отъ желѣзнаго яра Англичанъ.

«Охотно пользуюсь этимъ случаемъ засвидѣтельствовать желанію слышать о вашемъ политическомъ состояніи, о которомъ можете мнѣ дать знать черезъ Маскаты и Моху.

«Я бы хотѣлъ еще, чтобы вы прислали въ Суэзъ или Каиръ умнаго и полномочнаго сановника, съ которымъ можно было бы переговоры.

«Всемогущій да утвердитъ вашу власть и да ниспошлетъ добьду и одоленіе надъ врагами !

«Бонапарте».

Въ то время Бонапарте въ суевѣрномъ честолюбіи воображалъ, что его высокому назначенію суждено осуществиться на Востокъ. Да и кто можетъ сказать, что случилось бы тогда съ Индіей, если бы Бонапарте удалось пробраться въ Бейсуръ? Честолюбивые замыслы Дюпле были еще въ свѣжей памяти, и лордъ Морнингтонъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Французовъ, окружавшихъ Нивама. Уничтоживъ одностѣние Бонапарте, губернаторъ снова заключилъ съ Типу-Санбомъ договоръ, и первымъ условіемъ поставилъ то,

чтобы Низамъ тотчасъ же удалилъ изъ арміи Французовъ. Низамъ медлилъ еще выполнить трудное условіе, совершенно предававшее его британскому влиянію, но бунтъ сипаговъ подалъ Англичанамъ поводъ выслать изъ Крѣпости Вилнама вооруженный отрядъ. Мятежники немедленно положили оружіе, и Морнингтонъ объявилъ измѣнниками всѣхъ, кто станетъ исполнять повелѣнія французскихъ офицеровъ. Такою смѣлою мѣрою совершенно уничтожено влияние Французовъ въ Карнатикѣ. Одинъ только корпусъ полковника Перона остался въ службѣ Магратовъ, но Морнингтонъ искусно держалъ Синдью въ предѣлахъ нейтралитета. Какъ-скоро извѣстіе объ абукирскомъ сраженіи пришло въ Калькутту, губернаторъ, спокойный со стороны Типпу-султана, которому уже не откуда было ждать посторонней помощи, лично отправился въ Мадрасъ, для свиданій съ генераломъ Гарри-сесомъ о планахъ будущей кампаніи.

Англійское правительство ввѣстило въ обязанности индійскихъ губернаторамъ: никогда не робѣть вести войны безъ крайней необходимости. По своему лордъ Морнингтонъ дѣйствовалъ такъ, что все его приготовленіе, казалось, имѣло одну цѣль, поддержаніе миру. А между-тѣмъ въ Мадрасѣ и Бомбей-столицы, готовы по первому сигналу выступить въ походъ, и армія, расположенная въ южной части индостанскаго полуострова, уже подвигалась къ Мейсуру. Тѣмъ, получивъ новое приращеніе объяснитъ свои сношенія съ окрестными Магратами, Персией, Кабуломъ, Египтомъ и Турціею. Султанъ отвѣчалъ, что по-прежнему долженъ держаться являть оборонительныя положенія противъ постоянной недобрычливости Англичанъ, но что при всемъ томъ первый никогда не нарушитъ миру. Лордъ Морнингтонъ возразилъ въ свою очередь, что такой миръ разоритъ насъ для Англичанъ всякой войны, и что Англія принуждена требовать новаго ручательства и даже удовлетворенія для себя и своихъ союзниковъ. Прежде губернаторъ ограничивался только тѣмъ, что посадилъ въ столицѣ мейсурской англійскаго наместника и выгналъ Французовъ изъ службы Типпу, а теперь султанъ долженъ былъ уступить провинцію Канару, единственную приморскую страну во восточномъ Индуствѣ. Не отвѣчая ничего на это требованіе, Типпу ко-

тѣмъ видѣлся съ губернаторомъ, по сему означая, что онъ можетъ говорить только съ генераломъ Гаррисомъ, котораго между тѣмъ поручено требовать отъ султана половины его вѣдѣній; двукъ имѣли оны сунговы стерляговы и сверхъ того четырехъ сьмошей и четырехъ главныхъ офицеровъ въ заможники. Ташу понялъ, что его обугали со всѣхъ сторонъ, и что нѣтъ другихъ средствъ отдѣлаться отъ бѣды кромѣ личнаго мужества; онъ жалелъ, что давно не воспользовался этими средствами.

Въ февраль 1799, генераль Гаррисъ принялъ начальство надъ арміею; уже около трехъ мѣсяцевъ сосредоточенной въ Веллорѣ. Армія стояла лагеремъ въ Веледжабадѣ подъ неслыхантѣливѣишмъ распорѣженіемъ полковника Визли. Установленная полковникомъ дисциплина, его вниманіе ко всѣмъ нуждамъ войнѣ, принятая система содержать всегда базары; снабжавше войско съестными припасами, заслужили всеобщее одобреніе. Когда прибылъ въ армію генераль Гаррисъ и услышалъ отъ корпусныхъ начальниковъ обо всѣхъ распоряженіяхъ Визли, когда увидѣлъ, что солдаты пристрастны ко всѣмъ трудностямъ военнаго дѣла, Гаррисъ особеннымъ приказомъ объявилъ молодому полковнику благодарности за отличный порядокъ, найденный въ войскѣ.

Вся армія раздѣлялась на три дивизіи, карнатійскую, канарскую и особую дивизію низама. Дивизія карнатійская состояла изъ двѣдцати тысячъ человекъ, въ томъ числѣ четыре тысячи триста Европейцевъ. Въ канарской дивизіи было шесть тысячъ четыреста человекъ, изъ нихъ тысяча Европейцевъ. Дивизія низама простиралась до шестнадцати тысячъ человекъ, включая сюда отрядъ Англичанъ изъ шести тысячъ пяти сотъ человекъ, подъ командою полковника Далримпла. Четыре тысячи человекъ изъ южнаго Карнатика и пяти-тысячный беремальскій корпусъ также соединились съ дѣйствующею арміею.

Это уже не то, что было во времена Клайва, когда компанія купцовъ отправляла на сраженіе разныхъ прощолъ, набранныхъ кое-какъ и кое-откуда. Теперь, не купеческаго контора, а уже король англійскій высылаетъ противъ своихъ враговъ войско многочисленное, образованное по всѣмъ правиламъ европейской тактики и подъ предводительствомъ

отличныхъ генераловъ. Европейскіе полки, иррегулярные впрочемъ и силою; туземные солдаты не сколько же уступали европейскимъ товарищамъ, ни въ дисциплинѣ, ни въ преданности вождямъ. Англійскіе офицеры окончателно рѣшили вопросъ о возможности образованія регулярнаго войска изъ туземцевъ, несмотря на взаимное отвращеніе и предразсудки кастъ.

Изъ кастъ, составляющихъ туземное войско, самая многочисленная — мусульманская. Мусульмане, менѣе другихъ зараженные религиозными предразсудками и болѣе смѣлѣе, самыя лучшіе солдаты въ войска компаніи,

За мусульманами слѣдуютъ Раджпуты, первая каста Индусовъ. Храбрые и верные солдаты, но съ романтическими и глупыми понятіями о чести.

Каста Теллига, или Дженту, въ храбрости уступаетъ мусульманамъ и Раджпутамъ, но отличается передъ ними особенною честью и верностью.

Каста Тамула, или Малавара, по правамъ и характеру довольно сходна съ кастою Теллига.

Пятая каста — парии. Презрѣніе туземцевъ къ этой кастѣ такъ велико, что Англичане должны были совершенно исключить паріевъ изъ военныхъ рядовъ. Впрочемъ, ихъ употребляютъ для разныхъ работъ при войска; парии караютъ пушки, раскидываютъ палатки, и прочая. Съ индійскимъ порокомъ, есть всякую дрянь, они соединяютъ европейскій пьянство. Впрочемъ и парии могли бы быть довольно храбрыми солдатами. Вообще, вся туземцы, обученные европейскими офицерами, почти ни сколько не уступаютъ лучшимъ англійскимъ солдатамъ въ Индіи.

Въ половинѣ февраля карнатійская дивизія перешла границы Мейсура; дивизія низама подъ предводительствомъ перваго министра, эмира Алемъ-Багадиря (богатыря мира), двадцать-шестаго ноября была уже въ Шиттуръ. Тридцатитретій полкъ подкрѣпилъ корпусъ низама, соединившійся съ главною арміею въ Келаменгацетъ осемнадцатаго февраля, и команда надъ всею дивизіею поручена полковнику Визли.

Многочисленное англійское войско, состоявшее, болѣею частью, изъ туземцевъ, имѣло два весьма важныя неудобства. Во-первыхъ, огромныя обозы, замедлявшіе быстроту

походу; въ вторыхъ, участвовавшихъ при арміи было больше чѣмъ самихъ солдатъ. Удивительно, какіъ Типпу не воспользовался этими неудобствами; а ему, ине вступая въ сраженіе, легко было было тревожить эту медленно подвигавшуюся массу и нападать на нее со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ Типпу ограничился только тѣмъ, что уничтожалъ суражировку и жегъ деревни по дорогамъ, гдѣ шелъ неприятель. Легкая конница дѣлала нападенія на аванпосты, и однажды Типпу удалось отрезать аріергардъ низама; султанъ уже убитъ и ранилъ нѣсколько сотенъ сипаговъ, но полковникъ Визли, во время предъувдомленной объ опасности, опрокинулъ мейсурскую конницу и спасъ полки, которые еще противились нечаянному нападенію.

Султанъ еще не имѣлъ въ виду ни какого плану, какъ вдругъ приближеніе карнатійской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Стюарта, подало ему благоприятный случай къ нападенію. Генераль Стюартъ подошелъ двадцать-пятого февраля къ ущелью Пондистерма, и, полагаясь на приближеніе карнатійской дивизіи, рѣшился расположить войско на границѣ. Поэтому бригада перваго крыла, состоявшая изъ трехъ туземныхъ баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Монтрессора, втораго марта остановилась въ Седасирѣ, подлѣ границъ Курги, въ семи миляхъ отъ Періапатама. Остальной корпусъ генерала Стюарта, съ артиллеріей и провизіею, расположился лагеремъ въ Селанорѣ и Аментенарѣ, одна часть въ восьми, другая въ двѣнадцать, миляхъ отъ передовыхъ постовъ.

Стюарту необходимо было такимъ образомъ раздѣлить бригады, потому что вся окружная страна покрыта бурьяномъ; притомъ въ Седасирѣ нужно было остановиться потому, что оттуда карнатійская дивизія легче всего могла соединиться съ арміей, при первомъ появленіи авангардовъ.

Утромъ, пятого марта, замѣтили недалеко отъ Періапатама огромный лагерь, съ зеленой палаткою посерединѣ. Тотчасъ Стюартъ узналъ, что противъ него идетъ султанъ со всемъ своимъ войскомъ. Подкрѣпивъ передовую бригаду четвертымъ баталіономъ, генераль приготовился къ сраженію.

Шестая марта сугубо мрутъ веренеть буть чти, колю ми силами втрянуть на бригаду Монтегосора. Застынутая въ распахъ дивизия, несмотря на превосходство новительскихъ силъ, мужественно, однако жъ, выдержала нападение и устояла на мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока не подошелъ на помощь генераль Стюартъ. Султанъ потерялъ болѣе полсотни тысячъ человекъ и въ досадѣ на неудачу, отступилъ къ Церрачатему.

Генераль Гаррисъ съ двойною радостью узналъ объ этой первой побѣдѣ; во-первыхъ, Типпу самъ началъ неприятельныя дѣйствія, и во-вторыхъ, это начало должно было совершенно убить мужество въ солдатахъ султана при дальнѣйшемъ продолженіи войны.

Двадцать-четвертаго марта три дивизіи англо-индійской арміи перешли Мадуръ и расположились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ султанъ. Двадцать-сельмаго, мейсурская армія стала на высотахъ Маллавелли, и Типпу открылъ сильную канонаду. Войска султана быстро двинулись впередъ и одинъ эскадронъ проникъ до главнаго штаба генерала Гарриса. Дивизія полковника Визли составляла лѣвое крыло, и тридцать-третьи полкъ отличился необыкновеннымъ мужествомъ. Выдержавъ сильный неприятельскій огонь, Визли скомандовалъ на штыки: при этомъ движеніи мусульмане разстроились и смяли свои ряды. Въ это время подошла конница маіора Флойда и довершила поражение султана. Побѣжденный Типпу-Саибъ захватилъ свои дѣлики и оставилъ поле сраженія. Генераль Гаррисъ, за недостаткомъ въ водѣ, долженъ былъ занять прежнюю позицію.

Это поражение совершенно разстроило Типпу-Саиба. Въ суевѣрномъ страхѣ, онъ воображалъ, что сама судьба вооружилась противъ него, и что дни его царствования сочтены. Нервнтельность султана обнаруживалась на каждомъ шагѣ, и онъ быстро шелъ къ гибели. Когда генераль Гаррисъ повелъ войско къ Сарингапатаму, черезъ рѣку Сосие, Типпу, думая, что онъ пойдетъ къ Аракери, сосредоточилъ на этомъ пунктѣ большую часть войска и намерялся дать решительное сраженіе.

По берегамъ Кавери англо-индійская армія встрѣтила множество крестьянъ, и стала ихъ увеличивать главную прои-

завоеванъ? Въплоть чинившихъ съединеніе съ арміею, армія легко могла соединиться съ канарскою дивизіею; генераль Гаррисъ оставилъ путь отступленія для прикрытія артиллеріи и перешелъ рину въ бредъ, вечеромъ, перваго апрѣля, онъ сталъ на битвахъ, въ четырехъ миляхъ отъ столицы Мейсура. Четырнадцатаго апрѣля всѣ четыре дивизіи были уже подъ стѣнами города, и осада началась.

Серингапатанъ лежитъ подъ 12, 26° северной и подъ 76° 50' восточной широты; на разстояніи тысячи осьми сотъ верстъ отъ Калькутты, девяти сотъ двадцати двухъ отъ Бомбея и трехъ сотъ отъ Мадраса. Городъ стоитъ при стеченіи двухъ рѣкъ; Кавери и Колеруна. Внешній видъ Серингапатана поразителенъ, особенно при взглядѣ на массивную архитектуру некоторыхъ зданій. Крѣпость окружена двумя отличными валами; передъ каждымъ изъ нихъ выкопаны рвы и поставлены бастионы. Особенно замѣчательны въ крѣпости два зданія, — дворецъ султана и прекрасная мечеть подъ бенгалорскихъ воротъ, съ прелестными минаретами; съ высоты которыхъ открываются виды на огромное разстояніе.

Мѣстоположеніе Серингапатана было весьма выгодно, какъ для укрѣпленнаго города. Прекрасные водопроводы снабжали крѣпость водою по всѣмъ направленіямъ. На самомъ островѣ было множество любопытныхъ зданій и прекрасныхъ видовъ: напримѣръ, дворецъ и сады Даль-Багъ; царская резиденція, въ которой покоился прахъ Гайдеръ-Али въ великомъ мавзоль изъ чернаго граниту; другой дворецъ Доулетъ-Багъ, и небольшой городъ Шегрисаджемъ. Но климатъ острова и столицы нездоровъ для Европейцевъ, и Тинпу надвигался, что это обстоятельство будетъ гибельнымъ для англійскаго войска.

Армія расположилась за три тысячи пять сотъ шаговъ отъ крѣпости. Передъ глазами Англійчанъ были разрушенныя деревни и водопроводъ, текущій на востокъ до кургана «Султанъ-Петъ». Мѣсто по возможности выбрано лучшее на всемъ острову; изъ пяти огромныхъ рощъ Англійчане могли брать пальму, арекъ, бамбукъ и другіе деревья, годныя для осадныхъ орудіи. Но съ другой стороны почва не ровна и во многихъ мѣстахъ прорыта оврагами, называемыя

Типпу очень удобно было делать набѣги на передовыя посты непріятеля.

Вскорѣ мусульмане заняли Султанъ-Петъ и начали ружейную пальбу. Нѣсколько пуль, додѣланныхъ до англійскихъ палатокъ, послужили сигналомъ къ выступленію изъ лагеря. Ночью полковникъ Визли вышелъ съ тремя полками, — тридцать-третьимъ, вторымъ бенгальскимъ, дванадцатымъ, — и двумя баталіонами снайговъ подъ предводительствомъ полковника Ша. Сначала все шло хорошо: Ша овладѣлъ водопроводомъ и разоренной деревней, полковникъ Визли разломалъ ограды Султанъ-Петъ. Но вдругъ стрѣльцы Типпу, предвидѣвше нападеніе, во многихъ мѣстахъ открыли страшный огонь. Ночь была темная; внутренность кургана, перерѣзаннаго каналами, затрудняла осаждающихъ на каждомъ шагу. Надлежало отступить; но къ несчастію двѣнадцать гренадеровъ тридцать-третьяго полка заблудились и взяты въ плѣнъ; полковникъ Визли, раненый въ ногу, едва самъ не попался къ непріятелямъ, и, блуждая нѣсколько часовъ во мракѣ ночи, на-силу могъ обратися до лагеря.

Это былъ промахъ, и генералъ Гаррисъ послѣдствилъ его поправить. На другой день полковнику Визли снова поручено атаковать Султанъ-Петъ; полковникъ Ша долженъ былъ вытѣснить непріятеля изъ водопровода, а полковникъ Валласъ (Wallace), начальствовавшій надъ ротами фланкоровъ четырнадцатаго полка и двумя ротами снайговъ, получилъ повелѣніе овладѣть большою деревней, прикрывавшею непріятельскіе посты съ правой стороны.

Успѣхъ вполне увѣнчалъ соединенныя усилія полковниковъ. Войска Типпу должны были оставить все свои редуты отъ кургана до самой рѣки, всю цѣпь постовъ на двѣ мили вокругъ.

Битва при Султанъ-Петъ подаде поводъ къ многимъ клеветамъ на Веллингтона. Несмотря на блистательную побѣду, одержанную послѣ несчастной ночи, во Франціи кричатъ будто Веллингтонъ со стыдомъ бѣжалъ съ поля сраженія. Злонамѣренныя французскіе журналы забываютъ несчастную голландскую кампанію и сраженіе при Маддавелди, гдѣ полковникъ Визли показалъ опыты отличнаго мужества;

изъ дружинъ, доставшихъ съезжаться и шумить и гуварить, будто битва при Султанъ-Петъ была *первымъ дѣломъ Великаго* тона, и будто онъ здѣсь поступилъ точно такъ же, какъ Карлъ XII, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ. Не дана и слава, не стоящая опроверженію.

Чтобы замедлить дѣйствія англійской арміи, Тинну писалъ порезъ ескамъ, и былъ доверенное лицо, что онъ, оставаясь всегда вернымъ вассальному договору, совершаетъ но не понимаетъ причины настоящей войны. Генераль Гаррисъ отвѣчалъ, что эта причина объяснена султану въ письмахъ губернатора, и Тинну узнавалъ, что начево надѣялся на дипломатическіе увертки.

Между тѣмъ началась осада, и ввечеру, двадцать-шестого апрѣля, мейсурскіе мусульмане, и во всякъ вѣшникъ владій, крайности, сохранили только одинъ пунктъ, отиуда полковникъ Визли получилъ повелѣніе ихъ выгнать. Атакка ведена была съ отличнымъ мужествомъ, и на разсвѣтъ слѣдующаго дня Визли совершенно сбилъ мусульманъ.

Еще разъ Тинну-Сабъ рѣшился вступить въ переговоры; но генераль Гаррисъ, вмѣсто отвѣту, положилъ пунктъ, на которахъ должна основываться капитуляція: «Въ двадцать четыре часа всѣхъ Французовъ прислать въ англійскій лагерь; — уступить союзникамъ ту половину султановыхъ владій, которую выберутъ они сами; — султанъ долженъ отказаться отъ всѣхъ правъ на эти владанія; — онъ представить поручительство въ свободномъ сообщеніи съ Карнатинкомъ и малабарскимъ берегомъ; — освободить всѣхъ военно-пленныхъ; — наконецъ Тинну-Сабъ долженъ заплатить Англичанамъ два *короа* рупій, половину теперь же, и часть имъ деньгами или въ слиткахъ, остальную половину черезъ шесть мѣсяцовъ. Для обезпеченія верности договору султанъ дастъ въ заложники чѣтырехъ сыновей и чѣтырехъ гланихъ офицеровъ изъ своей арміи.»

Султанъ писалъ, что надобно подумать объ этихъ условіяхъ; но Гаррисъ велѣлъ сказать, что не приметъ болѣе никакихъ послать; если Тинну не пришлетъ денегъ и заложниковъ.

Между тѣмъ осада шла своимъ чередомъ. Тридцатаго апрѣля открыта батарея, трагическая и сдѣлавъ приломъ въ

судьбы, и въ одно мгновѣе (ослажденно) сдѣлалъ украинца въ
города. И вмѣстѣ съ нимъ (или въ то же время) ии въ то же

Джараджанъ приближеніемъ побѣдоноснаго перситаго
Типпу-Самбу, къ дню рожденію содѣржали обрядъ омовенія, да
томъ потребовалъ лошадей, бросилъ на волю и вражій и на лагу,
и сказалъ: «Идешь ли?» Въ эту минуту, позвѣстивъ султана о
смерти джунгальскаго офицера, имира Джаввара, Типпу подѣлилъ
геройство своего любимца, называясь ему: «пресмыка, ври-
цидирмиъ Ломада», посылалъ, и уже болѣе не возвращался.

Должая до внутренняго виду крепости, Типпу отдалъ до-
шадъ и двѣ сотни служителей и вымалодъ въ толпу ермани-
щихся. Схвативъ заряженныя пистолеты, султаны омы
поражаль, неспешитидя въ атаку, но, наконецъ, изуродный
усталостью, открытыи: потомъ и кровью, съ отчаяніемъ
улыбались торжественныя ирани Англичанъ и увидаль бы-
ство своихъ солдатъ. Неугрошанно шелъ онъ впередъ къ
предкѣи воначъ, твердо рѣшившійся умереть смертію героя,
но, при входѣ въ главный ворота, онъ былъ остановленъ на-
тѣшномъ: бегущимъ: направо: султаны хотѣли: пробиться
спроста: перилталеи, — труды: мертвыхъ: тѣлъ: безпрестанно
задвигали: ему: дорогу, и наконецъ: самъ: онъ: пагъ, пора-
женный смертєлвннмиъ ударомъ. Солдаты тотчасъ сорвали
дрюгоцвѣтныиъ украшения и трупъ Типпу-Самбу остался забы-
тымъ или неузнаннымъ посреди вроднѣи: мертвъ.

Кое-какъ, однако жъ, отыскали султаны между убитыми и
на носилкахъ перенесли во дворцы. Одинъ индійскій офи-
церъ тщательнѣе осмотрѣлъ тѣло, пробитое пулемъ и прои-
лелоеи: жгучими, издалъ: воймиъ: и отрезалъ у него одну ба-
кенбарду. Едвамогли спасти бездушный трупъ отъ другихъ
болѣе: не: шалыкъ: безчеститъ: солдатъ: непременно: хотѣли
мечеть: на: своихъ: двѣнадцати: товарищѣи: звать: въ: палатѣ:
при: лонной: шитани. Булгацы: Непалъ: жевотокъ: замученныиъ
султаномъ. Типпу-Самбу: ни: когда: не: отказывался: отъ: ир-
варшнго: удовольствія: удовлетворить: хвою: левннотъ: про-
тивъ: Англичанъ: доволать, будго, въ: недостаткѣ: въ: ир-
ствоннхъ: жертвахъ: во: ирши: шира, онъ: велѣлъ: сдѣлать: ир-
шину, представляющую: деревяннаго: тигра, и этотъ: тигръ,
какъ: скоро: привождя: машину: въ: ирши: посредствѣиъ
колесъ, шкнралъ: Европейцы: Англичанѣ: не: забавля: ир-

еще и Типпу-Саибъ, окружилъ около махметова Матхеса (Mathews). Несмотря на это, по распоряженіямъ генерала Гарриса, тѣло султана отдано его фамиліи, и два роты гренадеровъ составили погребальную свиту. Типпу-Саибъ положенъ въ мавзолей своего отца, Гайдеръ-Али. Церемонія происходила вечеромъ со всею мусульманскою пышностью; въ это время поднялась сильная буря, и служители султана говорили, что самыя стихи оплакиваютъ смерть ихъ повелителя и паденіе имперіи.

Типпу-Саибъ былъ малъ ростомъ; плечи имѣлъ широкія, шею толстую и короткую, глаза большіе и выразительныя, носъ орлиный. Въ его физиогноміи и походкѣ замѣчались особенную важность, по которой легко было отличить его между всеми придворными. Заклятой врагъ христіанъ, онъ былъ самымъ строгимъ мусульманинномъ, и до суеврѣя почиталъ даже индійскіихъ боговъ. Такъ, однажды, отправляясь къ браминамъ слона, козла и двухъ буйволовъ, для приношенія въ жертву Брамъ. Изъ странностей Типпу замѣчательна особенно его страсть къ тиграмъ. Гайдеру знакомъ царскаго достоинства служилъ слонъ; его сынъ, по восшествіи на престолъ, для этого выбралъ тигра. Звѣрь этотъ изображенъ былъ на всѣхъ дворцовыхъ мебляхъ и на мейсурскихъ знаменахъ. Девизомъ султана были слова: *Усе-дѣннѣе былъ за любовь*, что значитъ: «Левъ Аллаха.» Но къ этому леву Типпу велѣлъ прибивать голову тигра. Такое же точно изображеніе было на знаменитомъ золотомъ престолѣ, на которомъ стоялъ фениксъ съ поднятыми крыльями. Но султаны не ограничивались одними только эмблемами. Вотъ что между прочимъ полковникъ Визли писалъ изъ Серингапатама къ генералу Гаррису: «Что намъ дѣлать съ тиграми, которыхъ намъ слѣдуетъ и чертову пропасть во дворцѣ Типпу-Саиба? Я хотѣлъ бы отослать ихъ въ Миръ-Алиму! иначе придется всѣхъ ихъ переколотить, потому что здѣсь нечѣмъ кормить этихъ звѣрей, да и не кому за ними ухаживать.» Четыре тигра караулили для царицы Типпу-Саиба въ приватныя покои; девять самыхъ молодыхъ. Трехъ для младъ убиравши гдѣскіе генералы, четвертый, чернѣе, для царицы, въ разное и добротѣ, въ казарнѣ, для переводчика серингатапатама, и одинъ для сакира, и еще двѣ для султана, у каждаго.

Развешенный узаръ прилепился къ столбу, и тутъ убили его солдаты.

Типпу также былъ большой охотникъ до лошадей и чрезвычайно любилъ войну. Въ мирное время онъ не зналъ, куда дѣваться съ своимъ избалованнымъ характеромъ, и обыкновенно говорилъ, что гораздо лучше прожить два дни подобно тигру чѣмъ два вѣка подобно ягненку. Султанъ одѣвался очень просто, но на его чалмѣ сидѣлъ прекрасный алмазь; его перстень украшенъ былъ ботатымъ рубиномъ; также носилъ онъ жемчужные четки, и палашъ его былъ богатой отделки. Въ гаремъ султана было болѣе шести сотъ двадцати женщинъ, но Типпу рѣдко навѣщалъ ихъ, и вообще велъ жизнь очень воздержную, посѣщая арсеналы и безпрестанно дѣлая смотръ войскамъ. Въ дворцовыхъ галереяхъ, гдѣ султанъ обыкновенно прогуливался, было очень много драгоценностей, и между прочимъ библіотека, состоявшая изъ рѣдкихъ, великолѣпно расписанныхъ, манускриптовъ.

Смерть Типпу-Саиба имѣла весьма важныя слѣдствія въ политическомъ отношеніи. «Взятіе Серингапатама, писалъ лордъ Моррингтонъ индѣйскому правительству, отдаетъ въ полное ваше распоряженіе мейсурское царство, со всѣми его сокровищами; единственная держава въ Индіи, помогавшая Французамъ и страшно грозившая вашимъ выгодамъ, теперь почти совершенно уничтожена и лишена всякой возможности вредить намъ.» Въ военномъ отношеніи, Англичане одержали также не мадоважную побѣду: крѣпость защищали двадцать два тысячя мусульманъ, и если бы Типпу слушался эмира Джаофара и французскихъ офицеровъ, паденіе Серингапатама дорого стоило бы Англичанамъ. Но Типпу-Саибъ, увлекаемый суевѣрнымъ страхомъ, дѣйствовалъ какъ помѣшанный, и вовсе неспособенъ былъ командовать.

Ничего малъ, полковникъ Визли, получивъ начальство надъ крѣпостью, выставилъ знамя шира и дневнымъ приказомъ строго запретилъ солдатамъ грабить и притѣснять жителей. Въ примѣръ другимъ, четыре народа были разстрѣляны. Мало-по-малу довѣренность жителей возстанов-

даль; городъ схова; наполнился Нидерландцами, и; поросъ три дна, мейсурская столица, подъ английскими знаменами; подошла, болѣе на огромную восточную армерию чать на городъ, ватъщ; приступомъ.

Дордъ Морнингтонъ ни мало не ошибся, вкравъ упреждение Серинганаатама своему брату. Благоразумными мерами и распорядженіями полковникъ Визли вывелъ оправданное оказанное себя доверіе. Старшій сынъ Ташпу-Самба, Фетихъ-Гайдеръ, министръ Черни и эмиръ Каминъ-аль-Динъ безпрекословно повиновались новымъ воляамъ, когда получили повелѣніе сдать крепости султана. Войско разошлось почти само собою, и въ Карнатикъ отиравила военно-пѣхотными французскихъ офицеровъ de Lally и de Charuu, пришедшихъ съ острова Маврикія. Осталось еще разделить наследство Ташпу и присокать ему наследника. Для этого назначена особенная комиссія, иттерой поручено согласить въходы союзниковъ съ подданыи Великобританіи. Возникъ вопросъ, кого назначить преемникомъ султана, сына Ташпу или потомка изъ фамиліи древняго роду, у котораго Гайдеръ-Али отнялъ престоль. Дордъ Морнингтонъ очень хорошо понималъ, что дачей Ташпу не легко, сдать друзьями Англичанъ, между-тѣмъ какъ, восстановленіе прежней династіи могло дачаться царю; самымъ правосуднымъ поступкомъ со стороны; англійскаго правительства. Гайдеръ и его сынъ очень жестоко обходились съ потомками такъ называемаго шести-палага хана. Они довели ихъ быльи до величайшей бѣдности, и Визли нашелъ ихъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ простой занавѣсь, по обычаю мусульманскому, разделялъ два пола несчастной фамиліи. Мать едва не сошла съ ума отъ радости, когда Визли сказалъ, что ея сына англійское правительство возводитъ на престоль султана; она клялась, что сынъ vanno будетъ благодарить своихъ благодѣтелей. Черезъ несколько времени пяти-лѣтній князь Кришна-Раджа-Уддверъ сдѣланъ султаномъ въ прежней мейсурской столицѣ, гдѣ назначено быть султанской резиденціи. Главная квартира полковника Визли осталась въ Серинганаатамѣ, и она занялъ дворцы Доудель-Багъ.

Все улыбалось побѣдителямъ Мейсура, но вдругъ испре-

сочиненій было издано въ В. дн. Ч. въ свое время; но важность ихъ содержанія для исторіи и, въ особенности, для моряковъ, которыхъ они должны привычь къ себѣ полное вниманіе, заставляетъ насъ поговорить объ нихъ подробно. Господанъ Джозефъ, авторъ Naval History of Great at Britain уже не существуетъ: онъ извѣстенъ въ англійской литературѣ издавшемъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ сочиненій о морскомъ дѣлѣ. Последнее его твореніе, предпринятое еще въ 1819. году, напечатано вторымъ изданіемъ, съ значительными прибавленіями, въ 1826, а въ 1837. окончательно дополнено. Объ этой морской исторіи можно сказать, что едва ли какое-нибудь другое историческое твореніе подходитъ ближе къ совершенству въ своемъ родѣ. Въ «введеніи» авторъ коротко и кратко излагаетъ успѣхи морской архитектуры въ Великобританіи в началѣ вѣдѣйшихъ, удрученій въ англійскомъ флотѣ до французской революціи. Самая исторія начинается съ объявленія войны въ 1793. году и оканчивается ссорблѣннмъ миромъ 1815. Каждый годъ этого промежутка времени занимаетъ особенное отдѣленіе, состоящее изъ трехъ главъ, въ которыхъ подробно и мастерски описаны все движенія воюющихъ флотовъ, сраженія отдельныхъ судовъ, атаки гребными судами и вся морскія дѣйствія въ полочіяхъ. Въ «прибавленіи» помѣщены таблицы, показывающія кратко, но съ строжайшею точностію, число, названіе, и величину судовъ, принадлежавшихъ къ англійскому флоту, при началѣ каждаго года, съ подробными свѣдѣніями объ увеличеніи или уменьшеніи флота въ предидущемъ году, съ 1793 по 1820 включительно. Разысканія, которыя надобно было дѣлать, чтобы собрать матеріалы для такихъ таблицъ, и трудъ самаго ихъ составленія, такъ огромны, что эти двадцать, осемь таблицъ можно считать памятникомъ необыкновеннаго трудолюбія.

Въ описаніяхъ сраженій между отдельными судами, обстояательства вѣтра, различныя маневры, потери обѣихъ сторонъ, имена убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, все это заимствовано, сколько можно, изъ журнала командира судна, или изъ записокъ писавшихъ. Нѣбемъ авторъ исчисляетъ общаго число силъ обѣихъ судовъ, въ

людскѣ и орудіяхъ, подтверждая это въ вѣжливѣе слушать таблицю, а въ заключеніе дѣлаетъ свои замѣчанія на сраженіе. Когда обстоятельства позволяютъ, онъ слѣдуетъ тому же порядку и въ описаніяхъ дѣлъ между цѣлыми флотами. Онъ съ точностію представляетъ движенія и потери каждаго судна, и связываетъ эти отдѣльные свѣдѣнія общою живою картиною битвы. Разсказъ его вездѣ отличается безпристрастіемъ и точностію, говоритъ ли онъ о своихъ или о непріятель, о дѣйствіяхъ мичмана, командира чetyрехъ-весельнаго яла, или о подвигахъ Нельсона и знаменитѣйшихъ его капитановъ. Сверхъ-того занимательнѣйшія или важнѣйшія сраженія пояснены прекрасными чертежами, и кромѣ таблицы собственныхъ именъ, англійскихъ и иностранныхъ, къ сочиненію приложенъ полный и вѣрный словарь встрѣчающихся въ немъ морскихъ терминовъ.

«*Vérité sans peur*», таковъ эпитафъ Джемза, и онъ въ самомъ строгомъ смыслѣ исполнилъ его. Жаль только, что онъ допустилъ одну погрѣшность, — неутомимое, жестокое преслѣдованіе Американцевъ. Чувство народной ненависти Англичанина къ отпадшимъ собратамъ пробивается во всѣхъ словахъ Джемза и составляетъ странную противоположность съ обычнымъ его достоинствомъ и съ его откровенностію. Нравственный характеръ Американцевъ подверженъ у него безпрестаннымъ сарказмамъ, и заатлантическихъ моряковъ, извѣстныхъ своимъ благородствомъ, онъ, часто безъ всякаго повода, обвиняетъ во лжи и обманѣ, и всѣ дѣйствія ихъ военныхъ судовъ разбираетъ самымъ жестокимъ образомъ: оттого, мастерское наложеніе причинъ бѣдъ большей части уроновъ, которые англійскія суда терпѣли въ продолженіи послѣдней американской войны, теряетъ значительную часть своей цѣны. Другіе еще упрекаютъ Джемза въ сухости слогу, но въ твореніи этого роду необходимо допустить оффиціальнѣйшій порядокъ и точность показаній широты и долготы, направленія ветровъ и положеніе дѣйствующихъ судовъ. Въ книгѣ, предназначенной служить запискою военныхъ подвиговъ на моряхъ, нѣтъ мѣста для риторическихъ разглагольствованій. Довольно, если равсказать тѣмъ искусно расположенъ и такъ ясно, что чита-

тем задать обширное пространство перед собою и притому.

Что касается до книги господина Купера, то она, можно сказать, составляет противоположность творению покойного Джемса, и въ некоторомъ отношеніи необходимо къ нему дополненіе. Объясненіе объ ней было принято въ Англіи съ большимъ любопытствомъ. Литературныя дарованія этого американскаго писателя явились такъ блистательно въ его морскихъ романахъ, что должно было ожидать многого отъ историческихъ трудовъ его. Слогъ Купера живъ и цвѣтаетъ, мѣстами красноречивъ и трогателенъ, и хотя сужденія его о дѣлахъ не всегда безпристрастны, однако жъ онъ рѣдко употребляетъ общія мѣста и часто отдавалъ справедливость Англичанамъ. Вся эти качества находятся и въ историческомъ трудѣ его. Но нельзя съ такою же похвалою отнестись о вниманіи его къ техническимъ подробностямъ. Правда, онъ избѣгаетъ романтическихъ преувеличеній; но вообще рассказы его именно таковы, какихъ можно ожидать отъ умнаго романиста, похваляващаго себя въ исторіи и обладающаго изрядными морскими свѣдѣніями, но ничего больше. Эти рассказы даютъ притомъ понятіе только объ одной сторонѣ предмета. Оно естественно: Куперъ приваляся за морскую исторію своего отечества разобившись выходками Джемса, и хотѣлъ выставить успѣхи Американцевъ въ военно-морскомъ дѣлѣ съ самой блестящей стороны. Онъ старается писать умеренно и скромно, но вездѣ замѣтно, что онъ руководствуется только хвастливыми рассказами своихъ соотечественниковъ и что соотвѣствуетъ съ officialными документами, которыми-жарь тамъ, гдѣ они должны служить единственнымъ источникомъ извѣстій о разсматриваемомъ случаѣ.

Морская сила Соединенныхъ Штатовъ выдержала три войны, именно, первую при основаніи Штатовъ, вторую триновскую и лэпелопъ войну 1812 года; но все эти войны только ученическія отвѣты на военно-морскомъ поприщѣ. О триновской войнѣ, Американцы воспоминають съ особеннымъ чувствомъ гордости. Вмѣстѣ 1801 года, когда правительство американскихъ Соединенныхъ Штатовъ имъ требованіе подарковъ и дани, побудило ихъ на войну три-

польскаго къ непреклоннымъ дѣйствіямъ противъ цѣлой заатлантической державы, и не прежде какъ въ іюнь 1805 года, былъ заключенъ миръ между ними. Впродолженіи этой войны, американскія эскадры неразъ запирали трипольскій портъ и бомбардировали городъ. Чтобы безпокоить непріятели, американскіе офицеры рѣшались на самыя опасныя предпріятія, и въ исполненіи ихъ показывали примѣръ отчаянной храбрости. Но все это еще не война,

Война 1812 года между Англіею и Соединенными Штатами нѣсколько важнѣе: она была объявлена 18 іюля, и чрезъ нѣсколько дней произошла первая схватка на морѣ: капитанъ Бейронъ, командиръ англійскаго фрегата Бельвидира, уходя отъ американской эскадры, подъ начальствомъ адмирала Роджерса, дрался нѣсколько времени съ передовымъ американскимъ кораблемъ, и наконецъ ушелъ.

Послѣ того случились три замѣчательныя частныя схватки, въ которыхъ англійскіе фрегаты сдались Американцамъ: 19 августа фрегатъ «Герриеръ», подъ командою капитана Декрза, сдался командиру фрегата «Констительюшнъ», капитану Холль; 25 октября фрегатъ «Соединенные Штаты» подъ начальствомъ командора Дикстера, плѣнилъ фрегатъ капитана Кардена, «Маседоньенъ», и 29 декабря, командиръ фрегата «Ява», капитанъ Ламбертъ, сдался командиру фрегата «Констительюшнъ», командору Бенбриджу. Всѣ эти три случая были предметомъ споровъ. Американцы хвалились мужествомъ и побѣдою; Англичане напротивъ приписывали свою потерю простому стеченію невыгодныхъ обстоятельствъ, и споръ до-сихъ-поръ продолжается. Еще и теперь, по случаю выходу въ свѣтъ исторіи Купера, который, разумѣется, прославилъ эти подвиги, въ англійскихъ журналахъ возникла сильная полемика.

Около времени сраженія между фрегатами «Констительюшнъ» и «Герриеръ», произошло дѣло американскаго корвета «Оса» (Waspe), подъ командою капитана Джонса, съ англійскимъ бригомъ «Фроликъ», подъ командою капитана Вяттеса. Вскорѣ до началъ битвы, бригъ получилъ поврежденіе, отъ котораго управленіе имъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ; между тѣмъ «Оса» приняла выгодную позицію, и продолжительными выстрѣлами принудила его къ безза-

щитное состояніе. Это происшествіе также подало поводъ къ спору. Англичане говорятъ, что «Фроликъ», потерявъ въ бурѣ грота-рею, потерпѣвъ и поврежденіе гротъ-стѣнги, бѣдствовалъ уже при началѣ сраженія. Напротивъ, Куперъ пишетъ, что «Фроликъ» былъ четырьмя орудіями сильнѣе американскаго корвета: это едва-ли можно принять за истину, потому что въ Куперовомъ исчисленіи орудій, которыя были на «Фроликъ», показано многое не согласно съ обыкновеннымъ вооруженіемъ всѣхъ вообще первоклассныхъ англійскихъ бриговъ, къ которымъ принадлежитъ и «Фроликъ».

Знаменитое сраженіе, въ которомъ англійскій фрегатъ «Шеннонъ» взялъ «Чисапикъ», произвело новый споръ между двумя народами: только на этотъ разъ они должны были помѣняться ролями. Успѣхъ англійскаго фрегата приписывается Куперомъ *нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ*: изъ нихъ, какъ кажется, онъ почитаетъ важнѣйшимъ небреженіе и трусость горниста, обязаннаго съзывать абордажныхъ, чего онъ не исполнилъ. Куперъ увѣряетъ, будтобы это несчастное обстоятельство было причиною, что люди, находившіеся въ батарейной палубѣ, тогда только поняли опасность, когда уже шканцы, гдѣ хранилось абордажное оружіе, были заняты непріателемъ, и невозможно было защититься. Но Англичане говорятъ, что Куперъ не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить читателямъ нѣкоторыхъ подробностей этого случая. И въ самомъ дѣлѣ, неужели никто изъ офицеровъ и матросовъ американскаго фрегата не могъ исполнить обязанности труса. Но если и такъ, то неужели приступъ англійской абордажной партіи могъ разстроить ихъ силы? Люди, находившіеся въ батарейной палубѣ, могли ли не знать, что фрегаты свалились, и что надъ головами ихъ дерутся? Полно, не было ли, кромѣ бѣдства ихъ Тиртея, какихъ нибудь другихъ причинъ, по которымъ они оставались внизу? Слушая разсказъ господина Купера, будто американскій фрегатъ сдался послѣ минутнаго дѣла, оттого только что горнистъ во время не заигралъ «Hail Columbia», можно подумать, что чудесныя дѣйствія древней музыки и въ наше время не совершенно еще прекратились. Въ другомъ мѣстѣ Куперъ говоритъ, что по не-

счастному случаю, всѣ старшіе офицеры на американскомъ фрегатѣ были тяжело ранены прежде нежели фрегаты сцепились, и «въ батарейной палубѣ не оставалось никого старшаго мичмана». Но Англичане возражаютъ, что у Американцевъ были въ дѣлѣ и старшіе офицеры, и ссылаются въ томъ на американское офиціальное донесеніе, въ которомъ сказано, что «первый лейтенантъ Лэдло, и одинъ изъ старшихъ офицеровъ, ранены при попыткѣ отразить абордажную партію Англичанъ». Наконецъ Куперъ пишетъ еще, что въ американской командѣ существовали какія-то «неудовольствія»; что на фрегатѣ было много наемныхъ людей, и что «капитанъ Лоренсъ, видя особенное расположеніе духа своей команды, очень желалъ избѣжать сраженія». Противъ такихъ показаній, по словамъ Англичанъ, и возражать нечего, а можно только замѣтить, что опираясь на нихъ, Куперъ самъ обнаруживаетъ непростительный безпорядокъ въ службѣ на американскомъ кораблѣ. Но слѣдующія слова его не совсѣмъ согласуются съ замѣчаніемъ о духѣ команды. «Чисапикъ, открылъ стрѣльбу, когда всѣ его орудія были направлены, и врядъ-ли другое судно, равной силы, дало бы заплъ, истребительнѣе того, какой онъ тогда произвелъ. Американскій фрегатъ имѣлъ поверхность въ жаркой пальбѣ, продолжавшейся около семи или осьми минутъ». Послѣ этого куда же дѣтъ «особенное состояніе духа» американцевъ, помѣшавшее имъ выиграть битву? Разумѣется, Куперу должна очень нравиться мысль, что соотечественники его, и при этомъ «особенномъ» расположеніи «духа» команды, превосходили въ стрѣльбѣ хорошо выправленный англійскій экипажъ, и принуждены были сдать единственно по случаю бѣгства горниста; но сомнительно, чтобы военная критика признала это оправданіе достаточнымъ.

Въ сентябрь 1813 года, послѣ отчаянной трехъ-часовой битвы на озерѣ Эри, британская флотилія, изъ двухъ корветовъ, брига, шкуны и двухъ канонерскихъ лодокъ, подъ командою капитана Барклая, сдалась американской эскадрѣ, состоявшей въ двухъ большихъ бригахъ и осьми тяжело-вооруженныхъ шкунахъ, предводимыхъ командоромъ Перри, котораго бригъ, впродолженіи дѣла,

былъ принужденъ спустить флагъ; но, разумется, не взять. Потеря Американцевъ простиралась до ста двадцати-трехъ, Англичанъ до ста тридцати-пяти человекъ убитыми и ранеными. Англійскія суда имѣли въ совокупности шестьдесятъ-три орудія; команда ихъ состояла всего изъ триста сорока-пяти человекъ, въ числѣ которыхъ находилось только пятьдесятъ матросовъ, а остальные были солдаты и канадскіе земдѣльцы: чтобы получить понятіе о вооруженіи этихъ людей, надобно знать, что, за недостаткомъ артиллерійскихъ снарядовъ, они употребляли вмѣсто фитилей пистолеты. На американскихъ судахъ общее число орудій было менше: только пятьдесятъ-четыре; но они имѣли довольно орудій, годныхъ для круговой обороны, и могли производить залпы такимъ же числомъ пушекъ, какъ англичане, и ядра ихъ дотога превосходили тяжестью англійскія, что сложное дѣйствіе американскаго залпа было вдвое сильнѣе залпа Англичанъ. Эти подробности, которымъ и господинъ Куперъ не противоречить, взяты изъ англійскаго офиціального документа. Что касается до числа людей на американскихъ судахъ, то, по показанію Джемза, «команда Перри была отборная и простиралась по-крайней-мѣрѣ за пятьсотъ осемдесятъ», но Куперъ думаетъ, что число шканечныхъ людей на обихъ эскадрахъ не представляло большой разницы. Какъ бы то ни было, сравненіе силы обихъ сторонъ въ орудіяхъ совершенно освобождаетъ Англичанъ отъ упрека въ неудачѣ битвы: ихъ нельзя обвинить ни въ чѣмъ, кромѣ какъ въ дерзости, съ какой они вступали въ неравную борьбу. Между-тѣмъ господинъ Куперъ, пишетъ, что американскій флотъ «смотритъ на это «сраженіе какъ на одно изъ самыхъ блистательныхъ своихъ подвиговъ»».

Дѣйствія на озерѣ Онтарио до 1813 года не представляютъ ничего достойнаго замчанія. Но въ 1813 году тамъ было много общихъ и частныхъ сраженій между англійскою эскадрою, подъ командою сэръ Джемза Йо и американскою, подъ начальствомъ командора Чонси. Въ одномъ изъ этихъ дѣлъ, Англичане взяли двѣ американскія шкуны. Командиры обихъ эскадръ обвиняли другъ друга въ желаніи уклониться отъ битвы. Куперъ, разумется, повторяетъ слова

американскаго командора, но, и не его иррацію, сэръ Джозефъ Джо., избывая битвы, подчинялся *возможнѣ-близкѣ* строгому повелѣнію. Нельзя однако-жъ полагать, чтобъ этотъ офицеръ, имѣя строгое запрещеніе вступать въ дѣло, въ доверсеніяхъ правительству безпрестанно твердилъ объ усиліяхъ своихъ маршировать это запрещеніе и объ осторожности противника, это было бы уже слишкомъ смѣшно. Невѣроятно также, чтобы противники допустили *для виду* перемену въ сущности своихъ донесеній. Вообще этотъ случай такъ страненъ, запутанъ такими противорѣчіями, что въ немъ ничего нельзя разобрать.

Куперъ, вѣроятно, отъ досады, оставляетъ безъ объясненій, и даже безъ упоминанія, одно тоже очень странное происшествіе, случившееся въ этомъ же 1813 году. Американскій командоръ Роджеръ, въ офиціалномъ письмѣ отъ 17 сентября, извѣщалъ, что во время крейсерства его въ Тихомъ Океанѣ на сорока-двухъ-пушечномъ фрегатѣ «Президентъ», въ сопровожденіи вооруженной шкуны, гнались за нимъ англійскіе семидесяти четырехъ-пушечный корабль и фрегатъ, и что въ продолженіи трехъ-суточной погони, послѣ которой ему удалось уйти, Англичане неоднократно находились отъ него въ разстояніи не болѣе шести миль. Но по разсмотрѣніи журналовъ гнавшихся судовъ, по сравненію чиселъ, широты, долготы и всѣхъ другихъ признаковъ, открылось впоследствии, что мнимые семидесяти-четырехъ-пушечный корабль и фрегатъ были просто фрегатъ «Александрія» вдвое меньше Американца и небольшой корветъ «Смитъфайръ.»

Въ октябрѣ 1813 года, англійскій бригъ «Пелкантъ», командуемый капитаномъ Мепльзомъ, взялъ послѣ жаркаго дѣла, продолжавшагося три четверти часа, американскій бригъ «Аргусъ», подъ командою капитана Оллена. Англичане потеряли осмь человекъ, Американцы двадцать два. Это сраженіе не дало поводу ни къ какимъ спорамъ: другіе согласно увѣряютъ, что англійской бригъ потопилъ своей частью своей артиллеріи превосходилъ противника. — Здѣсь оманчиваются всѣ примѣчательныя дѣла, случившіяся въ 1813 году. Въ началѣ 1814, фрегатъ «Гиббсъ» и корветъ «Черёбъ», подъ командою капитановъ Вильера и Теклота,

заперли капитана Нортера въ вальсгеррайской гавани. Нортеръ вадумалъ уйти, но потерялъ стеньгу и сдался послѣ сраженія. Куперъ немножко преувеличилъ силу Англичанъ: впрочемъ они дѣйствительно и орудіями и числомъ людей далеко превосходили противника и сверхъ-того пользовались многими случайными выгодами во время сраженія.

Послѣ того, въ іюнь 1814, англійскій осьмнадцати-пушечный бригъ «Риндиръ», капитанъ Меннерзъ, встрѣтился съ американскимъ корветомъ «Осою», подъ командою капитана Блекли. Англичане нѣсколько разъ пытались абординовать, но были принуждены сдаться, послѣ полу-часовой битвы. Корветъ потерялъ около тридцати человекъ; на бригъ, кромѣ храбраго командира, легло болѣе половины команды. Американецъ былъ вооруженъ двадцати-четырехъ-фунтовыми коронадами, артиллерія его была болѣе нежели вдвое тяжелѣе англійской, а также онъ имѣлъ перевѣсъ въ люляхъ. Два другіе англійскіе брига «Эвонъ», подъ командой капитана Арбетнота, и Eregvier, подъ командой капитана Вельза, сдались не при такихъ извинительныхъ обстоятельствахъ. Первый изъ нихъ попалъ въ руки корвета «Осы», а послѣдній достался корвету «Пикокъ», одного съ нимъ ранга, подъ командой капитана Варрингтона. Англичане говорятъ, что на послѣднемъ орудіа были въ самомъ жалкомъ состояніи.

Въ сентябрь, американская эскадра, подъ командою капитана Мекдоно, побѣдила англійскій отрядъ капитана Даули, на озерѣ Семпленъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ большаго судна, вооруженнаго тридцатью-тремя орудіями, шестнадцати-пушечнаго брига, двухъ вооруженныхъ катеровъ и нѣсколькихъ канонерскихъ лодокъ. На немъ было команды около семи сотъ четырнадцати человекъ. Американская эскадра заключала въ себѣ большой двадцати шести-пушечный корветъ, осьмнадцати-пушечный бригъ, большую юнгу, семнадцати и тендеръ о девяти орудіяхъ, и десять канонерскихъ лодокъ. На нихъ, по словамъ Купера, было осемь сотъ пятьдесятъ человекъ команды; но Джемъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ — девятьсотъ осемьдесятъ одинъ. Въ битвѣ продолжавшейся три часа, Американ-

ны потерян сто десять, Англичане сто двадцать девять человекъ.

Дѣйствія на озерѣ Онтарио, въ продолженіи 1814 года представляютъ непрерывную цѣпь переменныхъ успѣховъ Англичанъ и Американцевъ, по мѣрѣ того какъ тѣ или другіе спускали новыя суда, построенныя зимой. Куперъ входитъ въ длинныя разсужденія по поводу одного случая, при которомъ англійская эскадра была заперта Американцами, и вслѣдствіи старается доказать, будто Англичане постыднымъ образомъ отказались отъ бою, предложеннаго имъ немного сильнѣйшимъ противникомъ. Не пускаясь въ подробности, можно замѣтить, что, по документамъ Джемса, американская эскадра была по-крайней-мѣрѣ вдвое сильнѣе англійской; и что когда командоръ Чонси въ свою очередь позволилъ сэръ Джемзу запереть себя, то въ это именно время онъ и былъ сильнѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Впрочемъ въ 1814 году не произошло на озерѣ ни одного дѣла, а въ 1815 году миръ былъ заключенъ прежде нежели открылось сообщеніе.

Въ январѣ 1816 года, командоръ Дикетеръ, стараясь уйти изъ Нью-Йорка, на фрегатѣ «Президентъ», былъ преслѣдуемъ англійскою блокирующею эскадрою, и принужденъ къ сраженію командиромъ фрегата «Эндиміонъ», капитаномъ Гопомъ.

Послѣ жаркаго двухъ-часоваго бою, сильное поврежденіе въ парусахъ и такелажѣ «Эндиміона» принудило его отстать отъ противника далѣе его выстрѣловъ. «Президентъ» продолжалъ путь, но когда другой англійскій фрегатъ догналъ его и выстрѣлилъ, то онъ сдался безъ малѣйшаго сопротивленія. По словамъ Купера «Президентъ» потерялъ семьдесятъ человекъ убитыхъ и раненыхъ: это число согласно съ показаннымъ въ официальныхъ письмахъ, въ которыхъ однако жъ Дикетеръ изъявляетъ сомнѣніе въ точности своей вѣдомости; и Джемсъ увѣряетъ, будто въ послѣдствіи узнано отъ офицеровъ, что настоящая потеря простиралась до ста пяти человекъ. На англійскомъ фрегатѣ всего убито двадцать пять человекъ. «Эндиміонъ» поднималъ тысячу двѣсти семьдесятъ семь тоннъ груза и былъ вооруженъ двадцатью-шестью длинными орудіями двадцати-четырёх-

фунтового калибра, и двадцатью двумя тридцати-двухъ-фунтовыми коронадами. Ясно, что «Президентъ» далеко его превосходилъ въ силѣ.

Спустя мѣсяць послѣ взятія фрегата «Президентъ», капитанъ Стюартъ, командиръ фрегата «Констатинъ», встрѣтился и сражался съ двумя англійскими тридцати-двухъ и двадцатью-пушечными корветами «Сіянь» и «Левантъ», подъ командою капитановъ Фалькона и Догласа. Фрегатъ несравненно лучше ходилъ, и пользуясь выгоднымъ для себя вѣтромъ, могъ держаться въ такомъ удаленіи, что огонь корветовъ, вооруженныхъ коронадами, не производилъ ни какого дѣйствія. По истеченіи полчаса, «Левантъ» принужденъ былъ спуститься для скрѣпленія мачтъ; между-тѣмъ Американецъ сдѣлался съ его товарищемъ, уже совершенно бѣдствующимъ, и взялъ его на абордажъ. «Левантъ», поправивъ наскоро свои поврежденія, спѣшилъ на помощь, долго отстреливался на бѣгу, но, послѣ упорной защиты, также принужденъ былъ сдаться. Коронады на обѣихъ англійскихъ судахъ, кромѣ десяти или двѣнадцати-осмнадцати-фунтовыхъ на корветъ «Сіянь», были тридцати-двухъ-фунтового калибра. Корветы поднимали въ совокупности около пяти сотъ тоннъ, команды ихъ состояли изъ трехъ сотъ двухъ человекъ. Фрегатъ былъ вооруженъ пятьюдесятью четырьмя пушками двадцати-четырехъ-фунтового калибра, съ командою изъ четырехъ сотъ семидесяти человекъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ значительное превосходство передъ корветами, особливо при дальней стрѣльбѣ; но капитанъ Стюартъ, въ офиціальномъ донесеніи, говоритъ о «превосходствѣ кре-
тивниковъ, въ числѣ, и въ тяжести орудій».

Последняя морская стычка въ англо-американской войнѣ произошла 30 іюня 1815 года въ сундскомъ проливѣ, близъ Анжира. «Наутилусъ», небольшой вооруженный бригъ, принадлежащій Остъ-индской Компаніи, попался въ плѣнь американскому корвету «Пикокъ». Командиръ брига, лейтенантъ Бойсъ, окликалъ капитана Варрингтона, еще до начатія дѣла, и уведомилъ его о заключеніи мира, но тотъ не обратилъ вниманія, хотя англійскій капитанъ надъ эс-жирскимъ портомъ, Мекгрегоръ, кричалъ на «Пикокъ»

съ тѣмъ же новостіемъ, за нѣсколько времени до дѣла: Единственнымъ отвѣтомъ американскихъ офицеровъ, изъ слова Мекгрегора, было, что «нельзя избѣжать стычки съ бригамъ». Мекгрегора арестовали и отправили внизъ; между-тѣмъ «Шнокъ», будучи втрое сильнѣе, выпалилъ по бригау, лишилъ его четырнадцати человекъ убитыми и ранеными, и принудилъ спустить флагъ. Объ этомъ происшествіи объявлено Мекгрегоромъ подъ присягою; его доносеніе было обнародовано, двадцать лѣтъ существуетъ въ печати, и, сколько извѣстно, оно никакъ еще не было опровергнуто. Можно было ожидать, что Куперъ постарается оправдать американскаго капитана, обвиненнаго формально въ такомъ гнусномъ поступкѣ; но онъ, не обращая вниманія на посрамительное для Варрингтона и его офицеровъ обвиненіе, довольствуется тѣмъ, что называетъ это дѣло «несчастною ошибкою» происшедшею будто-бы оттого, что капитанъ не зналъ о заключеніи мира. Этимъ кончилась война и заключается исторія господина Купера.

Куперъ утверждаетъ, будто успѣхи Американцевъ на морѣ произвели въ Англіи удивленіе и испугъ, и будто самыя опытныя судьи съ *уныніемъ и страхомъ* смотрѣли на возрастающую силу ихъ флота. Подобныя вещи очень легко утверждать, но трудно представить имъ доказательства. Эту смѣшную сплетню пустили въ ходъ Французы изъ ненависти къ Англичанамъ; они и до-сихъ-поръ пресеріозно рассказываютъ ее при всякомъ случаѣ; но такому умному человеку, какъ господинъ Куперъ, стыдно, изъ народнаго тщеславія, повторять чужія нелѣпости. Чего тутъ было пугаться? отчего приходитъ въ уныніе? Отъ частныхъ свѣтокъ отдѣльныхъ кораблей до порядочнаго морскаго сраженія еще далеко. Сраженія во всю войну не было: если бы Англія, занятая гораздо важнѣйшими дѣлами, борьбою съ Наполеономъ, сокупила только десятую часть своей морской силы, покрывавшей тогда все моря и все океаны, то она однимъ ударомъ уничтожила бы все флоты и все подвиги Американцевъ, для которыхъ конецъ этой войны былъ, какъ извѣстно, очень невыгоденъ. Американскій флотъ, при началѣ ея, находился въ младенствѣ, не былъ испытанъ ни однимъ образованнымъ непріителемъ, служилъ предметомъ

насмѣшекъ для англійскихъ моряковъ. И потому, когда этотъ флотъ вдругъ сталъ на ряду съ хорошими европейскими флотами, это только изумило надменнѣйшую морскую державу въ мірѣ. Англійскимъ морякамъ было досадно замѣнить презрѣніе уваженіемъ, соответственнымъ храбрости и искусству отдѣльныхъ американскихъ судовъ, вотъ и всѣ тутъ. Со стороны господина Купера это преувеличеніе было бы простительно только въ первую минуту неожиданныхъ успѣховъ, а не теперь, когда со времени послѣдняго подвига прошло уже двадцать пять лѣтъ и когда Соединенные Штаты признаются всѣми за морскую державу: следовательно, имъ пора думать о своихъ первыхъ опытахъ, не съ дѣтскимъ восторгомъ учениковъ, но съ спокойствіемъ людей увѣренныхъ въ своемъ достоинствѣ. Нынче американскій флотъ, какъ видно изъ Марриетова «Diary in America», заключаетъ въ себя одиннадцать кораблей о сто двадцати, осьмидесяти и семидесяти четырехъ пушкахъ, семнадцать фрегатовъ о пятидесяти четырехъ, сорока четырехъ и тридцати-шести пушкахъ, пятнадцать корветъ о двадцати и осмнадцати пушкахъ и тринадцать шкунъ о десяти и менѣе пушкахъ, всего пятьдесятъ шесть судовъ и на нихъ болѣе двухъ тысячъ пушекъ.

ЛИГА И ГУГНЕОТЫ. *Шведскій историческій романъ.* Кто бы подумалъ, что зараза такъ далеко распространилась: въ Швеціи, въ землѣ сагъ, въ странѣ дикой и страшной фантазіи, пишутъ историческіе романы! Видно, воображеніе исчерпалось повсюду. Но любопытно посмотреть, какъ пишутъ историческіе романы въ Швеціи. Возьмемъ новѣйшее произведеніе господина Кронгольма, «Catholska Ligan och Hugnenotterna». Господинъ Кронгольмъ — молодой шведскій писатель, подающій большія надежды. Два сочиненія, «Wäringarne» и «Forn-Nordiska Minnen», доставили ему весьма почетное имя въ скандинавской литературѣ. Онъ занимаетъ должность адъюкта по кафедрѣ исторіи въ лундскомъ университетѣ, и по роду занятій служебныхъ посвящаетъ свой трудъ преимущественно историческимъ изслѣдованіямъ.

Новый романъ господина Кронгольма, отличается всѣми

достоинствами, которые никакъ нейдутъ къ роману. Эта книга написана ясно, сильно, отчетливо, верно; носитъ на себѣ всѣ признаки самой тщательной обработки и проникнута строжайшею точностью; авторъ пользовался лучшими источниками, не пожалѣвъ труда, не пропустилъ ничего заслуживающаго вниманія. Но и въ этой книгѣ, какъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ является болѣе лѣтописцемъ нежели пріятнымъ и увлекательнымъ рассказчикомъ. Мы не находимъ въ ней ни грунировки людей и страстей, ни причины и послѣдствія событій, ни портретовъ. Однообразнымъ и сухимъ слогомъ рассказывается, по порядку, что за чѣмъ было, и этотъ рассказъ не озаренъ свѣтомъ, при которомъ можно видѣть вдругъ весь историческій горизонтъ, и не оживленъ изображеніемъ страстей человѣческихъ, которое заставляло бы читателя съ участіемъ или съ удивленіемъ слѣдить за поступками дѣйствующихъ лицъ. Только подъ конецъ книги авторъ какъ-будто воспаляется своимъ предметомъ, и этого мѣста нельзя читать безъ особеннаго удовольствія.

Вотъ какъ изображаетъ господинъ Кронгольмъ положеніе Гугенотовъ во Франціи, при Генрихѣ II, когда юная Марія Стюартъ жила при версальскомъ дворѣ.

«Обращая взглядъ на внутренность Франціи, видимъ тамъ смена тревоги и воинственнаго расположенія умовъ; еще не произошло ничего важнаго и ни въ чемъ не замѣтно той силы, того озлобленія, которыя постепенно развились отъ преслѣдованія съ одной и упорства съ другой стороны. Чернь, большинство парижскаго населенія, исповѣдывала римско-католическую вѣру. Напротивъ-того люди ученые и члены правительства, болѣею частію, были расположены къ реформаціи, желая прекратить нѣкоторые злоупотребленія, касавшіяся не Церкви, но государства, за что ихъ и прозвали «политиками». Въ мѣстахъ, сосѣдственныхъ съ Парижемъ, реформація утвердилась наиболѣе въ Орлеанѣ и въ Мо. Въ Бургундіи она распространилась только по восточной границѣ. Жители Лиона строго слѣдовали католическому ученію. Дворянскіе замки по берегамъ Роны были открыты женовскимъ проповѣдникамъ, тоже и города, лежащіе у подножія Альповъ. Провансъ, подобно Испа-

ни, держался католицизма. Чествованіе святыхъ находило усердныхъ ревнителей, и духовныя братства возбуждали фанатизмъ неумирующей толпы, находя въ немъ щитъ отъ покушеній опасныхъ нововодителей. Въ Лангедокѣ еще вспоминали про альбигойцевъ. Значительная часть дворянства, негодуя на то, что богатыя имѣнія многихъ членовъ ихъ сословія были отданы церквамъ и монастырямъ, поддерживала реформацію. Знатные люди также были не прочь отъ противодѣйствія королевской власти, утвердившейся на развалинахъ правъ феодальныхъ. Дворъ утопалъ въ сластолюбіи, и областное дворянство нарочно подавало примѣръ строгой нравственной жизни, чтобы представить въ себѣ рѣзкую противоположность съ дворомъ. Бретань оставалась католическою; Анжу также, только въ низшей степени; Норманія раздѣлилась между двумя церквами, а Пикардія слѣдовала примѣру Фландріи, гдѣ новое ученіе распространялось вмѣстѣ съ идеей гражданской свободы. Земледѣльцы, крестьяне, вся провинціальная чернь, находились подъ вліяніемъ католическихъ священниковъ; нисшій классъ городскихъ обывателей, вѣрныи своимъ стариннымъ занятіямъ и привычкамъ, заключенный въ тѣсномъ кругу идей, который по самой тѣсотѣ своей былъ уже беззащитенъ отъ вліянія новизны, принадлежалъ къ числу самыхъ жаркихъ защитниковъ католицизма. Муниципальныя права не могли ничего бояться со стороны правительства, превращеннаго къ старой религіи. Напротивъ-того въ городахъ нидерландскихъ возникъ совершенно другой порядокъ вещей: тамъ реформація глубоко пустила корни, и городскіе жители стояли за нее, какъ за условіе своей независимости. Цехи французскихъ городовъ имѣли каждый своего патрона между святыми, отправляли свои особенные праздники и безотчетно поддерживали свои религіозныя убѣжденія, хотя бы въ нихъ вкралось суевѣріе и некоторымъ сближеніемъ съ новой вѣрой можно было исправить существующіе недостатки. Высшій классъ городскихъ обывателей пользовался большою значительностью, по важности суммъ, которыя онъ, въ видѣ данога, платилъ въ казну, и по различіи стариннымъ правамъ и преимуществамъ, которыя онъ не только удержалъ за собою, но еще распространилъ

во времена лиги, и которыя состояли между прочимъ въ свободѣ отъ иностранныхъ гарнизоновъ, въ правѣ избирать себѣ президента, имѣть городскую стражу, запираеть улицы рогатками и не отворять городскихъ воротъ, даже для самаго короля. Чтобы судить о степени важности, пріобрѣтенной, напримѣръ, гражданами Парижа, довольно вспомнить, какъ Генрихъ II извѣщалъ ихъ о своихъ походахъ. Марсель, Тулуза, Лионъ пользовались одинакими привилегіями. Такимъ образомъ въ корпораціи, города, области, по нравственному убѣжденію, или изъ выгоды, слѣдовали уставамъ католической церкви, а приверженцевъ реформаціи было несравненно менше. Нѣкоторые опредѣляютъ число ихъ только семидесятью, другіе только сѣтью частью всего народонаселенія Франціи».

Вторая глава книги Кронгольма, начинающаяся смертію Франциска II, заключаетъ въ себѣ много очень хорошихъ мѣстъ. Намъ хотѣлось бы выписать одно изъ нихъ, о тридентскомъ соборѣ, но объемъ такого отрывка далеко превосходитъ все, что мы можемъ уделить сочиненію шведскаго историка на страницахъ своего журнала, и потому мы предпочитаемъ взять изъ второй главы слѣдующее описаніе битвы при Жарнакѣ и смерти Кондэ.

«Протестантскія войска думали уклониться отъ сраженія, подъ защитой города, который находился въ ихъ власти; но это могло быть въ такомъ только случаѣ, когда бы неприятель наналъ на нихъ послѣ уже соединенія ихъ разрозненныхъ силъ. Между-тѣмъ соединеніе это вовсе не послѣдовало, по причинѣ медленнаго движенія войскъ, которыхъ Колинни поджидалъ къ тремъ часамъ. У ручья, близъ Басоака, католики нанали на Колинни и встрѣтили сначала сильный отпоръ, но потомъ, подъ предводительствомъ Бриссака, проложили себѣ дорогу. Ла-Ну, извѣстный воинъ и тактикъ, четыре дня страдалъ жестокою лихорадкой, однако жъ участвовалъ въ этомъ сраженіи, попалъ въ плѣнь и едва избѣгъ отъ смертельнаго приговору, произнесеннаго надъ нимъ Францискомъ Монпансіе, который сказалъ своему плѣннику: «Ну, пріятель! ты и твои сообщники проиграли тѣмъ. Позаботься теперь о своей душѣ». Но Мортини освободилъ несчастнаго. Между-тѣмъ Колинни прі-

нудцаъ католиковъ къ отступленію, занявъ крѣпкую позицію позади другаго ручья, подъ защитой болота, и отсюда призывалъ къ себѣ на петонецъ принца Кондѣ. На канууъ принцъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю, и въ эту минуту явился съ перевязанною рукою. При самой встрѣчѣ съ Колиньи, одна бышеная лошадь ударила его копытоуъ и переломила ему ногу. Но Кондѣ остался твердъ и неустрашимъ, и ободрялъ своихъ воиновъ слѣдующею короткою рѣчью : «*Впередъ, благородные Французы! Мы ужъ давно дожидаемся этой битвы. Вспомните, въ какомъ положеніи былъ Людовикъ Бурбонъ, когда онъ дрался за Христа и за родину!*» На знамени Кондѣ было написано : «*Doux le péril pour Christ et le païs*». Католики бросились-было на Дандло, которій стоялъ въ деревнѣ по сосѣдству, но были храбро отражены и прогнаны. Въ это время всѣ силы ихъ собрались въ одну массу; однако жъ протестанты рѣшились атаковать ихъ. Колиньи напалъ первый, за нимъ принцъ Кондѣ.

«*Сначала* ничто не могло устоять противъ ихъ стремительности, но вскорѣ иностранная кавалерія привела въ безпорядокъ вошки, расположенные близъ болота; и это дало значительный перевѣсъ католикамъ. Нельзя было больше сопротивляться превосходству силъ; протестантскій офицеръ, Портанъ, убійца славнаго въ свое время воина Шарри, упалъ съ лошади и попался въ плѣнъ: его тотчасъ же убили и изрубили на мѣсть. Стюартъ, ранившій Монморанси на поляхъ Сень-Дени, также былъ взятъ и проколотъ на смерть кинжаломъ. Многие другіе благородные протестанты подверглись такой же участи. Принцъ Кондѣ дрался съ обыкновенною неустрашимостью, но нельзя было устоять противъ непріятеля въ такомъ огромномъ числѣ. Подъ нимъ упала лошадь, однако жъ нашлись защитники, которые зогородили его своей грудью. Нѣсколько дворянъ, служившихъ подъ начальствомъ принца, окружили его и превозили сами себя, стараясь спасти своего начальника. Въ этой великодушной дружинѣ былъ и старикъ Ла-Вернь, съ своими молодыми сыновьями и вѣемлиниками, въ числѣ двадцати пяти человекъ. Пятнадцать изъ нихъ, кромѣ Ла-Верни, пали на мѣсть, съ мечемъ въ рукѣ; прочіе взяты въ плѣнъ, и защитниковъ принца не стало. Кондѣ, стоявшій на

не чинить, принужденъ былъ защищатья самъ и бился до-
тѣхъ поръ, пока мечъ не вышалъ изъ руки его. Тогда онъ
протянулъ руку къ Тиссоню, которому однажды спасъ
жизнь, и сдался ему плѣнникомъ: Тиссонъ увзялъ, его
въ безопасности, но одиухъ расконскій дворянинъ, по имени
и Монтескиу, капитанъ швейцарской гвардіи, выстрѣлилъ
по головѣ принца и положилъ его на мѣсть.»

Въ третьей главѣ, оканчивающейся смертью Карла IX,
есть страницы, заслуживающія особеннаго вниманія. Изоб-
раженіе Колинны очень живо. Въ четвертой, любопытный
разсказъ о томъ, какъ принцы бургонскаго дому были отлу-
чены отъ Церкви.

«Гизы имѣли въ Римѣ значительные успѣхи. Сикстъ V
отлучилъ Генриха наваррскаго и принца Кондэ. Оба были
объявлены мятежниками и отступниками, покровителями и
предводителями еретиковъ, достойными наказанія, опреде-
леннаго, въ каноническомъ правѣ, за ересь, кромѣ лишенія
титуловъ и земель со всеми сопряженными съ тѣмъ преиму-
ществами. Имъ отказали въ домогательствахъ ихъ наса-
тельно наследственныхъ правъ на французскій престолъ, и
пapa разрѣшила вассаловъ ихъ отъ присяги имъ въ вѣрно-
ности. Французскій парламентъ объявилъ, что эта бумага
нарушаетъ верховныя права государей и всего француз-
скаго королевства. Принцы также протестовали; протестъ
ихъ былъ выставляеиъ у дверей Ватикана, во всѣхъ самыхъ
многолюдныхъ римскихъ церквахъ и на статуяхъ Паскина
Морторіо. Сверхъ того принцы жаловались неравъ Фран-
ціи, говоря, что Сикстъ, «называющій себя римскимъ па-
пой», самъ еретикъ, что они и готовы доказать на соборѣ;
что его должно признать антихристомъ; ежели онъ воспро-
тивится соборному положенію; что прежніе короли знали,
какъ усмирять «la témérité de tels galans, ermites est le pré-
tendu pape Sixte»; и что король отмститъ за нанесенную
себѣ обиду, и въ надеждѣ получить удовлетвореніе, обратится
къ всемъ другимъ христіанскимъ королямъ, государямъ и
герцогамъ, которые также должны почитать себя оскорблен-
ными.»

«Другая важная бумага, написанная французскимъ
законодательномъ Ботманомъ, заключала въ себѣ еще заимшія

нападения на папу, докторий въ ней былъ паянень многими самыми оскорбительными димонами. Папа отъ началъ анафемой, и эта строгая мѣра уничтожила всякую мысль о предиреціи. Впрочемъ, Сикстъ V. былъ справедливъ: онъ не отказывалъ въ уваженіи истинному достоинству, где бы ни находилъ его. «Только одну мужина и одна женщина достойны того, чтобы править людьми», говорилъ онъ, и впоследствии обнаружилось, что папа разумалъ Генриха наваррскаго и Елизавету англійскую.»

Одно изъ важныхъ преимуществъ историческаго романа Кронгольма состоитъ въ томъ, что въ немъ множество цитатъ, примѣчаній и извлеченій изъ современныхъ писателей. Последняя глава особенно занимательна по любовитнымъ выпискамъ изъ Мантсенаго Эликта. Это вознаграждаетъ читателя за недостатокъ въ занимательности разсказу; слушать нечего, но зато можно порыться въ цитатахъ.

ВЕЛИЧІЕ И ПАДЕНІЕ МОЛОДАГО МАРШИЗА ЛУДОВИГА.

Въ понедѣльникъ, на святой недѣль 1711 года, назначенъ былъ торжественный пріемъ въ Версали. Людовикъ XIV большую часть зима провелъ въ Марли, гдѣ, какъ извѣстно, онъ велъ жизнь частнаго человека; въ тотъ же вечеръ ему угодно было принять весь дворъ. Кто изъ царедворцовъ осмѣлился бы не явиться на призывъ Людовика XIV? Поэтому, въ ожиданіи выходу короля, дворцовая зала была полна придворныхъ. Это собраніе знаменитостей вѣка, старыя заслуженныхъ вельможъ, некогда разгульныхъ товарищей Барда и Ловѣна, теперь ревностныхъ инсенетовъ, этотъ рядъ почетныхъ помилыхъ дамъ, все это носило отпечатокъ однообразія и скучнаго этикета.

Впрочемъ, среди этихъ лицъ покрытыхъ морщинами, кривыхъ спутниковъ семидесяти-лѣтняго монарха и его любимицы, видѣлись и красивенькія личини: свершей купаль, огромной залы заняты были группою молодыхъ женщинъ; онѣ проглядывали изъ толпы, какъ проглядываютъ изъ-за облаковъ лучезарное солнышко; яркій свѣтъ отъ свѣтлицъ отражалъ свѣжесть этихъ прекрасныхъ лицъ, оживленныхъ искренною, непринужденною веселостью.

Пркти общее вниманіе обращено было на самую среднюю группу: въ ней блвстала молодая женщина лтъ двадцати, кдова покойнаго герцога Сентъ-Серё, прекрасная брюнетка величественнаго роста, съ прелестнымъ рядомъ зубовъ, которые красиво выказывала она при каждой улыбкѣ.

Между нею и подругами, принадлежащими по большей части къ свитѣ герцогини Бургундской, завязался чрезвычайно жаркій разговоръ. Что жь могло быть предметомъ этого разговору?

Вдругъ, возмъ молодой герцогини де Сентъ-Серё показалось новое лицо, тоже прекрасное, но де-сикъ-перъ еще незамъченной. Головка, съ живописно раскинутыми шелковатыми, блонкурными локонами, съ розовыми щечками, съ большими голубыми глазами, исполненными неизъяснимаго выраженія надменности и лукавства. По фамильному сходству этого новаго лица съ молодой герцогиней, по нѣжнымъ и быстрымъ взглядамъ, которыми она обмѣнивалась, можно было заключить, что она сестры. Ничего не бывало! Ты, которые могли бы это полагать, тотчасъ были выведены изъ заблужденія въбжавшимъ накомъ, который, оставаясь передъ группою молодыхъ женщинъ, громко сказалъ:

— Ступайте же скорѣе, маркизъ Буолёръ: что вы тутъ дѣлаете? Маршалъ, вашъ отецъ, не знаетъ гдѣ отыскать васъ: чтобы представить его величеству.

Въ то самое время группа дамъ раздалась и очистила дорогу мальчику лтъ пятнадцати, одътому съ удивительнымъ вкусомъ. Напрасно юноша принималъ на себя мужественный видъ; не дѣвственной нѣжности, которою такъ щедро наградила его природа, едва можно было новърить, что онъ не женщина.

Но призыву пажа, красавецъ ловко раскланялся, напечаталъ на руки дамамъ де Сентъ-Серё тропкій поцѣлуй, и скрылся быстро; успавъ только на-свободу сказать:

— До свиданія, прелестная кузина: вы довольно постыдилась на мой счетъ, но, клянусь честью, скоро докажу вамъ, что я уже не дитя.

Нѣсколько голосовъ заглушили эти угрозы, и стоявшій недалеко мужчина, лтъ тридцати пяти, большаго роста,

стройный и надменный, закричал ему вслава: такъ громко, что раздалось въ другомъ концѣ залы.

— Посмотрите, какой молодецъ! Онъ научился и вахлять и любезничать! Не видало бы отправить его къ гувернёру, чтобы хорошенько его выюкы.

Молодой Буфёръ готовился уже переступить за порогъ большой залы, но остановился, пораженный какъ громомъ такими дерзкими словами, которые съ новыиъ смѣхомъ приняты были въ кругу придворныхъ. Надвѣ шляпу съ плюмажемъ, юноша обернулся къ насмѣшникамъ, и рѣшительнымъ взглядомъ вызывалъ каждого на бой. Онъ готовился уже взяться за рукоятку большой еврей шпаци, но былъ остановленъ торжественнымъ возгласомъ швейцара: «Король!» Этокъ торжественный возгласъ какъ-бы чародействомъ заставилъ замолчать каждого, даже и прекрасныхъ собородницъ герцогиня де Сенъ-Серё. Въ несколько секундъ придворные съ подобострастіемъ размястились въ два ряда во кругъ четырехъ креслахъ залы. Одинъ молодой Буфёръ, въ пылу гнѣву не замечалъ ничего. Онъ стоялъ по прежнему въ шпаци посреди залы, съ тѣмъ же грознымъ видомъ, не вида какъ давали ему знакъ: скинуть шляпу. Король тотчасъ обратилъ на него вниманіе и вздурилъ брови, это была предвѣстіемъ ужасной бури. Въ одну минуту можно было услышать полетъ мухи. Его величество прямо подошелъ къ юноше и грозно закричалъ:

— Что это? Кто вы таковы? Что вы тутъ делаете? Шляпу долой, сударь; долой шляпу.

Юноша въ первый разъ видѣлъ монарха, передъ которымъ вельможи, и даже родотвенники, едва осмѣливались возвысить голосъ: поэтому можно судить, какъ велико было смущеніе молодого Буфёра: онъ покраснѣлъ до нелзя и поспѣхалъ исполнить королевское приказаніе; потомъ, съ трепетомъ пробормоталъ несколько невнятныхъ словъ, осматриваясь во все стороны и какъ-бы ища защиты; но никто изъ придворцевъ не казался расположеннымъ принести себя въ жертву страшному гнѣву Людовика XIV, никто не рѣшался быть вступникомъ виновнаго... и если бы въ эту минуту спросилъ изаніе любого, что, конечно, все

единственно отъчаши бы, что, пока король живъ, этому молодому человеку не составитъ себя значенія.

Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло, когда маршалъ Буфлёръ, тщетно ожидавшій въ галереѣ своего сына, узналъ о происходищемъ. Ни сколько не медля, онъ пробрался сквозь толпу, и умоляющимъ голосомъ осмѣлился сказать королю:

— Ваше величество, простите ребенку.... Это мой сынъ... Онъ еще въ училищѣ у езуитовъ, и не успѣлъ познакомиться съ приличіями двора. Ахъ, государь! я въ отчаяніи. Надѣюсь на милости вашего величества, я хотѣлъ-было сегодня представить вамъ моего сына.... Простите ваше величество! простите меня за него!

— Такъ это вашъ сынъ? проговорилъ король, нѣсколько ласковѣе: я попрошу отца Ле-Телліе побранить отъ моего имени почтенныхъ наставниковъ за то, что не учатъ своихъ воспитанниковъ должному приличію.—Потомъ, взглядываясь въ молодого Буфлёра, прибавилъ:—Знаете ли, господинъ маршалъ, сынъ вашъ такъ много имѣетъ сходства съ мосьё де-Лозёномъ, что невольно мнѣ его напоминаетъ. И какъ теперь вижу его у мадамъ де Соасонъ, гдѣ онъ въ первый разъ былъ мнѣ представленъ, назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ.

— О! какъ бы я желалъ, государь, вскричалъ съ живостью молодой Буфлёръ, походить на мосьё де-Лозёна, по-крайней-мѣрѣ въ преданности къ особѣ вашего величества!

Король еще прежде этого, казалось, забылъ гнѣвъ свой: отвѣтъ Буфлёра привелъ его въ восхищеніе.

— Такъ молодъ, а уже умѣетъ льстить! сказала, онъ усмѣкаясь и слегка потрепавъ юноду по щекѣ: теперь я вижу, что отцы-езуиты тщательно занимались его воспитаніемъ, нежели какъ я думалъ.—Молодой человекъ, милостиво прибавилъ Людовикъ: ты не имѣешь надобности далеко искать добрыхъ примѣровъ; ихъ довольно въ твоёмъ семействѣ, и я надѣюсь, что ты имъ последуешь. Молю Бога, чтобъ Онъ продлилъ жизнь мнѣ и маршалу: пріятно бы намъ было видѣть тебя на поприщѣ службы. Тотчасъ видя, что кровь Грамможа течетъ въ твоихъ жилахъ.... такой красавчикъ!

При этихъ словахъ взоры многихъ обратились на пре-

красную вершогинню де-Бенг-Сере, тамже происшедшую Граммонъ : она взыгнулася

Однако жъ , этого мало , сказалъ король : надобно служить верно и храбро . Дашь ли ты мнѣ обещаніе ?

— Государь , признаюсь , юноца твердымъ голосомъ : я поцуду имя Буолёровъ !

Этотъ благородный отвѣтъ произвелъ сильное впечатленіе на всѣхъ присутствующихъ ; старшій маршалъ потупилъ взоръ , но можно было замѣтить , что въ ту минуту онъ гордился своимъ сыномъ ; крупныя слезы струились по щекамъ война . Насколько минутъ продолжалось молчаніе . Король , казалось , размышлялъ ; потомъ , вдругъ обратился къ присутствующимъ и , возвыся голосъ , сказалъ :

— Господа ! три года тому назадъ , маршалъ Буолёръ защищалъ Лилль , втеченіи четырехъ мѣсяцевъ , отъ нападеній принца Евгенія ; два года передъ этимъ онъ спасъ армию подъ Мальплакетомъ . Въ награду за эти услуги , я пожаловалъ его герцогомъ , и вмѣстѣ съ тѣмъ наименовалъ перомъ Франціи и генералъ-губернаторомъ Фландріи . Теперь наступило время спокойствія , какъ для него , такъ и для меня ; военная жизнь намъ ужъ не по лѣтамъ . Знаю , что многіе изъ васъ были бы достойны занять мѣсто маршала ; но есть имена особенно счастливые : я вѣрую въ имя Буолёра , и потому назначаю въ преемники маршалу Буолёру , генералъ-губернаторомъ Фландріи и гражданскимъ губернаторомъ Лилля ; сына его , маркиза Буолёра .

Эти слова привели въ удивленіе все собраніе . Не было примѣру подобной милости , во все продолжительное царствованіе Людовика XIV . Король строго придерживался правила не назначать никому преемниковъ .

Придворныя были изумлены до крайности ; самъ старшій маршалъ , въ себя отъ столь неожиданнаго благоволенія , не въ силахъ былъ выговорить ни одного слова и почтительно склонилъ голову чтобъ выразить свою благодарность . Король благосклонно протянулъ ему руку и поспѣшилъ вывести изъ смущенія :

— Не благодарите меня , маршалъ , сказалъ рѣчь : я дѣлаю этимъ услугу самому себѣ ; избравъ вамъ въ преемники этого юношу , я увѣренъ , что аридо-гиль-моръ не оставитъ

службы, пока молодой человек не будет вполне полным и совершенным фельдмаршалом. —

При этомъ Людовикъ изъяслявалъ въ добрый часъ молодому Буолерю, и продолжалъ шестые, возмущенку разговаривая съ отцомъ его: Николаю, вице-маршалъ не удостоивался при дворе такой высокой милости, даже и послѣ знаменитой помпейской кампаніи (1797 года), въ которую онъ далъ блестятельнаго приѣму королевской фамилии; совершенно разсудилъ свое достоинство. Легко себѣ представлялъ, что сынъ его сдѣлался послѣ того предметомъ всеобщаго вниманія: мужчины, собравшіеся въ версальской залѣ, смотрѣли на него съ удивленіемъ; женщины перешептывались, дая его прелестными улыбками. Въ глазахъ ихъ онъ уже не былъ теперь тотъ ребенокъ, который, можетъ быть, дожили завтра же выслушивать правы ученія школьнаго учителя: теперь въ немъ видѣли молодого дѣрзавца, подающаго высочія надежды; въ несколько минутъ онъ выросъ, подобно баснословнымъ героямъ Гомера.

Надобно замѣтить, что молодой Буолеръ, котораго кто-то изъ придворныхъ только что назвалъ молокососомъ, самъ успѣвшій отдѣлаться отъ всеобщихъ насмѣшекъ; не безъ гордости принялъ знакъ столь блестящаго королевскаго благоволенія: онъ, какъ говорится, вздернулъ носъ; его большіе голубые глаза, исполненные огня, выражали презрѣніе, а гордая осанка, которую мгновенно онъ на себя принялъ, краснорѣчиво говорила, какъ онъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Лишь-только король вышелъ изъ залы, молодой Буолеръ бѣстро оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ; потомъ легко и бѣстро бросился на встрѣчу къ одному стройному, прекрасному мужчине, приподнялся на цѣпочки и, ухвативъ за рукавъ, сказалъ ему:

— Позвольте, герцогъ де-Коаньи: мнѣ надобно сказать вамъ слова два.

— Что вамъ угодно, маркизь де-Буолеръ? спросилъ герцогъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ, приставивъ пальцы на каждомъ сабѣ.

— Многое; ваша свѣтлость, отмѣчать юности: не угодно ли вамъ только пожаловать со мною туда, къ окошку?

Охотно: и вы же не можете сказать, что вы не любите...

— Какъ вы думаете, герцогъ, генералъ-губернаторъ ради не менѣе кавалерійскаго полковника?

— Какой вопросъ! возразилъ герцогъ, съ гнѣвомъ хладнокровіемъ: конечно, генералъ-губернаторъ значительнѣе полковника.

— Довольно. Стало-быть вы не откажете мнѣ въ чести со мною драться, не даме-канъ завтра утромъ.

— Какъ это можно, маркизъ! открычалъ герцогъ съ обиднымъ равнодушіемъ: я одинокомъ хорошо знаю свою обязанность; я зашлѣ, подчиненный.

— А если я это забываю? съ живостью прервалъ юноша.

— Надобно, по-крайней-мѣрѣ, чтобы были къ этому важныя причины....

— Будьте спокойны: у меня ихъ не мало.

— Ахъ, Боже мой, да какія же! спросилъ герцогъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, какъ-будто забавляясь возрастающимъ гнѣвомъ своего молодого противника.

— Не задолго передъ этимъ вы обидно отозвались обо мнѣ....

— Еще?

— Еще?.... еще? Вы любите мою кузину, мадамъ де-Сенъ-Сарѣ.

— Только?

— Вы, кажется, издѣваетесь надо мною, герцогъ?.. Баргитесь!

— Сохрани Богъ!

— Тамъ до завтра; я заду за вами путь-свѣтъ.

— Извините, я слишкомъ лѣнивъ, и не привыкъ вставать по звонку.... вы понимаете?... Если вамъ не сдѣластъ большой разницы, отложимъ дуэль до десяти или одиннадцати часовъ утра; или даже до послѣ-обѣда.

Эти слова, какъ кинжаломъ прошили по сердцу молодого Буфлѣра. На другой день, въ восемь часовъ утра, ему уже надобно было быть въ школѣ; но какъ рѣшиться представить такія отговорки гордому противнику?... Онъ выходилъ изъ себя, придумывая достаточный предлогъ, чтобы заставить его явиться наединѣ, раньше назначеннаго часу и, безъ сомнѣнія, согласился бы встать на ступѣ, да въ

пощечину красавцу де-Коанья, если бы была уверена, что такая выходка может послужить ему въ пользу. А между-темъ проговорила безъ всякой жалости болше и болше водручивая надъ юношей.

— Вы не забудете, сказалъ онъ, привести съ собою секундантовъ.

— Секундантовъ? пробормоталъ юноша.

Имъ овладѣло крайнее недоумѣніе: кого пригласить въ секунданты?... Школьныхъ товарищей? Какъ можно! Онъ сдѣлался бы предметомъ насмѣшекъ для всего двора... Другей маршала? Да кто же поручится, что эти услужливые друзья не сочтутъ первую обязанностью предупредить обо всемъ отца?... Дале было отчаянное. Вдругъ, въ голову молодого Буфлёра блеснула мысль, которую онъ столько же загордился, какъ-бы рѣшеніемъ самой трудной математической теоремы,

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ съ важностью: ваши секунданты будутъ и мои; ровно въ десять часовъ я буду у васъ и состарюсь, — пробормоталъ онъ сквозь зубы, — какъ-нибудь отдалаться завтра отъ классовъ.

Коанья раскланялся со всею возможною вышнливостью и отвѣчалъ съ едва замѣтною улыбкой:

— Очень хорошо, маркизь; до свиданія.

Въ ту самую минуту показалась не вдалекѣ прелестная герцогиня де-Сенъ-Серъ; увидѣвъ молодого своего внука съ герцогомъ Коанья, она подошла къ нимъ:

— Король дозволяетъ уже войти во внутреннія аншартаменты, сказала она: кто изъ васъ, госнода, проводить меня до кареты?

Соперники на перерывъ оспаривали эту честь; победа осталась на стороне Коанья, потому что бѣдный маленький Буфлёръ запусадся въ широкихъ рукавахъ проходящаго на ту сторону вѣдмощи, вѣмчательнаго своею тучностью. Вѣльможа этотъ былъ маршалъ Буфлёръ. Онъ узналъ сына и вѣлъ его на руку:

— Поидемъ, Генрихъ, сказалъ онъ довольно громко, къ крайнему огорченію молодого человека: мы отправляемся въ Парижъ, и не забудь, что завтра рано надобно встать, чтобъ не опоздать въ школу.

«Видно, однанадцать часовъ утра...»
 «Герцогиня де-Сенъ-Сиръ едва проснулась, и сидѣла за завтракомъ, какъ приняла доложить, что молодой ед. кузень, маркизъ де-Буфлёръ желаетъ ее видѣть. Герцогиня приказала принять.» Буфлёръ вошелъ и казался чрезвычайно встревоженнымъ. Крупныя капли поту видны были на лицѣ его...»

— Что это? спросила герцогиня: что съ тобой случилось?

«— Прощайте, пожалуйста, выйдите вашиимъ горничнымъ, скажите, замышляюсь юноша: мнѣ надобно поговорить съ вами вдводемъ...»

«Герцогиня улыбнулась, и подала знакъ прислужникамъ, чтобы они удалились. Приказаніе было исполнено: лишь только успѣли затворить дверь, какъ Буфлёръ съ живостью обратился къ своей кузинѣ...»

«— Счастіе меня, сестрица! спасите!»

— Ахъ, Боже мой! да что съ тобою? спросила герцогиня, усаживая своего кузень вѣзъ себя на диванъ и дружески взявъ его за руки. Пожалуйста, расскажи мнѣ все, Генрихъ. Я придумать не могу, какъ это ты здѣсь, такъ рано, и одинъ, безъ гувернёра. Я думала, что ты давно уже въ школу...»

«— Есть мнѣ время думать сегодня о школѣ! Знайте, во-первыхъ, что мосьё де-Коань — самый безчестный человекъ...»

«— Прощо?.. Что жъ онъ сдѣлалъ?»

«— Что онъ сдѣлалъ!.. Негодяй! Сегодня въ десять часовъ утра мы должны были дравься; уговоръ былъ сдѣланъ; свиданіе назначено у него въ домѣ; и что же... поварятъ ли, кузенька?... онъ не сдержалъ своего слова...»

— Возможно ли?

«— Это безчестно, не правда ли? Вы, конечно, также не похвалите такого низкаго поступку... Я вездѣ буду кричать, что Коань — трусъ, и напишу это у него на дверяхъ: пусть весь городъ объ этомъ узнаеть... Подпишу свое имя: тогда ужъ по-неволѣ онъ вызоветъ меня на дуэль...»

— И хорошо сдѣлаешь, отвѣчала герцогиня, едва удерживаясь отъ смѣху. Такъ ты очень сердитъ на бѣднаго герцога?»

«— Смертельно...»

— Да въ чемъ онъ предъ тобою виноватъ?

— Какъ онъ извѣстаетъ, онъ шобить десь? Или анъ извѣстаетъ?

— Развѣ онъ тебѣ гонарилъ объ этомъ? Или извѣстаетъ и такъ?

— Нѣтъ! Но я догадываюсь, что онъ извѣстаетъ, а ты не знаешь.

— Если такъ, Генрихъ, то я во всемъ этомъ, еще ничего такого не вижу, за что бы стоило убивать Коанья; въ особенности не понимаю, что заставило тебя вбѣжать сюда въ такихъ помышляхъ, какъ будто бы за тобой гнался судья дегекерей, какъ въ Дурсонькѣ.

— Оттого, что вы не знаете, чего стоило мнѣ мое предпріятіе: я дозвѣнь былъ бѣжать изъ дому отца, пока губернёръ еще спалъ, а теперь, вродитно, вездѣ меня ищутъ.

— Вотъ это ужъ не шутка.

— Лишь-только я успѣлъ выйти изъ дому Коанья, гдѣ съ полъ-часа напрасно его ожидалъ... какъ вы думаете, кого я встрѣчаю?... губернѣра!

— Онъ видѣлъ тебя?

— Право, не знаю. Я опрометью пустился бѣжать отъ него; а какъ ноги мои понадежнѣе его ногъ, то гдѣ же ему было догнать меня!

— Сумасшедшій! А что скажутъ отцы езуиты не найдя тебя въ классахъ?

— Все, что мнѣ угодно: я, право, ужъ не дитя; а человѣкъ занимающій одну изъ первыхъ должностей въ государствѣ! Будущій мѣсяцъ мнѣ минеть пятнадцать лѣтъ... Притомъ, я полагаюсь и на вѣсть, милая кузина: спрячьте меня гдѣ-нибудь у себя.

— Охотно бы, Генрихъ, но, право, боюсь наресудомъ. Развѣ тебѣ не жаль меня? Въ твоихъ рукахъ... губернаторъ Фландріи!... мое доброе имя!

— Вы подгадаете?... простосердечно прерорчалъ юнона, и задумался.

Отъ вниманія прекрасной герцогини не укрылось, что лицо кузена мало-по-малу становилось мрачнѣе, и что выдуманное ею онасеніе сильно подѣйствовало на Генриха. После-того она уже не въ смѣхъ было долже притворяться, и расхохоталась. Бусебъ смутился, и не зная сначала, чему приписать такой внезапный переходъ къ веселости. Но какъ герцогиня продолжала: безъ смѣху, предаваясь смѣху, какъ-бы взамѣнъ продолжительнаго терзанія, что

Генрихъ въ свою очередь вынырнулъ изъ себя: чувство досады и гордости быстро имъ овладѣло; вонзлытьво вскочилъ онъ съ дивана, и, топнувъ ногою, очутился въ другой концъ комнаты. Тамъ, какъ вкопанный остановился у окна, онъ, казалось, рѣшился не трогаться съ мѣста и, въ особенностях, не глядѣть на свою молоденькую насмѣшливую кузину. Все это герцогиня видѣла, и наконецъ ожалила, надъ Генрихомъ. Сперва самымъ нѣжнымъ голосомъ призывала она къ себѣ, потомъ подошла къ нему по-тихоньку и, ухвативъ за руку, которую онъ всически старался освободить, сказала:

— Бѣдный мой Генрихъ! ты очень на меня сердишься?

Въ первую минуту, Буфлёръ, крайне растроганный, не отвѣчалъ ни слова: крупныя слѣзы катились изъ глазъ его, — слѣзы досады, быть-можетъ и любви, и эта двойная причина слезъ заставила его скрывать ихъ отъ прекрасной кузины; вскорь, однако жъ, покорный прелестной ручкѣ, которая по-тихоньку влекла его, Генрихъ обернулся въ смущеній и, смѣясь сквозь слѣзы, стыдливо отвѣчалъ:

— О! нѣтъ, кузина, я не сержусь на васъ.

— Упрямецъ! промолвила мадамъ де-Санъ-Серё, легонько потрепавъ его по щеку и поцѣловавъ въ лобъ.

Окна, обращенныя въ садъ, были открыты; зяблѣеое утро было очаровательно; весна повсюду разливала благоуханіе, наполняя воздухъ ароматомъ едва раздвѣтшей сирени и оглашая его первымъ пѣніемъ птицъ. Действовало ли на душу Буфлёра тайное вліяніе этой душистой стнеесеры, столь же чудно располагающей къ восторгу: какъ и поцѣлуй прекрасной женщины; рѣшился ли юноша въ одинъ и тотъ же день стать и вѣнцомъ и волокитой, думая конечно, что не достааетъ ему одной только любовной вѣнчиги чтобъ сдѣлаться совершеннымъ человекомъ; то ли, другое ли, только Буфлёръ вдругъ бросился на колени передъ герцогиней, и самымъ нѣжнымъ, самымъ доступнымъ до сердца, голосомъ началъ ей любовное объясненіе. Въ ту самую минуту съ шумомъ растворилась дверь, и человекъ помышлькъ лѣтъ, въ духовной одеждѣ, бѣлый; расгребанный, въ нечесанномъ парикѣ, вбѣжалъ въ комнату и вскричалъ такъ испуганный:

— Нанонецъ-то я охъискалъ его! Тешерь, маркизъ, ужъ вы отъ меня не уйдете!

Этотъ человекъ былъ гувернёръ молодого Буолёра. Съ самаго ранняго утра онъ обѣгалъ уже все улицы Периза, отъѣздивъ своего воспитанника, и потому ни чуть не удивительно, что едва завидя его и, конечно, опасаясь, чтобъ онъ опять какъ-нибудь не ускользнулъ, аббатъ, поспѣшно схватилъ Генриха за руку и потащилъ въ комнату.

— Пойдемте, маркизъ, говорилъ онъ голосомъ, то умоляющимъ, то повѣлительнымъ: карета ждетъ насъ у крыльца, и мы тотчасъ отправимся въ школу; пойдемте поскорѣе.... Вы знаете, что ровно въ часъ начинаютъ читать лекцію греческаго языка. Ахъ, Боже мой! какъ будутъ сердиться отцы езуиты, что мы такъ поздно прѣйдемъ! Умоляю васъ, герцогиня, уговорите маркиза! Авось мы еще поспѣемъ къ греческому клауу.

Къ крайнему озорванію аббата, прекрасная герцогиня, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣху, возбужденнаго этимъ новымъ приключеніемъ, не смѣла выговорить ни слова. Между-тѣмъ аббатъ находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи и былъ не въ силахъ противоборствовать воспитаннику, которой вполнѣ старался вырваться; нанонецъ гувернёръ рѣшился позвать рослаго лакея.

— Геі! закричалъ онъ: возьми маркиза, и..... осторожно отнеси въ карету.

Буолёръ видѣлъ, что дѣло было плохо, и струсиль.

— Любезный аббатъ, говорилъ онъ: умоляю васъ, увольте меня еще на часъ времени, а тамъ дѣлайте изъ меня что угодно. Вы были всегда такъ добры.... не откажите же и въ этой милости.

Но аббатъ былъ неумолимъ и не обращалъ вниманія ни на какія просьбы. Бѣдный Генрихъ, видя, какъ исчезаютъ одинъ за другимъ и военныя и любовныя его планы, толкалъ ногами, рвалъ на себя волосы; наконецъ одумавшись и вновь прибѣгнувъ къ просьбамъ:

— Ну, послушайте жъ: если ужъ вы неумолимы, дайте мнѣ по-крайней-мѣрѣ время написать записку. Кузина прѣйдесть на себя трудъ ее отправить. На это надо не много времени. Не правда ли, кузина? Я напишу къ герцогу;

что от младшего до первого отпуску... О, какое унижение!... Вы — безжалостный человек, аббат!

Но аббат взглянул на часы, съ ужасом увидя, что сряду стояла на половине первого и далъ знакъ лакею. Черезъ несколько секундъ послѣ того, несчастный Буелёръ былъ вынесенъ какъ перышко и, прежде чѣмъ успѣлъ промолвить слово, посаженъ въ карету рядомъ съ гувернеромъ; они слышали только, какъ лакей закричалъ: «Пощельте ездитамъ!» Лошади помчались рысью, но, въ то время какъ изъ карета выехала изъ ворота, другая на встрѣчу ей въехала на дворъ.

Аббат успѣлъ однако жъ взглянуть въ окно и, въ изумреніи чѣмъ-нибудь развлечь горестъ своего воспитанника, вскричалъ:

Вотъ, мажестъ герцога де-Коаньи.

Буелёръ вскочилъ и вѣроятно, вырыпнулъ бы изъ кареты, если бѣ гувернёръ не удерживалъ его.

Спустился полъ часа послѣ, карета ихъ остановилась у крыльца учителя сзунтовъ.

Когда молодой Буелёръ вышелъ изъ кареты и переступилъ порогъ страшной двери, сердце его сжалось при мысли, что за этимъ порогомъ онъ долженъ забыть, и о новомъ чинѣ, и о мѣтахъ, и даже о надеждахъ, и долженъ стать на ряду съ тремя стами учениками разнаго сословія. Колоколь ударилъ половину втораго. Генрихъ почувствовалъ, что совершенно изнемогалъ, потому что въ то самое время съ той-то грозной гласью сказалъ ему на-ухо ужасныя слова:

«Мосье де-Буелёръ, вы опоздали пятью часами... Ректоръ васъ спрашиваетъ.»

При этомъ горжественномъ объявленіи, юноша забылъ досаду на гувернёра, забылъ даже Коаньи и прекрасную кузину; съ безпокойствомъ оглядывался вокругъ себя, онъ умолялъ аббата о защитѣ; а тотъ, или боясь выговору отъ почтенныхъ отцовъ за худой присмотръ, или изъ желанія быть соучастникомъ во лжи своего воспитанника, расудилъ за благо уклониться. Бѣдный Буелёръ одинъ долженъ былъ выдержать предположенную тревогу и ни откуда не ждать помощи.

Прошло нѣсколько минутъ въ неловкомъ, наконецъ, ободрившись воспоминаніемъ прошедшаго, Генрихъ началъ ментать, что милость Людовика XIV, неловко, да вру, можетъ отразить страшную грозу. Молодой втихъ, ментящій онъ явился къ ректору съ самонадѣяннѣмъ видомъ. Ректоръ былъ занятъ писменными дѣлами и другими собесѣдниками и, казалось, не обращалъ ни какого вниманія на вошедшаго, что крайне оскорбляло самолюбіе Буфлѣра. Такъ прошло нѣсколько минутъ, наконецъ ректоръ, не отвѣдая глазъ отъ бумагъ, спросилъ:

— Это, кажется, мосье де-Буфлѣръ? Не угодно ли вамъ сказать, по какой причинѣ не могли вы явиться въ школу въ одно время съ другими учениками?

Генрихъ, ожидая шумныхъ выговоровъ, смутился, и не зная, что отвѣчать на такой кроткій и спокойной вопросъ. Всякому другому онъ отвѣчалъ бы, что не обязанъ отдавать отчету въ своихъ поступкахъ; что былъ на дуэли съ кавалерійскимъ молковникомъ; что провелъ утро въ обществѣ прекрасной дамы; что, наконецъ, всемиловѣйше назначенъ генераль-губернаторомъ Фландріи, и что въ такомъ званіи считаетъ себя товарищемъ маршаловъ Франціи или, по меньшей мѣрѣ, генераль-лейтенантовъ, а все эти господа возвращаются домой, когда имъ угодно. Но какъ рассказывать все это ректору, который, и дуэль, и общество съ молодой женщиной, считаетъ смертнымъ грѣхомъ, и сверхъ-того имѣетъ дурную привычку задавать лишній урокъ въ наказаніе господину генераль-губернатору! Занятый этимъ мыслями, Буфлѣръ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Я не слышу, сказалъ весьма хладнокровно ректоръ: прикажете повторить вопросъ?

На этотъ разъ Буфлѣръ устыдился своего положенія и отвѣчалъ утвердительно:

— Я сознаюсь виноватымъ, но не хочу дгать, и потому не вышните съ меня за молчаніе.

Этотъ отвѣтъ не походилъ на отвѣтъ виновника, а скорее на отвѣтъ дворянина. Буфлѣръ былъ восхищенъ имъ. Ректоръ какъ-то странно посмотрѣлъ на молодого человека,

и вслѣдъ за тѣмъ прозвонить въ колокольчикъ. Одинъ изъ братьевъ явился у дверей залы.

— Это последнее ваше слово? спросилъ ректоръ Генриха.

Юноша кивнулъ головою въ знакъ утверждения.

— Подумайте хорошенько, прибавилъ ректоръ: я даю вамъ пять минутъ на размышленіе. Онъ указалъ Генриху на большіе столовые часы, и снова обратился къ письмену.

Смирненные отцы, окружавшіе ректора, съ самаго приходу молодого Буфлера сидѣли какъ иконанье, какъ-будто до ушей ихъ не доходило ни одного слова. Это продолжительное, торжественное молчаніе, эти судья и мыслы головы братьевъ, безмолвно и неподвижно сидѣвшихъ вокругъ стола и похожихъ болѣе на изваянія чѣмъ на живыхъ людей, все это внушило Генриху безотчетное чувство страха. Машинально смотря въ часы и слѣдя за стрѣлкою, спрашивая себя, что можетъ случиться съ нимъ черезъ пять минутъ: бѣдный юноша терялся въ предположеніяхъ, какъ вдругъ звонкій голосъ ректора прервалъ весь его размышленіе.

— Пять минутъ уже прошли, сказалъ онъ ожидавшему у дверей прислужнику: позовите же патера Арсенія. А должно знать, что патеръ Арсеній исправлялъ въ училищѣ ужасную должность экзалятора. При этомъ грозномъ имени бѣлокурые волосы Буфлера поднялись какъ щетина, щеки, покрытые до того живымъ румянцемъ, поблѣднѣли; онъ весь задрожалъ и вскрикнулъ съ чувствомъ невыразимаго отчаянія.

— Боже мой! вы не для меня ли приказали позвать отца Арсенія? Не правда!... Вы не знаете, что я уже не дитя, мнѣ пятнадцать лѣтъ!... Ваши наказанія не соответствуютъ съ моими лѣтами. Накажите меня какъ угодно... я все снесу безъ ропоту; но сжальтесь, избавьте меня отъ этого постыднаго....

Едва договорилъ онъ эти слова, какъ вошелъ въ комнату человекъ огромнаго роста, съ лютымъ взглядомъ и порочнымъ запасомъ снарядовъ, необходимыхъ для телеснаго наказанія: это именно былъ отецъ Арсеній. Буфлеръ вскрикнулъ и закрылъ бѣды лицо обѣими руками; но, встопыливъ о близкой опасности, началъ споръ:

— Простите! простите, отцы мой! говоритъ онъ. Если уже вамъ непременно угодно знать причину поздняго моего возвращенія, то я во всемъ признаюсь.... только пусть уйдетъ патеръ Арсеній....

— Поздно, сказалъ ректоръ глухимъ голосомъ.

— Ахъ, нать!.... выслушайте.... прошу только минуты вниманія.... умоляю!.... не откажите мнѣ въ этомъ! Вы не знаете, что случилось со мною вчера: вы не знаете, что я назначенъ генералъ-губернаторомъ Фландри и гражданскимъ губернаторомъ Анда: видите ли теперь, что нельзя меня наказывать розгами? Вы обезчестите высокое мое званіе.... вы обидите моего отца. Боже мой, Боже мой! скажитесь же надо мною,.....

И, умоляя такимъ образомъ, бѣдный молодой человекъ въ отчаяніи, бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатамъ, закиная въ перемѣно наждаго нѣтъ присутствующихъ патеромъ заступиться за него. Онъ пропалъ, плакалъ, угрожалъ; наконецъ, задыхаясь, въ слезахъ, отбросивъ тщеславіе, уналь безъ чувствъ на колѣни передъ своимъ судіею. Какъ ни кричали было эти разбиты къ подробнымъ зрѣлищамъ, но они, казалось, были тронуты столь глубокимъ и непритворнымъ отчаяніемъ; мало этого: говорятъ, будто самъ патеръ Арсеній, разчувствовавшись и вырвавшись изъ рукъ присоединенныхъ спаряды. По знаку неумолимаго ректора, онъ однако жъ живо ихъ поднялъ и безжалостно ухватилъ свою жертву. Несчастный началъ посланное уединеніе освободившаго, но тщетно: ремень уже свисталъ по нему. Пока патеръ Арсеній выполнялъ суровую свою обязанность, но временами слышался слабый, какъ-бы могильный, крикъ: «Я генералъ-губернаторъ Фландри и гражданскій губернаторъ Анда!»

Мощная усталая рука епископа опустилась, у дверей помп слышалась легкій стукъ....

— Кто тамъ? что надо? сказалъ ректоръ.

— Конечно? спросилъ за дверями.

— Конечно.... войди.

Дверь отворилась, вошелъ служитель и, осторожно войдя къ ректору, сказалъ следующее:

— Въ приемной комнатѣ два особы спрашиваютъ престоде-Буэлера.

— Кто?

— Герцогъ де-Коанья и герцогиня де-Сенъ-Серё.

Какъ ни тихо были произнесены эти имена, они дошли до слуху Буэлера. Онъ упалъ безъ чувствъ. Уши имена эти отозвались въ душѣ несчастнаго громкимъ хохотомъ и нанесли смертный ударъ и любви и самолюбію. Душа его была растерзана!

На другой день послѣ этого событія, карета съ французскимъ короннымъ гербомъ въѣхала на дворъ стараго Буэлера: пріѣхавшій въ ней придворный вельгъ доложить маршалу, что желаетъ переговорить съ нимъ отъ имени короля.

— Его королевское величество, сказалъ посланный, узнавъ о болѣзни сына вашей свѣтлости и объ ея причинѣ, дозволилъ повелѣть объявить строгій выговоръ отцамъ езуитамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его величество поручилъ мнѣ засидѣтельствовать свое живѣйшее участіе въ его болѣзни и приказалъ узнать объ его здоровьѣ.

Маршалъ, со слезами на глазахъ, ввелъ посланнаго въ комнату сына, который лежалъ въ жестокой торчкѣ.

Черезъ два мѣсяца потомъ молодой Буэлёръ прелестно танцевалъ на свадьбѣ герцога Коанья и прекрасной герцогини Сенъ-Серё. Губернаторство его однако жъ не сбылось: онъ умеръ потомъ черезъ годъ.

ДОНЪ РАМИРО СУРБАНО И ГРАФИНЯ МАРГАРИТАВАНЪ-ДУКРИНЪ, или Партия въ шахматы. Городъ Зутсенъ только что былъ взятъ и разграбленъ Испанцами. Въ несколькихъ миляхъ отъ этого города, кругомъ одного укрепленаго замка, занятаго Испанцами, былъ расположенъ отрядъ фламандскихъ волонтеровъ, вооружившихся для защиты совладѣть Соединенныхъ Провинцій и для отпугиванія Испанцамъ за варварское обращеніе съ своими единоземниками. Этой несчастной войнѣ, возмущенной духомъ религіознаго фанатизма, суждено было такутся два человѣческихъ вѣка и повлечь за собой нищету, язву и отчаяніе.

Отрядомъ войскъ Филиппа II, занимающимъ замокъ, начальствовалъ капитанъ Рамиро Сурбано, храбрый офицеръ,

котораго имя прославилось въ войнахъ съ Германіей и Ита-
ліей. Волонтеры почти терли надежду овладѣть замкомъ,
покуда Рамиро защищаетъ его. Не проходило ни одного
Божьяго дня, чтобы осажденные не дѣлали вылазки, и если
бы не жажда кроваваго мщенія за жителей Зутфена, то осаж-
дающіе вѣрно давно бы уже отступили. Однажды, донъ-Рами-
ро, до крайности утомленный, сдѣлалъ на минуту команду стар-
шему по себѣ офицеру, и расположился отдохнуть. Онъ за-
снулъ, мечтая о своей прекрасной Испаніи, объ отеческомъ
кровѣ, такъ давно покинутомъ для браннаго поля. Вдругъ
крики и стукъ мечей разбудили капитана. Первымъ его
движеніемъ было схватиться за оружіе; но вскорѣ онъ де-
ственно услышалъ свое имя, повторенное знакомыми голо-
сами, и сейчасъ подумалъ, что, вѣрно, его войскамъ удалось
побить Фламандцевъ. Рамиро вышелъ. Сотня солдатъ, по-
крытыхъ кровью и пылью, только-что возвратилась въ
замокъ и радостными восклицаніями приветствовала сво-
его начальника. — Капитанъ, сказалъ донъ-Рамиру одинъ
изъ офицеровъ: мнѣ досталась чудесная добыча. Такія до-
бычи не часто попадаются! Позвольте вамъ ее предста-
вить.

И онъ вывелъ изъ рядовъ солдатъ молодую женщину,
необыкновенной красоты; но ея смертельная блѣдность не
отвѣчала тому виду самоуверенности, которой она старалась
принять на себя. Изящная одежда обличала ея богатое со-
стояніе. Хорошенькая прислужница, ваятая вмѣстѣ съ нею
въ пѣльнѣ, не отходила отъ своей госпожи и казалась не ме-
нѣе встревоженною.

— Сударыня, сказалъ Сурбано съ обыкновенною любезностью
Касталияцца, которая отзывалась однако жъ суровостью
солдата: успокойтесь; здесь сохранять къ вамъ должно
уваженіе, и, если ваши родные внесутъ положеиный выкупъ,
вы свободны.

— Да благословитъ васъ Богъ! сказала дама отирая глаза
пальцами, мокрыми отъ слезъ. Я уларена, вѣселящаяся малъ-
бальною княжичкою. Я дочь графа вассъ Дуринейна. Родные
мои не вѣдаютъ моего выкупа. Я стала своей замкомъ,
но сейчасъ безопасна въ вѣстѣ пребыванія. Я потому
рѣшилась бѣдою сегодня утромъ перебраться къ ближайшій го-

реду, вовсе не полагая, что война не пощадитъ и слабыхъ женщинъ.

Объявленіи на этомъ и кончилось: капитанъ не былъ разговорчивъ, особенно въ присутствіи солдатъ. Графиня Маргарита Дургеимъ вела жизнь весьма уединенную; несмотря однако жъ на это, капитанъ каждый день находилъ случай, или поклониться ей, или поговорить съ нею. Трудность сношенія съ осажденнымъ замкомъ не позволяла еще семейству графини отвѣчать на ея письма: это приводило къ отчаянію блдую пльницю; грусть ея имѣла въ себя что-то поэтическое и дѣлала ее еще привлекательнѣе. Владѣя хорошо испанскимъ языкомъ, она придавала ему особенную прелесть своимъ иностраннымъ выговоромъ. По вечерамъ Маргарита выходила на балконъ и, сопровождая себя на мандолинѣ, подаренной капитаномъ, пѣла аріи какъ въ прежнія счастливыя времена. Тротательный, меланхолическій голосъ ея проникалъ даже въ грубыя души солдатъ.

Послѣ выполненія обязанностей по службѣ, капитанъ обыкновенно уходилъ въ свою комнату, которая была по-сосѣдству съ комнатою графини. Привыкнувъ къ прекрасной своей пльницѣ, донъ-Рамиро осмѣлился наконецъ попросить позволенія бывать у нея. Маргарита не могла же отказать снисходительному победителю: на первый разъ донъ-Рамиро провелъ не болѣе полу-часа съ графиниою; на другой день онъ уже пробылъ у ней цѣлый часъ, а спустя два дня остался уже и на цѣлый вечеръ.

Сурбано не зналъ тайнъ тонкой свѣтской любезности, которую дамы цѣнятъ такъ высоко. Онъ говорилъ просто, говорилъ, не затверженные рчи, а то, что вливалось ему сердце, и высказывалъ себя съ откровенностью солдата. Безотчетное чувство влекло его къ Маргаритѣ: онъ удивлялся ея красотѣ, какъ удивлялся бы прекрасной картиной Сальватора Россы или Мурильо; слушая ее, онъ не столько обращалъ вниманія на слова, сколько восхищался ея голосомъ. Онъ даже не старался скрывать своего удивленія, не воображалъ, чтобы это была любовь, пересталъ считать Маргариту врагомъ своего отечества, и не могъ не свободить ей всѣхъ своихъ воспоминаній. Дѣлательность

его къ графинѣ простудилась до такой степени, что она не считала даже за нужное распечатывать письма, которыя она писала къ роднымъ. Между-тѣмъ, уже въ многихъ стычкахъ, донъ-Рамиро протерпѣлъ поражение, и онъ все-еще не объяснялъ себя, какимъ образомъ одерживала верхъ надъ опытными войсками толпа людей, не привыкшихъ къ военному дѣлу и притомъ худо вооруженныхъ. Пытался ли гарнизонъ замку сдѣлать вылазку, — Фламандцы всегда были готовы къ оборонѣ, какъ-будто заранее извѣщенные объ опасности; располагались ли осажденные на короткій отдыхъ, — осаждающіе тотчасъ пускались на приступъ... Капитанъ повѣрялъ свои печали графинѣ, и Маргарита признавалась, что если она и не столько какъ капитанъ сокрушается объ успѣхъ оружія своихъ соотечественниковъ, однако жъ принимаетъ большое участіе въ его горести. Рамиро искренно цѣнилъ такую милую откровенность, и вовсе не замѣчалъ неудовольствія гарнизона, который жаловался и осуждалъ начальника за тѣсныя сношенія съ женщиной противной партіи и за нерадѣніе къ обязанностямъ службы.

Разъ, обойдя укрѣпленія, капитанъ въ раздумь возвращался домой, повѣся голову. Вдругъ попадается ему на встрѣчу Бригитта.

— Что ты, Бригитта, не за мной ли?

— Тотно такъ, только барыня объ этомъ не знаетъ, и можетъ-быть не расположена сегодня принимать гостей. Она нездорова.

— Нездорова? Сейчасъ буду.... Что жъ ты раньше не сказала?.... Въ нашемъ замкѣ ничего не достанемъ.

Графиня Маргарита сидѣла небрежно въ креслахъ; при входѣ капитана, она томно привохла; улыбка слегка коснулась ея прелестнаго ротика и ободрила донъ-Рамиро. Онъ бросился передъ ней на колѣны и спросилъ трогательнымъ голосомъ:

— Вы страдаете, графиня?

— Нѣтъ!.... теперь нѣтъ.

— Теперь?.... Боже!.... возможно ли?....

— Что съ вами, сеньоръ?

— Если бы слово, замирающее каждый разъ на дѣлѣ

моемъ, отоввалося въ вашемъ сердцѣ.... Я люблю васъ, графиня!.... простите меня!

— Охотно прощаю.

— Да благословить васъ небо, милая Маргарита! Однако жъ между нами бездна... Отечества наши въ непримиримой враждѣ: я подданный короля испанскаго; вы.....

— Такъ что жъ? съ гордостью возразила Маргарита, нахмуривъ бровки: развѣ я не властна располагать собою! Я богата, я вдова, и никому не обязана отчетомъ.... и если получу свободу отъ руки донъ-Рамиро....

— Свободу?.... Да!.... Но тогда я умру отъ грусти.

— Нѣтъ, вы не умрете. Я надѣюсь, что уже скоро эта бѣдная страна дождетса радостныхъ дней и битвы смятса праздниками.

— Послушайте, графиня: лишь-только удастся мнѣ заставить эту сволочь снять осаду, даю вамъ слово, тотчасъ же сажусь на коня и провожу васъ въ безопасное мѣсто.

— Благодарю, милый донъ-Рамиро. Вы благородны и добры. Хотите ли подарить мнѣ завтрашній вечеръ?

— Завтра я очень занятъ.

— Однако жъ не столько, чтобъ отказать мнѣ въ этомъ удовольствіи? Я намѣрена сыграть съ вами въ шахматы..

— Что за дѣтская прихоть!

— Разбить васъ на-голову и отнять весь оружія.

— Вамъ я готовъ проигрывать, лишь-бы прогнать настоящихъ непріятелей.... Быть такъ! завтра я весь къ вашимъ услугамъ.

— Завтра?.... Смотрите же!

Донъ-Рамиро ушелъ; сердце его было исполнено радостныхъ ощущений. Только-что возвратился онъ къ себѣ, какъ одинъ изъ офицеровъ посвященно вошелъ въ комнату и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Они заперли дверь, и разговоръ ихъ продолжался нѣсколько времени; послѣ чего въ крѣпости все пришло въ движеніе и приняты мѣры осторожности.

На другой день, около шести часовъ вечера, донъ-Раириро явился къ графинѣ, вооруженный съ головы до ногъ, какъ-будто сейчасъ съ поля битвы или готовится къ бою.

— Что это? съ удивленіемъ спросила графиня: развѣ для партіи въ шахматы нуженъ этотъ военный нарядъ?

— Конечно, сеньора, важно отвѣчалъ Испанецъ: приличнѣе было бы явиться къ вамъ въ щегольскомъ нарядѣ, въ шелковой или бархатной мантии: но... что жъ дѣлать?... въ военное время случается имѣть часъ отдохновенія, но нельзя и думать о совершенномъ спокойствіи. Надобно быть всегда готовымъ жертвовать жизнью.... а предполагается, что жизнь чего-нибудь да стоить.

— Боже мой, какое грустное расположеніе духа! Надѣюсь, однако жъ, что оно не продолжится. Вамъ надобно быть внимательнымъ. Я, правда, хочу обыграть васъ, но обыграть не на-вѣрную.

— Вы, кажется, очень желаете выиграть?

— Какъ-нельзя болѣе; тутъ дѣло идетъ на честь.

— На честь? Это ужъ не шутка!.... Въ такомъ случаѣ, я долженъ взять предосторожности, чтобъ не даромъ отдаться въ плѣнъ.

— Начнемте же.

Бригитта приготовила столъ, и игра началась.

Внимательный наблюдатель легко могъ бы замѣтить, что капитанъ Сурбано былъ чрезвычайно разстроены и особенно чѣмъ-то занятъ: судорожно схватывалъ онъ шашки и передвигалъ ихъ на шахматной доскѣ. Взглядъ его, прежде, бывало, постоянно и невольно устремленный на обворожительную графиню, теперь быстро отъ нея отвращался. Казалось, будто прекрасное лицо этой женщины потеряло для Рамиро всю свою прелесть, и что присутствіе Маргариты производитъ въ немъ такое дѣйствіе, какое испытываютъ при видѣ опаснаго и вреднаго существа. На вопросы ея онъ отвѣчалъ коротко и съ какимъ-то замѣшательствомъ. Несмотря на это, игра продолжалась для обонхъ игроковъ съ одинаковымъ счастьемъ, какъ вдругъ донъ-Рамиро вскочилъ и закричалъ:

— Вы ничего не слышите?

— Ничего, отвѣчала графиня съ улыбкою. Все тихо...., только ваше сердце не спокойно. Думайте о томъ какъ бы лучше защищаться: не ждите отъ меня пощады.

— Постараюсь, сеньора, не имѣть нужды въ вашей пощады.

Игра снова началась. Внезапно зала осветилась яркимъ свѣтомъ и вслѣдъ за тѣмъ послышались три пушечные выстрѣла. Донъ-Рамиро быстро вскочилъ со стула и, обратясь къ графинѣ, сказалъ:

— Сеньора, вы проиграли бы партію, потому что вчера вечеромъ я узналъ вашу методу и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія чтобъ отразить рѣшительное нападеніе: вы хотѣли захватить меня врасплохъ, вы хотѣли.... бездѣлицы: моего безчестія и моей смерти. Надѣюсь, однако жъ, что желанія ваши не сбудутся. Измѣнники, пославшіе васъ сюда, не будутъ имѣть случая поздравить васъ съ успѣхомъ.

Спустя часъ послѣ этого разговору, солдаты внесли донъ Рамиро почти безъ чувствъ: послѣдній ружейный выстрѣлъ бѣжавшихъ Фламандцевъ ранилъ храбраго капитана. Кровь струилась по прекрасному лицу Испанца, но грусть еще сильнѣе страданій отражалась въ чертахъ его. Онъ приказалъ позвать графиню: она вошла въ сильномъ волненіи. Рамиро не захотѣлъ бросить на нее ни одного взгляда, и только тихимъ голосомъ сказалъ:

— Вы свободны и можете взять конвой, который проводить васъ, куда вамъ нужно.... Противъ вашего ожиданія, мы остались побѣдителями. Быть-можетъ это будетъ мнѣ стоить жизни... но что до этого!... жизнь моя разочарована.

— Донъ Рамиро!.... вскричала Маргарита, заливаясь слезами.

— Довольно, сеньора; я васъ не удерживаю.

Графиню вынесли безъ чувствъ.

Черезъ годъ послѣ этого происшествія, въ одномъ старинномъ замкѣ, въ окрестностяхъ Мадрида, жилъ молодой идалго. Раннія горести, казалось, осудили его на совершенное отшельничество. Погруженный въ молчаніе, убѣгая всякаго сообщества, всегда одинъ со старымъ своимъ слугителемъ, онъ сдружился съ печальною и строгою жизнью. Судя по воинственному виду отшельника, можно было заключить, что онъ — безвременная жертва непрерывныхъ войнъ того времени. Случалось, что онъ негодовалъ иногда на себя за невольное бездѣйствіе; но эти порывы къ дѣятельности были чрезвычайно рѣдки. Замокъ его былъ одинаково открытъ для богатыхъ путешественниковъ и

для бѣдныхъ странниковъ, Гостепріимство его не знало, ни границы, ни различія состояній.

Въ одну ненастную ночь сильно позвонили у воротъ. Варный Антонио, старый слуга дадалго, доспашиль опустить подъемный мостъ. Явился двѣ женщины на лошакахъ, тщательно окутанныя вояжами; дрожащимъ голосомъ просили оны позволенія переночевать, и тотчасъ были впущены.... Старый служитель отвелъ двумъ странницамъ комнату близъ домовою церкви. Сильно дулъ вѣтеръ; дождь лилъ ливнемъ; раскаты грома страшно вторились эхомъ горъ: нельзя было уснуть ни на минуту.

Одна изъ женщинъ, прибывшихъ въ замокъ, тихо пошла въ церковь, и, преклонивъ колѣна у иконы, передъ которою теплилась лампада, молилась голосомъ, прерывающимся отъ рыданій:

— Боже! Ты читаешь въ душѣ моеѣ. Ты знаешь, яже раскаяніе и слезы мои чистосердечны. Завтра мнѣ, бѣдной странницѣ, надобно снова въ путь.... и я не увижу донъ Рамиро!... Осмѣлюсь ли показаться ему.... ему, котораго едва не погубила.... Я задуталась въ свѣтахъ, которыя готовила ему.... Но если Рамиро страдалъ черезъ меня, теперь я страдаю изъ-за него!....

Въ церкви послышится глухой стонъ. Испуганная путешественница обернулась и устремила взоръ на приближающагося челоуька. Челоуькъ этотъ взялъ ее за руку и сказалъ: — Я прощаю тебя!

— О небо! вскричала она: это ты, мой милый!.... и ты не презираешь меня?....

— Могу ли презирать тебя, Маргарита; я вижу твои слезы.

— О! я все, все для тебя оставила.... Покинешь ли бѣдную женщину, которая въ тебѣ одномъ полагаетъ все свое счастье?

— Завтра узнаешь мои намѣренія.... Иди въ свою комнату и успокойся.

На другой день церковной колоколь призвавъ вассаловъ докъ Рамиро къ торжественной церемоніи. Чистое небо покрылось снѣго-голубою дымкою. Маргарита, не зная чему приписать всеобщее движеніе въ замкѣ, предавалась силь-

тому безпокойству. Но, вотъ, вошелъ Рамиро, великолѣпно одѣтый; красивый нарядъ выказывалъ всю прелесть его стану; на лицѣ сіяла радость.

— Что жъ, прекрасная невѣста? сказалъ онъ: вы еще не готовы съзвать за мною въ церковь?....

— Ваша невѣста?.... я?... прошептала графиня. Такъ это были праздничныя приготовленія?

— Приготовленія къ нашей свадьбѣ. Дайте руку.... Мы будемъ счастливы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Новыя плоды парижскаго драматическаго генія не представляютъ на этотъ равъ ровно ничего замѣчательнаго: посредственность посредственностей, и всякая посредственность, что равнозначительно послѣдней степени скуки. Исключеніе составляетъ можетъ-быть одинъ только общій литературно-музыкальскій подвигъ Галеви и Скриба, —

1. *Le Guitarrero, Гитаристъ*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова господина Скриба, музыка Галеви.

Содержаніе либретто много напоминаетъ «Руи-Бласа» Виктора Гюгѣ, но дѣйствіе происходитъ, не въ Испаніи, а въ Португаліи. Если вамъ угодно, мы можемъ «пройти молчаніемъ» это содержаніе, тѣмъ болѣе что, при хорошей музыкѣ, никто, исключая однихъ литераторовъ, судей весьма придирчивыхъ и ненадежныхъ, не спрашиваетъ о поэтѣ и его твореніи. Но умолчать никакъ нельзя того, что музыка этой оперы одержала блистательную побѣду въ Парижѣ. Галеви, говорятъ, показалъ себя, въ новомъ твореніи, истинно искуснымъ и ученымъ гармонистомъ со счастливыми мелодическими вдохновеніями. Исключая «Гитариста», едва ли стѣбитъ, въ масляницу, утруждать вниманіе ваше, устремленное къ блинамъ, обзорніемъ другихъ драматическихъ новостей. Кто захочетъ оставить ихъ для такого водевиля, какъ напримѣръ, —

2. *Madame de Croustignac*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ *Mélesville'a* и *Carrouche'a*, —

Въ которомъ, какъ въ тысячу другихъ водевилей, богатый дядя хочетъ принудить вѣтреника-племянника жениться на молодой богатой прекрасной женщинѣ, племянникъ

упрямиться, дядя грозитъ лишеніемъ наслѣдства, и наконецъ племянникъ, съ горя, женится на сказанной молодой, богатой и прекрасной женщины, чтобы быть счастливымъ въ угожденіе дядѣ и самому себѣ; или какъ —

3. *Le Gamin de Londres*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господь *Théaulon'a* и *Gabriel'a*, —

Въ которомъ молодой работникъ одного каретнаго мастера вдругъ превращается въ сына лорда Бедфорта, получаетъ университетское образованіе, знатность, слугъ, лошадей, кареты, и, презирая всѣ эти мелочи, хочетъ непременно опять быть каретникомъ; а когда ему не удастся достигнуть столь высокаго званія, то онъ, на зло его милости своему высокородному батюшкѣ и всей палатѣ перовъ, женится по крайней-мѣрѣ на тратктирной работницѣ Нелли, чтобы не унижить себя въ собственныхъ глазахъ своихъ союзомъ съ какою-нибудь герцогинею; или какъ —

4. *Le Tailleur de la Cité*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господь *Saintine'a*, *Masson'a* и *Lafitte'a*, —

Въ которомъ такое же несчастное приключеніе случается съ молодымъ подмастерьемъ одного лондонскаго портнаго: но тотъ показываетъ себя еще выше молодаго каретника, — рѣшительно отказывается отъ чести быть сыномъ лорда Клерендона, и благородно остается портнымъ, чтобы шить на своего отца и жениться на дочери своего мастера; или какъ —

5. *L'Abbé galant*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господь *Laurencin* и *Clairville'a*, —

Въ которомъ два семинариста идутъ въ театръ, въ стулья, со стульевъ за кулисы, изъ-за кулисовъ еще далѣе, такъ далеко, что одинъ изъ нихъ дѣлается актеромъ; или какъ —

6. *Le Liège et l'orgneau*, водевилъ въ одномъ актѣ, господь *Labiohe* и *Lefranc'a*, —

Въ которомъ два молодыхъ челоька, мосьѣ Эженъ и мосьѣ Каталанъ, имѣютъ счастье возбудить страстную любовь въ двухъ слабыхъ существахъ, нуждающихся въ подпорѣ и защитѣ, — одинъ въ мамзель Зефиринъ, другой въ мамзель Жюльеттѣ, — и эти двѣ нѣжныя ветки, два стебелька беззащитнаго плющу, который долженъ обвитья вокругъ дерева или погибнуть, такъ плотно и крѣпко обвиваютъ ихъ.

что мосье Эженъ съ трудомъ вынужденъ былъ доложить де-ней, божавъ и пропанъ безъ вѣсти, а мосье Каталанъ по-годъ на долъ брани: должны были жоняться на своей Жюльеттѣ; или какъ —

7. *Les Vieilles amours*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, госпо-дъ *Davrecourt* и *Arvers*, —

Въ которомъ та же исторія происходитъ съ однимъ важ-нымъ помощникомъ прокурора, некогда беззаботнымъ сту-дентомъ правъ и счастливымъ обожателемъ мамзель Нини, своей сосѣдки по чердаку; или какъ —

8. *Le Père Marcel*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, госпо-дина *Ancelot*, —

Въ которомъ рѣченный господинъ *Ancelot* былъ осви-станъ, но его великодушная супруга, — великая женщина!... женщина, какой нѣтъ примѣру во всей исторіи! — тогда какъ партеръ освиствывалъ мужа и только немногіе неловкіе друзья, среди шуму, кричали «Автора!», благородно рѣ-шилась принести себя въ жертву для спасенія водевильной чести своего знаменитаго сожителя и приехала объявить себя сочинительницею скучной пьесы; или какъ —

9. *La Descente de la Courtille*, водевилъ въ двухъ дѣй-ствіяхъ, госпо-дъ *Dumersan* и *Duranty*, —

Въ которомъ изображается мыщанскій балъ, въ пятомъ этажѣ, у купца третьей гильдіи, торгующаго цинкомъ; или какъ —

10. *Masaroni*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, госпо-дъ *Cog-dier* и *Varin*, —

Въ которомъ даже ничего не изображается,

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Великое собы-тіе! Французы, которые столько смеялись надъ эпопеей, дождались своего Данта, въ лицѣ господина *Soumet*. Онъ написалъ большую и, какъ говорятъ, удивительную, поэму подъ заглавіемъ «*La Divine épopée*».

— Новый романъ Жоржа Санда называется «*Le Compagnon du tour en France*». Часть его была напечатана не-давно въ журналѣ *Revue des deux mondes*. Парижскіе кри-тики предвѣщаютъ вельюдумной сочинительницею по это-му роману, что она на старости лѣтъ съдѣлается ханжой.

Изданныя недавно въ Парижѣ «Письма госпожи Roland къ дѣвушкамъ Сиппетъ» составляютъ болѣе занимательную чѣмъ любопытную книгу; они писаны ею еще до замужства къ двумъ полругамъ юности: это откровенныя и часто очень милыя изліянія чувствъ и мыслей умной молодой дѣвушки, у которой воображеніе все поглощаетъ, и которая, какъ это всегда случается съ слишкомъ умными дѣвушками, чувствуетъ головою, а разсуждаетъ сердцемъ: плохое чувство, и плохое разсужденіе, но они нравятся читателю по своей новости.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ. Въ 1837 году недавно было безымянно въ Лондонѣ сочиненіе подъ заглавіемъ «Diary of the times of George the Fourth», которое надѣлало много шуму въ свѣтъ и въ журналахъ. Вся кричали противъ несправедливости этого собранія сплетней и анекдотовъ столь близкаго къ намъ времени: всякой брани сочиненіе и его неизвѣстнаго автора, защищая своихъ друзей и знакомыхъ обоаго пола, окомпрометированныхъ подобными разсказами. Сначала хотѣли приписать эту книгу леди Блессингтонъ; потомъ стали называть ея сочинительницею леди Charlotte Bury, сестру герцога Аргайля, известную и даровитую писательницу. Но вдругъ явилось второе изданіе, съ предисловіемъ какого-то мистера Джона Galt'a, который называлъ себя авторомъ книги и принималъ всю за нее отвѣтственность. Шумъ нѣсколько поутихъ: но надобно же было мистеру Джону Galt'у умереть въ концѣ прошедшаго года! Сыновья его теперь объявляютъ въ газетахъ, что имъ очень прискорбно видѣть имя своего отца на столь предосудительномъ сочиненіи, и они спѣшатъ извѣстить публику, что покойный отецъ ихъ только по добротѣ сердца и изъ угожденія согласился выставить свое имя на второмъ изданіи книги, которой онъ никогда не былъ сочинителемъ. Сыновья господина Galt'a утверждаютъ, будто она дѣйствительно плодъ пера скромной леди Charlotte Bury, присовокупляя, что они имѣютъ въ рукахъ своихъ доказательства этого. Леди Charlotte Bury отрекается. Споры о сочинителѣ, и брань на книгу, возобновились съ прежнимъ жаромъ.

— Князь Александръ Лобановъ, который въ прошломъ году издалъ въ Парижѣ «Lettres inédites de Marie Stuart, accompagnées de diverses dépêches et instructions», неограничился этимъ первымъ приношеніемъ на пользу исторіи: онъ дѣятельно продолжалъ свои изслѣдованія во Франціи и Англии, и успѣлъ собрать не менѣе шести сотъ сорока пяти писемъ Маріи Стюартъ, которыя намѣренъ издать втеченіи нынѣшняго года. Въ этомъ числѣ находятся 444 писемъ и бумагъ, писанныхъ по-французски, 190 по-англійски, 8 по-латыни и 3 по-италіански.

— Капитанъ Basil Hall издалъ новое сочиненіе подъ названіемъ «Ratchwork»: это наблюденія безработнаго путешественника и вмѣстѣ ученаго наблюдателя въ Швейцаріи, Италіи, Сициліи и Франціи.

— Новый романъ капитана Мариетта называется «Poor Jack»; новый романъ Болдвера — «Night and Morning».

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ ГЕРМАНИИ. Въ Альтонѣ издали «Rosa Maria's poetischer Nachlass», писательницы съ примѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, давно уже известной въ немецкой литературѣ. Настоящая фанція ея по мужъ—Ассингъ. Она—дочь известнаго Фарнгагена фонъ-Энзе и была другомъ Шамиссо, Уланда и Кернера.

— Новое твореніе Тика, «Vittoria Assogombona», пользуется въ эту минуту необычайнымъ успѣхомъ во всей Германіи: втеченіи трехъ мѣсяцевъ оно достигло втораго изданія: это — поэтический романъ въ пяти «книгахъ».

— Мы должны обратить вниманіе любителей статистики на превосходную книгу, которой первый томъ вышелъ еще въ 1839 году, но которая и до-сихъ-поръ очень мало известна въ Россіи, а именно, на «Die Bevölkerung des preussischen Staates», И. Г. Гофманна: это — образецъ подобнаго роду сочиненій, и заслуживаетъ найти у насъ трудолюбивыхъ подражателей.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ музыкальномъ мірѣ много говорятъ, и всѣ вообще отзываются съ величайшею похвалою, о новой большой симфоніи, разыгранной недавно съ полнымъ оркестромъ въ собраніи здѣшняго Филармоническаго общества.

ческаго Общества, — творени, не артиста, но одного молодого любителя, живущаго въ свѣтъ и не уступающаго въ искусствѣ и наукѣ артистамъ и композиторамъ по званію. Авторъ этой симфоніи былъ извѣстенъ досель какъ одинъ изъ первыхъ исполнительныхъ талантовъ на скрышкѣ между здѣшними музыкантами-любителями и какъ сочинитель многихъ прелестныхъ варіацій, фантазій и романсовъ, но эту прекрасную симфоніей, оркестрованную съ большимъ знаніемъ дѣла и искусствомъ, онъ занялъ почетное мѣсто между важными композиторами.

— Віѣ-Танъ находится теперь въ Парижѣ : онъ игралъ въ тамошней консерваторіи свой концертъ-симфонію, написанный здѣсь въ Петербургѣ, и возбудилъ общій восторгъ, и своей игрою, и этимъ сочиненіемъ. Берлідъ, въ Revue musicale, удивляясь чудесному исполненію, но упрекая его однако жъ въ нѣкоторой холодности, пишетъ о самомъ твореніи : «Инструментовка, истинно достойная великаго мастера, изумила всѣхъ; послѣдняя часть концерта, слишкомъ хорошая и поразительная для рондо, исполнена подробностей рѣдчайшей замысловатости и въ высшей степени необыкновенныхъ. Этотъ концертъ *составитъ эпоху*: едва ли что-нибудь подобное произвело искусство со времени величественныхъ помысловъ Паганини.»

— Тѣ, которые состоятъ въ перепискѣ съ Листомъ, продолжаютъ утверждать, что онъ будетъ сюда въ мартѣ. Между тѣмъ, по словамъ парижскихъ музыкальныхъ газетъ, онъ долженъ былъ возвратиться изъ Германіи въ Парижъ въ исходѣ января. Въ Гамбургѣ онъ произвелъ своей игрою непоправимый восторгъ : расчетливые сыны Ганзы до того разгорячились, что его лондонскій зраръ, продававшійся съ аукціону, вогнали въ смѣшную цѣну шести тысячъ рублей серебромъ. Больше шести сотъ челоувѣкъ добивались счастья обладать разбитымъ инструментомъ, и счастливецъ остался одинъ трактирщикъ.

НОВЫЯ БНИГИ.

Французскія.

HISTOIRE DE SAINT-BERNARD, par *Théodore Ratisbonne*. 2 vol. 5 fr.
DE LA THÉLÉGRAPHIE DE JOUR ET DE NUIT, par le docteur *Jules Guyot*. 1 vol. 7 fr.

LA DIVINE ÉPOPÉE, Par, *Alexandre Soumet*. 2 vol. 15 fr.
OLÉAN, roman poétique. 1 vol. 7 fr. 50 c.
ELIZA DE RHODES, roman, par *Amédée Duquesnel*, 2 vol. 15 f.
LA PEAU DU LION, et *La Chasse aux amans*, par *Charles Bernard*.
 1 vol. 15 fr.

Англійскія.

MEMOIRS OF THE RIGHT HONOURABLE WARREN HASTINGS, late gover-
 nor-general of India, including his journals and letters. By the rev-
 -*erend G. R. Oslig*. 2 vols.
PATCHWORK. By captain *Basil Hall*. 3 vols.

**THE DRAMATIC WORKS OF Wycherley, Congreve, Vanbrugh, and Far-
 quhar**, with biographical and critical notices. By *Leigh Hunt*. 1 vol.
NIGHT AND MORNING, A romance. By *E. L. Bulwer*, 3 vols.
POOR JACK. By captain *Marryat*. 1 vol.
LONGBEARD, lord of London. A romance. 3 vols.

Нѣмецкія.

GESCHICHTE DES OSMANISCHEN REICHES in Europa, von *J. W. Zink-
 eisen*. Hamburg. 1 Theil.

- KRITIK DER QUELLEN** für Geschichte Heinrichs des VII, des Luxemburgers, von Dr *W. Dönniges*. Berlin. 1 Bd.
- HEGEL, SCHUBARTH, und die Idee der Persönlichkeit in ihrem Verhältnis zur preussischen Monarchie.** Von Dr *Immanuel Ogienski*. 1 Bd.
- VERSUCH EINER VOLLSTÄNDIGEN THIERSEELEN-KUNDE.** Von Prof. *P. Scheitlin*. Stuttgart. 2 Bde.
- SCHRIFTEN zur allgemeinen Erdkunde,** von Dr *Georg Ludwig Krieger*. Leipzig. 1 Bd.
- REISEN UND FORSCHUNGEN in Griechenland,** von *H. N. Ulrichs*. Berlin. 1 Bd.

- VITTORIA ACCOROMBONA.** Ein Roman in fünf Büchern. Von *Ludwig Tieck*. Breslau. 2 Bde.
- GESCHICHTE DER DRAMATISCHEN DICHTKUNST DER HELLENEN bis auf Alexander den Grossen.** III-ter Bd. II-te Abth. — Komödien. — Von *G. H. Bode*. Leipzig.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

- AUBEL.** Contredanse française sur des motifs du *Lac des Fées* (58 cop. arg.).
- AULAGNIER.** Recréation enfantines, fantaisies et airs variés très-faciles pour le pianoforte. oeuvre 38. — Fantaisie sur l'*Elisire d'amore* et Valse de Gallenberg variée. — Fantaisie sur la Cachucha et air de la *Straniera* varié. — Fantaisie sur la *Norma* et air des *Montecchi e Capuletti*, varié (à 71 cop. arg.).
- ВОЛКЪ.** Варламовъ вальсъ, составленный изъ лучшихъ пьесъ и романсовъ Варламова (1 руб. сер.).
- СНОРИНЪ.** Deux polonaises; oeuvre 40 (1 rb. 42 cop. arg.).
- СЕРНЫ.** Six rondos instructifs et agréables à l'usage des élèves avancés de la jeunesse; oeuvre 505; numéros 1, 2, 3, 4, 5, 6 (à 58 cop. arg.).
- Т, XLIX. — Отд. VII.**

10 1/2

- ДОМИЕР.** Trois rondes sur des motifs de l'opéra : *Les Martyres*; numéros 1, 2, 3 (à 1 rb. 15 cop. arg.).
- ДУВАНЮТ.** Trois airs variés et trois rondes sur des motifs favoris de Rossini, Bellini et Donizetti; oeuvre 97; numéros 1, 2, 3 (à 85 cop. arg.).
- ГРЕСА.** Deux nocturnes pour le piano; oeuvre 10 (1 rb. 15 cop. arg.).
- GALLER.** Quatrième contredanse française et une valse (71 cop. arg.).
- ГАНЬКА.** ПѢСНИ ИЛЬМИНИНЫ, ИЗЪ ТРАГЕДІИ *Князь Холмскій* (40 к. сер.). — *СОНЪ РАХИИ.* Изъ трагедіи *Князь Холмскій* (75 коп. сер.).
- КАРРЕТТЕР.** Dagnettotype du *Lac des Fées*; morceaux de salon (58 cop. arg.).
- КРЕВС.** Die Heimath. Lied für Sopran oder Tenor (58 Kop. Silb.); für Alt oder Bariton (58 Kop. Silb.). — *Das Sträusschen.* Lied für Sopran oder Tenor (58 Kop. Silb.); für Alt oder Bariton (58 Kop. Silb.). — *Seemanns Liebchen,* für eine Sopran- oder Tenor-Stimme, mit Begleitung des Pianoforte und des Violoncelles (1 Rb. 70 Kop. Silb.).
- КУЕСКЕН.** Sonates; oeuvre 16; numéros 1, 2; pour piano et violon (à 2 rb. arg.); les mêmes pour piano et flûte (à 2 rb. arg.); pour piano et violoncelle (à 2 rb. arg.).
- MARKS.** Potpourri sur des motifs de l'opéra : *Parisina*, de Donizetti, pour le piano à quatre mains; oeuvre 79 (2 rb. 28 cop. arg.).
- НАМЫШЕВСКІЙ.** Недовѣрчивость, романсъ на новый годъ. Слова Ильямова (75 коп. сер.).
- REISSIGER.** Lièder ohne Worte, für das Pianoforte allein übertragen. Heft 2 (86 Kop. Silb.).
- ROSENHAIN.** Fantaisie pour le piano sur des thèmes de l'opéra : *Les Puritains*, de Bellini; oeuvre 22 (1 rb. 43 cop. arg.).
- RUMMEL.** Dix airs favoris de l'opéra : *The Gipsy's warning*, de Benedict, arrangés facilement pour le piano (1 rb. arg.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальных магазинахъ «Олеона», на углу Большой Морской и Герцезкой, въ домѣ Штрука, № 114, и на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Имя, въ домѣ Вальсгарда, № 47.)

ОБЪЕДИНЕННЫЕ

СОРОКЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Кладъ души. <i>П. Ершова</i>	5.
Цветы. <i>Н. Грекова</i>	8.
Зимній вечеръ. <i>П. Ершова</i>	10.
Вдова и подьячій. Провинціальная сцена. <i>Н. А.</i>	11.
Стихъ. <i>В. Бенедиктова</i>	93.
Могилы. <i>Э. Губера</i>	95.
Пустышнику. <i>Аполлона Майкова</i>	96.
Моя просьба. (Подражаніе Горацию.) <i>Кн. Д. Кропоткина</i>	97.
Кладбище. <i>Н. Грекова</i>	98.
Комаръ и Чижъ. Басня. <i>А. Я.</i>	101.
Посвященіе. (Подражаніе Байрону.) <i>Я. Драгоманова</i>	101.
Генію. <i>Я. Драгоманова</i>	103.
Русская красавица. <i>Н. В.</i>	104.
Грусть по родинѣ. <i>Кн. Д. Кропоткина</i>	105.
Цыганкѣ. <i>А. Шидловскаго</i>	106.
Сомнѣніе. <i>Аполлона Майкова</i>	108.

ПРОЗА.

Теофанія Аббаджіо. Повесть. <i>Земиди Р-вой</i> . Часть первая.....	17.
— Часть вторая и послѣдняя.....	109.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Кавалеръ де-Сенъ-Жоржъ. (<i>Le Chevalier de Saint-Georges, par M. Roger de Beauvoir, 4 vol.</i>).....	1.
Альбертина фонъ-Прейсахъ.....	145.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Вильямс и Гартль (Горы Четырехъ) въ своей перепискѣ.....	1.
Опиумъ, Англія и Китай.....	55.
Рафаэль.....	73.

ПРОМЫШЛЕННОВАЯ КАНОНА

ПРОМЫШЛЕННОВАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. Барона О. Б. Унгерн-Штернберга. Чтеніе первое. — I. Происхожденіе овецъ.	1.
— II. Различныя породы овецъ. — III. Исландскія овецъ, или меринось.	1.
— IV. Саксонскіе, или влекторальныя, меринось.	1.
— V. Вилордскія, протыя, и смешанныя породы.	1.
— VI. Вліяніе климата, температуры, мѣстности, корму и содержания на облагоустройство и порчу породъ.	43.

КРИТИКА.

Записки Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ казанской губерніи. Статья вторая и послѣдняя.....	1.
О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Записки Григорія Кошкина. Санктпетербургъ, 1840.....	27.

IV.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Декабрь, 1840. Новые книги.....	1.
Разныя известія.....	18.

Январь, 1841. Новые книги.....	19.
06 — Разныя известія.....	31.
20	31.
23	31.
26	31.
29	31.
31	31.
Озонъ, или начало электрическаго запаха, новое ве- щество, добытое посредствомъ электричества.	
311	1.
Исследования профессора Либиха о приложеніи органи- ческой химіи къ земледѣлю и физиологій.	
1. Новая теорія удобренія земли.....	3.
2. Неорганическія начала растений.....	6.
3. Поглощеніе водорода.....	7.
Статистическія свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи Гол- ландіи.....	8.
Наполеонскій городъ. — Охота за турпанами. Новые путевыя впечатленія Г. Дюма.....	12.
Вечеръ у Гизо.....	16.
Бухгалтеръ-дѣвица. Разсказъ Г. Мюссе.....	23.
Пятно на шляпѣ. Разсказъ господина Массона.....	31.
Французскій театръ въ Парижѣ: La Favorite. Le Comte de Mansfeldt. Ralph le Bandit. Le Docteur de Sainte-Brice. Cicily. Charlot.....	39.
Литературныя новости во Франціи.....	45.
Литературныя новости въ Англіи.....	46.
Литературныя новости въ Германіи.....	46.
Музыкальныя новости.....	47.
Новыя книги. Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.....	48.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	50.
Моды (съ рисунками).....	53.

ФЕВРАЛЬ.

Геологическое образованіе сѣверной и средней Россіи. Исследования господъ Мерчисона и де-Вернейя.	54.
Мамонтъ, убитый американскими индѣйцами.....	55.

Источники Нила	56.
Начало военной службы англійскаго и русскаго фельд- маршала, герцога Веллингтона	62.
Англійская морская исторія, Джемса, и Исторія амери- канскаго флота, Купера	83.
Лига и Гугеноты. Шведскій историческій романъ	96.
Величіе и паденіе молодого Бульбра	102.
Донъ Рамиро Сурбано и графиня Маргарита ванъ- Дуркгеймъ, или Партія въ шахматы,	118.
Французскій театр въ Парижъ : Le Guittarrego, опе- ра въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба, музыка Галеви. Madame de Croustignac, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Le Gamin de Londres, воде- виль. Le Tailleur de la Cité, водевиль. L'Abbé galant, водевиль. Le Liège et l'orgeau, водевиль. Les Vieilles amours, водевиль. Le Père Marcel, водевиль. La Descente de la Courtille, водевиль. Masaroni, водевиль	126.
Литературныя новости во Франціи	128.
Литературныя новости въ Англии	129.
Литературныя новости въ Германіи	130.
Музыкальныя новости	130.
Новыя книги. Французскія. Англійскія. Немецкія	132.
Новыя музыкальныя сочиненія	133.
Моды	135.

